

AnaVi

ЧЕРНАЯ ПРИНЦЕССА:
ИСТОРИЯ РОЗЫ

Часть 2

"Любит. Не любит..."

Не о ромашках... Не о любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

AnaVi

Черная Принцесса: История Розы. Часть 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69273034
SelfPub; 2023*

Аннотация

Продолжение книги "Черная Принцесса: История Розы. Часть 1": Дорогой дневник! Ты как-то мне сказал: «Ты – не бог, чтобы дать кому-то жизнь. Не дьявол и чтобы у кого-то ее отнять». И был прав. Но лишь – отчасти. Ведь я – ангел-демон, провожающий одних к чистилищу, других к небытию. Пока кто-то же, «похожий» на меня, молчаливой тенью творит что-то за мою же спиной, а получаю за это – я. Опять же, если верить Е... му, что сначала ненавидел, а после, будто взглянув иначе – в самое нутро – за что-то и полюбил. Ну, а кто же эта «тьень»? И что ее связывает с... ним? А главное – какова вероятность, что из-за нашей же с ней «похожести», «ненавидел», как и «полюбил», он не меня? Это нам с тобой только лишь предстоит выяснить. Ты же со мной(!)

Содержание

Глава 21	4
Глава 22	80
Глава 23	152
Глава 24	222
Глава 25	315
Глава 26	422
Глава 27	609
Глава 28	679
Глава 29	738
Глава 30	792
Глава 31	889
Глава 32	943

АнаВи

Черная Принцесса: История Розы. Часть 2

Глава 21

****1

– Проходи! – Ответил на «зов» Софии Егор и открыл дверь своей комнаты, «для вида» *впуская* тут же появившуюся из бело-черной дымки посередине нее девушку. И пока та проходила к его кровати, расположенной прямо напротив двери, сделал пару шагов к последней и оказался за ней, как в засаде и западне.

– Так и... В чем суть? – Плюхнулась-таки на кровать София, отмечая про себя, что если где-то претенциозность на цвет-стиль и была в комнатах, то вся она собралась здесь: прямо-таки и во *всех* же оттенках серого. Не считая, правда, стен и потолка: что был натяжным и белым, с холодным, в цвет же него самого, встроенным освещением, а первые – черными и... грифельными; на которых то тут, то там – имелись какие-то белые меловые наброски: строчки и записи, просто надписи... Одним словом: хозяин – *творец!* Ме-

¹ Жизнь (настоящее будущее).

бель же, будто подпевая им и тут же *в тон* общему настроению помещения, целиком и полностью состояла из темного дерева, почти сливаясь с ними и таким же темным ламинатом; выделяясь из всего, разве что, светло- или, соответственно, темно-серой кожей, замшей и своей же все выпуклостью-объемностью. По левую же сторону от двуспальной кровати и небольшой тумбы; коих было две и по обе же стороны от первой – для всякой мелочи: вроде тех же книг и тетрадок, блокнотов и ежедневников с канцелярией, телефона и планшета с зарядниками, но и не для торшеров, ютившихся, в свою очередь, на металлических ножках и под темными же плафонами на стене над ними, стоял шкаф-купе. В конце ее, и тут же «ногах», располагалась узкая, но и при этом же длинная черная банкетка, обтянутая темно-серой замшевой тканью. И если бы не темная, без стеклянных вставок, и в тон же все входной двери в комнату, дверь в ванную – шкаф мог бы занять и всю стену: а так, был «всего лишь» до потолка и в одну часть, пусть и *опять-таки* до середины, стены. По правую же, уже и от них всех, сторону – располагался «рабочий уголок»: из темного деревянного компьютерного стола, непосредственно же самого черного «стационарного» компьютера; состоящего из трех больших, словно телевизоры, изогнутых мониторов, одного и посерединке подвешенного на стену и стоящих двух по бокам, один из которых был еще и перевернут, «системника», компьютерной мыши, клавиатуры; и компьютера поменьше – серого ноутбука с и в цвет

же ему такой же мышью. Рядом к нему был приставлен темный деревянный шкаф с альбомами, книгами, журналами... и прошлыми *личными* «наработками»: во все тех же тетрадах, ежедневниках и блокнотах, что было видно по особой, *внимательной* ухоженности и «сложенности» одних; чуть ли и не по цветовой гамме и алфавиту; и где-то отсутствующим, задвинутым не до конца или сложенным друг на друга другим. Канцелярия здесь же, как и все возможные принадлежности, «приложения» к технике; вроде наушников, переносных зарядок, дисков и прочих проводов; были спрятаны в выдвижные и обычные ящики стола. Напротив же кровати, на стене, висела черная прямо-таки и огромная плазма: приходясь – на большую же ее половину; когда же оставшаяся и краешком – все так же смотрела прямо на и в дверь. Знаменовал же, и тут же высветлял, комнату – белый пластиковый балкон: с окнами до потолка, хоть и не в пол, но и во всю же уже стену, ограниченные широким подоконником и так же все закрываемые черными тяжелыми шторами с двух сторон на ночь и открываемые днем, озаряя всю комнату дневным светом; а заодно и помогая потолку – не уйти окончательно в темень и тень. Минимализм... Как он есть. Как он и был. Но и было бы: с чем сравнивать! Забитыми мастерской и самой комнатой Александра?.. Картинами и статуями. Законченными и не... Частями их. Как, опять же все, думала София, но и была же сама пока – только в первой. Или комнатой Никиты, в которой было... Все. Вот, просто... *Все!* От

красного металлического кольца с белой сеткой для баскетбола до... того самого же подвесного кресла. А где-то между – еще велотренажер, дорожка и... гантели. Пластиковый синий настольный хоккей на металлических ножках. Малый теннис... С зеленым глянцевым деревянным столом, белой сеткой и в цвет же ей разметкой. И бильярдом... Со своим уже черным пластиковым столом, укрытым зеленой тканью: с белой разметкой, черными оборками по краям и лузами в них с такой же, как в теннисе, сеткой... Со светло-коричневыми деревянными киями, разноцветными шарами, под номерами, специальным кубиком-мелом и темно-коричневым деревянным треугольником, для выставления тех же все самых шаров «по форме» на поле. Да... Не было только – большого тенниса и... боулинга. Но и если бы он разобрал вещи по углам!.. Наверное, и его бы – девушка сполна бы оценила. Ведь и яблоку так – негде было упасть; и сельди протиснуться. Поэтому и падал – *он*, и так же протискивался, когда вставал с кровати утром: не с той ноги, а и точнее – *стороны*. Или ночью, перед сном, водицы испить. Или что-то доесть... Просто: квест. Одним словом. А не «творческий беспорядок» и... Двумя. – *Ты стоишь – там. И?.. Что? «Долго»?..*

– Пока *она* ни придет. Ну а *ты*... Приманка. Или *наживка!*.. Как угодно, – указал он на брюнетку своей правой рукой, левой же – на себя. – *Ловушка.*

– Скорее: «ангелоловка», – фыркнула София и упала спи-

ной на постель, заправленную черным ворсистым пледом. – Так приятно это слышать!.. А и особенно – в первый день наших: *как бы э... отношений*. И это я: цитирую. Прямая цитата и... *Полное...* название, – затем скривилась и перевела на парня свой взгляд от потолка. – Мы можем вернуться к тому моменту, где я это произношу... и докидываю до кучи: *подумаю?*

– Как будто бывали и *бывают* моменты, где ты *не* думаешь... – закатил глаза блондин, а затем резко открыл их и воззрился на нее таким улыбоном, что девушка повторила закатывание глаз и отмахнулась от него правой рукой, левую же опустив на живот, понимая, что сейчас будет что-то из его стандартно-нестандартного. – Точно!.. Мы же *его* как раз и ждем. Один из них... А другой, в смеси *краски* и крови, на твоём теле!

– Попрошу!.. – Вновь подняла свою правую руку София, но и уже указательным пальцем вверх, после чего перевернулась правым боком к двери, лежа все так же на спине, чтобы видеть Егора за ней и закинула ноги на квадратные колонны с пиками-треугольниками на концах по краям-бокам и, соответственно, ножкам кровати. – Крови *там* – нет. Ну, может, чуть-чуть. И... *Пара* капель. Си-ня-ки! Синяки, а не... «Кровь».

– Да-да!.. – Охотно покивал ей и в общем Егор. – Лучше скажи это – картине... в мастерской Ксандера. Могла бы не тратить краски, знаешь, а сразу брать с травмирован-

ных мест – и на холст херачить. «Жизнь, как она есть»!.. Во всех красках и оттенках... *Контрастах*. Тонах и полутонах... *Свете* и тенях! Ага. А *тьме* – не хочешь?.. – Прикрыв глаза и откинувшись к потолку, девушка грузно выдохнула и начала считать до десяти, представляя прыгающих через забор... *кроликов!* Эти исчадья ада, с кроваво-красными глазами, не прекращали сниться ей от слова... *совсем*. Полностью перекрыв и заколотив, за- и добив – любовь к этим «пушистикам» напрочь. Как и к медведю!.. Который... То ли перестал помогать. То ли... И выскальзывал из ее рук, падая на пол, а она, в то же самое время и вместо же него, обнимала руками подушку и спала... во всей своей красе. И при *всей* же... красе: *красного* на белом и *белого*... на красном!.. А и особенно – после того, как узнала: *кто* за ним скрывался и... *скрывается*. По сей же день. И если с того, самого первого раза и от-, сначала: это было – даже занимательно. *Интересно*. То после... Эта «крольчачья»... *душа!*.. Начала делиться и... умножаться. Пре-умножаться! *Раз кролик, два кролик...* Альтернатива баранам? А почему бы и нет? Только с каждым разом – их становилось все больше. *И больше!*.. В плане... Они росли: как на дрожжах. Одновременно: в рост и... ширь!.. И начавшись – им. *Одним*. Которого – хватало. И хватало же: *изначально!*.. Закончилось – им же, но... *таким*: чтобы с помощью воображения – его можно было... «разтроить». После чего, и затем, «раздесятерить» и... заставить сгигать через все и ту же самую «деревянную конструкцию»: по-

ка она бы их отстреливала – на жаркое... В прямом смысле. Как в тире!.. *Стреляя*. По фигуркам. *Девять кролик, десять кролик!.. Отлегло*. – Соф... Ну прости! – Как сквозь вату и тут же воду уже даже и прокричал Егор и брюнетка открыла глаза, устремляя свой карий мутный взор на парня. – Не молчи... только. Пожалуйста. Говори и кричи. *Ори!*.. Только: не молчи. – Оказывается, все это время, пока она пыталась не убить его во внешнем мире, пребывая и *убивая* как раз таки во внутреннем, он долбился и прямо-таки *взывал* к ней извне... вовнутрь. И *обратно*. – Не обламывай меня!.. *Повторно*. – Попросил затем, почти и успокоившись, как только увидел хоть какую-то ее реакцию на себя блондин. – Озон, конечно, *озоном*. Но и никогда он... в тишине. И *молчаниш!*.. Душит. Знаешь...

И тут – удивилась уже сама София, а не только ее глаза, только разлепленные-сфокусировавшиеся и уже стремящиеся на лоб; а там – и дальше.

– А... То есть, я теперь еще: и «динамо»? Прекрасно! – Всплеснула руками девушка и злобно прищурилась, поджав губы. – Хотя и *если* так подумать и... до-думать!.. От этой же самой стенки сплясав, которую ты сейчас и подпираешь. Я лежу в *твоей* комнате. На *твоей* кровати... И если кто-то и есть, из нас двоих, *динамо*: то это ты сейчас.

– Оу, это приглашение? – Сменил молебный взор на игривый, как и голос, Егор.

– Это: *предупреждение!* – Выкинула теперь уже и в его

сторону свою правую руку, с поднятым указательным пальцем, брюнетка. – Ты не принял во внимание мою просьбу о шкатулке... со всеми твоими шутками и прибаутками. А я?.. Да. И когда-нибудь, когда она наполнится, я вытрясу и вылью все, что в ней есть, на тебя!.. От широкой души и... *большого сердца*. Просто утоплю тебя в *этом*, Егор! Удавлю. И... Удушю. Без *озона*!..

– Только: асфиксия!.. – Поднял тут же руки, перед ней и собой, в «защитном жесте» парень. – И *только*: сексуальная. Можно: эротическая...

– Да кто *тебя* спрашивать-то будет?!..

Но и не успела София как следует на него в очередной раз наехать, как дверь распахнулась и в комнату буквально и *влетела* Карина. *Благо*, Егор успел поймать деревянный холст своими руками до того, как он прилетел бы ему по лбу; равно как и до того же, как своим громогласным хлопком-ударом – тот уже и успеет напугать шатенку донельзя. А и точнее: раньше, чем и *он* же сам ее – всем своим и *не* сразу; не размениваясь на такие и *не* частности. Хоть и чего произойти было и не должно: ведь они изначально договорились обо всем. Но и кто его, да и *ее*, знал, куда приведет эту самую девчонку ее же специфически-сценическое мастерство: которое она только недавно в себе и открыла. Да и банально – просто решив не рисковать, да и тем более в своей и *своей* же комнатой, как и побыстрее перейти к делу: он начал затем не спеша ее притворять, пока шатенка тяжело дышала

и не сводила взгляда с Софии, стоя перед ней и только готовясь начать размахивать в панике и шоке руками; а там – и *крыльями*.

– Попалась, птичка!.. – Осклабился блондин и только тогда, когда щелкнул замком изнутри, «на всякий случай», подошел к девушке со спины. – Ну привет...

– Егор? – Ахнула от «удивления» она, повернувшись на его голос, после чего перевела непонимающий и встревоженный взгляд на брюнетку, которая и бровью-то особо не повела. Как и не выдавила и не выдавала ничего и никак ей же навстречу. Ни своего страха, ни паники. Ни опасности и ни тем более шока. Да и обе – были хороши!.. Только, вот, одна играла, а вторая – нет. Да и первая – не больно-то и старалась. По сути, она и боялась-то: по-настоящему. Но и не самого парня, как зла и... София. Хотя бы: и недавно. А скорее: как *неизвестность*. И что он мог, вполне и не только в перспективе, с ней сделать. С ней же: самой! Ведь *она* – таила подругу и все, что с ней было, так или иначе, связано. В негативе и позитиве... Чего, и в принципе, не знали ребята. Да и чего уж там: что он сам – мог сделать и с самой же Софией: после всего рассказанного и высказанного в одно время, буквально и всплывшего на поверхность. И... Но в и то же время: *для* нее и... занырнув. Он ведь *плохо* поступал с ней – все это время!.. А куда *еще* могла завести его эта «слепая больная любовь» – ей только предстояло понять и научиться распознавать. Собственно, как и самой же Софии.

Пока же – она просто опасалась за подругу; и вроде как – играла для нее и него. Но на деле: лишь преувеличивала. Выдавая – *насколько* у страха глаза велики. И параллельно: борясь с этим – к нему. Неуверенностью. И страхом, да, пусть и на остатке, но и к неизвестности. К неизведанному и неизвестному. Знал ли он о ней то, что знала она? Слышал ли то, что говорили они, и слышала она? София же, в это самое время, просто улыбалась подруге, сжав кисти рук замком и расположив их на своем животе. Что не успокоило вторую – ни разу. Совершенно. И... Совсем. Ведь это могла быть – и истерика. Только: скрытая. Что – еще хуже. – Соф?.. – Решила вновь начать шатенка, уже с другой, коль и не другого, и тут же возымела эффект.

– Привет, Кари! – Улыбнулась еще шире София. – Как дела? Как жизнь молодая?

– Что ты с ней сделал? – Развернулась она и «впявила» взгляд в парня.

– Я?! – Округлил глаза Егор. – А не ты ли молчала, с ней же, к слову, на пару, о том, что *с ней* сделали? Вы же и *вместе* – сделали: не меньше. А в данном, и конкретном случае, *ты!* Да... Сейчас мы говорим и по-говорим: о тебе. Ставь «заглушку» – разговор предстоит не из быстрых!.. А уж и не из легких и приятных: тем более.

– Не понимаю, о чем ты... – сглотнула девушка, пятясь спиной к кровати и к Софии заодно: как бы и ища поддержки и защиты – от надвигающегося на нее блондина.

Может, она и хотела, была одной из первых, кто узнала и кто тут же захотела рассказать, а не скрывать. Но уж точно не думала, что кандидатом на «тет-а-тет», при прямо-таки и пустом же доме, будет сам Егор; чего она никак не желала и боялась, уже не играя. И да!.. Она знала, что ей придется ответить. И она *ответила* – при всех, еще раз извинившись. Но – там. И без него. И сделала бы – то же самое: с ним; но и будучи со всеми. И пусть с ним даже – наедине, но: со всеми. *Наедине*... со всеми. Зная, что поблизости – кто-то есть. Кто-то, пусть и чуть, но сильнее его. А теперь и здесь – не было никого... подобного; а он – был: перед ней. Как не внушая доверия до, так и не внушая его же... после. Никакого доверия! Как в разумном, так и в эмоциональном планах. Никакого и ни-ког-да. Да. И если даже София уже, в свою очередь, взгляд начала, мало по малу, менять; как сама же Карина поняла, по и той же все расслабленной позе и общению с ним до на кухне, о чем они еще так и не успели поговорить; то она держалась «плотничком» своего взгляда, как и мнения. Которых не могло сломить и переломить – ничто, а уж и тем более *никто*, на противоположную же сторону. Хотя... Что уж и говорить об этом: на фоне готовящейся, *будто* и к нападению, а то и прыжку, позы парня и темных, прямо-таки еще больше и темнеющих зрачков, которые вот-вот готовы был поглотить радужки, а после и глазные яблоки, утопив их всех, все и вся же, в темноте, черноте и тьме... не *ночи*.

– Прекращай!.. – Прорычал Егор и продолжил неумолимо

сокращать между ними расстояние. – Мы тебя сюда не рас-
сусоливать позвали. Было бы оно так – Софи бы не трати-
лась на мысленные пересылки, а голубьями выслала бы тебе
просьбу о встрече. Глядишь, к какому-нибудь «очередному
пришествию» и свиделись бы... Все ты понимаешь! Мы го-
ворим о том, о чем ты была в курсе. И о чем, с сегодняшнего
дня, *так уж вышло*, в курсе и я. Не целиком!.. Без переоде-
ваний на глазах друг у друга, как в случае... с тобой. И не в
полном стриптизе, как в случае уже и *именно* со мной. Но и
этого хватило, знаешь!.. И этого, как о... *казалось*, оказалось
достаточно, чтобы понять: *что* это! И *как*, по левому боку
же, располагается. Как у меня!.. Только: не с одной сторо-
ны. По рукам. Большой части туловища и ног... Но – с гра-
мотным уточнением и звездочкой! – И поднял правую руку
в воздух, словно бы и тем же самым мелом по стенам, вы-
водя каждую букву. – P.S. *Без ран и синяков. Без их транс-*
формации!.. – После чего *отряхнул* руки и уже прямо-таки
и навис над девушкой. – Но я – демон! Ко мне вопросов –
ноль. *Тьма* – мне: присуща! А она... – и с кивка головы, за
шатенку, указал на Софию, – наполовину. И на эту же самую
«половину», к ней же самой, они: есть. Как и к тебе!..

– Опа!.. А что там: за *туловище и ноги*? – Влезла в разго-
вор брюнетка, выглянув уже и сама из-за спины Карины и
пройдясь взглядом по названным частям тела парня.

– Ты и руки целиком не видела, малыш... – усмехнулся
блондин, резко меняя цвет глаз на прежний и как-то даже

расширяясь в спине: сбрасывая напряжение и будто бы расправляя крылья. На что Карина приподняла брови в немом вопросе, но и так и промолчала. Себе дороже!.. Потом спросит. И не у него. И уж что точно, не в близи и при нем. – Что в общем. Что в частности... По частям и отдельным рисункам? Но в *деталях*... *Все будет!*.. *Все еще будет*, но позже. – Пообещал он ей и вернулся взглядом к Карине. Тут же, словно бы и по неслышному щелчку пальцев, возвращая глазам черное марево, а груди – дыру бездны, расширяющуюся с сужением и сжатием ее же, как и напряжением спины. – Разбираем проблемы – по мере их поступления... И сейчас – к нам *поступила* Карина!.. Присаживайся. Сказал же: долго и трудно!.. Да и не забывай, что *в гостях*.

**2

...– Это: не «стриптиз души», парень! Девочка танцует – под покровом ночи. Лишь: под вино. И *только*... в *вир*-ложе. *Исключительно*: для чертей и демонов. Единственно: для дьявола... Ты же – не относишься: ни к тому, ни к другим!.. Извини.

– А «договориться»?..

– Не все в этом мире – крутится вокруг денег. И не все, в этом самом *мире*, готовы и крутятся – вокруг и *ради* них... Есть ценности, не *цена* и цены: не тянущие на дно. И не требующие, как и главное – не *заставляющие* крутиться!.. *Насильно*. Да, бесспорно, ты и я... *мы* все крутимся, так или

² Дневник (прошлое настоящее).

иначе, но... *Иначе!* Только лишь: чтобы жить. Не вы...

– Ве...

– Ве-ртишься?! *Да.* Но и тебя – никто не принуждает. Не ждет этого: с и от тебя!

– Какие именно: *ценности?*

– А есть ли они, и *в принципе*, в тебе? Вот!.. Это уже: другой вопрос. Ответишь и, может, *договоримся.* Хотя... Вряд ли!.. Ты им – не нравишься. Никогда не лезла в политику и экономику... Но «право на неразглашение и объяснение причины отказа» в том или ином, знаешь, приглянулось.

– Кто к ним относится?

– Не *как?*.. Хм. Забавно, что и *именно* ты – это спросил! Важнее-то, как раз таки, кто к ним: *не* относится. Да и может... Они не настолько и «монстры»? А монстры – кто-то вне... Как раз те: кто к ним не относится и хочет договориться!.. И это... Ты. *Да...*

– ...Только демоны имеют право – делать такое и *не* такое! – Вещал Егор уже битых пять, не то и *пятьдесят* пять минут к ряду, будто бы и выступая на кафедре перед двумя нерадивыми студентами. А если и точнее: *студентками.* Что все еще сидели напротив него, на его же кровати с головами, как и взглядами, опущенными к и в пол; и руками, сжатыми меж собой, так еще и между ног. Где и София – по факту, Карина же – для виду. Так еще и влетая, попеременно, в его мысли – фразами: о скором прекращении экзекуции и пере-

ходу к делу. Егор же отбивался – от них и нее тем, что... Чем больше он забьет Софии мозги сейчас, тем легче будет на выходе и выхлопе: она просто устанет и даст все, что им нужно от нее. Ведь и уже – она мысленно о чем-то размышляла, уплывая от сути: смотря в никуда и оглаживая кисть левой руки правой же рукой. Будто бы и между прочим. Но – нет! Пока его же взгляд – был прикован к черной пластиковой поверхности: ее телефону, что торчал из ее же левого переднего кармана штанов и вот-вот готов был выпасть, но как и в случае с автоматом с игрушками – все как-то не то и... не туда. – ...И только им – имеют право *их* делать! *Только* они – имеют право их делать: себе и сами. Но и как же хорошо, что только они имеют возможность – их скрывать. Хотя с тобой – это так себе сработало, Софи!.. – Перешел уже и на личности парень, решив дожать и добить ее – в этом моменте: прекрасно зная, что от частого повтора своего имени – она-то уж точно долго *так* не протянет. Не потому, что не любит... Не *его*. Излишнее же внимание: к себе. – Табак. *Татуировки*... Дальше: *что?* Куда твоя «мученность» – занесет тебя же дальше? Да!.. Ты наполовину: и того, и того. По чуть-чуть, скажем так, от каждого!.. Но и не брать же – *все* отрицательное; и *сразу*. Весь... негатив. Одним заходом... И в себя же одну. *Софи!*..

– Но я ведь – не *сама*... – подняла, наконец, взгляд с головой от пола девушка, утирая параллельно правой рукой и мельком все-таки выступившие слезы, уже и собравшие-

ся к тому времени от муштрования ее черепной коробки: не только снаружи и другими, но и внутри и лично ей самой. «Самокопания» же – никто ведь пока не отменял: так еще параллельно с их копанием и до-капыванием. Но Егор воспринял все это на свой счет, как степень «перебарщивания», и дал себе воображаемую затрещину, сжав губы в одну полоску. – *Я* этого – не хотела. Хочешь, чтобы я подтвердила твои прошлые слова и мысли?.. Ладно! *Не* сама и *не* хотела! Не сама – ложилась под удары и *ее* краску! Не сама – выбирала рисунок и место!.. Курить начала? *Я*, да, сама. И не спорю... Но только – потому, что благодаря дыму. Или *пару*... Не важно!.. Благодаря – *им*: я могла, пусть и ненадолго, но, *забив*, забыть... – И только хотела продолжить, как Карина подседа поближе к ней, будучи и сидя слева же от нее, и положила свою голову ей на левое же плечо, обнимая, уже и расцепленными своими же руками, ее за талию. И прижавшись к ней своим телом, так сильно и крепко!.. В поддержке и опоре. Она будто бы и *случайно* надавила на тот самый карман, который и сам-то был не плотно прилегающим из-за ткани и самой врезной формы, да и вида штанов, но а тут стал и вдвойне, так еще и *встал*, телефоном же и поперек, пусть и не горла, и все же, впиваясь в бедро хозяйки. На что уже и сама София, чуть хрипло прошипев-простонав, изъела его и передала доверительно подруге. – Поддержишь?

– Конечно... – закивала шатенка, сразу отхватывая боковым зрением, судя по глазам и реакции парня, сотню баллов

за сообразительность. Вот только хмурый прищур, последовавший сразу и затем, минусовал половину очков Гриффиндора: за то, что *там*, все-таки, уже не ее территория. Да!.. И с некоторых пор – *все же*: его. И не ей прижиматься *так* и к ней. Да еще и мацать: почему зря. *Так* и тем более же еще – на его же глазах. В его *комнате*!.. И на *его* же кровати. Уж что-то, а подобного рода увеселение – он выбирает сам. Как и кандидатуры, на сии же вакантные места, подбирает так же. И Карина – не то, что не подходит: даже ведь не рассматривалась им. И не *собирается*!.. На что уже и сама шатенка – негодуя закатила глаза, но и все же промолчала. *Опять*!..

– ...я могу выйти из этого тела и не вспоминать о том, *что* меж этих линий, которые видны раз от разу: как зажившие. *Заживающие*... Только-только образовавшиеся!.. Как синяки и... *раны*. Которые только лишь после – перейдут в *них* же и эти... линии. И добавят: нового орнамента. Живые и мертвые... Новые и старые. И все – под коркой. Могу – забыть, что только благодаря этой *тени* на моей репутации и темной силе в крови, благодаря *им*... этих синяков и ран – нет, на самом деле. Нет на теле – нет и для системы!.. *Системы* ценностей и... прочих. И что *благодаря* им – я знаю, что меня никогда не спасут и... мне не помогут.

Первые крупные слезинки начали образовываться и скапливаться во внутренних уголках глаз, что девушке пришлось сильно сжать веки: дабы не дать им прорваться, если уж и не впитать или затолкать их обратно. В такие моменты – ей ста-

новилось по-настоящему одиноко: внешне и внутреннее!.. Находясь среди людей... и с собой – она: все равно оставалась *одна*. Один на один... с этим. И никакое положительное расположение духа до этого, как и после, не спасало. Был – остаток... И был: осадок. Которые: оставались... и травили. Травили – все и... вся. *Всю*.

– Что ты такое говоришь?!.. – Начала было припираться Карина, но и тут же была остановлена «цыком» Егора. Который, мало того, что проиграл *девчонке*: в споре, который они и не назначали. Даже и: не начинали. Не *она*. Но тут – были вскрыты: мужская гордость и стержень, его честь и достоинство; подцепленные той, что, пусть и делала все правильно, но сбивала девушку, подругу с панталыку-мысли. Так еще и вместо того, чтобы успокаивать и успокоить Софию, он был вынужден сперва одернуть Карину, раз от разу лезшую то в свою, то в Софью бочку затычкой. *Пробкой!*.. Жженого сахара. Да-к и мало того, что просто перебивая, еще и беря право на первое слова. Уж этого он никак стерпеть не мог. И, дернув мельком головой в сторону двери, как бы еще пока и *именно* намекая, да и *тонко* на выход, проводил взглядом «Карину» до нее: будто бы еще и таким образом говоря, что большую часть, нужную для них и него, они обсудили и в дальнейших, ее же услугах, они не нуждаются, а вот, в его и уже применительно София, без нее, да, кивнул и тут же отвернулся. На что уже и сама девушка, хоть и без особого желания, но кивнув в ответ, еще раз посильнее сжала подругу

в объятиях и прошла к той самой двери и по тому же самому пути, которую да еще и так услужливо, все же открыл ей сам Егор, но и чтобы лишь затем закрыть ее за ее же спиной: хлопнуть ей и перед ее же лицом – уже сама она ему не дала. Затем, вернувшись к Софии, и таки пока решив, что дергать ее, с поднятием головы и желанием смотреть глаза в глаза, смысла нет, просто сел перед ней на корточки и взял ее руки в свои: даже и сам пока не готовый к этому – не столько презирая женские слезы в принципе, сколько слезы ее и из-за себя-него. И пусть даже: не совсем и не до конца. Но: в общем-то! Да и все же: по нему. Не себе, как... н-ей.

– И зачем это было нужно? – Фыркнула тихо брюнетка, не поднимая головы и обращаясь в их уже и сцепленные руки, но и прилетая обвинением – точно в цель: слыша тишину в ответ, *море...* А после: и тяжелое мужское сглатывание. *Сухо!*.. – Я бы и сама все вам дала и отдала. Можно было обойтись и без этого нравоучения и... *цирка*, Егор.

– Мы просто не знали: как к тебе подойти и... подъехать. Как *подступиться!*.. Понимаешь? – Опустил он уже и свою голову подбородком прям меж их ладоней, щекоча нежную кожу девушки своей пусть и мелкой, но и достаточно грубоватой щетиной. И все же, пусть и мельком, случайно, но и поймав, наконец, ее взгляд, хоть так и без слов – попытался передать все то, что было сокрыто под этим; и каков был *истинный* смысл всего этого. Не столько – умыкнуть и увести из-под ее носа и взгляда, сколько... Не дать ей страдать...

дважды. Сначала – из-за насильственного, буквально, обнажения. А после – и переживания всего этого... снова. Софии же ничего не оставалось, кроме как и после этого же прикрыть глаза и, грузно вдохнув через нос, так же выдохнуть через рот, с легким кивком соглашаясь с этим. Ведь и сама бы она – вряд ли... Нет!.. Когда-то бы – смогла. Определенно. Но!.. Точно – не так скоро. Не сейчас. И... Здесь. А судя по всему и *как* они торопятся: сроки ее – уже вышли. И она, прямо-таки и влетев в «deadline», вылетела из «тайминга» – на всей скорости. Выпав из реальности. И забыв, что с этим, вполне возможно, могла быть связана и не только она. Но *только* она – замалчивала все это. И что, вполне возможно, и даже *реально*, стала тем, *той*: кто сокрыл преступление. Если: и не преступлени-я! И теперь те статьи про «черную магию» – как никогда стали, буквально, на злобу дня: являя собой – не столько похожесть, сколько *идентичность*. Но *что* именно из этого – сама Роза? И что *именно* – хочет она? Девушке было – не только страшно вообразить, но и страшно подумать. *Начать* даже: просто думать и размышлять.

– Ты не виновата, Соф!.. Слышишь? – Блондину было и не обязательно залезать в ее голову, чтобы прочитать все: и понять – о чем, *ком* она думает. Она же была – как открытая книга. Не только: для него! Ведь и переживала все – на жизни и *по* жизни. На своем лице и в своих же глазах. А первоначально: и в своей же душе. – Ни в чем!.. Да и мы же еще не до конца уверены, что это *наш* случай. Что-то... из того!

Не видели всего... *целиком*. Но по фотографиям, сделанным сразу, после принесенного тебе вреда, Розой – мы... – и он оборвал себя, сжавшись. *Сжав* – челюсти. Борясь со злобой к женщине и страхом к девушке, и *по* девушке, одновременно. – Мы *сможем* – восстановить полную картину событий. И!.. Если не спасем всех. Чего еще никому не удавалось... Спасем – остальных и оставшихся. Вот увидишь!.. Здесь нет – твоей вины. И даже – в молчании...

– Нет!.. В нем-то, как раз, и есть – моя вина, – покачала отрицательно головой София. – Меня-то – уже не спасти. Но... Их!.. Вдруг и *их* – тоже?..

– Ты – глупая, Соф? – Девушка хмыкнула, но не стала ничего отвечать. Все-таки!.. У каждого – свой способ: успокоения и успокаивания. У Егора это, к примеру, прямой наезд! Буквально. Нападение. И... Не как *защита*. – *Нет!*.. Вот и я так думаю. Я – так: считаю! Так и чего ты глупости такие – воротишь-городишь? Помогут!.. Конечно, *помогут*. И, конечно, спасут! *Тебя*. И... Их. *Мы* – поможем. И спасем!.. *Я*...

– Нет. *Они*... – и брюнетка оборвала саму себя, хлопнув носом сильнее, так и не хотя вырывать руки и «промакиваться» рукавом кофты. Пусть, и одновременно, растечься в лужицу, залив все кругом *этим*... все-м – тоже не желая! Поэтому ненадолго запрокинула голову назад и вновь вернулась в первоначальное положение. – Ты не видел – всего. И... Как *это*. *Что* это!.. В них. И... *Меж* них. Они – не лечатся, Егор: если попадают на *левую* сторону!.. А остаются – огром-

ным синяком и... такой же раной: по всей ее поверхности. А именно на нее, *только* на эту сторону – они и попадают. Она – не моя. *Она...* Она – ее. *Ваша...* Моя – тоже. *Да!* Но... «Половинчатость» – слишком мала, чтобы я могла как-то противостоять. Как-то ослабить. Или... Или залечить. Чтобы могла – разложить... наложенное!.. А ведь и только так – она может обезопасить себя. И знать, что ее – не раскроют, стоит мне только начать «втягивать»; или наоборот – вы-тягивать свет. Не по одной ранке или... пятнышку. *На все!*.. Все и... Сразу. Да ты же и сам... Сам – знаешь... правила. По мелочи – не берется. Заживает – само!.. Опять же, как правило, чтобы: не растрчивать. *Я* – не могу... И не *сделаю* – этого... из-за нее, Егор!

– Т-шш!.. – Сжал ее руки своими парень и теперь прижался к ним губами. – Тише, малыш. Только – не плачь, ладно? Софи!.. *Пожалуйста...* – и, отпустив правой ладонью ее руки, прикоснулся ей к ее левой щеке, стерев одну из слезинок. Затем – еще одну. И еще... – *Мы* же – только успокоились!.. – И девушка улыбнулась правым уголком губ, реагируя на акцент на: *мы*. *Как с ребенком*. – *Нас* и так – Ксан прибьет!.. Уже точно и бескомпромиссно. Не хочешь же ты, чтобы он начал сейчас и с нашего же выхода: из *моей* комнаты? Тряпкой по лицу с утра пораньше, в сравнении с *этим*, я согласен. Это – еще куда ни шло!.. Но – не голову с плеч и умереть. Я еще: не пожил. И не *жил!*.. С тобой.

– Там же – никого нет... – пожурила его София. – Пусть

вы меня и отвлекли, но не оглушили. Я – слышу!.. Пусть и не так хорошо, как вы. Но: слышу! Слышу – молчание и... тишину. *Почти*. Еще и редкое копошение Карины – в другой комнате: в попытках выгрузить все файлы с моего телефона на Никитин комп!.. *Егор*... – и запнулась, решая, как правильно подойти к своему вопросу: зная заблаговременно, что если он что-то решил, а именно – не рассказывать ей всего, а если и рассказывать, то не вдаваясь в подробности, то он сделает это; а ей так хотелось узнать, вызнать: хоть что-то. – Я готова принять это – за мечь!.. И... *Мстю*... – лишь на секунду запнулась, поддержав его смешок, но и не теряя серьезности. – За свое молчание. Но!.. Роза – точно ничего, кроме того, что есть на сегодняшний момент... Как я и... *Те!*.. Не делала и не сделала? Я имею в виду: хуже... этого. Я не говорю о том, что это обнуляет то. И... Отбивает и перебивает – все внимание на себя. Всю важность и... значимость. И что оно из-за этого – не имеет более значения. Но!.. Есть – что-то еще, что не дает вам вписывать меня в это все?.. И наоборот: выгораживает и огораживает... Если факт не подтвержден, есть ли смысл?..

– *Есть*... – сознался Егор, но и глаз не опустил: не считая это стопроцентным враньем, как и доскональной правдой; но и не имея уже смысла, как и желания, скрываться. – Как и есть *смысл*: подержать тебя у нас. Хотя бы – еще пару дней... и до следующей недели. И еще чуть-чуть... в ней. По крайней мере – на началах: чтобы не дать ей сделать с тобой

– что-то по-хуже. Ее малое количество – не всегда обозначает: такое же качество. И ты – тому явное подтверждение!.. Ксан поговорит с ней и убедит оставить тебя: под предлогом разрешения отца. Если она перейдет в актив из пассива – мы не должны допустить твоего обратного перехода *в этом*: от ее руки. Считай это: перестраховкой. Переходом от слезки, *в кои-то веки*, к действиям. Пусть!.. Пока и не одобренным Советом. Но!.. Когда бы еще Ксан вспомнил наше детство и нарушение правил? – Усмехнувшись грустно, но уже и хоть как-то, более-менее полноценно, брюнетка кивнула, утирая все же, пусть и мельком, нос рукавом кофты, воспользовавшись освобожденной, хоть и на мгновение, правой. – Пока – так, хорошо? – Погладил ее по правой щеке своей левой ладонью блондин, убирая еще и таким образом остатки соленой влаги снаружи, так и мешающиеся с *его*: внутри; и принимая тут же ее же ответную ласку, как «приласкание» к ней, за «да». – Пока мы не можем и не делаем – чего-то масштабного... *Но!*.. Но мы – что-нибудь придумаем. *Обязательно*: придумаем! И сделаем все, чтобы избавить тебя от этого и... от нее! И их же: от нее. Да и всех нас!.. Чего уж там. Что, кстати, и без того – подразумевает и вытекает: одно из другого. *Я* тебе обещаю!.. И сдержу его. Как слово... Так и *обещание*. Ты веришь мне? – Повторно кивнув, София снова промолчала, боясь сорваться с голосом, а только же почти успокоилась, но ему и молчания ее, как и перед этим кивка, было достаточно: не только из-за них самих, но и из-за

блеска ее глаз. Пусть пока и чуть мутного: из-за слез. Но и, вполне же себе, *положительный* ответ. Как и *реакция* с эмоцией. И чувство... с *ощущением*. – Точно не хочешь рассказать остальным?.. – Сморгнув вслед за ним небольшое наваждение, она нахмурилась: не понимая суть вопроса. Да и *зачем?*.. Какой смысл: когда у них уже есть ее фотографии. На что уже и Егор поспешил на помощь: дополнить. – *Сама*. Добавить: от себя. Думаю, они... *Им* будет проще... в какой-то степени. И *лучше!*.. Если все это... будет сопровождаться твоими комментариями. По факту. Будет разряжать обстановку, что ли!.. Делать чуть легче – всю напряженность. Которая, да, будет: что так, что этак. Но и ты же – будешь подсбивать это, успокаивая своим нахождением с ними. *Знаем*, что ты: жива!.. Но и они...

– ...поймут, если я соглашусь, – продолжила за ним она и уже получила в ответ его кивок. – А и тем более, если *откажусь*. Как и ты... *Я!*.. *Я знаю*. Просто... Не до конца отсмотрела и... поняла. *Про-няла* то, что посмотрела и подсмотрела... у тебя. И *на* тебе... Ну, знаешь... Проводят же эксперименты – перед тем, как вводить или *нет*: что-то полноценно и... в производство, например. Смотрят – на ком-то или чем-то: реакцию. Осматривают эффект – другого и... другой. Сам «эффект», как другой и... *иной*. Но – и на одном, одной... поначалу. Не всех и... сразу! Чтобы понять и... Выбрать тактику, что ли!.. Правильную и... нужную. *Верную*. Если ее – еще можно выбирать. И выбрать...

– То есть... Я – пробник, выходит!.. Да? Так, получается?!.. – Прищурился парень, стараясь: ни то обидеться, ни то разозлиться. Но и ни того, ни другого, а уж и тем более – всего сразу: так и не выходило. И не вышло... *бы*. Как бы ни старался... Не *с ней*.

– *Нет...* – отрицательно покачала головой девушка и улыбнулась, слегка и уголками губ, опуская его ладонь от своей щеки к другой его руке и начиная перебирать его пальцы своими и между собой, периодически: то сцепляя их, то скрещивая; то и вовсе расцепляя и начиная сначала. – Плохо – прозвучало. Согласна!.. Ты же – не предмет. И не *неодушевленное*. Да и не ты – должен был попасться первым... «под обстрел», по-хорошему. Мне стоило начать – хотя бы с Жени. Или Александра... Своего отца, в конце-то концов!.. *Да*. Я ж тогда – струсил, когда мы встречались: двумя отцами и... дочерью. – И Егор рассмеялся. Но!.. Уже по-доброму. С *этой* информации – уже по-доброму. Что значило: оба говорили и сказали правду. *Свыкся*. Да и у нее... За это – уже не так болело. Не до такой степени. Как и у него. Теперь – болело за другое и... другую. – А он – будто знал. Не зря же говорят, что: «*Оттуда – все видно*» и «*На нас – смотрят*». Все и видят... Все знают. Наверное, так!.. Но если и *так*, значит: я опять соврала. Но уже – не молчанием, а словами. И... В глаза!.. Глаза в глаза. Нет ничего же – хуже этого. *Знаешь...* Одно ведь дело – не знать ему; и я бы промолчала. И совсем другое... *Совершенно* другое дело –

знать ему и... Я промолчала!.. Своего рода... *согласие*. Но и, опять-таки, на вопрос «*Хочу ли я ему что-то рассказать*», я ответила «*Нет*»!.. – И отрицательно покачала головой, будто бы и *подтверждая* свой ответ. Но и на деле: уже и не соглашаясь. Ни с ним. Ни с собой... – Прокивав, как болванчик, на все слова Александра, до этого. Еще и показалось, что не он... Не ему говорила. Он... *так* смотрел!.. Будто: не я. А я на него – *будто* он. Но... И не *он*!.. Не знаю. Как *впервые*... – и, поджав губы, тихо посмеялась, как-то истерически; и в то же время *обреченно*. – Такой бред!.. Да. Понимаю... Кто бы это еще мог быть, верно? С его-то лицом и... Телом!.. Но... Я будто бы оправдываю себя, не оправдывая... его надежд и ожиданий. И все – только хуже: с каждым разом. Тяжелее и глубже. Туже...

– Не думаю, что *там* – мог быть кто-то другой... – решил все-таки вмешаться Егор и попытаться помочь распутать ей хотя бы это: чтобы она не запуталась и еще глубже и дольше, дальше в себя не ушла, путая все остальные нити уже и на разрыв. – Если у твоего отца, конечно, нет брата-близнеца. *Коего* – и нет, как я знаю!.. По словам Ксандера и... И в принципе! Я же был знаком с Сергеем... Знаком – и сейчас. И ни с кем другим. Ни с кем: *кроме*!.. Был бы кто-то еще... помимо – я бы знал. А *ты-то* – и тем более! – И стукнул ее легко по носу указательным пальцем правой руки, вызвав смешок: сначала у нее, потом и у себя. – Ты просто, как обычно, себя накрутила: еще и в этом!.. «*Как отреагирует? А вдруг не*

поймет?...». Он – поймет! Не сразу. Но... *Поймет!* Поймет и *примет!*.. Вот увидишь. Не без причин же!.. Тебе казалось – это правильным. Да... Таким и таковым – не оказалось. Но!.. Кто же – знал?

– *Ты!* – Тут же ответила брюнетка. – Ты бы – знал, если бы... Если бы: я – сказала! Ты бы мне сказал. И еще не *так* бы... сказал! Не так, как сейчас. Думала, будет хуже...

– А оно – и *будет!*.. Но – не с тобой. Лучше, правда, тоже не будет... – усмехнулся парень, получив ее и своими же руками тычок «кулаком» в свою же грудь. – Но вся мощь и сила – будет направлена в одну сторону и такое же русло!.. В ту и то, что сделали это – с тобой. И думаю, остальные – будут со мной солидарны. Не знаю, кого вы там с Каринкой, на пару, навоображали и нафантазировали... И *лично* обо мне, когда я злюсь или в ярости, гнев... – София приподняла брови в немом вопросе. – Да!.. Я видел *это* – по ее глазам. И пусть она мастерски и отыграла для тебя, но... Не для *меня!*.. Там же было все – точь-в-точь, что в твоих... в самом начале, – и сморщился, дернув головой, отгоняя эти и все прочие воспоминания. – Не суть!.. Да и не в моих интересах. Вы не видели – Ксана. Но и что-то мне подсказывает, что еще увидите... И только от тебя, мелочь, будет зависеть: его планка и... ее же *максимальное* значение. Я – про сопровождение!.. Подумай над этим, ладно? Да-да. Нет-нет... – но брюнетка промолчала, уставившись куда-то меж его и ее, их пальцев. – *Да?* – Но, и тут же стряхнув очередное наваждение, кивну-

ла. – *Да!*.. Не тяни: только. Я сохранию это для тебя: право на слово. Как и право на молчание. Но если *вдруг*...

– Спасибо... – кивнула София, нагибаясь к их рукам и водружая на них уже и свою голову: подбородком, вот только уже и на кулаки. – *Спасибо*, что понял! Я скажу. В смысле... *Дополню*. Сама!.. Но. Это – тяжело... *Очень* тяжело! Нужно собраться. *Набраться*... Сил и воли. *Смелости*... Я сделаю это!.. Но пока – мне хватило и тебя. А я уже, ты и сам видишь, никакая. Расклеенная... *вдобавок* ко всему.

– До вечера – склеим!.. Они как раз – к этому времени все и обернутся. Соберутся и... подберутся. К тем, кто уже потихоньку начал возвращаться и вернулся. Пойдем!.. – Улыбнулся блондин и, поднявшись на ноги, поднял за собой и девушку. Тут же окольцовывая руками ее талию. – Надо уже поиметь совесть и показаться все-таки. Не из кухни!.. Из моей комнаты – тоже так себе... *прикрытие*. Но хотя бы и для тех, кто еще не понял: в чем суть да дело. Если еще и есть... *Остались* такие и... *таковые*.

– Ты думаешь, они?.. – Закусила нижнюю губу брюнетка и залилась краской.

– А ты думаешь, *нет*?.. – Хохотнул парень, довольный, уже и вдвойне, произведенным эффектом. – Они – не бросились искать!.. Да и не бросались. Они и не *начинали*. Ну!.. Даже если они вдруг прямо до конца и не поняли все... *И всего!*.. От корки до корки. То представили... И догадались-то – точно. *Додумали*, во всяком случае, уже наверняка!

– Это – плохо!.. Додумать же можно – все, что угодно... – сжала в тонкую линию губы девушка, нахмурившись, тут же получая костяшкой указательного пальца его правой руки по лбу.

– Не хмурься!.. По себе знаешь, да? – Ответный щелбан – тут же пришелся уже от нее и ему: причем – тоже правой рукой. А дальше... Как в перемотке кадров – вперед. На всех возможных и *не* скоростях. Секундная пауза. Минутный шок... Хитрые искорки – ее. Буря. Не менее хитрый оскал – его. Перемещение к кровати... И падение на нее – обоих. Приложение Софии – к ней... спиной. И Егора, как и Егором же, к ней, но сверху. – Так!.. Я правильно понял, что мы отсюда – не выходим... сегодня?

– Нет. Ты *не* правильно понял!.. 1:1. И мы – *можем* идти... – толкнула его в грудь София и перевернула парня на спину, устроившись на его груди.

– Ну вот только давай без счета, хорошо?.. – Прямо-таки и взмолился он, укладывая правую руку под голову, а левой – окольцовывая ее талию, предусмотрительно не смотря на девушку. – Мне и Влада с ним – хватило и... *хватает*.

– Что у тебя такое с ним? – Подняла голову брюнетка, смотря на парня, протыкающего взглядом потолок и нарочно не опускающего его, как и не смотрящего на нее, хоть и боковым зрением, в ответ. – В который раз слышу эти негативные нотки в отношении него – от тебя. И пусть теперь они, более-менее, понятны. Но!.. Разве и к *нему* – они долж-

ны быть обращены?.. – И тут же ступевалась, буквально и напросившись: во всех смыслах. Поймав в себя – не горсть камней, а две скалы с острыми пиками и редким озеленением, хотя бы и в виде травы, чтоб помягче подстелить, коль уж и *так* падать, одновременно. – Да!.. *Он* – рассказал. И без тебя! Но... *Рассказал* же! А ты – нет.

– Так, в том-то и дело, что *я* – нет! – Развел руками в стороны Егор, охватывая не столько кровать, сколько и пытаюсь захватить ими всю комнату, являя тем самым масштаб проблемы и тут же возвращая их по местам. – Мы должны были – вместе рассказать. Вместе же – *начинали* и... кашу заваривали! *Заварили*... Или хотя бы: *я* – должен был начать, а он – закончить... или *дополнить*. Собственно!.. Суть всей пьесы была и есть такова, что: *так* все оно – и было. *Я* – *начинал* и начал, а он... *Заканчивал*!.. Закончил.

– И тебя это гнетет... Почему? – Заинтересовалась девушка, но в ответ получила – лишь отрицательную отмашку головой: с тяжелым вдохом и не менее тяжелым выдохом. А затем блондин и вовсе прикрыл глаза, отказывавшись отвечать, как и иметь сейчас хоть какую-то, какую-либо связь с внешним миром, уделив все свое внимание – внутреннему. Хоть и при этом – поднял свою левую руку с талии Софии вверх, по и на ее же спину, начав не спеша поглаживать... *обеих*: в каком-то, только своем и себе же понятном успокоительном жесте-смысле. Но и их, *ее* ли успокаивая, на самом-то деле? – Ну, *Егор*!.. – Надулась она и постаралась сде-

лать голос требовательнее, чтобы заставить его, но вышло – скорее по-детски «прогундеть». Что – тоже сработало; но и, правда, отчасти. Он приоткрыл один свой левый глаз, озарил ее своей хитрой искрой, не менее хитрющей ухмылкой и, шлифанув все это дело приподнятой правой бровью и припущенной левой с неммым вопросом из разряда: «*Серьезно? Попробуй, еще раз!*», вновь ушел «в себя». Тогда – в ход пошли уже ее руки. Хоть и пока – только одна... И правая. Вмиг ударившая его, пусть и слегка, зато и по груди. После чего: и в солнечное сплетение. Левая же – пока отдыхала, но и будучи же, при этом, во все оружие и наготове. – В этот раз – ты начал, а Влада по близости нет. *Тебе* – и заканчивать. Давай!.. Это – твой шанс.

– Нет, малышка... – хриплым голосом ответил Егор, все еще отрицательно качая головой, да и глаза так и не открывая. – *Я начал* – еще тогда. Влад же – *закончил*. На деле: *продолжил* и... начал. Теперь – очередь за мной: *продолжать!*.. А, вот, *заканчивать* или *начинать?*.. Это – хороший вопрос. В плане: «*Стоит?*.. И *надо* ли?». И имеет ли это хоть какой-то, какой-нибудь смысл?.. В разрезе... опять же... *нас! Трех.*

– Хочешь сказать, что?..

– Ничего я не хочу *сказать!*.. – Подорвался с лежащего места блондин и сел, видимо, после чего – и, собираясь-таки, встать. Но и девушка тут же среагировала – и вернулась к нему. А и точнее: *на* него. Сев на его ноги и лицом же к

лицу. – Нечестный прием.

– ...история повторится? – Продолжила свой оборванный вопрос София, смотря прямоком в его глаза и впервые ставя даже галочку на этой дате: ведь и нисколько не боясь и не тушуясь, даже и практически не моргая; так еще и станцевав на своих задворках что-то наподобие танца – себе же любимой, в свою честь и, конечно же, в благодарность за такую дерзость и бесстрашие. Подумать только – смогла, так еще теперь и ловила каждое чувство и эмоцию, каждое ощущение в трещинках его... скал. – Остальные берегли меня – за похожесть *с ним* историй?.. И из-за моего *возможного* «открещения» и... закрытия в себе. А ты?.. За мою похожесть *с ней* и... *такой же* уход. От тебя. И... К нему.

Сдержав ее взгляд, парень усмехнулся и оперся на руки позади себя, никак не показывая свое желание, как и нежелание говорить об этом; да и о чем бы то ни было, в принципе. Разве только – не тая *другого* желанья: вновь загоревшегося и возгоревшегося внутри него... при виде нее; именно в *таком* положении дел, как и *тел* и именно на этой, *той* самой точке, которая вот-вот должна была, если и не сигнализировать о со... *стоянии*, то начать отсчет по секундам до момента, когда она точно никуда не сбежит. Да и вряд ли ей же самой этого захочется. *Захочется же* – иного!.. И он ей – *это* предоставит. С превеликим, а и главное – *взаимным* удовольствием. Как и удовлетворением.

– Он показывал тебе *ее*?

– Н-нет... – заикнулась вдруг брюнетка, только сейчас осознав, что со своей внедренностью в его глаза – потеряла нить разговора. А и главное – смысл: к чему вела. Обретя затем уже не камни, а прозрачную реку с каменистым дном и... илом. Уводящими – все дальше... И дальше. Дольше. И... Глубже. И точно – не к тому, чего хотелось изначально. Но!.. Как и удачно для него – так и неудачно для нее, желала же все-таки пока правды, она так и забыла: *к чему*, собственно.

– Тогда, о *чем* речь?.. – И тут уже он приблизился к ней, хоть и держа *пока* все так же руки позади себя, как и при себе, но и так же в любой момент готовясь применить их по назначению: и если не скинуть ее с себя, в правую или левую сторону от себя соответственно, и нависнуть сверху, то прижать ее к себе, буквально выбив весь воздух из легких, как и желание говорить, как токовое, из головы и рта одновременно.

– О *ком*, Егор!.. – мотнула головой София, не без злости ловя *понимание* напротив – на этот жест: он знал, как на нее действует; равно как *что* и *как* на нее от него же действует и без стыда, как и зазрения совести, сейчас и здесь пользовался этим. – Речь: о *ком*. И не пытайся слезть с темы!.. Потому что первая с нее, как и с тебя, не слезу я.

– А кто сказал, что я против?.. Как я раньше до этого не дошел и к этому тебя же не привел? Вот *это* вопрос – и *тема* для беседы!.. Со звездочкой и... На засыпку. С которой: не слезть!.. Хотя он же сейчас, как и она же здесь, на мне же

все и сидят... – и, убрав-таки руки из-за спины, взялся ими за ее колени и потянул их, как и ее, к себе и на себя, ловя ее первый и тяжелых выдох. – А сия сцена, кстати, вполне могла ждать нас – на том самом диване. Вместе с развязкой, кульминацией и... концовкой. Если бы кое-кто, не струсил и не удрал – раньше времени! Не говоря уже о другом кое-ком, кто мог *так же* не прийти...

– Мы, что, «настолько» с *ней* похожи?.. Что ты боишься, что Влад захочет *повторить все* то и вернуть вспять... тут? *Прошлое...* в настоящем. И... Отберет у тебя?..

– Я *ничего* не боюсь!.. – Прошептал блондин, но вкрадчивость не дала того самого эффекта, которого должна была, зазвенев с еще большей сталью, чем в глазах; пока правая его рука поднялась к ее лицу и провела по левой скуле, дойдя до подбородка и опустила ее голову вместе с лицом к его, позволяя встретиться на и в конце ее губы его-своими губами. – Даже: Влада!.. А и *тем более* того, что он это вдруг и провернет. Хотя бы потому, что он этого: не сделает. Ведь ты – не вещь... Как ты правильно сказала – ранее и со мной. Ты – никому не принадлежишь! *Даже:* мне. А *ему* – и давно. Тем более!.. Это – мальчишечьи разборки, Софи. Не более и... не менее. «Братские», м?.. Да? Будем уж и *так* говорить... – не выдержал и сгримасничал все же он, вызывая тихий ее смешок. – Лучшее – всегда, и испокон веков, доставалось старшим. Еще – до того, как это стало: мейнстримом!.. *Досталось* – и мне. Причем, как уже видишь и сама

ты, *дважды!* В виде нашего же с тобой сейчас нахождение здесь. А не тебя или меня... с ним. Как и его – с тобой или... мной!.. *Уже*, да, о чем-то да и говорит. А он... Побесится и успокоится. Не уверен, что и *та любовь* была – именно: любовью. А не попыткой – подсадить меня, за все же и выше сказанное тоже: чтоб жизнь медом и сказкой же не казалось, как обычно!.. Что, я, кстати, думаю и прямо-таки утверждаюсь, повторяется и с тобой. *Единственное*, что повторяется!

– Ну... Вы друг друга – достойны! – Усмехнулась брюнетка, скривившись от слабой боли у корней волос: которые он сначала оправил, в виде пары прядей убранных за ее уши, а после и потянул вниз. – Я имею в виду... Ты же тоже – им притворялся, в какой-то мере и... степени. Был – им, пока не было его. Средним братом и... большим злом! Выбирают же – всегда *меньшее*. А тут раз – и... нет! Почему бы и не побыть им?.. И не попробовать понять: почему так? *Так*. А не по-другому. И *не*... как обычно. Не *иначе!*..

– Вот оно значит как!.. – Хохотнул Егор, возвращая руки на ее талию. – С *какого* угла мы зашли... Интересно!.. Значит, он тебя натолкнул – таким образом, да? Что ж, ну, за не *прямолинейность* речи – можно и попридержать снятие головы... До завтра.

– Смысл в том, что... – И София опустила свои руки на плечи блондина, затем завела их за его голову и закрепила в замок на шее, позади и его же загривке. – Не во зле – и смысл! Равно как – и не во Владе. А в тебе!.. И в том, что из-

за *того случая* – ты потерял веру в себя и... *самого же себя!*.. Решив попытать удачу – в *чьей-то* тени. Будучи: чьей-то *тенью!* Но опять же: не своей. Да и... Не *собой*. Ты – не свой же, в этом. И в принципе. Не был. И не будешь!.. Ты же все равно в нем – *свой*, как ни крути. Ты не будешь – им. А он – не будет тобой. И то, что он сделал *то*, что сделал... У него – были причины. И *стоящие!*.. И раз уж ты ввел это слово... *Братские!*.. – И она повторила его кривляние, чем заслужила его легкий смех, который тут же вернулся в серьезное сжатие губ. – Он делал это – не из-за себя, а из-за *тебя*. Хотя бы потому, что и сам он с *ней*, после всего того, не был. Значит: отбивал целенаправленно – не себе. Да и не отбивал... вовсе. Ты ведь не спрашивал, а он... Вполне мог и любить *ее*. И *не!*.. Мог и разлюбить, заставив себя. Развидеть и... *влюбленность*. Тут же попытавшись разлюбить в ней – и тебя. И ее же – в тебе. Можешь спорить – со *мною!*.. – Урезонила его София, заметив только зачатки готовящегося несогласия с его стороны в его же сощуренных серо-синих глаза. – Но я *почему-то* ставлю – на защиту и оберег. Он – спас тебя: от чего-то. *Кого-то!*.. И я б, может, поняла до конца: если бы кто-то из вас – *ее* мне показал. Хотя бы: одним глазком.

– У меня ничего от *нее* не осталось... – спокойно произнес Егор, еще и отрицательно качнув головой: для большей убедительности. – Можешь поверить, а можешь и убедиться лично, *проверив*: спросив у каждого – в этой квартире. Если я в чем-то и извращаюсь, то точно не в хранении вещей *быв-*

ших. А и тем более: не в обустройстве тотемов и... иконостасов им! Мне дьяволу – все-таки как-то ближе поклоняться, чем... *Ничему*. И!.. Ни-кому. У Влада, кстати, есть!.. И... – И тут же оборвал сам себя, замолчав: прикусив нижнюю губу и как-то грустно усмехнувшись, одновременно потупляя взгляд в их скрещенные ноги. – Это... даже странно, что он тебе *ее* не показал. За ним – никогда ведь не *ржавело* и не застаивалось. А и особенно – в моменте: где он сказал «а»... и тут же должно было последовать «б». Может, ты и права на его счет... Я, конечно, не поверю на слово. Да и тем более: еще – на размышление и этакие же «мысливслух»! – Софи фыркнула, но никак более свою обиду на это не показала: потому что тут же последовал его смешок и обращенный на нее серьезный взгляд. – Все-таки – чуть больше *твоего* с ним живу. Но... Приму к сведению!.. Опять же, потому что: долго с ним живу. И весь этот *год* – даже не думал выяснить обратное и... другую сторону медали. Не правильную. То есть, не *мою*. Его!.. Хотя, всю нашу беседу с тобой: имею в голове – его и себя, как зачинателей и оканчивающих. *Двоих!*.. Попробую выяснить это – уже у него; или в обход его – но и у *таких* же, как я; и только тогда – подтвержу или опровергну все... окончательно. Поверю... Или нет. Уверюсь... И при-му!.. Или *пойму*. И таки доверюсь!

– Тебе, как и любому другому, как и *мне*, просто нужен... был – взгляд со стороны, *третьей* стороны, – одобрительно улыбнулась София и уже сама потянулась за поцелуем, так

и не дав в нем шанса на что-то большее, да и зайти куда-то дальше и дольше, глубже. Не позволив просто и банально, как углубить, так и утянуть, затянув себя в продолжение. Ловя почти тут же разочарованный его выдох. Мешая его – со своим. Но и ни в какую не поддаваясь – в этом. Ей нужно было – все или хоть что-то узнать. А уже потом – к чему-то иному приступить. – Не про ту ли ты картину, что Влад не вешает? И, как видимо, прячет: оставляя на стене своей комнаты – огромную вмятину!.. Буквально: *выжженное* пятно.

– Про нее самую... – встряхнул головой парень, нервно затем еще и кое-как уложив растрепавшиеся светлые прядки обратно: на мгновение освободившимися ладонями.

– Почему он прячет ее... от *меня*?.. Унося ее именно в тот момент, когда я ночую у него! И, как я поняла из своих же все мыслей, его поступка и твоих слов, во имя... *тебя*?

Повисла пауза, в которой Егор: сначала долго смотрел в ее глаза, будто бы и пытаясь в них все же что-то найти, затем, будто бы и найдя или наоборот, нет, что так же было непонятно, к горю или счастью, опустил взгляд на свои руки вновь уже на ней и чуть сжал их, держась за нее ими, как за якорь; то ли боясь улететь, а то ли и упасть, разбившись, а то ли и отпустить. Но и с итогом же одним – пропасть: с любым ударением.

– Думаю, как и все, кто молчат... Но – и знают о нашем прямо-таки и забойном тройничке!.. Будь то: Ксандер или Никита... Женя или Полина... *Роза*!..

– А она-то тут – причем? – удивилась София.

– А она – всегда причем, еще не заметила?.. – Поднял на нее суровый взгляд он, но и явно переадресовывая его *кому-то* другому, *другой*, так что София и не восприняла это никак. – А и особенно, когда дело касается: *неопытной демоницы!*.. Которую хлебом не корми – дай только побыстрее от *ангела* в себе избавиться и уму разуму же научиться... у *более опытной*. Но и явно: не умной и разумной. Но и *взрослой* же – зато, да?.. Как тебя же все... *Курировала!* Так и... *ее*. Правда, *там*: «удачней». И *демон*, да, вышел: что надо. Хотя и это – *как* посмотреть и под *каким* углом!.. Не одним Владом *ее* мир – был сделан и писан. Там и Роза – неплохо постаралась, отведя *ее* от меня. И... *Нас*. От большой *любви*... не меньше!.. – Грустная усмешка сорвалась с его губ, но и как-то даже больше истеричная, упадническая и... пропадающая. – Оба – постарались!.. Кто больше – еще, правда? Но... Неважно уже!.. В общем... Не о *ней* и... не о них! Ребята – знают. Кроме: Карины. Но и она узнает – обо всем, *такими-то темпами*, думается мне... *Знают*. И... переживают!.. *Боятся* даже, в какой-то степени. И волнуются за... меня. И *из-за* меня – за тебя. Что именно *из-за* меня – ты... – блондин вновь опустил голову, уже по-настоящему и целостно стыдясь, пристыжая самого себя. – Можешь не так понять. И!.. То есть...

– Что твое пропавшее «узнавание» – вернется?.. И я подумаю... Точнее: уже и утвержусь, что ты видишь кого-то

другого – во мне. *Другую*. И!.. – Последовал утвердительный кивок, прервавший ее, хоть светлая голова, как и глаза, были опущены. И, сняв свою правую руку с его шеи, брюнетка коснулась ею его подбородка и приподняла его, вместе с головой и лицом, глазами, на себя. – *Уйду?*.. Не в силах снести это вечное и из-вечное... *сравнение*. Где-то: полное сходство. А где-то: полное отличие и различие. Но и чуть меньше, а там и совсем ничего и нигде, в отличие... от первого. Придя к тому, что *уже* тут непонятно: что лучше, а что и хуже – сходство или отличие?

– Не хуже, а *лучше!* – Взял ее за кисть Егор, удерживая у себя и на себе. – Отличия и различия! Никаких сходств!.. Только: похожесть... И то – минимальная и... мимолетная. Уже крохотная и... почти исчезающая. Совсем уже... исчезающая. На остатке и... осадке.

– Настолько – *крохотная*, что ты только сейчас ее определил и вычленил?.. *Вычислил!*.. – Как-то опечаленно и даже тяжело проговорила София, выдыхая в тон. Подумать только, она еще не видела *ту*, а уже начала медленно, но методично и «верно»: закапывать себя; выкапывая, что-то поистине ужасное и... болезненное. *Болезненное* – для всех!.. Не только: для нее. А стоит ли?.. *Стоит ли* эта правда – таких и стольких жертв?

– К своему стыду, *да...* – так же вздохнул парень, расстроившись вслед за ней. Но и не от себя и за себя, а за нее и то, чего он сам, а уже затем и все остальные: так боялись.

Хотя, по сути!.. Что так – она бы отреагировала подобным образом, что иначе. В других условиях и другой ситуации... При другом раскладе. Говори, не говори – а итог будет один. И где та правда во благо, если есть такая же: ложь? Где равновесие и баланс, гармония – в этом? – Прости, я!.. Этого-то я, как раз, как и все – и боялся. И прямо-таки – опасался, больше всего! Что ты... Именно *так* – отреагируешь и... поступишь. Уйдешь в себя и... закроешься. А затем и вовсе – отторгнешь и... возненавидишь, в конце-то концов. Но и... Знаешь. Будешь – права!.. – Усмехнулся все так же грустно блондин, хоть и утвердительно кивая при этом. – Хотя еще даже не до конца все и видела. *Знаешь*... Но и достаточно же: слушала и услышала. Пусть, опять же, и в этом же – не *все*. Все-не-все. Но!.. И дело же не в том, что я, как и они, не ждал этого... Дело – в другом. Что и, как раз таки, *ждал*!.. Но и надеялся, старался же всеми силами – оттянуть и отложить... это.

Выслушав его до конца, София аккуратно изъехала свою руку из его уже прямо-таки и хватки, на мгновение даже обезоружив этим самым его, заставив подумать о самом плохом, итоговом и конечном, что она сейчас просто встанет и уйдет, оставив его, отказавшись и бросив; и да, пусть несмотря ни на что и как ни крути поступив правильно; но... Кому вообще сдалась эта *правильность* и именно сейчас?.. Когда он в ней нуждался – не меньше, чем она в нем? По крайней мере: как он думал сам и как ему же самому все казалось. Но

девушка обезоружила его еще раз, за эти несколько минут *дважды*, причем и при втором же еще – просто разоружив: и тут же вооружив, в отместку и в ответ, но уже и собой. *Самой*... собой. Вернув свои руки за его шею и на спину, ладонями между лопаток. И обняла его... Прижавшись крепко и, опустив голову, подбородком на его левое плечо.

– Я всегда считала, и считаю же до сих пор, *взаимность* – как основополагающее всего. Ты не ненавидел меня, чтобы я ненавидела тебя: в ответ!.. И да, я, как и ты, не знаю, что будет завтра. Что *может* – произойти завтра. Да, даже сегодня и... в оставшуюся же часть дня. А там же еще и за ним – вечер и ночь... Но если я что-то и знаю – это то, что не ты первый, как не ты же все и последний: ищешь прошлое – в настоящем. Пусть: малоприятное и вообще ни разу *не* приятное! Но ты держишься – за это, как за якорь. За костяк... *тебя* же. Новое – всегда же воспринимается чем-то страшным. Чем-то непостижимым и... необъятным, неопознанным. К тому же: еще и неосознанным. По большей части... И в куда большем проценте случаев, нежели *сознательным*!.. Мы не можем начать что-то, бросив все. Буквально: *все* и *всех*. Обнулившись целиком и... полностью. Вычистившись и выбелившись. Не с-можем!.. Просто и хотя бы потому что, что мы там были. И все те люди и места – пропитаны нами. Там были – мы и... *нами* же пахло. Нами же – дышало и дышало-сь... *Так*. Что и надыхаться – не могло... Старыми-добрыми: нами!.. *Которыми* нам – уже и не стать. Но и не забыть!.. Не

стереть и не вытереть. Не избавиться. Ведь, по факту, там, как ни крути, мы были: лучше. Лучше, чем сейчас... Порой: нам это кажется. Порой: есть на самом деле. Но и именно поэтому – нам от старого не избавиться. Потому, что мы пытаемся вернуться к этому, дойти и остаться... – София сделала выдох и вновь такой же глубокий вдох – воздуха не хватило на целую тираду: пришлось сделать паузу; заодно еще и удостоверившись, что у Егора не было, что добавить или опровергнуть на этот момент, и только затем продолжила. – У нас – не получается. И не получится. Да... И пускай! И без всяких: но. Пусть оно – будет с нами. Как напоминание о том: с кем себя – можно и нужно сравнивать. И как себя вести, чтобы не ухудшить. Но – и не остаться!.. Не затормозить и... не перестать развиваться. Расти!.. Искать. И находить... Ты – прошлый, вчерашний. И ты – настоящий, сегодняшний. Опять же... – тут девушка приподнялась с его плеча и взглянула в его глаза, пересилив себя на то, чтобы расставить точки над «и»: буквально – точки в точки и зрачки в зрачки. – Я не знаю, насколько там все плохо... И насколько *похожесть* может быть именно ей, а не идентичностью и... один в один. Что возвращает меня вновь: к своему отцу-не-отцу. Возможным *близнецам* и... клонам. Братьям и... *сестрам*. Я не знаю!.. – Отрицательно покачала головой она, отгоняя теперь уже и сама все посторонние воспоминания и размышления, что могли ее сейчас сбить с намеченного курса. – Не знаю и... не хочу знать, если честно. Порядком

напуганная сейчас, не столько возможным итогом, сколько вашим общим нагнетанием!.. Если я что-то и могу, то только – то, что я попытаюсь... *Попытаюсь* – не срубить сторяча и войти в твое положение: хотя бы потому, что не так плохо с тобой познакомилась. И не так плохо уже тебя изучила, чтобы понять... Что если бы ты и, правда, хотел *ее*, а не меня. Не беря в расчет *оболочку*!.. Ты бы так близко меня бы к себе не пустил... и не допустил. *Меня!* Не обещаю. Но... Попробую. *Я...* попытаюсь.

– Ты и, правда, сможешь? – Прошептал блондин, еще пребывая в шоке от всего, не только ею и выше же сказанного, но и в общем и сразу. Но и больше же все же – от того, что увидел, пока слушал и слышал, как она говорила... правду и *чистую* же правду: она же как будто даже глаза специально не отводила, чтобы подтверждать все и сразу – в моменте. Здесь и сейчас!.. Чтобы не осталось больше – никаких недоговорок.

– *Правда...* – утвердительно кивнула брюнетка, соприкасаясь теперь еще и лбом с ним и его, перед этим будто еще и мазнув кончиком носа по его, как он проделал это некогда с ней и... на кухне. – Взаимность, Егор. Вза-им-но! – Нарочно поделила по слогам и так же произнесла затем слово София, доставив «точек». – Ты сделал это – для меня, увидев-таки меня! А я сделаю это – для тебя... Но – не обещаю! Как и то, что не проверну с тобою же – твой же аперитив... Перед всем *вот этим* – еще и помучив. Заставив: ощутить и про-

чувствовать все это – на своей и под своей шкурой. *Взаимность*. Во всем!

– Я создал монстра! – Театрально взвыл Егор, заставив девушку рассмеяться, и тут же прижал ее спиной к кровати: буквально скинув ее с себя, перекинув после через и откинув ее на левую же часть кровати, прижав ее затем к пледу и зажав ее между собой и им, облокотившись на обе свои руки по обе же стороны от ее головы, прижимая параллельно ее тело к постели всем своим телом. – Ну и кто теперь смеется последним?..

– ...А мне плевать, что они там вдвоем и мне не стоит мешать. Тем более: вмешиваться!.. – Прорвался сквозь их «мир на двоих» голос Влада: который будто бы и специально до этого громко протопал по ступенькам, а после и по полу – к комнате Егора. – *Кто-то* там был – не против тройничка!.. Я, конечно, не Карина. Но и нашу раннюю историю на *троих* – никто еще пока не отменял. Так что!..

– *Тройничка?*.. – Изогнула свою правую бровь София, тут же чуть поприжимая и левую. – Вот этого мне *точно* не стоило было – слушать и слышать. Не то что: *знать!*..

– Да. И *Карине* – тоже!.. – Фыркнул Егор, отворачиваясь от девушки на мгновение и смотря на дверь, к которой рыжий уже подошел, но так пока ничего и не предпринял. – Но – это же, *Влад!*.. Для него ментальное общение – никогда не ограничивалось... *ментальностью*: когда он мог этим – поддеть или задеть!.. А и особенно, когда он был и есть

единственный, кто подслушивал нас в кухне – и делает это же сейчас: за дверью.

– Он знает – обо... *всем?* – Встрепенулась девушка и резко слетела с подобия визга на писк; и только после – шепот. В ответ же получая – только утвердительный кивок. – И об... *этом?!* – Еще один кивок. – Тогда, в его случае, «подумать» – не *плохо*, а хуже не придумаешь!.. – Привсталла она, но была вновь прижата к постели, «вернувшимся» к ней Егором.

– Ну не скажи... Кому как!.. – Ухмыльнулся он, накручивая одну из ее прядок темных волос на свои указательный и средний пальцы правой руки. – *Ему-то* – да. Но а нам, вот, с тобой – нет. Во всяком случае: хоть что-то, что мы с тобой сегодня уже начали, давно бы закончили...

– Шкериться по углам, например?.. А после – и по комнатам с и за закрытыми дверьми?! – Донеслось зловредно из-за двери. Следом за чем ее ручка опустилась и поднялась пару раз, будто и подтверждая парня же догадки, что она таки закрыта для него и тут же «парочки» о том, что он все еще за ней, *для* них и только хотел войти. Хоть и с предупреждением, но и без приглашения!.. А и тем более: просьбы... в самом вначале. За что Егор тут же и поблагодарил сам же себя: за заранее-вовремя закрытые двери. Если от кого-то они и спасали-защищали – так это от Влада. С другими – он не проверял. Но *другие* – и не вламывались, соблюдая правило, которое он сам же, *Влад*, давеча и отстаивал, не пус-

кая Егора к себе; зато к самому Егору проходя – чуть ли и не с ноги. А зашел бы – тут же лишился бы с нее же, *ноги*, хоть уже и Егора, и головы. Что он, кстати, и так знал, потому – обошелся ручкой. После чего – просунул под дверь листок, цветной флаер, который, за счет своей легкости и лакирово-минированности, проскользил по полу вместе с ветром из приоткрытого окна, оказываясь подле кровати Егора, и вновь затих.

– Разорился же!.. – Глянул на это произведение искусство блондин, но поднимать не стал, как и отрываться от своего куда более интересного, в сравнении с этим, да и всем в принципе, занятия; но и не поддуть не мог. – Владислав. Решили подработать?.. Музыка уже не отвечает вашим требованиям: ожидания – реальность? «Фрустрируем»?..

– Даже говорить не буду о том, что *вы* там делаете!.. – Прорычал, но и скорее именно пробурчал в ответ Влад, уже прямо-таки и не скупясь на мяту и шалфей: «Ни себе ни людям? Так и не доставайся же ты никому!.. Свежий воздух». – Тем более: *думать* об этом. Ага... В тон... твоему же все *словечку*. Завтра мы устраиваем вечеринку!.. Здесь. *На дому*. Приглашены – все. *В-се!*!.. – Повысил он голос, повторив. И дополнил затем – *зачем*, поясняя. – «Все» – сейчас дв... трижды прозвучало: для Софии. Которая наверняка откажется. Или согласится, но сольется. Не думай даже!.. Ни единожды. Ни дважды...

– Серьезно?.. – Прошипела брюнетка. И тут уже букваль-

но: *прошпела*. И да!.. Тут же и зная, что Влад так и так – все услышит. Но и стараясь же все при этом придать своему голосу – хоть какой-то злости: пусть шепотом и сквозь зубы, цедя и выцеживая не то что каждого слово, но и такой же слог и букву. – Отвлекающий маневр – отвлекающим маневром, но и не тем: который я не то, что на дух не переношу!..
Ненавижу.

– Она – будет!.. – Ответил за нее Егор, предупреждая и опережая этим все следующие, по- да и всяческие отговорки, а заодно и охлаждая ее пыл своим зорким и даже еще суровым, хоть и в меру, строгим синим взглядом. – *Со мной.*

– С кем же еще... – фыркнул рыжий и тут же удалился, глухо, но и достаточно сильно при этом приложившись правой рукой к стене у двери напоследок. Какая разница – как они, она – внешне, а он – внутренне, если даже это «разделение»: *не-правда?*

– *Надеюсь, это была – твоя голова!*.. – Крикнул ему вслед блондин, развернувшись вновь на мгновение к двери, и тут же вернулся взглядом к уже прямо-таки и точно ничего непонимающей Софии, легко целуя ее в губы. – Мне нравятся эти «отсылки» – на всем протяжении наших отношений. Мелькающие: то здесь, то там... Прошлым в настоящем. А будто и настоящим... в прошлом. *Одновременно!*.. А тебе?

– А мне – нет! – Вновь, как ребенок, надулась она: решив, хоть так, *пусть так*, выразить свою позицию несогласия. Пусть даже она и не относилась, совершенно никак, к

главной теме их разговора и с чего все началось: к *чему* она так негативно и отнеслась, но к чему так и не пришла, не вернулась. Но и только развеселила же, тем самым, Егора еще больше и получила очередной поцелуй: теперь в нос, а после – и в надутую «в обиде» нижнюю губу: – Все нормально... – коснулся затем ее правой щеки своей левой ладонью он, размеренно поглаживая большим пальцем кожу. – Не стоит волноваться. Ты будешь *там*, здесь – хотя бы и потому, что там же, *здесь*: буду и я. Мне просто нужно держать тебя под контролем: в поле зрения и зоне же видимости. Не посягая на зону комфорта и твое личное же пространство!.. Да и не только из-за него и его же все маниакального желания – спотить всех и вся. Это да!.. *Да*. И это же – тоже. Но и в частности. А и из-за нашей *общей* ситуации... в целом. Мне нужно и *важно* знать, что с тобой все в порядке. А где этому быть – как не там-здесь?.. *Опять же*: со мной. Это же может быть тобой реализовано?

– Ладно!.. Если тебе – так будет спокойнее, *хорошо*... – утвердительно кивнула девушка, сменяя в его глазах серьезность на милость. Не на «милоту»!.. А на возможность: не быть сплюсненной и проткнутой скалами и подводными камнями... в склизком иле и мелких водорослях. – Но я не буду в этом всем вариться!.. И мешаться в этой куче-мале – тоже не буду. Как и с ними... Побуду на втором этаже. Близ ваших с Никитой комнат... или мастерской Александра.

– Договорились!.. Там – и встретимся-найдемся. – После

чего – последовал еще один, уже и его, поцелуй, не последний, но крайний: и куда дольше и глубже предыдущего, прикрывающий и перекрывающий заодно резкий подъем двух тел одновременно; но и таки пропускающий и допускающий – разве небольшой ветер и шум его в ушах; так еще и закончившийся, оборвавшийся так и толком и не продолжившись, прикусом ее нижней губы и отрывом от нее с тихим стоном обоих. – А теперь – пойдем: все-таки проинструктируем и продегустируем то, что осталось. И *если*: еще осталось!.. От вашей утренней стряпни. – И, обняв девушку за талию левой рукой, развернул ее и себя к двери, напоследок еще и нашептал в ее правое ухо. – Хотя мне и *аперитива* – хватило!..

Стоило ожидать, что Роза не захочет более ни с кем из них говорить: не то что *ни о чем*, но и *вообще* же «никак»; равно как – и пускать на порог!.. Но Александр, как, так или иначе, и ее же ровесник тоже, все же надеялся: не столько *на лучшее*; как делал и проделывал же это всегда; сколько на ее же взрослость и опытность – в таких делах, как «мирные переговоры», которые устроили бы всех, не вызвав такого, *никакого* бы ажиотажа, как и особенно-особого внимания к ним, да так и *войны*, от совершенно или *просто* «противоположных» им. Но женщина их – не придерживалась; и полностью игнорировала мужчину: который сначала звонил на телефон и в дверь, после – стучал, а затем – и просто сидел на ступеньках, взывая к ней уже с них. И да!.. *Ни в какую*,

как и она же сама, но уже и он – не боясь запачкать: ни свою одежду, с черным пальто и в цвет же ему лакированные ботинки, ни такое же имя, репутацию... Просто-напросто – не считая себя «жалким»; разве: идущим на попятную и... компромисс. *Стараясь*: сдержать и сохранить, какой-никакой, но «мир». И пусть так же: хотя бы – на время. *Все же!*.. На что Роза же – вновь не разделяла его взглядов: хоть и в чем-то уже был прогресс – не столько *лично*, сколько в принципе; ни чьих и... никаких. Ни в чем и ни в ком. Ни по чем и... ни по ком. *Только* – свой и... своих. Только: *за* себя. И придерживаясь – их же. Одобрив, разве что, еще где-то между – его же идею: с собранными и отданными ему же вещами Софии. Именовав это, по-своему, как *очищение дома от хлама* и *генеральная уборка*... Просто закинула все, что поместилось в ее же, *Софии*, будет она еще *свое* и разбазаривать-распылять, черную кожаную дорожную сумку средних размеров на длинных ручках в тон-цвет из шкафа же девушки – и выкинула ее на площадку к нему.

– ...Делай, что хочешь, Ксандер!.. – Крикнула по ту сторону двери Роза, порядком уже вымотанная и уставшая от его посиделок и воплей под дверью. – Но я все, что хотела, уже заранее и до твоего прихода *лично* высказала Владу. Можешь у него спросить: что и как; если он еще не рассказал, конечно. Иначе!.. С чего бы тебе и заявляться *самому*? Хотел дополнений и комментариев? Получишь их – от Совета, когда они придут за Софи; и к тебе. А я, так и быть, как *уби-*

тая горем и расстроенная мать, подожду ее – здесь!..

– Роза, не глупи!.. – Вновь взмолился Александр и даже руки в этом самом жесте к потолку возвел: хоть она этого не видела, не видит... да и не увидит. *Зачем?* – Зачем тебе это? Если так припомнить – у нас достаточно *многообещающая*... общая история. Тянущаяся: если не век, то *два* точно. А последний, крайний год, *прошлый* – если и не все *пять*... с ними, то и *шесть*... с *этим*. Были же и *есть*: вообще – патовыми!.. Могла бы и поблагодарить, что мы тебя почти выгородили: сбив вектор внимания и перенеся его же на *другую*; фактически – уберегли тебя же от Совета, как в общем, так и от гнева Сергея, в частности. Который, всего-то, только и делал, да и *делает* же до сих пор, что заботится о своей дочери и пытается сделать все лишь лучше для нее: *уберечь* и *сберечь*! Он же дал тебе второй шанс – на исправление, *буквально* и доверив же Софию!.. Зря, получается?

– Оставляя – у вас? *Конечно*: зря!.. – Злорадно рассмеялась женщина. – Прекращай, Ксан! *Из двух зол*... Выбирают, конечно, меньшее. Но *такое*: ни ты и... ни я. Кстати!.. Да. Я, вот, например – признаю это, а *ты*?.. Видимо, нет, если все еще считаешь, что: я – большее. А значит – и *худшее*... для нее. Когда же там и у тебя – ее *буквально* окружают: *наши* же... признаки-призраки прошлого. Из той самой «долгой и многообещающей истории»!.. В кавычках и... *Оболочках*. Жаль – не под «облачками». Как никогда же – живые и... Как никогда же *все*: здоровые!.. В отличие от... – и сбила

же сама себя, свой настрой и пыл, напор, готовясь же вот-вот сорваться на крик, если и не на истерику и припадок... со слезами. И русоволосый это понял; раньше, чем и ощутил это: в обугленном влажном дереве, с, так и некстати, примесью его же все солнечного жара, *духота*, сразу стало – *душно*; уместно промолчав. Так еще и зная, *помня* – про ее же все, пусть и какое-никакое, «никакое», а кураторство. И да!.. Пусть даже: и не первое. И не первое... *неудачное*. Как и то: каким боком оно вышло и выходило – каждый раз и... *именно* ей. Как вышло бы и ему: потеряй он – кого-то из своих ребят. *Парней*... Потеряй он так же – Софию. Но *сейчас*!.. Именно по *ее* же вине – он мог и может: потерять ее. – Не важно!.. – Вдруг осадила она себя и его же, взяв обоих словно бы в моменте и в свои же руки: а и точнее – в ежовые рукавицы, не поддаваясь эмоциям и ощущениям; а уж и тем более – *чувствам*. – Они – не *заслужили* этого. Как и *она*!.. Но с ней – я разберусь: после. Заставив, перед этим, страдать – остальных и... *оставшихся*. Ее же – оставив на десерт.

– *Да*... Они не заслужили – *этого*!.. – Отрицательно покачал головой мужчина, грузно выдыхая и потирая глаза и лицо обеими руками. – *Никто*: не заслужил.

Но и как бы он ей здесь и сейчас ни сочувствовал, понимая и принимая... *очевидное*; жить, *существовать*, пока кого-то нет, *как* это вообще, каково; но и никак не мог отдать их, *никого* из них и под горячую же руку ее. Буквально: под и на расстрел. *Тех*, кто ему был: *так* близок и дорог. *Свою* се-

мью. И!.. *Да*. Как ни крути... А «семья, Совет и предназначение» – были расположены: именно в таком порядке. *Таким* и никаком другом!

– А *она* – заслужила?.. – И тут же по ту сторону двери – послышался громко-звонкий удар, будто, если и не она же все сама ударила об нее, то ударила-сь, приложившись, как и он же все ранее, только и по эту же еще сторону, руками и ногами к полотну, правда, не *вместе*: чтобы только снять одну боль – другой. А что же и сам Александр *уже* на это?.. Хоть и злился на нее. Но понимал... И *принимал* – это все: с опущенной к ступенькам и бетонному полу же головой. – *Заслужила?!..* – Сорвалась на рев женщина, что аж дверь с полом задрожали и стены с потолком завибрировали. – *Заслужила*, коль ты и сам *ее* буквально передал... *Предав!*.. Выступив, чуть ли и не той самой же все: «последней инстанцией!» На твоих руках – кровь, Ксандер. *На твоих!*.. На Влада – плевать. Как и на Женю... Сергей – был над ним. Но редко... Когда же ты был – *метко* и... всегда! Что, *перевоспитал?* Научил – *родину* ненавидеть, а *отчизну* любить?!.. Молодец! Решил детьми – поменяться?.. Валяй! – И будто бы взмахнула обеими руками, *как* крыльями, для пущей убедительности и легкости жеста: с «легкой» же руки прощаясь, но и не без умысла и своего же интереса. – Забирай его и Софу, а я, *так и быть*, оставлю себе... Егора. Не лучший вариант, конечно, но и... не *худший*. Учитывая же еще и то, как вы вокруг него да около все дружно носитесь-трясетесь, боясь,

что он разом и проклянет же вас всех!.. А есть за *что*, м, скажи?! *Да*... Какой же будет все же «микс» из просто и разом же... нахлынувших чувств. Эмоций. И ощущений... А все – подкрепит, знаешь *что*, «любовь», так и не реализовавшаяся окончательно: из-за вас же все всех... вместе взятых; кто – смолчавши, а кто – и сделавши!.. Это. Затем же все. И...
С ним. Ним-и...

– *Только* – попробуй!.. – Вновь возник перед ее дверью Александр, ударив правой рукой по металлической поверхности; левой же, на автомате, еще и дернув за ручку.

– *И попробую!*.. – Прорычала Роза, скалясь, будто он и мог это видеть, как и ее же все «сытное» облизывание. – Начну – отращением к девчонке. Перейду: к братству. А закончу – семьей! Или, что, думаешь?.. Я кровь Влада – просто так: собрала и оставила?.. До следующего раза? Может, она уже – в ее крови, а? *Его тьма*... М-мм! Как будет плохо, когда тебя прижмут к стенке – сразу и все, да? Совет – за воровство и посягательство на частную собственность. А Егор... За отсутствие веры и до-верия, что немаловажно: к главе семьи; что сначала позволил вновь полюбить, а после сам же и разбил, дозволив Владу к ней *что-либо* применить. И знаешь!.. Мое влияние – отойдет на второй план. Когда же твое и... *пагубное!*.. Сделает последний: шах и мат. Кто будет разбираться: откуда, *на самом деле*, у девчонки вся эта «красота», когда в ней уже – твой подопечный? Сердце светловолосого мальчика-спальчика будет безбожно, хоть и при этом же

все *дьявольски*, разбито. Опять!.. И что-то мне подсказывает, что и ему будет наплевать: когда и *что* произошло... Он отвернется от вас. И повернется ко мне!.. Начнется кипишь. И я...

– ...«устроишь переворот»?.. – Изогнул свою правую бровь русоволосый, одновременно щурясь левой и скалясь-усмехаясь ртом. – Ты *так* мелко – не плаваешь, Роза!.. *Мне* ли не знать. Да?.. Да и... *всем*. И что же там еще у тебя – на них и... меня? Какой еще зуб – сточен и вы-точен под клык: чтобы проткнуть им – все и всех, вся? Не для этого же ты – *вторись* «рисунок». Буквально: избивая!.. Предшественницы Софии... *Настолько*: схожую и похожую. Что?!.. От любви все же и до ненависти, да? Мальчишки мои таки – *ее* «испортили»... тогда. Что ты и *теперь* – *так* отрываешься на Софии, а!..

– Я делаю это – не в угоду тебе, а уж и тем более не *им*, Ксан!.. – Цыкнула темноволосая – на его же все и желание в один заход дойти до сути: так она ему все сейчас и здесь рассказала, да-да; не конец же еще, в самом деле, чтобы «злодею этой сказки» было бы пора и байки-то свои правдо-маточные из склепа травить. – А в угоду... той самой: *похожести*. Она – не заслужила: *ее*!.. И не заслужила быть: *ею*. На замену же все: *ей*!.. Парням? Пожалуйста. Пусть: изгаляются!.. Только еще и баллы – от меня получают. Да-да... Пусть и ненавижу их до сих пор – за все и... всей же своей душой. За все сделанное. И *не*... Но и точно – не больше твоего и... *ее*! *В*

дальнейшем...

– Она – не *та*, Роза!.. Не *та*! – Рывкнул мужчина, стараясь уже и прямо-таки *вдолбить* это ей, пусть и словами: пока же вдавливая это в дверь – своей правой рукой.

– Убирайся!.. – В тон ему ответила женщина, сходя на «нет»: и теперь скорее уже и именно – утробно рыча. – Убирайся и не возвращайся!.. Иначе твоя проходка в спальню Софии, как помощь ей же, обернется последним гвоздем – в твой же гроб. И гроб-ы же – вас всех!.. Ты – не *педофил*, Ксан! Но кому это, черт побери, будет важно и нужно, когда: факты на лицо! А?.. Ты – сказал, *что* сказал... Но и!.. *Кто* видел? А кто и *поверит*?!..

Не сдержавшись, и ударив по двери еще и своей же правой ногой, Александр грузно выдохнул на это, но и ничего более не сказал, как и не сделал, лишь скинул тут же наваждение, как желание снести эту дверь с петель к чертовой же все *матери*, придавив стоявшую за ней в лепешку, и, потрянув головой, зачесав еще параллельно и свои растрепавшиеся русые волосы назад обеими руками, дабы еще и успокоиться окончательно плюс ко всему, сделал еще один тяжелый и, вместе с тем же все, глубокий вдох-выдох, и только после это удалился восвояси: вместе с ручной кладью.

В то же время, как и прислонившись же таки к двери своим левом ухом изнутри, Роза дождалась, пока он скроется, и развернулась, облакачиваясь на дверь спиной: будучи в одной лишь только казалось еще и ночной черной рубашке на

маленьких пуговицах в цвет и длиной до середины бедра, спущенной с левого же плеча и полу-расстегнутой до ямочки между грудей, надетой, что и ни капли же не удивительно, на голое тело, с рукавами, закатанными до локтей; и посмотрела на своего же гостя с широким оскалом:

– Как я?.. – И, встряхнув еще своими черными волосами «для пушшего эффекта», будто бы и львица гривой, разметала их по спине и плечам: не стараясь затем – примять их и огладить, убрав если и не на одну из сторон, то хотя бы и за спину, чтоб не мешали.

– В тебе явно умерла актриса! – Пооплодировал саркастично, делая достаточно длинные и долгие паузы между хлопками, темноволосый и темноглазый мужчина, опираясь своим правым боком и всем телом же, за счет этого, на тумбу.

– А сказать, *кто* умрет следующим, если не вернет эту дрянную девчонку обратно сюда?!.. – Сузила глаза Роза и клацнула зубами. – Сделай это! Мне плевать – как, *сделай*.

– А стоит ли?.. – Фыркнул «гость», беря с тумбы рамку для фотографии, опущенную, до этого, стеклом вниз и поднимая ее еще, тем самым, к себе лицом; изъяз тут же, будто и между прочим, из переднего левого кармана своего белого пиджака, надетого поверх такой же рубашки и брюк, слегка покрывающих белые лакированные туфли, свой белый же телефон. Затем прислонил его к рамке и будто бы сделал фото с нее: но на деле – лишь совместил их; представляя на ме-

сте *черного фона*, отраженного стеклом, фотографию с его же уже рабочего стола или еще экрана, как блокировки, так и обоев. Фотографию: *девушки с лошадью!*.. После чего – оставил рамку и убрал телефон обратно: возвращая все – в том же виде и на те же их, *свои* места, в котором и которых они и были до. – По-моему, отличное время, чтобы завершить тобою же уже начатое... – спокойно продолжил он. – А только потом – уже подключать и ее. Дергаться сейчас – не лучшая затея: признать поражение – де юро, угодить их мыслям, подтвердив их о твоей заинтересованности в Софии, не кроме, как в груше для битья, де факто. Пусть посидит – у них... С ее телефоном и *нашей* «тату» – они далеко не уйдут. А ты – преспокойненько и не торопясь, не отвлекаясь на нее: все пока доделаешь здесь. А я – доделаю: «там»!.. – И не скромно-тонко – указал своей правой рукой, с поднятым указательным пальцем, вверх. – Забрать мы ее – всегда успеем. Хоть – в то же воскресенье: если не захочешь ждать, конечно. Да и сегодня-завтра – тебе же хватит, в качестве *отработки?*.. Или еще «какой бредятины», которой не мне тебя учить!.. А уж и тем более – *как* на нее уговаривать...

– В который раз убеждаюсь, что не зря связалась с тобой... – проговорила с некой гордостью Роза, подходя к нему и ставя *пустую* рамку нормально: на деревянную ножку, а не кладя ее вновь стеклом вниз. – Не только потому, что у тебя есть «проходка»: *туда!*.. Но и потому, что ты подаешь, *действительно*, годные идеи. Пусть и в остальное время ведешь себя

– как палка, буквально, *полено*... но и «ружье»; подвешенное на стене и стреляющее *нормально*: только раз в год!.. – И прошла в гостиную, продолжая по пути. – Можешь оставить *ее* – так!.. На этот уикенд – мы здесь одни: и Софии не предвидится.

– Хочешь сказать, что еще есть смысл – что-либо прятать?.. И она не видела *это* фото? Почему ты его вообще не вернешь?.. Или: *еще* не вернула? Сей... «монумент», знаешь!.. – И мужчина передернул плечами, скорчившись. Хотя и было бы от *чего*: но и не от своей же все... *болотистой местности, со мхом и тиной*; под ее же вино. – *Угнетает*.

– Мне плевать: видела или нет!.. – Отмахнулась правой рукой от него, как комара, она, да и разве только средний палец не показала. – Правило – одно: не трогать мои вещи! *А вернуть?* Нет!.. Мелко. Как и сказал: Ксан! Пусть: забирают. Я ж заберу у них – больше. *Куда* больше!.. – И не хватило же только – злобного ведьмовского смеха: для полноты картины и раскрытия ее внутреннего же состояния. Как и *мира*. Но и *что*, к слову, она тут же тоже затем и подавила в себе, вернувшись к требовательности и серьезности. – Отправляйся – *назад*, пока тебя не хватились. А я – начну готовиться!.. К «пробежке». Надо же – форму поддерживать. И *фору*... «Легенду». Не для всех, так... Для *некоторых*!

**

...Сколько себя помню: никогда не считала себя – красивой!.. Как-то... И предпосылок-то особых к этому, да и *ни*

к чему, никаких же, собственно-то, не было... *Никаких*: совершенно-но!.. «Мать»? Всегда считала меня: идиоткой. Ну... *Да!*.. По своим, знаешь, и опять же, каким-то... *таким же* особенным и «обоснованным» ей же все причинам. Идиоткой на... минималках. На *максималках* же: мечтой идиота. Или той же все... *идиот-ки*. Да-да... Но и хотя бы по гомо- и би-сексуальным ориентациям – все так же и катком не проходила. И «на том», как говорится... Нет!.. Ты о чем? Ей, и здесь же все, не «не было плевать». *Было*. Еще как!.. Но – и почему-то: меньше. «Менее», чем, допустим, *опять же* все, на меня... *Обидно?*.. Ничуть! Сменялся и смещался – вектор внимания. *Смещалось* – поле зрения и... рассеивалось. Хотя, если бы я и была «по своим», наверное... *Тогда бы!*.. *Только* тогда бы – она бы их уже и впрямь: возненавидела. *Как* и меня. *Их*; и *из-за* меня!..

«Мечта идиота»! Ха. Нда... *Так* и называла... Да-к еще и добавляя затем, будто и этого – было мало: «Где б поискать – *такого* идиота, кто позарится на... такую, вот, *мечту!* *Горько?*.. Ну. *Не-сладко*: точно. Ведь и *так* – на всё и все. *Все* и... *вся!* *За* все – мои старания и... успехи. Сбывшиеся или нет, а и тем более – *нет*, мечты и... воплощенные же желания. *Планы*... А как итог!.. И «завершение»... Тот самый анекдот. Ну... Про *красное дерево!*.. Считала же меня – и им. «Называла»: им. Мол: «*Покрасила волосы!*.. “Красное дерево”. “Мечта идиота”!.. Была – дерево... деревом. Так еще теперь – и красное... *красным*... стала! *Красн-ым* дерев-ом...

стала. А разве?.. Не *была*... им?». Хм... *Дерево!*.. Деревянная и... *плоская*. *Тупая* и... пустая. Не те – волосы. Не та – кожа... Не те – брови и... Не те же – ресницы... *Челка!*.. Куча всякой... мелочи! Куча всякой: хе... рени! Не *та!*.. *Я*. Да... Если дьявол кроется в мелочах, то это «исчадь ада» – их подмечало; и его же все – *помечало!* Подмечало и... *вскрывало*. Как нарывы и... *шрамы*. Со всей же... *их*... подоплеккой. Со всем... и последующим же *их*... проливом. Со всем *вытекающим* и... проливающимся. «Не видела», в общем!.. И... «В общем». Не видела – в целом и... вместе же все: с достоинствами. «Недостатки». Не *их* же все и... одни. А... Вместе!.. И те и... Другие. Не «чужие». Иные... В равновесии и... балансе. *Гармонии!*.. «Видела» же – лишь: *их*. Одни и... Одни-х. Недостатки. *Одни*... недостатки. *Я!*.. *Я* была – одним сплошным: недостатком. Одной сплошной... ошибкой. «Второе имя»!.. Да. *Ошибка*. А «первое»?.. Угадай... *Ее!* Ее... ошибка. «Еггг!»!..

На «отсутствие красоты», кстати; не ей же, *матерью*, все и едины; вполне мог повлиять: и отец. А что?.. Как сам. Так и... его же все: «уход из семьи». И его же... такое же... «отсутствие». Как в ней, так и... *в принципе*. А была ли: она? М?.. Семь-я! Если и ~~была~~, опять же, конечно... *Конечно!*.. «Была». Да... Когда и я же все посчитала себя: ненужной и недостойной... Недостойной, в первую очередь, его же самого. Его же все и *любви*, как в принципе. И в общем. Так и... любви мальчиков, парней и... мужчин. Любви – мужского

пола. «Сильного» пола... В частности. В общем и... *целом!* Цель-ном... Ну и!.. Вот. Получилось же – то, *что* получилось... Без слез и не взглянешь, а!.. На одежду. На вешалках... В примерочной же магазина! А ведь вся хрень и главным же все образом *херь* – она в... голове; и *из*, *из-за* нее же! Все слова и... мысли. «Размышления»... *Помыслы!* Все и... тараканы!.. «Это платье – слишком короткое! Это – с дюже открытой спиной! Это – с большим разрезом на бедре! Это – с глубоким вырезом-декольте! Это – без лямок!..». *Без лямок?!..* А на *чем* оно – держаться-то будет, стесняюсь все спросить? Руками – держать собралась?! Ну хоть и пить не будешь, да? Не «бросишь». Нет... «Шлюха-алкоголик»! *Да...* Позорище!.. Глаза б... матери... тебя не видели! А. Ой... Нет. Видели же!.. Глаза «отца»? Хм... Грусть-печаль. И тут: лажа!.. «Мечта идиота»!.. «Мечта идиота» – выросла!.. «Повзрослела» ли? Нет! «Поумнела»?.. Туда же и... тот же все: ответ. А *выросла-то?*.. Да. Не «езде», вот, только... правда. Плос-ка-я... Если решила пойти на панель – так иди сразу так и... *голой!*.. Зачем тратиться на тряпки, которые после: все равно снимешь?!.. «Одеваясь для женщин, она раздевалась для мужчин...». Ха!.. *Не* одеваясь и *не* раздеваясь. Не *живя* и... не *существоя*.

По природе же... от рождения... не была худой!.. Я и – не «худая». *Совсем:* не худая. Со средним и... даже у кого-то... *маленьким* ростом!.. Я и «полной-то» особо – никогда не была. Но и всегда же все при этом – чувствовала отторжение.

Всегда – я «будто бы»: излишне. В *излишестве* и... с излиш-ком. *Будто*: дюже и... «чересчур», чем есть; на самом-то деле. Да... Так и не найдя «золотой середины» вначале... Ни в чем. И!.. Ни в *ком*. Я была: то «слишком толстой», то «дюже худой»... То и: «вообще же чересчур толсто-худой». И всегда же – не то. *Постоянно*: не так. А что такое: то? И что такое: так?.. Так и не узнала *сама*. «Не знала»: сама! Но знала, что пишется: с «не». И... *Произносится*.

И ведь не будучи уверенной в точности поставленного мною *себе* же «диагноза»... Вполне могла бы «с точностью» назвать это все... «расстройством». «Психическим», естественно!.. Вплоть до... панических атак, сонных параличей и... нежелания оголяться и... «обнажаться». Хотя бы даже: и минимально. Расстегнуться – чуть больше, чем полностью и... «до горла». Хотя бы: чуть-чуть и... до ключиц. «Для проформы»!.. На пару пуговиц же все – рубашки, например. «Для галочки». И!.. *Летом*. Да и «формы» – позволяли. Точнее: их же все и отсутствие. Хоть: до пупка!.. В довесок ко всему же еще – и «тату». «Спасение утопающих – !..». Но и отчего-то – не дело рук же все и самих утопающих. Оттого – и нежелание принимать помощь. И *все* же это: как помощь. «Будто»: еще один предел и... еще одна рамка. Еще одна: «грань». За которую – не зайдешь... так просто. *Буек*!.. За который не заплывешь. А я... И плавать-то – не умею! Не раздеваться и не загорать... Не плавать. *Мечта*!.. «Кого»? *Вьше*!..

Ха!.. Да. Я вполне могла бы сойти – за невесту шейха. И!.. Франкенштейна. Но и *шейха* же все же: ближе. «Пока что», во всяком случае. В одежде – до горла (во *все* горло и под *самую* же голову!). До кистей рук и... до ступней же ног. Ничего лишнего и... ничего *нужного*. Лич-ного!.. *Ничего...* Совсем! И нет, это все никак не связано с тем, что в голове до последнего и победного, *до сих пор* же все, сидело и *сидит* то прозвище: «Шлюха! Шлюха-алкоголик!..». Да *кого* я обманываю...

Закрытый белый купальник... с *рукавами*. И *плотные* белые колготки... *Белые* чешки. Пучок из темных волос... под *белой* же все резинкой и... *сеткой!*.. В *металлических* шпильках – аж... до самой черепушки. Не говоря уж и о занозах не ошкуренного дощатого пола: *в* и до... Кхм!.. Да. Преподаватель хореографической студии (класса) – прямо-таки ведь и уповал же все на это: на отсутствие красоты; и... что я – *некрасивая*. Говоря, конечно же, все это «завуалированно» и в виде того, что: «Девочка – полненькая. *Пухленькая...*». Но и... *Все-таки!*.. «Ушла» – *не* поэтому же, конечно. Не *преподавательница!*.. Но и это же – прямо засело... с тех пор. И в отличие же все: от всех. Других... *Не одна же – такая!*.. А? А?!.. *Одна*. «Мог бы смотивировать – да утопил...». *Бывает...* Зато, можно сказать, что в *этой* жизни – я точно испробовала и по-пробовала: все сферы, виды и подвиды, *разрезы...* насилия. Сначала – ментального и морального хапнула. А после – и физического... Равновесие и

баланс!.. *Гармония*. Чтоб им... И и-х!

А вся боль была и заключалась в том, что я несу это все – все свои годы!.. Несу *этот*... крест. А оборачиваясь назад и... на прошлое. На фотографии: *того* времени!.. Вижу – девчонку... с *плоским* животом! *С плоским!*.. Да еще и *таким* плоским, что только и... пупок прокалывать! *Который* – виден. Который, все-таки, *да*: есть. Да и чего уж там?.. Там же даже что-то и наподобие «пресса» есть!.. И *кубики*. Были. Был-о... *Да прошло!*.. И ушло.

Представляешь, да? *Прикинь!*.. Я была – нормальной! Не толстой и... Не *худой*. Не полненькой и... *Не пухленькой!* Не деревом!.. Не *деревянной* и... Плоской. Не тупой и... *Пустой*. Нор-маль-ной!.. Но меня *заставили* – думать иначе. *Думать* – обратное и... *Об* обратном же. Не «иначе»!.. И... *Я*. Да. Сама же все и... затем... заставила себя! Са-ма. *Себя* и... Стравила. *Ставя* во все же, вот, это. Не *представляя* – ничего иного, как кроме: «Закину-ка – еще пару-тройку толстовок». *В топку* же. Ага... *Внутри!*.. К своей неуверенности в себе и... платьям. В нагрузку же. Потешая – свое самолюбие: по всем же фронтам... *Жизнью*. И!.. Смертью. Хотя, *какой*, нафиг: жизнью? И какой: *смертью?*..

Ну а плюсом же к «общей картине мира маслом» – была еще и смена настроения!.. Смена чувств и... *Эмоций*. *Смена*: ощущения!.. Постоянная и... довольно-таки прогрессивная. «Алгебраическая». И... *Геометрическая*. Не «или». *Скоростная!*.. Да. Но и не так же все, конечно, чтобы: будучи

в компании – мы, все вместе, говорим об одном, о «жизни» же все, к примеру; а я, *вдруг и с ничего*, начинаю говорить о... смерти. *Нет!*.. Разве что... О *похоронах*. Точнее: об их отсутствии и... *кремации*. «Убийца веселья»!.. *Я!*.. Головка от ху?.. А. Пожалуйста... Не отвечу же... за «триста». Хотя. *триста*. Отвечу. И вполне!.. Нет. *Да...* Я же просто – уходила в себя. Посреди вечеринки и... «Беседы». Просто: отдалялась... *Еще*. И еще немного!.. *Еще*. И... И *все!* Выходила, ну, из чатика!.. *Покидала...* чат! Ничего такого, м?.. А и именно: ничего *страшного*. Обычно же это – не занимало: больше пяти минут. И выглядело: как и вполне же себе – нормальный отдых... от всех. *Адекватный*... отдых. И такой же все: обычный. Да-к еще и дающий же время: чтобы побыть с собой; и... *с собой* же все – наедине. Будучи... и *наедине* же... со всеми. «Адекватный»? «Обычный»? «Нормальный»?!.. Пусть – так. Но и только же... *Только* – я знала: что *это* – ничего не меняет. И я – все так же: хочу... *Хочу!*.. *Хочу... умереть!*

Таблетки?.. Да, *да* и бесспорно, «без-порно»: гасили это. Перед этим, прямо-таки, и *возгорая*. «Другие», правда... Но и!.. И не суть. «Что *лекарство* же, что *яд*... Главное – знать дозировку». Загашали и... *прятали*. «И *какие* еще – хуже, ага». В самые же дальние уголки сознания и... *моего* же все подсознания, *бессознательного*. Где *это!*.. Где *это все...* Зрело. Где росло и... *созревало*. Зацветало и... Цвело. *Пахло*. И!.. Я не знаю... *Честно*. А сколько, вот, времени должно

пройти?!.. В какой именно момент?!.. В какой именно «промежуток времени»?.. Стадия «цветочки» – должна перейти в «ягодки» и заплодоносить?!.. Знаю же только то, что: точно – *перейдет*; и... наступит же что-то поистине – нереальное. Что-то: «нестандартное» и... Дико!.. *Страшное*. Дико-е... Звериное. Не «животное». И... Ужасное!.. Для *них*!.. Да. Как и видят же это все – они. Что *и* вокруг. Да. Те, *что*... окружают меня. Но – и не «я»! Я же сама и за себя, «своя собственная» – вижу в этом: лишь освобождение. «Очищение»... «Тони. И!.. Гори. Гори, гори ясно, чтобы не погасло... Синим пламенем!.. Гори».

А может, *оно* и уже: горит? *Тен!*.. «Второе я». Втор-ая: не я. Как синяки же и... *раны*: обращаются в «тату». Так и она, собирая по темным уголкам моего сознания... «темную же меня», становится – только больше и... *сильнее*. *Лишь*: мощнее... Во мне и... Вне же все: меня. *Одновременно!*.. Будто еще немного – и она готова будет: выйти. Отделиться и... *зажить* собственной жизнью!.. Темнота – ее подкрепляет. А Роза – и подавно... *Возрождает* и... пере-рождает. Вполне себе – *ягодки*, не скажешь?!.. Я же... Я же сама – пока в каком-то... подобии. В каком-то... будто бы и из видов «ремиссии»: еще не «выйдя», но и как-то... *уже* и не вернувшись. Могу еще немного, знаешь, потянуть время... Немного и поиграть – с цветом... *бутонов*. Поискать и найти: *кого-то*... рядом. Кого-то – *себе* и... рядом. Ту же: Тен. Я – *не* энергетический вампир!.. Или что-то: в этом духе. К сожа-

лению ли? Счастью?.. *К сожалению* – своему; и *счастью* – ее. Наверное... Зато в отношении н-ее – обратно-е: она бы могла, вполне бы могла и с-могла предстать – им; и... *быть*. Как и могла бы – сойти за обратного же все; и *еще* же – ему. А я – за *обратное*: ей. Того, кто *не* заберет энергию. Того, кто *отдаст* – ее. Для жизни... Для жизни же все и *того* – благодаря кому: смогу жить и *сама*. То есть!.. Поддерживать – жизнь: двоих. Жизнь *двоих*... в одном. Жить – для кого-то; и жить – *за* кого-то. За нее и... *для* нее. А она бы – могла и... *смогла*? Жила бы – за меня; и *главное* – для меня? За себя – я же уже: не могу и... с-могу. Не доверяю же – себе и... Не живу. И уже вряд ли: даже существую... Зато – могу показать *жирно-худой*: *нормальный* фак!.. Тем, кто считал и считает же до сих пор это все: *херней*! Что все *это* – от отсутствия работы. *Занятости*... И!.. «Нагрузки». От отсутствия: досуга и... *хобби*! *Людей* и... друзей!.. Вот – я: загружена – двадцать четыре на семь, считай! И все равно же все – хочу... *Хочу*!.. Хочу: умереть! Хочу – *смерти*!.. *Хочу* – сдать. И как, вот, *теперь* у «нас» дела, м?!.. Как-как? *Никак*!..

**

...Я «никогда не считала себя – красивой!.. Как-то... И предпосылок-то особых к этому, да и *ни к чему*, никаких же, собственно-то, не было... *Никаких*: совершен-но!.. “Мать”? Всегда считала меня...» *мечтой идиота*. Но!.. Может? *Может*, вся эта херня – от меня?.. И «из-за»... меня. Вдруг я и есть – та самая: «херня»?.. Сама же и... *для* себя. Я – заста-

вила: *себя... сама!.. «Са-ма. Себя и... Стравила. Ставя во все же, вот, это...».*

Я – нормальная... Я – ненормальная! А если?.. Я – ненормальная... Я – нормальная!.. Код – взломан!

Привет, Вселенская механика с... «не»! Привет и, Вселенский механизм!.. Нравится притворять в позитив – «негативные» частоты?.. Негативные частоты с... частицей: «не». Обращать де юро – в... де факто!.. А как тебе понравится: от противного?.. И от «обратного»... же. «В» обратном!..

Я – мечта идиота... Я – толстая... Я – худая... Я – полненькая... Я – пухленькая... Я – дерево... Я – деревянная и плоская... Я – тупая и пустая... Я – не мечта идиота! Я – не толстая! Я – не худая! Я – не полненькая! Я – не пухленькая! Я – не дерево! Я – не деревянная и плоская! Я – не тупая и пустая!.. Я – некрасивая... Я – красивая! Я – не «я»... «Я» – я!..

Я...

...Хм!.. А почему, вот, и нет? Как и в конце любого материала – здесь тоже: те-ст!..

1. «Ложь – во благо».

2. «Любви – все возрасты покорны».

Ответ А. Верно 1.

Ответ Б. Верно 2.

Ответ В. Верны оба.

А «верно» ли?.. И верн-ы ли? Возможно ли – почувствовать себя: не на свой возраст?.. Преимущественно – войдя в него; и *видя* его же – в зеркале!.. Но и продолжая, при этом же всем, врать... и *надеяться*... «на лучшее». Видя – того красавчика. Или: ту красотку... Которые – *были*, да, но и лет же так эдак... десять; или *двадцать* назад!.. «Тридцать». Или даже, *тем более*, сорок!.. Будет ли это считаться: ложью во благо? И в принципе: *ложью*?.. Когда *ты* просто хочешь вернуть – то время. Когда хочешь войти и в новые отношения: чувствуя себя же... *юной*? Юным!.. *Юнцом*. Самообман ли это? А может быть, «самовнушение»?.. И это я сейчас и здесь спрашиваю – не у людей: которые «молодятся»... постоянно!.. А у тех, *человек*, кто будет отвечать им – на их же все и вопросы, по типу: «А я ведь *еще* – ничего?.. Я ведь еще – не *старая*?.. Я ведь – не *такой* старый?.. Я же – еще *что-то* да и могу?..». Ложью ли будет – ответить: «Нет»?.. *Нет!*

«Да». И *о да!*.. Смотря же все – в их и... блестящие, горящие глаза. Жажущие – услышать *все*, что угодно, но и только лишь: не горькую и... *губительную* правду!.. Эх... А как же там все было?.. *О мертвых* – *либо хорошо, либо никак*. Ни-чего!.. *Кроме*: правды. И да... «Все еще». И... «Там»!.. Где *вы*, вроде как, и понимаете, что *ваша* дружба – зачиналась в правде; и *росла* в ней; как и общение. Цвели и... *плодоносили*, прямо-таки: в полном доверии. Но еще же и *уже* принимаете, что они же – *вдруг* и могут же зацвести: *враньем*. «Утаиванием»!.. Могут *заплодоносить* – ложью. Но и

враньем-то – не абы каким, как и *прочими*, во благо. Да?.. И ложью-то, да, тоже. А и «тоже» ли?.. Существует ли и вообще: такое «понятие»?.. Когда *ты* «можешь» соврать, но и занавесив же это все при этом цивилизно – благом... для самого же, того, *люда*... напротив? Можно ли соврать – во благо: и не быть «пристыженным»?.. Не быть и: избитым... собственной же совестью!.. Под покровом ночи... И перед сном. За углом... Так и не дойдя же все до кровати.

Или, вот, отойдя же все: от чувств!.. Влюбленности. Любви и... Прочего. И перейдя к чему-то *более* насущному. Например!.. Друг – хочет подкачаться. Но усилий к этому – прилагать и предпринимать не хочет. Хочет пройти – окружными... и *обходными* путями. Просто – «с неба упасть»... на готовенькое. А именно!.. Ну... До тупого же и бредевого!.. Не говоря и: о смесях и... о прочей «химии». Для *повышения*... мышечной массы. Интересно, у кого-то еще: полыхает?.. «Что» – это было?.. «Синтол»? Или *уже* и догорает; тлеет и... истлевает?.. Опускаться, да, так: «опускаться». *На дно!*.. «Кто проживает?.. Губка Боб... Квадратные Штаны!».. Да... Как говорится: «вдохновилась». И ни в коем же разе: не *сти!*.. Губчатый же *наш* друг – вместо того, чтобы походить в спортзал; или хотя бы к своей подруге-белке, у которой, на минуточку, мышцы-то и поболее будут; покупает суррогат и... туфту. *Заменитель!*.. По телеку. Да... «Вы-пи-сы-вает». *Надувные*... руки. *Базуки*... Кхм!.. Что?.. Которые можно надуть – под любой размер!.. Хочешь: просто. Хочешь:

с прожилками и... *венами*. На любой же все: вкус и цвет. Но *это* – внешне!.. *Внутренне* же «сия красота» – не просматривается. И руки его, как были хилыми, так и остались. Ни поднять... Ни опустить. Ни подтянуться, ни... отжаться. «Такое»!.. Белка же его; *не* наша, да и *его* ли; за счет же все и уже *своей* «ореховой мозговитости»; равно как и «ореховости»; фишку-то – просекла сразу: и решила вывести нашего Губку – на чистую воду. Вывела!.. *Пятна*. Им. Потом – и его. Ха!.. Он – и обломался. *При всех* же: опозорился!.. Не смог перекинуть ядро (якорь) – на большее расстояние. Да просто поднять его изначально: не смог. Руки – сдулись. Хвост – облез... Кто слово промолвит... Не то!.. И *лопнули*. Антракт!.. Не. *Занавес*. Чего добилаесь – она?.. Правды. Чего добилаесь: *еще*? Слез!.. Но злого умысла, как такого и «вообще», у пористого же – ведь и не было. *Никакого*. Не наблюдалось. И!.. «Совсем». Он ведь – отчетливо понимал: *как* это работает. Как и *принимал*, «что» будет: если употреблять их, пользоваться ими – не по назначению. Если: с излишеством и... перебором. Он – не кичился!.. Не «на пафосе» – все это делал. Да и просил же ее еще сам перед этим – отказаться: не вписывать его – на соревнование... в ряды «качков». Но она – упорно шла к своей цели, *успеху*, чтоб таки и содрать с его же глаз: *им* же все *самим* и *себе* же надетые... розовые очки. Сорвать – и маску. Занавески и... Ш-оры!.. Чтобы: развеять туман. Еще раз, где-то между, *еще* же и доказав, что он: *полное* ничтожество и ни на что же не годен. *Получилось!*.. *Фар-*

тануло. И!.. Не спорю, да, «Старания и труд – все перетрут». И если бы он – тренировался: по правде!.. Но и если бы да кабы... В лесу бы выросли – грибы!.. А не Губки. С *белками*... «На дне». Да простит нас!.. *Посейдон*.

Что ж!.. «История не любит – сослагательных наклонений». И факт – остается: фактом!.. Есть – просто: *человеки*. Есть *люди*, которые врут другим: для показухи. И сами же лезут – в объективы камер, мол: «Смотрите, какой я – классный!.. Какая – я; и классн-ая! Подкаченный!.. И подтянутая! Растянутый!.. И натянута... В общем!.. Во всех смыслах... *Нет*. «В общем»! А есть и люди-человеки, которые врут себе: и *лишь* – себе! Для поддержания: себя и... *повышения*, хоть какой-то, *но* самооценки. Им – не нужно: внимание. Не нужна им – и «популярность». *Известность!*.. Не нужен: шум. Им нужна – только: уверенность! Просто: уверенность... в себе. Не перед кем-то. В себе. И!.. *Для себя*.

«Вранье вранью ведь – рознь»!.. Одни врут, не думая: что могут быть пойманными. Распускают свой «павлиний хвост»: под которым... все мы знаем – *что!*.. Все как у... «курей». А другие – знают, что могут: *получить* – за это. Знают, что могут и «огрести». Поэтому: отмалчиваются. Не суются – туда, где могут быть опозоренными: на весь мир и... *свет*. И, вот, как поступить: в этом случае?..

Правильно ли сделала белка, что: вывела «в люди» и на чистую воду?.. И *правильно* ли, что посредством: всеобщего внимания и... последующей опозоренности? Правильно ли

будет – смолчать и подыграть... *люду*? Но и, опять же все, *понимающему* – истину, смысл и... суть? Не тому, кто только и ждет, что его похвалят. *Полюбят!*.. А после и требует еще ответа на свой же все и *риторический* вопрос: «Почему нет?..». А тому, кто уверен в том, что: все – *не* так. И на самом деле – все *так*, как оно есть. Что: все осталось – прежним. Или, возможно, *хуже*... Но – *осталось*: собой. Осталось – *своим*: под этой оболочкой и... маской. *Зачем?.. Просто*. Чтобы добавить – немного уверенности... *в себе*.

«Соврать – во благо»(?)..

ПЫ.СЫ. Кстати!.. А вот... «Губка» и губка. Белка и «белка»... А как отличить: кролика от зайца, крокодила от аллигатора и сову от филина?.. Ну и так далее. И тому же подобное!.. «Первые – домашние. Вторые – хищники». Так ты знал?.. А почему ты мне ничего не сказал? И какие же все умные, ты погляди!.. А рояль от фортепиано? «Дома; и в оркестровой яме, соответственно». Да блин!.. «Пользуйся!.. И не благодари». Ага!.. Пожалуйста... «В смысле?» Ну ты же сказал «Спасибо» – на автомате... и *прилетело!*..

Глава 22

– И как у нас дела? – Вернулся с красной банкой охлажденной газировки в руке, с небольшим еще конденсатом – только из холодильника, с кухни Никита, уже переодетый во все *свое*-домашнее: черно-белую полосатую майку-тельняшку, чуть ниже пояса и белые шорты, до колен. И тут же попал в поле зрения Влада, переведшего на него донельзя хмурый взгляд, мол: «*Что, сам не видишь, «как» – по довольным лыбам этих двух?»*. Но и, затем, резко повеселевшего, увидев то, что ему: «так» хотелось, но и не хотелось *лишь* ради этого лишний раз вставать и прерывать игру. И, вырвав буквально живительную влагу из рук шатена, смачно отхлебнул ее, под сокрушенное «*Эй!..*» и рывок металлического сосуда обратно: в результате чего – большая часть оказалась на обивке дивана, на которой и восседали до этого он и те же все самые *двое*; парень и девушка.

– *Свинота!* – Огласил неожиданно и мысли всех же здесь собравшихся Влад, отряхивая левую руку от мелких темно-коричневых капель и свою же уже светло-зеленую майку, надетую поверх горчичного цвета бридж, чуть ниже колен, от них же. Двигаясь и отодвигаясь еще, параллельно с этим, с мокрого края дивана: под понимающим взглядом Софии, отодвигающей и пододвигающей, в свою очередь, в это самое

время, доску к себе и вполне же себе спокойному Егору. Который, то ли и сговорившись, но и разве что с самим собой, то ли и подыграв, что и скорее же всего, то ли нет и просто так, от своего же желания, но и так же переоделся, правда уже и в тон самой девушки: в черную футболку и того же цвета свободные спортивные штаны. И да!.. Он никак особо на это не отреагировал. Ни: как старший брат. Ни... *как!*.. По-другому. Как *кроме*: в своей же все уже и излюбленной манере – закатил, по итогу всего же действия, глаза на этот цирк; и очередную же *попытку* вновь поругаться из-за такой мелочи. Считай и: «ничего». Да и процедив еще что-то похожее на: «*Два дебила!.. Это: сила! А раз “сила” есть – ума и не надо*». На что уже и брюнетка, услышавшая это, как и все же до, собственно, отреагировала на это, толкнув его локтем своей свободной левой руки в его же левое ребро. В ответ уже на что – была еще сильнее сжата в объятиях и слабо укушена за левое плечо, в которое он до этого уткнулся подбородком. – Рукожопая еще – плюс ко всему!

– Хотел пить – пошел бы и взял сам!.. Себе. И *свое*... – спокойно отреагировал Ник, обходя диван и облокачиваясь на его спинку: смотря теперь лишь на фигуры – не в лучшем положении для них, но и в «лучшем» и, вот же *сюрприз*, для Егора и Софии.

– *Сам* посмотри!.. Если он не закончит ей помогать – проиграем мы. А если «закончит»...

– Закончится – и игра!.. Да. Я таки нашел «альтернати-

ву» – скуке: точь-в-точь, *кстати*, как и в прошлый раз!.. – И коснулся слегка, будто и *между прочим*, губами левого уха Софии: на что та загорелась, не хуже и огня в камине, только и ярко-красным, даже и *алым*, вместо оранжевого; и тут же постаралась выбраться из его *хватки*, только сильнее в ней утопая и прижимаясь же к нему. – Во всех смыслах. И вы *нам* больше – не нужны!.. – Усмехнулся Егор, начиная уже и щипать, а после – и щекотать ее.

Да... уж!.. «Игра командами» – впервые не радовала глаз самого младшего из парней: ведь обычно с ним играл – именно Егор; и они, *естественно*, побеждали. Теперь же – с ним играл Влад: и все шло... не так «прекрасно». Вообще: *ни разу* и... не прекрасно!.. Ни в одном из моментов: ни в начале, ни в середине... ни в конце. Которые, к слову, сменялись, таким образом, «таким образом»: *достаточно* быстро – за то время, пока он отсутствовал. И тут тоже – не было: никакого «сюрприза» и... ничего удивительного. Все же было – на руку тому же Егору: поскорее избавиться от них, чтобы остаться с Софией. Перечить же «составу», казалось, по меньшей мере – глупо. Как и возникать же все «на пустом» – тупо. Не говоря уже: за отказ от... *брата!*.. Да и ведь, как ни крути, а был же рад и сам – не только за брюнетку; что сейчас, как не то юла, не то уж, уворачивалась от щекотки блондина, безуспешно достаточно, надо сказать, но и сдаваться же все при этом, так просто, не хотела, принимая, раз от разу, поражение; но и за него же самого: *впервые* и буквально ставшего

тем, каким и хотел, став *именно* на «верный путь». Да и есть ли разница: *как* проигрывать?.. Ведь, была бы София с Владом; чего бы – не было, *естественно*, кто бы ей, и *тому*, это позволил; Егор бы все равно подыгрывал ей; чего бы, опять же все, *никогда-никогда* не было бы. Будь то: разрез или не разрез, над- – отношений. Игра же на них – не распространялась. Как и *работа* – на «личную жизнь». Егор – умеючи делил и раз-делял, между собой, эти понятия: не совмещая; и так же все, при этом, извлекая выгоду – из всего и сразу. Как для себя, так и для других. *Другой!*.. Но Никита этого – не знал. Как и не знал – о прошлой уже и их двоих «игре»; и к *чему* именно – были те его слова. Как и к кому *именно* – были обращены те его же отсылки. Ведь и Егору – не столько важно было побеждать и... победить во всем, сколько найти еще одну причину, чтобы уложить Влада «на лопатки»; пусть даже и этой же самой все игрой. Доказав просто, в очередной же все раз, свое первенство и... превосходство. А девушку!.. Ее уже – *другой* игрой. Но о ней уже знали – *только* эти же самые все: двое. Хоть и итог – был всегда: один!..

И стоило бы еще сказать: «Спасибо». Да!.. Что Егор смилостивился, как ни крути, делая же все это и *пока*: играючи. Не стараясь отделиться и отделаться – сразу и жестко. А *растягивая* удовольствие. Назло, да, и практически не следя на ходом игры; за шагами и их просчетом. Больше и именно – развлекая Софию, в своих же все руках, и себя: беся вдвойне, всем и сразу, проигрышем и «обжимашками» Вла-

да. Но – и без *прямого* злого же умысла!.. *Просто* хотел – поиграть не его нервах. И с чем, надо сказать, справлялся все прекраснее... и чудесатнее. Ведь, и лишь только поначалу, имея в голове – быстрое избавление от них двоих: и получая выигрышем – пустой первый этаж. Одновременно, как и «бонусом», для *них* двоих уже: с Софией. Ну а после же – в голову пришло доведение его: до «белого каления»; развернув буквально же все свою и ее, *их* бурную «отношенческую деятельность-жизнь» – прямо у него на глазах. Чтобы он *сам* понял – «насколько» худшей была затея: развлекать ее – ему же самому. Во-первых, без *него*: разводя буквально и снова же все – ту самую «голубятню»; которую уже и однажды хотел раз и навсегда разогнать. Да, видно, время все не приходило. А теперь, вот, взяло и подошло!.. Пришло. А во-вторых, предлагая то, в чем он сам же все был – не из лучших. *Шахматы!*.. Серьезно? Если: и не из худших. А Егор, соответственно, наоборот. Хотелось посмотреть: на *каком* моменте – Влад сдастся!.. Да и не придется ли лишний же раз все уговаривать «цивильную» Софию – на *продолжение* всего того, что подслушивал этот же все засранец в кухне и наверху, а теперь, еще, вот, и видел? Ну а последней каплей дегтя, в бочку с *ним* же, рыжего, стала пересадка Софии на колени к Егору: устроенная им же самим. Пока только – обоими коленями и в сторону доски; ступнями же ног – вниз и к полу. Но руки, *руки-то*, продолжающие находиться на ее талии – так и говорили: о незаконченности действия и о

следующем пируэте-уровне; который завершит и до-вершит начатое, развернув ее полностью и к нему. О чем говорил еще и вполне же себе уже хитрый серо-зеленый взгляд, так и берущий на слабо: «Продолжаем?.. Или нет?».

– Черт с тобой!.. – Фыркнул Влад, вставая и уходя от дивана: под победный смех блондина, разливающийся, *будто бы* и морем, так еще и смывающим, *неожиданно*, всю *не* свою мяту. – Идем, Никитос!.. Уж что-что, а это – не детское, да и не *взрослое* зрелище.

Но и проводив же лишь только взглядом спину парня, шатен сделал последний глоток из банки и, перегнувшись через диван, добил игру за *Егором*... и Софией:

– Мат!.. Ты пожалел его?

– Скорее: *тебя*!.. – Пожурил его блондин и потрепал левой рукой, правой же все еще держа девушку «при себе», по шевелюре. – Куда ж *мне* – и бросать младшего-то братишку?.. *Тем более*: когда с тобой бы – могла играть Софа, если бы Ксан не ушел. А я бы – у *того*... в команде.

– Зачет!.. – Хохотнул Никита, отбивая кулачок о кулачок блондина, и удалился следом за Владом наверх.

И, теперь уже проводив взглядом и последнего до лестницы, а там и второго этажа полноценно, ребята уже оба выдохнули: правда, каждый – за свое и *о* своем; за *себя*. А София еще и облокотилась на парня, укладывая голову на его грудь и окольцовывая его же руками, задумчиво уставившись в доску с фигурами. Егор же – откинулся на спинку дивана и

обнял девушку в ответ: левой прижав ее к себе за талию, а правой – огладив по спине, но и обращаясь же все при этом тем же взглядом, хоть уже и к камину.

– *Наконец-то*: ушли!..

– И все-таки – ты их *любишь*!..

В один голос проговорила пара, хоть и совершенно разные вещи. Но и только София решилась продолжить – после недолго молчания: поняв, что он – либо не собирается соглашаться, либо шокирован и не понимает, к чему она вообще ведет. А подняв голову затем и взгляд же на него, еще и убедилась во втором: только приметив нахмуренные и сведенные на переносице светлые брови и чуть расширенные зрачки глаз.

– *Их!*.. Их *обоих*.

– Я... промолчу!.. – Отмахнулся Егор и перевернул к себе девушку целиком, усаживая ее удобнее, как для нее, так и для себя, на себя же самого: ее же ногами и по обе же стороны от себя и своих же все ног.

– А молчание – в знак согласия!.. – Подняла руки с талии на его же грудь брюнетка.

– Не в *этом* случае... – скривился блондин, отрицательно качнув головой, и потянулся к ней за поцелуем: вот только она – отклонилась от него назад. – И ты не сможешь заставить меня это подтвердить!.. Не сможешь и заставить: согласиться с этим.

– Думаешь?.. – Снова отклонилась она, так или иначе, но

и заставляя уже блондина: следовать за ней. А после, и с оставшимися же парой сантиметров от нее до пола, резко потянуть ее на себя и вжать же так же все в себя, окольцевав руками ее талию.

– А *мы* смелеем на глазах!.. – Усмехнулся Егор, привлекая ее уже к себе правой рукой за шею, удерживая, при этом же всем и все еще, левой рукой за талию и касаясь кожи ее губ своими же губами. – Интересно!.. И что же дальше? Будешь «динамить» меня и морозиться?.. «Студиться»? Пока я не приду к *нему* с повинной?.. Ты не на той территории, чтобы подобным оперировать; и пользоваться – *таким* оружием и правом!.. Выбирая *сама*: где, когда и... *как*. *Сколько*!.. Но и единственное условие, которое я, так уж и быть, могу соблюсти и соблюду: это «единение». Что значит: не при *всех*.

– Вот это да!.. Прямо: с барского плеча, – оттолкнулась все-таки от его груди София, после чего, и *сама*, укладываясь на нее: подложив под подбородок – сложенные друг на друга свои ладони. – Забыл лишь только добавить, что в противном случае, не подчинения и не повиновения, *снова* придешь ко мне ночью: как какой-то «Бабайка».

– А говорила, что не нравятся «отсылки»!.. – Оскалился он, опуская руки ниже ее талии на ягодицы, и, сжав их, подвинул ее по своему же все телу повыше, поднимая обратно к себе и на уровень своего лица, как и глаз. – Я могу быть и грубым, сладкая!.. Собственно, могу быть: *любым*. И да. Каким только *и* ты же лишь: захочешь, пожелаешь!.. А *нет*,

захочу, пожелаю и «возьму» – уже я сам!.. Ты вернешь мне мою *рубашку* или нет?

– Нет!.. – Отрицательно покачала головой девушка и хитро улыбнулась, уложив свою левую руку поперек его груди, правой же, локтем, уперлась в его левое плечо и уложила уже на ее ладонь свою голову. – Не поверю, что с ней одной, и *из-за* нее же одной, у тебя в гардеробе рубашек – прямо резко поубавилось. Или, что, она *одна*: такая? И *такого* же цвета?.. И «самая-самая» *любимая*?..

– Забыла добавить: пресамая. *Нет!*.. – Покривлялся Егор и аккуратно поднял ее левую руку с себя вместе с правой, и своей же все правой, заставив саму же брюнетку, тем самым, оторваться ими от себя и своей же груди, убирая затем их себе же за шею и на спину, не сводя взгляда с ее карих глаз, что против света камина казались куда темнее оригинала и походили больше уже и на два же черных дула в тонкой белой окантовке-оправе, словно и белые пистолеты, что в любой момент были готовы разрядить в него, если не всю обойму... *сирени*, то ее часть; как и он же сам чуть ранее – растягивая удовольствие. Но и он же, кстати, был и к этому тоже готов: не столько потому, что не *умрет*; пусть и от таких же все «метафорических сравнений»; сколько потому, что знал, что и она его *не* убьет – скорее *сама* «самоликвидируется». *Пацифистка!*.. После чего коснулся ее щеки, медленно соскальзывая уже и своей левой ладонью на ее шею; а затем уже и сам поддался – чуть вперед, к ней. – Но она носилась –

здесь и мной... Хотелось бы, чтобы вернулась и продолжала, продолжила делать: то же самое. Пусть даже, а там и *тем более*, тобой, но: *здесь!*.. А не где-то там и с чем-то... кем-то непонятным.

– Серьезно?.. – Изумилась брюнетка. – Или мне показалось? – И, придвинувшись к его лицу и окольцевав уже сама руками его шею за спиной, прижалась к его лбу своим: и так же дотошно начала изучать его глаза и сам же этот *его* взгляд сейчас... и *здесь*. – Это сейчас была... *ревность*? К одежде?.. Или ко *мне*?

– Ко *всему* и сразу!.. – И, отклонив ее голову за шею в правую сторону от себя, коснулся нежной кожи губами: опалая и даже *обжигая* ее своим дыханием. – Мы же так до конца и не выяснили: *природу* твоих снов. А и точнее – *откуда* у «сей информации» ноги-то растут; и откуда, по всей же видимости, по окончании всего – мне таки и *придется* их вырвать; у *кого!*..

– Ты и, правда, думаешь, что я могла на «ком-то» принципиально учиться: *этому?*.. Используя – кого-то, *таким образом!* – Но и проигнорировав ее вопросы к себе, стараясь больше не заикливаться сам, чтобы, как и в прошлый же все раз, не пойти искать «кого-то» уже и *другого*, но и под горячую же все руку, а там и обе, и ноги, банально – отрываясь просто-напросто и «от процесса» же сейчас, Егор с новым воодушевлением продолжил оставлять влажные следы на тонкой коже ее шее. Но так и не дошел до главного «эро-

генного участка», той самой синей венки, пульсирующей под бледной кожей, как София взметнулась своей правой рукой в его волосы, левой – продолжая лежать на его плечах, и буквально *оторвала* его от себя, сжав светлые короткие пряди в кулаке. – *Егор!*.. – И взгляд ее карих глаз вмиг потемнел с удвоенной, а то и утроенной силой, теперь мешая в общий «микс» не только цвет и *не-свет*, но и не самые положительные эмоции, вообще же ни разу не положительные, а только лишь негативные, отрицательные, да и более того – *самые* ядерные из возможных, в сумме и коллабе: ярость и гнев. – Да кем ты меня вообще?..

– *Никем* я тебя не возомнил и не считаю, ладно?.. – И, изъязв ее правую руку, мало по малу начинающую уже причинить и реальную боль, из и со своей головы, вернул ее в поле своего зрения, перед собой, своей же левой, и сжал на своей груди. – Сама посуди... О *чем* еще я мог, и на тот же все момент, подумать?.. Точнее: о ком! Не мои же все слова и на тебя же вдруг – *такой* фурор произвели!.. До этого, будучи, вообще: по нулям. А тут в один заход – и до «ста». Было же и *до*: что-то и... *кто-то!* Да и явно же еще, что: не повтор... и не *инерция*. Тем более: не «автомат»!..

– *Странный* – ты все же: человек!.. – Резюмировала София, но и тут же постаралась прояснить, заметив недоумение и ярый скепсис, на манер, что: *еще немного и она по-настоящему «напросится»*; но только *своего* же холода и стали так из голоса и не убрала, решив, уж если и «отхватывать», так

за дело и правду. – Что и вообще же: не *человек*. Просишь «отключать» голову – и тут же вставляешь мне же: за это!.. А ничего, что я снами управлять – не могу? Как, собственно, и какими бы то ни было «душевыми порывами» в них!.. Эмоциями. И *чувствами*... Ощущениями!.. Если у меня и был, какой-*никакой*, да «опыт» до тебя... Это еще не значит, что он весь – кочует... и *перекочевал* к тебе и в тебя же!.. Это *значит*, что, как минимум, я *могу* – думать о *таких* вещах... и размышлять о них! А и как максимум, имея еще часть от и *самого* же демона в себе, не будем забывать, *да*: говорить и *делать*!.. Пусть в реальности – и не *так* открыто. Все же, тут же, и про ангела: помня. *Но!*.. Но и во снах-то я этого, «на привязи», держать не могу.

И не успела она еще что-либо прибавить к своей тираде, чтобы, возможно, даже, а там и *тем более* после нее же все же встать и в обиде же уйти, как блондин, *будто бы* и ощутив это, прижал ее к себе и так же прижался к ее губам своими. Да-к, еще и вспомнив прошлый свой опыт с ней, вернул уже и обе ее руки к себе, сжав их одной своей левой на себе; правой же – продолжая удерживать ее саму на себе, но и так же уже не за талию, а за спину, чуть не доставая лопаток: ведь затем София еще и начала вырываться. Вот только и проделав же это вновь безуспешное дело несколько раз, в попытках еще где-то между и параллельно увернуться и как-то же все слезть с него, она осталась на месте; и даже – начала отвечать. Хоть и все так же с неохотой и скупой: все-та-

ки успев «докрутить» себя и закопать же в невесть что. Но и зато – вместе же с ним!.. Почти. Его же: *просто* закопав.

И только спустя какое-то время оторвавшись от нее, чтобы заодно набрать и побольше воздуха, Егор соединил их головы и лица лбами, придерживав ее правой рукой за шею и смотря в ее же глаза; пока же и она – нарочито не смотрела на него, да и вовсе же их не открывала, тяжело и сбивчиво дыша, попеременно еще срываясь на сиплые хрипы.

– Прости... – прошептал он, опуская ее руки и свои на ее же талию, но, и на этот уже раз, не прижимая к себе никак: просто – придерживая, чтобы она вдруг не упала; давая, таким образом, еще и свободу *ее* действиям, если она захочет все-таки встать. Но София сидела ровно, чуть опустив голову вниз. – Я и, правда, подумал: обо всем и всех. О чем и ком... только возможно. Но этого-то, как раз, и не учел. Об *этом-то* и не подумал!..

– Может, ты и прав... – в тон ему же вдруг ответила она и прокашлялась, возвращая себе свой, более-менее, отчетливый, если и не громкий, голос; и открыв затем еще и глаза. – В плане... Это – странно!.. Да. *Действительно*: странно. И даже: нелогично, в какой-то степени. Но!.. И *как* уж есть. Я не была над собою властна... *Собственно*, как и всегда. Чего бы... и *кого* бы – тот или иной сон: ни касался. Этому – *можно* научиться, бесспорно! *Управлению*: ими. Но и... Должен же быть хоть один «мир», которым мы не властны... Не можем. И не нужно... Не *должны*!.. *Не* управляем. И который

от нас, как таковых, не зависит и... *независим*. Чтобы хоть где-то – отдыхать: от вечного и... *извечного* контроля!.. – И, сморгнув поток прямо-таки уже и бесконечных мыслей, подняла и перевела взгляд на него. – Я еще не настолько «прошарена» – в *этом*, чтобы... Да и, чего уж там, в *принципе*: не прошарена!.. Чтобы и что-либо с этим делать... Как и!.. Как-то... *Как-либо* обращаться и... *извращаться*. Вроде!.. Представления и на месте «кого-то» – кого-то... *другого*. Другой... Менять лица и... имена. Не знаю... *Тела!*.. – И усмехнулась, отрицательно покачав головой. – Пусть мои фантазия и воображения – достаточно широки, далеки и глубоки, как все- и вся-обхватны, но... *Как и у всех!*.. Хотя и тут же все – не до *такой* же степени. Опять же, *там* – я не могу и не умею... Ими – не управляю. И ничего ими, а уж и тем более *за* них – не решаю; и *решать* – не могу!.. Не *умею*. Не должна... Да это и не нужно. Как уже я это и сказала: выше!..

– *Прости* еще раз... – теперь очередь пришла опускать взгляд, как и голову, Егору.

На что уже и сама брюнетка, склонив голову к своему левому плечу, чуть помедлила, как с ответом, так и в принципе: с минуту сравнивая и анализируя, сопоставляя; после чего опустилась по его ногам на самые колени и «подлезла» под его взгляд и угол, ложась ровно под него и чуть ниже груди, подкладывая под голову руки.

– У тебя же никогда не было такой низкой самооценки... – немного пораженно начала она, переходя на скрипучий и

хрипящий шепот: не зная до конца – может ли говорить об этом, как о *слабости*; и считает ли он сам это – слабостью, да и что ее, и о *ней* же – стоит знать всем, в том числе и *ей*. – Даже... Не столько: никогда!.. *Сколько*... Сейчас. И... Со мной! Да даже и если: не *сейчас*... Так!.. *Со мной* и... Точно!

– У меня и «слабого места-то» – не было!.. До *сейчас* и... С тобой! – Проговорил грустно, и как-то «по-своему» расстроено, парень, придержав затем все-таки ее на себе руками: подхватив под ягодицы и не дав свалиться, тем самым, с себя же и дивана – окончательно. Но и не делая более – ничего. Посчитав это уже как минимум: неуместным. А и как максимум – неприятным: для нее и себя же самого. По крайней мере: сейчас. – Но, и вот, как говорится, не было, не было, и вот... *появилось*. Так теперь еще и думаю, что они еще как-то связаны и взаимо-связаны – между собой: *перетекая*... друг в друга.

– Хм... Может быть!.. – Согласилась София, стараясь ни в какую не отводить и не отвести от него своего взгляда, ловя каждую реакцию, каждое чувство и эмоцию, каждое *его* ощущение: будь то приятное или нет; буквально же – ступая «на цыпочках» по еще одному *пока* неизведанном «минному полю», где и каждый раз готовясь уже и отсчитывать секунды – до взрыва и полного разноса. – Как?.. Как мне *тебе* помочь? – Не ожидая ничего подобного, хоть и, казалось бы, готовясь и будучи же готовым ко всему, Егор впал в ступор:

раскрывая глаза шире и чуть приоткрывая рот, будто бы пытаясь что-то сказать, но и на деле же, как рыбка, лоя воздух им, будучи выброшенным ее же все словами на берег. Он был – в шоке!.. Когда же она со спокойным и даже куда более безэмоциональным, чем у него, видом: проследила весь *этот*-его путь от мелкого до расширенного зрачка, но и продолжала, при этом же всем, смотреть на него и почти не моргать, ожидая ответа. – Я же вижу, что проблема – не в *ком-то* или чем-то там!.. Так или иначе – связанных со мной и-ли *не*... *Проблема*: как в принципе! И связана же она – не со мной *лично*. Видимо, как и с Розой!.. Которая, как ты и сказал чуть ранее, всегда: причем. Мы так и будем ходить, и *продолжать* же все ходить, по кругу другого; а и точнее *другой, другой* «причем»; пока есть ты, я... *с тобой*... и!..

– Мы не будем ходить – с этим; и по *ней*! – Отрезал Егор, смотря на нее спокойно, но и достаточно строго: чтобы так же и «на корню» – срезать все *не* и «против» его же все и точки зрения. – Тем более: с *ней*! Если *ты* будешь – со мной...

– Ты уверен, что *именно* так, а не?.. – Решила все же уточнить правильность его формулировки девушка, но и почти тут же была прервана им же: – *Так*, а не иначе!.. – И, отпустив ее из своих рук, раскрыл их пошире, подняв голову, как и взгляд: предлагая ей свои объятия – чуть выше и ближе. И София – поднялась к нему: вновь оказываясь головой на его груди; а после – и на его же правом плече, лицом к нему. – *Уход*, какой и каким бы он ни был, не делает: лучше и пра-

вильней. Не делает – легче!.. Как ни посмотри.

– Хорошо... – смиренно поддержала его брюнетка, прижимаясь к нему всем своим телом и сжимая его в своих руках за его же спиной. В то же время, как и он же сам, обняв ее за талию и оставив легкий поцелуй на ее макушке, замер в таком положении на несколько минут, отмечая и подмечая этот момент, запоминая его в себе и про себя. После чего – вдохнул поглубже ее озон, с запахом *шампуня*, «чайной розы», уже Никитинового; и ненадолго прикрыл глаза, чтобы затем – открыть их и проговорить: – Уже тем, что ты, и в принципе, помогаешь!.. *Думаешь* – об этом. И *готова* – к этому... Представляешь себя – в *этом*. Перед этим еще и спрашивая или *не* спрашивая: об этом!.. Ты – *помогаешь*.

И, приподняв ее за подбородок к себе левой рукой, заглянул в ее посветлевшие и прямо-таки даже как-то по-своему и *просветлевшие* карие глаза: что сейчас как никогда лучились – и *собой*, ей, изнутри, и отражением в них языков пламени камина извне.

– Она, «так» не делала?..

– Нет... – отрицательно качнул он головой и мягко, почти невесомо, коснулся ее губ, продолжая шептать в них же. – Хотя: зря! В *нашем* случае: *инициатива* – поощряется. – И теперь уже он – следил за ее реакцией: как медленно, но верно, до нее доходит. После чего – в негодовании подбрасывает!.. Но он успевает – ее вовремя перехватить и прижать обратно к себе, запоминая оставшиеся пункты: ее *собственно-*

го принятия информации; в виде страдальческого, почти и «подбитым зверем», стона и зарывания в его шею головой и лицом, плюс, на последних аккордах, еще и мычания чего-то, на подобии: «*Какой же ты все-таки неисправимый!.. Невыносимый засранец*». И, не скрываясь, гортанно рассмеявшись, он так буквально и видел: как ее лицо, точно та «крово-красная маска», перекачивается всеми оттенками *красного*; от алого, к малиновому... до вишневого и обратно. Как *не* контрастируют с этим: ее же уши и шея. И как к этому всему затем присоединяются – еще и ее же ладони: которые он вовремя, собственно, как и всегда, успел сжать, обезопасив сразу и себя, и ее; себя – от ударов, ее же – от проколотых ногтями ладоней. Ну а как успокоился сам, и дав же нормально и до конца успокоиться ей, чуть ослабил свою хватку, как и напор, просто теперь сжимая ее в своих объятиях и спокойно продолжая: – Я сказал и говорю же это все следом – не для того, чтобы поддеть тебя!.. Или задеть. Пристыдить!.. А и тем более: унижить. Я говорю это, как факт!.. Да и к тому, что ты «а»: опять себя излишне накручиваешь... и *накрутила*; и «б»: так и не услышала ноток гордости и торжества, *моей* благодарности!

– Все!.. Давай больше не будем – об *этом* говорить, пожалуйста... – взмолилась София, готовая *в моменте* буквально и на все, чтобы и, в этом же самом-*его* потоке, еще и уши закрыть: если и не подушками, то нырнуть в и тут же *под* ворот его же футболки. Но и *только* ли для этого?.. Это – уже

другой вопрос! Да и совмещать приятное с полезным: никто пока не запрещал. А уж что говорить и за *продление* все того же удовольствия!..

– Ладно!.. Не будем. *Не будем*: говорить. Но *будем* – повторять!.. – Окончательно внеся нотку веселья в их диалог, Егор, как впрочем и всегда, напрочь отказывался «слезать со своего любимого конька»: довести... и *вывести* Софию на эмоции; ведь, и подкрепив этот самый свой «теоретический маневр» практикой не раз и не два, он был в нем полностью уверен и никогда не сомневался. Так и пользовался!.. А она и не мешала. Ведь и было бессмысленно!.. Как во всем, так и в этом – он побеждал. А тратить нервы на доказательство обратного?.. Себе же дороже! Да и ей уже было – не до этого, как и не до чего. Разве что: *кого*. Ее взгляд уже был обращен к лестнице: по которой недавно, как поднялись и сами парни, так и *до* них... – Тебя же уже не это беспокоит, да?.. – Погладил ее по спине левой рукой блондин, зарываясь, уже и пальцами же правой, в ее темные волосы: в каком-то, опять же таки, «своем» и *исключительном* понимании: расслабления и массажа; а не путания и превращения, более-менее, прически в «гнездо». Или нет?.. Хотя и девушке же было уже – все равно. Даже: если *не* первое. И тем более: если *второе*.

– Александр... Расстроился – сильно, да? – Вопросом на вопрос ответила ему она, начав царапать через ткань футболки его грудь ногтями, создавая, таким образом, подобие «паучков»: сжимая и разжимая ладони почти невесомо, но

от того и не менее щекотно.

– Не меньше, чем *мы!*.. Но и не *больше*, могу тебя заверить. Просто ему, как «отцу», не *так* это приходится... В плане!.. По сердцу и... *Душе*. Иначе. И... *По-другому!* Он ведь переживает – за тебя, *как* за дочь. И слышать – *такое*. А уж и тем более: *видеть!*.. – И он сглотнул, вспоминая все *это* в быстрой перемотке и тут же вытряхивая, покачав отрицательно и быстро головой. – Ты – молодец, что не побоялась и все-таки выступила!.. Дала – свою оценку. В моментах: и смягчая... И было понятно, что: *для* нас и него. Но!.. Хотя бы: не *на сухую*. Не просто: информация в виде фотографий!.. А с сопровождением. Теперь – ему надо это обдумать... И обмозговать. Понять. И!.. *Принять*. Себе и... Для себя. Он – справится!.. Как и мы. Только – в своем ритме и толке. Со *своей*: расстановкой.

– Кажется, я его добила: после встречи с Розой!.. – Поджала губы София и сморщилась, сильно сжимая веки: то ли чтобы не расплакаться, то ли чтобы развидеть лицо мужчины и его сгорбившийся, удаляющийся силуэт, а то ли и все вместе. – Как думаешь, что она ему сказала *такого*, что он?.. Пришел и... *Стал*. Остался: такой!..

– Явно, что ничего хорошего!.. – Раскрыл глаза шире Егор, *показывая* и буквально свой страх и ужас, под соусом: «*А чего еще от нее можно было ожидать?*». – Она не способна – на другое и... *иное!* Видела бы ты Влада – после встречи с ней: все кусты собрал... И деревья. Все ветки их!..

И листья... с цветами. Хоть: не стволы!.. А уж про опаленные волосы – я вообще молчу.

– Легко отделался... – выдохнула через нос она, давя в себе: «*Уж я-то – в курсе*».

– Не нарывайся!.. – Цокнул он, ощутив уже и сам на языке собственную же соль: прямо-таки и в гранулах. – Точнее... Не «нарывай» – меня; и *на нее*. Уж кому-кому, а точно не тебе – это говорить!.. *Легко отделался*... – и, спародировав ее, тут же фыркнул, отгоняя насильно еще и *кислоту* ее травы. – Да ему в пору – «всобачить» все это, что на и в тебе. А не тебе... «Мне»!.. Да и... *Кому* угодно. Не знаю... Но и точно: *не тебе!*

– А на *ней* ведь тоже – были «татуировки», да?.. Как на *демоне!*

– А вот теперь – *нарываешься*: ты!.. – Ущипнул он ее за левый бок правой рукой, как и, параллельно с тем, потянул левой же рукой за волосы, стягивая их, тем самым, у корней и вызывая пока только легкую боль и такой же хриплый стон. – И нарываешь меня же – на себя. Не переводи все это – в плоскость: где я *уже* и пытаюсь «отделить» это от тебя, потому и *только* потому, что «это» же было и на *ней*; так как не хочу, чтобы *вы* были «похожи». Даже, а там и *тем более*, в этом! И не хочу, чтобы это – осталось на тебе, как память и в память: о *ней* же. Чего я, поверь, смерть как *не хочу*, действительно!.. Но: и в принципе. Потому что «ты», а не *она*... Будто это и на *ней* мне нравилось: невесть как!..

– *Больше*, чем на мне?..

– Ну... – псевдо «задумался» парень. – При условии того, что я «это» вижу второй раз подряд – за всю свою вполне себе и долгую жизнь!.. Причем: и на достаточно *похожих* девушках. *Одна*, из которых, ко всему: «променяла» меня, подчиняясь Розе; и творя же невесть какую хрень!.. Под ее же, *конечно*, контролем до; и *божась* же мне, что покончила с этим, *после*. Мне же, на деле, как ты уже и *сама* поняла, соврав!.. И бросив, чуть ли не... *ни* по ее и Влада же воле-указке... Ты и сама – ответишь на этот-свой вопрос.

– Но *ей* – шло! – Сузила глаза брюнетка, не сводя взгляда с блондина.

– Не-т!.. – Фыркнул Егор и только хотел продолжить в том же тоне, как вмиг изменился в лице и, глянув поверх ее головы, громко и вымученно простонал; хотя, казалось бы, *лаванда и шалфей* – должны ведь успокаивать. – Да ты издеваешься!..

– *Да!*.. – Вернулся-таки в гостиную Влад, неся с собой металлическую стремянку и картину, завешенную черной тканью. – И сразу же – на два: вопрос и восклицание... – но, и словив же почти тут же два взгляда на себе, рассерженный и заинтересованный, остановился, театрально приложив ненадолго освободившуюся свою правую руку к сердцу. – Я прервал?.. Простите, пожалуйста. Не хотел!.. Как и *не хотел*: подслушивать. Но, так уж вышло и получилось, что это немного и меня касается *тоже*, так что... Я не преминул

воспользоваться возможностью – и чуток помешать. *Капельюшечку!*.. Малипуську такую... совсем. Заодно – и придать этому месту: эстетичности галереи Ксана!.. Видишь ли, София, прошлое мое *дарение* – ничем хорошим не увенчалось: может быть с тобой – он будет помягче; и с достоинством и честью, *с любовью*, конечно же, *братской*, отнесется к моему внимаю к нему... и оценит его. Не обращайтесь на меня внимания!.. Продолжайте *то*, чем вы занимались до. Я только – повешу и *сразу* же уйду!..

– Так он *все же* не от меня ее прятал, а тебе – *носил!*.. – Обернулась на рассерженного и начинающего прямо-таки уже и сатанеть на глазах Егора София: да *так*, что, казалось, только и она же все, сидящая на нем, могла сдержать его же пыл и чуть расслабить, удержав и охладив. Ему, по крайней мере, хотелось в это верить; и так же все *впервые* – захотелось обмануться и разуверить, разувериться и развидеть... окончательно.

– Я – *не* прятал!.. – Отрицательно покачал головой рыжий, ставя стремянку у камина и начиная взбираться по ней, чтобы повесить холст на нем и тут же над ним. – Ну, не от тебя, Софи... Просто, так, опять же, все вышло, что между, показать тебе и показать Егору, я выбрал – не *тебя*. Прости уж!.. Твою реакцию – я тоже хотел, конечно же, посмотреть. Но решил отложить это, так сказать, «на десерт». И до лучших времен!..

– И *они* наступили – сейчас, да?.. – Рыкнул блондин, на

что брюнетка тут же, почти молниеносно, сменила позицию и села на него и нем, как в первый раз, представ затем уже перед всеми в первоначально-зданном же виде: свесив обе ноги в одну и левую же сторону, к Владу, обнимая Егора руками за талию и уложив голову ему и на его же грудь.

– Да!.. – Утвердительно кивнул, но вот только и куда-то же в стену Влад, не боясь брата, а не отрываясь и пытаюсь выловить на темной кирпичной кладке – такой же темный металлический гвоздь. – Так... О чем вы там? Шло или не шло?.. *Шло!* София права, Егор.

– Затк-нись!.. – Шикнул последний, из последних же сил держась, чтобы не схлопнуть эту самую «двуногу», с грузом же еще на ней, имея ввиду все же *лестницу*; а уж затем – и захлопнуть самого же «патлатого».

– Ладно тебе!.. – Фыркнула брюнетка куда-то и ему же все губами в грудную клетку, чуть прикусывая кожу и отмечая же еще, тем самым, его правоту; и заявляя же все права – еще и на *свою*. – Шло!.. Как шло, и *идет*, тебе. И Никите... *Владу!*.. – Тут уже и он не поскромничал, *как обычно*, гордо вздернул голову, заодно еще оправляя и откидывая упавшие рыжие прядки на лицо назад. – Александра, правда, я не видела... Но, думаю, и ему – вполне же все себе: и идет. Демон же!.. А *демонам* – все идет! И Тен: *так же* идет.

– Тен?.. – нахмурился Егор. И не один!.. Даже уже и Влад развернулся, смерив непонимающим взглядом сначала девушку, а затем и его: который и сам, пребывая в непонятках,

забыл и на *что* злился; как и рыжий – зачем ему вообще и был нужен *гвоздь*.

– Ну да... – замялась тут же София, прикусывая нижнюю губу и опуская взгляд на диван, поймав сразу две пары глаз на себе: ей и одному, порой, было трудно что-либо рассказывать, тем более – глядя в глаза, а тут *сразу и двоим*. – Что-то вроде... *Литературной героини*, знаешь!.. Влад – поймет! – Тут уже и названный, более-менее, «отозвался», утвердительно кивнув: вновь лишь и словив о себе упоминание. – Он ведь – предложил ее: как-то обозвать. *Назвать!*.. Чтобы различать и... «отличать»: *меня* и ее. Мои мысли... И придуманные мною же сюжеты... *Для... Для нее!*.. Вот. Я и назвала. «Тень» – было слишком чопорно... и пошло. Будто бы: я притесняю ее и выдвигаю, наоборот, себя; за ее и счет нее! А «Тен» – даже интересно прозвучало. А после – и выглядело: на бумаге!.. *Выглядит* – и сейчас! – И, подняв, наконец, глаза, не заметив никакого недопонимая, а скорее даже и *интерес*, еще больше загорелась, продолжая рассказывать уже и обоим, мечась взглядом от Влада к Егору и обратно, о Тен. – Она, вроде как, *демон!*.. Можно сказать, что я и отделила ее: как тьму Розы. Не *свою!*.. Перенесла ее, вместе с «тату», в наш мир. И... Общаюсь с ней!.. *Иногда*. Но скорее: как со своим «прототипом», имеющим *свою* точку зрения!.. Будто: *отдельный человек!* – И, вновь получив утвердительный кивок, уже и от обоих, в знак «*Продолжай*», задумалась, но и тут же затем усмехнулась; даже и слегка, чуть хихик-

нув. – Знаете, забавно!.. Но когда я говорила с ней... *здесь...* она, вроде как, даже и обстановку эту вспомнила. Сказала, что... «*Знакомое...* что-то». Хотя, до этого, я говорила с ней – *только*: в своей комнате.

Тут уже у Егора не только глаза раскрылись донельзя, но и взметнулись вверх, по лбу и к волосам же, брови. Да и буквально сами же *волосы*, как на голове, так и на руках, а там и... *везде*, встали дыбом, явно контрастируя, как с кожей, так и с теплотой помещения и прямо-таки «жаром» от камина, которых он не чувствовал ранее: не так остро, как сейчас; подмечая теперь – даже как будто и похолодевшие-то вмиг конечности. Собственно, как и Влад!.. Что и еле-еле-то, душа в теле, удержал все ту же самую картину в руках, в какой-то момент Софии же рассказа – почти ее и уронив; да и чуть было совсем не разбив-сломав ее же раму о ступеньки лестницы и пол, на которой она бы, так и так, рухнула-приземлилась с нее. Сама же «рассказчица» – будто бы и не замечала этого, никакого изменения. Да и никак-их изменений. Она – и не замечала!.. Сев ровно на ногах Егора и уже даже жестами жестикулируя достаточно широко, начала погружаться, все больше и глубже, дальше и дольше, в свой же рассказ о метафорической Тен, которая, в сознаниях блондина и рыжего, все больше теряла эту самую «метафору»: и буквально же, с их же все и думами, мыслями, «метаморфозами», в одном же направлении, впервые без розни и взаимных оскорблений, зацепок, так же все и обретала настоя-

щую, что ни на есть, оболочку.

Но и Влад, был бы не Владом, если бы в какой-то момент, после встречи их взглядов и одновременного нервно-неровного сглатывания, ни сделал пас холстом, на манер, мол: «*Может, показать?*». И да!.. Он хотел сдернуть ткань уже после того, как повесит; но и этот момент был достоин и достаточен того, прямо-таки и *требовал* жертв: красоте и эпичности. На что уже и Егор отрицательно мотнул головой, решив обождать и кое-что все-таки уточнить. *Мало ли!*.. О чем тут же сообщил и «первому»: в разговоре – *между ними*.

– Малыш... – перебил он ее, обращая затем все-таки ее же внимание на себя: легким поглаживанием правой руки по спине. – А *эта*... – и откашлялся, будто бы и в секунду подавившись воздухом; и ее же озоном, *бывает же*. – *Тен!*.. Была: тобой?.. *Досконально?*!

– Ну... *да!*.. – Склонила голову к правому плечу брюнетка, хмурясь: одновременно задумываясь и не понимая – столь странной, по ее же все мнению, реакции *обоих* ребят. – И не была, а есть... До сих пор! – Затем снова перевела взгляд на такого же потерянного Влада и опять взглянула на Егора, начиная, который уже по счету, *круг взглядом*: между ними. – Я же – и говорю!.. Я «полностью» как бы – отсканировала... и отксерокопировала, *скопировала* себя: и вставила в зеркало. В зеркал-а!.. Чтобы можно было разобраться – в себе, во *мне*: вне. А «досконально» ли?.. *Нет!* Она же не взяла – всю «тату». Только: левую руку. Предплечье

и... кисть. А что? *Что-то* случилось?.. Вы *оба*... как-то!.. – И коснулась затем лица блондина левой ладонью, проведя кончиками пальцев по его правой скуле. – *Побледнели*... что ли. – После чего – вновь взглянула на Влада, обретя ту же пугающую ее «мину» и на нем. – Это... *странно* слышится и выглядит, я знаю!.. Но я – не «сумасшедшая»: в самом понимании этого слова. Да и вряд ли это можно считать – еще и: психозом!.. На таком-то еще коротком отрезке времени: с *периодическим* лишь появлением и... исчезновением. В основном: когда я к ней обращалась... по имени. Или же: когда *не*; но и тогда она просто – присутствовала на заднем плане и... фоном. Выступая, скорей, генератором мыслей!.. У нее, кстати, с этим, не так хорошо: как у меня! – С гордостью отметила она, подметив небольшую эмоцию на лице Егора: в виде улыбки. Вот только и точнее: ухмылки. На левый же бок и... угол. Почти что: и как попытку – выйти из-под гипноза, наложенного им же самим и на себя. Вот только, и от этого же все, не менее пугающую и ужасающую: своей натянутостью и... *вымученностью*. Он будто видел свет – и шел к нему, но и все больше, при этом, погружаясь во тьму: обретая вместо солнца – *луну*; а вместо света, несущего его, хотя видеть различия ее рассказа и своих же догадок, видел одни только *сходства*. – В плане: дотошности и долгого «расусоливания»... Надолго ее – не хватает: в описаниях и... прописывании. Но зато хорошо, и даже *очень*, с короткими мыслями. *Со стихами!* Как у тебя. И... *Вас!*.. «*Краткость*

– *сестра талантов*», да?..

– Конечно... – сжал губы в тонкую полоску Егор и глазами на миг, *лишь* на миг, попросил помощи у Влада, чтобы и он вступил уже в диалог: иначе, как он уже и показывал без стеснения *самим* же собой, его подорвет; прямо здесь и сейчас. Да-к еще и проорав в конце: «*Зеркально, да, Влад?!.. "Зеркально". Как в зеркало ж глядел!.. Придурок*». «*Егор!..*». Но, так и не получив вразумительного ответа, «последний» крик, и тот, и другой, но и больше же всего первый, *о помощи*, тут же понял, принял – и продолжил за ним: – *Сестра!..* Я так понимаю, она помогает тебе: в *особенно* трудные моменты жизни и... «стечения обстоятельств» в ней, да? Применительно и примечательно: в «дни Розы»!.. Точнее: *вечера*. Назовем это: так...

– Не *во все!*.. Но. Да... – еще больше удивилась брюнетка, пытаясь прочесть что-то в глазах обоих парней, но, как и их лица, так и их же души: были сейчас закрыты от, хоть и тут же все *для* нее. Сокрыты!.. Будто бы и под корочкой же льда, с большим же, прямо-таки и *превалирующим*, количеством его; а не чистого виски или, допустим, той же реки. *Моря!*.. Запотевшие. И словно бы... с инеем! *Морозной!*.. мятой. Или под слоем пыли. С сухой грязью... на камнях, занесенной на них ветром. *Словно бы* и: ностальгии. Чего-то старого и... забытого. Ненужного: *тогда*. Но, и отчего-то, *нужного* так же: сейчас! – На началах – это было прямо: *особенно* остро. Когда я только начинала же и старалась, *пыта-*

лась разобратъся с собой и в себе. А после!.. *После* – я привыкла и смирилась, вроде как. Перестала обращать внимание. И воспринимала: как... *Данность*. Но вы не думайте!.. Она – не «плохая». В том плане, что... Она не делает: ничего плохого. *Мне!*.. Да и... себе. *Никому!*.. Мы не обсуждаем – все и всех, как... *Подруги!* Не сплетничаем. И не судачим... Говорим: по делу! Да и она... *Успокаивает* меня! Ненавидит... и ругает Розу, как и я!..

– Что?.. – Прохрипел блондин и будто из ступора вышел, вместе с этим; а за ним – и рыжий; даже и сев как-то чуть более вертикально, *прямо*, до этого же: практически и распластавшись: будучи – полулежа-сидя на спинке и сидении-сидушке же дивана. Да-к еще и смотря теперь на нее – совершенно другими глазами: с каким-то понятным, и только ему же все, недоверием. Но и при этом же всем!.. *Шоком*. Влад же – сменил, наконец, ногу, правую на левую: *вдруг* и осознав, что слишком сильно давил первой на ступеньку под ней – и мышцы ее затекли настолько, что и начали же теперь колоть в ступнях и пальцах; вызывая неприятные ощущения и последующие же его гримасы.

– Да!.. *Представляешь!* – Улыбнулась девушка, тоже теперь садясь прямее и выравнивая же спину: до этого – чуть сутулясь; просто не находя *опоры*. А правая его рука, вновь задвигавшаяся и глядящая же ее, только еще больше расслабляла; теперь она могла смотреть – ровно в его глаза, не снизу-вверх, как и Владу же все *до этого*: не боясь. – Я же

говорю: *как я*. Ну!.. Почти. Чутьочку же, разве что, *самую* чутьочку, лучше, конечно. В плане!.. *Смелее*. И... Грубее. *Тверже!*.. Даже: где-то и *злее*. И!.. Яростнее. Не скупясь: в выражениях... *Я* – постаралась!.. Уместила все, что могла и не от ангела же, в нее. И она – приняла это, *восприняла* это... все!.. Разом. И *одним* же... махом.

– Что-то вроде... – и Влад, наконец, приспустил ткань, держа задником картину к себе, как и за раму; а передом и показывая же само полотно – к *ребятам*. Затем и вовсе – скинул «покрывашку» куда-то на пол; не особо заботясь о ней, не *так*, по крайней мере, как о своем же все состоянии и *не* стоянии-состояния самого же Егора, – ... *этого?*

– Да!.. – Радостно воскликнула София и даже подскочила, так и бросившись навстречу «прекрасному»; выбивая сразу же и из двоих страдальческий полустон-полурык: который она, опять-таки, пропустила мимо ушей – уже разглядывая *красивую* девушку перед собой. – Александр-таки сподобился – и нарисовал *ее!*.. – Осматривая каждый миллиметр, чего уж там *сантиметр*, полотна, с придыханием и каким-то детским восторгом, бормотала она. – А ведь до этого – рисовал же *все*: из моего дневника. А *ее* – нет. *Кроме*: нее!.. Почему?.. – И бросила быстрый волнительно-взволнованный взгляд на Влада, переведя его затем и на Егора. – Боялся не оправдать ожиданий?

– Думаю, наоборот!.. – Сел на край дивана блондин, ставя локти на колени; ладонями же их – создавая кулак: в ко-

торый затем и уперся нижней частью своего лица, не сводя взгляда с Влада. – *Боялся*: оправдать! – И перевел его затем на самую девушку, упорно избегая картины. – Именно на *ней*, через зеркало, ты и видела «тату», не так ли?.. И именно с *ней* – ты и общалась! – А когда получил лишь кивок – осклабился: но и не в сторону ее, а *той* – на *кого* так ни разу и не посмотрел. – Что ж, знакомься, Софи, это Анна. *Та*, на которую ты *была*: так... «похожа»!.. Для нас всех. И, как ты уже и сама, опять-таки, поняла, пока не приняв, *в особенности*: для меня и Влада. И, как я уже, да и он, так думаю: *Аннет*!.. – Затем, все же не выдержав, скривился – и лишь на секунду скосил взгляд на холст, тут же после возвращая его на Софию: будто мог неожиданно и *опять* постареть; а холст же, наоборот, разродиться и... *переродиться*. Свят-свят!.. – Отбрасывая же первый и... *оставшийся* слог. Читая: с задупа-наперед!.. Никакая она – *не* Тень. А уж и тем более: не *Тен*. А... Истинная, во всем же своем *не* великолепии, *тьма*!..

И картина – летит на пол!.. Но и уже: из рук брюнетки. Влад еле успевает – ее поймать. Хотя лучше бы – не поймал. *Отставил*. И оставил... *Забыл*!.. Поймав, например, с таким же успехом и вместо нее же – ту же: Софию. Но с этим – справился уже и сам Егор: потерявший буквально, в мгновение же ока, *казалось*, куда больше, чем мог и хотел.

– Сергей?.. *Сергей*!.. – Донеслось в спину темноволосому мужчине от молодого светловолосого парня, прямо-таки и

сорвавшегося, бегуще-летающего за ним в наполовину застегнутой белой рубашке и таких же расклешенных к низу брюках; пиджак же он держал на левом плече, как и почти же что свой язык, и за спиной – свободной левой рукой; так и стараясь поспеть за широко идущим выше названным и окрикнутым же не единожды, и не упасть: в своих же в цвет и тон лакированных туфлях – с весьма длинным и узким носом. На которого, раза так уже и с пятого, впереди идущий же все же обернулся, так и не открыв белую деревянную дверь в помещение из светло-серого же коридора, в которое он так же, как и тот, *так* стремился: но был остановлен и сдержанно хмыкнул, заметив взволнованность и *всклокоченность* того – как в самой одежде и прическе, в частности, так и на лице и, в общем, *теле*; внутри и снаружи. А ведь так приятно *поначалу* пахло кокосом!.. До того, как и сам же *эпицентр* приблизился-подошел, как и тот же еще Магомед к горе, и практически влетел – не только в ноздри, но и в целом. Прдемонстрировав тут же, прямо-таки и «с глаза на глаз», как его же все зеленые глаза были широко распахнуты *до сих пор*, в обрамлении таких же светлых и почти невидимых коротких ресниц и под такими же узкими бровями на высоком бледном лбу, а рот же – и приоткрыт от сбитого дыхания; а что уж говорить и за ноздри курносого и узкого носа, что так и раздувались от попыток вдохнуть как можно больше, когда же и ртом, при том же самом, хоть и наоборот уже – выдохнуть: и попробовать, наконец, синхронизировав, дышать од-

новременно и всем же, сразу, не соглашаясь «на меньшее»; разве что «добавить»: то ли и лишь еще от бега, а то ли уже и по жизни. Но темноглазому почему-то хотелось употребить: именно *второе*; и еще раз, уже и *усмехнуться* в открытую – с и *такой* наглости, нерасторопности-неопытности, «халатности» и «зелености»... во всем; хоть он и уже – не *там*, а здесь, *тут*. – Вам!.. – Тут он уже полноценно затормозил, пытаясь все же нормально восстановить дыхание и уперся руками в колени, согнувшись чуть ли и не в три погибели. И только спустя минуту-две, когда полностью справился с этим и оправился же от всего этого, а и прежде всего – «торопыги-себя», поднял себя и свой же взгляд с лицом, головой на того, к кому так торопился, неся, не бежал. – Письмо.

– От кого? – Изумился «адресат», принимая свернутые вдвое листки белой бумаги в мелкую голубую клетку: как видно, чтобы не помять и не порвать – по дороге и при беге же, да-к еще и вложенные в основной и первый, «титульный» лист, с которого все и начиналось: вырванное *откуда-то*, как минимум и из тетради, судя же все и по «ребристому» левому краю, от которого же был еще сделан небольшой отступ; и за *чем* уже – шел красивый и витиеватый почерк.

– От дочери Вашей!.. *Кого* же еще... – фыркнул паренек, оправив волосы; и следом же затем – стараясь вернуть полы рубашки под белый же кожаный ремень своих брюк. И, только проделав все возможные и *не* процедуры-мероприятия по восстановлению своего имиджа и образа, словил, наконец,

в себя, влетевшее буквально и в него же все «требование»: призывающее к восстановлению и выправлению – за посягательство на «чужой» авторитет. Да-да!.. Мужчина явно же не оценил его уже и «нахальства» – и ждал теперь «чего-то еще»: если и не извинений, то чтобы тот скорее уже ретировался, а лучше всего – вообще исчез с глаз, не перед ним же ему, в самом деле, читать – слишком много чести; да-к еще и «руки марать». – Прошу прощения!.. От Вашей дочери Софии, сэр.

– Свободен!.. – Процедил он сквозь зубы и, дождавшись, пока посыльный скроется, все-таки вошел в белую, «застланную светом», палату; а это была – именно она: палата *больницы*, крыла «интенсивной терапии»; раскрывая первый листок и пробегая взглядом по строчкам, аккуратно выписанно-выведенным уже и ранее же названной девушкой:

Здравствуй, о... Привет, пап!..

Впервые за все время ведения записей в дневниках (ежедневниках) решила пролистать их... пролистать «написанное» и... Ты же знал, знаешь, как я это не выносила?.. И не «выношу». Да. До сих пор же... все. Знаешь!.. Не умею и абстрагироваться!.. Всегда – втягиваюсь и... теряю мысль, теряю «нить». Теряю – то, что хотела сказать... изначально. Бросаюсь – править и... забываю. А тут!.. На тебе. «Решилась». И знаешь!.. Хм. Такая ирония... Первый блин – комом, м? Напала – именно на те темы, которые не дают мне покоя и... «гложут» же все... буквально... по сей день. Мое

отношение к себе. И... К «тебе». Вранье тебе и... Ложь. Да еще и «в глаза»!.. Да и что я тебе... Ты ведь и так... и «без меня»... все понял, не правда ли? Я имею ввиду!.. «Как» обстоят дела: о которых я... так тебе и не рассказала. «О которых»: так и не сказала, ну, сама!.. Хотя; и ты же все, «сам», спрашивал. Да еще и так!.. «Таким» тоном. И... «Взором»!.. Да. Что я... Я тебя и не узнала, если честно. Ха!.. Взбрело же в голову, да? Просто ты... Так изучающее, и будто бы заново, смотрел на меня... Знакомился, что ли(?) «Ты» же – знал! Все: «знал»! «И» знаешь... Как и «меня»! Знал и... и-ли еще до-узнал и... «но» хотел услышать это: от меня. А я!.. Я – подвела. В который уже раз, а? «В который»: не стала для тебя – хорошей дочерью, оправдывающей и... оправдавшей... ожидания? В который!.. Да уж и вряд ли – стану, если честно-то. Теперь. И... С этого, вот, момента... «В потоке»... *Капля. И еще одна... Капл-и слез*.

Это же – был: ты!.. «Кто» же еще, верно? У тебя же – нет: брата-близнеца... И. Или... Чего-то!.. Кого-то же еще, и уже, «такого»... Ты бы – мне, если и не одной из первых, то... Все равно же: рас-сказал!.. Как и о «сестре», уже и... моей, простой или «не»: ведь... правда? Да и есть же, у тех же все и людей, как минимум, «семь клонов»: по всей земле? Может... И у «ангелов»: есть? А уж, и тем более, у ангелов-демонов!.. Чтобы и у ангела – был... Ну, знаешь... же. «Демон»! Почему нет?.. И это же я не к тому, что ревновала бы: будь она и ангелом... «Тоже». Да и в принципе...

Просто!.. Как оказалось: «она» – не мое альтер эго; что и не странно!.. Не плод моего же воображения и... итог, факт разделение личности. Не «тьма Розы»! Ты же понимаешь, о «чем» я, правда?.. Только теперь – появился другой вопрос. Точнее!.. Появился. И тут же: отпал. Она – связалась со мной. «Душой»?.. То есть... Как «копия»... к копии? Уйдя же все и от ребят?.. Она... «Ушла»!.. Уходя же – уходи. «Так» же... все, да? Ушла: «совсем»! А будучи и «ученицей» же Розы... Думаю, понимаешь, «почему» вопрос – отпал сам собой. И за «что» ее могли: «уйти». Возможно, и «ты»... И, возможно, поэтому – она меня и ненавидела. Ненавид-ит!.. Применяя... всяческого же рода... «гиперболизированные мучения»: с преувеличением и... «перебором». Нет, я ее не оправдываю!.. Но, может, ей и, правда, было... «куда» больше? «Больнее», чем могло, например, и от потери: своего же собственного сына?.. «Так» ведь... могло быть? Вряд ли: она так стенала по Жене – с его отъездом. Не «стенала»!.. Наоборот: была же даже... и рада-радехонька. И никак не показывала: свою неприязнь. Фактически: она-то и подначила меня – от него избавиться. Будто: он – мешал!..

Что ж!.. Времени – не вернуть, чтобы отмотать назад и... узнать всю правду. Почему бы и не спросить, да?.. А вот: и почему?!.. «Возраст – не тот». И куча еще: таких же и «не» оправданий. За которыми я, в первую же очередь, спрячу свои истинные чувства и... понимание дела. Тела!..

Свои эмоции и... Ощущения. Себя же: настоящую. Да-да!.. Вот... Назло тебе – пришла с миром: в этом письме. Как «тогда» и... В этот же все: «мир». От которого – ты меня прятал, не давая вздохнуть и... продохнуть: самой. Как хотела и хочу – я. И лишь – по моим правилам. Не по «твоим». И законам!.. Но и кто же знал, да, что и «вдруг»: твои – станут моими? Станут: нашими. Хотя!.. Таковыми – ведь и «были», да? Ты – совершал ошибки. Я тоже: небезгрешна... И у нас же был повод: начать все сначала... «заново» и на-... и быть же рядом. Не скрою: я хотела – быть рядом. Хотела бы – и остаться с тобой, чтобы продолжать и продолжить: твое же дело. Хотела!.. Да. Да и, в конце-то концов, меня уже саму: выносит. А окружающие – ненавидят, наверное, за мою же все; и привычку извиняться первой. И быть всегда: виноватой!.. Но я хотела – быть рядом. «В прошедшем»!.. У всего же есть – свой срок и... такой же предел. И точка терпения (кипения): тоже есть. Он – настал!.. Он-и... Ничто не вечно... под луной. Как и!.. Она... же. Сама... Да и ты же!.. Ты не захотел – быть рядом: сам! И да!.. По известным нам обоим, и до боли же все, причинам. А я – просто не хотела: гордиться тобой. Твоими – достижениями: выбитыми и... выпитыми. До последней капли крови и... пота. Нервных клеток... «Выпитыми»: из тебя. «Не хотела»!.. Опять же все: по причинам. Да и все – тем же!.. Но и теперь, знаешь, мне – обидно; наверное, как и «тебе». Не только же и получить сие: от своей же все

и... неблагодарной дочери. «Узнать»!.. Но: еще и помимо. Не в глаза, а... на бумаге. В строках и... не «между». Черным же все... и по белому. Но и!.. Но. Если уж меня за что-то и судить, то точно не за это. Ведь!.. Мне всегда было проще – именно так выражать свои мысли. Чувства и... Эмоции. «Свои» ощущения!.. Позволь мне это – здесь и... еще раз... ладно?.. Эту: слабость. Пусть и вовсе же: не «слабость». Но и: последнюю. Не «крайнюю»!.. Пусть: будет – так. Да!.. Можешь подписать-подтвердить разрешение... на отказ: о моем возвращении в... тот мир. И твой же... мир!.. К тебе. В твою... «Нашу» семью. Нашу... «с тобой»! Раз и я же ею: не являюсь. «Уже» – не являюсь. И... Так же: не вернусь. Та-дам!..

Да-да!.. С Днем рождения... ме-ня! Нового и... «Очередного»!.. Смена ипостаси – не заставила себя долго ждать и... Осквернила» твой род. Прости... «Осквернила»!.. Разрушила и... испортила, «демонической» же все и... меткой! «Ее»: демонической меткой!.. Ох... И я бы могла представить – доказательства: срез кожи, как скальпа. Но... «Мне» же – не подняться. А «подарок» – отличный!.. Современный и... своевременный же! Кому-то сверху, рядом с тобой и «над» тобой же все, видать, тоже окончательно уже надоело, осточертело – смотреть: как я одну и ту же шишку набиваю, да и теми же все граблями; по несколько сотен-тысяч-миллионов раз на... «в» секунду!.. «Им» – да. Тебе – «да». Но: не мне!.. Я же ведь и правда, па, извращенка.

Мне «нравится» – боль. Я «заслужила» – ее. Заслужи-ваю!..

И вот... Ехала же на метро, как всегда, пару дней назад и... Думала. «Думала». Думала!.. «А вот... Принял бы меня “кортеж”, с мигалками и чудами в перьях, под белые же ручки: стоило мне только подняться; через пень-колоду и обходными же путями, не воспользовавшись, в кои-то веки, статусом; и представиться же твоей... “дочерью”? Покрутил бы он и мне же все перед носом актом: о не приближении к тебе и... небу; как и перед опасностью из опасностей? А, может, и дал бы перекантоваться пару дней – прежде, чем и сбросить же все меня и обратно, без уведомления тебя?». Два «да» с одним «нет»?.. Ты бы еще и «до кучи-то» докинул, да? Узнал – и повторным бы прошением: поднял и выпроводил бы меня. «Сам»!.. Расширив еще заодно и обхват территории, правда? Не до ворот, а... «за» них. И до «границ» же все: между мирами. Разделяющей нас... Только: ее. И... «Только»: она!.. Не пойми меня превратно, пап!.. «Неправильно». Но!.. Нет. Все же: пойми меня – превратно; неправильно!.. Я не хотела: этого. Не просила. И не выбирала: сама... Но ты... Ты и это же: знаешь. А я – издеваюсь!.. Как всегда же все, собственно... Но и зря же все: не на всю Землю!.. Так, чтобы меня и в другую же уже Вселенную: еще выкинуло. Да... А, вот, была бы я – тобой... Вообще бы: запретила!.. «Воспретила» бы мне: как опасности. Всему и... всем! Для всего и... Всех. «Быть», да, где бы то ни было. И с кем, «чем» бы то ни было... Ведь я причиняю боль

– всем, кто меня окружает. Кто: мне дорог!.. И. Кто мне – по-настоящему же: близок. Кто мне – уже и родной... А «иначе»: не получается. По-другому: просто – не выходит. Я будто запрограммирована – на свою боль и... боль окружающих. Чтобы они – откликнулись и... питались друг другом. Насыщались и... Подпитывали же друг друга!.. Была бы я: человеком! Не факт, что и «была»; да и было бы – лучше. Вообще: не факт!.. Если и лучше: там, где нас нет... То и где нет нас: сейчас. Сегодняшних и... Нынешних. «Настоящих»!.. «С другими»?.. Не чужими... Было бы: попроще. Я бы – в космонавты подалась!.. Не «балериной», да, так космонавтом. Не мытьем, так... катанием. Но нет!..

В этой реалии и... «нашей» реалии... я летаю кубарем: вниз!.. Спускаюсь в метро. Перед этим – взяв с собой бутылку вина. И... «Все»!.. Еду домой. К «маме» и... ее мужчине сердца!.. Моему же – еще; и мужчине «тела»! Который... И пусть мать сама – прикладывает ко мне руки... и ноги!.. Свою силу: через них! Он – делает мне: эти красоты. «Будто»: по трафарету!.. Знаю. Сама – дала. «И»... Думала. Что; и «она» же все это – сама. Одна... Но!.. «Кто» бы говорил, «мычал», правда? Ей же противно – бить: но она бьет. А делать из-за и из этого всего – еще и конфетку?.. Да. Ну да... Стала бы она и заморачиваться: так?.. И я, вот, думаю, что: нет! Как и «нет»: каждый день. Не «каждый день». Нет... «Два-три»... раза... в неделю. «Мастером» – было бы назвать его: слишком сильно и... мощно, равно как

и ее же все Маргаритой, поэтому... Он – как бы и был; но и «как бы» и нет. Но и все – без «обезбола»!.. «Поэтому»... Приходится – глушить «внешнее»: внутренним. «Градусом», да, и во-внутрь. И в этом, знаешь, есть «плюс»!.. «Такой себе», не спорю, но и все же. Хоть: какой-то!.. Уж. Надо же уметь – радоваться мелочам; и всегда искать что-то положительное... во всем. Хоть; и что-то же все же «положительное» в... нашей... «моей» ситуации!.. Пока все это дело заживает – меня не трогают. А после: по новой!.. Уже – без градусы; но и с солью... из моих глаз. И «металлом» же все... и из ран. Простор для фантазии и воображения – мое тело!.. Даже и не представляю: «как» ей было тяжело, тяжело и... туго, когда рисунок – только за- и начинался. И она просто не могла позволить себе – «большее». «Теперь»!.. Теперь же: не в силах позволить себе – меньшего...

Полупустой вагон... С «кривыми», на первый взгляд, людьми. «Косыми»?.. Нет!.. Они просто пытаются – незаметно для себя, а и тем более «меня», прояснить и выяснить: весь масштаб трагедии. Ну и «опасности» же все... «Конечно»!.. От девушки же, вроде меня, «от меня», с початой бутылкой вина и... без горла. Гор-льши-ка!.. Никогда не умела пользоваться штопором и... прочими «дополнительными» приспособлениями: вроде ключей, ножей и... вилок. Ни до ангела: в себе и... до. Ни до демона: там же и... «после». Поэтому!.. Либо: пробку внутрь. Либо: горлышко наружу и... вне. Ну а когда они узнают всю суть и... истину,

восприняв ее не по «деталям», вроде косметики и... одежды, обуви; каких-то аксессуаров и гаджетов, «бутылки»; когда увидят все, в целости и общем, тогда-то они уже не воспримут меня более, чем: как алкоголичку. Но и благо же все – не «менее»! Обойдут – стороной и... пройдут мимо. В отличие же все и от детей!.. Дети... «Дети», кажется, бесстрашные – ко всему и всем. Предлагают: свои же печенья и вафли, конфеты!.. «Бездонная доброта»! Со сладостями же все, как бонус. Хоть и пить же все вместе – отказываются!.. Да я и не предлагаю. Еще – адекватная, вроде как. В этом разрезе: по крайней мере!.. С каким-то левым парнем и... такой же девушкой. По чуть-чуть!.. За мои... За мой год: к ряду. И рисунок, такой же все, к и «в» коже... К общему же всему, да, и «полотну»!.. Какой-то ребенок – да же ухитряется и прикипает к моему мишке!.. Имеющему, к слову, даже и свое личное место: в моем рюкзаке. Не говоря уж и за «сердце»... Подарок бывшего парня! Единственный!.. Который я не выкинула. Оставила, да, себе! «Привыкла»... Но малышка; а это была «девочка», лет пяти-шести; так долго и дотошно его рассматривала, что я даже подумала ей его отдать, раз «так» понравился. Я-то – «взрослая уже»... для игрушек. «Вроде»... Но и ее мать – увела ее раньше, выходя на «их» станции; будто мысли мои читая и запрещая своему чаду взаимодействовать хоть как-то с такой, как я.

Уходят!.. «Все». Все – уходят. «Уходят» – все... А я –

остаюсь, «продолжаю» мешать слезы с алкоголем; и «их» образы; между собой. Выводя для себя – контурно, но и «мутно» же все одновременно; в прозрачных, а когда и цветных «кружочках и квадратиках»; различая – по голосам и росту, как и полу... и возрасту. Так круто!.. Поглаживая же еще при этом – мягкую шкурку «моей живности» с подушкой, пришитой к лапам: за счет чего же еще, кстати, он мог распластаться на мне; и не гундеть – за и на мои же все «кости». Эх... Да!.. Личное место – еще и в метро? Ха!.. Личн-ая... «я».

Но и все же могло быть и хуже, па!.. Я б – могла и «стояла» бы... в забитом донельзя вагоне, а не лежала на... «целой» скамье!.. С игрушкой же все и на животе. «Минеральное вино»!.. Он – ценит мои хохмы и... молчит. Только – смотрит своими черными глазками-бусинками!.. И «молчит». Тишина... Разбиваемая – лишь грохотом колес: о скрипучие рельсы. Сам вагон тоже скрипит – не меньше, но я встраиваюсь в этот момент-поток, стук... и вспоминаю рассказы Александра: о тех еще, «старых» поездах. «Самых первых»!.. Когда они еще были: на угле. Представляю – их. Представляю себя – в них... И ухожу – в себя же: от оставшихся и... заходящих в вагон: на «новых» станциях. Не смотрю уже – на них. Тем более: в глаза!.. Сдались мне их: уже и жалость, скорбь!.. Сдалось: и «сострадание»!.. Лучшие бы и дальние – считали: алкоголичкой. «Ребенок-сирота... с разрушенной психикой»!.. Так хоть – одно б слово было. Без

«уточнения»!.. Уменьшили б – и сотрясение воздуха. Хотя бы: до прибытия. А по нему, «приезде», меня ждут: дом и... квартира. Отключение – от реальности!.. Ночь. С небольшим жаром и... «Температурой»!.. В полном забытьи и... бреду. В метании – по кровати: в попытке – то ли разодрать себе кожу, то ли и замотаться так, чтобы даже минимально не касаться себя. А утром... «Утром» – университет!.. Мои друзья. От которых я – запрусь: сначала – внутренне; после – и внешне, придя обратно домой. Попрошу – молчать и... не спрашивать: ни о чем. «Ком»!.. А там: и за «болезненную» мимику, стоны и... прихрамывания. Забыть, «по возможности», об этом; и «сейчас»! Не делать: акцента. Но и каждый из них про себя же все же произнесет: «Я же говорил(а)». А я – поблагодарю за это уже; и их: про себя. Я ведь тоже: говорила. Но и как-то же все: не подействовало!.. «А кто тебя (меня) послушал?..».

ПЫ.СЫ. Да, мы – неидеальная семья. Никогда ею не были; и не стремились!.. Да и уже ведь: не станем! Не «будем». Но у нас всегда было – одно общее чувство. Объединяющее... нас. Хоть и иногда. «Любовь»!.. Теперь же – и его не осталось... Разве: внутри и... под черными же все линиями. Ну и в подушке же все того же «моего» мишки, которая «так» отчетливо пахнет... «Розами»!.. Но и не «яркими». Не ярко. А!.. Потухающе и... затухающе же все. Будто и отцветающе... как-то. Сухими лепестками. Но и только же, лишь с ними – мне легче засыпается и просыпается. Так что!.. И на

том: «Спасибо». *Без кошмаров!.. Стараюсь – спать с ним!* А когда не выходит: *писать по ночам. И высыпаться – уже затем; и с ним. За все сутки... Или терпеть кошмары!..*

– «Кого» же еще. Ну да. Ну да!.. – Усмехнулся он, возвращая лист в его первоначальный вид, «сложенный вдвое», и укладывая его затем вместе со всеми: во внутренний же карман своего белого пиджака. После чего – оправил наброшенный поверх него и, надо все же признать, «на скорую руку»; но и *ему же – все можно*; белый больничный халат, в цвет им же бахилы, постучал немного ногами по полу, чтобы размять «вставшие» мышцы, и, решив дочитать оставшееся уже после, обратил все свое внимание, наконец, на *пациента*, смотрящего на него от самого его же появления здесь усталыми, но и скорее же куда более *болезненными* карими глазами. – Как дела, *брат?*.. Не могу сказать, что рад нашей встрече, *но!*.. Как вижу – обстоятельства прямо-таки и требовали: жертв. Да еще и *каких!*.. *Моего* – появления-возвращения... *сюда?* – И уже своими, *такими же*, глазами, их взглядом, коснулся *букетов цветов*, расставленных вокруг больничной койки, на полу, по тумбочкам и подоконникам, и *ярко контрастирующих* на фоне белого же все же помещения, такой же мебели: как пара деревянных тумбочек у металлического каркаса, заправленной *соответствующим же* тканевым постельным бельем, кровати; и белой же больничной рубахи «второго». Не говоря уж: за металлические светильники над ними, стулья, на одном из которых уже восседал и

сам «гость» и саму же входную дверь. Сама же палата была – одноместной, что позволяло не только говорить достаточно громко и отчетливо; но и приносить такие *презенты*, не боясь «сторонней» аллергии или нелюбви, в общем, к «флоре и фауне». – *Миленко* тут у тебя...

– Я и *сам* не хотел, но что поделать!.. – Откашлялся «больной», прикрывая рот правой рукой и тут же возвращая ее на место, параллельно же левой, почувствовав неприятное жжение: от неправильного положения и сместившегося катетера в ней. – *Дочь* пока не согласна – на замену; как и *подменять* же все меня. Что уж говорить – за полное обучение: для *полноценной* смены меня на посту. А волновать – ее?.. Тем более: вырывать – из *ее* же жизни? Заставляя делать то, чего она не хотела; и не *хочет*? *Принуждая* к этому!.. Да-к еще: и *насильно*! Я – не хочу. Вот и пришлось вновь выбирать: *из двух зол*!.. Она бы меня – возненавидела. И *поболее*: твоего, между прочим. Собственно, как и *моего*. Как и я же все – сам; и *эти* букеты! Это же: не от *нее*?.. Ты же ей – ничего не сказал?!

– Я ее еще *для этого* – не видел!.. Как и «в принципе»... – Фыркнул «проведывающий», но затем заметил взгляд того на себе, после – и на своем пиджаке, явно указывающий на «внутренности» его, и закатил глаза. – Не «по твою душу»: по работе!.. И вообще: да, *не видел* – ни для чего! *Кого*... В ближайшие дни – наведаюсь, возможно. Но – и ничего из *этого*, как и из всего того, что *здесь*... а уж и тем бо-

лее сейчас, не скажу, как и обещал!.. Она – не знает. И *ничего* не узнает... *Пока*. Во всяком случае!.. Будь спокоен и... *выздоровливай!* – И вновь, но и уже куда более *серьезным* взглядом, прошелся по прозрачным стеклянным вазам. – Я узнаю: можно ли их убрать. Но пока – пусть так!.. Они их будут менять; и периодически – *приставлять*... и отставлять. Знаю: выглядит – странно! Как «ведьмовской круг». Но... *Однотонность!*.. Темно-синий, *плавно* переходящий в фиолетовый и... *черный*. «Успокаивает». Не находишь?..

– Ни они. Ни их «название»!.. – Отрицательно покачала головой мужчина на кровати. – Ни *имя*: которым они являются; и *которое* же – являют. И *которая*, если и не *София*, точно их *мне* передала. Еще – и в *своем* цвете. Конечно!.. *Кто*, если не она? Сказал – ей?..

– Ну!.. – Хохотнул рядом же все с ним сидящий. – Даже если бы и *не* сказал – она бы все равно: все *сама* узнала. «Жена», все-таки... *Какая-никакая!*..

– *Какая-никакая*: это ты верно подметил. Почти. Именно же. И... «*Никакая!*»!.. – И подхватил затем его смех, перебываясь на кашель, а после – и вовсе им окончательно зайдясь. Что, и до сих пор же все сидящему, пришлось даже подскочить и *все-таки* позвать врача или медсестру, медбрата, на худой конец: дабы не ухудшить положения вещей *совсем*. Сейчас!.. Да еще и *при себе*. Тут же в палату вбежал медперсонал, из двух медсестер и медбратьев, в той же униформе, что и пришедший, плюс еще шапочки и маски, вер-

нул пациента в горизонтальное положение и надел на лицо уже его и прозрачную маску для дыхания, которую он, перед приходом «гостя», все же снял: надеясь поговорить; так еще и немного подышать самостоятельно; чтобы не выглядеть уж совсем, еще более жалостливо и жалко. А ведь, казалось бы, так *неожиданно* подхваченное недомогание, больше похожее на «отравление», не должно было так же надолго вывести его из себя и сбить, выбить же из колеи, равновесия, баланса и гармонии, оставив Совет: без одного, пусть и не из главных, но и его же все членов. Ему просто нельзя было терять – сноровку; и свой же стержень. Свое положение и статус. Имидж и авторитет. *Репутацию*, в конце-то концов!.. Как вообще, так и будучи сейчас буквально прикованным и «привязанным» к койке: дабы минимизировать вред себе, *возможно*, окружающим и отдыхать. *Спокойно* – отдыхать, набираясь сил и выздоравливая, поправляясь. Но и что уж поделаться!.. А делать нечего – только все же: выше перечисленное; и со *строжайшим* же соблюдением. И, бросив свой *крайний* взгляд на дверь, в которой задержался *его* «брат», перед тем, как ему введут все же успокоительное вместе со снотворным, чтобы он одновременно здорово и здорово поспал, он все-таки прошептал в маску, зная, что тот все равно *услышит*, как бы и что бы он ни сказал. – Присмотри – за всем. И за ней!.. От... *моего* лица. Как... *как* доверенное, Ан... Андрей!..

– Не беспокойся, *Серег!*.. Все – сделаю. В *лучшем* виде. Не

подведу!.. И обязательно оправдаю – *твои* ожидания. Оценив твое доверие, так сказать и таким же, вот, образом, по высшему разряду и... *достоинству!*.. – И, подмигнув, тот тут же выскользнул-вылетел из палаты: отряхивая *только* ему видимую пыль с рук и ног. – Тьфу!.. *Святоши*. Да-да... И без тебя – разобрался *уже*, бра-тец! А к белому... Хм... Что ж!.. И вполне же себе – адаптироваться можно! Не *привыкнуть*. Не навсегда... И все же!..

Затем, легким движением изъяв прочитанный ранее листок из «закромов», вновь пробежался уже и *своим* карим взглядом по строчкам, правда уже и куда более *темным*, а после – и совсем же черным; но и только же для того, чтобы полностью изменив письмо, как и адресата, «написать»: «*Роза!*.. *Планы – меняются. Девчонку – ввели в игру!*.. *Не ждем никакого воскресенья – выступаем и приступаем же: завтра*». А следом, обратив его *черной дымкой*, «сжечь», как и все же листы вместе с ним, передавая их, таким образом, *отсюда – туда, вниз*. Но и «целым» – только первый и основной, «титульный» лист!.. Поигрывая на языке: закатно-рассветную прохладу... *над горящими торфяниками*.

Показавшись из ванной комнаты со светло-серым средним махровым полотенцем на голове, которым еще пока промакивал ее и волосы, парень улыбнулся открывшейся ему картине, состоящей, *в общем*, казалось бы и *как всегда*: из самой же уже и *спальной* комнаты и кровати; но и в кои-

то веки – *не* «пустых». Ведь и, буквально утопая в черном шелке пастельного белья и с темными же волосами, разбросанными по подушке, в его постели лежала – никто иная: как София!.. *С медведем*. «Так» уместно – для него же самого и нее; но и так *не* уместно – для самого же Егора: так как расположился «косолапый» – не *где-нибудь*, а прямо и ровно на ее груди. Пока и она же сама – смотрела на него «во все» свои глаза и в его же все черные-бусины одновременно, не отрывая взгляда и почти не моргая: словно бы и мысленно еще *так* – общаясь с ним. И только, когда с левого боку от нее промялся матрас, оторвала-отвела его, тут же встречаясь своими светло-карими со светло-синими глазами хозяйки на сей «опочивальни»: демонстрируя еще тем самым и друг другу, что и оба, здесь и сейчас, были спокойны как никогда; и тут же – как *внутри*, так и снаружи. Зрачки же их глаз – так же все: не были расширены. Что еще раз доказывало и позволяло же увидеть: весь свет и *цвет* их; без спектра и оттенков. Как и всю истинность же: чувств, эмоций и ощущений. Всю *натуру* и... не только перед «собой». Прикрытую, разве что, покрывалом!.. Ну а под ним: черным спортивным нижним бельем – у нее; и такого же цвета боксерами – уже у него.

Но и полежав так еще какое-то время на спине, брюнетка все же подвинулась к блондину и, перевернувшись так, чтобы могла головой разместиться на его груди, натянула покрывало повыше; параллельно – укрыв им еще и игрушку,

почти с головой.

– Меня одного пугает – этот его взгляд?.. – Хмыкнул Егор, проведя левой ладонью по его макушке и тут же пряча ее, вместе с носом и... *всего* же его, под покрывалом; когда же София и вдруг повернула его мордой к нему. – Не поворачивай его – на меня!

– Ну, Егор!.. Он же – задохнется! – Отпихнула его руку София, высовывая медведя вновь «на свет». – И *кто* бы говорил, между прочим!.. У него – еще добрые, хоть и черные, глаза. И да!.. Пусть и черные – совершенно, но... Не как же все; и *у вас*!

– Ауч!.. А вот это – обидно было, знаешь? – Насупился блондин, получая затем легкий щелчок с правой же ее свободной от мишки руки по носу. – Ой, кто-то сейчас получит!.. – И уже его обе руки, до этого расположенные за головой, нырнули под легкую ткань покрывала и ущипнули ее за правый бок. А после – и за *левый*!.. Вызывая тут же – ее легкий смех и быстрое барахтанье: в попытках избавиться от щекотливых ощущений и рук, их же все и вызывающих. – «Кого-то» – и медведь не спасет!.. *Его б* – кто спас. И ее!.. Да и пусть не возникает – *сам*, между прочим!.. Ведь я мог бы, и вполне, ему предъявить сейчас: *и* за положение тел! А конкретно – его и *на* тебе. Но молчу: же!.. В *какой* раз.

– Ты опять – ревнуешь. *Снова*!.. – И, вновь отвернув свою голову от моськи игрушки, она перевела свой взгляд на *другую*: менее радостную; так еще и с *таким* хмурым прищу-

ром!.. Что и пришлось же ей, развернувшись уже и полностью на левый бок, обнять игрушку обеими руками, прижав ее к себе, и тут же спрятать ее уже и самой под покрывало, продолжая теперь смотреть лишь на парня. – И к кому?.. *Чему!* К игрушке?.. Правда, что ли?! Все *настолько* – плохо? Нет, я, конечно, думала... И поняла: *уже. Там. И...* С тем! *Тем-и!*.. Но и не *приняла*, не думала же, что у тебя – *такая* и *настолько же*: низкая самооценка. Хотя, нет!.. Не так. Что она, вообще и в принципе, является такой и... *таковой!* Да и *есть* же... еще, несмотря ни на что; и при всем же э-том!

– Кому понравится – делить кровать на... *троих?*.. – Выплюнул он, обнимая девушку левой рукой за талию, в то же время, как и правую, уложив под ее же все голову: тем самым – поворачиваясь полностью на свой же правый бок и придвигаясь к ней ближе.

– Кому, *как оказалась*, они только и заходят!.. «Тройнички».

– Ну... Не *с игрушкой* же!.. – Хохотнул блондин и тут же шикнул-фыркнул себе же под нос. – Черт!.. Не знал бы – сказал, что: дежавю. Вот «такие» отсылки – мне не нравятся!.. А относительно: *тройничков...* И не *только!*.. Мне и «парные сеансы» из двух, вполне себе, *нравятся* и... очень даже устраивают!.. – Ослабился он, но и тут же сменил свое игривое настроение на заинтересованное, под серьезным и внимательным взглядом Софии: думающей о чем-то *своем*, но и смотрящей, при этом, на него; *на него*, но и будто бы –

вскользь, *сквозь* него. – А *теперь* – меня пугаешь: ты!.. Вытаскивай – медведя: он, в сравнении с тобой сейчас, очень даже неплох! – И, не дождавшись ее каких-либо слов, как и действий, снял свою левую руку с нее и сам изъясил из ее рук игрушку, уложив ее уже на себя; после того, как и сам же упал обратно на спину и обхватил медведя двумя руками. – Стоило догадаться, что *так просто* все: не кончится!.. И ты же так же «легко» *эту* всю ситуацию – не отпустишь. Я б – не отпустил!.. Ничего нового.

– Я – не об этом!.. Но... – Вернувшись на подушку без игрушки и «обняв» уже ее своими обеими руками, София взглянула на парня; а после – и на его же уже махинации с медведем: как он сначала его просто гладил, а затем – и начал перебирать в руках его лапы с подушкой; так, хоть и как прежде же все *по-своему*, «играя» с ним. – Раз *ты* начал!.. Егор. Как ты и *правильно* подметил... «Сказал»!.. Я не скажу тебе – ничего другого. Как и не скажу: ничего «инога». В сравнении же все и с тем, что и о чем же я говорила – чуть ранее; и тебе же. *Но!*.. Да. Я *немного* в шоке!.. И да «немного» – это еще: сильно сказано. Я просто в *невероятном* шоке – от того: *насколько* – «мы» похожи! И насколько моя же все версия с двойниками, ака «братьями-сестрами-близнецами», оказалась: рабочей. Начала же – работу. И... «Работать»: с меня же все; и моего отца. Может, и *там* – все не так чисто и... Моя интуиция – не только здесь: не врет?!

– Не думаю, что твой отец бы – промолчал: про то и... про

другое!.. – Отрицательно покачал головой Егор, не смотря на нее. – Ведь *это*... Он бы «по-любому» сказал: будь ты – *вторым* ребенком!.. Или «племянницей». Для своего же... *брата*. И да, конечно, отрицать – ничего и никого, никогда не стоит!.. Как и то, что «вы» могли быть... *Она* – могла быть... и *являться*... твоим «клоном». Так или иначе: у всех нас – они же есть. И разбросаны... где-то по Земле!..

– Или я – и *ее!*.. – Пожала плечами девушка, но и тут же затем тушуясь: словив начинающий темнеть взгляд, из темноты же все и комнаты, на себе. И да, она не видела его, но прекрасно *чувствовала*: его; и как повело, повеяло же холодом. И это уж точно – не морозная свежесть кондиционера для белья. Да и не ветер – из приоткрытого окна. Не прохлада и бриз... с моря. *Морозное море!*.. – Ладно!.. Прости. Я написала ему – об этом. Не знаю: ответит ли?.. Но, да, ты вновь *прав*: отрицать – нельзя! Как и то, что у него – могли быть «существенные причины»: чтобы не посвящать меня – в это. Но посвятить, допустим, *Александра!*.. Что и из всего, кажется, куда более: верным и насущным. Тогда хотя бы – было бы логично!.. Учитывая: *сколько* времени я провела *там*, изредка спускаясь *сюда*. Вестимо же все – в моменты: когда отец и мог держать же *ее* сам – под контролем. Как и «Розу»!.. Опять же – стало бы понятно: почему он *так* редко был со мной, уделяя все же свое внимание... *ей*. И «им»!.. И пусть же это все по итогу – никак не помогло... *Но!*.. Тогда бы, *ее* двадцать один год, из моих же все и двадцати двух,

стали бы – вполне себе: реальными и объективными. Они бы – обрели оболочку: в лице... *Ее*. И тут же – потеряли: когда он... убрал *ее*, спустив уже меня. И!.. – Тут она осеклась и прервала сама же себя, все так же не видя, но ощущая его, какую-никакую, а грусть: если не по *ней* и тем временам, то по *себе* в них и с *ней*. – *Прости*, еще раз!.. Еще хуже, чем «с клоном».

– Ничего... – отмахнулся парень, убирая, наконец, медведя на тумбу: со своей же стороны кровати; и повернулся к брюнетке на правый бок, складывая руки под подушкой. На что и она же слегка улыбнулась и повторила за ним, повернувшись с живота на левый. – В любом случае: пока мы этого – не знаем. И... *Знаем* то, что знаем. *Спасибо*: и на этом!

– *За что?*.. – Прищурилась София, в попытках все-таки разглядеть его и его же все эмоции, чувства и ощущения, во все еще кромешной темноте. Но и тут же почти сдавшись, решив, просто-напросто, не тратить зря время, как и силы с нервными клетками, решила пока отдать все на поруки своим же уже чувствам и эмоциям, как и ощущениям с *касаниями*: *чем*, кстати, не преминула воспользоваться сразу же – и дотронулась своей же правой ладонью до его левой щеки; о которую он тут же и так же, сразу же потерялся, будто бы и только этого же и ждал.

– За то, что не убежала. И... Не *ушла!*.. За то, что осталась. Хотя: могла. И я бы – понял... Не «принял» бы. Возможно... Опять же: *сразу!*.. Но – со временем...

– Боюсь, с *сестрой* – такое: не прокатит!.. – Грузно выдохнула она и хотела было вернуть ладонь опять под подушку, как та была перехвачена его уже и левой рукой и прижата ей же к нему: с другой стороны; оставшись между его лицом и его же ладонью.

– *Ее* – нет, ладно?!.. – По словам, разделяя каждое и отделяя его от предыдущего и последующего, проговорил он. – И не «будет». Что бы Роза там ни чудила!.. Совпало «так» или *действительно* она пыталась бы... и «пытается»... *ее* возродить – через тебя?.. Это – ничего не меняет; и не «изменит»! *Ее*, как и Розу, вернут «туда», откуда же вторая *первую* и достала!.. И куда сама же «вторая» с *ней* туда – и по... уйдет. Заслуженно!..

– Ты *так* спокойно об этом говоришь!.. Тебе *ее*, вот, совсем-совсем – не жалко?.. *Ан-ну!* – И как бы ни хотела, а голос все же «сдал», во всех же смыслах, и дрогнул на имени: да-к еще и когда его же рука – чуть сильнее, чем прежде, сжала ее; и *вдвойне*. Давая же еще, и тем самым, ей понять, что она вновь же через густой лес – вышла на голое минное поле... *без* миноискателя; идя «по приборам», только на ощупь и буквально же все – по больным и болевым... «боллезненным» еще точкам. *Садистка!*..

– Нисколько.

– *Она* ведь «помогала» ей, *Розе*, до меня, да?.. Делать то, что та делала и... «делает» же... сейчас: со мной и... *другими*; «во время» же уже – меня!

– Да.

– И *поплатилась* – за это?.. – Последний вопрос – не был, да и не «стал» же все в процессе «вопросом», как таковым, скорее уже и именно: утверждением. Но он и здесь нашел в себе силы, после обстрела ее, с остаточно-осадочным сиреневым флером, и его одиночно-односложными же ответами, хоть и просто уже кивнуть: опуская и пуская, *спуская* затем ее ладонь по своей же щеке, перед этим оставив легкий поцелуй на ладони.

– Это было – до или после того, как *она* тебя?.. – Но и так и не договорим-спросив, София сглотнула, максимально тактично и методично стараясь преодолеть и преодолевать не только его, но уже и «свои» для себя же ловушки. – Как *она* ушла. От тебя... И к Владу.

– *После*. Он мне – и рассказал об этом, кстати!.. Не размениваясь... на *большее*. Сказал, что... «Ее забрал Совет». А после, что: «Розу все-таки оправдали – и она вышла сухой из воды, повесив же все: на *нее*». *Представляешь!*.. – Так и не сдержал еще *того* удивления, как видно еще не остывшего в нем, да и не нашедшего *ответ* на себя же самого, Егор. – Глава!.. «Главарь» и... Организатор! Вдруг... Ну ни с того ни с сего... Становится: свидетелем. То есть... Кто *кого* учил, а? И яйца ли – *отвечают* за курицу?..

– Ты с самого начала знал – об их... *сговоре?*.. – Она же все, как могла, старалась удержать свое же уже и удивление при себе: дабы выдать все «по-холоду» – и *уползти* затем

по нему же; не создавая лишней претенциозности – на возможные и «вполне же себе» *дополнительные* подрывы... И себя же! Но голос вновь выдавал ее с потрохами – она была в шоке. – И что Роза – использует Анну: в *этом* всем... и для этого же всего!

– Не уверен в том, что... Кто *кого* еще и именно «использовал»!.. – Тяжело вздохнул блондин, прикрывая глаза, но так и не *отпуская* ее руку. – *Она* – вполне же могла затем войти во вкус и... Потеснить – ее!.. Сама. *Анна!*.. Да и как тут не войти: когда твоим учителем выступает – такая же... «сама»; самая же, что ни на есть, «влюбленная в демоническую жизнь», *баба*. Годно еще же к тому – промывающая, вымывающая *чужое* и... забивающая, параллельно, «своим»! Ну а Роза... Просто под шумок – воспользовалась этим, обрвав все *свои* хвосты: и указав – на *ее*. На *хвосты*... своей же ученицы!..

– Да уж!.. Это – похоже на Розу. Но и *тогда*: так, может?..

– *Нет*, Софи!.. – Шикнул он, обрывая ее и тут же распахивая свои глаза: смотрящие ровно и прямо же на нее и *в* ее; что и ей даже показалась, что она таки и увидела их *черноту*. От чего по спине ее – пробежали мурашки, вздымая мелкие волоски. – И даже, *тем более*, при таком раскладе – я *ее* не жалею и не соболезнаю, не сострадаю *ей*. Ни *Анне!*.. Ни *Розе*. Ни им обеим и... *вместе* же взятым!.. Чего уж там. Я и мало же того, что не принимаю *это* к себе и *в* себя – я не принимаю это: ни в ком и ни в *чем*. Но, да, хоть и по большей

же части – *все же*: молчу. *Старюсь*, во всяком случае!.. В некоем роде – ЗОЖ'ник: среди «выпивохов». Но вот и только когда этим еще и пользуются – в своих нелицеприятных, а там и «незаконных» целях!.. Я это ни то что не принимаю – я это не переношу!.. И пытаюсь же – от этого «избавиться»: тут же!.. Уверен, что если бы до меня это не сделали ребята – это сделал бы я. *Сам!*.. С ними. Да. Не «своими». Или без них! Уже и *своих*. Они же – промолчали и уберегли: от этого. Наверняка: зная и *до*. Не только до *суда*, но и всего!.. *Но*. Сказали – только после. И *сказал* же: Влад. Один из них!

– Не думаешь, что, как и в случае с *тобой* бы, где они были бы – под твоим главенством и направлением, контролем; так и с ним, *Владом*, они так же все были бы, как и *есть*, наверняка, но уже и под его?.. Мог он развернуть и провернуть *такое* – ради тебя?

– *Мог!*.. Почему нет? – Выдохнул спокойно блондин: и у нее вдруг отлегло – вместе с ним. – Но я, как ставил, так и ставлю – на Ксандера же все: до сих пор. Почему ты *так* усердно борешься за него, *Влада*: в моих глазах?.. – И, отпустив ее руку, наконец, из плена, опустил и свою уже левую руку под ткань покрывала, пройдясь лишь только пока и кончиками же пальцев – по ее же правому боку вниз: тормозя затем на линии талии и сжимая после слегка ее. – И *продолжаешь* бороться: из разу же в раз?

– Потому что *вы* оба – *не-плохие!*.. – Придвинулась к нему уже и сама ближе брюнетка, на ощупь попадая и говоря точ-

но же в самые его губы. – И заслуживаете того, чтобы если и называться «семьей», то и *быть* ей. Что бы, и *кто* бы, там ни был... И что бы, и *как*, ни говорил. Ни встречался – по и на пути... И ни вставал, «встревал»: на нем же. Не «казаться», а *быть!*.. Не беря же в расчет – и кровные или *не* кровные узы, связи... И я уж не знаю: *какой* там основной был «камень преткновения»!.. И что он, или *она*, делал или делала. Как и сделал... или сделала. С *вами*... Но!..

– Им была: *она!*.. – Вновь перебил ее парень, оглаживая кожу и чувствуя, как под его касаниями формируются, а после – и сразу же разбегаются мурашки. Как рассредоточиваются удары тока: разнося электричество, как внутри нее, так и снаружи; и вокруг же них. И как ее же все и начавшее же лишь сбиваться дыхание, после – и вовсе сбилось, потяжелело в разы: и просто же – над-, а затем и *подорвалось*. – Ты удивишься, но... *Да!*.. Так «один элемент» – может напроць разрушить годы и *века* единения: прожитые вместе и под одной же крышей. Как и один плохой поступок – все хорошие и... весь такой же опыт. За один щелчок!.. До этого – мы с таким и подобным не сталкивались. У нас все было – поровну. И только в этом же все вопросе и *стало* – раздельно. Потому что мы – не совпали вкусами!.. И дьявол же упаси, честное слово, *совпасть*: когда-либо! Повторять *подобный-не-подобный* опыт «еще раз» – я не хочу, не могу и... не намерен!

– Если он и повторится, то только как уже настоящий и...

полноценный!!.. – Кивнула София и улыбнулась. – И я все равно буду до последнего убеждена, и убеждать в этом всех и тебя, что это все: было играючи и во спасение *тебя* же! Перекинуть огонь – на себя; и принять его! Вот увидишь, так и будет. Потому что: так и *было*. Он. Твой. Брат!.. – И простучала затем каждое слово ногтем указательного пальца правой руки в его грудь. – Да и куда ему... со *своей* разношерстностью и разноперостью... в твою «однотонность»?!

– Как быстро *мы* перешли от обиды к подтруниванию!.. – Ущипнул ее у ребер он, поднимаясь затем ладонью выше и стыкаясь с резинкой топа-лифа: пока не решаясь двигаться дальше или нырять под нее; просто – оглаживая кожу. – Не рановато ли?!

– В самый раз!.. – Улыбнулась еще шире она, чуть с опозданием следуя за ним и опуская свою правую руку с его же груди, за чем переноса ее уже за его спину: и начав оглаживать ей чуть выпирающие позвонки. – Но я – согласна!.. Повторять *это* – мало кому захочется: что с твоей стороны, что и с *моей*! – И тут же вновь задумалась, нахмурившись. – А какова все же вероятность встретить – *такую* же: еще одну? Не точь-в-точь!.. Но...

– *Ноль*! – Раскрыл широко глаза Егор, но и больше, как и для нее, именно интонацией выделил свой шок и ужас: от возможной да и подобной же вновь перспективы. – Это – первый и последний случай: *такого*, вот, «сходства». В остальных... Что – может быть. А может, и *нет*!.. Если толь-

ко – какими-то отдельными деталями и... в мелочах. Но и это уже – извращенная полка Влада: с его параллелями и... «красными нитями». Между цветом волос... и глаз. Ростом и весом... Мне же – и *вас* хватило!.. И «хватит». Если и не на все время, то на *ближайшее*: так точно!.. Дос-та-точ-но! – И, сделав еще один акцент, «грузно выдохнул», дав, таким образом, еще и понять, что таки и закатил глаза. – Думал, *одной* – обойдется... Но тут – и «вторая» подкатила. Так нарисовалась, что и... не сотрешь! *Теперь*: точно – все! Больше – и не надо. Да и не куда!..

– *Мы* вернулись – к началу? К «обиде»?!.. – Отстранилась вмиг от него София, но и тут же вернулась обратно: посредством его же левой руки, возвратившейся на ее талию и затем перевернувшей ее саму, подмяв под своего же хозяина. – Я – м... могу!..

– Не сомневаюсь... – наклонился теперь уже и он к ней, нависая над ней на обеих своих руках и соединяя же, параллельно, их лица лбами. – Но – нет!.. *Возвращаться* мы – не будем. Мы тему эту – закрываем; и больше к ней – не возвращаемся!.. По крайней мере: сегодня. *Сейчас*. И... Здесь. – И, сев на ее ноги, сжав где-то между еще их и своими же по обеим сторонам, «провел» по ней только взглядом, с головы до пояса, по всем изгибам и округлостям. После чего – слегка еще и проследовал же *следом*, тем же все маршрутом, но уже и «на практике», своей же правой рукой, лишь костяшками пальцев, и все же: от шеи до живота, очерчивая контур

и нижнего белья; под гулкие удары ее же сердца и хриплое, вновь сбившееся, так еще затем и ускорившееся в разы дыхание. – Кто бы мог подумать, что я все же тебя уговорю... – прошептал после он, не тая нотки удовольствия и прямо-таки удовлетворения в своем голосе.

– Как уговорил, так и «разговорившись», продолжив: вот *так* смотреть и *так* же все говорить!.. – Просипела она, боясь уже и сорваться: на том или ином слове. А там – и на той или иной уже букве: когда он все-таки вернулся взглядом к ее глазам, стоило ей только закончить говорить, и тут же срывая с ее губ тихий стон – под расширенные и почти поглотившие радужки черные зрачки; причем – у обоих.

– То есть, комплементы – отпадают? – Наклонился к ней совсем уже Егор и прошелся губами вверх по впалому животу и своду ребер. – И тем же макарком?..

– М-хм!.. – Облизнула губы София, заранее уже зная, да и затем уже и чувствуя, что это и мало же чем поможет и *не помогло*: она же будто вся и за мгновение – высохла; но только и не той частью тела, с которой контактировал и от- он; и перешла на жизнь и зависимость – от нее и ею же: как и от его уже и донельзя влажных касаний губ и языка. Буквально: впитывая эту самую влагу. И только так – борясь с обезвоживанием. – Иначе – это будет первый, и он же *последний*, раз, когда... я поддаюсь и поддалась на уговоры!

– Что ни говори, а девушка мне досталась: *прекрасная*!.. – Слушая томные вздохи и не менее тяжелые выдохи, он не

без улыбки продолжал исследовать и пробовать *ее* и *ее* же кожу на вкус. А дойдя вновь до резинки – прикусил *ее* вместе... *с кожей*, внизу, а затем уже и сверху, чуть даже и засосав открытый участок груди, после чего – поднялся и к ключицам. – Никаких – комплиментов. Никаких – «хотелок»!.. Никакой меркантильности и, внимание, «материальщины», статусности!.. Никакой – важности и... значимости. Никакого: и значения. Никакой, опять-таки, *значимости*, но уже и цены, ценности «себя»!.. – И, оставив последний поцелуй у подножия шеи, вновь навис на руках по обе же стороны от *ее* головы и лица. – Ты отличаешься не только тем, что соединяешь «нас», не разделяя!.. Но и тем, что *осталась*. Как: вообще. Так и... «Со мной». Почему?..

– Возможно!.. Что и как раз – из-за этих же самых все «отличий»... – И поднялась на локтях рук к нему, чтобы уже и самой коснуться губами *его*: сначала – *его* правой стороны шеи, срывая уже и *его* тихий стон; после чего – прошла по подбородку и до губ, затем – снова по подбородку и *опять* возвращаясь на шею, только теперь уже именно прикусывая, кусая и зализывая свои следы: на *ее* середине-сердцевине и начавшем уже и ходить ходуном кадыке. – Тех, что ты все же нашел и так же *все-таки* увидел, различил и рассмотрел!.. Ты – *захотел* этого. В *этом* – была твоя нужда!.. А значит и, какая-никакая, значимость, *значение* и... ценность! Именно во мне, как «во мне», а не в... *ней*. И пусть меня это – все еще немного да и... коробит. Но я – смогу сделать: так же. Найду

такие же в себе силы, как и ты, не смириться, а *принять*... и жить с этим!.. С тем, что когда-то – была *она*. А теперь, вот, есть: я!.. И... Что-то же подобное происходит со всеми бывшими и... нынешними, нет? Пусть у меня – и не было такого и... подобного *еще*! Но...

– То есть, я не похож – ни на кого из?.. – Поймал ее все-таки левой рукой за подбородок парень, отрывая от себя, когда она уже заканчивала с его левой стороной шеи: чтобы на этом вопросе, именно *на этом*, увидеть «ее» и ее же глаза.

– У меня их было – не так много!.. – Осекла теперь сама и перебила же его София. – Но и... *Да*. Собственно, как и *он* же все – в принципе: ни на кого. Просто иногда качество – серьезно так превышает и перевешивает *количество*; и далеко – не в лучшую сторону. А порой – и совсем же все плохо: в худшую!.. Что и отбивает всякого же рода и... *всякое* желание: не только сравнивать, перебивать и перевешивать, но и соперничать; «в принципе» и... *продолжать* вообще! Делать – что-либо, чтобы и... *противостоять*.

– Он *что-то* сделал тебе?.. – И пусть хватка стала чуть сильнее, но он продолжал контролировал ее, как и себя: еще помня – в *ком* причина. Как и то, что с последним – пока мог; а там – как пойдет. Не хотелось бы, конечно, чтобы *отрезвляла*, но и уж лучше: она, чем он. Да и очередная же вещь о... *том*. Долбанет же, явно, по всем яйцам сразу и мира – мало никому не покажется. Оставалось лишь надеяться, что и *вернется*: сторицей.

– Как «первый» и... *последний*? Определенно!.. И далеко – *не* по моей воле. Но... – А брови его, тем временем, позли: все выше и выше; пока и не пересекли только ему понятную и известную же грань, где буквально слетели вниз и на переносицу, являя взгляд, резко ставший из шокированного в ужасе – суровым. – Неважно!.. Это – в прошлом. Как и он!.. Хотя, если так подумать, не из-за него, но «по нему» – я стала спать: куда хуже. И... Он же – и исправил это. Хоть: что-то!.. Помог же мне восстановить – сон.

– Только не говори мне, что!.. – И взгляд Егора метнулся в сторону медведя, после чего на девушку... и обратно. – Выкину его – завтра же. Вместе: с постелью!..

– *Егор!*!.. – Тут уже она обхватила его лицо руками и развернула к себе, проследим затем и за тем, чтобы и вместе с глазами, огладив его скулы и, тем самым, окончательно и обратно привлекая к себе его все внимание: тут же упавшего взора – сначала на ее губы, а после – и поднявшегося на и в ее глаза. – Все хорошо. Все в порядке!.. Слышишь? *Уже...* Его, как и Анны, нет! Точнее... *В отличие* – от Анны, да, он живой. Но!..

– *Не-на-дол-го!*!.. – Рыкнул блондин, тут же меняя позу и садясь на постели, потянув с и за собой и девушку: усаживая ее затем сразу – сверху на себя и свои же ноги. – Та самая «заминка», да?.. Оговорочка... По Фрейду. С «*он... а говорил... а*». Про розы в медведе. И... В только начавшемся *тогда* и на капоте со мной же все: разговоре; закончившемся,

как видно, только сейчас и... И *то!*.. При первом же не только телесном, но и душевном знакомстве-контакте. *Ирония!*.. Он ведь *был* знаком – с Розой. *Да...* И что-то мне подсказывает, что и *до сих пор*: есть. А *такие* люди – долго не живут. Просто: не должны!.. *Он* ведь – человек? – Брюнетке же ничего не оставалось, как кроме, хоть и еще задумчиво, но и уже, вместе же с тем, положительно кивнуть ему: пока не до конца догадываясь, понимая и принимая – к чему он это все и этим же клонит. – А *они* – вечные «шестерки»!.. И «на посылках» – до скончания... *своих* лет. Помнишь еще уже и другой наш с тобой разговор: про «инцест»? Не *прямой!*.. А про «солидарность»? Да и медведь же еще... этот. «С лепестками»!.. – И кивнул же еще головой в сторону игрушки. – Она напихала их – в его подушку и отдала тебе: через *него*. Наверняка: опасаясь всего того, что могло... и *может* еще – прийти в твои сны. Не столько страшного и ложного, для тебя, сколько страшного и... *правдивого*, для нее: и *против* же все... нее!.. «Кошмары» – не твои, а ее. Иначе бы – скрывать их, *таким*, вот, образом, она не стала. Да и не обратила бы вовсе внимания: изначально. Но она – обратила; и не обратила же, как раз, внимание – твое. Так еще и забила вновь голову «своим», ко всему же имеющемуся!.. В *своем* стиле.

– Есть... что-то: *еще?*.. – Нахмурилась брюнетка – и вдруг поймала «вину»: на задворках его глаз; вместе с закушенной нижней губой – в попытках скрыть, но и скорее уже, а там и *именно* размышляя – стоит ли и «говорить». – Егор...

– Мы не уверены – в этом!.. Но. Вполне возможно, что... Ты – не *мученик*. А!.. – И его взгляд упал вниз, параллельно с чем – еще и зубы скрипнули: под его же все и хриплый рык. – Те избиения были – из-за твоей «схожести». Не потому, что она ненавидела: *ты*. А потому, что, и как раз таки, ненавидела и ненавидит: тебя. Что ты – носишь, как бы, *ее* и... на, в себе. И ходишь – по земле, когда же *она*, *ее* же все и подопечная, вспомнила, ага, ученицу, *нет*. Да и твой отец!.. Вынеся *приговор* Анне, он...

– ...вынес приговор – и *мне*: с ее рук!.. Рук «Розы»! – Кивнула она и усмехнулась, практически и не удивившись. А даже, и более того, где-то и на каком-то уровне, уже зная и... догадываясь: сопоставляя свою «узнаваемость» с *чем-то* или кем-то, кого та могла видеть в ней самой, *Софии*, вдруг прерываясь или делая «менее» больно; а после – будто бы и отдергивая себя, наваливаясь с новой силой. Удивлен же был – как раз: Егор. Что и показал: не только взглядом, но и чуть приоткрытым ртом – в немом вопросе. – Я предполагала – это. Точнее!.. – И усмехнулась, отрицательно покачав головой. – Она «узнавала» меня – так же ведь, как ты. Я видела – это: в ее глазах. Но – не могла никак понять, с чем или *кем*, это могло быть связано. Теперь же, вот, наконец, поняла!..

– Прости... – утвердительно качнул головой блондин и почти рухнул, с каким-то даже и гортанным ревом, в ямочку меж ее ключиц: вдыхая, упиваясь и, в то же самое время,

«задыхаясь» ее запахом; *таким* горько-сладким, как и она же сама, «цветя и пахнув». Но и не он, что и скорее же, а там всегда и *точно*, лишь горчит, путая, а затем: только топит и «бьет», «бьет» и... – Мы оба – причинили тебе: *столько* боли!.. Что и я же вряд ли когда... Черт!.. Да и *никогда*, чего уж там, не смогу: вымолить прощения – у тебя. А если и «смогу», то и *не* у себя. У «себя» – я этого сделать: просто никак не смогу!..

– И совершенно напрасно!.. – Погладила его по голове девушка, зарываясь после пальцами правой руки в его короткие и светлые прядки на загривке. – И пусть то, что я говорила у университета – и не оказалось правдой, как таковой и... *полноценной*, но для меня: такой – она, как была, так и останется. Ты – укрепил меня: изнутри!.. А это, пусть и «извращенно», но... И куда теперь – без *этого*, а?.. – На что тут же раздался уже и его тихий смех, обжигая дыханием ее кожу. – Это – закалило меня!.. Выстроило, почти и внутренний же каркас, для борьбы с... внешними раздражителями и... раздражителем. Было – неприятно, *да*. И до сих пор!.. – А тут уже последовал – и легкий поцелуй в место, «обоженное», но и скорее же *разожженное*: его же дыханием. – Но там – уже на осадке и... *остатке*. Было: больно? Да. «Обидно»? Да. «Ненавидела»? *Да*... Но и не настолько, чтобы окончательно – сбить прицел *сего* чувства и перенести его на тебя, убрав, наоборот, с нее. Вы же всегда были – где-то рядом... и *близко*: не отдавая первенства другому. Не отставая!.. Бук-

важно: нос к носу шли. Но это было – далеко не худшее. *Далеко* – нет!.. Что ты мог, и *можешь* же до сих пор, сделать: но так и не сделал. Как та же все и Роза, например. И *нет!*.. Я не сравниваю – вас. Тебя же – с ней. Я говорю – это, как факт!..

– *Лучший*... среди худших? – Оторвал-таки от нее и тут же поднял свою голову Егор, за чем последовал и «светлый» взгляд: пока руки – все еще поглаживали ее спину.

– Не *худшее* – определение и название, согласишься!.. – Улыбнулась брюнетка, первая вовлекая его в поцелуй: уже не стопорясь и не отрываясь сама, вот только «но» и что сделал уже *сам* он: – Я все равно буду добиваться – твоего прощения!.. – Серьезно и твердо заявил-резюмировал он, убеждая не себя, а уже и ее в этом. – *Даже, и тем более*, если ты меня уже простила. Или только думаешь – об этом. Уже начала!.. Неважно. Просто: знай. Я сделаю все – для этого. Как: и «скажу». *В-се!*..

– Можешь начать – с *нашего сна!*.. – Обернулась к его тумбочке она и, чуть изогнувшись, тут же получив и парочку поцелуев в шею и подбородок, вернула медведя к себе, сжав его уже и между них. – Не знаю, говорил ли тебе Женя, но... подобного рода штуки... как потеря медведя или еще «отсутствие *главного ингредиента* в этом самом блюде»: вызывают... не самые приятные, прекрасные и «лучшие» ассоциации. Как и совсем не прекрасный и не лучший сон... *вообще!*.. Что и само собой уже подразумевает и вытекает из этого – ночке предстоит быть: веселой!..

– Она, так и так, обещала быть: *таковой!*.. – Ухмыльнулся блондин и, все же оторвавшись ненадолго от нее, взял медведя и швырнул его на балкон, тут же закрывая за ним и одной же из подушек, сброшенных с кровати, и дверь. – И «будет»!.. Лесной же житель – пока проветрится, подумает над своим поведением, если уж и не хозяина-хозяйки, не «тебя», и подышит *свежим* воздухом. Но завтра – я его со всем этим, чего он успел докоснуться, все равно выброшу!.. А и лучше: сожгу. Не считая: нас!.. – И, вновь прижавшись к ее губам, не спеша углубил поцелуй: ровно так же, как и развернул их обоих правым боком к кровати и медленно на нее опустил, аккуратно затем отрываясь и опуская свою левую руку на ее талию; а правую – укладывая под ее голову. – Совместный сон, кстати и к слову, предполагает и такой же утренний душ. Не говоря уж: за завтрак!.. Но и дальше этого – мы заходить не будем!.. *Пока*, во всяком случае. Это явно – не тот случай: когда одна боль – может и *должна* сменяться другой. Пусть еще – и на грани: с удовольствием!.. Не будем – спешить. Будем отвыкать и вновь привыкать – постепенно!..

Глава 23

Дернувшись от резкого открытия двери машины слева, еще и в общей же тишине салона до, брюнетка повернулась в сторону водителя и увидела Женю, тут же севшего на свое место – водительское кресло. И, оправив, чуть одернув вниз, свою белую футболку под черной кожаной курткой на такой же кожаный ремень светло-синих порванных джинс, а затем еще и установив обе свои ноги, в белых низких кроссовках, у педалей, кивнул на черный ремень безопасности Софии. И только после того, как она с положительного же своего кивка, проделала все нужные манипуляции с ним, пристегнулся сам и завел мотор своего белого глянцевого Range Rover последней модели: с черной тонировкой стекол повсеместно; и внутренней же белой кожаной отделкой – салона. На что уже и девушка, лишь грузно выдохнув на эту его «автономию» и такую же безэмоциональность, отвела взгляд к окну, справа же от себя: но и так же, как и он, не произнесла и слова; хоть и словив себя на мысли, что, и совсем не сговариваясь, они оделись почти одинаково. Только она предпочла футболке, как обычно, кофту с длинным рукавом и со средней же высоты воротом; хоть и белую. Удлинив и удивив, таким образом, всех и вся, все; а и в первую же очередь – себя. И *такое* – бывает, что ж. Бы-ло!.. Ведь и когда-то еще

перенеся в их дом не только домашние темные вещи, но и не домашние светлые; и *сейчас*, казалось, вспомнив «молодость» и *те* еще времена, почти прослезилась: могла же, на началах, носить *подобное*. А уж и теперь еще, с принесенными вещами Александра, впору было уже и «разрыдаться» – ведь их стало куда больше. Вот только: *куда?* И зачем?.. Ну а что же насчет остального: джинсы такие же, хоть и в ее же все случае, так же все *без дырок*, но и *все-таки* – были подвернуты: у высоких же белых кроссовок. А из верхней одежды – на плечи был наброшен: легкий бежевый плащ. В косметике же – она отдала предпочтение такому же «нюду»: светло-бежевой помаде, теням... и лаку для ногтей. Подкрасив лишь брови – темным карандашом; и ресницы – черной тушью. Да и то, опять же, *лишь*: слегка. Благо, и «по мелочи», что-что, а что-то такое и тут же «этакое» – всегда было в ее рюкзаке: «на всякий случай» и «про запас». Как и те же все: пудра и «тон». Но и в этот же раз – она обошлась без них; оставив их дома, вместе с другой косметикой. В то же самое время, как и сидящая же все за ними Карина, и пристегнувшаяся же следом, поддержала их: «молчаливый паритет»; но и в отличие же все от них же двоих – не сдерживаясь в чувствах и эмоциях, ощущениях, как и «в цветовой гамме» одежды и косметики: буквально выдавливая, нет, вырывая глаза, своим ярко-красным вязанным платьем, до середины бедра и под горло, с длинными рукавами, бордовыми замшевыми сапогами, по колено и в цвет же им уже

обоим плащом. Губы же ее – были покрыты ярким и глянцевым красным, «алой» помадой; и таким же лаком – ногти. Скулы – выделял светло-бордовый румянец. А веки – растушеваны от светлого к темному, как от красного к бордовому: в окантовке же черных ресниц, подкрашенных «шибко» тушью; ну и куда же без темных бровей, подведенных так же темным карандашом. И, вот, всякий же раз, когда София случайно ловила ее взгляд справа, в боковом или зеркале заднего же вида, она *не случайно* кивала головой на темно-волосого и прищуривалась; получая – такой же прищуренный отказ, еще и с отрицательного кивка. Так же и Никита, к слову, «предусмотрительно» отказался: предпочтя «семейному междоусобчику» – общественный транспорт; отказавшись сразу, таким образом, и от отца, и от парней и их же уже *предложений* подвести. Сославшись на то, что давно не ездил в нем: в его же все случае – метро. Да и не хотелось же мешать ему «семейной идиллии», которую и так, и *без него*, нарушит и нарушила уже Карина; которую, да, он хоть и звал с собой и хотел зайти за ней: но та, с желанием все-таки заставить поговорить брата и сестру после нелицеприятного инцидента, их первой встречи, поехала-таки с ними. Женя же, во всем этом и как было же оговорено с Александром ранее, отвез ее, после представления фотографий всем и вся, всему; а, вот, и на следующее же уже утро, *сегодня*, заехал за ней: чтобы уже отвезти в университет – вместе с сестрой. И не зря!.. Ведь и если бы не она – София бы: всю

дорогу молчала. А так... Молчит – пока только, да и делая же вид, что не видит ее, Карины же, недоброжелательный и несогласный с бойкотом, взгляд. Может, что и проклянется: не по ее воле; так устав – от террора и обстрела «глазами».

– Ска-жи!.. Начни – первая. Боже мой, Софи!.. Будь – умнее и мудрее, в конце-то концов; и хоть – где-то. «Когда-то». И... С кем-то!.. – Наседала на девушку Карина, буквально начиная и буравить же ее не только своим взглядом, но и словами, если и пока еще не действиями: но и зато уже – не скрываясь и не тушуясь; перла сахарным петушком – без глазури и присыпки. Ну или как бы еще сказал Никита: без мыла и... смазки.

– Кар!.. – Взмолилась жалобно София, ловя ее взгляд: но подруга – была бы не «подругой», если бы была «так просто»: прошибаема и пробиваема: – Егор?.. Или «тату»? – «взвесила на весах» строго Карина, выставив в голове руки перед ней и собой, так еще и в виде ультиматума. – Ты же ни в «этом», ни в том – лично ему не призналась!.. А между прочим... Он, как минимум, заслужил: личного обращения и такой же правды!.. К себе. От любимой, пока еще, и единственной, слава всему же и всем уже, сестры. Скажешь, нет?.. Выбирай! Скажешь – ты или я? Если я, то скажу: про все и сразу!..

– Ты же не знаешь – про первое!.. – И брови Софии поползли вверх: с одной стороны – от понимания собственной правоты, но и, в то же время, от удивления; а с другой – от

возможности, что кто-то ей уже и до нее успел рассказать. Тот же все и Никита!.. А не она. И теперь уже, от додумывания-домысливания, от страха. Буквально: за себя и... *того* парня. Не только – от и из-за гнева же Карины, но и Жени *уже*, возможно.

– *Зато Егор – знает! И про первое... И про «второе». И про компот!..* – Не унималась шатенка, пиля девушку: на чем только свет стоит... и еще же тьма держится-зиждится. – *Ты, как вообще, дружишь с приоритетами?.. Или нет! Умеешь их расставлять?.. Али как? Я вижу, что: «нет»!.. Иначе, каким боком, обо всем этом: знаю и я – лично! И он – тоже: лично. И не «знает» же – Женя! Твой брат!.. Ладно: отец. Но!.. Она же – его мать. Должен же он знать: с «кем» жил под боком, все это время. И как не «жила»: с ней же, в сравнении, ты!*

– *Главное здесь слово: «жил»!..* – Настаивала на своем брюнетка, не желая подчиняться ни в какую: ведь и *если* решит, то сама; как и скажет ли, но – в свое время. – *И оно – в прошедшем времени. «Жи-ву», сейчас же все, я! И... Зачем ему знать: как? Когда он и так – это все в... И как это «как» – именно отличалось и отличается: от его!*

– *С «кем» – живешь: ты!.. Господи, София, ну не придирайся, хоть здесь и тут, к словам!* – И только почувствовав, как подруга закатила глаза, с гортанного же еще и тяжелого вдоха-выдоха, София еще и убедилась в этом: посмотрев в зеркало заднего вида и вдохнув «кисло-го» коктейля так, что

и даже ее озон не помог. – Я понимаю, как веду себя; и «кого» представляю. Но и!.. Елки-палки. С тобой же – иначе, походу уже, никак! Нель-зя. Только – быть стервой; и заставлять. Принуждать. И «провоцировать»...

– Малышня!.. – Глянул и уже на них обеих, по очереди, Женя, затем вернул взгляд своих пока еще спокойных болотных глаз на дорогу. – Когда больше двух – говорят вслух. И да!.. Я до сих пор – не фанат: разговоров о моде; обсуждений трендов и брендов... прочих «девчачьих штук». Но и судя же все по тому, лицу и моей же сестры, вы говорите – не о них. Позвольте и мне – вписаться и узнать: о чем; а и может быть уже и ком?..

На что уже, и зыркнув лишь один раз на подругу своим темно-карим взглядом, не бешеным, но и уже на грани, София только опустила его на ее белые большие накладные наушники, все это время висевшие-лежащие на ее же шее и ключицах, мягко прося: *удалиться*. В ответ на что уже и Карина сначала не поддалась, будучи уверенной, что та что-то задумала и опять увильнет, но и повторный спокойный и даже в меру уже строгий и внимательный взгляд, убедил ее в обратном; а легкий утвердительный кивок следом – докинул баллов. И, положительно кивнув в ответ, она все-таки водрузила наушники себе на уши: перед этим, правда, еще, как включить музыку и отключиться от мира сего совсем, ткнула в нее пальцем правой руки, не касаясь, и своим уже твердым серо-зеленым взглядом, уже не намекая, а требуя: «Ты долж-

на и ты исполнишь!». Ну а брюнетке уже ничего не оставалось, как кроме, набрав в легкие побольше воздуха, будто в их вселенной правило о *перед смертью не надыхаешься* не работало, вцепиться пальцами в ежедневник, лежащий все это время на ее рюкзаке и коленях, начать хотя бы с чего-то. мысленно еще благодаря все свои металлические лацканы и замки, с какими-то только ей же все и понятными, а и главное *нужными* цветными брелоками и висюльками, за то, что те, пусть и не в полную меру, но охладили ее кожу и держали саму ее на плаву; так хотя бы она могла, *для себя*, сохранять трезвость рассудка и быть уверенной, что не улетит в эмоциях и чувствах, не слетит в ощущениях, сохраняя разум холодным и неприступным, *твердым*.

– Жень, я!..

**

...я висела – над своим телом!.. Приклеенная и... Будто бы: и *прибитая* к потолку. Так и словно бы еще: на «распятье». В белой больничной рубашке... И не могла пошевелиться!.. Пока, и все же это время, подо мной – *меня* же: приводили в сознание и... откачивали. Группа медсестер и... медбратьев. Во всем белом... «обмундировании»!.. По два человека, женского и... мужского пола, кажется. С двумя взрослыми же фигурами!.. *Врачами*. Женщиной... И мужчиной. Лиц же их разобрать – не удавалось: они все – склонились надо *мной*; и, разве что, по росту и ширине плеч, спины – можно было определить: пол!.. Пищали – датчики... меди-

цинских приборов: оповещающая всех же и вся, все – явно... о чем-то нехорошем. Но и куда мне: до медицинского образования и... терминов? Да и хоть каких-то уж знаний и... *пониманий*... о и в медицине. Об их: действиях, в частности. И... всем *процессе* же, в целом. Где уже там: и «принятие». В виде: фильмов и сериалов?.. Что ж. Хотя бы... Но и они – уж *дьюже*: суетились. Бегали – в палате и... Выбегая же... из нее. По коридору!.. И другим палатам. Слышала – топот и... хлопки: в отдалении. *Палаты!*.. Да. А это была – именно она: стерильная и белая, почти и спящая же своим светом, комната. Затем – снова прибежали: и бегали опять – здесь!.. Меняли приборы в своих руках: от белых стетоскопов... до прозрачных шприцев; разных размеров. И, как видно же все и водится, такого же различного функционала и... принадлежности. С одними лекарствами. После – с другими... Разве что: по цвету их – и различала.

Приходили... *Уходили!*.. Возвращались... Была такая жуткая суматоха!.. Много криков... и шума. *Гама!*.. Как... Когда мы с Александром сидели на лавке – и я смотрела вверх. Только там – они носились по и на улице. А тут... По палате больницы!.. И как *они* еще друг друга – слышали, в этом всем: когда даже я не могла разобрать и слова. Разве: тон и... какие-то лишь нотки *тембра*. Опять же все, да, позволяющие понять: женщина подо мной... или мужчина. Какие-то – были: даже очень знакомы!.. *У врачей*. Прямо: очень. Будто, я их уже... где-то слышала. *Могла*: слышать –

раньше. Но и ничего же, вместе с тем, не приходило на ум. Не *припоминалось!*.. Да и вспомни тут, ага. Сконцентрируйся!.. Когда перед глазами то и дело: как метались, так и метаются – серо-белые пятна, за счет теней и... как «мушки», «муфи», отслоившейся кожицы... в глазном же яблоке. Вроде... так это называется. Ну, я: по крайней мере; и называю. Мешающие: что-либо рассмотреть, преломляющие все... Белые же еще – капельницы. Прозрачные – шприцы. Белые – провода... Удары – тока!.. Все смешалось – в один большой и... *белый ком. Кони. Люди...* А датчики – все пищали... и пищали!.. Главный из которых, в какой-то... *один* момент, все же «проглянулся» из-за спин этих... этой «могучей кучки»; и я увидела, что: *не* так она и «могуча». По экрану бежала – всего одна белая линия. А после!..

После – я сорвалась; и слетела на пол. Но и приземлилась уже – аккуратно: в другой такой же... белой палате. И знаешь еще: что?.. К лежащему... и лежащему... *Отцу!*.. Он был – в состоянии, но... И не лучшем же, чем я. Так что *лучше бы*... Чем: мое тело!.. Даже... И хуже. Тем более... В *худшем*... состоянии!.. И пусть – в той же рубашке, что и я; а не в черном пакете. Он был *полностью* истыкан – иглами: белых капельниц. Со всех... сторон!.. Да-к; и ко всему – был еще подключен к *белому* аппарату... искусственного дыхания и вентиляции легких. С кучей мониторов и... с самой же маской для дыхания: на лице. Но что меня больше всего удивило – он был *привязан* к койке. Буквально!.. Блокирован – по

рукам и... ногам: белыми бинтами. А вокруг него!.. Стояли *цветы!* Где-то – в белых фарфоровых вазах. Новеньких, с еще не *застоявшейся* водой... А где-то – *стеклянных*; двух-трехлитровых банках и даже... *белых* пластиковых ведрах. Но – одни и те же. *Розы!* И... Вокруг!.. А все же, что у него «жило», как я поняла, и что двигалось, были: глаза. Которыми он все переводил и переводил – от меня к стене; и обратно. Будто: там – кто-то сидел. *Был!*.. Кроме меня и... него же: в палате. Но – в *тени!*.. Опять-такие: буквально. Его палата была – будто и разбита, «разделена»: на *две* равные части. Свет... И тьму!.. И пока в световой комплектации и наборе – было, более-менее, все; во тьме же – стояло: лишь одно, ирония-умора, деревянное кресло. Обтянутое, угадай, *какой* кожей?.. Правильно. Белой!.. Этакое пятно и... *свет* же все: во тьме. И вот на нем-то как раз, как и было же все видно по реакции отца; по его же расширенным черным зрачкам и бегающим, даже в какой-то и панике уже, карим глазам; кто-то и сидел; кто-то его *занимал*... там. Я же – не могла *пока* рассмотреть: кто. Но и будто бы откуда-то знала!.. *Точно* – знала, что... На меня – так же все: смотрят. *Уже*: оттуда. И... Что это все – *рай*. И... *Я!*.. Каким-то... чудом(?)... не *судом*... вдруг; и оказалась здесь. «Переместилась»: сюда. Но *переместилась* – не просто так. Он – попросил «меня»: первым и... *последним* своим же желанием. Выпросил!.. У «дьявола».

Который уже, да, и действительно сидел: по *левую* – от

него; и правую же от меня *сторону*. Пока еще – не вмешиваясь; но и *пролив* хотя бы уже на себя: немного света. Онто, к слову, и «внушал» мне параллельно, доходчиво разъясняя, вопрос: *кто...* что, почему... где, когда... и *за что?* Пока *другой* – еще дышал. Под угрозой же, в любой момент, лишиться этой... возможности. *Лишиться* – кислорода!.. А *кто* это – был? Кто мог быть, а и самое-то главное *должен* был быть, «линчевателем»? *Я!*.. То есть. Моя же копия! Или *оригинал?*.. Все зависело от того: *кто* – я. Но и что-то же мне уже опять-таки все подсказывало, что и *именно*: копия. Точнее – та... *Вторая*: я! Темная... *половина*: меня. И *темная* же: я!.. Да и не я же вовсе, как стало понятно... совсем недавно. А тут же – еще и почти: *принято!*.. Будучи полностью – в черном облачении: от мантии с капюшоном, покрывающим голову, до кофты под ней... джинс и кожаных сапог по колено, на высоком и тонком каблуке, поверх; с темными волосами и... черными же глазами: без зрачков, радужек и даже... без хрусталиков. *Черные*... яблоки глаз, просто!.. На *мертвенно* бледной, белой же коже... С широченной улыбкой. Ухмылкой и... *Гримасой!*.. Оскалом. Ровных, но и «заточенных» же все при этом и будто бы *специально* в клыках, зубов. Пока кисти же рук; на левой из которых были темные рисунки и со стороны же все которой рукав был будто бы и так же все намеренно закатан до локтя; были сцеплены меж собой в замок и водружены локтями на колени. На кой же уже, и в свою же очередь, была уложена голова... вместе с лицом

и взглядом... устремленная на меня. Не сводящая – взгляда, *не* мигающего совсем... как мне казалось. Вот, честно, две *зияющие*... черные дыры – смотрели на меня. Но и одновременно – сквозь *меня*: вовнутрь.

Она рассказала мне – все!.. От начала... и до конца. С *чего* началось – и *чем* же все, по итогу, закончилось. «До койки», буквально, в которой мы оба, с ним, сейчас, здесь и оказались. Равно, как и то, *почему*: мы – не вместе. И почему же *вместе* – сейчас; и *как* – я его, вот, вижу. И круг из роз – был сомкнут!.. Она его – *расставила* для меня; и открыла. Я же – осталась и оставалась: внизу. Когда и пока же все он – был прикован: здесь. «Наверху» и... У себя. Лишь: с собой. *Таким*: каким он предо мной – и предстал!.. В той же самой все позе, что и я... «На распятии». Но – и не в том же самом состоянии, что и я. Тяжелее!.. *Гораздо*. Гораздо: тяжелее. У меня, да, *всего-то*, остановилось – сердце. Но и хоть руки были – просто перебинтованы. В отличие – от... него!.. *Почему?!* Его же прокачивали и на-качивали – «подавителями света»: насколько я могла *только* понять, но и никак не принять, по его же все... недееспособности!.. *Как и меня?* Лишь: возможно. На деле – только «играя»: всю эту спешку и... «заботу». Все это: лечение и... откачивание, приведение в себя. *Меня!*.. И, вот, к счастью ли; горю... С ним же – все это: было тихо. Тихо и... понятно!.. Ничего этого – просто... не было. Да. Да!.. Ведь и *если* там – могли быть: маленькие дозы. Ради какого-то... того же самого все и *спектакля*, цир-

ка: *какого-то* хоть и действия. Правда, непонятно пока и до конца: *какого* и зачем. То здесь – в дозе, в которой... Если и не качеством, то *количеством* – «выбьет»: на раз; и... увезет. На что уже и он, прочитав это все, видимо, уже и по моему лицу – лишь попросил прощения!.. Да. Попросил *меня* – простить его!.. Глазами и... слезами.

Соленые капельки – мешались между собой... сливаясь на краю: прозрачной прорезиненной пластиковой маски. А он – все просил и... так же все молил. *Молча!*.. Вы-маливал. За все то время, что не выходил на связь. Отметив, *почему-то*, именно: шестнадцать дней. Шест-над-цать!.. А именно *столько* – его и не было. Чуть больше... полумесяца. Да. Когда он – появлялся, ровно *посередине* и... давал о себе знать. А здесь же!.. Ни свиданий. Ни писем... Ни!.. *Стоп!* А как тогда?.. Мы же – виделись! Или... *нет?* Да!.. И тут же ведь, тем самым, пока не зная этого, но и подтверждая: мои собственные смутные и спутанные догадки-опасения о... *Брате-близнеце!*.. Как и том, что мое письмо – не дошло, а... Попало, видимо, к *тому* самому!.. К кому: не должно было попасть. И *кого* мы никак не должны были, уже не *видимо*, тогда встречать: «вызывая» на разговор!.. Палево... Лажа!.. И так ведь хотелось спросить, подтвердить это, но... Не было сил. Ни сил... Ни желания: перебивать его. Да и... Не при ней же!.. Куда уж больше, чем и эта же все услада ее глазам: отсутствие «последних» речей и... прощаний. Так еще и от того, кто ее: покарал. И *кого* – покарает: она сама.

С той, кого... Покарает – она же? В отместку?!.. «Азбука Морзе», чтоб ей!.. И чтоб: ee! Анну!..

Принцип «...Небо все знает» – медленно, но верно: касался и распространялся – и на землю. Точнее... Меня!.. Да. Он будто бы знал, что я знаю и... все-не-все уже узнала!.. Как обычно. О чем я – думала и... размышляла. Или лишь еще и догадывалась... И сейчас!.. Попытка успеть – «заверить» меня в этом, будто боясь... Уйти – раньше!.. Не рассказав: сам и... всего. Всего-всего... Без: не. А мысли!.. Не проходили, будучи гашены всем и сразу. Но – глаза!.. Глаза – говорили: куда больше слов и... Впервые!.. Впервые мне так было – на них плевать. В отличие же все: от обстановки и... его же положения!.. Он – просил. А она, я, стояла и... держала белый длинный провод правой рукой, у белой же пластиковой розетки на стене, чтоб отключить его от приборов насовсем; подпирая стенку правым же боком и сверяя-проверяя, параллельно и играючи, свои черные длинные ногти на левой. Проверяла – целостность: маникюра и... лака!.. Вместо целостности же тела, если уж и не духа, перед ней... И мной!.. Ей, мне, было – плевать. Плевать – на это; и на все!.. Дам я: прощение? Прощу ли я?.. Или нет. Отключила бы – все равно. Что так, что этак... Вопрос же был – лишь в том: куда он попадет... напрямик. В «лист ожидания» и... чистилище. Или сразу и... на поручи. К тому... или иному? Другому. Не себе!.. В небытие.

И я – простила!.. Простила и... отпустила. «Жертва лин-

чевателя и палача» – стала линчевателем и... *палачом*. Ста-
ла – охотником... над жертвой: «бывшим охотником». Если
они, и *такие*, есть, конечно... Как и... всегда! «Легко», не
правда ли?.. И будто бы все его грехи разом – ему же отпу-
стила. И все *пороки*... «Его». Да. Но и... «Свои»!.. Ведь и с
ее, *моих* слов, конец значил и значи-т – лишь: начало. И я,
вроде как, придала ему тем самым – только больше и дольше,
далее и... глубже: «скорости». Только вот... Так – стран-
но!.. *Вроде* же – и родной, а *не* вроде бы: и чужой. Вроде –
близкий, а и *так же* все: далекий!.. *Еще? Или уже?*.. А чего
бы и здесь ни совместить: полезное с приятным?.. Я спро-
сила: кем является – она. Скорее: для проформы и очеред-
ного же подтверждения, «развенчания»: *одновременно* и...
всего. Хотя – и так понятно: что ангелам бы такое – не вы-
дали; и не *дали*... сделать. Но «надежда», видимо, все еще
теплилась. Как, в прочем, и всегда!.. Так что. *Непризнанный*
ученик Будды!.. Да-да. Это: я. Она же, в ответ, спросила: о
правильности моего вопроса и... точно ли *именно* это – я
хотела спросить. А я – и переспросила: о *своем* исходе. И
та уже – нормально ответила-сказала, что: «рано». Ну а ко-
гда я уточнила, бонусом, об ее имени, замолчав *настоящее*
и предъявив свое, Тень или Тен; когда я была, как никогда,
близка к истине и сути, разгадке; она просто промолчала и
вышла из палаты: но и полностью же из поля зрения – не
скрылась. Остановилась!.. Секунду – так постояла. Затем –
повернула голову и... с *ярким* оскалом кивнула: «Тен. Куда

лучше – *тебе!*.. Если – про сборники. Но – и *не* прозы!».. И я поняла – *все!*..

Мои пять минут «в коме» там – обернулись пятью днями «здесь». Я вполне могла поехать колпаком и остаться!.. Не вернуться. Но спустя час, с моего же возвращения непосредственно в тело, на радость и шок одновременно персонала больницы, всего и... *понемногу*, мне сказали, что буквально час назад – скончался мой отец. *Скончался!*.. В «Минеральных водах». И *над*... А я же – «в рубашке»... родилась. Да... В Минеральных... *винах*. Вот и думай теперь, после всего этого, что это все было и, черт побери-подери, на самом деле, *значит?*.. Сон? Или *явь?*.. И что: хуже? А что и... *лучше?* Если до этого – я прочно не видела: кошмары. Да они и не снятся... *уже*... просто так. От какого числа – он? И... Самое-то главное!.. Где. Мой. Отец?! *Он* – жив? Он – *не?*.. *Папа!*..

– И замолчала... – усмехнулся Женя. В то же время как сама София, встряхнув головой и сморгнув наваждение, уставилась на него, по-прежнему, хоть и с чуть большей уже силой, сжимая книгу. Затем, проверив по зеркалу заднего же все вида Карину и убедившись, что они еще не приехали, изъяла из середины исписанного строчками, и *меж* них, «друга» заранее вырванный и свернутый вдвое белый листок в мелкую голубую клетку и положила его поверх твердой сиреневой обложки: вновь крепя листы между собой – резин-

кой снаружи; *какой-то* контроль и такой же порядок, *пусть*, ее успокаивало.

– Ты давно... с «отцом» общался?

– Довольно-таки... – перевел на нее удивленный взгляд парень, а затем – и на листок, но спрашивать пока предумышленно не стал: оставив это заметкой – на задворках; ехать же еще – по утренним пробкам: как раз все и узнает. – А причем *тут?*..

– Я вчера – отправила ему письмо!.. – Так и не дала договорить ему девушка, взяв в руки листок и сжав его по краям, не открывая. И да, он так же и *тоже* – был весь исписан!.. *Так же*: как и все остальные листы... в ежедневнике. Но и почему-то – удостоился куда *большого* внимания. *Большого ее* внимания!.. Раз был еще – и вырван. Так и ко всему: одним из первых. До этого!.. *До* него – она никого не лишала их... *их* же «насиженных мест»: только черкала и малевала. «Замазывала» и... Заклеивала. Но!.. Не вырывала. Значит и, правда, *стоил* внимания. И «особого»: стоило сказать и не забыть. Но и пока только она же все и знала: почему. Женя же – лишь так же все мог: строить догадки и тешить надежду – узнать *тоже*; и желательно же все – от нее. – Сожгла его – в камине: выпустив пеплом и... рассеяв под облака, смешав с воздухом. Как ты и учил... Помнишь?

– Да... – протянул темноволосый, так и не поняв, да и не понимая же все: к чему же его сестра клонит; но и скрупулезно дожидаясь завершения ей – ее же мысли.

– Он – не ответил!.. – Взглянула на него серьезно брюнетка и тут же отвела взгляд. – Никак. Ни одного знака – не подал!.. Я даже, впервые, да и в принципе, «пожалела», а уже и потом о том, что потратила тот шанс на встречу: когда мы с Александром к нему пришли. А после и вовсе – начала сомневаться: во всем!.. Даже в том: была ли она – настоящей и насущной... эта встреча. Такой, какой... *Казалась!* И каким же – казал-ся: он.

– Ты – спрашиваешь или утверждаешь?.. – Изогнул правую бровь Женя, «играючи», по привычке, поджимая левую: но и все больше, при этом, путаясь и не понимая: к чему она ведет и при-ведет же, и тут же *ли*, все – по итогу. – Если «первое», то меня там не было: я не смогу тебе ничего об этом сказать; ни согласиться, ни опровергнуть. А если «второе»!.. С чего бы? И что ты ему *такого* там написала, что ему стоило бы, если уж и не «требуемо», тут же среагировать?..

– Все!.. – Грубо резанула она, заставив его даже подскочить немного на месте и тут же попытаться перестроиться к обочине, чтобы успокоиться и успокоить ее, но она вмиг пресекла все его эти попытки: оттолкнув его ногу с тормоза; и развернув его же руки – обратно: «в положение». – Прости... Прости меня, Жень, но *мы* не будем отходить от маршрута: не при каких обстоятельствах; и ни под каким предлогом!.. И да. Ты сейчас вполне резонно можешь и *посчитаешь* меня – параноиком. Но... Я не верю – в совпадения; как и в случайное же стечение... чего-либо. *Особенно!*.. – Затем

сглотнула и плотно сжала веки на секунду, чтобы затем резко их раскрыть и уставиться на не менее испуганного и пораженного, всем и сразу, брата. – Когда меня, раз от разу, посещают какие-то непонятные сны. «Непонятные», но... *Такие!*.. Что: до ужаса. До трясучки... правдоподобные!.. Что я: не только просыпаюсь в холодном поту, но и в горячих слезах. А еще, кажется, время от времени – душа «кровит». Но и не от того, что я там вижу, а что я делать и сделать там с тем и... тем-и – ничего могу! Потому, что не знаю: что «правда», а что и... нет. Что сон, а что... Явь!.. Что быль, а что... не «быль». Меня – будто: раздирает. *Буквально!*.. И... Мне – страшно. Мне *очень* страшно! Временами даже – мне кажется, что я просто и окончательно, бесповоротно: сойду с ума! Просто – слечу с катушек!.. И *все*.

– Софи!.. – Постарался вырвать руки Женя, но остался в ее хватке.

– Не перебивай!.. *Пожалуйста...* – прошептала она, уже и не просто моля, а *умоляя*. – Это – ужасно выглядит, и «слышится», я знаю!.. Воспринимается – тоже: не из лучших. Вообще – *никак*: скорее всего. Но... *Просто!*.. Поверь – мне. Знаю. *Знаю!*.. – Прервала она его вновь и такие же очередные попытки открыть рот и сказать хоть что-то в противовес или оправдание: согласиться или опровергнуть. – Это – сложно!.. Но, кажется, это – тот самый момент: когда судьба сама ставит меня на колени – и подставляет дуло пистолета к виску, требуя, да, и *именно* уже «требуя», да и не «хоть», а *что-то*

и уже с этим всем, со всем, сделать и *самой*, пока этого и так же все не сделала она. И я – «сделала». Я – написала... Не «сказала»!.. – Тут уже он не сдержался и метнул-таки в нее свой строгий взгляд, но и промолчал, возвращая его затем вновь на дорогу и стараясь теперь – лишь не терять: ни полюсу движения, ни машины перед собой, как и за собой; ожидая *лишь* возможности высказаться. – Да!.. Прости... Еще раз. Но мне – трудно, *трудно*... говорить это. Да и вообще!.. «В принципе». Переживая и... *перемирая* буквально заново: все это. А уж и говорить. «Повторять»... Карина – в курсе. Как и... *Егор*!.. – На что уже и его же все темные брови – только взметнулись вверх, в удивлении и *полном* непонимании, неприятии-принятии всего: да вот и только вновь же все – без подкрепления, что ведь и еще хуже; ведь и *как* фак-т. – Прости... Который уже раз?.. Да! Порой – *это*: не заставишь вылезти. А порой!.. Не заткнешь. Не заставишь: и заткнуться. Не остановишь, как... *поток*. И пусть, конечно, как и всегда: не прямым текстом. «Витиевато» и... Как-то «междустрочно». Но!.. Я сожгла – не один лист, так что... Если и не по тексту, то по эмоциям и чувствам, по *моим* ощущениям – он должен понять: *что* это и... *кто*, как *это* и... Как-во!.. Все тексты – у меня остались: выписанные через кальку или... электронными копиями. *Сканами*!.. Сброшенными на компьютер Ника и... Твою почту. На всякий случай!.. Все – там. *Пожалуйста*!.. – И обрубила же его уж и которую попытку вставить хоть слово – на корню, боясь уже даже под

конец сбиться, что-то забыть и вдруг не сказать. – Просто – *согласись* сейчас... И все. Мне *тоже* – не нравится, что происходит с моей головой!.. Что происходит – в ней. Но... Чтобы ни происходило – просто знай, что... Я – пыталась: сохранить это; и *справиться* – сама! Как могла... Побывать – сильной!.. Попробовать себя – в самостоятельности и... самодостаточности; ответственности *своей*. Хотя бы – за это... За что-то и... кого-то. За *себя* и... «свое»! Глупо и... *тупо*, да! *Дура* и... идиотка! Все – я. И *ошибка* – тоже: я. Ошиблась же так же – я. В который уже раз и... кряду, а? Но – и я же не могла более быть: на твоей шее или... чьей бы то ни было. Опять же, *да*, прости, но и это же все – стоило того. Пусть мы и пришли, по итогу, к тому: к чему пришли. Черт!.. С чего... *кого* и начали-то, по сути.

– Ты меня пугаешь, София!.. – Проворчал зло парень, держа себя из последних сил, чтобы не отпихнуть ее и не сделать так, как хочет он: остановиться и *нормально* поговорить, а и чего хуже – не бросить руль и не забить на управление... посреди дорожного полотна и потока же машин; а что делать, если только так, и таким уже лишь, образом, походу, «путем жертв», сможет сделать это. – К чему?.. К *чему* мы пришли?!

– К *этому*!.. – Подняла вдруг листок она и, свернув его еще пару раз, всунула его ему же во внутренний карман куртки. – Остальное – найдешь на почте; или у Никиты. Как я уже и сказала... раньше. И нет, я – не пугаю!.. *Пока*. Я – предупреждаю. «Пугала» бы – если бы *знала*: что и к чему идет; и

кто и... к чему, кому может и... при-дет. Я – не знаю. Не... *до конца*... знаю. Но и!.. Все – описала. Все свои чувства и... эмоции. Все и ощущения. Сны... *Сон!*.. Сегодняшний же и... *кряду*. И, *думаю*, лишившись «ловца снов»: это только – начало. *Но!*.. Если... – И Женя вновь напрягся, скрипнув зубами. – Еще раз. *Если!*.. Если что-то все же, да и *кто-то* случится – ты не найдешь, да, все и... там: *как* с этим справиться. Но, может, найдешь хотя бы «подсказки»: из настоящего... в прошлое. Потому что пока и для меня же все лично – это все: ворох всего же... и сразу. Но и *если* клубок начнет разворачиваться и раскручиваться – ты сможешь зацепиться и... проследить цепочку событий. Найдешь – путь!.. Правильный и... *верный* путь! Сможешь и пройти его: от начала... до конца. И, может, даже... По итогу!.. Найдешь – и меня.

– *Тебя?!..* – Тут уже и сама София подорвалась к нему с сиденья и обхватила за плечи, прижимаясь ближе и стараясь «спрятать» от «вернувшейся» к ним, но и все еще в наушниках, Карины: от ее зоркого глаза – редко же что и когда могло укрыться, а и особенно – на расстоянии метра, как сейчас; но и успокаивать еще и ее, от ее же все и иногда прямо-таки «параноидальных сдвигов по фазе», брюнетке было ни к чему, да и незачем – очень жирно же и перебор уже будет, с «горкой»: всего же все же – и понемногу, как хорошего, так и плохого. – А ты – где будешь?.. – Как не унял, так и не унимал свой разгоряченно-разъяренный тон-пыл он, *пыша*

углями направо и налево.

– Знать бы... – прошептала его сестра, стараясь хотя бы пусть и «только», но и *выглядеть* спокойно.

– Вы, наконец-то, поговорили!.. Молодцы! – Крикнула им через музыку шатенка. – Рада – за вас! Песня закончится – и я присоединюсь к вам. Ну... К обсуждению!..

– Конечно... – улыбнулась ей в ответ брюнетка и развернулась к брату: но и только уже с уголками губ – вниз. – Ты поймешь – лучше, когда прочтешь все сам: что слушал и слышал; от меня или... *нет, да...* или нет. Но и: от корки до корки!.. Все, что ты говорил на парковке, правда. Ты же это и так – уже знаешь!.. Как и все. Но и подкрепи же ее – фактами из записей и... *сохрани* их! Я слишком много светила этой книжкой... и собой с ней, чтобы... Если и не броситься впрямь и уже *прямо* в глаза, то вызвать подозрения и... сомнения. «Засветиться» и... По-крупному!.. Боюсь, что и письмо – могло попасть: не в те руки. И не дойти... просто!.. А если оно – так, то и *кто-то* уже знает: *что* я, да и «в принципе», знаю. И может предполагать, что уже *знают* – и все. Все, кто... вокруг. Я, даже не подставляя тебя под удар, принципиально, *нечаянно* – подставляю!.. – И, зарывшись лицом в его темные волосы, вдохнула его и их запах, оставляя затем и свой легкий поцелуй на его макушке. – Я до последнего – не хотела этого. «Не хотела» – говорить, держа же в голове: тебя, Полину и... вашего ребенка. Вас всех и... *Втроем!* Я не хотела... и *не могла* допустить, чтобы те-

бе приходилось утаивать и врать, волноваться самому и... *волновать* ее. Но получается *уже* – так: как получается. Я «нашлась» – на той стадии, где мне *нужно*, уходя, прощаться с... любим. И если не говорить правду, в очередной же все раз, так как это будет еще сумбурней и непонятней, чем могло бы быть и есть, на самом деле, то сказать: *где* ее можно найти. *Найди* – ее!.. Найди – *меня*...

И только ощутив, как похолодела правое предплечье, а вместе с тем – стал мокрым и рукав пальто, только тогда она заметила уже и соленые дорожки на его щеках; а затем – и на ткани. Которые, видимо, до последнего держались, как и сам же Женя, раз тот так и не проронил ни звука и никак, ничем себя не выдал: но предательская влага вновь исполнила свое предназначение – и *предала*, излившись: всеми же его эмоциями и чувствами, всеми и ощущениями, что он держал в себе так долго до... и вот опять.

– Почему даже уже и находясь рядом, я чувствую, что вновь теряю тебя, Соф?!.. – Спросил горько и опечаленно он, мельком утирая слезы своей правой рукой; левую же – все так же держа на руле. – «Обретал» ли... хоть когда. И вообще!.. Ты – есть?.. А я?..

– Прости меня!.. – Выдохнула она в его макушку, тут же и сжимаясь вся: как внутри, так и снаружи; нужно было – держаться: ведь и если *уже* не он, то она, *она* должна была держаться, держать и вы-держать этот... *весь* костяк, и «крест», вывезти их. *Как-то*, да, и опять же все; но – *вывез-*

ти. – Прости, что не сказала раньше. И сказала – так, не сказав и толком... *ничего.* Кучей малой... и какой-то: сборной солянкой!.. С винегретом. Я бы и сказала тебя *все* – сейчас. Сказала бы: и по приезду из университета!.. Но... Не подкрепив это – ничем стоящим?.. А ты и так уже – на пределе. Представь, что будет, когда все *это* – окажется правдой. Если бы у меня была такая возможность – я бы дождалась. Но и что-то мне уже подсказывает, что шанса такого – мне не представится; и возможности же таковой – не будет, не предвидится. Я не скажу, что, возможно, не приеду... *Или!*.. Не скажу, что: не появляюсь! Что: пропаду. Или... *Или* меня похитят!.. – И вновь же почувствовав, как брат, медленно, но верно, вместе с ней сжимается, будто и исчезая, готовый скрючиться, уменьшиться и... раствориться, она сжала его еще сильнее и прижалась сама же крепче к нему: чтобы дать понять, что она – здесь; и он – здесь. Что они оба – здесь, *еще* вместе; и все так же *пока* – в порядке. А если и «сейчас», то, может, и в дальнейшем!.. – Не знаю... *Нет!*.. Так я – «кликать» не буду. Но, как и слезы, предательское же «шестое чувство» – так и долбит, так и просится, чтобы его услышали и... поняли. *Приняли:* во внимание!.. Ты знаешь, что его у меня – не было: никогда. Да я и не верила в него. Но... *Поверь* уж – хотя бы ты. И *прими!*.. Просто: *пока* – во внимание. Это, может, оказаться бредом и... *Сплошным* же ведь... бредом! Но и если бы я не попыталась сейчас... Не отдав бы тебе это и не сказав: где и что найти, в случае чего... Я бы

точно – себе этого *никогда* не простила. И вот!.. Как я никогда же не прощу себе: молчания! *Отсутствие* бы прощания – не простила бы: вдвойне. Да и что там!.. *Втройне*. Нет... Я *уже* – не прощаюсь, но... И не обнадеживаю. Держи это – на задворках, ладно?..

– Я не могу – тебя спрятать?.. – Уточнил *все-таки* и еще раз парень, быстрым и повторным движением своей правой руки стерев остатки влаги с лица и вернув ее тут же на руль, будто ничего и не было. – Увезти!.. К чертям... на куличики. Подальше от... *Кто* бы это ни был. Ангелы? *Демоны*?!..

– Нет!.. – Покачала головой София, вновь оставляя легкий поцелуй в его волосах; но и вплетая же в них не только его, а еще и немного своей сиреневой сирени после дождя, да и не только в них, а и во всю же напряженно-разожженную атмосферу вокруг них. – *Ты* – нужен: здесь. Ты же – уже: под присмотром. И да!.. Как и *мы* же... все. Под контролем и... «вопросом». На их карандаше!.. Но и *все же*. Если: не я и ты!.. Тогда... *Тогда*: Полина. И!.. Это – не альтернатива. Ни разу же: и не «вариант»! *Совершенно*!.. – Женя тут же нахмурился и дернул плечами: не столько и стараясь от нее отстраниться, сколько отстранить ее и от ее же все мыслей. – Я тоже – *нет*; и ты прав! Никто: не «тоже». Но – согласись: *не худший*. Учитывая, что и меня-то, в случае чего, не так жалко, правда?

– Вот, что есть, то есть!.. – Фыркнул он и подпрыгнул на месте: не больно, но *сильно* придясь – в ее же подбородок;

о чем тут же свидетельствовал и тихий стон боли, но и было же, как и он, «заслуженно», так что – она и промолчала. – Как ты там себя называла?.. Повторяй – почаще. Постоянно!.. Не заставляй только нас и мозоли же на языке зарабатывать – этим, ладно? С ума она – сходит!.. С катушек слетает! Уже – слетела, мать! И я тебе сам даже – об этом как-то говорил. Куда – дальше-то; и *больше*?!..

– Ты – *понял* меня, Жень!.. – «Спустилась» на его правое плечо брюнетка, легко приобнимая того за шею и не мешая: как ему же самому, так и управлению машиной. – Кровь – потекла; и акулы – выехали по следу. Фигня?.. Да. Но и как никогда же все – подходит. И да, уж лучше поймать их – на мне и меня, чем и на ком бы то ни было. Как говорится: «*Я заварила – я и разварю*». Я – и «съем»! На мне же началось – на мне должно... и закончится. С твоей же все стороны – я прошу лишь, как и прежде, брата-джентльмена: который пропустит *девушку* вперед!.. Ну и брата-ублюдка, который, опять же, пропустит вперед, а затем, захлопнув за ней и перед собой, выпроводив остальных ранее и оставшись внутри, закроет оставшихся, *всех*, в одном месте и... Там уже – не «мультики»; и не для *детей*. Не подеритесь только: когда будите на *пятерых* делить!..

– Чего не обещаю – того не обещаю!.. – Хмыкнул темноволосый, после чего съехал на асфальтированную дорогу, ведущую во двор к университету, и припарковался у ворот. Потом дождался, пока Карина выйдет первой, забрав

«свою» кислоту, и обнял Софию в ответ: оставаясь сидеть – так, немного еще в тишине и молчании, прерываемой разве что сбито-тяжелым дыханием обоих; будто каждый пробежал кросс – «человеком»: и если не внешне, то внутренне точно, так еще и пару-тройку... *сотен* кругов сердцем отдельно намотав; и... и впрямь уже горячей сиренью, благо же это «сорняк», и еще *поборется*. – Я услышал – тебя. И принял: к сведению... – проговорил затем спокойно он, пока не открывая глаз, но продолжая держать сестру в крепких объятиях. – Это не значит, что я во все поверил: и принял так же все уже – за чистую монету. Так как, как и ты, не видел же еще этого... *всего*; и не проверил теории – практикой. *Но!*.. Я буду – начеку. Да!.. Это я тебе – могу обещать: точно. И пообещаю. *Обещаю!*.. И тут же, как и прежде все, запрещаю тебе – жертвовать собой. Но и *ты* же уже, как и прежде, не слушаешь меня, не *послушаешь* и делаешь, сделаешь все – по-своему!.. – Грустно усмехнулся он, но и не отчаянно уже, а и скорее принимая *в этом* поражение. – Поэтому я уже, *как и прежде* же все, найду тебя: где бы ты ни была. И чтобы потом или в процессе: ты мне ни говорила! Я не глух – сейчас, но глух *потом*. И если в первом случае, с *не*, сердце, а без *не* – разум, то во втором: все наоборот. Уж прости и ты, но я плачу: той же монетой и... самоуправством.

– Спасибо... – прошептала София, тесно-тесно прижавшись к брату и стараясь не сорваться на хрипы или всхлипы: эмоции прямо-таки уже и сами просились наружу; а чувства

– хотели излиться и... *пролиться* всеми же ее ощущениями и сразу.

– И не думай даже прощаться, поняла?! – Не спросил, а и скорее *даже* потребовал это от нее он, ожидая неукоснительного подчинения: *хотя бы* – в этом. – Я еще не отчитал тебя – за *Егора!*.. А его, в свою очередь, *за* тебя. И за *вас*: вместе взятых и... друг за друга!

– О да!.. Если и стоит за что-то и кого-то... и из-за чего-то и кого-то жить, то из-за и *для* этого: чтобы мне прилетело – за то... чему даже и названия-то, как такового, и не *пока*, адекватно-нормального нет! – Фыркнула брюнетка, отстранившись и все же утерев слезы: можно, уже *можно*... Она же его видела – пусть увидит и он «ее». – *Тем более!*..

– А его – и не будет! – Закатил глаза парень, щелкая сестру по носу указательным и большим пальцами правой руки; а левыми – по лбу. – Вы же оба – неадекватны... еще те! Что он, что и... *ты*. И это – еще бабка надвое сказала: *кто* – более. Спорю: не *он!*..

– Дурак!.. – Стукнула теперь уже его и в ответ, хоть и достаточно легко, небольшим, в сравнении же все и с его же, кулачком своей левой руки она; и тут же попала в «медвежий капкан» из его же рук, придясь ровно и прямо: лицом к лицу. – Ну, Жень!.. Не заставляй меня рыдать – при всех. Я ж остановиться: не смогу!..

– Я. Найду. Тебя! – Прижался теперь и он губами, только и к ее же уже лбу, меняясь, что взглядом в себе, что и речью

же снаружи, с веселости на строгость. – Что бы ни случилось и... что бы ни произошло. При любом раскладе!.. Даже, и тем более, если ты – сама этого затем не захочешь. И мне будет – глубоко плевать: *кто* встанет на моем пути!.. – София дернулась, чтоб подлезть к нему и если уж ничего не сказать, то видеть: но вновь, теперь уже и сама, была осажена им, как и крепким, сильным его захватом: где уже и он приподнялся, водрузив свою голову на ее, принижая саму и подсбивая ее пыл. – Плевать: *совершенно!*.. С твоей же стороны – на нем: не оказаться! И это не значит, совершенно *не значит*, что я не буду специально и под горячую же все руку: ловить нашу с тобой «мать». Как и не значит... и не отрицает, что я ее ловить так же все «специально»: не буду! Просто... Не *мешай* – мне... И в *этом*: тоже!.. И все. Договорились?..

– Спа-си-бо!.. – И, поблагодарив его повторно, сжимая его в своих объятиях и сжимаясь же сама, прикрыла глаза, выдыхая: наслаждаясь – уединением-единением. – Все. Будет. Хорошо! Пусть: не сейчас. И не *у нас*... Зато *после* – точно!.. И у нас. Нас: *всех!*

**

...«Сколько лет должно пройти, чтобы я поняла, что *взрослею?*.. В каком возрасте – я почувствую себя *взрослой?*..». Стандарты и стереотипы возрастной ранжировки, «возрастного ранжирования», медленно, но верно – отходят на второй план: шаг за шагом!.. Да и вовсе уже почти – скрылись, скрываются из виду. И я сейчас – не о: «невозможно-

сти определить возраст по физиологическим особенностям» и «генной предрасположенности “к сохранению” на любом отрезке времени»... Я же сама и до сих пор – не могу точно определить возраст людей и... *не*: входящих в и... «проходящих» через меня!.. Тот, кому же «на вид» лишь лет восемнадцать – может быть *тридцатилетним*; и наоборот. Опять же: не о «цифрах»!.. О *содержании*. Насколько вдумчивым и сложным – может быть *индивид*... перед тобой, имея за плечами опыт – во «всего лишь»: десяток или два десятка лет. И насколько может быть пустой и фальшивой «оболочка» – с *тридцатилетним стажем*: и психологическим возрастом – в пять лет!..

Правду же говорят, что есть: вечно молодые... и вечно пьяные. *Вместе!*.. Или раздельно. Но и на всем же – протяжении жизни. А есть те, кто, так и не дождавшись отметки «Дожитие», умирает: в шестнадцать или... *семнадцать* лет. И это: максимально!..

Порой, человек и *не*, не успев родиться – погибает. Не «внешне». Да!.. Но и когда видишь же *это*... его в толпе: невольно задумываешься – уж лучше бы; и *внешне!* Избитый и... *убитый*. *Напрочь* и навзничь!.. Близкими и родными... Семей и друзьями. Как в частности!.. И *социумом*... «Обществом». Как в общем... Добит – и «нитями связей»!.. Которые, с периодичностью, то путают и лишь сбивают с ног, пути, то и душат... удавкой на шее. Он – настолько замыкается внутри себя, что: теряет связь с внешним...; и «ми-

ром» же, в том числе. И!.. Начинает: атрофироваться. Гниет!.. Не достигнув: совершеннолетия. *Не достигнув* – того самого «расцвета», про который так и говорят отовсюду: как «лучшие годы» и... «лучшее же время»!.. Туфта. «Субъективное представление – о лучшем»?.. Лишь и *только* – еще одна причина, не «причуда»: упадка. Да... *уж!*.. Не у всех есть возможность – войти в «эти» годы: с распростертыми руками и... *такими* же объятиями, сказав-крикнув: «*Прими меня!*...». *Ночь...* В большинстве же своем «распростертые руки» – пресекаются; а объятия – *штрафуются*... «Распятием»!..

«Забавно»!.. А ведь еще и у *некоторых* в памяти – время, когда было просто страшно думать: о двадцати годах. *О тридцати!*.. А о сорока и пятидесяти?.. «Думать» же и вообще – не хотелось!.. «Закат жизни»!.. Зачем? А живешь, вот, *затем* – и понимаешь, что: можешь и не дожидаться-то, в принципе, этих же все самых... *юбилеев*. «Пенсионная людская... *человеческая* реформа». М-мм!.. *Вкусно*-та. € ударением на «о» и... *чайк!*.. Да. *Да...* Пока все думают: как в нее – выйти? Не в не-го. *Ож-...* Кхм!.. Другие думают: как в нее – войти? *Входит и выходит!*.. Замечательно – *вых...* *Ладно!*.. Страшно представить – поколения, следующие за... А *что* – дальше-то?.. Семьдесят лет? *Восемьдесят?*!.. А это вообще законно *уже* – так долго ж... «Существовать». *Только* это – и?.. Да все!.. *Все*.

Но и если же ты *вдруг* сейчас же все удивился, и до сих пор

удивлен, моей же все и ответственности – за человек... людей, то... *Какого?..* Я – обижусь, вообще-то! Я, так-то, тоже, пусть и *пока*, но и: не вечно молодая и... такая же *пьяная*. Молодая и *пьяная!*.. Да! Хорошо... *Нет!* Я *еще*: среди них. У кого «годы» – не пустой звук. А *после* – будет уже «после». *Века...* Ха!.. Да и «кого» я обманываю?.. Я *всегда* буду – за них! И даже: в этом. *Тем более*, в этом!..

«Забавно»!.. *Два*. А ведь... и было время – рвало башню, *даже* и у меня, от американских «сроков». Не *пенсионных!*.. «Тюремных»! Хоть и тоже: от звонка до... звонка!.. Какое: «пожизненное»?! Там – и сто лет. И сто «тринадцать» лет. И «двести» лет!.. *Нет!*.. Это – не *пожизненное*. Кончено!.. Как тату. На всю жизнь... *Почти*. На всю жизнь и... немного *дольше*. Немного – после и... позже. Только ведь и *потом* поняла, что: один «пожизненный» – *пересмотреть* могут; а вот уже два, а там и *три* – нет. *Век живи!*.. *Так* – и с этим!.. И проводя, вот, такие «наипрекраснейшие параллели и красные нити», между теми и э-тими: на кого *так* любят смотреть, теряя «себя» из вида... «Тонкий» намек – на бугорок и на *за-бугор*. Кхм!.. И на кого – *так* же усиленно все стремятся: не только *походить*, но и прямо же быть «похожими». Как-то!.. Начинаешь уже и именно сомневаться – в адекватности: высшего каста... Но – и ничего *радикального!*.. В политику мы – не лезем. *Принципиально!*.. Себе – дороже! Да и, черт бы, с этой реформой!.. Дело же – в другом. В том, что... В *самом* возрасте. И в *том* самом: моменте!.. Пото-

ке... Когда *уже* ты, да, *ты*; и по-настоящему же все, натурально и естественно: почувствуешь себя – взрослым. «Когда»?.. А *когда* он наступит – для *тебя*? Или, может, он *уже*: наступил?.. Не ограничиваясь же все – рамками и гранями: разумного и... *возрастного*. Ты же ведь *можешь* – повзрослеть и поумнеть: в двадцать лет. Можешь – и в тридцать... А можешь: и в десять лет!.. И только лишь – тебе решать, *когда*... «А!.. Нет. “Это” – не тебе...»!..

– Ты только посмотри на них, а!.. – Фыркнула темноволосяя женщина, размыкая пальцами левой руки, с французским *красным* маникюром на своих длинных и *острых* ногтях, светло-бежевые жалюзи-шторы белого деревянного окна и смотря же теперь в него с третьего этажа университета. – Любуются. «Милуются» – в машине!.. Аж смотреть – противно. *Тош-но*... Прямо же, как и настоящие же все: брат и сестра! *Как* – вот только; и *главное* же тут: слово. Неспроста – он приехал... То есть, «вернулся». Ой, *неспроста*!.. Разнухивает же – все *здесь*, сейчас и... *сам*: сто процентов. Если и *уже* – не!..

– А есть: *что*?.. – Даже и не пытаюсь проявить какой-то, хоть уже и маломальский интерес, но и сделав же все же над собой усилие, в виде вопросительной интонации, проговорил *почти такой же* темноволосяный мужчина, развалившись и буквально на темно-коричневом кожаном диване, уже у другого окна, напротив соответствующей же деревян-

ной двери с круглой ручкой в цвет, закинув ногу на ногу и уставившись своими такими же *темно-карими* глазами в текст очередного бумажного журнала в красной матовой обложке: в черную узкую полоску-строчку и с синим же мелким почерком меж.

– Издеваешься?! – Шикнула она ему и тут же оказалась сидящей на столе из темного дерева, окруженная, как и он сам, такой же мебелью, но и уже в виде тумб и шкафов; с личными делами студентов, преподавателей... и рабочими журналами, не говоря уже за личные записи «хозяина сей обители»: разноцветные и разноформатные тетради и ежедневники, блокноты... и такую же разноцветную и разношерстную, разноперую же – канцелярию к ней; расставленных по углам кабинета, выполненного, в основном, в светло-коричневых и бежевых тонах – обоев по стенам и ламината на полу, когда же белый штукатуренный потолок, с таким же холодным светом ламп на нем, высветлял общим фоном саму комнату, уже и именно затемненную мебелью. И, сбросив ненужную ей, но нужную «хозяину же сего помещения», макулатуру со стола куда-то за свою спину, только тогда вспомнила и при-помнила себе же, что они не одни, не *вдвоем* в помещении, заслышав сразу же и стон – с другой стороны стола: за которым *все еще* полусидел-полулежал еще один мужчина; тот самый «хозяин». Но и в данный же все момент – только темного кожаного кресла на металлических колесиках, а не своего же кабинета, куда уж там – жизни и судьбы, в про-

еме между тумбочек, встроенных в стол: с залысиной темных волос на достаточно полной голове, таком же лице и при тучности всего же тела. Прямоугольные очки его, на тонкой металлической оправе, скатились на кончик круглого, картошкой, носа. Глаза же за ними – были прикрыты, так еще и при-накрытые, ко всему, нахмуренностью же довольно высокого лба и встретившимися на переносице темными широкими бровями. Пока темные короткие ресницы его – покачивались в такт его же ровному дыханию. А ноздри – чуть расправлялись. Когда же рот, с полными губами, был *открыт* – сам по себе; как и весь же его внешний вид. Начиная распахнутым темно-серым пиджаком, брючного классического костюма, почти снятым с плеч, но оставшимся висеть на нем, продолжая расстегнутой, наполовину, белой рубашкой, с так же все наполовину развязанным черным галстуком в темно-серую полосу, откинутым куда-то за спину и заканчивая же *все это дело* расстегнутыми и приспущенными же с ног темно-серыми брюками, открывающими вид на... серое нижнее белье в черную полосу; но и зато же хоть прикрывающими – черные лакированные туфли на небольшом квадратном каблуке. Хотя – лучше бы: наоборот; и открывали – их, *чем!*.. И пусть он был – заранее *одурманен* и находился под «гипнозом-внушением», не способный ничего сделать, кроме как, время от времени, постанывать и хрипеть; не от боли, а совмещения приятного с полезным; но он все же дал Розе, а это была именно она, то, что она и хоте-

ла от него – полную власть над кабинетом и *данными*, находящимися в нем, без вопросов. Ну а она!.. Воспользовалась этим. Но и после же все того, как отблагодарила. Да... Где еще найдешь такого... *такую*... совместительницу же все и приятного с полезным: *дала* же и сама ему то, что он хотел, не без *ее* же все и встречного хотения-желания. Что же – до него?.. А кто был и против – на месте же н-его?.. Не *она*. Так точно. И опять же!.. Так еще и подсбив «баланс» – среди людей; и *напिताвшись* досыта. И кто был знал: *кто* был снова, так как еще и ранее же все остался, в выигрыше?..

– Сказала *та*, кто так и не удосужилась же все – застегнуть, *до конца*, рубашку... – смерил ее скептическим взглядом мужчина, а затем вернул его на строчки, облизав, параллельно, указательный палец своей правой руки: перед тем, как и вновь перелистнуть же страницу. – И да!.. *Себе* уже... хотя бы; не ему. *А ему* – и штаны!.. Или сдвинься уже – чуть левее: чтобы я прекратил *это*... его лицезреть. *Всего*... его!.. Вместе: с опущенной же вниз головой, закрытыми, в изнеможении, глазами и... открытым слюнявым ртом.

– *Так* – выглядит удовольствие!.. – Оскалилась собеседница, оборачиваясь и прикусывая нижнюю губу, после чего вернулась, как и взглядом, обратно – перед собой, а спиной же и затылком – обернулась к сидящему в кресле: оправив, затянув потуже, свой темный пучок на затылке, приподняв затем черную юбку-карандаш по обнаженным ногам и, закинув правую же ногу на левую, начала «играть» с в цвет же

лакированными туфлями на высокой тонкой шпильке; почти снимая туфлю с правой ступни и тут же ее надевая, перекачивая, с пятки на мысок, и обратно, опять снимая. Что юбка, что и обувь: играли на контрасте – с белой же ее рубашкой на таких же мелких пуговицах, под которой в разрез, а после уже и в «полурасстегнутый вид», виднелся в тон же кружевной лиф; ведь, и да, застегнула она ее, но и опять же все, не до конца, оставив на виду – часть грудной клетки: к ключицам и шее. Потом – сверила макияж, по экрану же своего белого в черном матовом чехле телефона, изъятого из стоящего рядом же с ней на столе черного лакированного клатча, убедилась, что нет «пыли» на нижних веках от черных же теней и не смазалась ярко-красная матовая помада на губах; как и то, что сохранился темный контуринг скул; и, убрав его на место, окончательно обратилась всем своим видом и вниманием к дивану и мужчине на нем. – Но и *куда тебе?.. Тебе* – не понять!

– *А так* – выглядит: шлюха!.. – Махнул тот в ее сторону на миг освободившейся правой рукой, не отрываясь взглядом от папки. – Но и *куда тебе?.. Тебе* – не *принять!*

Мгновение – и она отбрасывает журнал из его рук в сторону, сбрасывает его ноги, обтянутые черными потертыми джинсами, такими же кожаными ботинками на пол, устраиваясь на его левой ноге и прижимая свое правое колено: максимально близко к его паху, в свою очередь, устремляясь же и своей левой острой коленкой – поддых; левой рукой –

держала его за ворот красной кофты, а правой – прижимая за горло к спинке дивана.

– Ты назло *мне* – пропустил мимо ушей: мою же просьбу о «дресс-коде»?!.. – Рыкнула она ему в его правое ухо, попадая «градусным ядом» куда-то еще и в ту же область его шеи, что, и рикошетом, пришлось – по левой, и левому, будто и впрямь *выйдя*.

– «Просьбу»?!.. – Хрипнул он, стараясь оторвать хоть одну ее руку от себя, но на деле: только держа их сам – *мимо* контролируя ситуацию. – Это было: требование. *Приказ!*.. Еще – и от *тебя*. Сказать: *насколько* мне было плевать?!.. *Настолько* – насколько и сейчас. Я ношу его – *там!*.. Не собираюсь париться, и *буквально*, в нем – еще и «здесь». Ты – не убьешь меня; и *потомства* – не лишишь. Я *уже* – лишенный!.. А с тобой – еще и умственно... *отсталый!* – Гаркнул он, после чего еще: и хрипло заливаясь же истерическим смехом. – Пугай этим – тот, вон, мешок картошки, который ты и только недавно «седлала». Если по итогу и не откусила, конечно!.. До того, как решила: оторвать!

– Какой же ты все-таки: урод!.. – Выплюнула Роза ему в лицо – его же *гнилью*: мхом и тиной. – Ни разу не пожалела, что выбрала *его*, а не тебя. И дети твои, «эфемерные», явно: тоже – не пожалели; и ничего не потеряли – *не* родившись: от тебя!..

– А ты – пускаешь *пыль* в глаза!.. Для чего? *Примерная мамочка!*.. *Пришла просить за дочку*. А давно ли тебе ста-

ло – на нее: *не* наплевать?!.. – Рывкнул темноволосый, переводя тему, и таки откинул ее всю и обратно к столу; через который она даже затем перелетела и упала в ноги... к телу. Не *труп*!.. Пока. Но и *уже* – просто: телу. – «На позиции», родная!.. К *истокам*. Или *хотя бы* «некрофилия» – будет единственным, чем-то: не твоим?! В *мужском* разрезе: естественно!.. Но и тоже же все: *пока*. С ней-то все, «дочкой», ты *этим* – промышляла!.. Вдруг, дело дойдет – и до «муженька». Дело до... *тела*. Смекаешь?!.. Чай, *недолго-то* – осталось! Оседлаешь – и *его*! Только – подожди...

– Пошел ты!.. – Крикнула она из-под стола, стараясь подняться, но, и раз от разу, падая обратно: как олененок на *тонких* ногах; только рожденный и... не обвыкшийся.

– *Не пожалела* – она... – усмехнулся мужчина, оправляя ворот и рукава кофты: тут же закатывая их до локтя. И, упершись руками в стол, посмотрел на нее: сверху вниз. – И именно поэтому – я здесь, а не *он*?.. И *ты* – со мной, а не с *ним*. А где же: *он*?!.. Хм... Дай-ка подумать. – «Играючи» задумался он и даже нахмурился, но и сразу же затем буквально и озарился «светом» ответа. – Точно!.. «Дождает» свои: последние деньки. Пока ты, наконец, перестанешь ломать комедию – и доделаешь все: до конца!.. Я тебе когда «отписал», м? Почему нельзя было все это сделать – еще вчера?!.. *Ночью* сюда пробраться! Без переодеваний и... прочей лабуды!.. Которая – соответствует и определяет разве что: «ночных бабочек» и... *мотыльков*; с низкой... социальной ответственностью.

А!.. Пстой. Мы же уже и так *определились*, что они – это ты! А ты – ...

– Я – комедию ломаю?!.. – Приподнялась, наконец, женщина; не без помощи того же самого все «тела» – просто уцепившись за него: для равновесия на каблуках; и пихнула его кресло со всей дури в угол, сбив его же затем, тем самым, под стол, чтобы встать ровно уже перед другим и посмотреть прямо в его глаза: со всей яростью и гневом, что не могли до конца быть реализованы ее же голосом. – Не ты ли мне *сначала* говорил – подождать и обождать?.. А после – резко же все и отменил. И что?!.. Как *собаке* – палка? Мне, что, нестись: по первому *твоему* зову и требованию? Окей. *Принеслась!*.. Вот. Да, не «вчера». *Сегодня!*.. И, вот, я уже – на финишной прямой! А ты – где? В п... *На старте!*.. Где *твоя* – часть сделки? *Где:* девчонка?!..

– Ты хотела, чтобы она прознала про наши планы – раньше, чем они произойдут?!.. – Фыркнул темноволосый и изогнул свою правую бровь, поприжав левую, под стать ее же все обугленному влажному дереву, *пораженному* плесенью; и в еще одном вопросе: уже немом. – Чем и они же ей все расскажут и... *собьют?* Чтобы видела все: своими глазами? И *слышала* – ушами?!.. А после: чтобы ее вытащили. Или она сама – сбежала; и слила все и всем!.. *Опять* оборвав – на полусогнутых и... только готовых, *готовящихся* к прыжку.

– Один фиг!.. – Отмахнулась Роза и сузила свои темно-болотные глаза. – Она и без этого же всего – слила. Ладно еще:

письмо не дошло – до *адресата!*.. Теперь – она, и вся же ее шайка-лейка, в курсе. А если не вся и все, и не обо всем, то: догадываются. И так и ждут – *нашего* же с тобой промаха: чтобы мы *вновь* – запоролись и налажали. И чтобы взять уже нас *двоих* – под белые ручки; и выдать «в свет». *Под*; и *Совет!*.. Пока она где-то шкерится – мы в опасности; и «зоне риска»! *Риска...* раскрытия всего: еще – до окончания! – И *раскрыла* же свои руки по сторонам, стараясь охватить весь кабинет. После чего – приблизилась к нему: и ткнула ему же в грудь – своим правым указательным пальцем. – Нужно «вычесть ее из уравнения» – первыми!.. Пока *она* – не вычла нас. И вместе же: с ее записями: которые она – еще не раздала всем. *Сама* она – ничего не скажет и не прочитает!.. – На ее губах раскрылся злорадный и хитрый оскал. – Тем более: не даст прочесть – другим. В этом плане: она *достаточно* – запугана; и *недостаточно* храбра и смела, *недостаточно доверчива*, чтобы высказать все и первому же все встречному-поперечному. Тут – мой авторитет и сила, *моя власть* над ней: незыблема!..

– Да?.. – Усмехнулся он и склонил свою голову к левому плечу, отрывая ее руку от себя, на этот раз, одной левой и сжав ею же затем ее шею. – Тогда чего ж ты так боялась и просила *убрать* ее: раньше?! Боишься и просишь – до сих пор... Не скажет и не скажет!..

– Женя – тут!.. – Ударила она его по лицу своей правой рукой, ненадолго оглушая грубостью и звонкостью хлопка; и,

выпутавшись, таким образом, из его руки, ударила уже левой – по и так уже растрескавшейся поверхности стола. – Ты не слышал меня? Он подвез ее – пару минут назад!.. И в городе, скорее всего, да и как минимум: пару дней. Ясно, что не она его – обратно «вызвала»: выгнав до этого – *сама* же; пусть и не без моего же в этом все участия и вмешательства. Он – не дурак!.. Парень – умный. Чтоб его... *Весь* – в меня. Еще же тогда – догадывался и догадался: о чем-то. А сейчас: и тем более. *Подавно!*.. Все – откопает; и всех – уроет. После того, как и от-роет: вместе со своей-ее же все *шайкой!* Не было бы их – девчонка бы и носу из дому не казала. А тут – попробуй, ага, спрячь ее: на пару дней. Припрутся же – всем табором... «дружным семейством»!.. Да и ладно же еще, если просто: «убьют»... Поиздеваются же; и поизгаляются еще – на славу!

– А спрячу – я: не придут и не найдут, да?.. *Л-логика!* – Закатил глаза мужчина и, оправив челюсть, отпрянул от стола: встав ровно теперь и скрешивая руки на груди.

– *Не придут и не найдут!*.. Потому что – не будут: знать! Во-первых, *где* искать. А во-вторых, *кого* и... когда. Все будет – так чисто выполнено и исполнено, что Александр и носа не подточит. А уж и *его* стая!.. – Роза фыркнула и отмахнулась. – Есть у меня – *кое-кто* на примете: среди них. Кто, если не выжжет и не выбьет полностью нюх, то со-бьет его точно; и выиграет для нас, тем самым, время. *Нужное* время!.. Для завершения. Если, конечно, и опять же все, в *том самом* порядке: семья, быт и жизнь – дороги!.. – И оскла-

билась, прикусив нижнюю губу. – Но – нужно торопиться!.. Излишне внимание – притягивать не будем. И *концентрировать* его – в одном месте: тоже!.. Но и растягивать – уже: нет никакого смысла. Пахнуло же – жареным!.. Спускайся – на парковку: и жди – ее. А я – на второй; и за... *второй*. С конца... Едем – раздельно. Встречаемся – у нас!..

– Зашли же тебе – темноглазые и... *темноволосые*!.. – Хотнул *такой же* и встряхнул головой: отправляя назад свои короткие темные пряди. – Подглядите только!

– А тебе – будто и нет?.. – Усмехнулась *темноволосая* же и изогнула свою такую же правую бровь, поджав левую, только лишь и заметив его напускную хмурость: в попытке скрыть в глазах – грусть; и даже какую-то: «свою личную боль». – Или уже перехотел? А, точно, ты же – лишенный. «К истокам», так к истокам, ми-лый!..

– Ты!.. – Прошипел мужчина, но продолжить так и не успел: – Николай Серге!.. – Влетел в кабинет парень и тут же остановился, осматривая собравшихся в ректорском кабинете и за его же столом: по обе стороны от него и без самого же ректора за ним. Затем, оправив свои взлохмаченные от бега и резкой остановки мелированные каштановые волосы, шатен быстро оттянул вниз свой черный вязаный жилет с эмблемой университета, прикрывая пряжку того же цвета кожаного ремня на светло-фиолетовых джинсах, и, одернув так же вниз, но и по своим уже рукам рукава белой рубашки, сбил спесь с вставших колом от «незаконченной *нетрениров-*

ки» мышц ног, заодно еще и оправив фиолетовые шнурки высоких черных кроссовок внутрь них и к штанам, и только тогда продолжил, фоном еще восстановив дыхание и набрав в легкие вновь, но и тут же уже побольше же воздуха: ведь еще и наполоам с *замшелостью*. – А ректор?..

– Вышел!.. – Гаркнул темноволосый, тут же и *почти* «без палева» сместившись чуть вправо и встав посередине небольшой щели между полом и столом, в которую могло просочиться все: начиная от частей одежды... и заканчивая самим «телом», заткнутым между тумб; и прикрытым лишь листом древесины – с *его* стороны. Почти что – в гробу, но и не совсем: не *со всех сторон* и до конца – закрытом и заткнутым, забитом.

– Эм... Ладушки!.. – Дернул плечами студент, *будто бы* и не придав значения тому, что отчетливо как слышал, так и слышит же все до сих пор – одно настоящее, *человеческое* сердце: слабенькое, но еще стучащее; и как раз – под этим самым столом. Как, в прочем, и тому, что узнал в женщине – мать своего *друга* и... подруги-*сестры*. А, вот, мужчину – разглядеть так и не смог. Собственно, как и *вспомнить* – его; и его же все *энергию*. Хоть и сзади – он: точно ему – *кого-то* напоминал; а именно – широтой спины и... размашистостью плеч. Высоким ростом и... Темной шевелюрой. Только: *кого?* И, решив таки забрать *свое*, нужное, а заодно и посмотреть на этот самый силуэт сбоку и постараться узнать его уже вблизи, он подошел к столу: без лишнего интереса. – Если

что – он разрешил мне забрать телефон: как только пара закончится. *Спалился!*.. – «Сознался» он, без вины виновато закусив нижнюю губу, ведь и тут же еще: с легкой ухмылкой. – Да... Ну а с кем не бывает, правда?.. Ладно же еще – родителей; и с *ними* же – не вызвал.

– Ксандер бы – отлично «сошел»: за отца!.. А, вот, с *матерью* – пришлось бы, конечно, попотеть. *Да?*.. Ни-ки-та! – Ухмыльнулась Роза, не стараясь скрыть то, что узнала его. Как и он – ее!.. Что она таки и поняла – сразу: еще у двери; и по его же глазам.

– Как и вам, *Ро-за*, с кем-то и на роль отца: что Жени, что и Софии. Хотя, *кажется*, вы неплохо справились с этим – и *сами!*.. – Кивнул он, а затем – еще и на мужчину рядом; и лишь мельком взглянул на него, тут же переведя взгляд обратно. И хотелось бы, конечно, рассмотреть лучше, но и *лучше* – палевней: как уже понял и сам, *раз уколовшись*.

– Забирай – и проваливай!.. – Кинула ему его же серый гаджет женщина, единственный, что лежал в ворохе исписанных белых бумаг и синих же ручек с обычными карандашами, что она сама и разбросала чуть ранее. – И ни слова!.. Ни Софии. *Никому!*

– Вы не в том положении, чтобы мне условия ставить!.. – Хмыкнул Никита, ловя телефон на лету и прямо *разливаясь* собой, аки молочные берега и кисельные реки; только и теребя момент перехода в... «кисейного барина». – А я – в том. И *поставлю!*.. Пожалейте – мужчину. *Пятый* десяток, все-

таки. *Человек!*.. Слабое сердце. *Два инфаркта!*.. Еще: и клаустрофоб. Знаю, что: трудно!.. Но и если отмести *все* «нечеловеческое богатство» – вы почти в одном возрастном промежутке... *с ним*. «Сверстники»!..

И не успел он и еще что-то съерничать, как на его шею пришелся мужской, но и не только поэтому еще и достаточно сильный захват правой руки: один взмах-рывок – и он уже висит над полом; перед лицом все того же *мужчины* и его же левого указательного:

– Ты, что, не понял, щенок?.. Проваливай!

И, замерев всего на мгновение, парень почти тут же попытался согнать и сбросить это если уж и не секундное, минутное *наваждение*, но ничего не получалось, никак не выходило: *он-о* как стоял-о перед ним, так и стоял-о, так еще и давил-о на шею, душа; буквально и выдавливая не только душу, но и все внутренности через рот, ломая шею.

– Да... Понял я!.. – Прохрипел Никита, после чего прокашлялся и повторил, хоть и знал, что они – и мысли, если захотят, услышат, но и для себя: чтобы, если не трепыхаясь и телом – «вес» себе придать, то, каким-никаким, а «голосом». – *Понял!*.. Отпустите.

И, так же резко очутившись на полу, на ногах, как и над ним, но и все же устояв, чуть лишь покачнувшись – от резкой смены координации в пространстве, он только потер шею обеими своими рами, избавляясь от сдавливающего до этого ощущения, бросил последний взгляд на присутствующих и

вышел, громко хлопнув дверью: за которой уже стояла Карина, ожидая его.

– И откуда здесь: *Сергей?*.. Он же – не спускается: без всякой на то нужды. *Надобности!*.. Да и... *Веской* причины. Чего там: вообще... *практически*... не спускается!

– *Что* ты сказал?.. – Тут же схватив девчонку в охапку, он буквально в один прыжок переместил ее в правое крыло этажа из левого: пока студентов было не так много и его не могли отправить к ректору... *еще раз* за этот день, но и уже за «уничтожение духа равновесия и баланса, *гармонии*»; и самого же университета, как «территории вне *всяких* сил». Будто бы – и тот же самый все Хогвартс, где магия запрещена – вне его-ее стен, но и *наоборот!* – Ты чего?.. – Прошептала уже девушка, поддаваясь таинству обстановки и самого парня, который был: не то напуган, не то взволновал, не то все и сразу. Но и лишь махнув головой, сбивая и без того растормошенную шевелюру, он только перевел дух, затем извлек из переднего правого кармана штанов телефон и, сняв тот с блокировки, убедился, что все-таки забыл отключить диктофон с записью лекции до того, как его изъяли, нажал «Стоп», «Сохранение» и тут же крутанул запись, длинную почти что в два часа, на пару минут назад, и, поманив к себе поближе, своей же все и левой рукой, свободной от телефона, девушку, установил гаджет между их голов, чтобы им обоим было слышно, а сам еще и нагнулся, пригнувшись к ней. – Это: Роза?!.. А *что* она здесь?.. – Развернулась лицом к нему ша-

тенка. На что ему же вновь пришлось возвращать ее внимание к насущному, а именно – ухом к динамику; отвернув лицом от себя за подбородок – той же рукой: – Цыц!.. Слушай дальше. Голос узнаешь?.. *Мужской.*

– Да ладно?!.. – Округлила глаза Карина и тут же прикрыла рот руками, поймав на себе уже и строго-твердый взгляд, *не* тонко намекающий на, какие-никакие, но тишину и шепот, если уж не полное молчание и слипнувшийся... *рот.* – Стоп!.. Стой! А как он?..

– Вот это – нам с тобой и предстоит узнать!.. Вы-яс-нить... – отключил запись Никита и убрал телефон обратно в карман джинсов, смотря теперь внимательно и серьезно, но, и в то же время, с хитростью и ребячеством на девушку. – *С тобой.* Да... Как ты смотришь на то, чтобы прогулять последнюю пару и последить за ней?.. *Со мной!*

**

...Привить любовь, «внушить» ее кому-то и чему-то... или *к* кому-то и чему-то – невозможно. Просто: *не-ре-аль-но!*.. Что уж говорить – и о *людях*, в целом. А о взрослых и детях, в частности?.. Что уж говорить – о *них!* А что уж говорить: и об учебе?.. И да. Давай, вот, просто здесь и сейчас, «тут», раз и навсегда – решим; *сразу* и у стенки, «на берегу»; что я не буду уточнять каждый раз, что: существа или *не...* и их «возраст». Повышая, тем самым, ценз интереса – для одних: и понижая же его тут же – для «других»!.. Пойми уж и прими же тоже это, как данность: всё и все, вся

теперь и отныне — под одну линейку и гребенку. Да и... как не то, что: *нужно*. А то, что: «можно... и *должно*»!.. Ребенку с целью, поставленной сразу и им же, трудно объяснить — значимость этого «этапа»: самого же обучения, «учебы»...; и «предметов», которые ему (*кажется*) — не пригодятся. И да!.. Вполне возможно, что и... *не пригодятся*. Как и вполне возможно же все, что и: не «кажется». *Не кажется!*.. Не так уж ведь и часто в жизни выпадает момент, когда: «Пифагоровы штаны — во все стороны равны» или «Квадрат гипотенузы — равен сумме квадратов катетов». А что уж говорить и о таблице умножения, которую... ну не каждый, давай честно, спрашивает на... *всем* твоим пути. *Ироды!*.. Правда? И, вот, кому я ее должна — рассказывать, м? *Себе?* Я, конечно, сумасшедшая; как, впрочем, и все, так или иначе; но и *не настолько же!*.. Увольте. Правила чистописания... Произношения и ударения... «Теоремы»!.. *Таким* пластом — ложатся на... малюсенькие плечики, что и готовы придавить человечка: той самой же все и бетонной плитой. *Гранит науки!*.. Выбив, напроць, не только воздух, но и само же желание учиться. *Желание*: стремиться!.. Делать и *хоть что-то* — в этом самом направлении. Лучшим же все и мотивом, как по мне, было бы показать малышу... и *доказать*, что школа!.. Это: не «конец света». Как и в будущем же все: колледж или техникум... «Университет»!.. Не конец: и *жизни!* А и скорее даже — ее и начало. Как!.. *Маленькая* жизнь. Часть... в «котле» общего; и целого! И да. Такая себе — метафора, но

дальше!.. Не будет: хуже. Не *точно!*.. Как и лучше же все... *всегда*... тоже. И все же. Ты, да, «варишься» – в них; и познаешь – новое. Не в рамках... «предметной направленности». Они (предметы) будут идти все же – параллельно... с *основой*: тем, что, *действительно*, тебе будет нужно... и *важно* понять; как и с адаптацией и выбором; если не выбрал изначально или перевыбором, если выбрал «неправильно»; *той самой* цели, о которой уже было сказано... чуть выше. Связи... И *знакомства*. Общение!.. Весь социум и... *Окружение!*.. Которые будут: идти рядом, «входить» в тебя и проходить... насквозь, идя дальше; или оставаться. Или и вовсе – уходить... и исчезать!.. Все это – тот самый «предмет»: который необходим. Который даст тебе – тот самый *важный*... и *нужный* опыт. С которым *ты* уже будешь – идти дальше. Дальше и... *Глубже!*.. С высоко поднятой головой и... уверенностью. Не «задирая нос»!.. И нет, это не «пустые слова»...

Все же мои «начинания», будь то хореография или... художественная школа, были – об этом; и *только* – об этом. Школа, колледж... *Университет!*.. И тоже ведь не обошли стороной – это самое правило; и не стали «исключением» – из него. «Подтвердив» его – и так!.. Но и да, *естественно*, «пустым звуком» – тоже не были: как и, влетев в одно ухо, в другое не вылетели. Но и... «по факту» – это все было: на подкорке и... где-то на задворках, «заднем» же все и плане. Ведь и... *человек*, как «существо социальное», ориентирова-

но больше – на общение и... познание же все и нового. И именно – в *этом самом* направлении, нежели где-то еще!.. Нужные люди... И *ненужные* люди. *Бывшие* нужные люди... И ставшие *таковыми*, ненужными... люди!.. Все это – было. И все же это – так же: *еще* будет!.. Сколько слов – было сказано... А *сколько*: еще будет. Тех и... *не* тех. Тем и... *не тем*. Но и сильнее же всего – закрепляются *именно*: жизненные устои и... такие же «установки». Да!..

Помню, как на паре экономики, преподаватель, молодая девушка-ангел, так *грамотно* отошла от насущной темы, что еще и вложила в наши «полупустые» головы – одну деталь, без которой, наверное, и невозможно было бы понимание *сущности*... жизни, в принципе!.. Да. «Без которой» – этот *механизм*: просто-напросто не пошел бы; не «заработал» бы так, как... *нужно*. Опять же: на мой же все и *крайне субъективный* взгляд!.. Да и ты ведь и сам прекрасно знаешь, как я и люблю же все фразы и мысли, «жужжащие» в собственной, собственно, *моей* голове роем пчел; а после неожиданно и высказанные – чьим-то... *другим* ртом. Есть же в этом – что-то... не от *мира* сего!.. Необычное и... Даже: *волшебное*. Что и хочется сказать-крикнуть тут же: «*Вылезти из моей головы!*». Так было – и в тот раз... Шла – не то пятая, не то уже и шестая пара... второй смены!.. За окном – вечерело. И так *совпало*, что... это был один из тех дней, когда можно было: не «срываться». *Мне!*.. Вроде и «выходного дня»... на *туманном Альбионе*. «Можно было» – доучить-

ся и... отправиться-таки: *сразу* домой. Сюрприз-сюрприз — *не* праздник-праздник!.. Но и не в этом же — была суть и основной замес. *Домом* же — не то, что еще не *пахло*: уже не «слышалось»!.. Материал — все лился и лился: из этого двадцати-восьми летнего рта; еще той... «черноперой» и *темноглазой* птицы. Что и никак, просто ни в какую не собиралась, да и не *хотела*: с нами расставаться; не объяснив *еще одну* тему, а за ней и еще... и *еще*. Ведь, и с ее же слов, они просто *вытекали*: друг из друга. И *так* были похожи!.. А наш мозг, уже и *один на всех*, не то, что «закипал»; а выкипал и... «тек»: с крышечкой. Ну и вот!.. Под середину же все и второй темы, осознав, что ее уже никто не слушает, даже, а там и *тем более*, «первые парты»; казалось бы, «прожженные» — под все, вся и *на всех*; она грузно выдохнула и, закрыв презентацию, отключив белый пластиковый проектор под потолком с такого же небольшого пульта, оставив таки и остальное же все на завтра, вышла из-за темно-коричневой деревянной трибуны, установленной перед белой доской и первой партой второго же ряда, соответственно, и включила свет. Тотчас весь наш светло-зеленый кабинет, с белым потолком и светло-бежевым же полом, обставленный мебелью в цвет трибуны же, озарился холодным белым светом: будя и тут же слепя всех в нем. Пришлось, знаешь ли, знатно так поморгаться и потянуться всем телом, чтобы отогнать от себя дрему; и как-то хоть еще ненадолго активизироваться!.. Но и знаешь же еще: что?.. И в этом же всем и все «на помощь» —

пришла она же: выделяясь своей и впрямь *темной* фигурой – на фоне всего и всех же, вся; встав между первым и вторым рядами в своем черном брючном костюме поверх белой блузы и подогнув свою левую ногу, чуть уведя ее назад и носком черной же лакированной туфли уткнувшись в пол, выбрав ее «для опоры»; когда же и правую – для устойчивости и поддержки. Как и первую парту первого же ряда, опершись на нее же своим правым боком, и почти даже еще и сев на нее, таким образом, одним бедром. Ну и, как последний аккорд, скрестила руки под грудью!.. Ее иссиня-черные волосы были сплетены достаточно свободной косой и покоились на левом плече, так же вытемняя и контрастируя уже и на фоне ее же все бледной, даже в сравнении и с блузой, кожи лица. Но и в отличие же все от той же Розы, которая бы подобрала и косметику «под это дело», затемнив глаза и губы, выделив скулы, она подкрасила – лишь узкие брови на высоком лбу темным карандашом; и длинные ресницы серых глаз – такой же тушью. Покрыла светло-бежевым, ближе и к кофейному латте, цветом пухлые губы. Немного сузила темным же контурингом и без того узкий длинный нос и, выделив тем же самым и скулы, припудрила его, как и округлый подбородок. Ногти ее же, средней длины «в тон», были окрашены в светло-бежевый цвет.

– *Девочки!*.. – Начала она и осеклась, ловя за-тем недовольное гудение «сильной» половины группы. – *Я не просто так «вывела вас в культ», имея перед собой: еще и мальчи-*

ков. И я не прошу их сейчас, таким образом, не слушать и слышать; или вообще – выйти!.. Вам всем – будет полезно узнать, ну а некоторым – еще и «особенно»: о том, что... Какими бы вы ни были красивыми и... очаровательными; просто и прекрасными же все от природы!.. Как бы ни были: «генетически сложены». Все это – пустое... и временное. Ни-что. Ненужно!.. Развиваться и украшать же себя, «красить» – нужно изнутри и... внутри! Нужно – созерцать и... созидать. А для этого – нужно самопонимание и самопознание. Самосознание и саморазвитие... Самовыражение!.. Нужно – выстраивать и... работать над собой. – И, подняв на мгновение свою правую руку, «обвела» ею по воздуху себя: сверху донизу. – «Внешний мир» – продукт не ваших действий и стараний. Не то, что вы: посеяли и пожали!.. – После чего – надавила указательным пальцем на свою грудную клетку: но и скорее, а там и именно – зря, таким образом, в самый корень, внутрь себя; и позволяя же – сделать то же самое за ней и остальным. – Внутренний мир!.. Вот, что говорит – о вас больше, чем: и глазки-бусинки, губки-бантиком и с бровками же... домиком. Внешняя вышивка – ничто!.. В сравнении: с обратной, задней (внутренней) стороной; «изнанкой»... медали. Где – просто и до кучи же все: узлов, зацепок... путанных и порванных ниток!.. Всегда помните, что за вами – придут другие. Время – идет!.. Оно – не останавливается. Неумолимо... Да!.. Не ждет, пока вы сами – дойдете до этого: и начнете «быть», а не казаться-

ся. Молодые девчонки – уже дышат вам в затылок; и наступают на пятки!.. Они уже готовы – заменить вас. – И, не заметив пока никакого достойного и адекватного желания дополнить или воспротивиться, продолжила так же серьезно и даже сурово: теперь еще – и подгибая пальцы правой руки. – Вы не заточены на что-то большее: помимо тряпок и шмоток, побрякушек?.. Вам найдут замену! С вами не о чем поговорить: кроме трендов и брендом, СМИ и прочей такой рюше-шушеры? Вас заменят! Ваши приоритеты и ваша же прерогатива – только красота тела и лишь умения же в постели? Вас. Заменяют!.. – Поделила она слова точкой между собой и тут же сжала (в) кулак. – Такая – правда жизни. И тут: ничего не попишешь. Вы с этим – ничего не сделаете, если не будете развиваться. И развиваться: внутренне!.. Развивайтесь. Ищите – точки соприкосновения. Ищите: темы! Новые. И-ли старые... Духовность!.. Не надушенность и... душность. Духота... Ду-ша!.. Лишь она – незаменима: в этом мире. Внешняя красота – есть у каждого. Мы все – красивы, так или иначе, от природы. Внутренняя же красота – нет. Она – особенная и единственная... Индивидуальная!.. Целиком и полностью – ваша. Собственная!.. Работайте – над ней. Работайте: над собой!..

Не уверена, правда, уже и спустя время, что это «отхождение от темы» – было, целиком же все и полностью, *им.* Как и... *осталось*: затем!.. Может, на самом деле, она имела в виду: развитие – в сторону той же самой все экономики; про

которую мы, по итогу-то, благополучно и забыли, забив. И «искать темы» для бесед за столом – нужно именно в ней. *Может...* А может!.. И где она вообще видела семьи, беседующие – только о курсе одной валюты... к другой? А там и... к *третьей*. А семьи, беседующие – только о налогах и реформах? *Об инфляции!*.. О политике и экономике, *самых*, в конце концов! Других тем для бесед – нет, что ли? Только с ними – аппетит и можно нагулять? Лишь от них – он и просыпается?.. По мне – так и избавиться от него: вовсе. Проще!.. Нет, может *такие* – и есть. Спорить – не буду!.. Да и бесполезно. У кого и каких еще грехов и пороков, извращений – нет?.. Каких-либо. Но и я же все, *почему-то*, поняла это: *не так!*..

Что же... Каждый видит и слышит – то, что *именно он* и хочет: слышать и видеть. Я же – услышала это: как призыв; к действию... в развитии – именно человеческих и моральных, *духовных* качеств. К развитию: внутри. К *внутреннему*... развитию!.. И пусть же это было – *даже* и не так. И смысл был заложен – совсем, а там и *совершенно* иной!.. Но и, в любом-то случае, идея-то – дельная, как ни крути. И на любой случай жизни. На любой *вкус*... и цвет. «*Движение – жизнь!*..». И даже если в данной точке отсчета, и таком же *моменте*, ты сидишь: сидишь и читаешь это – ты двигаешься. Не *внешне!*.. А внутренне. Но и я же лишь вновь только буду надеяться, верить *и...* что: в нужном *тебе* направлении. И я не стала – спусковым крючком: деградации тебя, как...

личности. Да!.. Если уж и не подтолкну к чему-то, то вызову... хотя бы эмоции. Вызову – чувства; и мысли. Ощущения и... Размышления. Спор!.. А в последнем уже, к слову, и родится: истина. Сугубо – субъективная и... Единственная. *Индивидуальная!.. Твоя. И... Для тебя!..*

– *Ой, «кто-то» скоро разучится сидеть и привыкнет лежать!.. На животе. Или боках... – Пропел Егор не своим, а каким-то... более веселым, что ли, голосом: хоть и тут же все – больно; ведь и, не отходя от кассы, еще и зловеще-хитрым. – Ой, «кому-то» прямо-таки и не поздоровится: по возвращении!.. Хотя, почему именно и «по возвращении»? Не думаю, что Женя будет против, если я прямо сейчас заберу тебя... А точнее: похищу. Да!.. «Украду». Ты чего ему наговорило такого и «не» такого, по дороге, что он: как сам не свой пришел, так им и остался?!.. Ходит, как призрак... Как «тень»!*

– *Читал, что я ему дала?.. – И, еле-еле же сдерживая смех, стараясь еще больше не нарваться на такого и не такого, как он сам, так и рода же все угрозы, София тут же поспешила сменить тему. – Я ему листок положила... во внутренний нагрудный карман.*

– *Не знаю!.. Не видел. Но... А!.. Несет – что-то... – переключился уже и он сам, не только в разговоре, но и в эмоции; да еще и так: что и ей же уже не показалось, «будто» он теперь и не столько зол, сколько... напуган. – Черт!.. А*

он: зол. Не... В «ярости»!..

– Ну-с, чую, вы и без меня на вечеринке – справитесь!.. – Поспешила откланяться девушка. – Тебя мне «таким» – хватило: и в прошлый раз. Двое таких: точно перебор!..

– София!.. Не вздумай: отключаться! – Рывкнул блондин, но брюнетка уже начала отступать; да и что там «отступать» – побежала: с волосами назад и сверкая же пятками: – Удачи!.. – И только рукой не махнула: с платочком же все и... Александра. Хотя это было бы уже и тогда – не «перебор», а и именно: слишком и даже, «тем более», чересчур. Белая накрахмаленная ткань бы – в один счет и щелчок: стала бы тряпкой. Вновь... Красной!.. Или не «красной», а кроваво-ал... По барабану!.. «Для быка». А она же сама... А она – и не «тореадор», чтобы подобным заниматься и промышлять, не подготовившись. Да и «в принципе»!.. Одно же дело – еще бык, а и совсем другое... уже Женя. И Егор!.. В «одном» флаконе!.. Ядерная же смесь. И какой-то и впрямь же – убийственный симбиоз: «А вот и Джонни!..» и то же самое «Удачи!..», хоть и почти, ведь уже и из «Заложницы». – У меня сейчас голова взорвется!.. – Простонала затем уже и «в голос» она, уваливаясь на парту, но и тут же все пряча за спину одnogруппника, как всегда; но и не как всегда: от серо-голубых же глаз и преподавателя уже по финансам... в кабинете же экономики. Тридцатилетнего русоволового мужчины-демона... с «татуировкой» орла: во всю спину!.. Телом – по широкой спине и позвоночнику; а крыльями

– по *таким же* размашистым плечам. Так еще и проходящая и... *уходящая* – дальше и вниз: заходя на бока и... чуть выдаваясь вперед: на переднюю же все часть туловища... под *белой рубашкой*. А носил он, к слову, *только*: такие!.. Под классический же костюм. И такие же лакированные туфли. на небольшом квадратном каблуке. Не говоря уж и за *преподавательский* кожаный портфель. Сочетая, казалось, *несочетаемое*: дресс-код и... веяния моды!.. Собственно, как и сейчас же все, будучи: в светло-серых брюках и белой рубашке; без галстука, как и без пиджака. На парах – он присутствовал: *без них*. Только ли ради – того: чтобы «рисунок» показать, задержавшись у доски спиной к аудитории... чуть дольше?.. Или – еще и с прекрасно физически сложенным и подкаченным телом? Знал: только он. Ну а уже и догадывались, естественно, что «да» и по *всем*, все: кто, так или иначе, но и ходил же за ним вереницей... и чуть ли и слюной *ни* капал. «Прекрасный» пол!.. Да. Одна же... за *другой*. Облегчали, и «знатно», уборщикам и уборщицам: их же роль!.. Ну а с другой стороны? А что?.. Ведь и позалипать, а там и «зависнуть», *там* и действительно: было, и есть же все, на *что*. «Субъективно», опять-таки; и каждому – свое. Но и если же не на рост; чуть выше головы самой Софии, а она явно и давно уже – не авторитет и не предел мечтаний, «возможностей» данной характеристики и ее же все о(б)хвата; то на туловище же и... *в целом*: что на грудную клетку и кубики пресса, что и на... *спину*. Саму же Софию – куда больше

при- и увлекали: его же веселые «искорки» – в глазах. Что, и были же там, практически – всегда: если дело не касалось, конечно, прогулов. Ну и морщинки у глаз: при улыбке... и смехе. Собственно, как и *ямочки* – на впалых щеках: от них же. Несравнимые, конечно, и ни в коем же разе, с ямочками Александра. И *все же!*.. Что же и до остального?.. Узкий и бледный его лоб, как и губы, небольшой, но прямой подбородок, не выделяли его – из всех *так*, как нос; и стремящиеся же к нему – острые скулы. Если не знать, то и можно было подумать, что причина, по которой выбор пал именно на *эту* самую птицу, была именно: в носу; что был клина- и тут же клювообразной же формы, так еще и с горбинкой. Он будто и проецировал – тот самый: его *клюв*. Но, и *скорее* же всего, был простым совпадением. «Случайностью» и... Исключением. Подтверждающим же правило – об их... не существовании!.. Да и, тем более, когда же и глаза его – были куда ближе к «его» и... *тому*: если так оно и было. Сам же он – не рассказывал об этом!.. Как и о том: нравится ли ему – *такое* внимание. Да никто и не стремился спросить, если честно: девушки – души не чаяли и молчали, давясь воздухом и слюной... периодически же еще и *всем* и сразу; а парни – завистливо пытели или закатывали глаза... на все это.

– Егор?.. – Ухмыльнулась Карина, принимаясь теперь и с особым же усердием следить за спиной преподавателя: чтобы, и если что, вернуть подругу в вертикальное положение; до того – как ее поймают за дремой, а там и *сном* с личным.

– М-хм!.. – Закатила глаза София, сжимая виски пальцами обеих рук; и впервые кривясь – от своей же *чрезмерно* сиреневой сирени. – Так еще и... *с* Женей! Да вы издеваетесь!.. Серьезно? *На пару*?!.. Гремучая смесь – камикадзе и самоубийц: в одном флаконе.

– Так это же – одно и то?..

– Ты – *поняла* меня!.. И о *чем* – я... – выдохнула брюнетка, в очередной же раз блокируя попытки пробиться в ее сознание и укладываясь уже и лицом на скрещенные перед ней: *ее-свои* же руки. – Не хочу – на последнюю пару!.. Боюсь, если и не кто-то из них, так *оба* точно – прикатят за мной: чтобы отвезти и запереть где-нибудь!.. Ориентировочно и *пока*: у Александра. А там!.. *Куда* приведут нас – дороги... из *извращенных* донельзя... «моих» же *кирпичей*.

– Так, вы, что?.. – Заинтересованно прикусила нижнюю губу Карина.

– Если ты – про отношения: не знаю!.. Если про *встречаемся ли*: не знаю – вдвойне! Вообще – ничего не знаю и... не *понимаю*; но – принимаю. А сейчас – «примешь» и ты!.. Мы – целовались... – и губы шатенки сложились в интерпретацию буквы «о»; но *звука* – так и не последовало. – Да!.. *Один* раз – не успешно: я сбежала. *Второй* раз – успешно: и «вполне». Как и все... последующие же разы, учитывая *ночевку*.

– Ну хоть – и *он-то* не сбежал: в отместку!.. – Толкнула ее правым локтем подруга, привалившись уже и за своей «стеной»; и на левую же свою руку, согнутую в локте. Но и так же

все: не теряя мужчину, севшего уже и проверять «наличие» студентов на паре – по черному толстому журналу, с разлиновкой в мелкую такую же полоску и синим же его широким подчеркиком внутри, в матовой же и в цвет обложке.

– *Опять же!*.. Если это и сейчас же все – к тому, что: «*Хоть и он, пусть и один, но и нормальный же все же – из вас двоих*». Я бы так – не сказала!.. Равно, как и о том, что: «нормальная» – я. Ну *вдруг*, да?.. *Нет*. «Этому» же даже до сих пор – названия нет, ты прикинь!.. То есть... *Совсем!* Со-вер-шен-но!.. – Выделила София – каждый слог: как «голосом», так и левой же своей рукой, в форме «стопки», оттопырив указательный и большой пальцы; хоть и *скорее* же всего, как «L»: осталось только ко лбу приставить и... «Любо-о-овь». Да-да. *Морковь* и... Все же: «прочее». – Вполне «возможно», что и в связи с печальным и... болезненным прошлым, *в общем*; как *и* со слов – Никиты, Александра и... Влада. И отношений, как таковых же все, в частности. А у *меня!*.. – И тут же подорвалась с рук, «отзеркалив» подругу: на правую же руку и сторону. – А у меня в мозгу – одна красная табличка: «*Он. Твой. Брат!*». Прямо: отдельными словами. С точками и... *восклицательным* знаком. Чего б и не «инцест», да? В одно же: слово! Но совесть у меня – тоже «эрудированная», дай... *бог!* Ну и не совсем пошлая же еще, как видно. А *я*: да!.. И «серая комната боли» – вдруг озарилась пламенем надежды!.. На деле: представив лишь – кнопку, которую... не «сделаешь серой». *В цвет* же все. И...

Стен!.. И вывеску бара, которая *так* тянет: выпить и... напиться! А я – не «пью». Прикинь, *как* все плохо, если «захотелось»! Так было – и с сигаретами. *Начиналось*: так! Может, в бар?.. К Артему!

– Но и он – не твой брат. Как *и!*.. Женя... – И Карина поджала губы, встретившись с поникшим и уже даже *грустным* карим взглядом напротив... со шлейфом *горечи*: ее же травы. – Прости, но... *Да!* Ты *можешь* их: *так* называть. И, как бы, получать: в обратном же... и «в ответ»: сестра и... *сестрой*. Но – не быть. И да!.. Это – *тот самый* момент, где и *именно*: «казаться». Может, причина – в другом?.. И сама же... «причуда», я имею в виду. Тебе же – никогда не было важно... «официальное представление»; и... статус!.. Что с отцом. Что и... – и вдруг прервала себя же и сама, откликнувшись «на зов» мужчины: подняв свою правую руку, для определения «места во *времени*»; и вернулась к разговору, – ...*сейчас!* Наверняка: ты и *вновь* же забиваешь одну проблему – другой; настоящую – высосанной из пальца. Что-то вроде... «*Я не могу с ним встречаться – потому что... А «почему?».. Потому что: мы – семья!*». И *все!*.. А «дальше» – думать: нет и смысла. И причинно-следственные связи: тоже – ни к чему. Но и *если* они же – ни к чему, на самом деле... Зачем ты их «ищешь» – сама?.. Зачем: *ищешь* – и «подсознательно»? Упираясь же затем в эту, как ты еще и сама же все выразилась, «кнопку». *Она* же – *твоя!*.. Созданная: *тобой*. То есть... Ты *сама* же себе – и запрещаешь... *любить!* Так,

получается?..

– Хм... – нахмурилась брюнетка и «откликнулась» же следом, но и не «распыляясь» уже, как и подруга же чуть ранее, на *определение* себя: *есть... и есть*. Да и так уж вышло и сложилось, *повелось*, что, в основном, всегда и везде же, при всех: они сидели с Кариной – вместе. Разве только *иногда* – нет: когда у той или другой – было задание с кем-то; будь то и из одноклассников и одноклассниц, однокурсников и однокурсниц, студентов или совершенно других... *чужих*. Тогда – кто-то из них: садился уже с и к Никите. И так же, опять же, в отсутствии уже и его самого: они сидели – вместе. А и при наличии его же – где-то неподалеку уже от него: но и *своей* троицей-тройкой. И ей не требовалось как-то, еще же и кроме, привлечь к себе внимание: ей и здесь, и так, да и *без* того же тут же, хватало его – за глаза. – Все возможно... Не! Не *так*. Так – и есть, скорее всего. И *ты* – права!.. Но... Как уже и сказал сам же Женя: *мы* стоим – друг друга. То есть... «Два идиота»! Два *одинокества*. И... *Две боли*. Вдруг. И... *Повстречались!* Казалось бы... Сюрприз-сюрприз. *Не!*.. Ведь; и чтобы... *Что?*.. – Развела затем руками она, но и при этом же всем: максимально узко; чтобы так же вдруг и не выпасть же – из-за «скалы». – *Твой* – вопрос!.. Чтобы оценить – по достоинству: это. И... *Себя!* А и нужно ли – это, м? Так ли и *важно?* Надо и... *Должно!*.. И да, наверное, тут *мы* – впервые; и расходимся. Потому что... – и сникла, закусив уже и свою нижнюю губу. – Он оказал-

ся – «сильнее»: чтобы это признать и... *побороть*, я имею в виду. Он – понял и... принял, что: достоин. Достоин – любви! Даже: такой... *Тем более* – в таком... *извращении*, вроде: меня. Пора бы – и мне... *Следом за ним*. Наверное... Да?.. *Расту!*. Расту-ть: силу и стержень...

– Ты *всегда* была достойна – ее!.. *Любви!* – Улыбнулась Карина, дотянувшись до Софии своей правой рукой, и крепко сжала ее же левую. – Просто... *кто-то*. И я даже уже *не* догадываюсь, а «знаю»: кто!.. – И взгляд ее серо-зеленых глаз вмиг помрачнел; а губы – поджались и исказились в злобе. – Втолкнул тебе, что ты: ее, во-первых, не достойна; а, и во-вторых, достойна: *боли*. Нет!.. Не «достойна» – боли, а *достойна* любви. Ну а теперь – достойна *ее* и... *с ним*. *Достойная* – и его!.. Но ты же – не ценишь: себя! Так и не научилась... Так хоть, может, *сейчас* – и научишься! С его же все; и подачи. Или он – научит тебя... И покажет. Пока-зав!.. И доказав. *Уже*: неплохо. Согласись! И да. Вы!.. Не меняете – друг друга! Нет!.. И не изменяете. Как и друг другу. Тем более: себе!.. Делаете – все: то же. Но... Иначе. И... По-другому. Лучше... И правильной!.. И это – хорошо. Да и чего уж там?.. Это: замечательно! Так – и надо. Так – и должно быть. И я... Рада – за вас!

– А я – нет!.. – Опечаленно и грузно выдохнула София, но и руку же ее, все при этом, не отбросила, а и даже «сжала» в ответ. – За сильным мужчиной же – должна и стоит; *всегда*, как стояла, так и стоит; *сильная* же женщина. А я – что?..

А я – где? Нет – такого, чтобы... За *ним*; и стояла: просто женщина. *О-быч-на-я!*.. И вдруг, ни с того ни с сего, стала: сильной. С ничего и... Нифига! Или: с него и... *от* него! То есть... Она!.. Она – от начала: такая. И, как бы, *не* как бы, делает же сильным – *и* его. Укрепляя еще – и себя, при этом. *Параллельно*... Она. А не... *он*. Не «наоборот»!.. Не в обратную же сторону.

– Много *они* понимают!.. – Закатила глаза шатенка и показала отрицательно головой. – Отношения – это: «синхрон». Не *рас-синхрон*, а взаимность и... сообщение. *Сообщающиеся* сосуды!.. Дашь на дашь, как... *qui pro quo*. Должен быть: обмен! А *какой?*.. Это уже – другое, второе дело. Как и: *чем*. Главное: чтобы – вместе! А не: кто-то – только дает; другой – лишь получает. Это же так же, как: кто-то – любит, а другой – *позволяет* себя любить. «*Пока я качал ее в руках – она качала ногами...*». Это – не отношения. *Нет!*.. – И тут же кивнула, не вступив в «*рассинхрон тела и души*», а «подтвердив свое же отрицание»: на нахмуренный и сощуренный взгляд подруги, готовой рвануть в бой за и на «развенчание мифов». – И да. Я – не отрицаю, что есть, *изначально*, сильные женщины. Воспитанные и... *призванные*: к этому и для этого. Буквально!.. *Но*. Есть и такие, как... *мы!* И их – большинство. Которых!.. *Вести* – интересней. *Гораздо* интересней!.. От «начала» и... *самим!* Как лепить: из пластилина или глины!.. *Взять* и ваять – от начала и *самим*, чем и поймать на *середине*: от кого-то или... «чего-то»! И подстраи-

вать уже: под себя. «Проще» же – *воссоздать!* По своему же все и *уже*: образу и подобию. Чем... «переделывать». *Строить* – на разрушенном. А не «рушить»: чтобы строить. И как бы, да, это сейчас *грубо* ни звучало. Но... Это – *так!* Одну же часть времени – туда; другую – обратно!.. Даже бессмертным существам, вроде нас, и то: в напряг. А как *людям?*.. Жуть! Вы – нашлись; и вы – сошлись. *Все!* Какая разница: *что* это; и насколько? «Больше думаешь и размышляешь – больше теряешь»: твоя же пропорция. Запомни уже ее!.. А лучше – и запиши. *Зеркально.* И на лбу!.. Если уж и... не «набей».

– Вот, благодаря *и* кому, я «писать-то» – и начала! *С идеи* Полины... И *твоего* же: пинка! А после – уже и одобрения Никиты. И под его же все: протекцией!.. Может, и сама – начнешь? *Замутишь*... что-то: подобное?.. И я не только и не столько: про писательство. М?.. Но, *и да*, тоже – в его же все; и разрезе. *Ни-ки-ты!*!.. – Поиграла своими темными бровями брюнетка, улыбаясь и еще же шире: от начинающих прямо-таки и алеть, напротив, щек. – Что за «мутки» с ним, что он тебя *уже* и по углам универа зажимает?..

– Да ну тебя!.. – Отмахнулась шатенка, откладывая канцелярию и отнимая же руку от подруги, после чего поднимая обе к своим волосами и начиная судорожно-нервно перебирать их: «плетя» во что-то известное и нужное, на данный момент, только ей одной; *вплетая* же еще, и в это же все, и свой же жженный сахар. – Нигде он меня *уже* не зажима-

ет. Предложил... дело одно! Вот... Пару последнюю – прогулять. И да... *С ним*. Но!.. Это – не то... Не *то же самое*, что!..

– О-о-о!.. *Тогда*: ладно! – Подняла руки «в защитном жезле» София, но и стараясь же все при этом, *помня*, не попасться на глаза преподавателю. – То-то ты с темы про бар – слилась!.. Пойду – одна; что ж с вами делать. Не «идиллию» же разрушать и «проблемы в раю» устраивать, в самом-то деле. *Сами* – додумаетесь!.. И устройте же: так же. Точнее: *не*. На-де-юсь!.. «Строить же счастье на несчастье»: не ко мне; и не мое. И пусть же все *собрать* – не соберу; ваша все и *все же* вотчина и «хлеб»; но и хоть благословить – *благословляю*. А на путь или *не* на путь – сами решите, «самураи», по ходу дела и... пьесы! Только не «трагедии»: *Ромео и Джульетта*. Не говоря уж: про *Дездемону* и...

– Попроси Артема – кальян тебе сделать; а не «отмечать»!.. – Попросила ее Карина, заблаговременно зная, что и отказывать, как и *отказать* ей в этом, с какой бы то ни было стороны: как биться головой об... *парту*; «больно», только – не ей, да и толку – никакого. «Сделает» же, что задумала; и добьется – своего, как ни крути. – А лучше, езжай-ка ты *сама* – к Александру. А *точнее*: Жене. А и еще, *более* точно, к Егору!.. Если они *отсюда* тебя не заберут, то уже и из бара: *точно* придется. И *тащить*!.. Не утруждай – их; и не беси же все и... *лишний* же раз! Хочешь выпить – езжай уже и с бутылкой, -ами: к ним. Пусть «пить» тебе *никто* и не даст,

но проконтролируют твоё «состояние *не стояния*»: да.

– Спасибо, мам!.. Но если я и не *буду в хлам*, то «в дым» я буду – точно! – Хихикнула брюнетка. – Как говорится: «*Если и “получать”, то за все... и сразу. Не по деталям!.. Хоть – и “в мелочах”*». И отвечая на твой же все вопрос, «об имени *сея* замечательного и многообещающего с первой фразы-цитаты философа», который так и не был задан: *Захотел остаться – в тени!* Но и если захочешь автограф – только листик... с ручкой... протяни. *Свободной*. С женатиками – разговор *короткий*. Как... С наркотиками!

– И, правда, *идиоты!*.. – Закатила глаза шатенка, тихо смеясь и тут же «встраиваясь» под сгибающуюся в три погибели же от смеха и прямо-таки «стекающую» уже и под стол брюнетку: зажимающую рот своей же правой ладонью; а после и левой – не справляясь уже и «в одну». – *Оба*. Он, что тебя выбрал!.. А ты, что ему *таки* досталась.

Глава 24

**

...Мы так часто не замечаем *привишихся* вещей!.. Вроде бы, да подумаешь! Этот дедушка... или «эта бабушка»: приходит сюда – каждый день. И... Просто так!.. «Низачем». В отличие, вот, например: от того же мужчины или... «той же женщины». Тех ребят и... «девчонок»!.. Вот уж кто и «завсегдатай подобных *питейных* заведений»: так это – они. *Да!*.. Ну чего здесь: примечательного?.. На что и следует – обратить внимание? Только же еще и отпугивать их, заглядывая в глаза... А им – и нас, заглядывая: в наши. Но ведь и почему-то именно в «такие» моменты – я обычно и думаю о том, что завтра, возможно, он... «она»... и не придет. *Завтра* – для него (нее): и не настанет!.. Не «наступит» – просто. И... *Вовсе*. Вее... И после-завтра!.. Не «придет» – и через месяц. Через «год»... Вообще: *больше* – не придет. *Ни-ког-да!*.. А жизнь – продолжит свой ход, избавившись от... какого-то (какой-то)... всего лишь... еще одного (одной)... *колесика*: в «серой» же системе. В *ржавой*... серой системе!.. Оно же само – было ржавым. *Слишком*: ярким!.. Ярче, чем... *все*. И чем... она же сама: *сис-те-ма*. Слишком: *заметным!*.. Оттого и: выбивалось; и таки *выбилось* – из «общей массы». Из *нее!*.. Системы. Резало ведь – глаз-а... И вот – его (ее) нет. Ко-ле-си-ка!.. *Теперь* – его: нет. И... *Что?*.. Ни-че-го!.. А на

глазах – слезы... Они ведь – ничего не требовали. *Ничего!*.. Не требовали ничего – и взамен! Не задавались и целью: сделать – что-то плохое; или такое же «ужасное». И да!.. Как и «хорошее», собственно. Да и как *прекрасное*... Ведь и просто: бы-ли. Без цели и... без смысла: *для себя*. Но, вот, для «других»... Они – *хотели!*.. Хотели же: *добавить* смысла. Хотели добавить: и красок... *во тьму* будней. И в «серость» же все... их. *Темную*... серость! На-шу: серость!.. Обычность и... однотипность. О-бы-ден-нос-ть!.. Хотели *найти* в нас – то, что и... засияло бы. Засияло и... развеяло бы все тучи!.. Найти *в нас* – ду-шу. Найти в нас – *нас же!*.. Но мы – лишь больше «закрывались»; и *уходили* – в себя. Уш-ли!.. Забеспокоившись – о и за *свою* же все: безопасность. Накрылись – капюшоном. «Спрятались» – и за солнцезащитные очки... А уж что говорить: за и про *уши!*.. Бывало же такое, м?.. *Бывало!* Будет!.. И *есть*.

Хоть *раз* же, но мы все – опускали глаза. «Прятали», уводя их – в пол, идя навстречу: все тому же... *пожилому* человеку. Почему?.. *Почему* мы – боимся их; и спокойно смотрим в глаза – тем же детям?! Хотя, и по факту, должно же быть все: *до* наоборот. Ведь и это же все: смотря – в девственно-чистые глаза!.. Глаза: незамаранные, «незагрязненные»... чем и кем бы то ни было. Смотря – в *эти* глаза: мы должны отводить свои!.. Разве: нет? Мы ведь *боимся* – именно этого, ни правда ли?.. «Подставить» человека – «под удар»: своей грязи и черноты, червоточины... «Накрыть» – и *тенью*... Как

удгодно!.. Но и факт же – есть; и остается: факттом. Мы – не тем боимся: *смотреть* в глаза!..

Может, кстати, это и: «проявление должного уважения»!.. И, если позволишь, я сравниваю и *таки* сравню это: с явлениями... *лика господня*... во сны. Или: в жизн-и!.. Ну. Явление, *того самого*, Христа... народу! И *нет*!.. Эт сейчас и здесь, *тут-ь*, не: за веру. Как и не: за существование или *не*... «В принципе»!.. «Любая фигура», вызывающая, так или иначе, толику или *не*, но *уважение*; и уважени-я. Или содрогание и... *такую же* содрогания... «Трепет»!.. Наталкивает ведь: на подобные... и подобного же все рода... вещи. Если и не на преклонение колен, то... опускание головы, своего ли-ца и... глаз. Словно бы и так, *уже*: мы – грешны!.. А они же, в свою очередь, исповедуют нас. Видят же – нас... И могут не то что «раздеть до души»; но и разглядеть – эту гадость и... мерзость. Мер-зо-па-кос-ть!.. Возможно!.. Что ж. Все: *возможно*. *Все* же – может быть.

Но вот и только: в остальных-то и *оставшихся* случаях – что?.. Это же все – выглядит *так*... Гадко!.. «Неприятно». Как по мне! Будто и: омерзение. «Нежелание» и встречаться... с *этим-и*... глазами. И да!.. Я, вот, честно сейчас, *как и всегда*: не знаю, что творится в головах – окружающих. «Не знаю» и: что творится – в головах пожилых... *людей*. Да и чего уж там... *греха-то* таить: не знаю, что творится – в моей же собственной голове, *собственно-то*!.. Но... Когда «прячешься» – от них; и отводишь глаза... Это же!.. Ничем

не лучше ситуации: когда все шепчутся и (или) смеются, но и лишь стоит только прийти в «их» компанию – молчание. Ти-ши-на... Да!.. *Они* – затихают. Представил?.. *Себя*. И... *Не* ими. Ну и *как* оно?.. О-щу-ще-ни-е!.. Бодрит, а?.. *Нет?* Странно... Или!.. Вот. Когда и *нарочито*: избегают. Прикрываясь же все и... *липовыми*; когда – и «нет», и это же – *еще хуже*, но не в этот раз и не об этом; отговорками: чтобы не видеться... Не *общаться*. Не «недоговаривают». Врут... И *лгут!*.. Напропалую. А и после: *вдруг* и появляются – с кем-то; но – не с тобой. Зато: и *перед* тобой!.. Идешь ты из колледжа или... моешь окна. Бабушка, блять, приехала!.. Та самая. Ага... «Из деревни». Со сметаной и... «Домик в деревни». Не говоря уж про: «Простоквашино»!.. *Продакт-плейсмент*. И пусть *тогда* – она действительно: приехала. И не из!.. Но и чуть ранее же все: я же ведь – прошла мимо площадки, вернулась... Заметив же все... *вас*. А ты!.. *Только лишь* – меня и заметила, да? При-коль-но!.. А тебе?.. Так же, небось, было – убежать от меня, когда я, и на ту же все площадку, пусть уже и другую, выходила. С ней!.. Опять же все: вам. *Не*... нам. *Не мне!*.. Так же: ведь!.. Одна – ситуация: но *разными* словами. А что же происходит: *после?*.. Мы – «скрываемся». *Хоть и не: в...* И... И вот *тогда*: окончательно уже – сгущаются тучи. Слышны: и первые раскаты грома. *Гроза!*.. Появляются – и *сами* молнии. Не осталось – ничего. Мрак *извне* – проник *вовнутрь!*.. А...

Так тяжело было – улыбнуться: «в ответ»?.. Сделать про-

сто человеку – приятное? В последний, не «крайний» уже, возможно, миг... *Миг*... «их» жизни!.. Почему: все забились – в рамки? «Грани». И... Последнего же и... их же все: стака-на!.. «Воды». М-хм... А может, все же: *воздуха*?.. У них, может быть, и не было больше, «не осталось»: никого. А даже, если и «было», осталось... Уйдя ненадолго; не «насовсем», как же все и мы; от «быта», всего и «материально-меркан-тильного» – они искали: что-то... *в духовном*. *Что-то* – в нас. Кого и... *Чего*-то же все: в нас. Чего мы сами же – так и не смогли дать. Где и чего уж: *найти*!.. *Зато* – потерять! Че-го не смогла найти и дать – и я... *Зато: потерять*... Уваже-ние... и уважения: к «чужой»... *другой* жизни. Вот же ведь: к чему стоило, и *стоит*, идти – по сей день и... по всей же жизни. *Всему* и... *существованию*!.. «Хотя бы»... Но и *все же*!.. Да. Как и *лишь* для того: чтобы следующее за нами по-коление, и следующ-ие же за ними-ними... *уже* поколени-я, не вышвырнули «нас» и из наших же все домов; и *мы* уже сами – не искали приюта. Не искали и «тепла»: у *незнако-мых*... людей. Которые даже «улыбнуться» – как считали, так и считают тяжбой и... *тяжестью* же все несусветной!..

Этот *мир* – может стать лучше: если лучше станем – *сами* же мы!.. Не зря же еще говорят: «Хочешь что-то поменять, *изменить* в нем... или *них* – начни с *себя*». И до *меня* – уже не дойдешь. Кхм... Нет. Это – про *недостатки*!.. Измени – с себя. И... *Поменяй* же – себя!.. Либо же: *отношение*... к это-му. Без измен!.. Даже. А и *тем более*: себе же. И, быть может,

тогда – эти самые же все «прекрасные люди», прожившие; *не* отжившие и *не* доживающие; достаточно долгую... *достойную* жизнь: не уйдут с остатком и *осадком* же все и на своем же сердце – (от) потерянного и... умершего; не *погибшего* и *смертью же храбрых*; поколения. Найдя *всего лишь* жизнь и душу – в ком-то из... *нас*. Кто-то – «должен»: *продолжить* путь. «Круг» *не* должен: замкнуться!.. Это – не должно «повториться»: ни-ког-да!.. В таком и *не* таком: виде. Как думаешь?.. Сможем? *Сможем!*..

– Ты точно уверена, что: *хочешь* применить «градус» – по назначению?.. – Поставил перед девушкой на барную стойку бутылку виски и такой же стеклянный бокал со льдом бармен, одетый в рубашку, с закатанными до локтя рукавами и расстегнутую же до середины его груди, в черно-красную крупную клетку и черные же потерто-рваные на коленях джинсы, заправленные в высокие красные кроссовки. И тут же приставил к нему – еще один, как говорится: «Я на работе – ни-ни». *Нет*. «За себя и... *того парня*». – По мне, так тебе лучше его – не вовнутрь заливать, а снаружи. «Вне». И... *По внешности!*

– Мне льстит твое желание; да и не знаю уже даже, «мечта»; *сэсечь* меня!.. – Хохотнула брюнетка, вешая свой плащ на спинку высокого барного стула и откупоривая бутылку, тут же наполняя ее содержимым бокалы. – Но я – не ведьма. И ты – не инквизиция... Или я пропустила и, главным

образом, *упустила* из виду, когда проходила через весь бар к тебе: «импровизированный» деревянный темно-коричневый ствол-столб и кучку такого же, и с него же все, хвороста, у него?.. – И, обведя помещение из *такого* же темного дерева взглядом, вновь вернулась им к парню.

Не потому, что там «неинтересно»; а *здесь* – наоборот. Она все же это – уже видела. И не раз. Да и не «два»!.. Как и то, что и весь же этот самый «бар» был выполнен сугубо – в *темных* тонах. Что по стенам и потолку; освещенным встроенным желтым, не «теплым», а и скорее даже *кислым*, а там и *тем более* «кислотным», выедающим просто-напросто глаза, светом светильников: и торшерами – по углам; что и полу, на который уже и куда более нормальный свет падал, *попадая* лишь из окон: от потолка же он, банально, не долетал, создавая «полумрак». Но и это же, что разве: вечером и ночью. Сейчас же все и он – был *светлым*, тихим и... спокойным. Практически даже – и незаполненным: что людьми, что и *не!*.. Разместившимися: кто где. Кто и с ней, хоть и тут же – чуть поодаль, у бара. Кто – у столиков и близ импровизированной же сцены, с черным микрофоном на такой же металлической ножке, для караоке или... «профессиональных» выступлений: но и тут же тоже – как *импровизированных*, так и приглашенных для этого... «специально» и заранее. И рядом же – с серой металлической стойкой ди-джея, с его уже черным пультом, темно-серым ноутбуком с мышью и, «в цвет» них же, колонками. Не говоря уже за серый про-

ектор, показывающий, время от времени, какие-то вырезки выступлений и... вечеринок: на стене и их «заднем» же плане. Кто – на диванах и креслах, пуфах... или вообще темно-коричневом же ворсистом ковре у электрического черного камина: в самом дальнем углу бара. Мебель, как и общая же обстановка, «атмосфера», была целиком и полностью – из темной кожи и... темного же дерева. *Темные* пластиковые окна до пола, с большими и широкими подоконникам, позволяли размещаться как у, так и *на* них же самих, и смотреть на проходящих мимо или заходящих уже вовнутрь даже людей и *не*: со звонка черного же металлического колокольчика над дверью из... *темного* же дерева. Чем-то ярким и выделяющимся, как и свет с потолка, почти и прямо-таки «кислотным», был сам же бар: а именно – его барная стойка; с кучей вывесок, собравших просто все цвета радуги сразу. Но – и не только!.. Жужжащих же еще – между делом: и мигающих – с небольших перебоев; и почти перегорающих. За ними, как и за спиной самого же бармена, стоял огромный шкаф с выпивкой: на *всякий* «вкус и цвет»; с учетом же еще и того, что они периодически и смешивались, являя все новый и новый вкус и такой же цвет, а значит – и *такой же* напиток. Сама же барная стойка, из темного же все и *дерева*, освещалась дополнительно: из встроенного света в ней же; но и уже – белого и... «холодного». Будто и в цвет холодных и прозрачных... нет, не кубиков льда, хотя и им – вполне же: стеклянных бокалов и фужеров, стопок... висящих за ним и

за лампами же: вниз *головой*.

– Не пропустила!.. Пока ты тут сидишь – все как раз досорудят и установят. *Для* тебя. И... При тебе же! – Чокнулся с ней бокалом парень и отставил его, отходя, пока она делала глоток, к другим посетителям; но и спустя мгновение, выполнив уже и их заказы, вернулся к ней. – Я – серьезно, Соф!.. Не стоит тебе... еще и *это*... начинать.

– Тем!.. – Простонала девушка, тут же отставляя фужер в сторону, но и не отказываясь вмиг, а лишь укладывая голову на это место: поверх своих же сцепленных перед собой-ней же в «замок» рук. – Я знаю... *Знаю!*.. И что: *не стоит*. «Тоже»... Но и ты тоже меня пойми!.. Кстати. Ты же то же самое – и про кальян говорил. Помнишь? Но – и пошло же... *как-то*.

– Как вижу: нет. Иначе бы – ты *его* и заказала, а не... это!.. – Скривился Артем, кивнув головой на весьма дорогой алкоголь, хоть и при этом же всем – еще с *тем* пренебрежением: как к обыкновенному, а и в ее же еще случае – и *разбавленному* пойлу. – Только не говори, что *пар* и... «дым»: уже не удовлетворяют и, главное, *перестали* удовлетворять твои-м потребностям; и «реальность» все чаще – начала вмешиваться в твои *фантазии и мечты*. Ты просто загоняться стала – больше, вот и все!.. – Фыркнул он, смеясь; а затем и вовсе – расхохотался, только лишь завидев ее недоуменное и, вместе с тем, недовольное лицо. – А *это*, как не действовало, так и не действует. Разум – победил; и «сознатель-

ное» – восторжествовало! Только, вот, и *ты*, до сих пор же – продолжаешь цепляться... своими ноготк-коготками... за «бессознательное»: будто и в последнем исступлении... Вот тебя – и *двоит!*.. Рвет – на части, в буквальном смысле. Что и ты даже заново внушить себе спокойствие – не можешь!.. Ни естественно... Ни «искусственно».

– В тебе – умер: психолог!.. – Отсалютовала она ему вновь и янтарной же жидкостью: со своей левой руки. – Или «психотерапевт»?.. Один фиг! Умер – и *умер*. Промахался ты – с психологическим, как пить дать. А *пить*, как раз, дать. Ты же: бармен!

– А ты – с «экономическим»!.. Вот и «встало» же оно – тебе... *куда-то!* – И, сам же себе усмехнувшись, шатен поправил бокалы над собой и скинул коричневую тряпку, которой до этого их же протирал, под стол, водружая руки уже и на деревянную поверхность. – Я хоть – и без образования. Без специальности. И!.. *Профессии*. Тем более: бакалавриата и магистратуры. Но владею – этим: и неплохо *применяю* – в повседневной жизни. А ты – куда с *этим* пойдешь?.. Бухгалтер. Или «кассир»? Банковский работник? И-ли... *Банкир!* Серьезно?!.. Расскажи же мне, и желательно *поподробнее*, о перспективе и перспективности же: сих профессий – на... туманном же Альбионе; под покрывалом и, не побоюсь же даже этого самого слова, *крылом*, в буквальном же все и смысле, своего отца!

– Заткнись!.. – Засмеялась София, вновь «прикладыва-

ясь» к бутылке: *обновляя* напиток. – Ты прекрасно знаешь – мое отношение: к этому... *всему*. Как к нему же самому. Так и... Его же *статусу!*.. Ну и «моему» же – на фоне всего же этого: как в частности, так и... *в общем!* – И только после его же все и утвердительно кивка – продолжила. – Вот!.. Оно – и не отличается от «твоего», если что. Да и я... Я не хотела же напиваться. *Не хотела!*.. Да. «Изначально»... Но, и если же мы все же продолжим эту тему, я за себя – не отвечаю и... не ручаюсь! А ты!.. *Ты-то*, вот, как раз: и отвечаешь! И *будешь* – отвечать, когда я так же возьму... и опустошу: вон всю ту стойку – за тобой.

– Намек – понял!.. – Обернулся парень и *будто бы* впервые соизмерил «будущий масштаб трагедии», «припомнив» же и заодно: сколько сил уже есть, а сколько и еще же может быть, и появится, в этом «дышащем», *не по годам*, организме, напротив.

– Никуда я с *этим* – не пойду!.. – Грузно выдохнула девушка, вода указательным пальцем правой руки по краю стекла; левым же – придерживая его. – Точнее: не *уйду*. И... *Меня* же все, саму, не «уйдут». Вечный же – ученик. И... *Такой же*: студент. Останусь – здесь!.. Да. Кому я – *там*; и сдавалась... вообще?.. С этим. И *не...* «В принципе»!.. Ребенок. Да-к еще – и *девчонка* же... ко всему. А *чему?*.. Ни-че-му. И ни-кому...

– Можешь – вернуться в школу... – поспешил тут же развернуть «поезд угнетения и самоедства» в другое русло он,

подметив сразу же: смену стадий... и *настроения*... в ее же все и *уже* «состоянии не стояния»: опьянении. – Или: по-пробовать колледж. «Техникум»!.. В детский сад – тебя, конечно, уже не возьмут. Как и в начальные классы... Но!.. В «серединку» ты – еще встроиться сможешь. И с программой. синхронизироваться. И пусть, так же все, «внутреннюю же взрослую» – придется, разумеется, *поподавлять*; до выпускного же все, хотя бы; зато «внешней детскостью» – ты возьмешь и проймешь всех!

Заслушавшись его словами, тоном и тембром, София вдруг, даже и для себя же самой, ненадолго выпала из пространства и... *себя*: утонув в голосовых вибрациях и... *оливковых* же глазах напротив. Сколько же всего в них было – до; и есть же все – сейчас. А сколько и *еще* – за ними будет *уже*; но и *после*!.. Не говоря уж и за сам же их цвет: с вкраплениями холодного темно-зеленого и такого же темно-коричневого, образующие, в общей сумме – зелено-коричневый цвет. Сколько – глубины!.. *Теплоты*. И уюта... Заботы. И... *Любви*. Другой!.. И... «Других». Не такой, да и не *таких* уже, как раньше!.. И пусть же – все еще; *и* к ней. Но и *не* как: к девушке. А как... «К сестре»!.. А что уж говорить и за: короткостриженные, с выбритыми висками и удлиненной «челкой» в хвосте, без пробора, на затылке, его волосы и круглое лицо, с не слишком высоким, но и не слишком же все, при этом, узким лбом, широкими скулами, округлыми щеками, «слабым» подбородком; где высота и ширина – практически сов-

падают; с широкими и длинными темными бровями; левая, из которых, сбрита по диагонали от верхнего такого же угла и к кончику носа; короткими такими же ресницами, курносый носом и достаточно пухлыми губы. А про шрам над левой бровью и на той же щеке, *будто бы* и «от ножа», и мощную шею с не менее мощным кадыком – и вообще можно было промолчать. Но ведь – и никак!.. Сколько всего – это все помнит: внутри и снаружи. Сколько всего – было на этой же все и *темной*, в сравнении же, «конечно», и с Софией, коже. А сколько – было: и под. Сколько хранило в себе – *все* его двадцатипятилетнее спортивное крепкое телосложение; накаченный торс, широкие плечи и такая же грудная клетка, сильные, хоть и короткие и полные, но и все же подтянутые ноги, как и руки, кстати, пусть и с короткими и слегка полноватыми, но и при этом же всем барменскими и диджейскими пальцами; в *грязной* помеси – демон/человек, с «оставлением» первого: при условии «затертости» все и его же *такого же* отца, Станислава, и неизвестной матери, ушедшей, со слов его же, *выгнанный-выставленной* же им же, по факту и на деле. И сколько – оно же: и забыло... *вмиг!* «Потеряло»... Да и не стало даже – искать. *Оставило!*.. Разменяв: на меньшее. Хотя, и опять же все, кому как!.. *Кому-то* и стальные наручники-подвеска на такой же толстой цепочке – куда предпочтительней: бело-черной же все и шерстяной фенечки, в сплетении двух нитей вокруг красной, на левом же его предплечье у кисти; повязанной когда-то давно,

и уже неправда, самой же Софией... на семь узелков на... запястье. Не «на счастье»!.. Ведь... Пусть до сих пор он и носит и то, и другое, но и в сердце, как и у него же все, лишь – одна... и *одни: другая* и... другие. «Не дотянули... до *весны*». Точнее: вены. И... От *руки* же все – до!.. «Надо было по *правой*»? А и лучше же все вообще: через желудок! *Надо было* – удавкой... и на *цепь*. Жаль и уже «сидящий» на ней, пусть и не посаженный им же *лично*, такой воли: как не имел, так и *не* имеет же все... *до сих пор!*..

– Что за *несправедливость*?!.. – Сморгнула, наконец, наваждение она и нервно зачесала обеими руками выбившиеся и упавшие на лицо свои темные пряди назад. После чего, и так же все *неспокойно*, опустошив бокал до дна, отодвинула его к бутылке: чтобы не мешал и не разбился, если вдруг она начнет, а она и *начнет*, широко «жестить», а и именно – *распаляться* в той же самой все «широте» и своих же «жестов»; и *не* только. – Женька, кстати, приехал... *недавно*.

– Оу!.. – Удивился-задумался парень, тут же и нахмурившись, *явно* не понимая, чем, а и главное *как*, между собой – были связаны: эти самые ее две фразы. Да еще и высказанные в одной и той же... *недовольной* эмоции. Пусть она и не была самой большой, а там и *главной* любительницей, прямо-таки и *фанаткой* сюрпризов; к тому же еще – и неожиданных! Будь то: подарки или... *нет*. Тот же все и приезд: кого бы то ни было. Но и «брату-то» – она не могла быть: не рада. Даже, а там уж и *тем более* учитывая: все факторы и

факты, в которые уже и сам он был посвящен, буквально и... из «первоисточника»; подкрепляя свои же знания, таким образом, ее же словами. – И?..

– И?.. – Вернулась София, наконец, в вертикальное положение, но и сразу же облокотилась на свою же правую руку, согнутую, предварительно и ей же, в локте. – Узнал – про все!.. Ну. *Почти*. Вновь – не смогла же: сказать и *рас*-сказать все-не-все... *вслух*. Отдала ему – свои записи. Ему и... *Его* же «друзьям»!.. – Тут с ее губ сорвался нервный смешок. – Помнишь – их, м? *Под* Александром... что... ходили. Да и «ходят»... *Егор*, Влад и... Никита. *Полина*!.. Ну а Каринку – ты уж; да и *точно* же: помнишь!

– *Помню*, конечно!.. Ну да... – сделал шаг назад Артем и оперся о шкаф с бутылками, скрещивая руки на накаченной... и «забитой», черными же все и татуировками, груди: «проглядываемой» в ворота и меж краев полурастегнутой же рубашки. А брюнетка же вновь поймала себя на мысли, что невольно (или все-таки же до сих пор *вольно*) начинает *их* рассматривать и... *сравнивать*. Но уже и не тату, как и себя же с *его*... *ней* или... самим же ним; а его и... («своего» ли?) *его*. Ну а простор для фантазии и воображения, тем более – *ее*, как ни посмотри, был!.. Как и для «параллелей». И пусть, по виду же все, шатен и уступал... *блондину*, подходясь: человеком; оставив это, *его*, по матери, но и не забыв про демона – по отцу; это был – его *выбор*. И такие же терки – с последним!.. Да еще и не абы кем, а непосредственно...

членом же Совета. *Да*. Казалось бы!.. Но и временами, когда она, да даже и *сейчас* же все, вновь утыкалась мыслями в вопрос «*Что могло побудить выбрать – его?.. А не кого-то другого?*», встречалась... с *этим* же – и принимала все: как данность; и тут же – на *свой* же счет. Они ведь похожи *были* – в этом!.. Оба – не хотели, и не хотят же все, *такой* судьбы. И «ухода»: *туда* же. Оба, вроде как, и «враждуют»: с отцом. Это – их и объединяло же, кстати, все, поначалу. И махало же, тем же самым все и «платочком», из прошлого; как и машет же все... до сих пор. Но и уже – не так явно, как тогда. И не *так*: нужно!.. Не так и *важно*. «Должно»... *Разошлись* же!.. Партия. «Пара». И... По парам же. Как в море корабли. Половинчатый ангел и... такой же человек. Несогласные!.. Но – и не отрицающие же все, при этом, свою же «темную»... *породу*. Когда же, и блондин, был: чистокровным!.. И пусть – и *отрицал* это, но и был полноправным ее же владельцем. Без вкраплений и... «смешений»: кого бы то ни было и с чем бы то... *чем-то*. Да и без «кого-то» же все... *сверху*!.. Что, между прочим, разъединяло: но и этим же, в этом же все и моменте, в то же время, объединяло. Противоположности... И «разности». Вновь: притянулись!.. Да и не во всем же – на одни и те же грабли! Не «во всем»... И, прикусив таки свою нижнюю губу, на миг, *лишь* на миг, попыталась восстановить в памяти то, что она помнила: что уже было – на тот момент и... что «подбилось» же в процессе. У правой же его кисти – была «набита» черная «прямоугольная стро-

ка»... *состояния* плеера с: «плей», «пауза», «стоп», «перемотка вперед/назад», «громкость», «повтор»... и самой дорожкой, слева от которой высвечивается «0:25», *будто* и его же возраст, где ползунок и прямая, «вектор дорожки» – уходит в «знак бесконечности»... и от которой уже вверх по предплечью и к самому же плечу ползли черные внутриканальные наушники, оплетая проводами до локтя... вместе с нотами, «люющимися» из них. Софии бы она *тоже* подошла, да и в той же манере, не говоря уж про «тату» Никиты и... Анны, *фразы*... и капли чернил, которые потом могли уйти и в ноты, ведь она тоже любит слушать музыку, пусть и не *играть* ее же иногда, как сам Артем; но и это же были – не ее «тату»: ранее названных же, во-первых, а во-вторых, она же еще не определилась со стороной, да и делают ей, что хотят... *те*, а не она. Под ключицами же его – две *черные* руки: но и только не так, как на «картине», а слева живая и мужская рука, крупная, жилистая и... *не полая*, а справа – *костлявая* и «контурная», *полая*; «будто» и руки *жизни* и смерти соединились – и получился... он, *человек*: ну или еще как ангел и... *демон* же. Да!.. Их она – еще помнила. Фактически: даже – на ощупь!.. Если уж и не на вкус... Помнила – и шею. С *крыльями*!.. Сзади. А дальше... Дальше – было: все новое. И... *Не* ее!.. Левая нога его – была «в стиле Влада»: только и не под кору, да и само же дерево, а доспехи; тату – в виде набедренника, наголенника и... наколенника из «сплава черного металла и... белой стали». Было де-

ло: «поймала» его как-то – в шортах!.. И почти исчезнувшая черная контурная ветка сирени, в форме же еще одной бесконечности, на левом предплечье и с внутренней же стороны, на запястье... *у кисти*. «В стиле же» вновь и Влада. Вот только!.. *Не переводная. В знаке*. Еще и Розы... *Анны!*.. Или *нет?* И это очередное же совпадение-не-совпадение; и *такая же* случайность? *Зачем* им: *живой человек?*.. Не знала бы, подумала, что он его *оставил*, а не!.. Хотя, и с *заменой*, всяко – было проще. Не *изменой*. Как тогда... Да и в принципе. И пусть уже не так, на контрасте с тем, что было ранее, уже иное и другое, *чужое*, но и все же еще с привкусом горечи и обиды; со вкусом предательства... себя *и* как -его же. Не говоря уже: про ненависть. Уже почти поостывшую и вышедшую, выветренную сейчас, оставив лишь дружеское и братское неприятие-принятие; и *все же*. Дым без огня; да еще и на дотлевающе-тлеющих углях. *Такое!*.. – Но!.. Про *все-не-все*. Прямо: про *все-все*... не-все?

Но, и лишь смерив его внимательным взглядом с прищуром, девушка усмехнулась, *пока* промолчал. Бойтся!.. Конечно, *бойтся*. И *надо*: бояться. И не только: как *и* ей. Как и... *она*. Чувствуя, и прямо-таки уже и «ощущая», взгляд кого-то; и так же все – *откуда-то* справа... от себя. Но так ни разу и не рискнув – повернуться: за все время пребывания и сидения здесь. Ведь, и казалось бы, *паранойя!*.. Как набирала, так и набирает же все – новые и новые обороты. К чему ей и поддаваться?.. И так уже: *вычислила*. На остальное

же: нет ни хотения, ни желания... *Не собиралась*, в общем!.. Но и интуиция, ворвавшаяся и сорвавшаяся же все *дверь и с петель* буквально; *бешенная* же, как никогда и нигде, ни с кем; трубила во все каналы, что: и та же все черная машина, что «шла» за ней – от самого университета, а после еще и мужские тяжелые шаги за спиной, шедшие за ней до бара, как ни странно, а затем еще и вошедшие же вслед за ней и, вдруг, остановившиеся, оставшись в той же самой все и стороне, были неспроста. Но она же – умная!.. Залила в себя алкоголь – и выключилась... ментально: от всего, всех и вся; вот только – и не от тех же все чувств и ощущений. Не от *эмоций!*.. Которые же все, как неожиданно вспыхнули, так и погасли. Оставалось же только надеяться: чтобы не потухли – совсем. А они ведь – могут!.. Ребята. Да. Все те же... И с теми же. Да и иже с ними. Могут!.. Потушат же и враз – стоит им и только же лишь прочитать: об этом... всем. О *нем*. Об Артеме!.. А коль уж и не прочитать, так узнать. Егору-то – она *почти* же рассказала. А он, как уже известно, на половине и полпути – ничего не оставляет; *никого*. Как на своем пути. Так: и на ее. *Никого и никогда*.

– Нет!.. Ты остался – в прошлом... или даже уже и *по-запрошлом*... ежедневнике. А он, как и все же еще до него и после, сгорели – вместе с тем шкафом: где и хранились. Уборка, в лице... *моей* матери, страшная штука!.. А и особенно, когда касалась и *касается* же все до сих пор, *моих* вещей. А и тем более: *личных* записей. Тут главное – самой под

руку не попасться. А то ведь все *мысли* – рождаются в голове!.. Смысл жечь производные и производимые?.. *Произведенные!* Если можно сжечь: *источник?* – Указала она на себя большими пальцами обеих рук и хитро ослабилась. – Как думаешь, дойдет она – до этого?.. Или *нет?* И ты сожжешь меня – раньше, как и *ранее* обещал? А может, я – тебя?..

– А есть предпосылки: к *тому?*.. – Изогнул свою правую бровь Артем, поджав в легком прищуре левую, и так же параллельно еще скрипнул зубами. Удивив, тем самым, брюнетку – донельзя, что она даже не пытаясь и не *попыталась* же это скрыть; как и в шоке же своих раскрытых до невероятных просто размеров глаз. Только – рот же еще не открыла: так же. А то бы еще – и слюной все залила, иссушив рот; *как и вслед* же все за глазами – переставшими «смачиваться» веками, которые, соответственно, перестали и перед этим же все «статично» моргать.

– Ты – первый, кто не вменил мне это: в вину. Мол: «*Ты меня пугаешь*». Или что-то... в этом же все роде. «*Зачем напугала?.. И пугаешь!*». Ты?.. – И София прокашлялась, на секунду подавившись своим предположением и *воздухом*... вместе с ним. – Поверил мне. В смысле!.. Что я не паранойю и так, *действительно*, могло быть? Так: *может* быть!

– Ну... – Усмехнулся парень, сняв «крест» из рук и засунув их же и кистями теперь в передние же карманы своих джинсов. – Не мне тебе рассказывать – на *что* она способна, правда? Проще было бы сказать: на что и *не*. Ни на что!..

– Да уж!.. – Положительно кивнула она, «поравнявшись» с Артемом и уткнувшись взглядом в белую бумажную салфетку перед собой, взяв ее перед этим из металлической стойки-салфетницы в виде «раковины»: и которую сначала просто держала в руках, а после помяла и начала рвать на маленькие кусочки, складировав их «горкой» рядом с бокалом. Видела бы ее сейчас преподаватель по психологии общения!.. Да ей и ее же все контрольной в *таком же* виде – хватило. – Даже, *ты*: знаешь. *Даже!*.. – Сделала акцент голосом она, усмехнувшись. – Никто не знает... Никто: не *знал!*.. За пару дней – узнали. Но и... *Да!*.. *Знал* – ты. Да и... *Карина!*.. Брат – не знает! То есть... Опять же все: не *знал*. За те же все и *дни* – узнал. Как и *все!*.. Который раз же все, вот, пытается – «достучаться»: до меня. Как и... *Егор!*.. – И, стукнув руками по столу, оглушив тем самым даже и себя на какое-то мгновение, подняла, наконец, свои уже и злые карие, но и хоть какие-то уже глаза на шатена. – Бывшие всегда знают – больше нынешних!.. Это, что, правило – такое?

– Я же – *участвовал!*.. – Дернул плечами спокойно он, будто это ничего и не значило. Но и лишь стоило ему взглянуть на нее затем, что и тут же изменилась в лице и даже оторвалась от своего «занятого» занятия; буквально – *оторвалась*, приподнявшись еще даже уже и со стула, и готовясь, если и не напасть, то дотянуться до него и «приложить» головой о стол; сглотнул и постарался исправиться-извиниться. – Прости...

– *Ни-че-го!*!.. – Процедила она и вернулась к отрыванию кусочков, стараясь теперь не представлять его самого *в этом*, но и как-то же все труднее и труднее – это давалось; а и к концу – совсем с трудом и тяжестью несусветной. – Ведь и как я уже и сказала... Пусть и чуть иначе сформулировав!.. Это – все: *прошлое*. Да и не твоя *лишь*, в том, вина. Я не скажу, что: *ее* там – нет. Но и *целиком*: она – не твоя. Ноги, как и руки, *росли*: от нее!.. От Розы. И к *тебе*! А уже после – и ко мне; как и *до сих пор*. Если ты в чем-то и виноват, то... в разочаровании. А я – в очаровании. Я очаровалась – сама; а тебе это: и нужно было!

– *Ей!*!.. – Шикнул Артем, опустив голову и сжав кисти рук в кулаки в карманах.

– Конечно!.. – Закатила глаза София. – *Ей!*... Ты бы мог – просто меня *поймать*, не примешивая: чувств и эмоций. Не добавляя и не посыпая: ощущениями!.. Не портя и не... *грязня* их: этим. Не скрываясь и... Не прячься!.. Не притворяясь: какой-то там... *любовью*.

– Я – *любил!*!.. – Рывкнул он, да так, что и заставив же почти всех остальных в помещении в секунду обернуться на него; и затем даже – полноценно повернуться же, но и уже к ним... *обоим*. – Простите... – После чего подошел к девушке и оперся на барную стойку руками, приблизившись практически вплотную к ее лицу: еще сосредоточенному на *мозаике* из кусочков все той же салфетки, что и она же вновь *сама* разорвала, а и теперь же, *как* пазлы, собирала обратно; как

все и было. *Гений!*.. Властвующий – над хаосом. Над *своим* же, вот только лишь, и *внутренним* же все «хаосом». Но и стараясь же все, при этом, тем же макаром: *сдержатъ* – и внешний. Но кусочки – не держались на месте, вздрагивая и разлетаясь: *и* от ее же дыхания. Она – их собирала!.. И снова – укладывала на свои, *их*, как ей, опять же все, но и уже *казалось*, места. – Любил. И *люб*...

– Да прекращай!.. – Перебила его брюнетка и подняла-таки свой взгляд от более-менее собранной *картинки*, салфетки; но и как-то же все – и не мира: ни его и... ни ее. Ни *их*. К сожалению!.. Или все же: *радости*? И если *второе*, то кого?.. Или *их*? – Любил. Да. *Верю!*.. Но: не *любишь*. Не надо этого – сейчас. Остановимся: на *брате* и... сестре, ладно?

– Так!.. К этому была – твоя *та* фраза? – Догадался парень, но и скорее же все пока *решил* так и что именно: «догадался». А вот, правильно или нет, еще предстояло – узнать; и у самой же девушки. – Ты – *увидела*: что-то?.. Подумала. И!.. *Сравнила*. А *Женя*? – И его глаза расширились; а рот раскрылся – в немом шоке. – Ты в него – влюбилась? В брата?!..

– Ты алкоголем – передышал?.. – Рыкнула София и хотела было еще что-то добавить, «в тему», но остановилась и усмехнулась, отрицательно покачав головой. – Где – *алкоголь*; а где – и «мука». Ну да!.. Ну да. Дурной пример – всегда: заразителен. Я увидела – *в тебе*: это!.. В *твоих* глазах. *Увидела*: любовь. Но!.. Братскую. И... *К сестре*. Когда,

и опять же все, не буду уж отрицать, возможно, только лишь *возможно*, хотела увидеть: иное и... другое. Хотела увидеть: друг-ую!.. Но и, как назло, все в этом мире: до наоборот. И тот же, кто любит, как *девушку*, воспринимается мной: как брат-ом. А тот, кто любит, как *сестру*, воспринимается: парнем. Не являясь же – им!.. Причем: как ни в том, так и ни в другом... *конкретном* же все... и случае! – Всплеснула руками она и спрятала лицо в ладонях, закопавшись еще следом и их же пальцами в своих же волосах: оттягивая пряди, друг за другом, за концы. – Со мной – что-то не так?.. Или, все же, с ним? С миром! С вами-то, двоими, все okay!.. Это я – не *такая*. Определенно!.. И... Даже: без вопросов.

– А *Егор*?.. Он?..

– *Молодой человек*?.. – Донеслось откуда-то со стороны – уже и захмелевшим женским голосом, прерывая *вдруг* и не «идиллию же двоих», но и тут же ведь отвечая на его вопрос: правда, *не* для него – ведь он так и продолжил, продолжал «втыкать» в девушку напротив; почти уже и вынудив ее схопить на тему «...*пригласите танцевать*».

– Работа – зовет!.. – Сдержалась-таки она и «подтолкнула». – Иди уж. Неважно!..

– Нет, *важно*!.. – Настоял Артем, но и все же удалился к «развеселой» компании, напоследок: попросив – по себе, и потребовав – от нее. – Мы – не договорили!.. Не уходи.

– Да-да... Свежо предание, *да* верится с трудом!.. – Отрицательно покачала головой девушка и, оставив поверх сво-

ей «картины» – несколько купюр с чаевыми, да-к еще и не забыв *браслетик*-нить, фенечку, «на память», но уже свою и *ему*; она уж «свое» отзапоминала, теперь бы только лишь забыть не захотеть, чтобы уж и вечно-бесконечно помнить; встала со стула и поправила одежду. – Ушла тогда – уйду и сейчас. *Сама... И!.. «Ногами»*. – Да вот и только далеко отойти так и не смогла; куда уж там – и *уйти* совсем: – Так, если уж, его компания *Вас* не устроила – может, все же останетесь; и составите ее – мне? – Материализовался, будто бы и из ниоткуда, рядом и *справа* же от нее мужчина: по голосу, росту, да и мощной же спине с довольно широкими плечами – явно старше ее самой; если уж и не в два, то в *один* раз – точно. По *человеческим* же все; и меркам! А уж если и *не* по ним – то и подавно!.. Как бы и ни в пять, а там и во все же *десять*. Не говоря уж – и за силу. *Энергию!*.. Смутно напоминающую, и *припоминаемую* даже, коньяк, болотистую местность со мхом, тиной и горящие торфяники. Встреча: ее, Александра и!.. То-то и оно. Вот только и!.. *Кого?* Не отца же, и *уже*, в самом-то деле. *Не* с ним... Рассмотреть же его ей – никак не удавалось: что по и из-за него же самого, так и уворачивающегося от нее, что по и из-за его же «прятки» в одежде и одежде, свои же, в виде плотной черной мантии; с капюшоном поверх его же головы, полностью закрывающим лицо, пока и рукава же, с небольшим «клином» и углом, покрывали всю поверхность его же рук, аж до кончиков пальцев; и такого же «низа» – из широких спортивных шта-

нов и легких кроссовок. Как сам, так и его же «броня» – не давали ни малейшего шанса, «возможности» увидеть: хоть и участок его тела. Даже и одним глазком – приметить. Куда уж там: и *цвет* кожи!.. А и за какие-то «отличительные черты», знаки, вроде родинок, шрамов... или уж и «тату», на крайний случай, вообще можно было промолчать: он же и сам сейчас был – как один сплошной... *blackwork*. И, вот, казалось бы, сейчас бы и той самой же все ее интуиции, «пятой точке», как угодно, самое то – дозваться до и *ее* же: дать, хоть и как-то о себе же знать; но *виски* продолжал содержать и владеть... *висками* же, сознанием ее, не давая и шанса что-либо ответить – на *ее* же все зов и призыв, если таковой еще был и оставался. Но, и *зато* же, тем самым, *давая* шанс – ответить и отозваться: на это же все самое и *его* уже предложение «Продолжить банкет». И да!.. Решив, по крайней мере, *больше* не пить. Как и не есть – после *шести* же... пирожных. Что ей: *хватит!*.. Дабы еще и сохранить: хоть какую-то толику адекватности и... *такой же* рассудительности; «хладности», более или менее. Она не нашла ничего другого, *лучше*, чем и как кроме: «ответить». Да и не будет же он что-либо делать – при свете и... *всех?*.. Если что! И пусть народу было и не так много, а *людей* – и еще же меньше, но ведь: и *было*. А капюшон – можно и сбросить. Тогда – его увидят: все!.. И *она*. Если *он* и соберется – атаковать; или еще чего... *хуже*. Не на клей же – он посажен!.. «Запалится»: рано или поздно. Но, а пока же этого не произошло наяву, а произо-

шло в ее *мутном* сознании, она «кивнула» и села обратно на свой стул, решив, что и: протрезвеет еще заодно, чтоб уж и *самой* добраться; или же – нет, но и тогда уже «огребет» не по тяжести и доброте душевной, а *тихой грусти* – чего и не хотелось бы. – А «прикрытие» – обязательно?.. – И, получив «в ответ» утвердительный же кивок, сама натянула на голову капюшон своей же белой кофты; да-к еще, и ко всему, водрузила на свое же лицо и глаза – черные солнцезащитные очки, изъятые из внутреннего же *левого* нагрудного кармана плаща. Вот уж и точно: *если что* – то «вовнутрь», напарываясь же: на *встречные* осколки и шипы, проволоку; под-ток и... поток. – Вдруг: реветь соберусь!.. А я и, походу пьесы, уже – начала. – Но и не успела она же задуматься о правом Женином же нагрудном кармане; и что *слова* – как раз таки «бьют»; и «вовне», как раздался сигнал мобильного телефона и гость, *хозяин* же его, как уже стало понятно после, изъял его из правого же кармана своего балахона, снимая с блокировки, чтобы прочесть сообщение; а Софию же, скосившую лишь на миг в *их* же все уже и сторону глаза, тут же бросило в дрожь – от созерцания «рабочего стола», *обоев*, гаджета: а именно – *девушки*... с лошадю. Как... *На картине!* – Какого?!.. – Поднялась же вновь, уже и в *третий* раз, она, и только хотела до конца выругаться, как поймала на себе внимательно-строгий *карий* взгляд: из «тьмы» все так же наброшенного, а после и *на свету*, из полуопущенного, хоть и не до конца же все с головы и лица, капюшона; и одному же

все и *богу*-дьяволу было известно, что и из этого же все – лучше-хуже. Наверняка, где, и мужская же все, *его*, фигура – разворачивается-таки к ней боком, и спиной же к Артему; который, пусть и отошел, но следил за всем происходящим и был явно недоволен, но и кому не плевать, уж точно не ему; специально откинув ткань, демонстрируя, пусть и лишь самую малость, себя, *свое* лицо, чтобы и затем вновь «спрятать» – с ухмылкой же, сразу же обращенной в оскал. – *Па?!..*

– Как тебе будет удобно и... *удовно*. В конце концов, когда-то *и* я – им был! – Положительно кивнул гость, разливая виски по бокалам и покручивая, «мешая» затем его, в *своем* и... на свету; перенимая сию же инициативу, таким вот образом, от бармена же. – *Села!..* – И толкнул ее стул в ее же сторону, на что уже и она же – еще и пуще прежнего же содрогнулась, но и, продолжая же все, при этом, находиться под *парами* алкоголя, послушалась. – Не для *тебя*, правда... В меньшей степени, чем для *той!..* Но тебе уже и не привыкать – быть «второй», правда?.. – Поиграл *своими* темными бровями он и ослабил еще больше: как зверь, загнавший свою добычу в ловушку и вот-вот собирающийся ею полакомиться. – Но и чем, в конечном же счете, своим *большинством* – и заслужил: немилость. Как и «блок»: для тебя и... всех. Но и как, опять же, все... *Всех-не-всех*. Ну и от своего же «братишки», конечно, *твоего*: папеньки. Но!.. Я успел отхватить – пару моментов и *себе*: от тебя. *Немного*: Софии!.. Перед тем, как пропасть. С возвращением – меня,

м?.. И со знакомством – тебя! Со старым-добрым... *Новым. Как и хорошо забытым старым!*.. – И, в отличие уже от самого Артема, полноценно чокнулся с ней стеклом и выпил, проследив еще и за-тем, чтобы то же самое исполнила следом и она. – Хорошая девочка!.. И кстати. *Да...* Буду рад поприсутствовать – при всех этапах: «изливания души». Сопровождать и *сопроводить* же – их!.. Как: и *тебя*. Но – и не здесь!..

Мгновение!.. И София – закатывает глаза, теряя сознание. На последних лишь секундах осознавая, что он – *не просто так*: наслаждался янтарным цветом, *гипнотизируя* стекло, *не* его; да и сами же «пары» – были далеко не «градусные». И бездыханно – падает на стойку! Но, и будучи же все «подстрахованной» мужчиной, тут же попадает в его руки. А после – пропадает и вовсе!.. Подтираясь; под силой же его и им же запущенного его же *черного дыма*, как снаружи, так и внутри: буквально же и *задымившего* не только и все же помещение, но и воспоминания о них же у всех и вся, всего; из памяти: с момента, как была похищена, и добавляя же от себя, немного же «отсебятины»; в виде ее спокойного же и *самостоятельного* ухода, как и оплаты перед этим. На деле же и... *теле*: пропадая незримо, вместе с ним, и для всех – уже *несамостоятельно*... и на его же плече. Ну а под конец – обнаруживаясь уже около его машины; черной глянцевой Audi последней модели, с повсеместной тонировкой и «в цвет» же кожаным салоном внутри, оставленной, предусмотрительно,

за несколько кварталов от бара; и срываясь же на ней с места тут же, как он завел, растворяясь вместе с ней... в ней и уносясь на огромной скорости: за город!..

**

...Как-то раз, проходя мимо детской площадки, я поймала себя на мысли. Нет!.. Даже и не «на мысли», а... на *квантовом скачке*. Таким!.. Резком переходе – с одного уровня... на *другой*: в развитии. Да и по остальным параметрам – тоже; в принципе!.. В куче мале, что так и циркулировала по горке с ледянками; кусками светло-коричневого линолеума, белыми пакетами и всеми возможными и *не*... доступными же все и средствами... «передвижения», только чтобы прокатиться и не получить люлей-лещей от родителей – за порванные-таки штаны на какой-то из кочек под слоем снега и льда; я просто и только лишь на миг увидела... *себя*. В девочке!.. Обернутой не то в пять, не то и во все *десять* же слоев одежды – под своим фиолетовым зимним пуховиком: который, и сам же по себе, уже вполне и можно, а там и *нужно* было «выжимать». Как и такие же ее зимние штаны-комбинезон, шедшие *в* и комплект-ом же с ней. Но и будучи же еще и так, и без того буквально и «закупоренной» на все замки и кнопки, пуговицы: ко всему же еще – она была в шарфе, до носа, шапке, до самых бровей, с помпоном и перчатках-варежках же; в цвет. Ну а что же там, в ней, *за* и от меня, *отсебятина*, спросишь меня ты?.. Ее непослушные же все и *темно-каштановые* волосы: доселе – завязанные в хвост и

спрятанные под ту же все и шапку, ворот пуховика; длиной до лопаток; ну а «ныне» же – уже растрепанные и вовсю мокнущие под снежинками и комками снега, льда, после бурного скатывания и потока их в ее же лицо. Само же, *бледное* личико, малышки – не «портил» еще ни грамм косметики, все, что украшало его, было – *естественным* и натуральным: от ярко-красных пухлых щек, с ямочками у губ от широкой улыбки во все, пока еще, хоть и тут же *уже* имеющиеся же зубы до блестящих *светло-карих* же глаз, то ли и от того же все снега-льда и света же снаружи, что, так или иначе, в них попадал, как и на *черные*, уже даже и *длинные* ресницы и еще маленькие, но и достаточно так же уже *широкие темные* брови, то ли и от света же внутреннего, а то ли и всего же и сразу. И все это же, как и многое другое, что было «от природы» и в, при ней, *красило* лучше – любой «химии»!.. Скажешь: *мало?* Справедливо!.. Но и я же – только: начала. Как и она!.. Хоть и в ее же фиолетовых зимних сапогах, наверняка, а там уж *точно* и давно уже – было, если и не по колену, то и по щиколотку воды: от тающего снега. А под шапкой – так же сопрел и покраснел, стал потным: ее *высокий* лоб. Собственно, как и она же сама, готовая и «выжимать-ся» – вместе с одеждой. Но и упорно же все – *не* шла домой. И все просила: «*Еще пять минуточек!..*». Вновь и вновь, при этом же, садясь на желтую пластмассовую доску – и скатываясь на ней вниз: к машинам и... проходим. Последние, из которых, в который же раз, предупреждали ее: об опасности и

непредсказуемом выезде машин – из-за угла. На что и она же – лишь положительно кивала головой... *по пути*: несясь во всю прыть вверх; за новой порцией адреналина и... эндорфинов, смеха и криков, снега в лицо!

Ей же – хорошо!.. Она – *счастлива!* На ней – еще не лежит печаль или «клеймо», как удобгодно: жизни и ответственности. Сохранить – одежду и конечности... *Сохранить* их – в целости же и... «сохранности», если уж и *не* до конца безопасности: вот ее «паспорт» и... такая же *вся* ответственность. И то: *только* – на словах!.. Ведь, и *когда* уже, не если, она летит с горки, попадая то на кочки, то на ветки... то и в кусты с деревьями, она не думает: об этом. Скатывается же с ледянки в белый сугроб и... смотрит в темно-синее небо: с которого тихо и не спеша – падают все те же снежинки; пугаясь в ее же волосах, ресницах и... бровях. «Замусоливая» – глаза. Смачивая и восторженно открытый же рот, язык и горло: которые она и сама – так услужливо подставляет, поедая их; как и до этого же все – снег и сосульки. Вдыхая своим еще пока маленьким, но и уже *курносым* носом – морозный воздух и смеясь... *смеясь*: от щекотки попавших в ноздри и лишь затем на ее *узкий* же подбородок – белых «муф-звезд»; холодея и без того промокшую... *себя!*.. Она не знает еще – насущных проблем. Не знает: и суматохи. *Страха!*.. Только: темноты. Не знает – боли. *Настоящей!*.. Только: зубную. Не знает: и потерь... Только: *игрушек*. По мелочам!.. Не более. *Ню:* и не *менее*. Еще не сталкивалась же и с тем, с чем: как

сталкивались, так и сталкиваются же – взрослые. Не раз... да и не *два*: в своей жизни!.. И не *десять-двести*... в своем же: существовании. Она еще пока – легка на подъем. И ее – не волнуют: политическая и экономическая... обстановки в стране. Она – просто: живет. Просто: радуется – ей. *Жизни!*.. И так же – *просто*: счастлива. Ее глаза – яркие; а сердце и душа – настолько девственны... *Насколько: и чисты!*.. Что она даже и родителям-то толком – не врала. А уж друзьям, а там и *себе*, и *подавно!*.. Ее эмоции – открыты. *Что уж: до чувств и... ощущений!* И, как книжку, ее читает – каждый: кому не лень. Она – *открыта*: для людей и... *всех-всех* предложений. Для чувств же, ощущений... *других* и «чужих»... и желаний. «Хотелок». И мечтаний!.. Для *таких* же: эмоций и ощущений. В ее приоритете – лишь семейное благополучие и здоровье родных!.. *Материальное и меркантильное*, вещи – ее не интересуют. Она – не брезгует: носить одно и то же... по несколько раз; и никогда не просит не *навязывается* ничего нового – взамен... и старому же. А загадывая желание и подарок на Новый год, Деду же Морозу, беспокоится – не о себе, в первую очередь!.. А о *его* возможности и способности – это приобрести. И если таковой вдруг не будет, не *окажется*: просит тут же подарить – что-то другое. *Даже*: незначительное!.. Лишь бы только – он *не* тратился на нее... *чересчур*. Ведь вокруг – еще *столько* детей!.. И она не может забрать – лучший подарок: себе. Просто потому, что есть – кто-то достойней; кто, *действительно*, в нем нуждается. И

если *надо* – она подождет!.. У нее нет понятия и времени; его и «скоротечности». Как и понятия *жизни* и... ее не бесконечности. Она просто – не забывает этим голову и... живет: днем. *Одним* лишь днем. Живет: сегодня и моментом, мгновением!.. *Как любой*, но и в то же время, *как*: человек. Коим она, кстати, и являлась: пока не принимая *ангела* в себе; пусть и который, как ни посмотри, а ей шел. *Подходил*; и как нельзя кстати!.. Я даже, в этом плане, немного промахнулась: изначально подумав – на него. Но!.. Нет. *Пока*: нет. Но и не заворачивалась она и на этот счет, как видно. *Опять же*: пока. Пока каталась, ката-ется; и пока *рядом* – друзья. *Пока*: она – ребенок!.. А завтра?.. *Завтра* – будет: завтра. И будет: новое же занятие. Или же – та же все и горка: но и она поменяется с кем-то – средством передвижения; и уже «полетит» – не на ледянке, а... на резиновой плюшке. Без труда же еще – идет на компромисс; и готова уступить. Не потому, что не «ценит себя»!.. А потому, что не хочет делить момент радости – только с собой. Для нее *важно* – разделить его: еще с кем-то; и видеть напротив – такую же широченную улыбку, как и у нее же самой!..

И, вот, на тот же все *миг*, знаешь, я и забыла не только: куда и зачем шла, но и как дышала и дышать. Просто задержала вдруг дыхание от картины, открывшейся передо мной, и, опершись о синюю железную трубу, продолжила наблюдать: за подростками и детьми... на пять и шесть лет где-то... младше меня; и совсем еще – малышкой. На челове-

ческий манер: опять же!.. На десять и одиннадцать, *двенадцать* лет... младше. Да и это же все, только лишь и *вновь* же, на глаз и... вид. Я не знала – точных цифр!.. Как и *сейчас* же все – не знаю. Но и *точно* же видела, что они – младше меня. Да и потом еще это поняла-приняла, подтвердив. Не за всех!.. Но и простояв с полчаса – таки и расслышала диалог старшей сестры... с младшей: той, последней, которая и являлась – мной, являла собой меня и с которой первая же и пришла; и за которой следила. *Наставная* уже, и на том, что, пусть, ее сестра – и старше большинства; ей было девять, вроде, как я уже помню. Но, и опять же все, да?.. Цифры, София. Со-фи-я, цифры. Без комментариев!.. Не ее же все и самой, во всяком случае. Той-то было – на порядок больше!.. Как и мне же все, наверное, и тогда: *девятнадцать*. Но и во втором десятке – была точно. Пока в нем – не *осталась*. Но, и вполне же еще все могла, и *шла* к этому!.. В отличие – от своей же сестры. Что и демонстрировала – не только внутренней харизмой и авторитетом, но и отсутствием головного убора, шарфа и перчаток!.. Необращенная... Слишком рано почувствовавшая себя взрослой!.. Темно-синий пуховик ее – был так же «по-взрослому»: нараспашку; демонстрируя всем, а и главное же все ветру со снегом, ее легкую черную кофту, обычные такие же джинсы и «в цвет» лакированные же сапоги, по колено и на плоском ходу. И вот!.. Одета же – не по сезону; так и будто бы еще – во все осеннее, а там, может, и *весеннее*, она стояла... и тряслась от холода, ходя-про-

гуливаясь, время от времени, по горке: из стороны в сторону. Греясь!.. И грея, одновременно, свои замерзшие, еще пока не посиневшие, но и уже достаточно покрасневшие и почти побелевшие ладони: своим же дыханием. Как и свое же лицо!.. Чуть задерживаясь; *дуя* одновременно – в две стороны; и контрастируя – на фоне черного лака... на ногтях средней длины: периодически «пряча» и их – в передние же карманы своего пуховика. Было видно, что ее, и *именно*, заставили-*принудили*, *добровольно*: пойти с сестрой. Вечернее же время!.. Кто ту и одну-то отпустит; даже, а там и тем более, если и площадка-то сама – перед ноем домом. Так что она *еще* и не красилась: выставляя *и* свою же еще «природную бледность» – напоказ!.. На фоне же все, и *контрасте*, своих, как и *ее* же, ярких... светло-карих глаз. В обрамлении черных коротких ресниц; и под темными же узкими бровями!.. Готовая, вот-вот, и слиться же: со снегом. А там – и льдом. Да и уйти: под него... на дно. Не то, что: *даже* не уложила свои, порядком уже промокшие и торчащие во все стороны, темно-каштановые волосы; длиной чуть ниже лопаток. *Подавно*!.. Ей же *все еще* хотелось – домой. Так еще и, то и дело, нервно закидывала пряди их назад с лица, либо прибирала за уши; и вновь. Растирала – свой небольшой лоб, впалые щеки, узкий подбородок и острый нос!.. Но сестра ее – каталась без остановки; и ей приходилось лишь только вновь и вновь терпеть ее очередное же «Нет» на свою просьбу: хотя бы и уйти же ненадолго, просохнуть; и тут же вернуться. Но дев-

чонка – была прошаренная; не первый раз, видимо, слыша это, если уже и не за этот день, то прошлый и все же предыдущие, и понимала, что повторно ее уже никто не пустит и не выпустит, загнав; так что и брала от жизни – все. Пусть и кроме же все того, что не позволяла уже и старшая, а именно: кататься на том, на чем каталась и уже она же – со своими друзьями недавно. Чем-то и покруче, *гораздо* круче: ледянки!.. Больше и мощнее. Девушка же прямо-таки и требовала, не *просила*, чтобы младшая – каталась на вверенной ей же ледянке: как и *максимальном* же – из возможного!.. Моя «близняшка» же – наотрез отказывалась понимать и принимать этот ультиматум: соглашаясь, согласившись уже даже и на то, чтобы прокатиться – «в тандеме». Та же – наотрез отказывалась и отказалась выносить, а и тем более затем и сажать ее на свой, с собой или *не* с собой, зимний синий скутер; с черными пластиковыми полозьями, вместо трех же и колес; так как малышка могла, от резкой же еще и встряски, удариться головой или руками о руль, ослабить «хватку», слететь и, вылетев просто после, влететь во что-то или кого-то. Штука и впрямь была: опасна!.. И смотря, как мои ровесники, *более-менее*, рассекают на ней с горки – у меня начиналась самая же, что ни на есть, «паника». А что там говорить – и о моем, на ней же, катании!.. А уж и *такие*... дети. Да им вообще противопоказано – такое; и в руки давать!.. Но и что хорошо, в *таком* возрасте, еще легко – сбить прицел: «Хочу». Что, кстати, и доказала же потом – та самая: *старшая*

сестра; преподнеся своей младшей уже и розовую ледянку с кучей наклеек бабочек и цветочков, каких-то популярных мультяшек, одолженной у рядом стоящей, но и пока не кающейся, *отдыхающей* девочки. Младшая – тут же забыла о скутере: и унеслась кататься – на новом приобретении; хватаясь перед своими уже и сверстниками: какую ей доску надыбала – ее же сестренка!.. И надо отдать этой самой *сестре* – должное. *Хотя бы: в этом!..* Одним выстрелом же – и двух зайцев. Одной ледянкой – две проблемы: обезопасила сестру и свою же нервную систему – от переживаний за нее. Так еще и «выросла» – в ее же глазах: сразу на несколько *пунктов!*..

Да. Так они – и катались!.. Одна – телом; вторая – *глазами*... и вслед же: за той. А я же – все смотрела... и не могла поверить своим же глазам: насколько же быстро все же – летит время!.. Ведь, и буквально, эти самые же все... *злосчастные* десять лет назад; в один из немногих моментов снисхождения-ниспадения; я была – на их месте: и каталась с подругой. Познакомившись – там, *тут же*, кстати!.. Да и «раззнакомившись»... тоже. Но!.. *Неважно*. Легко сбивается – не только прицел-прицеп «Хочу», но и... *оковы* дружбы. Которые: и *не* оковы-то, вовсе. Как оказалось все. И!.. Потом. «Привет!».. «Пока!».. Все!.. «Друзья на время». На период: катания!.. Тогда – все было: проще. И, наверняка, так же: кривлялась и удивлялась взрослым, что «серой массой» – проходили мимо. Кто – с кучей сумок и чемоданов. Кто – с кучей дел в голове; и совершенно не замечая детей.

Кто – в наушниках: и *у себя* на уме. Кто – вечно в телефоне; и в своем же *виртуальном мире*... А кто, если и замечая, то и только лишь для того, чтобы вновь припугнуть – очередной машиной; и идти дальше – по своим делам. Такие: глупые и смешные!.. Ведь и ничего не понимают – в жизни. Хоть и «придумали», что знают: все, вся и... обо всем. *Всех же!*.. И вся. «Видали» – виды. И!.. Знают, что нужно и, главное, *как* правильно: жить. И строят, под эти же все и «понятия», не принятие и в *неприятши*, детей. А на деле?.. *На деле* же – сами дети, да еще и с лихвой, могут научить: этих самых же «взрослых»!.. Как *нужно* жить. И, *главное*, «проживать» эту самую же: *свою* жизнь. Как *быть* счастливыми. Как *быть* собой и... *Оставаться* же: собой!.. Как *улыбаться*. И не бояться: общественного мнения. *Порицания!*.. Не бояться и того, как это все: *воспримут* – окружающие. Но, и знаешь же, что странно?.. Несмотря на *однотипные* их лица и одежды – дети, все равно и так же, несмотря же ни на что: хотят «повзрослеть». А и, спрашивается, для *чего?*.. Зачем? И *главное*: на *х?*.. Чтобы стать: *такими же?* Ведь, и куда лучше, быть – вечным ребенком!.. Да и даже, если: не «вечным». Хотя бы: и то время, что как раз таки и «выделено» – для этого. Чтобы уже после – не пожалеть о детских годах, которые прошли в раздумьях: «Как же стать – взрослым?..». Чтоб не спать днем: в детском саду... Не учить и уроки... Не сдавать – экзамены. И!.. Прочее.

Да... *уж!*.. *Десять лет* – прошли. И вот, в рядах «жалею-

щих»: я. Все бы отдала – за дневной сон, уроки в школе... Да даже и за те же самые все экзамены, будь они и прокляты!.. Но и чтобы только лишь не вступать – в круг «серой массы и бумажной волокиты». «Офисных клерков» и... «книжных червей». Прочей... *такой*... нечисти!.. Этот год – может стать последним: в статусе «обучающаяся». А и следующий же – вполне может стать *и будет* в статусе: «обучающая». И!.. Мурашки же бегут – по спине. Я *так* не хочу – *туда*! А ведь, и буквально же все вчера, я каталась: в этой куче мале. Падала!.. Ела снег и... сосульки. И даже не думала – о том, что: спустя годы – буду стоять... по *э-ту* же уде сторону баррикад и... *сожалеть* о прош... едшем. И ведь: *стою*!.. Вот, она: я. В белой шапке, из-под которой торчат *мои* темно-каштановые кудри, длиной чуть ниже плеча; курчавые же еще и от влаги тающего на и в них же снега; в таких же перчатках и зимнем же синем пуховике, поверх темно-синих же джинсов, заправленных в белые меховые кроссовки. «Жертва квантового скачка и прогрессии: с шагом – в десять лет!..». Боковым зрением, слева, «отлавливаю» рядом – силуэт взрослой женщины, лет тридцати пяти-сорока, на вид; как и «человека». На деле же: демона!.. Обращенного. Не *застрявшего*. *Хоть*: и застывшего. Это: чувствовалось... и ощущалось. *Как* по девчонкам и до, так и... тут. Как и принятие его, ей же, *вместо* ангела!.. Имея за плечами же все и сию же цифру: если не раз и не два, то три, а там и четыре, как *минимум*, вполне. Может, мамы – кого-то из тех же

самых все и сорванцов. А может, такой же прохожий, прохож-ая, как и... я.

И вновь: теряюсь. Вновь – не дышу!.. Дрожь проходит – по всему моему телу. И это – не холод. Это: страх и... шок. И я цепляюсь руками за железную трубу – сильнее!.. Боясь. упасть. ~~Хоть и в обморок~~ – не падала ни разу. Но и здесь же я всерьез – испугалась: за свое физическое и душевное состояние. За свое равновесие и гармонию, свой же баланс!.. В груди – неприятно засадило; и отдалось покалыванием – в области сердца. Стая, стадо мурашек – вновь пробежалось по позвоночнику, заставляя дернуться: будто и отгоняя *уже* какие-то образы и мысли; а взгляд все так же был прикован – к женщине!.. В обычном черном пальто, до колен; что, и в отличие же все от тех же девчонок, *меня*, она могла спокойно себе позволить, как и носить зимой – не зимние вещи, да как и в любой же сезон – одеваться не по нему; из-под которого виднелись такие же замшевые сапоги, на среднем каблуке и «в тон» же берете, с кожаными же перчатками: под цвет. Из-под головного убора же ее, как назло, и торчали – кудряшки... темно-каштанового же цвета, длиной до плеч; пряча невысокий лоб – под уже отросшей челкой. Темно-карий же ее взгляд, с темно-бежевыми же тенями на веках, был обращен – к площадке: в обрамлении длинных черных ресниц, подкрашенных тушью; и под еле проглядываемыми, сквозь челку же, узкими, но и такими же темными бровями, подкрашенными темным карандашом. В ту же сторону – было

обращено: и все же ее лицо; вместе с вздернутым и курносым носом, небольшими щеками, пусть и с достаточно хорошо проглядываемыми скулами, выделенными «контурно» темно-бежевым, раскрытыми, в улыбке, пухлыми губами, под легким нюдовым блеском и с точеным же узким подбородком!..

И как вот?.. *Как* может чувствовать себя человек, попавший в «омут времени»? Не знаю, как *он*, а я – чувствовала: ужас!.. И ведь «совпало» же, что именно: здесь и сейчас. Напротив, и на горке, каталась девчонка: с темно-каштановыми волосами и карими глазами. Человек-ангел!.. На момент: еще человек. За ней наблюдала девушка, с темно-каштановыми же волосами и карими глазами, ангел-человек. На момент: еще человек, но и почти ангел. Ближе: к первому. За ними же – наблюдала девушка, с темно-каштановыми волосами и карими глазами, я: ангел-демон. На момент: еще ангел, почти демон. Но и ближе же, *все же*, к первому. А и чуть левее, уже и от меня же, так же все и наблюдая, стояла женщина: с точно такими же волосами и глазами; демон-ангел. Бывшая – во втором; но, и в то же время, ближе и *выбрав* – первое. Буквально же! *Переход!*.. От первого – до последнего... состояния. И пусть я и не была «человеком»!.. Но и никто ведь пока не отменял: внутренний мир!

Да и я же... Я ведь всегда знала, что: случайности – не случайны. Но и чтобы, вот, обычная, с виду и на первый же все взгляд, *однажды*, обстановка – повлекла за собой: столько

неслучайных... *совпадений*? Я же будто – во сне; и в воронке времени. «Детство. Молодость. Взрослость». «Детство. Отрочество. Юность»... Как у Толстого!.. И в главной роли: я. *В главной*, да, но и одновременно: второстепенной. Наблюдая – из-за кулис: за всем!.. Пока – находясь на стадии же: молодость, как... отрочество. Как и та: старшая сестра. Напротив меня – мое же прошлое: детство и... младшая. А слева – мое будущее: взрослость и... юность. И от этого – и холодок уже бежит по коже, проникая в и под нее: холодея органы... и каждую же их клеточку; каждую клеточку и *крови*, если так, конечно, можно сказать. Мы же все – разные... люди. Человек – ангел – ангел – демон!.. И даже: незнакомы. Но и какое-то же чувство, ощущение и... эмоция, на задворках сознания, не дает-таки покоя, подкидывая все новые и новые: сходства и различия. Подкидывая – образы, будто и говоря: «*Смотри!*.. *Впереди – то, что прошло; и что, пока еще есть. А рядом – то, что уже и скоро настанет! Да и как: настанет?.. Как придет – так и уйдет*». И так хочется встряхнуть головой – и проснуться!.. Да и даже: просто – уйти; и перестать – наблюдать за всем этим. Но ноги – словно бы и приросли. Точнее: примерзли!.. И просто так – не хотят сходить: с этого места. И я – подчиняюсь им!.. Стою – на временном промежутке. Неосознанно и кусая губы, опустив уже свои руки и с тубы; теперь – заламывая пальцы!..

Десять лет назад – я была ребенком. Спустя десять лет – я наблюдаю за ребенком и... собой: в качестве прохожего... и

зрителя. А спустя еще десять лет – я, возможно, и сама буду: растить ребенка. Буду и следить – за его катанием с горки!.. «Квантовый скачок». «Прогрессия – с шагом: в десять лет». А время и, правда, летит быстро...

Если сказать, что на вечеринке Влада, в *одной* квартире, гулял *весь* город – это ничего не сказать, совершенно!.. Молодые парни и девушки, люди и *не*, съехались... вот, просто со всех уголков и концов, *граней*, казалось, целой «страны»; если уж и не планеты, а там и -т. Да!.. Но и тут же ведь – не странно: ведь этому рыжему, как и никогда же еще «бесстыжему», не было равных... ни в чем. Так что, и собственно же все, ждать меньшего – и не приходилось. Разве что: лишь *большого*; да и еще!.. А куда? Скорее: *откуда*. Да и чтобы он еще и на чем-то, *ком-то* сэкономил?.. Где-то приуменьшил или вообще поубавил?.. Скорее же *все*: пре-увеличил и надбавил!.. Не поскупившись, кстати, и на свой образ, состоявшийся: из ярко красных джинсов, на бордовых подтяжках, белой футболки и бордовой же шляпы, с белой шелковой лентой у полей; и с двумя «зажимами», по обе же их стороны, от верхней части головного убора. Сама же квартира, в буквальном смысле, «до верхов», потолка и... *крыши*, была забита – парочками; а где-то: и «троичками»; с такими же *яркими красными* стаканами для алкоголя: где-то еще и теряющимися на фоне их нарядов, где-то и выделяясь, а где-то и вырезая, прямо-таки и «выедая» глаза своей цветовой гам-

мой, вкупе – с нарядами же и аксессуарами, обувью; а про косметику и прически – вообще можно было промолчать. То тут, то там – стояли же еще и металлические бочонки, с прозрачными шлангами, и с *соответствующими* же кранами на концах: чтобы наполнять уже и именно пластиковую «тару», чем-то простым и... однотипным, не «смешивая», вроде все и того же пива, ну а непосредственно уже в самом-собственном же *баре*, на кухне и столе гостиной, уже и сам Влад «развлекался» далее и с этим же, коль и по желанию, а там и в принципе, как мог и *не*: «взбалтывая» *что* и как только можно, возможно и... *не*. Как мог и *не*, в общем!.. Да и как хотели и *не* – сами же: жаждущие хлеба и зрелищ; да и не отказывающиеся от кипишей, кроме голодовки, в частности. Выдавая еще, периодически, желаемое ими – за действительное собой: изгалялся, да, только *так*, попросту же еще «спаивал», да и захочешь же сказать еще проще и лучше, не «скажешь»; *да* и кто еще был против?.. Правильно: не *они*!.. Пока многострадальные же все и стены, пол и... *потолок*, сотрясала музыка: из его черных больших колонок, натюканных, если и не в каждом углу, то и на каждом квадратном метре; так «казалось», во всяком случае. Не говоря уж: за цветные светодиоды и... неон. За окном же уже – давно потемнело. *Вечерело*!.. И «общий» свет – был потушен полностью; кроме камина. «Светомузыка» шла – в сбор и тут же «вразноброд», не оставляя ни единого шанса и такой же возможности: вылезти «откуда-то» и медленному же танцу. «Медляч-

ку»!.. И заставить уже заплакать, «замолчать» – вскрики и вопли, визги; а что уж там – и за смену цвета и... света. Который был: только ярче. А местами же еще: и «кислотнее». А музыка, вплетаясь в него и расплетаясь же с сим, становилась: лишь громче. Что казалось – и невозможным, вообще. Но и, опять же все, только: казалось!.. И *было*: на самом деле. И, вот, где бы, как и ни здесь, развернуться же все и «дружному музыкальному коллабу», «недо» и «бойз-бэнду», все тому же Владу и Егору; да и не «свернуться»; но первый – был поглощен напитками и градусами, в смеси понижения и повышения, а второй – не был настроен на представление материала, от слова «совсем». Не потому, что он был: не готов. И тот, и другой!.. А потому, что не был способен сейчас: ни на что. Не хотел *совсем*: ничего. Чего уж там: и за *кого*!.. Не тот же был момент – для премьеры. Не те и люди, *не*, в общем!.. И не тот же человек, хоть и *не*, в частности. «Рядом»!.. Не *та*. Кому бы даже и хотелось, желалось и могло: показать; и дать – послушать. «Услышать»!.. Чтобы понять и... пронять, принять: насколько этот *его* год – стал переломным. И да!.. Для них же еще и всех. Но и в особенности, все же, для него и... нее. Ее же самой!.. Конечно. Не как первый и... последний. Разве: крайний. И не первый и последний, вовсе. А как... первый; и за которым – потянутся же еще и другие. Но и уже – обоюдно; и заодно. «Вместе»!.. Фактически же, да, наполнив не то, что каждую строчку, каждую *букву* и ноту, тем, что: происходило и происходит... сейчас же все и по

сей день; до сих пор. Да!.. «Градиент» там был: что надо! Ну а и собственно... Могло ли быть: иначе?.. В их-то еще, *обоих*, и ситуации!.. Буквально же еще: от ненависти до любви. Что – туда *шаг*... вместе; что и обратно. Вряд ли: иначе и... *по-другому*! Тем более. Могло лишь, разве что, быть и хуже! *Намного*: хуже... И *даже*. Что ж!.. В общем-то... Как и: лучше! Но и как-то же все: не хотелось это узнавать. Как и об этом же все и всем же: думать. Ни о первом. Ни о втором... Не хотелось!.. Да и для «вечеринки» же еще: не хотелось. По сути-то – еще и *под конец*!.. Но и они же: придумали! *Решили* – отвлекать. Отвлекли... Но и, опять же все, кого? И *от*... кого. Главное!.. Ту, которой это все, так же все и «фактически», предназначалось? *Кого* – и не было, сейчас!.. И кто, так же все, не пойми где: ходит. «Шляется». *Если* еще, конечно; и ходит!.. С отключенной-то головой; а будто и раньше такого не было и вот *опять*; но так еще и с «локацией»; де факто. И свернуть бы ему, «де юро», всю эту бога-дьяво-дельню – за неимением, более, значимости и... *значения*!.. Да, вот, и только: *так* он Владу и сказал. *Сказал*!.. Но и так он, так же, его и послушал. *Выслушал* и... услышал!.. И вот. Смысл всего же этого и всех, вся: медленно, но верно, менял свою ориентированность, по персонажам и, наконец-таки, на Александра. Который, к слову, пока так и не догадывался: об «исчезнувшей» девушке. Да и не стоило ему, если честно, так же все пока и этого же знать. Так как и сами ребята были в этом – до конца и до сих пор же: не уверены. Но и вид же

все, при этом, делали: что да, *уверены* и «нет», *все под контролем*; на всякий случай. Вставили черную флешку в такой же Влада же ноут; один из... *многих*, да и который же еще, при этом, и не жалко; с подключенным к нему же всем и вся – и были таковы: отдав же *все* – и на поруки толпы, которая сама могла менять треки, «миксовать» их или даже, и вообще, ставить же свои; точно так же или иначе, например, через «блютуз». Ну а что?.. Стойка диджея, все в том же стиле-цвете, и организованная Владом же, на другом уже столе и в гостиной, из его же все и студии, с пультами и... *ноутбуками*, была: «открытой». Как и микрофон!.. Кстати. Который, раз от разу, еще и становился «караоке»; и прямо уже и добивал и без того «убитых» парней. Что же и до мужчины – он и, сам же еще изначально, пожелал быть: вне этой тусовки; отправившись, *в кои-то веки*, как и передал-сказал же затем еще и Никита, «с того же все и слов» *на...* выставку: *выловив просто «идеальное» время, чтобы свинтить!.. И делом-таки заняться*. Вновь же совмещающая – приятное с полезным. Как?.. Переставляя картины. *И!*.. «Идеальное», да, для всех них и, как еще же потом оказалось, чтобы не мутить воду: излишне; не имея пока ни доказательств, ни опровержений... чего, да и кого-либо. Сам же он, Никита, так же все и пока: отсутствовал!.. К сожалению ли. Радости. Но и брюнет, с блондином же, усевшись перед камином и вперившись взглядами в одну точку, а может, даже и в один огненный ало-рыжий язык, не до «лирики», да, соображали на двоих:

в *разных* головах, но – и об одном и том же; в одном ритме.

– Вовремя – ты Полинку сплавил!.. Не нужно ей *всего этого* видеть... – скривился Егор, на секунду лишь оторвавшись от огня, чтобы проморгаться и глаза, пусть и на время, но и перестало же *так* усердно жечь и прямо-таки вы-жигать. Но и за их спинами ситуация была – не лучше; а то – и *хуже*. Все в тех же – кислотных тонах; и с таким же, не менее, а там и по-более «кислотным музлом». И выбор был, надо сказать, *так себе*: огонь или «кислота»?.. Из двух зол. Но и, *как всегда* же все, очевиден. Как между садо- и «просто мазохизмом»!.. И он его – так же *вновь*: сделал. Развернулся обратно, оправив свою светло-джинсовую рубашку, поверх черных же джинсов с прорезями на коленях, и продолжил, лишь и боковым зрением «сверясь» с Женей же, что и под стать же Владу, но и без какой-то, при этом же все «вычурности под вечеринку», переоделся в белую рубашку и темно-синие же джинсы, подвернуто-поднятые над щиколотками, и на коричневых, в цвет же кожаного ремня, подтяжках, – ...и *знать!* Как и *нам*... Но и чего нет – того нет. Это я: про мозги!.. И у *всех*, причем! Скажешь хоть: куда?.. Или «секрет»?

– Был тут... один человек. Точнее: *есть* и сейчас!.. – Исправился тут же Женя, сделав глоток коньяка из своего бокала. – Ее же друг. И Софкин быв...

– *Быв*... Быв-ший?!.. – Откинулся на спинку дивана блондин, с самым, и что ни на есть же все, офигевшим, а там

и тем более «охиревшим» видом, закидывая свою правую голень на левое же колено. Но и, затем, вдруг резко что-то вспомнив, а и именно – недавний разговор с ней же, Софией, привстал, смотря теперь с хмуростью и задумчивостью. – Стоп!.. Он же – один! Был. Или... Это он – и есть?.. Это он – и был?!

– «Это», как ты выразился, уже прошло и ушло: если ты, конечно, про *Артема*. А ты – и про него: потому что... *Других-то* – и не было!.. – Хмыкнул темноволосый. – Рассказала – тебе, да?.. Ну, как я и начал, а ты и договорил, да: бывший. Как и... *друг*: моей же все и ненаглядной. Вообще: *обеих* ненаглядных. Как «друг», да так и: парень. Разругались – они. Напрочь!.. Из-за *чего* – не знаю. Ни одна – так и не раскололась, но...

– Эти дни прям – дни открытий!.. Открыт-ых... дверей. Точнее: *вскрытий*. И!.. Не «дверей». А черепных коробок и... нервных систем!.. – Прошипел Егор, тут же ловя на себя ничего не понимающий взгляд рядом же все и сидящего с ним. – Что?.. Тебя удивил – я? Или то, что *ни одна* из них – так тебе ничего и не сказала; пусть и будучи весьма дружны и... в «своем» женском круге-клубе? Готов поспорить: там и Карина – в курсе была. И *есть!*.. Как и всегда, в прочем. *Тут*: ничего нового. Женская с... олидарность!..

– Нет. Ни капли... И!.. *Второе*. Разве что: с Полинкиной стороны. Но и в выборе, между рассказать *мне* и утаить *для* Софы, тоже удивляться, кстати, не приходится: почему вы-

шел – не я. Девочки – должны дружить. И... Все дела. Но и, как я понял, из ее же все и попыток хоть как-то что-то и объяснить, «чисто женское» и... *по-мужски*: они *обе* были – солидарны. Ну!.. В том, что: *он* – мудака. И «разошлись»!.. *Я-то*, к слову, сразу это понял. И да!.. – Развел руками Женя: на насмешливый же все и взгляд друга. – *Без* братской любви и *ненависти* к своему же все полу, в разрезе моей же все и сестры, конечно, не обошлось. Но и Польке же самой – только дай повод: свести кого-то... с кем-то. А тут же еще – и я съехал. Тофи – одна! *С матерью*. Которую... Мы все – *очень* любим!.. И она же нас, в ответ, не меньше. А там: и *больше*!.. Решила – *спасти* так девчонку! Свела!.. Себе же на голову. Огрбла же: от всех!.. До сих пор же – винит себя и извиняется: перед ней...

– Воу-воу!.. – Отставил свой стеклянный бокал, на стеклянный же стол, блондин и сел *прямо* перед ним: левым же боком к камину; и вперив взгляд – ровно. Заставляя того – сбиться с мысли и напрячься: при виде вострепнувшегося; и, как будто, оказавшегося в секунду «на измене» парня. – Полина – *их* познакомила?.. Серьезно?! Ох-ре-неть!.. – И закрыл лицо руками, после чего открыл и с какой-то даже злобой и отвращением взглянул на друга. – В полку «блондинов», за вымаливание прощения, прибыло. И тут уже я – не лучший из худших! А на кой черт – ты ее *к нему* отпустил-то?! Да и... без *себя*. Сдурел?!..

– А что такое?.. Ты *что-то* знаешь? – Отшатнулся от него

сразу же темноволосый и, последовав его примеру, оставил свой бокал. – Она сказала тебе – что-то?.. «Помимо».

– Ну... Не так широко, конечно!.. Собственно, и здесь: ничего не поменялось. Но... Да!.. *Достаточно* узко намекнула, что... Как бы еще и выразиться-то помягче?.. – Наигранно задумался Егор и сжал свои губы большим пальцем правой руки, обращаясь взглядом к потолку. Затем сбросил весь «цирковой номер» – и уставился на «брата» своим же темно-синим прожигающим взглядом, ведя подсчет: «*Море волнуется раз!..*». – *Одна* твоя ненаглядная – подложила *вторую* такую же и твою ненаглядную: под... *этого!*.. И не «мудака», а самого настоящего ублюдка. *Изнасиловал* он ее! *ю* *Повстречался* и бросил, получив свое. Угадай с раза: *что!*.. А после этого – угадай, *что* он может сделать с Полиной, и *делает* уже сейчас, если *те* же самые руки поднимаются: после «невинности». Вполне вероятно, что и на *невинное* же дитя: перейдут!.. Что о ней, что и *ребенке*. Де-тях!

Тут же последовал резкий «пли-в»: просто Женя, в ненужное время и таком же месте, набрал в рот *крайний* глоток алкоголя, чтобы смочить высохшее горло – и выплюнул все это, по итогу, на пол; попав немного – и в камин. Который, еще больше затрещав, разгорелся: от притока *горячительного*; в смеси с дыханием и... воздухом же.

– И *когда* «это» было?!.. – Произнес хрипя уже и затем он, отплевавшись и параллельно же еще утирая рот тыльной стороной своей правой ладони, отставляя вновь и левой же –

«стекло на стекло»: уже окончательно и от греха же подальше; чтобы и не разбить *первое* же и о *второе*, ко всему и... *самому*, метнув во что-либо. А там: и в *кого!*.. *Разбив* уже и именно: об него, нее или их! – Заметь, я, как и ты, уже не имею в виду: само обстоятельство; но и держу на задворках, характеризуя *этим* – все то, что делал этот скот!

– «Вангую», что как раз, как ты и сказал, *после* твоего отъезда. *Скрасил*, так сказать, ее одиночество!.. – Фыркнул блондин, стараясь не сбавлять злости и ярости в голосе, но понурая и сгорбленная фигура того, *напротив*, поотбивала пыл: и дьяволу же не могло привидеться, чего уж там – и «в страшном сне», *что* сейчас чувствовал Женя, узнав все это – от него; так еще и отпустив Полину одну. *Опять*. И снова!.. К тому, кого они *так* маниакально, но и все еще *вместе* же, готовы были уже и разорвать: на пару! И да. Все так же: в разных головах. Зато: и в одинаковом количестве и качестве... *частей*. – Долго они, София с Полиной, общались?.. – Прохрипел он уже чуть тише. – После *этого*?

– Нет... С каждым разом: все реже и реже. Прекратив... и *после* же... совсем.

– София – *затрепалась*, да?.. – Усмехнулся Егор, подбадриваемый и тихим смехом друга, но и куда более истеричным; и пока не до конца еще соображающим: что делать и *как*. Вопрос же «*А надо ли?..*» – уже точно не стоял!.. Но и, решив для начала *сначала* все-таки достучаться до Полины мысленно, облегченно выдохнул, услышав, что: все хорошо.

И тут же – применил «по месту и ко времени же *уже*» все то, что услышал и только же от Егора: на что и девушка же – сразу же «посыпалась» извинениями и прошениями не приезжать за ней, заверив, что все, *действительно*, в порядке; и чтобы он не волновался. Да и она же *все же* – еще и ангел: и, какую-никакую, а *силу* имеет, чтобы и *если же что*, осадить того. Как в принципе. Так и... *как* человека! Ну а пока же, и этого же «если что» нет, все было под ее контролем: стабильно и адекватно; во всяком случае – они общались спокойно. И следом же рассказала – о причине такого ее резкого срыва; и именно к *тому*. Артем – сам позвонил ей и рассказал, что приходила София, но и, спустя где-то полчаса-час, ушла. Не совсем пьяная!.. Но и не совсем трезвая. Под «градусом». И, видимо, уже направлялась домой. Собственно, поэтому-то, по большей части, она и попросила его: не уезжать, чтобы уже он и сообщил ей, если и *все же* к ним, когда она вернется; или же она сама пойдет «по ее следу», начав от бара, в котором смена того еще шла. Ну, и передав затем все это уже и самому Егору, грузно выдохнул, сжав свои волосы в двух кулаках и взыв: – Я потерял ее, Егор? Скажи только: честно! Пожалуйста. Чисто, вот, *твое* мнение!

– Жень!.. – Рывкнул тот, не столько и понимая, от чего *именно* сорвался, сколько и, действительно, не зная: за что, а там и *кого* – хвататься... в этот самый момент; и уже только лишь после этого – *как* реагировать: на это же все. Так

еще и тут же стараясь сделать все, возможное и *не*, для того, чтобы *это*: не было – чье-либо тело. Не *здесь!*.. И да. Именно «тело», бездыханное и... по кускам. И, сразу же стряхнув это наваждение, как и темную дымку со своих глаз, прикрыл их и сделал глубокий вдох, затем такой же глубокий выдох!.. Нужно было верно, если уж и пока не *правильно*, не для него, распределить проблемы, как их, так и их же *порядок*: по мере их же поступления и... в порядке же «живости»; ведь, и тут же одновременно, *наличия* на момент. Пока же, вот, «под рукой» – был Женя, которого *нужно* было: хоть и как-то успокоить, приведя в чувства; и пусть даже воспользовавшись «тактикой свечи», горящей... с *двух* концов. Да!.. «Подгорало» – у обоих! Но и нужно было – сдерживать это и облегчить, *на пару*: успокоить в одном, чтобы успокоиться затем и самому. И да, это довольно% эгоистично!.. Но и другого же в голову – пока не шло. Изначально же: не приходило. Поэтому!.. Для начала же – следовало все-таки постараться и *спокойно* вернуться в разговор, ведь тот и продолжал что-то говорить, даже и не замечая замешательства другого, оперев свой взгляд в ковер, а когда уже и сам же он подал хоть и какой-то уже «признак жизни», в виде очередного же набора воздуха, чтобы что-то сказать, обратил на него свое внимание: – ...но и надо отдать ей все же должное, правда? Не сдастся же!.. Пусть – и идет по стопам: Влада! «Убивается»... невесть как. Невесть *чем* и... кем. Но: «идет»!.. Не останавливается. *Живет!*.. Хотя... Буквально каждый *блин*,

первый и... каждый же за-тем, из них, «комом»!.. – Прыснул со смеху Женя, тут же и отрицательно качая головой. – Для нее и... Для нас! «Будет – лучше...». «Все»!.. «Все будет хорошо...». «Все»!.. И как ведь *удачно* оказалось, что и тут же, «ныне», и *искать-то* – никого не надо. «Сводить»!.. А там, в прошлом-то, да и не надо было. В целом!.. *Сам* – нарисовался... Не сотрешь. *Ты!*.. – Повисла неловкая пауза. Да уж!.. «Работа» предстояла – не из легких. Егору же. Соединить прошлую, сказанную еще им же и ему фразу, после которой он и «выпал», уйдя в себя, и нынешние же уже фразы, закончившиеся... с-им. А что уж говорить и за то, что, начав Софией, Женя же – и *закончил* им же, Егором: ведь и такая интерпретация, «за здоровье и тут же за упокой», не то, что не понравилась последнему; а и вообще даже – не воспринялась. *Никак!*.. *Будто* и неправильно же соединенные фразы... в одном предложении: с двух же частей доски – в ее же середине. Не тем и апострофом!.. Да и на совершенно другом, *ином* языке. Где и не то, что смысл – был таким же: *другим* и... иным. Его вообще, целиком же и полностью, не было!.. Так еще и эмоция, с которой были произнесены последние же фразы, учитывая же еще и то, что как «пара» – они и не были представлены еще никому: Женя будто бы и уже воспринял это – на свой счет. И... «Осветил» же это – каким-то *своим* пренебрежением: а даже и «тем более» – отвращением. Что и Егору же – вдвойне не понравилось: и на что он даже сморщился, уловив этот... непонят-

ный и бессмысленный, «нелогичный»; но и откуда-то все же взявшийся к «ним» – негатив. Но и тут же, все же, решил подождать: вдруг и *все-таки* же, находясь на разных *волнах*, пусть и на одном еще пока «нервяке», они просто не поняли друг друга; как, и словно бы, оставив и отставив «смайлы», в той же все и переписке, решив общаться «без эмоций», особо остро сейчас воспринимали – всякого же рода «знаки», будь то вопросительный или восклицательный, как сказанное на «повышенных» тонах. – Да что я, не понимаю, что ли?.. – Усмехнулся вдруг Женя, хлопнув Егора по его правому же плечу своей левой рукой, вводя его, тем самым, в еще больший невроз и непонимание: всем и сразу; как и *всего* же и сразу. – *Понимаю!*.. Только debil не ждал, да и не делал ставки, на «вас». Да-да!.. С подписью: «Когда же уже эта вся “их” *хренотень* – обретет из себя что-то: дельное, удовлетворительное; если уж и не *удобоваримое?!*». Хоть и какой-то уже: вид. Но и при этом же всем – стоящий и достойный... *моей* же сестры!.. Не *худший* вариант, согласись!.. Я-то же, вот, *согласен!* – И тут-то уже у блондина – отлегло. И, выдохнув, наконец, спокойно через нос; *будто* и «паром», не без помощи Жени же, но и уже не «своим» дымом, как огнедышащий дракон, оставив его, как и сам же огонь, пока при себе, пусть и буквально на последних секундах; продолжил слушать и *слышать* же дальше этого *кальянного нимбоносца* и «дарителя». – Я же – *дольше* и *дальше*, «глубже»: *тебя* знаю. Да и *больше* – твоего же. Собственно, как: и *ее*. И

втыкаю!.. Тот паренек... «Смазливая рожа»!.. – Сгримасничал темноволосый, подзадориваемый смехом уже и друга. – И мизинца же ее – не стоил! Чего она – с ним?.. Чего: *он?* Почему?!.. Зачем? Да и *на...* «Ухаживал»! И *да*. Провожал и встречал!.. *И да*, в ногах же чуть ли и не ползал... И еще куча – всяких розовых слюней и соплей... *его*. Но... Блин!.. Как будто и *ей* же это было – нужно. *Надо* же прям – до дрожи! И... Усрачки. *Не* было!.. *Не такая* – она!.. Вообще. И... Ни разу! И что бы там Полина ни говорила: какие девушки – непостоянные и привередливые. *Другое* же – что-то было!.. Ха. Если бы не знал, что он *человек*, подумал бы, что – ангел... или демон. Ну!.. Не могло *обычное* существо и *так...* очаровать, что ли. Не могло! А она: *именно* была – такой. Очарованной и за-чарованной!..

– *Могло*, почему нет?.. – Злорадно ухмыльнулся Егор. – Тот мишка-то – от него был; и есть! С этой чертовой же подушкой: с лепестками... засохших роз! Точнее: *как* – от него; через *вторые* руки. Изначально же все же – от Розы. С *маминой любовью*, чтоб ее!..

– Хочешь сказать!.. Как Полина – Софию. Так и Роза – Артема? Подл... *Под* нее?!

– Не буди во мне – зверя, чувак, серьезно!.. – Клацнул зубами блондин, предостерегая. – Если я на что-то и годен сейчас, и *готов*, это явно: не на продолжение *этой* темы. Не знаю, как ты, а меня уже *не* тянет себя сдерживать, а *тянет* воплощать!.. А лучше: прибить. Без суда и следствия! *Обо-*

их. Розу и... Артема. А тех двух – заныкать так далеко и надолго, чтобы нам самим было трудно их потом найти; но и только, чтобы их больше никуда и ни к кому, ни за чем не носило – без нашего контроля и присутствия!..

– Спокойно!.. – Выставил руки перед собой и ним Женя, будто бы и *так* можно было *хоть кого-то* остановить, а и *тем более* Егора же: буквально и напряженного, *готового* в любой момент сорваться; и если не через окно, то через двери, выпустив и по пути же все пару душ из таких же «незнакомых» костей: и *если* только «пару»! – Не думаю, что это – *так* действует. Что – скрывает сны; *да*. Сознательное и бессознательное: в купе. Но!.. Как *афродизиак*? Вряд ли, брат!.. Все-таки... *Первая* влюбленность! Просто мы с тобой – уже слишком старые, как для *этого* дерьма, так и... в принципе, да-к еще и чтобы помнить свою. Первую и... «Единственную». Черт!.. *Рождение* бы – вспомнить! – И блондин хохотнул, после чего утвердительно кивнул: но и все же – промолчал; пока и Женя же сам вновь взял свой бокал в правую руку, левую же уложив на такое же свое колено, и сделал глоток. – Как очаровалась – так и раз-очаровалась. Чего уж: теперь?.. Как началось же – так и закончилось, *все-не-все* же, в один: «щелк». Но и что примечательно!.. – И тут же сощурился, куда более серьезно взглянув на друга. – Сколько ни листал ее записи – ничего по нему не нашел. Ни строчки – про него!.. *Как?* Может... Где-то – в квартире и... в старых записях? Может, и этот... *запах* же: все «съел». Хотя... На

вряд ли!.. *Такой* же еще и «кусок»: жизни. Или он и *сам* уже – ликвидировал все: о себе. Или *Роза!*.. Но. И *опять же*... Знать бы всю подноготную – этого *вида* цветов. В плане!.. Не только – для демонов, но и для ангелов. Тут же: *как* еще!.. Мало того, что и «мученика» второго – нет. Так и, на тот же все момент, ангелов по близости – не было, чтобы понять: реакцию и последствия. Мы ж все, как один, *темными* были. А *отец* – и не сходил оттуда. Были – люди, да. *Мы!*.. Вдруг, с ангелами: иначе. Точнее: *точно* иначе. Но и знать бы: *как*.

– Нет смысла – отметить что-либо, как и *кого-либо*, так как... Ни подтвердить, ни опровергнуть это-их: мы не с-можем. По крайней мере: сейчас. Но!.. Если не *возбудитель* и не «стиратель»... То и, вполне возможно, что и *Роза* сама же – могла избавиться от прошлых записей: как ты и сказал. Или... Уже и *сама* же: *София*. Из-за нее, *нет* ли... Могла же – и оставить все это: в своей голове; без *письменно* оформления!.. – Задумался Егор, возвращая уже и свой бокал, только уже и в левую руку, вслед же за «братом»; и тут же – «зеркала» его. И, сделав глоток янтарной жидкости, прокрутил сосуд перед собой, смотря на светло-коричневые «горяще-горючие» волны, *бьющиеся* о стекло: на фоне огня. – Если он был у нее – первым... А он им и был, *как* бы там и то ни было!.. И с какими бы то ни было существами-сущностями-сучностями же: внутри. Вряд ли *там* было хоть что-то: о чем стоило бы, и *ей* же все хотелось бы самой, написать. Как и впускать же его к себе, *выпуская* и из себя, повторно!..

В квартиру и... комнату. *Дневник!*.. Запирая – уже; и *навсегда*. И я – не про опыт сейчас; как и *какие-либо* «умения». В принципе! «Девочка»... Одна. «Один на один»: с этим. Без отца... *С матерью!*.. Но и, как бы, тоже же: *без!* «С Кариной»... Окей. Которая... Ну... *Тогда: такое!*.. – И сморщился, когда же и Женя только усмехнулся, отрицательно покачав головой на это. – *Ладно тебе. Согласись!*.. Вряд ли же могла и чем-то хоть подсобрать, как-то и помочь... *в этом*; подсказать!.. Тем более. *Полина*. Пятьдесят на пятьдесят... Потом – и *вовсе*: в ноль. *Но!*.. Да. Остается *пока*: она. Та, что и «свела»: как ты выразился. Она – и *взрослее*. *Опытнее*, ко всему!.. Она – *знает*. Он-и: *знают!*.. Теперь – и *мы*. *Но*. До этого момента – им и «себя» было достаточно. *Знают* и «где» косякнули!.. И *что* к чему, по итогу, приведет и, о не сюрприз-сюрприз, «привело». К *нехорошему!*.. Плохому и... *Ужасному!* Не «худшему». Да... И все же. Вот – и молчат. *Не* пишут! Не пиш-ет... – и, грузно выдохнув, поджал губы. – То, что *даже* «словами» – не вылилось. В строчки; и меж. Прикинь, *как* ее накрыло!.. *Представь* только. Если и все, кроме лишь этого, она «изливалась». То *есть!*.. Эмоций и чувств, ощущений – там было: «с горкой» и... *куда* больше. Не имея же еще и возможности – выразиться и *найтись*: на просторах ежедневника. Или все-таки – *нашлось*, но и тут же: само-ликвидировалось. Опять же, *что* там такое могло быть? Да и *такое* же, опять же все, сильное и мощное?.. *Дальнее* и *долгое*, *глубокое?*.. *Большое* и «*болочее*»...

Черное и... «грязное». *Темное*... Мерзкое и... истязующее. *Настолько!*.. И, только возможно, *до сих пор*. Что и все же, после этого же и написанное, она оставляла. А до и это же самое – нет!

– Ну... Как бы *там и то* же все ни было!.. – Решился-таки подвести же черту темноволосый, скривившись: *надо*; а *иначе* – «должно». – А пацан – наворотил и из-воротил ей душу *так*, видать, что и он же все, как был «первым»: так *им* и остался. *Безумно* и... бездумно! Что сначала, что и... с *конца*. «*Крайним*», м!.. Да оно – и понятно! – Тут же и фыркнул, разведя руками, чуть было и не пролив жидкость из бокала, но и все же сдержался, как и *сдержал* широту своего же жеста; не сдержав только свое тлеющее же дерево с травами, и ладно. – Кто захочет – после такого, да и *вообще*, хоть: с кем. Без обид!.. – И сразу же отрицательно смахнул головой, вспомнив-таки о Егоре, но и уже в *другом* разрезе: его же игл; *перескочив* с «массажно-лечебного ковра» на них. На что и тот уже положительно, хоть и все еще задумчиво кивнул, понимая; да и «принимая» – *как* будет тяжело, но и он же: не из *слабых*. – Вернутся, одна *мелочь* и вторая, обеих – к стенке прижму; и всю дурь выбью. Хватит ходить: вокруг да около!.. *Правду* – значит: всю. И из *всех* же углов, граней... и закровов: выметать нахрен! Ничего!.. Что *уже*, да?.. Таблеточки – попьем... Нервишки – подлечим!.. Если уж и *совсем* все – прямо-таки; и *херово*.

– *Все!*.. Все *таблеточки* – попьем, чую! – Процедил

сквозь зубы блондин, сощурившись. – Но и давай соблюдать – прейскурант: по поступлению *проблем*. А не «джентльменские штучки!» *Девочек* – пропустим: *только* после «мальчика-зайчика». И *не* всех!.. Как положено и... По «положению» же. У Полинэ – льготы. Ей – скостить: положено. А вот... *другой!*.. И надбавить, *набросить* бы – не помешало. За *все!*.. Да. Если у нее верхняя *точка* не горит, фитилек, то и *будет* – нижняя!.. Надо ж – так, а! – И хрипло рассмеялся, нервно оправив свои светлые пряди назад: зачесав их правой рукой. – Все явки и пароли сдать – и уйти в... *туман*. *Ежик*, блять!.. Ежик-и. *Об-е!*.. Ладно еще одна хоть – сигнал подала. *Тот* еще: маяк и к бедствию!.. Что *так*: с твоей? И *не* так: с моей, м?

– Тогда уж: с *нашей!*.. И во *втором* же все случае! – Хмыкнул Женя и нахмурился, учуяв и *уже* что-то неладное, и «пустил нос по ветру», отставляя сразу же и обратно бокал на стол и даже уже и приподнимаясь с дивана: под вопросительным, хоть и пока еще немым, взглядом Егора. – Не знаю, *как* и у Софии, а у нас и *уже* что-то горит... наверняка. Чувствуешь?... Гарью – пахнуло. *Ярче* – моей. Да и... Со «второго», походу!..

– Влад!.. – Рывкнул Егор и, перепрыгнув через диван, вырубил в один свой жест музыку и свет, врубая, за место и так же тут же: стандартно-стационарный; поднимая, тем самым, общий гул, но и в моменте – его же и гася-опуская, бросив чуть ли и не на каждого злобный темно-синий взгляд. – Го-

ворил же: не пускать на второй этаж!.. Места ему – мало. Что они там жгут?!..

– Ничего!.. А?.. – И как только взгляд рыжего, стоявшего у стены и близ прихожей, метнулся на второй этаж – сразу же и застыл; обращая и остальных – вслед же за ним. А посмотреть – *действительно* было: на что. А и точнее все: на *кого!*.. По лестнице же и вниз, со второго на первый, спускалась... *София*: в том же одеянии, что и уехала в университет; так еще и держа перед собой, «без рук», но и *серым же дымом*, «свою» же картину, «сгорающую» из середины полотна и расходясь белым, а где-то даже и *черным* пламенем, в общей сумме же – *черно-белыми* же всполохами по краям. «Тлея» же!.. Буквально. Хоть и без огня. И... *Солнцем*. «Черным» солнцем. Расходясь же и его – белыми лучами. Ну а когда, и спустилась же, с последней ступени – сняла с рамы таки «платок»; и со всей силы – швырнула холст в камин. За ним – последовали: и остальные. И, после чего, отряхнув руки, будто *ничего и не было*, а это все – всего лишь *пыль*, брюнетка развернулась на пятках кроссовок ко всем и... *мил*о улыбнулась. – И давно ты себя Гоголем в юбке возомнила, а, «серая м... ораль»?!.. – процедил сквозь зубы Влад.

– Оу!.. – Склонила она голову к своему левому плечу и ослабилась. – *Какие* отсылки для «бармена»... с опытом *притона!*.. Причем: как с *нужной* приставкой, так и без... «р». А еще: и зрения!.. *Юбку* видишь – на мне? – *Рыкнула* она и раскинула руки по сторонам. – Продолжаешь прини-

мать; так и *сбывать* – начал? И не стыдно тебе – людей и *не*, «других»: травить? Смешивать – не то, что они хотят. И вообще: смешивать – *без* их ведома. Так еще и, чего хуже, под-мешивать!.. Подсаживая их – на всякого рода вещества?

– Соф... – Начал было Женя, но и тут же был остановлен ее же жестом, поднятой левой рукой и таким же указательным пальцем, призывающим к тишине и молчанию.

– *Это – не она, Жек!*.. – Влетело затем же и в его голову: двумя голосами парней.

Следом за чем Егор уже переглянулся и с Владом – и понял, что они оба «солидарны»: относительно гости. Как внутренне, так и внешне!.. Руки же и обоих – были сцеплены в кулаки. Как и мышцы, по всем же частям тел и таким же направлениям, были напряжены и перекатывались под кожей... Чуть сгорбленные и сутуленные, но и две же, *вместе*, фигуры по стойке «*Смирно!*..»: были уже и готовы к прыжку, но и все еще чего-то выжидали; пока и желваки, прямо-таки и исполосовавшие кожу их лиц, по острым скулам и сжатым же челюстям, отсчитывали последние, не *крайние* уже, секунды.

– Анна?.. – «Включился» уже и сам темноволосый. – *Или все же... «Тен»?*

– *Ребят!.. Ребят. Есть идея!*.. – Усмехнулся Влад. – *Как насчет?.. Не палить пока ее контору нашим же «знанием», а подыграть ей? Чисто... По приколу. Не могла же она, «с ничего», себя так назвать?..*

– «Для» Софи?.. Нет! А для «нас»? Могла! Как два пальца!.. – Фыркнул Егор.

– А вдруг: нет? Я имею ввиду... Мог же произойти: и сбой. Или «отлаженность». Незавершенность, в конце концов!.. Как и во все прошлые же разы. Кто косякнул однажды – косячит и... всегда. Разве нет?.. Да и речь же – не о нас, а о... Ро-зе! – «Покривлял» интонацией ее имя рыжий. – Тем более: это – первый раз, когда и что-то подобное же вообще... произошло. В натуре и... «Так» же натурально! Да и с нами!.. Просто: ради интереса. Все равно – прижимать и узнавать. Так и начнем: с легенды!..

– Влад, у нас София – хрен знает где!.. – Проворчал блондин: вроде бы и простые... для него, но и такие, видимо же и все же, «сложные» истины; для его же брата. – А и точнее... Раз «эта» – здесь: уже и не «хрен знает», а «где»... Ро-за же. А «где» – и «она» уже знает!.. «Знает» – именно; и где!

– Так – и узнаем «и» у нее: заодно!.. – Гнул до последнего свою точку зрения и линию Влад, не посыпая голову пеплом, зато и своей влажной и разрыхленной землей – «удобряя» знатно. – С Софии ж тела – сошла! Куда и проверенней источник, пусть и не перво-, но и нежели наши попытки: искать самим; зная – что и кого, и но не зная – где!..

– Это, сейчас же все и здесь, был тонкий намек для всех: не знавших, и до этого, жизни зависимой; не считая «влюбленно-любовную»!.. – И взгляд ее темно-карих глаз – пал на рыжего: под его же все и хмык, больше смахивающий на

рык. – И *жирный*, для знавших и «знающих»... до сих пор! – Затем – и на Егора, получив *почти* ту же реакция: только еще – и с почерневшими глазами. На что уже и Влад, заметив это, отрицательно мотнул головой: «*Не сейчас!..*». – На выход!.. С вещами или... *без*: это уже – как сами же решите, и распорядитесь ими. Но, и если же все же, оставите – Владик вас отблагодарит: ментально; послав вам лучи счастья и плюсики в карму – за те деньги, что он выручит и вернет своему... так сказать... *широко известному в узких кругах*. Кто понял – тот понял!

И, пока «сборище» мало-помалу, но и просачивалось же, как речушка, в узкое устье же проема двери, чтобы *вы-пасть* в подъезд, девушка не сводила взгляда с него, в общем и них же всех, в частности; «подтирая» же еще, по его и их же все и ходу, нужное ей и одновременно *ненужное* им, *людям*; «другим» – и дела же не было: кто, почему и зачем. И, как только же и за последним захлопнулась дверь, подпрыгнула и, растворившись, тут же оказалась у противоположной стены-окон – напротив уже и появившегося на ее же месте Егора. Затем – еще раз!.. И *еще*. Она – еще просчитывала его; когда он же и ее – *уже* нет. И что, хоть и задевало его, но и так же все: слегка. Чтобы просочиться гордости, за ее же все и умения, не «отжившие» свое... *от него* – этого было явно недостаточно! «Недостаточно», чтобы забыть: что последовало за этим же все и «проникновением» в него – *после*. Да и во *что* вылилось же, по итогу. Как с ней. Так и *без* нее...

И не на нее. А на Софию!.. Ее-то *еще*, да, он мог просчитать, пускай и не всегда, как и сегодня же все, например, но и это же уже *точно* и была именно та и «гордость», которую *стало* испытывать; и греть ею же душу. Заставив, хоть и после, но и *гореть* ею – ее же уши и... *иные* места. «Гордость» – гордостью, а это было, по меньшей мере, глупо. *Тупо!*.. А и по большей: безответственно. Но и нужно было – держаться за положительное. И да. Не истинное и чистое. Но... *Пока*. И... *Что-то!*.. *С чем-то*. Держать себя – в руках. Чтобы не растерять последние: самообладание, адекватность и рассудок. Равно, как и не показать это – ей: как в принципе, так и в общем. Свою «нынешнюю» же слабость, которой уже и *эта* – могла воспользоваться: и достаточно легко. Не сделав это ранее, и в ней, с *той*, но и поняв все же это и приняв: сейчас. Банально: прочитав же все и в нем – как и *насколько*... все далеко и долго, глубоко зашло. И сделать уже – после; и при встрече. *Если* они будут: эти «после» и... «при встрече». А там и «встречи» же, в принципе! Как и их: *его* и... ее. Но и это же будет – *потом*. А пока – придется серьезно постараться и попотеть, как и он уже сам и понял-принял, на котором уже по счету и кругу: что либо что-то *не* так стало и с ним, либо *так* – и с ней; и что не радовало – ни в одном из вариантов. Ведь, и как видно уже, она каким-то и прямо *мистическим* же образом, спустя знатную передышку в шахматном с ним же все и спарринге, могла и с-могла подтянуть себя: с *кем-то* другим. *Никакой*: ревности. Толь-

ко – *фак-ты!*.. Создав же, и его же руками, в том числе, себя, как монстра: окончательно и бесповоротно. И хоть второй вариант все так же не радовал, но и, как ни странно, *не*, подходил куда больше. Ведь, и когда, в игру вступил Женя, она уже *могла* и держала их обоих – в поле своего зрения: не пуская и не допуская же к себе; и до *себя*. И только когда подключился Влад – все вернулось на круги своя. А именно: к силе; в которой она была еще чуточку, но *слаба*. Плюс, ко всему, недавно же еще и вернувшись; и не успев, как адаптироваться и притереться, так и *напитаться*: будучи слабее его – точно!

– Хватит рассусоливать!.. – Рывкнул он, прижав-таки девушку к стене и за шею же своей правой рукой; левой же – ударив по *второй*, рядом с головой «первой» же. – *Что*, мать твою, сейчас произошло?!.. Почему ты себя *так* ведешь? И что за чушь – с напитками?!.. Да, я *мешал!* Но и не при-мешивал...

– Бедняжка, *Владик!*.. – Надула губы она и положила свою правую ладонь на его левую щеку; левой же – схватившись за его на своей шее: от чего он сразу же дернулся и отстранился, как и Егор. Но, и если же первый, от контраста температур, а и точнее – его же и *отсутствия*, от «равной» и... одной температуры же с ним, успев-таки немного, но и привыкнуть, *все-таки*, к его же и наличию... в *этом* теле; пусть уже и «другом». То второй – от неприязни, прошлых ощущений... от воспоминаний-размышлений на *эту* же самую

тему: в настоящем. – Из *него* бармен – не вышел! Причем: как и не «вошел». А из Артема – вышел; и *вошел!*.. – Тут уже передернуло и Женю – снаряд попал по цели: под гортанный и раскатистый же ее смех... с перченой кислотой. – *Двойко, да?..* Знаете – его?

– *Да че ж вы палитесь-то?!..* – Негодовал рыжий.

– *Закройся, Влад!..* – Рыкнул Егор. – *Если что – тут есть: кому бить по «болевым»; и без твоего хладнокровия и наплевательского отношения... ко всему! Жень...*

– *Мы же про одного – «Артема», да?..* – Влился и названный, не придавая пока тому значения: хотя, и на деле, лишь стараясь, и пока же все – отложить это; и вернуться к насущному. – *Стоп!.. В смысле: палитесь? Ты – подслушивал нас; или был уже в курсах?*

– *И подслушивал. И... Да «на все», короче!.. Да. Я знал – его: еще до вас и... вашего же «знания» о нем. Прости, Жендос!.. Но Егор – был ближе к истине; и к «заметанию следов»: по части же все; и ежедневников. «Дневников»!.. Как ни крути, а что касается «цветов», как и весьма «нарицательного и нескромного имени», все – к одной; и все – по ней. Этот... траходром на ножках!.. Да простят меня: все и вся, всё. «Посыльный»: ее же величества и... этой; с самого же начала и карьеры же «последней». Да и там же еще – и папа: дельный. Пацан – «в центре» живет, эй!.. Человек. В свои двадцать пять... Отмазали – его!.. «Сверху». «Там» же – восседает: и его же ангел-хранитель, блять!.. «Де-*

мон», точнее! И «хоронитель»... Невезучая – Аннушка, совершенно!.. А история – «грязная». Через него же – не только девушки «ходили»... тогда. Хотя, думаю, и «до сих пор»!.. Соте он. Он же еще сам – «половинчатый»: «оставил» – человека, а «чердак» его худой был – еще и... тогда; свистел же изначально. А теперь уж – и совсем съеха-ухал!..

– А история начала обретать – новые краски!.. – Прервал его уже и сам заинтересованно блондин. – Обрастать и смыслом! Очертаниями и... фактически; даже и объемом! К Софии же, получается, или и все жертвы – этого уroda. Эт-их урод-ов!.. За этот, как и прошлые, поза-прошлые года! По «связке жертв» и... С ублюдком же!.. – И скривился, сплюнув своей же солью... с ядом слов же: про себя. – А мишка – все это «сушил», буквально, в высушенных же лепестках! Все они – были: на ее же коже. А она – и не знала о них: совсем!.. Даже, а там и «тем более»: не догадывалась...

– «Новые», да, как и «старые»... – продолжил мысль за ним Женя, заинтересовавшись и задумавшись не меньше. – Все, видать, в ней-то... все же это время... и были. В «подушке»!.. А до этого – в каком-нибудь чулане или... кладовой; в квартире! «Лепестками». И «на коже»... И так. Рядом и... «Постоянно»! Днем и ночью.

– Ну и теперь-то, вот, не «на ней»!.. – Резюмировал Влад и злорадно рассмеялся. – Кто первый – на «скальп»?..

– ...Ну ничего!.. – Продолжала распыляться и язвить брюнетка. – Ты же знаешь, что у тебя – лучше всего: получает-

ся? Вообще: «получается»! Вот, к этому – и вернись... *Ни-че-му!*

– Да что ты такое несешь-то, черт подери?!.. – «Продолжал» кричать рыжий. – Зачем картину сожгла?.. Да еще и при всех. С ума сошла?!.. Нам же запрещено – это делать. при людях. Пусть и не «всех»... Да. Но... *Так* массово! Да, ты стерла им память... *Но*. Опять же!.. *Как?* Всем и... *Так* быстро. «Непризнанный гений»? «Индиго»?! А, да!.. Ты же – прин-цес-са. Забываю, да!.. Забываю-сь... *Забыл!*.. «К сожалению»: вспомнил. Прошу прощения, ваше высочество!.. Или *уже* и «величество»?!

– М-мм... – сладко протянула девушка, на миг поднеся свою левую руку к губам, кончиками пальцев: явив, между тем, и единственный же «чистый» участок кожи на ней – ладонь. И тут уже – перекосило, тех самых же все и двоих, *одновременно!*.. И, пока Егор вновь переглядывался-переговаривался с Владом, Женя «переместился» к столу и вывел ноутбук Никиты из «спящего режима» на одной из страниц Софьиных записей: начав бегать своим болотным взглядом по строчкам, где она как раз и описывала статью «про перемещение душ *посредством* тату и *реинкарнацию* их в мире»; с *ответвлением* еще и в то – как именно «тринадцать жертв» *слагают* «лестницу в небо»: на *чем* заканчивается и тут же *чем начинается* же все одновременно; до *полного* перенесения – дотошно, так и до *части* тела и *элементов*. Ему это еще ранее показалось занятым, а и сейчас еще и здесь – заста-

вило задуматься и при-задуматься: что он остановился даже и читать – на этом самом моменте; а и теперь – вновь поглощал информацию, буквально же и впитывая ее, как губка, открывая с каждой строчкой, да и уже с и на *практике* же, новый и истинный же смысл того, что так и не дочитал, а и ныне же – читал «с упоением»: сравнивая же и уже все это – с имеющимся же объектом *су*... бъекта и листами, «сканами», которые передала ему еще и сама же София. После чего – взял в руки ноутбук и подошел уже с ним к Егору, указывая на строки, а затем и на девушку: преимущественно – на ее же руку; и снова – на монитор. Тот – тут же отвлекся от «глядделок» с рыжим и перевел свой синий взгляд туда, куда указывал друг и заморожено уставился в представленное: этого «подпункта», как *приписки*, не значилось по документу, что был и у каждого из них; будь то бумажный или электронный формат; но и, *как будто*, должен был быть, ведь и вполне логично «вытекал», подытоживал все и вся, всех. Вот только, если и ранее, эти две статьи – разнились между собой, то и вот уже, и в случае же Розы и с Роз-ой, они объединялись в одну и... одно: являя собой ни что иное, как *стрельбище, двух зайцев и... один выстрел*: – *Влад!.. Это все же пока: «Тен»!* – Обратился к нему вновь Егор. – *Точнее: Анна! Но. Не «вся»!.. Не полностью и... Не со всеми «своими» же воспоминаниями. Мы спугнули Розу и... Она – не успела... Не успела: закончить!.. Ты был – прав! Скорее всего: эту – уже ищут. Постарайся, «по возможности», вывезти все это – с*

живым выхлопом, okay?.. – ...Это «кровавое месиво» – ей не принадлежит!.. Как и вам. И никогда: не принадлежало! Она не имела права – ее «рисовать»: без моего разрешения!.. Да-к еще и инициалы свои – ставить, мерзавка! Не говоря уже и про мои же мысли, что присвоила!.. Да, не спорю, она умеет складывать их в строчки; и компоновать – в абзацы. Но это – я. Это все – я!.. Только там, где она человек, «она»! Она же – человек!.. Даже будучи ангелом и демоном: она, сука, «чело-век»! – Истерично рассмеялась девушка. – «Трио»! Этакий... «тройничок»: в одном теле. «Принцесса», ага!.. Еще: и принцесса! На горошине... Чтоб ее. «Четверо»!.. Да как – так-то?! Кто дал ей – это право?!.. Она же его – не заслужила! Не заслужила!..

– А ну-ка!.. – Не отрываясь от нее, Влад «постучался» в сознание Егора и через него уже, после разрешения, окунулся взглядом в то, что прочли оба до него, словив даже и толику гордости за себя и свою такую, *ту еще*, сообразительность, что и даже ослабил хватку, а после – и вовсе отпустил: заставив девушку всем своим весом просто рухнуть на пол и болезненно простонать. – Ты – тяжелая, *кукла!* Посиди – на полу и в углу, пока я закончу с техникой; а после – вернусь к тебе, дорогой же сердцу... *игрушечный пластик.*

На что уже и она – ничего не ответила, только ощупала и до этого же все место сдавливания на шее, размяла ее и, кое-как поднявшись, все же подошла к нему со спины, оправляя волосы; и после чего уже – и в меру же помятую о стену, но

и все же, одежду.

– Хм!.. – Сощурилась она, ткнув *своим* бежевым ноготком, указательного пальца правой руки, в экран. – А этого – я уже не помню. Не *со мной*, видать, было... И плевать! – И, в один же взмах той же, но уже и всей рукой, по направлению же назад, буквально и заставила же ту же самую все и *технику* влететь в ту же стену, к которой была прижата и она же сама, чуть ранее: разбиваясь-разлетаясь на части и осколками же их осыпаясь на пол, тут же и рассыпаясь ими еще и по ковру. А еще говорят, что и дыма без огня не бывает!.. Скорее: наоборот; и *бывает*. – Упс!.. – Пожала плечами она и вновь развела руками, делая виноватое выражение лица, но и не чувствуя ее совсем; как и жалость, сожаление и... скорбь. – Случайно получилось! – А чтоб уж и «наверняка» – подняла всю эту металло-пластиковую массу и запустила ее к догорающей картине в камин. – *Дважды*.

– *Тен!*.. – Рывкнул Егор – и девушка впала в ступор. Будто бы и остолбенела, приросла к ковру!.. Вот только и, просто-яв так с пару минут, вновь широко улыбнулась и, развернувшись, сделала шаг к нему. Затем – еще *один*. И еще!.. Так еще, и на каждый свой же шаг, она же и сама, как и *ее* же одежда, так же *словно бы* и осыпались на пол, растворяясь в *серой* же дымке. Пока и *она* же уже сама – все больше и больше: «чернела»!.. Пока и вовсе же ни осталась в «тотал-черном», сплошь и рядом же, одеянии: из шелка и... *без* рукавов. С открытыми, почти и до пупка, пуговицами рубашки,

с вырезом на спине и до самой же все поясницы, кожаными шортами, если их, и можно было, конечно, так назвать, из-за слишком короткой и тут же высокой в талии посадки длины, так еще и что были же заправлены в замшевые ботфорты до колен, на высокой и узкой шпильке, с завязками по всей длине. В то же время, как и по всей же поверхности левой стороны ее тела – шла «выемка» и некая *выезка*, с сеткой же внутри, *для* «тату»: без перемычек и каких-либо «мостиков» – в виде частей нижнего белья; которые бы только мешали – «целостности картинке»; но и что, само же собой и за себя же, наталкивало на его же *отсутствие*... полностью!.. Поправив же, на- и тут же *под* конец же, уже и *свои* темные волосы, забранные в высоко посаженный же хвост, она подошла к нему впритык и склонила голову к своему же правому плечу, спрятав левую руку в передний карман шорт, а правой – коснувшись уже и *его* левой щеки: – А ты мне даже нравился... – и большой палец, с черным длинным ногтем, прошелся по мелкой, но и осязаемой его щетине, заставив ее хозяина же тут же напрячься и с отвращением скинуть ее руку с себя. – Черт!.. Я ж *за* тебя была – все это время, прикинь! *За единственного*, из всего этого сброда. Влад бы – тоже, конечно, подошел... *подошел* бы он раньше. – Тут – резануло слух уже у обоих: не столько и из-за несостыковки фактов, неполной ее еще и пока памяти, сколько пренебрежительного отношения; сверх того, что и было же раньше. Ее, *будто бы* еще, и «перекодировали» же – на *нужный* лад. И глупо

было спрашивать: *кто!*.. Ведь и, как и со «стратегиями наперед», пусть и не шахматными, но и, правда, *Роза* училась – на ошибках. Всех. Без исключения! – Но... И слава же дьяволу!.. Да. Это произошло – сейчас, а не *тогда!* Я бы упустила *такую* птицу: из-за него. «Журавля»!..

– М-хм. *В небе!*.. И «упустила»! – Хмыкнул блондин, изъясв ее вторую руку и, соединив их вместе одной своей правой, придержал так: держа крепко и предотвращая последующие попытки коснуться его; левой же – сжал горло. – А ты мне: *не нрави-шься!*..

– Да?.. – *Будто бы* и обиделась она; раскрыв свои темно-карие глаза шире, «затемненные» еще и черными тенями же поверх век и черной тушью, с темным же карандашом, по ресницам и бровям, впалые же ее щеки и скулы – были выделены темно-бордовыми румянами, высветляя и без того – ее светлую же кожу и утончая суженый подбородок; но и тут же хитро оскалилась, пройдясь языком по темно-бордовым губам, смочив их слегка слюной, отдающей и буквально же все сейчас – не только ее, но и в принципе: *черной* же сиренью. – А мне *так* – не показалось, знаешь! Особенно: тогда. Ну. Помнишь?.. На диване. Хм. Не единожды!.. Да. И... За столом. Кстати!.. Этим же самым! – И указала кивком головы, в левую же сторону, на стол в гостиной. – А в спальне?.. *Двух!* Твоей и... *не* твоей. Да и *твоей* же, чего уж, не «единожды»! А на кухне?.. Жаль только – ни к чему «*более* серьезному»: это дело – так и не привело. Разве что: и к рукоблудию... в

одном из случаев! Одно-й... Но и это же – *так!*.. – Сгримасничала она. – Детский сад... Штаны на лямках!.. Хотя и мне – все равно: понравилось. Как и *тебе*... Согласен?..

– *Ты?!..* – И Егор, впервые, кажется, именно: «побелел». Да еще и настолько, что и почти что «выпал» – в того же цвета: остаток же себя и... «осадок»; выпав в себя и (с) собой. Пока, и его все шокированные серо-зеленые глаза, были распахнуты; а руки – уже и не держали ее так крепко: пусть и «захват» – не прекращался. Правда, и уже было не понятно: для чего?.. Чтоб держать ее? Или держать себя; и держаться же – ровно и прямо, вертикально и на месте: самому? – Только не говори мне сейчас, что ты!.. А *она!*..

И еще держась, но и уже начиная подрагивать и биться же дробью (от) смеха, темноволосая буквально и взорвалась же им: на всю квартиру; собираясь уже, и тем самым, если и не побить рекорды громкости музыки по децибелам в вечернее, почти и *ночное* же время до этого, то и добиться «услышанности»: от всех и всеми же, вся.

– Да и дьявол же меня упаси: от такого!.. *Ужас. Ужас!*.. – Повторила она по буквам-слогам и закинула голову назад, дабы «вернуть» слезы обратно. – *Кошмар!*.. Серьезно!.. – И, таким же еще образом, ненадолго: уставилась и на стоящих-оставшихся же еще и двух: сзади. – Не знаю, как вы, *остальные*, розовыми слюнями и соплями не изошли-захлебнулись, читая все это!.. И как *ты* же сам, видя и принимая непосредственное участие в этом всем, не сделал того

же! – Вернулась «в исходник» Тен и взглянула на Егора. – А я: *да!*.. Сутки же еще – отходила: после каждого же «раза». После: *каждого!*.. – И закусила свою нижнюю губу, чуть и прикрывая же еще глаза, будто бы и вспоминая, «возрождая» это все в своей памяти: только, вот, и зачем?.. – *Через* один же все; и буквально! Диван – весь... И все раз-ы же – на нем. Твоя спальня... В первом случае!.. Более-менее... И до «седлания» же ею тебя – были: ваши. А, вот, уже: стол, *не* твоя спальня, *твоя* спальня, во *втором* случае; то ее и *не* ее; «седлание» и кухня – *наши* с тобой!.. – И, уже и не сдержавшись, блондин подавился воздухом; она же, еще и пуще прежнего же, рассмеялась. – А ты – *как* думал?!.. Когда бы она и променяла же *сама* «миссионерскую позу» – на *такой* разврат, м?.. Да! Там уже – была; я и с тобой! Были – *мы*: с тобой. Не «в диалогах», нет!.. Подменяла и, так сказать, «подсабливала» я – на практике. То *тут*, то там!.. Причем: *взаимно* – обмениваясь. Я ей – теорию. Она мне – практику!.. Порой – и не зная же этого, с *ее* стороны; и понимая-принимая же все: за чистую монету. Точнее: «грязную» и... свою. *Своей* же тьмы; и такого же *демона*. Но – и не из личных нареканий или... *интереса!*.. – Отрицательно качнула она головой и ослабилась. – Сказала же: *нра-вил-ся*. Хотела – попробовать: куда *это* пойдет. И «пойдет» ли: вообще... Не *зашло!* Во всех смыслах. Не *дошло*; и до чего-то же реального: кроме все поцелуйчиков и обниманий... *Касаний!* Да и черт – с ним!.. Пршшлое... и *прошедшее* время. Но... Ты бы *нра-*

вился мне – и сейчас, если бы не влюбился в эту... святошу: которую и «святошей-то» – громко-сильно назвать!.. И скорее: оскорбить – все же: святое.

– Заткнись!.. – Рыкнул за ее спиной Женя. – Если его руки заняты – это не значит, что у нас *несвободны*: и уже *мы* тебе голову не оторвем; и по частям тело – не разберем!

– Попробуй-те!.. – Фыркнула девушка, «провернувшись» кое-как и все еще в стальной же хватке, на секунду воззрилась на того; и вернулась к Егору. – Вы не дочитали, что ли?.. А! Ну да. Не *дочитали*... Но, так и быть, я вас посвящу. «Татуировка», что сейчас на мне, *моя* собственность. Мо-е!.. То, что ты ее увидел *тогда*, Егор, значит и, собственно, *означает*, что: *там же* – была я. В другой раз – ты до нее не дошел. Не взывал и... не «воззвал» к ней. А зря!.. *Зря* – решил!.. – И, на мгновение задумавшись-вспоминая, после же – еще и «процитировала» его же самого, ухмыляясь. – *Не спешит*. Была ли – я: в остальных случаях и... *отдельно* же от тела? Нет!.. Я была – ментально: как и появилась – так и появлялась... в моменты «забивки». На полставки!.. А после – стала появляться и... «проявляться»: все чаще и чаще. На подсознанке и... в бессознательном же. В тексте и... строках; между них... «Редко, но метко»!.. Ну, не мое – это: *расписывать*! – Надула вновь губы она, словно бы и жалуясь: на теле же – так и играя. – Писала – она; а я же – говорила... *Общалась* – с ней. А, вот, появилась *окончательно*: только сейчас. Собственно, *имя*, как и *срез* «тату», призвали – из заточения:

в виде ее же «оболочки». Забавно!.. Но... – И истеричный смешок – сорвался с ее губ. – Когда она без сознания – я, вполне же себе, откликаюсь: и на *Софи*. Да будто – мне *это* и нравится, и «надо»: за двоих работать!.. – Закатила затем глаза она и фыркнула. – Но, что сделано – то сделано. Вы – вырвали меня оттуда: своими мыслями и... *упоминаниями!* Нас – отсоединили и рас-соединили: сегодня; несколькими минутами ранее! Но об этом – чуть позже... И я – оказалась: здесь. Точнее: в *той же самой* все и ванной, в которую попала: когда общалась с ней – здесь и... у вас. Прошмыгнула – через толпу; и оказалась в «мастерской». А после!.. Вы и сами – все прекрасно видели. А началось все – тогда, когда ты!.. – И она снова развернулась в руке Егора. – *Владик-акробатик!* Предложил и ей – *назвать* меня, помнишь? Не «своим» именем... Вы еще у камина... *лежали* и болтали: *как* старые друзья. Ой!.. Да уж. Смотреть и слушать – было: тошно! Но и ты подтолкнул же ее – к этому, как последний *n...* инок; и оскомины. Типун!.. И заработал же от меня – балл. *Один!*.. Потеряв же – его; и сегодня! К твоему сведению: девочки не любят, когда их душат и «возят» по стенам; они любят: когда их *при-*душивают и возят... *по кровати!* – Разворот – и она снова смотрит в глаза блондина. – *Да, Егор?..*

– Ближе к *делу!*.. – Откликнулся вместо него – все тот же «акробатик».

– А «ближе» – уже и не куда!.. Она – *назвала* меня. «На-

делила» – качествами и демона... Демон-ицы! И отдала – этот «рисунок»: за ненадобностью. И как *знак* того, что если глаза и можно *обращать* в «свой» цвет, то *это* – останется: как знак же и *метка*, которую *можно* прятать, а можно и *не!*.. Да-к еще и с гордостью, честью и достоинством: носить! Да, *опять же*, Егор?!.. – Смерила его уже и злорадной ухмылкой Тен. – Кого «обозначает» – тому и принадлежит! И пусть я и не со всей ней согласна, соглашалась же только на предплечье... и кисть, как на «свое» же!.. Но... Как уж есть. Пусть: остается. Собственно, вот!.. – Кивнула головой она, тут же еще и кланяясь, ставя точку здесь; и переходя к «насущному». – А если вы еще и умнички, а вы «умнички», да и раз-умнички, допрете уже и *сами*: что «татуировка» – одна. И *она* – на мне. Значит, с нее – ее уже «кто-то» да срезал! «Срез», да? Раз-два... И я – здесь. А?.. *Да...* И пусть же все: Роза, *что* и ни на есть же все, *сука* из сук!.. Но *освободила* – меня, и *уже*, сама же того пока не подозревая. Все-таки: *рано!*.. Иначе бы – я очнулась *там*, а не здесь. Ну... И да ладно! Зато: я – с вами. И за *это* – ей, прямо, поклон до земли. Правда, не знаю теперь: жива ли – моя копия?.. – С напускной грустью продолжила она. – Она же – не лечится, принципиально. И не за-лечивается, бедняжечка!.. Как и ты, Егор-чик. Так что!.. – И, так и не доиграв-выполнив свой этюд, вернула себе хитрецу и сарказм. – В принципе, я уже и так достаточно потянула времени: чтобы уже и не узнать этого. Но, и если же, вы все же успеете – передайте ей мой:

пламенный «Привет». И тут же: «*ВУЕ, ВИТЧН, НАНАНА!..*».

– Вот сама ей *это* – и передашь!.. – Дернул ее за хвост, материализовавшийся неожиданно и за ее же спиной Никита, и потянул за собой следом. Но и даже не успел дойти не то, что до лестницы, *выйти* из гостиной, как ее буквально, и взрывной же волной, взявшейся так же все из ниоткуда и ушедшей же затем в никуда, вынесло в окно: «осыпав»; и *заставив* же ее «собрать» – все осколки и ветки с деревьев и кустов, что произрастали и «садом» же: под окнами, снаружи... и *конкретно* с этой же стороны дома. После чего и, довольно же быстро обувшись и запрыгнув на подоконник, сами ребята же, не размениваясь на «человеческое перемещение», спустились вниз: в один общий прыжок; аргументировав это и у себя же в головах тем, что «*Сейчас – можно, ведь и «особый» случай*». Исключение, считай, и из правила!.. Да-к еще и *уже*: темно. *Людей*, и буквально, мало. А сейчас и здесь – и вообще: практически же *нет*. Все, кому и было же прям «надо», прошли уже к подъездам и зашли в них; или вышли из них, скрывшись с глаз, но и так же все – *заранее*. Так еще и Карина же, вернувшись вслед за Никитой, все-таки успела и подстраховала всех и своим же все штилевым куполом-пузырем; смягчив им, и заодно же еще, и падение, отпружинив лишь самую малость от серого же асфальта. Но, а когда уже и все же так же подошли к Тен, та лежала неподвижно и только мимика выдавал ее «живучесть»: темно-карие глаза ее – светились неподдельной радостью; а улыбка, полно-

стью копирующая «улыбку Джокера», с кровью, струйками спускающейся из ноздрей носа, добавляла ей ненормальности и какого-то даже уже и психоза, вышедшего и из ее же все истеричности и стервозности; не говоря уж за иронию и сарказм; делая же из нее уже и самого что ни на есть монстра-психа!.. И Егору тут же захотелось стереть ее, не *улыбку*, а саму девчонку, да еще и так услужливо предоставленное стекло, оказавшееся, *так* кстати, перпендикулярно и в ее же грудной клетке, войдя большим осколком в самое сердце наполовину, *так* и манило к себе его черные кроссовки, чтобы он надавил посильнее; и прекратил уже его редко-сбивчивую пульсацию *навсегда*: – Сделай же *это*, малыш!.. Не медли! – Прохрипела темноволосая, не сводя теперь и с него же своих глаз, начавших уже и понемногу заплывать кровью: из разбитой головы; внутренне и внешне. – Так или иначе, но мы оба знаем, что это – именно то, чего *она* достойна; и чего – *заслужила*. Уйти: с миром!.. Уйти и на *покой*: в боли! С любовью и... *в любви*! От *твоего* же сердца – к ее... Через руку!.. Но и *ногу*: тоже сойдет.

– Егор, нет!.. – Крикнула Карина, заметив его поднявшуюся правую ногу, но он только прижал и пережал ею – ее же шею и к асфальту; чуть сильнее, чем она лежала до и сама: – Слушай сюда, *ко-пи-я*!.. *Настоящая* копия! К *твоему* сожалению, твой ориг... – и тут же сморщился, задумавшись. – Нет!.. «Оригинал». Да... *Просто*!.. *Оригинал* – научил меня кое-чему: *важному* для меня; и крайне интересному для

тебя. *Интересному* – потому что: мучительному и растянутому. *Настолько* тягучему, что уже даже интересному – не столько для тебя, сколько и для нас же всех. В виде: твоих же мучений и потуг; мольб!.. Я – *не* убью тебя! – Хмыкнул он на ее же «сумасшедшее счастье» на лице, но сразу же затем повторил ее оскал, «обращая» теперь и ее: в непонимание и... даже страх. – Но и *только лишь*: сейчас. *Убью*... Да. *Но*: потом. Поз-же!.. Когда соберу – все отвращение. Всю мерзость и дрянь... Всю «грязь»!.. Всю злость и... ярость. Весь гнев... На тебя и к тебе. В уголке и... «шкатулке». Внутри же себя. И обрушу же это все – на тебя. Поверь, *мальши*!.. – Фыркнул он и сгримасничал, «цитируя» ее. – Тебе даже и в страшных снах, «кошмарах» и ужасах, ужастиках, не приснится то, что может сгенерировать мой мозг!.. *Мозг* отбитого и убитого, напрочь и тут же навзничь: извращенца и сумасшедшего. И *полного* же еще и ублюдка... под занавес. *Таких* же – еще и свет не видывал!.. И, вот, честно, дай же ему и под ним же всем, бог-дьявол, не увидеть! А *ты* – увидишь!.. Да и более того: *и* ощутишь! По- и прочувствуешь же – все это; и *вся*. Да... Стоит же нам только разъединись вас *навсегда* – как этот мир: покажется тебе «раем». А тот, с Советом же, даже и котироваться уже не будет. В сравнении же и с тем, кто... и кем я буду – с *тобой* и для тебя: «лично»!..

– Тебе не простят – самосуд!.. – Прошипела темноволосая, хоть и борясь со страхом, но и ни в какую же все, при этом, не поддаваясь на запугивание. Но и все же – было ми-

мо!.. Он *уже* – увидел его. А и значит, сделает все, чтобы так оно – и было. Чтобы так оно – и продолжалось; и *продолжилось*. И где бы уже она – его боялась: и возненавидела – так же, как и он ее; дабы не только он и убил же ее в себе, но и она «себя» – через него... в себе же: – Ты думаешь?.. – Выпятил нижнюю губу блондин и сделал самое же что ни на есть грустное лицо, чтобы и затем скинуть эту *маску* с одного широко оскала. – Ну!.. Тогда – ты точно: копия. Потому что нихрена не знаешь: про оригинал!.. И то, что, не принимая на свой же счет «статус», как ты, дрянь, она – больше отдает, чем получает... и берет: и по итогу – ей же воздается и *воздастся* это, в буквальном смысле, в виде кое-каких заслуг. И, возможно, даже: «закр^ытий глаз» – на некоторые элементы. А и точнее же все: на некоторы-х элемент-ов!.. – Выплюнул он ей, открыто потешаясь; и уже даже и сам смеясь: с ее потерянного вида. – Тебя же даже искать – никто не станет!.. По всем же бумагам и документам, «отчетам» – ты проходишь: *как* она. Ты проходишь: *ей!*.. Точнее, нет, как *злокачественное образование*. Бывшее лишь, некогда, внутри; а и теперь, вот, снаружи. *Раковое...* образование! Опухоль!.. От которого-которой избавиться – делать нечего. А мне – и секунда не встанет!.. – Щелкнул он еще, и для убедительности, пальцами обеих рук, показав еще и таким образом, как это быстро и легко: по количеству времени; но и не *качеству* самого же события – для *нее*: где все будет наоборот – долго и тяжело. – Одна «аудиенция» – и от тебя ни

то, что мокрого... *сухого* места: не останется!.. Без шума, да, и *пыли*. А как «подует» – мы сметем и выметем тебя: с Софией и... *ее* же все и прекрасным папой; под его же все и такой же коврик... в кабинете. Не выметать же и сор из избы, даже, а и «тем более» здесь, в самом-то деле. Да и он на тебе – и потопчется же еще: с превеликим удовольствием; все же и оставшиеся... – и прикусил нижнюю губу, под хищными же глазами – являя не только *тьму*, но и *свет*... своих острых же клыков, – ...*века*! Но и *мне* ли и одному – быть: эгоистом?.. Я оставлю «себя», *тебя* же, на десерт. Сначала – оторвутся все!.. Не только те, кто сейчас и здесь; а кто был и *есть* же все, так или иначе, *связан* же с тобой. И, так уж вышло, «выносил» тебя: внутри же Софии. А не *ее* и... вместе же с тобой. Как вынесли, так и... *перенесем* же уже и мы *вас*, а?.. В места не столь отдаленные, зато долгие и глубокие. Ну а *пока*... Да. «Будем» же и искать *ее* – пиши письма мелким почерком... *Розе*, держа руку на пульсе и дыша же на ладан: в кладовой!..

Тут уже подбоченились и оба, Никита и Карина, и, не дождавись разрешающе-одобрительного кивка, швырнули ее штилевым бризом обратно, на семьдесят девятый этаж, в их же все и квартиру: через разбитое окно. Но а когда уже даже и получили «добро» – прокатали *ее* еще и по его осколкам: и только тогда уже – восстановили его; вынув, и оставшиеся же в *ее* теле, стекла. Параллельно же еще и продолжая все еще тащить *ее* по ступенькам – в самый долгий угол: *в самую*

дальнюю и темную, глубокую комнату; забитую хламом. Ну и после чего уже: выставляя, и сразу же, все возможные и *не* «заглушки» и засовы; как и закрыв саму же квартиру, перед этим, и погасив везде свет.

– Хрена себе – у вас тут новости!.. – «Вернулся» Никита, возвращая и свой же куда более осознанный и яркий желтый взгляд: от целого уже и окна квартиры к ребятам. – Я-то думал, мы – крутые. А *вы* – круче!..

– Позже, Ник!.. – Отряхнул руки Егор и, заодно еще, обтер их и о штаны: будто ими все *грязные* манипуляции и проводил; на деле же – пытаюсь, и в который уже раз, избавиться от ощущения *ее* же на себе: еще из квартиры. – *Сначала*: София. Последняя надежда – была на тот платок!.. И как нам теперь ее искать, не шерстя полгорода, а то и весь: на предмет *ее мест*... и людей, так или иначе, контактировавших или видевших ее?..

– Она – в бар собиралась... К Артему. После!.. – Начала было Карина и тут же сглотнула, прерывая-обрывая себя и не решаясь пока дальше продолжать. Но повисшая и буквально же все на-висшая и над ней же, в том числе, тишина – просто обязывала и почти даже *требовала*: этого от нее; как и купол, из которого она еще никого не выпускала и держала всех же вместе – в одном ограниченном помещении-пространстве. Стоило – продолжить говорить, а не зажимать язык за и зубами, пока его и другие не зажали; или не начали вынимать, как и все же слова затем, клещами. И, опустив голову, по-

скребя еще и каблуком правого сапога об асфальт, она таки продолжила. – После *того*, как прогуляет пару. Мы вышли – втроем!.. А потом... *Разошлись*. Вот...

– Спасибо, Карин!.. Ты, как всегда, вовремя! – Провел по своему лицу руками Женя, буквально же еще и сметая ими кристаллики сахара – ее, хоть и какую-то, попытку *помочь* им. – Мы с Егором уже *узнали* часть про Артема – от Полины... *Теперь*: знаем и все. И *уже* – зна-ют и «все»: *всё*. Дальше-то, что?.. Нам это – ничего не дает: совершенно!

– А!.. Ну да! – Хлопнул в ладоши с сарказмом блондин. – Еще – и с закрытым, плюс ко всему же, «затуманенным» сознанием. Перспектива же – что ни на есть!.. Вечер. *Ночь*... Глядишь, к завтрашнему... дню – и отыщем: как-то. И это – в лучшем же случае!..

– А в *худшем*?.. – Пискнула шатенка.

– Нас, раньше всех же и вся, всего, найдет Ксандер!.. – Ответил сквозь зубы ей же он. – И сделает – все то, что я *только лишь* и собирался, но так и не сделал, с той; *пока*!..

– С учетом еще и того, что ты ее еще и знатно потаскал?.. – Хмыкнул Влад.

– *Мы*, Владик!.. – Исправил его Егор. – Мы – *потаскали*. Родина – никого не забывает; и не «забудет». Но и это – уже *мои* заботы и... проблемы! – Отмахнулся тут же и от него же все он, сжав веки между собой чуть сильнее и берясь руками за голову. – Начиная – вымаливанием прощения, с просьба-ми «поесть»... и *таки* вылечиться же еще в середине; и за-

канчивая – бардаком в «отношениях» же... в конце!.. Так еще и присыпав же все это дело – уже и окончательно-бесповоротной же правдой. Которую, пусть уже и не хранит ноут Кита, да и *себя* же; прости, *брат*, не зря «потаскал»; но и содержит же еще Женькина почта. Наши, *с ним*, головы... И Софии же, будем еще надеяться, *здоровая*, во всех смыслах!.. Из которой – мы все и получим: как уже и из первоисточника. Роза, чай, не *чайная*!.. Без «чая» – уже и похвасталась: всем и вся, всеми же... Только бы: успеть!..

И, не прошло и секунды после его тирады, как на телефон Жени же поступил звонок и, приложив свой белый гаджет, в черном же матовом чехле, к уху, даже и не смотря и не здороваясь, не размениваясь и не тратясь уже ни на что, разве только на кого, *кого*, по итогу-то затем и *узнал*, он произнес просто «*Внимательно*» и замер, тут же меняясь в лице. После чего – перевел свой шокированный зелено-коричневый взгляд на ребят и дал распоряжение-сигнал глазами в сторону подземной парковки, добавляя еще и мысленно: «*Грузимся в машины!*..». На что и Егор же, одним из первых, тут же воспользовался своим серым пластиковым пультом управления, на кольце связки таких же металлических ключей, и отпер ее: подняв дверь наверх; и пропуская затем всех внутрь – к своим или *не*, но и средствам же передвижения.

– Говори, я запомню... Отлично! Следи за ней и не выпускай ее из виду: ни на секунду!.. – Попросил Полину, а это было именно она, Женя, затем приложил гаджет к груди и про-

изнес-повторил остальное: уже и для всех; то и дело «расходясь» шокированной и даже ужасающей, в *шоке* еще мимикой, с серьезностью и адекватностью своего голоса, заставляя так же уже и ребят подумать о самом худшем, что, как видно, и сбылось, судя еще и по его нервно бегающим глазам и чуть трясущимся рукам. Но и надо было отдать ему должное – он все еще держался: успокоенный, хотя бы и тем, что там уже была Полина; хоть и тут же находясь, одновременно, и по все той же стойке «*Смирно!..*», от понимания, что там и Артем. Да!.. Рассудок его – рвало нещадно, но он старался, изо всех же уже просто и оставшихся сил, не показать этого: эмоции сейчас – были ни к чему, как и долгие объяснения и разъяснения; *надо* было – действовать и немедленно. – ... Едем – на двух! Со мной – Влад и Никита с Кариной. Егор, бери черный Минивэн. Он – побольше и... Там – трындец!.. И это – мелко сказано. Опустим сиденья. Положим Софу – назад... Полинка же – сядет рядом: и либо ее голову положит на свои колени, стараясь как-то, без причинения дополнительного же вреда и боли, обнять и придержать, чтобы, по ходу, еще и не упала; либо сядет рядом с тобой, на пассажирское, и будет держать ее за руку. Клещами – вцепилась в нее, вряд ли отпустит!.. Что по приезду туда. Что обратно...

– А едем-то: куда?..

– К Артему... *на квартиру!* – Без каких-либо эмоций, но и со знанием и знатно же еще при этом потемневшими глазами и заострившимися, больше же все и обычного, скула-

ми; за счет еще и сжатых, в одну плотную полоску, губ, как и стиснутых, между собой, зубов; Егор протянул свою правую руку к нему; в левой же все еще держа ключи и так себя хоть немного еще и расслабляя, их по- и прокручивая; в немом жесте и вопросе *прося* телефон и поговорить еще самому. – Я так полагаю – он поедет в багажнике!.. – Не вопросительно, а скорее утвердительно и... «знаючи» проговорил Женя, передавая его.

– *Твоей* машины!.. – Рыкнул блондин и тут же обратился к Полине, меняя тон на более спокойный и уравновешенный, даже и умиротворенный, хотя и казалось бы, да и *не* казалось, ведь и именно же теперь *пугая* собой, да и поболее Жени же и до, всех... и его же самого, и лишь пока не *себя*: как меняющийся и по-менявшийся в настроении – все с того же *щелчка*. Но они оба – были на нервах!.. И по-другому, иначе – *пока*: не могли. Разве что: не напугать – еще больше... *народу*; заставляя паниковать уже – всех и вся, все. – Это Егор! Дай *ей* – «поесть»!.. – Отдал уже и «распоряжение» ей он и сжал переносицу пальцами левой руки: то ли и считая до десяти, то ли и понося-матеря все и всех, вся; а то ли и *там* – все и вперемешку же, сразу и в одно. – Мне плевать, что она – *не хочет*, как и лечиться!.. *Да!* Можешь *так* и передать. Но если она *сама* не согласится – на *этого*... как его... да, *его*; на него *соглашусь* – я!.. – И одернул руку от лица, теперь уже и «шипя» в трубку так, чтобы Полина, как и все, скорее *увидела* это и перестала припираться, чем и слышала. –

Пусть выберет – *меньшее*... из «зол». А лучше: *выбери* – ты! А уже и Женек – простит... и *отпустит* тебе: «вскрытие» его глотки!.. Мы все тут – свидетели. Все, едем!..

И, вернув телефон хозяину, вслед же еще и за ним, занял черное кожаное водительское сидение глянцевого же машины, тонированной наглухо и повсеместно; и, подождав, пока тот первым выедет наверх, чтобы показывать по пути же дорогу, поехал и выехал же за ним, опуская дверь, с того же самого пульта, и закрывая парковку за собой.

Глава 25

*****³

– *Убирайся!.. Проваливай!* – Голос... будто через вату или *воду*; и... зрение – *размыто*. Тело – легкое, почти... почти *что*: неощутимо. Колышется себе – на ветру!.. Пока разум – в тумане. «Предобморочное состояние»?.. Ноги – подкашиваются. Руки – еле держат... *белую раковину?* Белую... *грязную*... раковину!.. В каких-то... *черных* разводах. Какой-то... *сажи?* Дом – горел?.. Или гор-ит?! И почему *именно*: дом?.. Не «горит»!.. Да. Я бы – по- и чувствовала; как и ощутила, «ощущала» бы: как минимум. А и как максимум: куда более про-эмоционировала. Да и *дышала* бы; и *уже* как – дымом!.. А тут... Просто – грязная, пусть и именно же *в саже*, раковина: которую держу – я. И уже даже и *своими*, в саже же, руками. Или *меня* и у раковины – держат?.. Или *она* – *меня?* Я!.. Да. И *за* раковину... – *Строй* – «свои» мечты и желания... «Планы»!.. И семью. Подключай: фантазию и воображение!.. *Вот, тебе* – поле для творчества; но – без нас. – «Голосовые сообщения»!.. На уголке же все и раковины, где обычно находится цветной пластиковый или такой же, но уже и «стеклянный» стакан, под стать же, да, и интерьеру, «серый», с *разноцветными* же пластиковыми щетка-

³ 25 кадр (будущее прошлое).

ми и упаковкой зубной пасты, с пластиковыми же или металлическими бритвенными станками; и рядом же с ними – кассетами и упаковками же средств для бритья; или цветная пластиковая, *металлическая* мыльница, что и тоже же могла быть «серой», с *цветным* же мылом, лежит *черный* телефон, в пыли и... *пепле*, той же и *саже*... снятый с блокировки и... белым, холодно-ярким же экраном вверх, освещая... темно-серую же небольшую ванную комнату: с *темной* плиткой выложенным полом, все с и в той же пыли и копоти, пепле, проходящей до середины стен и уходящей *светлой*, видно, до «пожара», сейчас же – серой и черно-серой, почти и черной, в такой же *черный* потолок... с одной единственной люстрой, без плафона, да еще и с не включенной и вообще разбитой лампочкой, на черном же проводе, посередине заштукатуренного и... *в копоти*, почти и облупившегося, с паутиной и самими пауками же по углам, потолка. Справа от раковины – стоит *белая*, когда-то была и до, ванная, от стены же до стены; и во всю *третью* же... нее, набранная, наполненная до половины, или *пустая*, как и кому посмотреть, с «чем-то» темным, но и явно же все и уже *не* живым, на дне: чуть всплывшим – разве еще и наверх, *наружу*. Не подхожу!.. Да и не мое это... дело. Узнать бы, вот только, не мое ли; и «тело»?.. Напротив же чаши и слева уже от раковины: место нашлось – и белому же унитазу; все с теми же *черными* разводами и *серым* же пеплом. Выше же, но и все по той же стене, было расположено – деревянное черное окно: с раз-

битым стеклом; и рамой – из черных же досок, обугленных и сгоревших. Будто, от него-них – и начался пожар!.. Или просто его и зацепило же, как и все, в принципе и собственно же, в процессе. А пожар начался – как раз и... за спиной, из входной, в ванную же комнату, деревянной черной двери, с круглой ручкой же – и ей же под стать; которая: наполовину же была и тут же, на ту же все и *половину*, отсутствовала. Пробитая то ли и ногами, то ли руками, а то ли и всем же вместе и сразу: ровно посередине; и рядом же с ручкой. Видимо, чтобы открыть-отпереть запертую *изнутри* же дверь, дотянувшись-таки и до ручки-замка: уже и с той-этой стороны. Но, вот только, кто же – прятался в ванной: *во время* пожара; да и «прятался» ли? А может... Прячется; и до сих пор? *Нет!*.. За окном же – одно пасмурное небо. Был – день. Да... Но и плавно же все, при этом, уже и переходящий в вечер. *Вечерело!*.. Не серое, еще и совсем, да. Но и не голубое – *так же* и... «уже». Собирался – дождь, как минимум. А там и гроза с громом, молнией и, может, даже уже и градом... как максимум. *Внутренне!*.. Да. Хотелось – чего-то такого... «внешне». Чтобы – откликнуться; и чтобы *соответствовало*. Чтобы сопутствовало: одно состояние – другому... К горлу, тем временем, подступает ком, а к носу – еще и слез, вместе с рвотным позывом. Давно уж – не рефлексом!.. Но я подавляю – их: на пару; и поднимаю голову – вверх, не смотря же в зеркало... перед собой. Все же, и так же все, в *черных* разводах, копоти, саже и... пепле!.. Так еще и поржавевшее –

в местах металлических же креплений к стене; и со стеклянной же полкой у него. «Пытаясь – надышаться»?.. Возможно. Таким, вот, нехилым и образом – раскрыть свои легкие: побольше. Но, и даже, раскрыв рот – так ничего и не получила; не получается!.. В металлический слив – опускается струя воды: из того же цвета и, одновременно, черного же все, металлического... *ржавого* крана; и я нагибаюсь к нему, делая глоток... за глотком. Хоть и все же, при этом, стараясь не касаться *никакого* металла губами: не столько боясь *уже* и загрязниться, сколько смешать один... с *другим*. Губы, сухие и растрескавшиеся, отдавали *своим* – «кровяным»... металлом!.. – «Ты» – *никто*. Мы – «никто»!.. *Забудь. И не приходи... больше. Не «приезжай»: никогда!.. Если не хочешь проблем, конечно; и «сидеть»: за проникновение. Выселись уже – и живи у себя; в себе!.. Главное: не с нами; и не у нас! – Чертов, WhatsApp!.. Засунь свои «голосовые» – себе же. И сам же знаешь: куда... Откуда их: и достал. На свет-тьму же эту... не дьяво-божью. Тяжесть дыхания... *Задыхаюсь*: дыша!.. *Дышу*, да, но, *кажется*, и не дышу... вовсе. Не *живу*; и совершенно! Давлюсь – водой; и отхаркиваю. Трясусь – над раковиной: как *под* чем-то и... с *чего-то*. Головная боль!.. «Мигрень»?.. Вероятно. Стук – сердца; и его ритм... Пульс – за две сотни уже, наверное. *Аритмия!*.. «Предынфарктное состояние». Плохо. И!.. Ужасно. Отвратительно и... больно. До отвращения же... и горечи!.. Споласкиваю рот – и со всего маху: бью кулаком, левой же руки, о зеркало. Правой же*

– пока еще: держусь... И оно – трещит!.. Но: не «разбивается». Образуя *круги*... на своей поверхности: как от камушка и... на глади же воды; и *кольца* – на срезе ствола дерева... Хватаю телефон – и разбиваю, добиваю им его уже; и окончательно. И «зеркало»!.. И телефон. Оба летят, частями и осколками, на пол и... в раковину: под струю же воды. Пол и раковина – в трухе!.. Не *только* уже пыли и саже, пепле, копоти; но – и в ошметках и осколках. Мелких... каплях же и крови!.. А если еще пока и не «смешивались» – и со слезами... Не смотрю. Не хочу!.. Не из-за по- и тут же *суетерий*. Из-за *такой*!.. «Меня» – такой. Потому что: я – там. Там – я... «Разбитая»!.. *Внутренняя* я – снаружи. И наружная я же – внутри!.. Она бьет – для того, чтобы... чтобы я потом и сказала ей же «Спасибо», когда буду бить: *сама* и кого-то же все... из своих же; *уже*. Вот, он, *урок*: от родителей!.. «Урок»... так урок! Опыт... *как* опыт!.. Вместо *всяких* слов: «Прости» и «Извини». А больше – и не надо... *Куда уж*: больше!.. Разве *откуда*; и «меньше»... бы. Я же будто и *уже* – держу «себя»: побитую девчонку, с *темно-каштановыми* волосами, намотанными на свой же, и тот же все, левый кулак... перед собой же; в какой-то *белой*... с «серым», с пеплом и пылью, гарью, копотью и сажей же, то ли рубашке, то ли и шелковой ночнушке, на голое же тело: в каплях и... пятнах же уже кое-где крови, в над-, а где-то уже даже и порванной и... пропахшей дымом!.. Держу ее – перед своим лицом: напротив. С *белым* и... бледным, почти и «мело-

вым» лицом: в этих осколках. А она, *отражение*, обхватывает меня в ответ своими уже и обеими руками и... «Кричит»!.. *Проваливается* и... «Впитывается»!.. Голова болит – сильнее. Лицо – в «мясо с кровью»: в ранах и ссадинах, ошметках и... кусках. Во всех возможных и *не...* жидкостях. И не «жидкостях»!.. *Остатках* – чего-то; и смешанного же еще и... *с чем-то*. «Фарш»!.. «Осадок»... *Это все* – была же: я. Меня – *избивали*... физически; избивали: и «морально». Избивали... *всячески*!.. Руку – саднит... и колет. «Режет»!.. Рвет – на куски. Она – *горит*; и «холодит»... одновременно! «Морозит»!.. А в воздухе – «металл»; и *соль*. «Кровь»!.. С примесью же: пыли, гари и... дыма. Пылинок и... пепла: на свету!.. *Бело-желтое* солнце лучом – все же пробивается: через темные тучи; и бьет в лицо... через прозрачную, истлевшую и выгоревшую... штору. Но и скорее: белую и *до* же все тую!.. Ее же и остатки. Ошметки... *Свет*... в конце тоннеля!.. В конце... *темной же комнаты*. Иронично!.. И «символично». Оборачиваюсь... и прикрываю глаза: от яркости. *Прикрываю* – кровоточащей, и разбитой «в мясо» же, левой рукой. Вытягиваю ее – перед собой и... закрываю ее раскрытой ладонью же: солнце. «Прячусь» – за нее; и от *него*. Кровь – «бликует»; и продолжает катиться капельками и струйками... по коже. Только теперь не – к кисти, а «под углом». *К плечу*!.. Черт!.. А... «Красивое зрелище»!.. *Завораживающее*... даже. *Белая кожа*... с *красными дорожками*: на *черном* фоне!.. Зрачки сужаются – и тут же «разлетаются», рас-

ширяются вновь: погружая *карие* радужки – в «свою» тьму. А затем – и все, оба глаза. И их яблоки!.. *Игривая* улыбка. И закусывание нижней губы... Касания их – к коже: левой же руки, ее предплечья... «Растрескавшиеся» – к более-менее... *цельному*. Движения языка и -ом... «По наитию». По *скатыванию*: капле крови. «Обсасывание»... и слизывание их. «Соль» и *металл*!.. – *Добро пожаловать домой!*.. – Говорю уже я и себе же; или *не* себе. «Отражению»?.. Или *отражение*; и мне? – *К «себе» же самой!* – Оскал... «Звериный» оскал. С каплями крови... в уголках же губ; и на лице. На щеках... и подбородке. «На одежде»!.. На *остатках*... от и одежды же. Тень!.. *Тен*. Ан-на!.. *Она* – говорит: во мне. Или я – в ней?.. «Мы» – друг в друге... И *в одном* же теле. Деля его: на двоих. «Как раньше»!.. Если бы: я это узнала. Если бы я... *раньше*... только это: знала!.. – «*Засвети*» *меня!*.. *Если сможешь*.

– ...Ты для этого ее посадил на стул, чтобы *частями* снимать?.. Положил – и снял сразу же: *всю* сторону! Нечего тут рассусоливать – время только лишний раз же все и тратить. Будет он мне тут еще: «подстраиваться»!.. – Верещал над правым ухом женский и *до боли*, в буквальном же все и смысле, «знакомый» голос. И брюнетка всеми силами же пыталась его вспомнить, но каждый раз, прикладывая чуть больше усилий, чем могла, «вылетала» из сознания: уколами той же самой все и боли; *будто*, и не сотни же уколов или уко-

сов пчел, комаров, а «одна большая Ыгла»! И даже: не «игла», «укус»; а *лезвие*. Лезвие... *ножа*! Вырезало же – ее; и из ее же все сознания: «в один и еще один...» хват и *такое* же приложение к телу и... *душе*.

– Заткнись!.. И не мешай. Не ты делала, чтобы советы раздавать. Да и тебе ведь – никого и ничего: не жалко!.. А я, вот, может, сохранить – пусть хоть и какую-то уже, но и *целостность* своего же труда: хочу. На память о... *прекрасно проделанной же, от и до, работе!*.. Глянь лишь только: *какой шедевр!* – «Допел» ей мужской голос и, видимо, затем еще, и в виде уже самого его хозяина, показал «ей»... светлый, почти и *белый* лоскут кожи с плеча же брюнетки: с *черным* силуэтом обнаженной девушки, с темными волосами и... такими же чертами лица, между черными ветвями дерева, но, и скорее же, а там и именно «терновника»; она ведь была еще и *как будто бы* в ловушке шипов его и почти что... *наколота* на них, будучи и в них же еще «обернутой»: *по груди и... нижней же части своего тела*. «Темная энергия» – не проникла глубоко: оставаясь в верхних слоях кожи; не устремляясь вглубь, но и так же легко – не выводилась. И если бы они ее просто «травили», то могли бы обойтись и «стоком крови»: тут же – надо было удалить не только линии и сам же «рисунок»; но и кожу, пораженную, пусть и не видимо, но и *достаточно* для того, чтобы потом проявиться: будь на то – та или иная «нужда». «Приходилось» – обрезать!.. И не как аппликацию, ножницами по бумаге и ее краю, а брать, еще

сантиметром пять-десять «на глаз-вырост», отсчитывать и... *отиципывать*; где «темнота» – еще рассеивалась и... расходилась *кругами*, щупальцами же и... под кожей. – Если ты не заметила – я еще «добивал»!.. И нужно дать *ей*, хотя бы пусть и немного, но поджечь и... «прижиться». В противном же случае – *она* не действительна. А мы – и так: большую часть цельности же – нарушили!.. Нужно соблюсти – хоть и одно из правил. «До конца»!..

Но, и лишь фыркнув, и так ничего на это и не ответив, *Роза*, а это была именно она, удалилась в другую комнату: как уже, и более-менее, поняла сама же все и брюнетка; не по голосу, а вечно недовольному рыку, цоканью и... *фырканью*. Как и сейчас же все: например!.. Да и прочим же: нелюбезным звукам; которые та излучала, а эта же и изучила, запомнив, и *знала*, как и свои же все пять пальцев. Как и всякое же отрицательное и такой же любой негатив: с ее стороны; выраженный – так или иначе, впрочем. Мардж – нервно курила в сторонке, пока и Мартиша же: «лишь» держала ларек. А что уж говорить и за второстепенные звуки, так еще, и после же, доложенные и на-ложенные – на и сам же той «объем», сюда же еще и *звуковой*: ведь и дополнив – черными шпильками, *больно* стучащими в ее же сознании, плюс, ко всему же еще, и по *цвету*, как и любимый же той из ч/б классики, шорохом легкой ткани же одежды по полу и оправлением другой же одежды, над первой, но и ближе же все к колену; благодаря и чему, она все же смогла «об-

рисовать» на ней – черный длинный плащ и классическое, в тон-цвет же ему, платье... до колен. И только по волосам же, вот, не слыша тех же самых все и шорохов-оправлений, могла «с точностью до...» предположить: были ли они, и как всегда же все, в хвосте. *Были!*.. За счет тугой же все и вязки, практически всегда, она могла и не оправлять их-его постоянно. С распущенными – такой бы номер не прокатил. А макияж!.. Скорее всего, как и всегда же все, был: в ярких темных тонах... с какой-нибудь красной или даже *винной* помадой. Женщина-вамп, как и женщина-стерва, что и в той же все понимании, *частно*, одно и то же – без этого: ну никак не могла; как и замараться – чем-то. *Особенно*: Софией!.. Поэтому – и «вычернялась»... особенно сильно.

– *Одно из правил?*.. – Прохрипела, наконец, брюнетка, очнувшись в очередной же все и раз-момент, но и уже не от *режущего* чувства, а холода и... «липкости»: струек собственной же крови, стекающих от ее же шеи... *вниз*; не впитываясь в белую ткань кофты – разрезанную ровно по *левой* же все и стороне: по шву и... *вдоль*; до талии, растекаясь затем и по всей этой же все стороне, *чуть* лишь окропляя середину, *сердцевину* и впитываясь уже в нее: остатками и остаточным... *осадочным* потоком.

– Очнулась... *птичка!*.. – Хохотнул все тот же мужчина, хоть и оставаясь же, при этом, за ее же спиной и не «светя» лицом: лишь вновь и вновь поддевая ее же кожу металлическим хирургическим пинцетом; и начиная, не спеша, ее

снимать. – Больно много не «чирикай», *синичка*, договорились?.. Горячительное с «обезболом» и... сывороткой же из лепестков и семян *розы*... на исходе: *так* не хочется пичкать тебя; накалывая, как свинью; еще и куда более уже *сильными* наркотиками. А *больно* тебе, и в любом же все случае, будет... Но и не так же, где и *если* ты все же будешь сама растягивать кожу, напрягая мышцы. А в данный момент – еще и *связки*, чтобы говорить!..

– Кто?.. Кто *вы*? – В пьяном и, хоть пусть и *легком*, но и при этом же всем *нелегальном* наркотическом бреде и буквально же все *дымном* угаре, где еще и *воздух* был, так себе, помощником, а и скорее же еще большим врагом-коконом, ей было трудно и самой формулировать что-либо, тем более «говорить», и без его уже все и советов, но ей было нужно и важно: хотя бы и узнать, если и не увидеть, кто же еще – был в сговоре с Розой. Сознание же ее – так и не просветлело. Да и голос!.. «Голос» его – все так же был: *будто* и через заложенное же ухо. *Левое*. Которым, к слову, и постоянно же: ломались ее наушники. Так и плюсом же еще, ко всему: через *воду* и... вату. Знакомый!.. Уже; и бесспорно. *Близкий*. Да... Но и: *такой* далекий. Еще – и «сны» же эти! В них же вроде – даже и слышала, уже и не «слушала». Или *не* в них... «Видела»!.. *Его*. После и... Тут же все: и до всего же... этого. Но: где?.. Ее разум, будто бы, был и сам против *нее* же; но и тут же, вместе с тем, вступал в конфронтацию – за возможность: хоть и что-то уже вспомнить. Если и не

кого-то! Хотя бы и тот же самый все момент, как и, главное, каким образом: она здесь оказалась!.. В одноэтажном черном доме... из черных же бревен: с заколоченными, в тон же все и цвет, еще и полу, досками: окнами. Так еще и что, похоже, и изымались-таки: из крайнего для... последних. Ну а до этого – просто и подбирались: под рамы же... самих окон; как сумочка под ногти... или наоборот. Вот только и зачем, для чего?.. Ведь и весь еще – в дырах и... в общем-то «трухлявый», где-то даже еще и с провалившимися, а где-то и отсутствующими, по причине, досками: он пах сыростью, оттого, кстати, еще и в плесени, и тухлостью; за счет такой же дырявой, и пропускающей дождь, собственно, как и снег, град... черной крышей!.. Что же и, тут же в совокупности, до себя?.. Быстро, более-менее и насколько уж могла, осмотрев помещение, стараясь «крутить» только глазами, не применяя голову, а и тем более шею, она увидела, после того, как и почувствовала: еще и черный же деревянный стул под собой, к которому и была привязана... своим же разорванным, надвое, плащом: по рукам и ногам. В то же время, как и разрезанные же по шву ее кофта и джинсы, с частей под которыми и уже, как видно, было снято все «нужное»: были все в малиново-алой, а даже, местами и бордовой, «винной» крови; где, скорее всего, а там и точно, были-таки и повреждены вены. Крутить же левой ногой, как и рукой, да и всем же телом, а и не только же его левой стороной, в принципе, она не стала: и так прекрасно представляя – всю картину же

и... *не* маслом. *Свою же!*.. Только и теперь, вот, еще – «на практике», в ошметках и... *своей* же кожи, как и рваных ранах: с отсутствующими же слоями все того же кожного покрова, вырезанными, так фигурно и... *не* фигурально; не зарабатывая баллов, а только отбирая их у себя же... за *такое* самоуправство. Ну а *куда* же затем: все и шло?.. На слева же стоящий, и от нее же тоже, деревянный черный стол: с кучей белых металлических *уже* и *не* пустых мисочек... с некогда «принадлежащим» ей, а теперь – еще и с хирургическими инструментами; от металлических игл, пинцетов и ножниц до... «ножей»: всех размеров и таких же возможных и *не* конфигураций – для любой деятельности и таких же действий. Вот только, и разве что, кроме тех, что и останавливали бы кров: вроде и тех же все зажимов... с белой ватой, бинтами; бежевых пластырей и белой марли... «кожных» ниток. Нет. Им это – не было надо!.. Ведь и весь смысл же *все-го этого* был в том, и одновременно в э-том, отсутствии «заживления» и... лечения; какого-либо. Она сама, *целая*, а там же еще и «здоровая», им была – не нужна. Как носитель «тату»?.. *Тен.* Ан-ны... Да. Но: и все. Да и это же *уже* – ненадолго. Становилось – жарковато!.. И не *только* же: от всей и ситуации. *В целом*... Еще и от, с боку же уже и от стола, стоявшей черной же металлической лампы: с большим плафоном; почти и в рост же с «человека»; «падающая» своим желтым светом и обхватывающая ее, и *его*, фигуры, как было видно уже и по тени на полу, целиком. Прямо, *как* и в

мастерской же Александра, что девушка еще помнила; и надеялась – уже *не* забудет. Как и, видимо же еще, они, что: не имея источников света в... *сгоревшем* помещении, привезли свой; как и белый же пластиковый удлинитель, для него. Найдя же где-то еще и одну... *единственную* целую, и, главное, работающую, такую же розетку: в такой же более-менее «живой» стене!.. Опустив же и затем взгляд на свои ноги, она вновь глянула перед собой и... уперлась глазами в черную же деревянную входную дверь: по обе стороны от которой, как и по всей стене же слева от нее, но в количестве же уже трех, два окна – были забиты напрочь и... наглухо. Но и все же, при этом же и всем, постаравшись настроиться и хоть что-то же вспомнить «из раннего», систематизировать какие-то образы и... отголоски, она помнила: лишь бар. Артема – в нем. И как... Кто-то – к ней: подсел. После него... Когда он – уже и ушел. Но... *Кто?..* – За *что* «вы» меня ненавидите – *т... так?..* – Дыхание Софии, а это было, как и Роза же все и ранее, именно она, сбивалось, деформируя слова: то и дело заставляя их «спрыгивать» на всхлипах, и «подпрыгивать» почти и на столах же боли. И да, она не чувствовала всего, но и *не* всего же ей было – и вполне же уже достаточно: как если бы ей удаляли зуб под наркозом, но и недостаточным все же для этой процедуры... и она проснулась во время операции, так еще и не в силах подать хоть какой-то сигнал, что он не до конца подействовал и она так и не заснула... *вся*, ощущая внедрение и «присутствие» в себе; *копошение* – в частях сво-

его же тела и... *себя же*. – И... *Та...* «Татуировки». Они...
Они же – в... «ваши»?..

– *Ты*, во-первых. Я тебе, как мы уже даже и с тобой выяснили, в *отцы* гожусь. А во-вторых!.. *Тебя?* – Прохрипел мужской голос, оттягивая жгуты из ее же все и верхней же одежды, которыми она так и была привязана вверху и по рукам: чтобы не порвала «лоскут» по частям, в своей же все и попытке вырваться; если такая, конечно, и представится, она же еле говорила, где уж там «брыкаться», но и нужно же было локализовать все возможное и *не*, заранее, ведь и *невозможное* же еще, тоже, как известно, возможно. А с ней-то, подчас, и тем более: *в тихом омуте...* – Нет. Тебя – я... – и вдруг задумался, ненадолго затихнув. – *Недолюбливаю?* Да. Наверное, так... Если бы я *тебя* «ненавидел» – я бы с тобой *так* и в принципе же не церемонился: а, как и было же все и ранее же сказано моей «протеже», срезал бы все – в один штрих... и «на живую»; не дезинфицируя! Как и не заботясь... еще и *о тебе*; никак. А как ты и уже *сама* видишь... Я делаю все – до наоборот. И да!.. Пусть и без «заклеивания». Но и ведь: хорошего *всегда* – понемногу, не так ли? Есть же *все же* и «во мне»... что-то: *светлое*, м?.. Осталось?!

И, откупорив остатки спирта, отставленного стеклянной бутылкой на пол, у стула же девушки, напололам с «водкой» и... *цветами*; как поняла уже и она же «сама» – по консистенции, тут же ударившей ей и удавившей ее же самую смесь запахов в нос и заставившей закашляться, подавив-

шись, так еще, и после же, вызвавшей неприятные спазмы... с рвотным позывом-рефлексом; он полил этим... *всем* открытое, и знатно же еще так «кровящее» место с отсутствующей кожей, «мясо с мышцами», затем сам «срез» и уложил и этот *лоскут* – в специальный сосуд: один же все и из тех судочков и мисочек... для хирургических инструментов. Теперь же, и вновь уже, не только: для них. Но и... Для *нее!*.. Ее же: частей. Или *нет?*..

– А *кого* тогда – *не*... «ненавидишь», если?.. – Лишь и прошипела-сипела же София: от неприятных ощущений. Да!.. При любом *другом* раскладе: она бы уже и билась в припадке, *истерике* и, скорее всего, а там и *точно*, потеряла бы сознание от боли, не выпадая *только* и периодически, а выпав и вернувшись: только через час-два, а там и не вернувшись совсем; но, и будучи же под всем и сразу, она была благодарна, да, «благодарна», что не чувствовала этого *всего и сразу* и имела-таки возможность возвращаться, с проколами и уколами, жить дальше, хоть, и куда больше, именно *существовать*. И да!.. Было странно: благодарить – за это. Но и она же – не благодарила, не говорила этого вслух, *про себя*: за оставленную ей, хоть и какую-никакую уж, пусть, а и все же «жизнь». В этом был – какой-то смысл!.. Учитывая же еще и, что, как он и сказал ей же все и ранее, она могла и не говорить с ним... сейчас. *Вообще* и... Болевой шок. Кома и... «Смерть». А тут: *впервые* и... нет! «Искусственно». Да... Но и это давало же ей шанс – выстоять. А и точнее же все: вы-

сидеть; и хоть что-то еще да и узнать. Чтобы, когда она выберется, не *если*, выживет: передать кому-то – то, что она и уже услышала-узнала: с нервными же импульсами и их ударами тока, от прямо-таки и оголенных «живучих» проводов – ее сознание начинало уже и не понемногу выходить из дурмана-тумана; пусть и продолжая еще отказывать – в каком-либо сопротивлении. – Не *меня!*

– Не могу сказать *тебе* этого... Пока. Как и *не я* же; и *должен*. Но и могу сказать: иное. Точнее: *спросить!*.. *Насколько* же отбитым нужно быть; и с *какими* маниакальными поведками?.. – Начал распалиться мужчина, играя: то ли обиженного, то ли и ошарашенного чем-то... «кого-то», но и точно же уже: как *вне*, так и не *себя*. – С каким и... в каком маниакальном же припадке?.. Чтобы «избавиться»: снять *такую*, вот, красоту!.. Да еще: и *как!* С *кожи* и... *кожей* же. Со «скальпом»!.. Еще и будучи же, при том, уверенным в том же, что: она... *горит*. Что и *ты* – *горишь!*.. Что вы *обе* – горите, обугливаетесь; и *вас* – надо с... нять. Отстранив: *одну* – от другой. В попытке и «спасти» же: от и из... несуществующего же пожара. Спасти – и «несуществующую»... *сгоревшую* же кожу. *Избавившись* – от нее, как от... одежды же. Уф!..

– Ч-что?.. К чему *т...* «ты» это? – Не поняла его восторженной речи брюнетка, нахмурившись: хотя и куда скорее – чуть сильнее уже и скривившись.

– К *тому*, что... *Как* и в *каком* именно состоянии: тебя

найдут!.. – Сбил свой напор и перешел уже на спокойный тон, как и в смысл, он, поняв, что ее, его же «увертюра», не прорыла. – И *что* ты им на это все скажешь. Облегчаю задачу!.. Придумываю историю: начало и середину. Процесс же, скорее всего, а там и *точно*: твой мозг запрет – в тебе же; и не выпустит... *до поры до времени*, как «разрушителя для психики». А итог, да, и вполне же еще себе: стоит свеч и... первых полос новостей, новостных передач и лент!.. И никто не вспомнит, что этот дом – был уже и давно: брошен и за-брошен. И не единожды, и без *этого*, горел!.. Из-за той самой все и розетки, кстати, в которую и включена сейчас лампа. Так что!.. Мы, и буквально, здесь и... тут: сидим – на пороховой бочке; и у динамита же!.. *Нажмешь на кнопку*, а и в «нашем» же все случае – выдернешь провод не так аккуратно и не придерживая же сам корпус розетки и... *Искра*. Буря!.. И по накатанной. От *конца* же все и «небезопасно извлеченной же флешки». Не так, правда, уже и *эпично*; и все же!..

И, привстав со своего стула, как и она уже услышала по удару об деревянный пол деревянных же тяжелых ножек такого же, как и у нее, *его* же; и по цвету-тону же еще явно не отличавшегося, как исключение-акцент во всем же темном помещении; он взял в руки все пустые стеклянные бутылки, выстроенные в ряд и колонной у ее же стула, для чего ему пришлось даже согнуться-подлезть и вылезть из своего же укрытия. Благодаря чему же уже и Софии, в этот самый мо-

мент, попытавшейся его и хоть как-то уж, пусть и *так*, рассмотреть, это удалось и она узнала, пусть и *разве что*, но и в нем же все того же самого типа из бара, что подсел к ней, дальше же этого, как, впрочем, и в баре, дело не зашло и продвинуться было нельзя!.. Как бы она ни вглядывалась – все было безуспешно. Ведь он так и не переоделся – с того момента: будучи и в той же самой все одежде. Но, и главное, в черной же мантии и с капюшоном на голове: что и еще же больше обрубало на корню – любое узнавание и признание. И хоть рукава, правда, в этот раз – были закатаны до локтей, чтобы не испачкать их; но и наличие же *татуировок* – она не удивилась: ангел бы вряд ли на такое пошел. Мог – человек!.. И вот тут-то, как раз и был, конечно, вопрос: тот или *иной*. Но и он же, как появился, так и отпал: стоило только карему же девичьему взгляду коснуться его левой же кисти: в черной, почти и просвечивающейся, латексной перчатке, перед этим же еще, *тут же* и вспомнив, сменившей тканевую, а *зачем*, чтобы и она же не рассмотрела дотошно *одну* из них; не в виде черной толстой стальной цепи, по форме кольца, на среднем же его левом пальце, а *такого же* дома с номером *13А*, будто бы и *крик боли*, и *число жертв*, и не «будто бы», меж указательным и большим пальцами. Дом!.. Да и не просто же: *дом*. А!.. Детский рисунок из рубрики: *палка, палка... огуречик*. Вот только и здесь: *палка, палка... палка*. Дом же!.. И все же. С окном: из них же. Крышей-треугольником. Прямоугольной трубой и... С завитком дыма.

Да-к еще и мелкие палочки у него, *траву*, «забить» не забыл. Почти что и «полное»... Все. Но... И не в этом же – была суть; как и смысл. *Ее* рисунок!.. Она – *его* узнала. Как *и!*.. Тут-то – все и встало на свои места, более-менее. Пусть, и все же еще, достаточно: мутно и туманно... *Дымно!*.. Но: встало. Хотя бы, даже уже, и контурно. И без «заполнения» же. Хотя бы: и примерно! Не объемно. Но – «силуэтно»!.. И она – сглотнула, пока, и в голове же еще, пронесился целый поток и шквал ее же мыслей и воспоминаний: «Будто бы *темнее* и *короче* стали его волосы!.. Как *и: глаза*. Или “были”?..». “В сравнении же все – и с «отцом»: вновь? Да”. «Но... Как?..». “*Как* и на той же все встрече: с ним-не-ним. Не тупи!..”. “Полет младенцем – над...”. «Не *фанерой* и... *Парижем!*..». “Окей-окей. До лампы и... обратно”. «Пустой, благо. И...». “Ударенная же на голову... И, правда, «роняли»”. «Он...». “«Палец»!..”. «*Мы с тобой – одной крови, Маугли. Помни!*.. “*Как*” и я помню – свою мать, твою же бабу. *Екатерина!*.. “*Великая*” женщина... была. *Велик-олен-ая!*.. В свои-то двадцать пять, а уже довольно-таки профессионально занималась пошивом одежды и плетением кольчуг... на войну, с примесью “защиты” и... “света”: для отвода глаз; из нитей “прошивки” и... колец. Но и однажды, по “чистой случайности”, с толчка одной из завистниц ее же таланту, ну хоть уже и не “открытой” банкой в глаз, прострочила его себе. “Помни”!.. Да. Ведь, как и она же уже сказала-написала затем мне, “Пусть мы, с «вашим» отцом, и работали,

считай, друг против друга, на два фронта и... «разных» же еще затем воевали и воюем же все до сих пор, плюс ко всему, мы никогда не были «против» друг друга; что и «весьма иронично», да; но и если же они против всех, не значит, что и мы же против «друг друга» и... «себя», мы же всего лишь как хотели, так и хотим жизни и жить, баланса и равновесия, гармонии, где как хотели, так и хотят: власти и могущества одного вида над вторым и... третьим». И так же, вот, она и оставила это «напоминание», перенеся его на тело, но и уже... «другого» сына, перед тем: как и без вести пропасть... вслед же за ангел-цом!.. «Тыл» иногда – куда важнее и... мощнее: передовой. Во всех же смыслах». ««Родимое пятно»!..». «Я покажу тебе свою руку, если ты покажешь свою...». «Часто трогает черное крыло, когда же и отец – белое; и... мое». «Кто же там, если, и последний же, в оборот и его, как чумы и огня, не касается: хоть там; и Женя. Или: не он?». «Красивые – крылышки!.. Как у папы. Нет, не как у «папы»!.. У него – другие. Он не смог – носить их, как я. Почему?.. Потому что: не любит?.. «Разлюбил»? Потерял: свет?.. Он кого-то – «перебил», да? «Как» тебя!.. Но тебя же он и именно перебил, на кольцо, вместо себя; а не вместо... и тебя. Кто – там?.. В «ком», как видно, света больше нет. А в тебе – он: есть?.. «Есть». Хотя!.. И есть ли?..». «Я тебе, как мы уже даже и с тобой выяснили, в «отцы» гожусь»... «Есть же все же и во мне... «что-то»: «светлое», м?.. Осталось?!». «Осталось, конечно, дядь Андрей, как и в этом, вот,

домике!.. Да. Он – *черный*. Но и в нем *тоже* – горит: свет. Пусть и *изнутри*: куда больше. И *все же!*.. Все *еще*: горит! Тебя там, в нем, ждут. Я – жду!..». И только же собрался разогнуться, как со *светом* ей пришло и «новое озарение», а именно: свет лампы – упал и на *его же* кольцо; такое же, как у ее же отца и... Розы. На левом безымянном!.. И уже больше не отводила от него взгляд: ведь оно еще и перевернулось, *так неожиданно и не-приятно* для нее же, явив всему же и всем, вся гравировку с двумя же именами: ее же *отца и Розы*. Вот только; и при чем же тут – он? *Андрей!*.. “Может, *при том*, что, и как раз таки, отец и не показывал тебе, и до конца же все, *свое*, говоря лишь на словах: что там – *он и она*. А ничего, что они уже: в разводе? Ну а тут же – вот, пожалуйста. Не говоря уж и за *черное же крыло*, м!.. Ведь там – и не Женья же вовсе, «догадливая ты наша». «Перебит»: он. И, *кстати*, так же, как и на кольце же все – Андрей. И как на твоём же все крыле: Александр. *Близкие* – «ближе», м, не так ли?.. *А родные* – и «еще же»: ближе. Чтобы: помнить!.. *Пока*, во всяком же случае. Но а кто же; и под *Женей?*.. Тяжелова-то, да, пока: идет. *Вяло...* Ну ничего!.. У тебя еще будет время – это усвоить. А пока!.. *Пока*. Серьезно?!.. *Так просто*; и *уйти*? Прямо как... Из палаты же все; и твоего любимого же отца. Ты-то, да, ушла. А я – вернулась. И кое-что: забрала!.. Мне же – принадлежащее. Он – подтвердит!.. Сорвала с него – то самое крыло, *свое*, ну а чтобы убедиться: глянь в ворот мантии этого «своего» отца-*не-отца* – на, ах, как вновь удач-

но-удобно для тебя развернувшегося крыла, шероховатости и потер-затертости: с одной «оставшейся» *моей* буквой «н»; все-таки и «женская» же гравировка – как отличалась, так и отличается от мужской... чуть большей *легкостью* и... завитками. Как и у *твоего* же отца, Александра... И так далее. И тому подобное... И иже с ними!.. Тем более: белая нить – по первому и... Жене же; несмотря на его же «чистоту»!.. Да и: *черно-белая* цепочка. Вообще – можно было промолчать, но нет. Да и когда, и у тебя же все, «в оборот»: бело-черная, м. А что уж про выжженное, но и «мужское» имя... на черном крыле: думала же, что это Александр изначально, но... галочку над и, как «точку» же, так и не подтерли. *А-ндрей*. Да!.. Сергей – «выжег», вместе... и с отцом же Артема. Как и память, ага, «*свет-ля-чок*»!.. Давай. От него же – шли воспоминания: об Андрее; и отец же это – прекрасно знал: так и запрограммировал. А Андрей же и все остальное – оставил за «Лехой»; просто и предложив так же и тебе: назвать же его... *медведя*. Ты и назвала!.. Послушная... Бомбу!.. Замедленного же действия. *Я* – по «ту сторону баррикад»: была, есть... и *останусь*. А, вот, и ты... *Вопрос*". Ну а дальше, стоило же Андрею вновь подняться, как, и до этого же все, вновь опуститься, и все так же ведь *без слов*, за очередной же пустой бутылкой, чтобы и затем уже направиться за такой же, но и уже полной, наполовину или... *нет*, спирта или чего-нибудь уже и еще же «поградуснее»; оставляя ее одну, не боясь, что она что-либо сделает, закричит или вообще...

сбежит, проверив же еще и до этого натяжение тканей на руках и ногах, которое и не менялось, она и не особо крутилась, чтобы ослабить их; отойдя от нее же на пару шагов и направившись в сторону комнаты; в которой, скорее всего, было что-то и наподобие же кухни, опять же все темной и... *горевшей*, со всей мебелью и техникой, кому они *такие* и сдалась, но и в которую, видимо, они завезли и что-то же еще свое, как и лампу с удлинителем в гостиную-прихожую же, на это время, не голодать же, и в к которой скрылась, до этого, и сама же Роза, предпочтя одному помещению другое, хоть и такое же, но и явно же лучше, хотя бы и тем, что без Софии и его же самого, в котором и он же сам, если честно, не хотел и не собирался находиться долго, да еще и с ней, «протеже протежу же рознь», лишь туда и обратно; как и девушка остановила его *туда* и притормозила так же все *обратно*, вдруг и произнеся же вслед: – Не с... столько и *важно* – есть или ос... *осталось!* Сколько: *было* ли?.. И... В... вообще!..

И, тут же и замерев целиком, внутри и снаружи, он повернулся к ней, все так же сидевшей к нему спиной, и усмехнулся, покрутив перед собой своей поднятой все так же и на миглевой рукой. Будто бы и стряхивая пряжку и сами же часы вниз, возвращая их, таким образом, на свое место: к кисти. Но, и скорее, а там и *точно* – играя лучами света, *солнца*, пробивающегося все-таки и через дыры же досок на окнах, на своей коже. И на «тату»!.. Что она таки; и увидела, как он

понял. Да и не особо скрывал. Иначе бы: не менял перчатки. И затем, в один же все, *буквально*, и шаг, оказавшись снова рядом с ней, перенеся и заранее же все свои сосуды в правую руку, зажал ей ее горло в локте; а левой – сначала навис над ее левым же плечом, как грозовая туча, тенью, ну а после, и довольно резко же все при этом, положил ее: на него; еще и сжав потом, до кучи. Вызвав, сразу же, и тем самым, ее сдавленный стон, ну а после и вскрик-всхлип: от контакта кожи с... *открытой* кожей; его кожи и с ее же... почти и начисто же отсутствующей. С подкожным же, фактически все, и слоем: «мясом с... кровью». Но а закончил же всю эту свою «пост-людью экзекуции» – нагнувшись, и *сам* уже, к ней: специально придвинувшись к ее левому уху, стараясь еще и шею своим горячим коньячным дыханием обдать, чтобы жгло еще чаще и дольше, дальше и... глубже; и только тогда произнес грубым и злым голосом:

– А это ты мне ответь, малышка. Или нет... *Свет-ля-чок!*.. *Чьего* сердца должно было хватить на «двоих», как она же и сама говорила; и даже «утверждала», прямо-таки и божились; а хватило – на «первого»: и им же – и заполнилось... «до краев», полностью забыв о *втором!*.. А заодно... Еще и уничтожив *ту*, что, да, все и так же говорила и утверждала, как и она же сама, но, и в отличие же все от нее, *выполнила*... обещание!.. Что? *Ревновал?!*.. – Рывкнул он, но и тут же мотнул головой, запрещая себе и как-либо же еще и в дальнейшем: повышать на нее голос. После чего – еще и мет-

нул свой темный взгляд в проход кухни и, убедившись, что на этот его *зов* как реагировала, так и среагировала вновь и лишь же только одна София, продолжил, шипя: не «не хотя делить-ся» – *совмещать*. – Плевать – на *него!*.. Он же – все делал: *за* и *из-за* тебя! А *я?*.. «Не оправдал ожиданий», да?.. Оказался – не нужен... *Вновь*. Незначителен... Не достоин *вашего*, как с ним, так и без него же все, внимания! Что ж... Может, *так* я смогу заслужить – твоего расположения и... *внимания*: когда и «заменяю» же его, м?! Полностью же затем... и *избавившись*: от него!.. *Совсем!* И *кто* теперь – твой «папочка», доч-ка?!.. – И девушка всхлипнула, уже даже и совсем согнувшись под ним и его же напором, упершись подбородком в свою же грудную клетку: перекрывая дыхание и давясь всхлипами, вперемешку с кашлем. И да!.. Она – *сама* себя: душила; но и *иначе* же уже – никак не могла. Тяжесть же, и не столько его, сколько и эмоций, чувств и ощущений, всех и... *сразу*, забивали ее настолько: все дальше и... *дольше*, *глубже* и... *глубже*, в себя, самым же, что и ни на есть, камнем, что... А *она* же – не Сизиф!.. Да и не *бог*. И не... *Никто!*.. Она – девчонка. Девочка с... выпотрошенной душой и... изрезанным телом: под всевозможными и *не* «подавляющими». И ей бы... Да. *Ей бы*: сорваться! Ей бы – закричать и... взорваться!.. Но она, как бутылка с пробкой, посаженной так далеко и *надолго*, глубоко, опять же, что и кроме же все дрожи, не *дрожжей*, и толчков изнутри, крови же, что еще и наружу про- и изливалась, и сердца, ничего из

себя не представляла; да и ничего кроме из нее и не шло! Она была – одна. *Снова*: одна. И со всем же вот этим, и этим-и, один на один!.. А он – все не унимался. И, дернув вновь ее за шею на себя, прижал ее к спинке стула, сдавив *его* между правым своим предплечьем и плечом, в локте. – ...И видит – он: это не ты. И *не я!*.. Это: *он!* Но и осталось же уже совсем немного, *недолго*, малышка!.. Скоро – все вернется: на круги своя. Я тебе – *обещаю!*.. Мы – будем: вместе. *Все*: мы!.. Де-мо-ны! Вместе... И с Анной. Да... Я вас – познакомлю! «Воссоединю». Ха... Если; и он – не удосуужился!.. Решив, вот так, и тобой же все: избавиться и... стереть. Но, как и рукописи не горят, так и души!.. Я *тебя* – исправлю: под нас. Я *все* – исправлю!..

Но и не успела она как-либо хоть и уже отреагировать, что-либо и сделать, если и так же все что-то уж и сказать, а только лишь и подметить на ребре же его левой ладони три «полых» черных треугольника; один из которых стоит на своих же двух точках и стороне, а два других – устремлены «носами» друг в дружку, на его же фоне, и «проникают» друг в друга же, окрашивая пространство внутри него в черный цвет, создавая «бездну», так еще и сверху же в нее направляется «носом» еще один такой же, как «Три-ада»; и «терновую ветвь»: как ее тут же вырубили – одним лишь легким поворотом шеи, с его же все помощи и *руки*, до щелчка... и она вновь потеряла сознание. На что уже, и сам же Андрей, грузно выдохнув, лишь и, наконец, покинул спокойно, в ти-

шине же и молчанию *от нее*, комнату: что-то *начитывая*, но и скорее же именно «намыкивая», лишь и ему же все, как минимум, понятное. Перед этим же еще, напоследок и всякий же случай, вернув к ней белую пластиковую капельницу, на металлических же колесиках и вколов ей, через такой же катетер и прозрачную трубку, со стальной иглой на конце, мутный раствор, из стеклянного же все и бутылка, подвешенного вниз головой, в правое же *уже* и предплечье, подавляющий сразу и свет, и тьму: в пропорции – один к одному. И да, он, как и прежде все, был уверен, что она не встанет и не *восстанет* до конца же всей их и «процессии», но и перестраховаться не мешало никогда. А уж, и тем более, опять же все, *с ней*, как он *уже* и *принял*, что и готова же была бороться *до конца*: со всем же, вся и всеми. Пусть даже: и *себя*. «Тем более»!.. Одновременно же – злясь на это и... гордясь, не понимаю же еще и пока: *чей* именно пример – был для нее «эталон».

– «Тен!..». – И это все, на что ее же все и хватило: за секунду до крайнего, наверняка, но и *полного* же все, при этом, вылета из тела; но и пока же еще – не разума.

– “Ты слишком сильная... *в слабости*: для себя и него!..”. – Грубо отчеканила и тут же отрезала девушка. – “*Это* – плохо: для вас же обоих; и каждого, *по отдельности*, из вас. Но, и пока же все, для тебя же лично – плохо то, что он *испытывает* тебя: думая, что ты, рано или поздно, просто не сможешь выдержать. Для него же – плохо то, что он

не знает: где твоя *грань*. А то, что ты не плачешь, как и не плакала, до этого совсем, а и только сейчас же все начала: это плохо – *вдвойне*. Для него же все; и тебя!.. Ведь он – не видел и не *увидел*, не видит: твоего «предела». Не видит твоей и *границ*... *Точки*: боли!.. Не видит – твоей слабости. И ему *кажется*, что он – может все. И что: ему *можно* – все! Ведь: *ты*; и не выдержишь... Но ты – и *не выдержишь!*”. – Изрекла она, отвечая себе же; и подтверждая то, что и так было само собой разумеющимся. – “Позволь себе – *слабость*... в силе: чтобы спастись; и не уничтожить *себя* же: окончательно! Дай *мне* же и шанс – увидеть тебя: в глаза!..”. – *Будто бы* и попросила, так еще и для нее, не себя; но и чтобы уж схлестнуться *снаружи*. – “И *посмотреть* – на тебя: не через тебя... Как и *себя*”.

**

...«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастна по-своему (Л. Толстой).

Таки, да!.. Я добралась – до этой фразы и... *высказывания*. А все – моя неусидчивость; или, еще и куда банальней, «невозможность сосредоточиться». И там, вот, вроде, и этап: надо и... нужно, нужна. А садишься – и все!.. Запал и спесь – пропали; просто потухли и... все же, и иже с ними, вышли. Блин!.. Когда-то же – это выльется: в *такую* проблему, что я же просто и... утону в ней. Она же меня сама – у- и *потопит*. «Но»!.. Это будет уже точно – не сегодня; и не *сейчас*! Не здесь и... не «тут». Так что... А это значит, что я поборола

ее – в который; и тут же все – на *этом...* раз. *Пока!*..

Хм... А ведь, и стоило лишь только, подумать и написать же об этом все два эссе – на паре же философии; одно на лекции, другое на экзамене; чтобы сформировать... сформу-ли-ро-вать-таки, и наконец же все, *свою* точку зрения, относительно этого и *не* своего же, окончательно и бесповоротно. Да уж!.. «Лучше – поздно, чем никогда»: мое кредо! И.. «С чем черт не шутит (пока бог спит)». Нет. «Любит». Да. И... *Трицу*... же. Ну, а и именно, чтобы в *третий* же раз, и в пункте «Ваше согласие/несогласие, аргументы»; ко *второму* же и куда больше, как всегда; вдруг и написать-подчеркнуть: «Несогласие» и... *согласиться* же с этим, *вдруг* же еще... и аргументировав. *Так-еще* и... Прости же меня *и* за тавтологию!.. Да, я *не* согласна. И объясню: *почему!*.. Но – перед этим... Знаешь, в чем парадокс?.. Не согласишься ты – только тогда... *потом*: когда и... «со согласишься». Вот, *так*, да!.. Доказывая *правоту* – ты, «вдруг», и с бухты-барахты же, приходишь к тому... с огромнейшими же все и глазами, размером с блюдца... что... *нет*: ты, тот и тут же *тут*, оказывается, наоборот и вовсе же... *не* согласен. Но... *Как?*.. Спросишь меня *и* ты; после того, как и спрошу... и «спросила» же себя уже и я!.. Эссе-то – начато. А *дальше*: куда? *Если*; и не *от-куда*. Дальше-то: *как?* Ты же уже *и* согласилась – *приводи аргументы!*.. А ты-то – и не согласился, по факту-то, а!.. Но и пишешь – *за...* согласие. *Бах!..* Слышишь?.. Услышал?.. Это – котелок; «головой» еще, в... *народе* же, кли-

чут. Благо, и не взорвалось же еще... ничего: внутри. Потому что: *что?*.. Правильно. *Потому*. Кхм... Не-че-му. Да-да!.. «Шутка-минутка. Сама пошутила, сама и... посмеялась». Ну а что ты такой смурной и... грустный, в самом-то деле. А!.. Это я — дюже и раз-веселая? Ну да, конечно, и, *правильно* же все; *все*, и, в том числе и проблемы же... все: во и *от* меня же. Вот, спасибо... *Хорошо!*.. В общем... «Все счастливые семьи, *действительно*, похожи друг на друга; и каждая несчастливая семья несчастна по-своему». *Но!*.. Как, и в случае же все, с «Чем меньше женщину мы любим — тем больше *легче* нравимся мы ей...» и «О мертвых — либо хорошо, либо никак *ничего*... кроме правды»: нужно — *правильно* читать; и *надо* — до-читывать!.. А не вырывать из контекста. Так еще: и *неправильно*. Да!.. и *тут* тоже, *то же* самое, почти; ведь еще и происходит — «перекрестный огонь». Держи крышу, чтобы ее не унесло. Ну... И чтобы, *если* вдруг и унесло, «унесло» же: вместе с тобой и... мной. Да-да!.. Мой друг. Мы еще: не прощаемся. Даже еще и не начинали... *встречаться*. По-неслась!.. Счастливые семьи похожи друг на друга — *одним и тем же* чувством: счастьем; каждая несчастливая же семья несчастна по-своему — потому же, что: у *каждой* же из них несчастье — *свое!* «Раунд»?.. *Почти*. Фишка же, и *еще*, в том, что... Как счастливые семьи похожи друг на друга, так — и каждая несчастливая же!.. И ты *вновь* спросишь: «*Как?*..». А я — и отвечу. Вот: «*Так!*...» *Каждую* несчастливую семью объединяет несчастье, как и *счастливые* семьи же — счастье.

Они *похожи* друг на друга – тем, что: их «объединяет»... одно и то же *чувство*. В то же время: «по-своему»!.. Оттого, что и у каждого, будь то «счастье» или «несчастье»: они – свои. По-своему же сложены; так же все – произошли. У каждого и тут же *всех* – были: свои причины и... такие же следствия. Свои причинно-следственные же и связи... «данных» обстоятельств. Ну?.. Как еще? Держишься?.. Мне бы: так!.. То есть, понял, вышел: крест-накрест?.. Утверждение верно – само по себе; и, в то же время, *нет*: потому, что и одна же его часть – так же все и «плавно» переходит в другую... *его* же часть. Как бы еще: в и вы-текающая!.. Определенности, да, в этом, нет. Цельной и... полной. Ведь и первая часть – играет за себя; и тут же «за вторую». Как, впрочем, и вторая же!.. За себя и... *того парня*. В каждой части – есть что-то... *часть* же все; и от другой. И да!.. Объединяет их – одно чувство. *Свое*: счастье и/или несчастье... Но!.. *И* по-своему. Да. «Зависит» – лишь: от причины.

Пример!.. Счастье – может быть: в «обычном» и *стандартом*... В мелочах!.. Но и тут же все: *деталях*. Будь то: рассвет и-ли... закат. Подарок и-ли покупка... Воздушный шар!.. И-ли мыльные пузыри. Мягкая игрушка... И-ли стих. Рассказ!.. И-ли рисунок... *Эее!*.. О «наболевшем». Хотя... Такое себе: и «счастье». Ведь, и опять же все, перетекло в... *несчастье*. «Да и я же сама еще – себя и утопила». Говорят же: «Ты ни *себе* не помогаешь!.. Только – *топишь*: все дальше и дольше, глубже. Са-ма!.. Да. *И* это тоже – про ме-

ня. «Начала — за здоровье, а закончила — за упокой». И в других *вещах!*.. Венчание... И-ли свадьба. Рождение ребенка... Повышение по и в должности!.. И-ли з/п. Премия!.. Покупка собаки и-ли кошки... И т.д., и т.п. Да даже, а там и *тем более*, те же самые все и чувства, эмоции и... ощущения!.. Несчастье же — может быть... *так же* все: во всем, всех и... обо вся. В чувствах и эмоциях... Ощущениях!.. То-же. «В предметном»!.. Да. А чего: и нет?.. Порванные колготки. Чем же все и не... «аргумент»? Опоздание... Грязная и промокше-вымокшая, под дождем, одежда. Падение... Содранные и раз-одранные: ноги и руки. Нужная *или ненужная* покупка... Как это все, и обычно же еще, бывает: в один момент... *еще же, да?*.. Да и буквально. Или: *потом!*.. Когда; и тут же все — да. А и в *другой* же уже момент: и нет. Лишние траты и расходы... Убыток!.. *Удержания* и... списания. Сойдется — процент, и тут же все «прецедент» семей, в одном и том же счастье и-ли несчастье; но и, вот, только лишь — не все и сразу... Да и *разом* же!..

Все же мы еще — *так* различны; и так же все и «похожи». В *общности* — похожи!.. В «единичности» же — различны. Это — правда... И это — правильно!.. Но и тогда... Почему же нет «приписки» к схожести — «общности» несчастливых семей; и различности, *единичности* — счастливых? То есть!.. Не так же все *сильно* и меняется, «поменялось»: из века в век. *Не* в этом — уж точно!.. И дело ведь — не в «Домострое». А на-туре, воспитании и... менталитете. Который же еще, *и* как

известно, *вторая* натура. *Вместе*: с привычкой. *Так*: «Все счастливые и несчастные семьи похожи друг на друга, но и каждая счастливая семья счастлива и каждая несчастная семья так же все и несчастна, при этом, по-своему».

Опять же все, да, ничего не хочу сказать, как в принципе, так и в дополнение... *своего же мнения*; ведь и скорее всего, а там и «точно», я *снова* ошибаюсь. Ошибаюсь и... слишком вдумываюсь; задумываюсь и углубляюсь. «Зрю в корень»!.. Слишком и за-го-ня-юсь!.. Но. И почему-то же все возвращаясь, раз от разу же, и к подобному же все роду «щепок», как кого-то и, как и в данном же все случае-моменте, *чего-то* прошлого и прошедше-ушедшего же, я просто *не могу* их не «пилить»: не до-пилить и... не раздуть; стружкой же все их... и по ветру. А и еще же лучше – сжечь и... развеять над рекой!.. «*Привычка* как вторая натура»!.. Вваливается же – и начинает объяснять: *пояснить*, где и как, что... я на- и залажала.

Оба эссе, к слову же все и по итогу, были сданы: на «отлично». *Если*: интересно!.. Не обошлось же, *конечно*, и без червячка-самозванца: «Да ладно?!..». Да и с *таким* же еще сарказмом и иронией, почти что и *презрением* в голосе! Мол: «Не бывает такого!.. Ты либо ударила в суть ее же (преподавателя) понимания вопроса, либо она просто не за- и хотела размениваться на что-то иное; как и “меньшее”: раз там – пять, то и здесь – пять. Глупо же и на то-же – ставить *другой* результат. Безумно!.. То есть: без-думно». И в этом *тоже*

была – «своя» правда!.. Вот только и заключалась она не в том, что именно и *тупо* было надеяться на иное, в том же самом все и действии, пусть и выполненном уже «по-особенному» и... *иначе*: итог-то – один. Правилен и... Правильна. А в том, что!.. *Редко* когда и сами же преподаватели – отталкиваются от своего же мнения: и могут вдруг и занизить результат; за несовпадение взгляда студента... с его же собственным. Да, это возможно; и *может* произойти. Тогда же и идут: *оспаривания*, апелляции... Если уж и не решили до; и в процессе. Как и мы же с ней все, кстати, когда она спросила: почему я вдруг и переобулась?.. Вот и только это «вдруг» было – не за раз и... *вдруг*. Между двумя работами – прошло нехило так времени, во-первых; а во-вторых... *Проработанность!*.. Да. Не «тезаурус»; и в голове, а... *Опыт*. Небольшой, да и *жизненный*, и все же!.. Я – поменялась. Поменялся – и мой взгляд на мир... Сам мир – поменялся, внешний и внутренний, не изменяясь и изменяя; как и прежде же все... «Меняться – это нормально». *Ненормально* – изменяться и, как она и сказала, цитата, «переобуваться»... *в прыжке*; не говоря уж и за временной промежуток. Это ведь – не ты. Хоть: и в моменте. *Ресурсе*... Но и: не потоке. Когда, чтобы к кому-то и до чего-то же дойти, буквально, али и *нет*, нужно реально: встать, пойти, пройти и... «дойти». А не сигать со ступенек и *спрыгивать* же с *лестниц*, где, и не столько же важно, *вверх* они или вниз, сколько: «интересно», да, но а и... *смысл?*.. «Путь самурая», да?.. Но и сам же: *путь*. Где

и невозможного – куда больше, чем возможного. И семьи, счастливые и *не*, скорее и именно же: *несчастливые*. Ведь и не живут, как хотелось бы им: покупая то, что у *других*; или *не имея* таковой возможности. И кто еще: *счастлив*. Но и главное: живут. Чтобы, пусть и после, *потом*: но и все-таки же – познать ту самую истину... *несчастливого счастья*. Своего. «Несчастливого». Но – и собственного. Оттого же *еще* – и счастливого. Ну а пока же все, и если бы было им название, оно бы было такое: ~~счастливые семьи и несчастливая семья~~ несчастливые семьи и счастливая семья. И догадайся теперь: о *ком* и о *каких* же... «под конец» же все... и я!..

– ...Знаешь, милый!.. Может, ты и взял количеством невъебренных расставаний, о которых ты *прямо-таки* и не можешь забыть; да-к еще и ставишь мне же их укор, а там и в *упрек* же – то, что и я же сама об этом нихера не знаю, так еще и не имею права же что-либо говорить и спрашивать об этом; но и я же взяла – *качеством*. Ха!.. Да. Куда уж мне, и до: певички, модельки с панели и рабочей смены же на и с шоссе, участницы реалити и... прочих!.. О которых – мы и *не* знаем. А уж сколько их и *еще* – было. Ну а сколько, тут же, еще и *будет*!.. Скажи?.. *Ска-жи*!.. Но, да, «твой» случай – тяжелее; и *правда*. Ужас!.. Бедный ты *наш*; и несчастный! История-трагедия «Ромео и Джульетты» – отдыхает, нервно куря же и в сторонке: в *новом* прочтении... Не только – «старые», но и обреченные же: на счастье. *Неис-*

правимые романтики!.. Чтоб их! *И* его!.. *И* ее! *У* него – не получается с девушками. *У* нее – с парнями... Но и вместе же они, при всем том, быть не могут!.. Не из-за: их семей. Они – *слишком* похожи. «Одиночки»!.. Притягивают – друг друга. И ведь: притянут!.. Притян-ет – и *его* же все; сюда! – Кричала Роза, между строк еще: и выводя же саму девушку – из ее же «мира грез». Ну а окончательно «выйти» – помогла уже и пощечина, с правой же все и той же руки по ее же левой щеке, откуда-то, и лишь пока же только, со стороны; да и не столько «кожа к коже», сколько ногтями и... по щеке же, оставив рубцы и царапины – на коже брюнетки, вызвав сиплое подвывание-всхлип. – Давай, «Пеннивайз в юбке» и... без юбки!.. В «штанах». Ты же – не просто: клоун. Ты – пожиратель миров!.. Очнись. Хватит залипать и заливать нас: всеми своими жидкостями!

– Причем тут: *Пеннивайз* и... клоун-ы?.. – Развернул девушку на стуле, и к ним же двоим уже лицом, Андрей: наставляя еще, и затем, на нее же все и лампу, чтобы, как будто бы и в темном же тоннеле, вести ее... на свет; хотя и по факту же – в черном дыму... и под искрящийся же воздух. – И вообще!.. Не ты ли сама и предлагала, предлагала-сь, как и подкладывала(сь): под меня?.. «Мы можем попробовать!.. Минус на минус...». И прочие же все: слезы, сопли и слюни!.. Но и как мило, что и в кой-то же веке, не о муже-тиране, а о... жене! А можете, вот, ранее?.. *Переписать*: историю! Без феминизма и... матриархата. Точнее: с ними; но и все же –

изначально. Чтобы никто и *иного-то*: никогда не знал... и не у-знал. «Патриархата» же все; и... к примеру!..

– А *мужья* – ранят, к твоему же сведению!.. И порой – по-хлеще же, чем и мы же все: сам-и. *Как* жены, да, в частности; так и «женщины» же, в целом и... общем. Но ты же это – и так знаешь. И *знал*!.. Раз и *каждый* же раз все – заводишь разговор: об упоминании моего же все муженька; и его же, вот, «отродья»! – Очередная пощечина. – Проснись и пой!.. – После чего, и с последней же ее фразой, девушка была уже и насильно оторвана от пола и прижата к стене за горло, на том же самом все и стуле. – Куда ты дела «тату»?!.. – Рывкнула Роза, «наливаясь» уже и вся же своей тьмой-чернотой и изливаясь так же и ей же, правда, и *пока* же все постепенно, на все же и вся, всех; на что и брюнетка же уже – лишь хмыкнула. Но, и скорее, «в ответ»: на той же все и *образ*. Как ни странно!.. Не странно! Ведь и она же с ним, еще и чуть ранее же все, прям и угадала. Придясь и точно даже, да и *тем более*, еще и по косметике на той же и лице; ну а и теперь – еще и больше «вытемняющей» ее бледное лицо и увеличивая и без того такие же *черные дыры*... в ее глазницах. – Кожу... *свою*. И только не говори мне сейчас, что: *съела*!.. Я же скорее и поверю, что *этот*... соврал; и себе ее забрал. В рамочку и за стекло: поставил!.. Или на стену повесил. Чем и ты же все, как в жаровню и *печь*, ее кинула, чтобы таки уже и царевной, *без лягушки*, стать... и «остаться»: *не* тебе ее дали – не *тебе* и отбирать!..

– Ник... никуда! Я же вс... все это вр... время была – в отк... отключке!.. – Кряхтела София, пытаясь, параллельно еще, и освободиться от веревок на руках, но и все так же было безуспешно: как и ноги – они же как были, так и *оставались* «блокированы», не ослабев ни на грамм... да и ни на миллиметр; и она лишь только – просто, да еще и к тому же крайне минимально, крутила шей и головой, стараясь, если уж и не избавиться от ее рук на себе, то и не причинить самой себе же лишней боли; да и не смотреть на нее.

– Ты *так* резко постарела?.. Свой «настоящий» же все и возраст: догнав и... *обогнав!* Или глазам *своим* – уже не веришь?.. Будучи *почти* и всем же; *со* всеми, и, как видно уже, *-всем!* – Подлетел к ней мужчина и попытался отпихнуть от девушки Розу, но и тут же был откинут в сторону: обратно. – Она – не приходила в себя: до этого момента!

– *Добро* стало «злом»? А. Нет!.. – Оскалилась темноволосая, сузив свои уже даже и не болотные, а «тем более» и... *черные* глаза. – *Было* же!.. Теперь: в обратку. Из «зла» – в *добро*, а? «Героем» себя возомнил, *злодей?*.. Сколько можно «переобуваться» из своих в чужих; из чужих же – в своих?!.. – Рывкнула она. – *Тебе* – не надоело? «Определись» уже – и живи: *счастливо!*.. *Она* тебе – не нужна!

– Это *тебе* – она не нужна!.. – Рычал Андрей, «протирая» стену вслед за девушкой, которая сначала еще как-то же и пыталась вырываться; а после – бросила это пустое занятие и начала слушать и... вслушиваться: приходя в шок... от *по-*

мутнения; и обратно. Выходя же все, и временами же, из него!.. А затем и вовсе – громко рассмеялась.

– Даже *она* тебе – не верит!.. – Поддержала ее смех Роза: в кои-то веки и хоть что-то же *ее* поддерживав; а нее *ее* саму, без «д» и в своей же хватке. – Ты прикинь! *Насколько* – ты сейчас жалок. В моих глазах-то – еще ладно!.. Ты и не выходил – из этого образа. Но – в *ее*, *племяшки* и... «фанатки номер один». Доколе?.. Какое дно *подряд* – ты пробиваешь?!

– Я... *Я* – не его!.. Не *его* фанатка! – Прошептала София, сглатывая часть слюны: *другой* же – увлажняя губы; и откидывая свою голову назад... с закрытыми глазами. Не спорила же – раньше: так нечего и начинать; решила она для себя; лучше – сберечь силы и... напоследок, на *дальнейшее*, когда оно и *будет*, конечно, чем и растратить же, еще и *так* зря. – Он же – пре... предатель!.. Пре... предал отца. Сво... Своего брата-близнеца, получается. И те... теперь, вот, и *меня*. Ка... Какой же он – ку... кумир по... после этого?..

– Ни-ка-кой!.. – Пропела женщина, ослабляя хватку, хоть и продолжая же все, при этом, «катать» ее на стуле: только и уже – *просто* и не отрывая ее от стены, не дубася о нее попеременно; переключившись же теперь же все и с сим – к мужчине. – Соображает... *мальшка*!.. Не прошла я – зря, да? «По адресу»: пришлась! А ты, как не был, так и не *стал*. Связалась же, на свою голову!.. Но и хоть «рисунок» – сделал: что надо! *Где. Он?!..*

– Да не знаю я!.. Здесь – он был... все это время. *Все* же

и его части!.. – Шипел Андрей, то и дело «подбрасываясь» к потолку и тут же опускаясь: держа своими руками ее руки, а и точнее же все *воздух*; буквально – держась за него, пока и тот же – держал его.

– То есть... *ушел*, да? – Изогнула свою правую бровь Роза, поджав левую, и клацнула в ярости зубами. – «Скрылся»... из виду! Сбе-жал!.. Давай, накинь же и *еще* своих сумасбродных идей-теорий, вроде «пожара», теперь уже и мне, вместе с ней: дышать *дымом*... под «градус-ами» – так вместе! Мы – не «закончили», чтобы и из него-них: что-то же вы-шло; и *получилось*... Черт!.. *Опять* – все сбилось.

– А он – и уш... ушел!.. Как и в... все, кто как-то, *как-либо* св... связан сейчас ил... или *был* св... связан ранее: с т... тобой, *мам!* – Ухмыльнулась девушка. – Тебя же – никто не вынос... выносит!.. А если и вынос... выносит, то: с большим труд... трудом и потер... потерями! Сво... своими, *конечно* же; но и... но и жаль – не... не твоими. И!.. *Ногами*.

– А ты – знаешь об *этом*... не «понаслышке», да, дрянь?!.. – И снова – цепкий и грубый захват. Вот только же еще и с *силой* – куда более и большей, «болючей»: чем когда... и прежде. Собственно, как и всегда, когда она узнавала или «болела» больше того, кому и делала же больно в процессе или затем... сама. Сжала же *так*, что и у Софии же затрещали кости; а кожу – и «скрутило», что и натерло же в местах: контакта с «силой». – Смелости – поимела?.. «Храбрости» – бахнула?! Так я тебе их – поубавлю! – И, развернув

головой Софию же вниз, резко «снесла» ее к полу; но, и *все же пока*, притормозила и оставила ее так и в паре сантиметром же: от досок его. – *Вся – выйдешь!..* – Затем – удар в живот. Крик!.. *Еще* удар. Вопль! Схаркивание слюной... с кровью. Сиплое девичье кряхтение... *вперемешку* со слезами. И *не* только!.. *Со смехом*. Сме-хом! – Тебе – *смешно?!* – И, отпустив уже даже и Андрея, как мельтешащее и уже даже и *совсем* ненужное насекомое-окно... «в окно» же, подошла к ней, сев на корточки напротив и решив же теперь пустить и всю же свою силу: на и в нее; не растрачиваясь и не разбазаривая себя, не распыляясь и на *меньшее*; держа ее и одну же все теперь *собой* и снаружи, так еще и проникая к ней и *в* нее же... во-внутрь. Пока и брюнетка же – *лицезрела*: только ее черные глаза, направленные лишь в нее; и руки, сложенные на той же все и голых острых коленях. – *Так* сильно – хочешь умереть?..

– Та... так «быстро» и ск... *скоро!*.. – Крутилась в «ее руках» девушка, срываясь, попеременно, то на слезы, то и вновь же на смех. – Насколько это и вообще же возможно. – А то: и на все и сразу же... *вперемешку*. Это – была истерика!.. *Без* малого. Но и когда смерть, да еще и *так* уже близко, а ее и так же все долго хотелось, но и никак не могло, не происходило: поначалу же все – даже и не верится; ну а после – и хочется, от этого же и все, не *меньше*, а даже, «тем более» больше. *Еще* больше!.. Какой-то эндорфин с депрессионинном – боролись в ней; тут же – и сливались же: воеди-

но. Но, и на самом-то деле, она просто, «глупо и так же все тупо», устала. Совершенно. И!.. *Совсем*. И хотела – конца. «Прийти» уже – хоть; и к чему-то. Да даже, а там же все вновь же и *тем более* – готова была: уже и молить об этом. Чтобы; и хоть что-то же уже *ее* – исполнилось. «Кем-то»!.. Пусть и все так же: с «не»... *без* не. «*Не надо* больше: “Надо”. *Не хочу* же умирать: “Хочу”». – По... пожалуйста! Не... нет сил терпеть и бо... более – ва... вас же; и *обоих*. Вы... вы же стоите – дру... друг друга!.. И эт... это *сейчас* – не комп... комплимент!

– Стой!.. – Подлетел все же и к Розе же Андрей, воспользовавшись паузой между ними, и снес ее с ног: вынеся же затем, и тем же все самым, в другую комнату; *кухню*. – Она – не должна: *умереть*. *Не* раньше – отца, во всяком случае!.. В чем тогда был и «будет» же – смысл? На кого опека – будет оформлена?.. На «брата»... ее? *Сына* твоего! А кому «он» – и сдастся, «сдался-то»?! После того, как и наследственность же твою, *вашу*, испортил: этой все и... *своей* же «святошей». Ладно бы еще, *как* Софа; но – с чистойшей?..

– Семейная пара, а как «кошка с собакой», ей бог-дьявол!.. То-то – папка-то с ней развелся и тебя же, *за* себя, на кольцо «прописал», да, *дядь Андрей*?.. Не он же и с ней – одна Сатана. Или *все же*; и од-ин?.. Волк. «Одиночка». *Ау*... ф!.. – Фыркнула брюнетка и не успела даже и еще что-то пикнуть-продолжить, как влетела-вернулась Роза и крикнула: – Заткнись!.. – А затем – выкинула, вот только и его же все,

дядю, из дома, снеся стены: в «куски» дерева и... *древесины* же. Почти и цельными панелями-паленьями, если бы еще и не ошметки, *далее*, и от них же все. Не рассчитала силы; и силу!.. – Мое-то – *видела*? Или *только*: смотрела!.. – И, правда, стоило ей только его и той же уже до-показать, с «затертым» отцом, но и не «набитым-исправленным» Андреем, как и всё же вернулось на круги своя и встало так же на свои же, а и точнее: *все*. – Мне *никто*, как в принципе, так и из них же все двоих – не сдался и не нужен!.. – «Кроме *себя любимой*». И хохма бы так и вырвалась, слетела с языка и Софии, если бы вновь и не одно же «но»: воспоминание... про «ветвь»!.. Так *еще* – и на ее же руке. Как; и *теперь* уже: и Андрея. И Влада!.. Что был под вопросом, ведь и первый же все раз, у камина, акцента ее, и как такового же, не было, ну ударился и «ударился». Но она же даже и не думала, подумать не могла, да и не видела до конца, *зачем* скрывать, так еще и *свое*, *ему*, когда же и все остальное...; ну а теперь-то, сложив все и всех же, вся, от Анны до, и, как видно же все теперь, Егора, как от *кого* и *до* кого, могла и с уверенностью же уже не задаться же и иным: «надобностью» и так же еще «душить змею»; *надо*. А и еще же, и уже же даже и *лучше*, двух; а там – и *трех*!.. Надо же, а. «Всему *свое* время...». «Сергей должен *сам* рассказать...». Столько выразительных, Влада же все, и жестов, после еще и того, как и она показала же им... все-не-все, в их же все уже даже и излюбленном формате, в сторону же Александра, радующегося, что с него,

и таким, вот, образом опять, стрелки переведены и стрелы же сбиты, пусть тот его и прямо-таки с диким наслаждением про себя и душил, еще и ухмыляющегося, подмигивающего, готового, между тем, и самостоятельно все ей рассказать, если уж и тот не сподобится, но и только же открывающий рот, как и мужчина же вновь делает еще одну отсечку, что: *Нет*. Не-т!.. А они, эти – да. И, вот, только же и хотела «до-спросить», *уже...* и у них, набралась же даже еще и сил, как и сама слетела в дверь, рикошетом. И, вылетев же уже и в образовавшееся новое окно, в потолок-пол, нахvatала по пути: деревянных же щепок и *заноз*, осколков стекла... Так еще и вдохнула – древесной пыли и... трухи, ее сырости; не говоря же еще – и про *мельчайшие* же уже стекла и... песок. Прока-тилась – по земле и траве. Выскочила – и на асфальт!.. Сначала – на подъездную черную дорожку: из гравия. А после – и на саму же проезжую асфальтированную часть. Избави-лась, параллельно и *таки* уже, от стула и тряпок: по рукам и ногам; за счет трения и перекатываний. После чего – рухнула на спину и вперила свой взгляд, нет, не в небо, в него – потом, *в осколок*, торчащий и прямо-таки зияющий в ее груди: почти ровно же в сердце – на и в один же *шажок* от него!.. Но, и все же, терпя всю тяжесть своего положения и боль в таком же теле; отсутствующем, в частности и не рабо-чем, отказывающемся функционировать, в общем, из-за ран и травм, синяков еще, а где-то уже даже и переломов, внут-ренних и внешних, как и кровотечений, из отсутствующих

кожных покровов; она чуть ли и не на последнем издыхании, на одном вздохе и таком же резком одном выдохе, обхватила его обеими своими дрожащими руками и дернула его из себя, из всех оставшихся сил, и сразу же откинула его куда-то в сторону, взыв, как, и в самом же деле, подбитый зверь. скрючившись затем в *позу эмбриона* на правом боку и зажав, как могла, эту весьма и глубокую, в сравнении же все и с остальными, рану – все теми же, кстати, и тряпками-вещами. Но и уже без *какой-либо*: благодарности!.. Потом закрыла глаза и «обратилась взглядом», через веки же, и *к небу*: вместе с мольбой и... просьбой, первой; да и уже вряд ли *последней*. На что и почти тут же ее объял небесный белый свет, одним же и сплошным лучом, столбом-столпом, света, и, сорвав, оторвал ее от земли, вознеся к и в себя же – до того, как и рядом же все с ней оказалась Роза, еще и до света- же увидевшая все это *представление*; и уже даже собиравшаяся помешать. Но – мгновение: и оно вновь затянулось – черными тучами; а свет пропал – так же быстро, как и появился, *растворив* девушку: между небом и землей. – Черт-черт!.. – Только и рявкнула она, топнув рассерженно ногами; но и *больнее* сделать уже – ничего не с-могла.

– Посмотрите пока, а я через несколько минут подойду!.. – Протянул коричневый учебный журнал *темноволосой* женщине такой же, но и только уже «тучный» мужчина; в черном классическом костюме и в тон же ему однотонном галстуке,

поверх белой рубашки, обтягивающей его пивной живот, будучи еще и заправленной в брюки со стрелками и под кожаный же ремень, на одну из последних, если и не на самую последнюю, собой же еще и *дополнительно* все пробитую дырку; и, прошагав затем до двери, отбивая-чеканя шаг в «соответствующей» же одеянию обуви, лакированных туфлях на небольшом квадратном каблуке, покинул свой кабинет.

И стоило же только «деревянной затворке» щелкнуть с замка, по ту же все и сторону, *снаружи*, как и это самое же все «типографское издание», *наполовину пуст-заполненное* синей же шариковой ручкой, полетело в голову сидевшей до этого тихо и спокойно, «мирно», с опушенной же все и последней; так еще и ссутуленной в своем черном вязаном платье, мелкой вязки и *чуть ниже* колен, с *длинными* рукавами и сжавшей кисти в замок перед собой, *стянув-вытянув* же его «теплый покров» до кончиков пальцев и уперев руки локтями в колени, обтянутые теплыми в цвет же все и «верха» ласинами, заправленными в те же все и лакированные полусапоги, *чуть выше* щиколоток; *брюнетке*. Что и без грамма же все и макияжа на своем *бледном* лице, как и с отсутствием же лака на *средней* длины ногтях, лишь гипнотизировала, «зондировала» своим *карим* взглядом пол и разве еще что к «низшим силам» не взывала: за помощью и подмогой, поддержкой; до этого же все и у «высших», если уж и не милостыню прося, то милости и милосердия же, снисхождения!.. Чего, конечно же, ни в том, ни в *ином* случае,

не произошло: не «получил»а. Собственно, как и обычно же все и... *всегда*. Ничего нового!.. И, вскрикнув от удара, а затем уже и боли, как и откинувшись же потом на спинку темного кожаного дивана, София, а *второй* была именно она, не успела и с мыслями же еще собраться, не то что придумать достойное оправдание чему, чего уж там и *кому*, бы то ни было; хотя и что прогулы, что и неудовлетворительные оценки-поведение – были следствием вполне себе и такой же все *достойной* причины, ее «предназначения», как минимум, а и как *ангела* же... и «на посылках» же все, как максимум и... «например», выполнявшего свое *очередное* же задание... по спасению, *всего-то*, чье-то жизни, но и как до, так и после же – *Розу* все это никак не интересовало, куда более же ее, и как *обычно* же все, *интересовало* то, *когда* именно – прекратятся и ее же все вызовы в это, как богом, так и дьяволом же все, и *вместе*, забытое место, как и ее собственные же срывы-отрывы – от ее «таких же» все и *важных* дел; а только и *успела* ощупать же свою голову, на предмет ран и крови, как сразу же подлетела с насиженного же собой места и тут же ощутила «захват-удавку», руку и *ее* же; одетой, как «почти» и сам же *ректор*, в *строгий* черный костюм, так еще и состоявший лишь из пиджака и брюк, надетых на голое тело, а «шлифовали» весь ее образ, как и всегда же все, ее изблюбленные те же все и лодочки на тонкой шпильке и такую же голую ногу, не говоря уж про тугий черный же хвост на затылке, такую же подводку на веках, темный контуринг на

скулах и темно-вишневую же матовую помаду на губах; на своей шее. Она буквально же «вгрызлась» пальцами и врывалась, прорывая, своими же все и бордовыми длинно-острыми ногтями ее кожу: что, и поначалу же было даже непонятно, они ли это еще, или и *уже* кровь: а потом как резко и стало же понятно, когда и сама же София только истошно просипела-шипела, не имея возможности ни то что прокричать, но и нормально вздохнуть, как и выдохнуть; после чего еще задрыгала всем телом и ногами, руками так и уцепившись в ее правую же руку, но тут же была фиксирована по ним ее же второй, левой рукой, так еще и почти одновременно, параллельно получила и ее же коленями, поочередно же, в живот. И, сдавленно простонав-хрипев, скукожилась и сжалась, разжавшись уже и по второму *кругу*.

– Ты *когда* перестанешь действовать мне на нервы?!.. – Прорычала женщина, все еще удерживая девушку на весу и, параллельно же еще, следя за всем происходящим: вне кабинета; как и самим же ректором, ушедшим пока в другое крыло. – Неужели *так* трудно избавить *меня* от себя, *тебя*, в оставшееся же время суток: *днем*?.. Почему я должна *еще* и в нем – тебя созерцать?!.. *Терпя*: утром, вечером и ночью! Ты – мазохистка? *Садистка*?!.. Скучаешь *без* меня? Ждешь *очередной* встречи, вместо того, чтобы и сидеть тише воды, ниже травы; отдыхать и... набираться сил: перед *основным*?.. *Тебе* же – хуже!

– А *ты*... ты начала обо мне за... «заботиться»?.. – Уди-

вилась брюнетка, так и давясь же не проходящим воздухом и слюной, так еще и ее же все *пыльным* воздухом, переходя затем и вовсе же: на шепот и сипение. – К-как *мило!*.. И ме... месяца же не п-прошло... А ты ст... стала уже: м... мной?.. А я – т... тобой?.. *Дур...* дурной пример оказался – за... за-разительнее, чем на... на самом деле!..

– *Заткнись!*.. – Крикнула Роза; и выкинула... *девушку* из помещения, снеся стену: в куски бетона и краски, шпаклевки и обоев... А окна, встроенные еще до и в нее, в осколки стекла и... щепки же древесины рам. И, вылетев же уже и в образовавшееся же *новое* окно, с третьего этажа, София нахvatала по пути еще и: деревянных щепок, *заноз* и осколков стекла... Так еще и вдохнула – бетонной и древесной пыли, трухи!.. Не говоря же уже – и про *мельчайшие* же уже стекла и... песок. Прокатилась – по земле и траве!.. По не успешшему еще до конца и растаять же: снегу и льду. И только после уже – выскочила и на асфальт!.. Правда, и сначала же все, как и «по правилам», на подъездную дорожку: из черного же гравия. А вот и потом уже – и на саму проезжую же часть: въездную дорогу и... в университет. Хоть: и с другой стороны!.. Другого «торца» и... черного же входа. С въезда и *только лишь*: для преподавателей и... *остального* персонала. Затем рухнула-таки на живот и, вот, нет, чтоб лежать, попыталась приподняться и откашляться, но и со стоном же боли, как и изначально же все предполагалось, упала обратно: в процессе же еще где-то и найдя же в себе силы – на «пе-

ревертыш»; перекатиться и на спину. Сделала все же это титаническое усилие над собой – и тут же вперила свой взгляд, нет, не в небо, в него – потом, в *большой* осколок: на который, то ли еще и сама же напоролась, попытавшись встать и тут же почти упав, то ли и получила еще при полете и... «неудачном» приземлении; но и все же еще торчащий и прямо-таки *зияющий* в ее груди – почти ровно же в сердце, на и в один же *шажок* от него!.. «Лилипутик». Но, и все же, терпя, и стерпев и всю же эту тяжесть положения, как и такую же боль во всем же своем теле; отсутствующем, в частности и не рабочем, отказывающемся функционировать, в общем, из-за ран и травм, синяков еще, а где-то уже даже и переломов, внутренних и внешних, как и кровотечений; она чуть ли не на последнем издыхании, на одном вздохе и таком же резком одном выдохе, обхватила его своими обеими дрожащими руками и... *не* дернула его из себя. «Затычка» же. *Да-да!*.. А даже, и наоборот, с какой-то и впрямь «нечеловечной» же силой, злостью и *остервенением*, яростью и *гневом*: вогнала его – еще глубже в себя. Вот только *еще*: и не сама. И!.. Ей «помогли». И, тут же взыв, как, и в самом же деле, *подбитый* зверь: она посмотрела вверх – на того, *кто* же ей... еще и *так* помог; и совсем даже и не удивилась, увидев *Розу*, надавившую и давящую еще своей *правой* туфлей на ее же осколок, удерживая равновесие на левой ноге, а руки же держа – в передних карманах брюк и с нескрываемым злорадством следя за потугами жертвы. – Какая доса-

да!.. Для *тебя*. Но, *так или иначе*, мы же обе с тобой знали, как и знаем, что... К этому-то же все – и должно было когда-то прийти!.. – И усилила напор, оскалившись-ослабившись. – «Рановато», конечно!.. И я же – не наигралась еще. Но!.. «Судьба» же все; и *как* видно!.. – Пожала она вновь отстраненно плечами, но, и, решив уже и до конца «сыграть на нервах» *в ответ*, предоставила-представила Софии *свою* «грустную мину»: будто ей и впрямь не все равно, когда и *прямо-таки* «все равно». – Как и... ранняя *весна*. Тебе, наверное, холодно; *голодно* и... б-больно?.. А *мне* – плевать! – Гортанно рассмеялась она, сметая подчистую, и все напускное же собою до, в один такой же «щелчок». – Твой характер... и *язык*, в частности, как и ты же все *сама*... и в общем, помотали мне нервы: достаточно!.. Пора бы их-*вас* – уже и локализовать: в один же заход! *Не* по частям. Чего, *конечно* бы; и *так* хочется!.. – И прикусила свою нижнюю губу, параллельно еще и мотнув головой, откидывая свой же хвост и с левого же плеча, одновременно же еще, и тем самым, направив всю свою силу, чего уж и жалеть, восстановить утраченное... в здании же: что, и по крупицам, почти и тут же, начало, как в замедленной съемке ил-и обратной же *и* перемотке, собираться в свой первозданный же вид; но и уже – без них же все и самих внутри, как в целом, так и *в памяти*. – Но *мы* и так уже – слишком много и «громко»: пошумели и наворотили!.. – Хмыкнула она, широко же еще при это и скалясь. – «Градус» интереса... *внимания*: я-то под-собью.

Но и тебе же «так просто» – уйти: не дам. Как и избавиться же, вот, и от этого: в одно и «твое» же уже касание. Это же – именно то, чего «ты» достойна; и чего – «заслужила». Уйти: с миром!.. Уйти и на «покой»: в боли! С любовью и... «в» любви! От «моего» же сердца – к твоему... Через руку!.. Но и «ногу»: тоже сойдет.

– От... от какого с... «сердца»?.. – Прошептала София, распластавшись по промерзшему асфальту и уже чувствуя, как в ямочке между носом и верхней губой собирается кровь: после чего – еще и стекая, обводя обе, целиком губы и уходит к ушам; а потом – спускается же и по шее. Затем – то же самое происходит: и из глаз. С самими же: глазами!.. Из-за чего, еще и плюсом же ко всему, начинает видеть все: размыто и... слышать шум в ушах; из которых, как и из носа, глаз, тоже уже начинают капать, а следом и течь струйки; ощущать – и «задымленность», туманность сознания. Но и продолжает же все при этом, из последних сил, держаться за него и... всех: чтобы, если уж и не вылечиться и залечиться до конца после, что уже и вряд ли произойдет, ментально – так точно, то хоть и не доставить ей такого удовольствия, в виде последнего слова. Так еще и «безэмоциональная Елена» – у нее всегда выходила, получалась лучше, чем... и у Елены же: не Кэтрин, конечно; но и тоже ведь сойдет. Да и для Розы-то... Было бы; и для кого!..

– Дрянь!.. – Выплюнула женщина и убрала ногу с оскол-ка, а затем – сбила его ей и отпихнула «видневшуюся» часть

куда-то в сторону: оставив внутри – *не*. И, скрючившись, наконец, и боле-менее уже «удобно», в позу же и эмбриона на своем правом боку, зажав, еще где-то между и как могла, эту весьма и глубокую, в сравнении же все и с остальными, рану руками, София закрыла глаза и взвыла, сжимаясь, с каждым разом и *ударом*, все сильнее и сильнее; да-к еще и стараясь до конца, если и не слиться уж с асфальтом, то и раствориться в нем: стать песчинкой или и тем же все осколком, что колол и резал ее уже и изнутри, прорываясь, теперь уже и сам, с каждым ее новым движением и сжатием же, вдохом и выдохом, все дальше и дольше, *глубже*; но и уже хотя бы *не* наружу, такое себе, конечно: «*Зато* – давить и извне: *больше* не смогут». И все же!.. – До вечера, *Гер-да!*.. Я *все-таки* хочу: реванш! – Усмехнулась Роза и, напоследок, еще и ударила ее этим же самым все и своим острым носом туфли, которым прямо-таки и сняла чуть ранее же, и как нож кусок же масла, часть стекла, в спину: создав уже, и тем самым же все, «обратное движение» – осколку; вот только лишь и не изнутри-наружу, а против его же движения, таким еще образом, его стопоря и *уводя*... в другой уже и угол ее же сердца. – Ей бы – *тоже* «пошло»: с осколком; а не только одному же все и... б-бедняжке *Каю*. Согласись!..

И сразу же удалилась, к черному же все и входу-выходу и по въезду же преподавателей-персонала, чтобы уже и затем пройти и в сам же университет: «прояснить» ситуацию. Ну а София же, и тем временем, *обратилась взглядом к небу*,

да и пусть же лишь к кусочку его, что только и видела же сбоку от себя и у горизонта: вместе с мольбой и... просьбой, первой; да и уже вряд ли *последней*. На что и почти тут же ее объял небесный белый свет, одним же и сплошным своим лучом, столбом-столпом, света, и, сорвав, оторвал от земли!.. Мгновение – и небо вновь затянулось черными тучами; а свет пропал – так же быстро, как и появился, *растворив* ее: между небом и землей.

– Софи!.. *София*, очнись! – Трясла девушку, лежащую на спине, за правый ее же бок Полина, стараясь не утаскивать ее с разбитого ею же минутой и буквально же все ранее стеклянного стола... в темно-бежевой гостиной Артема: с, неожиданно, *светлым* оформлением, состоящим из молочного ламината, бежевых обоев и белого же потолка с желтым встроенным светом... и *темной* кожаной деревянной мебели; да и вообще же практически, и лишней же раз все, резко, а там и сильно, грубо не трогать, чтобы не навредить и еще же больше, не *откуда*, так и *куда*, ее же все и левому уже боку, которого... и не было-то почти, что уж говорить и за «живое место» на нем, не было *ко-жи*; и не привести «в движение» попавшие и уже в нее, так или иначе, осколки и щепки, мелкие кусочки *бетона* и песка, но, и при этом же всем, таки и пытаясь привести же ее и хоть как-то уже в чувство, если и не до конца в сознание: и хоть, да, и слышала дыхание и редкий ее пульс, как и тихий стук ее же сердца, но

и должна была хотя бы уже и насильно даже заставить ее открыть глаза, чтобы не только слышать, но и *видеть*, что она «жива». – Давай же, маленькая, открой глаза!.. – Настаивала она, чуть ли уже и не плача. – *Посмотри* на меня!.. Ч... М!.. Ради всего же и святого! Тоже мне, «небесный свет»: как дрова возят и перемещают! Нет, чтобы на диван... Он же – *рядом* был! – Прокричала она уже и в потолок, откуда *только что* и рухнула София: из открывшегося темного хода меж мирами, в виде белых облаков и... серого водоворота. – Не в метре даже!.. *Так* сложно?

И, промычав пока, да и только лишь что-то нечленораздельное, брюнетка все же открыла глаза, но и тут же их закрыла, смаргивая пыль и капельки крови, как запекшейся, так и нет, подавшись вновь, и где-то же между, сдавленным и спертым в легких же ее воздухов: так еще и от наличия *будто* в них всего же и вся, если и не *всех*, но и что нужно и тут же *нет*; и постаралась более, хотя бы и *пока*, не делать лишних телодвижений, как и «дыхательный упражнений», а настроиться на *нужный* и не только же ей уже лад – меньше двигаться и дышать, но и, более-менее при этом, подавать-таки и признаки же жизни, не перекрываясь, как и не *закрывая* себя, держаться на плаву *хоть как-то*, не тревожа ни себя, ни подругу лишней же все и раз, не прикрывая и на подолгу же веки.

– Запла... заплати за «такси»... – прошептала она и слегка улыбнулась. – Все... все-таки до ква... до квартиры и ко...

комнаты-то – доставили: по... *поленья!*

– Ну слава богу!.. Теперь-то – *точно*: жива! – Подорвалась светловолосая и тут же унеслась на кухню, прося Артема не выходить из нее и оставаться в ней до конца: резюмируя это тем, что и *действие* же тут, как и все дальнейшее же, что последует за тем-*сим* – не для слабонервных... и *людей*; даже, а и тем более «наполовину». А «беременным ангелам» – можно!.. *Все*: можно. Да-к еще, и как в ее же все и случае, *как* бонус и «аванс»: *как* подруге и *почти* сестре. Ну-жно!.. И сразу же вернулась, приподнимая вновь и слегка ее голову своей левой рукой, чтобы и затем уложить ее на свои же колени; параллельно же еще, и уже правой, ища нужный и не только же уже ей, на момент, контакт: в своем розовом, с розовым же и матовым чехлом, телефоне. И это же еще не говоря: о ее платье на васильках-бретелях и лодочках на плоском ходу. Ничего *лишнего*, только... мож-но. – Хоть и не «здорова»... Совсем!.. *Дурьнда!* – Фыркнула она, но, и все-таки же при этом, да и затем, тихо рассмеялась, сдувая еще и одновременно свои светлые прядки с лица: вместе с мелкими же каплями *соленой* влаги, что таки и прорвались из глаз к коже и наружу, мешаясь, где-то все же и успев, прокатившись и упав, на языке – с горящим... *озоновым* айсбергом. – *Такси*, ага!.. Это *они* мне еще – заплатить и до-платить: должны! *Неучи*...

– За с-столик?..

– За *нервные клетки!*.. Утерянные! – Приложила телефон

к своему правому уху блондинка и зажала его тем же плечом, левой же рукой теперь аккуратно перебирая темные пряди волос подруги, а правой – расположившись на ее щеке: ладонью – у скулы, а кончиками пальцев – близ шеи, чтобы продолжать чувствовать-ощущать пульс. – *Тобой*. И ими!.. Но и ими же – больше. А этот *с-толик* – никогда сюда не подходил!.. Жень?..

И тут же переключилась, начав уже и ему объяснять и разъяснять ситуацию, так еще и прося саму же Софию, между делом, не закрывать глаза или хотя бы *реагировать* ими, если и не *телом*, тоже иногда отвечая, пусть и *ей*: а она уже и *сама* – передаст им.

– Черт-черт-черт!.. – Вылетел из своей машины Женья, только лишь и заглушив двигатель, но и тут же бросив это, как и закрытие ее же самой на ребят. Сам же, подлетев и распахнув заднюю дверь машины Егора, так и не останавливая свой ход, извлек Софию из задней же ее части, почти что и багажника, с уложенными же еще и сиденьями, под ее же все и болезненный стон и рванул прям с места же и *вверх*, к крыше, пользуясь своей силой и тут же Карины же «куполлом», не размениваясь на лифт; да и на и буквально же оставленное собой *пепелище*; и без него же – спокойно «пресекая» этажи, влетая и тут же пролетая через них, из пола в потолок, и так вновь и вновь, пока и в голове же его билось только одно слово: «Успеть». – Держись, малышка! Слышишь?.. Ты

слышишь меня, Соф?

– Д-да... – прошептала, чуть ли и не на последнем же уже и точно издыхании, она; и даже приоткрыла немного свои глаза, сразу же их затем и вновь же прикрывая, только и теперь же еще и с шипением, «порезавшись» ими и на контрасте же: *тьмы* и... света. Ведь и из нее самой так и продолжал *исходить*, выходя, поток света, открытый еще *там*, но так и не закрытый ни там же все и Советом, ни здесь, для пусть и начального, но и хоть какого-то уже ее «залечивания», ее же самой и *своей-ее* же силой; ну и для упрощения им, и ее же все поиска-нахождения уже и на местности же *тут*-здесь, в дальнейшем. Пока, и сам парень же, в то же самое время: был погружен уже и в свою же *черную* дымку, почти что и полностью; за исключением же все и правой стороны своего лица – остального же тела, как и той же все части под одеждой, она не видела, но и *почему-то* была уверена, что и там, «сравнительно», все *так же*, как она и помнила, «чисто»; пока и левую же сторону его тела, как и лица, *стягивали* и тянули черные рваные пятна, не как у далматинцев, леопардов или полоски у зебр, а напоминающие скорее *молнии*, нежели, и сами по себе же, круглые или овальные «точки». Вот только и: *лицо!*.. И, сразу же вспомнив про Влада, как и с кем его сравнивала, нахмурилась и в хмуром же уже прищуре взглянула на «брата». – Раньше я не замечала... может, *уже*, еще не видела... у тебя «тату» на... лице?

– *Их* – и не было... – спокойно ответил ей он, все еще

будучи в своих каких-то мыслях, а затем уже... *еще* и отрицательно мотнул головой, исправляясь: под все таким же ее внимательным, но и «вопрошающим» же, при этом, взглядом. – Их – и *нет!*.. Ни на правой. Ни на *левой*... стороне. Но, как ты и сама же знаешь, *так* бывает: при полном или *не* «обращении»; когда одна же часть тела, или головы, «забита» *чуть* или больше... другой – они просто «перетекают» на свободные участки же: того или иной. Но и только: по *одной* стороне!.. Где *тьма* и... сила: в, так скажем, «особом» контакте и... симбиозе! Что-то вроде и: *дополнительной* защиты. «Доспехов»! Там, где «рисунок» частый и плотный – глубокие раны заживают быстрее, а мелкие и средние – практически и не образуются... совсем!.. – И коснулся своим черным взглядом Софии, сжав челюсти и кляцнув же еще и зубами: на манер зверя; тут же и отвернувшись, а оставившись уже и взглядом – перед собой, обдумывая дальнейшее, но и сохраняя маршрут и путь полета. А она вдруг и вздрогнула, но и не от страха или, тем более, из-за него; в каком он и виде же все уже и почти предстал, *впервые*, перед ней, а *за* него: он был зол, рассержен и... яростен, а значит еще – неконтролируем и неподвластен; но и отчего-то все – не менее безопасен. Да!.. Она чувствовала, и даже *ощущала*, понимала и *тем более* принимала, что он агрессивует, но и *не* на нее: а *из-за* нее и ее же *состояния*; хочет – ей помочь, не навредить, но и остаться *в стороне* и промолчать – не может. – Конечно, если на это нет: *особого* желанья; и такой же

причины!.. – Процедел сквозь зубы он. – Вроде и той, что была у... *Розы*, чтобы «тату»: появилось и проявилось же... на тебе! *Кто* бы согласился; и «портить» же ангела? Пусть и *наполовину!*.. Но *его*: и в «главенствующем» же состоянии! Так и ко всему: *дочь члена Совета!*.. Входя и в конфронтацию же: с ним и... *ними* же! Только – такие отбитые, как она же; и *такие* же, как она, *безнаказанные!*.. Но – это: пока! – И вновь взглянул наверх, по направлению *и* самого же полета; чтобы вдруг и сожаление же в его глазах, как и соболезнование-скорбь, не преобразились в «жалость»; и ей не стало так же все и *еще* же хуже, как и ему самому: от всего уже и всех, вся; решив сбить и перевести тему, так еще и вернуться, так сказать, к началу и истокам, уже и гораздо спокойней договорив. – *Влад*, о ком ты, скорее всего, и параллельно же еще подумала, *до конца* «упростил» себе задачу; будучи еще же и «не как все»! Мы же с Егором – сделали это: от *собственного* желания; и... в *истинном* же значении. Не показухи ради!.. И, как видишь, «по частям»: не целиком и... до лица. *С ним* же еще и самим!.. Никита же, как и Ксандер, этим: не заморачиваются особо; да и не задумываются... *даже*. Им это – и не нужно!.. И я согласен – *в этом*: с ними. По большей же части – хватает и *достаточно*: и «обращенных» же глаз. Что для обороны и отпугивания. Что и для... *защиты!*.. – Но и тут же осекся, оборвав себя и надкусив свою нижнюю губу. – Но бывают – и *крайние* случаи, «меры», вместе с полюсом и плотью: когда время идет на секунды – и нужно со-

вершить прямо-таки и «квантовый скачок», пресекая «время и пространство», чтобы побыстрее: с чем-то или кем-то разобраться и... покончить!.. Как и *сейчас* же все, к слову. Нап-ри-мер!

– Ты говоришь, а я... Я не могу *даже* и вспомнить – чего-то... «подобного». Как... Как и у н... *их!*.. – Повторив, уже и чуть позже за ним, отрицательно мотнула головой София: то ли и подтверждая тем самым свои же слова, то ли и прямо-таки «отбиваясь» уже от «ненужных» *сейчас* воспоминания-мыслей, а то ли и... все сразу. Впрочем, как и всегда!.. Так еще и наблюдая еще за тем, как короткие языки их сил – «стыкуются» меж собой: «взбалтываются», но и *не* смешиваются; где-то даже и переплетаясь, и в моменте, почти даже еще, *уже* и сливаясь. Но и все так же: не пере-мешиваясь!.. Образуя прямо-таки и полноценный: знак «Инь-ян». Белый и *черный!*.. *Свет*... и тьма. И пусть ее «вид» и назывался – «полукровки», полукровные и *частичные*: но и свет же в ней – чуть больше «преобладал», *не* подавляя, да и *пока* же лишь еще над тьмой. И, вот, с ее же все и достаточно уже сильным *светом*, как и его же *чисто-сильной* тьмой – выходило то, что и выходило: и это же был – как плюс, так и минус; ведь, и при имени темного и светлого, *в ней* – он не мог, и в достаточной же все мере, на- и «питать» ее *сам*: имея только лишь *тьму*. Так еще, и опять же все, «сильную»: *в отличие* же все; от ее!.. В какой-то ведь момент – мог не уследить и по-, а там и за-давить. О чем, конечно же, жалел!..

Да-к еще и правило: тьма – к тьме; и свет – к свету, и т.д., и т.п.; просто же и не допускающее *никаких* исключений. Не «здесь»!.. А даже, да там и *тем более*, для «подтверждения» себя. Подтверждая и «полагая», само же и *себя*: как завет Совета. Но и мог же зато: «питать» ее – Артемом; «выбирая» просто человеческий же все и свет, *светло-серый*, ближе и к *белому*, и, смешивая его с его же демонической тьмой, просто *влетать* в свою же и *менять*!.. За счет чего и *черно-белый* же все спектр и *бело-черный*, соответственно, что Артема, что и Софии, не воевали: меж собой; сталкиваясь и... разлетаясь, рассыпаясь и разрываясь... снова сталкиваясь. А вполне, и неплохо же еще, сожительствовали и сосуществовали!.. Почти и облизывая-обсасывая друг друга, как бы это и ни звучало. В тьме и Жени же уже – просто был приток *света* и... тьмы Артема; и свет *Софии* – тянулся к нему: снимаемая, и буквально же, сливки – со всего этого... *этого*... коктейля. Как белую воздушную пену!.. В ее же все и случае: *черно-белую*... Артема же – с *-черных* волн «брата»; которого, сам же и Женя пусть и потратил, несмотря на запреты Полины и что «Егор может говорить и делать, все что ему вздумается и заблагорассудится, в отличие от меня же и тебя», он таки и пошел наперекор этому и... *Егору* же, в тот же самый момент. Вроде как и спасая собой Артема, взяв «по малости», *как* для себя; но и выведя, при этом же всем, того и из сознания. Зато же все и «достаточно» – для поддержания сознания в Софии; чем и «делился»!.. А она – и не чувство-

вала этого, как и «его», даже и не ощущала; или не принимала и во внимание, во всяком случае. Все так же и... *Пока*. Ведь, и все же, ей было в новинку: видеть *таким*, и такого же, Женю!.. Как и *в новинку* – думать о нем: в «подобном» же все; и разрезе. «Осмотре» его; и не с точки зрения же уже. «брата»!.. Хоть он таким, *таковым* и не являлся: по родству. Но и *все-таки*!.. *Брата*. И!.. Без одежды. Обнаженного... Да и хотя бы так же все: и по пояс!.. *Хотя бы*. Чтобы она – и могла что-то да и где-то же: по- и под-, рассмотреть. Уши же вмиг – загорались, и щеки: начинали «к ним» краснеть. Действительно!.. Да. То ли, вот, и дело!... – Ну... Тут стоит признать!.. – Ворвался и тут же *вырвал* ее и из ее-своих же мыслей Женя. – Что ты и сама, не так давно, да и «начала» же еще чем-то и *над* чем-то же подобным задумываться, вообще. Начала и «интересоваться», с точки зрения!.. «Братьев» и их... *Не* братской же все и принадлежности: к тебе же самой; *как* к «сестре». Как и их; и *своей же*... «наружности»; и наружност-ью!.. – И хохотнул, качнув же еще и ее в своих руках, подначивая. На что уже и та – спрятала свою голову, как и лицо, в его же левое плечо. *Как* страус в песок!.. Вот только и *там* – вряд ли были гнезда, как в общем; и *ее* же самой – как в принципе. – Да чего я, не понимаю, что ли?!.. *Все* я понимаю. Взрослые люди!.. Не все, правда. И не до конца... – Она только фыркнула ему в плечо, но промолчала. – Не *совсем*!.. Но и «взрослые» же; да и для *таких* еще, вот, тем? *Да*!.. А что?.. Только скажи – я их зафоткаю, не знаю,

в басике, бане; где *они* наверняка не опять, а *снова*, устроят соревнование; а я и вещи их подожгу, и тебе потом покажу, если захочешь!.. *Захочешь* и перебить же аппетит. Или уж нагуляла *так*, что не перебьешь? Нагуля...л! Тебе. И о...н!

– Зачем ты меня на крышу несешь?.. – Решила сбить его ехидный пыл брюнетка, как и свою же уже и красноту. И, как ни странно, *не* странно, Женя на это только лишь усмехнулся и пошел, да, позволил сделать это ей: ведь и прекрасно и сам же знал, уж что-что, а уж и точно *не* на «такие» темы она хотела, *собиралась*, с ним, как сейчас, да так и в принципе же, по- и говорить. Да и с кем бы то ни было!.. *В общем*. Предпочитая обсуждать и рассуждать *пока* и о *таком* – с собой и... наедине! *Слишком* откровенно же и лично! *Для нее*. И здесь, и как никогда же все, «брат» был не то что и не близок, *далек*: от самого даже и понятия, *понимания* слова и термина же, как таковых. Да и чего уж там!.. О таком – ведь даже: с *родственниками* – не говорила. А уж и *не* с родственниками – и подавно: говорить не будет. Тем более еще и с теми, кто может ее еще и под шумок сдать, со всеми же и потрохами, тем же, кстати и слову, с кем они знакомы и общаются... *оба*. – Они... они ведь могли меня – и из квартиры забрать. Как и *закинули*!.. Ну... В *ту*... еще.

– *Могли*!.. – Ступил на крышу Женя, приняв же уже и свой прежний облик, вместе с Софией: и в один прыжок – оказался у ее металлического острого края. – Но и я же сказал: «крайний случай»! Мне проще тебя и к ним же все докинуть

самому, чем и сходить с ума в четырех стенах: в ожидании их; с тобой же на руках и почти при смерти!..

– И к-как ты планируешь *это* сделать?.. – Изогнула свою правую бровь девушка, поджав левую, и тут же сморщилась: стараясь теперь – не смотреть вниз; но и уж точно – не из-за страха себя *и* высоты, двух же крайностей «одной» и... *фобии*. – Я... я же не взлечу – п-после твоей подкидки!.. Они меня *в-всю*... переломали.

– Да-да!.. Вот, и нам, *кстати*, тоже – это *очень* интересно! – Раздалось громогласно, хоть и тут же все *одним* мужским... и *грубым* голосом, из-за его спины. Но и Женя – не обернулся: и так прекрасно зная – *кто* за ним стоит, *трое*, чувствуя же еще и ощущая, как его угли, что там, что и э-там, вот-вот затопит вода *морская*, *парное молоко* и... при-сыплет же все это *дело* влажная и разрыхленная земля; как и зная – *кого* среди них нет. *Одной*!.. И кого он *слышал* – ментально и из квартиры: в компании Александра. И *кто*, на кого же он и до сих пор же все смотрел, *смотря* вниз. Кто, и в отличие же все от него, сможет как подкинуть, так и вернуть его «сестру» назад. Кто, как и она же сама, и с *ней* же, была частым гостем *там*, когда как и София же сама *тут*, «в аду», резко-редко, но метко, обучаясь, поначалу все, *и там, и тут*, спускаясь же еще и поднимаясь временами, также и общаясь, также и *друзья*. Кто был первым, но и не последним, на тот же все и момент времени, кто подружился с ней, ввел ее и «в курс дела», что школы, что и в дальней-

шем университета, где и как она могла «пропадать», не прогуливая, учась «параллельно», просто еще и *наверху*; помог и адаптироваться, улучив таки еще и, так сказать, пропуск «Дочь члена Совета» и «По благу» к их же, Софии и Жени, отцу, когда же и последний из-за «видовости» же все и *ранга* – нет. Но и кого, как и сзади же все стоящих, так и не видела пока сама же София, как и *не* чувствовала; в отличие же *уже* и от последних, а и точнее же все *последнего*, кого как слышала, так и *слышит*, до сих пор же все угадывая эту *ночь* с первых ее-*его* секунд, как и до того, в процессе, в квартире же Артема, так и после, и всю же дорогу до дома: сквозь рев машины и попытки привести ее в сознание Полины. – Жек, не дури!.. – Продолжил *Егор* напирать на и напутствовать же самого его, готовый сам, и в любую же секунду, сорваться и предотвратить придуманное на эмоциях *братом*: но и до последнего же все при этом оставаясь на месте; все же надеясь – на победу холодного разума... над горячим сердцем. – Она упадет ничком – и разобьется! А тебя выше «предела» – все равно не пустят!.. Без *дозволения*. Разрешения!.. Да, они знают *уже*: про *всю* ситуацию. Но и *спустятся* сюда и к Софии: сами. Тебя они там – не ждут. И тем более: не пропустят!.. Даже: с ней. *Тем более*. *Никаких* исключений!

– А я – и не «полечу»!.. И «пресекать» – ничего не буду... *больше!* – Осекся парень, вспомнив и свой же все буквально и недавний же полет: *в* этажах. – Я сказал – то, что *сказал*: под-кину. Что должно обозначать «это самое слово», то оно

и обозначает!.. – И выставил свои руки с Софией же вперед, над пропастью... «во ржи», и только, вот, не *ржа*, буквально; да и не «над гнездом кукушки». Но и она же еще – не полетела. *Пролетая!*.. Лишь только *пока* и слыша, и вместе же с ним, хлопки крыльев, чуть в отдалении-*глубине* пока и... внизу. Чей-то подлет?.. Или «переправление»?

– Жень!.. – Но она не успевает продолжить, как и что-то более того сказать; а там – и сделать. Только слышит крики, но и уже не может точно расслышать, как и, *вместе* же с тем теперь, и увидеть: кому *именно* они принадлежат. Всем ли?.. Или все вновь же и кому-то определенному? Из-за так и перекрывающего весь обзор – своей грудной клеткой, как и тут же все «спиной», Жени. Успевает только глубоко вздохнуть, на грани шока и ужаса, своего же собственно-личного кошмара и тут же так же выдохнуть, да-к еще и закашлявшись, буквально и подавившись же вновь воздухом, *не* своим, своим и из-за броска ее же тела в... него же: *подбрасывания* ее и перед собой-ним же, как и чуть же еще над своей-его же головой; как и резкой смены рук... под собой. Куда легче уже, к слову, и мягче. Тоньше и... Нежнее. *Светлее!*.. Но, и вновь же не успев осмотреться, как и прийти до конца в себя, от всего, вся и всех же сразу, навалившегося и на нее же все за эти несколько минут, она вдруг и взмывает же вверх... *на руках* у... *Карины*. Так еще и *какой*: *Карины!*.. Полностью поглощенной, как и Женья с «сестрой» и до нее же все, но и уже полностью *белым* цветом языков... *небесного* же света и

«пламени». Несущейся самостоятельно и во всю же прыть, под сами и ее же саму неся в сами же небеса. И только спустя какое-то время брюнетка смогла и хоть как-то уже на это среагировать, благодарно ей улыбнувшись: и сразу же ловя такую же, ответную и от шатенки для нее широкую и яркую, прямо-таки и *режущую* же глаза улыбку; и после чего же, наконец, смогла провалиться в более-менее долгий сон, пережив слишком много за сегодняшний день, а там *год* и... век. Но и не теряя же еще пока и окончательно сознание, как и *чувства*, не впадая в кому и анабиоз, благодаря еще и ранее же все напитавшему ее, силой и энергией, Жене. К слову!.. Как и Артему. О чем она, конечно же, до-знает, но и уже позже. *Позволив* же и тогда еще: довосстановить так же и себя, пусть и в легкой, но дремоте, на грани реальности и сна, реалий и фантазии, воображения!.. А что уж говорить и за те же самые все: тьму, свет *и*... Слыша лишь теперь, да и на задворках уже, все стихающие и стихающие, медленно, но верно, свист и хлопки, крики!.. С куда и большим же уже одобрением; хоть и с теми же еще – *серьезностью* и даже остервенелостью... снизу:

– Вау!.. – Выдохнул Никита, смотря вслед уже практически и превратившейся в белую точку на и довольно-таки уже большой высоте Карине с Софией же на руках; правда, уже и «наоборот», с прижатыми крыльями, вниз головой; пресекая «грань».

– Да, малой!.. – Хлопнул того и по левому же плечу Влад,

таким образом еще и приобняв его своей такой же рукой: смотря так же все вверх и в его же направлении взгляда. – Может, *теперь* хоть – разглядишь в ней: кого-то. Какую-то и «другую»... *Иную!* Вообще, хоть и какую-то: *девушку*. «Кари-ну»!.. Сменив, знаешь, «угол обзора».

– Да... – протянул шатен, но и тут же смекнув, глянул на него и пихнул от себя – в левый уже и бок: придясь правым локтем ровно в его ребра. – Не заглядывайся на нее!..

– Дьявол меня упаси!.. – Шикнул рыжий и отстранился, потирая ушибленное место своей уже и свободной левой рукой. – И, вот, помогай после этого... *людям!*

– *Твоими* «благими намерениями» – весь *ад* уже «исполосан» хайвеями!.. – Хмыкнул Егор и пнул его уже и сам, но и только лишь с правой стороны и своим же так же все левым локтем. – Ничего личного, *брат!*.. Для симметрии. Только для и *ради:* нее.

– Так *это* ж – «признак ограниченности»!.. – Согнулся теперь уже и полностью Влад, шипя и отплевываясь-сплевывая, как верблюд.

– Я ему *то же самое* сказал!.. – «Приковылял-таки» и к собравшимся уже и вокруг Влада ребятам Женя.

– *Красавцы!*!.. – «Возгордился» блондин. – Сила, на то и «сила», чтобы ее пользовали... и *ею* же пользовали-сь: два дебила! *Сила* есть – *ума* не надо?.. Идемте! Не терпится посмотреть: как Поинка его отделает, узнав, что он... и с *ее* же все подругой, после всего и *ею* же пережитого, хотел сде-

лать. *Заметь!*.. – Сделал тут же насечку он и ткнул в грудь темноволосого своей правой рукой... с кулака: будто тому и так мало от него досталось, *словесно*; но и *акцент* же он просто и *обязан* был сделать. – Я не упомянул-сказал: «со своей “сестрой”»! Как видно, с *этого* момента – она ей не является.

– Да, Егич!.. – Простонал Женя, явно уже и устав объяснять одно и то же, так еще и *ему*, но как и до, так и после «побоев» – должного эффекта его *исповедь* и на него же все так и не произвела: и ему приходилось уже и именно повторять-ся, надеясь, только лишь и *надеясь*, на доходчивость и в этот же все и тут же *уже* раз. – *Все* же было – спланировано; и *заранее* – оговорено. Я б не сбросил ее... не «подбросил», будучи неуверенным в том, что Карина: на подхвате... и подхват-ит же ее!.. Как бы и тавтологично это ни звучало.

– Аполлинария – в курсе?.. – Изогнул свою правую бровь Егор, поджав левую, и одним лишь только этим вопросом-аргументом – разбил всю браваду и стену защиты того, заставив тяжело простонать и отрицательно мотнуть головой, признавая-сознаваясь. – *Ре-бя-та!*!.. – Пропел тут же он, растягивая гласные по очереди. – Не знаю, как вы, а я жду махача и разноса: ставя на «блондиночку»! Вот, грех же на душу взять – не сделать этого и так: да-к еще и не топить за «своих»; пока и «они» же – топят сами же *их*. Кто со мной?..

– Ну, Егор!.. – Крикнул в проход металлической надстройки с лестницей, между крышей и *их* этажом, Женя, но

и тот уже, вместе с Никитой же в обнимку, скрылся из виду: напевая незатейливую песенку Кроша и Ежика из «Смешариков», то еще «Тайное общество», но и зато с «На», а не Бараша и «Ля»!.. И для каждого *свое* – это самое: «зато».

Подорвавшись с належенного места, будто бы и по хлопку, от выстрела, если уж и не будильнику, а там и каким-то и своим же уж биологическим часам, но и на самом же все деле от *фантомной* боли, рези и инородного же все по- и прокалывания, девушка снова была прижата к кровати, своим же все и *целехоньким* правым боком, да и не кем-нибудь еще, а Егором, как и, конечно же, пока не к себе-*нему*, оставившим *все же* и довольно-таки приличное расстояние между ними, их телами, пусть и левую же свою руку все-таки и перебросив через ее же левый бок, но и, предусмотрительно же все, не касаясь его, как и ее же самой: «установив» ту – над ней и ним, как бы дугой и *дугообразно* же, уперев кисть ее перед ее животом и блокируя еще, таким образом, ее же все и саму и такие же ее любые позы, например, *перевернуться*; или, как и сейчас же все, «встать». И да!.. Пусть ее и, как могли, «залечили», основательно *вытравив* все и вся же, всех, не принадлежащих ей, «вычистив» ее, и буквально же все, от и до: она сама, и до последнего же, никак не разрешала, а даже еще и запреща-воспрещала, требовательно-назидательно и неукоснительно, прикасаться к ней-себе; как и боялась касания – любой ткани или и уже *чего-то* иного к себе же. За-

то, не боялась – своих же касания!.. Но и чего, уже и в *свою* же очередь, как раз таки боялись и все остальные. Ведь и она же – все еще чувствовала и *ощущала*, пусть уже и внутри, но и все то же, что творилось... и творил-и с ней: *снаружи*; да и на каком-то еще и впрямь – *подсознательном* уровне. И вела же себя, как и все дети, что хотят поскорее избавиться от своих выпадающих молочных зубов, что таки и поддаются же на «раскачку», но так сами же и не выпадают; только бы лишь – не ходить и лишний же раз все к врачу: в данном же все и *примере* – стоматологу; дожимая и, фактически же все, *наильно* вырывая их у себя же. Что же уже и до данного же все и «случая»... *с Софией*: она, *как раз таки*, и хотела же *уже* избавиться – от болячек, ороговевших кожных покровов-корок с запекшейся и на ее же все ранах кровью. Что, и вроде бы, не так уж и сильно-то мешают общей жизнедеятельности, как и в частности же все так же особо не вредят; наоборот, даже, а там и *тем более* помогают, защищая от еще большей кровопотери и заражения; но и так ведь и просятся «быть содранными». Для нее!.. Ведь и, так и чувствуя, ощущая же все и сухость своей кожи, слезающей рваными слоями, как после загара, да-к и тут еще в комплексе-комплекте с теми же все и болячками, она так и старалась-пыталась, на первых же все и порах, избавиться и убрать ее с себя, содрав. Только ведь и очнувшись, после окончательного же уже и перемещения в квартиру Александра и парней, а ныне еще и Жени же с Полиной, не говоря уж и про «гостящую» там

же все и время от времени Карину, она с какой-то и впрямь же все нечеловеческой силой, каким-то прям и «маньяком», проснувшись в себе-ней же, с *остервенелостью* терла свою левую сторону: и пусть, в основном же все, руку и ногу; и *все же!*.. Было ведь так и непонятно: что и скорее-быстрее – она все-таки же и сотрет?.. Тот бок, которым чесала и вычесывала? Или тот, который чесала и вычесывала!.. Развязки же и итога никто, как и прежде же все, ждать не стал; себе, как и ей же все дороже; и просто полностью же взяли и заблокировали ей руки, «спрятав» кисти их в красные перчатки... для бокса! Да-да. *Комната Никиты!*.. Тот еще клад... и склад, всего же и сразу, как и для всех и вся же все... и сразу. Оттуда – и взяли. Ну а для *чего* же еще – они могли пригодиться... и быть же все пригодны? Не *для бокса* же все и самого. И!.. «Кого». В самом-то деле. И да!.. Просто взяли и поступили же с ней, как и все с теми же маленькими... детьми: любой же все «масти» и... вида; уж в чем-чем, а в этом – они все были похожи и... равны, как на подбор. Те же все и «антицарапки», чего и нет?.. Чтобы только лишь и не причинила и себе же все сама вреда: не нанесла и травм; вроде и той же все «татуировки Тайсона», под новый же все и тренд на маникюр «ногти-когти», резко повернулась, еще и в процессе же чесания открыв глаз и... поминай как звали; «моргни» с пальцами же «мир» или «козой» у них же и «иголкой все в тот же и... раз» – нервно покурят же в сторонке, когда хоть и какая-то уже ее мечта – сбудется у *нее*

же, «тату когтей», ну да, аж два!.. И не «О». Да и не «добавь воды». А перекиси и... йода. Тогда уж и *я-ду* же все; и сразу – не «работает» же уже и это: только здоровые кожные же все и покровы – сожжет: в кучу. А оно *и* ей же тоже – надо?.. Нет. С ногами же, к слову, было попроще: их так же «просто» же все и, но и уже *буквально*, укрыли-укутали черным ворсистым пледом; каждую ее ногу – отдельно и в свой же «носок». Ну а спустя время, когда ее уже и более-менее же поотпустило, а пот на себе-ней от борьбы и сопротивления, собственного же все и вредительства, со всеми и ко всем, как и *себе*, начал нервировать и ее же все саму чуть больше, чем и ощущение же все и «грязи» *в* себе, как и каких-то же еще шелушек, ее развязали. Предварительно же еще, перед этим, и на всякий же «с»: убрав из ванны все мочалки, будь то мягкие или твердые; как и все колюще-режущие, типа бритв, а уж и за *маникюрный набор* – вообще можно было промолчать! Как и за то, чтобы и ей же вновь *пришлось* справляться *самой*; и им же все – спокойнее. Помогать же себе, как и прежде все, она запрещала!.. Но и хотя бы все, сами же ребята и девчата, были уверены, что, и даже самой наимягчайшей губкой, она себе кожу не *снимет*... повторно. Просто – не сможет: ни с ней, ни без нее. Ну, а «закончив» с водными процедурами, она и вовсе залепила свою левую сторону, проложив под пластырь марлю; чтоб «наверняка» *и* для своего же уже и спокойствия, что, и в свою же уже очередь, было и «спокойствием» для всех; и только тогда переделась

в свой темно-синий тканевый костюм, с длинными штанами и *прорезиненными* манжетами по краям, как и на кофте, с длинными же все и рукавами, без замка, поверх нижнего все и спортивного белья в тон и без косточек, как и швов. И да!.. Как и прежде же все: са-ма. Под обещание же и уговор: *полного* отсутствия касаний; как таковых, так... и *любых*, всех и к себе-ней же. Только в таком же еще и случае – она согласилась: *уже* и прилечь; хотя бы даже *уже* и чисто *подремать*, для своего и всех же блага, так еще и какого-никакого, но и сна, для *восстановления сил* и регенерации. Но, и вновь же все, как видно: *с переменным*, но и хоть так *уже* «успехом».

– Т-шш... – прошептал-хрипел тут же блондин, почти и неслышно: тоже, вместе и с ней же все, в частности, как и все и от всей же еще и ситуации, в общем-целом, вымотавшийся изрядно, и таки успевший даже немного и поспать. – Лежи – спокойно. Я – *никак* не трогаю и не *касаюсь* тебя!.. И *перевернуться* – тоже: не дам. Обещаю! Спи...

Но, так ничего *нормально* и не ответив на это его заверение, лишь кивнув, брюнетка вновь «утонула» головой в белой шелковой подушке; почувствовав же почти тут же и на своем же все теле – приятную а и, главное, *легкую* ткань черного ворсистого пледа: поверх, и через *прослойку*, тканей до него; состоявшую из ее одежды и в цвет же подушке шелкового покрывала. И только спустя какое-то время – решила на просьбу:

– Можно мне?.. – Но и сразу же затем осеклась, хоть и не

услышала отказа тут же, но и решила-сь же все же сделать паузу, как бы еще и перестраховываясь; но и когда она же продолжилась, и за ней же все ничего не последовало, *продолжила* сама. – *В души...*

– Малыш!.. – Грузно выдохнул парень: как в принципе, так и все еще же находясь на грани сна и яви-реальности. – Ты же – уже была...

– *Пожалуйста!*.. – Даже и не столько уже по-просила, сколько и взмолилась она, перебив его: ей все еще – было противно. *Все еще*: липко и гадко!.. Мокро и... «грязно». *Мерзко!*.. Будто ее кровь – так и не остановилась, часами же и ранее; и ее же все и не остановили – дополнительно и *извне...* вовсе. Не залечили и... Не пролечили. И она продолжала же все литься и... за-ливать ее: как и это же все белое целиком и полностью шелковое постельное белье, под и на ней, саму постель и... парня рядом же с ней. Которому, к слову, не столько было и важно, что они оба и в одежде... на расправленной кровати; пусть он и тоже же все, «вместе» с ней и... *после* же всего, принял душ и переоделся, *отдельно* же, опять-таки, и от нее, в белую свободную просторную рубашку, застегнуто-растегнутую наполовину снизу-сверху и подвернутую же в рукавах до локтей, «наброшенную» поверх светло-синих рваных джинсов, закатанных в штанинах над щиколотками; сколько волновал лично ее, как и его же все, такой же «личный» и тут же *общий* же комфорт, ощущение домашнего же все и уюта, а и не так, что они просто

прилегли или он *вдруг* и по-боялся, испугался ею и все же испортить, загрязнить и... испачкать. Чьему понимаю же все и вопроса, кстати, как и чьего «принятия», не отвечала и не понимала уже и сама же София, вроде и того: как он мог, и *так* спокойно же еще все, с ней и до сих пор же лежать; когда и ее же саму, и буквально же все, «топило» в крови и... ошметках ее же кожи, «мяса»: оставляя голыми – лишь самые нижние ее слои, мышцы и... кости. Почему это все чувствовала – она, а не он?.. Почему и он же все, как и один же еще из них двоих, не обращал на это – никакого внимания? И почему же все – обращала она? Неужели ему и *настолько* же уже – было на-плевать?!.. И ни разу же не задумалась над тем, почему *именно и только лишь* она: может, это все и есть – те самые «фантомные боли» и... ему-то и не было, на самом-то деле, на это плевать; да и чего уж – *совершенно*; просто: немного в другой, *иной* плоскости. Вроде и того, когда и она же все, раз от разу, проваливаясь в дремоту, «сном» это все же еще-уже и можно было назвать *с натяжкой*, по итогу же: теряла сознание, падая или нет уже в обморок, сил и на это же почти не осталось, так и после чего же еще – резко пробуждалась и начинала говорить, не открывая глаз, а в моментах же еще и кричать, стенать-стонать, хрипеть и, давясь дыханием, даже, а и *тем более* уже и выть. Ему же и вообще, временами, казалось: что если бы не он, да и не «держал» ее – она бы была уже далеко-далеко отсюда. Буквально: поднявшись-вскарабкавшись же по стенам, на четвереньках или

на своих же все и двух, на потолок; а после него – в окно и... вышла бы! Далече и... *Глубже*. Вылетела бы – и глазом не моргнув. И да!.. Она – мучилась. *Ужасно*... мучилась. Но ведь – мучился: *и он*. В том самом *понимании*-принятии же, что: если она и восстанавливала, хоть и как-то уж, свои «потери», ту же все и «невозможность говорить», тогда-сейчас, то он и именно же все «мучился» лишь и от понимая, *осознания* того, что не может, и уже вряд ли, наверное, когда-то и с-может, ей *ничем* помочь: если она не может, не захочет и не хочет, помочь себе сама. А банально – и не «просит»!.. А она – и не просила. *Отказывалась!* Да. И опять. И снова... Но и хотя бы уж, и тут же все – пока еще, чего и хуже, не впадала в истерику: буквально уже умоляя-моля – не трогать ее; как и не касаться – никак!.. Всю дорогу же, от квартиры Артема и до них-их, она позволяла-дозволяла это – разве что Полине: которой, скорее всего, *еще* и не вспомнила, *если* и вспомнит уж – крутившись в бреду и в испарине же агонии, как и тот же еще *уж*, да и юла, в одном флаконе; весь тот путь и все же такое же время; с температурой, если и не перепрыгивающей «градус», то граничащей же все и с ним, раз от разу, умирая и возрождаясь же вновь. Горя и... «вымораживаясь», тут же; *снова* и... «горя». То и туша себя саму же и такими же «своими» слезами, то и больше же еще воз- и *разгораясь*... от них: как от «горячительной» же смеси и... *для розжига*; из глаз. Да и повторяя лишь только – одно и то же, как зажевав кассету и заев-заездив же еще и все

же это дело пластинкой, что: она *горит*. Действительно... горит; и ее же нужно *срочно* по-тушить. А и перед этим же еще – срезать-снять всю кожу, *содрав* ее и голыми же руками: так как огонь уже и начинал проникать *под* нее; и плавить уже и ее же все, но и «изнутри», *расправляя* кровь и... органы: разливаясь лавой и... *душа*, травя дымом и гарью, выедавая им. И пусть же она – и не была драконом!.. Она была – *вулканом*: готовым, вот-вот, пролить и из-литься же все магмой; на всех и вся, все. Ну а он!.. А что: *он*? Вновь же все и не найдя, что ответить ей в противовес; и на ее же все не «прошение», а там и практически же *мольбу*, так еще и срывающуюся почти на всхлип и болевой же стон; убрал свою руку «с» и от нее, с тяжелым вздохом, и «упал» спиной на кровать. Не столько и устав, да и от лежания же еще, пусть и на правом же все боку, *вовсе* не устав, плюс же ко всему еще и вспомнив-припомнив, один и на двоих же все, «их» прошлый *инцидент*; было б ее желание и воля – всю жизнь бы *с места* не сходил, «естественно», при других, более и позитивных уже временах, эмоциях и чувствах, ощущениях; вернувшись просто и воспоминаниями же все, *поностальгировав*, в то время, сколько и от нежелания, чтобы она увидела его «такого», скорбящего, жалеющего ее и... сострадающего ей же. Даже и руки же еще свои – на лице скрестил, упираясь кистями их в спинку кровати: чтобы не нагнетать обстановку и пуще прежнего же; не дать ей и дополнительный же, хоть уже и куда более *второстепенный*, но и все-таки же «повод»,

чтобы *снова* погрузиться в пучину отчаяния и боли, страданий и мучений, тоски и одиночества, «разъедающей» печали и... *солью* же – так полюбившийся и *им* же двоим: «шоколад». Да!.. В *нем* уже и давно – не было никакого: какао. Ни натурального. Ни... Только: соль. Кристаллы ее и... *Море*. «Их» же!.. Словно: «соленая ванна» и... *без* воды. *Соленая* комната... ее души. «Снежная Королева» из снега и льда – серьезно уступала *этому*... изваянию: из *горечи* и кислоты; *белого яда* и такой же *смерти*. Но и радости же от победы, «первенства» – особой не было: лишь те же все и... *вкусы!*

– Тебе помочь?.. – Все-таки затем и уточнил же он. Так, «в порядке бреда». И!.. *Уже*: в порядке же; и бреда! Ну а вдруг, и на этот же, вот, раз, прокатит: и она таки и позволит же ему – поучаствовать, а там и разделить – ее же боль... *с* ней, поделив ее – на двоих. Да и чего уж там!.. Как-то даже уже и загладить те «углы», образованные: невесть кем и... так же все «чем». *Хотя*; и почему же все: невесть?.. Всё же, как и все и вся же, было понятно уж – и до дрожи... неприятных мурашек: *по коже*; и зубного скрипа. *Той*, что сейчас как раз, и *все же еще*, почивала в кладовке; так и явно же еще – и наслаждалась же всем этим, скалясь. И пусть Егор *даже* и делал то же самое, но, и скорее же, а там и *точно*, «точа зуб» и ожидая, вы-жидая, когда уже, наконец, и сможет: прикончить ее! Лич-но. А не *прикончить*, так и избавиться. И уже в этот раз – точно: *раз*... и навсегда!

– Я...

– ...сама!.. – Слетело тут же и с его же губ, в продолжение: в ее же, кстати, еще и тоне; вот только и громче, строже и... *глубже*, прервав ее еле и слышимый сип. – Ну да!..

Даже и не дослушав ее *второе* же и слово, так еще и «перебив» же ее саму, как и она же его чуть ранее, но уж и точно не «в ответ», он и *уже* же – знал его... наверняка; и наперед. И дело ведь уже было – далеко не в «шаматах»; как и просчете – тех же самых все и «шагов». Са-ма! Да!.. А *чего* он и еще – мог ожидать? Что она вдруг и очнется, нет, *очнувшись*, кинется – и ему же все на шею?.. Аж два раза! Да-да. Чего и не «три»?!.. Он – и не думал об этом; даже и не «мечтал». А уж и куда там: загадывал!.. Не «это» уж; и точно. Вот только и, «как минимум» же *если* то и... *то*, что она: не «закроется»; и хотя бы попытается – все и «нормализовать»... вместе же с ним! С его и «открытием» же, *встречным*, к этому и... ней. *Ним!*.. С его же – даже еще; и подачи. Как, и *тем более* же, «шага». Чего уж?.. *Очередного!* Да. И сам уже ведь не помнил: *какого* и по счету же уж... за день! *Сут-ки!*.. *Сутки* же – она приходила в себя: находя... *себя*; и тут же *теряя*. Попеременно!.. Да и буквально же все: в его и... *на* его же все руках. А что, вот, и он получил же, по итогу – за это и... *не «это»?* *В ответ!*.. «Холод». Не «благодарность»?.. К чему?! Она ему – и не нужна!.. Как и все же, в прочем. Вся же и *хвала!*.. Но и «Спасибо» бы ему; как и любому же, в принципе; в виде *альтернативы* или нет, вполне бы и хватило. Ведь и он же еще все... *еще*, как ни крути, а пытается и все

же, всех и вся – вывезти: уже и на *своих* двоих. Вернуться – к истокам!.. Где *та* – стерлась, пусть и не вся. Но и где *были* уже – они. *Другие*: они. Но по *этой* же все и тону уже, ее и отстраненности: он, и в который уже раз понимал и, пусть и не *принимал* же все пока, но и ловил же себя, *находя*... в самом начале. Не с ней-этой... *Даже*. А тем более: не с *той*. В одночасье и... одиночестве же, лишившись одной; и обретая вдруг *в ней* же... и другую. *Совершенно*... другую. Не *ту*!.. Но – и с куда более удручающим желанием, в себе, не начинать все: *вовсе*; и уйти – первым. Причинить боль – себе. Хотя!.. Куда уже и больше? *Откуда*, да? От-кого... И ведь, как интересно же все однако, не зная этого – она и *уже*: мстила ему – сама. Неосознанно, и вновь же все, поддаваясь уговорам разума, а не сердца. Не эмоциям и чувствам, ощущениям!.. А словам и... мыслям. И да, *действиям*. Но и подходя же ко всему и всем, вся: с горячим разумом и... холодным сердцем. Не *наоборот*!.. Да и *холоднее* же все и даже, чем и у него же самого. Что ж!.. Так, видимо, и должен, *разворачивается* «бумеранг»; и «прилетает» карма. *По адресу*. И да!.. Пусть это и заслуженно, *вполне*, пусть он это и заслужил, но и отчего-то же так не хотелось этого, именно *сейчас*: когда все только-только начало налаживаться, в любое другое время, пожалуйста, он бы и сам позвал и объятия раскрыл; но *плохое* – это далеко не тот гость, который приходит по зову голоса, оно приходит по зову *сердца*, когда и «так хорошо».

– Егор, пожалуйста!.. – Развернулась к нему девушка,

немного лишь не дойдя до двери ванны, как и до нее же самой, но и успев-таки стянуть через голову кофту, оставив ее же все и пока болтаться на локтях своих же рук. – Давай в другой?..

– ...раз?.. И опять же все!.. – Раскинув свои руки уже и по обе же стороны от себя, «вширь» и прямо-таки равноценно же ногам, улегшись уже даже и не по горизонтали, диагонали, а и в форме же «звезды», чего и мелочиться, он в секунду же перевернулся и присел, свесив с кровати ноги, и водрузил на сцепленные же в кулак кисти рук, воткнутые локтями в колени, свою голову, никак *особо* не отреагировав на ее уже и полуобнаженный вид: разве чуть заострившись в чертах лица и... «пустив» желваки *гулять* по коже, сомкнутыми же челюстями и сужеными глазами; а и по ее – мурашки и нервную дрожь. – Ко-неч-но! Все, *как* хочешь и за-хочешь же – *ты!*.. Может, позвать Артема, м? Вдруг и *его* же помощь – ты примешь! Ну, *так*, навскидку... «Пить-то» с ним – ты согласилась! Вместо и того: чтобы вернуться домой!.. *Сю-да*. Домой!.. – Отточил и разъединил каждое же свое слово отдельно он, срываясь на крик, но и не переходя же в него до конца; пока.

– Я же – «вернулась»!.. – *Сорвалась*, уже и вместо него же, София: и только после уже поняла, что «зря»; она-то – и «зажгла» его сама, выступив если и уж не фитилем, сами, как говорится, с усами, то и подожженной спичкой... для его фитиля *в бензине*, да.

– Да!.. – С рыком подорвался тут же он и, в один же взмах ее ресниц, преодолел расстояние меж ними: заставив ее сжаться от «резкого звука» и тут же вжаться в темную деревянную раму дверного же проема; ощутив затем и своей же *пока еще* «теплой» кожей – холод поверхности за собой. – К нему домой!

Поймав же своими испуганными карими глазами его злой и почти уже даже яростный, *серый* «звериный» взгляд, она, как оказалось, упустила параллельно и из виду же все – его руки, что одновременно приложились и в хлопке, достаточно громком и «стук», по обе же стороны от ее тела, в чем и заключался тот *звук*, а затем и пропали: вместе и с его же все и телом, только же вот и стоявшим перед ней; а и точнее же все и «грудью», в которую она хотя бы и могла *чуть спокойнее* смотреть, без опаски, по крайней мере все, и *до* этого. Теперь же – она смотрела: на и в его же все широкую спину. Своей же, в свою очередь, уже и касаясь... *древесной* коры. И, не успев отойти от своего первого шока, как и его такого же порыва; который, и как же было все и еще-уже же видно, по той же и расправленной во всю же ширь его же спине и перекатывающимся мышцам *и* под ее кожей, *еще* хлопотал и «бурлил» внутри; она вошла в другой, *совершенно* другой порыв... *ветра!*.. И, натянув же свою кофту обратно, еще и раскрыла свои и так, и без того же все «от рождения» больше глаза, как и рот, осматривая место, куда он ее «перенес». Под ними. Были. *Скалы!*.. Самые настоящие – *серые*

скалы, «уходящие», в, как она уже и затем поняла, такое же *море*. «Темно-синее»... море!.. Так еще и «бушующее»: где-то внизу; *как* перед штормом. Врезаясь в выступ, скалистый серый же *обрыв*, на котором они сейчас и стояли. То же и массивное зеленое дерево, с большой и раскидистой кроной, у которого они и оказались вначале, так же все и «начинало» долгую вереницу и рощу, *лесную* рощу: из таких же все, а где-то и *нет*, деревьев; на вкус же все... и цвет, *всех* мастей и видов, *подвидов!*.. Помимо дуба, в один из которых она и «определилась», ей еще же удалось рассмотреть: сосны и ели, кедры и лиственницы, каштаны и пихты... Как *в частности*. А в целом же!.. Это была – зеленая стена. Самая настоящая: *лесная* стена. Уходящая – все дальше и дальше. Дольше и... Глубже. А и в самой же ее-своей глубине и темноте, «черноте» – она уже и практически же полностью переставала пропускать свет и разделяться, не распределяясь в темно-зеленом спектре, оставляя-отдавая уже и все бразды же правления: тьме. Но как этот лес и начинался, так он, собственно же все, и *обрывался*: переходя своей лесной земляной коричневой тропинкой, с еловыми зелеными иголками и темно-коричневыми шишками, еле и заметной зеленой короткой травой и листвой, в голый серый камень и скалу: на самом конце которой, возвышаясь над водой и лишь чуть не доставая неба, стоял Егор и... смотрел вдаль; *в* горизонт, который, разве только из-за темного, почти и *черного* уже неба, отличался от водной глади: при любой другой погоде, ясной

и солнечной, София была уверена, они бы сливались и переходили, просто и *перетекая* друг в друга, одно в другое.

– Не хотел, чтобы нас «подслушивали». А и тем более: *еще* и получали удовольствие... от этого! – Проговорил блондин, убрав руки в передние карманы своих штанов, но так ни разу и не обернувшись; даже и не повернув головы – в ее сторону. А что уж говорить и за то, когда она уже и сама поравнялась с ним и встала *почти* рядом, ведь и *все же* чуть поодаль: не столько и боясь быть сброшенной им же с выступа, навстречу все и тем же самым острым камням, покрытым бежево-розовыми ракушками и темно-зелеными водорослями, поднимающимся из и над водой, сколько не желая вновь попадать под «горячую руку», за что и *уж* кого бы то ни было; не хотела ведь, и да, как обычно же все, *конфликтовать*, ругаться и что-то, *кого-то* выяснять. Как и *что-либо*... о ком-либо! Но и, как уже и было же видно, по его же все и нахмуренному лицу, как и так до конца и не расправившейся-расслабившейся позе: без этого и *уже* же все было – нельзя; и никак! Что ж, а и другого-то – и ожидать не приходилось: ведь и кому, нормальному и адекватному, в конце концов, и понравится – возвращение бывшего... *и*-ли бывшей?.. Да еще, и под шумок, и сами, «восстановленные» с ним *или* ней какие-либо отношения. В чем пусть и сама же уже девушка не была, как до конца, так и в принципе же все уверена, да и более того не хотела-желала этого; а узнав *еще*, и мимоходом же все, от ребят, что это его не «первый» год под... «эгидой» Розы,

но и *первый* без Анны, вообще старалась, пусть и далее, держаться от него подальше; но и следовало же все же, конечно, *начать раньше* и... уже и *принять*, что его «участвовал», как знаменовало же все, так и знаменует собой и «участвую», как: *до сих пор*. Но и вера же ее в людей, *буквально*, была еще: непоколебима!.. За что она, и опять же все, как ругала, так и ругает же себя; но и так же все – ни к чему не приходя же, по итогу: *вера в лучшее* – оставалась, а, вот, и подготовка же к худшему, *с сим*, страдала, вместе и с самой же Софией, в моментах еще и отсутствуя же полностью. – Заодно, хотел и *сам* проветриться; и тебе – это *место* показать!.. – Продолжил хоть и спокойно, *внешне*, но и в то же время напряженно, *внутренне*, он: продолжая так же все, и *для нее*, совмещать... несовместимое; как и *веселую* усмешку с... горечью, что прямо же и чувствовалась на кончике языка; *не* у него, так и *у нее* же точно. – Время, правда, неудачное выбрал! Но и когда оно бывает – иное и... ин-ым, скажи?..

– *Твое*... «место»?.. – Спросила она и прикрыла глаза, глубоко вдыхая морской воздух: дыша ветром и... *морским* же бризом; с мелкими солеными капельками, взлетаю-взметающимися от удара темно-синих, с белыми же и воздушно-пузырчатыми «гребешками» пены, волн. Так и норовящих же все же – добраться до них, поднять, доползти и... *коснуться*!.. Но и отступающих, в самый же и *наипоследний* момент, чтобы набраться вновь и еще же немного сил; и вновь же – взметнуться. Беря же все и их же двоих, скорее как «мини-

мум» и *минимальную* же точку отсчета; а уже и небо над *ними*... всеми – как максимум и «максимальную же точку», но и тут же – *не* окончания. Будто бы, и стараясь же еще, «соединиться» с ним – и в противоположной же его и *видимому* же все «горизонту» части, чтобы уже образовать и единый, «неразрывный» поток и круговорот воды, и *лишь* «синего» же цвета, в природе. Но и, простояв так еще какое-то же время, в тишине и почти полном таком же молчании, разрываемом и «разрушаемом» разве что *шепотом* воды под ними, ее прибоем и *отбоем*, «шумом» и ветра в кронах деревьев за их спинами, София все-таки приоткрыла свои глаза и посмотрела на Егора, только сейчас осознав, что пусть он так и не развернулся к ней *целиком*, всем же своим корпусом и телом, но и хотя бы уже и повернулся к ней головой, как и взглядом, смотря теперь *прямо* на нее. А что еще и куда более интересно, по крайней мере и из открытий же все на момент, для нее: он и так, и этак – смотрел на, а там и *в* нее!.. И да. Как понять – это одно. Так и *принять* – это совсем другое. Но и какое же все же значение и значимость, как оказалось, так и произвело же на нее – это место; это-т... *он*. Это же и был: он!.. «Место» *само* – это и есть, как и был, он: целиком и полностью; его же и *душа*. Отражающаяся еще, и на задворках его же глаз, зеркалом: как *зелень* леса, *серость* скал и «тьма», *глубина* воды. И ведь не сюрприз-сюрприз, в моменты, как и сейчас же все, когда сгущались темно-синие воды и почти черные же тучи – вода и сама становилась, бы-

ла почти что *черной*: так еще и добавляя и *своей* же темноты – в зрочки; в радужки – и «природной» же смеси. Уходя... и «уводя» – все дальше и дольше, глубже: *за* задворки же; куда-то, в только и ему известные уголки уже и *под*сознания, в *его* закрома. – Можешь не отвечать!..

– Почему ты была – *с ним*, София?.. – Все так же спокойно, но и не убирая же *своей* уже даже и *природной* стали из голоса, спросил Егор: особо и не утруждаясь ответом, а даже и не задумавшись над ним – на ее же все и прошлый вопрос, как и не беря же в расчет – ее же и «разрешение»; она ведь и *так* все поняла – и без него, это он понял *еще* и по ее же глазам, а вот, то, что *понял* он, но и *не* поняла она – нужно было срочно прям и уточнить, с ней же все, и *прямо* здесь и сейчас. – «Оказалась»... у него. И... *Дважды!*

– *Первый* раз – обусловил *второй!*.. – Грузно выдохнула девушка, обнимая себя руками и отводя свой карий взгляд куда-то за его спину: ведь, и *как раз*, в этом же все и «месте», куда ни плюнь, а и могла позволить себе *не* смотреть ему в глаза, зная, что и без этого «контакта», так и так, смотрит на него и... *в* него; «в ответ». Но и все-таки чувствуя себя куда более спокойно – не «попадая» в «будто бы» *специально* же все и для этого, время от времени, расширяющиеся его зрочки. – Когда они меня «забрали»... Сил у меня хватило – только на «сигнал о бедствии» и... *крушении*. Я – потеряла сознание!.. Службе же и безопасности, «охране», перед тем, как и вызвать, а там уже затем и *спустить* «медиков»:

нужно было «переместить» и меня – в безопасное же место; из которого потом уже, и последние, *после* – смогли бы меня и забрать: если уж и не на полно-плановое лечение, то и на залечивание-латание. *Единственный* же и вариант был, и «остался» же все на момент... моей *отключки*, по «неостывшим следам»: тем, что так же все и *оставались*... у меня в памяти. «Артем». Его... *образ*. Ну а Полина!.. – И прикусила губу, отрицательно покачав головой. – Просто не захотела оставлять меня *там*... до и *для* них – и вызвала вас: откуда потом, кстати, и от вас же все, меня и забрали – в лично-частный лазарет... *Совета*; куда после же и запретили, строго-настрого, вход всем и вся же, всему. Только – *выход*. И то: редкий!.. Ну и вернув – уже после всего и... *всех* процедур: к вам.

– А что *обусловило* – первый?.. – Прищурился он, нахмурив брови и поджав губы.

– Ну... Точно: не «Стокгольмский синдром»!.. – Решилась все же и пошутить, пошутила-ла брюнетка, но как *пошутила*, так и посмеялась, собственно же все и «как обычно» же, *сама*: он же – никак не отреагировал на *это*... ее; словесно. Разве только, и лишь *телесно*, передернул плечами и... скривился: что и означало, что ее «шутка», не только *не зашла*, но и вызвала... не самые приятные ассоциации; «ужасные», даже. А и *омерзительные*, тем более. И что стоило бы ей – еще что-то сказать-добавить, помимо; если уж и не сделать. – Кхм!.. Полагаю, что... *Точнее*!.. И «уверена» же уже,

что... Страх?

– «*Страх?*» – Не поверил блондин и склонил голову к своему правому плечу, не теряя девушку из поля своего цепкого сине-серого взгляда. – Только не говори, что от и *из-за* моих же все: «мнимых» угроз. *Даже*: ты. Тем более – *ты!*.. Как «думающая», в большей же части своей жизни; если уж – и не всю ее, как и *сейчас* же все, например; должна была понять, что они... *именно* «мнимые»: пусть и с призывом же все – бежать и прятаться! Но и... *Да и*: к «кому»?.. *За* кем?! Не самое ли и «безопасное место» – под крылом и *своей* же все смерти, м? Не *твои* ли слова – это; и... *были!* Или: *уже* и нет?..

– *Мои*. И!.. «Нет». Это *не* было – «реакцией» на них; и на... *тебя!* – Вновь отрицательно покачала головой девушка; только и теперь уже – опуская взгляд вниз. И совершенно же, при этом, не удивляясь – *уже* и наличию же обуви: на ногах. Скорее бы и она – удивилась: ее же и *отсутствию*. Равно, как и его же заботе *во сне*, а там и забот-ы о ней. Тогда бы, да, то есть «нет», это уже было – точно: все. *Точно* – конец! *Финал*. И... Без права обжаловать, «вертнуть» и отмотать... *обратно*; да и что уж либо *там* исправить. – Скорее: на себя! В какой-то же момент, всего на секунду, на одно *крохотное* мгновение, мне показалось, что... в том правиле; где я, все и вся, всех же подвожу и буквально, не то что уж и не оправдывая ожиданий, а и в принципе же еще и «под удар»... *подставляя... собой* и из-за все «себя» же;

ты – не будешь тем и самым же все «исключением», просто подтвердив его, а станешь, как и все, *им* же, «правилом». В котором я, как и им всем, так и *тебе* – сделаю больно. Не потому, что: ее заслуживаешь – ты!.. Или *кто* бы то ни было. А потому, что... *Ее* – заслуживаю: я. И кому, как и не мне же самой, *ее* же себе и... *приносить*? «Сама же я *себе* – больно не сделаю»!.. – Фыркнула она и усмехнулась: в который же еще и раз отмечая – насколько кислота ее собственной же травы – *гармонизирует* с горечью... его же соли, мешаясь на рецепторах. – Как минимум потому, что не замечу!.. Я же *настолько* и достаточно, к тому моменту, привыкну к ней, что: буду делать это, как само собой разумеющееся; и не требующее причин, как и... *следствий*.

Повисла пауза, в которой она чувствовал лишь и его же все взгляд *на* и в себе, но так ни разу и не рискнула, как и он же все сам ранее и с ней, встретиться *с ним* своим: не столько и потому, что боялась увидеть в нем что-то, что могло как-то ее и сбить или покоробить, ранить, сколько и боясь сбить собой-своим и его, *его* же и самого; ведь она и сама – *так* часто делала, просто «залипая» на ком-то или чем-то, ведя же все и баталии только в себе и *внутри*. В такие моменты, не столько же был и важен сам предмет или человек, сколько понимание и принятие же его, как *якоря*: который держал бы на плаву и не позволял мыслям растекаться, разбегаться и расплываться, разлетаться в разные стороны, не будучи полностью обмозгованными и пришедшими к чему-то или

кому-то.

– Карина убедила меня – в обратном!.. Точнее... – Продолжила спустя время она, но и тут же сморщилась, крепко сжав веки, и прямо-таки закачав-завертев отрицательно головой: из стороны в сторону; не «выметая сор из избы», туфта, как и с *причинением* боли себе же, так и хотя бы *пока* из своей же головы. – *Продолжила* – за тобой. Почти после и твоих же все слов о том, что... меня могли, и сделали, насильно применить; и *мне* же могли, и так же все *сделали*, насильно вменить то, что: я – мученик; и *заслуживаю* боли. Что, и по этим же *самым* уже следам, я могла уверить себя, и «уверовать», увериться в этом; разуверив, параллельно и одновременно же, в другое и... *иное*: где бы я могла быть, и *есть*, как раз таки, и «достойна»... *любви*, к примеру!.. – Пожала она плечами, поначалу, и *привычке* же тут же, не придав этому какого-то своего особого значения, «отнесясь» к этому, как обычное же все, и чему-то незначительному; но и сразу же затем исправилась. – И не «к примеру», а... так и есть! *Твоей* же все; и любви. Мне же *до сих пор* кажется это... *таким* «неправильным». Но и «иначе» я уже так же: не могу!.. Будто и *процесс*, как и с Полинкиной же все беременностью, был запущен, заранее же еще «отлажен» и *настолько*, что и выбил же все на всех своих порах и... такие же все «прочие» установки: на обочину и... за «борт». Снеся же – все прошлое; и оставив н... ичего!.. Чтобы, и как раз таки, уже затем: начать заново и... построить такое же «свое». Но-

вое. Пусть и как хорошо же все забытое старое!.. Но и я же все никак, при этом, как ни пытаюсь: не могу отделаться от мысли и эмоции, ощущения и чувства того, что... Ты – мой брат. И как бы!.. – С губ ее сорвался нервный и истеричный смешок, подбиваемый хриплым кашлем; и после же еще и глаза – мельком взглянуть на него. – Так и *есть!*.. *Да...* ведь? *И до сих пор...* – И снова – себе и «в себя»: в *пустое* и... не смотря же на него *самого*. – Но, и тут же все, с другой стороны – такой же, как и... Женя. Как и я же все – «сестра» и... вам же: всем! Я вбила же – себе это в голову: сама!.. Нарочито. Нароч-но!.. Чтобы только лишь – не пытаться и не биться же все, лишний раз; чтобы не стараться и не искать... причин. Не противодействовать и... не чувствовать. Не *ощущать*. И не эмоционировать!.. Проще же – отказаться и... принять: столп причин; нежели искать и *найти* хоть и одну, но и «возможность»! Сказать себе «*Нет*», вместо и того, чтобы побороться за «*Да*». Я же – решила: пойти от противного и... заглушить все это, «отключив». *Затуманив* и... задурманив. И это я же все сейчас и *понимаю*, что... – ну а теперь уже *кислую горечь* – почувствовал и про-чувствовал и он: но и уже не на кончике языка, а по всей ротовой полости; так еще и стекающую далее, по гортани и... в желудок, – ...предаю всех тех, кому и он же все, *Артем*, сделал больно. «Сделал» – так же, или нет, но и: как и мне!.. Да и продолжал же все и делать, хоть и божился, что покончил с этим; но нет. И где же эта «женская», а там и *мужская* же еще, чего нет,

«солидарность», да, когда она и *так* нужна?!.. Там же, где был мой язык. Меня тошнит – от этого!.. *Всего*.

– А *меня* тошнит от того, что ты вновь переключилась – на других: вместо и того, чтобы продолжить о себе, Соф!.. – Повысил голос Егор, явно требуя, а даже уже и не прося, обратить на *него* свое, *ее*, внимание: что она и сделала; не без тремора, конечно, внутри, как и снаружи; и *все же*. – Он как делал, делает... так и *будет* делать: я же тебе это еще и *сам* же все сказал! Влад – сказал... Да и *все!* Как и то, что... – и оборвал же себя так же все «сам», горестно хмыкнув. – *Человек!* Понимаешь?!.. Припугни его – смертью близких, родных или... друзей: и он, как песик, если и не на передних лапах, то на задних – прыгать начет и... «будет»; во исполнение же всего, всем и вся же... *сразу!* Только бы и его, да и людей же все, буквально, али нет, но и вокруг же все него, не трогали!.. *Ужасно* – звучит. Согласен. Но и *это* же – так!.. И я, мы – не бесчувственные. Но и за счет же все того, что наша «шкура» вечна, *чуть же все и дольше*, так или иначе: она, оттого, и так же все, чуть *менее* дорога; чем чья-то, иная и... другая. Ему же – плевать!.. Роза. Анна!.. *Ты!* Но и если же те... *две* знали: для *чего* он им был нужен; и «юзали» его так и *не* так, этак, по-всякому, то и на кой же черт он сдался тебе, после *и* всего того, что сделал *тебе* же?!

– Он был – *первым*, и как бы это и *уже*, на данный же все и момент ни звучало, с кем я «поделилась»: всем же и тем, и пусть так же все не «всем», но и что копилось и на-копилось

же во мне – уже *тогда*; и «последним», с кем я делюсь... дел-илась, до сих пор. Это... «Привычка», Егор!.. – Всплеснула руками София, уже даже и не столько понимая, сколько и при-нимая всю ущербность и нелогичность своего же положения-поведения, на тот же все момент и до *сих* же дней, но и неспособная же еще пока это и без «не», как сформировать, так и сформулировать-выразить как-либо *иначе*; что уж говорить – и за «изменить». – *Вторая натура!* Как курить. И... Как «пить». Да и все же, что угодно-удобно!.. Я же и говорю – *вбила в голову!* Вби-ла!.. «Избавившись» от всех и оставшись же одной, я... – и резко выдохнула-вдохнула, сдерживая пока еще, но и самые же уже что ни на есть *рыдания*, готовые, и вот-вот же, вырваться наружу, – ...только ему и могла рассказать-сказать. *Только* ему и могла же: «открыться»! И да, я *и* уже же ненавижу себя – за это: за то, что позволила. И ладно там... «Любить»! Позволила – зависеть и... стать же все завис-имой, *очарованной-не-разочарованной*: от него и... в нем. Позволила – привязать... и привязать-ся. И только лишь *потом* уже: и «разочароваться»!.. Но и на тот же все момент и кроме него же – у меня никого и не было. Точнее!.. – И, наконец, откашлявшись, сделала все же и уже «отметку» даже на этом, *акцент*, исправляя-сь. – Опять же: *кого* бы я и подпустила к себе – сама же; и *ближе*, чем его. Мне же и тогда же все казалось: настолько это... правильным, что ли! «Нужным» и... Важным. «Должным»!.. *Казалось!* Что я и не замечала: ничего и никого; *кроме* же.

Я... отвлекалась – с ним, понимаешь? Как и... Отвлек-лась. В *этом* же – уже все; и «случае». С ним же я и возвращалась, «вернулась» – туда, в тот самый момент, когда и где я *только* появилась. «Родилась»!.. – Всплеснула она руками и усмехнулась, пропустив даже и небольшой «хихик». – Как и тот же все... «Лунтик». И где, пусть и была же уже Роза, но и был же он. Я же и с Полиной – столько не делилась. С *Кариной*!.. Сколько: с ним. Но... и да, «теперь-то» уж и я уж понимаю-принимаю, что это же все было – не от большой любви, как и... – и бездумно-безумно потрянула головой, отгоняя и *изгоняя* же даже уже это и не это, *все*, что, так или иначе, могло и смогло бы вывести-довести же ее сейчас: окончательно; и пусть «освобождения» же и *уже*, конечно, хотелось, но и не в виде же *цунами*, при всем же обожании и любви к природе и таким же ее природным *стихиям*, но и не в ногу же себе стрелять и доску под собой пилить, иначе же еще, занимаясь сноубордом, в горах орать и... у *морской* воды же стоя – *лихо* будить-кликать, – ...ни от *какой* и ни от чего; ни от *кого*. Ни от Розы, а и тем более *Анны*, во мне!.. Первая же – пользовалась им, чтобы вытащить *вторую*: нарочно блокируя и «уводя» же меня, *отбирая* и записи; сначала же еще и от того, что он знал *ее*, как и... вы, а потом уже и от его, *ее* же, жертв. Но... Так или иначе, а я и уже же все уверена, что и по «связке» же с *ней*, как и с ним, я, как раз таки, и *могла* бы: отхватить-прихватить – всех... и сразу. За все и *ее* же время: тут. Но и *тогда*!.. – Сделав очеред-

ную паузу и более-менее уже вдохнув-выдохнув, она вновь глубоко вдохнула, набрав побольше и *своего* же уже «воздуха», и, размяв, чуть и расширив-раскрыв же еще, и тем самым, свои легкие, для последующих и *последних* же уже наверняка, как минимум и в этом же все плане-разрезе, слов, продолжила. – *Это* был: спокойный мир. «Розовый» мир!.. – Вдруг даже еще и улыбнулась она, хоть и не любя же этот самый цвет всем сердцем, но и вспоминая, помня и... *понимая*: насколько же они в этом – и *похожи* же ведь с Никитой. Да и не только же: в этом. Как в принципе. Так и в общем... Во всем!.. *Как...* «Дети»! – Под «очки», если будет угодно. Да и: *удобно*. Это было – *мое* прошлое... *в настоящем*: куда я могла пойти, прийти и войти-зайти – без предупреждений, вопросов; и... уйти так же: без ответов. Где бы – меня не трогали, *излишне*, и я: *никого* не трогала!.. А и тем более: где бы ко мне не клеились... в процессе и всего же этого. И это же – тоже, кстати: *Почему* – Артем. Он – знал, как и сам же еще *ужасно* поступил: и не лез; как и не давал же лезть и с *тем же самым* все – и другим. И пусть изредка же еще: жалея и соболезнуя, сострадая; но и я же уже тогда – погружалась «в дым» и... банально... не *видела* же всего... «того». Так еще: и не слышала... И не понимала. Не осознавала и... Не принимала!.. И пусть же я все, как корила, так и корю себя, что закрывала глаза, зная и *не*, один же фиг, *не освобождает от ответственности*, но и ничего, как не могла, так и не могу же до сих пор поделаться с собой: пусть

уже и *скорее* «вчерашней»!.. – Сжала челюсти она, до скрипа и хруста же самих зубов, *будто бы* стараясь, и таким же еще образом, сделать себе больно и еще же большее-больнее, внутри и внешне, одновременно и... *параллельно* же; чтобы отвлечься и вывести себя – на полный негатив... к *одному*. и такой же, но и уже *позитив* – к другому. – Единственное же, что я и могу, а там и *точно* же еще да и *уже* смогу, это последовать «твоему» примеру и... перестать уже сравнивать: вас; установив же, и так же все *уже*, как «данность» то, что... я увидела *тогда*; и закрепить-ся во мнении, что для него я «сестра», а для тебя... *девушка*. С таким же, да, все: скрипом и... треском. «Визгом»!.. Металла о металл и... Ногтей же по стеклу. От трения резины же... и о резину. И прочими зубодробильными-дробительными и веновскрывательными же звуками!.. – И, сморщившись уже и сама, вспомнив все и сразу, из выше же и собою еще перечисленного, так еще и недосказанного, да и как будто бы еще, вместе с тем, и ощутив же все это, одновременно-параллельно, еще и грузно выдохнула, продолжив под занавес, но и с такой же еще и «мотивацией»: с еще большим напором-запалом. – Но и *все же*! И отправить их уже и *всех* – к Совету, закончив и со всем же этим: просто раз же уже и навсегда; сделав так, чтобы это ни то что не повторялось – не *повторилось*; убрав все *копии* и оставив только лишь «оригиналы»!.. Убрав смерть; и оставив *жизнь*. Оставив – «себя» и... друг друга! *Нас*... Полностью же исключив и *изгнав*: мешающее и... лишнее. Из-лишне-е!..

И, оборвав вдруг и *сама* самую же и себя, резво выдохнула и только собралась, постаралась и набрать же еще, хоть и немного уже, но и воздуха, для последнего и точно же уже «окончательного» захода своей тирады, как и осознала же так же все и под конец, *поздно*, что тот и был крайне-пред-*последним*, и ее не хватило, как и не *хватит* же на нее всю, и придется не только поделить, но и раз-, а там и *доделить* и, наверное, забыть; как и почувствовала же за спиной «препятствие», не позволяющее *будто* и ее грудной же клетке, как и легким в ней, раскрыться во всю ширь, как и спине, *лопаткам*, но и позволившее, в то же самое время, уловить опору и... ее же *тепло*: вместе с *дыханием* в один ритм с ней и... таким же ритм-ом *сердца!*.. Она и не заметила, как он, а это был и именно же Егор, оказался за ее спиной, бесшумно сдвинувшись со своего-его же и до «настоянного» места и даже и *подтолкнув* ее немного к краю, так и не касаясь, не *коснувшись* ее; по крайней мере и руками; так еще и закрыв ее, уже и своею же спиной, от *темноты* и тайн, секретов леса: открыв же и грудь, в оборот, бескрайний мир, что внешний, что и внутренний, морских глубин и... *пучин*. Только, *казалось бы*, и сейчас: пришедших в свой *спокойный* ритм. *Будто бы* и синхронизировавшись, встроившись, как в ее, так и в его же и до, *их* и после же уже: *ритм*. Больше и не стараясь коснуться их; да и забрать с собой и *к себе*: а лишь накатывая на камни, *облизывая* их шершавую поверхность и оставляя на них затем свою легкую белую пену; подбирая

и ее же затем – на втором и... последующих заходах-*кругах*. Вместе с тем – и небо развиднелось: и сквозь его еще имевшиеся, но и уже куда более редкие, так еще и именно же *облака*, начало пробиваться яркое желтое, а и главное же все *теплое* солнце. Настал – *мир*... и покой!..

– Дыши... – прошептал и на ее же все правое ухо хрипло он. – Не «против», а *по*... Как ветру... Так и «течению». Так – легче!.. «Встройся» в поток – и... *дыши*.

– Я была *с ним*; и *оказалась* у него; не потому, что чувствую что-то к нему... – «сорвалась» затем уже и сама на шепот и тихий же все хрип-сип брюнетка, уже даже и не стараясь, не пытаясь перекричать его; ветер или море, что и также все было и бывало, а там и указать на свою же все и *важность*, тем самым, да и в этом-этой же все и их недоспоре-переругани, *своим* уже и повышенным тоном-голосом; а отдавая *теперь* и всю же себя – на слух и чувства, ощущения и... *эмоции*: как и глубокое, размеренное, в такт и ритм же все *с ним*, дыхание. – Или что-то же: «по-чувствовала»! А потому, что... чувствую это же... *что-то*... и *к тебе*. И боюсь же за то, что этим самым «чувствую» и... *чувством*: могу ранить, в любой момент. При этом, будучи же еще и уверенной, что *точно* же не «я» и та, из нашей же все с тобой и... «пары»: кто это может и, скорее всего, «сделает». Как и так же все и точно «та», кто не позволит – это сделать и *тебе*: сделать больно... *мне*! Себя же *как*, и подкинув же, на замену: на амбразуру. И не потому, что: «боюсь боли»; и не хочу ее –

к себе, а хочу ее – и (к) тебе; а потому, что *ты* – не хочешь ее: сильнее. И да, банально, скорее всего: быстрее простишь – меня, чем *себя*. Простишь – *мою* боль; нежели и «свою»!.. Принесенно-причиненную... *тобой* же – мне.

И, так и оставив свою левую руку *при себе*, правой же уже и он проскользнул – по ее талии и остановил ладонь на животе, чуть лишь придвинувшись-подойдя сзади к ней, но и только для того, чтобы нормально уже «подняться» от ее уха и коснуться ее же затылка своими сухими губами, никак более не контактируя. За что уже и она же сама была ему безмерно благодарна: представляя, только же и «представляя», *насколько* ему, наверное, а там и *точно*, это непривычно и... тяжело. А и там же еще – *именно* тяжело; и так же все безмерно, но и уже *больно*. Да и им же обоим! Ей так и точно было – за что и... *него*. Но, и она же это *знала*, что он – старался!.. «Старался» не только для нее, но и не показывать же этого: как сам, так и *для* самого же себя уже; будучи солидарным с ней, как в принципе, так и в общем, относительно же все и: жалости, скорби и сострадания. За что, и опять же все, она была *благодарна* ему; но и только же уже теперь – еще и *вдвойне*.

– Ты – *не* «мученик»!.. – Проговорил он в ее темные волосы, обдавая кожу ее головы и шеи своим теплым дыханием с привкусом хвои и ее же все *вплетенной* сиреневой сирени... после дождя: сохраняя спокойствие и размеренность, как и среднюю же все громкость своего голоса и тона. – Ты – *ан-*

гел. Пусть и *все же* еще: наполовину! Но и ты можешь, а и главное же *еще* «должна», думать о себе: чуть чаще, дольше и дальше, глубже и... *больше*, чем о других, чужих, иных... *всех*; и... «обычно»! И да!.. Как ты уже и правильно сказала, где-то же еще и недосказав... *прямо*, но и имея же это в виду. Я не могу... И не *хочу*! – И, резко выдохнув, хмыкнул, покачав еще затем и сам же уже и своей отрицательно головой. – *Не буду* ничего тебе обещать!.. В разрезе же все и того, что у нас... все будет тихо и мирно, *спокойно*; без сучка и... задоринки. Без и... «боли»! Начало, как ты уже и сама увидела, *видишь* и... еще и чуть ранее же все сказала, *обуславливает* и... располагает, и *буквально*, да и уже даже не «предполагает» – не к тому и не то, что и могло быть, *может*, «возможно», а там и *точно* же: кем-то из нас, а там и обоими, мечталось и *мнилось*, воображалось и... «фантазировалось»!.. Но и знаешь... – и не успев даже как-то и взгрустнуть от *правды*, коль уж и не «обидеться», она буквально же и увидела его улыбку, как и такие же хитрые искорки в его глазах: как если бы и смотрела на него, стоящего здесь и сейчас перед ней-собой, а и не за спиной, – ...меня это и *так* – вполне себе устраивает; и *больше-го* же – не надо. Как и *меньше*... Но и «больше» – того, уж и имевше-имеющегося, точно! «Не так, как у всех»... Но и «да»: в *нашем* же все – стиле; и духе! Такое же что-то... *с чем-то*: ненормально-неадекватное!.. – Но и почти тут же затем стал серьезен, *как никогда*; как и недообъятия же его – крепче и сильнее. – Но и *если* же я что-то

и пообещаю, и *выполню*, помимо правды и обучения-выучения тебя твоей-своей же значимости и... *ценности* для тебя же самой, как *самой* же себя, так и для остальных, я сделаю все, чтобы отбить у тебя: «право на *боль*»; потому что, если я, как и «сердце» же все нашей пары, буду медленно, но и при этом же все *верно* умирать «внутри», ты, как и тот же еще, но и все же «мозг», будешь умирать снаружи – быстро и... *неверно*, *знавшись* и *заг-навшись*. Ты же не простишь – себя; да и *чуть* раньше же все, чем я; и наворишишь *гораздо* больше, дальше и дольше, глубже и... хуже, чем я. И если, все так же, и в случае же со мной – я все-таки же и отойду, все трезво и «обмозговав», так или иначе, ты же еще долго не обратишься к *сердцу*, а как и *обратишься* – я уж, и к тому же самому моменту, все верну на свои-их же все места, на круги своя и... не *один* раз! *Специально* я этого делать, конечно же, не стану!.. Не *буду*! – Тут же и заверил он ее, как уже даже и прочувствовал на себе же ее пока еще и легкий мандраж; да и затем еще попытку развернуться, чтобы поправить и исправить *уже* его. – Но и *как только* – так это буду: я. Сама не уйдешь – я *отпущу*. Но и чтобы только *после* – вернуть тебя: *домой*!..

И, как и получив опору, так же быстро ее и утерев, София все-таки развернулась, но и никого так и не увидела: ни за собой, ни рядом... и нигде бы то ни было поблизости.

– *Отпустил*?.. – Нахмурилась она, все же спросив и вслух.
– Разбежалась!.. – Разошлось по всей округе его прямо-та-

ки и басом, но и каким-то все же веселым и даже игривым, мурчаще-рычащим: заставив ее, в этот раз, пусть уже и не содрогнуться, но и подпрыгнуть-усмехнуться. – *Разбежалась* – и «прыгнула»! Ванна... «Одиночка». Чем и не альтернатива: душу? Для *души* и... Пока: без *меня*.

И, поначалу же даже и воспротивившись; плавать же так и не научилась, не умеет; она все же дослушала его и, когда только еще и собиралась, собралась и выказать же, выразить и высказать все свое негодование насчет его же все и *предложения*, вспомнила про *истинное* назначение, само же *место* и, пожав плечами, не находя уж и причин для отказа; «да», так и без *исключений* «да», да и не враг же он сам себе, куда уж и *до нее*; так же не желая и далее взвешивать свое согласие и несогласие; как *причины*, а не возможности, и пусть даже затем и в виде же *следствий*; «за» и «против»; чтобы случайно еще себя и на автомате, *заранее*, не разговорить-разубедить; не раздеваясь-разбегаясь, а и с одного же все прыжка, таким же еще и «топориком», сиганула вниз: навстречу так *неожиданно и приятно*, а еще и удачно-удобно взметнувшейся к ней темно-синей волне, так еще и *уместно* подхватившей ее и белой воздушной пене, смягчившей удар ее тела о воду, своими мягкими и даже нежными пузырьками покрыв ее с головы до ног; а там будто еще и внутри, добавляя такой же еще и легкости ее *и* внутреннему же миру, словно бы и шоколад, и она же сама, как *шоколад*; и унеся на *самое-самое* темное и даже *черное* дно, в самую-самую глу-

бокую пучину и такую же *глубинную*... «бездну». “Кто проживает на дне?.. А *чуть дальше?* Кларнет... «Батискаф»”. «Что, “кларнет”?..». “*Что:* «не смог»!”.

Глава 26

Погрузившись во вновь набранную белую ванну полностью обнаженной, девушка ушла под мутную воду сначала по шею, а после – еще и «пряча» подбородок с нижней губой, когда же и верхняя только и успела, что прикоснуться к согнутым коленям, плотно прижатым к груди сомкнуто-скрещенными поверх них руками, и сжалась после уже – максимально и сама: находясь будто бы и в *позе эмбриона*, но и, в то же время, все еще вертикально, сидя и поперек все той же чаши, смотря теперь лишь поверх нее, ну и *себя*, в щель так до конца и не закрытой темной двери, ведущей уже и в спальню, в которую она и сама не так давно переместилась – после и того же все *своего* прыжка со скалы. Что ж, в отличие и от последней же все... *серой* комнаты, в которой так и преобладали же больше именно серые, *темно-* и даже черные тона, *ванная* же комната – была обустроена ей ровно в противовес: в *светло-серых* тонах и... с прямо-таки *белым* наполнением!.. Где и светло-серая же все средних размеров плитка, от пола и до середины стен, уходила под потолок – с каждым разом становясь: все светлее и светлее; чтобы, и под конец, да и так же все *без* явного перехода – перейти уже и в белый... натяжной потолок: с таким же встроенным в него... *холодным* светом. В самом дальнем же ее углу – на-

ходилась душ, отделенный, в самом же этом помещении, своей отдельной стеклянной дверью: просвечиваемой и просвечивающейся... *полностью*, уже и без матовых вставок; с металлической ручкой и краном, самим душем-лейкой... а так же – встроенной подачей воды с потолка. Рядом уже и с ним – располагалась все и та самая же чаша, в которой и разместилась девушка: с тем же самым все и красном, только уже и без «душа», с соответствующей же «затычкой», ручками по обе стороны ее и... подушкой «в изголовье». Чуть левее же уже и от нее – был в тон же все и унитаз: со встроенными металлическими кнопками на стене и таким же мусорным ведром правее. А у самого уже почти что и выхода – присутствовала подвесная раковина... в цвет; и такая же стиральная машинка, почти что и тумба, да и так же все «в дверь», но так ни разе и не сделала, походу, попыток «к бегству» или и *удачных* же все, по крайней мере. На самой же раковине – стоял прозрачный пластиковый стакан с «цветными» щетками и... упаковкой зубной пасты; и еще один стакан, в тон-цвет же все и первому, только уже и с металлическим бритвенным станком, лезвиями и средствами для бритья. Чуть поодаль от них – покоилось белое кусковое мыло: в металлической «скелетообразной» мыльнице и белые бумажные полотенца на металлической же стойке. Ну а справа уже и от нее, и над машинкой, на белой пластмассовой отопительной трубе – висели маленькие белые и серые средние полотенца: для лица и рук. Как и на двери – два, белое и серое,

банных халата и большие же, серое и белое полотенца: уже и для тела!..

Поименный их как качественно, так и обычно же все и количественно пересчет – позволял Софии же, как и позволил же опять слушать все, что происходило внизу, сосредоточившись, как на «баранах», но и не вслушиваться же все и особо: не боясь, чтобы заснуть, а, и используя же еще шум стиральной машинки, как и тот еще белый, да и чего уж там, уже даже и *розовый*, иронично, не позволить и не дать своей уже и психике словить спойлеры – раньше же нее самой; уж лучше и поздно, чем уж и... *никогда*. А что же и так «громыхало» в ней?.. Ее мокрые же все и вещи, вот только уже и не от того прыжка, но и чтобы *тоже* сразу простирать и высушить, переодевшись, и до этого же все момента, уже и в «новые» вещи, так еще и перед этим, как и прежде, заклеив новыми пластырями с марлей, и забинтовав же все это дело поверх бинтом, левую сторону; избавившись, собственно, соответственно и соответствующе же, от *старых* – выкинув их сразу и в мусорное же ведро, перед *тем* уже и как вновь же погрузиться в воду, проделав все же это вновь: только уже – и от конца же к началу. И да!.. Ее – залечили. Обработали – все; и *восстановили* даже – целостность кожи. Но она все равно – чувствовала: *грязь*. Чувствовала – мерзость и... *Ощущала* же: кровь!.. И сливая же все, таким образом, и вновь набирая же воду, она просто отказывалась братья и за что-то же: кроме и обычного же все... *твердого* мыла.

Пусть даже: и практически – без отдушек. Но и другие же запахи, жидкого... мыла или геля для душа, шампуня, были для нее – резки и противны. А это, хотя бы, не раздражало ее обоняние: так еще и создавало, хоть и такую же, какую-то, но и «мутность» же все... воды; без пузырей и... пены. И дело же еще, а там и уже, тут было – далеко и долго, *глубоко*: не в «трипофобии»!.. Это позволяло ей – именно спрятать, скрыть себя же, ее, от... себя. Ну не могла она... *И* не хотела!.. Не могла и не хотела – смотреть на себя... такую: даже, а там же все и тем более – с и под же преломлением. Чувствовала же себя и чувствовалась сама, как и сама же все в и по себе – отвратительно. *Максимально*: отвратительно!.. Да-к еще – и нагрубив Егору. Запретив ему и как-либо же еще себе – помогать: *несколько* раз подряд!.. И пусть же, уже и он же так же все, никак к этому затем и не вернулся, переключившись, да так и оставшись, в разрезе же все и нее, *сразу* же и на Артема; но и она-то знала, понимала, а и главное же что уже при-нимала, что это было – обидно. Как минимум!.. А и *как максимум* же все – неправильно: с ее стороны; и по отношению же все – к нему. А уже и затем – к себе и *в... себе*. А что уж там и говорить – о нем и... *в нем*!.. Ведь и не столько же еще *отказываться* и отказаться, сколько отказываться и *отказаться* – именно: так. Но и она же еще была – настолько подавлена, впервые же все и секунды своего появления-проявления здесь, оставаясь, да и осталась, *оставалась* же еще и сколько ей же, так и до сих пор же все считай, что... и *не*

могла же никак: иначе. Настолько же – забитой и... жалкой. Что и не *хотела!*.. Ведь уже и не столько «казалась», сколько и *была!* Ей просто не хотелось – видеть... этого всего... к себе. Даже!.. *Тем более:* от него. Что и затем – перехотелось видеть «даже»: *и* его.

Андрей был не прав, сказав, что: она – все забудет!.. Что «плохие воспоминания» – сотрутся, за-трутся... и уступят место: *хорошим*. По обычаю же уже и все: соврав. Ведь и выходило, *вышло* же все... так, а *не* иначе. Как и всегда же все, впрочем!.. *В жизни*. Где все хорошее – стирается: в щелчок!.. Словно бы и сотка же все тех же далматинцев. Без пятен! *Помесь*... с лабрадором. Только, вот, и стоит же появиться одному, всему же и в пятнах; прямо-таки и темному, *черному* лабрадору; как и все они же – срываются и, буквально же еще, *отрываются* на нем: собравшись, как рейнджеры или... трансформеры – в одного, но и такого же еще большого... *некормленного*... «белого волка»; что и: «добро же вновь – побеждает зло». *Так*... кажется, во всяком случае. Ведь и происходит же все, *почему-то*, до наоборот. И «так» – всю жизнь!.. А и точнее же: существование. Где и за неимением оного; *белое* да белое, какой прок и толк; было – *только*... черное. Плохое!.. И пусть: лишь только – в *одном* пятне. Но – и на *целый* лист!.. А3. Ватман. Шажок, липутик, для *человека?*.. И гигантик – для... *всего плохого*. И вот, что и получается, у сознания, а там и подсознания, не нашлось, просто *не было* другой, *иной* альтернативы и таких

же вариантов, чтобы не, *как кроме* и прокручивать это: снова и снова. Застирывая пятно – опять и опять... До выцветания. Катышек... И дырки!.. Но и дабы же только – не оставлять лишь: пустоты и... тишины. Не оставлять: и молчания. Уж лучше – вакуум. С его «тишиной перед бурей» и пустым, «молчащим» океаном-морем, чем... рев. А и лучше ли?.. Да и она же еще сама – не хотела!.. *Не хотела*: забывать. Не могла!.. Ей нужно было – помнить: до деталей и... *мелочей*; моментов и... частей. *Частиц* кожи и... капель. *Капель*: крови... До капель и *слез*. Помнить – запахи!.. *Вкус*: «соли»... и *металла*. И как – с нее же, слой за слоем, *фактически* и... «на живую»: снимали кожу. Снимали – *скальп*!.. Чтобы: *что?*.. Чтобы – жить. А *не* казаться. Как раз таки: и быть. Пусть и в боли. Бы-ть!..

И, откинувшись, наконец, выйдя из своей же еще до этого и полноценной же прямо «статики», на правую сторону чаши, как еще и стену же, к ней примыкающую, всплеснула руками и прикрыла ими лицо: сняв *остатки* косметики и «осадки» же лака, к слову, еще и в первый же свой заход сюда. Но и так, что *так* же, что и этак – не чувствовала и до сих пор же все: свободы и легкости; не *ощущала* и... «чистоты». Что *тогда*... Что и... *Ни* сейчас. Как и *очищения*... Успокоения и... Спокойствия. Освобождения!.. Пусть: *уже* и в безопасности. Но – и снаружи. Не *внутри*!.. Слез – не было. *Уже*: не было. Все – вышли. И... Всё же – вышло. Вся... Ничего... не осталось! Разве *что*: кто. Остал-ась же – она. А

кто: «она»? *Что*: она?.. И зачем: она? *Почему*? А и главное же все: к *чему*?.. Кому?.. И куда деть – все это... оставшееся же «напряжение»... если и не в *капли* же... слез?!..

Да... Если уж, действительно, и стоило – о чем-то жалеть, так это о том, что... о детских же все и дурных «шалостях»: вроде ловли насекомых и... ампутации им, тех или иных, но и *их* же все конечностей. Не со зла!.. Эксперимента же все и... ради. Как и понимания строения и их дальнейшей же все и жизни... *существования*... для. А нет, все верно, *лишь* существования и...; только же – хардкор!.. А что уж говорить и за *принятие*, спустя время. Они же все – умирали!.. Лишившись лап и-ли... тел. А в конце – уже *и* голов! *Ведь* и все... же – ползли, до последнего и победного, пытаясь взлететь и... у-лететь. *Лишаясь* – и этого. И просто затем – пытаясь скрыться в каком-то из углов белого же пластикового подоконника. Но и там – их находили, возвращали и... лишали уже и *всего*: окончательно!.. После чего – сметали на совок или какую книгу, тетрадку, что и первая же под руку попала, чтобы далеко и за первым не идти, и выкидывали в мусорку. А дальше?.. Дальше – новый экземпляр и такое же насекомое. Насеком-ые!.. За которыми – вполне бы все и затем: могли пойти и *животные*; или *уже* и человек!.. Люди. Но и не пошли. Ведь и понятие морали – пришло раньше. Вместе с совестью и... А уже и *принятие*!.. Лучше: поздно. Чем и... в *свое* время, которое может и не наступить. *Сейчас*. Да!.. Ей же это все дало; догнало и еще же напод-дало; где и

она же уже чувствовала и ощущала себя – теми самыми насекомыми и... *сразу*. И нет, это не был *восьмой круг, седьмая щель*, по «Божественной комедии»; где и она же *вор*... жизней; и все же. Под микроскопом – какого-то изощренно-извращенного мань... *высшего разума*. Не хухры-мухры. Так еще и которому... нравилось!.. *Нравил-ась* – ее боль. Нравились: ее страдания; и ее же *мучения*. Вот так карма – становится су... карой! Да и в особенности уже, и после того, как и ее природа же все, *мученика*, вскрылась – отсутствием этой самой же все и приписки!.. Она была, и есть, обычным, обычный *ангел*. Точнее: обычно-необычным(ый) же все и ангел(ом)-демон(ом). Но и не суть же, верно?.. Суть-то, и самой, это – не меняло. Все же, что она и успела же уже перенести, было – желанным и самим же все желанием, *исключительным* желанием и хотением-хотелкой: ее матери. И той!.. *Не* матери... даже! *Вновь*. Демона!.. Которого она и матерью-то – никогда и не считала. Да она ей – и не была. И не *пыталась* же: даже. Не старалась ею же и стать: изначально и... тем более. А что уж говорить и за свои-ее же уже и сомнения: по поводу *мученика*; и ранее? Пусть и скромные, но... И что же *теперь* – получается? Все же, и *точно* уже, зря? Все муки и страдания? *Зря*?! Где этот боже-дьявольский промысел, *пути* и... проведение? Когда они *так* нужны. Впервые, наверное. И *все же*. Да!.. Почему – это? Зачем? И к чему?.. *За что*?!

Мутная вода – лилась через край: от безостановочных

ударов по ней руками; а легче не становилось... ни *капли*. Только – сложнее и труднее, из-за натяжения и давления-притяжения, их и вверх же все вновь поднимать. И, так и опустив же их все и по итогу, под воду, спустя всего-то каких-то и несколько минут, она начала колотить ладонями уже и по дну чаши: практически и не отрывая же рук от него. Но и водная же масса – вновь тормозила: только уже и не «проникновения», а до- и касания к пусть и не ней самой, но и *через* нее; и не давал уже, хотя бы и какой-то силы приложению, которая и *так* нужна же была девушке, чтобы если уж и не заменить окончательно, то и затмить-*затемнить* одну боль... другой... на время, не променяв до конца, так и обменяв же все и так же внутреннюю на внешнюю. Да и дабы уж если и не разбить ладони в кровь и... *мясо*... «вновь», то и хотя бы просто ощутить ее: боль. *Физическую!*.. Набив тройку синяков, пару закрытых травм и открытых ран, ну и раздробив, на дорожку и для *легкой* же все и последующей походки, несколько костей. Что-то... *с чем-то*... из этого! И-ли и все: сразу. Но и *что-то*, что могло спасти ее – от самокопания и самопоедания: от только лишь и понимания, сознания – бессмысленности... всего. А что уж там и до осознанности. *Принятия* и... Бессмысленности – себя; и *в*, как и просто же – *своей* жизни. Своего *и* «существования»!.. Да, она *была*, есть – ангел-ом. По и большей, наверное, и все же *пока*: части. Еще: *не* хранитель(ем). Тоже – верно. Но и... Была же! *Есть*. И вполне... Вполне, и неплохим. Но и что и

это же меняет: когда и этот же самый все «ангел» – не может «сохранить» *себя*?.. Не может – и спасти! А только лишь... хоронит. Чувствует спасение – в «уходе». Ощущая свободу – в ней же!.. *Смерти*. Почему в этом – ее освобождение?.. Почему ей и *так* хотелось же его – еще тогда? А почему – *все еще* хочется; и сейчас?.. Бросить – все; и «уйти»! Только бы: не чувствовать... *Лишь*: не ощущать!.. Забив – на себя и... Окружающих!.. *Всех*. На близких и родных. Друзей и... Подруг. На отца... *Него*!..

**

...Телесериал «Дневники вампира», сцена Елены и Бонни с... *перьями* в кровати(?), 1 сезон 8 серия и 6 сезон 22 серия!.. Так себе объяснение, конечно; но и это же все *тогда* была «заметка»: на чем остановилась и *откуда*, собственно же, продолжать; как и ассоциация(ии); да и опять же все, и кому как, но...; я хотя бы и попыталась... *вернуться*, вспомнить и... прийти из *того* же все и состояния – в не с... *себя*, посредством этого, как и... «сожаления», *да*, что там и не было же Кэролайн, зато уже и затем, *теперь* и... с нами же все, «такой» Еленой, мной, и этакой же еще и *Бонни*, Каринной, была... **Полина**. «Однако», да?.. Если уж и все – *циклично*, то и действительно же: всё. И *все*... И!.. *Как* все же красиво: они сначала парили, потом горели, *синим* же все и пламенем, а после... и «затем»; так же *бы* «здорово» – еще и возвращались «к истокам», и опять же все, *снова* и... вновь. Но увы!.. И ах. Пока же я способна – только на представле-

ние этого: *лишь* – и в своей же все голове. Без *помощи* Егора!.. Да и... Не *внешне*. А и хотелось бы! Пережил(а) бы этот «Repeat ... Please» и «Please don't stop the music» дом, «~~который построил...~~» *квартира* Александра и гостевая же еще, она же и уже теперь комната Жени и Полины же – *вопрос...* «под вопросом же» и *звездочкой*: то есть – не в первую же и очередь, явно!..

...

– Ты рисуешь: грибок?..

– Ага... «Грибок». В «Граффити». И... *Наоборот*. «Вверх ногами»!.. *То есть: «ног-ой».*

...

– «Я сейчас с собой покончу!..».

– *Ужас!.. Так ему и написала?*

– А «оборванные» цветы – не «ужас»?..

– Надо же...

– *Мне же – досталось. Хоть и аккаунт был же все: левый. «Добрый» полицейский!.. Конечно.*

– *Ты была не против – быть: плохим.*

...

...Мультесериал «Губка Боб Квадратные Штаны» 11 сезон 48 серия (240(25)b) «Девочки гуляют» или еще... «ДЕВЧОНКИ!»: Мне *действительно* нужна была эта перегрузка с последующей же «разгрузкой» и посиделками чисто и *тупо*: «Девчонками»:

– Не обижайся на Жеку...

– Да ладно!.. Проехали уже.

– Ну хоть и не пере-ехали. Кхм!.. Помнишь?..

– Не-не. *Лучше!*.. А помни-те?.. «Нас-рать».

– Боже!..

– Дьявол!..

– Упаси.

– И *царя* же все... храни. Король – умер!.. Да здравствует... *царь*: и в ее же голове.

– На весь же еще и автобус!.. Дорогой: туда и... обратно.

– Да... И причем – *туда*: было же все – и одним словом. А уже *обратно* – в два!

– Так и ладно же еще – это!.. Это же еще было: полбеда. «Олень – мальчик!».

– О-о!..

– Ну хватит!..

– Никогда же еще, *до того* момента, не знала: о твоей и *такой* же еще любви – к биологии и... анатомии; *животных!*.. Прямо-таки: и «приверженности».

– «Это» и не было – ими!.. Просто...

– Просто... мы слишком много знаем. И нас – пора *убить!*.. Ты «одна» – прямо-таки и «обсмотрела» его: со *всех* его же сторон; ну и, конечно же, как и любой же все и *тот* «кто ищет», *нашла* то, что и, собственно же все, «искала».

– Да и искать *там* – не надо было... **особо. Все же – было и так: на виду!**..

– О!.. Кстати, да. Но и *это* же уже – «вопросики... *о поиске*»: к Никите.

– **Да!.. Какого... ты... и вообще – на «других-то»: за-
сма-трива-е-шь-ся.**

– Ага. *Оленей!*..

– *Дуры!*..

– Не без этого.

– *Он тут – ни при чем. «И вообще»!*..

– *Он – не «знает», да?!*

– **Ну... Уже: знает!.. Да и если уж и не «весь дом»,
то и от этого же уже «нашего» все и «ора выше гор»...**

– *Позор!.. Ужас-то какой.*

– Ладно тебе!.. *Нормальные* – экскурсии: были.

– **Чего не скажешь, конечно, и об экскурсоводах!..**

– Это ты – *еще* про первого; или уже и про «второго»?..

– **Не, «Перекресток» – был: зачет и огонь!.. Прямо
же еще: и «огнище»!**

– И это – без всяких.

– **А вот: сексист и... мизогинист!..**

– Опять-таки!.. Но и хотя бы, как и тот же, «открытый».

Без шор и... прочих стигм.

– **Костяков и...**

– *«Шпилек»!*..

– Ага!.. И заколок.

– *Ну!.. То есть. Без шкафов... С трупами и... «Скелета-
ми».*

– Да уж!.. Эх... Мне бы – *такие* «способности»: как у вас!

– *Похожих – не бывает, сама же знаешь...*

– «Знаю»!.. Но...

– **Как и что она – не «об этом»!.. Ты же – «поздний цветок», малышка. Смирись и... При-мирись уже. Прекрати и «ждать»!.. Как в принципе, так и... «невозможного». А и именно: все, всего же и... вся; «прямо» – здесь и сейчас. Если умирать и «уже», конечно же, не собралась. А ты: и не «собралась»!.. Не бывает такого: на «живом». Как и: рано или поздно. И так далее. И тому подобное... Бывает – лишь: в «свое» время. И!.. Как и, возможно же еще, что и «все», что ты и сама же еще загадала. Но и: постепенно!.. Не торопи – события. Все же – еще будет. И «твое» от тебя – не уйдет!.. Помнишь же, еще и «сама», что: кто умеет ждать...**

– ...получает *все*...

– ...«только самое лучшее». «Дьявол» ждал – и тебе завещал! **Бери. И «помни».**

– «Там» же, вроде, по-другому – было...

– Ага!.. И воспитал же... *бог*... «терпил».

– **Что, «лучше» – стало?..**

– Кстати, что с и *твоей* уже способностью, «мирской», к изучению языков, Кари?..

– **На уровне: «Ой, Ник, какой же ты у меня и все-таки умный!.. Столько языков и сразу же знаешь». В**

кино... Ага!.. Где еще и на экране же все – субтитры.

– Да б... блин!..

– Кари-и-ин!.. Как же я тебя обожаю...

– Ну что?.. Я чуть съехала в кресле, а он, мало того, что и сам же все и по себе – худой и длинный, вылитая «шпала»...

– Ну хоть – и не плоская!..

– **Соф!..**

– То есть: плоск-ий.

– **София!..**

– Все-все!.. Молчу. Не «перебиваю».

– Так вот... Так еще – и ровно же, «прямо» же сидел. А я – нижнюю часть экрана: не видела!.. Да и кто ж знал, что он еще и «вслух» – читать соберется?..

– «Да, “тем более”: в випе!..».

– Ник!..

– Думаю, даже если бы он и в «обычном» зале это и так же еще за-читал – все бы были: только рады. Что там шло?.. «Марвел»? «ДС»?..

– **А разница? Что?.. Мы так и «этак» – уже: «прокляты».**

– Ну да... «Так вот»!.. Все небось, и вместе же еще и с тобой, и так, и э-так, полусидели-полулежали. Как бы – и не «спали»... Так и чего?..

– **И что еще находят – в этих «супергероях»? ..**

– «Сказала – одна из них».

– Ну-ка фу!.. Быть... «таким». *Злодеем!*..

– **«И кто еще сейчас: “меня” и на один уровень с “Человеком-пауком” и “Железным человеком” поставил? Да и после них, как видно!.. Так и не вспомнив».**

– **«Все»?..**

– «Да... *Так* – не пойдет».

– И *ты* – Брут!.. Или: *и* «Иуда»?

– **«Да!.. Тем более, что и она же все – никогда и “сама”: в последних же все и рядах – не стояла. Чего уж и до: пред-...».**

– «Как и *Софа!*.. В первом случае. Но а *и* не в “последнем”...».

– *Я* – выросла... *потом!*..

– «Конечно-конечно... *И Софию* же все – пере-росла».

– А мне вообще как было, так и есть же все *фиолетово*: что пред-последней, что и *последней* же все... стоять.

– «Главное, не *с конца!*.. Да. Все – *ради* и *для*: только бы *ты* – не расстраивалась».

– А *головы*... этого самого поезда: «в Пусан»! Да ну вас!..

Кар, «паук» или человек?

– *Да идите вы... уже; и «все»!.. «Ник»!.. Они – меня: обижают.*

– Ха!.. Тоже мне. Будто бы и *предложили*: из «Защитников» – выбрать.

– **Только: «Медведь»!..**

– Да. «Только» – хардкор!

Отбитый кулачок

– Да!..

– «Но и никто еще, между прочим, не запрещает выбрать

– нечто... “среднее”».

– Человека-наука в... «железном панцире»?..

– «Кос-тю-ме!.. Железного человека».

– И маске: «Медведя»!..

– **Коллаб!**

И отбитая уже и ладонка

– «П-с-с!.. Карин. Выбери Стефана – и обидь “сама”: теперь “уже”; и их».

– Да было бы и «чем»!..

– **Точно!.. Нет никого лучше: Никлауса.**

– И «Деймона».

– **И!..**

– «“А”!.. А вы не прифигели там... “все” уже; и часом?!».

– Не буди лихо!..

– **Помяни... «черта» же; и всуе!..**

– «И “буквально”».

– «А который, кстати, сейчас “час”?..».

– «**Свое-временно**».

– Да хватит!.. Шутки за три... сотни... «секунд». Вы там, что, все – уши греете?..

– «Да!.. Пока и вы же все и сами, дамы, языки свои: “про-

ветриваете”. Ничего так – *других* мужиков: обсуждать?».

– Так это ж: персонажи!..

– **«И “они” – заняты!».**

– *«Да, кстати!.. Как и “актеры”, их же все и сыгравшие».*

– *Действительно, блять, «аргумент»!..*

– *Полинке – больше всех свезло: в этом плане... Только: “линзы” – найти!..*

– Ну да!.. Не в *другую* ж страну переезжать – и отбивать у Розали... с «Ренесми».

– *Как говорится – кто успел!..*

– «И да не проклянут меня – все и за вся, “все” же и выше сказанное: с тобой же все – и куда *труднее!*..».

– Хотя и куда уж *мне* и всему же *тому* – до закона об инцесте; пусть и *не* прямому!

– **Точно: “проклянут”!..**

– **«Так, все!.. У меня уже у самого – уши горят: а я и через две стены; в мастерской».**

– «Ничего... Сейчас и у них – *что-то* загорится: коль и у нас же все – там и так довольно давно уже “пригорает”!..».

...

– *Отличное все же питание было – в детском саду!..*

– Ну не знаю, не знаю!.. Не скажи.

– *Я не про: листву и... “траву”.*

– Ты их – *ела?*.. Я же ими – только «расплачивалась». И как оно?.. Круче – песка?

– *Да я не... Ладно!.. вспомнить хоть «любовь» и к одной*

же лишь воспитательнице... из двух. И не только потому, что она была хорошей: как и сама по себе. А еще и потому, что: в ее смену – давали кефир!.. С булочкой. На полдник...

– М-мм... Лепота!..

– Да!.. Когда в другую и... с другой же – биточки. И молоко... с пенкой!

– Ради всего!..

– «Раньше было – лучше»!.. Не так ли? Та же: хрень. И почему такое чувство, что я одна блевала – дальше, чем видела?.. Прямо как и в той же все шутке: «Умяла полхолодильника, «ночной жор», а отравилась – пирожком». «Первым», что съела!.. И нет, не «ротавирус» или кишечная палочка. Именно: сардельки!.. Фу. До сих пор воротит.

– Да!.. Помню еще, как и там же все – познакомилась с двумя девчонками: с которыми мы прямо и быстрее же всех – вязали шнурки... на игрушках.

– Вот это я понимаю: «мелкая моторика»!..

– Тогда же еще впервые, и так же все сильно, испугалась!.. Показалось, что к саду пришла собака, что жила у соседей... на первом этаже: и вот всегда, просто «всегда» – выходила на лестничную клетку и лаяла; рычала «так», что я даже пару раз и в сам сад-то не пошла-попала. Бабушка их – жуть как боялась!.. Родители же – работали: и раньше выходили из дома. И вот, пока ее ни загонят, мы не могли – и в квартиру-то вернуться, не то что и из дома-то выйти!.. Еще подумала: «Ничего себе – ее отпустили

одну, и от дома, погулять». Не так, правда, и «далеко», да и животные все-таки лучше ориентируются в пространстве, чем... «не»; и даже, если и на километр отойдут, вроде, все равно возвращаются, зная «свое» место; и все же. Да и оказалось же затем... после, кстати, что и вовсе же – и не она была!.. Гораздо позже уже, как и лучше же при-смотрелась – очень просто похожа. А там уж – и забыла: за этим... «вязанием»!..

– ...И какой «антистресс»!

– Да, Соф!..

– Окей-окей!.. Продолжай.

– «Собаки» все – хороши!.. Но – и в меру. Как и «кошки»!

– Полин!..

– Что?.. Тебе – можно; а мне – нет? Между прочим, был у меня тоже «подобный» случай... *трип*: по животным. В общем!.. Девочку одну «вела»... в семье: в и у которой... попугайчиков «разводили». Да и так же еще, что и в одной... семье, что и в «другой»: детей – прямо-таки и вусмерть забивали!.. Только и если же у «живности» – была еще среда, какая-никакая, обитания и рефлексy, тоже и такие же, какие-никакие, как и «инстинкт»; отцовский уже или еще и «материнский», не помню точно, да и где еще от больных особей старались избавиться сами, чтобы те уже, и в свою же уже очередь, не страдали, ну и к ним врагов не приве-

ли... по «следу», не хуже же все и чем же... те же все и кошки, уходящие умирать... *на луну*, опять-таки, то ли еще мать, то ли *уже* и отец, хотя и это уже куда-то в сторону... и дельфинов, что... пусть и за редким, но и все же «исключением» – могли и... мог-ут терроризировать *свою* самку на предмет и... «дырки», нежели там и... потомства, *своего* продолжения, *забивая* его, и опять... и снова; но и «все же». То и у «людей»...

– «Четверг»?..

– Безусловно... «Понедельник»!..

– *Ой, нет... Тогда: «да»!.. День же – тяжелейший.*

– Да. То есть: «нет». Короче!.. Если «там» – было физическое насилие: то и «этам» – моральное. «Крылатая» мать, не то и отец, да и какая уж разница – забил(а) и забивал(а) же все, раз от разу, своих детей: клювом; и за домом уже «не», как и всей же ее-его семьи, было более-менее сооружено: просто... «кладбище». С палочками даже еще... поначалу, в виде крестов-памятников; а потом уже – даже и без них!..

– Не «просто», а... *Домашних животных!.. У-у-у...*

– *Книга...*

– ...и *Кинга* же...

– ...*в здание!*..

– ...и -и. И с книга-ми... *же*. И вот, кто сказал, что: «От перестановки»?..

– Ближе – к делу!..

– И «телу».

– Сейчас, только «Пеннивайза» *вновь* позову!..

– **Фу быть... такой!.. Ну да. И «дважды». Не «защищаю»!.. Стоите: друг друга.**

– О!.. О... А у другой, помнится, уже и в школе: так вообще, хомяк ее – ее же укусил; и умер.

– Промолчу – за свою уже и «птицу счастья» же... в окно. Точнее: «об». И!..

– **Дурной знак?..**

– Скорее: «мейкап». Или просто: утро не задалось. Для обеих и... уже! Ну и лучше же все, во всяком случае, чем в «Шреке»; и Фиона!.. Вот уж где: птичку-то; и жалко!..

– **«Продолжай»!..**

– Эм... Да! Девчонку – на карантине держали: с неделю или две... даже; на «голоде, холоде и... покое», так еще и с укулами от бешенства. Думали, заразный!.. Да и она же сама – вдруг и еще же хуже: кого заразит. Но кого она и заразила – так это себя; и «безвкусицей». Укладывала же волосы потом: только – на «влажный» манер... пенкой; сразу же после мытья и... высушивания насухо. А не высушивать: было нельзя!..

– А у моей, тогда же и еще, были рыбки!.. Столько было – мороки... С ума просто сойти! Вроде и не выгуливать... Не кормить и мыть... особо. Ага!.. И аквариум. И их... И гальку!.. И улиток – купи. И очиститель воды. Воздуха!.. Одна даже вроде попыталась – с жизнью покончить: как-то раз

– просто выпрыгнула на ковер. Красная!.. На *красном*. Еще б немного – и наступили: да не повезло, *ей*, вернули! Так быстро же и умирали, конечно!.. «Немо» – еще позитивная реальность. Что с *канализацией*. Что и... в общем. Не знаю, как хомячки, говорят еще и за «них», но и тут!.. Не сказать же, что и *ей* – было плевать: и *всем* занимались – другие. Там скорее – нелюбовь к растениям!.. Их *любила* – ее мать. Больше, чем и ее, по крайней мере. И она... Рыбок-то скорей – и терпела. Да и оставила: *под* тем же макарон. Но и хотела же все, как и ребенком, собаку. А ей купили: рыбок. Собственно, этим все – и сказано!.. Недавно *проверяла* ее – теперь: кот. Да... *уж*! Как, однако, и вселенная-то все: *не* работает совершенно – с желаниями. Ни с «не»... Ни с «никогда». Хотя нет, с ними-то как раз – и «да»: *чаще*, во всяком случае. Ну а тут же; и с *не* же!.. «Со-ба-ку». «Рыб-ки». «Со-ба-ку!». «Кош-ку». И то же еще: ко-та!.. Когда и все сочинения-то уже о домашних животных – прошли... и ушли; да и сама девочка – девушкой почти что стала. Никакой тебе: «эмоциональной привязки»!.. *Ответственности*. И «любви»!..

– К *ближнему* своему?.. И *братьям* же все нашим *меньшим*?.. *Тож*е мне!.. Вот у меня девочка – *всем* девочкам «девчонка»... была. Да и *есть*!.. С *младенчества* и... *пешком* ведь еще *под* стол *ходя* – *косметику* ненавидела. Родители – *сдали*!.. *Дурная* вещь – *эти*: *компроматы-альбомы*. Но и *еще* же – *когда*... «*другие*»!.. Как-то и *иначе* же: *все* *уже* *видится*... *затем*! *Вылила* же крем – в *горшок*!.. А «*старшее*

же поколение»: ни сном ни духом. Ну а когда уже «обрели» – и они!.. Перепугались «так», что и собрались же ее – уже к врачам везти. «Мало ли»!.. Ну и она-то уже там сама – и призналась, что: «“Маленькая фея” – туфта. Хоть и “льется” – прикольно». И, полагаю уже, «компания» ее все-таки затем услышала – и решила... отомстить!.. Иначе же и не скажешь: ведь и всякий раз ее – осыпало... с головы до ног; от их, и что примечательно же еще, не их косметики. Будто: сговорились!.. Все. И разом. «Случайно»? «Совпадение»!.. А и с другой-то стороны... И «теперь» ее минимум косметики – это ее, девочки, «максимум»!

– Как и... у тебя.

– Ага... Хотя и *сейчас* бы – все отдала: чтоб и это же все – к чертям замазать!..

– Соф...

– Да знаю я... Нет косметики – для души; и... бла-бла-бла!.. А еще и «этого» же всего – *уже* нет. На теле!.. Но есть... Так это – не работает; и не сработает. Я же как... все это еще вижу; так и *видеть* же – буду. Как и медведя... *того*... в автомате с игрушками; и «навесным» краном. Такой... классный. Бежевый!.. А поверх – «разрисован»: какими-то... то ли и просто линиями, а то ли *еще* и цветами, как стеблями и... «лианами». Еще же подумала: «Был бы моим – хорошо бы *подошел!*...». Как и любое другое *животное* – своему же хозяину!.. А потом вспомнила о *своем* – и... послала же все это: на все четыре же стороны. Ревновать же,

жсона, будет!.. А там же еще – и скучать. Хм... И «плакать»!..

– Мирись-мирись и большие не дерись? А. Ой!.. Конечно же. Не скучай и не плачь?..

– Нисколько-нисколько... И «вообще»?..

– И приходи побыстрее!..

– А-а-а!.. Девчо-о-онки. Как же я вас люблю!..

– И мы!..

– «И мы» – тебя.

– Давайте не будем: плакать?.. Ну, пожалуйста! Карин!..

– Говори уже давай!.. И «ты». Столько предположений – про возможное же все и «продолжение», что уже даже и свербит. У «всех»!..

– Не дай нам разреветься: окончательно! Спасай!..

– Ну так вот!.. И как-то мы остались самыми последними, на полднике же все и в саду, да и с тем же все кефиром... с булкой; и кто-то же из них, еще и «так» же все сильно меня рассмешил, что и кефир – пошел носом.

– Почему мы не были с тобой – в одном саду?!..

– Да-а-а!..

– Карин?.. И почему я не удивлена? Почему и меня же все с вами – не было?..

– Прямо-таки – на и с лица же все... сошло. Как с белых!..

«Он вам – не молоко».

– Почему?..

– Потому что: кефир.

– А что? «Кто-то» против?..

– Точно не эти, *мы* же все и две, «угоревшие» на кухне... со включенной же все и плитой; да-к и даже еще, *уже* и разговаривающие... с *синим* огоньком. *Полин!*.. Мы бы тогда – *вообще* бы не повстречались. И не «встретились»!.. Встретившись; и *раньше!*..

– *Да!*.. В *психушке* же не то что «колюще-режущего» – *горящего: ничего нельзя.*

– **Мы – едины!**..

– И за... *конченные* личности.

– «*I'm pretty*»?..

– **«По горлу»!**..

– «Гоблинский» же все и перевод 2... 3.0!..

...

– А «психолога» помнишь?..

– *При учебном же все и заведении?*.. Как забыть. Так еще и вместо «продленки-лагеря» же... как-то раз. Не «прогулять»!.. А и захотеть; и видеть же... «ей»... нас.

– О!.. О...

– И «черную яркую одежду»?..

– Нет, просто: «яркую».

– А я и не в ней – *была!*.. Причем, как не в той, так и не в... *э-той.*

– Ну да... Такой себе: «штришок к портрету». Но и кто ж знал, что *так* совпадет; и рассказать о «друге» – нужно будет именно сейчас; не играя «в долгую»; и где и ты же еще все, Ка-ри-на, впервые же и *буквально* в... *любой* жизни, и

не «на траур», припрешься *вся* в «черном»!.. «Любит... яркую... одежду». Ага!.. *Но* – не сегодня. Прямо как и с: Все – тип-топ!.. Каблучки, макияж... Все – тип-топ!.. И *этот* день – наш. Но не м...».

– ...«*твой*». Ну, такое настроение было!.. А что поделать? Считай, что и: «никакое». Да и кому он вообще и в школе-то, а там и (колледже), сдался?

– Вот таким же, кстати, все, как и *ты*: кто и раз от разу же все... на *черный* перебивается, «депрессуя»: окно с дверью «путает»; и руки так же все и резко начинает *брить* – не «с той» стороны!.. Не говоря уж за: и-ли «ноги».

– **Зачем их и вообще: «брить»?..**

– Ты меня и с меня же сейчас и это же все – спрашиваешь?! Ты, у кого и после же все спросили прилагательное на первую же все и букву своего-ее имени; некий же еще и «тимбилдинг»; и вместо «Странная», как *минимум*, получили «Стандартная», как и максимум? Да... И «Культурная», кстати, тебе тоже на это – ничего не ответит!.. Ее словарный запас-арсенал – полон только: «каличными», «муточными» или еще «мудачными» и «ебаньковыми»... *афоризмами*. Да-да!.. Я, кстати, тоже тогда; и выпала же все – в осадок. *Вместе*; и со всеми же!..

– А нечего было «брызгать умом» направо и налево, подбирая синонимы к «Красивой»!.. Я себя – ей, кстати, никогда не считала. С чего они и вообще это взяли?..

– На фоне и меня же все?.. Ну не знаю, не знаю... Видно,

и было же с кем и еще же сравнивать, как кроме!..

– А «ты» опять – про себя!..

– Нет!..

– Да... Да и теперь же еще все – есть «и» Полина... «Прекрасная».

– Вот с ней теперь – и разбирайся, разбирайтесь, борясь за «первенство»!..

– Да в смысле?..

– А ничего, что «это»: имя?..

– «Имя»... И прилагательное. И да, я «поняла» тебя!.. «В сказке ложь, да в ней намек – два в одном “им.-прил”»: урок».

– Какие мы... «правильные»: стали.

– Ну да. Эй!.. А почему – только; и «стали»?..

– А еще: и «Скромные».

– Могу быть – и «Простой».

– Да мы все – и вся, «все» можем!..

– Но и, тебя, «Каро» – не перещеголять.

– До смерти – мне это вспоминать будешь, да?.. Крутой – игрок.

– Но и не «Каре». Хотя... Как и кому, главное, «посмотреть». Да и бери больше и выше, дальше и дольше... глубже – вечность. Умирать она тут собралась, понимаешь ли!.. Мы тебя везде достанем; и обратно же – вы-станем. Так и знай!..

– Да-да... Ты же нам еще и курс должна: по... ПК!

– «ПК»?.. По «компу», что ли?.. Так вы же – и «сами»!..

– Ага... И *ТМ*.

– *Стой. Стой-те... Еще раз!..*

– **«Повышение квалификации»...**

– ...«трехэтажного мата».

– *Да все!.. Поняла. Стоп! Что?!..*

...

С: Слу-у-ушай!.. А помнишь ту преподшу... с завышенным ЧСВ(З)... по ангелу? Как мы ее... *выщепили*, однажды *только лишь*; но и «строгача» же прогуляв!..

К: Да уж... Да и *как* не помнить?.. Если что-то снести эта *исконно* человечески-демоническая женщина; лет и *зим* эдак... Александра, если и не больше, но уж и точно не *меньше*, что так, что и... э-так; и могла, по части же все и прогулов... *своего* же предмета, так это санаторий «Лесная поляна»; и прохождение же *медосмотра*: для посещения его.

С: На *один* день!.. Окей-окей. *Почти* два. Ну и *одну*: ночь. Но и хоть без «лора-шептуна»; *врача* и... *шепотом* же все проверяющего слух; как «в школе»!.. Кто ж знал тогда, что «карточку» нужно с собой таскать, а не они и между собой ее будут передавать. *Не* я!.. Да и «технологии» банков; по передаче документов сотрудниками между собой по... трубе со сжатым воздухом и в «капсулах»; так и не дошли, так что. Чего я от них и «летающий же все английский велик» требовала?.. «Скейт» – нам же так и не завезли. Зато хоть и о безопасности, «чистоте» заботятся. Но и опять же все – это для меня, и на тот же все момент времени, не было разницы:

какие именно перчатки нужны – для осмотра у гинеколога; в упаковке или... как салфетки, только и дергай... по одной. Но и мне же не сказали – для *чего* конкретно они. Мож, нос врачу вытереть. И-ли *слезки!*.. Так что... Мы – были: квиты. Ха!.. И почти что даже и «развернуты» с Каринкой, если бы и у *самого* же врача: не было запасных, да, *своих*, но и таких же. А за что им и вообще платят, если и не за это; как уборщикам, ей бог-дьявол. Убираем – мы. Перчатки – мы... Ладно хоть еще полотенца *там* – свои. И у тату-мастеров перчатки же – *тоже*. На злобу дня!..

К: С «сексуальным образованием» – до сих пор: туго!.. А уж и тем более – с объяснением и... *пояснением* чего-либо, так или иначе, но и «касающегося» все *его*. Но и благо же все – есть мы, девочки и у... *девочек* же, «подружки»: что и хоть здесь, *прямо* и сейчас, и без этой же все, *лицемерной* «женской солидарности»... от расчета же к расчету, помогают и *помогут* – просто так. С теми же все и прокладками, тампонами... к примеру.

С: И таблетками!.. До сих пор же помню, как лежала, в том же самом все и классе же школы, только уже и на диванчике: от *сильной* боли в животе, *той самой*; пока и все же остальные – клеили гирлянду из... бумажных цветных колец, «делая» вид, что так и должно быть. А *так* – и должно быть!.. «Ты же – *растешь*». Ага. И *все!*.. То же самое, кстати, сказали, после уже и другой; моего же, к слову еще, и вида, так еще и скромности, и тревожности, на тот же все и момент;

что и в туалет-то не отпрашивалась; а что уж говорить и за столовую, где и ничего купить-то толком и сама же все не могла, других просила... *купить* ей... хотя бы уж и пирожок, пирож-ки, *а как же*, услуга *ведь* за услугу, на *ее* же деньги, «релевантно»; а тут «пришлось», отпросилась и... убежала. Только это – не одно и то же!.. Где еда, пусть и не в том же самом состоянии выходящая обратно, и все же, а где и кровь и... чувство, что вот *прямо сейчас* же ты все и умрешь. А *ты же растешь*, оказывается. Благо, его-*ее*: не было – в этот раз. Но *кровь* – все равно: взяли!..

К: Чтоб, и опять-таки, поехать – *всего-то* на одну ночь; и два *почти что* дня. Казалось бы, «зачем»?.. Но и заговорить тех врачих-людей определено *и* этим же все – стоило. Ты – молодец!.. *Помогла* – таким же *ведь* еще и *не*: девчонкам. Да и кто бы мог подумать, что и *так легко* можно пройти «контроль» – с низким гемоглобином и... хроническим гастритом?.. Тяжело же людям, однако, приходится!..

П: «Регенерации» ж – никакой!.. Да и чего уж там?.. *Ее просто* – нет. Только: иммунитет. Да и тот же еще – *такой же*!.. У нас же – хоть и что-то же... *еще*, пусть и *с чем-то*; но и *до* «обращения»... все же. Не говоря уж – и за «после». Как и «вид». *Смесь*!.. Самая же, что и ни на есть, «уравниловка». И только потом – «звезда». *Во лбу* и... В «принципе». *Нет*, конечно!.. Но и до сих пор же все – мурашки по коже: от воспоминаний – о той же все и... акне-коже. Все лицо же – сыпало, вы- и обсыпало!.. Как и сейчас же помню – свое...

крайнее задание: перед «обращением»! Двоюродный брат... Дядя и... Подруга. Ух!.. По-страшному. И чуть ли и ни ежедневно, если уж и не ежесекундно, -частно и -минутно – появлялись: *новые* прыщи. А сама же девчонка еще – и «бомба замедленного действия». Акне, к слову, не «вытащила», как и чирей(ий) с... герпесом, «простудой» на губах: по мужской линии; через два, а то и три поколения. Но и «зато» вытащила – *рак* и... по женской; через одно. «Попав» же еще, и тем самым, ровно – на своих... будущих детей. Да и которых же еще: так хотели все; но и не хотела – она. Не столько – и из-за них!.. «Наперекор». Сколько – и *снова* же: сталкиваться с этим; мама же ее – уже болела, «болеет»: *находилась* на ремиссии. Да и сравнимо ли?.. Мать – не такое же уж и «свое»: как и *собственные* же уже дети, что и только ведь придя, в этот и богом же все забытый, дьяволом *не*, мир, тут же могли и уйти. Или: *не* тут же!.. Что: и *еще же* хуже. Как *для них!*.. *Так* и для нее. И может быть, ее бы никто и не винил. Но *она* бы – винила себя и... Рано или поздно – просто: *покончила* бы – со всем этим. Просто – вышла бы из окна. И все!.. «Даст бог зайку – даст *дьявол* и лужайку». Как и... «Ты *главное* – роди, а мы-то уж – прокормим. *Воспитаем!*...». Сказала: «Временная же акция». Тупо: «На выходные». А уж, но и если же все скорее когда и *именно* же «больные», *все*, а там и «при смерти», *верняк* – можно уж и на праздники-каникулы. *Максимум!*.. Никому же не нужна «кукушка», «принесшая в подоле»; так еще и предъявляющая что-то за-

тем – своему же «геному»!.. И мало же кто еще знает, как и с тем же все «страусом», что, будучи еще же и тем «санитаром леса», вместе с волками, но и скорее-*именно* по насекомым, *ядовитым*, она просто *не может* оставить подле себя свое же потомство: не будучи уверенной в их безопасности. А она и *не может*: ведь «ее» – там *нет*; где питаются уже и взрослые же особи; точно – не дети, а уж и родившиеся же только-только – и подално. Вот и она – не стала рисковать; как и рвать свою душу на части. И да!.. *Да*. «Крестражи». «*Имя, которое нельзя называть*». «Спустия столько времени? *Всегда*»... Собственно, как и ждать, что еще немного и ее нежелание рожать, как и кого-то «встречать» и жениться – перейдет в прямо-таки и «насильственный пакет» или... *акт* же все и ЭКО. С последующим же все, и уже *наверняка*, «онко»!.. Переехала. Обжилась... Удочерила двух девчонок-сестер и... стала жить-поживать, да добра наживать. К слову – акне прошло: как и с белых... яблонь дым.

С: Надо думать!.. «Стресс», да и только... Точнее: «месячные»!.. Потом и, еще *только* и возможное, их же все и отсутствие. Все – из-за того же: стресса! *Внутри* – семейная неразбериха. «Внешняя»!.. *Уже*; и с «родственниками». Так еще и со своим внешним – «неудобоваримым»: видом. Могли б, конечно, помочь «таблетки»!.. А *могли* – и нет. Как, о, с *гемоглобином*; и все той же девчонки. Собственно, как и *видно* уже!.. Что пей, что *не* пей... железо. Если эта «сука» не захочет – *кабель-гемоглобин*: не вскочит! Сам же – все; так

еще и с... *усам*. Все же – сам знает; и так же все: «делает». Когда лишь и *ему* же все – заблагорассудится; а *другим* – в обмороки падай, после и того, как и окончательно же уже, «солятся со стеной»: чтоб уже *точно* никто не нашел. И разве что – *под плитус* бы толкнули!.. Избавилась от «раздражителей» – избавилась и от *проблем*.

К: Но и как бы то и там же все ни было!.. А и все равно – надо продолжать работать, *прорабатывать* и пить, повторяя: хотя бы *периодически*. Сам – *не сам!*.. А на *других* понадейся – *сам* не плошай. Нужно поддержать – микрофлору; и *самому*. Помочь!..

С: Это ты – про тех двух... импозантных-кавалеров-джентльменов; за моего отца и Александра же все возрастом, но и *тем* же «видом»; что руководители банков... вроде и там же *отдыхали*: ночью выпивая и отплясывая, а утром и днем – «раскатывая» нас... на коньках?.. Или «физрука», что и чуть же их младше, но и «симбиоз»: учил кататься на лыжах, заставляя без остановки «катать» по кругу; сначала с палками, а после – и без? Где мы отбили себе – вся и... *все?*.. А я же еще и подумала, что сломала их!.. *Палки*.

К: Я *падала* – назад!..

С: Я – *видела!*.. Когда и в очередной же раз – упала «в бок» на: «Вот, Софи, смотри и... *Бери пример!*.. С Карины. А нет!.. Не сейчас. *Не сейчас!*..». И Карина – *лежит!*..

К: *Бывало...* И на «старуху» же... *проруха* находила!.. Но ведь – и здорово-то было. И посмотреть было – на что!..

Пусть и именно же в основном: на «что». Ведь, и если уж и не все, то и большая же часть, *наших...* преподавателей и *не*, была: в поленья и... *дрова!*

С: И как удачно же ты все – обошла нашу... *кураторшу*: «PN№2». Та же еще: *стерва!*.. С нами же... ездила, как и еще две... те... *девчонки* же: из нашей же все и группы; ну, и *те* же еще, с *кровью* и... «хроникой». Ну и так вот!.. *Как уткнулись же в свои телефоны* – так и провели все время: выходя – изредка; на приемы пищи и... «пофоткаться». Все!.. Приехали... *на природу*, блин. Ну а *та*, она, на нас бочку все кадила!.. То мы шумим. То и *шумим*. То и вообще... «шумим». Стучала – чуть ли и не каждые: пять минут; если и не *секунд*. А мы – всего лишь: подвинули кровати!.. Убрали – тумбочку с телеком... между ними, сдвинули их; и выложили все «вкусняшки» и... шампанское – на «ложе». Зашла. Фыркнула!.. Что: «Мы – не в лагере». «Радужном», все же, видать. И ушла!.. Потом – еще раз зашла, когда Карина *случайно* проломила кровать: говоря по телефону; параллельно же еще и тому, как подпевала и подтанцовывала песне на моем. Благо же еще – их было три: и мы их просто – *поменяли...* местами. Ржака же в том, помимо же еще и того, что, и как съезжали уже, *одни* все вернули на свои же места, сняли белье и «красивенько» оставили, как сказали уборщицы, так и что она зашла уже и после того, *не* в момент, когда мы ее раскладывали, перекладывали белье, матрас, меняли *каркасы...* местами. Да и не потому уже, что шумно, а... *Шумно!*.. Услы-

шала – звон бокалов. У нас было – *только шампанское!*.. Да и которое мы еще «так вовремя» засунули *в*; за секунду, буквально, до ее «Захожу», так еще и чуть ли не *с ноги*, ведь мы ей так и открывали, как и не открыли, когда она начала вновь стучать, только уже и на третий стук Карина открыла, а я закрыла «собой»; *напольный холодильник*. Впервые – *мольсь*, чтобы бутылка: *не хлопнула!*.. И вновь – ушла. Больше – не приходила. Так мы и всю ночь ели, пили и... *звенели «кружками»: для нее*. А утром – сидели за столом... в полном молчании; и с ее *тяжелым* взглядом на нас. Пока и другие преподаватели – посмеивались лишь. Они-то – *отдохнули!*.. Эта же – даже не вышла. *Мы – по-мешали!*.. Да и то верно – с её-то еще и *нешуточными габаритами*. Буквально!.. Не *шутят* же: над таким. *Уже!*.. А уж и над *людьми*, да-к и почти что в одних же все и летах-зимах того же «строгача»!.. Не говоря уж и про... «любимую женщину». И так: обиженная... обиженка. А на «обиженных» – воду возят!.. Тем более – оби-девших; и *не* своих. Там и водокачку, «водонапорную же и башню» – можно отхватить... за: «*Не себе, не нелюдям*». Точнее – *себе*, но и все-таки же: *не «нелюдям»*. Собака, блин, на сене!.. *Кот...* из «попугая Кеши»!

П: Подвела ж, *мать*, черту!.. Нечего сказать. А этот... «санаторий»: разве есть? Я думала – про твоего отца...

К: И правильно: думала; и по-думала. *Как*: он ж!.. Только – и не назывался ей. Но и один же все и раз – «палка стрельнула»: предельно *точно*. Оставив же и после себя –

кучу справок; которые мы же и после – лишь «слегка» *правили*. Ну а он, так или иначе, «покрывал». Даже – если и не *вскрывалось!*.. А и *тем более* – если его: не было рядом. Ей же, кстати, было и еще же проще: тогда. Хоть она – и никогда не признается: в этом!.. Собственно, как и в том, что: *скучает* и... *хочет* видеть чаще. Явно же: *противореча* себе!

С: Я не успеваю с ним: ни привыкнуть... ни отвыкнуть. Так что, когда он *есть* – его, вроде бы, и *совсем* уж: много. Ведь он и *всегда* же еще, *вроде как*, *есть!* А когда *нет* – совсем: *мало*. Опять же все и потому – что его, вроде как, и так же все: *нет!* Я... *Теряюсь!* Это – *сбивает!*.. Да и не буду же *я...* И *указывать* ему!.. Как и его же самого... *место*.

К: Пора бы было – уже и привыкнуть!.. *Шутка*.

С: *Ща дошуттись!*.. Но, и вернувшись *все же* к той, *благод*й *не* вести, знаете, *что* «забавно»; и *еще* же больше? Что и оба же... *эти...* «повернуты» друг на друге и *похожи*, вроде как; пусть и *не* совсем; но и так же все... *оба...* друг друга – на дух не переносят.

П: «Нездоровая конкуренция ш... *шизиков*»!..

С: Полина!.. То, что ты скоро уже совсем родишь *чисто-*го(ых), *почти*, но и главное же *адекватную(ых)*, больше же, чем и *те*: не говорит о *твоей* возможности – их *обзывать!*

П: Как – и вашей!..

С: Не... *Твоей* и... «Карины»! Вы же *пря*м – «чистые» из... *чистых*. А *я* – могу!..

П: Расистка!..

К: Нацистка!

С: Бе-бе-бе!.. Кстати, *о рождении!*.. Мы ж – *тогда* «опоздали»... просто: и как «заправские студенты», не попавшие на *пятнадцать минут до* и без препода, но и попавшие на *пятнадцать после* него, не пошли *просто*, а поехали в ТЦ... за «ГОВНОМ»!

П: За *чем*, прости... *те?*

К: Не «ПП»!..

П: А... Ну да!.. Так-то *это* – понятней, и *гораздо*, стало!

С: За «фаст фудом»!..

П: Да знаю... И поняла это еще – «сверху»; да и *вдвойне*.
Мы же – тоже: ели!

С: Ну... мало ли. *Это* же было – до!..

К: *Жени*... И «пузожителя»!

П: Эй!.. Я – беременная, а не *больная*. Да и не «тупая»!..

К: Конечно-конечно!.. «*Пока* – не вижу; но и не значит, что не *слышу*».

П: Обижусь!.. Стой. А *это*... Это-то *тут* – причем?..

С: Карина... *Полина*!.. Пряжа для пинеток – у меня. Не розовая... И не *голубая*!.. Окститесь. Это – другой уже препода. Его *цитата!* И *именно* же, в этот уже *раз*, мужчина.

К: Сасный!..

С: Не о нем. И... *Фу!*..

К: Да в смысле?.. Тебе и *тебя* же – «пер»: *его* «орлан»!

С: И «сейчас» – *прет!*.. Я – про «слово». Не «это»... *Другое*.

К: «Филолог»... *доморощенный*, блин. Ты – пи-ше-шь!..

Редактируешь. *Максимум!*

П: Вот. Да!.. Стоп. А как же: Никита?..

С: «Фу!..».

К: Не поняла!..

С: А, ой!.. *Мимо*. То есть: лишка. «Контрл С. Контрл...

V».

К: Ну конечно!.. Это ж – не «твой»: *Егор*.

С: О как!.. Так ты *их* еще и «сравниваешь»: про себя?..

К: Нет.

С: *Слишком* – резко!.. «Не верю». *Палево-палево-палево...*

К: Тоже мне... «Станиславский». Да блин!.. Окей... *Не-т*.

С: *Уже* – лучше. Но и все равно – будто бы и что-то же: не *то!*.. «А?.. Погоди-ка. Что-то здесь не так!.. Ну, вроде все на месте». Но: *что?*..

П: Аккуратней, Карин!.. Тут – не «Дед Мороз». Или «Хогвартс»... И даже не «Южный централ»! Тут – «Брат» и... «*Кто?*»? Ха!.. И ведь – не опровергла *сама*: «твой».

С: Да ну вас!..

К: Приз-най!

С: «Про себя».

К: За-ня-то!.. Не «катит».

С: Ты же – *вслух*: сказала!..

К: Все равно: не считается!.. *Я же* лишь – навела на мысль...

С: А я?..

К: А ты... Не нарывайся – и на *свою* же рифму, повторюшка-хрюшка и... *зайка-зазнайка!*.. Придумай уже – и *что-то же*: свое. «Вдохновись» уже, и хоть раз, *собой!*..

С: «Дошутилась»!..

П: Так, брейк!.. Что – с преподшей? Раз «препод» вас – и *так* триггерит... Давайте – о ней; и *с* ней уже: доразберемся!..

Е и Н: Так!..

П: Ребята, вышли!..

Е: Никитос, ты видишь здесь «сабантуй»: *как* и вижу же его я?..

Н: А то!.. А Поинка – еще и провокатор-подстрекатель. «Ты же должна была – *бороться*: со “злом”!..».

Ж: Полина!..

П: Женя, *и* «вы», все – вон!.. И хватит *уже*: подслушивать.

В: Нормально!.. *Еще*: и подслушивать. «Подглядывать» – запретили!..

П: А тебе, *Влад*, еще: *и* говорить!..

В: Да блин... *малина!*.. Виноваты – они, что *вновь* «спалились»; а досталось – мне.

С: Добро пожаловать в *клуб!*.. Хоть уж – и *какой-то*, а? «Взрослее» ж мы – уже не станем. *Золотая*... середина!.. Хотел – получил. «Распишись»!.. Не отправляя же фашисту и гранату же... *обратно*. Ведь и *тот самый* – Егором уж занят. Как жаль, да?.. Зашел. «Ногами»... Но и хорошо же еще

– не «вынесли»: ими же. Хотя и *сам* же еще – пока: не «вышел». А что уж там: и до вошел. Может, еще успеешь и... «догонишь». *Как-нибудь!*..

В: Вообще ни разу *не смешно*, Софи!..

С: И *не должно* же было... быть: больше тебе скажу!..

П: Вас «особо популярно» – выпроводить?..

Ж: Только «купол» *вновь* – не ставьте!..

П: Подумаем.

Е: И без «левых»: парней и... *мужиков!*..

С: Как пойдет.

Н: Даже – на *словах!*..

К: Ничего не обещаем.

В: *Тем более:* преподав. Камон!.. «Моветон».

П, С, К: С *той* – стороны!..

С: Ну в общем... Она была – там же; да-к и со своим же еще, вроде как, *парнем*.

К: «Мужиком»!..

С: Ну да... Лет так на пять-десять – старше. И... С «*исключительным светом!*»!

К: Ага... И прямо-таки – таким же: *выдающимся*... лбом!

С: Как у... «Франкенштейна» же, ей бог-дьявол!.. В мульте же все; и про *монстров* и... «каникулы».

П: А причем тут: «рождение»?..

С: Так мы же с Карикой – все... *две пары*... обсуждали: *какие* у них будут и «появятся» же дети – с такой-то еще и... «звездинкой»; по всем же *фронтам*. Так и у нее же еще,

кстати, *очень* сильно; «сильнее», чем и практически же все у всех, вроде и той же одной *короткой* ноги, хоть так и не видно, только в момент «заблуждения», буквально, в лесу и хождения же... *по кругу*; косит левый глаз. Не как «у Пеннивайза»!.. Но и тоже ведь – что-то... *с чем-то*. Может же «следить»: как за *вторым*, так и за третьим... *рядами*. Сразу!.. Благо и «первый» – и «здесь»: в *слепой зоне*!.. Или записывать видео, «репортаж», да и *вести* прогноз погоды: «прямо»; и тут же незаметно, *кося*, читать текст – со стороны. Короче – вариантов... масса. *Прямо*: много!.. Как и *вариаций* же все и для «генов» – сложиться в то... или иное «комбо»: если и не *квадрат*, а там и... «куб».

П: София!..

С: Лад-но!.. «Плохо». Согласна!.. Но и будто бы и *она* же сама – об этом не думала... ни разу; как и *когда-либо*... не «говорила». Или и *ей* же все и *уже*: не говорили!.. Лучшая же защита – нападение. И в первую же очередь: *на* себя. Пошути первым над и *с* собой – чтобы не пошутили вторыми и только *над* уже тобой. *Гораздо*: обиднее!.. Да и *уже* нет так «обидно», если и не вообще... *тогда*. Так же, вроде?.. Но от себя, и «за спиной», прошу прощения!.. Шутки «шутками»... А и шутке же – все равно: рознь. Как и *в каждой же шутке*!.. Кхм!.. А и тем более – когда выходит: за *личное* же... пространство, зону комфорта и... *мнение*. Никто его не спрашивал – не надо и говорить!.. Ну а Карина же, в свою очередь, пришла и к тому, что и ни на кой нам не сдалось,

сдался и... сдались: равновесие и баланс, *гармония*... по части же все и... «совокупления». Вот!..

К: Эй!.. Это был – *наш* общий... вывод и итог, вообще-то.

П: Теперь *точно* – обижусь!..

С: Ты – исключение!.. Как и... «люди». Ну... *По-разному*, да, только. Короче!.. Потом... *мы*... поняли, что принцип «разрешать», как и «запрещать», что-либо, *кого-либо* и лишь *некоторым* – хрень. Не баланс... И не *равновесие*. И подавно же: *не гармония*!.. Так еще – и нацизм; с тем же все самым еще и *расизмом*... «Ущемлением» – и так уже: *чрезмерно* обиженных и... «обидчивых». В общем!.. *Да*. Нет смысла – переделывать: все. Долго же!.. И *муторно*. Ведь и впрямь: *все*. И не *нашем* же уже; и «веку»!.. Как и (в) *веках*. Да и в *каждой* же еще, и вселенной, причем. Другой – мир же... *уже*. И мир-ы. *Совершенно*!.. А жить-то – хочется: уже *здесь*. Прямо и: сейчас. Не *существовать*. И... В *войне*. Вечной и... *Беспечной*!.. Ну а «солнечным» детям, как и *парам*, мы всегда – рады!

П: Дуры!.. Вот... и *точно* же уже... «дуры». Как и как-ие же они: есть!..

С и К: Два дебила – это сила... и *понять-простить-не хоронить*... «трех»!..

...

«Где-то» я это уже клип-ала (и-ли *нет*):

– девочки «преследуют» *меня* с ним, *другом*, по пятам: делая вид, что «снимают на камеру»; но и хоть не чтобы из-

бить, приревновав *вдруг* и к чему-то, *кому-то*, до магазина с... *помощью*; репортеры и... *режиссеры* же, «киношники» хреновы!.. (Так и мать же еще, одной из них, не *тонко* намекает: на *нас* же все и с ним. Девчонки – хуже парней?.. *Родители* – хуже: *детей*. А *мы* же еще и что-то хотим – от последних. Уж точно и не «письма» с д/з на «удаленке», распечатанные *уже*, голубями отправлять!.. Перестаю – гулять с ними: ведь, и всякий же раз видя их и выходя к ним, никого нет, они убегают; а когда звоню или пишу – получаю ответ, что *их* «позвали домой» или одной же все и из них не здоровится, хотя спустя буквально пару минут, с моего же все и ухода, они вновь гуляют! *Вдвоем*... Что ж, совет вам да любовь: с *флагом* в руке и палкой в... *неважно*);

– нашла себя – в «разведении» собак: поила и кормила их!.. Потом – появлялись и щенки. И я возилась – *и* с ними. Следом – со второй «семьей». А когда «подруги» узнали – натравили последнюю... *мату*: на и мимо же проходящих... *в штатском*. Естественно – все шишки полетели на меня, как и требования угомонить, а то пристрелят... *ее*; буквально. А я – ничего не понимаю. Испугалась. И!.. Не «натравливала» же. В слезах!.. Благо и второй уже – того отвадил, мол: «Это – собака, не она». Но и затем!.. Не успокоившись ни грамма – натравили первую уже *мамочку* на меня: что пришлось долго сидеть на самом верху лестницы; пока одна ж из *нянечек* меня ни потеряла. Сама – вывихнула ногу, не так выйдя из транспорта, а я виновата: что не отзывалась с

балкона!.. Да я дышать – боялась. И банально – не могла. «Под конец» и вовсе – спикировав с нее: ничком. Не столько и головой, лицом саданувшись, сколько грудиной и... *выше-бя* дух;

– а после – лагерь!.. И мы же втроем, не с теми, *другими*, заперты сначала в медкабинете, *диспансере*, а там уже и в нашем же «девчачьем» домике: с вшами; от тех же самых все, кстати, и собак. Не *тех* же самых, так же все. Но и: собак!.. Где я – там и всегда же: ж... *живность*. Кхм!.. Причем, я-то все и вышла же – быстрее, так и более-менее же еще сухой из воды: ведь попалась на этом – еще раньше и вылечилась, *вычесав*; пусть и *наильно*, заставив же все и себя же, как сама, так и *не*, буквально, и все же. «Кудряшка Сью» – уже не та, да-да. И... *Ага*. Да и... сущность же, все же. Против *человеческих* же все и... сучностей. Здесь уже: и тех же, как... *тех* же. Да-к еще и... «чистых». Казалось бы!.. Не говоря за «тупность» и других уже, *двух*, Рапунцелей, так и запрещавших же, и *запретивших*, до конца, и себе, и... *людям* во-круг: расчесываться. Ну и: поплатились. Как своими же все и длинными кудрями... Так и... «друзьями». Осталась – лишь я. Держи врагов ближе?.. А и «враг» ли? И-я!.. Ведь «нас» они же – вместе и закрыли. В *издевку* же... им. Не *мне*!.. Но а я – осталась с ними. И даже на «*Не слабо*» – расческой же их: расчесалась. Так – мы и «подружились» же... вновь. Чуть и больше же еще после того, как и они помогли уже мне, *вроде как*, и познакомиться же все так же с парнем... из стар-

шей группы. Лет так... на пять, а то и все *десять* же, старше меня. Мне тогда было и как раз таки – лет пять-десять. *Не пять... Но и десять. Точно!..* И да!.. Тогда уже – нравились и постарше же все, да. Да и как: «познакомиться». *Просто выкричали* – его; когда наши воспитатели уехали за продуктами и всеми прочими же *нужными* вещами, оставив вожатых за старших, одна из которых была моей и *самой-самой прелюбимой*; а я прямо-таки и плакала на плече у одной из них, пока мы ни подошли, а там и практически же все уже и прошли мимо их, «с парнями», домика. *Не* прошли!.. Зато и – вышел он. А я... Просто помахала ему – и сбежала. Ревела – потом!.. Уже и не от разлуки; да и все же вернулись к тому моменту, делу и... к вечеру-ночи; а от обиды. А затем – и первого же в своей жизни «предательства»: они же *и* об этом – сказали ему. Тогда он пришел – сам. Никогда особо не посещал шумные мероприятия, типа *дискотек*, а тут: приперся. Долго – «палил» глазами. А я... Спряталась – в толпе; и по с... «шпалам». Не хуже, чем и когда, уже и будучи же все старше, пошла на хореографию... и в какой-то из «догонялок», в перерыве и до начала же занятия, помогла подруге поймать друга, а тот; не сдержав свой и очередной же уже к тому моменту порыв злости, а даже и ярости, гнева, там же были прям и конкретные проблемы, столы ж переворачивал... периодически и стулья кидал, пиная, «играя сценку» и... *показывая* же даже уже и самому *учителю* ту самую же все ярость, *свою*; дернул меня за руку и «приложил» к стан-

ку... головой. С нами еще тогда ходил – тот самый хулиган, что продавал походы... в туалет. И прочитал, «на всю Ивановскую», мое *любвное письмо*, кстати, и к тому же все, за кем потом и побежал, как за помощью, подмогой, не знаю, а может и просто, чтобы одному не ржать с появляющейся и проявляющейся уже даже и на моей же все голове шишки, пока я сидела, а и все танцевали, от греха же подальше, то есть *сотрясения*. Да уж!.. И ведь не могла же еще тогда долго понять: от чего больше красная – от того, что и только-только почти перестала реветь или от смущения; а там – и всего же сразу, плюс *бег*. Ну и: как есть. По итогу-то!.. «Близко расположенные капилляры». Ну и хоть не... *аутоиммунное*. А «письма» я и сама писала – на редкость: дурацкие. Что в лагере... Что в *школе*!.. Что и вообще. Сейчас же все перечитай – соплями «изойдешься»; и слезами – захлебнешься... от смеха. Ну а мне же, и на тот же все момент времени, *казалось* это – произведением искусства. Пока и его ж родителям – чем-то *пошлым* и... «маниакальным». А я просто смотрела мультик и писала: но и кто ж *тогда* знал, что чего-то *сильно-пресильно* «хотеть» – не то же самое, что и... *кого-то*!.. Ну а дальше – я от него просто: бегала. Теряясь – на дискотеке. Ходя и на кружки, где не было его... Как и умываясь же – до и после сна: *после* же всех. Фигурки же из макарон и «холодная» вода – были (стали) *лучшие* мои друзья. И *единственные*! Пока и другие уже две; из *неправильного* выбора между зол; умирали со смеху: в сторонке!.. А

после – я *всех* «удалила». Но и *не* забыла же все, как видишь. И до сих пор же все и помню – эти пусть и *периодические* уже, но и еще и с ними же: переписки. Мои взлеты и... падения «качелей»; и с... в них, опять-таки же все и... плашмя; от обсуждения... его, уже и другого, кому письмо так и *не* дошло... *лично*, просмотра «Сумерек» с родителями; и как им было *здорово* – вспомнить еще и *свою* молодость, и хорошенько так же все затем и прифигеть – под и тут же от его же все и конечно-конченный эпик, в виде «Несите чаю – я кончаю»; до желания удалить его из еще ведь и «Аськи», параллельно же еще обсуждая это и отвечая на вопрос «На кой?!». *Удалить!*.. Но – из-за сбоя и... «дубля» *всех* контактов. Добавление – обратно. «Зачем?». И туда *и*... Обратно. А *кто* бы знал!.. И все. То есть: ничего. А надо было рвать – сразу: как только он начал и названивать же мне... за *свой* телефон; который я взяла «*только* посмотреть» и чисто «узнать *как* записана»; и до того, как его же все и отошьет другая уже нянечка, так и вместе же еще с домработницей-управительницей. Уже и не помню даже: как... *именно*. Да и не слышала!.. Но и все изначально же – пошло по... *узде*: с «анонимного Валентина». И да! Я ж ему «валентинки» посылала – еще и до, но и *уже* после «разрыва». «Трудно» же было догадаться – *кто*, да?.. Ужас. *Просто*: ужас. И уже не «тихий» даже. А *крошечный*. И... *Тем более!* Мне стыдно. И да. В *этот* раз – это: видно!..

...

Проверить на уже и наличие («Где-то» я это уже клип-ала (и-ли *нет*)2):

– пирожки;

– платный туалет;

– разбитое стекло, в «догонялки», головой, разбитая и сама же «голова», а и точнее же все нос, от рюкзака и... с прохождением «директора», колен о гвозди плитуса, надо же было *так* на коленях проехаться-катиться, *не* лунной же походкой все, и слава... богу-дьяволу еще, до сих пор ж перед глазами все момент из ужастика, где девчонка, показавшись из подвала-погребца, «Синистер» ли, нет, разрезает ногу, рядом же стоящему или стоящей, чуть выше пятки, но и все же ведь карма и кара, *двойные*, нечего было мою книгу из *читательского уголка* брать и, используя в спартакиаде, гнуть ее, да еще и *как*, буквально, ее же надо было между ног зажать, тоже мне бег с препятствиями и... *не* в картофельных мешках, да и не с веревками, но и мне же не следовало все играть уже и с ножницами, доказывая, что кожу ими не разрезать, *кухонные* режут все, и... *не только*;

– мальчик, который *выжыл* нравился, поначалу еще и так же все «смешно» дергал головой; *не* смешно, это все же был тик, *не* так, *нервный*; но, вроде бы, и *так* уже промахалась с письмом, но нет, *сначала* еще, ну а и после же *уже* – и с желанием узнать: *как* же записана – в его телефоне!.. Да уж. *Еще* тупее, разве что, и было же желание – выглядеть «круто»: с капюшоном... *как* у него, иметь возможность уходить

с уроков на танцы... у него же на глазах и стирать кроссовки до «белоты», как и монеты до «блестоты», так еще и репетируя же с ним диалог; как буду проходить мимо, а потом и платить в той же столовке – и все с ним и... *при* нем. «При-ема» в голове – явно не было. Как и *лома*... Для нее. А жаль!.. А. Ну и еще посылать «валентинки» – *тайным купидоном*. И хоть пусть это все же было и не так уж и плохо, как и в колледже же все и уже, например, и от имени же парня... парню. Но и, видать, это был – лишь первый уровень: от себя и... Я просто – *ужасна* не умею останавливаться. Как и признавать – собственную же: тупость, глупость и... ошибки. А там – и *учиться* на них. А «надо»!.. Ведь, как и он *радовался*, когда у нас были совмещенные уроки, так я и *не* расстраивалась с Кариной же: когда учительница – все-таки *не* чихнула; а ведь говорят, что «чихается», когда о нем-ней-них вспоминаешь, но и, видимо, не в зоне же видимости и... чуть ли и ни смотря же в глаза и самую же душу. Пусть: и с боку, чуть... *кося*. Как и Роза – тоже *сама*: у телевизора засыпала. Не я ей – внушала. Хоть и могла... Пусть, и пока же все, скорее, а там и *точно*: в теории. Но – и не вечным же сном, все же; а и смысл... тогда? Да и когда одна из *записок* ему была прочитана на весь класс тем же еще и... полудурком, зарабатывающим на «нужде» первого этажа, *детей*, буквально: все было кончено – точно. До этого – успев побыть еще и «кончен-ным»: в разрезе моего *неугодного* мата, когда и он уже «бросил», его *странноватого* дружка... и их

же все уже и обсуждений... «Балтики 0». *Одной*, да. Но – и *с двумя* же... «Нулевки». Кхм!.. *меня*. А и *до конца* – когда вскрылась шутка *штука* с *его* все и... телефоном. Следом же все; и *прямо*!.. Ведь и на *тех* еще моделях – «ключ» снимался... без пароля!.. Но и чтоб поставить его вновь – нужен был уже; и *он*. Ну а кто – не ходил на физ-ру в тот день, в прочем, как и всегда, конечно же, я!.. Потом – звонки, смс... Вот где, и стоило бы написать-расписать свой богатый внутренний мир – таким же, подчас и *впрямь* же все великим, могучим... бранно-матерным языком, а не когда одна нянечка пыталась найти другую, забывшую телефон дома, с него же, так еще и почему-то же все через меня, а эти же все, *двое*, ржали за спиной, и мне же вдруг показалось, что это они надо мной прикалываются, названивая, с «неизвестного» номера... *второго* же, и выручила «волчий» билет... своим же глазам, не *ушам*, на уроке же была, я, а она... в афиге, была, стала, да так и осталась: от отсутствия повторов, впрочем, как и алфавитного порядка, но и какое из двух зол?.. Но и все же – мимо, да и в «бан». Что ж... Ему *по-казалось*, что я «полазила» и что-то удалила. А я же – до жути *справедливая*, хоть и *тут же* все совестливая, ничего не удаляла; но и признать же, что «лазила» – *совести* же все и не хватило; так и «заигнорила» его. А тому, *третьему*, видать, все же «завидно» было. Ну, или так же, но и в *другом* уже разрезе!.. Да и впервые же мне все – не понравился: «хулиган». Что этот... Что еще и из сада же... *моего*. Живы ли еще?.. «Жи-

вы». Хотя — и люди. Но и *да*. Да и я вновь — не о том. Пусть и не бодяжили, как и третий же все, но и могли ведь: *и* сторчатся. Или открыть — свой «бойцовский клуб»!.. После, и своих же все собак, решив побороться: и *сами*. Зато и тоже ведь — был *светленький*, «первый», что на волосы, что и... на глаза. “Ты — не изменяешь: *себе*.” «*Заткнись!..*». “Да и это же еще не говоря — за темноволосого и -глазого, что бегал за тобой; а ты — и от него. С этой кружкой... на восьмое марта!.. Невзаимной любовью — на началах, как и *неразделенной* — затем и... в конце. Говорила же ему — и про *того*. По телефону и... Так”. «Да!..». И... *Как* же меня... гоняли. Что с телефона... по вечерам. «А ведь: *люблю!*..». Что и за цветок, который уже и этот же все... *полоумный*: оборвал; придя в гости и... из ревности, а может уже даже и *мести*. В любом случае — это был последний раз: когда «ко мне»... *кто-либо* приходил. И вот знаешь, здесь как никогда, да и нигде уже, ни с *чем* и кем, была... прямо-таки и цветочная... не *идиллия*: солидарность. *Розы* — не к Розе!.. «Денежное дерево»... вроде. Да и ей как-то — все равно. Главное: свое-*ее*. А что уж говорить: и за дни рождения?.. Даже. *Тем более*... Отмечали ж — у Карины. И Карины же, да, *тоже*. С ее еще даже и младшим двоюродным братом... *еще*. Так мило стеснялась, когда просила конкурсы у меня — для себя. А они все и *для* всех — в общем доступе: интернета. «Ну прекрати. До сих пор ведь стыдно...». Да-к еще и когда расплакалась — из-за него, что с ним никто играть не хотел. «Так ведь — и поиграли!..

Но и ты – ничего не сказала. Расплакалась и ушла... Надо было прямо в лоб сказать – играем с ним; или уходим». Блин, чувствую же себя, как на том фейерверке, «День города» это был или... что, где я... вроде бы и была, так еще и «сверху» о нем же от вас слышала, затем и *вновь* же, уже и рядом, слушаю, а потом и вы же – от меня, а вроде бы и *нет*. Как с фаст-фудом!.. “Но это ж – шутка в шутке”. «Ага, утка в... *зайце*». “Когда это объяснение – стало: шуткой?”. «Сейчас». “Ой, как удобно”. «Да». Я и сама же еще, периодически, думаю, что и это же все... вот «все»... уже было; и я же *это все* – уже рассказывала и рассказала. И ладно бы еще: дежавю!.. Но будто и, правда, проблемы – с памятью; или что. Как?!.. Кому я и что уже рассказывала, а кому – нет? Будто и для *каждого* же все – своя... *моя*... правда; и я лишь – *подбираю* слова. Новые. Об одном и том же, но... Вот и: новогоднее поздравление. Кхм!.. То есть. «Сочинение». Или... *Изложение*. На *весь* класс. И каждый раз – так. К чему-то пришли?.. *Нет*. Но и раз мы все еще *здесь* и *с* тобой – значит: ничего. «А вдруг – вы *тоже*: забываете?.. И *вы*. И... *Мы*». “Мы?..”. «Стоп!.. То есть, чуть что – вы бы меня сразу бросили?”. “А вдруг *мы* – вообще: *не* существуем?”. «А ты – *вообще*: кто?”. “Во-во... Продолжай, давай!.. Что там – с тем... «пятым» парнем?”. «Повторение – мать учения». Ну а вообще!.. Интересно. *Забавно*!.. Баланс «балансом», равновесие... «равновесием» же. И *гармония*!.. А «людей» будто, как и есть, а там и будет, все равно – больше. Что тогда... Что и сейчас. “Тебя

просто к ним – всегда: тянуло. А знаешь, почему?..».
~~«Никто меня не любит, никто не поцелует?..».~~ ««Кровь»! Как это: никто? «Что»!..». «Теперь точно: заткнись». Хороший был – парень. Друг... Но и: не более. Как-то встретились... *Ничего*. Все такой же. С девушкой!.. Большинство уже – с ними. И тот!.. И «другой». И... *Иные*. В спокойствии и... «Мире». Каком-то... *Каком-никаком*. Если уж и не «полном». А я?.. До сих пор – *пилю* себя; и свои же «щепки» прошлого!.. Не говоря уж и за то: как *нужно*, правильно было поступить... *иначе*. Не забывать *свой* уже и телефон – в туалете!.. Как и плеер – на вахте. Книгу, «поненужней», принести в «блок же все и чтения»; кто хоть там и читал; прости меня, «*Белый Бим Черное ухо*», ничему меня жизнь не учит: каждый раз – ищу приключений; и каждый же раз – наступаю на говно, так еще и прямо-таки утверждая, что это не я, это кто-то за меня, да-к и при этом же еще, без «палева», вытирая ноги о траву, прям тут же, где-то между же еще и *вешая* же уже прямо на *кого-то*, постарше или *слабше* видящего, равно как и *ходящего*, еще и *потоптавшегося* там. И ладно еще: *человека*; хотя и все равно же – *ужас* еще тот!..

...

...А ведь мы же еще – заполняли «анкеты»!.. Так и пытались же еще – «вести» их даже, как: *дневники*. Помню же еще, как сдуру дала прочитать «секретный конверт», с *признанием*... тому же все и... «подруге»; по крайней мере, как и я же тогда все думала. Но *там* же еще – все были: *друзья* и...

подруги!.. Поделилась с ней, считай же еще что и *самым сокровенным*. А она – лишь только: посмеялась с меня, сказав, что: «Это – неправда». Ведь *как* он и любил ее... в детском саду, стараясь и все же время попасть на «наказание»... в угол – именно *к ней* в группу: на сон-час; в одном саду, так еще и «ранние» пташки в школе, и пусть уже не так и там уже общаются, *все же*; так и продолжает же *любить* – до сих пор. Ну а по итогу: что?.. Оказался же еще – тем: бабником. Хуже, чем и в моем же уже саду и мальчик, что ухлестывал: сразу... и за *тремя*. И я же, да-да, была – в их числе. *Одной* из... Перв-ой. И пусть: не последней. Но и... *Артем*. Опять и... *Снова*. Красной же все; и нитью. Не «кровоавой». Параллельной. Сначала – ждал меня, чтобы проводить в группу. Потом – и так же все: мою подругу. *Вторую!*.. Ну и... Так далее. И тому же подобное. Принцип же – ты понял?.. А я, вот, только – сейчас. И... При-няла. А и *как* значило-то... Что сон и в кроватях же... почти рядом. *Параллельно* же... друг другу. Что и наши же все: «типа отношения»!.. Как венчание и... свадьба; *семья* прям. Ведь, и, как известно же еще, в ней – не без уroda. И тут уже: что уж говорить и за сад, а что уж *не* – и за школу; кто и как учился... *читать!*..

...

– А «А ну-ка, парни!»?.. Помнишь еще – этот лозунг? Как и: «Выбираем – торт, а не спорт»!..

– *Такая себе...* «первоапрельская шутка»... *была, если честно.*

– Ну уж и явно получше – «валентинки»... однокласснику: так еще и от *кого-то* же все из... *них* же. Да и не хуже – муравьев в учебнике, для боявшейся по крайней мере их, насекомых, одноклассницы... до панических же прямо атак, замазки для аллергии и до прямо-таки и красно-синеющего же лица, как и разбухающего горла препода... по музыке и лимона с «глазками» маркером для препода уже и по обж... с ее боязнью «дырок»!.. И ведь даже и не возникает вопросов – *кто* это делал, да?

– «Даже»?!

– Не по всем лишь «кругам» – прошлись... Но ведь – и еще же не вечер: *последний* год, как никак!..

– Ага, вот только и к «нам» же все лишь с тобой – есть; и конкретные вопросы.

– Да ладно тебе!.. Просто – тупая *шутка* была, да и вся фигня. Фишка же была – в этом и... в ней же: не была бы *тупой* – сразу бы просекла и... -и.

– **То есть: «всекли»?.. И я – о том же!**

– Бе-бе-бе!.. *Ко мне* вопросов – с «половиной».

– *Скорее: подливой...*

– Ничего не знаю!.. И... Эй.

– **Впервые вижу, чтобы лошадь... сама же и себя звала. А ты, Карин?..**

– *И я...*

– И это «я» же еще – на рифму нарывалась!.. Вообще-то: я – *бык*.

– Вообще-то: «мы» – знаем. Но и это же тебя – не умоляет. Как и... «вас» же все; и «двоих». То не ваши же и дети. То и... фобии. В обратном порядке!.. Тупой и... еще же тупее. Торeadор и...

– Рога зато – у меня: острые.

– Как и «язык». Но и... не ум! Вот и гоняешь по за-
гону, ориентируясь только лишь – на красную тряпку,
предоставленную же тебе: но – и не «тобой». А была
же – Спиритом. «Душой прерий»...

– А теперь?.. «Кажусь» и!.. «Индейцем»?

– Ну хоть и: не индей-кой.

– Но-но!..

– Туда же...

– Кхм... На меня ведь все – как сядешь, так и слезешь.

– Во-во. Только в «такие» моменты – и *похожа...* А
и как насчет все: быть?..

– «Свиньей»?.. Или «ежем»? А. Ну да...

– Ты – про «иголки» или?.. И. А розовый – это же,
считай, все: и выцветший-то – «красный».

– Тебе – виднее.

– Ха-ха... Все то же: нападение. Как защита!..
«Твой»... *розовый*. «Он» – и красная тряпка. Он же – и
торeadор...

– А вы?..

– А «мы» с Грозой... «Дождем»... *постоем в сторонке, у
стойла: и посмотрим – чем же и этот же все своеобразный*

«бойцовский клуб», о котором нельзя говорить, имени же все и того, кого нельзя называть, закончится!..

– И никаких возражений?..

– **Не на то – тратишь: свое время!.. Пусть, и даже, тем более же все: «вечное».**

– А как же – *опыт* и?..

– **Опыт – это законченная... реализация: в чем-либо, ком-либо... «Проба пера» и понятие, понимание: чем хочешь, а чем и не хочешь заниматься; кем. В твоём же все и случае – тупо: пустая же и потеря, трата...; пустое сотрясение воздуха. Что – препирательствами. Что – и оправданиями... Позволив себе какое-либо право и... прав-а – позволь себе и то же самое все право, но и налево, ошибку и ошибк-и. Без объяснения, объяснений причин и... причинно-следственных же связей: по следствию. Так... задумала... ты. Все!.. Правильно или нет – *твое* право: называть и... обозвать; так или иначе. Наше же – поддержать... *тебя!*.. Не держа. И не уча, таким же все и образом, что *сбрасывать* с себя людей – нельзя: *сами* должны спуститься. Как и *ты* – обучиться этому, *вложившись* временем: со своей стороны!..**

– Так, все!.. – Хлопнул ладонями по столу Никита и подорвался со стула, оправляя мельком красные рукава своей рубашки, застегнутые до кистей и, параллельно же еще, на-

кривая полами ее темно-коричневый кожаный ремень белых классических шорт до колена, но и тут же был вновь усажжен на него, так и буквально же еще «прижат» – строгим взглядом Александра, сидевшего во главе стола; в своей уже светло-фиолетовой кофте с три четверти рукавом и в темно-фиолетовых потертых, с дырками на коленях, джинсах; и рассадившего же еще сам всех и так, чтобы и всех же ему видеть, как и им же все видеть его, облокотившись на стол перед собой и сжав кисти в кулак, водрузив на него голову.

– Она же – м... *мучается*... – прошептала следом, и в поддержку же парню, Карина, сминая пальцами, с белым лаком на и средней же длины миндалевидных ногтях, свою же светло-голубую рубашку в белую вертикальную полоску: надевшую поверх еще белой же майки и спущенную с ее правого плеча; не говоря уж и про то, что и застегнутую-то – невпопад и на «быструю руку». Впервые, к слову, не разменивалась и не потратив же время: ни на укладку, ни и на макияж; «покрыв» и разве что все ногти, да-к еще и задолго до, стойкой основой геля, благодаря чему еще – могла и забыть про них. Чего не скажешь, допустим, и обо всем же остальном. Но и с оставшимся – тоже: не особо и горевала. *Не* горевала – и вовсе!.. Ведь, и убежав таки к себе домой, после и «принятия» же Софии *там* – она успела быстро принять душ и, так же «скоростно» переодевшись, вернуться к ребятам; похвалив, на ту же всю и руку, да и по принципу, опять-таки, когда бы еще и такое было, «что первое выпало из шкафа или

упало со стула – то и мое», под рубашку темно-синие джинсы и того же цвета кроссовки, так же все, как и Ник, бегло расчесала-уложила руками свои светло-каштановые пряди, дооправив по пути-дороге уже и пробор и, вот, восседала теперь вместе и со всеми, *почти*, без Софии, слыша если и не каждый всплеск в самой ванной, то и каждую, ее или *нет*, каплю, ударившуюся об пол.

– Хуже, чем было – уже не есть; и не *будет*... – отрицательно качнул головой мужчина и сразу же продолжит: чтобы хотя бы и здесь – без возражений. – По-моему, она *ясно* дала понять, что справится *пока*: сама!.. Нет? У нас *нет* причин – ей не доверять!

– М-хм!.. – Фыркнул Влад, нервно оправив высокое горло своей желтой тенниски, на секунду буквально оторвав и ту от, покрытых ей же и до, голубых джинсов, и *продолжил*... буравить стол своим блестящим, но и не от радости, янтарным взглядом. – Как и: *верить*. Ты, и *сам-то*, можешь дать гарантии, что она там – не вскрыется?.. Да и не только: «там»; *вообще!* Ксан, может, я и не въезжаю во многое, да?.. *Достаточно!* Давай уж; и *честно*. Но и быть на виду, «в поле зрения», это – не «быть»: за стенами и... дверьми! Одной – закрытой. А *другой* и... Да, не спорю!.. Мы успеем – предотвратить. *Успеем*: подняться, уберечь и... спасти, запретив и *воспретив!* Но и есть ли смысл – рвать задницы... лишний раз, если можно просто посадить ее перед собой... *нами*... и все?!

– Тебе о чем-то *еще* говорят: личное пространство и зона комфорта?!.. – Рывкнул Александр, но и сразу же откашлялся, поняв, что и *лишний* же все, так еще и совершенно ненужный же раз – сорвался; да-к еще и не на *тех*, на ком и *должен* был; и, сжав затем переносицу пальцами своей правой руки, грузно выдохнул, отбивая параллельно еще и тихий же ритм пальцами уже и левой руки по столу: стараясь, таким образом, успокоиться и прийти в себя; если уж и не... *упросить*, тем самым и на то же все, их. – Я... все понимаю, ребят. *Все!*.. Сам – на взводе и... в раздрае. Но... *До особых распоряжений!*..

– Ну вот только – не надо... Не *ты*; и... «еще»!.. Не цитируй – эту шайку лейку: из «тринадцати» же... *всадников!* – Рванул, будто бы и к нему же еще, Егор, но и только же встал из-за стола и... *швырнул* свой стул: в лишь и ему же все известное место; как и по такому же все *направлению*. – Охренеть же, просто!.. Вовремя же я – вернулся; и Софию *вернул!* Шест-над-цать!.. *Шестнадцать дней* – ее отца нет на посту, а они: ни сном ни духом. Ни носом же, *шавки*, не повели! Да, пофиг!.. *Да?* А че?.. Одним больше... Одним меньше! *Меньше* народу – больше *кислороду!*.. – И, хлопнув, вслед же все и за Никитой, по столу обеими уже и своими руками, навис над ним и продолжил, рыча. – Это *так* у нас – баланс: соблюдается?! *Такое* у нас – равновесие; и, прости же все и господи-дьявол, *такая* же: гармония?! *Да!*.. Как и этот же все... *их*: «Совет». Который... с «верховным»... *уже*

и переваливает – на темную сторону. В любую секунду – все полетит в ебень!.. А мы... Да!.. Мы – о Софши... ни черта... не знали и не слышали: что она и как. Есть ли она, вообще!.. И в каком... сука... состоянии. Куда уж нам – и до мироздания! Если мы даже таких мелочей не замечаем! Щепки, ага!.. Там: леса – шумят! Горя... А им – хоть бы хны! Шашлыки... Да-да. Под коньячок же все... и с кровью... вкусно: очень!..

– Егор...

– Не-т!.. – Шикнул он и отрицательно качнул головой, смотря еще и ровно же в глаза русоволосого: так и руками же, к тому, *взмахнул*; для пресечения – всего и вся. – Вот, *нет!*.. Ни-фи-га! Хотят шерстить ряды, *там*, в поисках Сергея?.. *Флаги* им – в руки; и палки – по *местам!* Но мы сидеть, сложив руки, не будем!.. Эту парочку-леечку – надо найти *нам*; и «здесь»! Приманить ее, ха, вон, на *ту!*.. Неплохая: мишень и приманка! – И, не обращая внимания на крики из кладовки, только и «похожие» на: «*Эй!*.. Я вам – никакая: не мишень... и не приманка!»; так еще и проглотив уже и свое: «*Да-да. “Никакая”... Все верно*»; продолжил говорить. – И *раньше* же – тех! Да... Да и готов дать голову на отсечение, развернув уже и эту же все ситуацию... *с этой*, именно с этой *стороны*, мы найдем его. Эти твари – его: «скрывают»! И... *Кто* ж знал, что *так* можно было: «что ли»! Да и вообще: *воз-можно!*.. Делать это – *так* хорошо, что и даже *верхи*: не втыкают! И *до сих пор*... Но и *те* же еще – ладно!.. – Отмахнулся он,

фыркнув. – Не-важ-но!.. *Уже*: неважно. Они – не ищут, как в принципе, так и легких путей. А «искать-то» как раз – надо; и в них. В «простом»!.. Что и только же «кажется»: сложным и... *гениальным*. В *самом*... наипростейшем. И буквально же все: на поверхности. До чего – даже эти п... полудурки. Смогли додуматься. Мы – не должны: уступить им в этом; *никак!*.. – И ткнул указательным пальцем правой руки в стол, ставя сим: импровизированную же точку. – Опять же, готов спорить, это – *те* же самые цветы, что были в подушке и... *крови* Софии.

– И, вот, хоть убейте: все равно – не понимаю!.. – Нахмурился Никита и взглянул, после и Егора же все, на мужчину. – Ты ж *с ним* – говорил, Ксандер. С Софией же... *Вы* ж с ним – «встречались». Да и я его сам – видел... И Каринка же – слышала!.. Так и в точности же еще затем, по голосу, его и определила. Как равно же все и то, что: меня же – не переключило. Да и я же все уже, давал и... дал *и* вам – послушать: запись! *Доказал!*.. Еще б, конечно, сама Софа подтвердила... – призадумался он и закусил нижнюю губу, тут же после кивая себе и своим мыслям. – Выйдет – и ей дам послушать!.. Да-к и все же это еще было – сравнительно: недавно! Не до его пропажи, а в ней и... в процессе! Моменте!.. Как?.. Они, что, его из табакерки доставали, время от времени?.. Чтобы не палиться?

– Нет... *Она* и «Андрея» же все – доставала, чтобы не пылил-ся!.. – Фыркнула София, появившись на лестнице... уже

точно и сухо же все переодетой; хоть и так и не отошедшей: как внутренне, так и внешне. Да-к еще и с «закрытостью» – всего же и... *сразу*: черные джинсы ее, без потертостей, дырок и подворотов, доходили – до таких же ее низких носок, а в тон и цвет же все кофта – была вытянута до и натянута же все на... самые ее же пальцы и кончики их; так еще и из-под нее, ее же и ворота, торчал-выглядывал соответствующий и всему же шарф-снуд, прикрывая шею и подбородок... до нижней губы. Пока и ее же все... еще сырые, высушенные только лишь и полотенцем, волосы – были чуть взлохмачены и пере-ложены на правое плечо, а лицо – было чистым от косметики; как и ногти рук – от покрытия. – Можешь – не утруждаться, Ник, я *все* прослушала; пусть и *не* все же – *услышала!*.. – Положительно кивнула ему она, улыбнувшись лишь уголками губ. – Да и *еще...* уже... *после того*, как и как раз же все лично познакомилась, и *имела честь*, присутствовать: при этом же все *их* и... «мастер-классе»... курса кройки и шитья, чтоб его... и *их!* Кхм... Сначала, как оказалось и... при, в *забытьи*: чего я не помню, но оно и понятно!.. А после – при... *снятии*. Его и... Но и что, опять же все, понятно. Не *принято* и приятно, но... Ни там, ни этам – я в адеквате и сознании, как полном же и... *полноценном*: не была. Но и *благо* же все, в этот раз и... *момент*, улучила его же все и... *разобрала*, кое-что даже еще и узнав!.. – И, скрестив руки под грудью, опустила взгляд в пол и продолжила, цедя сквозь зубы. – Роза – *пользуется* им: в своих целях и...

для своей же все и выгоды, «идеи фикс»; голубой... *американской мечты*, как угодно. Удобно... Все-таки, и ему, *еще пока*, возможно и, главное же все, *можно*, появляться там: без особых и... проблем. Когда же и ей – *никак*... нет. Равно: как подниматься, так и... спускаться. Ну, по крайней мере, так было: когда еще отец... *был!* – И с ее губ сорвался горестный смешок, а с поднятием головы – раздался и легкий всхлип. Нет. Она – не плакала!.. Пыталась – *разрядить* тишину и молчание, напряжением повисших над их головами: которое можно было, если еще и не резать, то и уже кувалдой дробить, кубиками льда же разбивая и... рассыпая в бокалы... *с алкоголем*: вместе с «солью», сахаром и... мятой; ну и чайной же розой – куда без нее. Как и без... попкорна. Колы – только не хватало и... хвата-ет. Но – и им!.. Вселенная же уже давно – шипит ей; и хрустит – им: если уж и... не ими. Еще и... *Пока*. – А теперь-то уж – и подавно!.. Почему бы и не повыдавать себя – за него: на началах? А и после: *уже* и... с «доверенностью». «Личным приговором», *прямо!*.. Так сказать. Да-к и подписанным же еще... «жертвой». Только, вот, как он сучность свою – скрывал: до этого?.. Он же – демон, а не... «ангел»!..

И, собрав же таки на себе и все же взгляды почти за раз, оборвала же уже и сама же себя, стушевавшись и застеснявшись, *зардевшись* – под и от такого же все и к себе-ней внимания: но и все же нашла в себе силы, какие-никакие, но и на то, чтобы, наконец, спуститься до конца и... *встать рядом*

с Егором. Он, кстати, и к тому же все моменту: уже почти что и распрямился, и так же расслабился, но и действий же, встречных, а там и в принципе, никаких пока не предпринимал, как и слов, ничего собой не выказывал; боясь еще не то пока и спугнуть этим, не то и перенести всю ту свою тираду, в эмоциональном плане, уже и на нее; и, опять же, напугать. И так – пуганая и... *до*. Куда уж и... больше-то!.. Только: *откуда*. Но и она же, ничего подобного не ожидая, как и иного же не ожидав, решила-сь-таки и попросить же все прощения – у него: сама и... пусть же все пока *тактильно*. Надеюсь, по крайней мере, затем и на то, что, и все же, успеет и успеет-ся, сказать ему это – *лично*: а и точнее же все – *лично*... *попросить*... об этом!.. И пусть даже ее желание аудитории с собой и... одиночества, хоть и *временного*, и было же: нужным и... даже *важным*; коль и не должным. Даже, и в какой-то же еще степени, жизненно необходимым!.. Но и она же все, и сама, никогда *так* не срывалась – ни на кого: что в качестве, что в количестве. И тем более: не *грубил*!.. Ей было – стыдно. *Очень*: стыдно. Эмоции, наконец, схлынули, оставив чувства и ощущения разуму, и... И, сжав его правую ладонь, что была и ближе же всего, всех и двух же его все, к ней, своими уже и двумя, сразу, как она обычно и держала же все кружку, легонько улыбнулась, почти и не растягивая уголки губ, лишь *наметив* их, как и ямочки; но и этого же – вполне хватило, да и было же достаточно, как и Леонардо же да... Винчи, так и... всем, чтобы вывести, а

заодно и *вынести* всех же все и вся, *всё* и во все возможные же и *не* стадии шока: чтобы все и забыли же разом, махом, просто и о чем говорили же, *думали* до этого. И только один Александр же все держал и... *все* же это в голове, пока и при, в себе, с серьезным прищуром своих серых глаз, но и с широкой, при этом же все, и улыбкой на губах. Да уж!.. Не хотелось ему, ну *никак* не хотелось, и почти что даже уже и не *моглось* – прерывать *такую* идиллию, особенно, и когда она *может* больше и не случиться, учитывая же еще и то, *насколько* быстро и с какой скоростью начали развиваться события... вокруг них: *каждый* же момент – был важен; каждый день, час... минута и секунду... *Каждая*... жизнь! Но и не мог... по-другому. Хоть и дал – эту возможность: отойти *самим* и... от «внутренних» же уже них; без вмешательства. Все же, и опять-таки, надеясь на лучшее, пусть, и чуть чаще же *теперь*, готовясь к худшему. Все же еще – будет хорошо. Обязательно!.. Война – отпустит... И пусть же все, как и ремонт, лишь отступит, приостановившись и встав же все на паузу. Но и мир!.. Мир-то и может – еще немного подождать. Те же все – и секунды, минуты и... часы, если уж и не дни: ново-и-преобразовавшейся жизни на и... двоих. *Конечно!*.. Подумалось же все так же, но и уже самому же Егору, и, положительно кивнув, он спроецировал ее улыбку на своих губах и обхватил ее, как на скале: одной лишь своей и все той же правой рукой, не прижимая к себе, но и не отпуская; так еще и шепча же уже и на ее же левое ухо, было бы и крайне

странно тянуться к правому, не будучи уже со спины, да-к еще и через пень-колоду, у *всех* и на виду, что-то на подобии: «*Мы – еще поговорим об этом; как и до-говорим!*». Что ж!.. Да. Он не скрывал, что ему: *было* – обидно. Но и значения, как и такового уже, особого – не придавал: будучи еще и уверенным, не раз же такое уже и проходил, что высказался бы сам и похуже; в желании остаться одному. Но и тут же ведь: ему так *хотелось* – побыть с ней и... *остаться* с ней. Так не хотелось: *и* оставлять!.. Что и когда она его, *его*, практически и отшила: он воспринял это – на свой же, *внутренний*, счет. Но, и как оказалось же все после, совершенно: зря!.. Да и, чего уж там, ситуации были – и *хуже*. А уж и он ее и до, без нее – сто раз уже простил: еще и до того, как... узнал весь тот и столб-столп же все и информации, который им, буквально, и выдали же, свалив целой... *кучей*, на их же все: головы и горбы. Но и благо же, опять же, еще пока: и не *гробы!*.. Ну а уже после – и, *тем более*, забыл. «Даже»: что к чему и... по-чему – шло. За-чем?.. Потом, конечно же... *все*, вспомнил, хотел и отмахнуться... Но и до последнего же, как и прежде, ждал *шага* – от нее. Все-таки теперь – *ее* очередь. Как и «дверь». И... Как же еще и она же все сама это же *все* и воспримет – было для него, как и для нее, пока загадкой; но и было же – уже приятно. Во всяком случае: пока!.. Ведь она и первой же еще, после и того, к нему подошла. И не столько же еще и отблагодарить... за спасение. «Наконец-то», вроде как!.. Сколько и... попросить прощения. А значит: все еще,

и правда, будет и может *быть*.

– Это, конечно, все – очень мило и прекрасно!.. «Сердечки» и бабочки. Вся херня... И *мы* же все, опять же, рады, что ты спустилась к нам: целой и... *невредимой*!.. – Влез-таки к ним уже и сам же Влад, теперь уже и на себя, себе ловя и все взгляды же, включая же еще и саму Софию, но и не как уже в ситуации с ней, где таки и присутствовала, была, пусть и легкая, но и паника, страх, с примесью, ко всему же, радости и нежности, здесь же была уже и самая *настоящая* строгость и злость, хмурость и даже ярость, *гнев*: за разбитый момент. Но и он, был бы не... им, *собой*, если бы даже и бровью повел, а там и тем более глазом моргнул, да и «обоими», поэтому и далее же все продолжил так же спокойно и нахально, в своей же все и излюбленной манере. – Но *этот*... «Андрей»?..

– Я бы могла попросить вас позвать, а до этого и «вызволить» – Те... Анну. Но и *вы* же...

– *Нет!*..

– ...*откажете*. Конечно!.. – Усмехнулась София и *общей* же реакции – на ее слова, так еще и все же еще находясь в полубьютиях и даже *не* чувствуя дискомфорт, во всяком случае, пока: вспоминая еще и тот... *их*... момент на скале; и *дыша* – ровно. Но и ее же все силы, будучи и так на момент *какими-никакими*, мало-помалу, а все же и начали уже «приказывать долго жить» и нужно было срочно ей хотя бы и на что-то же еще и тут же *уже* облокотиться, чтобы не упасть, а там и *рухнуть* в обморок. И, сказав же все и блондину об

этом, своем желании, она сразу же получила легкий положительный кивок его, от него и тут же почти возвращенный и на место же его, так еще и отодвинутый заранее *для* нее, *его* же стул: на который и была усажена затем и, опять же, с его же помощью и достаточно-стойно *легкой* руки; да-к и на который же сам еще и облокотился, с ее же все и *спины*. – Тогда будет честно и... *правильно* – предоставить слово Александру!.. – Взглянула и она же сама уже ровно и прямо на мужчину, лоя его встречный: внимательный и заинтересованный взгляд. – За неимением здесь – моего и *родного* же отца. А после – и я, может быть, что-то да и добавлю-вставлю: от себя же!..

**

...Пре-забавно все-таки было смотреть на их растерянные, а после и «расстроенные» лица, когда Александр открыл им не только свою душу, но и мою: открыл наш секрет и такую же тайну, хотя, и опять же все, кому как!.. Ну а что? Я, как и обычно же все, не видела смысла – распространяться: об этом; как, собственно, и обо всем, что, так или иначе, было связано и касалось меня и-ли моего же все и отца. А и в данном же еще случае – сразу *нас двоих* обоих. А Александр – не хотел делать этого: без моего же еще позволения; если можно было так сказать да и выразиться, в разрезе же все и меня; или до-звонения уже и моего все отца, своего-его друга. Все-таки!.. И как бы там да и ни же все ни было, а «семья» мы – на словах. Семья... семь-ей. Да. Но – и на действиях

же: еще. А и в данном же все случае: мы – разные. Были – разными и... *были* же: отдельно. То есть!.. Каждый был – за свое и... *на* своем. В своих и *за*... своих!.. Не забывая, да, и все же: о и *про* других, чужих... И все же!.. *Но*...

«И все же»!.. Их досада, от какой-то и недоговоренности... со стороны уже и Александра, пусть и в отношении же еще и их, была... странной, что ли: как для меня и по мне. Все-таки!.. Какие-то моменты, и дела, просто *должны были* – остаться: окромя и вне же их. Но, и тут же, в нас: в Александре... и во мне. Но и не *оставаться*, верно?.. Да и они *сколько* – скрывали; а «*сколько*» и еще – будут. Ну а там, и особенно, если все же и учесть, что и Андрея самого – не было: достаточно долго... в поле... *всех*... зрения-видимости. А мой еще... и папа – и сам *уже*: не делился – им, как в принципе; так и его же делами и метаположением, его и нахождением где-то... в общем. Как – и в каком конкретно-определенном месте. Что же!.. Ничего нового. Он, как и... тот, будто бы и был: но его так же все – и не было!..

Александр, к слову, и как оказалось же потом: как относил, так и *относит* же это – к «пагубному влиянию», *неожиданно-неприятно*, на меня; все-таки и отец – хотел вырастить, до поры до времени, из меня и *себе* же все... смену и за-мену, а понукания со стороны его... темной же все и *стороны*, темной и «части», как *брата*, еще и «близнеца», да-к *уже* и демона – как, и так же все, всячески вносили-разворачивали, так и *внесли* бы дисбаланс и *вынесли-развернули*,

отвернув меня однажды и окончательно же уже: от сути и... *истины!*.. И пусть я же все и сама: как не помнила, так и не помню этого... *такого*; но и все же, видимо, где-то, а и *слова* Андрея – сработали; и имели место быть, как и *смысл* и... вес. Хоть и плохого, именно и с его стороны, как *его* же и желание-хотелки, я не заметила. Или не предала, как всегда, и особого же все значения поначалу, еще будучи и «мелкой»; а и по итогу... *уже*... и «забыла» вовсе. Что, конечно же, сказалось!.. И достаточно *пагубно*: на сегодняшний же все день и момент, сейчас. Но и *кто* бы знал, что он таки и свяжется с... «любовью всей жизни»... отца: таковою же и не являясь?.. *Никем* не являясь, если серьезно!.. Ни женой. Ни и... «матерью». *Никому*. Кто она?.. *Демон!* Правильно. *Одним*... словом! Но и во всех же... смыслах. На все случаи... жизни!..

Но и что же было – еще интереснее и... забавнее! *Чудесатнее!*.. Так это то, что... они будто бы и не хотели даже еще сами – это-го: слушать, слышать и... знать. *Такой* правды!.. Ну а чего они хотели, собственно? Чего и «ждали»?.. Этого же – и хотели. И *ждали!*.. А «правда» *сладкой* – никогда не была; и вряд ли же уже когда – и будет. Хотели, чтобы мы – были открыты: и говорили – правду?.. Так, вот, она: без купюр!.. Но и почему-то все же они смотрят на нас так, будто с Деда Мороза сорвали белую бороду с красной шапкой и белым помпоном, а с меня и «маску молодухи», а там вместо дворника Василя и уборщицы баб Мани – дворник Василий

и уборщица баб Маня. Вот уж, правда, *не* сюрприз-сюрприз. Хотя, и опять же все, кому как: в своей же уже; и фрустрации. Когда: «Только – не ври. Но и не говори лишь – правды». А *что?!..* Они *все же* ждали настоящего Деда Мороза и такую же его внучку Снегурочку? *Правда?!..* А жена, *бабуля*, уже не катит? *Эйджисты... поганые.* Да пропадите вы пропадом!.. Кхм. Тогда, и с какого же еще перепуга, они все еще и ждут же правду, если не готовы к ней и ее же принимать: *такой*, какая она есть?!.. То есть!.. Не готовы принимать то, что она, как раз таки, и *не* то, что они – хотят слушать и слышать. Смотреть и... *увидеть!..*

А правда бывает – другой? В смысле... Моей и... *Их!.. Его* и... *Их!.. Чужой?* Да. Но и другой... какой-то? *Иной?* Серьезно?! Если они все так же ждут – праздника и сказок... *Хотят* – их!.. Так пусть – и получают! Не нравится? Что ж!.. Я могу – и сыграть: на публику-то. Они – *знают!* Могу и соврать, утаить, недосказать... *на радость.* Они же – *этого:* ждут!.. Но и почему же все тогда просят – не врать и не утаивать, *не* недоговаривать; не делать *этого?!* Не врать – так *не* врать... Но и не надо потом «тыкать» меня – во мною же и содеянное; и кричать: «Она *опять* – соврала!..». Они *хотели* – быть обманутыми. На подсознательном уровне... *Хотели!*.. *Желали* же: и обмануться. По принципу «Терроризма и скулшутинга нет – пока о нем не говорят: с экранов. А его и *нет* – для таких же все и *массе...* диванных!.. И покажи же им только казино, по тому же все и «стриму», они

сразу захотят сделать ставку». Конечно!.. Ставки сделаны – ставок больше... Все те же, да, кому телек все же и, видать, уже надоел – что-то новое появилось; и нового же все и захотелось. Забытого!.. Старого. Где им и сто пятьсот же раз все говорят-кричат «Свинья», а они только и рады-радехоньки – хрюкать в такт!.. Ну а кто не согласен – пусть первым попробует и бросит-таки камень в меня: после и того, как и все же за- и похлопает; с радостью и на правдивую же речь!.. В кои-то веки. И от кого-то!..

– Значит, все же «брат-близнец»!.. – Резюмировал Никита и рухнул на уже и скрещенные перед собой на столе свои же руки: головой и лицом. – Что ж... Это – имеет место быть!.. Да еще и в особенности после того, как и появилась: вторая Софи. Точнее, наоборот. Но и в том порядке, который мы имеем: на сегодняшней и насущный момент!..

– Не зови меня – так!.. – Донеслось уже даже и надрывно-громко: из кладовой.

– Да, не стоит... – утвердительно кивнула уже и сама же София, рассматривая узоры белой скатерти на столе: но и на деле же – все пытаюсь, стараясь угнаться и за своими же все мыслями, которые, как и ее же все карие глаза, носились меж линий и то и дело то пропадали, то и вновь же появлялись – из ее же все и прямо-таки уже и «нарочных» дырочек; что еще и ткани, что и уже ее же все и черепной коробки; будто бы и игрушечные мыши, кроты, которых надо было бить

дубинкой или кувалдой, в игровом же все и автомате, но и то ли она так и не поняла и до сих пор же все не понимает правил, то ли и слишком медленно же это делала и делает, «медленна для этого», ударяя, по итогу, и по пустым же все уже их «норкам». – Имеет... место... быть. Как и *смысл!*.. Но и не оправдывает, не определяет – ее же все и появления: *не* моя же и сестра, да, Александр?

Он – промолчал!.. Но и после же чего, небольшой и *драматически-театральной* своей же паузы, выдохнул и взял-таки слово: но и явно же не то, как и пусть затем уже, но и *оказалось*, которое каждый из них, хоть и по-своему, но и все же *ждал*; как обычно, надеясь на лучшее, но и с полным же отсутствием «хотения» – готовиться к худшему.

– Я и так уже – много сказал!.. – И тут же отвел свой серый взгляд: притворяясь, что и его же все картины на стене, которые он не раз и не два видел, а там и перерисовывал, редактировал столько же, да-к и что еще, и *как раз таки*, находились за спиной блондина и стулом брюнетки – куда интереснее ее же самой и таких же ее, а там и других же все, вопросов; а и тем более – уже и его-своих ответов на них.

– Ну, Ксан!.. – Пробубнил-бурчал, из своего же все и псевдоубежища, шатен. – Серьезно?.. Ты ж сказал: «А». Теперь уж – говори: и «Б». И дальше – по алфавиту и... -ам.

– Нет!.. – Как не поддавался, так и не *поддался* же вновь ни в какую мужчину. – И *нет*, не потому, что я и вот такой вот «гордый». С *гордыней!*.. А еще, и ко всему, упрямый и...

противный. И хочу же вас все – помучить, потянув время! Хотя, и что-то же из этого, и *определенно* же все, мне шло... да и *идет*... «до сих пор»!.. – Осклабился он и сразу же подмигнул нахмурившейся Софии, что, и как пить же все дать, про- и засекала его вылазку и «пролазку» в ее-свои же уже все и мысли; так еще и воспоминания – *ностальгические* мысли. – Да и будет же еще «идти» – все оставше-отведенное же *мне* время. Подчеркните *верное* или *вычеркните* неверное – и получите... получите, все равно же, «первое»!.. Но и я же все, как держался правила... надежды на лучшее, так и буду – держаться его. Оставив *что-то* – и Сереге. Подготовку к худшему же все: к примеру!.. Он имеет право, коль уж и не «должен» – продолжить этот... и *свой* же еще, в том числе... рассказ: сам и... за *свою* же уже семью. Мы его – найдем и вытащим!.. Он – выкарабкается и выздоровеет. И расскажет – все, *все*, как есть. Как отец. *Брат*... «Сват»!.. Ну и все прочие же: «регалии».

– *Очень*: «толсто»!.. Со *сватом*... – Хмыкнула брюнетка.

– Но и, видимо же все, *недостаточно*: чтобы и ты же *все*, наконец, *не* «не поняла». Как и Егор!.. – Поиграл светлыми бровями Александр, опуская одну, как и свой же все взгляд, сначала на последнего, а после уже – поднимая вторую и его на первую; вызывая еще, и тем самым же, усмешку уже и у парня и небольшой румянец у девушки.

– Хорошо, «противный»!.. – Фыркнула брюнетка, срывая таки и с губ русоволосого же смешок и, таким же еще обра-

зом, «подрываясь» галочкой на и в месте, где и он же все *все-таки* и как бы там ни было – держит позитивный, а и главное же еще здоровый, *здоровый* настрой семьи, *обеих* семей, для жизнедеятельности: умеючи, когда надо, грамотно перевести тему и пусть даже и совсем чуть, так и не выпуская совсем из своих же все и ежовых рукавиц, но и облегчить страдания и мучения всех. – Допустим... *Не сестры!* Тогда... *Как?!* – Развела руками она и всплеснула ими. – *Что?!* *Кто?!* А «тату»? *Ее тату!?* А воспоминания?.. Пусть еще и не все, да и не полностью же все, но... *Анны!* Это ж, как... «воскрешение». То есть!..

– *Как!?* «Совпадение»! – Отрицательно мотнул головой мужчина, никак не соглашаясь идти на попятную, так еще и у них на поводу: хотя и для *остальных* же все, скорее, а там и точно, подписывать «мирный договор» – не на, так и хотя бы же еще *о* переговорах; как и «пакт о не-*ожиданном*-нападении». – *Случайность...* Отсылка – к прошлому. Роза – все еще: скорбит!.. И вот, сделала это – в память о... *памяти* же. С Андреем же все; и на пару. Еще ж и «напичкала» – *им* же: прошлым. И не только: *его*. Что ж... Она умеет – вменять, когда и *ей* же все это надо; и другим, «вмененным», кому и вменили, *не* надо. *Тен, Софи!?* – Отсек под конец уже и он. – Не более! Хоть и не *менее...*

– Ладно... – сузила глаза вновь же все и им же названная, принимая поражение, но и пока, как и не до конца: в битве же все, не в войне. – Не ты – так она расскажет!..

– Не успеет!.. – Отбил вновь он и вперил, уже и принципиально, «глаза в глаза», свой взгляд и в девушку же напротив. Сдаваться же сейчас, как для него, так и для нее, вешать: белый флаг!.. Да и ладно же еще – ей, как отцу, и ему, дочери и *для* нее же все; но и не перед всеми же, да еще и *именно* же все, чуть более чем и в отличие же все от нее, сыновьями, для которых он и не *такой* «белый и пушистый», как *уже* и для нее; не терять же, в самом деле, еще и *отцовский* авторитет, если уж и мужской, как и в нынешних же все реалиях, как и *таковой*, уже и не котируется. – Тебе *что*, вообще, «первостепенно»: отец или... эта? *Та!*.. Не думала, «думаешь», что *она* – и подождать, так-то, может: как и *твою* же... с Женей... *мать*, так и в приоритетности и по поступлению же все проблем?

– Хорошо!.. – Сдалась уже и она, даже и поднимая уже свои руки в воздух, так еще и *показывая* это: в и на натуре. Ведь и, действительно ли, *это* сейчас – *так* важно? Тем более!.. Еще и делать ей да и *такую* же еще услугу – думать о ней больше, *чем* и об отце. Но и кое-что все же узнать, еще и от него, она была – должна, просто обязана: хотя бы – чисто из принципа; и пусть даже немного сыграв и скорее «гипотетически» уточнив. – Андрей и мой отец – братья... – склонила голову к своему правому плечу она, начиная уже и *именно правильно* «подбирать» слова, не раскидываясь и подкидывая пустые факты: на которые и каждый же все почти из них, *мужской* половины же все и собравшихся, *мог*

ответить только – *да* или *нет*. – Братья-близнецы!.. Едино-
кровные и... *рожденные* же вместе. Она же, в свою уже оче-
редь, я. И я – это: она. Мы – *вторые*... друг для друга; как
бы! Но и она – как бы еще: и *первая*. «Вторая “я”»: для ме-
ня!.. Хотя – и отделенная уже, пусть и почти еще, и все же
от меня. *Как?*.. Я и *трижды* – готова повторить, если что!..

– Наследственность и... *потенциал*!.. – Пожал плечами
Александр, крутя между большим и средним пальцами пра-
вой руки свой же серый, в темно-сером же и матовом чехле,
телефон: до этого и преспокойненько же еще покоившийся
рядом с ним, и его же все такими же руками, на столе. – Ты
родилась – *одна*, первым и... *единственным* ребенком, по-
лучив «под себя»: не только привилегии и такую же *статус-*
ность, но и возможность... – и пожал губы, стараясь так же
все, как и она, правильно, но и уже для себя, как и других,
и иже все и с ним, подобрать слова да и пояснить еще так,
чтобы было понятно и поняли же все, коль и пока же все не
приняли, – ...иметь двойника-не-единокровного: *как* себя;
и в *двух* же ипостасях. От желаня и... *нужности*, важности.
Не *должности*! Ты – *не* мученик!.. – Подвел черту он. – Как
и Карина – не ниспослана тебе... *в нагрузку*: как «второй»;
с кем бы ты могла – узнавать и постигать. Ты была – *для* се-
бя. *Сама*... для себя же. Просто научилась – выявлять и...
раздваивать: *это*!.. «Выносить» – из себя: только – сейчас.
«*Что ни делается*», правда?.. Хотя и что-то же уже Роза сде-
лала – *положительно*, в своей жизни!.. Пусть еще и, так же

все не до конца пока, зная об этом. Осознавая и за-конченность же все – процедуры; как и ее же – обрыв. Или... Уже зная и даже осознав, но и пока *не* зная и *сознавая* – где, что и как вернуть все: на свои же места; обратно. Как и о твоей способности – вычленять и расчленять... *себя*. Собственно, как до этого, не знал и сам Влад!.. – Переключился он взглядом на парня и усмехнулся. – Да?..

– Просто признай, что ты и сам – ничего *не* знаешь!.. – Закатил глаза уже и *другой* же именно, но и им же все *названный*: ловя на себе сразу же и прямо-таки изменившийся хмурый и даже строгий взгляд мужчины. – Что?.. Помнится мне – *она* не «проходила»... через тебя: *как* София. Между прочим!.. – И щелкнул пальцами правой руки, придвинувшись к столу и почти нависая над ним, облакачиваясь уже и на обе. – По *этой* же самой причине! Ты же... Как?.. *Отвлекающий*? Отвлекающий... *маневр*! В плане... Да!.. Ты же знал – Анну! Знавал – ее. Не «запамятовал»!.. Но и... Как «ученицу» же. Не более и, что, *правильно*, не менее!.. И ты не можешь отрицать – то, что «там»... – и указал затем наверх, качнув еще и головой в ту сторону: сторону же все и кладовки, – ...сидит она: «вырожденная». Да!.. Так же, как и не можешь отрицать, что это все: совпадение-случайность. И так *просто* вышло, что *они* с... *Тен* – ну прям *очень* похожи. По-хо-жи!.. Да?.. Нет. Они – од-но. *Одна* – из другой!.. Да и говоря же еще, что там да и в принципе – именно: «Тен». Но ты и не можешь «утверждать», что она – стопроцентно: *не*

сестра Софии. Как и *мы* – не можем!.. Ведь и пока же мы все были с... *Анной* – ты был с Софи! – Кивнул уже и в сторону же *имеющейся* здесь девушки головой он. – И только под конец уже и самой Анны – узнал: *чисто*... чтоб... и только лишь – «подкинуть» ее наверх. Вернув, параллельно, и Софию же – обратно: еще и так, чтобы они – не встретились; да и приняв ее опять, но и уже обратно – пока и та же уже... *там*. После всего!.. С нами же. И как старший из... старших! Из *старейшин*. И самых опытных!.. *Не* отрицаем ничего – так и не *отрицаем!* – Развел затем руками он, усмехаясь. – К слову же, как и то, что и ты же все *можешь* знать и... *не* знать, когда же и мы *просто* не знать; или *все же* и «забыть». Но и опять же таки все!.. На сегодняшний день-*момент* – мы имеем все возможные и *не* варианты-версии развития событий: так пусть они – и остаются; до поры до времени!.. Пока, и *сам* же все Сергей, их не развенчает. *И да!*.. – Вернулся вдруг и к изначальной же все теме, а и точнее же все «причине», с чего все началось, а и точнее он и *начал*: когда и к нему же все и всё это же обратилось. – К последнему. Кхм... Эй!.. Я, может, и *не* знал. Но: подозревал. Да!.. Где-то... *на подсознании*, что так произойти и могло, но и... все же!..

– *Конечно!*.. – Хохотнул русоволосый и Егор же, вместе с ним, поддерживая его; так еще и добавляя уже от себя: – Без знаний и *адекватного же сознания?*.. Сомневаюсь.

И тут бы, конечно, перестрелке взглядов, янтарных и синих, перейти и во что-то же большее, в какое-то и взаимо-

действие уже даже, а там и тем более – на уровне и конечностей, во взаимодействие уже и их, вроде рук, а там, и кто знает, может, и ног, но София вновь перехватила нужную ей, как в принципе, так и сейчас же все прямо и особенно пару рук и уложила их к себе на плечи: не готовая еще пока морально к такому тактильному контакту, но и физически же все, параллельно и одновременно, к драке и расправе между братьями тоже, так все же и *выбрала меж двух зол...* «меньшее», горячее сердце, а не холодный разум, которое еще можно было остудить, как и *куда*, а не откуда и... в никуда, от нуля же все и... только лишь вниз. Так и сверху же еще и на его кисти – положила свои, пусть и пока еще в рукавах, и все же: накрыв *его* еще, таким образом, и его же все кисти ладонками и сжав: держа его и держа-сь же самой. И, не прошло и нескольких минут, как и его уже сползли чуть вниз, сомкнувшись затем и на ее же ключицах, меж них и почти что в ямочке, в замок. Тогда уже и она – повторила все вновь.

– Смотреть – *тошно!*.. – Фыркнул рыжий, поджав губы и скрипнув зубами.

– Влад!.. – Насупилась тут же брюнетка, явно недовольная тем, что и *спасала* зря, но и как уж есть: будто бы он сам и просил же ее об этом. И да!.. Пусть до драки бы – и не дошло: он это знал уже и не столько лишь за себя. Но и *так* прерывать их, отстаивая и его же самого еще, таким образом, так и переводя же еще *тот* огонь на себя – он от нее не был

готов: ни выпрашивать... ни получать. А уж и видеть все это и *не* это затем, *все* же и от них, в их же все и исполнении: не был согласен; да и совершенно еще не напрашивался. Не из завести. Да и ревности!.. Куда уж. А из-за боли, их же все, и прямо-таки *общей* боли, по частям и... в общем, *на двоих*, которую они прямо-таки и буквально же все транслировали собой, по раздельности же все и... вместе, тут же еще и *борясь* с ней: не принимая и *проживая*. От чего и уже даже больно и *физически* – становилось и ему: хоть и впервые – не от треска-хруста самого «соленого» же льда, а от сирени же... и *в нем*.

– Перед тем, как и чьи-то, чьи-либо косяки в свет являть – за своими бы последил и принял!.. – Добавил от себя, после и всеобщего же уже всплеска негодования, Александр. – А там, глядишь, и до других, чужих не доберешься. Я же, вот, к слову, не знал... и не *знаю*, да, признаю это! Но и *признаю* не потому, что *я*, а и потому, что не считаю чуждым – ни *себе*, ни кому бы то ни было. Тем более, и по части же все, пусть и затем уже: *узнать!*

– То есть, все же: «отвлекающий маневр»?.. – Вернулась все-таки и к теме же София, решив уже хоть и чуть-чуть, но и дожать уже: в этом вопросе. – А не для сокрытия ли и сестры-то все моей, м? *Неугодной* скорее и папе, чем и мне. *Не* в первую очередь!..

– Вот *у него* это, в скором времени, и спросишь!.. – Хлопнул в ладоши мужчина, делая еще, и таким же образом, от-

сечку и ставя же *точку*, уже и *не* импровизированную, на всем этом. – Вопросы – по мере поступления. Как и *ответы!*.. По поступлению: объектов и... субъектов. К кому и *по* кому – они проходят: по касательной, рикошетом или *и* уже *колоколом* звонят... Зачем говорить о ком-то – в третьем лице? *За «него»!*.. Как и сейчас же все, к примеру. Когда можно, а там и *нужно*, в первом же все и... напрямик?

– Так я и знала!.. – Крикнула с порога Полина, только и войдя, а и точнее же все *влетев*, так еще и перед Женей, все же и предусмотрительно открывшим ей дверь: заставляя еще, и буквально же все, Софию – вполне себе, пусть и на момент же все, но и удовлетвориться и этим... *ответом-не-ответом*, прикрывая рот; дабы и именно уже не заставлять нервничать и далее присутствующих и не нервировать *еще* пришедших. – Стоит нам только лишь отойти, ненадолго, как и они же все – начинают обсуждать: что-то важное и... серьезное; *без нас!* А как же – *мы?*.. А *нас!* Забыли, да?.. Опять? *Снова?*!..

– Забудешь... *вас!*.. – Закатил глаза Егор. – Вы ж – и тут же, тут как тут, о себе напомним! Да-да... И, блонди, *кстати*, не совет, а *так*, в качестве и порядке же все бреда, *чтоб ты знала*, дорогая и... *родная*, *не* моя, не обязательно быть и в каждой же бочке затычкой – с этим и Карина... *наша* неплохо: как справлялась!.. – И кивнул на шатенку, весело подвигнув ее: *прямо-таки* и «злобно-злющему» прищурю... с выпяченной нижней губой. – Так и справляется. Второй

такой – не надо!.. А тебе – не убудет, поверь.

– А *ты* – вообще: молчи!.. – Фыркнула девушка, оставляя свой темно-синий берет и легкое пальто, ему же все и в тон, на вешалке, после чего еще убирая в тумбу для обуви свои черные кожаные полусапоги на плоском ходу и направляясь на второй этаж, оправляя, по ходу, и белую блузку, надетую поверх светло-серых брюк с высокой талией. – Я иду – к Софии; и *никто* мне не указ! *Тем более*: ты!.. Всю дорогу же: «*Не трогай ее! Не держи!.. Не говори! Не зови!.. Не смотри!*». Командир полка! Кто тебя и главным-то – назначил? Главно-командующим!.. Она – моя *подруга*, а не твоя! *Моя* – сестра, а не твоя!..

– И поспорить бы – со вторым, да не буду: а лучше приберегу «Джокера» – и отобью им твой же все и *козырь*; в виде «подруги»! Готова?.. Внимательно сейчас слушай, хорошо? *Повторять* же – не буду. Она... *Моя*... «Девушка»!.. – Поделил слова и между собой строгой же все и интонацией он, но и не она, а София, и в тот же миг, поменялась в лице: прямо-таки и вздрогнула, словив «измену»; от *первого* же еще – и осознания своего и *принятия* уже – его, как и от такого же еще спокойного и, главное, адекватного, *признания* его внешне и совершенно же противоположного – с ее... и внутренней же все стороны. Но, и постаравшись же, пусть и не тут же, но и успокоить как можно незаметнее да и приглушить в моменте сбившееся же дыхание и поскакавший галопом пульс, она глубоко вздохнула и так же выдохнула

несколько раз, стараясь не придавать этому, как и обычно же все, излишнее значение: а и по-хорошему – не расстроить, и на началах же все, своей и начально-первой же реакцией, Егора; как и своим же все шоком, да и буквально же, чего уж, и страхом, испугом и... неким же еще и ужасом, но а и скорее – просто неожиданностью, «неожиданностью» ею и... *этого* от него и... *первого*, а и не себя, да-к и явно же еще будучи недовольной и собой – за *такое* же и свое... «второе» место. – А *не* твоя! И она – *здесь*, к твоему сведению. Со мной и в моих, как и *прежде* же все, руках!.. – И качнул головой, в сторону же и стула перед собой, он, подтвердив, тем самым, еще и свои же первые, а там и последующие слова: чуть более и крепким же еще сжатием рук на Софии. – Но если тебе *срочно* захотелось по каким-то своим *естественным* потребностям – задерживать, более, не смею; и не стану! *Не* держи в курсе. Обойдусь: *без* подробностей.

И стоило же ему лишь только это произнести, как светловолосая застопорилась на пятой ступеньке и развернулась уже затем и на самой лестнице, в секунду провернувшись вокруг своей оси, и устремила свой светло-голубой взгляд – уже... и на *пару*. Но и больше – ничего!.. Так проходили – секунда за секундой, минуты... В почти полной тишине и молчании. Ведь, и разве что, со скрипом и треском, еле уловимым, но и колесиков – в механизме ее же головы. Но, и по итогу же все которого, с его же все и остановкой, с «щелчка», она сорвалась и, перепрыгнув поручень, оставляя поза-

ди и ступеньки, прямо-таки и понеслась к *ним*; как и тот еще товарняк, если уж и не «Сапсан»; но и тут же почти была пресечена Женей же и сзади; к тому времени уже расправившимся со своим черным пальто и кожаными же ботинками в цвет, отставляя и расставляя, развешивая все по своим местам; и пусть так и не оправившим своей уже и светло-серой рубашки, надетой поверх белой футболки и черных же джинсов, но и оказавшимся все зато и за ее же спиной, с той же скоростью, что и сам же Егор, только спереди и перед ее же лицом. Мгновение!.. И она – по рукам и ногам: в руках же все – и этих самых двух парней, соответственно же все и их «встрече»; так и под смех же еще, уже и всех, уложена – на диван: перед камином.

– Чисто сработано, братан!.. – «Отряхнул» ладони друг о друга темноволосый, после и того, как убедился, что девушка «утонула» во всех возможных и *не* подушках, как и укрыта белым ворсистым пледом: взятым из их же все уже и комнаты – им же; метнувшимся туда и обратно за доли секунды; и подбитым под нее со всех сторон.

Их комната, еще же как совсем недавно и «гостевая», была самой светлой – во всей квартире, если уж и не доме: начиная кремовым ламинатом, молочными обоями и белым натяжным потолком со встроенным в него таким же почти белым, но и при этом же всем *холодным* светом и заканчивая бежевой мебелью и техникой... *в минимализме*, в виде: двуспальной деревянной кровати с высокими и широкими

спинками почти посередине, подвесных ножек торшеров с бежевыми же все и плафонами у одной из них, примыкающей к стене, деревянной банкетки «в ногах», небольших тумбочек по бокам же все и ложа, большого деревянного шкафа-купе с зеркалом в пол у ванны, среднего деревянного же рабочего стола со стулом без колесиков у окна и подвесного большого белого телевизора, «плазмы», на стене перед кроватью. Только и входная дверь же все в нее – выбивалась из... всеобщего же и «света». Как и дверь: в ванную!.. Обе были – из *темного* же уже и дерева: нерушимо со и ото всех... «таких» же. Но и тут же ведь все – и *руша*, одновременно и параллельно: весь и *светлый* же помещения уклад. София это помнила, не только и потому, что только и недавно же все там за- и «тусила», «женским же все и клубом», а там и «девичником», на день-два, вспомнить же еще и было что, но и по первости же все, и до Никиты, его и доля же с ним его же комнату, сама ночевала в ней: когда еще и с Кариной же, когда и без. Как помнила – все тот же плед, застилавший и застеленный же до этого момента всегда поверх кровати; и того же цвета – шелковое постельное белье. Ванна же тоже была – под стать комнате: выложенная бежевой плиткой от пола и по стенам до белого натяжного потолка; со встроенным белым светом. Так еще и обустроенно-обставленная: белой душевой кабиной, в «окантовке» таких же стеклянных дверей с металлической ручкой, краном с лейкой и соответствующим же душем, уже и под потолком, в

самом конце комнаты, кремовой ванной с металлическими поручнями и таким же краном, молочным унитазом с металлическими кнопками и таким же мусорным ведром; они были – рядом, как и белая же все стиральная машинка, примыкающая только к противоположным стенам, друг напротив друга. У самого же почти что и входа-выхода – находилась бежевая деревянная тумба: со встроенной в нее белой раковиной с металлическим краном, бежевой же пластиковой мыльницей с таким же мылом и белой же пластиковой трубой справа; для бежевых маленьких полотенец – для лица и рук. На самой же уже и двери – висели в тон же все и цвет, но и уже побольше полотенца, как и два махровых же все халата, для тела. Над раковиной же – располагалось круглое зеркало с зеркальной полкой: в металлических «оборках»; для бежевого пластикового стакана с «цветными» щетками, упаковкой зубной пасты и такого же рядом, второго, но и уже для металлических бритвенных станков и средства для бритья.

– Как всегда! *Цыц!*.. – И тут же пресек вмешательство девушки в их разговор. – Никаких: резких движений, а уж и тем более – слов. Беременным – требуется: тишина и покой; а не бега с препятствиями! Да!.. Да ты же еще и сама – знаешь: правила! Это – не людские сроки. А и тем более же еще: когда два... в одном. Формирование и развитие – идет: в два же раза быстрее; как качественно, так и количественно. И тебе, с таким же еще, *уже* положением дел – *двойные* тишина и покой: полагаются. А то: и «тройные»!.. Вместе – с то-

бой и... *от* тебя! *И да...* Пусть мы чего-то... *всего...* еще пока... и не видим. Но и Женя же – еще разрешение *не до конца* получил. Любой раздражитель – на карандаше! А мы-то уж... *все...* и *не* даже: на «ручке». *Тем более!*.. Как и ты же все – для себя, него и-ли нее! Лежи – смирно и не вякай... лишнего: для тебя, вас же все стараемся!

– Но я хочу – со всеми! *Тоф!*..

Но и стоило же брюнетке только «откликнуться» на зов и встать, а после же еще и развернуться, чтобы и почти тут же попасть в поле зрения блондина: который *мягко*, пока же лишь только и мягко, «намекнул» и им же все ей на ее, *их* же все уже и считай, стул, переведя его – с нее на него; и обратно. Вот только и на что же уже лишь и сама же София – осталась стоять: как и на *своем*, «новом» уже, месте. Тогда уже и он даже всплеснул руками и сделал такое молящее выражение лица, обращаясь после еще и с ним же к потолку, что и без слез не взглянешь. «Кот из Шрека» – скурил сигаретный ларек в сторонке: просто. Пропадал – актер!.. *Пропадом!* Поми-рал!.. В непонимании-принятии. Так и на фоне же еще – *сине-рыжих*, как и прежде же все, языков пламени: в камине.

– Не беси... *те. Не бесите...* меня!.. *Обе.* Ты... – И показал же еще затем по очереди на каждую из подруг. – *Легла!* *А ты!*.. – И, дождавшись таки исполнения *приказа* первой, отдал ее все так же взглядом и «на поруки» же Жене, севшего почти так же и сразу же на спинку дивана, подле своей девушки, а сам подошел... *к своей*, развернул ее и так же

все сам усадил обратно, слегка надавив на плечи, как бы еще и фиксируя. – Села. Нам меньше всего надо *повторения* – прошлых нервов. Точнее: их же все; и «потери». Обойдемся – без слез, слюней и соплей, *дамы*, пожалуйста!.. Все «изливания-излияния» душ, если *не* хватило и *не* в душ, себе, то и друг другу, *но* позже. Хотя б: *через* пару дней!..

– *Повезло* ж тебе – с ним!.. – Обратилась Полина и тихонько же уже к Софии.

– *Завидуй* – молча!.. – Так же почти, но и уже себе же все «под нос», хохотнула ее подруга-сестра. – Хотя... Это ведь – и взаимно, знаешь. Они – стоят: друг друга!..

– *Мы*, вообще-то, еще здесь!.. – Встрепенулись одновременно парни. – И *все* – слышим!

– И *мы* – «в курсе»!.. – Прилетело им почти так же в ответ и от обеих же девчонок, только еще и с закатанными в унисон глазами.

– А почему, кстати?.. «Тоф»? – Сморщился Никита. – В который раз же уже слышу – и никак не могу понять. От *чего* это?..

– Ну уж и точно *не* от того, торфа, о чем ты еще и подумал про себя – с *таким* выражением лица!.. – Усмехнулся Женья и начал вспоминать. – Когда я еще жил с Софи и... матерью... *своей*!.. *С ними*... обеими. И был «желанным»: как еще и членом семьи, так затем уже «гостем»!..

– Ну, Же-е-ень!.. – Прохныкала брюнетка, пока еще не задыхаясь, но и понемногу же все же *угорая*: от его прямо-таки

и *искрометных* «шпилек».

– Не удержался, сис!.. Но и давай: по чесноку. *Сколько* ты скрывала – столько и я буду, время от времени, вставлять, те или иные, но и *подобные* же все: заметки!.. «Напоминалки». *Не* иголки! Но и чтобы же лишь только ты – не расслаблялась! Да и жизнь твоя, уж *слишком*, и медом-то – не казалась. Ну а что?.. Привыкла к фразочкам Егора – и к моим... *адаптируешься!*.. В общем! – И «вернулся» к Никите: как взглядом, так и речью. – Когда я – «таковым» же все... и *был*: там. Ну а и *теперь* же все: являюсь таковым – *здесь!*.. И приходил «домой»... откуда-то, совершенно и неважно же *откуда* именно, просто «приходил», то и приносил всякие сладости – этой же все и сладкожке. И одной, *определенной*, сладостью были... и *стали*: эти конфеты. «Тофифи»!.. А там уж: как угодно. Тоф или Фи... Тофи... Или Тофифи. Ну, а раз это *моя* фишка... – глянул он и на блондинку, – ...то и фишка *Полины*, конечно; и «соответственно»!.. *Все* мое – твое. Ва-ше!

– Так и?!..

– *Где?!*..

«Нашлись» тут же и вместе же Карина и Никита, одновременно взглянув на него.

– Где: *что?*.. – Уточнил все же Женя, вернувшись и сам уже взглядом к ребятам.

– *Конфеты!*.. – Подскочили оба на своих же стульях: от нетерпения; но и чтобы тут же все и места, для «открытого

жеста» руками, разведения и *разведенных* их же все и в стороны,хватило обоим. – Ты – пришел?.. Или *не* пришел? Мы – не поняли!..

– К Софи – я приходил; а *не* к вам!.. – Осадил их он; но и так думал – *только* он.

– Но, и *теперь* же все, как и сам еще сказал, *к нам*!.. – Припомнили ему они. – Да и *с нами* – Софи: сразу два условия – были соблюдены! Спрос – *есть*!.. *Где*: предложени-я?

– Кто б знал, что *именно* конфеты – помогут держать «Софи» и в поле же зрения-видимости: без особых усилий и причин!.. – Рассмеялся Александр, аплодируя же уже и этим троим. А уже и вслед же за ним – рассмеялись и захлопали, подтянулись остальные.

– Мы же – *все*: слышали, Поль!.. Зачем было – ругаться? – Погладил ее своей левой, ближе и к ней же еще самой, рукой по голове Женя.

– А я *не* люблю – общаться «ментально»: когда и у меня в голове же *куча* голосов, а я *никого* не вижу!.. – Насупилась девушка, скрестив руки под пледом под грудью. – Мне нужен – *личный* контакт: глаза в глаза! Или хотя бы – и *видеть* того, с кем я говорю. Кто говорит – и со мной. Обо мне!.. Или ком, чем... Но и, так или иначе же, все: касаясь, касающемся меня. Чтобы рядом – *быть*; и *в зоне досягаемости*. *Реально*: *быть*!..

– Вот, что значит: «родилась» – в веке *том*; а «живет» – *не* в том! – Усмехнулся Егор, тут же получая и легкий шлепок

по своей правой руке: от такой же, но и уже Софии же руки. – Что?.. Скажешь, *нет*; и я – не прав?

Ну и поняв, что замолчать его *уже* никак не получится, лишь отрицательно покачала головой и решила: просто подождать; как и обычно же все делала и до всего этого – выжидая весь же тот его и прямо *поток* остроумия – до его естественного перекрытия.

– Как *ты*, Софи?.. – Решила сбить ее внимание вновь на себя Полина, догадавшись о ее плане: и решив же еще и так, в этом – ее поддержать; вот и только же все энергию выбрала не ту, а и точнее – не вовремя ее перенаправила.

– Сойдет... – Отмахнулась и от нее же уже сама девушка, будучи не столько и замотивированно-подоженной ее горящим же все и айсбергом, а и прямо-таки почти и сожженной, в совокупности же еще и с Женей, так и руки на ней – сначала напряглись, а после и сжались еще сильнее, что и ей же пришлось довольно решительно сменить тему разговора, чтобы успокоить уже всех, но и сама же еще не сменила свои заводские настройки и, «откатившись» к ним, выдала, что выдала, пристав и вновь же все не к тому, а другому: с расспросами. – Александр!.. А... Андрей не может же – иметь детей, верно?..

– Снова-здорово!.. – Всплеснул он руками и страдальчески скосил взгляд. – Соф...

– А я – и не только о *ней*, об Анне, и о себе... О *нем*! – Нашлась тут же и с причиной же все брюнетка; иначе же еще

названной: «Сгорел сарай – гори и хата!...». Ведь и достойной, еще и более-менее же, для себя, но и *достойной* ли для него: *стоило* узнать.

– Верно!.. – Тяжело вздохнул Александр и так же сразу же выдохнул через нос, решив, что и лучше же он даст ей все, что знает, пусть и опять же все... *не* все, но и по данному же все вопросу, *одному*: чем и будет же дальше тянуть и *из* себя, выбешивая *себя*... собой же, так еще и от ее же лица, ожидающей-его *ответы*; в этот раз вопрос «Вагонетки» – был решен... *однозначно*. – В его... *их* случае!.. – Поправил-ся еще и себя же он и приступил уже, непосредственно, к делу: со спокойным и серьезным выражением лица; как и голосом. – Как действовало, так и действует, по сей же все и день; а там – и будет еще столько же действовать; правило... *одного* ребенка: либо – *одной пары*. Как... по роду!.. Их же, самих, еще: двое. Соответственно – и у кого-то из них: тоже могут быть, *родиться* – двое. *От кого-то*: из них!.. Собственно, как и сказал же еще ранее; и Влад!.. – И кивнул в сторону парня несколько раз, обращая уже и внимание всех: на это. – *Не* отрицаем – сие; но и не *утверждаем*! В данном же все и случае: от *Сергея*. Ну а если бы и не от него, то от... *Андрея*. *Кто не успел, тот и...* *съел*, так сказать!.. – И усмехнулся, как-то еще даже и злорадно, но и не обращаясь уже к кому-то конкретно: просто припоминая уже и себя, и *Сергея*; и пусть и их же все еще, но и тут *уже*... в прошлом... «по-детски» же все и... *злые шалости*. Что ж, карма на то и *карма*, чтобы

уравнивать, по балансу же все так же и гармонии, шансы; но и только кто же знал, что и есть же еще опция: за счет *других*. Кто, и как раз таки *знал* уже, что и есть такой же «подпункт»: *для чужих*. Рядом: с карой и... «Ставки *еще не все* сделали! Ставки – *еще есть*». На повышение!.. – Родившись вдвоем, на тот и свой же еще момент, они *уже* перевыполнили: «план». Собственно, еще и поэтому – у тебя и нет брата... или сестры. Имею в виду: «реальных». Или *есть*, но... Родная или родной, не рожденные *с* тобой. Не двоюродная или двоюродный: рожденные – *не с* тобой. Близнецам – близнецов же дают: *только* – один раз; и кому-то же все – одному. Как и... второго ребенка, *не* близнеца, наравне же все и с тобой, допустим. Но уже – и Андрею, как и в нашем же все случае: лишь – и *могло* быть. Но и вот, что в том, что и в другом случае... он *не* успел!.. Не *повезло!* – Пожал плечами он и прищурился, смотря вновь и ровно же, прямо в глаза ее же и напротив. – А почему ты спрашиваешь?..

– Если ты прав – и он... *ему* не понравилось, что отец запрягает мне с ним: какое-либо общение, как-либо видеться и такие же все встречи; под страхом смены стороны!.. Некой уже даже... и *смерти!* – Начала размышлять вслух София, скрупулезно и дотошно собирая факты. – Он добивается – именно *этого*: сейчас. По крайней мере, как я поняла; и с его же слов. Ему – не столько *не* нужна я: сколько не нужен – *отец!*.. И если он как-то и *кроется* среди всех, под «личной» ангела; до этого – моего же отца; то теперь – ему нуж-

на запаска: «План Б»! *Запасной...* план, чтобы, и в случае же чего, поставить меня: на свое место; и «править» – через меня или... Тен. *Анну!*.. – И глянула в сторону второго этажа: но, так никакого протеста и не услышав, вновь перевела взгляд на Александра. – Или... *Хуже!*.. На *его* манер: хорошо бы, если бы того – не *было*; и была я. *Она!*.. Он бы – был: сверху. А я, *она*, снизу!.. Тогда бы я, *она*, была – с ним; и под его покровом. Под его: по-кро-ви-тель-ством!.. Что-то «вроде»: и *ее* же. *Тен* и... *Анны!* И... «Тьма»!.. – И сама же еще дернулась, так еще и сморщившись: не столько и от самой же *тьмы*, сколько и от *его* же все... *тьмы*. – Он бы – окучивал всех: *там*. *Вроде как* и «ангел», сохранив все же и за собой же это: после отца!.. Но и переводя – на свою сторону; *темную*. Ко мне, то есть *ней*; и для меня, *нее*. И по итогу... *Одна* – *тьма!*.. – Затем окинула взглядом *видимую* и собой-ей же все часть присутствующих, сидевшую в поле ее же зрения, и, не найдя того или ту, тех, кто и хотел бы что-то сказать, подняла уже и взгляд на позади же все и стоящего, но и тут же еще немного и над ней же нависающего, задумчивого блондина. – Если Егор прав и все *гораздо проще*, чем кажется, то они вполне могут держать его – и у нас на виду. *Близко*: к нам!.. Не достаточно, правда, и все-таки: чтобы *видеть* и нам; но и достаточно для того, чтобы: видеть *им*. Ну а нам... Чувствовать и ощущать!.. На осадке и... *Остатке*.

– Ты – о своем сне? – Спросил, уточняя, одновременно для себя и всех, Женя.

– Да!.. – Развернулась София и еще даже кивнула ему, после чего, и так же все тут же, вернула взгляд на хмурого и, в то же время, задумчивого Александра: обведя еще и параллельно им же каждого, только уже и куда более туманным, а там даже уже почти и *водянистым*; понимая, что они в таком же состоянии – собранности и размышления. – Он ведь – *один*: может подниматься «наверх»; без *особого* распоряжения. Роза – *не* может!.. Как максимум: может подняться и... сразу же спустится – разве что, да, и с самим же Советом; да и когда они же еще и *сами* захотят – уже принципиально: к тому или иному, *по* тому или иному же все делу или... вопросу. А он – *все еще*: брат!.. И, как мы уже и еще же *все* узнали, вполне себе и... *замена-то*: отца. Близнец... Так еще и... *Подлец*. «Все – к лицу!..». То есть: *он*... сам. «Волк... в *овечьей* шкуре»!.. – И, лишь на мгновение показав в воздухе кавычки, вернула руки перед собой: на стол. – Члены же Совета – не могут спускаться сами, как и... подниматься: без особой на то нужды или... такого же желания! *Хотения*... Причины и... *Назначения*! А если подниматься и спускаться, «по воле и... воле-же-и-изъявлению», то и не более: *одного* раза... в месяц. Сюда же – всяческие: письма и звонки, встречи и... *свидания*. Как проделывали и мы... с тобой... *Александром*. Как раз же все и тогда, когда... *он* и был. *Андрей!*.. – И склонила голову к своему правому плечу, дожидаясь «реакции крайнего», пусть даже уже и не «стопроцентной»; и когда получила-таки его кивок, продолжила. – Ко-

гда мы виделись... с моим *отцом*. Стоило подумать раньше, учитывая еще и то, что *и* зная меня – даже мой отец: не спрашивает о чем-либо или ком-либо... в лоб. И *так* – не смотрит... не смотрел, будто бы еще и «заново» знакомясь!.. Стоило понять и принять это – сразу! Он же, тот и... *мой*, обычно же ждет: когда я и сама *все* расскажу. *Этот* же, Андрей, как раз таки и «выведывал»: что знаю я и... что *успела* «сказать»!.. Чтобы уже и думать: ускоряться и доделывать... или продолжать все, что они задумали: в спокойном и... *прежнем* ритме. Он – поднимался, «играл»... После чего – выходил из *роли* и... ходил под «своим» лицом. Говорил, может, что: брат отошел или... – и прикусила губу, сжав веки, чтобы спустя секунду их раскрыть и, грузно выдохнув, прорычать, – ...что *еще* в той треклятой палате и... не пришел в себя. Или приходил, но... ненадолго. Затем – спускался и... Все. Никаких проблем!.. Красота.

– Он – *может* такое проделать, вполне... – качнул утвердительно и вновь же все головой Александр: соглашаясь уже и не столько с собой и ней, сколько с ней и... только.

– Но *могут* ли они прятать его – у *них* же все и на виду?.. – Прищурилась девушка, утыкаясь прямо-таки уже и *бездонным* своим карим взглядом в стол. – Идеальное место и... *идеальный пациент*!.. Который – есть; и которого... *нет*. Получается, когда нет Андрея, и они его теряют, *если* же все и... *отца*, они ищут его – по «ментальным связкам» и... энергии!.. «Ощущают» его – *там*: он никуда не делся.

Тогда же!.. Объясняется: почему они не били – в колокол; и не поднимали тревогу. Он был – *рядом*: с ними!.. «Незримо», да. Но... *Был!* И... в чем я уже даже и уверена... *есть* – и сейчас: под носом, но... *скрытно*. Ну а когда же – появилась уже и я же все сама!.. – И *сама* же все даже еще и вздрогнула, тут же втянув воздух носом и коснувшись стола: чтобы найти *себя* и «обрестись» здесь. – Вся изуродованная и... Андрея – не было: под рукой!.. Он продолжал – быть: «внизу». Тогда уже и *они* – не смогли до отца достучаться: окончательно. Не смогли – и *найти* его: среди «своих». *Чувствовали* – его! Да... «Слышали звон, но не знали: *где* он». До поры до времени... Где уже, вновь, кстати, подключилась же и я, выйдя из коматоза и сказав, что объявился Андрей. И вот *тогда* – начался кипишь: уже *полноценный!*.. – И горько усмехнулась, отрицательно покачав головой: в тот раз – они, видимом, только и в *первый* же все раз – его потеряли; или он почувствовал недомогание и... Один фиг!.. Когда «муравейник» *закишел* – это был: «колокольчик». А она – вновь подумала: о *цветах*. Да и то – *не* тех. Да-к еще и когда нужно было – о *ягодках*. – Они знали, что отец – «запретил» его; и что он – *там*: чисто по договоренности-доверенности, на время. Но и так же, поняли, *могли уже* и понять, если уж и не принять, что, скорее всего, и все же это-*то* время, до этого же все и всего, *момента*, был тоже: он. *Именно*: он!.. Ведь и отец, как все же еще и *член Совета*, не мог спускаться, как и исчезать: «надолго» же все; и из поля *их* зрения. Он не

мог: *присутствовать* и... нет. Не *там!*.. «Только»: присутствовать! Андрей же – не успел вовремя среагировать, скооперироваться и... «отозваться»; *найтись!*.. Для него, как и для Розы, стало «сюрпризом»: мое обращение к... «верхам». Вроде бы: и *наконец-то*. А *вроде бы* и... нет. Начался – поиск!.. Но, и опять же все, среди *них!* – И, подняв вновь ненадолго свою правую руку, указательным пальцем *обозначила* на столе круг: *очерчивая*, таким образом, членов Совета. – Спуститься он с телом – не мог: никак. *Даже* – с условием, что сменился; и... предстал: *Андреем*. Перепрятать – тоже!.. *Теперь* – их: двое! «Было» и... *Стало*. Да и отец бы... Ну а *отец бы*, если бы и «да», то и в процессе бы – *так* зазвенел, как сирена: стоило только же все; и *начать* спуск. Локаторы и детекторы, не хуже *рам* при выходе же все и из магазинов, не пустили бы его!.. Они же все – под защитой; схожей с... «чипами». Как раз – во избежание *таких*, вот, случаев: вроде *усыпления* и... «подмены». Выкрасть они его – не могли. А значит!.. Он все еще – находится: там. *Все еще* – там; но и... «как-то же все скрытно». Они скрыли его – от всех, да; но и всех-же-все-не-всех: не от себя. Теми же все и... *цветами!*.. Они – знают, где он; и скорее всего... – и, сникнув до шепота, вдруг хлопнула все еще поднятой совей правой ладонью по деревянной поверхности, подняв следом же и голос обратно: в свои-ее высоты. – Нет, *точно!*.. Приходят – к нему... *Приходит*. Он!.. *Андрей*. Не знаю... С той же все и... *розой*, блин, в кармане «фрака»: под халатом!..

Дабы – отбить «нюх» и... свою *принадлежность*; «классификацию» и... вид. И... *Снова* – с его-того все и «разрешения». Только, вот, и уже – не нужно: *справился* же; и «сам»!.. «Взаимодействует» с ним и... – *И* оборвала сама же себя, так еще и с достаточно громким вздохом всхлипывая. Потом – еще раз и еще. За первым всхлипом – последовал и второй. И третий... На грани: непосредственных уже даже и рыданий!.. Раздается: *опять* и опять. И снова. И *снова!*.. Из нее же все. И *одной*... Прямо: здесь и сейчас. При *всех!*.. Да и за все же еще то время, что она!.. Что она – была еще тогда; и уже здесь. После и всего же произошедшего!.. И, дернувшись только сейчас, как и ощутив *соленую* влагу на своих же все и ладонях, до этого еще и в виде пары-тройки еле различимых капель, хоть и *уже* ведь настолько холодных и колких, что и даже еще одновременно «обжигających», но ведь еще и впервые, за такое достаточно и долгое время «не чувствования» ничего, Егор сначала потерялся, уже даже и забыв где и с кем, да и почему еще находится, так сильно погрузившись в свои мысли и общие же еще при этом размышления одновременно, а после и довольно резко передернув плечами, *вытащился* уже и сам из них, вот только и когда она уже и всю дрожала, сотрясаясь в рыданиях. Но, и тут же почти оказавшись подле нее, коль уж и не «сразу», и прижав ее *саму*, как и содрогающееся же ее тельце к себе, он окольцевал ее своими руками и попытался максимально, насколько это еще и было же пока возможным, без особого же

еще и давления на ее левый бок, вжать ее в себя: скрывая своей спиной ото всех, как и всего же мира; да и не взирая еще и на ее же уже собственное только лишь и возможное сопротивление. Которого – и не было. Не последовало!.. Да. Она – просто: устала. Устала!.. И так же все – перестала контролировать: все и вся, всех. Перестала и думать: что к чему и как может привести и пойти!.. Ну а следом за ним – к ней подскочили уже и все же остальные, но блондин отрицательно покачал головой, отмахиваясь этим и от них же еще всех и сразу: так еще и параллельно же уже давая понять, тем самым, что справится сам. Александру же, как и самому старше-опытному из них, чего уж там, во всем же, всех и вся, ничего же, в свою очередь, не оставалось, как еще *и его* же «отцу», что если уж и не все слушает, то слышит и *прислушивается*, как только присесть рядом с ним, со стороны же все и головы Софии, жавшейся и вжимающейся ей и ее-своим же все лицом в левое же плечо Егора, и не спеша начать ее гладить. Женя же – присоединился к ним: почти что и самым же последним; «по причине», так еще и сообщив, что она же, Полина: *только-только заснула*. На предложение же уже и Карины – «принакрыть» их и, таким образом, еще и убавить звук, чтобы не разбудить, он отказался, сославшись уже и на то, что: *сон у нее – как был еще крепкий, так и сейчас же уже – вдвойне; а то и втройне*. Затем обошел стул, на котором все еще сидела его сестра, хоть и с другой уже стороны его и накрыл ее собой: с ее уже и спины, – ...убивает.

«Они» – убивают: его! А он... Он – умирает. «Незримо»... совершенно! Может?.. Может ли быть и что-то хуже же – этого? *В принципе!*.. – Задыхалась своим же воздухом и такими же рыданиями она, поглощая их и тут же «выталкивая»: находясь на грани удушья, недостатка, и тут же избытка; не говоря уж и за ворох-ком других всполошенно-всклокоченных энергий. – *Умирать...* на глазах!.. А *не* на глазах, а?! Не имея возможности – найти... *его*; и помочь... *Спаси!*.. Да хотя бы уже – и просто: найти. И... Увидеть! *Он – умирает!*.. А я... А я – столько ему еще не сказала! Сколько – не простила и... Себе!.. *Его*. И себя...

– Мы – найдем его, Соф!.. Слышишь? – Шептал Егор, глядя ее по талии; и носом же еще периодически – по шее. – Из-под земли – достанем. Из «воздуха». И *воды*... Огня!.. «Медных труб». Из *всего!*.. Только: *не* плачь. Ты же еще и к тому, и лишней раз все, тратишь: «себя». Свои силы... *Энергию!*.. Которых и так – немного! Ты же, засранка мелкая, так и не согласилась – на этого!.. Как его?.. Да. *Артема!* И нет, *Влад*, не только ты заметил, что у всех муланом, преимущественно же все мужского пола, *плюс* у одной же еще мулан-ки и... женского, в *нашей истории*: имя начинается – с и на «А». *О*-тец же *наш*, в этом же все и случае, как буквально, так и нет, во *всех* же смыслах – лишь только *подтверждение*: своим же все и *исключением*; из этого же еще и... *как бы*... «правила»!..

– Ну, *главное*, что на него *не* согласился – ты!.. – Хлюп-

нула носом брюнетка, трясясь уже даже и одновременно-параллельно не столько и от самих же слез, всхлипов, сколько от них *и* смеха; он вновь ее сбивал и не давал плакать, *на-рочно*, не «наезжая», как и в прошлый же все раз, а «смеша», словно бы еще и те же все слезы от плача, но и уже *на спине*, вдруг и стекшие же не по щекам, а в уши: сначала – ни черта не слышно, будто бы и вакуум, а потом – дико смешно, как будто от гелия. – А *и согласился*, как раз таки, Женя.

– Так, ты – *знала!*.. – Раздалось удивленно, и от последнего же все, за ее спиной.

– *Не* знала, а «поняла»... – Исправила его она. – Иначе – ты не смог бы меня, и так же еще *легко*, нести. В плане!.. В процессе же еще «обращения»; а уж и тем более – полностью. Нас бы – рвануло: в разные стороны; и оторвало – друг от друга. Разнесло и... отнесло, *унесло бы*: по двум фронтам. Как *сторонам* и... Соответственно. *Собственно!*.. Как и равно-разные же все и полюса магнита: не скрепленные *ничем*... между собой. *Свет* же мой и... *его* – нас с тобой: и скрепил. Опять же!.. – И вновь хлопнула, уже даже и хитро усмехаясь. – Что «хорошо» – не весь. Я имею в виду: *из* него и... *не* весь вышел!..

– Да... Вот только лишь и теперь – я что-то в этом: не особо и уверен!.. – Фыркнул Егор. – Как и в правильности же – *сего* решения, как такового. В правильности – *отказа*: твоего; и *моей* замены – Женей!.. На кой мы тогда – его с собой взяли... и привезли же еще с тобой сюда?.. Чтобы: понять,

простить и... *отпустить*; или «до-питаться» *уже*?!

– Он – *все-таки*: здесь?.. – Оторвалась от Егора София, отцепляя вмиг свои руки от его груди, и в шоке, с какой-то даже еще и «своей» долей испуга-страха, начала утирать слезы ладонями с лица, как и приводить дыхание в норму: чтобы не дать случиться *непоправимому*; не на ее мутных глазах и дрожащих губах, а там – и тем более.

– М-хм... «В гостевой». Без сознания... *Спасибо*, «опять же» все, Женьку!.. Но и я, вот только лишь, не понял опять: *сейчас*! – прищурился он. – *Снова*!.. И как прикажешь мне это *все* понимать, м?.. Сию, уже и *твою*, реакцию – на него, а! *Что-то* – «все-таки»?..

– «Что»?.. Нет. Я не!.. Не об *этом*. И не!.. Не в *этом* же все и смысле! – Замотала отрицательно головой София: перебивая одновременное еще себя и параллельно уже и его же собственные мысли-размышления – об ее несовершенном, так еще и неполном отказе от чувств Артема к ней; и к нему же – от нее-себя же самой; в его же голове.

– Горка – ревнует!.. – Хохотнул Влад. – Что ж... В этот же раз все – хотя бы: не ко мне!.. – И дополнил тихо. – И *не* меня.

– В *этом*... раз!.. В порядке «живой» очереди, Владик. И!.. – Ответил ему блондин, прищурившись, так и не отведя своего серо-зеленого внимательного взгляда от девушки, но и лишь на миг, все-таки и услышав «окончание» его реплики, в виде шепота, даже и почти поперхнулся: то ли и

от того же все и *мяты*, а то ли и от того, что и как София спасать, переводить тему, так *нет*, а как он, так *легалайз* по всем фронтам. – *Стоп*. Что?!..

– Ни-че-го...

– Встал – к онам: *напротив* меня!.. Чтобы я тебя – видел.

– А, то есть, за *твоей* спиной – нельзя!.. А, между прочим, «Инцест – дело семейное». А за спиной, значит, *Софши*!..

– Во-первых, «Жени». Во-вторых, по *согласию*. А и изначально же все: «вопросу»!.. В *семье* – ведь тоже, знаешь *же* ли, *не* без «урода». А в-третьих... Видел, как мы Полинэ – «уработали»? *Вскладчину*!.. И, вот, теперь – хорошо, *хорошенько*: по-думай. Диван – занят. В кресла – не влезешь. За столом – едят!.. Ты *полетишь* – в камин. Идет?.. Идиот!

– Да понял я, *брат*, понял!.. – Хлопнул рыжий того и по его же все правому плечу своей соответствующей рукой, но и больше кривляться не стал: пока *откуда* и *куда* – так близко, как настоящее и будущее или настоящее и *прошое*, хотя какая разница, прямо-таки и на *границе фола*, не туфельки и играть, *мальчику*, а туфелькой и под...; так сказать: *догнаться*, догнать, наподдать и... чтоб *точно* уже без сеченых, *каких-либо* «концов».

– Ну-с?.. Я *все еще* жду! – Но и уже никак более не отреагировав на этот его *братский* жест, кроме как и все же повернувшись, чтобы проследить за остальными его, так и оставшимися, к слову, статичными, конечностями, Егор вновь вернулся к теме и взглядом же все к брюнетке; но и не от-

пихнул, что уже порадовало не только ее, но и того.

– И я!.. – Нашелся вдруг еще и Женя: не отрываясь-таки и от «команды».

– А чего «ждать»?.. – Вновь *выделился* Влад. – Видно же, боится, что мы его – и на троих же все: «размотаем»!.. Да и что там... На *четверых*. Никитос, без обид. Ксандер!.. – И обратился уже к мужчине. – Помнишь – *Тему*, па?.. В прошлый раз – этот говнюк, как еще и «человечек», налегке, *прямо как* белый, шелковый и пушистый: по статьям прошел! В этот раз – он так же выйти... и *от нас* же все... уже не должен!.. Так и... К чему, то бишь, это все и здесь же, сейчас – я?.. Оставишь нам – хоть: *что-то?* «Разложим» же – как надо!.. А коль и не сожжем, так и закопаем, вон, под теми же самыми все... и окнами.

– Кса-а-ан!.. Пора бы все же проверить – те: «кусты под окнами»! – Обратил-таки и на себя же все внимание, и буквально, «младший» из *них*. – Палится ж!.. Так и *не* в первый раз. Явно ж – что-то есть! Или *было*... Земля-то точно – все вс-помнит и при-помнит: если забыла; а она и *не* забыла! *Помнит* же, Владос, как и родина!.. «Родина мать» и... *Земля!*

– Не трогай. *Мои*. Посадки!.. – Прорычал, разделяя, рыжий. – Не пойман – не вор! «На *воре* – шапка горит». «Не суди, да не судим будешь». И!.. Не виновен, пока вина не доказана: в *судебном* же все и порядке. Вот!.. Да еще и имею право шутить – так, как сам хочу, за-хочу, пожелаю нужным

и... Ты – ничего: не *докажешь!*

– Да... Как и то, что в каждой шутке – лишь *доля* «шутки», а все остальное!..

Сама София же, тем временем, так и не могла и не смогла выразить собой и из себя – ничего стоящего, кроме сглатывания: все переводя свой уже давно и потерянный взгляд с одного на второго, после и на *третьего*, развернувшись, и обратно. Затем – обвела им уже и всех собравшихся, так или иначе, вокруг: и остановилась – на Александре. Что ж!.. Что она и без того поняла, пусть же еще и как обычно пока не принимая, так это то, что: это был явно не тот момент, где она, как и прежде же все, *могла* находиться – меж двух зол; и *выбирать!*.. Нет. Здесь же она уже находилась – меж трех и... с *четвертым* же все, в придачу!.. Да и не только «зол», но еще и... *огней*. И одному же только лишь дьяволу, действительно, и без *бога* же все, под «бокком», было известно – у кого подгорит, а после и вовсе же *выжжет* сильнее. И ладно же еще, если это будет от Артема, хоть что-то же все же и останется, от него же все и самого, как и сказал, пусть и скорее же все же *попросил* и чуть ранее же все Влад, хотя бы угольки или пепел, на крайний случай!.. А если: *из-за?*..

– Кариш?.. – Обратилась к подруге тихо она. – Ну, коли уж и Женя сам отказался... *для* Полины. А я – почти и «расстратилась» уже вся. Сделаешь доброе дело... *для меня?*..

– Никаких. «Куполов». Для *чужих!*.. – Прервал просьбу девушки Александр, не сводя с нее строгого, так и пусть еще

в меру, но и уже сердитого, на нее же все и взгляда. Все «сливки» – должны были быть сняты им: так еще и с того, кто опорочил честь и достоинство, да и не только, не столько уже *не одной и не одного*, но еще и *его малышки*. Да, в прошлый раз Совет спустил ему его же все и содеянное с рук!.. Не без «дотаций», *взятки* – одного же все и из его членов: за своего же сына. В прошлы-е разы!.. Но в и этот – должен был стать крайним и сразу же «последним», как и сказал же ему уже и сам Влад, за которым *точно* уже не последует никакое «отмаливание» и «отмазывание», от- и замалчивание: как минимум же еще и потому, что в противовес встанет ее же собственный отец, тот же все и *еще* член общины, *Совета*, а и как максимум – еще и сам же он, Александр; ну а там уже – и по всей строгости-справедливости... не только закона!.. Но и не мести. Без мести!.. Ну, может, лишь: на задворках. Но и только же – не на свободу. На скамью подсудимых, «судимых» и... Без всяких: «но» и «если». И он добьется – этого!.. Да. И *уже* сам. Пусть пока и без второго, точнее *первого*, но и позже, да, уже и с ним же. Имея покушение: на *святое*. На дочь и... обоих. Но и сначала – выбьет из него и все сам: что и так же все *сам* посчитает нужным себе; и ненужным *более* тому. – Тем более: в *нашей* квартире; и нашем же *доме*! – Продолжил уже куда более спокойно, хоть и так же все серьезно и твердо он, не отводя, как и прежде же все, да и почти такого же, ведь уже даже и не мигающего взгляда от нее. – Ты *что* и от кого – прятать здесь

собралась, м?.. Го-во-ри!.. Мне *нужно* услышать это – от тебя. И от тебя же: самой!.. По моей *просьбе* и... *Твоей* воле. Без *моих*: каверзных мыслей и... помыслов. Додумываний!.. *Только*: услышать... Не убьем *мы* – его!.. По крайней мере: *не* сразу и... Не *сейчас*!..

– А вот «теперь» уже и я в этом – не особо уверена... – закусила губу брюнетка, только и понимая, *не* принимая да и не «представляя», как и до конца же еще все не осознавая: *что*, как и, главное, *кому* ей придется сейчас рассказать; *как* и дочери... *отцу*!..

**

...Сказать, что после признания всем и вся, «при всех» и уже «раз и навсегда», окончательно и бесповоротно, «оборотно», а еще заодно и себе, «наконец-таки», после и всего же «изливания» и излияния души – можно было ожидать: какого-то и иного исхода? *Другого*!.. Не знаю... Если уж и *не*!.. «Чужого». В виде и побитого, избитого и прямо-таки уже даже и *истерзанного*, по всем и вся же все фронтам, как и «формациям», что внешне, что и внутренне, тела парня... Так еще и со «вскрытым» горлом... *на полу*. Благо же еще и не выпотрошенно-вывернутого совсем и... *наизнанку*!.. Не сказать – ничего. А еще точнее: соврать! *Нагло* же еще... причем. И «вдогонку»!.. Ну а сказать, что и ожидалось же все – *иное* поведение и такая же «реакция», именно же еще и (от) Егора, после и *уже* всех: Александра, Жени и... Вла-да. По отношению же все и... к *тому* же парню!.. Что он,

ну просто не станет *уж* и «добивать»... лежачего-то. *Не* лежачего. *Живого*... *Не* живого. *Мертвого*... *Не* мертвого. Короче!.. Почти что: трупа. «Соврать» – дважды. И да!.. Еще и себе: заодно. И... «Снова»! «Обновить список лжи»: так сказать... Как и картины, того же самого все и Александра. «старые» на... *новые*. Но и я же, все-таки, не изменяю себе и... готовлюсь к худшему, только лишь и затем – надеюсь на лучшее; по крайней мере: в такие моменты. *Не* наоборот!.. И да. *Именно*: в них – «нет». И так выходит, что и сама же, уже и у себя, выигрываю: представляя *худшее*... из худшего. На выходе и выхлопе же – обретая: лишь... полудышащее тело. Именно: -дышащее; а не полу- и... *мертвое*. «Дохлае»... Да... *уж*. Мой стакан, все-таки, наполовину – полон. Хоть, и *над* этим, наполовину: пуст!..

А что же и до прошлой же все и моей мысли о... четырех *огнях* и выборе же из *четырёх* зол?.. Она – оборвалась... в *тот* момент: когда и сама же *мысль* рассказ был оборван – *точкой*; и все же эти «скопища» энергий, от каждого и... *не* по чуть-чуть, так еще и преимущественно же все *негативных*, вместе с эмоциями и... ощущениями, объединились в одно, в один и *одном* и... таки и «излились»; сообща. Вот только и легче – не стало!.. Ни разу и... *Никому*. «Расфокусировку» же и... распыление на множество и множественные же цели – еще как-то все и пережить же: было можно. Накинувшись вчетвером – они бы вчетвером, возможно, друг друга и держали-сь, придерживали-сь... от необдуман-

ных и, прямо-таки, *необузданных* поступков; сдерживали-сь бы, помня: и про равновесие, баланс и гармонию, как и о том, что и кто-то все же должен был быть еще старше и мудрее, *опытнее*... и скорее, чем и «сильнее», ведь еще и не в разрезе «битья слабых»!.. Но и какая *теперь* уже разница, что: было *бы* или *не* было бы; если и итог, в любом же все случае, один? И он – таков. *Такой*... Один и... Оставшийся. Смотрит – на происходящее, в своей же все и комнате; не *все дороги*, однако, *ведут в Рим, встретимся в...* хотя и *кому* как; с «черными» глазами. Такими же венами – под ними и... Неизменной ухмылкой!.. Той самой, в которую, пусть и постепенно, но и обратился, до этого, оскал.

Сказать: «Страшно»!.. Соврать – *трижды*. И не потому, что ~~бог любит~~ троицу мы с Кариной и Никитой смогли зайти в его комнату – только спустя: десять минут. Да и то – лишь потому, что и та же все «троица»: и из нее уже выходили; оставляя *хозяйина* – в ней. Так еще и, в кои-то веки, переступив, да и ради *этого* же все, «правило комнат и единоличности пространства»: где и спрашивают разрешения же еще – перед этим! *Как* без него?.. А потому... «Каких-то – десять минут!»: ты бы точно сказал, если бы мог и *буквально* же все говорить. Но и сам бы был в шоке – с и от того: *что* за них – можно со- и натворить. Это – *вечность*, мой друг!.. Не говоря уже и о том, *как* и что: до этого – еще и можно же представить; слыша за хиленькой такой еще, знаешь, и «перегородкой» – каждый треск и такой же удар... рык, рев и

воплъ, всхлип... истошный и вой, крик. Ну а после – только хрипы и такие же тихие стоны... *боли!*..

И, вот, вроде бы, да, что это я?.. *Радоваться* же – надо!.. «Семья» – воссоединилась, как-никак! *Тож*е. И... *Не вроде* уж *как*. Да и пусть же все – и против одного врага. Как и должно, кстати, происходить, *минимально*, нет? Как и пусть *друза* «против», в отместку и назло, вопреки и... *месть*. В «масть»!.. Пусть и... Да не «пустить»!.. Но и какая, опять же все, и разница, *уже*, да?.. Все же было сделано – и без этого: обдумывания и... всего прочего. Как неуместного до, так неуместного же и... после. Куда мне и со своими правилами, уставом – в их-то все и... *не монастырь*? С приличиями... И *совестью!*.. *Воспитанием* и... знаниями! *Моралью!*.. Да-к еще и «девочки», которая даже еще и после всего-всего же: жалеет – его. *Артема!*.. Но и *уже*, к слову, как «человека», хоть, и скорее же всего, как *тело*, но и из которого, да и буквально же еще, почти что и изъяли же: «душу». Я же – еще *ангел*, в конце-то концов!.. И смотреть на... *бесчинства* демонов, пусть даже и за свою же все и честь, достоинство?.. Да, и вновь же все, *не* «пустить»! Но... И не «вернешь» же! Как *в принципе*, так и... Да и *суть* была же – не в этом, а в «мщении»: которого мне, как и всего, что, так или иначе, еще завязано на парнях и в моей же все голове, никогда, видимо, уже и не понять!.. Или «понять», но и только спустя какое-то уже и время: когда одна «привязка», *выдыхающая* свое и лежа же все на полу, сменится *другой*, возвышающей-

ся над ней-ним и «стоящей»... на полу.

Что называется: экс-кур-си-я!.. «Проходка по достопримечательностям». Началась и закончилась же – *полным апофеозом*, ведь и не с-только *обожествлением, прославлением и возвеличением какого-либо лица, события или явления*, вообще ни разу, а и именно «войны», в виде *осмотра* всего же и вся; коль уж и не всех. Разве что: чувств и ощущений, эмоций... *энергий* всеми и... *всех*. И!.. Стоило бы сделать одолжение встраиваемо-встроенным в потолок светильникам, отметив, что... *встроили* и закрепили их: на славу! А, вот, теплая бежевая кофта, шатена же, не выдержала – и ошметками: как повисла, так и продолжи-продолжала раскачиваться, все-таки и зацепившись, на и у них. Когда же и сам парень – уже и лежал в своей крови и оставшейся, оставш-ихся... *остатках*... от одежды: порванной черной майки и драных, не столько еще и «по моде», сколько уже и *по факту*, синих джинсов; и в побитых белых, с серыми сколами-разводами от «торможения» об пол и иные поверхности, кроссовках. И как они еще и на них не перекочевали?.. «Да *кто* б им и позволил?..». Вместе, кстати, с разводами еще и (от) мела; как и на остальных-оставшихся деталях – его уже и *лука*-гардероба. *Еще* одно и «им» же, слово-м: гос-теп-ри-имст-во!.. Не пожалел же – своих записей, набросков: превративших и затем же еще и сами же стены – в черно-белое месиво. Белое – на *черном*!.. Не черное – на... *белом*. «Своя» же все: и эстетика. *Его* – эстетика!.. И только *портрет* остался – непо-

колебим... и незыблем! *Было* в нем – что-то «святое» и... *светлое*? Определенно!..

Что же и до остальной мужской... и *сильной* части населения квартиры?.. Ретировались – сразу же; и *все*. И тут скорее, а и «точнее»: не от нежелания вмешиваться – от *желания* оставить *что-то* еще и другим; как и впрячься, так еще и *повторно*, набравшись еще и сил, если что-то вдруг пойдет не так. Ну а что и вдруг могло пойти не так: с имеющимся *лишь* телом и бедламом?.. Сказать: *сложно*! Пока, видимо, все шло: *так*. Да... И пока Карина – его откачивала, залечивая раны; что и *присуще* же ангелу; я... А я, как подпирала темный косяк двери, так и подпирала, «воткнувшись» взглядом в какую-то *свою* точку на полу: не в силах ни поднять глаза на него, ни опустить на нее и... того. В первом же случае – это было бы открытое, ничем не прикрытое торжество. Во втором – муки совести. Но и «торжество» же все – не разума!.. Нет. А того, о чем и во все же еще орудия трубил рассудок и... разум же, пытаюсь: как раз таки и не дать мне прочувствовать – что-то. Что-то *еще* и *помимо* же все – того, что я *уже* и могла чувствовать... к монстру! Точнее: *не*. И *туда* и... Оговорочка по Фрейду!.. Как же все и *вовремя*, *однако*. Ну да!.. *Он* же – «монстр»!.. А к нему... *априори*... нельзя. Да-к еще: и ощущать!.. Как-либо – и эмоционалировать. Но и я же все: *не смотрела* – не поэтому. Я была – солидарна!.. И да. Тебя не проведешь... Как и меня же все, собственно. Поначалу, конечно же все, из-за *страха*!.. Да и

если бы ты видел *это* – сам и... наяву, без моих же все и *словесных* описаний, «таких себе» же еще, если честно, ты бы меня понял. А там – и *принял*... «колесиков»... и-ли «градусов»... на душу же все и населения еще – и «впервые»; да и *до конца*!.. Нет, *да*, я была «посвящена», конечно же, в эту *процессию*. Знала и этапы превращения... И все прочее. От и... на Никите. Но!.. Теория – это не то же, что: практика. *Совершенно*: не то! Да-к – еще: и у и на нем!.. Это было – куда масштабнее и... *объемнее*. «Реальнее»!.. А «солидарна» – потому, что и он не спешил смотреть на меня в таком: виде и амплуа. Что ж... Для него, как и для меня, это было – тоже: впервые! В плане!.. Показывать – мне; и показываться, являться и про-являться, *таким*. Так еще и параллельно-одновременно – *принимать* себя, в моих глазах, «таким»!.. И нет. Это – не было: стеснением. Даже и не «рядом»; не то, что: *близко*. Это было... *Отторжением*! Для него этого было... неприемлемо-стью – такого «поведения»: в частности и *обращения* и... в общем. Но обстоятельства – *требовали*. *Ему* – пришлось!.. И теперь же, со всем этим, он не мог так же все и запросто – посмотреть на меня и... *признаться* себе. Признать и *себя*; принять... себя!.. И фишка же была не в том, что я могла: не понять и не принять его. *Могла*: принять и понять!.. Но и чего он никогда – не позволит: *сам* и... себе!.. Не позволял же и до – не будет позволять-дозволять и после. И вот, казалось бы, да?.. От чего, и считай, он бежал – все свои... *века*! А тут... *И* тут!.. Раз. И *был* пойман собой

же – через меня!.. *Мной*. Та-да-да-дам... Хуже, да, чем: *па-ра-па-па-пам?*.. Ну а что делать?..

Бежать было – некуда... Да и не *к кому*. *Всё – в дом*. *Все – в дом... Всё – здесь*. *Все... здесь*. И незачем... Он *знал* – о моем присутствии!.. Нахождении: *рядом*. И... нарочито-нарочно: не отводил *своих*... «глаз» – от Карины. Которая, и мало того, что дергалась от всей ситуации, в целом, так еще и чувствовала эту... *бездну* на себе, темноту и *тьму*... и, сбиваясь, ругала себя, начиная сначала... И благо же еще, что... *парень* – дышал. Пусть – и *на ладан*: почти что. Но... «Дышал»! В противном случае – дела бы были: куда хуже. Если, конечно, и все же еще есть: *куда!*.. Не *тела*. Мне и помогать же ей-себе – она строго-настрога запретила: от чего я чувствовала себя – еще не нужнее и незначительнее, не значимее и... никудышнее. Но и только – *вновь* же все и для себя, как было же еще все видно. Да и ее я, вроде как, еще и поддерживала: этим. Хотя неподалеку – был Никита и Женя. Тот же все и: Александр. Да и... Влад!.. Которые – были на подхвате; и подхват-или бы *тут же*... и без меня. *Может быть, и лишь: с-мной*. Но и смысл!.. *Изначальный* смысл... моего присутствия здесь... был: в *ином*; как и крылся же... в «другом». И... Как это обычно бывает!.. Дьяволом! *Демоном*, в нашем же все и случае. Он не был – рад: этому!.. Ни в и одной секунде же: нашего появления и... нахождения здесь. А и точнее: *моего!*.. Что еще и прямо-таки было же уже и видно – по желвакам, ходящим ходуном по его лицу и скулам,

сжатым, в одну почти что уже и бело-синюю полосу губам: как и челюстям – за ними. Вся же его фигура прямо-таки и *кричала* – о напряжении: начиная мышцами и заканчивая костями и натяжением самой кожи; и о той самой «точке готовности гранаты», где даже кольца не надо, чтобы механизм ее сдетонировал и разнес все и вся, всех: подняв оставшееся и оставшихся *если* – в воздух, так еще и сбросив, уже после, и оттуда же все назад. Понял, да?.. Что так, что и этак: эффект *один* и «исход» тоже... *тот-же* – никто не выживет. Но и я же все, как не сдерживала, так и... не держала его. В том плане, что!.. Что-бы «предотвратить»; но – и не подначивала. Я была – той *стороной*... и тем самым «другом»: который *просто* был... и *есть*. Просто: и рядом. Просто... Нужен!.. *Нужен*, чтобы не дать слететь с катушек: окончательно. Банально: своим присутствием и нахождением же все... рядом. То самое: пятно в глазу. И тот самый: маяк среди шторма... в непроглядной, хоть глаз выколи, ночи.

И да, он не говорил, сам и... этого, но и это же, как и само же еще по себе... разумеющееся – не требовало: *слов!*.. Да и, в конце концов, я могла остаться – *потому, что раз и-ли*... «запятая» *сама* за-хотела. И *тогда* – какая и вообще еще же все разница: *хотел* ли – он? Как и *могла* уйти – так же все: в любой момент. Но – не *хотела* уходила!.. Он *не* хотел – меня видеть: но и *отпускать* – не хотел. И что *иронично*, что так, что и... этак, он бы не сказал об этом... мне. Да и себе, *про себя*, навряд ли!.. О своем желании или *не* – к тому

или... иному. *Другому!*.. Он, как и я, просто *пережил* бы это – в себе и... «Закрыл» бы... в себе. *Убил* бы: в себе. И *себя!*.. Шаг влево... *от* него – граничил же с тем: чтобы еще уже и *он* не вышел отсюда никогда. Один *хлопок!*.. Но и не только же дверью... комнаты, но и *сердца*. *Дверью*... души! А шаг вправо и... *к* нему – с тем: чтобы вывести его и еще же *максимально* – из зоны комфорта и его личного же пространства; доведя до той самой точки кипения, *отсчета* и... апогея – *начала*... конца. Невозврата!.. Где, и вновь же все, *одному* дьяволу только и известно – выживет ли; и хоть кто-то?.. *А кто?*.. Но и какая разница, опять и снова, *вновь* же все, верно?.. Когда и в том... и в этом случае – расстрел. И в этом... и в том случае – смерть. Но и *речь* – за то: *чья?*.. Ха... А совесть, и *явно* же еще, не позволит, и по итогу же все... всего и того-этого – выбрать: себя. В принципе!.. «Опусы восхваления своего *я*» – сожжены!.. Бас-та. Начался – новый, хоть уже и электронный!.. Ну а «практическая» их-его часть – сидит: под замком!.. Есть ли и еще варианты решения вопроса... лучше, чем и *не* они? Подумать – не о *себе!*.. Да... Если он чего-то, коль и не *кого-то*, и заслуживал, заслуживает и до сих пор – так это *не* оставаться сейчас... да и в принципе... *один*: совсем. С этим... *всем*; и с собой... *таким*: наедине. Да и что-то мне же еще подсказывало, как и подсказывает *уже*, что я таки и получу «ответочку» – за тот свой и «недовыкинтош»: его же все... и из своей-его же ванной комнаты... мной; в *желании* побыть «одной». И будет –

прав!.. Как и я. *Была...* Да и «есть»!.. Ведь и я же все, как и он со мной, *останусь* тут и... в этой конкретной точке. *Рядом:* с ним. Ведь и *нет безопаснее места, чем и под крылом своей же смерти,* правда?.. Волны взрыва – разойдутся: *от* него!.. А коли так – важен ли и *так* мир, который рухнет и так, и *этак* за пределами этой *конкретной* комнаты и такой же квартиры, если *мы* будем в ней, а не *за* ней?.. Если *наши* «мир» – останется!.. Такой, *какой* есть. С нами и... В *нас!*..

Проводив Карину, вместе с мужским телом на весу, некогда еще и пустым своим карим взглядом до двери, София захлопнула ее за ними, как и за своей спиной, отмахнувшись же еще перед этим и от предостерегающего взгляда подружки, и, облокотившись на нее, оправила волосы: теперь уже и не столько подмечая, сколько и прямо-таки *видя*, как комната обретает свой прежний вид, восстанавливаясь уже, как видно, с и из-под *легкой* же все руки и Никиты, пока и сам же все ее хозяин, договорившись и до этого всего с последним ментально, переместился к окну и стоял теперь ко всему внутри спиной, а и к тому, что снаружи, лицом.

– Можно?.. – Решилась, все же, уточнить у него она, пусть и будучи уже один раз им «приглашенной», так еще и с возможностью входить после и в следующий раз, и во все последующие же разы, сразу, да и находясь же еще, в моменте, уже и по другую же все сторону двери, *внутри*, перейдя через границу. Но и решила, как и *решилась* же, сделать это, на

всякий случай: ведь и если тогда еще, когда она оказывалась, то и в его комнате, то и в комнате Влада – все это было по их разрешению, как и с барского же все плеча, так еще и буквально на и с их же все и рук, обговоренное за- и ранее; как и некий же еще билет и «проходка за кулисы», именная и... от имени; то сейчас – она поднялась сама и вошла так же. И можно было бы сказать, что и *по зову сердца*, но и тут же ведь – без того-его ведома, как такового!.. Как он и *сам* уже – отреагирует на это? Как и мог?.. Да и должен ли был?.. А должно ли и она была – говорить это? Она этого – не знала. Но, и посчитав вдруг за себя и него нужным и должным, важным, по крайней мере, *для* себя и себе, а там уж и *для него* и *ему* – сделала это!.. «Вертать» – уже поздно: *позади*... да и пусть уж горит город, *столица* и... иже с ними. Ведь и здесь еще – ее и его, *их* мир. *Который*, пусть так и не отозвался, что и было же еще загодя ожидаемо, но и *был*: сейчас. И, уже закусив даже и свою губу, после и сразу же языка, от своей же все и глупости, а там же еще и несдержанной сознательности и... правильности, явно пошатнувшейся и пошатнувшей же все и как же все никогда – не только ее доверие к нему *в нем*, но и подтвердившей ее страх перед ним *и*... в ней. Но и все-таки же решив, что стоять *так* и достаточно же еще долго, она не сможет – из-за слабости, которая, пусть была и не так уже сильна над ней, но давала и продолжала же давать о себе знать, а, и, судя же еще по всему, парой фраз это все их дело не обойдется, придется и так же достаточно еще помолчать,

она переместилась уже и на самую расправленную, а и точнее же все так и не заправленную, с прошлого и *их* же все двоих здесь пребывания, его кровать, но не как в прошлый же все и раз – головой и лицом к двери: в этот раз – уже макушкой к ней, а и лицом и взглядом – к потолку и стене. И, развалившись на ней чуть ли и ни звездой, сняла свой ворот с шеи и сложила его на банкетку у кровати, поверх сложенных же все и на пледе небольших черных и белых подушек, подмяв где-то между еще и под голову одну из них, сделав выбор в пользу *все-таки* и черной, и стала изучать силуэты на стене: руки сомкнув в замок и на животе, а ноги скрестив и уложив одну на вторую; правую на левую.

– Семь... – Вздрогнув от внезапного *появления* и прерывания тишины и молчания мужским же все и хриплым голосом, брюнетка нахмурилась и повернулась лицом к парню, думая, что и слишком долго уже *так* рассматривает стену, что и даже он уже повернулся, чтобы облегчить ее «мысленные растяжки» и страдания: на тему его же все и возраста – на момент «воспоминания»; но нет, он как стоял спиной еще и к ней, так и стоял, разве только лишь и фигура его – стала как-то... *мягче*. «Глыба» отгаивала – в каком-то своем внутреннем вареве и... *котле*. И уже ей это – не нравилось!.. Но и лезть к нему – она не собиралась: до какого-то и только ей же все, как и *уже*, известного сигнала или... его уже и «собственной» отмашки. Себе же – дороже!.. Придет время – скажет. Она же и сама прекрасно держалась – этого

правила. И!.. То ли и успокаивая уже себя этим, то ли еще и искренне надеясь на это же от него: ждала такого же результата – и от него. Мало-помалу – уходя в самое же что ни на есть: сумасшествие. *Безумие!*.. Ожидая одного результата – от разных объектов. В данном же случае: *субъектов.* – *Мне* – здесь: семь!..

– Готова спорить – ты не и изменился с того момента!.. – Развернулась обратно девушка, слыша уже и легкий хрип с его стороны, но и скорее: «покашливание». Будто он уже даже и подавился, если уж и не рассмеялся!.. Но ей и этого – было достаточно: как и любой *его* эмоции, чувства; и своего же, на это, ощущения: спокойствия. *Умиротворения.* – Разве что – повзрослел... Но и: *не* более!.. Да и внешне. *Внутри* – ты все: такой же!

На что он уже и сам про- и замолчал и вслед за чем вновь повисла пауза, но и уже не такая, как в прошлый раз, легкая, как ни странно, удобная и весьма приятная: для и обоим. Что ж... *Два одиночества*, все-таки встретившиеся и встретившие друг другу, на пути!.. *Так* и привыкшие – к одиночеству; и к *себе*. Вдруг привыкли еще – и друг к другу: он – к ней; и она – к нему. И пусть же все в каких-то моментах – и не до конца. Но!.. *Идущие* – к этому. «Вместе»!.. По крайней мере. Не поодиночке... *уже*. Хоть еще и одиноки. *Одни!*.. Но и уже: не в одиночестве. И уже – хорошо, наверное!.. *Наверное.*

И, сжав губы между собой в тонкую полоску, она *вдруг* выдохнула: неожиданно, даже и для себя, набрав чуть ранее же

все и в легкие чуть больше обычного воздуха, далее же просто прекратив дышать почти и вовсе; из-за чего еще и сам выдох получился настолько тяжелым и громким, как и ей же еще показалось, что она тут же попыталась как-то это дело скрыть-замять, претворившись, что зевает, но и это – не помогло. Хотя!.. Как и кому же все посмотреть. Егор таки и развернулся же к ней лицом, полностью вернув *себя* и «свое»; хоть, и по итогу же все, заменив одну свою маску – другой!.. Да. Если, и до этого, была ничего не выражающая «тьма», то теперь это стала ничего не выражающая и не просачивающаяся ничем, не *просачивающая* ничего и никого: сталь. Не просвечивающая: *стальная* льдина. И, как из ниоткуда, снова повеяло: *солью*, морским холодом и лесно-скалистой свежестью. Еще немного – и, того и гляди, пойдет да и *выпадет* уже снег: укрывая все не столько еще и белым покрывом, сколько *синим* инеем и прозрачной коркой льда. И *стальная льдина* – станет прямо-таки уже и каменной, *камнем*: в белой шапке, синей шубе и... прозрачных же валенках. А сама девушка обнимет себя не только еще и руками; лишь и ощутив легкую дрожь и какое-то липкое и противное чувство осознания: *возвращения к истокам*, к тому, что только лишь и совсем недавно было между ними, точнее, чего и *не* было, *ничего*; но уже и ногами – и уйдет «в себя», хоть и *там*: не теплее.

– Хочешь что-то спросить?.. – На ее же уже и молчаливое отрицательное покачивание головой, он только как-то обре-

ченно же все хмыкнул куда-то в сторону и забросил голову назад к и на окно, облокотившись на подоконник. И, опершись затем руками на его пластиковую поверхность, прикрыл глаза, повторив ее выдох, но и лишь уже через нос: добавив от себя – какой-то, только и ему же все уже понятный, полурывк-полустон. – Ладно тебе, Софи!.. Не знаю, как другие, видели... или нет, но и *я-то* – «слышал»! И тут еще надо разобраться: *что* – хуже. Слышал, как и ты же все прямо и сжалась же вся внутри, еще и внешне замерев, от моих слов: о твоём «статусе»... в моём понимании!.. – И грустная усмешка исказила его губы. – И *только*, по всей видимости, *моем*. Да... И это же еще при условии, что и некогда – только тебе: *это* и надо было. Я бы обошелся – и без таких, вот, *формальностей*: вроде названия и... каких-то там «имен». Как и какого-то да и, подобного же все, «официоза»!..

– Егор, я!.. – И София даже подпрыгнула, сев на постели, будто бы и пытаясь же еще так, внешне, собрать все растеку-растрескавшееся, по поверхности и внутри тела, в одно же и целое: придать *себе* и какой-то же все – целостности, общности и уверенности!.. Но и вновь была остановлена хмурым взглядом из-под светлых ресниц и бровей, как и уже прямо-таки и уставшим, еще не внешне, но уже *и* внутренне, его голосом: – Да!.. Я – знаю, *что* произошло: после. Я – присутствовал... – И, оторвав на миг свою правую руку от подоконника, пропустил сквозь ее пальцы пряди своих коротких светлых же волос, оттягивая их затем еще за

и к концам от корней: малая боль тут же заставила его сцепить и стиснуть зубы, скрипнув ими, но и так нужно было, по крайней мере сейчас и ему, дабы прояснить и проявить сознание. – Но и то, что забрала *она* – ничто: в сравнении и с тем, в чем присутствовала и *была* ты. В чем – находилась ты. сама!.. Какое-никакое, а *признание!* Чувства и ощущения... *Эмоции*, София! – И спокойствие – сорвалось с петель и цепей: *он* – сорвался с них! – Душа и... сердце! Они были – *твоими*. Твои! *Все* было – твое: ты... и я.

– Они и сейчас – мои... – Прохрипела она и сглотнула нервно ком в горле. – Ну, кроме тебя. *Тебя* я – не присваивала...

– А *меня* и не надо: присваивать!.. – Оторвался он от окна и водрузил голову – уже и на сцепленные на коленях руки: и теперь темно-синий взгляд его – был направлен ровно и прямо в светло-карие омуты ее глаз. – Я – *не* вещь! Но в твоём и... *нашем* с тобой случае – не это: главная причина и... проблема. Вообще: *нет*. Это же уже – почти что: автоматика и... «автоматизм»! Само собой разумеющееся и... определяющее. Ап-ри-о-ри!.. Я же – уже: *принадлежу* тебе. *Еще*... пока... принадлежу! Сейчас и... *здесь*. И был, да, еще... *уже*... и... там. Как и *было* же – все: до!.. Является и *являюсь* же – и после. Так просто вышло!.. – Хмыкнул он и отрицательно качнул головой. – Нихрена: не *просто*. Да и доходит же все еще – не сразу, правда?.. До-шло. *Сейчас!*.. Но... *Да!* От этого уже – никуда не деться... *Мне!*.. – Сделал акцент он,

не теряя ее глаз: как и серьезности, почти что даже уже и грубости в голосе. – Мне – *никуда не деться*, Софи. А, вот, ты... Даже и не знаю!.. *Ты – денешься. И вполне...* А я – *за тобой. Следом...* Как!.. Банный лист. Или... «Хвостик». *Шаг в шаг...* Тоже: *денушь*. Да. Но вот только лишь: и куда? Зачем?.. *Надо ли?*

– Если ты опять... – И осеклась, прикусив вновь язык и губу, только и теперь уже именно понимая, а там и почти что принимая, что и начинает даже *отзеркаливать* его и продолжила спокойнее: если из них двоих он *пьяный*, повышает голос – она не должна ни в коем случае на него, как и на это же все его поддаваться, реагировать, а и должна, как раз таки, оставаться *трезвой* и сохранить адекватность; крича друг на друга – они ни к чему не придут, а и только еще больше разругаются, – ...*снова* про и *из-за* Артема, то...

– *Артема!*.. – Рывкнул уже даже он, оборвав ее и уже подорвался с насиженного собой места, но и после же все остановился и приложил правый кулак к губам, набирая воздуха в легкие и прикрывая глаза: ему надо было успокоиться; он же – уже кричал на нее, хватит, на сегодня... *и вообще*, должен же был сдержаться, хотя бы и *попытаться*, почему и она его *сама* не остановила, а и было бы *лучше?*.. – «Здесь». Нет... – Глубоко вдохнул, выдохнул и, наконец, открыл глаза, смотря на нее теперь уже и куда более спокойно. – Я – не о *ком-то* третьем: которого, и опять же все, *сейчас*: нет. Или *третьей*, которой: *тоже* – нет! Я – о нас. О тебе. *И...* Себе.

– Но и если *так* еще посмотреть: *третья* была – куда больше, чем и третий!.. – Решила все же, и пока еще далеко не отошли-ушли, прояснить всю картину брюнетка: не столько уже и чтобы именно оставаться – виноватой и повинной, *одной*, сколько и внести кое-какие, некоторые коррективы да и кое-что ему напомнить. – Я Артема – не целовала. Да и уж если на то пошло!.. *Это* было – так давно, что... *И неправда*, во-первых. А во-вторых, я и такая же, как я, *такой* же и *не*, не такая, но и *не* человек, «чистый», проживет – еще не раз, да и не два; а он, вот, *уже* и не факт. Он – *не* проживет; и не *пере-живет*!..

– Приятно – быть: последней?.. – Оценил ее этакий еще и «недо-взрыв» Егор, с грустной ухмылкой и таким же прищуром.

– Нет!.. Вообще бы: *никакой*... *Никакой* – *не* быть!.. – «Сорвавшись» вдруг и на шепот, проговорила-хрипела она, держа теперь в руках подушку и перебирая маленькие кисточки на ее глазах. – Но и ему явно *зашло* – быть: первым и... *последним*. Иронично!..

– Разбежался!.. – Фыркнул он и только уже даже и собрался сесть подле нее, как вновь попал в поле ее зрения, поднятых на него и *снова* же все карих глаз, и, будто бы и сбившись с курса, остался на месте: *она* – «сбила» его сама, *неожиданно* еще «подрезав».

– Почему у меня сейчас такое чувство, что мы поменялись местами?.. – Смерила его непонимающим взглядом девушки-

ка. – Поменялись: *ролями!* И там, где и я же еще боялась находиться рядом, вблизи тебя, да и чего уж там – хоть и как-то контактировать, взаимодействовать с тобой, теперь уже боишься ты?..

– Я – не «боюсь»! – Отрезал Егор, тут же засунув руки в передние карманы своих джинсов, и отрицательно качнул головой: в который раз уже отмахиваясь и отменяя, разметая свою злость... *во все* стороны; разбрасывая и раскидывая ее – по углам... и дальше, дальше и глубже, чтобы потом уже ее полностью собрать и вымести, а там и вымести-ть, но и уже не на нее: *не* для и не ей ведь и предполагалась... еще и изначально. – Я просто не знаю: *как* быть дальше!.. *С тобой.* И... Как *мне* быть? И... *Нам!*..

– Как *раньше*... – И светлые брови напротив, с ее же все и фразы, тут же взметнулись аж и почти под самый потолок, что и ей же все пришлось так же почти сразу же исправиться: чтоб и после же не искать их – где-то и у *своего* же уже *отца*. – Ну!.. До того, как и меня же все стало... *две*. Как и все «начиналось» же, точнее... *Продолжалось!*.. – И он вновь сделал шаг к ней, как и снова же затем остановился: хоть и сдвинувшись в левую сторону и ближе к кровати, но и не совсем к ней, не до конца и дойдя до нее. – С того... неадекват!.. Неадекватного... адекват! Ты можешь *уже* сесть; и не мельтешить перед глазами?.. Я *тебя* – сбиваю-подрезаю; и *сама*... Ся-дь!.. – И, только уже после подметив слишком большую дозу приказа *не* к тому и «опять», хоть и пусть же

все в виде ответочки к и на его же все еще прошлое поведение, в отношении нее и Полины, чуть ранее и внизу, она все же понизила свой тон и перешла в разрез: просьб и даже мольб. – *Пожалуйста...* – На что уже и как-то весело же все усмехнувшись, блондин промолчал, но и последовал ее просьбе-мольбе, сев рядом. Так еще и поимев немного наглости, от себя, притянул и ее к себе: но и пока же все еще так, чтобы касаться ее – только коленями, своих и ее же все скрещенных, уже и под ней, ног; да-к еще и к тому – деля подушку с ней на двоих: выдав ей – верхние уголки с кисточками, а себе – нижние... для «перебора». – Хорошо... Спасибо!.. И давай теперь уже, наконец, на словах. *Я прошу прощения* у тебя, что... сорвалась *на* тебя же и... тебе, «накричала»: когда ты – только лишь и предложил, предлагал мне свою помощь... с ванной. Но и это же – не потому, что я резко *все* забыла и... попыталась же *максимально* откреститься, закрыться и забыться. Вообще: *уйти!*.. – И в страхе даже округлила и сама глаза, горько сглотнув, вмещающая в это *одно* понятие: *все* смыслы и... *сразу*. – Все, что угодно, только чтобы: ты ушел и... тебя не было! *Рядом... Не рядом. Никак!*.. Это не было – и к тебе, как... *К брату*. Не знаю!.. Другу. *Пар-ню!* – И сгримасничала, вновь утыкаясь в свои старые-добрые «понятия-воспоминания»: от которых и сама же еще бежала, да так и не у-. Да и... надо ли... *уж?*.. От себя ж еще – и не убежишь. Нужно: что-то другое. – Это было – лично, как к *человеку*: который... понимает мое одиноче-

ство и... *смог бы* разделить его; *может* поделить и со мной – свое. А может, и просто: понять, принять и... простить. Да и дать им – насладиться: в одиночку же, одной и... в полной мере. Как бы это «тавтологично» и ни звучало!.. Но мне – *нужно* было это одиночество... *в одиночестве*. В своем и... *Себе*. С собой!.. – И вновь тяжело вздохнула, затем так же все выдохнула, в попытке сдержать уже и вновь же все подбирающийся поток слез, который, но и *казалось* же лишь опять, незадолго до потерялся и потерял все входы и выходы, что забились уж *корками* с пылью, грязью и засохли: а тут *вдруг* раз, вспомнил и... нашел, так и еще их же *все*, обрел, блин, разом, *преисполнился*; да-к еще и не собирался останавливаться, прекращаться, походу и вообще. – А и стоит ли говорить еще и о том, что теперь мне, по ходу пьесы, придется еще и все зеркала завешивать?.. – И вот, нервный и истеричный смешок сорвался с ее губ. – Вместе и со всеми отражающими поверхностями!.. Чтобы только лишь *не* отражаться в них и... не видеть *себя*. Я не хотела, чтобы *ты* видел меня: *такой* и не, в принципе! Подавленной и... Разбитой. Пусть ты и видел меня – в моменты и *похуже*; порой еще и созданные тобой же самим!.. – И закусила нижнюю губу, отрицательно покачав головой. – Но и не суть... Я не хотела и... Не *могла*. – И, оставив уже, наконец, подушку в покое и сам, парень отпустил ее концы, а заодно еще и забрал их-ее у девушки, отложив куда-то в сторону, и вместо этого взял «в оборот» уже и ее же все руки: ладони которых и вот-вот

готовы были уже показать-явить миру «звездное небо из... созвездий»; но и не «из звезд», а в виде полу- и *месяцев*... от создавших их ногтей. «Космос – это синяки...». И *не* только!.. Но и нетушки, не надо. – Моя реакция на... *девушку*... обусловлена – только этим; и ничем другим. То есть!.. – И усмехнулась, а затем уже даже и легкий смешок сорвался с ее губ: чуть спокойнее, чем и все же предыдущие; хоть и все так же – на пределе, но и не *за* предел сил и нервов. Взгляд же свой она – так и не подняла, чтоб рассмотреть *его*: и *насколько* – он близок; упершись им в их же все уже и сцепленные руки: теперь перебирая своими пальцами – его. – И я знаю, да, что ты сейчас скажешь, что: *это неважно* и что *это только тело, лишь оболочка* и тебе, как и всем, *важно насыщение, внутренний мир и... такое же над внешним!*.. Но и кого, блин, *этим* обманывает «человек», вроде тебя, что и *не* человек, да и с *твоей* же все внешностью, скажи? – Но, и поднеся ее кулачки в своих ладонях к своим же губам, он только оставил легкий поцелуй на коже их: мешая прикосновение с тихим смехом и отрицательным покачиванием головой. На что уже и она, проведя взглядом по всему этому *его* маршруту, с тяжким вздохом закатила глаза. – Вот!.. Еще – и *смеешься*, конечно! Гораздо проще говорить о *таком*, будучи с тем, что *ты* хотел; и без того, чего *не*. А я – не хотела: все! Не хотела: ни *рисунков*. Ни, и теперь вот, *шрамов!*.. Но получила – все; и сразу! И *как*: теперь? Кто – я? Девушка Франкенштейна?.. И-ли Ганнибала Лектора!

– Кого-то... *среднего*: между тем и тем!.. – Загробным голосом прошептал парень и взорвался затем смехом: *вместе* с Софией. – Тебя же залечили, малыш!.. Да и даже: если бы и *нет*! Серьезно?!.. – И, изогнув свою правую бровь, поджав левую, подавился новой порцией смеха: с так и не прошедшим внутрь, как и не вышедшим наружу *и ее* же воздухом. – Наличие всего того дерьма, что было на и в тебе, что и выходило же еще из тебя, пока и когда же мы только лишь везли тебя сюда – дало наводку разве что и на то, что тебя стоит *меньше* касаться: именно в *этом* месте и такой же стороне; чтобы не перегружать, не причинить *лишней* боли и... И *все*!.. На этом – все и закончилось. Вместо левой стороны – мы бы, например, «юзали» так же все, но и уже правую. Все!.. Никаких «уродств» – это бы не вызвало: ни в голове, ни и на деле... А уж и тем более: *теле*!..

– *Вызвало*!.. – Отрицательно покачнула головой девушка, вздрогнув и вновь же не согласившись со всем этим: так еще и «внутренне». – *Внутренние* же... «уродства». И вот тут-то, как раз: внутреннее *над* внешним; чего *нет* снаружи – *есть* внутри. У меня – «коллапс души», понимаешь?.. – Вымученно изрекла она и еще больше сторбилась, уменьшившись в размерах. – Души и... *Над* телом. Все же, что было на *теле* – теперь я вижу: внутри. То же самое... *все* то же самое, но и уже с душой. А после – и *на теле*... *Из души*! Проецируя и вынося – наружу. *Из внутреннего*... на внешнее. И пошло-поехало!..

– А все – от чего?.. – Фыркнул он и поддел их сцепленными ладонями ее же подбородок, чтобы поднять ее голову и взгляд на себя. – От того: что и *всегда!*.. Ты чаще – используешь мозг, чем... а *не* сердце. Один орган – главенствует над другим. Сознание – над чувствами!.. И это же уже не тот момент, где один *имеет* другой – это тот *самый* момент, где один за- и добивает: другой. *Убивает:* другой!.. – Отсек властно он и сузил глаза. – Прекращай – излишне думать и загоняться! Начни уже, блин, чувствовать, Софи!.. Ощущать и... жить, в конце концов! Пока за тебя не начала жить: *та. Ей* и своего – много!

– Ты – «ее»: запер?.. – Хлюпнула носом брюнетка, решив все же уже и перевести тему, оставив ее: для другого, *лучшего* случая. И пусть, правда же все пока, и не зная, не понимая да и не придумав же еще: какой может и, главное, *подойдет*, под «промывку»; вряд ли такие и вообще есть, да-к еще и у них же все будут, как и сказал, на той же все и *своей* скале, сам парень; но и все же – иначе ведь начнет и уже сама никогда не закончит.

– Да... – Нахмурился Егор, с полуслова понимая: *куда* она ведет и *что* хочет сделать, но и решил-ся же все же ей подыграть; только сейчас, здесь и в этот же раз. Да и если же все получится, а и тем более *не* – потом и *сам* уж, *если что*, выведет обратно: свернет там, где *им обоим* будет нужно; ему еще-уже сейчас, а она – подстроится и уже после сама поймет, что *и* ей, впрочем, как и всегда. – Перед этим, правда...

– и замолчал, поджимая губы и опуская их сцепленные между собой руки вместе с головой и лицом, глазами вниз, принимая еще, таким образом, поражение и повинность, – ... потаскали ее еще немного. Влад – по стене и до!.. А я... то есть Никита и Карина... с *моего* же все и согласия-разрешения... по стеклам и ступенькам: когда уже и возвращали, вернули в квартиру... через окно, таща в кладовую. *Прости!*.. – Быстро протараторил он, растягивая уже и последнее свое слово-просьбу: особенно тщательно; затмевая ею и все предыдущие же *просто* слова. – Нужно попробовать поискать способ – как-то разделить вас: насовсем. Перед тем, как и... избавиться от *нее* уже: совсем! – Гневно прорычал он и сжал челюсти, цедя сквозь зубы. – Отделить и отцепить: друг от друга. Не только телами, как сейчас, а еще и душевно. Всеми эмоциями и... *чувствами*, ощущениями!.. *Подальше*: друг от друга.

– Да?.. – Усмехнулась София и, коснувшись уже и сама его колючего подбородка ненадолго освободившейся своей правой рукой, приподняла его сразу же и потухший серо-зеленый взгляд и на свой же все уровень глаз. – Хочешь сказать, что кухня *тебе* – не «зашла», да?.. Точнее: *там* ее уголок. Да и как... все прошлые же... с тобой... разы. *Все!*..

– Да причем тут это?!.. – Скинул ее руку с себя он и тут же сжал ее: такой же своей правой. Но и *не* из-за ее же к нему жеста!.. Ему была приятна – *ее* отдача, но и все еще так же неприятно – вспоминать это все: тем более же еще – и в

разреze *не* ее, а... *той*; недооригинала-перекопии, так еще и недодемона-*не*-переангела! Он ведь чувствовал – измену, и да ладно же еще *измену*, как и «на измене» же все и будучи, *ощущал*, что и «предал»: так еще и в который же уже раз; *смешав* настоящее... «с прошлым», да-к и выбрав же еще... «второе»... пусть и в тот конкретный же, как и с *той* же все, момент времени. Так еще и не понимал – ее *такую* спокойную реакцию: на это!.. Он ведь ждал – чего угодно! Истерики... И криков. Слез и... Даже: драки. Обвинений и, в конце концов, разрыва... Развала и... «Расхода». Но и точно же не этого – не понятия и, неожиданно же еще, *принятия*!.. – Это ж – не *ты* была! – Теперь уже и она опустила голову, в след же все и за ним, будто бы еще и «повторяя», издеваясь, так еще и промолчала, да и замолчала же вовсе, молча долго и... до последнего, до последнего и *победного*, прямо-таки и давя, глуша упорно и в себе все свои тихие потуги смеха, в попытке и все же их удержать и сдержать, как и улыбку во все тридцать два зуба, но и все-таки не выдержала и резко подняла голову, как и он же все, уже и за ней, уловив таки ее кряхтение и дрожь: на что уже и в его глазах – читалось сначала явное и полное непонимание, а после и какая-то даже обида и досада, отражающиеся в ее и находящие ответ – разве что и лишь только в разрезе все веселья и *издевательства*, как по нему; и оттого же еще затем – переходя и вновь же все в злость, а там и гнев и ярость... не *за горами*. – София!.. – И девушка тут же взрывается смехом: под стро-

гим прищуром и нахмуренным выражением его лица. – Это, что, получается?.. Вместо одной *партизанки*, бессовестной вуршки – у нас теперь *их*: две?

– Ну... – Закинула голову назад она, дабы и загнать еще пока и мелкие же все слезинки в уголках глаз обратно: теперь уже и *от смеха*; да и будучи же вновь под отсутствием и в свободном же *доступе* рук. – Этого – *следовало* ожидать!.. А и особенно, когда: *меня* – размножило. Но «нет»!.. Я все – про те... *ее* и мои, «наши» же уже и с *ней*: чувства и эмоции, ощущения; которые ты, и до сих пор же все, *так* хочешь да и так же все разделить. *Мне* – нравилось!.. – Сделала теперь уже и она акцент, после чего еще и так же все *не* натурально обиделась, надув губы. – И по-нравилось. В отличие: от *некоторых*!..

Мгновение в тишине и бездействии – пролетает между ними «с щелчка»: и вот, она уже и прижата к кровати, нависшим над ней сверху Егором!..

– Даже: *так*? – Коснулся он правой ладонью ее левой щеки, пальцами слегка проведя по скуле: и большим же еще и в конце – надавив на ее нижнюю губу; мешая, еще и таким же все образом, *уже* и сладость сиреневой сирени с ее же все и скошенной травой. – То есть!.. Ты *все-все* – чувствовала; и так же – *ощущала*?

– Да. Только, и в отличие же все от *нее*, чуть еще и с большим откликом!.. – Откинула она уже и сама вновь голову чуть назад, дабы проще было говорить и сбить его ладонь:

хотя бы и на подбородок. – Как и *отдачей*. Все-таки – она же «ваша»; и ей – это привычней. В плане!.. *Извращений*. Разврата и... «Пошлости». Да и всяких же еще таких и *не*, всяческих же и *буквально* пошлостей! А с учетом еще и моего же все уже небольшого количества, как и *качества* партнеров, за *всю* жизнь... – и осеклась, с небольшой затем уже и долей смущения, как и чуть зардевшись, продолжив почти шепотом, – ...*опыта*, что и «никакого»: чувствовалось и ощущалось это – вдвойне и втройне сильнее, мощнее и... *приятнее*. Но и *сейчас* – все будет чувствовать и ощущать: *уже* она!.. Не думаю, что...

– Вот – и *не думай!*.. – Сомкнул ее губы окончательно Егор, только и готовясь заменить их своими, но и пока же лишь не давая сказать ей: еще какую-нибудь глупость. А ей, казалось, только этого – и не хватало: *надо было!*.. Стоило же ему лишь сжать ее губы, как она, все-таки и извернувшись, укусила его: вызвав прямо-таки и раскрытие его потемневших синих глаз, как и расширение их и без того же все *больших* черных зрачков. – Главное, что *она* – отдельно; и *не* в тебе!.. Как мухи... с говном – отдельно. Конфеты с котлетами – отдельно. Примеры-параллели – «подгони» сама!.. Будь то хоть: верхи и... «верхи» верхом же все на и в верхах, хамло; *не* мешая же уже и не взбалтыва-сбалтывая... *лишнего*; и-ли «низы». Так еще и не выступая же «свиньей»: и мне же все подкинута-подброшенной. Пусть *теперь* и она – «по-завидует»; и *молча!*..

Ну а в и следующую же секунду – он уже просто смотрел ей в глаза, как и она ему, но и смотря уже далеко не друг на друга, а друг и в друга, друг другу... в душу и души, в которых уже пылал огонь желания, но и они же еще сами все оттягивали его: каждый – по исключительно и личной, собственной же причине, но и сходясь же тут же все в одном – им нравилось то, что было внутри них самих; и что *так* и находило отклик... напротив, да-к еще и снаружи, что отражалось и... было «отражением» их же собственных чертей. И трудно было сказать затем, кто и действительно же все не выдержал первой или первым, но и спустя же все *каких-то* несколько секунд – они таки оба и слились же в поцелуе: где уже и сама София была вновь прижата, но и уже не только и не столько сильным мужским телом и к кровати, но и будто бы же еще и к самому же этому самому сильному мужскому телу – ей; чувствуя его мягкие губы на своих и такую же, почти и ту же мягкость белых шелковых простыней под собой. Не то, что с той твердой и плиточной стеной!.. И еще даже и от этого контраста, реалии и воспоминания, не выдержала напора с двух, а там и четырех сторон – и тихо простонала: – Я не хочу отрываться от тебя!..

– Так, *не отрывайся!*!.. – Почти так же, но еще и с хрипотцой в голове, ответил уже и он ей: сквозь поцелуй; пока и она же вновь начала забываться и прямо-таки погружаться, тонуть и... утопать в нем, с каждым разом только интенсивнее сжимая его и сжимаясь же сама в его руках. – И более

того: если *кто-то*, уже и не из нас, *сам* это делает – повторит судьбу Артема!.. А может, и *того* хуже.

И, обвив покрепче обеими руками его шею, сама уже прижалась ближе к нему. Хотя, и казалось бы вновь, *куда?!..* Но ей же все – *откуда*: хотелось *так*, хотелось больше. Ближе... И *далее*. Дольше и... *Глубже!* Буквально же все: впитаться и, опустившись таки и на самое же все крайне-последнее дно, в хорошем смысле этого слова и словосочетания, до конца ощущать и ощутить, про- и чувствовать его, как самого и его же душу, так и тело, которое и не впервой-то было для нее таким еще и плотным, но и словно бы впервые и даже здесь, *тем более* здесь, все было, как и в первый же все раз. Да и благо же еще, с того и самого же все момента в баре, она перестала их и как-либо же еще сравнивать. Хоть, и если же честно, для нее же, как еще и *того* эстета, познавшего таки и мужскую же все красоту, на «татуировках» их такое же все и какое-либо сходство и закончилось: так толком же еще и не начавшись. Причем: и *никакое* же, как еще и такое-то, по факту. Ведь и «изображения» же – были разными. Но и *почему-то* же ей хотелось, на тот же все и момент, как-то их сблизить: и найти хоть и какой-то повод, причину, а там скорее же все и *причуду*, после чего же уже и решение – почему именно тот, а не этот, затем наоборот, выявив и такой же все какой-то уже паттерн-триггер; чтобы объяснить и себе – почему они. Но и все же, как и обычное же бывает и из-за «мысленных растяжек», как и желания найти причин-

но-следственные связи, где их и нет, а есть только исключение, совпадение-случайность и... *думаю*, это оказалось: напрасно-ненужным. Это-т!.. *Он!* Без всяких: «но» и «если», может и возможно, наверно и скорее всего; как и *навсегда*. И не потому, что противоположности притягиваются; а как раз таки *схожести* – отдаляются. *Не факт* – в обоих случаях. Но если чем и бить неверную формулировку – *ей*.

– Радует, что не только Влад идет в комплекте: с *таким* негативом!.. – Оторвалась от него ненадолго она, набирая так недостающего сейчас и *своего*, и в принципе воздуха в легкие: пока и он же все продолжал неотрывно следовать и исследовать губами ее лицо, срываясь иногда с подбородка на шею; будто еще и с той же все скалы-обрыва – в пучину.

– *В очередь*, малышка... – Прошептал он ей в губы, но и скорее даже «прошипел», заставив ее вновь потеряться в ощущениях и чувствах, уйдя же еще затем и в эмоции: как в туман. И вот, опять же все, казалось бы, боясь и опасаясь, до этого же все и момента, именно змея и в нем, того же самого все и *удава*: она и не обратила внимания на это, ни должного, *никакого*, пропустив просто это мимо ушей, слыша же сейчас все и здесь – только свое сбивчивое дыхание, *такое* же сердцебиение и сильные стоны, вперемешку с хрипами-всхлипами. – Я же сказал!.. Кто косякнет первым – тому и тапки. *Белые!*..

– Но и Артема-то ты – не убил...

– Приберег: «на всякий с»!.. – Усмехнулся он на ее ле-

вое ухо, покусывая мочку и вода кончиком языка по его раковине. – Вдруг найдется повод и «покруче» того, что мы и уже имеем: на сегодняшний момент. И да!.. *Это*, и уже же все, конечно, никак его не умаляет. Но... Хотелось бы иметь и еще одну причину... знаешь... *похуже*. Для Совета!.. Для их уже и именно саечки-галочки, так сказать. Чтобы, и в случае же чего, *вдруг*, не простили и не отпустили: уже точно. А не только и имея же все в распоряжении то, что он... *обесчестил* дочь одного из их членов, будучи сыном другого: в этом, разве что, и за меня – будет только лишь твой отец да и наш же все общий... и иже уже и с ним.

Ну а последней каплей и к окончательному же все прямо-таки возбуждению и такому же почти что и полному «отключению» всего же и вся, всех, не только разума частного, но и сознания же общего и в целом, помимо страстного поцелуя, последовавшего за тем, стала, и буквально же еще, с «в», моментальная и его же все эрекция, что так и упиралась в бедра девушки, медленно, но верно уже и разводимые его же все и руками в стороны: пока и ее же руки, спустившись уже и с шеи, скользили вновь к ней, но и особо, особенно все же и по его груди, вверх и на его плечи, чтобы избавить его и от его же все белой рубашки, пусть и фактически же уже даже и *висевшей*, но и висевшей же *еще*; а его – уже и преспокойненько расположились на ее ягодицах. И стоило же только ему сжать их, как она вновь издала свой тихий стон, но уже без слов и *до конца*, еще крепче сплетясь своим язы-

ком с его!.. Но а когда он уже и сам избавился от мешавшей ей, как и ему, верхней части своего же гардероба на себе, ненадолго еще и оторвавшись от нее, чтобы отправить ее в полет, куда-то и в сторону же все своей левой тумбы, а там и к самому же шкафу, не особо следя да и проследив за этим, преступать с этим и к ней – пока не спешил: не хотел пугать ее, как и давить; буквально и еще же на больное; начав просто и в какой-то же все момент прямо-таки и срывать с нее всю уже и ее одежду. Терминатор – Терминатором, но и не во всем, вся и со всеми. Нужно же было все же перед этим, и коль уж «да», подготовить ее: к этому!.. Хотя бы и просто же все натолкнуть ее и саму же все на мысль, как и желательно же все ее-свою собственную, об избавлении от *лишнего*, а и изначально же еще о и в принципе же все лишнем, *всем* и на ее же теле: для нее же, как и него... под ним. Чтобы уже и она сама – захотела: уравнивать шансы!.. Но и когда же его руки не скромно и не тонко намекая проникли уже и под ее же черную кофту, только лишь и начав оглаживать ее бока и живот, она вдруг вспомнила о том, о чем думала еще же и в прошлый раз да и раз-ы, так еще и в этой же все комнате... и с ним и, сев под ним, провела ладонями по его торсу со словами-просьбой: – Покажешь?..

– *Внутреннее* над «внешним», говоришь?.. – Навис над ней уже и сам парень, заставив ее чуть накрениться, выгнувшись в пояснице и спине, но так и не коснуться спиной постели, пока и темно-синий цвет глаз его поблек, а затем и

вовсе же потух, оставляя за собой только лишь *темноту*. – Соф...

– Одним глазком!.. – Светла ладони перед собой в молящем жесте она, а когда поняла, что и это не прокатило, еще затем и всплеснула ими, как обиженный ребенок. – Ну блин... Ты сам виноват!.. Рассказал, значит, такой: *столько*... А «показал»?.. Чуть-чуть. Да и причем: не в том порядке!.. Но и не суть. Прямо: *возбудим и не дадим*, ей богу!..

– Ты же в курсе, что описала *себя* сейчас, да? – Изогнул свою правую бровь Егор, поджав левую, и прикусил нижнюю губу у левого угла, в хитрой ухмылке.

– Пожалуйста!..

Но, и скрестив пока только руки на обнаженной груди, он так же все принял вертикальное положение тела, сев, как и она, только и чуть еще над ней, возвышаясь, и склонил голову к своему правому плечу, поджав уже и в задумчивости губы; так и рассматривая ее еще внимательно и с прищуром, прямо-таки и осматривая, раздумывая.

– Тогда... Ночуешь – здесь! – Выдал на одном же все и выдохе он, а она же сама вдруг и подавилась им, расширив не то еще в шоке, не то уже даже и в панике свои светло-карие глаза. – Собственно, как и любые следующие и последующие ночи: в этой... *нашей* квартире. «Переезжая» – сюда же: от Никиты и... Жени же *уже* с Полиной.

– Ничего себе... «расценочки»!.. – Надулась София, тут же почти принимая и его же позу, но и без склоненной го-

ловы: смотря ровно и прямо в его глаза, что и вернули-таки свой свет и блеск; но и скорее – от хитрости же и *игры*. – А можно *весь* прејскурант посмотреть?.. Готова рассмотреть... и согласиться – на часть *этой красоты*; и одну ночь.

– Ты не в том положении, детка, чтобы условия мне ставить! – Оскалился блондин, смочив нижнюю губу кончиком языком, так и после чего еще и совсем облизнувшись, пройдясь им, не спеша, по верхней и нижней губе: *будто* и специально медля, чтобы она проследила весь процесс; что она и сделала, собственно, да-к и представив же еще этот самый его язык «раздвоенным»; а он – все смаковал!.. – *Процессом* – рулю я; и мне – ставить их, как и... *правила*. Либо так, *либо*... никак. Все... Или ничего. *Тебе* – выбирать!..

И, тяжело вздохнув, как и не менее же все тяжело выдохнув, она таки и сдалась: что ж, рано или поздно – все равно бы это случилось, пусть, конечно же все, и не в виде же пока окончательного переезда и в сам же *их* дом, но и до него же все было недалеко, буквально же рукой подать, палкой докинуть... и ей же *пристрелить*, судя же еще и по тому, как и *уже* же «статус» обязывал – к кому-то; и сразу же: *чему-то*.

– Хорошо... – Развела руками брюнетка, подмечая, как и он же делает то же самое и как-то даже еще расслабляется: в позе и мимике; да и легче же, глубже начинает дышать. Неужели, сомневался?.. Точно: не более, чем она. По крайней мере, ей так казалось; и *хотелось* же все думать. – Хотя

«душу заложить» – было бы куда сподручнее!

– Поздно!.. – Прошипел уже точно, и не *как*, а и именно же все змей, он. И тот финт с языком, наконец, полностью и безоговорочно – обрел свое начало и... *исток*, не раздвоенный, да, и на практике, а и только лишь в теории, но и какая разница, когда и есть же уже «вторая» и... фантазия с воображением же все – «хорошие»; да и обе же еще – *хороши*?! Захотят, вон, *придумают* и «первую». – Она и так – *моя*: как была; и *останется*!

И, не теряя уже больше да и даром же все времени, явил ей все, что было в, а теперь же еще и *проявилось на* его теле, вместе с *черными* глазами и чуть взбухшими такими же венами под ними: «обратившись», правда, не до конца; но ей и этого – вполне же все хватило и было же достаточно, с лихвой!.. Да-к еще и так, что и замерев, будто бы еще и *громом-грозой* пораженная, ну а на деле же вспомнив все того же *кролика* и такого же *удава*, но уже и с двумя зияющими *черными дырами* вместо глаз, она только спустя какое-то время и таки более-менее же все отойдя, выбралась из-под него и, сев на колени перед ним, решила, что с руками его она еще разберется да и как-нибудь уже в другой раз, тем более, что и часть их она и так видела, а перед этим же еще и *читала*... «Божественную комедию», не представляя, а теперь *как сразу и представила* же «семь грехов» по левой его руке и столько же «добродетелей», «перебитых» повторно, но и уже прямо-таки и в «противоположность» же

первым по правой, что и решила пока не зацикливаться особо на них, дабы уж и точно *не перебить аппетит*; а у кого и какой «стол», как говорится; а уделить все свое внимание его грудным татуировкам, точнее же все одной и одному, *лицу* ангела-демона с половиной нимба и рога, открытым глазом и прищуром, блаженной улыбкой и хитрым оскалом, объединяющему и тут же *отделяющему* зерна от плевел, мух от котлет, конфеты от... говна и *властвующему* над обоими теми мирами, где-то «меж» еще, *по образу* же все и *подобно*, «ваяя» третий: не по своему же все, естественно, хотя и кто *ему* еще и под «тогу-то» заглядывал. И, в этот же все уже раз используя не ладони, а кончики пальцев, она не спеша повела ими, стараясь, как в лабиринте, найти выход из него – по линиям, найти его *начало*; ну а после чего – уже и «конец». Но, и каждый раз же прерываясь, сбиваясь, не злилась и не ругала же себя, как и ранее же все Карина, а перескакивала на новые линии, контур и тень, образ и продолжала свое прямо-таки и увлекательное, если и не высокоинтеллектуальное занятие. И, так и увлеченная же им, даже и не заметила, как за ней, как и она же все внимательно, но и *по* нему, следил сам Егор и тихо, беззвучно посмеивался одними губами и их уголками: от ее *не по годам* сосредоточенности и тут же детской *непосредственности*, как и у *ребенка* же, что раскрашивал раскраску, боясь зайти за края. Еще – и язык высунула, прикусив!.. Как и всегда же еще это, кстати, делала, когда была крайне поглощена и прямо-таки

углублена: и где ее никак нельзя было отвлекать. *Ни в коем случае!*.. Как и когда же она все писала, например. Да-да!.. Она-то – не знала, а он наблюдал, видел и все запоминал. Все – подмечал; и прямо-таки *записывал!*.. До каждого чувства и ощущения. До каждой и эмоции!.. Внутри... и снаружи. Мимической и морщинки. «Лишнего» удара сердца или такого же все и сбитого вдоха и-ли выдоха. Каждую деталь и... щепотку. «Незначительную»: для кого-то; но и значительную, *значимую* для него самого. Каждую и *мелочь*: так же все и для всех; но и *не* для него. Она, как и он, была же еще *тем* ребенком, которому все было интересно; и все *надо*: сразу и сейчас. *Здесь...* и сейчас!.. И чтобы еще все – как: *в первый!*.. Чтоб обхватить – всю территорию; и *увидеть* – все и вся. Да!.. Вот только и дети – *так* не целуют; да и не целуются вообще! За редким исключением. Коим была, видима, еще и она!.. Что он уже понял и сам, правда же и все спустя мгновение, но и когда уже и до конца ощутил прикосновение не подушечек ее пальцев рук к себе, а другой кожи... *к коже*: сначала – одной из губ, второй; а после уже и полноценно – всего ее рта. Так еще и где-то же пробиваясь – на сам язык, его кончик и... кончик-и же зубов. При этом же еще – продолжая оглаживать левой рукой участок его груди под ключицей, когда же и правой уже пробралась в его светлую шевелюру и чуть откинула-оттянула его голову от себя назад, рассматривая шею, но и уже скорее для вида, *фоном*, как и те же все руки и «девять кругов ада» же, кстати: только

уже в «миниатюре», разрезе и *перевертыше* «горы», с ледяным же озером Коцит – на ней!.. Что ж, контакт «кожа к коже», в разрезе же все рук и пальцев, был интересен ей ровно до того момента, пока в ее же все и голову не пришла, прямо-таки же еще и *просочившись*, гениальная идея-мысль о «пробе пера», а и точнее же все *губ*. Языка!.. А затем же уже и с ними – и всего же рта. Ну и цепляя, кое-где, еще и зубами. Так и вводя же их еще в действие и процесс: где-то постепенно и прикусывая, как кошка, играя; не мытьем, так катаньем, как говорится, не руки, так «грудак», от нее-себя; а где-то и резко, как и самый настоящий же уже хищник, хищная кошка!.. А его же надсадные хрипы и тихие стоны – еще и создавали ей «дополнительную» атмосферу. Ну а уже и редкое, но и меткое, при этом же всем, сипение-шипение, говорило о том: что и все же она делает правильно; хоть и где-то же все же можно, а там даже и нужно было бы и ускориться, добавить и силы давления, на-жатия. Но и ей уже самой – не хотелось этого. По крайней мере: пока!.. Хотелось – растянуть и по-тянуть момент. Удовольствие!.. И власти. Но а когда все-таки уже и перешла, добралась-таки и до левой части его шеи, не без восторга оценила его новый аксессуар, для нее, конечно же все, новый, для него, скорее же всего, уже и старый, но и когда, если не сейчас, рассмотреть все и в таких же еще подробностях, прям же еще и в «пикселях», так и не боясь же уже быть застуканной и налететь на какую-то из его остроумий, на эту тему: рассматривания и разглядывания.

Хоть и сейчас бы она явно *по-другому* ему бы ответила, да и *понравилось* бы еще, наверняка. Что-то уже: и на прямо-таки извращенном!.. Ну и пусть же тогда все прошлое – остается там же и с тем же, таким же: в далеком и долгом, *глубоком*... прошлом; не имея возможности и уже «экологично» быть примененным здесь. И, подцепив его, а и точнее же все ее, ведь и это же была сережка в виде серебряного кольца, зубами, она потянула ее на себя, создавая уже и резкий контраст с тем, что делала левой рукой на его груди, правой в его волосах и зубами с ухом: и натяжение в разные стороны – дало-таки эффект, так еще и *какой*: разорвавшейся и той самой же все бомбы!.. Комнату и в мгновение же ока прямо-таки и сотряс такой утробный рык, прогремевший еще в его грудной клетке и вырвавшийся уже через его рот, до того звериный и неудержимый, животный, что и ей бы стоило, а там и *следовало* оторваться от него и отлететь в какой-нибудь угол комнаты, в поисках спасения и укрытия, но она, и ни на миллиметр не отодвинувшись, продолжила свое занятие: разве выпустив сережку и перейдя губами на его левую щеку, после чего губы и на правую, затем нос; как и не забыв, так же все и по очереди, зацепить и каждое из нижних его век. Потом так отстранилась, но и только для того, чтобы соединиться кончиком носа с его, как они уже и делали это друг с другом не единожды, и замерла, будучи ровно-прямо, напротив его глаз.

– То, что у тебя внутри – никогда не заменит того, что сна-

ружи; как и *наоборот*... – Прошептала она, стараясь донести и, параллельно-одновременно же еще, вбить это в его голову. – Как и то, что ты не признаешь и не признаешь свою природу... *Пусть!*.. Если ты не переубедишь *сам* себя – не переубедит никто. Не «переубежу» – и я!.. Но и пускай, да, *пускай*, так оно – и будет. Я – *не* буду: пытаться! Не буду и «стараться»... – Продолжила говорить она, спокойно и вкрадчиво, почти не слышно. – Хотя бы и потому, что я так же не признаю – *свою* природу. Но и я буду держать это «на подкорке» и заднем плане. *Фоном!*.. Чтобы *помнить*: как в принципе, так и то, «что» нам *стоит* пересмотреть; а после, возможно, даже – и поменять. Но и уже – не поодиночке, а вместе!.. И я буду ждать – этого самого момента! – Улыбнулась она и слегка прикусила уже и свою нижнюю губу. – Позволь только мне, хоть и иногда, но и *видеть* тебя: таким. Чтобы считать и, главное, знать, что ты, даже и такой, *тем более* и будучи «таким», мой! Как и я – твоя: такая и *не!*..

И, затем отстранившись на вытянутых руках, продолжила смотреть на него, глаза в глаза, ладонями держа его голову перед собой: фиксируя его еще, таким образом, не давая отвернуться и большими пальцами оглаживая его вены под веками; как и он, не спеша, но и в такт же ей, касался ее спины. Не ожидая, да и не прося же еще особо, а и тем более не требуя какой-то реакции или ответа от него, но она все-таки же и получила легкий положительный кивок и такой же поцелуй!.. *То самое* касание губ, как тогда и у стены. Нежное

и неторопливое. *Осторожное!*.. Распробывающее и... привыкающее. *Адаптирующееся!*.. Перебирая же ее губы, но и не кусая их, не углубляя и сам поцелуй, он будто просто целовывал, даже и не съедал, что-то, что было на них, словно бы еще, и став, будучи же бабочкой, присаживался на цветок, после чего так же с него слетал и снова садился на него: стараясь же уже и сам, таким образом, без слов показать и до-казать, что именно – она для него значит; *кто* она для него и *что* пробуждает, *будит*, что заставляет и *трепетать* и, без малого, «жить», чувствовать и ощущать, как и эмоционализовать: внутри и снаружи его. Будто и демон же, что в нем, был просто-напросто большим, нет, *огромным* черным котом, породы Мейн-кун или помеси Чаузи и Камышового кота, по кличке же еще и «Бегемот» из романа «Мастер и Маргарита», что еще и оборотень, прямо-таки и демоническое создание, волк в овечьей шкуре, но и только стоит же ему как-то *не так* сесть или лечь, как и человеку же все на спине уснуть, как и сразу же начинает мурчать, *храпеть*, и продолжения, *нравится*, просить; как в и на ручки!.. Затем оторвался уже и сам от нее и коснулся ее носа своим, соединяя и лбы, и смотря, наблюдая за ней, глаза в глаза, вернул-таки и *свой* же цвет: теперь уже и темно-синие «зрили в корень» и таких же почти, но и *темно-карих*. Открытый «голод» глядел в почти такой же *голод*: в другой, да, чуть больше и «душевный», но и не менее *животный*. И прошептал хрипло в ее губы, неожиданно же еще, как и она же все в его, *вместе*

с ней:

– Насмотрелась?..

– Научишь так же проникать в сознание?.. – И дабы он сам не успел опомниться, а там и сразу же отказаться, как и она же уже сама дать заднюю и отступить, продолжила с тем же напором. – Как это делаешь – *ты!* Вдруг это – и моя способность: тоже?.. Девчонки мне так ничего дельного и не сказали, кроме же все опять и того: чтобы *снова* ждать и... само *это* как-то придет!..

– *Этому* не учат, да и «без повторов»: ты же еще это и сама прекрасно знаешь!.. Либо это есть и сразу, либо... проявится со временем. Постепенно!.. Нет – *не* таких. Все мы – просто: разные. *Кто-то* – растет быстрее. Физически... Кто-то – и так же *созревает*. Морально... Все в порядке, если *ты* – в порядке. Остальное – придет!.. Ну а если уж и на *то* пошло... – Улыбнулся он и потерял кончиком носа об ее. – И тебе прям и самой же еще хочется – чего-то такого... этакого: у тебя же и самой *уже* есть все задатки – в виде света отца и... тьмы Андрея!.. И вот, уже и до «серого» – рукой подать. Главное, когда почувствуешь, что «да», а ты *почувствуешь*, это будет и прямо-таки симбиоз-синергия души и тела, сосредоточиться и представить то, что первая хочет показать, ну а последнее и проявить – в нужной же *вам* ситуации; как делаю это и я же сам, только наоборот; и все пойдет-поедет: как по маслу!.. Просто: еще, видимо, не время. *Научись* – ждать!..

– Значит, в моем случае – это и вполне же еще, «уже» может быть: иллюзия... *сознательного*? – Призадумалась София и повторила его улыбку, чувствуя еще и кисло-сладкий привкус сока хвои на языке: в качестве и его же еще одобрения. – Что ж, это имеет место быть!.. Да-к еще и Анна, вроде как, умела и... управляла дымкой, этакая же еще и *серая мораль*, такой же и *кардинал*; а не... «тьень». Хотя и кому как, опять же!..

– У тебя совершенно дурная, прямо-таки и отвратительная привычка: искать и, главное, находить такие же примеры и параллели!.. – Фыркнул Егор, но и дальше эту тему «всуе» берeditь не стал: никому от этого не лучше, да-к еще и те заикаются; вдруг умрут. Слишком: быстро и просто. Не говоря уж и о: глупо и тупо. Хотя и им бы все двоим, и *соответственно*, подошло!.. И *все же*. – Но и окей, если *так* хочешь. Как снаружи, так и внутри – у тебя и уже есть *достойный* потенциал!.. Но и если же все же хочешь как-то этот процесс ускорить – найди на кого опереться: и вперед. Ведь и сколько раз уже было такое, когда способности передавались и подстраивались, как и энергия, под носителя и носителей рядом: *наши* отцы, Роза и Андрей... *Анна*, Женя и Полина, Карина и Никитос!..

– *Мы!*.. Ты и... я.

– И как мы, однако, быстро переобулись!.. – Не смог не схохмить ей и лишь только чуть *над* ней он. – А как же *мораль*? Притвориться кем-то и проникнуть в сон – такое себе.

– Но и мы же этим, *конкретно*, никому ведь не вредим!.. –
Пожала плечами она и усмехнулась. – «Большая сила – большая и ответственность»: как сказал-процитировал бы еще и сам Ник. Кому в руки попадет... А уж и *как* он ею воспользуется!.. Как и с благотворительностью: на твоей совести – дать или не дать, помочь или не помочь; а уж и там!.. Ну «прокрутят». Пропьют... Это же уже – их. И «холод»... На наше же все и *тепло*: помыслов, посылка и... энергии; «вложенных» в мелочь и-ли купюры!.. Я могу, например, сдать за кого-нибудь экзамен. А ты!.. Кошмары, кстати, отлично еще подготавливают к каким-то же все и таким же морально-психическим встряскам: в реалиях и... реальности.

– Знаешь – не понаслышке?.. – Все не мог остановиться блондин, но и стоило же брюнетке поменяться в лице, как и он тут же, и в след же за ней, помрачнел.

– До того, как... Мне часто, чаще, чем и обычно, снилось, что: я падаю. Па-даю!.. *Обездвиженной*. Уже даже и не знаю: больше и сверху вниз; или снизу вверх. Не суть! Не могу: пошевелиться. Тут же, правда, почти просыпалась!.. И потом же – еще прочитала про так и не атрофировавшийся, вроде как, и рефлекс у обезьян: что мы так и спим на деревьях, хотя и уже в кроватях, но и мозг продолжает делать такого рода встряски, чтобы обезопасить – от внезапного падения. А раньше же еще верила, что: если летаю – расту!.. Пусть даже: и с невидимыми. Но и *не* без крыльев же совсем!.. И когда попала – к ним, нему: уже и не особо-то боялась. Нет.

Страшно, конечно, было. Как и больно... Но и уже не так. Не знаю, правда, как, и в таком же случае все, девчонкам... и парням: в барах и клубах... Когда им что-то подмешивают и... Не была и, надеюсь, никогда и не буду на их месте!.. Но и почему-то же все, казалось, что и *именно* так. Не можешь пошевелиться... При этом же все еще и зная, в большинстве же случаев, что происходит; и кто, как и где... с тобой делает. И ладно же еще когда – можешь закричать, а когда... *Можно привыкнуть ко всему*, как бы это ужасно ни звучало. И *адаптироваться*... Сердце – замедлится. «Потребности» перестроятся – и мышцы подстроятся... Как и кости. А что уж говорить и за «стокгольмский синдром»?.. Но и если *ты* не захочешь жить – тебя никто не заставит; а и скорее же еще – даже *помогут*. И речь не за раковые клетки, которые, как по мановению же все одной мысли о *нем* – расплодятся так, что и иммунитет не горюй!.. А о том, что... Если *не ты*, то и никто. И вселенная, высший разум, бог-дьявол, не знаю, дадут, конечно, пинка, подзатыльник, приставят, в конце концов, и дуло к виску; но и если же это все не сработает – они просто оставят тебя: со всем этим. Не потому, что эгоисты, самолюбвы и... прочее. *Отвернулись!*.. А потому, что и как раз таки отвернулся, в первую очередь, от себя ты, а уже и потом: почему нет *бывших*... алкоголиков и наркоманов – они сами ими быть хотят. А я – *не хотела*. Устала вдруг и... *жить*. И поймала же себя на том, что: *не хочу – хотя*. Когда: можно. Когда: могу... Вот, скажи мне в ответ на «Прыгну» –

«Прыгай»: я ж *не* прыгну. Я – больная?.. Или как? *Исключение*, быть может? Где и изо всех типов людей, меж думающих уйти с пар и уходящих, бьющих, бегущих и бьюще-бегущих – я та, кто думает обо всех, в этот момент, *и* о себе, но и не решается, не делает потому, что: может. И нет!.. Не потому, что: просто. Да и я – сильная. Сильные – те, кто делают сразу. Слабые – не делают вообще. А я – слабо-сильная: не делаю сразу, но и не «не делаю вообще»!..

– Прости... – Прошептал он и прикрыл ненадолго свои глаза, зная, как ей ненавистны любые проявления жалости и сострадания, скорби, но и иначе же сам и с собой не мог, только так: не *транслируя* ей. И да, уже и она знала, что и это не слабость, как и любые чувства и эмоции, ощущения, но и так же все знала, что и довольно-таки часто у людей, да и *не*, просто не бывает меры, как и золотой середины, но и это же еще ладно – никто же из них так и не спросит, *на сколько ей всего этого налить, смешав, но и не взболтав*, а выливают сразу и *все*: когда и у нее же внутри все маленькая чайная ложка для суспензии, такой же мерный больничный стаканчик для таблеток с двумя деленьями, минимум ноль-пять, максимум один, и стопка с толстым дном. Такой себе набор, бесспорно, но и не дом, где одни бокалы, кружек нет или общага с вазонами вместо первых и ведрами-тазами вместо вторых; так они еще и *не* разделяют. Как и мусор!.. Ну и благо же еще – не *властвуют*. Но и чего, конечно же, не сказать о Софии, которая так еще и не выйдя из роли *той*

еще властительницы нательного-скального орнамента, да и так не забыв же еще и про *внутреннего* ребенка, вдруг подняла свои большие пальцы на его уже и припухшие верхние веки и подняла их обратно, дабы уже и *точно* убедиться: что он не спит, а *притворяется*, чтобы с ней не играть. – В газовую камеру засунуть их – мало!..

– Но и тут же все: слишком легко и просто... – В тон же ему ответила она и улыбнулась уголками губ. – «Ни много ни мало», так же еще вроде говорят. Ну так и пусть – придумаем же что-то: в самый... *их*... раз. А насчет!.. Тебе не за что извиняться. Я и сама же еще удивилась, что меня да и *так* же еще стриггерило. Но ничего... Что ни делается!.. Зато я – выговорилась; и ты *меня* – еще чуть лучше же узнал. Что дальше?..

– *Кто*. И... «Теперь».

– М?..

– *Теперь*: я!..

И под легкий ее же смех, сквозь и такой же поцелуй, снова повалил ее обратно на кровать: вновь и вновь же атакуя ее губы своими, уже даже особо и не сдерживая себя, так и сжимая их еще так сильно, что она уже начинала чувствовать и малую боль, но и на это ей было совершенно все равно и глубоко без разницы – главное и главным же все было то и для нее, чтобы он не останавливался; а она уж, так и быть, немного потерпит; и не отпускал ее. А он – и не собирался!.. Не в этот раз. Да и ни в какой: из дальнейших, следующих

и по-. Сама же она, уже и опять же все пробравшись своими пальцами на и к его шее, а потом за и на спину, ощутила теплое, как по себе еще и для себя, а даже и почти что уже и горячее тело, как и выпирающие лопатки: под напряженными и перекатывающимися, играющими под кожей мышцами. И желание, как и *голод*, только еще с большей силой – загорелись в ней!.. А что уж говорить и за то, когда его руки, как и губы, перешли прямо-таки уже и «в наступление»?.. Правда, если со вторыми и все обстояло же куда легче, то с первыми – ему пришлось и прямо же попотеть. Буквально. И в прямом смысле!.. Предприняв почти уже даже и обманку и, будто бы еще и между делом, начав подворачивать и поднимать ее кофту вверх. Что ж, цель, как обычно, оправдывала средства; и игра же все стоила свеч!.. Ведь, и когда еще его губы были на ее шее, она только лишь и смотрела своими затуманенными и расширенными от возбуждения темно-карими: на него; не предпринимая «против» ничего. Да и зачем? Да-к еще и недолго, как и он же все, собственно, пребывая каждый уже и в своем действе!.. И, так и не дойдя до ее ключиц, он был вновь схвачен за лицо ею и притянут к губам, чтобы только лишь и так же все почувствовать его: на своих. От чего уж и он сам вернул руки с ее талии на бедра, заставляя даже и обвить уже и его талию ими, прижавшись полностью. Но *как же он ее целовал!*.. София же просто теряла голову и разум – от этого. А *какое* от него, и *для* нее, исходило же *тепло?*.. Что внутренне. Что и внешне. Да и только лишь подли-

вало его кисло-сладкого же все и хвойного масла в ее горько-травянистый огонь. Даже простое же проведение руками по ней, какого бы места это ни касалось, определенного или в общем, всего и сразу, заставляло мурашки моментально пробегать быстрой и теплой же волной по всему ее телу: со всех же, опять-таки, и сторон. Так еще и принуждая все, при этом, что-то внутри: *так* и дергаться – в предвкушении. Его теплые и лишь чуть сухие, шершавые ладони: так и скользили же – по ее талии!.. А она и не чувствовала, что и почти уже обнажена: как и в случае с голосом – просто отдавшись эмоциям и чувствуя, просто же и ощущая – *как* он касается ее ребер; тут же сжимая и проминая, массируя ее грудь. А после, возвращаясь и к бедрам, прижимает – все сильнее и сильнее, крепче и плотнее: к себе; практически же уже и вжимая в себя: и себя же – в нее. И кто бы мог подумать, уж точно не она да и в своей же все пусть и малой, но и все же *жизни*, что будет заводиться – от малейшего же прикосновения. Так и тем более же еще: его!.. *Егора*. Может, конечно же все и опять же, это все было и из-за того самого «Артема», что испортил ей не только дальнейшую половую жизнь, как в частности; из-за кого и чего у нее давно и не было *ничего* с противоположным же все и полом, что уж говорить и о *своем*, да и каком-либо уже контакте, связи; но и *жизнь*, в общем и целом!.. Но и как же хорошо, что и сейчас, здесь и, что немаловажно, не с тем, а *с ним*: это казалось; да и *являлось* уж, чего ж там; таким неважным и несущественным,

незначительным и незначимым, *совершенно* ненужным. Ей же было – *так*: все равно. Глубоко и далеко, долго *уже*: без разницы!.. Абсолютно. Как и на всех, так на вся и все. Но и кроме же все: него и нее. Нее *самой* и него же *самого*. Кроме: них!.. И, вновь проведя ладонями по его накаченной и твердой, напряженной груди, когда тот стал целовать и кусать ее шею, зализывая и посасывая кожу, она откинула голову назад и позволила-открыла ему еще больше пространства и доступа: для дарения таких же все – жарких и мокрых поцелуев; которые так же уже даже и выносили, не еще и снося, ей голову. И губы его тут же начали спускаться все ниже и ниже, оттягивая ворот кофты туда же, в то же время как и руки его поднимались лишь только выше и выше, задрав ту уже почти и до ее же шеи. Пока: ни дошли до груди!.. И, стоило же ему только и вновь же все сжать ее, в его любимом и ее же уже даже и полюбившемся черном кружевном бюстгальтере, единожды же еще, пусть и аккуратного, но и укусив ее за ее же левое плечо, как она будто бы и сразу же отошла от полубреда-забытья, ощутив его пресс на своем животе и, громко выдохнув, моментально же еще и выгнувшись навстречу, но и явно же уже не для того, что предполагалось, отстранилась, отстраняя и его, отталкиваясь и толкая его в грудь: от себя.

– Егор, подожди!.. – Неожиданно хрипло, как для себя, так и него, попросила она: явно же еще и удивленная – хоть и какой-то способности так же все и хоть как-то, что-то, вообще же и *что-либо* да и в *такой* же еще ситуации сообра-

жать; как и в таком же еще состоянии-не-стояния кому-либо говорить. На что уже и он сразу же поднял на нее свою голову: с серьезно-напряженным выражением лица и хмуря брови: – Что-то не так? – И, тяжело дыша, все-таки спросил у нее, нависая уже и над ней: на вытянутых руках и по обе же все стороны от ее тела. Но, а когда получил уже от нее и положительный кивок, тут же вернул себя и ее в более-менее вертикальное положение тел: садясь прямо и, как и она, на подогнуто-согнутые под себя ноги; внимательно смотря теперь и на ее уже опущенную голову. – Я... Кивнула. Да. Но!.. На самом деле... Ничего не случилось! Нет. То есть... То есть, «да»!.. Но... – И он тяжело выдохнул, нервно проведя правой рукой по своим волосам, и тут же опустил свой еще же и темно-синий взгляд вниз, потупив его на ней, ее теле и чуть ниже: на голой коже, уже почти и освобожденно-высвобожденной от и из-под ткани. И только же все сейчас, казалось, осознал, что она: не замотала себя бинтом!.. Не обклеила себя: и не то что марлей, а даже и пластырями. Она. Решила. Попробовать. Без этого!.. Отдав предпочтение – лишь только: полностью закрытой и темной одежде. И даже вороту, которого давно и не было на ней, а был он где-то и среди подушек!.. «Доверилась» – и ему. Но... Что же случилось: потом? И несколько секунд – он просто смотрел на нее: пыталась догадаться – что же все-таки заставило ее остановиться самой и остановить-прервать его. Но а после уже и в самой его голове – как будто бы и появился просвет, блик

и свет: все от той же молнии; которая затем и только еще ближе придвинула его к ней. И, накрыв ее левую щеку своей правой ладонью, чтобы после уже и этим же самым поднять и ее лицо, как и глаза, на себя, тихо проговорил-спросил: – Это из-за левого бока? – Боясь еще пока спугнуть да и окончательно, чего уж там, разбить все то, что и только-только началось-не-началось: как здесь и сейчас, так и вообще. На что и та уже, просто же все и вновь кивнув, как-то еще и жалостно-жалостливо посмотрела на него. Но и от чего уже и она сам облегченно выдохнул и прислонился лбом к ее лбу, продолжая все так же тихо, почти шепотом. – Ты – умница, малышка!.. Уже в том, что не стала пользоваться марлей и пластырями. Бинтом!.. Что... Решила и решила-сь рискнуть – и попробовать: без них! И пусть я не был в такой ситуации, но... Я, в какой-то все же и мере, понимаю тебя, Соф. И да!.. Пусть мои *загоны* и все же еще: не такие! Не в той плоскости и... не в том же разрезе. Но!.. Все же и *принятия* же себя. Если ты хочешь, *действительно* хочешь, начать и если не покончить сразу, то и хотя бы продвинуться в этом еще немного дальше и дальше, глубже, ты *должна* довериться мне сейчас, *здесь* и сейчас, как и я доверился тебе ранее. И, как видишь уже и сама, пока не прогадал!.. Это тебе – для мотивации и стимула! – И, подняв на него уже и свои светло-карие глаза, слабо улыбнулась, проведя и своей уже правой ладонью, в ответ, по его левой щеке: большим пальцем касаясь скулы; в знак еще того, что она слушает и слы-

шит. – Мы же не хотим и все еще пока – отрываться друг от друга, верно? Ты помнишь?.. – И сразу же последовал ее положительный кивок; как, и следом же все, отрицательное покачивание, на манер: «Верно-помню. Не хотим». – И *не* будем! Просто немного отойдем, не теряя все это из виду, а ты посмотришь слева от себя.

И, проведя за его взглядом прямую до шкафа уже и своим, София, казалось, только и сейчас же все обрела на нем зеркало: во весь, *полный* рост. Напротив которого, кстати, они же еще вдвоем и сидели!.. И вот, как? То ли и пора было уже прямо-таки и бросать привычку смотреть в общем и лишь *изредка* в частности, а то ли и... *нет* и продолжать удивляться таким вот сюрпризам-не-сюрпризам: *не* спрятанным и на «видном» же все месте. *Да!*.. Дьявол, *демон* же кроется в мелочах: чего бы и ей с ним ни поукрывать, так еще и поугорать над этим же все самым и им же самим; где-то между. И только же уже даже и открыла рот, чтобы что-то сказать, как и видно же все было еще и на эту тему, уже и прямо-таки по искрам с чертиками в ее глазах, как Егор прямо-таки и на корню обрубил и затушил ее и только-только же разгоревшееся веселье. «И кто еще из них двоих: обломщик?..»: – Шутки про себялюбие и нарциссизм, как и про собственное же все мое прямо-таки и *необъятное* эго – не в кассу... *сейчас!*.. – Что ж, слов от нее – не последовало. *Да!*.. Зато не изменил, как и их же все заменил: ее смех. «Сам бог-дьявол велел!..»: как решила сама же и про, как и для себя она. –

Они – «с бородой»!.. Раз *семь*, не то уже и *девять* обмотавшие наш земной шар – и стянулись-закончились *еще* на Никите.

– А про вуайеризм? – Хихикала брюнетка, оправляя кофту обратно: как она и была.

– А *по заднице*?! – Хмыкнул блондин, не без досады отмечая: как она возвращается в свой кокон-раковину, прямо-таки и разбивая все его начинания в пух и прах. Но и кем бы он был, если бы и на этом еще остановился?.. Не так, так уж и этак!.. «Не мытьем, так катаньем»! – Могла б и «Спасибо» сказать, между прочим, что я таки и включил во время джентльмена с психологом на полставки, а не сделал все так, как хотел и задумал же еще сам, изначально: ты б и пикнуть не успела – как была бы без «верха»; а там – и без *низа*!..

– Ладно-ладно!.. *Все*. Прости! – Прыснула в последний раз девушка, сдерживая уже остальные-оставшиеся в себе и *все* свои же потуги. И, прямо же и проглотив последнюю, не *крайнюю*, глубоко вздохнула, выдохнула, смотря в серьезные глаза напротив, и продолжила. – *Спасибо*. Видишь?.. И чем *это* мне должно помочь?.. Ты воспринял мои слова «про зеркала» – и предоставил свое, как первое: под надругательство-завешивание?

– Нет... – Отрицательно покачал головой парень и спустил свою правую ногу на пол с кровати, оставив и в подогнутом же все «под себя» состоянии левую, водрузив на их колени затем локти, а уже и на кисти рук, сцепленных меж

собой, и голову. – Завешивать – мы ничего не будем!.. *Попрятали* – уже достаточно, хватит. Будем – бороться, а не «убегать»!.. Хотя бы: и начнем. Когда-то – это должно было случиться, Соф!.. Ты и сама же это все – прекрасно понимаешь и знаешь. Так и пусть же это произойдет: сейчас! – Тут-то и пришла – *его* очередь веселиться: с нее. Но, и все-таки же выдержав какую-никакую театральную паузу, он так хитро усмехнулся и произнес. – Снимай кофту!

– Егор!..

– Давай-давай!.. – Ухмыльнулся он, не без еще и дополнительного восторга смотря на ее возмущения и попытки закрыться в «закрытом» же уже все хотя бы и жесте, параллельно еще и сжимая себя в своих же объятиях-руках. *Поздно!* Уже: поздно. Но и «полезное с приятным» – это как всегда же все впрочем; и «да». Ни дать ни взять... и не отнять. – Лучше – ты, чем я. *Себе* – ты: больно не сделаешь. *Физически*... По крайней мере. Собственно, как и я!.. Да и, может же, еще и «морально». Но и это же все – *так*: к слову. Ну а в данном же все и вопросе-случае – *лучше*, опять-таки, и *для* тебя: если это сделаешь – ты. *Сделаешь* – все; и *сама*. Или позволишь все-таки – мне?..

Но и, промычав лишь что-то нечленораздельное, она только опустила голову с тяжелым выдохом, затем не спеша подняла, хоть и с таким же еще вздохом, но и уже смиряясь, понимая и принимая, что сбежать ей не удастся, как и отговорить его от этого: по лицу в частности, да и в общем по те-

ду – он был непреклонен и бескомпромиссен. Да, и сколько уже можно, на самом деле, бегать? Надо бы уже – куда-то и прибежать!.. И «лучше» бы, как он уже и сам ранее сказал ей, к себе. *К себе* – уже: какой-то. Но точно и же все: *не* такой. *Закрытой*... и забитой. К себе. *Своей*... и самой. И, взявшись таки за низ кофты, потянула ее вверх!.. Не резко, но и не медленно. *Растягивая*, и прямо-таки, сие «удовольствие»!.. Но и спустя некоторое время – все же освободила тело. Потом: голову. А после чего – уже и сами руки. Затем вывернула предмет гардероба и сложила его уже и на свою тумбу: с пусть и пока же все не ближней к ней, но и правой стороны. Затем оправила свои темные волосы и вернулась в исходное положение: лицом к лицу и глаза в глаза. Ему же, в этом самое время, стоило отдать должное и прямо памятник поставить, при жизни-смерти: не только за то, что он все еще ее терпел, хоть она и обламывала его раз от разу, заставляя, к тому же, заниматься еще и подобным, *как* с ребенком, но еще и за то, что он ни разу не опустил глаза и-ли не провел ими по ее фигуре; его выдержке – можно было только позавидовать, опять-таки, *молча* и не «в минуте», *часе*, как минимум.

– Теперь – опускай обе ноги на пол и снимай штаны. После чего – возвращайся в исходное положение и двигайся на коленях ко мне. Если перед собой ты меня не увидишь, а ты меня и *не увидишь*, я буду уже находиться за тобой и сидеть за твоей спиной!..

И уже даже не пытаясь спорить, как и как-то же еще выражать свое «Фе», «Фу» и прочее неудовольствие-неудовлетворение и нежелание, отстаивая, таким же еще образом, себя и свое слово, как и действие с правом, в противовес *обязательствам* и слову же «Надо», ведь это было бессмысленно еще и изначально, она выполнила и это уже без сучка и без задоринки, сложив штаны к кофте. После уже чего и, в конце концов, увидев себя и в зеркале же – именно тем самым боком, который *так* ненавидела: но и которым – просил ее Егор. Его же уже и самого она, кстати, еще же и в процессе, более-менее сворачивания и укладывания одежды, потеряла из виду: как он и говорил. Но и как же все «потеряла», так и обрела, опять же все, *как* он ей и сказал: почти что и прижатым к ней грудью со и к спине, так еще и уложил голову на ее левое плечо, прибрав волосы на правое, покалывая своей мелкой щетиной ее нежную и мягкую кожу. Но и это же было все – ничто: в сравнении с тем, что она ощущала и своей же уже пятой точкой. И это же еще на ней, как и на нем, было ниже белье!.. Плюс, на нем – еще и оставались *пока* джинсы. А ощущение и *уже* было такое, что и нет. *Ничего*: нет. И их тоже, вот-вот, и нет!.. Ни для кого. Ни для себя. Лишь: *для* них. И только: *друг для друга*. Да!.. Он, *казалось бы*, но и все еще был: на грани. И она – никак не облегчала ему задачу: ходя по ней на носочках-цыпочках... миллиметровыми шагами. Так и буквально же еще все: «лилипутиками»!.. Сидя перед ним: почти уже и *нагой*, на *своих*

коленях, сомкнутых сзади *его* ногами и облокачиваясь на *его* же грудь. Что ж!.. Зато и в том же все зеркале – это выглядело красиво: двое... на коленях. Разделяемых – какими-то лишь и оставшимися же все *кусками* ткани. Но и не менее же красиво – было ощущение внутри: будоражащее каждую клеточку и вибрирующее на кончиках пальцев; от *его* еще и сиплого дыхания в области ее шеи и цепляя мочку уха. Ну а далее уже и он решил усложнить ей жизнь, так сказать еще и *уровнять шансы*, и прошептал, легко касаясь уже и сам пальцами ее же кожи: с левой стороны; заставляя ее, в ту же секунду, забыть о *его* «бедствующем» положении и вспомнить о своем, а там *все* было – давно и далеко, глубоко и надолго солидарно: – Смотри на себя через зеркало – и следи взглядом за моей левой рукой. – Правую же он положил – на ее живот: прижимая, и тем самым же еще, ее к себе и тут же фиксируя на месте; дабы пресечь все ее возможные и *не* попытки к бегству. И да!.. Он знал, что она *доверилась* и не сделает этого, так еще и будучи «полностью обесточенной» по рукам и ногам, но и так же еще знал, что она «думает»; и *достаточно* много; поэтому и решил перестраховаться и не дать ее разуму выйти из коматоза и дурмана, «тумана», создаваемого им же в ней – его-своими же касаниями и хрипотцой. *Конечно!*.. Он знал: *что* делал и, самое главное, *как* это делал, равно же все как и то, как *это* действует на нее и пользовался же этим безбожно, но и во благо; причем – обоим и одновременно.

– Что ты сейчас видишь, София?.. Перед собой. И... В зеркале!..

– Тебя... Себя. И... *Нас!*.. – И она сама перешла – на точно такой же шепот, так еще и прибавляя затем и своей хрипотцы. И да!.. Ей буквально же уже и *приходилось* срыватьсь и рваться на отдельные слова: с сухостью такой во рту и горле, будто она рыба, оказавшаяся на суше и открывающая рот невпопад приливу, но и впопад отливу, задыхаясь от отсутствия воды, а в ней и, соответственно, кислорода; как *воздуха* для себя!

– Видишь *что-то* еще?.. – Тут же она перестает ощущать покалывание его подбородка на своем плече и начинает чувствовать сухость, как и частички кожи растрескавшихся губ, смоченных, до этого, слюной, но безуспешно. Так еще – и жжение!.. От будто бы и в секунду растворяющейся влаги: на коже все того же плеча. Словно бы и капнув водой на разогретую сковороду: она тут же и испарялась; неприятно шипя и разбрызгиваясь. Температура ее тела просто никак не собиралась поддаваться на правила этого мира, не *провокации* и просто же его, в разрезе обращенных и *не*: находясь в одном градусе – постоянно. В случае, как, допустим, с и у Егора. У нее же она, по факту, «прыгала»: из стороны в сторону. От значения к значению. То повышаясь, то и резко же затем понижаясь. Из верхних – в нижние. Из *актива* в... Ну да!.. Или так казалось? И казалось: *ему; касаясь* ее. Но и казалось же, еще при этом, настолько правдоподобно: что и

хотелось же прямо в этом верить; и в этом быть. Что ж!.. А она – и была: в отличие же все и от него. С этим и *жила*. Не в первый раз. Да и не во второй. Пьянея без алкоголя!.. Но, и словно бы еще, параллельно-одновременно: смешивая его. С разной «процентностью градуса», как и температурой: попеременно то понижая их, то и повышая. Не держась – в одном значении. Мешая и *взбалтывая* – все же и сразу: в себе. – Видишь какие-либо объекты или... *предметы*: «рисунками» на своей коже? Видишь их и линии, контуры?.. Их внутренность и... «внешность»: как наполнение и за-полнение?

– Нет... – И ему ответ-ом же: ее надрывный полупот-полустон.

Теперь – и она же уже была: на грани!.. Пока и сознание же, тем временем, трубило одним словом: «*Месть!*». Сначала – просто: и за ее же все над ним истязания и издевательства ранее; как и над его же все и грудной клеткой, шеей до этого. После – прибавляя ее: и отшивания, побегу. Ну а заканчивая-шлифуя же все это дело – недошутками-пересмехом на тему и его же все: себялюбия, вуайеризма. И хотелось бы ей уже и сказать: «*Беру назад свои слова о вуайеризме; и «тебе»*». Но и услышит ведь только: «*Поздно*». И!.. Вот в чем: парадокс. И плевать!.. Да. Она же и сама – заводилась и возбуждалась: с и от этого! Так еще и: не *от себя*. От *него!*.. Его же еще *и* касаний – к себе. Он же, в свою очередь, вообще не отрывался от своего занятия: не только рукой, но и взглядом; прямо-таки и чувствуя ее внутреннюю дрожь и

ловя внешнее содрогание, каждую мурашку и из всего же их столпа-столба, бегающих в ней под кожей – вслед и за его же все пальцами: вниз и вверх, вверх и вниз. Но и в этом – они были похожи: он – не отставал от нее!.. Но и только если она и чуть лишь покачивалась, бросалась и в дрожь, из жара в холод и из холода же в жар, покусывая свою нижнюю губу, сдерживая куда и большие стоны, но и сохраняя, при этом же всем, свою вертикаль изо всех сил: он держался, чтобы довести дело до конца и не бросить это все в середине пути – просто-напросто вдруг остановившись, оставшись так, ну и еще ее нагнув. Да!.. Кто бы знал, что начав это, как шутку и прикол, максимум как эксперимент, он напорется на ее долю и оставшуюся же правду: на ее и свое же тлеющее желание, как и загорающееся с новой силой возбуждение. И вот, что, опять? *Как?*.. Да!.. Она может стоять, пусть и более-менее уже смиренно, пока он проводит своей левой рукой по ее плечу, предплечью и кисти. Может стоять – пока и ведет обратно вверх: до локтя и разворачивает ее руку; проходя по локтевому сгибу, чуть щекоча и снова вниз до ладони, обводя каждый палец, будто разминая и массируя, затем и по каждой линии на ладони. Может – пока он идет обратно: к подмышечной части и плечу. Но – пошатывается и достаточно сильно, рискуя и вовсе же затем осесть, а там и пасть, нагну-ться, когда он подцепляет пальцами лямку ее черного лифчика и опускает ее, оставляя легкий поцелуй под ней: на месте, где она была и еще оставила небольшой малиновый

след на коже, «впившись» в нее. И вдруг ей кажется, всего на мгновение, что он пользуется ее приемом и вводит в дело язык, но и это же всего лишь *кажется*, ровно до того момента, как он уже и полноценно проводит губами и языком меж ними: по розовым линиям на плече, ведя от лопатки до ключицы; и обратно.

– Видишь раны и-ли синяки: меж «линий»?.. Только появивше-образовавшиеся. Или же еще давние и давнишние. *Расцветающие* и сходящие!.. Переходящие в «рисунки».

Тут он уже прямо и не прикусывает, а *кусает* кожу и впирается пальцами ей в ребра, только и начав же вести рукой по ее левой стороне тела, но и не специально да и не со зла, не чтобы причинить и дополнительную же все боль, пусть и скорее, *именно* уже и физическую, он, таким образом, показывал *свою*, свою *боль*: за ее и нее. Ведь и если ее боль – стала его сразу же, как вышла *на поверхность*, то его и для нее: только сейчас. Но и она же все ничего особо не ощутила: разве легкое щипание, пусть уже и не пощипывание, но и нежное затем прикосновение к месту укуса, как и легкое поглаживание в месте сжатия. Вылетев вновь и из сознания, разума же ненадолго, она отлетела и от нервных окончаний: паря в только ей известных же высотах; что и на какой-то же момент показалось – вернись она в момент, где ей срезают-снимают кожу и дай это сделать Егору, именно в таком положении и так, в этом процессе, она бы и без препаратов справилась бы, просто вылетев из тела на волнах возбужде-

ния и желания, в *пене* эйфории и почти экстаза.

– ...Нет! – *Да*. Ведь и перед этим ей стоило бы добавить что-то вроде: «*М-мм!*». Но она и настолько сильно же уже сжала губы, а за ними и зубы, что и вот-вот грозилась сточить вторые и полностью обесточить, «кровеносно», *обескровит* первые: медленно, но верно – они начинали белеть; а там и не далеко до того, чтобы *продолжить* и *синеть*.

– Может быть, «порезы»?.. – И его пальцы цепляются за «перемычку», ткань бюстгалтера с застежкой на спине: но и не идут по первой до последней и... *победной*. Замирают и, далее, лишь легко проводят по контуру: хоть и как бы еще невзначай, случайно-совпадение-*не*-думаю, проникая под нее и касаясь кожи; но и после чего, конечно же, «выбираются» и идут дальше, минуя ткань и возвращаясь же к коже. И да!.. Было бы неплохо, *конечно*, избавиться от всего и показать ей же все, всю чистую кожу и так же все, всю ее целиком, без «барьеров» и *рамок*, вне и «граней», но и тогда же уже точно и бесповоротно – все полетит к чертям и накроется же тазом. Потому, что дай она ему только эту самую лишь «проходку в жизнь», ответив на прихоть хотя бы и одним положительным кивком или лишним, среди *не* тихих же, ведь и громким же еще стоном, он бы оставил это все, остановил-ся и на этом же всем и продолжил другое и в *не* таком же положении тел, не дел. Нужно было – притормозить и довести до конца: хотя бы и что-то же пока одно; да и пусть уже так же все – хоть как. Чтобы и затем уже – плав-

но перейти уже и к иному: не менее, а там и определено же еще *более*, приятному. Хотя и как уже, опять же, посмотреть; и кому, под каким же еще и углом-соусом, сказать. – Видишь рваные раны и-ли отсутствующую кожу? Целыми полосами и-ли кусками!..

– Нет...

– Видишь рваные и куски плоти?.. – «Новый барьер» и вторая уже деталь исподнего, нижняя часть и черного же все комплекта: кружевного нижнего белья!.. И тут уже даже правая его рука ожила, сползая на низ живота, а затем и к самой резинке на нем и под нее. Нежная и мягкая, гладкая, лишенная еще и волосяного же покрова теплая кожа: на кончиках его пальцев!.. Стесненная разве что и все еще никому уже и точно же прям здесь и сейчас ненужной тканью. Да и, чего уж там, даже ее «лоскутом»!.. Так и встречает же его еще – прямо-таки и с «распростертыми объятиями»: не только прошлого и *в ностальгии*, но и настоящего. Но и процесс же все, *путь* – куда приятнее итога; куда интересней и захватывающе – финала. А и особенно, когда он, наконец, возвращает голову на ее левое плечо и смотрит сверху вниз и на вид: который открывает ему его же рука. Ком застревает в горле – у обоих!.. И оба же замирают, ища теперь уже и подсказки друг в друге: а и именно – стоит ли и сейчас, *здесь* уже игра свеч и не прекратить ли это все; *прямо* здесь же и сейчас? Не остановиться ли на этом, продолжив то, что было и начато же все до? Ведь они и оба же еще, *все еще* это-

го хотят. Так и теперь-то же еще – точно и окончательно: до конца. Ведь и кожа же ее уже не столько и теплая, сколько чуть влажная от пота и горячая, прямо же и огнедышащая от возбуждения и желания. Еще немного – и пойдет пар!.. А за ним – и дым. И они – начнут гореть: оба. Друг за другом!.. Но и не друг *над* другом; и-ли друг *в* друге. Стоит ли? И *надо ли*?!.. Терять *такой* шанс и момент! К которому могут ведь еще затем и не вернуться. – Соф... – И вот тут-то они уже даже, наконец, и встречаются глазами в зеркале: тут же пробивая друг друга на хриплый и тяжелый выдох, больше подходящий, если уж и не на стон, то на рык. Ни у одного же в глазах – нет радужек! Все заполняют собой – черные зрачки. И да!.. Пока еще не давшие на глазные же все и яблоки. Но и явно же – близки: к этому!.. У Егора же все – так точно!

– Если мы закончим это сейчас – тогда все твои старания пойдут насмарку!.. – Решила-сь-таки и выразить же свою точку зрения, относительно все этого вопроса, София, изо всех сил стараясь не сорваться голосом и не выдать свое и себе же противоречие: *измену* тела душе, как и *предательство* душой тела. – Стоило ли и начинать тогда то, что мы теперь и оба не можем завершить, как и довести до естественного финала и стечения?.. А хотим только поскорее закончить; или вообще бросить на этом – и уйти в другое!

– А если *не* закончим, то не выйдем отсюда: до утра!.. – Абсолютно не скрываясь, в отличие же все и от нее же самой, прохрипел Егор, почти уже и доведенный же до точки

невозврата и... где уже далеко и долго, глубоко и надолго, *давно* плевать: с чего начали и к чему пришли; главное – *чем* закончили. – И это же еще хорошо, если «завтрашнего». А то ведь – и *как минимум!*.. Нескольких же дней – не хватит. Не то, что: недель!..

– Не худшая – из возможных альтернатив-перспектив, согласись!.. Чем быстрее закончим здесь – тем быстрее начнем, точнее *продолжим*: то и... «там»! – И ненадолго замерев, он так и не сводил с нее и не отводил от нее: своих уже и прямо-таки потемневших от желания глаз. После чего – сморгнул и сел на свои ноги, потянув ее за собой и усадив ее уже между своих, прижавшись вновь к ее спине своим торсом: где и левая его рука – вернулась на ее такую же ногу, а правая – полуокольцевала талию, остановившись ладонью на ее животе; прижимая саму ее *еще*, таким образом, ближе и сильнее, крепче к себе. – А мне нравилось – с зеркалом... – Перевела такой же, но уже и свой взгляд с отражающей поверхности на себя она, уже даже и не пряча сожаления в голосе: заметив, что ее нижнюю часть тела – теперь скрывает уже и его левая же нога.

– Теперь уже и я могу – «шутить» на тему: вуайеризма?.. – Хмыкнул блондин, разворачивая и тут же поворачивая ее голову за подбородок своей левой рукой на себя.

– Шути не шути... А выглядело, и там, и *там*, красиво! – Улыбнулась брюнетка, что и он даже следом за ней улыбнулся.

– Спорить – не буду!.. – Оставил на ее губах легкий поцелуй он и тут же оторвался, чтобы не давать себе и лишнего же повода: к продолжению банкета. – Но будет лучше, если мы закончим все это – проекцией и проецированием того, что ты видела там: на тебя же саму и здесь; чтобы у тебя все-таки отложилось понимание и принятие *себя*, а не *какой-то там* «тебя» и по ту же все сторону... в зеркале. Чтобы ощущения и чувства – сошлись: со зрением и *видением*. Что это все – одно и... *твое*. А не *одно* – там, другое – тут. В комплексе и... комплексе! Ты и... с тобой-*собой*. Ну а после – вернемся или вообще еще и развернемся, так сказать *будем и со всех же сторон посмотреть*, если захочешь!.. – И, оставив еще один поцелуй на ее губах, будто бы еще, тем самым, ставя и точку в своей речи, он вновь отвернул ее от себя и, зафиксировав ее голову в своих ладонях, склонил ее чуть вниз, чтобы ее взгляд упал на ее же ноги. – На чем мы остановились?... Ах, да, точно! Так... Рваные куски плоти или остатки... Волнистые и-ли ребристые по краям!.. Ты видишь их – на и *в* себе? Видишь внутренние и-ли подкожные ткани?... «Мышечные»?

– Нет...

Пройтись по бедру и коже внешней его стороны, не *сорвавшись с обрыва в пучину* не менее приятных чувств и ощущений, эмоций: *внутренней* его стороны – казалось задачей непомерной и неизмеримой тяжести, неисполнимой и невыполнимой просто; но он смог!.. Из последних сил же

натянувшись так, как не натягивают, *точно*, струны гитары и сетки же для ракеток; казалось, коснись – и его самого зашатает и закрутит так, что завяжет в морской узел, нервы были натянуты не меньше, если и не *больше*, любой щелчок по ним – граничил с тем, чтобы сорвать-ся и рвануть-ся во все части света, рвясь на части – самому и внутри, а там и снаружи же параллельно-одновременно; все же *смог!*..

– Хорошо... – Доходит до левого колена и чуть отставляет ее ногу в сторону, ближе к своей, чтобы было видно икру и стопу; пока и хозяйку же саму прогибает вправо и на правый же бок; и ведет по ним, периодически касаясь костяшками и всей ладонью. – Видишь кровь?.. Алую, артериальную и-ли капиллярную. И-ли бордовую... *и* венозную!..

– Нет.

И, оказавшись вдруг и именно в таком положении своего, как и его, их тел, глаза Софии вдруг мало-помалу начали прикрываться: так еще и от его голоса, так же все и неожиданно ставшего каким-то усыпляющим!.. И она же вдруг про и для себя осознала, что находится будто бы и в плеле, укутанная им, да еще и одеялом под ним, а сверху уже и тем, да-к еще и со всех сторон-концов: заткнутая и подкнутая. Как делал же еще это и сам же Александр, когда малышкой укладывал ее спать и *читал сказки* перед сном!.. Да. Иногда она приходила к нему в мастерскую, так и не уснув, шлепая босыми ногами по полу и все так же укрытая с головой одеялом и пледом, тогда он доставал старое, но от того же еще и

не менее же ценное темно-коричневое сетчатое деревянное кресло-качалку из своей комнаты, бросал подушки, плед, садился в них сам и следом сажал и ее к себе на колени. Полностью затем оборачивал во все ткани вместе, не оставляя ни одного открытого участка, разве лицо только лишь, для дыхания и общения, видения и наблюдения, обхватывал этот кулек и гусеницу в одном флаконе своими большими руками, что тогда, что и сейчас, прижимал к себе и рассказывал какую-нибудь незатейливую для него, но и очень интересную *историю из прошлого* для нее: и только тогда она засыпала, полностью уверенная в том, что в безопасности, уюте и комфорте. В тепле!.. И сейчас же все было – что-то подобное. Он же полностью погрузил ее – в себя: *окутал* собой. Своей нежностью... И любовью. *Теплом!*.. А там даже ведь: еще и жаром! Что, казалось, они сейчас не в комнате, а в гостиной у камина. И ее потянуло – в дремоту, да, не в сон и не полностью, но и в какую-то все же из стадий ее, направляя, как раз таки затем и в сон, хоть и пока же все совсем не глубокий. Веки ее уже – все легче и легче закрывались: все труднее и труднее, в противовес же все, открываясь. А после – и вовсе висели-повисли: где-то на половине ее глаз, как шторы. Что она только и могла – смотреть: из-под них; век да и сквозь ресницы; на все происходившее-ящее. Ее разум – вновь парил. Сердце с каждым разом – становилось: *все реже* и реже *в такты*... и ритм. Тело же – уже почти и не чувствовалось, не ощущалось совершенно. Но и только же лишь: свое. Да!..

Как и все же еще всё ощущения и чувства – было полностью подменено и за-менено: на его. Будто и она же сама – это: он. На кого она еще так облокачивалась и... *опиралась* спиной. Его касания к ней – ее к себе!.. А не упасть же окончательно и провалиться в себя – не давала только его правая рука, держащая ее все еще в вертикальном положении, и прижимающая к нему, за талию. Но и тоже ведь – не долго: спустя мгновение – последовало исчезновение опоры-его и резкий ее поворот; после которого он уже сидел перед ней и своим правым боком к зеркалу, а она уже сидела на его ногах – лицом к нему, прижатая к его телу со спины его же все и правой рукой, и смотрела в его просветлевшие, веселые и хитрые глаза, над не менее же все хитрой улыбкой: – Мелочь, ты что, спишь?..

– *Нет...* – Проморгалась она и, окольцевав его шею руками, вновь посмотрела на себя в зеркало и на... *чистую...* совершенно чистую и *целостную* кожу... левой стороны: бока, рук и ног. И, пропустив мимо ушей его кривляние, так еще и с «перековеркиванием» ее же голоса, на манер «...*Я смотрю*», тихо-тихо произнесла. – Егор. По-моему... У тебя получилось!.. – И только хотела повернуться к нему обратно, как была вновь зафиксирована и обездвижена за подбородок его левой рукой и осталась в таком положении: наблюдая теперь и в зеркало же все за тем, как его озорство сменяется «разгорающимся темным пожарищем» – не только на донцах, но и перекрывая уже даже и сами потемневшие же все

опять синие радужки и расширившиеся черные зрачки.

– «С головой»?.. Да! – И, убрав ненадолго свою левую руку с ее же все и подбородка, как и с помощью же правой, дал на миг потерять ей точку опоры и равновесия, чтобы затем ими же развести ее ноги и прижать ее к себе, заставив еще, тем самым и затем, закрепить же еще их и за своей спиной. – Осталось только лишь – разобраться: с чувствами и ощущениями. *С твоей душой* и... Таким же: сердцем! – После чего и в левую же часть ее груди, ближе пока и к плечу, хоть и все же уже под ключицей, пришелся его поцелуй. – Ты чувствуешь: страх и-ли тревогу? – И проследовал дорожкой их – над левой же чашечкой с кружевом лифчика: по всей ее линии и краю. – Чувствуешь: беспокойство и-ли отчаяние?.. Может быть, ужас? – До ямки, впадины, между обеими чашечками и тут же прикусил это место, сразу же заслышав тихий стон: больше похожий уже и на *шипение*. – Стыд и-ли досаду?.. Неуверенность? Разочарование и-ли обиду?..

– Нет... – И тут же уже и сама окончательно выходит из «транса», осознавая: к *чему* же теперь и все это же – ведется и идет. Как и начинает понемногу соотносить свои ощущения и чувства, эмоции до, *тогда*, с ощущениями и чувствами, эмоциями после, *сейчас* – и не находит знака равно: не находит сходств; как и в случае же все: с Егором и Артемом. И вдруг, прямо-таки и оторвавшись же от земли, от своих прежних и понятий, приземляется в другое, *видит* другое и... *иное*. Видит... *себя!*.. Ту, которой, какой и должна

быть: целостной и полной, на-полненной и объемной. *Правильной!*.. И *чистой*.

– Ты чувствуешь: боль и-ли отторжение?.. – Продолжал, меж тем, блондин: проводя уже и все те же махинации, но и уже с правой грудью и соответствующей же чашечкой лифчика; выходя затем и за ее предел, к ляжке, которую тут же еще и опустил, симметрично же все и левой. – Чувствуешь: отвращение и-ли горечь; к себе и своему телу?.. – Руки же его, тем временем, спустились с талии и опустились уже на ягодицы, сжимая их и оглаживая. – Ощущаешь: уязвленность и-ли неприязнь? Презрение и-ли омерзение?.. Может быть, отверженность? Беспомощность и-ли безнадежность?.. Подавленность?

– Нет... – И будто бы еще и в подтверждение своих слов: закрепляет свой же и ответ отрицательным качанием головы; из стороны в сторону.

Он же, в это самое время, проходит поцелуями по ключицам, прикусывает ямку между ними и поднимает свои руки по ее спине, чтобы одной... *левой* забраться-таки уже под застёжку, а *другой*-правой – надавить на ее шею и опустить ее уже и саму к нему, своим-его губам. После чего и сразу же – следует влажный и глубокий поцелуй: с его гортанным рыком и ее громким, громче, чем и все же прежде, предыдущие, стоном.

– А что же *ты* тогда чувствуешь?..

И его же вопрос вновь попадает – точно в цель: а точнее

уже и в ее правое ухо; мочку которого он сначала зажимает между губ, а после и зубов и чуть тянет на себя, правой же все и рукой забираясь в копну ее темных волос и оттягивая их, как делала же еще и она чуть ранее с ним, правда, и в этот уже раз – без сережки, но и, как ни крути, а и с его же уже стороны – с большим кайфом: ведь, и в отличие же все от нее с ним, *он* как раз таки здесь и сейчас уже и мог намотать ее длину на свою же кисть и сжать ее в кулаке, срывая затем и с ее же все пересохших уст уже и полноценное шипение, почти что даже уже и с рычанием. Пока и свободной же все левой – расстегнул застежку, но и окончательно избавляться от ткани пока не спешил: выжидал!..

– Злость!.. М-мм... – И прерывает сама же себя, сбиваясь; у нее просто пока не получается одновременно глубоко дышать, да и вообще, чего уж там, *дышать*, не задыхаясь и формулировать мысли; поэтому она делает паузу и старается перестроиться, начав перебиваться быстрыми и легкими вдохами-выдохами, отдав предпочтение вновь и второму: вдумчивому разъяснению и ответу. – Ярость и... Гнев! Ненависть... И даже бешенство. Негодование!.. А из перечисленных тобою... до. *Отторжение?*.. Да. Отторжение. Отвращение и неприязнь. Презрение и омерзение... Но и не к себе: в этот раз.

– Надеюсь, что и не *ко мне!*.. – Усмехается Егор, оставив уже в покое ее ухо, но и продолжая же все дорожку влажных поцелуев: спускаясь ею от него, по шее и... вниз.

– *Надейся!*.. – Предостерегла его София и тут же ойкнула, так еще и сразу же болезненно замычав: от прямо-таки и смачного укуса-засоса на шее. – Да нет! И *не* к тебе... И *не к нашим*. Но и к тем, кто сделал *это*... со мной. И с *нами*... «Всеми»!

– И мы это – обязательно реализуем!.. – Оторвался на миг от ее тела блондин, заставляя посмотреть на себя вновь, глаза в глаза, и тут же освобождая ее руки от повисшей на них, в локтевых сгибах, ткани; после чего же еще – и отбрасывая ее куда подальше: куда-то... к *своей* рубашке. – *Каждое* твое чувство и... ощущение. Эмоцию!.. Определим их – *по адресу*. Уже: и в самое ближайшее же время!.. Могу – *обещать*: точно.

– *Спасибо* тебе!.. – Прильнула она к нему, царапая ноготками его светлый загривок и без того уже красную кожу шеи. – *С тобой* – я чувствую: покой. Блаженство и... Умиротворение. Какую-то!.. И беззаботность же еще, что ли. И *такое* облегчение!.. А и главное: нежность и... *любовь*. С удовольствием... И удовлетворением!

– С «последним»: я бы все же и пока еще *поспорил!*.. – Прищурился он, но не злобно и обидчиво, скорее и вновь же все хитро-играючи.

– «Прямолинейный»... Как всегда!.. – Выпятила свою нижнюю губу девушка, тут же получая и в нее поцелуй, но и не обделяя затем вниманием и верхнюю. Пока и ее же все руки-не-для-скуки – окончательно перешли на его шею, рас-

крытыми ладонями касаясь спины. А его – пробрались от ее лопаток к открытым участкам, прижатой к нему, ее же груди: поглаживая ее и тут же сжимая. – Но и спорить: так *спорить!*..

– «Эксперимент» считаю – благополучно завершённым!.. – Тихо проговорил он в ее губы, не отрывая своих *темных* глаз от «таких» же ее и замирая затем своей правой рукой на ее правой же груди; пока и левой же – еще спускаясь к последней части нижнего белья, оттягивая резинку и проникая пальцами под нее. – Но и для полного обзора, как и полноты же все картины, предлагаю проверить и допроверить: во всех оставшихся местах и... *в самых дальних и долгих, темных и... глубоких уголках*, м? – И ослабился, удовлетворенно промычав и почти что и впрямь промурчав: от ощущения жара и... влажности внизу. – Кое-какая *ткань* – все же мешает оценить: «весь масштаб трагедии»!..

И снова повалил ее, как и себя же вместе с ней затем, на кровать, избавляясь уже от своих джинсов и, параллельно-одновременно, даря страстные и куда более откровенные, влажные поцелуи ей: уже и на всем пространстве, как и *просторе* верхней части ее тела; но и не забывая – пробравшись же уже таки и к *нижней*; избавиться затем же еще и от *нее!*

Глава 27

– А я теперь – что-то вроде «сигареты», да? «Второстепенная»... После *основной* части! – Усмехнулась Тен, полусидя-полулежа представ перед Софией в кладовой, выполненной в темно-серых тонах; от ламината до обоев под черным потолком с одной единственной лампочкой едко-желтого цвета, висевшей на черном же длинном проводе в самой его середине; среди какой-то еще кучи, но и явно же уже *ненужного* хлама: вроде коричневых пустых коробок и разномастно-цветных средств, «на доньшке» или «наполовину-полно-пустых» для лишь только поддержания чистоты и полноценной уборки квартиры, стоящих друг на друге по углам, а где-то и на длинных узких полках из темного же дерева; пока и оставшуюся же ее часть занимал белый, пусть и небольшой, но и длинный и при том же еще достаточно широкий холодильник, не заставленный ничем. Но и насколько знала уже сама брюнетка – ребята не брезговали услугами клининга и этот *инвентарь* был ни к селу ни к городу, но и для чего-то же все-таки присутствовал здесь, может, остался от прошлых жильцов или таких же уборщиков, что-то и где-то, так или иначе, а забывавших на квадратных метрах сего помещения и оставивших затем вовсе, соответственно, ну а сами же уже ребята просто складировали все это здесь, не

имея ни малейшего желания тратить на это свое время, чтобы выносить-вывозить; не мешалось под ногами и ладно; не для *Анны* же и за-, припасалось, в самом деле, как и не для *Влада*, что то, что так и не смог растворить в кислоте, прикапывал на заднем дворе, перед этим же еще и сдобрив-засыпав хлоркой. – Присаживайся!.. – Указала она спокойно на участок пола перед собой, махнув правой рукой. – В ногах – правды нет. А *с тобой* и сейчас, после *того*: и «вдвойне». Но, пожалуйста, используй дверной проем: в качестве зеркальной рамы!.. А я уж, так и быть, побуду *отражающей поверхностью*; и тем самым «зеркалом». Все – для тебя и... Прин-цес-са!.. Какой день-то кряду, м, начальник? Аль и сам-а уж не в курсе?.. Когда и последний раз-то выходила, *сама*, да и хотя бы уж за пределы его комнаты? Коль уж и не дальше. Или только *входил*... а? И *он*!.. – И изогнула свою левую темную бровь, рассмеявшись, подразумевая не только то, что должно было быть и значиться: в этой самой фразе. – Пару или, может, уже и *несколько* дней назад?..

Прогнувшись в спине и пояснице, София вновь заерзала под Егором, приятно, для них обоих, потеревшись своей обнаженной промежностью о его не менее обнаженный пах и не сдержанно ахнула, простонав уже даже и в унисон с ним: чувствуя себя, в очередной раз, поверженной крепостью и тут же кораблем, взятым на abordаж, в который же раз за сутки; уже точно не один, как и не *одни*; да и тем же еще,

под флагом которого, его же все и вещами, она после всего «пойдет» и *будет* ходить. Что ж, она знала это, как и к кому, с чем и... к *этому* же и шла: с радостью и счастьем, любовью; «сдаваясь» под натиском его и в его же плен, отдаваясь безропотно и самозабвенно. Предоставляя не только свою и им любимую же зону для ласк, как холст под краски; но и поле, всю остальную и оставшуюся же территорию – для воображения и фантазии: в оставлении своих-его влажных и горячих следов. *Темных меток!*.. Но и стараясь, при этом же все, не отставать в дарении удовольствия: не только себе, но и ему; быть *взаимной* – во всем. И потому, как она буквально же и снова потянулась к нему, он совсем не удивился этому, как и посылу: в отдаче *всей* себя ему; а лишь хитро усмехнулся, *такой* подаче и прямо же все *толчку* к действию, дабы не по и прочувствовать, а и ощутить же его рот: губы и язык, зубы; как и руки с пальцами; на себе, груди, ореолах и горошинах их. Так ведь еще и подталкивала его самого и его же голову к себе, как и себя к нему: и он опять с удовольствием поддавался, «подчинялся», жадно вбирая ее правый сосок к себе в рот, мягко сжимая левую грудь своей правой рукой. Но и не без установления какого-никакого, а и все-таки же главенства и авторитетности: в данном положении вещей и тел!.. Тут же почти все и кусая ее, как бы еще и намекая-не-намекая, при всем этом, да и чего уж там: прямым текстом говоря – *кто* тут «сверху». И она повторно ахнула, впиваясь ногтями в его мощные и широкие, твердые плечи: пока и он

же, уже и в свою очередь, со стоном малой боли переключился, не обделяя, и атаковал ее левый сосок; не оставляя, так же все и без себя, как и своего же внимания, правый, что и только что почти и так побывал у него во рту, зажав его между указательным и средним пальцами левой руки. София же, тем временем, так и продолжала, так и стонала в унисон с ним: все громче и громче, все сильнее и сильнее, все ближе и ближе... ластясь и проникаясь к нему, вжимаясь и почти уже даже впитываясь в него. Что и Егору же уже даже *не* казалось, что от таких резких и прямо-таки уже даже и *втирающихся* движений бедер обоих: он кончит – так и не сойдя с места; не перейдя и к чему-то большему. А этот участок ее тела, так, к слову, он уже настолько опробовал и перепробовал, облюбовал, что и даже уже не столько «заюзал» и устал, от однотипности и одноформатности, сколько хотел еще чего-то, помимо: для смены ракурса и угла!.. Поэтому, и как только же прекратил эту сладкую, уже прямо и до приторности, для них же все и обоих, муку-пытку, оставив ее набухшие и твердые соски в покое, тут же, не давая и опомниться, подхватил ее под ягодицы и поднял чуть вверх, изъяв еще параллельно-одновременно и из-под себя, благо белый шелк позволил проскользнуть без лишних вопросов и сил, почти еще даже и в незаметном, незамеченном и неизменном пируэте, как и без какой-то особой, какой-либо смены локации и вида, упирая ее и головой, макушкой, почти и в самое же изголовье, бортик кровати: до этого, и вполне же себе даже

неплохо, обходясь и серединой кровати; на двоих. *До* этого, да!.. Ведь, и сейчас же, вот, прямо-таки и *захотелось*: иного и другого, разнообразия. И, успев повернуть это до того, как она же все и сама смогла бы вновь обвить ноги вокруг его талии и потащить, протаскив, за собой, приподняв в один ритм и движение, в одно и положение, он сжал ее бедра руками и быстро очутился между ее ног, тихо промолвив да и как-то даже промурчав, как кот, что и пока лишь только не объелся сметаны, но и, как минимум, уже ее нашел и до нее же все дорвался: – Наконец-то, *это* произойдет – в реальности и с *минимальным* участием рук!.. – И, подмигнув ее непонимаю в глазах, как и какому-то даже еще страху, ведь и почти уже смешанному с шоком от и в предвкушении нового опыта, нырнул вниз, исчезая своей головой ровно промеж бедер девушки. Что уже и она только лишь и успела ощутить – легкое дуновение ветра, в смеси с ее же *озоном* и его *морским* бризом, а затем: как его губы прошлись по внутренней стороне ее левого бедра, прикусив зубами в месте наибольшей нежности и мягкости, почти что даже и прозрачности и так, и без того белесо-просвечиваемого тонкого кожного покрова; и изогнулась, выгибаясь дугой, и громко простонала: не в силах уже просто лежать на месте, как и не находя покоя в и рукам, разве смятая простынь ими, по обе же стороны от себя. Ну а когда его теплый и мягкий язык, на контрасте с холодом и твердостью зубов, повторил все то же самое с ее уже и правым бедром: вновь подорвалась с налегенного

места; только лишь и ощутив, как кончик его же коснулся, а затем и полноценно прошелся вдоль ее, если еще и не горяще-горячей внешне, то и точно же уже полыхающей из- и внутри промежности. И тут-то она прямо-таки уже и поняла-приняла, записав и зафиксировав же все окончательно и для себя: что уж и в чем, в чем, а в оральных ласках – ему не было равных. Как и *предела!*.. Как и не было же еще: ни в чем. И пусть тут уже, с ней: все – еще же и как-то по-другому, иначе и по-особенному. Опять же все, учитывая: сколько партнерш было у него; и сколько партнеров и *не* было у нее; за всю жизнь. И сколько кому и в каких моментах: позволяли и до-, позволялось!.. Но и она уже не стеснялась своей неуверенности и зажатости, необученности в этом: открываясь и раскрываясь, раскрепощаясь – с ним и для него с новой стороны; как и для себя. Ну а то еще, с какой любовью и страстью, желанием он это делал – доводило ее: не только до экстаза, как физического, так и морального, но и наталкивало на мысли о взаимности и... в этом тоже; и его, как и ее увлеченности и заинтересованности в процессе и самим же все процессом, как таковым.

– Егор... – Всхлипнула брюнетка, когда руки его закинули ее ноги на его собственные же плечи и скрестили их за спиной: в желании, как уже даже и уgomонить ее терзания и неугомонность, так и оказаться, быть же еще максимально близко и не отстраняться в принципе; припадая к ее лону с таким рвением, словно, как и она же все ранее испаряя его

влагу с себя, испытывая явный недостаток, жажду и обезвоживание – и только она могло ее утолить, ему помочь и его же спасти. Пока и кончик его же языка все дразнил ее вход, то и дело проходясь вдоль сочащихся влагой лепестков ее бутона, но и пока что не проникая внутрь и вглубь, не прорываясь и не внедряясь: ему хватало и того, что он пил и испивал из нее, из *них* обоих; до последней капли влаги, которой и края-то не было!.. И он все пил и пил, слизывая и тут же всасывая ее сок, не в силах насытиться, оторваться и даже уже и сам уgomониться. Ну а она, даже уже и в таком положении, вжатой в кровать и тут же в него, не лежала на месте: будучи таки и свободной – верхней частью своего тела; но и уже не растрчивая себя на смятие постельного белья, не только руками, но и своим телом, а поддавалась навстречу. Набравшись уже даже и наглости и, утопив свои ладони в его светлой шевелюре, прижималась сама и прижимала его: в тех местах и точках, где ей было больше всего приятно, а после еще и заскулила, когда его язык добрался до ее клитора, нажав на него, а затем и увел к зубам, где и те уже прикусили его, вроде бы и одобряя, но и в то же время негодуя; от ее же самоуправства и пусть и *такого*, но и контроля над собой. – О, боже... *дьявол*, меня *спаси*... подери!..

Говорить, как и реагировать как-то связно – у нее совершенно не получалось и, в конце концов, она даже и перестала пытаться, как и держать его: вернув все на круги своя, как и руки же свои – по местам и «швам»; а еще метаться,

пусть еще и более-менее, и все же, встроившись в его ритм. Ну а все же остальное, что, так или иначе, а и слетало с ее губ, были стоны и его имя: с невероятной, как уже и для него же самого, сексуальной хрипотцой; которую как он, так и она – открыли впервые для себя, как и не столько уже даже «мужскую черту», с утра пораньше, да и вроде «утробности» и глухости, после того же секса или сна. Его же – это еще и больше подстегивало: в желании слушать и слышать – на всем протяжении *внедрения* же в нее; проникая до самых дальних и долгих, глубоких и темных уголков, самого упора, которого, казалось, просто не было; ни у него, ни у нее.

– Черт... побери. Малыш, ты нужна мне!.. – Выпалил он, вдруг отстранившись и облизав губы: смотря в ее туманные и будто запотевшие темно-карие глаза. – Слышишь?..

Пока ее накрывали – *соль* за солью, волна за *волной*: а сам мир, вокруг и внутри, тонул в ярких и прямо насыщенных красках, тут же почти выплывая и высветляясь до... сухоты и *белоты*; а затем – разрываясь и, разметавшись, собирался вновь, но и только же для того, чтобы разбиться на миллиарды частиц, рассеявшись вокруг и осесть на ее веках, утяжелив их, словно песком и заставив, одновременно, быстро моргать, чтобы избавиться от его песчинок, попавших еще и на глазные яблоки и, параллельно же еще, *медленно*, не в силах приподнять их чуть выше середины глаза, смотря из-под полуопущенных век и сквозь ресницы. И все, на что ее по итогу всего этого, хватило: это на положительный кивок

и ответное касание губ, когда он вновь навис над ней; словно бы еще даря новые силы – через дыхание, изо рта в рот, а не микроб, и глаза в глазах, деля уже и их энергию, подпитав ее и изначально же все своей, на двоих, открывая и второе, третье дыхание буквально. Что уже даже и она сама приподнялась на локтях и, толкнув, настойчиво уложила уже и его самого на спину, перевернув!.. И теперь, нависнув уже сама над ним, сев в его ногах и тут же на них, и плавно опускаясь на его пах, тут же поменялась в своем желании, под его же все и прямо-таки ожидающим темно-синим взглядом, и села у него, касаясь кожа к коже, животом – головки члена; и пальцами уже и своей правой руки – проходясь, будто и той же самой бабочкой же все порхая, но уже и она, и с цветка же... на цветок: на деле – с места на место и... с венки на венку, вдоль всей длины *его*, вынудив затем уже и его хозяина издать даже и прямо-таки нетерпеливый стон. Ну а после того, как уже и уложил даже свои руки на ее ягодицы – был готов же и сам посадить ее на себя, если она и сама этого в кратчайшие сроки не сделает!.. Но вот и только лишь София-то как раз не этого-то и добивалась. Собственно, как и не к этому стремилась-шла!.. Решив же все, как и сам же Егор чуть ранее, испытать нечто новое, и хоть все еще и пугающее, как и любое же «новое», но и тут же ведь интересующее и завораживающее: куда больше. И все бы было хорошо, если бы не подхватив ее взгляд, равно как и неуголенное-угомонное желание в открытии всего нового, прямо здесь

и сейчас, он предостерегающе и отрицательно не покачал бы головой: как бы, и опять же все, *не* намекая, а и наталкивая же буквально на то, что *минет* сейчас – будет явно и *очень* лишним; ибо еще немного и он действительно, если и не взорвется, то кончит и так же раньше ее же самой – от тех же все и нереализованных желаний, пусть и как минимум же одного, но и *пока*.

– Пожалуйста, малышка!.. Не будь такой вредной и непослушной. Не томи!.. – Прямо-таки уже даже и взмолился ей он. А она же – лишь только хитрее улыбнулась и встала с его колен, будто бы уже даже и поддаваясь на его мольбы и уговоры и вот-вот даже уже и готовая сесть на предложенное и уступленное место, оседлав его, опять же, по его уже не просьбе, а и буквально требованию, но и тут же поспешила вернуться на свое место, ранее так же, как и он ей недавно, просто подмигнув. – *И что же ты собираешься?..* – Приподнялся на локтях в «непонятках» и с *удивлением* он, когда она села на него прямо и положила свои руки на его плечи, сжав его же ноги своими: по обе стороны от его.

– Не ты один мнил: *сказку* сделать «былью»!.. Меньше слов, больше дела, м, как считаешь?.. – Прошептала она ему в губы и надавила на его же плечи, чтобы он полностью упал спиной на кровать и расположил свои руки на ее талии: и да, пусть и с недовольным, но и смиренным выражением лица; принимая таки поражение вслед за ней – решив в этот раз сыграть по ее правилам. – *И тела!..* – И начала целовать его

за левым ухом, после – и его же самого, спускаясь затем по шее, дозируя губы и язык, зубы и губы, прикусывая и по-сасывая, а где-то и зализывая особо явный и *отъявленный* след. – *Закрой глаза... и расслабься...* – Вновь прошептала она, вернувшись к его губам и скользя своими руками по его груди и прессу, когда уже даже и его руки ослабли, как и он сам, и, с тяжелым и грузным выдохом, упали на кровать, предоставляя больше действий и пространства для них же ей дальше, лишь только и надеясь уже: не на дольше и глубже.

Когда и она же уже, выпрямившись, нежно провела ладошками по его рукам и груди, прессу: собирая и выводя оставшееся напряжение из него внутри – наружу. После чего, закусив нижнюю губу, вновь приблизилась к тому месту, где остановилась своими губами, на стыке шеи и плеча, и продолжила дальше целовать его тело, медленно переходя на ключицы и грудь, и начиная уже даже покусывать и по-сасывать, полизывать и зацеловывать, сцеловывать участки его кожи здесь: так и слыша его тяжелое дыхание, как и глубокие грудные стоны с низкой хрипотцой, отдающейся еще и вибрацией внутри ее самой. И, пока ее же губы все спускались на его же пресс, ее же руки, словно бы и живя своей жизнью, так еще и отдельно от всего ее тела, как и головы, ловко спустились вниз: в желании поскорее получить то, чего хотели они и хотело, вместе с ними же уже, и все тело... *с головой*. И, таки уже даже и проведя кончиком языка по еле заметной светлой полоске-дорожке от его пупка и вниз,

прошла по ней еще раз, только уже и «против шерсти», и посмотрела на него, улыбнувшись шире: ведь и он уже лежал с закрытыми глазами и просто наслаждался, расслабившись и отпустив всех и все, вся, как она ему чуть ранее и сказала; просто решив проверить, а сработает ли и на нем, ведь и на нее – это мало как, как и когда, действовало, срабатывало; *сработало*. Ну а приспустив свои поцелуи от пупка же вновь и вниз, ей почти и сразу же представился вид на находящийся в полной готовности, как до этого, так и сейчас же все, но и без его нетерпения и отрицания, как и желания скорейшего завершения, его же член: и на что уже и ей пришлось прямо-таки и в самом же уже деле осторожно поерзать у него, как и на его же ногах, опять закусив свою нижнюю губу. И, не торопясь переходить к главному, как и решив же еще подготовить себя к этому-нему, по большей части морально, чтобы нигде не напортачить и перенести все дотошно, тютелька в тютельку, из сна, не испугавшись и не сорвавшись в процессе, девушка вновь провела пальцами своей правой руки по всей длине достоинства парня, на что уже и он, в ответ ей и на ее же все действие, гортанно простонал, и, получив, таким образом, чуть ли и не самый-пресамый зеленый из имеющих же и самых, самых-самых зеленых свет, она уже и полностью обхватила его член своей ладонью и стала аккуратно и не спеша скользить ею вверх-вниз, при этом же еще и приближаясь своим ртом к его головке. *Не спеша*, да!.. Но и лишний же раз все же – не растягивая удовольствие, которое

в любой момент было готово, могло быть оборвано самим и лично же им, Егором: за излишнее уже даже и с перебором промедление, как и испытание его нервов на прочность. И затем уже, так же все, начала скользить губами по нему и слышать стоны его же хозяина, которые только подбадривали-подзадоривали ее: делать движения смелее и острее. Да!.. Теперь это была уже не просто бабочка-пчела, в виде еще и какого-то даже их симбиоза, из того и другого, «порхая и жаля», нечто и среднего, а пчела, *полноценная* пчела, не заменяющаяся ни на что, как и кого, и «бьющая»: только по нужным и приятным ей, как и ему, точкам; вызывая все его «слабые места», учась и зарабатывая опыт, буквально же все и не отходя от кассы, хоть и *постели*. И, усмехнувшись еще и такой игре слов, начала еще и облизывать его языком, но еще и не беря его в рот до конца.

– Черт... – Вновь простонал блондин и брюнетка тут же посмотрела на него, видя, как он закидывает свою светлую голову назад и выгибается, будто бы еще и ей же все навстречу, вместе с шеей: тем самым и открывая ее полностью, так и приоткрывая же затем уже и свой рот с сухими и растрескавшимися губами, безуспешно пытаясь смочить их таким же уже и сухим языком; от пересохшего в горле и самого же горла дыхания. И, отвлекшись на *такую* «картину маслом», удовольствия, принесенного и доставленного практически и ей же самой и ему, София и забылась, потерявшись в пространстве, собираясь до этого все-таки и пропустить

же уже его «одно из» достоинство в свой рот. Но, и вернувшись к этому, с его же уже даже и нетерпеливого скрежета зубами и почти полноценного рыка, она широко улыбнулась и вновь наклонилась к возбуждающей и возбужденной до нельзя плоти Егора, продолжив в том месте: на чем и остановилась. – С... София!.. – Прохрипел ее имя он и чуть выгнулся, содрогаясь всем телом, когда почти и сам же уже даже проник в ее рот членом, хотя это и она его впустила, «открыв двери», чуть ли и не позволив-дозволив это сделать, но и это же была *лирика*, «музыка» для ее ушей: как и скрип, почти треск ткани постельного белья под его телом и в его же кулаках. И она начала свои движения, вверх-вниз, по нему: но уже и не руками, а ртом и губами, поймав себя на мысли, что не чувствует и не ощущает отвращения, как и рвотного позыва-рефлекса; с первой попытки, буквально, отобразив и переняв, проявив все свои ощущения из сна в жизнь. И, не без гордости за себя, но и стараясь же и всеми силами ее подскрыть, чтобы ничего не испортить, вдруг и *возгордившись*, так еще и не выдать себя никак, не превратив, под конец, блин в ком, попыталась как можно безпалевнее убрать эту самодовольную и широкую улыбку с лица, отобразившуюся уже и в глазах, она была уверена в этом, широта жеста одних никогда не оставалась без внимания других, чтобы продолжить доставлять ему удовольствие и делать приятнее ему же: с каждым разом принимая в себя все глубже и дальше, дольше; уже и в хорошем смысле этого слова. Ведь и теперь уже

даже изворачиваясь и исхитряясь, как могла, она делала все то, что умела... по заветам сна и, как ни странно, именно то, что он и любил: попадая в сотню из ста и вновь с первого же раза: целуя, посасывая и тут же полизывая, создавая вибрацию, обсасывая, проводя языком по всей его длине, вводя в действие, попеременно, плотно сомкнутые, как и *не* плотно сомкнутые губы; а с ними – и зубы. И вот уже и он просто не мог как-то, хоть и *как-то*, куда уж и адекватно говорить, как и реагировать, срываясь на хрипы, стоны или ее имя, как и в смесь же всего и сразу, порой же еще и не договаривая: а к концу – и вовсе замолчал, мыча что-то неразборчивое и *нечленораздельное*, как и не отделимое. И, почувствовав таки его предел, как и ту самую точку отсчета, как поняла уже сама, что была *на секунды*, она не ускорила свой темп, продолжив делать все так же, но и почти, ведь и при этом все же, уже и полноценно, подключив *зубы*: покусывая и даже кусая, «жаля», лишь только уже и изредка зализывая и обсасывая. Тут-то среди мычания и прорезались – вновь и его же хриплые стоны: так и которые же уже прямо-таки и не сдерживались, рвясь сами по себе; от своего уже желания и не будучи остановлены, как и пристыжены, ничем и никем; и она поняла, что он пусть и не совсем пока еще, но и отключился от контроля: своего и за себя. Правда, ненадолго!.. Ведь и затем почти тут же включился, вот только в ее и *за* нее, запустив в ее темные волосы обе свои руку и попытавшись синхронизировать, проконтролировать ее, как и она же все ранее его,

но и она же теперь, уже и *назло*, как еще горе ему и счастье вновь себе, не поддавалась, поимев уже наглости окончательно: как главенствующая и та, что и в этот раз же уже – сама сверху, делая все по-своему, но и тут же – так же, как *и* он еще любил. И через пару движений того же темпа и ритма, по количеству, но и не того же по качеству, начала чувствовать пульсацию и резкую дрожь, почти судорогу, затем солоноватый привкус у себя во рту и замедлилась почти окончательно, не спеша и «подозно» проглатывая вытекающую и истекающую из него белесую жидкость. После чего уже, так же медленно отпустив головку члена и в последний раз лизнув ее, София выпрямилась и прямо смотря в темные, уже даже и не темно-синие, хоть и еще не черные его глаза, не без гордости и торжества за себя облизнула свои губы, ловя точно такое же торжество и гордость, но от него и за себя, не без доли шока и удивления; *самозванца*, конечно, но и куда уж без него и них, как и баланса, с равновесием и гармонией; где и на другой уже чаще весов – приятных и удовлетворенных; как и все его расслабленное и умиротворенное тело. А что уж говорить и о *душе!*.. Но и уже на которые она не спеша и сама приземлилась, опершись на его грудную клетку головой, подложив под подбородок кисти рук. – Я когда-нибудь перестану удивляться тебе? – Прохрипел, не до конца все же восстановив дыхание, он: и все еще продолжая делать это, находясь только в самом начале и процессе самого действия. – *Тебе!*.. Твоим умениям и... быстро-схватываемости.

Буквально: в процессе и... на лету!..

– Возможно... – Улыбнулась девушка, не отрицая этого, но и не соглашаясь. Не «подтверждая»!.. Как в принципе. Так и сразу. Не зная пока еще и сама, точно и наверняка: как думал он; но и как не думала и не считала уже сама же за себя и она. – Когда это перестану делать – сама же я!.. А и точнее... – И, изъев из-под головы правую свою же кисть, вывела на его груди кончиком ногтя указательного пальца одно только слово: повторив его затем и *для* него, но и чуть ниже своего и зеркально, *отражая* в перевернутом, для него и его же глаз удобства прочтения, виде. – *Никогда!*..

– Тен!.. Прошу... – Села напротив нее София, подогнув под себя ноги и натянув белую рубашку Егора, наброшенную на почти голое тело, лишь с одной, нижней частью и нижнего же все черного кружевного белья, на голые колени и даже оттянув ее затем чуть ниже, на часть и голеней таких же ног: как могла и позволяла же еще сама ткань – до момента как треснет; где по швам, а где и нет. – Да, я: виновата!.. Не должна была использовать свои, *наши*, мысли; и только в своих целях, от себя, как и интересах. Но и ты – не была «на практике», давай честно!.. Ты же всегда, *тогда*, была – в *теории*: строках и между них, в небольших зарисовках и... паре *вообще* строк. Паре и четверостиший. И было бы странно – указывать тебя хоть и как-то, не имея на виду и... *-яву!*.. А что уж говорить и за то, что ты и сама же еще виде-

ла: как я и не имела же вообще понятия, как пользоваться... – и осеклась, прикусив нижнюю губу, в действительности же уже *не имея понятия*: может ли она таки и с *таким* же еще подходить к ней; и решила спросить, а точнее и «попросить» перед этим, – ...если позволишь применить «такой глагол» и к тебе, как *пользоваться* «тобой». Как... *применять* тебя!.. Как освобождать и... *делить* «нас»; да еще и так, чтобы выходило то: что и вышло же сейчас. Чтобы вышла: ты!.. И *осталась*, вместе с тем еще, я. Чтобы нас было... *двое*! Если бы я знала обо всей «силе слова» раньше, как и на что оно способно, что способно не только *жечь сердца людей глаголом*, но и *делать* этих самых людей... – и девушка напротив сморщилась, – ...не придирайся!.. Мы – *люди*. Если уж на то пошло и тебе так не по чести слово: «человек». Каждый раз говорить: ангел или демон? Ну, такое, знаешь ли... – теперь скривилась уже и сама София, – ...могу: *народ*! Но ведь ты, как и в том, так и в этом же все случае: скрючишься.

– Если я и виню тебя за что-то... – фыркнула брюнетка, вылезая из своего укромного уголка, и *угла* же еще в принципе, на свет; и пододвигаясь ближе к дверному проему, – ...так это не за «наши мысли», выставленные *тобой* и *только тобой*... – и закатила глаза, – ...и да, твоя *претензия* имеет место быть, спорить бессмысленно, бесполезно!.. Вот, *ты*... – указала она двумя ладонями на нее, – ...и, вот, *я*... – указала затем и на себя, – ...*наконец-таки*! Но... И с этим же – я уже свыклась; и даже «сжилась». Я виню тебя за то, что: ты

отдала *это все* – Никите! «Никите», *София!*.. – Сделала акцент она и щелкнула пальцами правой руки, будто еще, таким образом, и пробуждая ее и себя: посреди и так бессонной ночи. – Тебе не кажется, что было бы логичней: мне же, чем ему, это отдать? Как еще и от вида к... *виду!* Или тому же *Жене*, на крайняк! Почему *ангел* разбрасывается сим, боясь за «свое я» и показ его перед и лицам же Совета, но не боится меня и *себя*: в «моем» же лице?.. Я, так-то, тоже – как могла, так и могу быть: все тем же Никитой; и дать этой... всей... *писанине* ход! В публикациях и... *Издание!*..

– Если бы я тебя освободила до того, как... до *всего этого*... я бы ни в жизнь не дала, да и не *показала* бы это, кому бы то ни было... – грустно и как-то моляще, выпрашивающе и прощения, устала на нее София. – Но: *так* вышло!.. Да. Что ты была, и до сих пор же все, *воображаемым* другом. А он... «Реальным»! Как и... Карина. Мне просто нужно было с кем-то – делиться этим. *С кем-то*... И «обсуждать» это! Пусть: и *не* все. Но *не все*: и тащить на себе. И да!.. Какую-то часть – я могла перенести и «пронести» сама. Но и *какую-то*... Был бы «перебор»!.. Я бы – сломалась! Мне *нужен* был: кто-то... *Вне* меня! «Третья сторона», понимаешь?.. Ты же, все-таки, хоть и имела право голоса и сам же еще, какой-никакой, а «голос», но и не была до конца *отдельно* от меня: до конца *своя* и... собственная, со своей и точкой же зрения; вне же моей и... меня. Так или иначе, а все же взаимодействуя – с моей и... меняясь под нее, под-

страиваясь и...

– И... К чему – это привело? – Развела руками Тен, нескромно намекая на себя же и приподнятой же все своей левой темной бровью, поприжав правую. – Я – тут. *Перед* тобой... «Запертая»! Что *в* тебе. Что *вне* тебя... Один фиг!.. Раз-ни-ца. Куда ни плюнь – ты. Куда ни попади – *ты* же!.. И заменить бы – тебя... – осклабилась та, прищурившись, – ...*подсидев*! Да меня ж – сразу раскроют: не по глазам и поведению, так по этой самой *метке*. Де-мон!.. – Показала свою левую руку она. – *Спасибо*, «прошаренная», удружила!..

– Но *тебе* она подходила – больше, как ни посмотри!.. – Не уступала ей, как и ее же все правде, София. – *Подходит*: и сейчас. Со мной же – она всегда: контрастировала. А с *тобой*!.. Будто ты с ней: и родилась. Ты с ней – сложилась! Вы: как одно. Одно *целое*! К тому же: тебе всегда претил мой *ангельский* образ жизни. Как и сожительство... с *людьми*.

– Да *ты* и сама же: «человек»! Не видишь, что ли?!.. – Фыркнула Анна, обведя ее не только своим темным взглядом, но и правой рукой: по контуру *ее* же все фигуры в воздухе; и будто бы еще, таким образом, прорезая и в *ее* же озоне своей горькой правдой, но и на деле – лишь черным перцем, *горчащим*, да, но и не более. – С кем *поведешься*!.. Нет? А другой и «дурной» пример, как и само собой разумеющееся же *дурно*, всегда был и останется: заразительным. У *демонов*, право, такого нет!.. – И ухмыльнулась, явно довольная и довольствуясь же этим. – Возможно, потому, что: только *вы*

их – и спасаете, в отличие от нас!.. Мы же – только залечиваем и лечим: от случая к случаю. А возможно... Нет! *Один* вариант. *Нам* – плевать: на них!.. А *тебе* – нет. Не было и... Не *станет*!

– Да. Так и есть!.. – Легко согласилась София, так еще и положительно кивнув: чего уж там; *Америке велосипед не открыла*. – К сожалению ли? *Радости*... «К счастью»!

– *Моему* несчастью; и твоему *счастью*!.. Да. Определенно! – Хмыкнула девушка и, скрестив ноги, *зеркально* же все и Софии напротив, опустила голову на руки, упертые локтями в колени: и пока глаза же все – оставались, более-менее, безэмоциональны, губы ее раскрылись в хитрой улыбке; что и «вторую» же уже – одновременно передернуло и параллельно повело к закатыванию глаз. – Ну и... *Как*: «оно»?..

– Я не буду *с тобой* – «это» обсуждать!.. – Шикнула София, скрещивая руки под грудью. – Да и... Будто *ты*: не знаешь!.. – И сморщилась. – Не говори: что не чувствовала... и не *ощущала*! Не поверю же... ни в жизнь!.. *Разница* же твоего нахождения, в этот момент, во мне или нет, только: *в твоём* – нахождении или нет. Мы же будем чувствовать, ощущать друг друга: так или иначе; чтобы ни происходило вокруг или внутри нас; и где бы мы ни находились – рядом друг с другом или в разных концах света!

– Не верь!.. Но и я *не* чувствовала! – Закатила глаза Тен и развела руками, тут же затем возвращая их на место. – И уж *тем более*: не ощущала. Ни-че-го!.. Более того: не слышала.

То, что было в гостиной и между всеми вами, да. И *это* – последнее, что я слышала. И *где* я слышала: тебя и его, вас же всех! А *дальше*... Дальше – пусто.

– Но... Почему? – Нахмурилась София, не понимая.

– Могу предположить, что... как раз таки... из-за этого!.. – И оторвала свою левую руку от лица, открывая ее ладонью к девушке напротив, где, перекрывая все линии и трещинки соединений кожи ладони с пальцами, на ней зияла... *черная роза*: прорисованная до мельчайших деталей; да и не забыв еще лепестки по краям, для объемности и... реалистичности, *живости*! Она же была, как настоящая. Но и главное же все: *как*. «Тату»!.. – Ты же писала – об *этом*... что-то. Как?.. – И обратилась взглядом с сомкнутыми веками к потолку, вспоминая. После чего – вернулась взглядом к Софии... с *двумя* лампочками над головой: одну, правда, из которых – видела только она; но и о которой подразумевала и сама София, *видя* ее отблеск в глазах напротив. – «Финал»!..

– Стоп!.. *Анна*... То есть, «Тен»! *Но*... Как? – Так и не поняла ничего София, подползая ближе и рассматривая рисунок «плотно забитый» в и под кожу: так и к которому же еще шли *черные линии*... отходящие от *всех*, смахивающие же еще ранее и только лишь «похожие» же уже теперь на *ветви дерева*, в которых были расположены *черные же силуэты людей*, меж них и в них, на и в самих же *шинах, парней и девушек*, но и *не* в терниях; она же, *роза*, будто бы еще-уже и замыкала всю эту картину, была *итогом*... всего! – Так,

это... Не «дерево»!.. Это... *Стебли роз!* А почему: *один бутон?*..

– Называй: как и называла!.. – Вернулась к ее потерянности, относительно своего имени и ее же все на- и именования, Тен. – Пусть я еще и не все помню. Но... Мне – не принципиально. Вообще и... Во всем. *Теперь-то!*.. А с остальным-оставшимся... И подавно! Ну а насчет... *крайнего?*.. Догадайся: с трех раз! – Вернула руку на прежнее место девушка. – Точнее... *С одного!* Сколько у тебя парней, на сегодняшний момент? И давай: без около и рядом. Она появилась – сейчас; и сегодня! И, да, она – не «забита»... *Розой!* Как бы ни тавтологично. И... Не «сформирована» Андреем! Линии, со всей левой стороны, образовали ее... *сами:* сойдясь на ладони!.. И я не знаю – какие будут дальнейшие метаморфозы. *Но...* В любом случае: это *уже* интересно!.. – Усмехнулась она, облизнув мельком губы: будто еще-уже и пробуя эти самые *метаморфозы* на вкус. – Даже, а и тем более *для меня!* «Главная роза, *распуценная* на ладони, *последняя*, как символ *настоящей* и чистой любви; сплетенные же с ней стебли с *жертвами* – являют собой спасение и *спасителя*, что освободит их души, срезав бутоны с *тринадцатью* же роз, а затем, “врастив” их стебли в землю и создав ими “мостик-лестницу” между мирами, чтобы перебраться-подняться по ним-нему, как в “сказке о бобах, гусыне и великане” *над облаками*, восстановит баланс, равновесие и гармонию». Но и к чему я это все?.. Не к тому... полуживому вы-

родку! – И София съежилась. – Теперь: не крючься – ты! Да. А что?.. Раз уж... «своими именами»: то *своими* именами. С тебя – люди. С меня: выродки. Короче... Которого вынесла твоя, не менее же все и твоего, *ангельская* подруга. А *к тому*, кто, пусть и «повелся» на твоего медведя, на «взбитой» подушке и части одеяло, так же взбитой, будто бы и по твоей же еще фигуре, но, рано или поздно, поймет: что к чему – и мало тебе уж точно не покажется; тем более – в тобой же все и себе придуманном... *его* же «медвежьем капкане»!

– Но почему: роза-то? – Зацепилась за первую часть ее речи София, опуская вторую: как и прежде же все – не собираюсь распространяться о делах... за дверьми комнаты Егора, а уж и тем более слышать «помяни мое слово»; и в том же еще ключе-разреze – не спрашивая о том, откуда она знает про ее «побег», если они уже не связаны. Или все же: связаны?.. Если не полноценно, то частями, видимо. Но и тогда же все – не чувствуя и не ощущая: она могла слушать и слышать. Но и тут же все: нет. Роза *глушит* – так же, *никак*; или пока была: в процессе?.. – В смысле... С *ними* – связана же ты, а не я!..

– Не просто «роза», милая!.. – Ослабилась брюнетка, откинувшись на вытянутую правую руку назад и крутя левой перед собой, дабы уж и дотошно рассмотреть весь «рисунок»: коль уж и такая *не* свистопляска, *пьянка* пошла; ну а и скорее от нечего же и еще более тут и с ней же делать. – *Черная* роза!.. Не чувствовала ее – в подушке того же все и «своего» медведя, *нет*? Не-т, *конечно*! – Ей не требовалось

и смотреть на девушку напротив, чтобы уловить ее отрицание-отказ. – Ты же – и не знала еще о ней: до некоторых пор. Не *узнала*: и до конца! Но... Если досмотришь все сны, что бились к тебе, но и пробились только сейчас, *наконец*, до конца – поймешь еще и сама: что к чему. Парни-то, поди, *уж* в курсе!.. – И, взглянув все-таки на ничего так и не понимающую Софию, от того же еще и больше притихшую, она закатила глаза и с грузным выдохом, *буквально* уже даже и *на пальцах*, начала разъяснять и объяснять, поясняя. – Там, в ней, подушке и... немного еще в твоей собственной кровушке, посредством семян – были *настоящие* ее лепестки! Тебе, как, кстати, вообще: хорошо – с ним и ними спалось?..

– Да... Вполне! – Утвердительно вновь кивнула София. – Без кошмаров... Да и *снов*, вообще! А что?.. При чем тут?.. – Мозг работал – быстрее, чем рот: она просто же не успевала формировать им вопросы, как формулировала их тем и... в голове. – Что с ней и... *ними*: не так? Мне так никто и не рассказал! А. Думала же, они – не до конца: в курсе.

– А то, что *не мне* тебе рассказывать – об «Ахиллесовых пятах» демонов: их слабых сторонах-местах!.. У каждого же: свое. *Кто-то*... Или «что-то». Но: *свое*. У нас... Нет! «Отдельно». У меня... Как *и* у Андрея!.. – И София раскрыла глаза, вздрогнув от только и ей же все слышимо-различимого звука, *щелчка пазла*: последней детали – в общей картине; да-к еще и под светомузыку – в лице той же все и Тен: в виде ее же хитрого голоса и не менее яркого оскала. – Да,

милая, *разрушить мифы* – так «разрушать». Хотела информацию – раньше?.. Получай. Не жалко! И... Да! Я – *первая*, если что. Хоть мы – и *близняшки*. Но и я – первая же: была «тут», *сестренка*, не обессудь!.. И я *буду* – делать на этом акцент! – И София промолчала, хоть и положительно кивнула: со скрипом, да, но и соглашаясь; а и точнее же все, как и прежде – не отрицая пока ничего и никого. – Короче!.. У меня, как у него, суки Розы, будь она не ладна, но и так же все любима, искренне и... *мною*, если ты понимаешь, о *чем* я, а ты понимаешь, на пару же все и с Артемом!.. – Фыркнула та, но и безучастно, хоть и не безэмоционально, продолжая говорить; как и София же – слушать. – А еще и Жени... По связке уже с и от твоего же отца. *Перенимать* – так «перенимать»! Не «отличаться»: так и *не* отличаться. Семейные ценности. Силы и... слабости. Весь уклад!.. Удачно *совпало*, однако! Не скажешь?.. – Тен снова отвлеклась, а Софии даже не требовалось отвечать: риторический же вопрос, да и она сама и не хотела; лишь только вновь спокойно пожала плечами, с желанием поскорее перейти и дойти уже до сути. – Если в чем-то твой отец и шарит – так это в подборке *таких* же, как он, кадров; и продумывании шагов – наперед! Чтобы, ну знаешь, дать силу и забрать ее: коли что и в случае же чего. «Обесточить»!.. И тут – тоже акцент: твоего и твой! – Что ж, София и с этим смирилась, положительно кивнув: будто бы ей и понравилось бы, услышь она вдруг *от нее* и «наш». Нет. Ни разу – не ревность бы была; или

«зависть». Скорее, встречное неприятие-принятие: если она его «своим» отцом не признает – с какой стати и ей же это делать... *за* нее; так еще и *него*, встречно-ответно. – Это: роза!.. *Черная* роза. Своего рода: яд. Лепестки ее... И семена. И в зависимости от количества, как и качества, структуры и пропорции приготовления: стоит ждать всего!.. От отсутствия двигательной активности... по частям тела; и паралича... повсеместно. До комы и... летального исхода. Смерти! В твоём же все случае, и в случае твоего же отца, *ангелов*: это – отличная защита и... *невидимость*! Стоит рассыпать их, в свежем виде, вокруг любой фигуры... – Тут София уже даже и открыла рот, чтобы спросить, но была тут же перебита. – *Да*, как «ведьмовской круг»!.. Как она – *исчезает*. Вместе с аурой и всем. *Вся*... Владелец ее, *существо*, просто растворяется, скрывается и укрывается, *прячется*: от глаз и нюха. Или... Можно «притаранить», не знаю, в качестве *подарка*. Поставить в вазу... Рядом где-то. Но, и опять же все, с тем: кого *нужно* спрятать. Тот же эффект!.. Или... Как и все в твоём же случае – набить ими, высушенными или сухими, подушку: чтобы ароматом избавить, заблокировав, от бессознательного: *всякого* же рода снов. Будь то: вещи и-ли простые; или вещи *и* кошмары. От *всех* снов, которые, так или иначе, могут *кого-то* и-ли *что-то*: выдать и запалить!.. Полностью! Они же – исчезают-подтираются: враз!.. Ну а сам эффект добьют – уже и семена из сердцевины, смешанные с напитками... или едой. Главное: не переборщить с дозой!..

Они, в отличие от лепестков, «отключают» мгновенно. Но – и не «прячут»!.. *Подавляют* свет и... тьму. Чуть меньше – обморок. Норма – сон. Чуть больше – кома или... *литургический* сон. Нюх – сбивается: даже у самой «крутой ищейки»!.. И да. Я же все к тому, что теряется *всяческая* активность: от голоса и движений... до пульса. Какого-то тепла... и-ли *холода* тела. Поняла, да? – Развела вновь руками Тен, усмехаясь и будто бы еще так и это же все: взвешивая на чашах «своих» весов. – «Живость»... и *мертвость*!.. – И вдруг хлопнула ими, *соединяя*. – Ты – не увидишь и не узнаешь, не услышишь... и не поймешь, не поймаешь *это*! Никак!.. Разве что – только мертвыми, имея на руках *сухие*, и как по хлебным крошкам, конфетам или... *бобам*: до свежих и... живых; но будет ли там: *то же*.

И тут София даже и вовсе замерла и, казалось, совсем об- и отмерла, уткнувшись своим пустым светло-карим взглядом в пол: в участок его и тот самый «барьер», оканчивающийся в точке между ними. Ссутуленная и согнувшаяся, под тяжестью всего и вся, всех: ее фигуру же то и дело сотрясла мелкая дрожь, затем крупнее и еще, волна за волной и удар за ударом, опять и опять же, снова и снова – мурашки штурмовали ее; от кончиков пальцев ног до, казалось, кончиков волос на голове!.. Слишком много информации. Слишком много подтвержденного... Слишком много болезненного!.. Слишком много болевых вопросов, буквально снедающе-съедающих ее – все то последнее время,

и вот, наконец, нашедших не менее болючие ответы: как и точки, в которые сами и ударили; в ней и *по* ней!.. Но и хуже же всего был не тот самый пласт, что буквально рухнул на ее плечи и придавил, как те эмоции, вызываемые им, чувства и ощущения!.. Но и, несмотря на все, ей не так была важна информация о, и наконец-таки, точно обретенной сестре, сколько об отце. Ведь, и посмотрев на нее еще до, на картине, в экране блокировки телефона и фоне рабочего стола, а теперь смотря уже и после – она полностью отметала и отменила все свои прочие слова и предположения относительно отношения Никиты к Владу, в разрезе пренебрежения, и что она бы сама так никогда бы не сказала о своей сестре или брате, будь таковые и у нее, *родные*. И да!.. Вот, оно! *Никогда не говори!*.. И как же ей сейчас захотелось начисто переписать все то, что она писала до, но и уже будучи после. Да и пока же еще: не *поздно!*.. А Тен, в то же самое время, нахмурилась, продолжая все так же не придавать излишнего значения всему, но и немного напряглась: не слыша ничего, что могло бы сказать – о состоянии девушки напротив. Пока и ее же все вроде *просто* трясло, трясло и *трясет* до сих пор: сначала мелко, после средне, затем и крупной дрожью; и вот, сжав край рубашки обеими руками, она, наконец, всхлипнула-просипела:

– То есть... Они его – «прячут», да? *Таким*, вот, образом... Как и себя! Носят с собой и... при себе, *к нему* же... эти... самые... розы!.. И... Я была права?!..

– Трудно сказать... – Пожала плечами Тен, теперь уже даже и вынужденная чувствовать и ощущать все то, что чувствовала и ощущала сама София, но и не добавляя к этому ничего от себя: не эмоционируя все так же и особо. – Андрей?.. Вполне мог, да, сбивать с себя подозрения, пребывая там: от лица твоего же отца. Какой-нибудь брошкой там или, тупо, *бутонов* в кармане пиджака, фрака и... мантии. Мог и обставить твоего же отца – этими вазами, обсыпав и лепестками. Там же – и следить за ним. Время от времени же еще: что-то и проделывая, периодически, с ним. *Это* – предположение!.. – Тут же уточнила она и выставила свои ладони перед собой, будто, и таким же еще образом, можно было остановить слезливый поток той: но, и на деле, только увеличив его; вновь продемонстрировав ей ту треклятую розу. – Не более!.. Но и то, что тот твой сон – был не мимо, а в руку; а там и в ногу... и во все же тело, как и душу?.. Да! Ты – поймала его, как никогда вовремя... Но и *мне* же все – не проверить; как и *тебе*! Хотя, мишку, все же, выкинь... Или прекращай прятать, если не можешь сама с ним расправиться. Дай, вон, Егору его уже, наконец, сжечь! Как и все будущие, возможно, презенты: такого же вида и *не* такого: но – с *насыщением*! И не водись ты более – с Артемом. Seriously!.. *Никак!* – Прищурилась она и напряглась, стараясь вложить всю свою серьезность и твердость в это. – Он – *подосланным казачком* был: он им – и остался! А и по *моему* еще же опыту... – И истеричный смешок сорвался с ее губ. – Можешь

понять уже, да? *С кем* стоит, а с *кем* не стоит: водить дружбу! В конце концов, их же всех оправдают, а *ты* – в накладе и за всех же них отдуваешься! Да и он же еще сам – работал с ней; и *со мной!* *Такое...* сотворил с тобой. Поимей, блять, уже: гордость и честь!.. – Сорвалась Тен, ткнув себя указательным пальцем в правый висок, но и перенося же все это затем на нее. – *Достоинство!*.. Пусть, да, пока и не на практике еще! Но и... *Солидарность!* Заимей их... *Уже!* Пока и они тебя – не поимели; и не за-имели! *Девственность* – «девственностью», а и мы, так-то, с тобой – последние!.. *Первые...* с конца: его же! – Закатила глаза девушка и прикусила язык, сама же недовольная: своими двойными смыслами и стандартами. – И до нас с тобой, *в одной, двенадцать* – уже были, как с... «куста». Вон, да, а что, тех же самых все и... роз! А бывших, как и алкоголиков, наркоманов – не бывает, сама знаешь. Как и ее... «шестерок». Как и... *моих!*.. Да и... *тем более:* человек! Пригрозила жизнями всех и вся, всего, кто был и есть дорог, и дело с концом!.. Он, как мне, так и *ей* – по гроб жизни, блин, обязан! А остальным – страдай!.. И нет. Мне не стало вдруг «не *наплевать*»!.. – Открестилась она, замахав руками перед ней и головой. – Просто... Это же – *так* и выглядит!.. Так: и есть!

– Да я уж и сама поняла. И Егору сказала... Поэтому-то – он и пытается его сжечь, как «подарок»... от него же. *Артема!* Он же, кстати, и вспомнил: о нем... *Первым!* Попрошив, через Полину, Женю же – его мне сюда привезти. Когда

он уже – выпотрошен весь давно и избавлен... от *подушки*. Но и он-то сам – не знает пока этого! – Прошептала София, вроде бы уже и соображая, находясь же еще здесь и сейчас сама, но и таким же, при том, тоном: будто приходясь между мирами и на пороге либо еще дремоты, либо уже даже и обморока. Последнее, к слову, было вернее!.. Для нее – это было: слишком много... за пару минут. Но и уходить пока – она не собиралась. Сейчас же или никогда!.. Тен – должна была рассказать ей: все, что знает и слышала, видела, находясь в... *тени*; и больше же все слушая, чем говоря. – Чтобы: «спалось – лучше». А то ж – не высыпаясь!.. Да и еще *такое* перенесла! Чтобы и сами же еще сны – были дольше, дальше, глубже и... слаще. Чтобы *отдохнула* – я... Целиком и... *Полностью!* «Восстановилась»!..

– Ну!.. Я же говорю! – Положительно покивала головой Тен. – А ты – и «спишь»! И носом – не ведешь. Между прочим, «паралитик» – он и в Африке *паралитик*: для нас же уже всех. Вдохнешь *поглубже* – и «отдохнешь», как говорится же еще, «там»: «*Там и отоспишься!*..». Уйдешь в *такой* сон, что и улетишь!.. Надолго и... Навечно. Навсегда!..

– Папа!.. – Уткнулась в свои ладони девушка, отпустив уже измятую донельзя ткань рубашки и прижав сильнее ладони к губам, чтобы не разбудить квартиру, а там и дом своими всхлипами, становящимися только сильнее и громче, а там уже почти и ревом, даже рыком. Болевым и... болючим стоном!.. «Воем», а не плачем. Громче, чем и их же все дво-

их разговор. Пусть и порой на срыве. Но и все так же на полутонах. – Что делать?..

– Тебе?.. – Вскинула брови Тен и помолчала, дождавшись, пока на нее обратят внимание, чтобы не в макушку говорить: хотя, как она и уже поняла, для Софии что так, что и этак – все равно и все же *одно*; тут либо дойдет, либо нет – и не столько важен «канал для вбирания информации». – «Ничего»!.. – И фыркнула, объясняя, казалось, такие простые вещи: но и *только* ей, видимо, и как обычно же все, «казалось». – На тебя – охотятся; как и на *меня*. И знаешь, сказать, что мне плевать на твоего отца – ничего не сказать! Как и на «своего», смекаешь? – Оскалилась она. – Можно добавить еще: очень. *Очень*... плевать; и очень же – *все равно*!.. Но и от тебя, как и от него, как назло, завишу и я же сама. Откинется он – откинешься ты, а там: по накатанной и *не касательной-рикошетом*... Не сможешь же жить – без него: крылья сложишь и руки наложишь!..

– *Не «откинусь»!*.. – Отрицательно покачала головой брюнетка, отрывая ладони от лица окончательно: до этого придерживая, в основном и левой, только губы; и правой же, в свою очередь, утирая нос. – Он же сделает меня – такой. *Собой!*.. То есть: тобой. *Андрей!*.. Уберет – его, отца, двинет Женю, как «недостойного мне опекуна»... с испорченной судьбой, его же все и девушкой, Полиной, как «не из того клана и вида», еще и ребенок, де-ти, смесь видов же и кровей, какой он адекватный и правильный, *нужный* опе-

кун, нет, конечно, а, вот, *он*, да, подсуетится, меня поставит, а сам будет из-под полы и с задних парт править... через меня. Или оставит меня – здесь, а сам – продолжит «розами душиться» и выставялть себя за него... *отца!* А я – тут; и за тебя. Равновесие же... И баланс. *Гармония!*.. Будь они уже – неладны. *Недоангел* – там. *Передемон* – тут...

– А Роза ему – на кой? Или Андрей – ей? – Прищурилась Тен, вернувшись в сидячее положение и наострив, как никогда, от интереса и новой информации уши: всколыхнув, тем самым, еще не только свою черную сирень, но и сиреневую же Софии.

– Ни он, ни она – никому не на кой: как ты выразилась. Кто-то кого-то снесет и-ли подставит, я просто уверена! Да и *ты*... – Махнула правой рукой в ее сторону София, больше и именно же отмахиваясь, чем тыкая: ведь и добавившаяся тут же кислота лимонной цедры – такая себе присыпка, то ли дело наоборот и... *сахар*. Жаль Карина еще, да и в принципе, «спала». – *Обманувший однажды – обманет и дважды!*.. Под конец – сольет или снесет кто-то на кого-то. «Стрелки переведет»... И все! Не бахнули... стрелы. И «баста»! Под белые ручки... И на суд! А там – в заключение... и-ли печь. Но и ни в том, ни в ином случае – мы не в выигрыше. Что она – будет продолжать быть опекуном. Но и теперь уже: «сверху». Что – и он. Все пойдет – пропадом! Так еще и тебя – уберут!..

– Не поняла!.. – И темные брови «отражения» полезли на

лоб: то ли уже и прятаться за такие же волосы, а то ли еще и в место для неожиданного рывка-броска. – А тебя – нет, что ли? А как же: связь?!..

– Он – не идиот!.. – Отрицательно покачала головой София, утирая глаза и тихо посмеиваясь: скорее от усталости и сходящей, практически уже и спадающей, но и все же еще остающейся на остатке-осадке – истерики принятия. – Да и она: тоже. Рано или поздно – поймут: что да как. Куда пропало – *их* творчество и... *творение!* Вернут. Снова – срежут; а тебя – уберут. И уж поверь, *не* проверяя, когда она или он чего-то хотят, а и тем более *вместе*: добиваются на раз, *не* на два. По щелчку!.. *Оторвут* нас друг от друга – и все! Пиши: «Пропало». Мира – нет. *Света* – нет... Ничего нет!.. Именно поэтому – я и пришла к тебе: сейчас. Не мир заключать!.. Опять же все: *нет*. Но и хотя бы уж: перемирие! – И взмолилась к ней глазами и жестом сложенных рук. – А еще, по тихой грусти и доброте душевной, которую ты не переносишь, спасти тебя – от них. Второй раз: от Розы. И первый: от Андрея!.. Ему ж – ни третий в лодке, ни собака... не сдались! – Пожала она плечами и раскинула руки по сторонам. – Розе хочется – тебя воскресить! А значит, попользоваться *еще* им – и скинуть. А *он* – *не идиот*, напоминаю. Сам хочет – не стать, а уже и *быть*: кем-то. И кем-то же: *вместо* отца!.. Избавится – от тебя, когда и до конца поймет; и его же это все: проймет!.. К чему *именно* – все и затевалось. И что его же *любимая дочка* – его же и подсидит: с рук Розы!.. *Спассти* –

тебя... и себя заодно. А там – и всех. *Смекаешь?*.. – И скривилась, сыграв интонацией под стать девушке же и напротив.

– Допустим!.. – Утвердительно кивнула брюнетка, вновь укладывая голову на кисти, упертых в скрещенные под собой-ней ноги локтями, рук. – *Мы друг другу – нужны, пока.* чтобы выжить и... *жить*; так как «связаны». После – чтобы избавиться от Андрея, который мешает: и мне, и тебе. Собственно, что и вытекает же еще из первого: *взаимосвязано*... между собой!.. Цепляя где-то на задворках – и вашу пресловутую: «связь миров»; не нарушение, а *сохранение*... равновесия с балансом... и гармонией. А дальше-то, что?.. – Изогнула она свою левую темную бровь, поджимая правую и изгибая губы, следом, в такой же насмешливой улыбке. – Неужто, сама чего *не* придумаешь, чтобы «отщепиться»?.. Или я – от тебя! Если мы в чем-то с тобой и «похожи», так это в не «нужде», *действительно*, друг в друге. И ты – тоже это знаешь, понимаешь, как и принимаешь, хоть и... «святоша»!.. – И хохотнула, подмечая почти и тут же подтверждение своих и своим же словам: в сощуренных светло-карих напротив. – Тебе не с руки – иметь меня: «под крылом»; имея там же еще-*уже* – и Егора. *Бывших – не бывает!*.. Собственно, как и «нынешних». Только первых же еще – совсем. А вторых – долгое время... Но и опять же все: одно из другого. Когда на горизонте первые и... *первая любовь* – «вторая» как-то, если уж и не «как правило», сама же себя и... изживает-исключает. И что, «перемирие» оборвется – с его жиз-

нюю? А после – и с нашими... с ней? *С Артемом!*.. Ты ж не оставишь нас – в живых! Или... Я не оставлю – тебя! И я не про то сейчас, что мне будет жалко терять... *такую* подругу и «сестру»: в лице тебя! – Закатила глаза она и всплеснула руками, указывая правой на Софию. – Которыми мы – и не были, к слову. И я уверена: и *не* будем!.. Я про то, что... есть ли смысл – начинать то, что не будет смысла: заканчивать? Грохну – Андрея и «отца», тебя... Да даже если после всего: и Розу; себя! Тьма – во все года и... во веки же веков. А нам-то – что с того-этого будет, какая разница? Мы же – не увидим этого. И внукам – не расскажем...

– *Не увидим!*.. Но, знаешь, как ты и сказала... – Скрепила руки перед собой в замок София, упираясь подбородков на него. – Перефразирую. *Еще раз...* Кхм!.. «Зачем начинать то, что и если не можешь закончить?». *Роза...* на твоей руке... все же, *да*, о чем-то да и нам же все с тобой сейчас и здесь говорит!.. Например, о том, что я, наконец, *по-настоящему* влюбилась и... полюбила. *Взаимно!*.. И бросать все это – вот так, не поборовшись?! Даже пусть и не зная, что будет завтра и... Что ждет нас двоих уже с ним, как... *пару!*.. Но и оставить? Не попытавшись и... не постаравшись?! – Изогнула уже и свою правую бровь она, поприжав левую и сморщившись. – Принести на блюдечке... с голубой каемочкой: под секиру?.. И самой же все – разрубить и отсечь? Отрезать и... убить, не утруждая палача? Отвернувшись – от счастья и... любви. От... *жизни!* А может, это первый и, вообще, *по-*

следний раз-шанс: на что-то? На... *смысл*: ее же!.. Точно – не мне это сбрасывать: со счетов. И не мне же отказываться – от того, что не мной и себе же, *мне*: было дано!.. – Сделала так же уже и сама акцент она, перейдя затем в твердость и серьезность. – Несмотря на все же *мучения*... в прошлом. Действительно: *в прошлом!*.. Это – мое! И я не отдам это – сама; как и за: *просто так*. Так что, с моей стороны – посыл должен был быть ясен и понятен, как день: если уж и расставаться, терять и уходить, то зная, что сделала все, *все*, что могла и что от меня требовалось, что от меня же самой и зависело; что было возможно и *не*, на первый лишь только взгляд: чтобы сберечь и удержать, а не покоряться: ни за что и ни про что. Тем более: им и ему. *Андрею*. И *ему*, Артему!.. *Ей* и... Тебе! – Сплюнула ядом и *кислотой*, приправив все это на выходе еще и желчью, она. – Кому угодно, вот, но не вам! Столько наворотить – и получить меня «во кресте»: *стеблях и шипах?*.. Конечно! А *себя*: не хотите? Да и если уж говорить о «чести и достоинстве»... – Хмыкнула она и подалась чуть вперед, угрожающе шепча, почти и *шипя*. – Я с честью же и достоинством – приму битву с тобой, *Анна*; если такая и таковая же все состоится!.. И не только, столько потому, что это будет – битва лет... среди веков!

– Все это, конечно, красиво и *мило!*.. Слюняво и сопливо. *Слезливо*... Прямо: до одури! – И показала двумя пальцами на свой же язык, симитировав «нужный» звук. – Но!.. *Я*-то тут – где и причем?! Я, *сама*, где: в твоём плане? Какова –

моя роль; и каков – мой же все посыл? Мне-то самой – какой смысл: изгаляться и... задницу лишней же раз все рвать? За что? И... За *кого*?! Не пойми меня неправильно. Хотя... Нет. Неправильно и превратно!.. Но Андрей – такая себе: цена. Я имею ввиду... За мою, только лишь пока и *возможную*, жизнь! То есть... Идти против него, чтобы получить... *Розу*? Куда проще и логичней, как по мне и *для* меня, отсидеться тут... – обвела она руками комнату и саму квартиру взглядом, что видела из дверного проеме, – ...дождаться, когда они придут за тобой, «отцепят» меня от тебя, убьют тебя или всех, не так важно, освободят меня, а когда уже и за ними придут – подкину-ть им Артема. Вот так!.. Освобожусь – и я. С твоим же... папой – у меня всегда были траблы, знаешь!.. – Хмыкнула она, поджав губы. – Но и, какая разница, когда все сделают – они: и получают, наконец, сами – по заслугам? А я выйду – сухой-таки и из воды. И как знать... Попрошу «оставить» – Егора. И-ли Влада. Или всех же их... *вместе. Их...* двоих. В живых и... Для меня. И буду – торжествовать!..

– За «членство в Совете»! Мало?.. – Сверкнула глазами София, перенимая уже даже и ее такую же хитрую улыбку на себя: отдавая, в свою очередь, широко раскрытые глаза и... такой же рот. – Ты же *этого* – хотела. Ну!.. Если судить, опять же, и по словам – все того же Егора: который мне это сам вменял в вину – мою «избалованность» и нежелание принимать то, чего другие добиваются годами, веками... и

не добиваются. А я, тут, понимаешь ли, и так же еще просто: отказаться собралась! *Тем более...* По твоим же уже словам и желанию быть... «первой»! – Показала кавычки в воздухе она: с уже даже и насмешливой улыбкой на губах. – Не забыв – про статус и... «принцессу», которых я не заслужила!..

– Так!.. – Остановила ее поток примеров Тен, выставив правую руку перед собой и ней с указательным пальцем, поднятым вверх: и прикрыла глаза, сморщившись, будто и от головной боли, но и вызванной же, скорее всего, а там и именно – тем же самым все ее и «поток». – Это *ты* еще – ударились? Или он *уже* тебя – не «так» припечатал, зафиксировав у стены? Или у изголовья кровати... Неважно! «Ударились»?!..

– Не-т... – Ослабилась София, продолжая наблюдать ее удивленную и шокированную моську: так и делая же ее еще сама с каждым разом и таким же новым предложением – все больше и больше. – Все – по-честному и... чин чином. Сдаем его – под белые ручки!.. А можем – и с Розой. Если уж и она *тебе* не сдалась: за прошлые-то года. Тем более еще: *так* подставив!.. Получаем – сразу два места: для равновесия и баланса. *Гармонии!*.. «Там» и... Тут. Еще – и расположение отца: за твое же... *этакое...* замаливание грехов. Не сразу!.. Но и... «Постепенно». Меня ж – спасла, *все же*; да и «мир»! Разграничила – тьму и свет!.. Ты – там; и за *отцом*. А я – здесь; и с Егором. Ты: как *Андрей*. А я же: как *Роза*... Там – демон. «Здесь» – демон. Равно и... Ровно! – И хлопнула в

ладоши, довольная как *никогда* собой и своим же планом. – Можешь перенять – и эти розы, если понадобится вдруг: «ангел»! *В каждом правиле – есть исключение, подтверждающее его!*.. И как они подсадили меня к демонам, чтобы выбить весь расизм и национализм: так и тебя могут подкинуть к ангелу. *Л-лояльность!*.. – Ухмыльнулась она, еще немного и потянув само слово. – Когда время приходит – они же сменяются: вид на вид. Ну а пусть теперь сменятся – вид на... *другой* вид. Да и кому, как не тебе, знать и понимать, *принимая*: мое нежелание – быть «там»?.. Перенимать – полномочия и... прочий столп-столб правил, ответственность!.. Андрей бы так и этак – шел *за* моим отцом. «Брат за брата», как бы; и... *за братом*. А это отцу – хотелось: продолжить нести «ореол света» и... выставить в него же *свою* дочь. Но, как ни крути, она, теперь вот, тоже: напополам. *Я!*.. – Указала затем на себя она, после чего и на Тен. – А теперь, вон, и вообще: *две*. Ему придется – смириться с правилами; и урезонить-таки уже свою «хотелку». Правда, теперь – и в *твою* же сторону. Ведь, и если бы Андрей не торопил конец и дождался, когда я сама сниму с себя «венец», и-ли меня же развенчают, он бы мог претендовать; и вполне. Теперь же: *нет!* – Развела руками она и отрицательно покачала головой: не столько сожалея и вообще «жалея», сколько и насмехаясь над уже *его* дуростью и *излишней* торопливостью. – Надо было ему – все и сразу!.. Захотеть же: здесь и сейчас. Пойдя через буераки и... Связаться с ней. *Розой!* Сместить с поста отца... Доведя

его – до всего и сразу!.. Как и меня. Чтобы потом, через меня же, кем-то и-ли чем-то «там» – править... Или: *не* меня! А *мною* – и здесь. Ну!.. *Смешно* же! – Хохотнула она и следом же, прям по щелчку, исправилась: на спокойствие и уравновешенность. – Но это – *его* выбор!.. Ты же – пойдешь: *вместо* меня. И нет, я – не откупаюсь, таким образом, не пытаюсь и купить принципиально твое прощение и-ли доверие. Прочие «Граали»!.. Просто я никак, ни в какую не хочу идти «туда» – ты же «хочешь». *Махнем-ся не глядя?*..

– *Ты*. Станешь. «Демоном»?.. – Еще немного и Тен пришлось бы искать свою нижнюю челюсть где-то на полу: и где-то там же все – и глаза, выкатившиеся бы таки и из орбит. – Серьезно?.. Нет! Тебя точно – шандарахнули. И прости за эту «отсылку»... это же еще и общая уже наша с тобой боль, но... еще и Андрей, видать. Или... *Роза!* – И кивнула в сторону, не намекая, а и прямым текстом отсылая в то близкое и одновременно далекое: происшествие и *произошедшее*. – Ты и, правда, готова – пойти на это? То есть... Перейти на... «темную сторону»: без «печенок»? *Но* – с Егором! И да... *Для* него!.. Ты *настолько* – дура; или влюблена? *Настолько* и: *любишь?*!.. Хотя, да, это же все – одно и то же!..

– Я же уже ранее сказала: я не буду – *с тобой* это обсуждать!.. – Строго отрезала и тут же отразила ее выпад к ней София. – Ты же – не поймешь! А и мне – меньше всего надо: чтобы глубокая *тьма* – слушала про *глубинный* свет. А потом: от тьмы к тьме. И... Но и даже в таком случае – мы *друг*

друга: не пойдем. Что и свет с тьмой... Что и тьма с тьмой. Мы же – *совершенно* разные!.. Я же – прошла по поверхности и сказала: как есть! *Мне* нужно – это счастье; и нужна эта *любовь*; мне *нужен* этот человек. И да. С *большой* буквы: «ч». И каждый же вновь остался – при *своем*!.. Как и нужна – я такой, какой я являюсь с ним: и какой я *есть* с ним. Далее же копать и углубляться – *мы* не будем!.. – И отрицательно покачала головой, скрючившись. – Ты же – опять начнешь плевать, а и мне этого вновь не надо. Оставим же все это – при себе, как и останемся же при *своем*: я – при *своих* слюнях и соплях; ты – при *своей* безэмоциональности и... бесчувственности.

– Эй! Ну... ты... это!.. Аккуратнее – на виражах и «дрифтах»! – Присвистнула Тен, тормозя девушку напротив. – Я чувствую и ощущаю, эмоционирую: как и ты! И пусть больше все: *как*. Но – и не на такие темы, которые поднимаешь ты. *Уж прости*!.. В этом мы – далеко и надолго, глубоко разные... Ты права! И слава же дьяволу!.. Да. Останемся – при *своем*!.. – Но и затем, положительно кивнув, прервала себя, хитро и одновременно *горько*, злостно щурясь на «сестру». – Но и ты умолчала же еще – кое о чем, а? *О ребенке*!

– Если ты еще не согласна – я готова отдать тебе уже и это право... – Подняла в «защитном жесте» руки, ладонями же вперед, перед собой и ней, София.

– Вот, гонишь на Андрея, а сама-то?.. – Смерила ее уже и куда более снисходительным взглядом та и усмехнулась. –

*Летишь впереди паровоза!.. Не об этом – я! Сдались мне эти... «спиногрызы»! Вовсе бы – их не видеть. Я – о другом... Слышала же об этом, когда вы еще общались в гостинной!.. Мне просто *нужно* было, как и тебе, услышать это – от тебя же: *лично!* Чтобы ты – говорила мне: правду. *Всю!*.. И если что-то предлагала – не утаивала и не умалчивала: ничего-го!.. Остального и... оставшегося. И да, это вновь не значит, что я же вдруг и на каком-то из моментов, тормознув все это с криком «*Не!.. Так мы – не договаривались. И так – не пойдет!*», сверну эту бога-дьяво-дельню: враз и вмиг. Нет... Пожалуйста! – Отмахнулась она и выбросила руки вперед, в сторону же все и Софии, словно уже и вверяя это, вручая и отдавая же все ей с концами. – *Счастье – твое. «Любовь-морковь»... Все прочие – вытекающие и... истекающие. Протекающие. Дети?.. Пф... Бери, не жалко! Но и если мы говорим сейчас, здесь и с тобой; и заметь, вполне мирно, заключив контракт душевно и ментально, не словесно и не на бумаге, не в объектах и субъектах; будь добра: говорить все!.. – Серьезно и даже твердо отметила она. – Мне *это* – важно; как и тебе! Я – не монстр из-под кровати или табакерки, чулана или... кладовой! *Да.* Хоть сейчас: и в ней. Но и я же все – зверею! И ты уже и сама знаешь, как и что, зачем и почему – это бывает. Предложила «перемирие» – изволь соблюдать *все условия* и такие же *условности*: под звездочками и... мелким шрифтом.**

– Договорились!.. – Улыбнулась София, но и тут же почти

сбросила улыбку, только и заметив потускневший и потухший взгляд напротив: и, казалось, впервые, не только за весь разговор, но и за жизнь, как ее же все самой, так и *Анны*, в принципе и в общем, даже и осеклась, отругав саму же себя за шок и недоверие, забыв о словах той же уже и самой, что она может чувствовать и ощущать, может и эмоционировать, но и только по-другому, иному, иначе и в другом, не в том же самом, в чем и сама же София; и, видимо, это был как раз тот самый момент, «снимающий блаженство с лица» кисло-холодным «градусом».

– Но что, если твой отец откажет: в этом?.. Откажет – во мне; и мне же самой! *Опять*. А и еще чего хуже – соединит нас обратно!.. Или вообще... *Убьет!* – Сглотнула Тен, нарочно пока не смотря на Софию, отводя взгляд в любую из точек: кроме ее же зрачков глаз. – «Снова». Но и уже: навсегда. Я же все-таки – не твоя часть: как *часть*. Не тот самый и демон... *от* ангела: меж которых ты носишься, как олень... в одно место ударенно-ужаленный!.. – И едко усмехнулась, стараясь куда больше вы- и *отсмеять*, чем от- и *прожить*. – Ты же всего лишь наделила меня – всеми этими... демоническими примочками. Наделила и «тату», изначально, отделив!.. Сделала меня, считай, по образу же все и подобию. Подстроив, по итогу... Дав мне – и временный приют: свое тело. Но!.. Не более. И да. Не *менее*. Но и... Я же все пока, как... *альтер эго!*.. – И сморщилась, тут же отрицательно покачав головой, в корне же не соглашаясь с этим: как и

с тем, что с этим нельзя ничего сделать; но и тут же все – *можно* и в принципе *что-то* же сделать. – Продолжаю – им быть: будучи без тела. Не существенная и... Не значимая. В отличие: от вас!.. И да, я – целая, но... И не полно-ценная. Будто... «Душа без тела». Ха!.. Что – так и есть же все, собственно. Куда я – ему? Зачем?.. Не возродит же он меня: целиком; когда есть ты, пусть и... *половинчатая*. Тоже: не рыба, не мясо. Как и я... И!.. *Все же*.

– Я не дам *ему* – это сделать, слышишь?.. – Заверила ее София. – Будь уверена! И да, мы не так – начали; и не с того. Вообще, по сути, не начали и... не начинали. Но и я не сужу о *людях*: по их словам и поступкам... к другим. И пусть те же уже *люди* даже – мне близки и любимы!.. Но и лично мне ты пока – не сделала ничего плохого. Наоборот, ты мне помогла. Физически и... *Морально!* – Улыбнулась она, стараясь как-то еще и подбодрить, замотивировать девушку напротив: хотя бы и пока просто – подняв на нее свой *светлый* взгляд. – Я ведь *с тобой* – все это обсуждала!.. После того, как и Артема в моей жизни, по большей части, не стало. Я ж благодаря *тебе* – и не закрывалась!.. Хоть и не знала о тебе: никак и... совершенно! И пусть до конца же даже, сейчас и здесь же все – не знаю. *Но!*.. Ты же, как и он, *Артем*, была, по сути: на посылках. Делала же все – Роза. И она – должна была: понести наказание; а не ты! Ты, разве только, за соучастие и... не более. Как и она же все тогда – «свидетелем» пойдя!.. И я все сделаю – для этого! – И хлопнула аккурат-

но по полу правой рукой, подтверждая свои слова и будто бы еще по левому плечу и беря еще затем ту за и ту же самую все руку, таким образом: в знаке поддержки и одобрения. – Чтобы ничего плохого и негативного с тобой повторно и просто так же все: не произошло. Ты – заслужила это, как и *не* заслуживала того тогда. Но и там мы уже – ничего не исправим!.. Но можем поспособствовать, чтобы ничего из того же – не произошло уже здесь! Как и не дам уничтожить тебя, оторвав *прежде* – от меня. Ты – не призрак, не отросток и... *не* опухоль!.. – Настаивала строго и твердо она, стараясь одновременно разуверить себя и ее: практически и не чувствуя уже даже предательства и измены – к себе и *в* себе. – Не «нарост»!.. Ты – будешь: жить. Не со мной и нами... Но – под этим небом. *Будешь!*.. Я не дам – тому совершиться. Но и если будет на то требование и... *приказ*... уйду «туда» и... но и попрошу спускаться: хотя бы время от времени!..

– Он – не позволит!.. – Отрицательно покачала головой Тен и подняла взгляд на Софию, такой же все безэмоциональный и отстраненный, но и куда более уже живой: надежда все же теплилась в ней – на что-то лучшее, так, по крайней мере, казалось второй. – Даже ученику, а и тем более *приемнику*. Будет строить – под себя, делать *собой*: сама же прекрасно знаешь! Не *мне* тебе это – и говорить-повторять... Особенно, если посмотреть: на *частотность* появлений его самого. Не сейчас, в конкретный момент... А вообще!..

– Да. Но... Давай – не об этом: уже сейчас. Пожалуйста!.. –

Сложила ладони в мольбе вновь София и прижала их к груди. – Только: не о плохом!.. Я додумаю – в этом моменте. Поговорю с Егором и... *отцом*, в конце концов: когда найду последнего, конечно! И как добыю по этим моментам – тебе сразу же скажу. Теперь же мы – по правде и *на правде!*.. – Затем раскрыла перед ней свои ладони, подтверждая, таким образом, еще и свою же ей «открытость». – Но и главное, чтобы *ты* согласилась – сейчас!.. Пусть пока это – и висит в воздухе! *Даже* если не выгорит «там» – я оставлю за тобой право жизни-не-существования: здесь. Если ты – поможешь мне про- и дожить до того момента: как и те уже двое – уйдут *на ковер* к Совету. Только... Как их найдешь? – И прикусила нижнюю губу. – Вдруг и они... *в розах!* Носятся в них и с собой носят, горя не зная... Стоп!.. *Бобы*.

– *Носят и не знают:* это ты права!.. – Переключилась, и вслед же за ней все, *Анна*, ухмыльнувшись. – Но и да, как я уже ранее и сказала: как конец знаменует начало, так и сушено-мертвые розы – могут привести к свеже-живым. Да и им же еще самим – незачем палиться: высаживая их везде, где они прибывают. Да-к и вряд ли еще они и прибывают: *везде!* Дом, где живет она; и дом, где живет он!.. – И показала *на пальцах* правой руки два варианта, отогнув указательную и среднюю фаланги. – Как и откуда еще *исходит*, так сказать, «отправляется» вверх; и куда спускается после, оттуда и сюда, вниз!.. *У нас* – роз не наблюдалось. Как и каких-либо действий, связанных с этой... «тату»!.. – И сжала свою левую

ладонь несколько раз, раскрыв уже и совсем даже, полностью после. – Остается – *его* дом. «Хижина», точнее, откуда ты и сбежала, кстати, еще: сама. И которая *так* еще мастерски и, главное, «беспалевно»: *набита* на его же все и руке! Ты же *помнишь*... – Не спросила, а даже уже и утвердила это она, склонив голову к своему правому плечу. – Вы же там еще играли с ним, пока я была с Розой!.. Еще до того, как твой отец – запретил вам это. Ты и не видела же того потому, что он вас, с Советом, *скрыл*: всех и... вместе взятых. Ни он вас найти не мог, хотя бы и увидеть, ни вы его. Ни *ты*!.. А когда твой же все и отец пропал, *обессилил* и впал в, будем так еще пока и сказать-говорить, сон – «заслон» и отключился! И... Добро пожаловать домой! *Welcome home*. Хотя, и скорее же все, *to hell*!.. – И, вдруг что-то вспомним, переменялась даже своим темным взглядом, с интереса же переключившись на хитрость, будто же еще и враз что-то смекнув про себя. *Что-то*, чего пока не знала сама София, да и на что даже, как всегда, не обратила и особого, никакого, чего уж там, внимания, подумав, что это как-то связано с воспоминаниями об Андрее, с самой *Анной* и им; и только сама же она, Анна, *Тен*, знала, что в этом есть и кое-что еще, точнее пока же лишь только и так же все догадывалась, сомневаясь еще, но и размышляя же уже, сравнивая и анализируя, сопоставляя и каждый раз утыкалась в эти самые строки, как что-то знакомое, близкое и одновременно далекое, разделяющее и тут же связующее: – *В лесу зеленом. Под корой... Стоит*

мой дом! «Черный» такой... – ...Секреты в нем храню – «одной»... Хочешь на них взглянуть со мной?: – Продолжила затем, ней София и застыла, как и Тен же все и сама перед ней. Но и, с минуту просидев так, залипнув друг на друге, они сморгнули это минутное же наваждение и усмехнулись друг дружке. А София же затем еще и рассмеялась, ведь и в хилом достаточно свете лампы, чуть еще и раскачивающейся над Тен, ей вдруг показалось, что она, *Анна*, преобразилась: что и ее глаза сменили цвет, после и того, как и будто же еще и «обратились»; но и тут же затем увидела тень, от той же все и лампы, попавшую ровно на ее лицо и притворившую все те же действия, что она посчитала за *обращение* следом; и, сморгнув уже и дважды, еще и головой отрицательно покачав, слышала уже и смешок той, заметившей эти ее действия.

– Точно!.. – Щелкнула пальцами правой руки София, левой же еще и ударив себя по соответствующей коленке. – Он же еще нашептывал это, когда... – и тут же оборвала себя, глубоко вздохнув и сглотнув, – ...делал все это – со мной и... *нами*. Не суть!.. А я и разобрать все никак не могла... Мотив – знакомый! А... Он его – мычал. А я... Все пыталась же вспомнить!.. И какие-то хоть слова наложить... Не получалось. Не смогла!..

– Да... Там они – все и делают; собственно, как и «выращивают». Но и точнее же все будет сказать: производят. На плодородной земле и... из плодородного же материала, пря-

мо-таки и плодоносящего. *До*, конечно же; сейчас-то – уже нет. И не спрашивай: об этом!.. Самой – мерзко! – Скрючилась *Анна*, но *София* ей не поверила: все-таки *кому* это и говорил сам же *демон*. – Но, как и с *Александром*, я уверена, что они – связаны: «тату» и... *розы*. Не зря же еще она – главенствует и, как бы, *завершает* уже все это!.. – И вновь показала свою левую руку, вытянув ее вперед и ладонью вверх. – Ты же – последняя из *тринадцати*... *Тринадцатая!* Замкнувшая и... носящая, носившая, должна была носить, во всяком случае, эту схему и этот же все план, эту и карту!.. Пока их не спугнули и они не нарушили все, поспешив, «срезав» раньше. До того, как появилась она... «Последняя»! – И сжала кисть, посмотрев внимательно на *Софию*. – Те жертвы, что, казалось бы, проходят *строкой* по каналам и новостным лентам сетей, видны; но никто не видит их и не читает. «Пропали и пропали!.. И до – пропадали». Вот, если б «кучей» – все бы взбухнули, определенно! – И закатила глаза, фыркнув такой нерасторопности. – Но и они ж – не палятся. Делают все: тихонько и спокойненько. По жертве: на день и... нос. Но, и опять же все, пока не докажу – не смогу тебе всего объяснить; как и *себе*, собственно!.. – И поджала губы, отрицательно покачав головой. – Только: предположения и догадки. Но и если бы я только лишь смогла попасть в его дом!.. – Мечтательно задумалась *Анна* и возвела глаза к потолку, тут же получая и отдачу-готовность в лице и от самой *Софии* же: не только в глазах и мимике, сло-

вах, но и на действиях; в виде самой помощи и подмоги во всем!.. И *кто* бы сомневался! Точно – не она. Но широкую улыбку – все же подскрыла: под задумчивыми же все своими муками и мысленными растяжками: – Притащишь – все!.. – Загорелась идеей вторая, даже подпрыгнув на согнутых ногах. – Что нужно и важно – нам. Что и указывает: на них. *Прямо* – указывает и всецело, а не сбоку и... бантиком!.. И я даже уговаривать никого не буду – выпущу тебя сама. Но и *правда* – за правду. Ты останешься – *здесь*, как и я! – Сделала акцент она, сощурившись, чем даже рассмешила Тен, вернувшуюся взглядом к ней. – *Цветы* и вещи. «Люди»... Что-то, что от них, скорее всего, уже только и *осталось*: но и могло бы указать на них... и на их нахождение там; что они *находились* там... – Исправились тут же она, прикусив губы и язык с тяжким вздохом. – Прекрасно, если самого Андрея доставишь. За Розой – не застоится-заржавеет! Можно: без посылки и ленточки, *прямо к камину*; и-ли сразу в него!..

– Оу!.. – Оскалилась Тен, «почесав» свои ладошки друг об друга. – А ты разыгралась не на шутку, я посмотрю-гляжу. Да и все – *как я люблю!*.. Да... Он будет – первым, кого я подхвачу, оставив какую-нибудь записку, в стиле «*Вызвали наверх!*.. *Не знаю: когда вернусь. Постараюсь – скорее!*». Вырву для нас время и ее «трухану», чтобы мы и ее смогли прижучить. А в это время – мы выведем и у него все!.. Не за пару часов или день, то и подменим его на твоего же отца и тихонько смоемся: прижучивать последнюю *пешику!*.. С «ко-

ролем» же... за нашим плечом; и у Совета – под крылышком.

– Так и сделаем!.. Несу медведя! – Подорвалась с места брюнетка, но и тут же была остановлена собой же, решив дополнить и пояснить: вдруг уже и та не поняла. – Запах-то на нем – должен был остаться; или какие-то даже: кусочки лепестков и-ли частички семян.

– Не об этом!.. – Отмахнулась Тен. – *Последнее!* Покажется – не менее странным и вообще же необоснованным... Но!.. С Артемом – я не врала. И с этим... *красавцем* – вряд ли прогадаю. Не понравился он мне – не нравится и сейчас!.. Держись подальше: от Влада! – Серьезно отметила она, цедя взглядом и словами Софию. – Если я и могу что-то еще задницей чуют, так это влияние твоей и... *нашей* «маман». Не знаю – как. Не знаю и «что»... *Завтра* – все это и узнаем: как *лично* появлюсь!.. Главное, до этого времени пока, держись от него на расстоянии. Но – соглашайся, чтобы он ни предложил: это что-то, скорее всего, дораскроет и добьет наши мысли по Розе. *Но* и в любом, опять же все, случае: держи ухо востро!.. – Не попросила, а приказала она. – Если у них план сделать тебя, так сказать, недееспособной и неадекватной, а и именно, вроде как, *принудить* стать демоном, где бы они перевели стрелки на не следящего за своими пасынками Александра и изъяли бы тебя у него-них, они попытаются подтасовать карты и вычернить Влада; перед этим: *черни*в тебя. *Сила* нам – пригодится!.. Бери и карманы держи шире, но и не перебарщивай. Переводи на меня и... *пря-*

мым потоком, засылай все. Андрей – вряд ли будет: пушинкой!.. – И хмыкнула, закатив глаза и всплеснув руками, будто и уже ощущая *этот* вес. – А мне еще – *розы* переть!.. Не принимай на себя: ни при каких условиях. Но и *не* отказывайся! Мы должны поймать их – на жаренном: всех троих. А четвертую – дождем после. Теперь: *лети!*.. – Положительно кивнула она, давая, тем самым, разрешение на взлет и ставя точку в своем монологе к ней. – *Лучше* – лети! Но – и не возвращайся: *так же*. Лишившись же одной, второстепенной *игрушки* – ему явно понадобится другая и... *основная*. Выброси за дверь, «маякни» – а я дымом перетащу. Открыться, надеюсь, так же смогу. Хотя ты же – меня *не* закрывала...
Нужен: *кто-то!*..

– Обижаешь!.. – Улыбнулась София. – Не сама, так Егора «попрошу». Он же спит – крепко; а руки – свободны. Поймет, как проснется – тут-то мы ему все и расскажем. Но, Тен!.. – И сразу же посерьезнела, решив все-таки еще раз уточнить в этом моменте: на всякий случай и про запас. – Я же могу *тебе* доверять, правда?.. Как и договаривались!

– Я держу свое слово, малышка! – Подмигнула ей Тен, встав, пусть и не с первого раза, немного обессилив за все это время и сидения на одном же месте, но, и более-менее еще размявшись, осталась ровно и напротив нее. – Тем более: когда на горизонте *мерцает* «венок» и неплохое такое, *теплое* местечко у власти. Точнее даже: в этой самой *власти!*.. Я его – никогда и ни за что не упущу; и ни на что не променяю!

Ты, главное, *свое* слово держи; а за мной – не заржавеет! – И протянула свою левую руку для рукопожатия через щит, которую тут же пожалала София своей же левой и упала, лишь на мгновение ощутив укол, а после и вовсе провалившись во тьму, потеряв сознание перед *Анной*, что и так же все спокойно перешагнула барьер и взглянула на небольшие ранки по контуру лепестков своего *внутреннего* бутона. – Пусть *ты* пока и не «выходишь». Но!.. Семенами стреляешь – отменно! – Затем перевела свой *черный* взгляд на женское тело под собой и присела на корточки подле Софии, не касаясь ее. – Вот, как оно бывает, однако, да?.. *Не* мое имя, а стих *мой* – меня же и вызволяет. Андрей, к счастью-слову, это – знал! А ты хотела – меня против него же настроить. Ай-яй-яй!.. – Потянула она и цокнула. – Но ты ведь и не знала, правда? *Нет!*.. Мне он – и сам не нравится, если честно; не больно и нужен. Так что... *Ладно!*.. *Прощаю*. Да. Ха!.. Не убила я тебя, *да*, хотя и могла же: смогла бы дать дозу и покрепче. Но и это же к лучшему – пригодишься еще! А *нет?*.. – И надув губы, задумавшись, спустя мгновение смела все это хитрым и широким оскалом. – Время для убийства – всегда найдется. Тем более: *такой*, как ты, ко-пи-и! *Остерегайся Влада*... – Перековеркала себя же и усмехнулась. – Что ж!.. Лишним – не будет. Мне он тоже – не больно нравился; не *больше*, чем Егор. Который и *нравится*, кстати, до сих пор... Соврала я ему – тогда. Да. Пойду, что ли, *признаюсь!*.. – И встала с насиженного места, отряхивая руки и одежду друг о друга. – И

пусть я, все еще, без тела: но контактировать с миром – могу. Ты же меня *этим* – и наделила: демонической силой. *Своей* силой... Точнее: Ро-зы. И как плюс... *Моей* же! – И осмотрела себя с ног до головы. – А ей, как и *лишнюю* пару рук создать, так и, вполне себе, *объем* придать: можно. А уж если и тем более, когда: *нужно!*.. Да-да. Поспи, дорогуша!.. – И отправила ей воздушный поцелуй, усмехнувшись-оскалившись пуще прежнего. – Завтра – трудный, *сложный* день... У *всех* нас!.. – И, договорив, «скрылась из глаз», щелчком пальцев левой руки, вместе с дымкой, меняя одежду и *подстраиваясь* под ту, что оставила одну и без сознания: на полу темного же второго этажа без света; с одной лишь лампой в кладовой и той – перегоревшей в момент.

Проскользнув в щель меж не до конца прикрытой темной дверью и таким же ее косяком, не менее же еще и самой темной комнаты, что так, что и без света, темноволосая же девушка прикрыла ее до конца за собой и, обернувшись, остановилась, подмечая уже и в темноте, как мужской силуэт перевернулся со спины на правый бок, что-то невнятно просопев-бурчав сквозь сон, но, так и не проснувшись от еле уловимого скрипа двери, как и пола под ее ногами, продолжил видеть седьмой, а там и девятый сон, позволив уже и ей еле слышно выдохнуть и, оправив его же все и рубашку на себе, не решаясь больше и дальше разбивать пелену его сна; уж точно не за этим она сюда шла и *пришла*, чтобы будить,

перенимая с этим, уже и дважды, огонь на себя; преодолев расстояние, от двери до кровати, в один неслышимый прыжок – аккуратно и бесшумно прилегла на последнюю, забираясь тут же под красное шелковое покрывало; сменившее, к слову, уже белое, под и как все остальное же постельное белье, в целом: после ночного и всех же таких же уже и ночных, *не* их двоих рандеву; затем же – еще юркая и под самую же левую руку парня, по форме напоминавшую дугу, окаймляющую будто бы и тело же под ней, которого и не было, а была и *уже* «обманка», выбив из-под нее, где-то между, еще и медведя и, прижав его к груди, уложила уже и свою голову на предложенно-подложенную *ей* его правую руку, стараясь напиться, если уж и не впитать и не обтереться игрушкой вся: чтобы сбить себя и его, Егора, с себя, со своего следа. И да!.. Пусть и времени было катастрофически мало, прямо-таки и в обрез, на все про все, для нее, собственно, как и для него, с *ней*, но и она надеялась: все же успеть. Пока и тем временем уже и сам блондин, вновь заворочавшись, прижался ближе к ее телу, опуская левую свою руку на ее талию и, не встретив никакого сопротивления, как и под свой же удовлетворенный еще хмык, чуть сжал все тот же ее бок. И сразу же, как и в нос же уже обоим, ударил знакомый и *родной* запах: но, если и в случае же ее и с ней, на «все сто», то и в случае же его и с ним – *подпорченный* и «спрятанный» под пусть и еле уловимыми уже, но и нотками же лепестков роз; что он заметил еще и без *нее*, ну а теперь уже и *на* ней, но

так ничего и не сказал. *Пока!*.. Да. Они – «выжидали» друг друга. И опять же все: оба!.. Он – чтобы «наказать» за долгое отсутствие и некий же еще «пранк», который он просек практически сразу же, и тем же самым все чертовым медведем: от которого так никак и не мог, не может избавиться, но и теперь уже точно подождет, когда сможет это сделать – вместе с Артемом; а она – чтобы вспомнить былое и... поностальгировать. А еще!.. Заставить свою «унылую копию» – прочувствовать все то же, что и она до этого: одним разом; давеча же еще и вспомнив, как он был ее, после не ее, а потом снова ее, но уже и без права прикоснуться... самой. Будучи с ним *не* самой, но и с правом ревновать и завидовать этой же все выскочке – с *ее* внешностью!.. Да как она вообще посмела: И как он мог?.. Он ведь – любил *ее*; и продолжил, продолжал любить. Продолжа-ет: любить!.. Что бы ни говорил и что бы ни говорила она; да и та же еще; сам-и. Что бы и он же все сам ни «затирал»: про их различия. Он же никогда их и *не* различал!.. Да и зачем?.. Всегда же была – только она, *Анна*, и останется ей. «Собой»!.. Без той. И что же она еще, собственно, и собиралась доказать: этим самым же все своим «финтом». Пусть даже: и против воли – самого Егора. Тем более: *для* отключившейся Софии. Ведь и «почувствующей» же это, рано или поздно, когда очнется-вернется. Минус на минус – просто вновь же все и даст плюс: где и *роза* же еще сама – саму себя и дискредитирует, сняв свой же «блок» на сны и эмоции, чувства и... ощущения. А это – не то, что

быть: «на измене». Это – *измена*, как она есть; и в «чистом» же виде. Пре-да-тель-ство!.. Которое «птичка» – попросту не перенесет. Не вынесет. И, взлетев Икаром к солнцу, рухнет... в куст терновника. Зато – *какая* песнь-то будет!.. Да и опять же все – *и* ему: в «альбом». На память, так сказать еще, *о былом!* Но и уже с той: Софией. И уже-еще от этого на ее лице – расплылась счастливая улыбка: гордости и... *предубеждения*. А на его – *преступления*... и наказания. Пока и его же все левая рука, будто бы еще и живя своей жизнью, медленно забралась под свою-его же, *хозяина*, рубашку и начала невесомо поглаживать ее впалый и плоский живот, заставив вмиг и ее же уже мышцы, вместе с кожей, напрячься и натянуться: но а когда его движения стали более уверенными и прямо-таки *ощутимыми* – мысли о мести ушли на второй план, отступая и уступая место – томительному ожиданию и приятным мурашкам, *их* уже и покалыванию под и в ее коже. Ну а спустя еще каких-то несколько секунд, не желая еще и упускать *такой*, свой шанс, который, вдобавок, в любой момент мог так же легко и просто до конца *проснуться* и ее *дознать*, сама попыталась как можно ближе прижаться к его телу, взаимно и в ответ, от которого, по ее меркам, пусть и не исходило тепло, граничащее с жаром, но и она же его могла вполне вообразить и так же все запросто представить, да-к еще и сама возбуждаться чуточку сильнее, лишь от осознания того, что это она могла бы так на него влиять, а не та: та бы чувствовала еще, конечно, и ощущала! Эмоци-

онировала!.. И, в попытке уже прямо-таки и избавиться от этих своих пагубных мыслей – прижалась своей попой к его паху и плавно задвигала бедрами, ожидая, по идее, если и не сразу же образовавшуюся выпуклость и бугор, в ответ же все и под тканью, как она еще и уже поняла, его спальных штанов, то хотя бы и намеки на нее: вот только, и на свои же уже действия и воображенно-нафантазированную крепкую эрекцию, получила... ничего. *Совершенно*: ничего!.. Да и что хотя бы еще и могло бы, так же уже и по ощущениям, совпасть с тем: что могло бы и «встать» на нее. И такой поворот событий, сказать прямо, либо ничего... кроме правды, заметно поумерил ее пыл. Она. Его. Не возбуждала!.. Даже: не «на немного». Тем более!.. «Никак»: не возбуждала! И эта обида – неприятно кольнула ее сердце. А его же рука, по-прежнему, как будто бы еще и специально, *издеваясь* дополнительно, крепко держала ее за талию и, лежа на ее животе, не давала ей возможности отползти: хотя бы даже и на то же все ничтожно-малое расстояние. Ни уйти. Ни остаться!.. А он же все, тем временем, мог и задремать повторно. Мог и, вообще, уснуть!.. И от этой мысли – ей стало: еще хуже. Хотя, казалось бы вновь, куда. Но и так же ведь все, *опять*, откуда. И да!.. Она попыталась: отодвинутся. *Старалась*. Как могла!.. И получалось. Но сделать этого ей, как и прежде, так и не дали. Хоть, и раздраженно даже уже и прошипев, она так и не оставляла своих безрезультатных попыток: вырваться из его объятий; про себя же все и повторяя, что: «*Месть*

– не удалась! Ему – плевать! Хотя бы: попробовала!..». И, когда она уже только лишь практически уже и собралась исчезнуть, ощутила, наконец, прерывистое жгучее дыхание на своей шее. Показалось?.. Решив проверить и, предприняв еще несколько попыток к отступлению, подумав, что ей *показалось* и делать там уже что-либо бесполезно, вряд ли у нее уже и что-нибудь получится, хотела недовольно и фыркнуть, если и не высказать все, что думала по этому поводу и отпихнуть его далеко и надолго, плевать уже, что разбудит, как ощутила неожиданное поднятие его левой руки выше и как та сжала ее же левую грудь, срывая с ее уст прерывистый стон-всхлип!.. А он – все еще умел: ее удивлять и... удивить.

– И чего же мы так долго ходим, м, *Софи?*.. – И сухие, в меру и горячие его губы жарко прикоснулись к ее шее: заставив ее уже и окончательно поверить в это, как и разуверить в другое, иное. – *Где были?*.. Я уж подумывал – идти тебя искать: если еще не на кухне, то и близ уже комнаты Влада; или в ней самой! Вдруг ты заблудилась... Хотел уже даже и *переместиться*, чтоб забрать тебя: перед этим «выбив» и из него – все дерьмо!

Через приоткрытый балкон – дул легкий ночной ветер: и если б она могла чувствовать и ощущать – могла бы и «воспринять» его остужающей волной, проходящей по обнаженно-оголенным ее участкам тела, прикрытым и открытым покрывалом; остужаясь им, так еще и вместе с дуновением ветра, вдвойне!.. И она вновь попыталась это представить, во-

образив-нафантазив про себя, и на месте соприкосновения же «кожи к коже», где еще покоились его уста, не разрывая контакта: так и которое же еще – как будто бы и пульсировало. И по телу ее прошла сладкая волна возбуждения... на пополам с разочарованием: он *не* был с ней – таким. Как и в принципе. *Никогда!*.. А уж и что говорить за: *таким* нежным и эмоциональным, чувственным и... «ощутимым»! А с ней – был!.. С той... этой... Софией! И даже мысли ее начали уже «скакать-метаться» от того, что его левая ладонь, до этого преспокойно покоившаяся на ее груди, вновь начала спускаться и спустилась же ниже, пока не остановилась, и опять же все – на ее животе, только лишь почувствовав ее пусть и неуверенную, сбивчиво-хриплую, но и «отдачу»:

– Жажда... замучила. Пришлось взять «с собою» – воду!.. Бокал... с водой. Чтобы: не возвращаться!

– М-мм... Что-то я не слышал – соприкосновения стекла... *с полом!*.. – И длинные пальцы его уже и правой руки опустили к ее же все и правой груди, пройдясь по напряженному соску лишь только самыми подушечками: проделывая круговые и массирующие движения по ореолу. – Или ты взяла его – в нашу постель? Пусть я и не так хорошо «утоляю жажду», употребляя воду на входе, на выходе и «выхлопе» же получая совершенно не *то*: но и когда «уринотерапия» – стала твоим фетишем?.. Или ты решила попробовать «белых тел» – не из *первоисточника*? Ты обижаешь меня – этим, малышка!.. Лучше признайся, что «проглотила» его.

Бокал!.. И хоть в этом я тебе, конечно, поверю. – И, несмотря на отсутствие жизнедеятельности, как и температурного режима, как таковых, Анна вдруг, и от «забытости», забытых же еще и ощущений, но и так же все вернувшихся же все сейчас, здесь и с новой силой, стала ощущать открытый балкон – каждой клеточкой своего тела: убедив себя, уже и окончательно-бесповоротно, в этом; как и в том, что в комнате становится – прямо-таки душно и до боли напряженно, *до боли...* смешанной с удовольствием. Казалось же еще чуть-чуть – и этот самый же все *воздух*: можно будет потрогать, прорезать тупым ножом или... *хрипотцой* его же голоса; ей же все и на левое же ухо. Как вдруг!.. *Неожиданно.* Поглаживания – прекратились; и темный, весьма уже и набухший, твердый сосок – сильно сжали, нежно прикусив затем уже и зубами шею, вырвав уже и из нее, но и в тон же все ему и его же голосу, стон: ведь и второе уже прикосновение его губ – было влажным, хоть и быстрым; зато и вместе с неспешным движением рук, по прямо же и раскаленной ее коже, что так и кружило ее голову. А из-за того, что она еще и не видела, но *знала*, кто лежал сзади: это лишь еще больно добавляло ей – *острых* ощущений!.. Равно же все, как и то, что он, как раз таки и из них же все двоих, *не* знал: *кто* лежал перед ним: точнее – не *узнал* и ту, что сейчас лежит перед ним; и кого же он – *так* ласкал, соблазняя и раскручивая – на что-то большее, дальше, более долгое и такое же *глубокое*. Ну, ей так казалось и хотелось так же все и думать,

во всяком случае: врать же – так по всему и повсеместно же, не размениваясь на меньшее; «перенастраиваясь» – на эмоции и чувства, ощущения, погружаясь в них и... забывая обо всем, всех и вся. Да и как еще это всё, все и вся, на самом деле: должно работать и быть, выглядеть!.. «Отключаясь» – телом; и включаясь – душой. Но и не признавая под первым: разум!.. Как и под вторым: сердце! Чего нет – того нет!.. Да. *Как* все поняли: так она – и *приняла*. Да-к и порадовавшись же еще, что так рано не ушла: как и окончательно, с поднятыми же все и руками, не сдалась. А уж и когда его левая же рука – направилась еще ниже!.. Лишь на секунду остановившись, чтобы раскрыть пошире рубашку и, касаясь затем резинки ее нижнего белья, замерла, оглаживая кожу у нее и чуть, совсем немного проникая под нее, не идя пока дальше. Она была уже готова – даже и рассмеяться от счастья!.. – ...*Чтобы: не возвращаться!*.. – Фыркнул он, спародировав ее и продолжая, сам для и про себя, «прощупывать почву»: во всех смыслах. – Стала: *аккуратней* и тише?.. А заодно – и начала бояться: *темноты*. Давно ли?.. Или столкнулась с кем еще: *без «света»*? В следующий раз – *не* отказывайся от помощи; и *позволь мне* – сделать это *для тебя*: принести воды и *убережь* от всего! *Всея... И всех*.

– Я *никогда* не отказывалась – от *твоей* помощи, милый!.. А «столкнулась»... Да! С *Владом* же: и столкнулась!.. – Хныкнула брюнетка, продолжая получать ласки и «внимание»: к верхней части своего тела; но так и не почувствовав,

не ощутив – того же и к нижней. *Пока!*.. – *Свет* же – был мне и *не нужен*: мы видели друг друга. Но и он почему-то, все же, решил: за- и *подцепить* меня плечом. Я же все-таки: в *твоей* рубашке. А не... в «его»!.. Так что, если твое *предложение*, по отношению к нему, все еще *в силе*...

И, с тихим рыком, его же все и левая рука – уверенно скользнула к ее уже и разгоряченному, влажному входу, проникнув в него одним толчком двух пальцев: в то время как и правая же его рука – поднялась к ее шее, «сдушив» и сорвав с ее губ куда более громкий и протяжный стон; одновременно-параллельно же уже и с тем, как ее приоткрытые и пересохшие губы жадно хватали воздух, пытаюсь словить хотя бы и один полноценный вздох, если уж и *не* такой же выдох – это было резко и слишком грубо, *даже* для нее, тем более для *него!*.. Было же слышно – лишь ее тяжелое и сбивчивое дыхание, приходящей и тут же выходящей из себя, как и сознания, смешивающееся уже с редкими и приглушенными стонами; и больше – ничего! Замерли. *В секунду*. И в одно и то же мгновение!.. *Оба*. Никаких последующих и еле уловимых ее звуков, как и движений его довольно-таки и проворных пальцев: внутри нее. Как и не было – его звуков: из-за ее спины. Что и ей уже даже вдруг показалось, что *она* – сделала что-то не так. *Сделала-ла-ла!*.. Она же – так ничего и не сделала... *ему*, в ответ! А *должна* ли – была?.. *Она!*.. И *ему*. *Наверное*. И, выпустив таки уже медведя из рук, отбросив его и куда-то же все на пол, опустила свои руки на его: ста-

раясь *помочь* ему, в продолжении и к ней же, начатого им, *направляя*. Но, и стоило же ей только его коснуться, как его левая рука исчезла из нее и тут же, *вытершись* об нее же, не пачкая и свою же рубашку *ей*, перевернула ее на спину, позволяя уже затем и самому же Егору взгромоздиться-сесть на нее, сжав обе ее руки на ее же животе, ладонь к ладони, одной левой; не специально и не намеренно, но и весьма продуманно, однако; правой же, последний раз сдавив ее горло, нырнул в ее же рот, раскрывшийся от ее уже даже и болезненного стоны, упершись двумя пальцами в глотку.

– Даже и не скрываешься, тварь!.. – Рыкнул он, демонстрируя себя ей и «во всей же *своей* красе»: так еще и упиваясь – ее загнанностью и «пойманностью», смакуя – ее страх перед *ним*, как и им же все самим, отражающимся, вместе с *тем*, в ее темно-карих глазах – на фоне его же *черных* и того, что он *может* с ней сделать, ну а и точнее же все – чего *не*; а *не может* он... «ничего»! – Палишься – на каждом *своем* действии же и слове! Все так же: не изучая *субъект*, объект... Не продумывая и шаги наперед. Такой себе *ученик*... *не* своего учителя. Да... А уж и куда там: до *превзойти*!.. С тобой было *интересно* – без памяти, чем, и как я же уже даже и *сам* погляжу,... – и, повернув ее левую кисть на себя, убедившись уже даже и в правильности своих догадок, как и инерционности интуиции, ее *автоматике* и верности, тут же вернул ее к правой, стыкая их между собой, – ...*сейчас*!

– Егич, *рука*!.. – Влетел к нему в комнату Влад в одних

черных спальных штанах и с правой же все своей ноги открывая и так не запертую дверь, но и не размениваясь же еще на «разрешение на вход», а и тем более «просьбу» о нем: решив ограничиться, как обычно, «своим методом», а и точнее же все «билетом и проходкой» – неся на руках Софию; и тут же притормозил на середине пути, выдохнув. – А!.. Ты уже и сам – в курсе.

– *В курсе*: чего?.. – Шикнул блондин, меняя тут же цвет глаз и извлекая свою правую руку изо рта Анны: вновь сдавив ею ее горло и «сдушив» ее же саму. – Что *она* освободилась?.. Или *все* вспомнила? Или *все* и *сразу*?!.. Так еще и приперлась – меня соблазнять!.. «Убрав», перед этим, *мою* же *девушку*. Что с ней?!.. Она в порядке?

– Тогда, может, *махнемся*?.. – Поиграл бровями рыжий, только лишь подмечая злой взгляд брюнетки, после чего уже: слыша ее же хмыканье и видя «отмашку» в отвращении. – Ты просто не знаешь – от чего отказываешься, *милая*. За год – я поднатаскался!..

– Ага... И *потаскался*! – Шикнула Анна, отплевываясь и, одновременно-параллельно, пытаясь вновь выбраться: но и все же – безуспешно. – Но и проблема – не в тебе, Владичек; а в том, что... я знаю – от *чего*... «именно»... отказываюсь! И, не изменяя *себе* в этом, отказываю-сь же: снова! Не жалея. И не сострадаю... Не скорбя!..

– ...бля. И... Через: «д». С *мягким знаком*. Да... Ну и хоть в чем-то, с *кем-то* ты не изменяешь и... *кому-то*! – Пожал

плечами Влад, не особо и расстроившись. Как и не обнадежившись: понадеявшись *вдруг* и перед этим – на что-то иное и другое. Даже: от *нее*. *Тем более*: большее!.. Да и не скрывая же еще *своего* задорного ехидства – от *всей* представшей перед ним картины. Вот уж где-где, а: «*Ученик превзошел своего учителя*»!.. Правда, слово-глагол «соблазнять» – все же немного выбило его и из его же все колеи, заставив лишь на миг, но и задуматься все-таки: об обратном. «А *вдруг!*..». – Вы – закончили, *если и начинали?*.. Или *нам* – подождать: за дверью? А *вы* уж нам – крикните!..

– У «нас». *Ничего*. Не было!.. – Рыкнул Егор, указывая еще и своим темно-синим взглядом на то, что она была в одежде: как и то, что и он сам нависал над ней в темно-серых своих штанах. – «Тупая прелюдия»... Которая и *вернулась*: к ней же. *Все*. А!.. – И, вспомнив про правую руку, вытер ее об нее же, вернув после на место. – Теперь: *точно!*..

– Классика!.. – Широко ухмыльнулся рыжий, гордый за своего «брата» и, *не* кажется, совсем забыв о своей ноше: *драгоценной* же еще и плюс ко всему – для кое-кого, кто продолжал обстреливать его взглядом и ждать ответа на заданный до вопрос, стойко и спокойно удерживая под собой извивающуюся, *как* уж на сковородке, девушку. – Ах!.. Да. *Софи!* – И подбросил ее немного на руках, поймав-обхватив затем поудобнее. – Все хорошо!.. Правда, без сознания. Но: дышит!.. – Доложился он и утвердительно кивнул еще, для подтверждения, тут же переводя все внимание на Анну и ки-

вая в ее уже сторону, как и в сторону ее рук-и. – С рукой ее, *все же*, поосторожнее будь!.. Потому что, как ты уже и *сам* понял, та хренотень, роза, *не* «Роза»... *Мимоза!*.. – Сплюнул он и скривился: земля с *черным* перцем – такое себе сочетание; а что уж говорить – и про морскую *соль*. – Семенами стреляет. *Ядовитыми!*.. При большой дозе – отправляет в нокаут; или «чистилище». А там, может, и в «небытие»: как угодно и... удобней. Каждому: *свое!*.. – И пожал плечами, глянув затем и на девушку уже и в своих руках. – Софии же – досталось: «снотворным». Но и, собственно, как и всегда: то, что ей в напитки и еду подмешивалось. Роза – не разбазаривала: *ценные* лепестки!.. К счастью ли?.. *В го-ре. Е-гор!*..

– На кой: вышла?!.. – Нагнулся к ее лицу названный, никак не отреагировав, пока, на ту еще и *того же* все «игру букв», и вскинул затем свои светлые брови, мол «*Серьезно?*», увидев, как и ее глаза: стали *черными*. – Ой-ей!.. Боюсь-боюсь. *Как же*, ага!..

– И *правильно!*.. – Хмыкнула Анна. – Бой-ся! И вы же... *все...* бойтесь. – И, воспользовавшись его же все и *нависанием* над ней, как потерей «вертикали» и стержня, некой же еще и «опоры», сгруппировалась и, прижав к груди ноги, откинула его к стене в один толчок, после чего сразу же подобрала медведя с пола и, вернув себе по ходу же все и движения свою одежду, оказалась у балкона: проходя затем в него и прыгая на перила; напоследок же лишь повернувшись к ним и послав воздушный поцелуй. – До скорых!..

– Ты так уверена, что все еще ей, *им* нужна?.. – Бросил ей вдогонку Влад, даже и не пытаясь, тем более не став еще и думать изначально: как ее словить; сама – догонит-ся. – Вырубив Софию и воплотившись, пусть пока и без тела, ты *лишь* сделала «сирень» ярче, дав сигнал, тем самым, мне; Егор – был «занят», а уж про Розу и Андрея – я вообще говорить не хочу, много им, точнее *мало* – балл еще накидывать сверху; *и только*. Но – посмотри!.. – И, вытащив свою левую руку с кистью из-под Софии, развернул ее запястьем к ней. – Кто: *на* «коне»?.. А? А!.. Видала?!.. *Венка-то* у тебя – нет. Розе ты – не сдалась. Как и *Андрею!*.. Не котируешься. А я: да. Не жалею, сострадай и скорби – дальше. «Езжай»!.. Проверь: *правда* ли. Но и неизменным же останется одно – *тебя* уже: предали и забыли; и на тебя же – все забили. Несчастливая же ты наша... *Бедная*... «Анна». *Разливай уже масло* – и вперед к: «*Ничего личного, только бизнес*» отныне... и *вовсеки веков*. К той еще *семейке* с «позывным»: «*Только там, только там – место “бездарным” дуракам!*».

Но, ничего же так толком на это и не ответив, а и вновь же хныкнув, она спрыгнула вниз, спиной «вперед», растворяясь в своей «серой дымке»: так и не коснувшись асфальта.

Глава 28

**

...Цветы – самые *громкие* создания во всем мире. Во всех мир-ах!.. И на всей всех же планетеах... вместе взятых. На всем *белом и черном*, «сером»... свете. Во вселенной и... Вселенн-ых! Они – «кричат», да!.. *Кричат*: цветом и запахом... «Своим» ароматом! А какой *самый* громкий крик?.. Крик души или, может, крик злости? Крик ярости или... гнева? Крик ненависти... или боли? Крик любви и-ли верности? А может быть, *ревности*?! Какой «крик» – для тебя? *Что*, для тебя, «крик»?.. Молчание, м, *самый громкий* крик. «Ти-ши-на»!.. Самый. Громкий. Крик! Они – молчат, да, но и... *невыносимо* громко. Как и... «мы»! Не замечал, как «во-время» нас научили ходить и говорить, но и как *не* вове-мя же все, при этом, «научили» общаться и... делиться?.. *Делиться*: мыслями и делами... Работой и семьей. путеше-ствиями... Слова же, без плоскогубцев, не вытащить. Куда уж, там, говорить и... о *насилии*! «Например», да?.. Нет. *Не* «например». *Игрушки*... И «куклы». *Туфли*... Сколько памятников – *сему*: «уже» есть? А сколько и... еще «будет»?.. Пока не дойдет до... и отдельного же уже *земельного участ-ка*: с памятниками? Может, *так* – о нем заговорят: тогда?.. *Когда* на этой и той «такой» почве – произрастут: *цветы*!.. С почерневшими и... *загнившими* лепестками бутонов. С твер-

дыми и «будто бы» еще *каменными* стеблями и... листвою. Лист-ками... С «болючими», около и рядом, шипами. Каждый крик и... такая же, каждая боль... Каждая «телесная» измена и такое же *душевное* предательство – на них. Все худшее и... *лучшее*: в одном!.. Одн-их. «И даже “красный” цвет – стал *черным*...». Хм... Под *черной*... коркой, почти и льда, бьется... б-ился же: пульс! И так же все бил-ось «кровью» – сердце. *Такой же?*.. Бутоны... С иссиня-черными лепестками. Да... Так кровь – бродила и за-, переходя от етoяще-го «перчаткой» положения в... *невозбудимое* темно-синего и «ночного неба» в и к темно-фиолетовому и... *черному*. С запахом... спустя пару часов *после* заката и за пару часов до рассвета. А сердцевина – полночь!.. *Прямо* и... Ров-но!.. Каждая же роза – чья-то загубленная душа. Каждая роза – пример того, как *игнорирование* может убить все. Всех и... Вся!.. И убьет ведь еще – не *один* человек, а... «общество». Со-ци-ум!.. Ах... А если бы каждый мог и *смог* в и «*уложиться*», по мере *сил* и... «возможностей», в один лишь: *не* такой же цветок... Спас бы – чью-то душу! *Подумать только*... Од-ну. Да... Но и из миллионов, миллиардов... Ду-шу. Которая терпит... нo и молчит. Как и чью-то душу, которая уже спаслась, но и должна теперь адаптироваться в новом-старом мире!.. А и для этого уже, чтобы... *были бы* построены дома: с удобными и... *свободными* квартирами; с *теплыми* и уютными комнатами в них. Со всеми удобствами и... *Для* них!.. «Война – не без жертв»!.. Но и только в наших *силах* –

сделать их... *минимальными*; и уберечь «оставшихся». Пока *розы* – не внесли в «Красную книгу»!.. В *Кровавую* книгу: отчаяния и... боли. СС и... С!..

...– *Они* – «*кровят*»!.. *Ро-зы!* – Пропел женский ехидный голос. Что-то близкое, но... и тут же «далекое». Такое же живое и... одновременно «мертвое». Молодое и... «старое». – «*Кровят*» и... *тем самым*... «*тем самым*»: «*красят*» *этот* и... *тот мир* – своим «*благоуханием*». Но – и не причиняют вред... *наильно!*.. Только мы сами – «*накладываемся*» на их *шип*ы и... *прикладываемся* к ним! Для них – это не больше, чем... «*защита*». *Хотя!*.. – И умолкла, будто беря пауза для вдоха и сразу же выдоха: на деле же – сменяя интонацию; и переходя затем на скрипучий шепот. – При «*Королевском звании*» и... *таком же статусе*... они могли бы – и *закаль-вать* «*неудобных*»!.. Как себе... Да так: и другим. *Чу-ж*им!.. Могли бы *стоять* и «*на страже*»... *безопасности* человека и-ли «*не*»: как в *частности*; и *закона, порядка* и... *власти, как в общем*. Но и они же – *этого не делают!*.. А «*ты*» – *делаешь!* – Вдруг вскрикнула она, даже и оглушая на доли секунды. – «*Заставляешь*» – *ненавидеть себя* и... *их!* В-мес-те: с тобой. «*Именуясь*» же – ей: как... «*знатью*» и... «*Но-ся*» же – ее: на себе!.. Когда же и она – *должна носить: те-бя. Дрянь!*..

...– *Ха, да!*.. А *знаешь еще... что?* – Вторил ей такой же

парень, но и с куда более насмешливым да и именно же еще «насмехающимся» тоном своего... *баритона*. – Знаешь, на «что» они еще – способны? *Ро-зы!*.. Способны – затуманить взор. «Затуманить» – его и... начать действовать. «В тумане»!.. В «дыму» сознания и... дым-ке же твоего же все и подсознания; «бес-сознательного». Не прячься – в нем... И в не-й! Не прячься – в них!.. – Грубо отрезал он и хмыкнул: сбрасывая хитрость-грубость и «одеваясь» в злорадство. – В «Белоснежке»... Это же – вид: роз! «Белые»... розы! До того, да, как станут... «красными»; «и» алыми. Окончательно и... Бесповоротно. Раз... И навсегда!.. Не. Тро... жь. Розы! – И сорвался же так, будто кто-то, и в самом деле, коснулся их; или только увидел и лишь до-коснулся взглядом. – Белые – не «твои». «Дикие розы» же?.. Пожалуйста. «Черные», да, твои!.. И... Да. О... да!.. И исколись же – ими: вдоль и... поперек! Может, хоть их «вред» – станет: непоправимым... или послужит уже и полному исчезновению тебя!.. Что лучше, что хуже – в таком случае?..

...– *Black princess (Черная принцесса) – Black rose (Черная роза)*!.. – С придыханием отозвалась третья девушка, но и скорее даже девочка: притупляя и приспуская нервозность и дрожь – от неуравновешенных и первых... двух; позволяя пересесть с американских горок – на аттракцион поменьше: что в напряге, что и по годам. – *Черный!*.. Глубокий и... глубинный темный! Самый... черный! Свет и... цвет. Черно-

та вороньего крыло и... угля. Деготь и... бездна. В одном!.. Од-но... Как вино и... химиотерапия. Такое себе сочетание и сравнение, но... Должна создаваться и выращиваться, произрастать – в изолированном пространстве: темном пространстве, куда не проникнет ни один луч солнечного света и ни одна капля ультрафиолета; заставляя выгорать и... выцветать. Это – нефтяные залежи!.. – С радостью и счастьем первооткрывателя продолжила она, орошая детской непосредственностью все вокруг и, в противовес словам, ослепляя светом. – То, что дороже серебра и... золота! Дороже и... меди! Та «нефть», что дороже: самой нефти!.. Дороже – жизни и... Конечно, смерти!..

...По полю с черными с шипами розами. И в порванном белом платье... без лямок!.. С длинным подолом: до и волочившимся же еще когда-то позади же все и земле. Теперь же – почти до и по колено. С «прорезьями» для ног; и порезами: и «так». Плюс ко всему же еще – по и на коже не только их, но и рук, ладоней... В покоцанных и сбитых, а где-то еще даже и немного над- и порванных, в пыли и грязи белых лодочках на тонкой и высокой шпильке. Без *фаты* и... «Кольца»!.. Через эти же самые все и кусты. Срезая с черного гравия дорожек, высланных специально для и под прогулки же по последним и рядом, вблизи первых, а не меж ними и пробежек по черной же земле. Через... *Черные же розы!*.. В поту и ранах... Синяках... *В крови!* В дорожках и

уже даже сгустках: крови. И к одной лишь только *серой плите!*.. Не сбиваясь. Не мельчая и... не «мельтеша» шаг. Не переходя, а уж и тем более не чеканя, на «чеканный шаг». Со сбитым напрочь и скобляще-режущим дыханием!.. Рвущим будто же еще и сами легкие изнутри: своей сухотой и сухове-ем. С невыносимой болью в нижних конечностях; и тянущей – в верхних. Как и с общим напряжением-натяжением – в и по всему же телу!.. Я бежала все дальше и дальше, дольше; и только лишь глубже все заклиная: «*Не остановиться!*.. Не *сбавить* ритм! *Сбить* – дыхание, да, но не сбиться. *Только* – не сбиться...». Пока, и *она* же все, с широченно-хитрящей улыбкой на губах и с, в неспешном шаге следом, не теряя из виду, продолжала орошать все и вся, всех вокруг – своим раскатистым голосом и таким же смехом:

– Беги-беги!.. *От себя* – все равно не убежишь; а *от меня* – и подавно. Вот только... и *тогда*... от чего, м? А может быть: от к-ого?.. Среди черных бутонов... *черных* же цветов... *роз!* На *моей* территории!.. Или, может, к кому, а? *Но* и: к кому?.. *Не* к кому же! Разворачивайся – и беги уже *ко* мне, а *не* от меня!.. Мне же ты все же – чуть менее нужна, чем... и *не* нужна... *всем!* «*Себе!*»!.. – Хрипы и стоны боли... Глухой рык!.. Сердце будто бы еще и не «реже в такты», а и уже пытается – вырваться из груди, захватив и прихватив с собой все остальные органы: что ж, ему одному – скучно и грустно, «одиноко» отправляться в полет. А мне же – одиноко: здесь!.. Во тьме и... среди нее. Сплошной и полной... темноты!.. Даже

ведь стебли – «зеленым» не отливают: тоже черны и... «так» же черны. И я же... вместе с ними!.. Словно бы – бегу и... *не* бегу. «Лечу» и... не лечу!.. И пусть снаружи под ногами – все так же и *та* же земля; но и чувство же, ощущение внутри, что и нет: ведь она тоже теряется – на фоне *темного* горизонта и сливаясь... с *черным* же небом. *Беззвездным*... черным небом! Ночь!.. *Бездна!* Без-дна. А впереди... Впереди – свет и-ли «белое пятно»: на фоне... всего. Резкий контраст!.. Совершенно ненужный... Или, наоборот, *нужный?* Слепящий и... Слепящий... серый прямоугольник!.. *Плита!* Да. К ней же я... А на ней... *Я!* – Беги!.. Беги – к *своей* плите, да! – Кричит и продолжает же все, тем временем, она, не останавливаясь в шаге: как и в своем злорадно-злодейском смехе. – *Да!*.. А чего ты еще ожидала? «Венчания»? *Свадьбы?*!.. *Да ну...* Ну да!.. «Белый» – это *смерть*. Это – *цвет* смерти!.. А не «королевского рода». Стати и... *Знати!* С какой, спрашивается же еще, *стати!*.. Не высшего и статуса! Вообще: *не* статуса. Да и ты же сама все – не роза; и не роз-ы! Ты – *ничто!* *Ничем* – и умрешь! А я – за тобой; но и *не* умру. Я ведь – уже!.. – И останавливается в монологе, с удовлетворенным придыханием *потягивая* тишину, *молчание* и паузу: позволяя придумать свое окончание и навешать таких же смыслов; *без* них. – *Уже:* совсем... близко. Нагоняю – и *дышу в спину*, «наступая на пятки»!.. Повторяю еще раз, для таких же все и особ-о одаренных, это – *моя* территория! – Рывкает она и переходит на звериный крик, почти что и рев. – И на

ней – ты: никуда не денешься!.. Не уйдешь. И не убежишь...
Не спрячешься!.. Не-ку-да.

Останавливаюсь ненадолго – и осматриваю все же себя: на бегу. Затем мельком оборачиваюсь – и осматриваю ее саму. Так и есть!.. *Белое и черное. Черное... и белое!* Только и у нее – все целое и, соответственно, даже, а там и *тем более* не рваное. Да и фата – на «своем» месте: прикрывает лицо. Руки же – сложены за спиной и, скорее всего, еще сцеплены в «замок». Чтобы уже и в них – держать... *цветы!*.. Да-к еще и размахивать ими, черными же розами, сжатыми в пусть пока и почти что кулаках: но и до проткнутых, черными же все и шипами, ладоней; если уж и не кистей. До... *Крови!*.. «Металл»... мешается с *металлом*. Так и отдавая же еще – какой-то *обугленной древесной сыростью... с плесенью*. Не говоря уж: и про *пыль... с вином*. Вот только и затем уже – падалью и... гниением. «Мертвечиной»!.. *С морозной перчевой кислотой и... высушенно-выжженной в пепел и копоть черной же, но и «сиренью»*. Проходит еще немного времени – прежде, чем она все же стопорится у чьей-то *серой* же гранитной плиты и ее предплечья полностью опутывают-окутывают черные стебли с такими же шипами. *Как!*.. «Кровавые дорожки». От них или ладоней?.. *Черных* ли длинных ногтей?.. Или всего вместе и... *сразу?*..

– Могу позволить себе – *сию* «слабость», как думаешь?.. Я же даже – не бегу за тобой! *Смекнула?*.. Мне *никуда* – спешить. Да и не за кем... *Не-за-чем!*.. Могу – остановиться и

насладиться... *черным бутонем*: одного же все и из *черных цветков*. Его «криком»!.. *Громким* и... разрывающим перепонки. *Женским!* А рядом... *Рядом* – и мужским!.. – И обводит по воздуху и контуру плит своей правой рукой, оставляя черные стебли цветов в левой: но и словно бы еще – сами *фигуры*. После чего касается ею – черного же цветка. – *Никакого нацизма, помнишь?.. Никакого и расизма...* «Генде-ра»! Девушки... и *парни*. Парни и... Девушки *по парням*. И *парни*... по девушкам. И крест-накрест!.. М-мм... – И болезненно отдергивает правую руку от черного стебля, левой продолжая удерживать *свои* черные цветы за спиной: но и только лишь для того, чтобы перехватить первый удобнее и *придушить* его, черный цветок, необоснованно, хоть и у его же *основания*, черного цветоложа. – Колется!.. *Падла*. Поздно, малышка! Ты – *уже*: «цветок». И, как и в любом «благоустроенном саду», над каждым... *черным* цветком – «своя» краткая информация: по телу-делу. Прочитать тебе?.. – Отрицательно качаю головой. – Ладно тебе!.. – Смеется. Но и так же еще натянуто и *будто бы* вымученно, что дух перехватывает и... вырывает с корнем: *душит* – черный цветок, а, *и* словно бы, меня. – Всем нравится читать – эти таблички... с инициалами. С их и полной расшифровкой, статусами и... *годами*. И мой любимый – дефис!.. «Мостик»: между жизнью и... смертью, существованием... и смертью. *Дожитием* и... Ты и сама знаешь, не так ли?.. И без меня! – И только успеваю сорваться с места снова, как и засечь взгля-

дом одну из табличек, как натыкаюсь на свою и... «Вновь».
На. *Свою*. Плиту!.. А она – продолжает ход и нагоняет, когда
я дохожу до строчек: «Помним. Любим... *Скорбим*». Разво-
рачиваюсь!.. Но она – тормозит мой порыв и держит голову
сзади за шею своей правой рукой, как и тот же все черный
цветок чуть ранее: готовая претворись все, что с ним, а со
мною лишь *в теории*, теперь со мною и *только* на практике;
наклоня и утыкая – в свое-мое же фото. Затем – разво-
рачивает головой и телом, в один оборот, и ставит меня уже
прямо и ровно: перед *собой*. – Смотри – на *меня*! *Не* на пли-
ту!.. – Приказывает она – и я повинуюсь: не имея возможно-
сти противостоять!.. *Ложь*. Не борясь!.. И затем лишь пони-
маю: почему. В ее левой руке – больше нет черных цветов:
она оставила их еще там, на дорожке, а сама держала мои
руки – перед собой *и* мною. – Теперь – наклон головы вле-
во. В-ле-во!.. Наклоняй – и *за* меня. Умница!.. *Что* видишь?
Что это?!.. – И широко, а даже и скорее, именно ненормаль-
но улыбается, сбрасывая пафос и тут же представляя «камен-
ным изваянием»: не хуже и тех же все самых плит. – *В све-*
те луны... «Было бы»! *Если* бы она – была. Но и ты же –
можешь чувствовать, если, и пока еще, не *видеть* в темно-
те! «Слышать» и запахи... *Кровь*. Да!.. И как она растекает-
ся и... течет – к черным стеблям, питая землю и... *насыщая*
их. Цветы... к *цветам*! По всем законам жанра, м?.. *Розы* –
это они же... и для *себя*: их собственная... *своя*... вода-еда.
А теперь – *и* смотри!.. – И, пропав ненадолго из поля зре-

ния, вновь оказывается за спиной: только и теперь уже лишь – продолжая держать и удерживать своей левой рукой меня за шею; а правой – мои уже обе руки за моей же спиной и, одновременно, перед собой. – Я – за твоей спиной; и перед твоим камнем. Твое же *фото* – на памятнике? Да!.. А *перед* тобой? Такие же, как *ты*! И таких же, как ты!.. – Хочу обернуться, но она сдавливает горло сильнее, просто теперь уже и именно душа, не «придушивая»; хоть и не совсем еще пока: окончательно и бесповоротно. – Нет, не оборачивайся на меня!.. Насмотрелась уже. *Гадина!*.. Я бросила – их: им. Ты – права... Как куски мяса и... кости. Плоть к плоти!.. А розы? К розам. Бросила черные стебли – на черную же землю! И они... растеклись. *Черные бутоны* – растеклись!.. Только что! И *буквально ж*: перед тобой. А ты думаешь, что они – без черных лепестков!..

Левая ее рука – все еще: на моей шее. Правая же – уже на рту!.. И ей не нужно более – держать мои руки: я почти без сознания – уже; и внутренне. «Сброс» назад!.. Откидывает мою голову, за шею, туда же – и «обращает» лицом к небу. Затем смещает ее еще немного в позвонках – и кости неприятно хрустят. Закашливаюсь!.. И хриплю. *Слишком* резко. И да!.. Не так, чтобы разорвать глотку, но и не слабо, чтобы перекрыть доступ *остаткам* кислорода. *Каким-то* остаткам и... «осадкам». Практически даже: и разломав ее. В то же время, как уже и по моей же все шее – ползут черные стебли... с черными же шипами: с ее рук; продирая кожу и

разрывая ее – проникая через нее, плоть, вовнутрь. Затем – обвиваются сильнее и прямо-таки «обливаются», орошаются кровью. «Беззвучный крик»!.. Тишина. Молчание... Последний выдох. *Выдох!*.. Самый дикий и звериный крик. Почти: животный!.. Никакого «вдоха». И обе – замираем. После чего – мое лицо, все еще обращенное к темному небу, закручивается черной же спиралью, на манер черных же роз и самой же *черной розой*, а стебель, как *тело*, продолжают «пожирать» черные *вены*, «свернувшие» уже и до: кровь, все мышцы и... кожу.

– *Такие* же, как ты!.. – Продолжает нашептывать-петь она. – Но и *в рядах* – за тобой; и *перед* тобой. Черная роза!.. *Моя*... черная роза. И мо-и... *черные же розы!*..

«И даже белые розы... черными лепестками по алебастровой же коже... и ее капли крови в и на ней – стали черными... на сером граните!..». Памятник же, тем временем, уходит под черную же землю, сравнившись... с ней же. *Черная роза!*.. Черный стебель. С черными шипами и... листьями. Раскрывшийся к небу... черным же бутонем. А напротив – карточка... с моим же «отражением». Лицо... с улыбкой. Инициалы... И их полная, подробная расшифровка. Статус. И года... Рождение... И смерть! *Я!*.. Все – *мое!* Пока, и в меня же уже все, смотрится никто иная как... *Анна*. Не «Тен»!.. В меня и... Мое же фото. Ну а после – и в сам черный же бутон. Улыбается!.. *Как* и я... с фото. И уходит!.. А я – остаюсь, вращая черными, уже и своими же корнями: глубоко и

далеко, долго... в могильную черную землю. Я – среди них!.. Чужой... среди *своих*. И *свой* среди... чужих!..

Мгновение!.. И девушка подпрыгивает с кровати, с одного рывка, тут же хватаясь за влажное от пота горло: придерживая и держась же за него своей правой рукой; левую же, в то же самое время, прижимая ко рту – и молча давась слезами. «Молчаливый крик»!.. «Крик» цветов. *В тишине*. Роз. *Ее* и... «Снова»!

– Ну, одно теперь я знаю точно!.. – Повернулся в ее сторону, и на свой же уже правый бок, Егор. – Помимо: невозможное – возможно. Это: *как* спать – с торнадо. Отдам после должное Жене!.. Он был прав. – На что уже и брюнетка ему – ничего не ответила. Не услышала, так показалось поначалу. Но: нет. Она и не слушала!.. Даже, а там и *тем более* – не пыталась, прижав к груди колени и дрожа всей, внешней и внутренней, частью и поверхностью своего же тела. Даже ее органы, словно, были «солидарны» и так же трепетали: вместе с ней и всем, вся; дребезжа от ужаса, звериного и животного, в одном и одну. Так и еще что накатил, будто бы, одним сплошным потоком – за все те разы, что она *не* забывала брать с собой в кровать медведя: будь же он проклят – столько же раз! – Соф, ты чего?.. Эй! Вот, черт!.. – Теперь уже и он, казалось, «протрезвел», окончательно отойдя от сна: просто же еще и хапнув страха и ужаса – от нее же самой и себе. Во-первых, от того, что она никак ни на него и

ни на что иное не реагировала. А во-вторых, что сидела уже и «закрытая» даже – по всем фронтам: сжимая и сжимаясь в своих же руках – до красноты и «белоты», а там уже и *синевы* на бледной коже ног; и до «прорванных» ранок – от чистых ногтей на ладонях. Но не замечая – и этого!.. Не замечая: ничего и никого! Ее до такой степени трясло, что, *не* казалось же уже, растрясет не только кровать, но и стены, потолок и пол: а там – и квартиру... вместе с домом, в одночасье.

– Ребят, вы чего?!.. Потихе – никак? – Влетел в *их* комнату Никита, правой рукой еще потирая глаза, а левой и уже стараясь оправить свои белые спальные шорты на себе же. А уже за ним – влетели и все остальные, тут же замирая в проеме двери и заставляя же еще и первого, тем самым, с толчка, влететь в него: так еще-уже и будучи впихнутым и откинутым – практически и в ноги Егора и Софии. – Больно же!.. – Шикнул он на них, а когда поднял взгляд от пола – тут же встретился им с брюнеткой: точнее – с ее сидячей позой и наброшенными поверх нее же самой темными волосами, аля Самара из «Звонка». – Елки!.. Соф! Егор, что случилось? Черт!.. – И, как опомнился, привстал. – Можно войти?

– Нет!.. – Глянул все еще удивленный и шокированный, но и, в то же время, уже теперь и злой блондин на него. – Да и *ты* – уже вошел. И даже, вместе с тем, *тем более*: нет. Выйди и, как... *всегда*, войди нормально!.. А лучше – не входи совсем! – На что уже и шатен, выпятив нижнюю губу, скрестил руки на своей обнаженной груди и, как самый что ни на

есть обиженный, так еще и *ребенок*, уставился на своего же обидчика: а еще же «братом» зовется. – О да!.. Еще руками – похлопай; и ногами – потопай! – Смерил его все так же серьезным взглядом Егор, но и, осознав затем, что воспитатель, как и учитель, тут мало чем помогут, да и помогали ли хоть когда, даже, а и тем более с ним, отмахнулся от него и сразу же, тем самым, ото всех, взмахом своей же левой руки *приглашая* вовнутрь: не до него, них было. Ни сейчас, ни... Не сейчас! – Ай!.. *Делай, что хочешь. Делайте: все!*

– Ты что с ней сделал?!.. – Вновь налетел на него Никита, совершенно забывая, в тот же самый, к слову, миг, на каких правах, а именно *птичьих*, он здесь и сейчас находится: так еще и при условии того, что Егор его так толком сюда и не приглашал, не пригласил; и мог так же и тем же самым все «толком» – его и выкинуть: на раз, *не* два. – Давно со мной – дела не имел?.. Или с Ксандером!.. И Женьком. И!.. *Владом*, наконец!

– Да заткнись ты!.. – Не грубо, но строго осадил его, *наконец*, Егор, садясь прямо и ровно на кровати, как и Никита, но и подползая все же ближе к самой девушке: и стараясь затем своими же руками раскрутить и раскрыть эту сцепленную наглухо раковину-ракушку; но и добился только – еще большего «ухода в себя» и громкого болевого стона. – Не я – это!.. Она уже проснулась: такой. И!.. С *таким*... – И перешел на шепот, тихий и мерный голос, не только переключившись тембрально, но и интонационно: на куда более мягкое

и в нежное русло. – Софи... *Мальшка...* Что случилось?..
Что тебя *так* напугало?

Но она лишь вновь отрицательно замотала головой и сжала уже и полноценно двумя руками свои такие же обе ноги, упираясь лицом в колени и сжимая губы: после того, как еще и изнутри – сжала-закусила их своими же зубами!.. Ей никак не удавалось понять – с какой стороны шла *большая* боль: и приходилось «бить» сразу и по всему, всем и вся, на всякий случай – физической на моральную; и моральной – на физическую. Будто бы еще-уже и выдирая даже все зубы, больные *и* здоровые, разом: без разбора; хоть и с *перебором*. Но и только бы больше – не терпеть. Да и чтоб *другим* – неповадно было!.. Все прокручивая и прокручивая в голове воспоминания и сны: стараясь отложить их и запомнить в них же – все и всех, вся до мелочей, а не только лишь контурных образов; до объемов и объектов, субъектов, до ощущений и чувств, эмоций и мыслей... До себя и как она *сама* же – была в этом. *До* Анны!.. Как в принципе. Так и в общем. И пусть левая ладонь – уже почти что даже и зажила, но продолжала пульсировать!.. Так еще и она же сама не знала: как избавиться от семян – внутри себя. Но и уже, казалось-не-казалось, была готова спровоцировать даже – рвотный рефлекс! Она же. Ее. Отрубила!.. Так и мало же того, что отрубила: еще и наврала! Это *все* – она! *Она!* Ан-на. Никакая не Роза и... *Тен!*.. И... Егор – был прав! Как и... *все*. Ей – хотелось: этого. Хотелось: самой! И да. Пусть Розу это и никак,

ни в коем разе – не освобождает и не оправдывает. *Но!*.. Да и они обе еще, *все* трое, *четверо*, чего уж мелочиться – хороши; и достойны, стоят друг друга. И теперь, скорее всего, где-то, но и все тем же кагалом-конгломератом, замышляют что-то!.. Но и определенно же уже – против них... всех. Забрала же, дрянь, медведя! Нашла-таки: путь!.. Затем найдет, уже, и *опять-таки*, нашла – их. И все!.. Все – против них теперь: и из-за нее. Не той. *Другой*. А... *Этой*. Из-за себя. Из-за того, что поверила и не проверила. Опять и... *Снова!* Доверилась... Поверила той, что и *все* таки вспомнила!.. А к чему ей, тем более и теперь, *мелочиться* и размениваться: на меньшее?.. Когда можно взять – все и... сразу, разом!.. Взять всех, вся и... *без* нее. Без нее: самой!.. Нужно было срочно вспоминать и вспомнить: те *самые* строчки! *Все*... строчки. От и до!.. Ведь и это явно же еще – было началом. Да!.. Андрей же читал его наизусть – весь. *Весь*: стих!.. А как начало, как обуславливало, так и обуславливает конец: так и конец – начало. Но и все же, *для* начала, нужно было сначала же понять: *где* она!.. И дать наводку – на ее поиск и отлов. *Воззвав* к ней!.. Но и так, теперь же еще, чтобы уже и она сама – ничего не поняла. Сработать – тем же самым ее «собственным лекарством» и... *ядом*: клин клином! А что?.. Хотела сыграть – на два лагеря?.. Свой *и* чужой? Хм!.. Что ж. *Сыграют* – на «три»!..

– *Тен!*.. – Крикнула мысленно и яростно София. И тут же – получила ответ: – *Вот это тебя «пронесло!»*.. – Шокиро-

вано произнесла Анна, даже, и вновь же все «казалось», подавившись воздухом. – *Это, что, за все... хорошее и плохое, что ли? За все и сразу?!.. Черт, мелочь, держись там!..* – От мнимой ее заботы – скребло и свербело, но она держалась, из последних сил молчала и дышала, *глубоко дышала*, чтобы не фыркнуть. – *Если меня – все еще колбасит, то тебя там «разносит» не на шутку, я чувю. Не забудь ничего!.. Запиши: сейчас же! Выгони их всех, нахрен, и останься – с этим... Один на один!*

– *Я... боюсь!* – Сделала так же все, как и та, но и жалобный уже голос брюнетка: давя на все возможные и не – жалость и сострадание, скорбь; выдавливая, меж тем, еще и дурость. Причем: у и обеих. – *Я же – была уже там: не хочу обратно! Не хочу – опять и... Снова! Это ж – первая волна!.. Вернись я за добавкой – меня вытрет и сотрет, Тен!*

– *Так, отбросить: сопли и слезы, слюни!..* – Рывкнула та, «проглатывая наживку». – *Сосредоточься!.. Я... с тобой... это тоже видела, поняла? С тобой!.. И я так же все «с тобой»: сейчас. С тобой – увижу; и «еще раз». Мне ж – не «не с руки»! Да и ты, за счет этого, от меня – далеко не уйдешь; и не утонешь. Не пропадешь... Я тебя – вытащу!..* – София скрипнула зубами, но и вновь же все промолчала: теперь – считая до десяти. *Будто бы ей: не «все равно». Да да... Как бы: и правда что! – Нам нужны – эти кусочки пазла, и для него же самого, Соф. «По гроб жизни»: нужны!.. Да, согласна, так себе аргумент; но – он хотя бы будет! И*

нам останется – только к стенке их прижать; и этими же все записями – до-жать. Слушай!.. – И девушка буквально увидела, как та закатила глаза от ее мнимого ребячества: но и «мнимого» – только для нее и от нее же. – Не зря же они тебе – «хрусталик замыливали» и «голову дымили»: этими лепестками!.. Они знают – на что и как: могут повлиять – все эти явления... мать ее... природы! «Твоей»: природы!.. – Сорвалась «Тен» и продолжила повышать тон. – Если ты не забыла, а ты не забыла, хоть и пытаешься сделать это «почему-то», из-за какой-то очередной и пустой, ничем не обоснованной и неподкрепленной обиды, что сны – это первое, что было в твоих ежедневниках! Ради всего... «твоего» же святого!.. «Ради этого» – Александр тебе их: и давал. А ему, так еще на минутку, твой же отец! Твой отец... через Женю! И последний же тоже... подбрасывал: дровишек в огонь. Сейчас же: взяла – и записала... все!..

– Найди – двенадцать роз!.. – Чуть ли уже, и не всхлипывая, продолжала и продолжила стоять на своем София: и, меж тем, еще успевая раздавать указы-рекомендации. – Они должны – быть целыми и невредимыми. Там, где меньше всего света!.. Вспомни – прошлый сон! Про... ванную. Розы держат – в холодной воде, чтобы они быстро не завяли-испортились. А именно «эти» – еще и в темноте, полной и кромешной! «В ванне»!.. Там же – нет практически света. А если и есть, то весь пропадает – за шторой или... тюлью! Чем-то таким... Найди – их. И привези... «Живыми»!

Не сломай – их только, прошу!.. – «Взмолилась» она, тут же уже не играя, но и под-, присыпая»: для общей убедительности; надо же верить – и самой, чтобы поверили все остальные. – *Они им нужны – именно такими: чтобы все закончить и, надломив их, выпустить, я полагаю. Нам нужны – эти... души. Боже-дьявол!..* – И сдавленно прошептала, накидывая еще и шока-ужаса: для полноты картины. – *Сколько их там было!*

– *А сколько еще: могло быть!..* – Фыркнула Анна. Что ж, действительно, тяжело было *долго* делать вид, что тебе плевать, когда *не* делаешь его: это тебе не... *это* – держать голос в одном и том же *положении*, рассказывая про то, как здорово и, что уж там, *замечательно входит и выходит* кровь в «принтер» для распечатки анализов: той же самой крови, если уж и не кровью. – *Всему свое время, Софи! Не ты – первая. Не ты и...*

– *Их могло быть: одиннадцать!..* – Перебила ее все же София, срываясь в голове и голосе; но, и при этом же всем, будучи совершенно спокойной: как на вид, так и для себя.

– *А могло: и «десять»!.. Себя – считаешь, али как? Не «забыла»?!* – Издевалась «Тен»: не задумываясь, как и прежде, и об «Эффекте бумеранга». – *Как и могло быть: сотни и сотни тысяч, миллионы и... миллиардов же, к тем еще. К тем: «рядом». И... К тому же все и рядом! Мог-ло!.. Но и уже: нет! Хочешь проверить «Эффект бабочки»?.. Или все же сойдемся на том, что ты вовремя все увидела; и угомо-*

ни-шься?.. Прекрати уже думать о тех, кого, что так, что и этак, давно: не спаси! – Приказала девушке уже даже и она, заставив еще и ту закатить глаза: скупо подчиняясь. – И начни думать – о тех, кого еще: можно! Ты ж – ангел, а не!.. Мертвые – это: наша тема. Ты – за живых!..

– Спасение... «живых»! – Исправила ее брюнетка.

– Вот – и «спасай» живых!.. – «Отвернула» ее Анна. – Трупы же – моя проблема. Да, и тем более, если так рассуждать, а рассуждать можно долго: реинкарнация в цветы – не так уж и плоха, как и сама же эта идея; если мы их, по итогу, все равно выпустим – и они обретут рай; а эти – ад! Самый горячий... и огненный. Самый темный и... крошечный!.. – Язык чесался ответить на мотив «...И ты тоже», но София все еще держалась молодцом и сжимала веки, как и зубы: до треска и скрипа. – ...И да осветят им путь «в никуда» – языки пламени: от этого самого все и костра. «Кострища»... Омен!

– Ты сказала: «Не ты – первая. Не ты и...»!.. – Вернулась к ее и ее саму к ее же фразе София, но и была вновь развернута-отвернута, возвращена к «сути»: – «Но» ты!.. «Не ты – первая. Но ты – и последняя!». И... Так, все!.. – И взбрыкнула, отсекая уже даже: все и сразу. – Сейчас же – все растеряешь. Заканчиваем – этот базар; и балаган!.. Выгнала всех – и записала все. Дайшь потом – прочесть!.. – «Наказала» она, на что уже даже и сама София почти хмыкнула-фыркнула, но и вовремя же все спрятала это: под какой-то из всхлипов.

– Лично, на этот раз; и «мне» в руки! Чтоб: до каждой буковки... и знака! Я ж – проверю!.. Избавься – от Влада и Артема: хотя бы. Они – не должны знать, что уже: все полетело к хренам! И что все прошлые сны, как и воспоминания, тебя нагнали; и пинка наподдали: для скорости! Давай!.. Я верю – в тебя; и держу за тебя – кулачки... За «нас»! – Что ж, «играла» она – замечательно, что и даже ее слушательнице пришлось вновь себя обругать и дать пару внутренних затрещин: за веру и до – во все это. И лишь где-то между еще – подтвердить: что и было же чему!.. С первого взгляда же – не подкопаешься. Но и вины это с нее – не сняло: а только больше навесило. – Хочешь выстоять перед совестью – за то, что не сделала? И на что ты, хоть и никак повлиять не можешь, но тебя это коробит до жути?.. Напиши все, что было. «Вернись» – и запиши! Да, это не со знаком: «равно». Но и явно же – со знаком: «больше, чем...»!.. «Отключайся». Пока они, и еще остающуюся, оставшуюся душу – из тебя не вытрясли!..

– София!.. – Разорвал тишину помещения голос Александра, затыкая всех и выбивая саму девушку: не только из ее внутренних мыслей, но и внешнего «кокона». Да еще и так, что и лишь расцепившись, она только и успела мельком осмотреться, как почти тут же закашлялась, подавившись резким притоком воздуха и рвотным позывом-рефлексом – семена, наконец, и сами «попросились» вверх, к свету и из нее; сначала – простым чесанием и покалыванием, щекоткой

в носу, а после – уже и в горле и самом рту.

– Расступись!.. – Влетел следом же в помещение Влад, хлопывая за собой дверь с ноги и глубокой белой фарфоровой тарелкой в руках: которую, сев подле девушки, сразу же выставил перед ней, ловя ее саму в момент испуга, от своего неожиданного появления, и наклоняя лицом к посуде. Тут же – послушался и чих. И не один!.. Затем на дно тарелки – упали небольшие светло-желтые овальные зернышки и девушка прижалась к Егору, его правому плечу: который, как и все, сначала наблюдал за всем этим со скепсисом, не без «своего», как и лютым же еще непониманием, потом и шоком, ну а после, продолжая ожидать хоть и какого-то уже комментария от самого же «мастера-ломастера» и какое-то еще время держа руки по бокам от нее, вытянутыми прямо и никак не реагируя, положил правую на ее спину, а левую – на шею, прижимая к себе и вжимая в себя. – Молодец, малышня!.. – Улыбнулся он, хваля испуганную, еще и этим всем, брюнетку. – Думал уж, руку тебе выкручивать придется, чтобы их выдавить, а после – и обратно вправлять. – После чего – повисла неловкая пауза, в которой и сам рыжий и те, кто был рядом с ним, рассматривали «обретенное»: в крошечной темноте и на дне тарелки. – Что?.. – Обвел их все же взглядом парень, так и не услышав никакой реакции: коль уж и не благодарности. – Роза – расцвела!.. Дала – и ствол. То есть: стебель! Бутон... с лепестками. И листву... Семена!.. Ну?.. Только не говорите, что *так* крепко спали, что...

Ладно, okay, «не увидели»! Но и даже – *не услышали*: как мы из Анны дерьмо выбивали?!.. – Снова – тишина, молчание: и как в знак согласия. – *Правда, что ли?..* – Обвел он их затем и своим уже прямо-таки и ошалелым янтарным взглядом. – Ну вы и... *сон!*.. Всю же жизнь свою, а там и не... *свою*: так проспите!.. – И вернулся, чуть спокойнее, к Софии. – Без обид, *Соф!*..

– «Мы», да?... – Фыркнул Егор, параллельно еще теперь и успокаивая девушку: не только нашептыванием и нашепченными, на ее же все и левое ухо, словами; что «*Это был – просто и только лишь: “сон”. Ты – очнулась... Мы – здесь!.. “Все” вместе. И ты – в безопасности!*»; но и движениями, поглаживая ее своей правой ладонью – через ткань его же все и рубашки.

– Ну, *ты!*.. Да и неважно же! – Отмахнулся Влад, но и после чего все же закатил глаза – под серьезным прищуром темно-синих: таки и сдавшись. – Хорошо-хорошо!.. *Тебе – важно!* Тогда: так... Пока Егор делал это с ней, с *Анной*, я спасал Софию: которую та «*благополучно*»; перед тем, как и выбраться-сбежать; вырубил – почти что и в самой же кладовой, оставив одну-одинешеньку на полу, в темноте!.. Ну а только что, вот, окончательно спас: изъяв эту ядовитую хрень – из ее организма!.. Занавес. Аплодисменты!

– «Делал... *это*»? – Напряглась София, и почти развернулась в руках блондина, чтобы посмотреть на него и уточнить в этом вопросе: еще и «с глазу на глаз», по глазам; но

и была вновь плотно прижата к его груди – с его же сдавленным стоном, почти что и рыком, но и обращенным уже, а там и *еще* не к ней, а к рыжему: – Ты можешь – не разделять фразы и не рвать их?!.. Теперь же, *вот*, и все всё – не так поняли! – Обвел он взглядом собравшихся и грузно выдохнул, обращаясь к девушке. – Не было ничего. *Для Влада*: еще раз! Да, она притворилась Софией. Да, пробралась в комнату. Да, попыталась меня соблазнить... Но и дальше этого – дело не зашло; и я ответил ей: тем же. Ни-чем!..

– Да!.. – Протянул Влад, прямо-таки и довольствуясь успехами своего *брата*-ученика. – И пусть под конец – она все же вернула должок; и свое же дерьмо; будто бы еще и рожки нам поставив на фото, а не *наставив*, в кои-то веки... Как и планка-планкой; и шутки-шутками... Но и с *этой*... егозой. Блин!.. Не получать же коленями и между ног, правда?.. Ну и все. Да и... Кстати!.. Не лежала б она на спине – со всех бы сторон ее «проткнул!» – После чего взглянул на прямо-таки уже и растерявшуюся, пока не *расстроенную* Софию и хлопал ее по ее же голой правой коленке своей такой же рукой. – Не волнуйся, Софи!.. У него – *даже* не встал! Ну. В смысле: *как*!.. – И тут уже и сам даже растерялся, запутавшись в аргументах: так что отдернул руку, от греха подальше, и нервно зачесал свои рыжие волосы назад, пытаясь договорить, а перед этим же еще и грамотно все сформулировать; чтобы еще и за это – не получить. – На *нее*! На нее: в *твоей* одежде. И... *В виде* тебя! Только – на тебя; и *именно*.

Да... И *лишь* тебя – он любит. Вот!..

– Жизненно-важное – добавление-утверждение, Влад!.. Слов нет – одни эмоции! – Хохотнул в кулак своей правой руки Александр, левой же – оправив черную футболку: дернув ее на того же цвета длинные спальные штаны. Но и все-таки сдержал серьезное выражение лица, стараясь таки не добивать и не добить сим саму Софию: как и не «раскраснеть» до нельзя – начавшего уже и прямо-таки *пуницовать* Никиту. Который, таки и поймав на себе его взгляд, тут же нервно растрепал свою мелированную шевелюру правой рукой: одновременно стараясь спрятаться и сбить все внимание к себе от других. Но и тут же подоспел-присел с ним рядом и Женя, закатав до колен уже и свои светло-коричневые длинные спальные штаны, и приобнял его: в поддержке; как еще и самого же все, так и что ни на есть, «ребенка» – среди них всех: не физически, так морально. И да, пусть подобные и подобного же рода темы и трогались, так или иначе, в их «братском кругу», но и точно же – не в таком, еще и *конкретном* контексте и разрезе: да и к тому же – относясь к его подруге и... *сестре!*.. Где и последняя уже, к слову, сама уже поджала губы в каком-то, только и ей же все понятном стеснении: что ж, как-то и она не могла подумать, что понятия «встречаться» и «спать», в его сознании, рано или поздно, а и точнее же все *здесь и сейчас* – приобретут разную направленность-*положение* и «окраску». Хотя!.. Было бы и чему удивляться. В этом и *не* в этом мире – было же возможно:

все. Проще же было сказать: что *не*. Ни-че-го. А уж и что он – чуть более чувственнее, ощутимее и эмоциональнее: *всех* них?.. Можно было – и не начинать!

– Как: мог!.. – Развел руками Влад, а затем и куда более серьезно взглянул на брюнетку. – И только ты теперь не говори, что и *тебя* она вокруг пальца обвела. Прошу!.. Не порть – мое впечатление-мнение: о тебе. Лучше скажи, что: «*В неравном бою – она!..*».

– Влад!.. – Шикнул на него уже и сам Никита. – Ты и так уже – много сказал! «Озолотись»... немного... *молчанием!*

– «Обвела», Влад!.. Прости... – Выдохнула София, получая тут же легкий поцелуй поддержки же в макушку и немного еще разваливаясь затем, облакачиваясь на Егора же: позади себя. – Причем!.. До того... тупо, что *даже* мне... «тем более» *мне*... стыдно – за саму же себя. Могла же, *поверила* этой... «розе»: как апофеозу и... окончанию *ее* трансформации. Ха!.. Да... Как оказалось, и оказывается, там было: еще *кое-что*. Но!.. – И закусила губу, отрицательно покачав головой. – Да и даже – не в этом суть! Сейчас. Как и смысл... Я – *повелась*: на ее слова. Полностью отказавшись – от слов Егора и... *вас всех*: о ней. Тот сон!.. – И сглотнула, стараясь больше говорить, а не думать и вспоминать. – То, что я в нем увидела... И *кого!* Это была – она. Все – она. *Анна!* И да!.. – Отсекла она сразу же все открывшиеся рты, «окружившие» *вдруг* ее. – Я прекрасно понимаю, что это никак не обделяет и не выгораживает Розу. Она же ее – и учила!.. *Но*. Как

бы это ни звучало... Она, Анна, делала все – сама. *Вместе...* с Артемом. Роза же, как и в моем же все случае, уже и с *Андреем* – «выкладывала» все это *трафаретом*: выстраивая *лестницей*... в небо. – Очередная пауза!.. Но и теперь уже – от самой девушки: в которой – все переваривали поступившую информацию; и которая, вместе с тишиной и молчанием, разрушилась-рухнула вмиг – лишь из-за какой-то возни и шагов за пределами комнаты. – Я *все* – расскажу!.. – Решила-таки и затем дополнить свою речь-монолог брюнетка, раз никто слово после нее так и не сказал-взял. – И даже, может, «покажу»! Информации – много!.. Сама еще – перевариваю. Но... Перед этим!.. Где Полина и... Карина? А Артем?..

– *Спит!*.. – Залетела вдруг, как и ранее же все Влад, предпоследняя; и тут же затормозила. – Ой! – Оправляя и оттягивая вниз бордовую свободную и явно же еще ей и большую рубашку в вертикальную тонкую белую полосу с длинным рукавом и доходящую ей до середины бедра: *мужскую* же все, как видно, да и Никитину, как впрочем, в чей комнате она, к слову, еще и ночевала; до этого момента. Что ж!.. Кто-то видел ее и в этом – еще и до, кто-то уже после и сейчас: но никто так и не сделал на этом явный акцент. А сама шатенка, и без того, покраснела и чуть «сковалась», готовая уже даже и провалиться сквозь пол: под мимолетно лишь брошенными на нее и только заинтересованными взглядами. И нет!.. Словами бы они ее вновь, конечно же, не добились, как и действиями: но и кому от этого, так еще и сразу, хоть и *раз* – лег-

че-то становилось. Никому. Как и Никите же все, к слову!.. Что был и сам по себе – не лучше ее, а уж и с ее появлением: еще, может, и хуже. С какой стороны, опять же все, как и с какого угла, посмотреть; и как *стеснение* оценить; с мужской и-ли женской точек зрения. Но а от молчания и тишины, в ее же все одну, будто бы, и сторону, она зарделась – пуще прежнего и, нервно оправив выбившиеся пряди своих каштановых волос, так еще и упавшие затем на ее же все пунцовое лицо, захлопнула дверь за собой: заставив Софию содрогнуться – по новой; но и теперь уже – от громкого хлопка: после появления подруги. На что уже и Егор – тут же *резанул* ее взглядом, но и ничего более не сделал, как и не сказал: обращенный куда больше и поболее всем же своим видом и вниманием – к девушке в своих же руках; и продолжая нашептывать ей – что-то успокаивающее. Так еще и параллельно – выпрашивая о произошедшем; но – безуспешно!.. «Всем», значит: всем. Отныне!.. И без исключений. Только: правило!.. И хоть и впервые же, но и ему прямо захотелось, чтобы она вернулась к себе прежней: и как Карине – рассказала, только и ему уже первому, все, про вся; и лишь затем уже – всем. – Прости... *те!*.. – Стушевалась она и, пискнув, юркнула: ко всем собравшимся; приземлившись-сев затем – еще и на кровать.

– Я – позвал ее: с нами!.. Но и перед этим – попросил проверить! – Проговорил Женя и пересел на другой край кровати, поближе к Владу: уступая свое место ей и подле же все

Никиты; пока и Александр же все, как облюбовал, так и оставался у подоконника: приняв еще просто же «идеальную позицию» – для слежки и контроля над всеми и... сразу. – Карина – здесь. *Полина* – спит... А Артем – пошел искать твоего медведя!.. Ты же без него – плохо спишь, как он знает. Хотя, и вряд ли же уже знает, что он – уже не действует. По крайней мере, так и *именно* же все «так»: как раньше. Кстати!.. – И вдруг, опомнившись от перечисления, вззрился внимательно на свою «сестру». – Не знаешь: где он?.. Может, где оставила? Или Егор от него – уже избавился, наконец-то, окончательно?..

– Он – у Анны!.. – Ответил за нее последний, а сама же брюнетка сжалась еще сильнее в его руках: от замерших просто и в мгновение же все ока взглядов на ней и нем; а еще и от «личной порции» – молчания и тишины, буквально рухнувшей на них: снова и прямым, ровным и сплошным же слоем-поток. Собственно, как и на Влада!.. Но, как и в случае, отличие же все и от них же двоих, он сидел – спиной ко всему и всем; и не особо обращал на это – свое хоть и какое-то внимание, принимая и это же все: как и за данность. Ну да, налажали!.. Бывает. А с кем: и нет?.. А уж и с ним-то – и подавно: уж точно – не впервые. А все будто только сейчас и поняли, приняв, смысл сказанный им ранее же все и фразы: «...*перед тем, как выбраться и сбежать...*». Что ж!.. Да. Он принял это – на свой-их счет: но и не собирался как-то излишне, да и вообще же хоть как-то рефлексиро-

вать по этому поводу, так же все поняв и приняв, что и чуть ли ни единственный, из них всех, пока еще способен трезво соображать. За ним же уже – шел и Егор: начав чуть сдавать и под-сдавать позиции – чувствам. Но и это же все – не плохо. Каждому – свое!.. А вот был, есть ли смысл – что-то доказывать: остальным?.. В свою же все уже и их очередь: не соображающим!.. «Спорить». Зачем? Бесполезно же. Да и не поспоришь. И не про-споришь, конечно же. Они же, как проснулись оба, так и заснули: проспав, сравнительно, равно и недолго – до пробуждения Софии; в холодном поту и соленых слезах. И все же!..

– У кого?!.. – Задал уточняющий вопрос Александр, взяв таки уже и слово на себя, интересовавший, *неожиданно*, всех: в этой комнате; но и кроме, опять же, тех же самых все троих. Но и это – нужно было сделать: хотя бы уже и ему. Чтобы!.. *Мало ли*. Они только же все и сами все – до-проснулись. Так еще – и не особо же все соображали. Не все и понимали-принимали. Как то и, действительно, следовало!.. Но и тут же почти левая рука блондина, что и чуть же все сжимала шею Софии до, сжала ее еще чуть сильнее и оторвала, наконец, девушку от своего-его правого плеча: чтобы только обратить на себя ее внимание, увидеть и ее глаза; не говоря уж и о том, чтобы все перестали так пожирать ее своими взглядами и чуть ли ни уничтожать ими, вместе с тем и ними, парнями, с ним и Владом, они-то – вынесут, не раз уж и проходили, а она!.. Но *а она* – вновь прижалась к его

плечу и спрятала лицо в шее, хрипло дыша и начиная уже даже прямо и поскуливать-подвывать: то ли еще таки и от сорвавшегося, и все не во вовремя, голоса мужчины, то ли уже и от всеобщего непонимания и какого-то теперь же еще недоверия, а то ли и от всего же и вместе; да и плюс же еще ко всему – сна, а перед этим – и от встреч же с Анной.

– Малыш, по-моему: самое время – начать рассказы-вать... – Решил достучаться до нее уже и словами Егор, не прекращая гладить ее по спине и шее. – *Что все-таки случилось?.. До встречи с Анной. Во время и... После. Что случилось – и в твоём сне? И... Пусть я и не жалею – этого самого медведя!.. И в какой-то степени – еще даже и рад, что она его забрала. Хоть и что-то положительное сделала: не только для тебя, но и для нас... всех. За все же это время!.. И не побоюсь же этой фразы: за всю же свою жизнь. Но и если дело только в нем, как и в кошмарах из-за него: в его же все и отсутствие. Тем более: таких кошмарах!.. – Сделал акцент он и, не кажется, сам даже ком сглотнул, раздиравший его горло до этого: и так и не отпустивший-отступивший – с их и всех же все пробуждения-пробуждением: оно и понятно – попробуй проглотить солено-сладкую горечь свежескошенной травы с кислотой молока и разрыхленной земли под жареным попкорном, упавшим в камин; и не подавиться. – Которые снятся; и так – мучают-кошмарят тебя: без и вне его. Хоть он уже – и без своей подушки!.. Но и что-то же все же – должно было остаться. Вроде: запаха или ошметков, ча-*

стичек лепестков... – И Влад кивнул!.. Что и блондин даже осекся, не понимая сперва: к его ли фразе – это было. Но и тот уже – никак затем не отреагировал, как и все, собственно, со спокойным выражением лица: ожидая продолжения. И он – продолжил, отмахнувшись от этого и его же все какого-то собственно-личного интереса – в этом и к этому, но и только же все: здесь и сейчас; сделав пометку-заметку – на подкорке. – В общем!.. Если тебе станет от этого лучше и легче – мы отправимся за ней; и отберем его – у нее. Вернем его – тебе!.. Но...

– Я – умерла!..

Старо-новая пауза, в этот раз, стала уже и точно – «апофеозом на костях»: всего и вся же, всех; начавшись под вздох Карины и закончившись подавившимися воздухом парнями. И не только!.. Даже сам Александр – не сдержался: как и не сдержал – всегда серьезную, а тут еще немного и строгую, маску на своем лице. Так еще и она же все сама стала – куда более продолжительной, чем и все же предыдущие; гнетущей и тяжелой! Тяжелей!.. Так и прибывая же к полу – и уж точно: не «силой притяжения». Что и оставалось – только переглядываться в ней между собой. Но так ничего не увидев друг в друге, как и не поняв-приняв, да и не предприняв ничего, как снаружи себя, так и внутри: все они вновь и дружно взглянули на трясущуюся фигурку девушки в руках Егора, что и вновь же все первым попытался вывести ее на и хоть какой-то уже пусть, но и диалог:

– Соф...

– Я *видела* – свою смерть, Егор!.. – Оторвалась уже и она же сама от него, обрывая и его самого, и всех в своих-их мыслях, взглянув в его глаза. – Видела: как я умерла. И... *Кто* меня убил! Убил... а! – Исправилась тут же она и закусила нижнюю губу. – Сначала – мне показалось, что это: Роза! Но – нет, *хм*, не она. А... А-нна! Ну а в процессе – уже и у-видела, как... как *она* и... убила... убивала и всех же оставшихся... *остальных*. Точнее!.. Что *стало* – с ними! То «тату»... – Как и Влад же все, чуть ранее, она говорила сбивчиво и сама же себя сбивала, сбиваясь и... сбивалась, переключаясь с одной темы на другую, но и несмотря же на это, просто ни на что: говорила в одной плоскости, параллели которой – вытекали друг из друга, перетекали меж собой и втекали же друг в друга. – И люди на ней. И их *фигуры*... Девушки и парни. Все те, кого... *Кого* она, так или иначе... *Без* меня... Или со мной и... *Во мне*... Вместе и с *Артемом*! А я... Я – последняя!.. И... «Ты понимаешь, о *чем* я? Тут вообще *кто-нибудь* понимает: о чем я?!..».

– Т-шш... – Сжал ее в своих объятиях сильнее Егор, вновь привлекая ее, таким еще образом, к себе и тут же обращаясь взглядом к почерневшему, не хуже грозовой тучи, Александру: подоконник нещадно трещал под его, сжатыми и вжавшимися в него, руками; но держался он – до последнего и изо всех сил, *своих* и к нему же приложенных. – Ты так не успокойся, а еще больше надорвешься и нам сердца разорвешь.

Давай... *Давай* ты напишешь, м?... Хорошо? – И взгляд его серо-зеленых глаз метнулся к Никите. Но Женя – уже стоял подле него и них: пробежав до и по его же все комнате, от одного угла к другому, за ее темно-фиолетовым ежедневником и синей ручкой, лежавшими рядом: в ее рюкзаке. «*Последний... в своем роде!.. Как и она*»: подумалось ему. И не ему же одному!.. Собственно, как и с подоконником и женщиной, держащими и держащимися друг и за друга, Егор и Женя сейчас были солидарны. И ровно, как и по тому же все балансу с равновесием, не говоря уж и про гармонию, если те все же к счастью, эти же к горю, тут же отогнав эту и похожую, похожие же ей мысли куда подальше, обменялись обоюдно-взаимными взглядами, при передаче объектов и уже сам блондин затем вложил в ее руки твердый переплет с ручкой, благодарно все же и затем кивнув «брату». – *Напишешь*, а мы прочтем!.. И тебе – легче станет. И мы поймем, что было: на самом деле.

И уже с утвердительным кивком, приняв их и чуть отстранившись, чтобы удобнее было писать, а не столько отдалиться и сесть, от Егора же все и привалившись к нему лишь своим левым боком, она мельком утерла щеки и нос правым рукавом рубашки и обхватила дневник с «вложением» обеими руками!.. Проведя ладонями по его краям подушечками пальцев и лишь легонько цепляя страницы – она еле уловимо содрогнулась: легкий холодок от них, с улицы еще, а и точнее уже прохлады балкона, прошел по ней, заставляя му-

рашек пробежаться по ее коже и вернуться к рукам; позволяя еще, вместе с тем, чуть взбодриться и прийти в себя. И, более-менее, спустя какое-то совсем небольшое время все-таки приведя рассудок в порядок, взбодрив и тут же успокоив его и себя, отдав-делегировав, тем самым еще, и хоть какую-то толику контроля и «света», прояснив и проявив сознание, она собралась начать писать, убрав синий колпачок на другой конец ручки, но, и перед этим, все-таки решилась на еще одну просьбу, точнее «предложение»:

– Я... Я могу озвучивать, что пишу!.. – Проговорила уже и куда более спокойно она, не отрывая своего карего взгляда от обложки. – Чтобы... Ну!.. Вам не читать и... *каждому*... после. И *только лишь*: себе. Чтобы... Чтобы: *всем* и... сразу! Здесь и сейчас!..

– Если только тебе – не станет тяжелее и... *больнее*: от этого!.. – Пробасил мужчина, держа самого себя, как мог и как вообще представлялось возможным: чтобы *сейчас же* и *отсюда* не рвануть – и не пойти открывать головы всяким... «разным»!

– Нет... – Отрицательно покачала головой брюнетка, еще крутя ручку меж указательным и средним пальцами правой руки: отвлекаясь и тут же сосредотачиваясь – на важном. – Только... Еще кое-что! По поводу – него... м... Артема! Можно, чтобы он... ну... он всего этого – так же все: не знал? Да и не... не догадывался же еще изначально: об этом!.. Всем. Как и Полина! *Пока!*.. Во всяком случае. Же-

ня ей сам – потом и после же все: расскажет! – Все так же не поднимая головы, как и глаз, но и найдя уже чистую страницу в мелкую голубую клетку, попросила София: зная, что так – нужно было сделать; и не только для безопасности. Но и для изложения – точности и точного, в точности же все и материала. Она же обещалась – более: не врать; и говорить – только правду. *Как* на суде. Как и: говорить – все и всем! И пусть же все всем, сейчас и здесь, да *не* всем: но и это же все – исключение и... «пока». И они же всё и все – это заслужили: правда, по-разному; да и поймут только – после всего. И все же!.. Меньше всего же ей сейчас хотелось: до-тревожить одну и взаимодействовать с... *чужим*; во всех смыслах. – Ничего не спрашивайте, по... пожалуйста. И не перебивайте!.. Мне так... *так* – будет проще и... легче. Я ему и... и раньше не доверяла... *особо*! А... А теперь – и подавно! Понятно, что по... понадобятся и потребуются подтверждения – своим до... догадкам! Не «доводам»... И я... я вряд ли сейчас смогу объяснить – что-то проще и понятнее, чем есть уже и без... без фактов! Без Розы и... Андрея. Как и *себе* же: самой. Просто ин... интуиция! Ладно?.. А еще *опыт*: из чужих и со... собственных ошибок. Пусть я – и не «мудра»!.. Ни разу.

– Начинай!.. – Кивнула Карина, решив взять-таки и последнее же слово, как и решение-мотивацию, на себя. И да!.. Пусть она ее и не так хорошо знала, зная «в меру»: как знали друг друга и *все*, большая же часть подруг и друзей, что-

бы продержаться и не устать друг от друга... за целый год, не «подисчерпаться»; но и могла понять, а там и *принять* же сразу: где пустой и ничем не подкрепленный страх, а где и полное понимание, основанный и обоснованный фак-т. И это – был явно не первый случай: как и явно-точно же – второй. Так что, «изолировав» их комнату, на пару же все и уже с Никитой, пройдясь глазами по всем углам и поверхностям, объектам и субъектам в ней, она зафиксировала дверь на ключ, оставаясь на кровати, и вновь перевела свой зеленый взгляд на Софию, которая уже, и под не менее внимательными взглядами всех и в кольце же все рук Егора, с его же все и головой на ее-своем левом плече, упертой в него подбородком, начала не спеша излагать свои мысли, суть проблемы, отступая от края и переплета: «как всегда»!..

– *Кто-нибудь* в курсе, где этот дом?.. – Обвел своим синим взглядом, собравшихся в ночи, Егор, продолжая обнимать так и уснувшую, после двух часов объяснений и пояснений, Софию: вымотавшуюся настолько, морально и физически, что даже ежедневник с ручкой не убрала или хотя бы уж отодвинула от себя, а обняла его обеими руками и прижала к своей груди, оставив «перо», казалось, впервые да и сама же еще – меж страниц; прижимаясь теперь уже и своим левым боком к его груди. Ему же самому, в то же самое время, теперь приходилось говорить шепотом, но и от того же все – не более мягко и нежно, вообще не меняя и не убавляя

свой нервный и грубый тон: ему же, как и всем вокруг, эта ситуация если не в печенках и еще сидела, то уже в глотке была и точно; и нужно было срочно что-то решать и так же что-то делать, к чему-то приходить. И не потому, что их по всей квартире уже разыскивал Артем, грозя разбудить Полину; но и благо же все пока не повышая излишне голос; которая грозила подключиться к нему и продолжить вместе с ним, а после, еще и к «горке» же всего, могла и обидеться на них же всё и всех, что, опять и снова же, без нее, а потом уже и из-за того, что даже Анну к этому всему приурочили, а потому, что стоило бы и уже все бросить и идти за ней, но вот и только лишь мешало же все отсутствие координат и сбитое «чутье»: главный источник, и причина же еще чего, сейчас сопел-а на его руках и впервые же в жизни, как никогда, мешал-а. Но и кто – это признает; и когда? Точно – не он; и никогда. Да и, как назло же все, тот, к *кому* он как бы еще и обращался, *будто бы* же и через всех, вообще никак не реагировал на его провокацию и тонкий, даже и тончайший намек. – Да ладно тебе, Ксан!.. Ну вот только не сейчас и... *тебе* – показывать незнание и непонимание всей ситуации, в целом! Лишь София может *еще* играть в эту игру «Я не я; и корова не моя», но и ей, рано или поздно, осточертеет эта свечка, горящая с двух концов, под названием «Солидарность 50:50» или «*Мне он не так плохо сделал; а за остальными – нужно еще до-проверить!..*».

– Даже если я что-то и знаю...

– *Даже!*!.. – Фыркнул блондин, утыкаясь подбородком в макушку брюнетки. – *Знаешь* – ты: все! И про сны. *Воспоминания!*!.. И про их «осуществление». Почти что... Хм!.. – И, на мгновение сделав вид, что задумался, сдержанно прорычал. – *Всегда!* И про «место»: откуда восходит и за-ходит – это... *чертово* солнышко; а и точнее же все «луна»... под *личиной* солнышка. Ничего *личного*, да?.. Да и повезло же еще, что хоть и в способности – близнецы: *не* близнецы. Нельзя вдруг и сказать: наоборот. Или Сергеем – тебя заменить. А там и... *Наоборот!*!.. Но и специально же уже – ничего не говоришь! Тебе не кажется, что, и как минимум же уже, разгуливающая по окрестностям городка *София*, «версия 1.1», никак не помогает, а и только лишь: мешает? И *очень крупно*: по-мешает! Не учитывая еще то, что она как бы *наша*; а учитывая, и как раз же уже то, что и *как бы*: не. А уж и как максимум, что «версию 1» – ищут чуть ли и ни со всеми *ищайками*. И, только лишь и пока же все, возможно, *уже* и вместе с *версией* же... «той»! А тут, с и *при* ней, еще и «карта проходки в рай», м-мм!.. Ле-по-та... – Ухмыльнулся зло-радно, но и скорее же все *злостно* он и продолжил, чуть ли и ни давясь слюной: с *кислотой*, желчью и... ядом. – Два в одном!.. С кондиционером. *Три!*!.. Хватай – Поднимай – Меняй. Ком-бо!..

– Ну... Не со всеми!.. *Ты* же – здесь! – Решил все-таки разрядить обстановку Никита и тут же заслужил яростный взгляд в свою сторону, как и тихий смешок одобрения от Ка-

рины, которая уже, как и шатен, сразу же спрятала свои *бесстыжие* серо-зеленые глаза: дабы не попасть под «горячую руку», а там и *ногу*; как оказалось затем.

– Радуйся, что у меня – *руки* заняты! – Шикнул ему Егор. – И грусти – потому, что ноги, как никогда, *свободны*: и я легко, как нефиг делать, забью ими тебя – на раз. Быстрее, чем руками!.. И даже Софу – не разбужу! – Кивнул он на нее головой и взглядом, легко качнув в руках. – Только – лучше: *укачаю*, успокоив себя и заткнув, наконец, тебя!..

– Хватит!.. – Влез Александр. – Мы. Никуда. Не пойдем... По крайней мере: все. Потому что здесь *еще*, а там и уже, в *нашей* квартире, есть недостаточно адекватный и сознающий все, как и себя, кадр!.. Как в частности, так и в общем, да и в принципе: не отвечающий *ничему*; как и *за* себя. От слова: совсем. Ни за слова. Ни за действия!.. – И взвихрил свои русые волосы правой рукой. – Если мы оставим Софию тут одну – мы так же легко, как ты и сказал же все ранее-выше, Егор: ее уже и не Anne, а им передадим! Только – через вторые и... *третьи* руки, соответственно. А там уже – и «рукастый» Андрей... подсуетится: который и так же все «на раз» ей – то же самое зальет и-ли *проявит*. Какая-то же часть темной энергии – в ней еще присутствует... И да!.. В *самых дальних* уголках. И все же!.. *Он – не дурак!* – И, скрипнув зубами, как и хрустнув *морской солью*, продолжил: ни капли не радуясь сему обстоятельству, а и скорее, *именно* грустя. – Вполне мог – и спрятать: одно под *другое* и... *темное* в тем-

ном. *Выдавит* обратно, на «поверхность», и все. И вот оно – твое настоящее: *ком-бо!* – И тоже фыркнул, цитируя парня и разводя руками в стороны. – Анна – *тоже* не дура, чтобы палиться и попадать на глаза: *как* наша. Тем более: прыгать в руки! *Все* – она: *сделает!*.. Но – вернется ли, как: *не?*

– И я – о том же!.. – Утвердительно кивнул Егор. – Она могла и «загореться» – предложением Софии! Что бы это ни было... Так же ведь и не сказала *все*, засранка!.. – Хмыкнул он в ее макушку, растрепав темные прядки и заставив саму же их хозяйку сморщиться во сне и покрутиться в его руках: то ли от того, что услышала и поняла, что про нее, то ли и опять что-то *не* то снилось; а то ли и вновь же – все вместе. И *как* же ему хотелось, чтобы это было: именно первое!.. Да. Пусть обижается, злится, но и только лишь – не мучается и не плачет: *больше*. – Что или... *кого*: под нож отдала; а там – и гильотину. Но могла – и *нет!*.. Что, к слову и кстати, куда логичней и... в стиле же самой Анны: *работать... самой*; и ни от кого не зависеть. Чем *ни* пример: *Роза?* Они могут, с Андреем, уже сами мутить революцию, во всех смыслах; и *без* нас! «Получив» же – все то, что могла наобещать им, от себя, София. *Получив* все это – *и без* нее!.. Черт! Пусть тут останутся – эти трое!.. – Обвел он своим уже и темно-синим взглядом Никиту и Карину, извиняясь затем и за *эти*, перед и в отношении же самого Жени, не только глазами, но и мысленно: «*Случайно зацепил*». Но и на что тот уже сам – даже и внимания не обратил: хоть и положительно кивнул – боль-

ше отмахиваясь, чем понимая, а там и *принимая* же на свой или Полинкин счет; тем более. – Положим Софию – с Полиной: вместе. Каринка – их «закроет», с собой и... Ником; или «нет», сами разберутся; *они* «закроются» – и не будут никого допускать. И дело – в шляпе!.. *Кстати*. О «ней»... О нем!.. – И сжал челюсти, сузив глаза и сразу же опустив их на место: где до этого – еще сидел *неназванный*. – *Влад-то*... «наш»... далеко намылился? Помогатор... хренов! Как *суть* да дело – так с... *слился*. *Рванул... за близняшкой!*.. Как он – ее: найдет-то? И не пора ли *и* нам – рвануть за ней?.. Точнее: ним и... *ней* же?! Ни-ми. Эх!.. Впервые рад, что не избавился от Артема – раньше срока! – Ослабился он, только и представляя эту: «картину *маслом*». – Так еще и Владика – приберег, по ходу пьесы, прямо: на десерт и... следом! Опять ж – налажает, а «белых тапочек»: на *всех* – не хватит!.. Сами – ее вернем: до «побудки»; и из его же рук – еще уведем! Мало ли, мож, он с ними: заодно?.. Вон, *как* припустил!.. Никто не думал, а?

– Может, у него – эти... *лепестки*: остались?.. – Нахмурился в задумчивости Женя и Егор осекся: вспомнив того кивок – на ту еще свою да и собственную же фразу-догадку.

– С *ними*... И «заодно»? А причем тут вообще: Влад?!.. – Прищурился Никита, смотря в окно: точнее – в часть его, которую не прикрывал своей грудью и спиной Александр. – С твоей «логики», *Егор*, ладно же еще: Артем!.. *Человеку* же внуши – и дело с концом: что ни скажи и как, чем и *кем* ни

припугни – он весь твой. Ври... и даже *дальше* завирайся. А наш-то – *тут!*.. *Наш-то* – куда и?.. *И* главное: зачем?

– *Главное*: откуда!.. – Смерил его ехидным взглядом Егор. – *Наш?* Правда, что ли?!

– Егор, прекрати!.. – Скосил на него уже и свой темно-серый взгляд, переводя его еще с и от Никиты, Александр; и гневно прищурился. – Как бы и что, *кто* бы ни был, все еще и «стоял» – между вами. Анна ли!.. А там и после же уже – из-за самой Софии...

– Да причем тут!.. – Не успел договорить блондин, как в его руках еще сильнее завозилась брюнетка: то ли от чересчур *громкого* уже и *их* шепота, то ли от упоминания вновь и себя-ее же, а то ли, и как всегда же уже все впрочем, всего и сразу; но и ему же прямо-таки уже и пришлось не только поменять свою позу, дабы еще и размять такое же затекшее тело, переложив ее на свое левое плечо, развернув ее *и* к себе таким же боком, но и прижать ее к себе чуть повыше, не к груди, а шее, чтобы еще, и время от времени же все, ее слух сбивался на его же дыхание и пульс: так он одновременно убивал сразу и двух же зайцев – убаюкивал ее и успокаивал себя; как никогда вовремя!.. – *Это* – наши терки и... при-терки! Сюда они – ни к *селу*... ни к городу. Никак!.. Со-вер-шен-но! Глупо же и... Тупо! *Для него* – даже. А для меня: и *тем более!*.. Начиная же все тем, что *мы*, с ней, уже вместе и... *вдвоем*, без него, третьего колеса и *запаски*, и заканчивая... этим же! Как говорится: «*Во втором – смотри пер-*

вое»!.. – И усмехнулся, хоть и слегка все же сморщившись. – Мне просто, да и с самого же еще начала, до всего и... этого тоже – не нравился: его образ «жизни». От слова: разгильдяй!.. И... – Осекся, взглянув на Софию. А следом – и на почти надувшуюся уже, от и всеобщего же еще даже и игнора, Карину. Но и бровью вновь особо не повел!.. Перед ней он – ничего не обещал: в себе. Как и *не* ругаться же все «при дамах», например!.. И пусть больше же всего *просил*, а там и «требовал» – с самой же Софии: но и ей же все – во благо; чтобы та и только лишь – не переходила *грань* и черту: где уже даже и имеющийся «сапожник без сапог», *тем более* – становится и *ругающимся сапожником*. И не потому, что он парень и «*Подлецу – все к лицу*», а она девушка и «*Нет*»: а потому, что есть разница – между уместным матом и *не*. – Да не при- да-нах будет сказано!.. А уж когда это замешалось, в его помутившемся разуме, с Анной и... *Розой*. *Розой*!.. С Софией... По-моему, «белый флаг», не? *Такая же* и рубашка! В такие же моменты обычно – вызывают белую машинку с красным крестом и санитаров, если уж и не психушку? Кстати!.. А есть ли *такие*... и для нас? Может, отдельное *крыло*?

– Ты перестанешь – меня перебивать; или нет?!.. – Не выдержал мужчина и уже прямо проорал это ему, хоть и так же все «шепотом».

– Как только – договорю: *сам*!.. – Глянул на него спокойно Егор и перевел свое такое же прямо-таки и умиротворен-

ное, почти и без издевательств *море* на Никиту. – Да, я не знаю всего! И да, мы так и не поговорили с ним – об этом... *еще*. Как и ни об Анне. Ни о Софии... Ни о его отношении – к этому всему; и его же *интересе* – к этому же всему. Об интересе – *ими*... тоже!.. Да, он мог сделать все то – ради меня. «По-братски»!.. – Сгримасничал он, выделяя последнее – особой интонацией и акцентом. – А мог – и *нет*. Ну а что?.. Вдруг!.. Она. Ему. Понравилась! Ро-за!.. Могла? Ну уж и коли: *не* должна. Ну а чего он к ней, как и рад-радехонек же еще, будто бы и к теще, первым и к первой же при-скакал, как вернулся? Не к нам. И не к Ксану!.. *К ней!* Могло же так же и статься, что «малолетки» – уже достали, а «старшелетки» и... «олдскул» – еще нет; и очень *даже* ничего?.. Убрал – Анну! Для меня. *Не* для меня... Неважно! Для *себя!*.. Со своего пути. Сейчас – уберет и Андрея! И вот!.. Он. Мог. Просто-напросто. *Спать*. С. Ней. *Ник!*.. – Выразил уже даже и напропалую – свою долгую мысль Егор. – Вот уж – сюрприз-сюрприз; и еще тот «сюрр»! А ты будто Владика и... «братика» *нашего* – не знаешь. Не зна-л!.. За самую же дорогую бутылку коньяка, перепавшую с нихуя, и качественный «перепихон», с него же, *хуя* с... – и его перекосило, даже пришлось и лишний вдох сделать, вдруг найдя себя на грани рвотного рефлекса: которого не было – ни то что давно, а от слов «никогда» и «совсем», – ...*опытной барышней*, широко известной же все и в «наиузко-древних» кругах, он, вон... – и кивнул головой в сторону Александра, – ...*батю нашего*

– продаст и... прода-л: на раз; *не* два! Не теряет же, засра-
нец!.. *Мамку* – приобрел! А она – избивала твою: подругу
дефис сестру!.. Чуть до смерти – ее не довела и *довела* бы:
если бы та, в свою очередь, не избавилась от подарка свое-
го же бывшего! – И вновь поцеловал ту в макушку, словив,
наконец, ее улыбку и переняв ее затем еще и на себя: но и
только лишь – на доли секунды, не сбиваясь с панталыку. –
Заметь, такого же ублюдка, как и первый!.. Но и даже его
– можно, *не* должно и нужно, но и понять, но не Влада! И
пусть мы все и *прекрасно* же уже – знаем его историю. Как
и он – наши!.. Но и это же не повод – искать «материнской
любви»: отцепляя *первое* и... забывая на «второе». Она ж –
никого не любила; и не любит. Не и по-любит... Ни Жеку.
Ни отца Софки... Ни и ее же саму!.. Ни его! *Уже*. Я уверен
– в этом... Но и надо же было... *черту*... и в эту хренотень –
вписаться и про-!.. За любой же кипишь, падла! *За любой!*..
Знать бы – все! В-се!.. Так: и *знает*. И все равно – прислу-
живать... При-слу-жи-ва-ет! И я – знаю, Ксан!.. – Перевел
уже и вновь же все свой разъяренный темно-синий взгляд на
мужчину он. – *Это все – не доказано!*.. И я, скорее всего, но
и не как София же, вновь перебарщиваю и гиперболизирую,
накручиваю-сь, не хуже уже и самой теперь малой! – Оче-
редной раз кивнул в сторону девушки он и вдохнул ее запах:
дабы привести уже мысли в порядок и попытаться *хоть* как-
то успокоиться; чтобы выходило не «из рук вон плохо», а не
выходило бы – совсем: изначально же еще – не входя или тут

же рассеиваясь. – Но, блин!.. Это – не «внушение» и... бла-бла-бла!.. Он – *не* человек: для этого. Он, сука, *демон!*.. И может, уже нужно и *должен* – этому противостоять!.. Черт. Я бы понял – Никитоса!.. – И кивнул уже головой – вновь и в сторону же шатена. – У него же еще – человеческая жилка, пусть и на началах же *уже*, но и была. *Могла* – и сбоянуть!.. Но – тот-то! *Он* – ангел: на вторую часть. И пусть так же все – не на главную... И главенствующую! *Все же*. Он – никак!.. Ну, вот, просто – *никак*: не должен был поддаться! Что на внушение. Что и на прочие... *штуки*. Которые она, помимо роз; может быть, еще, да; но и где-то у себя там выращивает... Травница, блин!.. Ведьма и... колдунья. Ворожея чертова!.. – Сплюнул теперь уже, но и все тем же ядом с желчью и кислотой он: лишь на концах различив, что уже и *молока*; с глазированным кукурузным зерном, так и не ставшим попкорном, и дымком... тлеющего же дерева... *с травами*. Иронично!.. *Дважды*. – Ведомым был – ведомым и остался! Хотел быть, *не как все*, стал!.. А смысл? А стоило – чего? *Кого!*.. И, может, я и сам себе здесь и сейчас вновь спротиворечил, заташив и двойных стандартов... «с горкой». Но... Я ж, как и ты, надеюсь на лучшее!.. – За- и подметил Егор, как и то, что успокоился и сам: вдруг и выдав весь свой напор и запал, всю свою и спесь. – Что, может, где-то и что-то: в нем и есть. Но он же – постоянно... просто *постоянно* доказывает обратное; и мне проще с ним, *гораздо* проще – идти от обратного и... плохого! От худшего!.. Готовясь к

нему. *Изначально!*.. А уже и после – надеяться на лучшее... Чтоб не обнадеживаться... слишком!.. Пусть уже *сам* покажет хорошее – *плохое*: я уже у-видел!

– Я понял тебя Егор!.. – Грузно выдохнул Александр, все еще тормоша свои короткие русые волосы правой рукой и тут же зачесывая их назад, но и уже не так нервно-резко, почти и вырывая, как прежде, а за- и почти прилизывая их сейчас. – Скажешь это – Владу *лично*, ладно?.. Когда мы узнаем – все! Все причины и... Следствия. Все и причинно-следственные же связи! И да, я не говорил, говорю о том, что его надо прощать и простить: сразу же; и за все. Нет!.. Но мы, *мы* – разберемся: с этим; и поможем. *Да*, Егор!.. – И захлопнул ему рот, встречно перебив и так и не дав сказать ни слова, вновь *повысив* свой шепот. – По-мо-жем!.. И да, не перебивай – хотя бы: сейчас! Мы, какая-никакая, а все же еще пока: семья. И давай честно, как и *любая* семья: *мы* – не без *урода*. И пусть каждый поймет и узнает в нем – *кого-то*: сам. Возможно же еще: и себя. *Самого* же... себя. В той или иной: степени-мере!.. Как *черное* же все – и на, в «белом». *Сером!*.. А там: и полноценно. И закрепит за ним – это *звание*: справедливо! Вполне возможно, да и на первых же все порах, мы в этом опять же и то же: совпадем. *Но...* – И поднял, наконец, свою правую же руку в воздух с поднятым указательным пальцем: привлекая всеобщее внимание – в этом моменте и к этому же все моменту. – Мы – не бросаем и не отворачиваемся!.. Еще раз тебе говорю и всем же здесь

и сейчас находящимся: мы *постараемся* понять! Да. Если и не принять... *Сразу же!*.. То: понять! *Понять* – его ситуацию и причины, побудившие: к тому, *этому*, а не к иному. *Все*... вместе. И планоно!.. *Планомерно*. И так же – постараемся: *помочь!*.. Потому что... Не потому, что он – мой сын и ваш же все брат, друг... Пусть: не родной, биологический. Не «близкий»!.. И прочее... Сын и брат. Друг!.. *Не* потому! А потому, что на его же месте – мог быть, оказаться: каждый из нас. И *каждый* мог – попасть: в такую ситуацию!.. А я уверен и даже готов дать голову на отсечение, что никто из вас – друг друга, *другого* бы не бросил! – И, обведя, наконец, взглядом всех – так и не увидел отрицательного ответа: ни в глазах, ни и головами; в виде и таких же все покачиваний. Все сидели – смирно!.. Кто-то – даже и опустив последние, как и глаза: как Никита и Карина. А кто-то – смотря точно на него, но и без единого противоречащего, как и ранее же все, движения: как Женя и Егор. Что уж говорить: и за слова!.. И пусть последний все еще был и в корне же не согласен, в нем до последнего и сих пор все же бурлило желание избавиться от этой болячки и опухоли на и в теле общества, как и их семьи, но, и в то же время, щемило и еще же что-то: помимо. То, что так и откликалось же все: родством и... семейством. Общей целью... и задачей. Целостностью!.. Так и не дав, именно в этот момент, списать этот самый же все *незначительный элемент*, вроде Влада, в утиль, а и позволив вдруг стать чем-то и поистине же все: невообразимым. Как и

всё же и все – в этом, *их* кругу!.. Настолько значительным и значимым, что лившись его на эмоциях – он бы очень сильно потом жалел. Да и более того – не простил бы себе и себя!.. Ведь, и тогда бы еще, рухнул – *их* квадрат. И да, пусть треугольник, как ни посмотри, а «устойчивее»: как *фигура*!.. Но и пройти же через все, вот, просто *все*, что можно и нельзя, через столько и лет, *веков* и обрубить это все – вот так просто и легко? А и *правильно* ли?.. Рука не поднималась! Разум вновь боролся с сердцем. И ему – было так же все тяжело!.. Да и чего там? *Очень* тяжело. И даже, *тем более*: больно. Не столько и физически, сколько морально!.. Как за Софию, так и за того же все, *него*: Влада. Он был не готов – простить ему такое, некое же еще-уже и предательство, в отношении его же девушки, их сестры и подруги, *дочери*, «семьи», в конце концов, и пусть же все какой-никакой, как и сказал же уже и сам ранее Александр, но и это же уже не измена, физическая же, а *предательство*, душевное, душ и души: но и если бы, все-таки, простила она – простил бы и он. Поверила она – поверил бы и он!.. И, может быть, даже: и *поборолся* за него. Сам!.. Вполне же еще, и в процессе, а там, затем уж и до конца, меняя ненависть к нему на ненависть – к его же слабости и нежеланию становиться: сильнее и «волевее», *мудрее*!.. – И даже несмотря... *тем более*... несмотря на его прошлые какие-то косяки и... *лажи*: которые тянутся за ним и *просто* же сплошным потоком, беспробудным и бесперебойным, беспросветным; будь то алкоголь и-ли девушки, ту-

совки и... – и мужчина сморщился, но и все-таки же выстоял – под тяжестью гадости и даже *мерзости* всего и вся, как для него, но и *не* для Влада: опять-таки – каждый извращался, и имел на это же полное право, как мог и хотел, расплачиваясь же затем за это все и сам; и он же это еще и *сам* понимал, коль уж и не до конца принимал; и все же с трудом варился в котле из «разницы поколений» и «не такой уж и разности молодежных веяний» – его бы отец тоже, возможно, а там и *точно*, назвал бы его мазню – «мазней» же, *вэлл*, – ... и все прочее... вместе, где-то и мешая с чем-то *посерьезнее* и *потяжелее*, где-то и *нет*, и да, это *все еще* – его жизнь и он вправе ее выбирать, как и *как* жить ее и проживать, как убивать ее и... сам же умирать, и да, я и сам тяжело и тяжело это еще принимаю, не без лично-старческого скепсиса, но и пока же он еще в этой семье – он *будет* в этой семье: каким бы он ни был и ни стал, в дальнейшем!.. Решит уйти – держать не будем! Но и решит остаться – мы оставим, не отстав, поможем. И избавим его – от этого всего; по возможности и его же все хотению-желанию. Не забудем его – ни ногами, ни руками... ни и новыми правилами и установками, ответственностью и должностью: кому-то, что-то и за что-то, кого-то и... почему-то. А покажем эту самую же все историю – с другой стороны!.. *С нашей* стороны. Может, он и прислушается – сделает, наконец, и все правильно, верно. Не как по нему. Ис-пра-вит-ся. Или оставит, коль это уже и так: все верно-правильно. *Он – может!*.. – Твердо произнес

он и кивнул сам себе, утверждаясь повторно: в своей вере и надежде, любви к этому парню; и не только – как к «сыну». – И с-может. Если *сам* захочет!.. И так же, вполне себе, *захочет*. Я – верю в него: так же, как и верю в вас, себя!.. Роза тоже – может... и *могла*, а там и так же все вполне *стала* точкой невозврата и... *концом*! Но и *если* – стала же все, одновременно, «началом»!.. Высшей *точкой*! От которой теперь: либо спускаться и идти к «новой», либо прыгать и... разбиваться. Она – должна была появиться и вскрыть все это, весь этот и гной, как нарыв, одним махом. Как и *Софи* – для тебя, Егор!.. – Обратился он взглядом к задумчивому, но и уже не такому противящемуся всему и вся, всем же парню. – Хоть ты и говоришь, что дело – не в этом; как и не в ней. Пусть: так!.. Но и что бы он ни сказал о тебе и ней, *вас*... «плохое» и «плохого», опять-таки, с какой стороны посмотреть и *субъективно* или нет – он сказал это точно: под действием чего-то... или кого-то. Себя ли самого... Или ее!.. Но и со своей, *моей*, как и его стороны – точно: не со злым умыслом и не со злом. Со своим-его *интересом*? Да!.. Но и только лишь, опять же, если и в качестве: толчка и помощи, мотивации для и *тебе*! – Подвел черту он и усмехнулся, подмечая, еще и про себя, что так оно и могло быть: просчет шагов наперед, между двумя «братьями», разнился же разве – в их собственном нежелании признавать, что они стоят друг друга; и прекрасные борцы, как и *здоровые* соперники-противники – друг другу. – И я уверен, что ты сможешь ему когда-то и

это простить. Потому что, опять же, не как *брат* – брата, а как демон – *демона*; и *внутри* человек – человека. Он тебе – не враг-волк!.. Он – такой же, как и ты: который бы; я, опять же, уверен; простил бы тебя – будь ты *уже* и на *его* месте!

– *Прощу!*.. Но и после же – Софии! – Выразил, наконец, свою мысль Егор, подкрепляя ее затем еще положительным кивком и легким поцелуем в лоб: мирно дышащей и все еще глубоко спящей девушки. – Как, и если уж, будет: что и кого прощать.

– Достошно!.. – Улыбнулся русоволосый и взаимно кивнул и ему. – А что главное: справедливо и честно. Что ж!.. Будь – по-твоему, Егор! – Хлопнул в ладоши после он и отошел, наконец, от подоконника. – Мы – отправимся: за Анной. Но и Софи здесь – не оставим!.. Рвать Женю меж двух, а там и трех-четырех огней, сестрой и *женой*, уже и с ребенком-детьми, было бы – слишком жестоко. Да-к еще и учитывая то, что тот... *один* – может привести: и других двоих; а там и троих. И, только лишь еще возможно, *четверых!*.. И силы будут – не то что, не равны, а даже и не в нуле. Тем более: не в первых минусах!.. Мы возьмем ее – с собой. Опять же, не подвергая опасности – остальных; и не ввергая в непонимание, а там и желание кинуться следом и найти Артема, а там и Влада... и *оставшихся*. Будете все – здесь и на виду: друг у друга!.. – Указал уже и затем Александр, обводя не только своим светло-серым взглядом, но и правой же рукой, с выставленным уже и вперед указательным пальцем,

находящихся сейчас и здесь, в комнате. – Женю – оставим за старшего. Сообщит, коли что!.. Оставшиеся же – ведут себя так, как и велят до: никак и ничем себя особо не выдавая. Если Артем спросит про «прятки» – ответите, что не хотели будить лишним топотом: ни Софию, ни уж и тем более Полину. *Полине* – то же самое!.. – Глянул он следом и на Женю, получив уже и от него: положительный кивок. – Что: не хотели будить – ее; и *никого*. Про нас же – отъехали по делам. Хотя – до нас... И дела не будет. *Я* так думаю... Да даже и уверен уже, что и не дойдет же еще! Если ты, *Карина*,... – и перевел уже свой серьезный, а даже и строгий взгляд на нее, – ...не уберешь, до нашего же все и приезда-возвращения, *купол*. Скажешь ему – о нем!.. Пусть думает, что она: в безопасности и спит. Поставь и для Полины; Ник, это и тебя касается; на всякий пожарный!.. И чтобы чуйку на «неладное» – сбить. Две девушки – спят: их – не тревожат; и они – не тревожатся. Сама же, и сами, как сама-сами!.. – Пожал он плечами и направился к двери. – Но – не отставайте от них и нашей *легенды*, если отправитесь на боковую. Ни к чему – лишние вопросы!.. Все всё поняли?

– Да!.. – Кивнули ребята, а Никита еще и «честь отдал»; с правой руки и раскрытой ладони у такого же своего виска; под ухмылку выходящего из комнаты Александра и качание его головы, на манер: «*А что еще, и от него же все, следовало ожидать!..*».

– К *пустой* голове – не прикладывают! – Закатил глаза

Егор и встал с кровати следом, тут же затем аккуратно уложив и девушку на насиженное ими обоими место, решив, наконец, нормально размяться и заодно выбрать: что надеть. Софию же – он будить не стал; излишними телодвижениями – по переодеванию и со всем же прочим; собравшись укутать ее в красное покрывало и захватить «с собой» черный ворсистый плед, на всякий случай. Пусть он и не мерз, как и мерзнет, но и она-то – да!.. И в машине, конечно же, не так. Из которой, по идее, она и не должна была выйти, на всем их пути!.. Но и все-таки. С нижней частью своего еще белья и в его уже рубашке. Да-к и уют же еще, какой-никакой, а никто не отменял. Тем более – на заднем сидении и все той же машины. Там его точно – не наблюдалось; да и наблюдать-ся-то особо – не собиралось. Не жить же в ней!.. А так – хоть застелить грубую кожу салона: и уже комфортно; более-менее. – Ложитесь с Полинкой – здесь, Жень!.. – Посоветовал он, направляясь к шкафу. – Нечего силу разбазаривать и помещение захламлять... *излишним* «светом». Для кого же все как, а для *верхов* – мы будем еще тем маяком. И как бы уже – не сигналом о помощи Бэтмену! А вумен – и подавно!.. Полинка – не оценит! – Хохотнул он, ловя уже и в зеркале закатанный и хмурый взгляд темноволосого: и с хитрой усмешкой открыл раздвижные двери шкафа, рассматривая с куда более уже и серьезным видом одежду на вешалках. – Нечего им тут всем делать, когда нас всех нет. А будет спрос – будет и *в нос*! Какая ему разница, вообще?.. – Фыркнул

блондин, сощурился свои синие глаза в гримасе отвращения и изъял со средней полки черные джинсы с рваными коленями, но и пока не сменяя свои спальные штаны на них, не тонко намекая, своим прямо-таки уже и строгим-стальным взглядом, отвернуться Карине. На что уже и сама же девушка – лишь только закатила глаза и фыркнула, кивая на них же с Никитой: показывая еще, тем самым, что они сидят спиной к ним – и этого всего не требуется; но и *так уж и быть*, еще и руками лицо закрыла, перед этим отразив за нем если и не последнюю, то одну из последних стадий: ужаса и кошмара. Ну а тут уже и сам Егор – закатил глаза, но и ничего так на это ей и не сказал; как и особо же все так же *иначе* неотреагировал. Что уж говорить: до сделал!.. И так с лихвой – ей внимания уделил. – «Втроем» вы, вполне бы, тут – и поместились. На деле-теле же – вдвоем; так и подальше же еще – от их мельтешения.

Накинув же затем бежевое пальто на легкую вязаную кофту крупной вязки серого цвета, он еще парочку раз присел, дабы окончательно вывести мышцы и кости из комы и пустить кровь по всем их участкам, а заодно и растянуть чистые джинсы, натянуть и вытянуть их: для полного комфорта и удобства. После чего – бросил все свое еще старое в стирку и уже в новом подошел к кровати: чтобы быстрыми движениями закутать брюнетку в шелковое же покрывало и, скрутив плед со средним ворсом валиком под левую же руку, поднять ее правой и, придерживая затем еще и левой, на-

правиться к двери.

– А если: так?.. – Подлетел все же к ним, на прощание, Никита: и приложил свою правую ладонь к виску, а левую – положил на голову, имитируя «головной убор».

– Бесишь меня иногда – сил нет, но и меньше, чем Влад. за это – я тебя и люблю, сорванец!.. – Потрепал его по мелированным волосам своей уже и левой рукой блондин, удержав Софию на весу одной своей правой, и широко улыбнулся: после чего – вернул все и на *свои* же места. – И не только – за это. Без обид, «брат», ладно?.. Это все – было не к тебе; и не в тебя!.. Не «все», по крайней мере! – И отрицательно качнул: себе и ему. – И не только – в тебя: лично. К ситуации, в целом!.. Просто... – Затем хрипло выдохнул, выдав почти что уже даже и стон, подкрепляемый и не сыгранной же еще, ко всему, усталостью на лице, как и всего же еще и сразу: вместе с внутренним. – Я – устал. И затрепался... Если и не сказать *грубее*. Честно!.. Не только – морально; но и физически!

– Я *все* понимаю, Егор!.. – Улыбнулся ему уже и сам шатен, так же весело затем отмахнувшись и лишь мельком оправив покрывало на Софии, укутав ее им получше: заткнув все прорези и прорехи. – Не первый год – знакомы; и не первый век – живем под одной крышей: чтобы я не мог отличить *твою* агрессию, чистую и настоящую, без эмоций и чувств, ощущений – от агрессии «грязной» и ненастоящей, всей и... основанной только на них. Как, собственно, и лич-

ную, частную и просто на случайно же все и попавшего под твою горячую же руку – от общей, в целом и... на всех, по ситуации... и в ней, под нее!..

– Прости!.. – Еще раз повинился Егор, поджав губы. – Я постараюсь в следующий раз – не ловить *никого*; и сам – не ловиться: на *это*. А в качестве компенсации за моральный ущерб – сегодня... – и призадумался на секунду, тут же и ослабившись, – ...разрешаю, если будет *тот* доставать: «приложиться» к нему – не только словом, но и действием. А уж и я сам, по приезде-возвращении, подсоблю и добыю, прям как и в старые-добрые!.. – Теперь уже и поднял свою левую ладонь, чтобы и Никита уже затем – с радостью: отбил ему «пять» и с правой. – Когда еще не было – *его*, Артема!.. Считай: бонус!.. Дабл трабл! Не он, а *ты!* *Мы*... вместе; и *ему*. И каждый, тут же, *отдельно!*..

После чего, и подмигнув ему же напоследок, кивнул, в прощании же, головой оставшимся в его комнате и вышел из нее, проходя затем по коридору до лестницы: чтобы после уже, спустившись по ней и зайдя в прихожую, обуться в бежевые высокие кроссовки, не опуская и не отпуская ни Софии, ни пледа из и с рук, и выйти в подъезд, к лифту, дабы спуститься уже и на самую подземную парковку; где его уже ждал Александр.

Глава 29

– Анна!.. – Разъяренно крикнул мысленно Егор.

– *Воу!*.. – Удивилась девушка «на том конце провода» и словно бы даже немного опешила, но и, сделав так же все после паузу в пару секунд, будто бы чтобы и затем еще взять себя в руки, «собралась» и продолжила: пусть и уже с ноткой, но и «все же» – веселья. – *Какие... люди; и... без охраны. Здравствуй, Егор!.. Соскучился? Захотел: повторить?! «Согласна»: на все, что было там, в твоей комнате и... до прихода Влада с... этой... той; даже – на захват и удержание, удушье!.. Хотя...* – Но и, оборвав в момент самую же себя, все-таки призадумалась, ядовито следом усмехнувшись. – *Если: без «Софии»; то и с Владом – вполне себе!.. Или... Стоп!.. А ведь: «можно» – и с ней. Только спящим, «как будто», будешь – не ты, а по правде же все; и она. Сом-нофи-лия, м?.. М-мм!..* – Сладко протянула она и сама получила удовольствие от этого-того: что пришлось сделать очередную паузу, чтобы вернуть «стервоз» в голос; если уж и не «прикурить». – *«Тройничок» с... половиной!.. Как тогда. А потом – и на четверых... сообразим: вдруг – втянется и... Дурной же пример – все-таки: заразителен!..*

– *Нет!..* – Рывкнул блондин, отказываясь и тут же обрывая и ее же все словесный поток: довольства и даже уже пря-

мо-таки само-довольства. – *Сразу. И по всему!..*

– Эх!.. – Сделала же вновь вид, что обиделась, брюнетка: но и на деле – еще больше повеселела; иного ведь – и не ожидала, но и попробовать все же – стоило: *а вдруг. – Что ж, тогда и у меня по двум – мимо: не-люди и... с охраной. Привет Александру, да, кстати!.. Ну и... Софи, конечно же! –* И он буквально увидел: как она закатила глаза; лишь только заслышав – ее громкий выдох; и сцепил зубы, шипя и почти что рыча. – *Еще... и «спящей», как и загадала!.. Подумать же... только. «В машине», к слову, еще же и лучше. Смена локации!.. Все дела. Может, все же, «да»?.. А?.. И да. Не знаю, опять же все, конечно, как Александр: но и, вот, если его – на Влада поменять; или наоборот!..*

– *Не-т!..* – Вновь отрезал Егор, не поддаваясь на ее развод, «слабо» и прочие насмешливые провокации.

– *Как хочешь!..* – Фыркнула Анна. – *Я ради тебя: уступила и два раза предложила. Хотя никогда до этого так не делала: не поступала так – ни с чем и ни с кем! Оценил бы.*

– *Ты не в первый раз – себе изменяешь, Анна!..* – Осадил пыл девушки парень. – *Как и: всем вокруг! Всему же и... вся. А я, вот, «согласись»: как с первого раза – не соглашаюсь; так и не соглашался и не соглашаюсь – до сих пор!*

– *Повезло же – с... Софии!..* – Язвительно отметила та. – *Я так, полагаю, вы все – прочли? Про-слу-ша-ли?..*

– *Да... Все!* – Уж в чем-чем, а в этом – согласиться: пришло. Не без грузного придыхания: что концерт, нако-

нец-таки, окончен!.. Хоть и чувствовалось же еще – подходящее, пусть уже и неспешно, но и второе действие. Поэтому еще: и не с легкостью. Дополнительной!.. – *Если «это» – можно назвать: всем. Ты где – с оставшимся; и сама?!*

– *В пути, Гор!..* – Расплывчато ответила ему девушка: не желая, а и тем более так быстро – прощаться и сдавать, прямо-таки же еще и «с пылу, с жару», все свои явки и пароли; зная еще и сама прекрасно – *насколько* быстро он может ее найти: только дай повод и координаты, «кровь» – и если он *уже* не «в пути», то *еще* «на точке». – *«В пути»!*

– *Где: в пути?!..* – Напрягся он, «на подкорке» еще и отмечая: а вот и оно – второе действие «Расскажи, но не покажи»; похуже же, чем «Возбудим и не дадим». – *Мы выехали – за тобой! Давай: без глупостей и проблем, ладно?.. Как и без Розы с... «А1».*

– *А это – не само собой разумеющееся; и так же, из себя же все, и вытекающее?..* – Так и веселилась же она. – *Боюсь уже и тебя расстроить... Хотя, нет: расстрою!.. Ты же меня – уже расстроил... и обломал. Так что... Да! Получай, фашист, гранату... обратно. Можно: и без росписи!.. Не «тебе» уже – мне: условия ставить и правила назначать-качать! – Перешла в атаку девушка, даже и не нападая уже, защищаясь, а атакуя: в ответ на его же нападение на нее; и «зеркаля» его. – Я сама себе – условие и правило!.. Зря: вы едите за мной. Опять же!.. «Куда»: за мной? Не знаете же: ни дом, ни улицу... Разве: «Совет-ский союз»! Шут-ка!.. – И*

посмеялась с и от себя же самой: пошутив и посмеявшись в одного-одну. А Егора уже прямо-таки и перекосило: от злости. – А я и сама – на колесах. В кое-каком моменте прогадала, все-таки, правда... Сил – не так много, как оказалось, чтобы: и все это уже у-нести – с собой и на себе!.. «Одолжила» – машинку. Да. Фиг знает: у кого!.. Но! Такси. Желтая Skoda. Последней модели... С черными шашечками. Покатать?.. Или не S-класс: уже не тащит-«катит»?

– Да причем тут: это?!.. – Взвыл он и почти страдальчески затем простонал. – Слушай!.. Я... «Мы»!.. Мы не знаем: о чем и на что – вы договорились с Софией. Точнее: на что «не»! Что предшествовало – ее «удалению» тобой: из игры. Но... Мы можем – передоговорить!.. В конце концов, тебе же она сама – не нужна. Ро-за! Как и... Андрей.

– Да... – Спокойно согласилась Анна: ну а Егор же – продолжил выжидать ее «но», которое было всегда; и должно было быть – и сейчас: без исключений же все – только правило. И дождался! – Как и «София». Как и вы же всё... все! Включая: ее же папочку. За одним лишь исключением, в этот раз, правда... «Твоим»! – И снова рассмеялась, только и куда уже веселее и даже истеричнее, заслышав: как он подавился воздухом – на том, своем уже, конце. – Если ты – согласишься, так сказать, отдать себя, кинуться, «броситься» на амбразуру, пожертвовав, прощя говоря, собой и «вашей же все любовью» с Софией; фактически же еще – и самой Софией: как же она без тебя – жить же не сможет!.. –

Посетовала она: на деле же – вновь обрета «стерву» внутри себя; как и едкую же, ядовито-кислую, желчную заботу: так и что «ей» – *тем более* и не была. – *Ну и так вот.* «Вернешься» – *ко мне!*.. Я, так и быть, подумаю... «Подумаю» – *и отдам вам Андрея!*.. *Вместе со всем, с ним же идущим и причитаемым; со всеми и приложениями.* Обменяю... *это, и «буквально», на тебя.* И мы... «с тобой»... *вместе – уйдем в закат.* *Когда же и те!*.. – И фыркнула, будто бы еще даже и затем: *тем же самым все месивом – и сплюнув.* – *Пусть со всем же все... и этим – сами же; и трахаются.* *Как тебе: идея?..*

– Я – *в обмен на... них: всех?* – Задумался Егор и даже осел: как в позе, так и в голосе. Но и не из-за предшествующего – *всему, его же, крика, а: от шока!*.. И да, конечно же, и он знал, что она была и есть и будет: на такое и *не* способна; *проще же все было сказать, на что «не», и буквально же уже, ни на что.* Как и знал, что и другие, чужие и иные жизни – для нее *ничего, просто ни черта не значат; как и его!*.. Но и что-то же, видимо, все же – *пошло не так, не по плану:* раз она уже снова, или еще не прекращая, *воспылала к нему чувствами; как и к «ним».* – *Моя не-жизнь – на их и без?..*

– *На нее и... ее, Егор!*.. – Поправила его Анна, пропев: так и не обратив, а и скорее же – *не посчитав нужным обратить внимание – на его «не»; не ее же.* – *Главное же все: София!* *Не так ли?.. Все – ради и для: нее; ее.* *Она – будет жить.* И, *как бонус; чего уж там уж-е, не жалко; я найду способ –*

разделить нас... и жить припеваючи: отдельно друг от друга! Пусть иногда – и в горе, все же; но и в радости: смерть никогда не разлучит нас!.. – И усмехнулась, казалось, уже даже и начав представлять их совместную жизнь: во всех красках и контрастах; да, зато – и без «теней»; с домом, собакой и... не «Владом». – Не «естественная», я имею ввиду!.. А малышка... Да смирится, я уверена, когда узнает: какой ты все-таки – герой; пусть уже и не ее романа, но сказки; чем пожертвовал – ради, опять же все, и для нее. Ее!.. Жизни. Собой. Своей любовью и... Все: к ней!.. Родимой. Это ли – не «высшая степень-природа чувства»? «Если любишь»!.. Отпусти-ть – ради счастья другого; и в другом. С другой и... другим! Поступиться – своим, а не ее... Выбрать – ее; а не себя и свое. Это звучит... по меньшей мере – гордо!..

И между ними вдруг – повисла неловкая пауза!.. С его же все и стороны. Как и: для него! Ведь он так же все замер, как и подвис в собственных мыслях: ненадолго отойдя от разговора, собираясь с ними и с собой; как и беря уже себя, в пусть и более-менее, но и свои же руки. Одновременно – пытаюсь взвесить вновь все: «за» и «против». Как и предугадать, по своему же все «образу и подобию», на и *дальнейшие* шаги: наперед. Могло ли быть это все – игрой? А ловушкой? Или: очередным же все ее хитрым планом?.. Что, собственно, одно и то же; и, как она же еще и сама ранее сказала – разумеющееся и вытекающее. А могло ли и быть – спасением: во спасение; и жертвой же, не ложью, *недоговором*: во бла-

го? Могли ли они все так же вдруг и совпасть, в ее эгоизме и его альтруизме, на плоскости и прямой – под названием: София?.. Где еще и та ей – ничего не делает, оставляет; а и он же, Anne, в этом помогает – и Софию же, тем самым, и спасает?..

– *Сколько у меня есть времени... подумать?*

– *Твое молчание – определило твое же согласие!..* – Вынесла незамедлительный вердикт Анна и злорадно рассмеялась. – *Какой же ты... засранец, а! Ай да сукин сын!.. Ай да... ублюдок. Черт!.. Даже... Большие – моего; и хуже – моего же!.. Ха. А вот теперь: ей уже не повезло – с тобой; и она же тебя сама – не заслужила. Подумать же вновь, но и почти, сука же все здесь и сейчас, только!..* – Распалась и расплылась все больше и больше девушка, негодуя за всех и вся, всё: из ниоткуда же просто вдруг взяв и возымев «женскую солидарность». Но и на деле же все – издаваясь и пристыжая: за его и все же еще веру – в нее-себя. Ну хоть уже: и не надежду. Как и любовь!.. Что ж. Кого-то жизнь-не-жизнь – совершенно: ничему не учит. Так и он же еще сам – *кого-то* ей учит. *Такой!..* Может, хоть и она уже выучит его и, да, таким, повтором же все и пройденного, как и всегда?.. Как и любая: мать учения-мучения? А что?.. Если только так лишь, по-видимому, до него же все и *не-доходит*: значит – доползет; он же и сам; если не хочет, и до сих пор же все, принимать-признавать очевидное. – *А она же еще хотела свой «свет» – на тебя разменять! Членство, блять, в*

Совете!.. Стать демоном, прости же все, господи-дьявол!.. И жить – с тобой же все: в горе «и» радости!.. Да я же ей даже сама – возможность иметь детей, с барского плеча, отдала!.. А на кого, «что» спрашивается?! Ни на что и... Ни про что! Ко-го!.. Ха. Ну да-да. Ты же это все: так отдал! Егор-Егор...

– Стой!.. – Оборвал ее блондин, пытаюсь остановить и не дать «сорваться», но она, как и всегда, решила все за себя и по-своему: – Ай!.. Нет! Неважно!.. «Имей» – сам: это; как и «имей-ся» же все – с этим. Без меня! Я же хотя бы: не прогадала. Отбой!.. Человечек – на горизонте; и так же, как и вы же всё... все, не-человек; Владислав! Хм... Легок на помине! И прямо – в руки же. Прямо... мне! – Пропела вновь она, но и уже куда более искренне, ведь и радуясь: сему же все и от-лову... без сетей. – Не через «третьи». Какая же все же... у-дача... эта ваша: «заливная рыба»!.. «Мне». Опять же!.. Позже свяжемся, Егор! И... «Увидимся». Вполне же возможно... Дела не ждут, сам понимаешь!.. А на реакцию Софши, как и на все же это, я и сама посмотреть хочу!

– Анна!.. – Тишина. Девушка – «отключилась» раньше, чем он успел ее вызвать, а и точнее же все вы-кричать обратно. – Влад!.. Слышал? – Кинул «клич» уже затем и рыжему он, тут же получая ответ: – Слышал, брат!.. – Не без радости, но и без грусти: решив все же для и сначала – разобраться и разобрать все по мелочам и полочкам, здесь и сейчас, как и по очереди же все поступления проблем; интонацион-

но смещаясь с и от более-менее спокойствия ни к какому и ни разу же еще-уже при этом не спокойствию. – *Выпас же ее еще – чуть раньше: твоего и... вашего! Но... Да! Спасибо за информацию. Можно будет ее как-нибудь и обыграть!.. А относительно концовки... Что это за херня была, чувак?!..*

– *Не тебе же одному все – косорезить!..* – Выплюнул блондин: и сам не рад; так и сам же еще – недовольный собой. – *Не знаю, Влад!.. Веришь? Глупо было соглашаться – на что и кого-либо!.. Тем более: от нее. Но... Бля! Если бы только – это выгорело!..*

– *Нет!..* – Отрезал Влад, так и не давая же ему еще и уйти: с порожнего в пустое; с его же все понимания и размышления – в моменте. – *В том-то и дело, что: мне и одному! Это – моя фишка! А не твоя. И... Софы. Так!.. Ладно. С этим – потом разберемся!.. В конце концов, «засвидетельствую». Черт!.. «Если бы только – это выгорело!..» – Перековеркал он и фыркнул. – «Сгорели» бы – вы: оба!.. Не от ее руки... Так: от моей! Тоже мне, удумал, спаситель херов!.. Да и та же еще – хороша. Но и ты!..* – Сорвался рыжий и поднял тон голоса, не давая уже и ничего вставить тому: лишь почувствовав его уже и «недозаход» – с такого же вздоха. – *Был «злодеем» – так и оставайся им! Нехер переобуваться: от случая к случаю!.. Так поступает – только: большее зло. Опять же все – я, не ты! И кто бы то ни был... Не лезь – впереди батъки: что с тобой, «за рулем»; что и... мной! Она же вас, блять, ловит, как зайку... и кролика. Прямо:*

подряд!.. Ты – раз. И тебя – уже дважды. И «шляпа» же – не нужна!.. Под моей шкурой больше нету места. Ха!.. Честно. Столкнет ведь – и расстреляет: одним выстрелом!.. К хренам!

– Я думал: о ней!.. – Пошел вновь в защиту, как и нападение, блондин.

– А она – о тебе... И никто, сука, ни разу: не «о себе»! – Взорвался окончательно рыжий, «глуша» уже и себя: но и сил же терпеть это дальше – не было. – Пара, бля, нормальных... да, а как же... «дураков» и -докс!.. Ладно! – Но и, подавив в себе еще больший «раздрай», все-таки оставил его на потом и опосля, лич-но: «Не время же еще... и не место. Не здесь и... “прямо” сейчас», решил он про себя, «Ни к чему же не придем – больше только лишь разругаемся; а -куда уж, скорее от-... Да и на это, как и на смерть, время всегда же найдется. Позже. Не рано!.. Спешка с этим, как и спешить, лишний раз – не стоит». – По мере поступления... Обмозгуем!.. Придумаем, бра-тец... Не дрейфь!..

Тем временем и в поле же зрения девушки-водителя – появился силуэт высокого и худого парня... с вихрем *рыжих* коротких волос на голове, что голосовал около среднестатистического бара: обычного одноэтажного кирпичного здания, пусть и из черного кирпича, но и скорее всего ведь крашеного; а если и *нет*, то и уже с «хорошей» предысторией; так и зато же еще с необычной вывеской; в пору неона и све-

тодиодов, с глаза-лопательными и -выдавительными цветами; она была просто деревянной: с черными же буквами, выписанными так же все краской, так еще и по выжженным, *иронично*, и до этого же все, *естественно*, местам, на светло-коричневой доске. Отмотать время назад – и он вполне сошел бы: за таверну!.. Да и «сейчас и здесь» же все, чего уж. Только *уже* и без створчатых небольших дверей-книжка – с одной деревянной светло-коричневой дверью: с черным глазком и такой же металлической ручкой; не говоря уже и про окна, что были им же в тон, так еще и шторы такими же тканевыми жалюзи изнутри. Ну и, конечно же, узнав в парне своего «закадычного *друга*»; как не узнать, и не из-за «ущемления по цвету... *волос*», *не* только; брюнетка усмехнулась, но и тут же скрыла улыбку и натянула рукава черной спортивной кофты, найденной в машине же, на кисти своих рук, оправляя и тем же все макарон, следом в цвет же ей солнцезащитные очки на носу, обретенные уже и в ней же и натягивая капюшон, от нее же, почти и на лицо: теперь уже и прямо-таки «утопая» в них – поглубже и подольше, дальше; быть Софией – так уж и быть ей до конца, как и со всеми причитающе-вытекающими. Затем тормознула прямо около него, не глуша мотор, и подождала, пока тот заберется на заднее черное кожаное сидение... *ее* машины.

– Да еду я!.. Е-ду. Что значит: «*Не слышно, как работает мотор*»? Мне тебе порычать в трубку; или засунуть ее под капот? Все!.. Уже: на подходе! На подь-ез-де, говорю! –

«Психанула» темноволосая и бросила золотой телефон в сером матовом чехле на соседнее кресло... к *букету цветов*: не забыв предусмотрительно «выключить звук» и фыркнуть от «пошлости и напыщенности» его *бывшего* хозяина. – Ты – откуда; и куда?..

– Спасибо!.. – «Поблагодарил» ее так же все рыжий, мельком утирая глаза правым рукавом свой серой вязанной кофты, брошенной поверх белой футболки и черных джинсов, заправленных в цвет же предыдущей высокие кроссовки: сразу, видимо, так и не признав в водителе ту, что признала его же сама и сразу; или признал, но, как и она, не показывал виду, выжидая и до определенного момента – нужного ей и ему же самому. А, вот, будет он или нет, как и один и тот же или нет? Вопрос-ы!.. Но и держались же все оба, надо признать, изо всех сил: чтобы просто уже не рассмеяться в голос – от комичности и прямо-таки уже и «сюра» сложившейся *всей* ситуации. Ведь, и прикрыв правой уже и своей ладошкой рот, будто и еще же зевая, она тихо смеялась, никак себя не выдавая: когда же и он – смеялся в кофту, вполне себе: играя истерику со слезами. Ну а что?.. Он плачет – искусственно; а она смеяться так же – не могла? Могла. И с-могла. Да!.. Какие же все-таки таланты и пропадали!.. *Пропадом*. Что в «водительской», что и в музыкальной индустрии-сфере. Актеры, да уж, нечего сказать!.. Кроме лишь еще и того: не «на паперти маньяков», конечно же. Ха!.. Кто бы знал, что в нем погибает – такой коллаб: актер-маньяк.

Хотя это иногда, как и сейчас же все и здесь, одно и то же: ведь и чтобы ловить жертв, вроде нее, но и не *ее* – нужно было, если и не «неплохо играть», то «отлично давить на жалость»; хотя бы, если уж и совсем «все плохо»: – Куда едем, *актер недоделанный?*.. – И он замер. Всего: на мгновение. Но и этого же хватило, как ей, так и ему, чтобы после, будто бы и вновь же все хлопнув носом, для завершения таки образа и на таких же все последних аккордах, оторвать свое лицо от бедной, готовой уже и к выжимке вязанной ткани и фыркнуть. – Вперед!.. – А затем откинулся на спинку кресла и рассмеялся: вскрыли, карты на «стол»; осталось дожидаться – *ее*: на этой... у-прямой *бочке*. Ведь она вновь, в который уже раз, *пыталась* быть Софией: но, и в который, вновь и тот же все раз – пролетала фанерой... и на ядре-же-все-пробке... над Парижем; так и не узнав же еще, да и в принципе, что сама же, уже и *та* девушка, наплевала на ее зарок и все рассказала, как и ему же, в том числе, и ранее. Или, как и прежде же все, у- и знала, но и не все: надеясь, теперь уже и сама, на то, что и он же все, Влад, остался в неведении!.. Что ж, да, *птичка* «опять и снова» ошибалась – и уже летела через тернии: прямиком в его же все руки и «на разрыв», без *последней* своей песни, *зато* и под звезды; целилась ведь в луну, а попала – в «темноту». Но и ей ведь: не привыкать! И хотелось же поступить с ней так же, как и она же все чуть ранее с ним – не дать дописать-доиграть уже и *ее* этюд!.. Но и что же ему мешало – еще немного поиграть в это и это-м же

с ней, так еще и узнать: способна ли она – хоть и на что-то же уже? Если и не брать-быть уже Софией: внешне!.. То, может, *внутренне*? И как: *сама*. Когда же и сама же еще София – не хотела быть: ни в том, ни в ином, пусть даже и чуть, но и схоже-похожей с ней; и с чем же – еще и прекрасно справлялась. Ей же это – прямо-таки легко у- и давалось, без всякого труда: *быть*, а не казаться!.. В отличие же все и от этого, вот, «дарования». И, поблагодарив себя за сноровку, как и, какую-никакую, а «думалку», он засунул руки в передние карманы своей же кофты и размял в них... оставшиеся все же, как и «на всякий же с», *лепестки*: отсыпанные им и почти сразу же, перед тем, как и окончательно же была ликвидирована подушка. – *Развела* нас с Егором, да?.. – Хохотнул Влад и покачал головой, будто бы еще же и расстроен-огорчен: ее-их первыми и подобными же все «мостами». – Он ведь, я так понимаю-полагаю, не в курсе – всего же этого... – обвел он своим янтарным взглядом машину и саму же девушку затем чуть слева, но и перед собой, – ...как и «я»! Как и *все* мы! Ну а по «звонку»... – и усмешка почти сорвалась с его губ: на тему *не того телефона* и что *ей трудно было выкрасть телефон Софии*, когда им самим это проблемой, в *свое-их* время же уже, недавно, вообще не стояло и не встало; но он сдержался, повторяя только «*Рано!..*», да, почти, как и в разрезе самого же Егора: с которым они уже имели свою «аудиенцию» до, – ...*в курсе*, что ты *не* дома, где и должна была быть. Мог быть – только лишь один... *одна*, с кем ты

сговорилаась давеча и... «ночью». Анна!.. «Кто»: там?..

– Где?.. – Повторять, так повторять. Доигрывать, так доигрывать!.. Благо и по уровню же все Софии – она шла ровным курсом и без треска сорвать постановку одной актрисы... для *второго* же актера, как думала она!.. Но вот и только лишь – не тот актер, как и не та же все актриса: который, к слову же еще, так и не сдержал... злорадной усмешки, завидев непонимающий взгляд, не говоря уже и о том, что и определив его – даже через очки в зеркало заднего вида; она же уже, в свою очередь, словила его смешинки-искорки в его же «открытых» глазах и снова взглянула на дорогу, закусив губу: – Не придуривайся, Софи!.. Могу лишь только предположить, что под «защитой» осталась как раз таки и Полина: она ведь как оставалась, так и осталась одна; пока мы «тусили» у вас, с Егором, в комнате. Позже, видимо, все разъехались – и поехали искать меня еще, *возможно!*.. Ну а и не возможно уже: и тебя! – Утвердительно кивнул он и ее же все «недоуменному» взгляду: но и скорее же уже и прямо-таки *загнанному* – от того же еще плюс и «рассерженному». – Оставили там: Женю на Полину и Никиту с Кариной... Но и: не тебя! А!.. Ну и да. Еще же где-то там – и Артем. *Если:* жив еще, конечно. Нет ничего проще, как и такого же момента, чтоб сбежать!.. – И развел руками, хлопнув ими в знак: «проще простого». – От последней «парочки» – так точно; а *Женька* – и носа не подточит: ведь и Карина, скорее всего, еще и «купол» установила. А он – пустой!.. Потому что: *ты* – здесь!..

И *сейчас*. Со мной. Иронично? *Символично?*.. – И, еще раз оглядевшись, *будто бы* и что же еще вспомнив, перед этим так же все благополучно «забыв»: вновь прыснул со смеху. – Кстати!.. А с каких это пор – ты работаешь *в такси*, м? Или что, «подрабатываешь»? Прости!.. – Прокашлялся он, словно бы еще и стараясь прийти в себя, привести-вернуть и голос в нормальное состояние: вот только лишь и вновь затем смеясь и давясь воздухом: с примесью своей же мяты и ее... *перца*; та еще смесь – сразу после зубной пасты и *мятной* же жвачки. – Но я не могу предположить ничего иного и другого, как... «воровство». *У-гон!*.. – И пропел по буквам, потянув слово, склонив голову к своему правому плечу, серьезно смотря в зеркало заднего вида и так и лоя же все *темный* взгляд брюнетки: через *черные* стекла. – Ты – *не* вор. Тем более: не *угонщик*. А если и *да!*.. То точно: не этого «хлама». Нет, я, конечно, был наслышан... Еще и до: о твоих... *вкусовых пристрастиях* – от самого же Егора. И если не об их полном отсутствии, то и об их прямо-таки и извращенной, не пошлой уже копии. Но чтобы... *Настолько!* – И его, еще немного и ставшие бы уже в цвет волос, глаза – раскрылись: в притворном, опять же все, шоке-ужасе. – Пора бы ему уже доделать то, что не доделал Ксандер: привить тебе – хоть что-то. *Начать*: по крайней мере!.. – И девушка вздрогнула, ведь так и не пристегнувшись, так что мог спокойно лавировать-маневрировать по салону, будучи уверенным не только в том, что их не остановят, а если и остановят, то ни-

чего не предьявят, не успеют, как уйдут под ее же все и внушением-дымкой в гипноз, а еще и в том, что не умрет, даже если она сама этого *захочет*, а уж и тем более резко затормозит и «вынесет» его в лобовое стекло, скорее уж от скуки и приторности всего же этого, прежде чем и от *возможной* же аварии, он двинулся к ней вперед и заглянул на переднее сиденье справа же все и от нее, как и от себя, решив *получше* рассмотреть лежавшее на нем. – *Цветы* – вместо «елочки»?.. – И ткнул своим левым указательным пальцем в *розы*: в каком-то старом и грязном куске... *жженой* газеты. – *Для* запаху?.. Или все же: от?

– И от кого я это слышу?.. – Хмыкнула брюнетка, лавируя между машин: чтобы обогнать их и тут же встроиться в тот же ряд. – От разносчика листовок по... домам и квартире? Серьезно?!.. Это ли – не пробитое дно, Владислав. Какой хреню по жизни ты вообще занимаешься, *скажи* мне?.. – И скосила взгляд на него, покачав головой: только лишь и завидев его открывшийся рот для ответа. – Хотя стоп!.. Нет. Какой: *не!*.. Ни-ка-кой! Ты же занимаешься – всем и всей!.. Но нет... *Пробил* ты его – сейчас и со мной: когда попытался, так же еще и бездарно, «снять» водителя. Де-вуш-ку!.. И, как я поняла, любимого и пользующегося популярностью у тебя: средства и способа передвижения. Вне *своей* машины!.. Правда, что ли? А сколько их было: до? *Удачных* случаев, я имею в виду!

– Столько – не живут!.. – Отмахнулся он, после чего пе-

редвинулся корпусом влево, пересев за спинку сидения девушки, как и за ее спину: и прижался почти к самому правому ее уху, заставляя уже и ее, пусть и на доли лишь секунды, но и потерять управление, прошептав. – *Они* – не живут. А мы – *да!*.. – И откинулся обратно, но уже и сидя же все за ней, рассмеявшись: довольный – произведенным эффектом, как и пусть мелким, но и тремором ее рук. – И как удачно, что есть такие, как ты: что ведут картотеку!

– На *тебя?*.. – Изогнула правую темную бровь девушка и усмехнулась. – Спорно!..

– Ну да!.. Стараюсь же – не повторяться и *не соглашаться* на все и сразу: *с первого-то раза!* – Подумать только, только лишь начал играть в «Сапера», прощупывать почву на *мины* и ставить на «спорных» же все и участках *флажки*, а тут уже: сразу и задел. Прямо *саперный морской бой* же еще, получается!.. Ну а принял, после того, как и понял же уже окончательно это – еще и по тому, как отреагировала она сама же и следом за руками: чертыхнувшись и покосившись на него же в зеркале... со злостным прищуром; опять же, который видел – только он. Когда же и она – знала, что он есть: но и не знала уже о том, что он – видит. Может, конечно же, уже и догадывалась: но и он – никак себя не выдал-спросил, а она и не ответила-промолчала. – Есть, конечно, те, что *два раза не предлагают*... – Если бы они, и правда, *по-настоящему* играли и в их игре было еще не только *ранил*, как и все в том же морском бою, а еще и *убил*, то и сейчас точно же как

раз было бы *второе*. Для второй!.. И где она уже прямо-таки и рыкнула бы. И она *рыкнула!*.. После и чего уже – вновь же все и в его сторону: прилетело что-то наподобие «*Сука!*». Еще крепилась, и Влад это видел. Как и то, что держалась – из последних не только своих, но и его же все сил: на нее. А на и за себя же все, *он*, нет!.. Продолжая самодовольно и горделиво – ходить по краю: *ее* же краю. – Хм... *Себя!* Но и я – не хрен с горы, чтобы на «такое», *всякое*, соглашаться. Отбор, *малышка!* От-бор!.. – Потянул он вновь *крайнее* же свое слово и так же все по слогам, а там и чуть даже буквам: опять же – наслаждаясь ее гримасами *болевого* отвращения. – *И ты* бы – его прошла, попадись же: намного раньше!..

– Как мы заговорили!.. – Прорычала она, цедя слова, как и воздух, через плотно стиснутые зубы. – А ты, оказывается, еще тот прыгун: *с джентльмена до ублюдка*; и обратно! Или *только* в ублюдка; а джентльмена – играешь?.. Но и хотя бы – не так уж и бездарно: как *человека* с... проблемой! – И сморщилась, поджав губы. – Или *кого* ты там играл?.. Желаящего сходить «по-большому», но стесняющегося это делать в... *баре?* Неплохо!.. – Усмехнулась она и подняла нижнюю губу на верхнюю, *оценив* удовлетворительным кивком. – Но и *не* хорошо. Уж где-где... Не ресторан же, в конце концов. Да и ты, по крайней мере, не тот процент, что вхож в них, а вот в *питейный*... бар – вэлком; как и *обратный* процент, что не может этого делать дома и при ком-то, кроме себя, а согласен делать это везде, но только не там!.. *Дома* – нет. В баре

– да. Где логика?..

– Ты про тот момент: у камина?.. – Широко улыбнулся рыжий. – Прекрасная была... *беседа*. Мне – понравилось! Ничего личного, Соф!.. – И пожал плечами: с легкой «руки» – выводя ее, еще и *этим* именем, в обращении к ней. Ну а что?.. Ему даже стало интересно: с кого-чего ее «пронесет» быстрее – с его «уколов» *их* ранним «диалогом» с Егором, которого он *как бы* и не слышал, «подключившись» потом; или с *имени* той, кем она так ужасно прикрывалась? – Тогда – было все честно; и я говорил – правду. Но сейчас, как ты и сказала, ты меня *обломала*: имей смелость проиграть, как и *честь* – принять это!..

– «Сердцеедик» обиделся?.. – Выпятила свою нижнюю губу девушка, перенимая будто бы еще и его обиду, таким образом, себе. – И решил все же отомстить – обидчице? Как... *мило!*.. «Было бы»! – Хмыкнула она и тут же ослабилась. – *Был бы* – не «ты»!..

– А *кто*?!.. – Почти искреннее недоумевал Влад. – «Егор»? Да... ну! Хотя... *Да!*.. Он же ведь – и тот еще: *сердцеед*... Цветочки – от него? – И стоило только ему потянуться к ним повторно, но и уже одной своей «целой» правой рукой: как она перехватила руль «одной левой» и буквально отшвырнула его конечность, своей же уже и оказавшейся вмиг свободной правой, обратно к нему; чуть ли и не вывернув-вырвав ту из сустава. На что уже и сам Влад лишь прошипел и отшатнулся, потирая ушибленное место. – *Больно*

же!..

– Не трожь!.. – Рывкнула брюнетка и вернула обе руки на руль. – И *отведай-ка: собственного лекарства!*.. Ведь и не думаю, что хоть и кому-то, бывшему на этом месте, вместо меня, было приятно: с тобой! – Сгримасничала она, «подавив» рвотный рефлекс. – Парней – ты тоже брал: «наголо»? «Чем»: брал?.. *Смазливой мордашкой?* Или курносый носом, который все равно умудряешься совать, как и сам же все и им совать-ся: не в свои дела?!.. И за который – водят всё и все, кому не лень; даже, а там и *тем более* я! – В открытую уже насмежалась она и положительно кивнула. – *Да!*.. Отвечая – на твой первый вопрос. Там была – Полина, а *не* я. С Женей, *скорее всего*. Душежор: ты! Не... *Душегуб!*..

– Ду-ше-губ!.. – Опробовал слово на вкус Влад, а девушка, в очередной раз, не сдержала эмоции отвращения: к этой прямо-таки уже и *приторной* его мерзости. – *Конечно!* Твое «словоблудие», *даже* и от меня, заслужило – похвалы, знаешь!..

– «Даже»?!.. – Сделала акцент на этом слове она и удивилась. – А ты – кто: вообще? Комиссия по творческому потенциалу и *способностям!*.. Давно ей стал, своих не имея? Тебе не кажется, что это, по меньшей мере, *не* логично?.. А по большей... *Тупо!* Критиковать кого-то, не зная в чем; а и главное – что и как, кого?!.. Ка-ко-го!.. Такое себе. Как и: превозносить!.. – И, заметив в зеркале, как он закатил глаза и нервно оправил свои волосы правой рукой, злорадно усмех-

нулась. – Правда – за правду, Вла-ди-чек. Проигрывай – смело и... с честью! И с Егором, чуть ранее, я не говорила – *тоже*, знаешь ли, не пальцем деланная. Хотя... Если даже – *ты* поверил!.. Гуру среди гур. Прости!.. Дур. Дважды: прости!.. Дур-аков. Дурак... среди дураков! Значит, я – даже лучше тебя, получаюсь; и получ-илась!.. – Хохотнула брюнетка и послала ему в зеркало заднего вида «воздушный поцелуй»... *с плевка*; и своей же вновь освободившейся правой руки. – Но и... Как-то же: не красит. Все же – только хуже; и стало. Да... уж. Ты – единственный, чья похвала и превосходительство над кем – вызывает отвращение не к тебе, а ко мне: будто бы ты был *лучшим среди худших*, а я *стала*, обогнав тебя!.. Куда именно: *вперед*?.. – Решила все-таки уточнить, по дороге и пути, она. – Я не против покататься, но *цветочки* «прикажут долго жить»: если в воду их не поставлю!.. И не то, чтобы мне было не «плевать на них»; мне *не* плевать на них, *плевать* – на тебя; но, может, на ходу выйдешь?..

– А не все ли *теперь* уже равно, *Анна*?!.. *Просто*: вперед! – Сорвался парень, но и почти тут же, не сменяя гнев на милость, придвинулся к ней, сев сзади нее, и прижал ее за шею своей правой рукой к сидению: сдавив ее; душа и, при этом же всем, еще и цедя сквозь зубы, *попросил*. – По-жалуй-ста!.. Хотя, ты и *этого* – не заслуживаешь, дрянь!.. С какой бы эмоцией: ни произносилось! Ты же – портишь: все!..

Да и сама девушка была уже на взводе и грани, чтобы еще чуть-чуть: и разорвать его – на мелкие кусочки. Но – держа-

лась!.. Вновь: терпела. И... Изю всех сил. За себя и... *в себе*, за руль!.. Благо и рукам же все – нашлось применение: и они были заняты. Пусть и под угрозой уже были, конечно: черная кожаная и пластиковая поверхности, крепление и руля к приборной панели... Но и сейчас же все, *здесь* – это, как ни странно, в потоке машин и безостановочного их движения: волновало меньше всего. Как и то, что они все-таки могут и уже даже почти что и с-могут: попасть в аварию. Как и до этого еще – раздумывал и сам Влад: правда, и в разрезе же еще того, что не умрут же!.. *Сами?* Да. Убьют, *лишь только*, и до чертиков, а там и дьявола народу! Но... Опять же: не *людей*. Кхм!.. Ее же это волновало – меньше всего. Ведь, и ей же все, сначала хотелось прямо-таки и разможжить его довольную и улыбающуюся, как «Чеширский кот», физиономию-мину: а уже после – злую и мстительную, душащую ее; так еще и наслаждающуюся же этим. Черт!.. Он – узнал: *ее!* *Все-таки:* узнал! И равно, как и ей же все было интересно: когда и где именно она прокололась; ей хотелось еще и бросить этот чертов руль, оторвать ему руки или завязать их вокруг своего сидения и начать душить его – уже-еще и своими же руками. Угробив, при этом, половину полосы впереди; и огромную же уже и оставшуюся часть ее же сзади. Или оторвать руль и!.. Тут они, как ни странно, сходились: даже еще и не зная об этом. Но и вспомнив, все же, о «сером» кардинале и *третьем* в лодке, не считая «собаки», смолчала!.. А кто ему еще скажет, если и не она же сама? А она

– и не скажет. *Он?*.. Тоже: вряд ли. Вот и порешили!.. Да и мало ли, где сейчас мог быть *реально* Артем. А где и Роза?.. Про *Андрея-то* – она знала. Не знал – тот. Влад!.. И именно поэтому, по большей части, и боялась всего, *больше* всего: из-за Розы; которая, наверняка, еще даже и не догадывалась о *комфортности багажника*, в отличие от самого же мужчины, который отмолчав, благополучно, полпути – вдруг же ведь и завозился, «паля»: выбиваясь своим уже и «стуком» – из ритма ее ноготков по коже руля и мерного рева мотора. Да-да!.. Ее душат, а она отбивает мелодию. Что ж, не впервой же!.. Два раза за сутки, если так посмотреть, идет на рекорд! *Свой* же. И себе же все придуманный. Как и выкопанная, так же все и давеча, яма!.. Предназначавшаяся – когда-то и кому-то... другим; а теперь так удачно и удобно, впору – подошедшая и ей же все самой! Бывает же!

– Сразу видно: *не* музыкант!.. – Прорычала себе же под нос Анна, обращаясь к Андрею. – Медведь не только – наступил на уши, но и *потоптался*, ламбаду станцевав!

– А тебе – *это* нравится, как я погляжу!.. – Фыркнул Влад и уже левой своей рукой расстегнул черный кожаный ремень на джинсах, извлекая его из петель и тут же затягивая *удавкой* на шее девушки: после чего еще и затем – только лишь и утягивая, с каждой дыркой, все сильнее и сильнее. Ну а что?.. Руками, да-к еще и долго держать – он ее не хотел: было отвратительно и омерзительно. Так и более того – стало *еще* отвратительнее и омерзительнее: когда должного эф-

фекта – не произвело; а выда-ви-ло – только ядовитую ухмылку и какие-то еле уловимые стоны!.. Не боли, а *удовольствия*. Она – кайфовала! – Извращенка чертова!.. Мне кажется или «под нами» – *что-то* стучит? – Затем обернувшись в сторону *багажника* и «прислушался». – «Кто-то» и... *В машине!* Напомни мне *самому* взяться за это – и подучить тебя выбирать машины: правильно!.. – Вернулся он к ней с торжествующей и скалящейся улыбкой. – Как для угона, так и вообще. Мы хоть доедем?..

– *Говнюк* вернулся!.. Да. С «ублюдком» – я поспешила. Так еще – и *не* на того... Предлагала же – выйти на ходу!.. – Прорычала уже про него и ему же, но и вновь же все под нос себе же, Анна, резко затем нажимая на тормоз: и заставляя не только самого же парня припечататься лицом к спинке своего же переднего сидения-кресла, но и себя же – к нему спиной; ну а Андрея в *багажнике* – выйти из строя вновь. Ком-бо!.. Не в лобовое, да, но и так *пока* вновь сойдет! И знала бы уже она, что он об этом так же все думал, только и раньше. Но и она же – не *прет газ*, чтобы желания исполнять, *его*; так еще и расправляться так же – быстро. И уже куда громче добавила. – От *извращенца* – слышу!.. – Да... уж. Закопав его, Андрея, достаточно глубоко... в розах: если за что-то она еще и могла переживать, так это – за только лишь и возможный «кровавый бассейн»; ведь шипы впивались – не хуже экранизации. Точнее: «карти-низации»; и на ее же руке. Но и он же все – это: заслужил!.. А, вот, что-что

и было же по-настоящему уже жалко – обивку; и за нее-то, как раз, и было бы, следовало *переживать*; в том числе и в том: где бы после и по новостям прошла сводка о «крово-вом багажнике», но и, при этом же всем, об отсутствии ка-ких-либо еще *улик*, способных натолкнуть если уж и не на «труп», который и лежал в нем до, то и хотя бы уж на пачку... томатного сока, соуса... кетчупа. Но и: чего нет – того нет!.. Как и *мозгов*. Да!.. Большинство тех, кто не принимали еще, *уже* и «в принципе» сущностей вроде ангелов и демо-нов, охотно принимали байки про *зверей*, раздирающих те-ла в подворотнях. Ну и про сок-соус-кетчуп: вместо крови. Порой представляя и завод или цистерну, без малого, про-лившуюся по улице!.. Из-за *рукашности* водителя, везше-го ее... *куда-то*! Видимо, все с того же завода. И... В чей-то *бассейн*. Фантазия была – хорошей. Пре-красной, даже!.. Как и *воображение*! Но и на руку же все, опять же, тем же все и сущностям-сучностям. – *Постучит* – и перестанет!.. – Отмахнулась она и хмыкнула. – Тебе ль – не все равно?.. Или хочешь «поплакать» – еще и об этом? Ради всего!.. Кхм... – И тут же скривилась, сплюнув. – Как же *она* вас... рас-пустила! Слюнтя!.. Подкаблучники и... Половые тряпочки. *Оба*!.. Чувства и ощущения... Сердца и души. Э-мо-ции!.. И бла-бла-бла! – Сымитировала вновь рвотный рефлекс де-вушка. Но и что сейчас, к слову, и *именно* же все сейчас и здесь, с ним и как раз, сделать было не так уж трудно: плюс ко всему – она и без того, и так хрипела; а уж *там* – и по-

давно. – Но спасибо, что открыл для меня – эту сторону и грань... *мира!* Никогда бы не подумала, не могла же еще и подумать, что: из бара, со слезами, будет вылетать парень, а не девушка!..

– Ну да!.. И сейчас ты *опять* «не подумала»: говоря это все – *мне!* – Шикнул рыжий, продолжая утягивать и слышать уже даже и хриплый шепот-сипоту, вперемешку со стонами. – *Мужчины – не плачут?.. Ми-ла-я,* ты слишком долго – была мертва. Не живя и... *В принципе.* Да и... Это, к твоему сведению, были: *не слезы!*.. Я – иг-рал! Как и ты...

– *Мужчины-то?* Да... А *ты* – как: сюда; и к *ним?* – Подавилась очередной порцией воздуха, с повышенной уже прямо-таки влажностью и разрыхленной землей, Анна: и хрипло рассмеялась, давясь всем не своим, но и *не* только же, так еще и *сразу.* – Просто: интересно. Чисто... гипотетически! Что же могло довести – до такого состояния? Не тебя, а... *Другого.* «Какого-то»... *В!*.. Отказ *разделить* счет?.. «Гастрономические извращения» *слабой половинки,* которые не потянул – тот же все и твой *счет?*.. Да и тут же: желание заменить ее другой и... *слабой,* но и менее уже, при этом же всем, разборчивой-дотошной. А тут – я!.. И... Не будем уж ворошить «прошное», верно? – Покачала головой девушка, уже и хлюпая, не клюя, даже носом: от слез – какого-то своего и прямо истерично-истерического счастья. – Завел бы ее – в туалет, «напитался» и убил!.. Будто ты и иначе с кем-то поступал: основательно присевшими на уши и *твои* деньги. Ты

– демон; или что?..

– Останови машину!.. – Приказал Влад.

– И куда пойдешь?.. – Прошептала, но и скорее уже даже прошипела-сипела она: будучи, словно бы, уже и на пике, самой верхней-высокой точке какого-нибудь такого же все и горного хребта; где не было кислорода: не от слова *совсем*, а от слова «никогда». – К кому?! Мало таких, как я, кто остановится и подберет-таки парня в... ширпотребе, так еще и с *красными* глазами: с обочины; а там, может, куда тебя и твоя же все игра заведет; из кювета. Посреди... *потока* машин!.. Разделся, ха, ишь ты! – Скосила она взгляд на его «прикид» в зеркале заднего вида, решив таки и рассмотреть его дотошно: только сейчас. – По всем законам жанра: чтоб поверили; и *не* узнали! Но и *я-то* – узнала; и это я знаю, что *это* – слезы!.. А у других: могут сложиться и иные мнения-ассоциации – на этот счет.

– *Такие, как ты?*.. Хм. «Дуры», что ли?! – Прижался он вновь к ее правому уху. Но а после чего – и к шее, чтобы чувствовать и ощущать, а и главное *слушать и слышать*: «истерию» ее пульса; венка же уже-еще так и билась под кожей, как ненормальная: а грудная клетка – готова была встретить в «широкие объятия» лобовое стекло. – Нет, не *дуры*! Извращения и... Мазохистки!.. С садо-?.. Или без? Неважно. Ведь еще и плюс: с цветиками – на передне-соседнем; и Андреем, стучащим под задним, в багажнике!..

– *Как хочешь!*.. – Ударила «по тормозам» брюнетка, съе-

хав в первый попавшийся темный проулок: меж двух серых бетонных многоэтажек с зелеными пластиковыми баками для мусора и черными мусорными пакетами с ним же в них. Что ж, *пока цветные кошки серые!*.. В темноте уходящей ночи, но и еще не занявшегося рассвета – все *казалось*. «серым» и... *темным*; так что она не особо сакцентировала на это-м свое внимание. Собственно, как и он!.. Разве *проверил* – нет ли еще кого поблизости: кто бы мог их еще заметить; или даже уже – и видеть. – И как *угодно!* На эту, *единичную* встречу, я могу по-быть: *дурой* и всем же тем, выше и ранее перечисленным тобой. А ты тогда – моральным уродом... с *тонкочувствующей* «душой», говнарем и... мудаком. Согласен?..

– Прекрати меня попрекать – слезами!.. – Отпустил ее так и из захвата Влад и сразу же вышел из машины, ровняясь с передним сиденьем: и открывая со стороны ее-водителя дверь. – Вообще: не смешно!.. Да и *не* в твоём положении. Пересаживайся!..

– А *что* – в «твоем»? – Сделала резкий вдох Анна, отцепляя черный ремень безопасности и от-саживаясь, параллельно-одновременно же еще и откидывая цветы назад: мало заботясь уже об их сохранности – куда более о том, что и вот-вот она поедет в этой же все машине, но и уже под управлением самого настоящего маньяка; ну и дабы добить до траги-комедии – еще и неуправляемого. – Ах да!.. Я забыла! Везла же: эстета!.. – И закатила глаза. – Как там уж?..

Бы-ло!.. Комитета творчества, судью и... главного не все, а за-знайку по части: всех и вся, *все-я* дарований. Так еще и во всех разрезах: культуры и искусства!.. Ну-ну! – Цокнула она языком и отвернулась, фыркнув. – Я уже предлагала тебе – выйти на ходу. *Не* единожды!.. *Дважды!* Теперь, вот, и трижды! Но – и уже: поздно. Мы – встали!.. А после же еще – и напомнила, *кто* ты есть: но ты – уже пересел. А ведь мог – бросить меня здесь!.. Не умер бы, вылетев отсюда. Выйдя... И уйдя! Или воспользовавшись своим же все и «демонизмом», в конце концов; и я бы *сама* еще подсобила – только бы ты уже смахался, скрылся с моих глаз. Сэкономил бы – мне время и силы; так и нервных клеток бы по- и докинул... в придачу. Не говоря уже и про: обоим, причем! Можешь – и прямо сейчас!.. – Указала она спокойно своей левой рукой на руль и ключи в зажигании. – Выведи машину – и вмахайся в любую из стен или в любой из столбов! Мне и самой не нужны – проблемы с Розой! *Не* сейчас!.. Когда я везу «ценный груз»: который ты уже угадал, но так и не отгадал! – Но и, поймав такой же спокойный и не удивленный взгляд, всплеснула руками. – Не «отгадывал», да? Знал!.. Суженно-ряженного *ее* везу. Романтизируя насилие *в ку-стах*, как... «рояль»; *роз* и... буквально.

– Ми-ло!.. – Цокнул он и выехал из проулка, направляясь теперь уже к *своему* дому: заблокировав тут же все двери и ставя «свою» *заглушку* изнутри, благо и хоть где-то уже да и цветы же все в багажнике помогли, чтобы она не вылетела

так же, как и представляла его, «на радостях» и «по доброте душевной», тихой его грусти: определяя уже и его затем, тем самым, под *белые ручки* – тех же самых все правоохранительных органов, что *могли* их остановить, но и пока лишь только не остановили; а после – и самого же Совета: за все тот же *не* его, но и кто скажет – самосуд «рояль в кустах».

– Значит, Софии дома нет!.. – Усмехнулась брюнетка, покручивая «хвост» ремня в руках, так и не сняв тот с шеи. – Егора и Александра – тоже. Остается, все-таки, Артем!.. Две «мелкотни»: Никита и Карина. Две *взрослоты* – Женя и Полина!.. А девчонка... С первыми двумя. Да? – И глянула на Влада, после чего и сама же себе ответила: под его же недовольный «хмык». – *Да!*.. Не оставили бы они ее – на тех. Да и на... *того*. А и Жене – слишком жирно: двоих-троих, а там и четверых, с чем черт не шутит, пока купидон воду мутит, на один горб!.. Хотя... – И тут же ослабилась, развернувшись целиком к рыжему. – То ли горб-гроб, а то ли и *рога*, а, Владик?.. Как тебе – предать свою, веками складывающуюся и сложившуюся же прямо-таки почти, но и «за-для» них же, семью? Предать: и отца!.. На старости лет, по-демонически, решил «маму» завести? А по-людски!.. *Мамку?* – И скривилась, захрипев затем в припадке: то ли удушья, то ли рвоты, а то ли, и как обычно же еще это бывает, всего и сразу. – Не!.. Я не против, как бы. Кто – как может и *хочет*: делает... *это*; и *не* это. Но!.. Ты – съехал кукухой: дважды! Ты же это понимаешь?.. – Изогнула свою правую бровь Анна и вновь

не дала ему ответить, явно нарываясь, но и пока же еще упиваясь его «выгоранием». – *Понимаешь!*.. Конечно же. Как и то, что тебя не простят; и тебе это – не простят. Не спустят *так* – с рук! Спустя и рукава... А с плеч, как и голову же все твою самую снимут, вполне; да и Егор же все!.. *Сам*.

– Ты не знаешь: о чем говоришь!.. – Нахмурился Влад, так и не отвлекаясь от дороги. – Это – он тебе: *так* сказал?

– *Он* – предположил; а я – и *подслушала!*.. – Пожала плечами она и отмахнулась: от его ошарашенного, от ее же еще-уже *такого* спокойствия, как и спокойного, взгляда. – Какая разница: когда вы *всем* делитесь! Он же – поделился своим разговором со мной: с тобой?.. Верно? *Верно!*.. Я же – не дура! Узнала – его; как и свои же все фразы!.. А я – его, со всеми, ну почти, ведь еще и без тебя, с тобой!.. – Улыбнулась Анна, так и осматривая фигуру парня перед собой, продолжая покручивать ремень уже и в правой руке; на левую же, в свою очередь, чуть облокотившись-опершись.

– *Мстительная...* и извращенная особа! – Глянул на нее рыжий и прикусил нижнюю губу, довольствуясь все же и сам уже тем, что имеет. И да!.. Что *не*, «пока» не имеет. Но и судя же и уже по тому, как загорелись ее темно-карие глаза и как она сама продолжала «придушивать» себя без него: ей понравились его махинации. А чего и не подыграть?.. «Второе действие». Они уже – и вдвоем. «Втроем»! Почти... Ведь еще и: при свидетеле. Который: не видит, но слышит. Дополнительный интерес!.. Показать то, что скрыто. Дать и послу-

шать!.. Да и это ведь Егору – есть перед кем отвечать-отчитываться, в случае чего; а не ему. Можно и поразвлечься!.. Совсем немного. Но и нужно было все же выждать – ее решения и желания: окончательного и бесповоротного!.. Слишком много было бы ей чести – если бы он сам предложил, и так же все делал. Да-к и потом еще – и «сел»!.. Так же все: сам. Ну да-да!..

– ...из-за роз – я ничего не чувствую!.. – Продолжала, тем временем, говорить девушка, так еще-уже и прямо-таки двигаясь на коленях, присев, по своему сиденью: к его и нему же самому. После чего – оперлась своей левой рукой на спинку его водительского кресла; правой же – все еще крутя ремень. Да и пока же все – не касаясь никак самого же парня. – *Нюх* – отбит: напрочь! – Посетовала она и выпятила свою нижнюю губу. – Собственно, как и у *тебя*... почему-то. Или *нет*?..

– Я и не пытался – *кого-то* учуять!.. – Фыркнул он. – Зачем?.. Я все и так знал. Как ты уже и сама у-знала, сказала!.. Но и если ты про *что-то* другое, что *хочешь* и в данный же все момент ты, но не ощущаю и *пока лишь* не хочу я?.. *Другое!*.. В голове и... На душе.

– Так – *расскажи!*.. – Провела, наконец, своей левой рукой по его волосам девушка, растрепав их. Затем – продолжила вести ладошкой по скуле и лишь на миг повернула его за подбородок к себе. – Что бы это ни было! Это явно же – не хуже того, что мы только лишь и планируем сделать с тем *господином*, Андреем, и с той *дамой*, Розой!.. Что, и так же

все пока, тревогу не забила; но забьет! И придет – забивать всех нас. И тут уже вопроса не *стоит*, кто забьет и кого: она – нас; или мы – ее?.. Количество – количеством побьем, как на Пасху яйца!.. И все! – Широко улыбнулась Анна, отпуская его ненадолго, чтобы сверить дорогу, но и после же чего: вновь повернув к и на себя. – *Качеством* же – она всегда хромала; и во всем, по всем и... вся. Заставляя – только лишь *хромать*, а не умирать!.. Да и явно же еще – не хуже того, что эти, *твои* же все и «ребята-октябрюта», собирались и собираются, пока и так же все не опровергнув, сделать с тобой! – Ослабилась затем уже она и облизнулась, довольная эффектом: его прямо-таки и ошарашенными янтарными глаз. – После всего: тобою же сделанного-содеянного с Софи. Как и с Артемом!.. Но и с последним – скорее всего, а там и точно: *перепадет* уже Егору.

– С Софи?.. – Съехал на обочину недоумевающий Влад; близ разноцветной вереницы одноэтажных кирпичных магазинов по правой стороне дороги; чтобы договорить и решить уже раз и навсегда: но двери – так и не открыл, как и не сняла уже и свой *дымчатый* купол Анна, решив, что раз и ему «виться» можно, то и ей *парить* «зя». – Это – к тому, что думает про меня Егор?.. Что я – с Розой? И... *Предатель*?! – Сморщился-скрючился затем он и покачал головой. – «Списал» ей – все, что она сделала с Софией, и к ней же все переметнулся, забыв о «семье»?.. Об *отце* и... «Братстве»?!

– Да!.. И теперь – ты не дури меня! – Клацнула зубами

Анна и оскалилась. – Давай же!.. *Изьмай из своих широких штанин...* Шутка!.. Не туда. И не тому... Да. Артему бы – больше подошла; но и *уже* неважно. Вышла – и *вышла!*.. Или вышел. То, *что* ты подобрал в том баре... Ты же *кого-то* – все-таки успел, «опробовал»; а у меня силы – на нуле! Владичек, пожалуйста!.. *Поделись!* – Запела она ему в правое ухо, переключаясь левой все и ладонью же своей на его шею: и уходя затем ею под ворот его футболки на грудь. – Оно бы, так и так, попало – ко мне; и *в* меня! Но зачем нам еще один *сосуд*, между и так вполне себе совместимыми и... совмещающимися, «синхронизированными», правда? *Энергию* – дай!.. – Просила она, почти уж и молила, шепча. – *Темную* и... «Нашу» с тобой. Питавшую того парня или ту девушку, кого ты там поймал; опять же все – неважно! Я же тебя – чуть ли и не «на горячем» поймала, что и после аперитива, точнее и на нем же, *обломав* и его. София же – все чувствует и ощущает, принимает и воспринимает: через меня. Как и я: через нее. Ей это – *не* надо!.. – И, поддавшись своему, «из ниоткуда» просто вспыхнувшему *животному* желанию-голоду, опустила и отпустила свою руку дальше гулять по его прессу и кубикам: а сама – *притянулась* ближе к нему и его же голове, лицу и... сразу начиная целовать его шею; говоря теперь – между приложениями губ к коже и звонко, при этом же всем, причмокивая ими и зализывая редкие ранки от зубом языком. – И да, это ли не лучший момент, чтобы таки уже и подсидеть Александра?.. Выдать *его* – не в луч-

шем свете: за счет *неугодного* сына – тебя!.. Так или иначе, а и *совратившего* дочь члена Совета – на свою сторону! Тогда бы, если бы все вышло и *выгорело*, у этой парочки – никого достойней в «опекуны»: не было бы. Не подошли бы никто – кроме них же самих!.. А там – кто, кого... и *куда*. Будут они «вдвоем» или нет – их дело. Важно, что никто из... Ни Александр. Ни Женя... Ни и Сергей. И все!.. «Марионетка» бы была – готова к использованию: что там, что и этам, тут. Да и какая, к черту, разница: *тьма* же здесь – и так была. А за *тем* бы – дело не простояло. Но и я – *не* хочу же этого: впервые!.. Я просто – *хочу*: силы. «Отключившись» только – от нее; и *напугав* же – лишь себя! – И, проложив свои поцелуи на и по его же все шее, сверху вниз и снизу вверх, по ее и правой стороне, цепляя и центр, несколько раз, она добралась-таки и до его правого уха и начала посасывать мочку, в которую была вставлена небольшого размера серебряная сережка-кольцо, поиграв и с ней, на манер «*Входит-выходит, замечательно выходит*» языком и «насквозь», она принялась посасывать и кожу: обводя губами и кусая зубами; языком же, раз от разу, в тот же момент, возвращаясь и орудя *внутри*. Ну а рука ее, которая все же это время оглаживала его торс, выбралась из-под футболки и заскользила уже и поверх ткани, по ней, его груди и прессу: спускаясь, при этом же, все ниже и ниже, к его паху. – Черт, Влад!.. – Психанула же уже даже она и больнее прикусила кожу, тут же зализывая и слизывая выступившие капельки крови. – Быст-

ро давай – все на стол и бочку: пока я сама все не взяла; или тебя же – не прибила!.. Мне не стало вдруг не «наплевать» на Софи. Но и если я чего-то и заслужила... за *это* – так это: *не* умереть вместе с ней; и сейчас. *Здесь!*.. Тем более: от голода. Не говоря уж: о тебе; и *с* тобой. Это – тупо. Без малого... А и без много – слишком легко: что для меня, что и для нее. А если уже и она чего-то *не* заслужила – так этого же; и вытерпеть все это дерьмо до, чтобы повторить *после* – но и от моих же уже рук!.. – Отпрянула она и прошептала-шипела в его же губы. – Я прошла через них – дважды: одна; и с ней! Третий?.. Ха! Ни за что!.. И *кого*. Представ «обычными ангелами», за которых *решат* все; и из которых – «выпьют» же все. Так еще – и обратно: к этим же все и двоим, *иродам* же; и вернуться?!.. Ага. «Летим»... И падаем! Может, это и голод, а может *и* проснувшаяся с нихуя совесть во мне говорит, но я подумаю об этом позже. Дай!.. – Начала уже и давить-продавливать: не прося, а уже *требуя*. – *Да-й* то, что я хочу! *И* ты... Наверняка же: так! Нам же обоим: будет приятно. Я же – *все* устрою: *сама!*..

И Влад, наконец, тяжело-тяжко выдохнул-вздохнул; когда же и Анна, в свою же уже очередь, легко усмехнулась: засчитывая себе это, как за победу в бою – и пусть пока же еще не в войне, но и начиная же уже расстегивать пуговицу, а затем и молнию джинсов на нем.

– В том... *баре* – была девушка!.. Мы с ней – были: вдвоем! – Проговорил он и прохрипел, больше и скорее же даже

простонав, когда она пробралась рукой под его черные боксеры и сама же затем тихо простонала, вместе с ним и почти что в унисон: создавая какофонию и будто бы еще же общий «вой на луну»; так и чувствуя, а там уже и даже, *тем более* ощущая, *как* его член в ее руке – был тверд, как камень. А что уж говорить и за ее же фантазию, за и под руку с ее же все и воображением, тут же представивших и на-, обрисовавших в ее голове: как этот «драгоценный камешек»... *не* в груди – сейчас и здесь бы все мог находиться и *замечательно* «смотреться»: глубоко внутри ее, *нее* же; и *в* ней!.. И, как будто бы все прочитав ее мысли, а и скорее, а там уж и до простого-тупого совпав в плотско-животных желаниях и утехах, их и извращенности, что и тоже же все немаловажно, Влад повернул на нее уже и свою голову и накрыл ее губы своими: при этом же еще – отобрав у нее, из ее правой же руки, ремень и потянув его и за него, своей уже правой рукой, ее и... *на* себя; демонстрируя не только – сильную и твердую хватку, «доминанту», но и как его собственные же янтарные глаза тут же раскрылись и почернели, когда же и ее... Пусть и были, до сих пор, скрыты очками, но и опять же все: *до* этого момента!.. Параллельно-одновременно – он тут же сбросил их куда-то в сторону, своей уже и левой рукой, на заднее же все и сиденье: заставляя же уже и ее, в то же самое время, буквально и на мгновение – открыть свои, и так, и без того еще изначально «темные», и тут же их прикрыть; пока и он же все, за это самое время, уверился в том, что и она, начав

и только лишь получать от него энергию, *погрузила* глаза в «ночную черноту» и «темную же бездну» – без темно-карих же радужек и блеска хрусталиков; как и без белых же глазных яблок. Руки же его, меж тем, сами выбрали «правильное» натяжение, ну а *сами* же их и пальцы подобрали, и все так же ведь «по случаю», верную *дырку*, зафиксировав ремень так: чтобы не задушить, но и «придушивать-таки» основательно; когда он *вдруг* и захочет же ее потянуть на себя – чтобы уж и несколько раз, лишние, не менять «режим»!.. Анна же, открыв свои глаза, но и продолжая отвечать на его страстные поцелуи, все же посмотрела вперед и по сторонам, насколько это, опять же все, было возможно в ее и их же положении, чтобы убедиться насчет дороги и не окружили ли их зеваки, желающие позалипать, а там и *не только* «позалипать: но ее «завеса» работала слаженно-отлажено, да и так же еще, что она могла уже и не добавлять ничего еще и из своей собственной силы, как и ее же саму, но и все же сделала это, потратилась-таки еще немного и из личных же запасов: будучи уверенной, что он восполнит и то, и другое... И третья! Пусть: и чуть позже. Но и игра же с ним – определено, как и всегда, собственно, как стояла, так и стоит: ее личных... *ароматических* свеч. И, усмехнувшись уже и этому, обратно закрыла глаза и начала сжимать в своей уже и свободной правой руке его член: хозяин же *еще* которого и от чего – начал еще сильнее стонать и прямо-таки рычать, *подвывая* прямо ей в рот и под фон ее же стонов!.. Но, и решив таки

дать ему его уже и слово, пусть и ненадолго, не «закончить» и *так* быстро, так уж и продолжить, ну а самой таки и, вновь переключившись, вернуться к его шее, оставив на его губах последний поцелуй, она вновь спустилась к ней же, теперь еще вместе с и своей левой же рукой, царапая ту же ее-его сторону ногтями, в то время как и правой – начала медленные движения вверх-вниз по «стволу»: лоя, и как нельзя же все, приятную, как и для ее же все слуха, так и для любой девушки, хрипотцу его и в голосе – как сигнал и ответ на и о правильности ее действий к нему и с *ним*. – Изначально же, вообще, это была – пара: без меня. Но!.. Ее парень – отошел ответить на звонок и...

– ...*ты* – подсуетился! – С усмешкой перебила его все-таки Анна, отстраняясь от его шеи, но и чтоб на миг лишь всего взглянуть на него с хитрецей. – Поняла. Так... И?..

– *И?..* – Передразнил ее рыжий, удивляясь. – *И... все?!* «Такая», вот, *твоя*: реакция: на это?.. И как *девушки*. И... «В принципе»!.. Ничего больше – не скажешь?

– Ну ты же – *еще* не «закончил», я надеюсь!.. – Не спрашивая, а все же и *утверждая*, ответила ему девушка: играя все и вторыми-двойными же смыслами, как жонглируя и бензопилами. – Если *это* – «все», то скучновато! «Разбить» парочку в баре, поймать ее, «напитаться», *залечить* и... свалить; пока ее парень не очухался и, вернувшись, не начал ее искать – из-за долгого же все и отсутствия, нахождения в туалете?.. А я же так надеялась – на экшен и... драму, «слез-

ливый конец», в конце же все и... *концов*: и до сих пор же все – *надеюсь*, ведь и который ты, *так*, засранец этакий, зажимаешь. *Слезы* – есть: а «конца» – нет. Или?.. Хм!.. *Пока*: нет! – И, добавив это прямо в его же все и губы, без всякой же уже и «маски ангела скромности»... с *приложением* к ней, рожками, опустила свой *черный* взгляд на его распахнутую ширинку и только после это, вернувшись к его и ним же, оставила на последних – свой легкий поцелуй. – Несправедливо!.. И *не* хватит, в отличие же все и от бензина, чтобы вернуться!

– *Парочк-а*... людей: из... цирка. «История Пеннивайза», прям!.. Его отец – директор... *его* же: «цирка»; приехавшего к нам – на гастроли. Он, как и она, канатоходец. Человек!.. С весом и... «Балансом»! – Вытащив, в то же самое время, уже полностью и плоть же все... его, не «и кровь», как и *его*, из боксеров и джинсов, брюнетка промычала что-то наподобие и в ответ же все ему «*М-хм*»: тем самым же еще показывая, что слушает и слышит, прося продолжать; и нагнулась к ней, проводя языком по ее головке. Затем – еще раз. И еще!.. – Не *балластом*. Без поддержки. И... «Страховки». Пусть, и сзади же нее, «его»... *и* нее: всегда стоит – парень. *Друг*. Тоже: человек!.. Ведь, и как скорее же все: опора; так еще и «дополнительная». Что лишь только подает ей жезл – и потом отходит спиной: когда и она же все – должна была пройти, идти и на своего же все парня... лицом: *одна*. И да, конечно, он следует... *сзади*: какое-то время. Придерживая: временами. Но... И после чего – все же: полностью

останавливается и... они должны пройти оставшийся *путь*, друг к другу, одни; «парой». *Такой себе...* парой!.. – А стоило ей, почувствовав, прочувствовать и вкус же все его у себя во рту, как она огорченно простонала тому, почему не хотела и не испытывала этого раньше и, не став останавливаться, продолжила погружать его член себе в рот: срывая уже и с его же все уст, следом же еще и за собой, гортанный стон. – Черт!.. Ты... Я продолжу – мысленно, размышлениями, не против?!.. – Но, и получив от нее лишь положительный кивок, в смеси с прохладным виски, натянул ее «путы» покрепче: сдавливая и сбавляя-сбивая воздух. Тут же за чем получая, уже и от нее, легкий прикус одной из веночек на... *себе*: и, прорывав, откинулся на спинку сиденья – управляя теперь только руками; перекинув в левую – «поводок», правую же – опустил на ее голову и начал зарываться ею в ее темные волосы: прикрывая глаза и продолжая делиться своим. – *Как и у «нас» же все, собственно! Он – крутил интрижки за ее спиной: «имея» при себе, во всех смыслах, как и пред собой же все, весь женский состав цирка. Она же – делала вид, что: не замечает... Не замечала. Да... Как и, так и!.. Будучи уверенной, что он – просто влюбчивый, как и она: нравиться же могут – все виды мороженого: любят же – одно. И одну!.. «Ее»! Да... уж. Она – его любит; ну а он же ее – нет. «Друг» же – это все: знал, знает...; но и «предусмотрительно» – не лезет. В «чужой» монастырь-то... И со «своим» уставом. Пока, и в одном же все из шоу, «этом»... конкрет-*

ном, с которого они и «сбежали», девушка и с тем самым же все не-другом, понимай, как хочешь, оставив «парня», ее ни бросают!.. Буквально...

Неожиданно, буквально же все и в моменте, здесь и сейчас, с ним вспомнив одну из ночей с Егором, в прошлом и, надо сказать уже, далеком прошлом, так еще и ушедшем, Анна припомнила и что как раз таки тогда, впервые он-то и предложил ей, намекнув, сделать ему то-же, *нечто подобное*, расслабив, «сделать приятное», а сейчас же все и здесь, *не* ему – она сама же это делает да и так же еще впервые сама, по своей воле и инициативе, Владу: и сравнивая то с... этим и это же все... с тем, она хитро усмехалась, про себя, осознавая же еще и то – насколько все изменилось и переменялось, с того момента и до этого, сколько утекло и *всего* – в том моменте было; и есть сейчас же, здесь – в этом; схожего и различного. Подумать же только!.. Там – отель. А здесь – машина... Тогда – Егор. А сейчас – Влад... Да!.. С первым и тогда – у нее просто «не было же выбора»: отказывать она не любила, да и не имела же еще и изначально такой привычки; как понимать и принимать же их – в отношении себя; и «пришлось» согласиться – ведь и он, тот и... там: так почти упорствовал и даже настаивал на этом, делая для нее *то же самое*, но и без ее напоминаний-«принуждений». А с этим, тут и... второй – был согласен с ее же подачи!.. С *ее* предложения. Как и она. Хотели же – оба!.. По своим причинам, да. Но ведь *хотели* – и добились. И в этом – даже был: ка-

кой-то азарт и адреналин!.. Мечась между воспоминаниями и... вспоминая ту еще себя и видя себя же уже сегодняшнюю, сравнивая их... Если бы она осталась ангелом, то точно бы не смогла решиться на такое: подобное. Более того: сделать. *Осуществить!*.. Да и «подумать» же: просто! Что уж говорить: и за именно – в и такой момент. И, наверное, *только лишь*: благодаря той силе, которая перешла к ней *демоном* чуть еще ранее, и доходила же все и Владом уже сейчас, что теперь была и почти уже даже и полноправно внутри нее самой – ей не было страшно: ничего; как и не страшен никто. Да-к еще временами же, как и сейчас же все, к примеру, казалось, что она может все. Вот просто: все!.. И всех. И вся. Ну а если уже и не *прямо* все, то многое!.. Определенно. Да и глупо было: не поддаваться – своим желаниям!.. Почему нет? *Принять* уже то, что ее вот-вот: могут и поймать. Да и не только – кто-то отдельно-определенный, но и все! А она – и не прячется!.. Выбрав – отдаться, занимаясь чем-то и подобным! Но и если бы даже ее и поймали сейчас – *тем более*: было бы, как минимум, интересно; а и как максимум – забавно-чудесатно. В *такой* позе и с «ошейником» на шее, прижимающим все ближе и давящим все *глубже*; наравне с рукой – в волосах?.. *Ка-й-ф!*..

– ...*Все было, как и всегда!*.. *Начало шоу. Ее «заводят»* большим золотым ключом. *Будто бы... и ту же самую все... заводную куклу: в шкатулке. Подталкивают вперед!*.. *Где и она же все должна принять – посеребрянный металличе-*

ский жезл. Но ей – он не достается!.. Так еще и ее парень – отходит достаточно далеко: от нее. Хоть так и не кажется: на первый взгляд!.. Но и без страховки – «очень» далеко. Да-к и «просит» же ее затем – пойти за ним: «зазывая» обеими руками – к себе. Она – не двигается!.. Он – уже даже и «требует»: глазами, сжимая в одну тонкую полоску губы; и челюсти – за ними-ней. Ну, чисто: «абьюз» и насилие!.. – Негодующе фыркает он и повышает голос. – «Принуждение» же явное – к тому, чего она никак не хочет!.. Стоит ли еще-уже и говорить, что и в результате же чего-какого, скорее всего, а там и точно: может погибнуть?.. Принуждение же и к смерти, не меньше!.. – И тут же «переключается», опуская тон и тембр: уж с кем-кем, а уж и явно не с ней – об этом стоило говорить. Она ведь – лишь только делает вид, что слушает и слышит! А что это значит – для него?.. Как и в принципе! Ничего. Но и хоть делать вид, что что-то почувствует и ощутит, к этому же всему: не надо!.. Ее плохая игра, с такой же ужасной миной, на грани искусства и прямо искусственности, только – для подобного же все и действия: на уровне ширинки; где и она, как ни странно, не странно – хороша: как лучшая, среди худших и... худшая же, среди лучших! – Она проходит – возможное расстояние, чтобы без срыва: как его, так и самого шоу!.. Но когда ее все-таки отпускают сзади, прекращают держать и... отходят совсем – она останавливается и оседает; пусть и все же еще – удерживая баланс. Тот же, как и этот... «балласт» – глу-

мится над ней: при всех. «Будто бы» же еще: и играя роль. На самом же деле: уже давно и жив... существуя же в ней!.. Сначала – называет: трусихой. После: марионеткой!.. А затем: и настоящей душой. Но и что же уже и она же сама, к слову же все, понимает. Пусть, и пока же все, только лишь начав, не принимая!.. Словно бы и очнувшись, уже даже и проснувшись – ото сна. Просит его – уйти. «Кричит»!.. Ну а следом: горько плачет. И он – уходит... Точнее: отпрыгивает; для и от, тут же, нее; чуть... «левее». Для него же самого: пра-вее!..

Попробовав взять и весь же член парня целиком себе в рот, в последний же уже свой, не крайний раз-заход и «нанизывание», Анна только хотела выпустить его, как его хозяин уже чуть сильнее нажал на ее голову и тут же оттянул на себя ремень: *будто бы* и не разрешая, а там даже еще же и «запрещая» останавливаться; не то что и *вовсе* отстраняться. От этого – его плоть вновь оказалась глубоко внутри ее рта, коснувшись и внутренней дальней стенки ее горла: и девушка вновь поблагодарила себя за выбор правильной «стеzi»; а именно – той, где это не только нужно, но и должно-нужно и где, *не* «с непривычки» же еще и от подобного не сработает рвотный позыв-рефлекс и не придется прерываться-останавливаться на упражнения «подышать», для их подавления, лишь только продолжать подстраиваться-встраиваться, под тот темп-ритм, который и хотел он. Как и она!.. Чего уж: греха таить. Да и плюс же ко всему – опыт и тренировки. Что и

в виде же все: Егора. Что и всех ее же жертв: до, в процессе и... конце отношений же с ним. Но... *Влад!*.. Сам *говорит* про свое крайне негативное же отношение к принуждению, какому-либо – и сам же принуждает ее. Противоречие? Или она все же – исключение: из *этого* правила?.. И ее – можно!.. И ей так захотелось, в принципе, ему напакостить-отомстить – в ответ: за и на такое прямо-таки и *животное* обращение-отношение к ней-себе, что!.. Но и он же – ее *кормил*. Во всех смыслах!.. А кем была бы, будет она, если так и укусит руку – дающего и кормящего? Ан-ной!.. Да. Тем более, что, *да*, она пообещала – не «портить» Софию. Но и ей же еще это самой – разонравилось, в отличие же все и от того, что она сделает – прямо здесь и сейчас: а фак-ты – подтасует позже!.. Что ж, субъект – *полностью* ею узнан; и *шаги* вновь – продуманы наперед. И Егор бы – ей гордился: «был» бы он здесь! Но и *можно* же было – представить, совместив с «ударами»... уже его головки, но и о ее же все еще гортань: в себе-ней... *внутри*.

– ...*Тут-то она еще и до-понимает, что он сам – был со страховкой: все это время!*.. А ее – таскал без нее: всегда. Заставляя – исполнять и выполнять: все; и без нее. И так – и продолжил!.. «Без» нее. Без партнерши и... *Па-ры*. Продолжил – номер: с другой... по всем законам жанра. Да!.. Канаты были – совершенно рядом, а она... и не видела. Собственно, «как и всегда». Зритель – недоумевал!.. Пока и друг же все – увел ее: «в тень». А затем!.. По закону же уже;

и подлости. Жаль же, вновь уже, и не моего же... «уже»... жанра!.. – Усмехнулся рыжий, весело, но и одновременно разочарованно поджав губы. – Присутствовал бы – точно так же бы все и сделал. Са-м!.. Но и скорее, а там уж и точно, как говорится: карма-кара – постаралась. Тоже, кстати, неплохая сила!.. Вместе: с судьбой и... прочими! – Согласился сам с собой он и продолжил, оставшись теперь уже и прямо-таки довольным, с того: на чем же все и остановился. – Двое – спускаются. И другие же двое – тоже: спускаются!.. Но и уже – слетев вниз... телами. Черными... точками!.. Что-то там – было плохо закреплено. Что-то: и вообще же – не. Б-ра-к!.. – Хмыкнул Влад, словно бы и иного – и ждать не приходилось. – Вещей и... Людей! Случайность. Но и... Какая: случайность. Не-случайная!.. Воздаётся же и всем, вся и... всему: как ни крути и ни посмотри!.. «Падают» – настолько быстро и почти не различимо, что и все же только позже понимают, «что», на самом деле, произошло и «почему», так же все, кровь; как и «настоящая» ли. Более чем!.. Ведь еще и: не от чего, а от... «кого»! Хотя... Тут-то: бабка-то – и надвое сказала. Но и парнишка этот, друг, вроде бы... «Молодец». Спас – ее. Но и... Надолго ли?.. С-пой-лер! – Хохотнул парень и злорадно прошептал. – «Как знать»... Ну а от меня же, все же, нет. Не уберег!.. Да-да. Выбрал – ее... А ведь мог бы – выбрать: и всех их-них. Чисто, почуяв интуицией... Или еще чем... там. У него!.. «Как бы» же, считай все, убил других: другую и... своего же соперни-

ка! И я, конечно, не знаю; но могу уже предположить, пока идет следствие, что... Он-то – и «помог»: со всем этим. Э-тим же все и... Ним. Не «так» – закрепив; и-ли вообще «не» закрепив. Но это – уже субъективно и... мое. Другая история!.. Насильственная... смерть! Искра. Буря!.. «Темнота»! – И, сымпровизировав хлопок, рассмеялся: после чего еще – почти и промурчав. – *Приятного аппетита, крошка!*..

Девушка чувствовала, как его пальцы сжимают ее волосы все сильнее и сильнее с каждым разом и слышала, как его еле еще ранее и слышные-различимые стоны – стали не «еле», как и *елью*, а во всю его глотку и грудную же клетку: разносясь по всей машине – вместе с его мятой и лавандой, шалфеем. Но и только же лишь все тут-то, здесь и именно сейчас до нее, наконец, и окончательно же все дошло, *что* именно она слышит: то, что и главное от чего-кого и *как* ему хорошо – от нее и с ней! Не от кого другого и-ли другой!.. Не с кем-то – другим и-ли другой! Как и то, что: Егора бы так – не вставило. Лишь да и как же все: в прошлый раз!.. Она же даже не смогла его толком возбудить! А тут... Здесь. Сейчас и... С ним. Его!.. Она же не только слушает и слышит – она чувствует: это! Ощущает то, что и, почти тут же, определенно – придает ей: еще большей и пущей смелости и наглости. Чтобы зайти – еще дальше!.. А не только: дольше и... *глубже*. Появилось и желание – довести его: до самого пика; и сбросить *его* оттуда. И последнее – таки взяло над

ней верх, как идея фикс, *мечта* и... отмщение! Ну а что?.. Он же *сам* – не захотел ее тогда: *захотел* – Софию! Так пусть и попробует теперь, после этого же все и всего, вся и... *всех* – быть с ней: когда она заставит кончить – Влада; а «передает» это все через себя, перед этим же еще и *пропустив* – Егором. Тем более, что по ее же все и мыслям, буквально и секунду назад, прошелся-несся их, того и *другого*, быстрый разговор, мысленный диалог: о том, что блондин-то – уже в пути, оставив «свою малышку» на Ксана. Ох!.. «Малышка» *его* – будет в шоке с того и от той, *зачем-кем* именно Влад – вырво-оторвал от нее, и ее же саму, от Егора. Да!.. И пусть: не за *этим* же все самым, изначально. Но и какая разница?!.. Что – слова. А что и: действия... Что – чувства и... ощущения. Эмоции!.. Да и *сам* же Влад уже так котироваться не будет, когда его насаживания ее рта на его-свой же член – обернутся *такой* пакостью: приятной истомой – для Анны; и *рвотном рефлексом* – для Софии!.. Но и только лишь она хотела вернуться к своему делу и изначальному плану, как рыжий резко, завернув, развернул ее в этом; не даваясь глубоко, но и не отпуская насовсем; дернул за волосы и остановил, установив ее на своей-*его* головке, по которой она провела-таки языком: и в последний раз – по всему «размеру». После чего – выпустил «поводок»; и начал помогать себе – левой рукой: буквально – *добивая* за ней. Ну а после – выплеснул все это ей в рот, до последней капли: которую она проглотила вместе с энергией – и протяжно простонала: сы-

ТЫМ ЖИВОТНЫМ!

– Детка!.. – Хрипло простонал затем-ней и он, когда она по новой провела языком по головке его члена: вылизывая и слизывая все, что стекло по и с ее подбородка, и пусть так и не упало, но и не попало «по назначению»; и что так же все не сорвалось – с того самого его «агрегата». – Вряд ли Егору понравился бы – наш: *такой* вид. Он – парень прыткий: оказался бы здесь – за секунду; если и уже не оказался. Поэтому и мне пришлось – еще *и* прыти поиметь!.. Зато, *как* же тебе «идет» – во всем: *этом!* – Ухмыльнулся он и опустил свою правую руку в передний соответствующий карман кофты, набирая затем и ею же все горсть: ну а после приподнимая сомкнутый кулак над ее головой. – Открой!..

– И *чем* же ты «промышляешь»: на этот раз?.. – Повела своей темной левой бровью, в удивленном скепсисе, Анна: но и никак, при этом же всем, не показав-выказав своего отказа-отречения, как и *тем более* «отвращения», открыла его навстречу мелкой белесо-желтой сухой россыпи, точно пришедшей ей меж губ и ушедше-прошедшей затем в горло. После чего, и закрыв же его, она пошерудила в этой же все и массе, со своей уже слюной и его еще немного спермой языком, но, так ничего подозрительного и не отыскав, посмотрела на него в недоумении. – *Что* это?.. Что-то знакомое... Но и *не* близкое. Какое-то... Даже и «далекое», что ли. *Чересчур*: далекое!.. Ты мне раньше – *это*: давал?..

– Нет!.. Как и «семя»! – Подмигнул ей Влад и удовлетво-

ренно, хоть и в то же время еще и хитро, улыбнулся. – Но давал-а – ты; и Софии... Без «второго» ингредиента. А я – да. И тебе!.. Се-мя... С семенами! И да простят: мне и «мою» же – *такую* тавтологию!..

Ну а сама же Анна, так и не успев ничего на это ему ответить; доза, что досталась ей от Влада, оказывается сильнее и мощнее, глубже по силе удара, чем ее внешняя злость, так и на пару же с внутренней яростью, да и чем та, что и досталась самой же Софии и, пусть, конечно же все, недостаточна для смерти, но и вполне себе *достойна* недокомы-пересна; отрубается же почти тут же, падая туда же, откуда и пришла-встала, меж его ног, хоть и успевая, на последних секундах, зацепить гневным взглядом его: только и сделавшего, что пожавшего плечами да и разведшего руками. После чего, и смерив ее же своим янтарным ехидным взглядом, он привел себя в порядок, застегнув себя по всем фронтам, вернул ремень на прежнее место и брюнетке ее же очки, перегнувшись через передние к заднему сидению, чтобы еще и *ничего* от нее же здесь не осталось, дождался, пока ее «купол» спадет, не имея уже ни основной, ни доп. *подпитки*, «открыл» машину, изъяс и ключи из зажигания и, наконец, вышел из нее: с Анной уже и на правом же своем плече – под хмурый, хоть и достаточно же еще шокированный синий взгляд Егора.

– Даже спрашивать не буду, *что* там происходило!.. И от *чего* она; и в *таком* же еще виде! – Дернулся блондин, в отращении же уже передернув плечами: и, кажется, даже и

всем телом, внутренне и внешне – душа и тело были солидарны от ужаса и грязи, что творились за окнами и дверьми; как минимум для психики, а как максимум для всего!

– А я – и не отвечу-скажу!.. Даже, если спросишь; а и тем более – по-просишь! – Хохотнул рыжий, тут же попросив жестом и левой же своей одной свободной руки, правой таки и пришлось же все придержать ее, Егора помочь с открытием багажником: передавая ему металлическое кольцо с такой же связкой ключей и черным пластиковым пультом на нем. И блондин тут же открыл его, нажав своей уже и несвободной в моменте правой же рукой кнопку на последнем, вновь приходя в шок: вот только уже больший и... *двойной*; не столько и от количества роз, сколько от тела, буквально утопленного в них. – Ну!.. Не инцестом – единые и деланные! – И, *зарыв* ее так же, в эти самые же все и розы, как свисток, если уж не флейтистку и к не роялю, куда уж там пианино и фортепиано, не в кустах, так еще и от греха же все вновь и подальше, забрал у Егора ключи и закрыл багажник, подтолкнув его затем к пассажирской передней двери со словами. – Расскажу все, *вне* и кроме же все этого, по дороге и пути. Падай!.. Давай. Время – не ждет!..

– М-хм!.. Только: *ключи* – верни! – Нагнал его все же блондин и, вырвав сам уже связку, остановился у водительской двери: разворачиваясь пока лишь только и сам к ошалелому парню; а не *его* и – «в зад». – Что?.. Не твоя же машина! – И тут же положительно кивнул: на его же все и встреч-

ный, пусть и так же все *пока* немой, вопрос. – Как и не *моя*, да!.. Но тебя я – за руль и сам, да и в таком же еще состоянии, не пущу!

– В каком *таком* состоянии?.. – Ухмыльнулся рыжий, перекатывая соль на языке.

– «Стояния»!.. – Рыкнул Егор и, махнув головой в сторону правой пассажирской двери и сиденья от себя, сел за руль. – Не хватало еще, и на твоих же «радостях», влететь – куда-либо и-ли в кого-либо: чтобы и после еще – тащить на себе! Так и *их* же обоих еще, ко всему!.. – Сморщился он и одернул себя, отмахнувшись. – *Слишком*: много чести!..

– Аккуратнее, братец!.. – Хохотнул Влад, оказываясь вмиг рядом, как и справа же все от него, закрывая и следом же все за ним, как и собой, дверь. – А то решу, что ты ревнуешь ее – ко мне. Или... чего еще хуже... *Софию*!.. – И округлил глаза: в притворно-сыгранном страхе-ужасе. – Представив ее – в *этом*, вот, всем. И... Какое же – из зол, м?..

– Держи в поле зрения – приборную панель!.. А и лучше – *руку* на ней! – Смерил его спокойно-тихим, как прям и море перед бурей, взглядом Егор, выезжая на дорогу. – И бардачок: в комплекте. Чтобы «поцелуй» с первой – не стал *неожиданностью*: внешне; а «встреча» и со вторым – «добрососедством» и... делением пространства *на двоих*: внутри!

Глава 30

Сквозь сон до слуха девушки донесся писк датчиков приборной панели – из-за открытой двери: и как она еще и затем поняла – передней, по правую же все и сторону от водителя, пассажирской; где, и до этого же еще, сидел сам Егор. Ну а «приняла» уже это – и по следовавшему хлопку ее же: не громкому и звонкому, как и если бы это открылась дверь с ее стороны, заднего же все и сиденья, справа или слева, и тут же закрылась. За чем уже и она сама – сдавленно простионала и убрала свою правую руку ото рта, искусав, но хоть и не прокусив, ее: как только можно и нельзя; и спрятала ее, сжав с левой и самой же все левой, попытавшись после – максимально укутаться, собрав на себе и содрав на себя же еще и черный плед, на котором недавно лишь лежала: в бордовом глянцевом Rolls-Royce последней модели, машине Александра, с черной тонировкой всех стекол снаружи и бежевым кожаным салоном внутри; но а теперь – еще и накрылась-закрылась им. И попыталась мобилизовать участки разума и *своего* же все сознания, отвечающие за спокойствие и сам же покой, за уравновешенность и адекватность. Но, и как назло же все, в ушах, равно как меж так и пульсирующих висков, отдавался один и тот же диалог!.. Их диалог. Глупо было бы подумать, а и тем более «сказать», что отсутствие

нормального да и хоть какого-то уже за все же еще и это время, в принципе, сна: никак не сказалось на ситуации, в частности; как и на ее же все и самочувствии, в целом. Но!.. Не это было – и решающим же фактором: явно. Как и не сухие веки, будто и перед этим же еще облитые водой и усыпанные, и *добротнo* так еще, песком. И пусть облитые – не водой, а *слезами*; и не песком, а... «песком», иным, да, хоть и с тем же названием!.. Но и «сухость» же. Ее прямо-таки же и преследовали: ужасная сухость и... подступающая тошнота. К разодранному, от сдавленных же все и *подавленных* рыданий, горлу. К *нему* – так и подступал же все ком: их и из них. Ну а после – и сами рвотные же позывы: накатывали волнами и... *цунами*. Одна за одной. И!.. Еще. И еще!.. И только же ладонь, прижатая ею же и к своему-ее же все рту всю же дорогу, от начала хода и до этой же все остановки, не давала Софии – выдать себя. Как и то, что и, главное, *насколько*: ей было плохо. Ужасно: плохо!.. Да и чего уж там?.. Ей было – противно! Так еще же – она не могла понять, а где уж там и «принять»: от чего и где... больше; в каком из моментов и... в какой их ипостаси: внутренней или все же внешней? Но и знала-понимала, не принимая, лишь одно только точно: Анна была бы не «Анной», если бы не попыталась все-таки – и *напоследок* сказать. А даже, и *тем более*, «рассорить»... До четного же все и числа. Уже ведь: и дважды!.. Но и что-то же все тут же подсказывало, что ее бог-дьявол, каким бы и кем бы он ни был, *второй*, не «основной», любил-таки и

тоже ведь: *троицу*; и что-то же еще, помимо, прямо-таки и должно было – следом произойти! И с одной стороны, София была рада, что Егор был сейчас с ней, пусть и наговорил всего того, что наговорил, не ей, да, но и ей же все было и есть больно, больно и обидно, это *не* скрыть: но и с проснувшимися чувствами, как нельзя кстати, *проснулся* и мозг, давая возможность и шанс, тем же все и чувствам, не сгнать в темноте и пустоте, в тех же все болевых и рвотных спазмах, дать уравновесить и наводку на то, что!.. Ведь и с каждым могло, и может, такое случиться. Такое и *не* такое!.. И... Если бы она сама была на его месте и ей бы предложили такое, спасти его, и если не *фактически*, то «юридически» убив себя, она бы поступила точно так же!.. Но! Картинка же, и при этом же всем, не хотела собираться: *совершенно!*.. Внутри – бунтовала и буйствовала же все: гордыня. Не «гордость»!.. *Она* же готова была – отдать ему все! Свой «свет»! *Себя!*.. *Всю* себя! Отказаться – от всего, открестившись! *А он?*!.. Так легко и просто, без задней же еще все и мысли – согласился, почти уже даже и пошел на это, отказавшись, уже и со своей стороны, от... *всего?*! Но и тоже ведь: всего!.. Но и на этот же все момент, именно этот, пока Егор был вне «ее доступа» и досягаемости, но и явно же еще не собирался *исчезать* без прощания, ей вдруг и показалось это – настолько мелким и мелочным, материально-меркантильным; по сравнению же все и с тем, что хотела сделать: она и для него!.. Не «ради». *После...* всего же: он уходил – к ней.

И пусть все же: к ним!.. К *Владу*! Но и это, *казалось*, еще больше – ее добивало. Еще больше: заставляло и чувствовать-ощущать себя – ненужной и незначительной, незначимой. Ни на что негодной. И!.. Не... *любимой*? «В сравнении» же все; и с *той*? Да!.. Неужто, он только лишь – для *этого*, и уходит? Чтобы... *Согласиться*; приняв – «лично»?.. И снова же раздалось открытие двери; куда громче уже и звонче, *почти* и прерывая ее мысли, но и скорее же все – как гром среди ясного неба, «в подтверждение»; следом послышался и писк, сообщающий об этом: и в этот раз же уже – *задней*. После чего уже и по касательной – и она сама почувствовала и ощутила дуновение ветра, *морского* «бриза», принесшего *еще* и такой же соли, рядом с собой: прямо – на ее же все ноги и под них. Дверь открылась – с ее стороны!.. «Справа», но и от нее же все – *снизу*. А она – как лежала спиной ко всему и лицом к спинке, а в некоторых местах и к таким же все местам – макушкой и пятой точкой, так и лежала: «предупрежденная» и *вооруженная* до зубов – каким-то только лишь и ей же все понятным «холодом» и такой же *своей* отчужденностью. Но и поток *соленой* прохлады – никак не собирался сдаваться!.. И, пройдясь целиком по ней и всему же ее телу, проник «внутри»: что и ей же – уже *пришлось* пошевелиться и закутаться еще больше. Хотя, *казалось*, и не куда же «больше»!.. А там: крепче и сильнее. Да и тем более же еще: в рамках – ограниченного пространства транспортного средства. Но – она: смогла!.. Сформировала «эмбрион», под шелко-

вым красным покрывалом и черным же все ворсистым пледом, поджала ноги, коленками к груди, и максимально подоткнулась со всех краев и концов тканями. Не столько же еще и потому, что продолжала находиться в одной лишь *его* рубашке на голое тело и только в одной, *нижней*, детали же все и своего же уже нижнего белья, под покрывалом и пледом, банально замерзая и внешне, сколько от нежелания и внутри, *внутреннего*, вдруг и вернувшегося, к «холоду» же все и отчужденности, откуда ни возьмись, чувствовать-ощущать: возможное касание; или хоть уже и какой-то даже «контакт». Да и именно же еще – к и левой стороной! Иронично и... «Как назло». *Символично!*.. Погрузила и обе же руки свои – ниже: пока и ни состыковала их между собой; да и ни сжала под конец их между ног, почти касаясь ладонями ступней. Резкий контраст, на грани сна и реальности, как и температур, тела привыкшего к одной и заставляющий перестраиваться под другую, помог в этом!.. Как и помог обхватить и сжать их: еще больше углубившись и уйдя «на глубину», в свой кокон. Под ткани и... с головой; оставив на поверхности – только нос. Да и то: лишь *его* курносый кончик!.. В который тут же прилетел и легкий поцелуй: заставив ее поморщиться и спрятать и *его*; а *его* – ... *Рассмеяться!*.. Так хрипло-хрипло. И «тихо»!.. Рассмешила *его*. Ну да!.. Она – «может»! А как *иначе?*.. Да и куда уж – больше-то; и в таком же еще-уже состоянии-*не*-стояния?! Когда хочется: и разрешиться, и разорваться...; разорвав *и* *его* на куски – за ложь и

уход к *той*... от нее! Будто бы же еще и вся та «присыпка похожести» – враз сдулась... с *основы*: как та же все и «мука». После чего же еще – залетела ей *одной* в нос: но и не вызвала, как прежде все, чих, а вызвала слезы, «горечь» в горле и гортани, желудке!.. В уголках ее карих глаз – начали вновь заниматься слезы: но брюнетка еще держалась – из последних сил; стараясь выстоять, выдохнуть и... *вдохнуть*, дыша ровно. Понять. Принять... И только после уже... *разобраться*. Не при Александре!.. И именно это ее «детское поведение», на фоне все и всего ее же *состояния*, показавшееся Егору смешным: было лишь только – *кончиком* скалы... над облаками. «Макушкой» же все... И верхушкой: айсберга. А какая «взрослость» только лишь и предстояла – к просмотру-увиденности?.. Можно было: лишь только позавидовать; и то – молча. Не куря!.. Ведь и где нет кислорода – всегда есть... *метан*: и «мурлычь», поджигай – как знаешь! Не говоря уже и про нежелание: попасться под эту же все и самую... *горяче-рящую* руку. Равно: как и пожалеть, скорбеть и... -соболезновать. А кому и что?.. София и сама, про себя, еще пока не знала. Но уже: догадывалась!.. Пока и ее же все заднее сиденье медленно, но верно становилось *не только* ее, проминаясь по обе стороны от ее тела: обивка принимала на себя – всю силу и вес его, нависшего над первой и упирающегося во вторую на прямых руках, мужского тела:

– Веди себя хорошо!.. С Ксандера же спрошу, в случае чего; и в случае же чего – накажу. *Тебя!*.. И дважды. За тебя

и!.. *Него!* – Прошептал на левое ухо девушки Егор: только и примерно же все сейчас и здесь представляя, где оно могло находиться; если он и уже был – на уровне ее головы: расположенной левым боком к нему, лежа на правом, и под двумя слоями же ткани. На что и она же уже сама – тут же вздрогнула и почти всхлипнула, но и вовремя перевела это в обреченный стон, сведя все к нежеланию просыпаться: находясь же еще где-то на грани, не до конца, все еще сохраняя последние секунды дремоты; а *дремота* – это и был ее «сон»: на все и за все это и *не* это время отвыкания от медведя, ну а теперь же еще, вот, и от него, *без* него; почти и не соврав. А он же сам – пока еще и не знал, что творится с ней, внутри и снаружи, со всей ней: и что явно не ранняя, как и *такого* же еще рода «побудка» – заставила ее и *так* себя вести. Но и кто узнает-то?.. Кому она *сама* и позволит: узнать? Никому!.. И именно вот тут «установки правды» – начали медленно, но верно смещаться в сторону: «*Только – ложь! Ничего кроме: лжи!*». Не *опять*. И «снова». Ведь и уже же лишь: в отношении него; и только его.

– Дверь закрой – с той стороны!.. И «лети» уже. Будет он мне еще: климат контроль сбивать и девчонку будить!.. – Глянул в зеркало заднего вида на него серьезно Александр.

– Черт!.. – Хохотнул блондин и перевел взгляд на мужчину. – А это нормально, что именно в эти, *такие* моменты; и *конкретно* же все с тобой – у меня и просыпается чувство... *неправильности*: всего этого?.. *Происходящего* между нами:

мною и... ней! *Как* братом и... – и сgrimасничал, сморщившись, цедя оставшееся: сквозь зубы, – ...*сестрой*?

– *Нормально!*.. Если учесть, что: вы – не *они*; и не одни. Что: я – здесь! Что: ты – висишь над ней... почти и раздетой: вот-вот, того и гляди, готовый и придавить; а там – и раздавить!.. И что я – *все еще*: здесь! – Сделал акцент русоволосый и сузил свои светло-серые глаза, почти и рыча, но и как-то же все по-доброму: скорее же да и именно – издеваясь-подтрунивая. – Мотай отсюда!.. И «порнографию» эту – с собой забери!

И, рассмеявшись, Егор напоследок еще сжал девушку в объятиях и удалился: чуть тише, чем и в первый же все свой раз, уже и именно «прикрыв» *за* собой дверь; и растворился в «черной дымке», созданной же собой и для себя.

– Соф?.. – Обратился к ней, хоть уже и с куда более натянутой улыбкой Александр.

– М-хм!.. – Утвердительно «прогундела» ему она, вылезая следом из своего псевдоукрытия, но и лишь нижней частью головы и своего же лица, до кончика носа: явив «свету» и пока же еще сонные, но и хоть уже более-менее адекватные светло-карие глаза; пусть – и только обивке, как и спинке своего же сиденья. Ей нужно было – продышаться и еще немного времени: дабы и хоть *каплю* еще, если уж и не до конца восстановить свой голос, чтобы уж явить миру – и всю же себя; не заплаканную да и после же еще, вдруг и увидев себя же в зеркале, вновь не разреветься-раскраснеться...

еще больше. Да уж!.. У кого-то там – «климат контроль», а у кого и эмоциональный фон, вместе с морально-психологическим душевным состоянием: летели к чертям. С той самой, кстати, *горы*; и *того* же самого: «черта»! Точнее, *демона*; и «по» нему же!.. По ним *всем*, чего уж там, и дьявола же все не забыв, набирая обороты и... *новый* же все слой снега-льда: в ком.

– Перелезешь?.. Или там останешься? – Выехал на дорогу обратно мужчина, продолжая следовать «выстроенному» маршруту: параллельно серым высоким бетонным жилым домам и встроенным в них небольшим кирпичным разноцветным магазинам.

– *Там!*.. – Чуть громче ему ответила София, поздно, правда, осознавая и ловя себя, как и сорвавшиеся нотки своего же голоса, и тут же прикусила свою нижнюю губу, как и язык, глубоко вдыхая-выдыхая; и, исправившись, хотя бы уж и у себя в голове, «повторила» затем чуть увереннее, хоть и так же все – хрипло-сипло. – То есть... «Тут».

– *Повернись* тогда... хотя бы; и выпутайся *уже* – из всего этого, если и не привстань!.. – Попросил он, но и будто бы же еще и потребовал; не «будто» – как и оказалось же после. – Пусть я *сейчас* и не вижу, но и все же еще *прекрасно* слышу – каждый твой тяжелый вздох и не менее тяжкий выдох. Снова что-то приснилось?.. *Роза?*!

– Хуже!.. – Привстала-таки брюнетка и тут же потянулась, упираясь ладонями в бежевую, обтянутую кожей в мелкую

черную точку, крышу его машины. – «Анна»! – После чего уложила их на спинку кресла за собой и, просидев так, спиной к лобовому стеклу и Александру же, с минуту, развернулась. Еще немного: проморгалась!.. Затем прижала ладони кулаками к глазам и потерла их: то ли пытаюсь удалить последнюю влагу, а то ли и убрать песок, который точно был, ведь и теперь просто раздирал ей их. Но и чем сильнее же она их терла, тем и так же все понимала, что не в нем и дело: уже – не в *нем*!.. И, отпустив таки из плена свое же лицо, спустя какое-то время, как и приложив ненадолго свою открытую правую ладошку ко рту, чуть зевая, но и скорее стелая, она пару раз причмокнула губами, как в детстве, и облизала их, чувствуя сразу же соль и ощущая чуть металла на языке: все-таки – прокусила нижнюю!.. С переднего же сиденья, по окончании же и всего ее этого *не* представления, раздался «хмык»: все такой же серьезный, но и с долей же какой-то своей-*его* радости, счастья и веселья от всего произошедшего и сразу. София же тут же подняла свои глаза на мужчину и изогнула правую бровь. – Ты чего?..

– Ребенок!.. – Пожал плечами он и сипло рассмеялся. – Сколько б тебе ни было... есть... а сколько и еще будет!.. «Ребенок» – он и есть *ребенок*; и останется – им.

И, усмехнувшись, а и скорее даже и улыбнувшись, чуть и более же все же доброжелательно, чем хотелось и могло бы изначально, она, наконец, села ровно на кресле-диване и укутала себя во все и сразу, одновременно отказавшись, был бы

уже перебор, и от беззвучно-предложенного, с одного покачивания головой, черного плаща Александра: снятого им с себя, но и сразу же затем сложенного и убранного на сидение рядом с ним – его же все уже одной и правой же рукой; пока левая – продолжала лежать на бежевом кожаном руле. И, избавившись так же после и от того же все цвета тканевого шарфа, он поправил свои джинсы в тон и белую рубашку, заправленную в них же, как и за соответствующий им же кожаный ремень и только после того, как убрал шнурки, выбившиеся-вылезшие наружу одного не выбившегося, в свою очередь, из всего его общего лука лакированного низкого ботинка внутрь него, вернул правую к левой же на «баранку». София же, в то же самое время, заткнула углы всех тканей и просунула их вовнутрь на груди: как делала это с полотенцем, после душа; и взглянула в окно, слева от себя, стараясь поймать взглядом хотя бы и немного уж «живой природы», будучи в основном, впрочем, как и сейчас же все, вне ее, а лучше бы *вне* «каменных джунглей», пытаясь выцепить *настоящие*. Понемногу – рассветало!.. Солнце – только-только показалось своей верхушкой из-за темной линии горизонта и над ней-ним: даже и не думая пока – подниматься полностью, а там и высоко над горизонтом, чтобы окрасить-выкрасить небо от ярко-желтого и розово-красного... до лишь и немного уже фиолетового цвета, держа его еще – в темно-синем и черном... «*Роз-ы!*». Софию – передернуло.

– Уже – почти что *утро*, а вы так нормально еще, не гово-

ря уж и о *хоть как-то уже*, и не поспали... из-за меня!.. – Грузно выдохнула девушка.

– *Только*: рассвет!.. – Пожал плечами Александр, отмахиваясь. – Как говорится... *Еще не вечер?*.. Да и почему: только – мы? – Нахмурился он и взглянул на нее через зеркало. – *Ты* – тоже!.. Не выделяй и не обделяй: себя. *Не* из-за тебя... *Ты* – не виновата!..

– Конечно!.. – Хмыкнула она, откидывая голову назад и смотря теперь в потолок: и не потому, что там было куда интереснее, чем за окном, а потому, что так вероятность продолжить «моральную экзекуцию» над собой, как самоедство и -копание, например, резко снижалась; хотя бы и слезы – не так бурно собирались и норовили сойти, как и та же все лавина и с той же треклятой горы. Да и «точки» – отвлекали: *подсчетом*. Не хуже, чем!.. В универе. Ну да. Кто сказал, что *выбор меж двух зол*: может ждать – только при *выборе* же между парнями... и конфет-а или *печенье!*.. – А *кто*: виноват?.. – Спросила следом, так и не опуская головы. – Может быть, *Анна?*! Которая таки же и *не* снилась, а «поделилась» своей прямо-таки и *наиприятнейшей* беседой с Егором, м? *Приятной* – для нее, на началах; а *после* – и для него!.. – Горько исправилась она и печально усмехнулась. – Слышал?.. Ха. Ну да. Глупый вопрос! Чтобы *она* – и кого обделила: *своим* триумфом?..

– *Обделила!*.. – Прервал ее мужчина – и тут же сам поправил. – Меня, по крайней мере; и в этой же все машине, как

видно. Но!.. Да. *Егор* – поделился со мной: этим. И!.. – И отрицательно покачал головой, прикусив уже и свою нижнюю губу. – Софи, ты...

– *И* не надо!.. – Подняла руки под покрывалом «в защитном жесте» девушка, вернувшись к нему *своим* темно-карым взглядом и тут же его опустив на свои же колени: ведь и больше скорее, а там и *именно* «обороняясь» и предвосхищая, останавливая дальнейшее. – Я знаю, что ты сейчас скажешь! Что она – провокатор... Что она – провоцирует!.. Именно этого – она и хочет добиться! Хо-чет!.. – Повторила она и передернула плечами, сморщившись. – Хо-те-ла. Да... Добилась... же. Удобно, однако!.. Воспользоваться мной, как «инкубатором», возродить *ее* – и снова полюбить. Ко-го?.. – Спросила она истерично и сама же ответила на свой же вопрос, срывая голосом. – *Ее!* До скончания времен!.. Которых: что? Правильно... Не будет! Не у *нас*. И!.. *Таких*, как мы.

– Ты не знаешь: о чем говоришь!.. – Серьезно и даже строго отметил-ответил ей Александр: то ли еще и защищая сына, а то ли уже и дочь; но и в обоих же случаях, как ни крути-посмотри, от нее же самой. – Она ведь даже – и не приняла его ответ! – Продолжил давить своей точкой зрения и самим же собой одновременно-параллельно мужчина, но и все же «на последних аккордах» нервно сглотнул... кислоту травы. – Какой бы он ни был.

– *Какой бы он ни был!*.. Но он же – был! – Подняла вновь

голову София, чтобы встретиться взглядом с таким же, хоть и уже темно-серым в зеркале, но промахнулась: он уже отвел его – на дорогу; и вновь «упала» лицом – в свои колени. – Черт!.. Опять же: как удобно. Сначала – дурить голову одной, чтобы получилось с другой. *Как удобно: не знать!..* – Фыркнула она и злорадно рассмеялась. – И не сюрприз-сюрприз! *Приятность*-то... какая. Присесть на уши: *похожестью!*.. Чтобы после, по прошествии же все и времени, выбрать: *не* ее. Не «похожую»... А *саму* суть и, не побоюсь же даже этого слова, «истину»! О-ри-ги-нал!.. – Всплеснула она руками и всхлипнула, обреченно простонав. – И уйти – с ней же: «в закат». Нет!.. *Восход!* М-мм... Тоже: не то. *Рас-свет!*.. Да. Оно!..

– Он. *Еще*. Не ушел!.. – Рывкнул русоволосый, четко разделяя слова: начиная уже и не столько беситься – от и так же все лишь «начинающейся» ее истерики, сколько нервничать – за и только, но и уже *продолжение* банкета.

– Да?!.. – И вновь ее же взгляд был обращен в зеркало: но и, в этот раз, уже попал в цель. – А где он, по-твоему, сейчас? Все еще – среди нас?!.. В багажник залез? Под капот?

– Он. Решил. *Помочь*... Владу!.. – Отрезал мужчина и потер переносицу правой рукой, остановившись на светофоре перед «зеброй» и откинулся в кресле. – В кои-то веки.

– А то правда – он один с ней не справится! – Закатила глаза брюнетка и поджала губы. – *История* (не) *не любит* *составительных* *наклонений* – она «любит»: цикличность по-

вторений! И нет, это сейчас – не про моду!.. Хотя...

– Ты не в себе, Софи!.. – Прохрипел он: понимая, что пусть и не совсем, но все же сорвал голос; и решив побережеться. – Наверняка ж: не выспалась! Давай, ты поспишь. И!..

– Я. *Не*. Человек!.. – Процедила она в свои и его глаза попеременно, после чего – отвела свои в сторону: утыкаясь ими – в рядом с ним расположенное же сидение; на котором еще недавно сидел Егор, а уже – лежал плащ. Иронично-символично, однако!.. *Здравствуйте!* За сигаретами вышел. Мусор ли выкинуть... Не принес бы только *обратно* и «последний», обменяв на первые: *за красивые глаза*; и снова – из двух зол: *что* из – мусор!.. – Сон для меня, как и для вас, блажь – обществу и Совету. «*Смотрите, мы – одинакие!*»!.. – И выкинула руки вверх, чтобы и затем обнять ими ноги поверх: покрывала же и пледа. – Но в *одинаковости* – мы: разные. Как и *этом!*.. – И кивнула головой, но и уже на спинку. – Настоящий – только: в прошлом! И прошлый – в... настоящем! – И, сморщившись, глянула в правое окно. – Но и вопреки же всему – второе из первого: не вытекает. Он – не-настоящий!.. Совсем. От слова: «неискренний». И... *Совершенно!*

– А «ты»?.. – Продолжил вновь движение Александр, быстрее, вот только, и обычного... «прошлого», в этот раз, набрав скорость, что и Софии же уже, в свою очередь, пришлось откинуться назад и прийтись головой – ровно между подголовниками: вроде – и как раньше, как и в первый

раз, но и теперь же еще – столкнуться с чем-то твердым. И, поджав губы, как и сжав тут же веки, будто сейчас и совсем уже расплачется, но и на деле – только шипя от неприятных ощущений «встречи», она закинула свои руки назад и начала ощупывать то, во что *вписалась*: и это, как ни странно, оказалась... одна из рам Александра. «Его картина»!.. Она налетела – на холст, который, видимо, как и сама же все девушка: не была достаточно закреплена – недостаточно, чтобы не менять положение своего *тела* в пространстве при движении, но и «достаточно», чтобы хотя бы уж и не покидать совсем место своей «дислокации», дабы встретиться уже вдруг и с лобовым стеклом, а там – и самим ваятелем-водителем.

– А я – не хочу: всего этого... уже!.. – Хмыкнула брюнетка, отрицательно качая головой. – Я *так* уже устала – от всего... этого и *не*... что...; и сама от себя устала – и вас «устала»! Не хочу – так... больше. Не *могу*! – Горестно отчеканила она и болезненно взвыла. – Но и уж если начали за сон!.. Что-то мне подсказывает, что так, что и этак – мы все равно не уснем. Куда уж: и за-!.. Будет – вечер; или... нет. Буду я – виновата; или *нет*.

– Вот покончим со всем *этим*... и не – и уснем. За-... Точнее: поспим; и выспимся!.. – Покивал ей мужчина, словно бы и не слыша ее передепрессивных и только же еще недосуицидальных речей. Ну а София же на это ему – лишь фыркнула, но промолчала: не было же смысла давить – на то, чего нет. Пусть и всего *пока* же: нет. И так же все пока – «уход»:

только в правильном и... *первом* понимании этого же слова. – И войдем, наконец, в нормальный и... *адекватный* ритм. В жизнь!.. Заживем уже! *Заживем*: «как и прежде»!.. – На распев повторял и вторил он, будто бы уже и оказавшись там: перелистнув, как в фильмах, с десятков лет – и сразу в «хэппи энд». Только, вот, это *жизнь*, а не фильм: тут еще выжить надо и *дожить* – до этой отметки; без *щелчка* и задоринки. – Но – и не как *прежде*! А у вас... с Егором!.. Все наладится. Вот увидишь!.. – Подмигнул он ей в зеркале – и теперь уже сама девушка «закивала» ему, не хуже и *болванчика*: так же все искусно и... *искусственно*; но и кто бы говорил, конечно, и с какой, чьей башни. – Тем более, я уверен, что и как бы там ни было!.. А ты бы и сама – поступила бы точно так же: будь уже и ты – на его же месте. И речь здесь – не о «правильно» или... *не*. Это же все – субъективно и индивидуально!.. Речь – о *факте* и... спасении, «действиях»: во имя... его!

– *Спасении*!.. – Повторила уже и за ним самим же София, все-таки развернувшись и извлекая творение на свет: уже знакомое и... порядком надоевшее, но и, как видно же все, не *тому*: кто сначала «сам» с ней таскался, а после решил – и всех ей «затаскать». – Я тут... *кое-что* нашла!.. Кое-что интересненькое и... *Подметила! Присмотрела*... Точнее: *оно* же и само – нашло меня; и *меня* же все – приметило! – И развернула холст «лицом» к Александру, установив его на свои опущенные к полу ноги: под его же уже сдавленный стон и... какое-то даже и утробное рычание. – Полагаю, для тебя *это*

– тоже: «сюрприз»!..

– И, как обычно же все, неприятный! – Пробурчал он – и воздел глаза к потолку: в какой-то лишь и своей только просьбе и мольбе-молитве: то ли таки еще и дать, «попробовать хоть» мозгов Владу, то ли уже и оживить себе *сердце*, чтобы не вытрясти их остатки – из него же, как последнее. – Стоило ли ожидать чего-то иного – от него? Нет!.. А ему – от меня? Явно: стоило; и стоит!.. Потому что, если эта «честь» – выпала мне, а как я вижу – именно мне она *теперь* и выпала, я ей воспользуюсь: и сотру *ее* – в порошок! – Рывкнул он и ударил обеими руками по рулю, зазывно прогудев, но так и не обратив внимание на гудения в ответ: кому *свадьба*, а кому и *похороны* – все равно; ведь и не тела и души – так морали и... *совести*. – Наконец-то!.. Да. И сам! Если у *других* – так руки и не дошли. Да уж... «*На других понадейся, а...*». Ну конечно!.. Из их *тел*, что ли, выложить?..

На картине же, в то же самое время, впрочем, как и ранее же все, была изображена *девушка*... с лошадью на привязи: облаченная в костюм для конного же спорта, состоявший из черного пиджака с длинными полами сзади, белой рубашки и таких же джинсов, заправленных в высокие черные кожаные сапоги на небольшом каблуке. На голове же ее – был шлем в цвет верха и обуви; а из-под него уже – торчал средней длины «хвост»... *темно-каштановых* волос, располагавшийся и уходящий вниз, чуть ниже плеч: на левое из которых он, кстати, и был переброшен, закрывая его и часть

ее груди. Она улыбалась, смотря перед собой и держа вороного коня, с не менее черными глазами, накрутив того же цвета кожаные поводья на свою левую руку в белой тканевой перчатке и чуть прижав их к себе, правой же, так же все и в перчатке, обхватив его за шею: голова лошади – почти лежала на ее правом же плече; в зубах же – держа букет... *темно-сиреновой* сирени. На фоне же уж и их – располагалась темно-зеленая лесополоса и светло-коричневая земляная дорожка, оканчивающаяся чуть темнее и уже деревянной конюшней: по предпоследней из которых они и шли до этого, чтобы после, «жизненно» и не *на камеру*, замереть; и, как видно же еще и можно было уже предположить, если и не на несколько минут, то *часов*, так точно – прежде, чем их правильно и так, *как нужно*, сфотографируют, а затем – и вовсе остаться такими, «замершими во времени»: чтобы их, спустя уже и это же еще самое время, *еще* и часы, а там и дни, недели, месяцы и... «напролет» – рисовали-перерисовывали!.. Ну а в правом нижнем углу – значилась подпись: самого *художника*-ваятеля. Та же, к слову, что и на стене: в *его* же комнате. А дата... За день до того, когда сама София же еще сошла-снизошла вниз: точнее – как ее выпустил-спустил и сам уже ее же отец. То есть... *Год* назад. *Ровно* же: год! И он... Нашел – ей: замену!.. Так просто и... легко. Да. Ведь и причем – неважно же еще кому, на сегодняшний же все и уже же день-момент, *одно* же ведь лицо! Что ж!.. Все стало – еще яснее и понятнее. Ново и по-новому, хоть и одно-

временно-параллельно: старо, как мир. И понятно-приятно, *принято*, опять же, так же. Будто и лишившись же все, но и слоя уже именно пыли, как и какой-то напускной схожести, не *муки*, хоть и «присыпки»... все той же схожести-похожести. Или это злость же все – играла в ней, до сих пор?.. Еще и с того самого диалога: между Егором и Анной? Но она и не замечала этого – будто и вновь же все по-новой: смотря на все это. Знакомясь – сначала!.. Как и Андрей же все давеча и с ней же. Под другим и... иным углом: забыв и про момент в гостиной. Про то же все и фото!.. Но и на экране телефона – все того же Андрея. Видела – своим и... иным взглядом, чем там и... везде. Но и нужным, в данный же все момент, здесь и сейчас. Только вот... *Кому?*.. На самом-то деле! И да, это, все еще, была – одна и та же: «девушка». Один в один: с Софией. Ее *сестра*. «Анна»!.. Но и с наличием же уже – новых фактов и... своих-ее додумок, домысливаний!.. Все вдруг начало открываться и открывалось, открылось – по-новому; будто и сначала, но и, опять же все, не до конца. Прошлым – в настоящем!.. *Конечно!* Нет ли и лучшей причины, чтобы бросить что-либо?.. Пусть это и было – всей твоей жизнью, а не «простым хобби». С расставанием!.. Причем: дважды. Сначала – баллончик, после, как видно, краски и масло... И под занавес – совсем перестать рисовать; и с ней же. С Софией! Это ли – не счастье? Это ли – не боль?.. Не освобождение и?.. Не спасение?!.. Вот только, и вновь же все – без ответа, кого и, в самом-то деле, от кого?!

– А стоила ли «потеря» – *обретения*?.. – Закусила свою нижнюю губу вновь брюнетка, только сейчас и до конца еще все осознавая, что все-таки плачет. – Но – стоила: «ухода». Да!.. Как минимум.

На языке – чувствовался привкус соли; а следом уже и в гортани – вкус металла. Она *опять* – слишком сильно сжала зубами нежную и без того травмированную сухотой рта кожу губы: и прорвала ее повторно. До-рвав – ее!.. И благо же еще – руки были заняты. Но и тут – грозились: если и не продырявить ногтями ладошки, то холст. И, все же убрав и отставив его куда-то в ноги, от греха же все, а *не* грех же сам, и подалее, она поставила ноги на свое кресло и вновь уперлась в них лицом, закрываясь сверху еще и руками. Александр же, все это время, как хранил, так и хранил спокойствие и молчание: за них двоих!.. Видя все то, что происходит с ней да и продолжает происходить, накатывая волнами и какой-то же еще ей одной известной информацией, эмоция за эмоцией и чувство за чувством, ощущение за ощущением, потоком и... слоями, как и той же все краской по холсту, друг на друга! *Видел!*.. Он – все же это: видел. А даже, когда и не видел, сосредоточено перестраиваясь, обгоняя и не отрывая взгляда от дороги, чувствовал и ощущал, слушал и слышал: но и никак не реагировал; и не вмешивался. Да!.. Да и более того – давал ей самой еще, таким образом, возможность: успокоиться... самой. Ну а себе же и самому – больше не срываться. Но и в последний момент – все же: не выдержал. Что

ж!.. Его тоже можно было понять – ему самому было больно, просто до безумия больно, сердце рвалось и «кровило»: за нее и... него. За обоих и... Против – нее же! Той и... другой. Чужой!.. Что, и как никогда же все стервозно, впервые, наверное, здесь и сейчас: улыбалась-скалилась – с этой-такой же все и картины. Хотя и раньше – выглядела: куда добрее и... милее, что ли. Нежнее: даже. Рань-ше!.. Ничего же уже не будет: *как раньше!*

– Соф...

– Молчи!.. – Отрицательно мотнула головой девушка, поднимая затем свою правую руку открытой ладонью перед собой и ним; левую же – прижимая к губам и зажимая, вжимая в себя, таким образом, сами губы: будто бы и прося же еще, тем самым, а заодно же уже и себя – не издавать каких-то, каких-либо звуков. Но они – просились!.. Просились – на свободу! Как и капли слез. Все!.. Ком снега – влетел в свою цель; и сбил *ее* – с ног. Прокатил собой, впечатав в себя; а после – и ей же: по земле. Разорвавшись затем и при повторном же влете – в какую-то *бетонную серую стену или такой же металлический столб!*.. И вот она... *она*: под кучей снега! Мокрая и холодная... Голодная: до эмоций. Чувств и... ощущений. *Голодная* – до себя и... Себя же: *самой!*.. Что так долго и упорно, давно и... *неправда*, хранила молчание. Хранила и это же все еще – в себе, *хороня* же, вот только, и вместе же все с тем: себя и в себе... при этом. *Восстание из мертвых*, дамы и господа!.. «Ходячие мертве-

цы» – в здании! И в студию!.. Но только... Почему же – и *так* горько? Точнее! И в противовес же все уже свадьбе и к похоронам: *так приторно сладко*?.. А «взрослые» – такой себе пример: не только для «поцелуя», *семейной* жизни, но и *жизни* же, в принципе! – Ничего не говори, пожалуйста. Дура – я, знаю. *Идиотка*: тоже знаю. «Дебилка»?.. Ха! Ты мне из этого, как и впрочем, ничего нового – не скажешь. Но – и «сделаешь»: *больнее!*.. Во сто крат. Не... – И голос ее сорвался на вдохе, когда она подвилась уже даже и своим воздухом, закашлявшись. – Не надо!.. Прошу!

– Нет, *ты* – выслушаешь!.. – Решил за нее требовательно Александр и продолжил. – *Я* – знал! *Знал*: практически все, про все и обо всем. Кроме, *конечно же все и опять же*, про ваше же с ней; и «родство». Да!.. Да и это же еще – не доказано: *кем-то* кроме; и нее же все самой! Так что... *Я* – как не знал, так и *не знаю* этого; как и того, что ты сейчас и здесь сама себе *там*: накрутила и надумала. *Но!*.. – И девушка подняла на него красно-слезливые глаза. – *Да*, я «вижу» это – по твоему лицу; и слышу – в тебе же: твою *борьбу*... с самой собой! Но – кому это надо, Софи?.. *Ко-му?*! – Истошно гаркнул мужчина и страдальчески затем протянул-выл, простонав. – Точно: не тебе. Не *ей*. И... *Не* ему! Он – даже и не знает, что с тобой сейчас!.. Настолько же был погружен во всю ту ситуацию... всю же дорогу, что просто не заметил: твоего отчаяния и отрешенности!.. Как я. Извини, что не отвлек. Не «увидел» – и твоих слез, по сну или *не сну*, уже неважно...

Не по нему! Прости уже – и его же самого!.. Пусть: со мной, без него и... авансом. Но и не руби же только лишь тут – с плеча, накладывая одно на другое! – Попросил он, фактически же даже уже и моля-умоляя. – Они – не стыкаются; и не значатся!.. Вместе – они стоят: не должны! Просто: не могут; и изначально. И я, как про твои вымышленные кусочки пазла в твоей же все и голове, в частности; так и про нее и... *Егора*, в целом! И я *знаю*, о чем сейчас говорю; и за что держу ответ, как и несу ответственность!.. – Оборвал ее открытый рот: с какой-то образовавшейся, но так и не выведенной претензией к нему. – Потому что, в первую очередь, это я разрешил – все это: всю эту и вакханалию-порнографию-катавасию; не от «котов», кстати! Хотя и... «Мартовских», разве что. *Позволил*... И до-зволил! Его... И тебя! Ему. И тебе!.. Вам. Разрешил и ваш... *сей*... «союз»! – И показал в воздухе кавычки с закатанными главами и тяжким вздохом: после чего – вернул руки на руль. – Да, *поначалу* – и я не был уверен: в правильности и верности... *сего* же... решения. Ведь и не мог быть уверен – на все хотя бы и «пятьдесят», куда уж и *сто*!.. Опять же все: потому, что для каждого эти понятия – свои и... индивидуальны, субъективны! Что хорошо и правильно для меня, то могло быть и другому же, иному – смерть. Но и знаешь же уже и сама: что?.. Я – рискнул! – Развел руками вновь Александр и кивнул самому себе же: в знак правильности и правдивости, а даже и благодарности; вновь возвращая их после, как и себя самого же, «за штурвал». –

Рискнул!.. Несмотря и на то, что не был хоть и на чуть-чуть, где уж там и *до конца*, уверен. Ни в чем же – нельзя. Как и ни в ком. Собственно, как и быть готовым!.. Но и в чем же я был уверен точно, так это в том, что он – не искал ей замены; не искал: *такую же!* Как и не искал – другую: *похожую* на нее!.. И уж точно – не по *этому* принципу: принял тебя. По *этому* принципу – он тебя *не*, если вспомнишь!.. А теперь – он знает... Как и мы. И пусть же все и *не* доказано, опять же. Что вы – *еще*: и сестры! Так уже и *близнецы*. И... *Да!*.. – Фыркнул он, сморщившись от ее вновь пронзительного и требовательного взгляда на себе. – Это его – не умоляет, никак! Но – и в чем разница?.. Какая разница: будь она той самой копией, «одной из семи», *которая есть у каждого*; или будь она – *твоей* сестрой?! Близнецом!.. А *вдруг?*.. Являясь ей – и сейчас?! Он же ведь – не видит *ее*; как и не видел, не искал...; а *видит* – тебя!..

– Да, как и она – не помнила всего!.. – Резко вступила в дебаты София: с не меньшей требовательностью и серьезностью. – И никак же еще себя не выдала, дрянь! Когда мы говорили с ней ночью – она помнила! Может, и не сразу... Не с того момента, как ее отделили. Но и *кто* ее знает, верно?! Может, просто и не говорила *все*; как и я?! Специально – выжидая момент. Конечно, какая *правда* – с нее?!.. – И исказила губы в насмешливой и горькой усмешке. – Тем более: от меня; и *с* меня. А и более того, как *с* и от *сестры!* Я. Украла. *Ее*. Жизнь!.. И пусть она этого и не знала... *до конца*; и с са-

мого начала. Но... Узнала же уже; и сейчас! «Все» – узнала; как и мы – о ней! Как и мы: *ее*. А я ее – еще и *держала*... в себе. *Год!*.. – Крикнула она и подняла указательный палец правой руки, вздергивая и ее же саму затем к потолку. – Не так много, но и не так мало: чтобы «выпустить»... и *получить* то, что получили: «мстительного монстра»... своего же производства! Бурлящего и... *бродившего* до этого: во мне; и *тьмой* же – Розы! Получить ее – как и эту же самую все «тьму»! И пожалуйста, конечно!.. – И, мельком утерев все-таки слезы с и из глаз, вдохнула и резко выдохнула, срываясь. – Теперь – она на всех правах: отбирает мое; если и уже не отобрала. Но!.. Да. Вполне: заслуженно и логично. Не *мое* же! Не было. И не будет!.. А она – просто возвращает: свое. С некими же еще: бонусами и... процентами; в виде «конца света», смерти *всех* нас и... *жизни* Егора. С собой. С *ней* и... Па-рой! И надо же было этой... *розе* распуститься; и *строчкам* – вспомниться! – Прошипела брюнетка и ударила себя руками по ногам. – Что это вообще – за магия: вне стен Хогвартса, а?! Что за «обряд» и *посвящения* в рыцари... *розового* стола!

– *Не* отобрала!.. И не *отберет*! – Не уступал ей в резкости и резвости спора русоволосый. – Я тебе еще раз говорю – он не уйдет: к ней. А все те... его слова. Он пытался так защитить тебя, Софи!.. Спасти и... Обезопасить. *Сберечь*!.. Он – знал ее, как и ты ее, как: Тен. После – узнал, как и «Анну»; как и ты!.. – Разжевывал он ей, буквально и на пальцах, и

отрицательно покачал головой: не веря, что *такое* – и требует же еще дотошного объяснения; но и тут же все – положительно кивнул. – *Да*, он знал ее – еще и раньше: *раньше...* тебя. Узнал ее – и опять!.. И *снова*. «Вспомнив» – с тобой. Но... Не тебя – в ней; и не ее – в тебе! Не Софию-Анну; и не Анну-Софию!.. Со-фи-ю. Тебя!.. И да, готов даже, а там и тем более спорить: на что угодно; да и голову же еще дать на отсечение, Соф!.. – «Стучался» он к ней, не прося и умоляя, а уже требуя и заставляя впустить. – И *нет*, я не берусь говорить, что он не понимал, не знал и... не сравнивал. Что не видел связи и... сходства, похожести! Видел. И знал!.. так еще и знает, видит же: до сих пор. Но и все то же, что ты увидела и узнала сама – видел и знал он: с ней и в ней, *не* в тебе; что было до. После же всего и того – была ты; и *только* ты. На параллелях – все и закончилось; и *параллели* же все закончились и сами – после! Вы с ней – не одно. Ты – не она. Она – не ты. Вы – разные; хоть и сестры. Да и пусть даже же еще-уже – и *близнецы!*..

Но а дальше – она уже его не слушала и не слышала, получив очередной «сигнал» от Анны!.. *Да*. В этот же раз – София даже особо и не почесалась, чтобы его как-то принять и воспринять: та справилась и без нее, как и ее же все «если», «но» и «возможно», «влетев» в ее сознание «нелицеприятным», как в общем, так и *не для всех* процессом, как в частности – для лиц старше, если уж и не восемнадцати, то ее и возраста Никиты, вместе же все и взятых, точно. Если же

еще и учесть, что она прямо-таки и не была готова – к *такому*; не говоря уж и о ни к чему-кому – от той. Да и он сам – вряд ли бы: был готов. Да и кто бы вообще – был бы и готов: к *такому*?!.. Особенно и в особенности – когда ее рвотный позыв-рефлекс только-только опустился на дно и почти затух, как и тут же достиг своего апогея: в одном – *ее* же все и лице! И спровоцировался уже окончательно и бесповоротно – *одним* же толчком: будто уже и в *ее* же все рот и заднюю, *внутреннюю* стенку гортани; когда и она же все сама сейчас да и куда уж там *здесь* – не делала этого. Не говоря же еще за: не слушала и не слышала, не *видела*!.. Но и вполне же *зато*: чувствовала и ощущала. А когда ко всему – примешалось и метафорическое вмешательство же... *второстепенных звуков*, вроде еще и *ее* же стонов и имени, на хриплых срывах, «Егор»: все сошлось – и тут же разошлось-разлетелось, скручивая живот, если и не в бараний рог, то в морской узел точно; а горло – начало усиленно сушить и першить, саднить, мешаясь с «фрикциями» и сжимом-разжимом, как... при поглощении *чего-то*, глотании. И не трудно же и уже было догадаться: чего и из чего, *кого*... именно!..

– Останови, Александр!.. Прошу!

Резкая реакция на просьбу и такое же торможение, со скрипом и почти что визгом черных шин, благо мужчина выверил маршрут наперед, изменив изначальный, в связи с возникшей и еще ранее ситуацией и заранее присмотрел-предусмотрел участок дороги, к которому можно было бы подъе-

хоть и остановиться, нормально поговорив, не мешая движению других, идущих позади и впереди, и девушка тут же вылетела на всех парах, в красном покрывале и черном же пледе, босиком, перекинулась верхней частью своего тела через серое бетонное ограждение красного металлического «купола» моста, который они почти что уже и проехали, но так и не доехали до конца, остановившись на его середине, выехав-въехав в его небольшой «карман», *созданный* Владом и *убираемый* им же после себя, своих уже недосуицидальных-перевреднопривычных вещей, как и иже с ним, с серым бетонным же бордюром, и ее вырвало!.. Выр-ва-ло. Всем и сразу. Еда, вода... *Желтая желчь*. Капли *крови* и... *Куски мяса?*.. Еще чем-то... *белым*. Она – не смотрела и не рассматривала дотошно!.. Но и не смыкала сильно глаз, прищуриваясь, чтобы все-таки видеть и *увидеть* движение по направлению к себе или от себя: если что и *в случае же чего*. Может, казалось; а может, и нет. Выходило *это*... все или нет. Но и что-то же все же – выходило точно!.. Ее же просто полоскало и выполаскивало – одним сплошным потоком: с минуту, а то и... *полчаса-час!*

Затем, опустошив таки свой желудок, она осела на серый же асфальт, загрязнив не только покрывало и плед, кожу ступней и ладоней, но и попав немного и на лицо: серая пыль мешалась с черной грязью, прозрачной росой и... моросью, только-только выпавшими на город, в общем, и эту мостовую же, в частности, не «дождь»; но и этого же еще вполне

хватило, чтобы смочить и намочить вся и всех, все. Но и ей же было – все равно!.. Далеко не это же – ее волновало. Как и то, что она скажет Александру: на свою же выходку. Да и так уже явно же, что в этом, уже и в этом, было и что-то большее, нежели и лишь только какие-то отсылки. Но и картина же все, как апофеоз, снова!.. И как же ей вновь было больно. Очень: больно!.. Ее же прямо-таки не только затрясло и внешне, но и трясло внутренне: не от холода; впервые – не от этого, как и... не от отвращения. Да!.. Ведь она и так, и без того – уже была пуста; а и тут же еще-уже – и опустошена. Но – и не от рвоты!.. В основном лишь только, разве что. В остальном же – она была пуста: душевно!.. И тряслась на ветру, качаясь из стороны в сторону, как осиновый лист; да и почти уже даже и летая, как пустой целлофановый пакет или такая же пластиковая бутылка. Что ж!.. Она – выброшена! Да. Сброшена... и утеряна; потеряна – навсегда и... всеми! И, приложив опять свою правую ладонь ко рту, еле как у- и сдержала подкатывающие и накатывающие уже и не первые рыдания, за этот, только, казалось, лишь и начавшийся день, да и то – не совсем, как могла. То же произошло – и *не* со вторыми, третьими!.. Но и больше, в какой-то момент, просто не смогла, не выдержав внешней тряски и внутреннего же сотрясения, зарыдала в голос.

Пока и другие, чужие и иные машины продолжали проезжать мимо нее и... них, сигналиая, но и не останавливаясь!.. Тех же, кто все-таки посмел и останавливался, уже и сам же

мужчина отправлял дальше: говоря что-то вроде, что «*Все в порядке!.. Все – под контролем*». Но!.. *Ничего*. «Ничего» не было: в порядке и... под контролем! Не было... И не будет!.. Отомстила же... все же! Да!.. Отомстила. Своей копии! Она... А-нн-а! И с какой стороны же ни посмотри. Буквально!.. Ха. Ведь... Она – первая. Все-таки. А не она... Софья!.. Вторая. Никто и... Ничто! Не ей и пользовались?.. Да. Но ей и воспользовались – потому, что она сама: пользовалась. Она!.. Она и... Продолжала же – пользоваться... той: до победного и... последнего. До конца!.. И вполне заслуженно, что ж, теперь: получала за это. На орехи!.. Только вот!.. Опять же все. Где лишь мысли; и только идеи? А где и?.. Парни! Лю-ди. Действия... Пусть и: с не! Но и тут-то – все же было: вполне логично. София же и парнем ее – пользовалась!.. И всеми теми, кто был с ней, так или иначе, до нее же самой: до Софии. Они – стали: вдруг и с ней; *начисто* забыв об Анне. И вроде бы, ладно!.. Чего уж там. Если бы... Если бы – уже и она и *так же* все: не помнила!.. Хотя, да, что за чушь?! Тогда бы – София продолжала пользоваться: этим и... ею. Не получив урок. Не... Не выучив его!.. А какой урок, по сути?.. Что за все и всех, вся: есть – своя цена! Как и в конце же все так же – есть касса!.. И ей бы – стоило, наверно, поблагодарить ту, хотя бы уж и за то, что она: ее не убила! Но. Еще; и пока?!.. Своими же руками! Ну да... Да!.. Ведь и София бы – вполне: и сама бы себя убила; без чьей-то, чьей-либо помощи: и сама же уже придя к этому!.. Да и

только, вот, как, если *ты* так и так, этак – привязан: вечно жить? Вечно – возрождаться; умирать и... рождаться. Как!.. Уроборос. И есть ли хуже – кара и мучение, чем: прожить себя и умирать себя... же? Одного... и того же. Опять и... Опять!.. Повторяя ошибки. Или не повторяя их, исправляя. Но и себя же все!.. Того. Не... «Исправленного». Исправного... Снова и снова!..

Дав же и еще немного девушке побыть наедине с собой и в себе, хотя бы и коли уж так, то и на виду, Александр послал обращение к Совету, в общем, и к тому из членов, который посещал лично его и ребят ранее, без Софии, в частности, сообщая о пропаже Сергея: где и изложил ж еще, максимально коротко и ясно-сжато, до смысла, о случившемся; прося же и затем, если и не о сиюминутном решении, то как можно скорее разобраться и покончить со всем этим – время ведь уже не поджимало, а «сжимало» и выдавливало, давило!.. После чего – все же закрыл машину, не только дверь, но и поставив ее на сигнализацию, и подошел к брюнетке, сев с ней рядом: не боясь, как и прежде же все, как и она, за одежду, не боясь и за себя, но боясь за нее и за все... ее же; будто же еще теперь чувствуя и ощущая – ее прямо-таки и упадническое настроение: буквально и с желанием – *все-таки* перевалиться через этот мост и упасть, утонув и потонув, приземлившись уже и на совершенно другое дно, которому не стучат и с которого же все, собственно, не рассказывают таких и не сказок. На что уже и сама же София, вполне

и ожидаемо, никак не отреагировала, прижавшись телом и головой к серой изгороди, ограждению моста, смотря в про-
рези и через них на темную воду!.. Сейчас и здесь – ей был
нужен покой. Покой... И тишина. Молчание и... «Останов-
ка». Буквальная!.. Какая-то: и пауза. Хотя бы: небольшая,
но и передышка; торможение. Не столько же уже и машины,
сколько ее же самой; ее и мыслей!.. Чувств и эмоций, ощуще-
ний. Головы и... Сердца. Да!.. И желательно же еще-уже: од-
новременно; и всего. Сра-зу!.. Чтобы не чувствовать и... не
ощущать; не думать... и не биться. Не «эмоционировать»...
И не знать! Иначе – уже она разобьется; и уже больше нико-
гда не соберется: в себя и... вновь. Не соберется – опять и...
Снова!.. А откуда она – *уже* и знала же это?.. Разбилась же.
Да!.. Все же. И... «Разбилась»! Пока лишь только и физиче-
ски, да, но и!.. Как только же все и лишь попыталась – раз-
вернуть его: в свою сторону. И ее – в свою!.. И будто же тут
же – получила пощечину: от всех и... вся, всего; отлетая на
метр, а там и два... *километра*... «в ответ». Падая и... раз-
биваясь. Не группируясь. Не убега!.. А зачем, правда? Зачем
и это – было *бы* нужно?!.. Чтобы вновь: отвернуть и отвер-
нуть-ся?!.. Отвернуть; и... их? Чтобы и они – ушли, оставив
ее... такой?!.. Вновь – быть: отвергнутой, разбитой и... уби-
той?.. А *разница*? Да?.. Как еще чуть ранее-выше и спросил
же сам Александр!.. Что ими, что и... не ими. Другими!..
Все-ми! Как и в случае же с разбитостью – она разбита и...
отвергнута. Так – и в других случаях, иных. Все будет – то

же. Только: если про Анну – они уже знают; то про Егора – пока не знают; но *узнают* же!

– Не знаю: где и что там... *Влад!*.. Но Егор – с *ней!* – И поперхнулась, сразу же постаравшись выровнять дыхание, как и выкинуть из головы и памяти все те чувства и ощущения от женских и мужских «придохов-вздохов», выдохов и... *стонов*, но и только лишь усугубила ситуацию: *повышенная влажность* в этот раз не только не давала ей своей свободы и легкости, но и отбирала ее, спирая и испаряясь с ними... на лету. – С Анной!.. *Неплохо* проводят время, знаешь ли. И я... *рада*: за них! – Под нахмуренный же уже и его серый взгляд – она улыбнулась, пусть и уголками губ: но и уголками же своих уже и карих глаз, при этом, откинув «крайнюю» влагу; после чего еще и веками – сбросив ее по щекам... к губам. – *Красивое* же имя... все-таки! И *девушка* – красивая! *Хоть*... Как и ты там сказал?... «*Сестры?.. Хоть: и близнецы?*». Ну да! – И осклабилась, но и как-то же все: горестно и обреченно. – Подходят – друг другу!.. Явно же – больше, чем... мы. Чем я и... он. *Мы!*.. С ним! Зачем *ты* это сделал? – И вдруг – перекинулась-накинулась на него. – Зачем: *позволил?* Не ему!.. *Мне*. Зачем позволил – снова: войти во все, вот, это? Как в... болото. Не «в одну и ту же реку-воду»!.. Это – да и... Это – ладно! Но... В другую. Чужую и... Александр, боже-дьявол, упаси-побери!.. – Взлохматила волосы брюнетка и сжала у корней. – Ты же *не* мне больно делал, а ему! Сделал бы больно мне – и то бы было лучше.

– Да кому, Софи?!.. – Крикнул Александр, уже и никак не сдерживаясь: надержался и натерпелся – не помогло; а только – все ухудшило. Нужно было – сразу и по масти: как сейчас; и всем сестрам – по серьгам. Как бы и ни иронично! – Ко-му – лучше-то?.. Тебе?!

– Да причем тут – я: вообще?.. – Усмехнулась она как-то истерично: и по-своему – обреченно и печально. – Ему!.. Ты просто представь – *насколько* его: «клинило» и выносило! Нет. Ты ведь даже – и представить не можешь... А я – могу!.. Я же сама еще – участвовала в этом: «в клине и... выносе»; во всем! И я знаю – каково!.. – И всхлипнула, сжимая вновь веки и челюсти до растяжения и... вытяжения, скрипа: стараясь тут же еще и избавиться – от образа «еловой печали» и «скаливой ярости»... в *одном*. – Как и знаю – каково; и только же – еще будет! Но и вот тут ты – уже и сам можешь представить: как и я!.. *Как* – это будет. И вдвойне!.. Где он изменил ей – и со мной! – Крикнула уже и сама, выкидывая руки вперед, мол: «*Смотри!.. Вот – оно: на кончиках пальцев. Все разочарование и... убийство*». – Изменил мне – с ней!.. Ну а мы и с ней... Вместе. Но и тут же все: по отдельности. Не в одно время!.. Каждая; и в свое. Со «своим»... Изменили – ему!.. То есть... – И замолкла, обрывая себя, но и еще шире же все, при этом, раскрывая свои глаза: уже глядя не только на его лицо, но и его строгий и статичный профиль. – Гос-по-ди!.. «Мой» отец – *убил* ее. Он... *Мог* – «убить» ее, несмотря на *связи* и?.. «Родство»!

– «Мог». Но!.. Не как *отец*, а... Член Совета! – Исправил ее мужчина, сбавив тон и напор, но и тут же почти вновь взревел. – И не смей – *так* говорить: о нем!.. В таком тоне и... разрезе, юная леди! Он – не убийца!.. Тем более: не убийца и *дочери*. Да-же. Ха!.. По-дав-но! Он – не заслужил *такого* отношения... Ни твоего. Ни кого-то, кого бы то ни было... кроме! Он – вершитель судеб, *прежде* всего; хранитель равновесия, баланса и!..

– А Егор – заслужил: твоего *такого* отношения к нему, м? – Не сводила своего яростного взгляда, как и речи, с Александра София. – *Моего* – к нему!.. Тен. Анны! А я – заслужила: его отношения, *такого* же, ко мне?! *Анны* – ко мне?.. Нет: по первым случаям. А по вторым: да!.. Не потому, что *не* знала; а потому, что *не знала!* Никто и ничего мне – не сказали; как и я. «В солидарности», конечно!.. – И всплеснула руками, возведя и глаза к небу. – Но незнание – не освобождает от ответственности!.. А накидывает – ее; и вдвойне. *Близнецами!*.. Как бы ни иронично. И ни прискорбно! Что же ты наделал, *пап?*.. За-чем?!

Повисла напряженно-неловкая пауза, в которой оба думали о своем: каждый о чем-то и... *ком-то* своем; утыкаясь взглядом в темно-серую, почти и черную с белой разметкой полос дорогу, по которой как лавировали, так и продолжали лавировать проезжающие мимо них машины. Которые уже даже, к слову, и не сигналили!.. Принимая, как должное и данность, мужчину, что сидел одетый и девушку, что и толь-

ко-только будто из постели вышла и к ним, вот, так же все «сошла». Что – так и было, в принципе, если честно, где-то между же еще успев побывать-додремать в машине и выйти уже из нее, в чем мать родила, чтобы оказаться затем здесь. Но и когда сам же Александр все пытался собрать мысли в кучу и прийти к чему-то, как-то и лучше же все объяснить-разъяснить, хотя бы уж и попытаться, свою точку зрения: относительно всего же... этого и не: София же – и не пыталась ничего сделать с ворохом уже и своих мыслей в голове, принимая их, как и проезжающие же все мимо них водители, и их самих, как так и надо. И что же все-таки ни придет влюбленным в голову, а и особенно влюбленным – в эту самую же голову? И «любящим» – не только свои, но и чужие... мозги!.. Да... уж. Она, в свою же уже очередь, лишь пыталась только «дозваться» до и Влада, чтобы узнать: *«Что, да как?.. И что ужасе, с еще – достаточно, со всем этим, черт подери-избавь, делать?!»*. Вопрос же и к себе о том *«Почему не обратилась к Егору?..»* – грамотно обходила стороной: пока не до конца еще же все и понимая, как Анна провернула все... то; и без знания же об *этом* Влада. И где, блин, был сам рыжий – в момент, когда?.. В тот самый момент!.. Находясь же все и сейчас, не здесь, а... там, непосредственно, в машине и с... блондином! Но и так же все пока – отменяя все это: на его очередную же все и придурь. И на как небольшой, но и все-таки же вариант, прикрытия «брата»!.. Но и надо же все же было отдать ему, как и ей

уже затем, должное: как она не отвечала – за Егора; так и он – молчал за Анну; скупно рассказав – о ее прямо-таки и *не* неожиданном перемещении в багажник, хоть и так и не обозначив никак: ни причину, ни... следствие: а лишь то, что... скормил ей – *ее же лекарство*. И хотя в голове у нее и так, и без этого – собиралась некая картинка, связывающая и ее недомолвки, и его в одно целое, отвратительное ж еще, надо сказать, целое; а «кормление» же еще и добавляло, добавило, ко всему, и слово «ужасное»; с этого момента – и ей не хотелось слышать другие, иные... какие-либо уже ответы... и на собственные же вопросы. Как и узнавать – как именно ей и... то же все: «скормилось». Но и – «скармливал-то»: Влад. И тут!.. Не стыковалось – все и... Совершенно! Ведь, и тогда бы, пришлось «накормить» ими, *семенами*, и перед... *этим*, самого же: Егора. А раз; и нет!.. Он бы *определенно* – этим поделился: не как своим, так и его же все «мстительным факпом». Тогда!.. Как? Или Влад подсыпал их – уже после, когда она... глотала?.. Почему и нет? Учитывая же еще и то, *как* Софию же уже и саму: чистило-вычищало. «Ее эффект», *Анны*, мог быть – и вполне же еще себе: положительным и... приятным. *Эффект* – на нее; и... от *него*! Что и могло, кстати, привести – к потере сознания и... «сну». А там – и к переезду, по *тихой* же все и грусти, в багажник. «Кайфанула», да, в отличие же все: и от некоторых!.. Что ж. «Отношения» – отношениями, а *семья*, как говорится, «по расписанию»! Хотя, что отношения, что и... семья. Лишь:

слова и... Только: названия. В большинстве же все и своем!.. Которые, если и не обесценились со временем, то точно потеряли свою значимость и... такое же значение! Цену-то – ладно; а вот ценность!.. Так и огребая же еще – знатное преувеличение: по всем своим пунктам и... подпунктам; параграфам и графам!

Но и, все-таки же получив от него то, что хотела, девушка, наконец, «отключилась» и тут же *подключилась*-подорвалась с насиженного места, утягивая-поднимая за собой не только же все и грязную себя, но и такие же и к себе доп. приложения – ткани:

– Поехали: за ними!..

– Что?.. – Подвис Александр, не сразу понимая и осознавая, а и куда уж до принимая, на чем они остановились и к чему, по итогу же все, пришли: какая связь – между ними; и как еще ему же самому все и реагировать – на этот ее «порыв». – *Куда?!..*

– *По-е-ха-ли!*.. – Кивнула она уже и в сторону машины головой: не намекая, а и прямо даже и *говоря* – прямым же все и текстом... своих «действий». – Подвезешь: меня! Затем – забереешь Влада с Егором... А мы с... «Тен»!.. – И скрючилась, выплюнув затем не только кислотой... *кислоты* же, но и желчью с ядом. – *Анной*. В багажнике... И папой! Поедем: за Розой. Приедем к вам – и... Все обсудим!.. Чтобы, наконец, уже: и *закончить*.

– А Андрей?.. Стоп! *Папой?*.. Сергей – с ними?! – По ме-

ре получения и поступления новой информации – светлые брови Александра ползли все выше и выше.

– Да!.. Они. Его. *Уже*. Подменили! – Кивнула брюнетка, грузно выдыхая – под «хмык» мужчины: теперь и она была – на его месте, объясняя «сложные» вещи *простыми* словами. – «Андреем». И везут *отца* – обратно. *Не* в багажнике!.. В нем, до этого, был и сам Андрей. После – он же и... с Анной. А теперь... Там только лишь – она и... *розы!* Папа – на заднем. Нужно будет – достать их; и вернуть «к жизни»... Во всех смыслах!

– А *как* они?.. – Продолжал недоумевать русоволосый.

– «Неплохое времяпрепровождение» – *напитало* Анну!.. – Развела руками София, но и, поняв, что так просто ее не отпустят и не отвезут, решила объяснить все и сразу: не по дороге, как собиралась, чтобы не тратить времени даром, а сейчас. – *Дало* ей: сил. *Кое-кто*... «поделился» с ней и, как еще один не-сюрприз-сюрприз, *не* Влад! *В кои-то* веки, не правда ли?.. – Изогнула уже и свою правую темную бровь она и хрипло рассмеялась: страдальчески и уставши; да и скорее же *уже* морально, чем *физически*. – Хоть это уже и в моей голове – спорно!.. Потому что Анна «утверждала», что все *делал* Егор: когда же уже и Влад, в свою очередь и после, *сказал*, что именно он «подмешал» ей... те самые, мои-ее, семена и... «вырубил» до дома. В процессе ли – это было?.. Или *в конце*. По итогу-то!.. Он просто ей рот открыл и *то* запихнул или?!.. Не знаю. Он – не уточнил! В прочем, как

и всегда: что не касалось, как-либо, его и иже с ним. Но и в общем!.. – Собралась в кучу сама и мысли в нее же София, мотнув головой. – Нет времени – во все же *это* глубоко и надолго, далеко: вдаваться!.. Но и как я уже и сама поняла, из его же все и мыслей, как и слов... После того, как он «полакомился» девушкой из бара, потом предусмотрительно залечив и отдав энергию Анне, она, «кормясь», говорила о том, что: могла бы меня «подсидеть», пустив силу через нас двоих, так как мы связаны, в результате чего – я бы получила тьмы себе: через нее; а в ней после – нашли бы ту девушку и... *кого-то* из ребят. Подумали бы – на них, как на «переносчиков»!.. И все бы стрелки затем – пали на тебя. Чтобы... *в случае же и чего!*.. – И прикусила вновь свою нижнюю губу, сжав и кисти рук в кулаки. – *Смерти* отца!.. Назовем уж вещи своими именами, да?.. – Обосновала «выбор терминологии» она, в ответ на хмурый и серьезный взгляд Александра, и *отпустила* себе: пусть и продолжая все «держаться в руках». – Уж-е!.. Коли *уж* и это – не произошло! *Чтобы!*... я не досталась тебе – под опеку: а досталась им! А там... Что вечная тьма здесь. Что и там... Не мне и тебе это рассказывать, не так ли? – Склонила голову к правому плечу София и прищурилась. – Ты и сам это – прекрасно понимаешь; как и понимал!.. «Напитался» же Влад – и *попался* Анне: как нельзя кстати. *Она* – же все и!.. – Ком отвращения вновь настиг ее и подкатил к горлу, но она успела его перехватить и опустить обратно: с глубокого вздоха и *глотка*. – «Собра-

ла». Влад – «добычей» делиться не захотел: *убрал* ее; как я и сказала. Переместил – энергию Андрею!.. «Пробудил»: его. На этой силе – они и поднялись: используя последнего, как «куклу». Сам отец же, все это время, был в больнице и... палате: подключенный ко всему, что только можно и... нельзя. Ну и в букетах роз, *естественно!*.. – Сгримасничала все же, не сдержавшись, девушка и сплонула, едко цокнув языком. – Благо и сухие лепестки – не до конца еще растрескались и рассыпались: Влад их *сохранил*, не уничтожив все и... с подушкой. И они успели: как подняться, так и уйти; уже и с отцом, притворившимся... «Андреем». Теперь: поехали!.. – Сделала шаг к машине девушка. – Успеем – наперерез!

– То есть!.. – Притормозил ее все-таки русоволосый, схватив своей уже правой рукой за той и ту же, вновь обращая ее еще, таким образом, к себе: как головой и лицом, взглядом, так и всем корпусом. – Анна тебе «сказала», что все, цитируя тебя же, *делал* Егор?.. И я даже спрашивать не буду: чем она там... *таким* промышляла! – Процедил он, сжав челюсти. – Но и по твоему виду, как и *состоянию!*.. Явно же: не *цветочки* сажала.

– Скорее: опыляла. *Удобряла!*.. – Сглотнула очередной же ком брUNETка, тут же и тряхнув головой: отгоняя от себя теперь еще и *картинки* – так услужливо подброшенные ее же сознанием, вместе с воображением и фантазией, *памятью*; но руки не убрала, а и даже – чуть еще сама и сжала. – «Полливая». И *не* тем, «чем» надо!.. *Где* и стоило бы – это все,

и не только, делать! – Сыпала отговорками-оговорками она, только бы, и как бы это уже ни звучало, «занять» уже и свой рот – и не выдать чего-то лишнего, а уж и тем более насущного, вернувшись к *облюбованной* ограде. – Точнее: не стоило этого делать; *совсем!*

– Я *понял!*.. Опустим! – Так же потрянул головой Александр и зачесал свои русые волосы назад левой рукой, немного оттянув их еще в концах и будто бы же еще стараясь, тем самым, выдрать все то, что и он уже даже и сам представил: судя же *уже* и по раскрывшимся-расширившимся не на шутку его серым глазам и черным зрачкам в них – от шока, и чего уж там, *ужаса*; прежде всего – перенесенных ею. – Но и так же, со «слов» Влада, *напиться* – сам он: и «питал» ее, так же все, сам; как и «подмешивал» эти самые... *семена!*.. – Начал-таки и раскручивать же эту всю «путаницу» мужчина, смотря на девушку перед собой с задумчивым прищуром: пока и она, в свою же уже очередь, бегала по его лицу взглядом – пытаюсь *угнаться* за мыслью и не уступить, следуя шаг в шаг. – Тебе не кажется, что в этом моменте... «легенды Анны»: брешь; и серьезная? Могла она – придумать: это?.. *Егора!*.. На месте же все и «Влада»; и только лишь – для тебя? – Да. Но!..

– *Фактически!* – Перебил он тут же ее. – «Фактически» же: она – ни сном ни духом о том, что вы с ним, *Владом*, все еще общаетесь. Она же – тебе это: *сама* запретила... этой ночью. И не знает, что ты – не послушалась. А знает же –

лишь то, что ты рассказала нам: о сне, о *всех* снах и... «Все»! То есть, она и подумать не могла, что вы... как-то с ним еще «свяжитесь» и *обсудите* это: разбив *ее* уже воображение с фантазиями – в пух и прах!.. – И, дождавшись ее задумчивого, но и в то же самое время кивка, он улыбнулся и продолжил. – Ведь и тогда бы, если бы вы *не* общались, ты бы *могла* – спокойно поверить в это: и не думать – о не состыковках! – Хмыкнул Александр и склонил голову к своему уже и левому плечу, шире улыбаясь и смотря на «ушедшую в себя», в раздумьях девушку: все еще сжимающую, но и сразу же почти разжимающую его руку. – Но и без этого – она еще: *прекрасно* справилась, правда?... – Осадил вмиг ее метания он, что и она же сама вздрогнула: в моменте оказавшись за бортом и в той самой холодной темной воде... под мостовой; с *таким* тоном – обратился к ней он: и таким же голосом-голором – *облил* с головы до ног. Счастливая улыбка от победы над ней – стала жутким и устрашающим оскалом!.. – Почему тебе *так* важно – избавиться от него: около тебя и... в себе? *Что* тебя толкает, раз от разу, проходить – через эту эстафету: в попытках убежать – от себя и *любви*; прибегая к «финишу» и разрывая красную атласную ленту... в боли и самой *боли*?!

– Не знаю, Александр!.. – Прошептала София, чувствуя: как сильнее сжала его руку своей правой рукой; и свою же левую. Как все еще держит красное покрывало и черный же плед на себе, практически и прорывая, дорываясь до себя:

рубашки и своего тела. Но и совершенно, при этом же всем и не только, не чувствуя ног!.. Лишь ощущая, как увязая, уходит ими – в асфальт: сначала по щиколотку, а после и по колено; затем бедро и... Ее – не вбивало же в этот раз!.. Топило. *Притопляло* и... утягивало: зыбучими песками. Будто же все и тот песок с глаз – ее же слезами: упал ей под ноги и... начал топить уже ее в себе. – Вот, честно... признать. *Не знаю!* Вот, вроде бы, так глупо и... тупо! Действительно же: *тупо!* После и всего того, что было и... чего не было: со мной! Я же еще и наслышана была: об этом, с ней и... о ней; в разрезе же все вас и от вас. Но!.. Поверила. *Доверилась:* ей! – И мужчина грузно выдохнул, качнув головой, но и привлек ее в свои объятия, от которых она сначала отказалась, *не* намекая на это и всеми же своими попытками отстраниться и как-то вырваться – на не «лучший вид» для всего этого, как и на не лучшее свое состояние-не-стояния, но он снова отмахнулся от нее и сам уже прижал ее к себе и вжал в себя. – Возможно, потому, что *этого* – не было: со мной?.. А значит, я и права не имею – за это ее: как-либо судить. Да и в принципе!.. «Судить». «Человек» же с другими и... с тобой, порой, совершенно чужой; и это, более того, это *совершенно* – два, разные же «люди». А возможно же, еще и потому!.. – И брюнетка сглотнула, утыкаясь все же и сама лицом в его грудь: когда же и он – в ее макушку. – Что я чувствую вину – перед ней; и даже почти что и сама готова отдать... *Сама!*.. Готова. *Отдать.* Его. И!.. Ей. Отдать и эту, ее жизнь. Как

бы... Да?... Ее же: жизнь! Не в смысле: год – как непрожитый ей год. А как год... во мне; я же – жила: за нее! А я – не имела на это: права!.. – Проскулила София. – И пусть права на это – не имеет и она. Но... Я – отобрала: это. Забрала – сама!.. А значит...

– ...значит, что таким же макаром: она жила – за тебя; и здесь!.. – Обрубил ее домыслы мужчина и покачал головой: все еще прижимая-вжимая в себя ее, но и теперь же еще – поглаживая мерно по спине. – Но это ведь – не так! Она жила – за себя; и ты жила – за себя. И пусть незнание – не освобождает. Но!.. Ты не знала – о ней; и в себе! Как и мы: не знали этого. Узнавали – постепенно! И об альтерг эго, *Тен*; и об Анне! И о Розе: во всем этом плане!.. Ты – *ничего* у нее: не отбирала, слышишь? – И коснулся губами ее макушки, прижавшись затем еще теснее и получая, наконец, то же и в ответ: так еще теперь и с легкой, на ободряющую, улыбкой на губах; будто она могла ее видеть, не могла, но и он же все буквально и заставил ее это увидеть, приподняв таки после и правой же все своей рукой ее за подбородок на себя. – Но и, знаешь же, еще: что?.. И она у тебя – ничего не отбирает; и не отберет! Я повторял это – не единожды. Повторю – и снова!.. Вы – разные. И у вас – такие же жизни. Разные и обстоятельства!.. События. Лю-ди! – И брюнетка нахмурилась. – Да!.. Раз-ны-е! Как и в случае: когда человек с *тобой* и... кем-то. Здесь – то же самое! С тобой мы – не такие, как с ней; и с ней мы были – не такими, как с тобой. По мень-

шей части: потому, что и она не была такой, как ты. А по *большой!*.. – И он улыбнулся, играючи прикусив нижнюю губу и вызывая на ее лице такую же ответную улыбку. – Потому, что ты с нами – не такая, как она. Не так... Не близко и!.. Не рядом. Не похоже: совершенно! Ты – своя, как и она. Вы – *свои*: собственные!.. И то «единое-единственное», что вас, на мой же все и крайне субъективный взгляд, объединяет, как *внешность* – вас же и разнит-разделяет: потому, что под этой внешностью, одной на двоих, два совершенно разных «человека»; и две такие же разные *девушки!*.. – Отпустил ее из захвата мужчина и, только она хотела опустить голову, засмутившись, как получила тычок по носу, с указательного же все его и правого пальца, и зарделась еще больше: со «звонка» – завыв *сиреной*; и окрасившись в красный цвет свет «тревоги». – Начиная именем... И заканчивая внутренним же миром. *Огромным...* миром. Целой и *вселенной!*.. Со своими плюсами и, да, *минусами*. Косяками!.. Плохими... и хорошими словами; делами. Правильными и... неправильными поступками. Пороками и грехами!.. В меру же все: индивидуальности и субъективности; «собственности» и... *испорченности!* – Оскалился он и подмигнул, на что София уже только закатила глаза и покачала головой, посмеявшись: порой ведь и забывается... *ангел*, пусть и наполовину, с кем и дело-то чаще всего имеет. – «Свое» и... У каждой! И *никто...* *никому* же и из вас двоих... другому и другой – *ничего-кого: не должен*. И «чувства вины» – не должно быть та-

кого же, никакого, в помине!.. Не за «отобранные жизни» – это точно! Как и не за... отобранных парней. Они – *отобразились* сами: *сами* же – и ушли!.. Но и если уж на то пошло... *Она* – ушла: *сама*. Точ-ка! – И, взвихрив ей уже и ее же все псевдоприческу, еще же все и после недосна на кровати, своей левой рукой, как и стукнув затем костяшками указательного и среднего пальцев правой легонько ее и по лбу, скорее даже больше будто и ударив ими и именно по «потолку», как в *детской игре*, а и на деле-теле поставив ту самую *точку*, он, тем самым, еще и вызвал смех у нее; и сам же, затем еще, громогласно рассмеялся.

– И я же еще – ребенок! – Выпятила уже и свою нижнюю губу девушка: «получая» и по ней после, так и с тех же еще самых его пальцев, на манер... игры на гитаре.

– А *кто* же еще?.. – Пожал плечами мужчина, будто и не видя в этом какого-то секрета-тайны или такой же все новости, *не видя*; как и тем более, да и где уж там проблемы. – Так и есть! И... Да!.. Мы – не поедем за ними, Соф! Как и более же все того: наперерез-перехват. Мы – едем: домой. *Все!*.. Разберемся – там и со всем, всеми же и вся... вместе, хорошо?.. Я – уже *передал* «весточку» Совету!.. – И кивнул ей – на ее же все и немой вопрос, заправив затем еще и темную прядку, выпавшую из ее уже все и общей «копны», за левое ухо, огладив под конец еще и ту же самую щеку, в теплом и таком же еще уютном, *его* жесте: поддержки и заботы. – И, думаю, что уже не мы их, а они и нас – будут по приезде

ждать: как и уже – *разбираться* с нами и «заканчивать»; со всем и... по всему. Ну а пока я заведу и поведу, «веду» машины ты, вон, лучше – возьми еще раз картину и посмотри на оригинал... и «фото»! Да-да!.. Оно – на «заднике» холста.

И, наконец, полностью отстранившись от нее, ушел в машину, а девушка – так и осталась на месте: еще какое-то время смотря себе под ноги; как и изредка же еще меняя угол обзора – на мост и воду. Да уж!.. Никогда же еще желание прыгнуть – не было таким... болево-острым. Да, конечно!.. Она бы – не умерла. И да, скорее всего, а и чего уж там *точно* – ее «выбор», в пользу той или иной *ипостаси*, автоматически и автоматом: отобрали бы и дали бы то, что она заслужила... суицидом. И *правильно* бы сделали!.. Но. Заслужила ли – она? А *он?*.. Заслужила ли – и та?.. «Чести». При-сутствовать. Так еще и при *таком-то*... счастье!.. Будучи же *уже* – не только и не столько причиной, сколько и следствием. Правилom *и*... Исключением! Будучи – всем и... *ничем*: одновременно!.. *Параллельно*. Заслужил ли *все это*, и да, «повторно» же, *он?*!.. Отрицательно качнула головой. И все-таки – вернулась в машину!.. Уже не с той скоростью, с которой покидала и покинула ее, выбежав, а там буквально и *вылетев*, но и не с той стороны, с которой «сошла», сев на переднее сиденье; заранее, к слову, уже и очищенное Александром же от своих-его же уже вещей, «брошенных» теперь же, да и *как раз*, на заднее сиденье; чтобы видеть профиль мужчины и его же эмоции, видеть *его* самого, как и... всего:

как любила и любит, и не только так же все и «говорить», Полина. *Реально!*.. Да. А и не через зеркало. И, вновь укрывшись всем и сразу, развернулась, перегнувшись через спинку сиденья, и тут же села на свое старо-новое место, перенеся таки и картину же с заднего «ряда» на передний: после чего – еще и так же все устанавливая ее на свои спрятанные под красным покрывалом и черным же все пледом опущенные к полу, но и не доставая до и его, ноги.

– Что надумала?.. – Скосил на нее свой светло-серый взгляд Александр, выезжая на проезжую часть и начиная движение к дому.

– Ни-че-го! – Вздохнула София и тут же усмехнулась. – *Надо же*, да, мне и... *было*, так еще и из всего же «нашего» с ним, боже-дьявол, *опыта*: почерпнуть – именно *это!* «*Не думай!*»!.. – И даже попыталась воссоздать голос Егора, под конец же еще и глухо-глупо рассмеявшись. – Не дума-ть! *Ничего...* не думать. Разве что: *о ком*. Но и... Все же – лекарство; и все – яд: главное – пропорция. А и в некоторых *вещах* – ее не просто нет: ее *в принципе* – нет. И да... *Так*: просто!.. *Но и*, вот, я *не* подумала – и угодила: «в зазеркалье». *Забавно*, да?.. Не правда ли?.. *Не правда!*.. Ведь и с *Оля* и *Яло* – все было: куда проще. – И, развернув таки картину «задом» к себе, нахмурилась, сняв средний белый квадрат: будто и бумагу для печати фото... с *полароида*. Но это – и был: он! Точнее: он-и. *Два* снимка!.. Один, как и она же уже сама поняла, был – *тем самым*: снимком; что и должен был

стоять в раме... в доме у Розы: подходящий под размер – выемки на картоне и... «разводам» на стекле, которые оставались и остаются же все, по сей день; *будто* по ней не раз и не два – проводят пальцами, обводя контур того, *что* еще было и чего-кого уже нет. Да!.. А другого – и подумать-то было нельзя. Ведь и стоило самой же Софии один раз поднять ее и увидеть это... *рукотворное великолешие*, как она тут же и получила по ним же. Своим!.. Ну а после, потом: и снова, и снова. Ведь и затем – это же еще: и припоминалось. А там – и... Чего *хуже* – следом; и «в бой»! Но и эта же все... «рамка» – никогда не шла: в ход и дело... дело не по делу... *телу*: она прям была – чем-то незыблемым и... *Граалем*... очень важным и значимым, нужным! *Ценным!*.. Для нее. *Розы!* Вполне же все, кстати, и подходящим для... *некого памятника*: прошлому. Вторым же снимком – был... *снимок*: серо-белой стены... какого-то пятиэтажного здания; не то жилого дома, не то и какой-то организации; но и *стены*, на которой – и было же... *черное граффити*. *Граффити*: картины! Только, если и на холсте, работа была выполнена – масляными красками, то на стене был, конечно, *черный баллон*: и изображение в пять, а то и во все десять, она же и все так же не дружила с цифрами, хоть уж и что-то *вечное*... под луной, раз больше. И, конечно, в правом нижнем углу – был он. *Псевдоним!*.. И дата. *Та же*, что и на холсте!.. – А зачем *ему* – дважды?.. – Недоумевала уже и вслух даже она, рассматривая кадры и пытаясь одновременно грамотно

сформулировать вопрос. – В цвете!.. И. Ч/б! «Егору»!..

– Знамо: зачем. Как и *почему*!.. Потому что это – и не он! – Улыбнулся Александр, ловя очередной же все и шок в глазах и на лице девушки: но и сам же уже, в этот раз, куда и спокойнее начав перестраиваться; как и даже ни одной бровью не повел. – Граффити – Егора. А картина... *Влада*! – И пожал плечами, усмехнувшись. – Ты же наверняка заметила – он *очень* любит: быть *не* собой и подделываться-выделываться. А уж если и *Егором* – хлебом не корми. Это уже – не прекращается: веками!.. – Округлил он глаза уже и сам, но и только же лишь все в притворном шоке, а там и ужасе: после чего – закатил их и рассмеялся. – Их *борьба* и... «Противоборство». Да и вряд ли уже закончится – когда!..

– А Влад – любил *ее*: «когда»?.. – Потупила взгляд брюнетка и поджала губы.

– Трудно сказать: «любил» ли Влад; и *вообще* же – хоть когда!.. – Задумался мужчина. – Сама же еще-уже видишь – его *образ* жизни, как бы даже уже и не намекает на наличие, а уж и тем более изначально же все еще и на желание: чего-то серьезного. Вроде: привыкания и-ли прикипания... к кому бы то ни было. Люб-ви – к кому бы то ни было!.. «Влюбленности»? Да. Возможно... И были. *Есть*!.. Но: любовь? – И размял шею, выдержав «театральную паузу»: после чего – покачал головой и продолжил с легкой улыбкой на губах. – Он – способен: на нее. Он – *может*: любить; и, вполне же еще не признаваясь, любит. Но и... настолько незримо, без

навязки, что и ты, *даже* ты – не заметишь этого: просто – не поймешь. Он же еще и сам – просто: будет. И *оно* – просто будет!.. Просто: есть и... *Все*. Не на показ! В его же все и случае – личная *жизнь*: только тогда «личная», когда не только *не* публичная, но и почти полностью же все... *обезличенная*. И более того – он никогда ее еще и сам: не признает... *в открытую!*.. – Глянул на Софию Александр и поиграл бровями, мол, «*Неплохо я его изучил?*», на ее оторопевший взгляд, за чем и с легкого же все *своего* смешка возвращаясь к дороге. – Ведь и если его, так сказать, «словить на горячем» – он будет до последнего-победного отнекиваться и говорить, что: *любить не умеет и уметь, а и тем более «учиться» не собирается!*.. И только тогда, в этом же лишь все и случае, ты поймешь: попала в цель!

– Сильно!.. – Оценила София, снимая картину с колен и ставя ее в ногах.

– Ну так!.. – Усмехнулся русоволосый, кивая. – Да и... Не знаю, говорил ли тебе Егор или нет, но... Не один из них, если в чем-то и повторяет другого, «копирует», а в нашем пространстве на четверых, весьма *не* ограниченном, хоть и «с границами», без этого никак, как ты уже и сама понимаешь, невольно, но и начинаешь что-то *перенимать*. Что-либо!.. Но и никто не перенимал: кого. В этом плане «вкусы» у парней – не только не совпадающие, а и полностью различные!.. И можно было бы, конечно, предположить, что когда-нибудь из этого правила вытечет и исключение, как и его

же все подтверждение, просто не могло не вытечь, но и что это была бы и есть: именно Анна? – И скривился, тут же отмахнувшись. – Верится с трудом, *знаешь* ли! Хотя и!.. «*Свежо*» *придание*, да? *Достаточно*: свежо!.. Хоть и верится – так же все: с трудом. Но и я бы все-таки, спроси и ты меня, по- и ставил бы: на тебя! – Глянул вновь на нее мужчина и подмигнул – на ее очередной же все и *не* немой вопрос в карих глазах. – Не в разрезе: любви и... любовных же отношений. А... Дружбы и... Приятельских же все и *взаимоотношений*. Семейных, м?.. Теплых и уютных! Ему – их и как раз таки все: не хватает!.. Хотя, кому их и *хватает*, на самом-то деле, да? В этом смысле и смотря со стороны – единственное, о чем я и жалею, Софи!.. – Чуть потух во взгляде Александр и прикусил свою нижнюю губу: в повинности и сожалении. – Не о том, что *разрешил* вам с Егором быть вместе, а о том, что... «запретил» Владу – не быть в этом; и ограничил его! Запретил будто и *отрезал*, отстранил! Не позволив: *ощутить* этого. А ведь по-хорошему!.. *Второй* по значимости, после любви, идет «дружба»! А я его сам, своими же все и руками, решив – этого *лишил*!..

– Думаю, он и без тебя с этим – *справился*: прекрасно! Ровно, как и с нашим с ним, знакомством. «Сам»!.. – Улыбнулась девушка, подсаживаясь к нему ближе и укладывая свою голову ему на правое плечо: и тут же оказываясь окольцованной освободившейся от руля его той же рукой. – Прости за... те слова!.. – Попросила прощения она, перенимая

палочку повинности от него же. – Я не должна была!.. Ни к тебе. Ни к папе... Вы сделали – все правильно, несмотря ни на что! И вырастили-воспитали – замечательных детей: себе же под стать; на замену и... смену. Если *кто-то* и делает лучшее в жизни «своей» единожды, то вы делаете – разве что худшее!.. – И, ойкнув от легкого щипка за правый же все, только уже лишь и свой бок, София с обидой уставилась на вновь спокойного и даже серьезного, ничего не понимающего мужчину. – И то: *никогда!* – Чем, к слову, затем и заслужила его «расположение»: легкое поглаживание; но и сразу же вернула ему – его же «тычок» в ребра. – «Лучшее» – *им* же, кажется, лишь на первых парах. И тут же – только: кажется. Ведь и когда все же выходишь из «зоны комфорта», своего и лично-лучшего пространства – тогда и понимаешь, что все было: к нему же; к лучшему. И так: как надо. «*Что ни делалось!*...». И трава зеленее – не где-то там, а под этими же все самыми, своими ногами: высаженная же такими же руками и *для нас*; на все пространство!.. До и после. К горизонту. И *за!*.. – Выбросила свою правую руку перед собой София и очертила полосу света за машинами, где когда-то еще была тьма. – Спасибо, что ты был: в этом. Был – тогда; и есть – сейчас. И будешь: завтра! Спасибо – *за нас* и... меня!.. – И вернулась к нему взглядом, как и обеими же своими руками, ухватившись ими после за его талию. – Ведь и, по факту, ты чуть ли и ни единственное отличие и различие, видимое невооруженным глазом, между мной и... Анной. И

как «апофеоз» – моя причина и мотивация: жить дальше, дольше и... глубже!.. Причина – жизни: и *сохранения* ее! Как и: равновесия, баланса и... гармонии. Мира... и *согласия*: в доме и семье. И... *Вообще!*..

– А ты – моя причина!.. – Поцеловал он ее в лоб, не отрывая взгляда от дороги и только крепче приобнимая, прижимая к себе. – Где бы я был, если бы тебя не было?.. Вот, ты не знаешь, а все те века и годы, до тебя – я тупо, просто же *тупо*: выживал и существовал. А появилась ты – и я зажил!.. А *как* зажили: ребята? Ты не представляешь! И не представишь!.. Без тебя – попереубивал бы их... *обоих*: Егора и Влада. *Никиту* бы – только лишь: оставил; *тут* – бесспорно! – Хохотнул Александр, тут же «получая» повторно, но и сильнее же уже *вдвойне*: и за них же *двоих* – правым ее кулачком в его же все такой же бок и ребра. – Кто дерется с водителем?.. Нельзя водителя отвлекать, *кнопка!* Нельзя! – И, быстро отведя взгляд от дороги, оставил поцелуй на ее макушке и в волосах: от которого девушка сразу же завозилась и рассмеялась, и только подумала сделать что-то в ответ, как и тут же почти притихла, лишь и заметив: *как* посерьезнел его взгляд; и как он, будто бы же еще и *нехотя*, «каменя и леденя», был отведен на дорогу. – Но – *так* и есть! Все, что перечислила ты и что оставила *на подкорке*, создала и возродила во мне – ты. И «взаимно» – их же: и получила. Без тебя бы – этого всего: не было бы!.. И я уверен – в этом. Как и в том, что и не *будет* – не будет в этом: и тебя. Не

стань вдруг в этом – тебя. Поступи и распорядись с и этим всем – правильно, хорошо?.. – И брюнетка кивнула, хоть и со словами так и не найдясь: как и с желанием – перебивать его и отбирать же слово. Александр же, на и эту же ее еще и прямо-таки потерянно, *впервые*, улыбнулся и скопировал ее кивок: подтверждая сим свои же слова; и ее «действие». – Ты – примешь правильное решение, как и *себя*, собственно: если слушаешь... себя. *Договоришься*: с собой!.. А и перед этим же еще – примешь и полюбишь *так*: как мы любим тебя. Без этого – ничего не получится; и *волшебства* не будет! – И широкая улыбка – потянула уголки его губ, пусть и глаза продолжали оставаться: вдумчивыми и серьезными. – Только – взаимность, Софи! Она же тебе – и возвращается. Когда ты поймешь, что *достойна* любви, а не боли, разочарования и отчаяния, мучений – она к тебе и вернется, удвоившись; а то и *утроившись*. Сказка – может стать *былью*, если мы сами ее в нее и претворим!.. *Сами* сделаем для нее – что-то; *хоть* что-то! И она сделает *что-то* – для нас. Она – не окажется у тебя в руках: пока ты их ей сама ни протянешь!.. А перед этим: и ни раскроешь из *кулаков*! – И София тут же разжала ладони, понимая, что уже даже и неосознанно, на автомате – превращает их: в нападение и защиту; продирая же еще заодно и ладони ногтями, сама того не ведая: не от и напряжения, а просто-напросто привыкнув к постоянному отстаиванию *себя* и «защитной позы». – Не перестанешь: и обороняться, защищаться! *Верно!*.. – Усмешка,

больше похожая и на незлую насмешку, сорвалась с его губ, а девушка надулась: от его знаний всего и по всем. – И смотреть «волком» – на весь этот мир, позволив *кому-то* разгрузить тебя в этом; сделать это за и для тебя, Софи!.. *Позволь!* – Тут она припомни-вспомнила и все свои отказы, в сторону же все и Егора, когда он предлагал ей помощь, а она *пользовалась* «самостью»: лишь и в *своих* же только целях; забывая вдруг, и *ой, как удобно*, в такие моменты о том, что «танго» – танцуют двое. И, поджав губы, грузно выдохнула: с очередного же кивка – вновь соглашаясь с ним и... на все. Да!.. Он действительно знал их всех лучше, чем и кто-либо, когда-либо. Вызнал и заучил: от и до!.. И глупо же было артачиться и ерепениться, в самом-то деле: так еще и когда это все перед тобой – на блюдечке... с *серо-сине-голубой* каемочкой. И без семи пядей во лбу – и глупцу же понятно!.. Как и ежу. Жаль, вот, только – и не самой же пока ей: принято-приятно. Но и, может, хоть таким уже образом и время так же все реально пришло – разобраться в себе да и так же все хоть что-то в себе же и поменять, изменить и... перестроить, пересмотреть?.. – И ты увидишь – как все сразу становится и станет: просто! Заиграет; и новыми же *красками!* – И брюнетка вновь кивнула. Он же все, не читая ее мыслей, читал ее по строкам и... между них: и разве что только это ей менять, как раз таки, и никак не хотелось; быть открытой книгой – для них и *от* них, уже и... *для* себя, «из-за» кого-то и... с *чего-то* же начиная. Разве – не прекрасно? Не стоит

того?!.. – Просто и легко!.. *Не* по щелчку пальцев! – И София нахмурилась, вспомнив его слова: про *вошебство*. А как же – по-другому и... *иначе*, если и не так: оно происходит?!.. И он сам уже, увидев даже ее замешательство, хрипло рассмеялся, убеждаясь вновь и вновь в своих словах: что и выразил ими же, но и уже ей самой затем. – «Ребенок»!.. Оно *таким* – и было! Просто *настало* время – проникнуться и... углубиться: увидеть это – и тебе самой!..

– Ну ладно тебе, Егор!.. – Фыркнул Влад, обращая уже и свой янтарный взгляд на него и тут же показывая им же: *насколько* он прямо-таки и проникся «братской атмосферой»; но и не тишиной и молчанием в салоне – все эти без малого полчаса дороги. – Я ведь и, правда, поверю, что ты – из-за *нее*!.. – И кивнул своей рыжей головой назад, *не* намекая: на их «одноклассницу за задней партой». – Со мной сейчас – не разговариваешь. Не опускайся – в моих глазах: ниже плинтуса! Ты, что, *хотел* быть – на «моем» месте?!..

– Ну, главное, что: *не* на ее!.. – Отбил блондин, не сводя уже и своих глаз с дороги: влившись не только в поток машин, но и слившись с асфальтом «сталью» их взгляда. – И *кто* еще – «опускается» в глазах, Владислав! *Ниже*: тебя?.. – И искажил губы в гримасе отвращения. – Некому. И некуда!.. Ты же уже – все *дно* собрал: все же его – слои; и *разом*!

– Но и... Мог бы – и «Спасибо» сказать, между прочим!.. – Нахохлился тот и скрестил руки на груди, отвора-

чиваясь в обиде к окну: справа от себя. – Я ей, так-то, отомстил: за тебя!.. *Трахнул* – зло! – И тише затем еще добавил, уже и себе под нос. – Да и... в *который* раз же: уже! За меня бы – кто *так* мстил; и ото-мстил!..

– Что ты там шепчешь, «мстителю» херов? – Глянул на него мельком Егор и истерично рассмеялся. – Серьезно, что ли?!.. Это *так* – у нас теперь «мстят», да? О времена, о нравы!.. – И грузно выдохнул, покачав головой: перед тем, как и возвести лицо к небу и грубо сматериться. – К *твоему* сведению, то самое слово – применимо в связке со вторым: если *имеет* под собой значение – ударить или побить. Но – не первоначальное, которое *никак* с мезтью: не вяжется. Совершенно!.. Ты же просто, в *который* раз, утолил свои потребности, животное! – Резкое торможение!.. Но Влад успевает положить перед лицом, на приборную панель, свою правую руку: и смягчить встречу – между собой и ней.

– Глупо было, с *твоей* стороны, предупреждать – об этом: перед тем, как и повернуть это; и не увидеть «эпика»! – Хмыкнул он, чуть приподнимаясь и разминая лицо. – Я и до этого, без тебя и твоих предупреждений, влетал: таким образом. Пусть – и в спинку кресла, с обратной его же стороны: но и тоже ведь – мало приятного.

– Так, чего ж – руку-то все-таки положил, если уже «влетал»? – Оскалился Егор и изогнул свою светлую правую бровь, глянув в его сторону. – Не страшно же!.. *Повторно!*

– Ты сказал – я и положил!.. – Развел руками в стороны

Влад.

– Какими мы – *послушными*: стали! – Повел уже и обеими своими бровями блондин и обратил все свое внимание на парня, чтобы затем резко дать *по газам*: и таки впечатать его, пусть уже и спиной, как и затылком, в кресло. – Ну хоть и какое-то из моих умений, передавшихся... этой дряни, не вернулось *свиньей*; и не встало комом – в моем же горле!

– *Бить* – меня?.. – Шикнул рыжий, потирая затылок и шею своей правой рукой.

– *Рога* – забивать!.. – Глянул на него со злобой и прищуром Егор и тут же перевел свой темно-синий взгляд на дорогу. – Обратно. Кости – к костям! И я не поэтому... хотя, нет, *поэтому*... как и она же все, видимо: чуть светофор ни пропустил. А потом – вспомнил. *Резко*!.. – И округлил глаза: в притворном удивлении и шоке. – Она – забивала; а я – выбиваю!.. Как и всю «дурь»: из тебя. *Перетягивание каната* – на современный лад. Как и твое: «мщение»!.. – И, отняв все же руки на миг от руля, показал в воздухе кавычки, вернув их затем на место. – Весело!.. Да. И *только*!

– Я *не* изменял – нам; и *нашей* семье!.. – Сбавил обороты Влад и принципиально уже, прямо и ровно, глянул на Егора: который лишь мельком смерил его непонимающим взглядом, ну а после – качнул головой и отвернулся вновь к дороге; чуть только и *сильнее* же все прежнего сжав руль. – Тебе – *не* наплевать!.. Не пытайся сейчас...

– *Исключение* из правила – должно было быть!.. – Вновь

передернул плечами блондин. – Как и «урод»: в этой же самой все и *семье*! Без них – никуда. Ну а... Из-ме-на! – Протянул он по слогам, но и скорее выскреб-процедил сквозь зубы: повторяя в этом – самого уже Влада; но и в то же время – нет. – Как таковая – была делом времени. И *стала*!

– И это *ты* же мне сейчас – «это» говоришь? – Раскрыл глаза уже и рыжий. – Ты, *Егор*?!.. Так, блин, «спокойно»; и об *этом*? Обо *всем*... *этом*; и *мне*! Ладно!.. Лад-но... – И горько усмехнулся, всплеснув руками. – Да, мне – «плевать»: на все! На всех и... На вся!.. И я *не* цепляюсь: ни за оболочки, ни за насыщение... Ни за что; и ни за *кого*! *Не* навязываюсь – и кому-то. И *не привязываюсь*: сам. Да!.. Если *им* не «плевать» и не «наплевать» – это их же все: и проблемы. Но... *Ты*!.. – И глянул вновь на него, сузив свои янтарные огоньки: в обиде и разочаровании. – Ты – *мой*: брат. Да, *не* родной. И да!.. Но и *так* – легко!.. Так и... *спокойно* – списал *меня*: со счетов? Сам. «Балласт», да?! Как... *Данность*? И... «Само собой разумеющееся» же? Серьезно?!..

– А *что* мне еще – оставалось делать?!.. – Изумленно уже и *сам* окинул его взглядом Егор и начал перечислять, специально уже даже и сорвав свою правую руку с руля: загибая, и перед прямо-ровно его же лицом, свои пальцы. – Ты же – не соответствуешь: ожиданиям! Делаешь – то, *все*, что тебе заблагорассудится; и только лишь: *тебе*!.. Не понятно же, *что* вообще от тебя, в таком случае, ждать! А ждать можно и нужно, *надо* – все и всего же, вся!.. Ты же – на все спосо-

бен; был и есть! Что тебе стоило – поступить *не* так, а иначе, м?.. – Сгримасничал он и сморщился, убирая после все же руку и вновь на руль. – «Примкнуть» уже и к *Розе* же все, к примеру?!

– Ничего...

– *Вот*: именно!.. – Перебил его блондин, ставя точку: но и там же все уже была и *есть* – далеко не она; *не* она одна. И не за *ним*!.. Как и крайне-последнее же все слово.

– ...не стоило: *мне* бы! – Продолжил и сразу же отрезал рыжий, проведя еще затем и в воздухе прямую указательным пальцем своей правой руки: отсекая и делая тут же акцент на этом. – Ни-че-го. Но и почему же все и тебе *тоже* – ничего не стоило: так и *именно* же все «так» – подумать обо мне, так и «посчитать», в отношении же меня!.. Почему *тебе* – вдруг стало: плевать и на-плевать, м?! *Не* на все и всех, вся: *как* мне. Не на *это*!.. А на «ячейку общества», в которой и ты, блять, тоже: произрастал! – Прорычал затем он и ударил правой рукой по ручке двери: с той же все и стороны от себя. – Вместе со мной. И *Никитой*... Ксаном! *Где* тебя: растили и воспитывали. *Дважды*, заметь!.. *Заметь*, да, и вспомни, что ты – один из нас: более-менее «устроенный» – по жизни!.. С самого же ее, сука, начала! – И, сам уже даже и заметив, как меняется его лицо, переходя в состояние готовности вступить в распри, а там и словесную перепалку, он тут же сделал предупреждающий выпад. – *Нет*, ты – дослушаешь!.. А после – скажешь все, что хотел, до и после,

сейчас и... *здесь!* И видится мне, что это не София, с твоих же все и когда-то же ей и самой слов, «зажралась»; а *ты!* Конечно, почему нет?.. – И всплеснул вновь руками, будучи и как никогда же еще, нигде свободным по ним и ногам: когда же и Егор, как и Анна же все до этого, держал руль!.. И он – его *держал*, продолжая управлять движением: но и судя же уже по тому, как он сцепил челюсти и сузил глаза, пуская мелкие морщинки по углам и желваки по скулам – это была бы явно не причина и не аргумент к тому, чтобы держать его и дальше, обезопасив всех, но и *не* себя; и не поднять с него руки, в любой удобный для *него* же лишь момент, и не врезать сидящему рядом. – И там же все *нашего* Егорку – любили; и тут, поглядите-ка, *не* сюрприз-сюрприз – любят! А *меня*, что там, что и этим, «поносили». Во *всех*... смыслах! Но и знаешь, что? Это – не упрек, не вымаливание и жалости, соболезнований и... скорби! Это – *факт*. Фак-т, в котором ты – повторяешь свою «прекрасную жизнь»: *полноценной* семьи! Ну да... *Не* совсем!.. – «Согласился» с ним и с собой же все тут он, но и продолжил же после – так же рьяно и резко. – Но и более-менее, так же все, *все же!*.. Когда у меня же – *и такой*: не было. Да!.. Я был – в семье; и есть же все в ней – и сейчас. Но и что там, опять же, что и тут, я – *юридически* в семье: де юро!.. Де *факто* же – я: в сборной солянке! Чуть-чуть – там!.. – И «вбросил» левой рукой в и сам же *воздух*: перед собой; как приправу. – Чуть-чуть – *здесь!* – *Вбросил* – и правой. – Се-мь-я! – После чего – выкинул под потолок

обе, будто и стоговив таки и таким же все образом: блюдо. – В которой я – не морально... и не физически; *никак!* А ты – был; и *не раз!*.. В *физической* оболочке. И, вполне себе же еще, «правилом»! Вполне себе: и *не* исключением. Которым – и был же все: я. И *являюсь* – им же: по сей день!.. *Юридически*. На бумаге и... «По документам»! Тебя – воспитывали и воспитали, растили и... обучили: *дважды!* Меня же – единожды. Считай же, что: и нет. Ведь и... Какой же все вновь: «сюрприз»! – Прижал обе ладони к щекам следом Влад и сделал вид: «детского удивления и *неожиданности*». – «Ребенок улиц», передо мной, вполне себе: и «семьянин». Когда же и я – был тем самым *ребенком*; и «воспитывался» там же. И в продолжение «эпопеи» – *воспитываюсь*: сейчас!.. Ведь – продолжаю ходить и *колесить*: по земле. Но и если там – это была моя необходимость: как побег *от* «семьи». То теперь – это необходимость *семьи*: в моем побеге – от них! И побеге – ее же: от *меня!*..

– Всего-то – *год*, Влад!.. – Закатил глаза Егор. – Не перебарщивай! Тем более, да и что *тебе* ни говори, *не* говори: что тебе – не понравилось. Ты ж, блин, «знатный кутила»: был, есть!.. И *будешь!* – Скверно усмехнулся он и пожал печами, научившись же уже, казалось, за пусть и не достаточно продолжительное с ним, но и *время*: дышать не легкостью воздуха, а свежестью и мяты. – Чего тебе, опять же все, стоило – не появляться дома: *не* будучи пришедшим-приползшим – из баров и каких-то отелей-мотелей, а... *В принципе!* *Быть*

– вне дома; и страны!.. «Материка»!

– *Понравилось!* Но и, знаешь!.. «Понравилось» бы и куда больше – будь это: *моим* желанием! – Ударил он и вновь же, но и уже самого себя в грудь и правой рукой. – А не, и опять же все, ва-шим: чтобы только лишь вновь же – сплавить меня; и «избавиться» *от* меня. И да!.. Я бы – *понял*: будь это – *стоящей* проблемой. Не знаю!.. Будь я – «потрошителем». И «ради безопасности ныне *еще* живущих»!.. – С видом знатока и пусть и подобия, но и члена же Совета: начал распалаться он. – Но вы – вытурили меня и вытравили: из-за «правды», Егор! Прав-ды!.. – Повторил он, почти и выплевывая-сплевывая уже желчью и собственной же даже цветочно-травянистой кислотой... с ядом. – Которую сами же – и не хотели раскрывать. И меня – проси... Нет!.. – Хохотнул он и поднял в воздух уже и левый указательный палец, покачав им, как и головой. – *Требовали от* меня – заткнуться: тоже. И к чему – это: привело? *Замолчали?*.. Забили: *проблему?*!.. Хочешь – что-то сказать? – И склонил голову к своему правому плечу, полностью затем уже даже и разворачиваюсь к водителю корпусом. – *Что* – не мы едем: в машине... с двумя аки трупками: в розах. С... *точной* копией. Про-с-тите!.. – И вновь раскрыл-расширил свои ярко-янтарные глаза, сыграв притворный ужас: на тихий рык Егора. – *Сестрой*... той, от которой вы все всё – и скрывали. Ну и *братом* еще – ее отца, которого уже и от нас: скрывали и скрывают же до сих пор, не было же *лично* подтверждения, *все!* Мы – по-

грязли: в этой лжи и утаиваниях, недоговоренностях!.. Так что и на каждого, если и не по пять, то по десять – точно придется! И *чем дальше в лес!*.. *Сами* же себя... в этих *щепках* – и зарыли! А ради чего?.. Ради *ко-го*, Егор?! – Допытывался до него он, готовый и сам уже броситься в драку за отстаивание *своего*. – Стоило ли, вот, и *оно* – того? – Но блондин молчал, хоть и хват рук ослабил, как и мышцы лица: не столько и соглашаясь, сколько уходя в себя и свои размышления, выставляя Влада, при том, но и не до конца же еще, оставляя «фоном»; и пытаюсь встроиться и не вылететь, как и из информации, так и из шеренги машин – перед и за ними. – У тебя – были: родители. Бы-ли! И *есть*. Да-же... Три. И!.. Тро-е! – Настаивал Влад, но держал себя в руках: хотя очень хотелось ткнуть того ими, если уж и не в грудь, то отвесить подзатыльник. – А у меня?.. У меня – один: *признанный* же все; и мной. А *другие* – нет. Отвергнутые!.. Полность-ю! – Откинулся он на спинку сиденья и грузно выдохнул, пряча лицо в ладонях. – Каждый – в своем; и *за* себя. И стоило бы – посмотреть, что и кто хуже: в этом *тандеме*. Но – не об этом! А *ты!*.. – И вновь сорвался, оторвав руки от себя: полушипя-рыча. – *Так*: спокойно! Без эмоций и... чувств. *Ощущений!*.. Вообще... И совсем! О-хе-реть! Просто же: охуеть! – И возвел свое лицо и руки к потолку, чтобы, и после всего же, «рухнуть» ими вниз и горько рассмеяться. – *Проще* – ненавидеть, да?.. Чем: прощать и... *простить!* «Отказаться», хм, не разбираясь!.. Проще – «убрать» цело-

века: из жизни? *Своей*. И... И все! *Заметь!*.. – И вновь ско-
сил на него, но и уже серьезный и строгий взгляд. – Я, опять
же, не перевожу стрелки на себя, на манер: «*Спасите меня,
помогите!*.. *Терплю бедствие!*». Нет!.. Я обращаю внимание
– на то, что вместо того, чтобы поставить себя на мое место
и признать, что *каждый* косячит, *может* это делать, ты вы-
вел: «*Косячит – один он! Слабое звено!*.. *Прощайте!*». Да в
смысле?!.. – И опять взорвался-подорвался, приблизившись
к нему и заглядывая тому: не только в лицо, но и глаза, ду-
шу. – А с Анной, м?.. А эта херня: с «согласием» – на нее?
Егор, твою мать!.. – И, уже даже не сдержавшись и сам, *в се-*
бе, ударил его – по правому плечу: с левой своей руки. – На
нее! Да, окей!.. – «Переключился». И кивнул, поднимая ла-
дони вверх и перед ним-собой, признавая. – *Четыре года* –
такой себе срок: что туда, что оттуда. Нехорошо и неплохо!
Ни рыба, ни мясо. Но!.. Там же – плохо, совсем и все! А ты
берешь – и *отказываешься!*.. – И ткнул его левым кулаком
под правые ребра. – От *Софьи*. Как и от меня!.. На *щелчок!*
– *Это* – другое!.. – Качнул головой блондин, продолжая
пребывать в своих и только лишь *своих* думах: не замечая
или делая вид и пока, в надежде уже и *ответить* же ему
позже, нападок; как и его же все и «нападений» на себя. –
Не сравнивай!..

– А, ну да!.. – Истерично веселился Влад, всплеснув ру-
ками и откинувшись обратно на сидение. – Там-то – *спа-*
сение. А здесь!.. А *здесь*: от-каз! *Не* во спасение... Не *про-*

тив!.. Прос-то: отказ! И могу же уже даже представить – эти баталии: в твоём мозгу!.. – И прокашлялся, стараясь выдать все последующее, не прерываясь: и голосом же – Егора. – «Так!.. Собираем цепочку – из семи излюбленных грехов. Твоих, Влад! Плюс: пара-тройка – твоих же все; и вне. И нанизываем их – на девять колец и кругов ада!.. Которые, я надеюсь, потом – тебя же; и задушат. Измена семье. Раз-два. Предательство братства. Три-четыре. Проброс моралки через материалку. Пять-шесть!.. Еще что-то? А!.. Сестра! Сестра-близнец!.. Все семь-десять, блять!.. Ведь и вместо того, чтобы ненавидеть ее, как мы, он же ее трахает. А может?.. Он и Розу – так же? Почему нет?!.. “Любви же – все возрасты...”. А с Влада?.. Ха!.. А что с него и еще же, иное – взять? Он и любить-то – не умеет. А Анну с Андреем – убрал: чтобы пыли в глаза пустить; а самому – с Розой остаться. “Выбелит” – и будут жить: припеваючи! А про тот... первый инцидент – он все придумал!.. Или докрутил... про побои: чтобы мы ее – возненавидели. А у самих – такие ролевухи!.. Извращается, как может!». – Выдохнул рыжий и вдохнул снова, восстанавливая силы после эмоционального, на срыв и разрыв всего же и вся, монолога. – И не на секунду!.. Не на секунду – не просочилось же что-то вроде: «Ну, может, он – не такой и плохой? Может, я перегибаю?.. Может, в этом есть – какой-то иной посыл-смысл: помимо того, о котором я думаю... постоянно?!.. Что он – плохой. Самый... плохой: из всех возможных! И что его – не

исправить. Не изменить!.. Не понять. И не простить!.. А только лишь: хоронить и... хоронить! Пох-оронить. И на-, заживо!..». – Хмыкнул он и покачал головой. – Ты же даже – не пытался!.. Пусть уж даже если – и не принять, то... *Но!.. «Понять».* *Разобраться*, в конце концов! Ты – рубил же и рубишь: сразу!.. И количество хороших поступков – как не котировалось, так и не котировается же; *не... было... важно.* Один плохой, но ведь и качественно – и все! Бас-та!.. К хренам! – И выбросил вновь руки перед собой, словно бы и избавляясь от грязи или пыли с себя: с отвращением на лице. – Зачем?.. Плохой однажды – плохой и дважды, да? А там – и трижды; и *всю жизнь!..*

– Я – *пытался*, Влад!.. – Нахмурился Егор и покачал головой: затем нервно провел левой рукой по своим волосам и облокотился на спинку кресла; локтем ее же – «встав» на «подоконник» двери с открытым окном, *слева* же все и от себя, ну а правой – продолжая управлять и управлять-ся с машиной: «одной». – Все же эти: годы; и *века!* Но... Ты же видишь и *сам* – себя! Видишь *себя* – и в зеркале; и не только!.. Все же это время, все это... и *ты* – летите же: в ебенья! И да!.. – Согласно кивнул он, пожав плечами. – Я тоже – не безгрешен. *Кто:* из нас?.. *И вообще.* И, вполне возможно, что не ты – и *хуже.* Вообще: *не хуже!* Все-таки же!.. Да. Ведь ты и *не убиваешь:* как в принципе, так и направо и налево. Не устраиваешь и глобальных проблем – тому же все и Ксандеру в разрезе... Земли. И, черт бы ее побрал, «вселен-

ной!»! – Ругнулся все же он и фыркнул, поджимая губы. – В формате же все... *мировых* масштабов; равновесия и баланса, *гармонии*! Но ты – и не делаешь ничего: лучше. Не *даешь* нам – увидеть это, то есть!.. Не предоставляешь и *простора* – для... сравнения! – И обратился взглядом к нему, спокойно и даже смиренно признавая факт. – Что же *нам* и остается – так это сравнивать: не самое плохое и *самое*.

– Я не «даю вам это увидеть» потому, что вы же *сами* не даете мне этого сделать!.. – Отчеканил Влад и отвернулся к лобовому стеклу, цедя-прореживая теперь уже и сам взглядом дорогу. – И о каком «просторе для сравнения» вообще – идет речь?.. Если у меня как не было, так и нет – простора: для фантазии и воображения?.. В *хорошем* смысле! И вы же все сами держите меня – в рамках и гранях: *утыкая* еще, время от времени, в них же; и не выпускаете – из них! «*Тут – не смей. Там – не лезь. Здесь – нельзя!.. Этам-тут-здесь – не трогай. К той – не подходи!.. Этой!*». – Сгримасничал вновь он, еще и спародировав их же уже и всех по очереди, и сплюнул: но и *его* же уже «солью». – Чего там – далеко и глубоко, долго ходить, да? Вы – *ангела*: от меня прятали! Когда же и Полина, вполне себе, *органично* вписалась – в наш этакий же еще-уже и *темный*... «квадрат». И хоть София *все еще* – и наполовину!.. Но и на главную же *все же*, большую часть – она... – И задержал дыхание, вдруг и выдохнувшись же совсем, что и Егором же, в свою очередь, *вновь* явно было воспринято неправильно и он призывно покашлял, *не наме-*

кая на продолжение: но и не на восхваление и поклонение, тем более *вдохновение*. – Она – и есть: ангел! Но и она же – *похожа*: на Анну!.. И да!.. Это теперь – мы *знаем*, что: они – сестры. Близ-не-цы... Но!.. По-хо-жа же! – Повторил он по слогам и искажил губы в злорадной усмешке. – А я же *еще* тут – и всех выдам, подставлю!.. Что может сделать с этим – ангел? А что – и *демон*?.. А что – демон *и* ангел? Ангел *и*!.. «Диоды» – в ее нимбе: сменить? *Идиоты*. Крылья – «почистить»?.. Стрелы – наточить?! Нет, конечно!.. – И истерично рассмеялся, что даже и подавился: после чего – откашлялся. – «*Он – влюбит ее: и бросит! Он же – такой: бабник!..*». «*Да. Ведь и, судя же еще по всему, тому и этому, ты и именно, вот, ты теперь – в его вкусе*». Правда, что ли?.. – И глянул на Егора, изогнув уже и свою темную левую бровь, поджав правую. – Вам самим – не смешно: это? *Тебе!*.. – Сделал вновь акцент он, повернувшись и не сводя теперь своих сощуренных янтарных глаз с парня перед собой, который поднял левую кисть к лицу, удерживая руку на локте, и коснулся губ указательным пальцем, раздумывая: с таким же сощуренным, хоть и синим, но и еще же задумчивым и хмурым взглядом, обращенным к дороге. – Применительно: те-бе!.. Черт с ним: с «повторением»! И что я – *отобью* ее: у тебя!.. Черт и с ней: с цикличностью! Которую я, к слову, как не замечал, так и не заметил. Я только лишь Софию – и видел!.. – По словам продекламировал последнее предложение Влад, оставляя за ним: *большее* внимание. – Но ты – *видел*; и ты –

думал! Более того – знал: «*Он-то!..*». Я – *могу!*.. Что я мог – пойти: на такое. Опять же все: как... *плохой брат!*.. – Усмехнулся уже как-то же даже и измученно он и потер свои глаза обеими ладонями. – Но – на *одни* и те же грабли, серьезно?.. Я «настолько» – ограничен: в твоих глазах? Или настолько же все, но и, как раз таки, не органичен: ты?.. Что и до последнего-*победного* – не рассматривал: иной сценарий; и не рассматриваешь же все – до сих пор! Где мы *с ней* – подружились; и где бы я ее – спас: пока и вы же все как блюли, так и блюдете, не *блюя* – хрен пойми кого!.. Тот же все и *Совет!* Когда, и даже ведь ее «брат», *собственный* брат, вместо того, чтобы забрать и спрятать, хотя бы и у нас... с собою же все и Полькой, дитем-детьми, например, и на виду же все у нас, не прячет и не укрывает, уходит и... укрывается сам. Прячет-ся: сам! С ними. Но и: *не с ней!*.. Да и где же еще, а? У нас же. Ха!.. *Без нее!* Да-к еще – и под носом Розы!.. Серьезно?! – И в очередной же раз всплеснул руками, ударив ими по ногам. – На *площадь* еще – не выходил? С ней!.. Или без *нее*. Прогулялись бы! Чтобы вообще – не палиться. Ни капельки и... Ни граммульки! – И вытянул перед лицом Егора свою левую руку, показав «ничтожно малое» расстояние между указательным и большим пальцами: в моменте же еще отвлекая того от «себя» и своих же мыслей – на то, чтобы отшвырнуть ее обратно с правой: дабы не мешал-а обзору. – И никто же не задумывался, до этого же все самого момента: «*Почему ее родной отец – не укрывает?.. Почему –*

и не знает о ней? Что с ней, и в действительности, происходит!..». Как Каринка... *наша* же все, к примеру. Все – знает. Всех – укрывает!.. Почти – переехала уже к нам, *бедняжка*: чтоб Софку не палить и Полинку не тиранить!

– Что ты хочешь от меня сейчас и здесь услышать, Влад? – Не отводя взгляда от и с дорожной полосы, спросил Егор: вымотанный впервые, казалось, настолько и во всех же формациях, что даже тон голоса поднять не получилось; не то, что выдать уж и какие-то хоть, пусть даже и не схожие с тем, но и эмоции и-ли чувства, ощущения!.. Да и не физически же, а морально. – Что я сожалею, что мы: *скрывали* ее – от тебя?.. Применительно же все: *я*; как ты и сказал! Что не хотел – «повторения»... *прошлого*? Не хотел, чтобы она подумала, что я ее «заменяю»?.. Она же все равно – подумает и поймет; *прознает!* – И грустная, в то же время и грубая усмешка – сорвалась с его губ. – Но – *хотел*, чтобы это было – позже; и чтобы я, именно *я* – успел все объяснить? Правильно – растолковать; и донести!.. Что не хотел терять, стоило тебе появиться – и «все» ей рассказать? Что *хотел* сам, но: подготовившись; и будучи готовым – ко всему и вся, всем? «*Это же – невозможно!*»!.. – И покачал головой, ненадолго прикрыв глаза левой же ладонью, чтобы после сжать ее кулаком и опереться на него головой. – Невозможно – быть готовым: ко всему; как и к чему-то отдельному и... определенному. К *разрыву* же все и... «очередному», например!.. – И ударил по рулю правой рукой со всей дури.

– Ты бы мог мне – *просто...* об этом... «сказать»!.. – Поймал его яростный темно-синий взгляд своим уже, но и куда более спокойным и «тихим» рыжий, но и после чего же почти тут же отвел его в сторону: продолжая серьезно, пусть уже и не злостно-жестко. – Что *не* хочешь, чтобы я тебя «сдавал». Черт, Егич!.. Я бы – и без *этого...* всего: *не* сдал! – Твердо отсек он и поджал губы, качая головой. – *Да*, прикинь!.. Даже, *тем более*: если бы ты мне об этом, да и *в принципе* не сказал; но – *оставил* тут. Как и все!.. Просто – предупредив... «заранее»: *что* ты делаешь; и сделаешь это – сам! Не мне же, так еще и *тебе*, разъяснять: «семейные заветы» и... «брат за брата»?.. – Ухмыльнулся он, слыша то же самое в затылок, но и с какой-то все же еще: горестью и отчужденностью. – Я бы – *сделал*: это!.. Не искал бы встреч. Не пытался бы – и «совратить», *перенять*: на свою сторону!.. Честно! Мне – не нужно это: было! И *не* есть!.. В последнюю очередь – я бы хотел: навредить тебе; и ей! Если бы и вообще: захотел; и *стал*!.. – И округлил глаза, сам еще и от себя же в шок, но тот этого не увидел: разве почувствовал – его же напряжение и недоверие... к *себе*. – Я бы скорей – себе навредил и сделал все... *самое* плохое. Но!.. Не с тобой и ней. Не с вами и... всеми!.. И я не просто же так – ее сейчас и вообще: *выделяю*! – Вернулся взглядом к Егору Влад и кивнул на его немой вопрос. – Не потому и... что прямо-таки и *хочу* сейчас «выйти» на полном ходу; или снова пройти «недополет» вперед и... *полный* назад!.. – И блондин рассмеялся, куда доб-

рее, по-доброму, *да*, и... впрямь дружелюбнее, да и по-братски же еще, что ли, отмечая затем уже и своей головой: это все. – Вылететь и в любовое! Я говорил тебе – об этом тогда, в мастерской, но ты опять, *снова* все переиначил и сделал на свой лад, увидев под «своим» углом, *верно* и... «правильно», для себя же все и... преломив, прочитал и между строк, но там *были* «строки»: черным... *по белому!*.. Без двойных смыслом. И *стандартов*. Без и подтекста! Да. Мне – нравилось... и *нравится*: с ней общаться!.. – Проговорил он, начиная буквально и будто бы еще «прощупывать» *почву*: на дальнейшие шаги... в «Сапере». Не без и *своей* влажно-рыхленной земли!.. Да и пока же только – не «прочитывая»: наблюдая и следя. И, лишь словив его напряженный прищур, поправил себя же. – «Дружить», да? Друж-ба! Дру-зь-я!.. – И выдохнул затем, вместе же с Егором, поймав себя на мысли, что, вот, и только же лишь что: чуть ни был затоптан, а после чего же еще и сожран *Грифоном*. *Хагрид* бы ему этого – никогда: не простил!.. В его же все и случае: Ксан. И не простил бы... *Владу*: за и саму же неточность формулировок; ну и *собственную* же ошибку – в этом. – Мне – *нравится*: это! Нравится – *она*; и это же *все*... в ней. И я не знаю, так ли это?.. Но и я будто же еще и сам – *лучше* становлюсь: когда имею возможность!.. – И закусил свою нижнюю губу, как-то даже же еще и разомлев-порозовев, а Егор вытаращился на него, как на еще одно же чудо... в перьях, точнее из и чудес света, что и чуть ли ни рвалось уже даже и само в дра-

ку, как и из машины, минутой ранее, а сейчас – так спокойно и мирно, нежно и мягко говорит про... *его* же девушку!.. Но и почему-то же все в этом, *именно*, как и в этот же все миг-момент – ревность молчала, как будто так и надо, полюбив-*поверив* вдруг, ни с того ни с сего; так еще в и *тишину*. – Переговорить – с ней: о чем и ком угодно. Да просто даже – взглядом: встретиться!.. Я не знаю, *что* это; и почему *это*. Но!.. Я чувствую – это; и *ощущаю*! И если тебе и стоило за что-то *сожалеть*!.. – Вернулся в серьезность и какую-то даже напускную, *по случаю*, злость Влад. – Чувствовать... вину. Так за то, что, возможно, я мог – и *не* встретиться с ней. Не выпал бы просто: случай. А Роза!.. – И уже Егор сдержанно рыкнул, похрустев костяшками пальцев. – *Да!*.. Закончила бы – все это, так и *не* начав: с нашей же все... и *общей* стороны. Вы бы – просто: продолжали ее скрывать; и до-скрывались бы. Без: «в». И *все же!*.. До *всего* же этого, да! Но – и без Софи. Ну а я бы, в свою очередь, просто – не простил бы уже и тебе самому этого, лишь только и чуточку же все, *как* и им же все... *всем*, Егор!.. – Сцепил челюсти рыжий, глядя на блондина из-под бровей. – Вот, что угодно: но – *не* это! И не прощу, если ты согласишься – на эту суку; и оставишь Софию: без себя! *Не смей*, понял?!

– Да я бы и сам – не простил, *брат!*.. – Хохотнул Егор, беря управление машиной теперь в левую же уже руку полноценно, в то же время, как и правой, кулаком, стукнув Влада и по левому же его плечу: решив сразу пока и не выдавать-воз-

вращать ему все его же «подкаты» к нему же; *хорошего* же – понемногу. – Не простил бы – себе; и себя. Ни в том, ни и в ином, другом случае. Я... Я – не знаю, представляешь!.. – И расширил-раскрыл уже и свои посветлевшие глаза, будто бы только же лишь и сейчас, *здесь*: пробудившись ото сна. – *Не знаю* и до сих пор: почему именно, да и так же еще резко, согласился и сказал то, что «сказал». Это как!.. Как «на автомате», понимаешь? Вылетело-выстрелило!.. И все! – И продемонстрировал это еще даже, приложив правую руку к груди и тут же выкинув ее вперед. – Желание: защитить и... уберечь. *Спассти!*.. Я даже отчета себе не отдавал – в этом, как не отдаю же все и сейчас, как не ведал, так и не ведаю же, *черт*, что творю, веришь? Будто... «Выпал»: в том моменте!.. А вернулся – когда она, до тупого, обсмеяла меня. На смех подняла, дрянь!.. – Сплюнул он желчью, проглотив же уже даже и шалфей... с лавандой, *почти* и не поморщившись, и ударил уже даже и обеими руками по рулю. – Я же *знал*: с кем имею дело!.. Знаю – и *сейчас*! Но и на тот... конкретный момент и отрезок же времени: мне вдруг и показалось, что в ней... будто бы... и проснулась совесть; и она согласится на этот... *бартер!* – Сконфузился Егор, вызывая смех у и самого же уже рыжего. – Дашь на дашь!.. Чего *не* произошло, конечно! Опять же все: я знал, *с кем* имею дело. Но!.. И вот это же все... неутомимое-лимое желание... надеяться на лучшее и... жертвовать во благо!.. Не готовясь и к худшему...

– ...разъебет нас когда-то на части, брат; и в одночасье! – Фыркнул Влад и теперь уже даже и сам вызвал одобрительный смех блондина, как и его кивок. – Да *я-то* – это все понял!.. То есть. По-ни-мал: на подкорке!.. – И стукнул себя же по виску – соответствующим и левым же указательным пальцем. – Что это – адреналин; или еще какой... химический элемент-процесс. И что ты – *цепляешься* за все: лишь бы не цеплялась уже – она; и к Софи! *То* же еще б... «болото». Но!.. В том-то же и дело, что в *этом*: были «мы». А она?.. Что бы ты – *ей* сказал, согласишься уже и Анна... на «это»? – И оперся на кулак левой руки, вставшей ровно в такой же подлокотник, и уставился серьезно на задумчивого Егора: будто из партера же теперь и следя за театрально-драматической паузой – перед очередным монологом *одного актера*... на сцене. – Как бы это – выглядело?.. И выглядело *ли*?

– Хочешь сказать, я уехал бы – не попрощавшись? Без *прощания*?!.. Если уж и: *без прощания*! – Прищурился блондин и глянул на него с непроницаемым выражением лица: даже ухмылка не исказила его. – *Поматросил и бросил*, так ты себе это представляешь?

– «В закат»; и с Анной? Почему нет?!.. – Пожал плечами рыжий, будучи же еще и на серьезном голосе, как и лице: вот и только же все – стараясь не заржать и *сразу же*: от удивленного и, между тем, доверчивого и, в очередной же все раз, *поверившего* ему взгляда напротив. И ему *так* захотелось, ко всему, и глаза же еще закатыть, но *та* обида поти-

хоньку отмирала, да и итог его «сценки» – должен был скрасить эту нелепую заминку между ними; так что!.. «*Ладно!.. Прощаю*». – Я бы – и не удивился! Как и тому!.. – И его губы исказились в животном и голодном оскале. – Что твой мозг и сердце – уже были бы, к тому моменту, распакованы и расфасованы по шкатулкам и-ли пакетам: в багажнике!..

– Придурок!.. – Пнул его, теперь уже и локтем правой руки под левые же ребра, Егор. – Я же... *Я* же уже – чуть было: ни поверил!

– *Что?*.. – Никак особо не отреагировал на этот его «пиннок» Влад, только и вновь же все спокойно вскинул свой янтарный взгляд на него, как и темные же брови под линию роста волос, расположившись ровно на кресле и лишь головой-лицом повернувшись к нему. – Что я могу *так* о тебе подумать? – Кивок. – Тогда и сразу же вновь заметь и то, что я *никак* не отреагировал на твое же уже и «*Поматросил и бросил*» в мою же сторону: не *рассмотрел* это – как «шпильку». *Почему-то* смог – представить это, что ты *мог*, и «смог», подумать и сказать, выразиться-оценить меня: *так*. А «почему», Егор?.. И *кто*, действительно, плохой: из нас двоих... *здесь?* Не беря в расчет – *тех*: «на задних партах»!

– Прости, Влад!.. – Грузно выдохнул Егор и потер глаза своей правой рукой. – Да... Такой я себе и за *себя*, «брат», конечно! Но!.. И ты же – *не* лучше! – И вновь встал на дабы: впадении, а там же еще-уже и защите. – *Согласись!*.. И я же соглашусь с тем, что зря *так* думал о тебе; и был о тебе

же – такого и не, *не* мнения. Но... *Да*. Бы-л!.. – Кивнул он, выделяя *прошлое* время и... еще немного повинившись. – *Прости!*.. Может, ты и прав, что *и* я сам забивал в тебе – эти повадки альтруизма, не давая простора! Не смотрел и не видел!.. Равно, как не слушал-слышал. Я... постараюсь: исправить это. Постараюсь – и исправиться, побороться: с этим. Как и *за* тебя!.. Пусть даже, а там и «тем более» – мы так с тобой и не все, да и до конца же еще обсудили. Еще – *то* же и за «Анну»... год назад!..

– А девчонка-то – в тебя пошла, как думаешь?.. – Усмехнулся Влад и сразу же продолжил-дополнил, «поясняя»: под непонимающим взглядом того же. – *Могла б* – «пойти», во всяком случае. Или: еще даже... и пойдет. Я – про *Софию!* По стопам: лучших. «Кумира» и... Пар-ня!.. Прикольно. С карьерой-то еще – и *на костях*, так сказать.

– О чем ты?.. – Продолжал же все и недопонимать его блондин.

– Да все – о том же, брат мой. *О том!*.. – И откинулся на подголовник, мечтательно вздохнув и, подняв затем лишь только свой *лучезарный* янтарный взгляд к потолку, прикрыл и его. – Как думаешь, если бы она знала ваш с Анной диалог? Ну!.. Или сама Анна – предложила ей. Как... и *дьявол* прямо, черт возьми! *То*, что предложила и тебе. Но подстроив-переделав, приукрасив: под нее. Что-то же еще и из рубрики: «*Откажись от него, в пользу меня, и останешься жива; вместе со всеми*». Она бы *согласилась*, как ты?

– Теперь – понял!.. – Кивнул Егор и тоже ухмыльнулся, закусив нижнюю губу. – Думаю, что нет! – И поймал на себе хитрый, но и одобрительный же взгляд того: из-под полуприкрытых век. – «Нет»!.. *Да*. Она бы «заложила» – меня и... *нас*! «Заложила» бы – и себя: как-то. Неважно – *как*!.. Но... И *всю* себя! Отдалась бы – в это; и *на* это. Причем!.. – И сделал акцент, подняв правый указательный палец с руля. – Полностью – ликвидируя: «вторую» часть. Выпросив, возможно, *себя* же – в жертву; и себя, как *жертву*. Одну!.. Только бы – она не трогала остальных, тронув лишь ее. Пожертвовала бы – собой, в общем!.. – Фыркнул он, но и как-то же все до боли грустно, даже печально. – Но – оставила бы все так, как есть. «Нас»!.. И *так*, как есть! Мучилась бы – сама; и мучила – себя. Переживала бы – в себе и... *перемирала*: как было и... до. Но!.. *Нет*! – И покачал головой: с легкого... истеричного смешка. – Не согласилась бы – так: *просто* и... «легко». Не отдала бы – все это!.. Отдала бы – себя; и *всю* себя! Но и никого, как и ничего: кроме!.. – Пауза. В которой Егор ненадолго прерывается и обрывает сам себя, замолкая и утыкаясь своим как и никогда-нигде да и ни с кем же еще пустым и стеклянным синим взглядом в белую пластиковую эмблему на руле, и слышит, пусть где-то же и все так же, но и «на фоне», словно бы еще через туман и вату, воду – ехидный смешок Влада. – Вот черт!..

– Теперь – *точно*: «дошло»!.. – Заржал уже даже он и в голос: над растерянным и «ничего непонимающим» теперь уже

и явно-окончательно парнем; ведь и не понимающим уже даже – и себя. – Да вы ж – стоите друг друга! Фактически – ты же *отдаешь*: все свое, как и всю же ее, как девушку и невесту, жену!.. *Не знаю*... – И закатил глаза, отмахиваясь. – *Будущую мать твоего ребенка!* «Детей»!.. И она – отдает все свое, как и всего же тебя: свой «свет» и себя, как... ангела. Членство и в Совете... Свои отношения и... Пар-ня! Будущую же, и с ним все, «семью»... *Нет!*.. – Покачал головой Влад и фыркнул, тут же и «соглашаясь» с собой. – Ребенка-то бы – ей Анна оставила и так; и без этого. Он ей – и не сдался; как и не сдавался. Но вот!.. «Сдалась» бы и она, София, уже и тебе – без всего *этого*; и с ребенком? «Демон». М?.. И... Со-фи-я! – И вновь округлил свои глаза, только и теперь уже как-то и по правде, еще и сам не представляя этого – в реальности: разве только фантазируя и воображая в себе. – Де-мон!.. *Снова* – причем: демон! А *сдался* бы и ты ей – со своими уже: прошениями и просьбами... о прощении? – Сузил глаза рыжий и поджал губы, смотря на и так «потухшего», а теперь еще и затухающего Егора. – Когда она *такое* «заложила»!.. А ты – так легко и спокойно, *просто*: отказался. Пусть – и в защиту ее, *спасение!*.. Но и – *отказался* же! Как минимум – она бы расстроилась, что и не *первая* в этом!.. *Не* успела: сама! А и как максимум...

– ...бросила бы меня? – Дополнил, будто и не про себя, а и *кого-то* там, как и не в виде же все *вопроса* блондин; и тот – утвердительно кивнул. – Я... *думал* об этом. Правда, уже

после!.. И... *Да!*.. После уже того, как сказал и... *обдумал* то, что и «сказал».

– И *что*: надумал?.. – Скрестил руки на груди рыжий, склонив голову к своему правому плечу. – Хотя, нет!.. Стой! Мол-чи... Судя же и *уже* все по очередному твоему спокойному тону – *ничего стр...* «хорошего»! И ни к чему... такому же – не пришел; и это же все – не привело!.. Именно *тебя* и... сейчас. *Здесь!*.. И не «приведет» – *ее* же: после! – И, поджав огорченно губы, продолжил чуть строже. – Так и!.. Что ж. *И* как бы выглядело... все *это*? Ну!.. Твое: «прощание»!

– *Обнадежил!*.. Никак! – Хмыкнул блондин. – Его бы – и *не* было! А *мы* бы – были.

– И ты – *такой* спокойный: потому что... «уверен»?.. Или потому что – *не*; да и еще же ведешь машину: нехотя, чтобы мы разбились, а те бы воспользовались этим и сбежали?! – Егор напрягся, но Влад уже и сам догадался: что к чему. Но и ему же все – нужен был еще хотя бы *один* сигнал, какой-либо: чтобы полностью уже подтвердить-удостовериться!.. И *он* – был дан. «Сглатывание»! *Напряженное...* сглатывание. «Кома» в горле и... *Егором!*.. – *Не* уверен! Понятненько... Так и *знай* же теперь, Егор!.. – Подвинулся к нему с шепотом рыжий и затем гулко прорычал. – Лучше бы ты – разьебал эту тачку сейчас, чем разьебал-ся бы сам... и в конце; *в конце* – всего же этого! – И, отлетев тут же от него, продолжил на повышенных тонах, как и при все той же своей «широте» жестов. – То, что ты держишь сейчас *это* в себе, с такой же еще

спокойной и... *убивающей* меня нахер этим же все самым и «спокойствием»... миной, ни к чему хорошему, а там и *лучшему* – уже точно не приведет! Ни ее. Ни меня... Ни тебя!.. Да и не «к плохому», так же все и к слову, а к ужасно-отвратно-худшему!.. Да в куске же металла – было бы больше *тебя*, чем сейчас и... здесь! В куске «мяса»... от тебя же все – было бы больше *тебя*, чем в тебе же... и из него же «возрожденного»! Ты – чахнешь над этим, и буквально же еще-уже, как Кощей! А *для* чего?.. Для *кого* и... Кому?! «Кому» будет нужен – этот «брод», когда ты дашь всем: лишь только эмоций и чувств, ощущений... сброд? Не настоящих. Не искренних и... Не твоих-своих!..

– Влад, ты не понимаешь!.. – Горько выдохнул Егор, но тот его снова перебил: – Нет! Я-то, как раз, «понимаю»; и более же все того – *знаю*, а вот ты!.. Не-т! Ты же бежишь – не от них. Не от: эмоций и чувств, ощущений!.. Не от и нее. Софии!.. Не от и Анны. Розы. *Меня*. Семьи!.. И «кучи» еще каких-то – второстепенных... *людей*! – А, поймав его еще затем и злобный прищур, и бровью не повел: стойко выдержав его; и продолжил, как ни в чем не бывало. – Да, Егор, «второстепенных»! Потому что от *главного* – ты тоже еще-уже бежишь; но – *одного*. От... *себя*: как от огня! Не хочешь же – признать и сознаться в том, что пусть и на какой-то лишь процент, только *процент*, да, но и твоей же все... «черной» души: тебе хотелось – вернуться *домой*! – И ударил его в грудь, слегка, и левым же все кулаком: тут же остановив и его «открываю-

щийся поток слов». – И не *загоняй* мне сейчас про то, что это – ни к селу ни к городу. Нет!.. *К ним...* «родимым»! Ты же бежишь – и от них. А там же еще и изначально: начал – с и от них. И «бесишься» ты сейчас и здесь, по большей же все и части, как и в принципе, поэтому же: что тебе *хотелось*, хочется, но ты – не стал! Не *смог*... И не «захотел»: найти! Да и черт с ним!.. *Уже*. Верно?.. Ты же – *нашел* их! – И глянул на него... с широченной улыбкой на губах, поддевая на новый *развод*, но и тот же был все как всегда статичен и спокоен: только глаза, *предатели*, с душой же все и на пару, выдавали его с потрохами – нервным подергиванием зрачков и век; в желании спрятать и спрятать-ся, но и не поддаваться. Никогда!.. – *Наверняка*, да, нашел – и был же еще все какое-то время: где-то поблизости, ошивался, засранец-сталкер!.. Но и благо же все... *еще*: не домушник-медвежатник! Я же *знаю* – тебя: как не знаю *себя*! Знаю – и особую твою... «приверженность»: к и семье! *К семейному укладу* и... их ценностям! Ты же просто не мог – *так* все оставить: как не мог оставить – и меня; не до конца! Ты не мог – бросить меня и... совсем! Опять же: потому, что... я, блять, какая-никакая, а и все же, до сих пор – твоя семья! – Рывкнул Влад и поймал ошале-лый, но и, в то же время, положительный взгляд его. – Та... «ячейка»!.. За которую – ты... *горой*: был и будешь. За которую – ты и останешься. Не «состаришься», да, но и точно же – *умрешь*. И пусть ты и сам не признаешь, может, хотя бы и себе, про себя признаешься все же, этого – до послед-

него-победного, во всеуслышание, как и я. Мы ж – *мужички!*.. Мы – *не* плачем! – И хохотнул, *и сам* закатив глаза. – И не признаемся в этой... «сопливой херне»! Опять же: *до последнего* и... *не* первыми. Но и не только же все потому, что, как и мужик – мужику!.. Не потому, что: *так* и делают – лишь «бабы». Как... друг другу; так и «своему» мужику. Каждая – своему... Да и *не* своему!.. И не потому, что мы – слишком много и многих теряли. *Любили*... и теряли. Нам – изменяли! Нас – *предавали* и... меняли! Мы – *изменяли* и... предавали! Мы – меняли... и *теряли*. А потому, что: нам – и *не* нужны эти «названия»!.. – Спокойно отсек все это он и еще за это – заслужил одобрительный кивок блондина: под усмешку и такой же свой кивок; подтверждая себя же и его. – *Не нужны* – слова и мысли, размышления... «Действия»! Мы и так – это все понимаем. Потому, что держимся – за это, как за последнюю веточку: к *себе* же самим; в этом болоте и зыбучих песках! К *людям* – тянемся; и держимся! К *людскому!*.. «Человеческому». Что не чуждо – и нам!.. Это: наше! *Свое*. А это – уют!.. – Выставил правую руку перед собой уже и ним, в этот раз, он и начал перечислять: загибая пальцы. – Это – *очаг*. Это – семья!.. Это – *любовь!* Принятие и... благополучие! *Признай!*.. – И ткнул этой же все и рукой – в правое плечо его же. – *Хотелось* – покаяться, вымолить и прощения; попросить – и защиты... *Попросить* – укрытия и безопасности!.. Попросить – *их*, в конце концов! *Для себя* и... себе! Попросить: *себя* же!.. Хотелось – вернуться к

ним; и зажить – нормальной и адекватной... *жизнью!*.. Но желание сделать все «самому», все же и как-то ведь «выделиться», как и у меня, показать и доказать свою самостоятельность и самодостаточность, как и у Софии же все, между прочим!.. – Сделал саечку-засечку он и ухмыльнулся – своей же, одновременно, мысли о «незыблемости трио»; пусть и идиотского и... идиотического – по некоторым же все и местам: как и сейчас же все, например. – Стала – основополагающим: в твоём мозгу и... изживает, *на корню*, все «параллельные» вещи. Всех и параллельных... *людей*, жизни и судьбы!.. Изживает – меня; и *ее!* И как тебе – сейчас с этим, м? – Прошипел он, цедя сквозь зубы. – Быть – *одиночкой!*.. в своём мозгу; и проявить это – вовне?! *Во благо*, конечно же! *Как*, Егор?!

– Плохо!.. – Рывкнул уже и сам он и остановился, наконец, у черного бревенчатого одноэтажного дома, за которым Роза все же «замолвила словечко» и *восстановила*: дабы скрыться и не палиться – еще и в *таких* мелочах, вроде «полуразрушенного здания у дороги»; без пожара, землетрясения и наводнения... взрыва и обвала, обрушения. *С ничего!* Так и от которого же еще чуть ранее – отъезжала и сама Анна, *так удачно и удобно* же уже оставив его данные: в навигаторе. И, сняв руки таки уже нормально, полноценно и с руля – утопил их в своих светлых волосах, падая затем лицом в него же. – *Очень...* плохо! И это, пиздец, как ебет мне душу!.. Гордость – это?.. Или... Не знаю!.. Уже ли и *гордыня!*?! Один черт, де-

мон и... *дьявол!*.. Грехом больше – грехом меньше!

– Ба!.. *Какая* партия! Достоянная!.. Нет, *серьезно!* – Поднял руки перед собой и ним тут же, но и в защитном же уже даже и жесте, рыжий: только лишь и увидев, как в его сторону глянули порядком уже даже и потемневше-черневшие глаза. – *Выбор* и ответ – *достойный*: своего же хозяина. Как и *ее*... за себя же. Во благо – *вам*; и вас! Где семья *или* (ты) она? Но!.. Где семья и... *Другая* семья? Что?!.. Ты *кому* – лучше делаешь, деля все это: на два? И ты понимаешь: *о чем* я!.. – Качнул головой Влад: на его *прямо-таки* и «явное» недоумение. – Ты не сможешь – притворяться, что твое *во благо*: вылилось – куда более и во что-то же *годное*; нежели н-ее. Она бы – и не узнала, по факту!.. Ведь, возможно бы, и не дожила! И да!.. – Снова выставил руки перед собой он, грубо уже и открыто нарываясь на его рык. – Я прошу прощения – за вещи, названные своими-моими именами. Но!.. Давай уж, хоть раз, назовем *это все* нормально – и изничтожим! Так оно – и есть! Ведь и ты?.. Был бы с Анной – и рвался бы?.. К *Софии*?! Да!.. Так и *кого* ты сейчас же все и здесь – пытаешься обмануть; а и *главное* же все – разуверить? Себя и... Сам? Это Александр – мог; и «делит». *Делит* – себя: и «на два»? Справляется – с двумя семьями. Пусть – с последней, в последнее же все и время, не особо успешно. Но!.. Кто и сказал, что Роза – семья? А с Софией, и вполне же себе, достойно! Сразу – и одним махом. А *ты*?.. – И изогнул свою левую бровь, выставив и ту же все руку, в этот раз уже и одну,

перед собой: вновь загибая пальцы. – Своей-первой, где ты сын. Своей-второй, где ты... *сын*. Ее же все и!.. *Софкиной!* Самой Софией, *как* семьей, где ты пока еще: «парень». И... С Анной, где ты... *Кто?!* – И расправил ее, уставившись на блондина с прямым вопросом: еще и в них. – Это – прямо уже: за гранью, Егор! И ты – *больной* убудок, в таком случае! Хуже; и одновременно лучше – еще никого не было. И вряд ли уже когда-либо: будет. И это – не то!.. – И поднял левый указательный палец в воздух. – Где ты – худший, среди лучших; или лучший, среди худших. Ты просто – худший; *и* «одновременно» лучший! Лучший – потому, что: и вроде как же еще «спас». А худший – потому, что и в этом же самом уравнении затем: не «вроде как», а именно *не* «спас»! Ни их. Ни себя... Ни-ко-го! Так еще и сделал – *только* хуже; во сто крат! И разорвал себя еще – на четыре!.. – Показал он вновь и те же самые все свои: четыре пальца... левой руки. – На *четверых!* Так себе!.. – И хмыкнул, скрючившись. – *Так себе:* четверых. Не справившись же и ни с чем-кем, по итогу. Как... за двумя зайцами же! Только, если и в случае же все Ксана, он сам – и не раз стрелянный; и от того же еще – при-стреленный, *глазом*; то ты!.. – И прикусил губу, стараясь правильно подобрать слова: и если уж за что-то и «получать», то за правду, а и не формулировку ее. – За *четверыми*; и «никого»! Но и знаешь, что?.. Ты – сделал мое *чертово* существование, и буквально, в который уже раз, за... *все* века! Ну и мой день, вот, сегодня! Прямо, «красава», бра-

тан!.. – И показал ему большой палец левой руки, до этого спрятанный и не использовавшийся: явно же еще – иронизируя и с сарказмом.

– Выходи!.. Приехали! – Открыл двери блондин и покинул салон: с уже извлеченными ключами из замка зажигания.

– Ты не можешь – *сейчас* меня про- и игнорировать, Егор! – Вышел следом за ним Влад, хлопая дверью: но и *чуть тише*, чем сам блондин. – И *не* будешь! Не тогда, когда мы добрались, *в кои-то веки*, до сути и истины. До болевого нерва и... *больной* же точки!

– Нет, это ты не можешь *здесь* – меня порицать!.. – Подошел к багажнику, со своей и левой же все стороны, Егор. – Как и Ксандер! Как и... *Софи*. И остальные... «второстепенные»!.. – Показал он затем и в воздухе же кавычки: с закатынными глазами. – Как *ты* их: назвал и обо-звал! Ситуации – разные; и *люди* – тоже «разные»! *Существа* – разные! И ты – не имеешь никакого права!.. Ты же не знаешь – всего. И... Делать выводы – по тому лишь, что ты и *только* знаешь? – Изогнул уже и он свою светлую левую бровь, поджав правую, и рассмеялся. – Где ты – краем уха услышал, краем глаза увидел и краем же все своего *имеющегося* мозга додумал: выдав краем рта и краем языка... *без костей*?! – Но, и открыв лишь только крышку багажника, не успел даже еще и руку просунуть: как и тут же был практически отброшен в сторону – и крышка захлопнулась *сама*... вновь: – *Не* знаю! –

Облокоотился на машину Влад, скрестив руки на груди. – Но *знаю*, что если... кто что и *делил* и делал разным – так это ты: а мы же – пытались «соединить». Пытались сделать: общим... и целым. Своим и... одним!.. *Мне* же и этого – достаточно, чтобы сделать вывод! Первое впечатление – *не* обманчиво: оно – прекрасно и основополагающе. *Заметь!*.. – И указал на него правым указательным пальцем, заискивающе усмехнувшись. – В оба... конца! В *обоих*: нас же все... и *с* тобой. Ты – *тоже*: многого обо мне – не знаешь. Но!.. Выводы-то. *Выводы* – делаешь. Мы – с тобой, *да*, разные! Но и почему-то себе – ты позволяешь высказываться *так*, а не по-другому и... иначе. И *не* так!.. По-всякому! – Развел он руками и закатил глаза. – Когда же и я – *права не имею*: что-либо сказать против!.. Может, я и не твой *брат*, единокровный и родной, не «семья», в которой ты был рожден и... слава дьяволу! И это не потому, что им – и *тебя* хватило: за глаза!..

– От этой стенки – уже можно и *нужно* бы было: запихнуть тебя к Андрею и Анне... в багажник. И следом же – впихнуть к вам: выхлопную трубу. *Тебе* же все, и в частности!.. И им, как в общем. *Для дыхания*... «кислородом»!.. – Плюнул блондин.

– ...как и *меня*! – Продолжил рыжий, *будто* и не слыша чего-то и кого-то: кроме себя. – А потому, что мы бы – и не встретились. *Возможно*, «история» бы – по-другому пошла. Будь мы – и *родными*. *Будь* мы – и братьями, «семьей»; и...

изначально же все: с тобой! Мы бы – не стали и теми, кем стали!.. Не нашли бы – друг друга «так», как нашли сейчас. Не «обрели» бы – так, как сейчас!.. Не в *этом*... состоянии; и в этом «составе». Ко второму же – мы бы и не пришли. *Могли бы* – не прийти; и вообще! Опять же: кроме *тебя*!.. – И, не став более «тыкать», просто кивнул в его сторону головой – и тут же покачал ей, горько рассмеявшись. – У тебя на роду же написано – сие; а я б – и не выбрался! Во всех смыслах. Точнее: в «хорошем» – я, а в *плохом* – Никитос. Не встретили бы – и Ксана! Он бы – нас *не* спас; и не помог бы найти-сь – самим и... в себе! Найти – и друг друга; и *нас* же все – *друг в друге*!.. И да! Я лишь могу только «представить» – твое самочувствие и -ощущение: сейчас! – Пожал плечами он и облокотился руками на багажник. – Вообразить и нафантазировать – твои мысли и... размышления. Все, что сейчас *колобродит*, странно, что и не через *а*, как и в случае с... «центрами», в тебе; и хочет усть – меня! А после – и съесть: совсем. *Сожрать* – меня... с потрохами! Но это – *твой* выбор. Как и все!.. Как и во всем! Всех и... Вся. И будь уж – *по-твоему*, знаешь? Если я и смог тебя разговорить – это же еще не значит, *ничего* не значит, что я смог тебя и на что-то же выто-подтолкнуть. Или к чему-то!.. Куда уж там: и *к кому-то*! – Грузно выдохнул он и кивнул сам себе. – Да и не в этом же – была моя основная: задача и цель. В любом же случае, тебе все равно еще придется – рассказать все это... остальным. Рассказать – и Софии. *Семье*!.. Но и подводя же

все-таки уже черту и всему, вся и всем же, более-менее, *тому*, что мы обговорили и обдумали в себе, *обсудили* – это ты пытался, как и пытаешься же все до сих пор: все сделать – сам и отделить себя... от них. От *нас*! А отделяя и отделив уже и *себя*, не принимая себя и семью, себя же в ней, ты отделил – и ее. Отделил: *Софию*!.. – Отчеканил Влад и глянул строго на Егора, сузив глаза. – Не принял – сам; и *подставил*. Не под удар, нет. Но!.. Буквально. «Отвадив» же – от того, «что» *могло*: сохранить ее... и уберечь! Пусть – и не от всего. Как и всех же. *Вся*... Но и хотя бы уж – от «шрамирования»!.. Ты – не палил ее собой, опять же все, *нет*! Как и не был же ей нужен больше, чем и она же сама, но... «Убивал» – сам же. Если и *уже*: не убил!.. Если и еще: *ни убьешь*! Своими же все и руками... За душу и... За-ду-шив – ее. За тело – *телом* и... В самом *теле*! – А, не найдя никакого сопротивления или желания перебить его в глазах Егора, как и в его полу-закрытой по рукам, но и не ногам, спокойной позе, а найдя лишь внутреннюю борьбу и размышления, Влад продолжил, но и уже отойдя от машины и начиная не спеша подходить к нему: временами же еще – широко жестикулируя руками; и пропорционально им, как и ногам, поднимать *высоко* голос. – Ты делал ей больно – до, делаешь больно и *после*. Там – она «снесла»; и *даже* поняла. *Приняла*: как-то! Но!.. Будет ли – что-то подобное; и сейчас?.. Когда ты почти уже уверил ее – в ее же идентичности и... индивидуальности, *молодец*; а по итогу?!.. *Спасешь* – ее, окончательно угробив! – И скло-

нил голову к своему правому плечу, обреченно простонав. – Она – *не* заслуживает этого, Егор!.. Не *заслуживала* – «мучеником»; не заслуживает: и сейчас. *Обрести покой – в муках, мучениях и... боли, страданиях*?! Она *заслужила* – тебя; как и *ты* – ее!.. – И утвердил еще и тоном, не терпящим пересуд и возражений; после чего – и кляцнув зубами, чтоб наверняка. – Ты *не уверен* был – в этом, как и она; я *зато* был уверен – в этом. *Значит*, я буду – уверен: за *вас*! И твоя «путаница» в словах – мне же это затем еще и доказала. Ты *согласился* – с Анной и на нее: не потому, что был на эмоциях!.. А потому, что получил на руки – все свои *нереализованные проекты*: под одним кодовым названием «*Семья*»; и где-то, только лишь пусть, но и на задворках, схватившись все же за это, понял, что *ничем* это не обернется. Что если слетели – те, слетит и *это*. И эт-а!.. Но *она* – не слетит! – Свел руки перед собой Влад, будто бы уже даже и в «молебном жесте», но и кончиками же пальцев все же к блондину, «тыкая» вновь этим в него. – Но и *когда* ты уже прекратишь строить из себя *мученика и жертву*, не хуже, чем и она же все сама, и обратишься-таки: за помощью и подмогой! Обратишься – за поддержкой и мотивацией! То же, что легко *делится* – так же легко: и соединяется! Легко – объединяется; и даже «множится». Ты – *не* один! – И взглянул на него: поддерживающе-*не*-обнадеживающе, по-доброму и *-братски*. – Ты же видишь, в основном, только плохое; один лишь *негатив*! Готовишься и к худшему, даже и не надеясь на лучшее.

Не любишь и... *обнадеживаться*. И!.. Показываем – мы это; или нет. *Неважно!*.. Ты же находишь – сотню оправданий, чтобы только лишь еще, но и «пометить» же уже *человека* плохим: но не находишь и одной причины, чтобы *выделить* его хорошим. Тебе – так проще и легче, спокойнее!.. Но знаешь, что? – И тут уже он встал впритык к нему, смотря точно и прямо в его синие глаза: сложив-уложив, как и он, «открывшись», руки уже и в передние карманы джинсов. – Мы не знаем – многого и многое: друг о друге. Не потому, что не рассказываем этого; или не слушаем, не слышим! А потому, что приходим – только на плохое: помогать и разгрести!.. И никогда не приходим, не появляемся: когда хорошо. Когда есть и было бы – *с кем* это разделить! С кем *этим* – поделиться!.. И уж если *так* совпало!.. – Дернул плечами Влад, будто бы и делая одолжение, но и на деле: как обычно же все дурачась и стараясь вывести на эмоции Егора; тот же, в свою очередь, ничего ему на это не ответил, оставаясь статичным, как и практически всю и по всей же его тираде-монологе, но правую бровь все же изогнул, поджав левую: в ожидании продолжения. – Я буду – тем, кто эту *традицию*: начнет!.. И разделит с тобой – то *хорошее*, что и таки, наконец, произошло: с тобой; и мной! – И Егор усмехнулся, покачав головой, но и подстроил все же губы под бровь, не без язвы, конечно же, еще; но и с явным же уже принятием, как и без упрека. – *Да!*.. В уже знакомом, нам же все и обоим, *лице*: но в другой *сборке* и... с иной *внутренностью*! С «таким же»

содержанием; и... вообще с другой!.. Я *разделю* это – с тобой! – И положил руки ему на плечи, встряхнув: на что уже и блондин, конечно, нахмурился и сморщился, но руки его так с себя и не снял. – И дам – хорошего пинка под зад... в *эту* же сторону: даже, а и «тем более» – если против твоего... *морского* ветра! Ты полетишь – дальше, чем видишь; и *прилетишь* – ровно-прямо к ней. Упадешь – к ее ногам!.. И если эти ноги скроются по ту сторону двери и хлопнут ею перед твоим лицом, с каким-то нелицеприятным комментарием, хоть и вполне себе заслуженным, ты полетишь – уже за *ней*; и к *ней*! – Ухмыльнулся рыжий и тут же посерьезнел: вместе с Егором; да, шутки шутками, а *насмешка* – это куда-то уже совершенно в другое русло и не к ним. – Но и я же *разделю* это снова – с тобой, как негатив и... позитив: уже ведь и все же – напополам! Сказав же еще что-то между и вроде: «*Убирайся!.. И чтоб глаза мои тебя не видели – без нее!*». Ха!.. Так и *назло* же еще буду, как и ты же все, *где-то рядом*: чтобы ты даже не по-, а там и думал отвертеться. Но ты ведь и так – не отвертишься!.. – И блондину ничего не осталось, как только кивнуть и тяжело выдохнуть: поздно артачиться и вертеться – все на глазах и перед ним-и; так – все и будет. И Влад сам подмигнул ему, одобрительно постучав правой рукой по его же левому плечу. – Ведь, как ни крути, а с *минусом* – я знаю тебя: куда лучше и дольше; чем с *плюсом*. И пора, наверное, *что-то* менять; как думаешь?

Глава 31

– Ну, наконец-то!.. – Встретил Софию и Александра на пороге *их* квартиры Егор; уже переодетый в рубашку в си-не-голубую мелкую клетку, закатанную в рукавах до локтей, и темно-синие джинсы; тут же пожимая своей правой рукой ту же руку, но и уже второму и крепко обнимая первую, при-никая уже и к ее правому плечу своей головой и лицом: но и пока же лишь все не понимая, как и не до конца же еще и осознавая, что «отдача» шла, как и идет – только в одну сторону, от него к ней, никак не наоборот и не подтвержда-ясь уже и второй, *да*, она не отвечала на его объятие; и знал бы уже и он, что дело не только – и в самих же ее уже и собственных руках, так и занятых... *картиной*. – Чего вы так долго-то, а?!.. Все-таки набедокурила, да? – Проворчал блондин и, еще затем даже и фыркнув в ее шею, глянул уже и с напускно-наигранной строгостью на мужчину. – Ксан, сда-вай ее с потрохами!.. Я ж все равно узнаю: где и что!

– Егор... – Начал было отвечать ему Александр, как и желая же затем, добавив, продолжить: но сжал губы, как и челюсти, заметив все еще опущенные руки брюнетки. Эмо-ции в его глазах, как и в принципе, сменяли одна другую – ежесекундно: и оно – было понятно!.. Повторно же *такую* красоту, а там уже далеко и не «повторно», вынесет – разве

что: мазохист и... «камикадзе». *Самоубийца!*.. Кем, к слову, и являлся, «по совместительству», Влад: следом же и возникший за спиной блондина... *темной* лошадкой-фигурой; в черной рубашке без рукавов и таких же потертых джинсах. И, скрежеча, но и пока же все тихо, зубами – русоволосый перешел от слов к делу, а и точнее от стадии возмущения к... *сдержанной* злости и «выдержанной» ярости: как мог, *нежно* «вырвал» холст из рук девушки – и кинул его над головами пары, угодив ровно в руки рыжего. Который уже, затем и в то же самое время, не без смеха и хитрости в янтарных глазах: осматривал «в шоке» картину; будто бы и не сам отдал ее ранее на «линчевание», достав таскаться с ней не только себя, но и окружающих, как и был же все готовый – *не* обрести повторно: как и так же все – получил обратно, как *не* странно и не расписавшись. И, только же все собравшись на эту тему пошутить, что Ксандер, хоть и казался самым адекватным и устойчивым, но и сам *тут* дал слабину, как получил предупреждающий взгляд его серьезных серых глаз, а затем и покашливание: тонко, но и, в то же время, достаточно «широко», чтобы он ретировался, как и пришел, *сам*; пусть и *не* незримо, зато тихо. Но нет, оказалось: *тонко!*.. Сам Влад – увидел это так, а мужчине: снова *показалось!*

– Батюшки-светы!.. – Держа картину левой рукой, Влад прижал свою правую – к левой же и части груди: месту, под которым и билось, *вроде как* и еще же все *пока*, его сердце. – Не забыл – вытащить! А и точнее: вернуть... Прокати-

лись, *девчонки?*.. – И ослабился, мечась взглядом от Софии к картине и обратно: да-к и после чего еще – обернулся и в сторону гостиной. – Добро пожаловать... «домой»: в *трех* экземплярах!..

– Иди уже!.. – Обошел ребят мужчина и отпихнул среднего от входа, утаскивая его еще затем и в самую же «гостевую»: под того уже и *«Руки прочь – от произведения искусства!.. От «обоих» произведений! Да-да!.. Поаккуратнее, пожалуйста! И!.. Да, блин! Ну нет!.. Ну я же так и не поздоровался – с Софией»*. – Позже: *поздравляешься!* – *«Ну, конечно!.. Всегда я – втор... Народ, а кто: последний? Я – за вами! Ним или... Ней»*.

– Влад!.. Он и есть: Влад! – Хохотнул Егор, вновь уткнувшись, но и в ее уже левое плечо, как и сторону же шеи: с прикрытыми глазами вдыхая ее запах... вперемешку еще с уличной свежестью и продолжая держать ее в своих руках, как и чуть покачиваясь и покачивая же уже и их обоих, будто в танце, из стороны в сторону. Пока и руки же самой Софии – продолжали висеть: по швам!.. Она не знала: могла ли; и стоило ли? И что ей вообще – со всем этим: делать?!.. Куда уж там и до: как *правильно* – поступить, а как и *не*? И не могло ли так вдруг и случится: что ее «правильно» – станет ему же и «не»; как и говорил же ей еще и ранее Александр? – Малыш?.. – Позвал он шепотом, опаяя ее и так, и без того бледную тонкую кожу своим дыханием, но так и не отстранился, думая, что и так дозовется и обратит на себя ее вни-

мание; если уж и не «поднимет». – Что-то не так? Ты не рада меня видеть?.. – И немного насупился в обиде, хоть и почти тут же усмехнулся: сам же себе. – Это, конечно, не «сутки»!.. Но и думается *уже* мне – скоро мы и к этому придем: когда час *без* – будет по длине, длинную же в сутки; а сутки *с* – как час!

– Прости, пожалуйста!.. – Грузно выдохнула девушка и обняла все же его в ответ: встречно получая такой же выдох и бурчание, больше похожее затем на урчание и мурчание кота. – Конечно, «рада». И... Все – так!.. И я даже еще – и скучала! – И, шикнув про и на себя – за это свое «даже еще», не говоря уж и за «я», поджала губы, но, так навстречу за и на это ничего и не услышав, продолжила. – Просто... Хочу еще кое-что прояснить, но не знаю: как и... с чего начать. Как и стоит ли?.. «Могу» ли: я? – Скомкано рассмеялась она, вновь разрываясь между радостью: все-таки же еще и, да, от, наконец, и встречи с ним; и отчаянием – от его уже и отсутствия, не нахождения с ней... ранее. – *Нужно* ли?.. И «должна»? Не уничтожу ли – все сама; и так же все... своими же руками?

И тут уже даже и блондин нахмурился, отстраняясь от нее и заглядывая в ее же: не то еще шокированные и ничего не понимающие, не то уже даже и испуганно-напуганные... грустные глаза; так и на донцах и задворках же еще – немного отчужденные. Внутри него сразу же закралось – что-то нехорошее!.. И он вновь попытался найти в них – ответы на свои вопросы: но лишь только дальше все и дольше, глубже

– погружался в ее горечь и тоску, обиду и отчаяние!

– *Начни... хотя бы!..* – Предложил он, попытавшись еще даже и улыбнуться: но и, вот только лишь, в том-то и дело, что и *только лишь* «попытавшись»; на деле же представ и представив – такую же и *попытку*: какую-то «маску». Не мужскую версию и Джоконды!.. «Искусственную», да, но и никак: не *искусную*. Да-к и которую бы еще – не смогла разгадать и разглядеть: сама же София; сопоставив и сравнив, *нормально*, его же прошлого и с... «этим». Но и он же все – хотя бы и «пытался»: ее поддержать и подтолкнуть; как-то и помочь-смотивировать. Так что и она уже даже – согласилась: с этим. Но и лишь же все только – на этот же все крайне-первый... и последний раз: когда ненатуральность и неистинность ощущений, искусственность чувств и... эмоций – все-таки: уместна. Пусть – не вся и не до конца. Не со всеми и не ко всем... Здесь и сейчас? *Да.*

– *Анна!.. Она...*

– Ну и чего ты тут встал – столбом? – Вошла *неожиданно* в прихожую названная; не изменившись почти и никак с момента их... *последней* встречи, оставшись при «своем» и в такой же одежде, добавив себе лишь ту самую сворованную черную спортивную кофту с капюшоном и такие же очки; и облокотилась на стену, подпев ее своим левым боком, выставив вперед, под углом, свою же правую ногу и скрестив руки под грудью, наблюдая за уже даже и «парочкой» перед собой. Ведь и Егор же еще, не отпуская Софию, но и не раз-

ворачиваясь-поворачиваясь целиком к Анне, чуть сместил их обоих: чтобы и ее можно было видеть обоим; и только после понял, что сделал это – зря. – Встал...и! – Ухмыльнулась она, «исправляясь». – На улице их – и без вас, хватает! Зачем они еще – и в квартире?.. Эй, *сестренка!* – И махнула ей своей правой рукой, будто и, правда, рада ей, как и ее же все видеть: на теле же – просто привлекая к себе ее внимание. – Как дела?..

И София вздрогнула – под изучающим и интересующимся темным взглядом: *своей* сестры; а затем и вовсе – нервно-дерганно отвела свой. *Светлый!*.. Ну а последней каплей, подорванному же уже и терпению от напряжения, парня – стало то, что и после все того же «красноречивого» взгляда на него же, остановившегося не где-то, а и на его паху, Анна же еще и облизнулась!.. Будто бы и случайно! Просто: смочив свои сухие губы языком. Но и Софию же затем тряхнуло *так*, повторно, что и она же уже даже сняла свои руки с него: стараясь никак не контактировать, а и более того – даже и не встречаться ни с ним, ни уж и подавно с ней взглядом. Но – ей: пришлось!.. Парень же вновь – обхватил-схватил обе ее руки своей одной правой рукой, держа их перед собой и ней, внизу; а уже и левой – поднял ее лицо за подбородок: теперь не подмечая, а и замечая – уже даже и слезы, только набирающиеся в ее карих глазах, но и это же был уже «перебор»! И, повернувшись вновь к одной из, «той самой», близняшек спиной, он еще и Софию отгородил от нее, от Анны,

тем самым же: но так и не упас – от взглядов обеих, так и возвращающихся друг к другу!..

– Не оставишь *нас*?!.. – Не попросил, а уже даже и потребовал Егор, не сводя своего синего взгляда с Софии, хоть и обращаясь, пусть и речью, но и все еще к Анне. Которая же уже, как и в свою очередь, так же все «будто» и не видя проблемы, ни в своем нахождении здесь, ни и в таком же *поведении*, продолжила бросать прямо-таки и откровенные взгляды: теперь уже – и в широкую спину его, меж лопаток, ниже и... прикусывая нижнюю губу; лоя же еще и какое-то свое... извращенное удовлетворение-удовольствие: от не столько уже даже и самой, довольно и внушительной мужской фигуры, которую и осматривала сейчас и здесь, буквально и облизывая-обсасывая, *не* без этого, сколько и куда более: от реакции «затравленного зверька», самой Софии. – *Анна!*..

Но, и все-таки разведя руками, хоть и не сдержанно фыркнув при этом, она удалилась: вместе со своим еще черным перцем, не своей уже мятой и... «суховеем» – оставляя их и впрямь одних, со своими лишь энергиями; подмигивая только на прощание и, конечно же, все – *не* тонко намекая, как и Александр же сам чуть ранее, но и *не* он, что она *уже* здесь и *никуда* уходить не собирается!.. Собственно, как и образы из и в голове Софии: которые, «казалось», уже с Анной и Егором, а так же и Владом еще неподалеку, стали будто лишь больше и масштабнее; объемнее и живее, *натураль-*

нее! Оживали – прямо уже «на кончиках пальцев»: рожда-
ясь еще где-то внутри; и заставляя и так, и без того возбу-
дораженное сознание – *неприятно* будоражиться и «возбуж-
даться»: все дальше и дальше, глубже. Что было, конечно,
«невозможным» – физически, так как и являлось то уже
прошлым: но и вполне себе возможным – морально!.. Будто
еще и «внешняя» память – уже была забита, а внутренняя *и*
вставная, с «карты памяти», разрешала и... разрушала стен-
ки: разряжая и... увеличивая все и вся, всех. Так еще же и
возвращая, раз от разу, сама брюнетку – к мосту и к тому
самому же моменту: где она опустошала желудок; и от *чего*
именно. И да, что вполне могли сделать и ткани, все еще ви-
сящие на ней, завязанные на груди узлом, но и уже же все не
на ней, а под, спускаясь к талии и... грозясь уже даже упасть
и к ногам!.. Но и никто же на них, из них же все *и* двоих,
не обращал внимания: и казалось же еще-уже – и не обра-
тит, если такое и произойдет! Все ее же внимание – было
отдано на дыхательные упражнения и попытки не повторить
то, что было: пусть даже и нечем же было уже, но, и опять
же все, лишь «казалось»; как и то, что резервы организма
– стали вдруг и такими же бескрайними, «черной дырой»,
как и сознание: беря уже то ли еще и последнюю воду, а то
ли уже и ее тьму... и *свет*, вперемешку, но и хоть что-то же
уже, что можно и нужно было выбросить изнутри, дабы об-
легчить ее еще и общие же уже, организма и души, мучения
и страдания. И Егор же, как *не* странно, еще-уже и сам: хо-

тел того же, пусть и не зная до конца – с чем это было связано!.. Знал: с кем. Да. Но и *как?*.. София же – до сих пор все молчала: продолжая попытки восстановить нормальное дыхание и мерное сердцебиение, чтобы не «подкрепить» рвотный позыв, заставляя *что-то с чем-то* – покинуть ее организм. Никак ведь: не хотела этого!.. И не столько же и потому, что это будет, произойдет здесь и сейчас, как было же еще видно, а там после и уже слышно, по звукам из гостиной, *при всех*: сколько же и потому, что это бы ей – нисколько не помогло. Уже ведь: «проверяла»!.. А *что*; и могло? Она – и сама не знала.

– Соф... – Поджал губы в беспокойстве Егор.

– Мне *очень* плохо, Егор... – Сдержанно прошептала она: боясь даже и лишним звуком, не то, что и поднятым им же по тону, вызвать рвоту... или еще чего хуже. – И... кажется... я задыхаюсь. Воздуха... не хватает!..

И, не мешкая, как и не теряя более ни минуты, чтобы разглядеть какие-то и дополнительные, иные сигналы и знаки, так или иначе, поспособствовавшие бы ему – в понимании ее состоянии и принятии, постройке дальнейших реакций и действий на это, Егор притянул ее к себе и... поцеловал!.. Размыкая ее губы – самостоятельно: стараясь больше не столько и поцеловать, сколько передать ей свой воздух и помочь дышать; параллельно-одновременно же еще, прижав, меж тем, свою правую руку к ее горлу, а левую – к ее же все и грудной клетке, давя и сдавливая, отпуская их... поперемен-

но: стараясь встроить ее – в свой ритм, «синхронизировать» силой под свое дыхание. Плед и покрывало же, тем временем, все-таки и окончательно же упали к ее ногам!.. Да-к и еще же с таким, казалось, и впрямь *оглушающим* звуком... в тишине же, по большей части, прихожей, что брюнетка будто бы и тут же проснулась, протрезвев: вспомнив – не только и про то, что и сейчас же все, здесь фактически и голая, а еще и про то, что вода из-под сидения в машине Александра, конечно, помогла и позволила, достаточно тщательно, как и для нее же все, по ней, прополоскать рот, чтобы не чувствовать горечи и вкуса, не ощущать более и привкуса же тошноты, но и недостаточно для того, чтобы и уже выполнять подобные же все и пируэты... под куполом того же... еще и не уехавшего цирка. И, почти сразу же, не теряясь, она попыталась его оттолкнуть, но и получила на это – лишь смачный прикус нижней губы: со сдавливанием горла – крепче, чем требовалось!..

– *Не до сантиментов и лирики, Софи!*.. – Прорычал требовательно он и в ее же голове. – *Тем более, что: «мы» здесь и сейчас – вдвоем! И даже если кто-то зайдет – через меня тебя: никто не увидит.* – Не поняв, правда, и сразу: к чему это именно было и относилось, но и предположив все же, что и к ее небольшому «обнажению», а запаха и *вкуса*, «привкуса» он не заметил; или сделал уже даже и вид, ради и для же все и нее, что не заметил, стараясь отдать все уже и свое внимание – ее состоянию, а не чистоплотным и прочим таким

же «брезгливым штучкам»; она перестала сопротивляться и чуть легче, «облегченнее» выдохнула, позволяя себе такую блажь и некую же все и слабость, как «спрятаться» совсем и, обхватив его уже и своими же руками за шею, приподнялась на носочки: а с его подачи, быстро опущенной правой рукой и под ее же все ягодицы, и вовсе поднялась-встала затем и на его же босые ступни. После чего уже и он сам – опустил обе свои руки на ее талию и прижал ее же, тем самым же, еще и к себе: чувствуя и ощущая, как она выравнивается и возвращается в, более-менее, но и спокойный, мирный уже ритм-бит, хоть и продолжая, изредка, но и срываться на хрипы и еле уловимые всхлипы; слез же, правда, он не видел, как и не чувствовал-ощущал их – кожа ее, как и его лица была сухая, но они будто бы и были же внутри – и лились непрерывным потоком, водопадом ниспадая куда-то вниз: откуда вновь же поднимались и!.. Сказать бы «Спасибо» – силе притяжения и не «плоскости Земли», но: вечный двигатель и круговорот, циркуляция... соли, *любой*, такое себе *счастье!*.. – *Есть что-то, что ты не можешь сказать вслух, но хочешь... и можешь сказать: так?* – Сник до шепота и он, не пряча уже и сам – и своей тревоги, тревожности в голосе.

София напряглась, и уже было хотела если и не отстраниться, то открыть глаза, как почувствовала мягкий и нежный... поцелуй: *настолько* легкий, что сначала и не определила его – среди попыток помочь ей дышать. Касание губ!.. Да. Лишь. И только. Как и вроде бы – ничем и не отличалось:

от прошлых и!.. Но и было же – настолько новым, другим и иным: в нем появилось что-то – не от желания спасти и помочь, а от желания защитить и уберечь, *сберечь*; подталкивающее – на ее ответное и правильное, верное: довериться. И она – доверилась: ответила на поцелуй!.. И «открылась» ему – не только телом, но и душой: начиная передавать ему те самые воспоминания, что передавала ей же не так давно и сама Анна. Момент за моментов!.. Ощущение за ощущением. И чувство за чувством... Все действия и... слова. *Движения*... и эмоции: от них!.. Что и под конец этой-этакой же еще и «карусели ужаса», как и такого-какого-то и впрямь уже «личного кровавого аттракциона», на субъективный и индивидуальный так же все и манер-лад, и сам Егор почувствовал себя плохо. Да даже и не столько же «плохо», сколько и настолько же *ужасно*, что не мог выносить и вынести – этой пытки и дальше, дольше и глубже!.. И ему же все больше хотелось – прервать же все это: как и убить эту-ту дрянь, что так «искусно» и склизко, и впрямь «по-змеиному», как оплетала так и оплетает же, продолжает оплетать его шею, даже, а там и *тем более* не находясь рядом; так еще теперь и проникая через голову Софии – буквально и душила его, травила и вы-травляла ядом!.. Поднимая со дна уже и его души – все то гадкое и противное, мерзкое и отвратное, отвратительное и гнилое: с и к ней! Все же, что он сбрасывал туда, как в яму для перегноя, «сточную» и *очистную*, казалось, вновь сейчас же и здесь: буквально начало бурлить и клокотать –

в надежде вырваться и поглотить ее, утопить во всем этом и утащить к себе, на дно, но и уже *без дна*; в самую низину из «низин» и темную *точку*... из *не-возможных*. «Черную дыру»!.. Да. Без сроков *исковой* и просто «давности», как и... координат на карте. Да и оставить ее гнить и... перегнивать, тлеть... и истлевать. «Обращаться», в общем и целом, в то, во что он сам и телесно же *обратился* – год назад. Во что и «обращался» же еще и постепенно – до того как; и обращается же до сих пор. И во что, с его же все и подачи, начала обращаться – и она сама, *не та*, что и *была*, София!..

И с протяжным стоном, почти и ревом же «подбитого зверя», Егор все-таки открыл глаза и отстранился первым, заставляя вторую – сделать то же самое, но и продолжать все же находиться на небольшом, сравнительно, расстоянии друг *от* друга: не касаясь губами, но и зато же все – лбами; так и смотря же еще – друг *в* друга!.. И неспроста. Его же серые глаза, в моменте потерявшие всю зеленую теплоту и сине-ву-свежесть, отливали теперь «сталью пуль» – готовых прицелься и, не находя-найдя *вдруг* и жертву, «на автомате»: попасть все же «в цель» и убить. Без суда и следствия!.. Да. Прямо тут. После и того, как и точно же уже: *не* найдут. А они же – *искали*!.. Точнее: он. *Он* высматривал в ее карих омутах – один единственный ответ: да или нет? Не задаваясь даже и вопросом – о правде и верности того, что она ему показала. Зная же еще об этом – даже; и наверняка!.. Задаваясь вопросом лишь – о *ее* вере: в это. Поверила ли – и она?..

И ей же вновь даже не пришлось кивать или тем более уж что-то отвечать: ведь те чувства и эмоции, ощущения, что он увидел сейчас и видел же ранее, до Анны и в процессе... с ней, после нее, до сих пор – сохранялись и истязали... *его* же душу: тупым и наколенным копьём... с печатями-бомбами; бомбардируя и взрывая ее, разрываясь и в нем!.. Его – не тошнило. Нет! Но и «зато» же – он, наконец, понял: *почему* тошнило – ее. Почему – она и *задышалась!* И да!.. В этот раз и тут же – он задышался тоже, но и мастерски же все: скрывал это. Убивая в голове придурка-Влада, а в сердце – гадюку-Анну: где и первый – повторял тему с машиной и его, Егора же все, и нежеланием что-либо являть и показывать, а и желанием, как раз таки, только лишь прятать и скрывать, утаивать; а вторая... не изменяла себе и своему же *образу* вновь – в его же истерзанной и ею же душе.

Поймав же уже его настроение и эмоции, как и чувства с ощущениями, буквально на лету, София глубоко вздохнула и, не менее глубоко затем выдохнув, тяжело сглотнула, но продолжила смотреть ему прямо в глаза, пока не решаясь более ни на что: ожидая и вы-жидая чего-то *своего*, что натолкнет ее и на ее же все вмешательство к нему и в него; в его и личное пространство, как и зону комфорта. И дождалась!.. Опускание век и рваный, усталый выдох через нос, словно огнедышащий дракон, но и с огнем же все внутри, никак не выходящим наружу, сделали свое дело: и сработали не хуже детонатора, кнопки и чеки – в одном флаконе.

Девушка тут же осторожно подняла свою правую руку и коснулась его подбородка, после проскользнула ладонью по его левой слегка колючей щеке и остановилась, оглаживая кожу подушечками пальцев. Ну а он же сам, будто и не сразу осознав, да и чего уж там *и забыв*, кто это и что делает, что и вообще происходит, погруженный в себя и свои же мысли, нахмурился и сжал веки сильнее: с каким-то остервенением затем шикнув и укусив свою же нижнюю губу. Но и после же чего – отпустил и ее, выровняв мимику лица; и даже еще немного – приласкался: позволяя брюнетке гладить себя и чуть ли *ни* всей ладонью. Но и когда же она, осмелев, подняла уже и левую ладонь, проделывая и с ней те же махинации с ним – эффект получился, как от и разорвавшейся *прямо* бомбы... в голове: а на теле-деле, практике, как удар тока... после команды «*Разряд!*...». Егор резко отстранился, буквально и выбивая же еще затем землю из-под ее ног и платформу, заставляя ее вновь, но и уже именно спуститься на холодный пол, чуть оттянув края рубашки вниз и, коснувшись руками лица, провел ими по ее же направлению: направлению ее рук и *по себе*. После чего – запустил их в свои же светлые волосы и оттянул их, забрасывая голову назад!.. И, простояв так с минуту, а там и две – развернулся к тумбе и зеркалу над ней, упираясь в нее руками и облачиваясь на нее саму: опуская голову вниз, в пол и дыша сбивчиво, тяжело, срываясь на хрипы; будто бы и переняв ее же теперь и проблему, когда помогал ей дышать, буквально *вдохнув* ее.

Не рискнув же, уже и в этот раз, подойти к нему *ближе*, банально, чтобы еще и попасть же под его горячую руку, но и не отходя далеко и надолго, София продолжила смотреть на него – теперь уже и с его же левого бока: как его лопатки, *будто бы* раскрываются и тут же сжимаются, *словно бы* уже даже и готовые расправиться и, почти «раскрывая», тут же собирая-прибирая крылья, как мышцы «проходят» под кожей и тканью рубашки, *играя* на свету и в... тени, как опускается и поднимается его спина, отталкиваясь от грудной клетки, как напряжены его руки и как вены «исполосовали» их!.. А что ей еще и оставалось же делать? Она могла – только смотреть, смотреть и... не понимать, что еще сказать, а там и *сделать*: в данный момент? Что сделать и?.. Как, при этом же еще, и *помочь*? Позвать – кого уже?.. Или справиться еще; и *самой*? Да и стоит ли... *уж*? Но и, как оказалось же все и потом, говорить ничего и не нужно было; как и «делать»!.. Он все сделал – сам! Будто бы вновь и что-то же еще поняв... для себя; как и затем же уже и решив. Или же наоборот: еще пока раздумывая, но и уже раздувая – свои же мысли; от которых становилось не по себе!.. Егор с силой ударил своим правым кулаком по и о зеркало, что и девушка: не только вздрогнула, внутренне и внешне, но и подпрыгнула на месте; и как-то на автомате же еще – прикрыла глаза, после чего и поверх же еще и руками, а открыла их – только лишь спустя время: отсчитав его, да-к еще и несколько раз, *на всякий*, словно бы и после грозы, молнии и... до грома. В скольких

километрах от нее – находится буря?.. *Здесь же*: когда начнут осыпаться и осколки. Но ничего такого, как и *не* – не последовало. Когда она открыла глаза – заметила все ту же его позу; ну и небольшую трещину – на стекле: от середины зеркала – до его низа, в сантиметров десять-пятнадцать. В квартире же, тем временем, повисла тишина!.. Но брюнетка была уверена, что и это же все – временно-ненадолго. И не только же потому, что: «*Ничто не вечно – ... Все проходит – и это пройдет*». Но еще и потому, что и кто-то же *обязан*, обязательно подаст признаки жизни... *сарказма* или беспкойства: в себе. В том... или ином. В той или... иной. Но и все же – было тихо!.. И это – было хорошо: для нее, по крайней мере. Может, никто и не придет!.. И Егор – не исчезнет, в том же моменте, оставляя ее: в недопонимании; остановив и оставив свои мысли – при себе. А ее – и при ней. Так и не получив – точного понимания и такой же формулировки, решения!.. Ведь и они, между тем, «подкрадывались»: не спеша; пока и она же стояла – почти и не дыша. Но и, в то же время, не «безболезненно»!.. Будто же еще-уже и крадучись, выпустив ногти-когти и скребя ими, с каждым движением конечностей-лап, выскребая и разрывая плоть все больше и дольше, дальше и... глубже: изнутри и... *наружу*.

Ну а стоило ей перевести только лишь свой взгляд с его фигуры на его же лицо, а после и на отражение в зеркале: как она перестала дышать и вовсе. *Глаза в глаза!*!.. Его темно-синие глаза напротив – смотрели в ее светло-карие: без

какой-либо злобы, ярости... или гнева! Вот только и от чего ни капли не становилось легче и лучше, проще: *больнее*. Они же смотрели – так же, точно так же, как и в те моменты: когда они *еще* были парой. Когда они – *были*: вместе. С *такой*... нежностью!.. Да и теперь уже точно-навверняка же уже – и с *любовью*. Что!.. Сердце – пропустило удар, давая еще, таким образом, беззвучный залп, словно с глушителя и... потоку ее же *внешних* слез: «*На старт!*..». «Прошедшее время»! *Были*... парой. Не «произнесенное», да, но и повисшее же в воздухе. Сначала – массой, которую впору и резать: а после – и чем-то таким же, но и уже липким, склизким и... *грязным*. Что и довело уже затем, считай, до края... век – всю же и соленую влагу, что была на остатке. Остатке и... *осадке*. Оставалась – после и изливаний-яний: на мосту. А теперь, вот, и выходила, да и точно же *вся*: до последней капли и... такого же *грамма*. Так и превращая-обращая же еще, по пути, в какие-то куски и... снега-льда. Или: оборачиваясь и металлической же проволокой!.. «Выскребали» же ее кожу – словно «наждачкой»; еще и больше, дальше и дольше, глубже – провоцируя на *плачь*. И хоть уже и именно: «беззвучный»!.. Но и куда более *заметный*! И София, прижав свою правую ладонь к губам, ее тыльной стороной, запястьем, заплакала. Под конец же еще и вовсе – опустив даже и свою голову: лицом и глазами – обратившись к полу; от чего, перекрывая же еще себе дыхание и так, больше сбиваясь в нем и хрипя, но и «зато» – себе же *в грудь*.

– Ты поверила – ей... – Прошептал хрипло он. – Да, *малышка?* – И сдавленный полустон-полурев сорвался с ее губ, как и покачивание головы... «с головы» же. – *Да!* – С победой в угадывании, но и, в то же время, страдальчески, огласил Егор; и проскрипел, почти и выщеживая сквозь стиснутые челюсти. – Только: не ври!.. Что же еще могло – вызвать да и *такую* же еще реакцию: связанную с ней; и *несвязанную* – с кем-то же все и из нас? С тем же все и *братцем!*..

– Ребят, вы там... как?.. – Подал голос Влад и был тут же подхвачен – истеричным смешком Егора: – Вот!.. – И указал своей правой рукой в сторону гостиной. – *Попомнишь с... солнышко!*.. Всегда – где-то рядом, да?.. Либо он. Либо... она. Но и ей же все, кстати, подойдет – вариация на тему: с *темным* окрасом. Ну а что?.. Если ты же у нас – скорее: шоколад. То она!.. – И сам же оборвал себя, качая головой. – *Нет!* И если с первым – я уже, считай и на пятом-то веке, *пора бы*, смирился; и даже почти при-мирился! То со второй – дела обстоят: гораздо хуже! Вообще: не обстоят; и не стоят, Софи. Это. Был. *Он!*

И снова вздрогнув, но и на этот раз же уже и от повышения *на нее* тона, девушка кивнула, хоть и произвольно же опять – сделала еще и шаг назад: продолжая рыдать... в пол и глотать свои чувства и эмоции, переживая и пережевывая не лучшие ощущения, так еще и, время от времени, оттягивать ткань на себе... туда же; в ту же самую и сторону, куда истекали и про-текали ее же слезы. Чтоб – не одним. Да. Не

скучно и... Не грустно!..

– *Софи?*..

– Нормально, *Влад!*.. – Рывкнул Егор, заставив брюнетку уже даже и подпрыгнуть повторно: не только-столько уже и от его грубого, холодного тона-баса, сколько и от его же все теперь неожиданного и перемещения же к ней – морская же *соль* его... смешалась с ее; с одного «дуновения». Ну а открыв уже даже и глаза – она в этом еще и убедилась: приметив его ноги – у своих ног, но голову поднять так и не решилась. Куда там и тем более, когда и вокруг них же все двоих – уже и сформировался темный *непроищаемый* купол!.. Осталось только и додумывать – что же он такого «пообещал» Никите, а и главное Карине: за такого рода и услугу; количественно, так еще и *качественно* – с на- и заполнением. «Не убить»?.. А будто с *богом* – это когда-то и прокатывало-срабатывало!.. *Хотя...* – Я могу дать тебе – увидеть *это*: «своими» глазами... – Сник вновь до шепота он, но и ее же это уже никак не «умолило»: ведь и в такой уже форме его еще твердый и в местах даже и стальной серьезный голос – звучал куда страшнее и зловеще, сильнее и мощнее, чем был бы он и «в голос». – Точнее... «Итог»! – И сжал кисти рук до хруста костей в пальцах. – Когда он ее – уже выносил из машины: на своем плече. Могу позвать и его же самого, чтобы уже он и сам – рассказал то, что *не* рассказывал мне: но и что я буквально уже и *стребовал* с него, ведь ему было скучно в дороге и *страсть* как хотелось поделиться, чтоб хоть как-то

убить время; а это – еще тот микс!.. – Фыркнул он, гортанно рассмеявшись. – Если же еще учесть и то, что я не особо разговорчив и крайне сосредоточен, в такие моменты: *чаще* гораздо, чем и не! А с ним – еще и крайне раздражителен: ведь он и по всем в принципе, как и этим же все пунктам – *не*; всегда и везде, со всеми. И *за*: отсутствие тишины-молчания в салоне, априори!.. Ну и так что?.. Посмотришь? – Прошипел он, держась уже и изо всех сил, чтобы не схватить ее и не встряхнуть. – *Послушаешь?!..* – София покачала головой. – Почему же?

– По... Потому... – Решилась все-таки уже даже и заговорить она: не в силах выносить и весь дальнейший же прессинг: подобного рода. – Ч-то я... не. *Не* поверила!..

– Да ну?!.. – Изумился он, не теряя ярости... *горечи* в голове. – Верится с трудом! Учítывая же *уже* и то – как и *тебя* трясло-вытрясало: при виде нее! И *воротило*: при виде меня! Да... Я *могу* согласиться!.. – Всплеснул руками он и потряс головой, вытрясая теперь уже даже и из себя те... *эти* самые картинки. – «Зрелище» – не из... зрелищных!.. Как бы это ни звучало! Не для... слабонервных; и лиц старше... чего бы то и там ни было! Не для тебя! Да и чего уж там... Не для *меня*! Не для *не* поехавших и таких же двинутых, точно!.. С этого же и уже, в принципе – можно словить «измену»; и *не* одну. Но!.. – И вновь поднял своей же все и правой рукой ее опущенную голову за подбородок, взглянув на ее заплаканное лицо и мельком утерев сбежавшие слезинки

левой рукой. Затем – провел ею по ее темным волосам, приглаживая всклокоченные прядки и убирая выпавшие за уши; и после – плавно перешел-вернулся: на ее лицо. И, смотря теперь и именно в ее заплаканные покрасневшие, но и все еще карие глаза, большим пальцем правой руки нежно провел по ее левой щеке вниз, проецируя скулу и направляясь к губам: проведя потом – и по ним, чтобы затем застопориться на нижней и надавить на нее, ровно посередине, в центре нее; вызывая приятную, но и, в то же время, ноющую боль. *Ностальгия!*.. Да. И, считай, начало начал! Что оборвется и накроется *медным* же тазом, видимо, сейчас; и закончится – *здесь же!* *Можно любить всю жизнь, а разлюбить!*.. А какой, кстати, сегодня *день?* А это: важно?.. Ведь и припомнил же еще боль – от небольшой ранки: только и сейчас, казалось, давшей о себе знать; от его недавнего укуса. – Ты же – *думающая*, София!.. – Тихо прохрипел он и тут же вновь мотнул головой, отмахиваясь, видимо, *как* и она, ведь и куда больше: все же внутренне – от воспоминаний и *похожести* сюжета; который пусть *тоже* ни к чему полноценному и не привел, но – *был*... под другим соусом и такой же *иной* присыпкой; куда более приятной. Хотя «взгляд олененка Бэмби» – сохранялся и сохранился: через недели и... *вот*. Не было, не было! *Нет!*.. Она – не боялась его. Именно: *его!* Боялась – его перемен; и смены же настроения. Бесконтрольно-контактного!.. Что: немаловажно. Да и в чем же еще она и убеждалась – каждый раз, попадая на одни и те же граб-

ли: точнее – лед и... под *качелей*. А после – и еще раз: но и уже – как на *вилы*. *Чертов* же... демон!.. – Могла – и сопоставить. Не говоря уж: и за... «*писательство*». Там же – *такие дыры!*.. – Округлил глаза блондин, показывая же еще, таким образом: не то и эти самые же все уже *дыры* – своими огромными черными зрачками, не то еще и свой шок от того, что девушка могла их не заметить, не то и, как обычно же все, все... *и сразу*. – Такие дыры... в сюжете, которые она не закрыла. И не должна была!.. Ведь... Не знала, что вы с Владом – общаетесь. Только в том, *ином* случае – она могла и смогла бы тебя задурить. Только *там* – ты могла и смогла бы ей поверить, наложив и... мой с ней диалог. *Конечно!*.. – Горько усмехнулся он и фыркнул. – Как Влад и говорил! *Эту...* треклятую картину!.. *Фото* за ней. Ты могла и смогла бы – закопаться в этом!.. Лег-ко! – И щелкнул пальцами левой руки, демонстрируя же уже и это. – Но и только же лишь: тогда!.. И да, это не значило бы, что и моя обида – была бы меньше. Она была бы – такой же!.. Но и тогда бы – *и твоя*: имела место быть. А ты сама – имела бы и *все* права: мне же уже и что-то предъявить-предъявлять. Хотя, и опять-таки, некогда ранее... *на кухне* – обещалась: в обратном, м! До-ве-рять!.. – Рыкнул он, цедя по слогам это слово. – Что и, да, и само собой, за себя же уже-еще даже и говорит: не о *не проверяй*. Но и, как минимум, *не ведись на чужое!*.. А и как максимум: *ведись на свое и доверяй «своему» же...* первоисточнику. А еще... *Никогда!*.. *Никогда...* «Не сомневайся»!

И, поддавшись вперед, как и притянув ее к себе же, потянулся к ее губам: за поцелуем!.. На что уже и она, «откликнувшись», сразу же ему и ответила. Но касаться его больше и «сама» – не решалась. Не рискнула!.. И вновь повторилось то самое, почти и неосязаемое, легкое и нежное, *мягкое* касание губ, так ласково и непринужденно целовавших ее: не требуя большего, *взамен*, не просясь и дальше, дольше и глубже; не претендуя ни на что и ни на кого – просто упиваясь... и *этим*. А ей – и не верилось же все так же в это, совершенно. Ведь и он – будто бы же еще да и в принципе: прощался с ней; хоть и тут же – словно бы и *нет!*.. Для нее же это все еще казалось... таким прекрасным и реалистичным, словно бы и сном: наяву. А и даже – скорее: какой-то галлюцинацией... на фоне почти и полного же все отсутствия нормального и здорового сна; и в разрезе уже и *наличия* слез, как и «голода», болезненных спазмом... всего и всех, вся сразу. Да-к и которая же еще вроде бы и доводила до стаяк мурашек по и под кожей, но и, в то же все время, и одергивала, стрекоча током: и даже уже не намекая, а говоря и прямым текстом, что и вот это вот «*Жж – ни фига неспроста*». «Тишина перед бурей» – обещала *знатную* бурю: *учитывая* же еще и то, *какой* она и сама же уже была... «тишина». Холодом, сталью... и *морозящей* обреченностью. Одновременно же еще и выжигающей – все и вся, всех. Ну а после – и выдувающе-раздувающей оставшееся! Но и даже, если это и был сон!.. Была и *галлюцинация*. Или было и во-

все: помутнение разума-рассудка. Была же – и *правда!*.. Ну а всему, как и этому, как известно, рано или поздно: приходит конец. В их же все и случае – даже и не в скором времени, а прямо: здесь и сейчас. Надо – пользоваться!..

Но и, замерев все же в какой-то момент на ее губах, он медленно отстранился от них, как и от нее: в этот раз – не предпринимая попыток и остаться же с ней, где уж и *на* ней, как и в прошлый же все, к примеру, касаясь и лбом лба же. Отстранился от Софии и... совсем, что и ей же уже даже и пришлось поступить так же, как и с тихим стоном разочарования открыть глаза, чтобы все-таки посмотреть на него!.. Теперь она могла и воочию видеть то, что чувствовала и что ощущала – в темно-синих глазах напротив было столько нежности и любви, сколько, она была уверена, не видела и за все те разы... *отдельно*. А «вместе»... А вместе *взятые* – видела, вот, здесь... сейчас! Что и не намекая же уже точно, да и прямым же текстом вновь, говорило за то, что... это «собранное», за все же время и им же, он будет и вот-вот готов отпустить – вместе с ней: проститься. Попрошиться и... распрощаться. Но и не простить!.. Как и она. И оба – ей же все и самой. Как и ее же все: саму. Об этом же еще-уже, к слову, говорили и все его же чувства, помимо же всех и таких же ощущений и эмоций: но и несмотря же ни на что – все такие же, как и в ней; довольно противоречивые и... «добивающие» этим – своим же противоречивым... сходством, от которого становилось больно, в принципе, так и еще же боль-

нее, чем ей и от своего-своих!.. Она видела здесь – *настоящее* отражение, без «отражения-отторжения», и понимала, что и в этом же все сейчас: они – одно. И виновата в этом – она. Опять же все: она!.. И от этого – становилось: еще более невыносимо. Не от двойного потока, количества; и такой же силы, качества. А от осознания и понимания, принятия того, что этому *человеку*, которому ты никогда подобного и не желал, желать не собирался, скорее себе и все перекинув на себя и забрав себе же, *больно!*.. *Ему* – больно! А *ты* – просто не знаешь: как ему с этим помочь?.. Что сказать; или *сделать*? Как разделить – *это*? А еще же лучше: *совсем* забрать!.. Еще теплилась надежда – на один вариант, даже и не предпоследне-крайний, а уже именно последний: и она, как могла, оттягивала его, чтобы не повторить прошлый раз – и не разбить зеркало окончательно. *То*. Да. А потом – и *завесить*. Не «те» и... *Эти*. «Черным»!.. Но и терять же было – уже нечего и некого; как и ждать – какого-то там сигнала. Опять же!.. Прошлый опыт ожидания и высматривая чего-то подобного – не увенчался же успехом. А значит – можно было рисковать и делать то, что в голову придет и взбредет!.. Сразу же. Не раздумывая! Какая разница, если *конец*? Если она уже подорвала – его доверие. Перед этим уничтожив доверие – к нему же и в себе!.. За что еще ей – беспокоиться, кроме этого? *Делай, что делаешь и будь, что будет!* По крайней мере: *будет*, чем себя успокоить потом. После всего!.. Сделала все, что могла; и *не!* И вот теперь – точно: *не*

получилось. *Не* фартануло!.. Зато: попробовала. И *не* жаль!..

– Можно?.. – Егор нахмурился и свел свои светлые брови у переносицы: не сразу поняв, теперь уже и он, *к чему* это относилось?.. К чему относился – *ее*: вопрос. К чему *именно*, во-первых. А во-вторых... Пронаблюдав мельтешение ее эмоций, от плюса к минусу, и обратно, как и ее же все мелких черных зрачков, но и по его же уже лицу, он, по итогу же и всего, был не то, что загипнотизирован – впал в какой-то ступор и анабиоз: залип и будто бы еще же и ушел в краткосрочную кому. Ну а как только она подала голос – сразу же и проснулся. *Проснулся!*.. И смутился! Только же все и сейчас, казалось, осознав: до *чего* ее довел. *Насколько* сильно – ее напугал!.. Что теперь ей *приходится* – спрашивать на все это и *его*: разрешение. Как и... В самом начале!.. С одним лишь только отличием: теперь он – ее доводил не потому, что *Анна*. А потому, что *София!*.. Но и «из-за» Анны. Да. Это – было бесспорно. Но и лишь сейчас же все и здесь – чуть меньше. В большинстве и приоритете же все, в этот раз, оказалась – сама же: София. Этот раунд – был за ней!.. Вот и только же вновь как-то и никто же этому первенству и победе – был никак не рад. Но, и все-таки же кивнув, он *ослабил* свою мимику: чтобы вдруг окончательно не испугать и не спугнуть ее порыв; ее же еще, считай, пусть и в этом, но и *первый* шаг – к нему!.. И девушка помешкала, не сразу да и верно же еще растолковав его такое задумчивое и тут же *быстрое* согласие, будто бы и отмашку от нее, но и после же,

все-таки и собравшись, подняла обе свои руки и вернула их на его лицо: не нагибая его к себе и не притягивая!.. *Просто*. Положила кисти открытыми ладонями на его щеки, кончиками пальцев касаясь его висков, и прикрыла уже и свои глаза, решаясь выдать все. И Егор тоже – последовал за ней. Что ж!.. Если и *рассказывать-показывать*, то и до конца: зная следствие и итог – он должен был узнать мотивы и причины; должен был узнать и то, что и, как раз таки, и побудило ее – разувериться и утратить доверие. «Диалог», *картина* и то... «действие» – были, конечно, основополагающими; и куда более увесистыми: в сравнении же все и с ее личными комплексами, какими-то же еще и «тараканами»... в этой же плоскости. Но!.. Так – она хотя бы могла структурировать все и «добить» до того: к *чему* все это пришло; а не ссылаясь – только лишь на скупые и *сухие* факты. Нужна же была – связка; и должны были быть *нити*, параллели: ее мысли и размышления, так называемые и *помыслы!* Вытянутые из клубка... *хорошо* смоченного и почти утонувшего в ее же все и: чувствах, эмоциях и ощущениях. Их нужно было – отделить и разделить, просушив!.. Буквально: выжав и обсосав. Выдав: наживую и -голо. И она – сделала это!.. А как закончила «эзекуцию-любовь для обоих мозгов» – открыла глаза и увидела его, еще погруженного в ее «мысленные растяжки»: с закрытыми глазами; но и тоже же уже, постепенно, выходящего из них. Веки из спокойного и блаженного состояния – задрожали, начиная, понемногу, раскрываться!.. И она

тут же поспешила-решила убрать свои руки от него и раньше, прежде, чем он мог как-то и не так на них отреагировать: даже просто и банально ощутив их, как и саму же ее, в своем же все поле и пространстве!.. Ощутить и *на* себе, как и после сна. Не фотографируют *во сне*, спящих – это ладно. Но и *это* было бы – слишком резко и резким, чтобы адекватно и спокойно воспринять, не сорвавшись; и так же резко не отреагировав на «вмешательство»!.. Но и когда же она все же отняла руки от него и начала их опускать – он поймал их на полпути и сжал вновь в своих: своими же еще-уже и руками – накрыв ее поверх; после чего еще и притягивая саму девушку к себе и своей груди! София тут же замерла, оторопев, и будучи обескураженной: но и посчитала нужным – все-таки что-то же еще и сказать; и как потом же уже оказалось – не она и одна: так и мысли же еще у *д... воих* – схожи. – Прости!.. – И слово же разнеслось – эхом!.. Да еще и *так*, что и удивившись-оторопев повторно, она отняла глаза от *их* рук и посмотрела на не менее удивленного и даже, *более того* шокированного парня: было вновь же не понятно только – от чего больше; от ее *дополнений* или слова, произнесенного *в унисон*?.. Но!.. Она была рада – и этому: *какой-то* реакции. Пусть даже – и не совсем положительной. Зато!.. Не молчит! И остался. А мог ведь – и уйти. Навсег-да!.. – Я сомневалась и не доверяла – вначале! – Продолжила все-таки и одна уже София, пока и Егор, в свою же очередь, пытался подобрать слова. – А когда уже даже и *увидела* эти самые дыры – по-

няла, что... Ошиблась! *Дважды!*.. Что, пусть не на действиях, но на мыслях и словах – уже изменила тебе; и фактически – *предала*. Мне стало обидно – за себя, *тебя*; и больно. А после!.. – И дернула плечами, хлопнув носом. – Было ли это попыткой – вычиститься и *выбелиться*, отмолиться? Не знаю!.. Но и я же все опять, «думающая», докрутила все и до того, что... приняла это: за чистую монету. Что так – и *должно* было быть!.. *Так* – и должно было случиться. С тобой. *Не с тобой!*.. – И покачала головой, поджав губы. – Что *она* – имела право на это: так как была *первопроходцем*... во всем же вот этом. И... Если так еще же и подумать, «туда» же: она просто – возвращала и вернула, по итогу же все, и «свое»! Вернула то, что и я же сама еще – у нее отобрала. И!.. – Горестно усмехнулась. – Я – смирилась. *Тупо?*.. Да! *Глупо?*.. Тоже: да. Да и *дважды* же еще. «Трижды»!.. Но и это же еще *так* – засело во мне, что я!..

Но и в тот же все момент, когда София только лишь и набрала побольше воздуха, чтобы продолжить – она окончательно и прервалась, не в силах закончить: почувствовав, в очередной же все и раз, не только, что время остановилось, как и ее же собственное дыхание, вместе с сердцем, замерли, но и губы Егора на своих. И были же дальше, дольше и глубже – только они!.. Опять... И *снова*. Они и... вдвоем. Не сходя с места и конкретно же все этой точки времени. Остановилось же враз – и все!.. Как она и хотела; и как хотел он. Так и она же еще-уже – не просто понимала-чувствовала это, она

ощущала это. И он же еще даже и сам – показывал *наглядно* ей это, закусывая и кусая, почти и прокусывая ее губы: не выбивая, нет, а стараясь вырвать эту дурь – не столько из и ее же все головы, сколько из ее же и рта; снять, сорвать с языка – и больше не возвращать, как и не возвращать-ся же самим во все это. Не возвращать – и всю эту: дрянь!.. Не давать и не дать же ей еще даже и шанса, возможности – зажить своей жизнью, явившись в и на этот свет... *своей* тьмой: как и вдруг так же сбыться и осуществиться, изменив все и всем, вся!.. И все, вся и всё же вмиг – стало так же и совсем неважным, вообще и... совершенно! Потому что он – буквально и заставил же ее еще и сам: забыться. Просто – забыть все; и позабыть – про всех и вся; -напросто – забыть. Стирая и остервенело, почти животно и зверски, выгрызая это: из нее, себя и вокруг же них. И да, здесь – уже не было: ласки и нежности, мягкости. Но и была-таки – любовь! Та же ее все – страстная и... голодная сторона: которая не тянула и не оттягивала, не растягивала момент, беря все и сразу, здесь и сейчас; ничего не оставляя – на потом и взамен. И хоть все разрешилось, в и на этом моменте, как никогда хорошо и даже *прекрасно* – София все до последнего и «победного»: боялась прикоснуться к нему!.. Когда, как и он же сам, практически сразу отпустил ее руки из своего-своих плена – и обхватил ими ее за талию, вжав в себя. Ее же руки – все продолжали покоиться: на его груди!.. И не потому, что она все еще грела мысль о моменте, когда все-таки оторвется, немного его и отпих-

нув-отстранив от себя, и продолжит говорить то, что начала, после что-нибудь еще и у него спросив, чтобы уже и он сам – заговорил-ответил; а потому, что боялась: *боялась*, что он очнется и очухается, развернется и все же уйдет. В тот же раз – она таки и спросила разрешения, получив и согласие. В позапрошлый – не спросив, «нарвалась»: жертвой чему – стало ни в чем неповинное зеркало. Ей просто не хотелось быть, уже и в этот раз, самой – зеркалом, как и лишаться его окончательно: что, к слову, было и в обе же вновь стороны – как в Егора, так и в эту же все бедную и несчастную треснувшую «отражающую поверхность»!.. Ну и вот, как она просто стояла – так и продолжала же стоять: даже еще толком и не отвечая на... «поцелуи»? Да ну. *Ну да!*.. Ведь и скорее: на *поглощения* – ее тела и души. Но и позволяла, да. Позволила и до-звонила, разрешала ему спускаться и спустить же весь свой-его пыл – на себе; и себя. Только и не руша же лишь все – всё и вся, всех же вокруг!.. Ну а когда уже и ему это надоело, как и безответный, его же все и порыв, с ее стороны – он отпустил ее талию правой рукой, отвел ею ее руки от себя, расцепил их и закинул за свою шею, на спину: отметив затем – как она прошлась ими от первой до последней же и остановилась на лопатках; и удовлетворенно проурчал-мурчал, взявшись за следующую «базу». Этой же рукой – надавил на ее скулы, приоткрывая губы и рот, уже и не просясь внутрь, а *требуя*, чтобы его впустили: и девушка «сдалась» – сделала это!.. Но, и как он уже потом понял, на своих же еще и

условиях – ведь и, снеся все попытки над начавшими уже прямо и порядком же нить и даже подвывать губами, она таки выпустила к своему языку его и тут же прикусила тот, меняя траекторию нападения: и уже сама – орудия и отправляя «ответочки» по адресу. Долго это, конечно, не продлилось, но и ответить за принесенно-нанесенный собой же «ущерб» – он был должен!.. Дальше же – она снова замерла, привстав на носочки, и скрестила руки на его спине: начав постепенно и сбивать же его пыл, *отвечая*, но и не «просто» – с каждым разом все нежнее и нежнее, медленнее и трепетнее, мягче и ласкающе. Пока и он – ни поддался и ни перешел от наступления и нападения: к умиротворению и наслаждению!.. Долго бы она этой его пытки, пусть и вполне заслуженной, просто не вынесла: а и хотелось же, чтобы это не прекращалось и не кончалось. И она целовала его *так*, чтобы уже и самой передать не на словах, а в чувствах и ощущениях, эмоциях – как *сильно* виновата: и *как*, действительно, скучала по нему, *настоящему* и его таким же поцелуям!.. Вот только и тут же все – хорошего понемножку. Ведь и, как назло лишь сейчас, в этот самый момент, она до конца прознала – холод пола: когда правой ногой оказалась на пледе, а левой – на нем же и голом. И, покрывшись гусиной кожей, попыталась их совместить, никого не обделяя; и более – не разделяя. Но и добилась же лишь вновь только того, что поскользнулась и, разорвав поцелуй, почти и упала. Благо – все же и вовремя уже: была подхвачена Егором – и тут же усажена на тумбу; во из-

бежание дальнейших пируэтов и жертв от них!.. Забавно, но и все же припомнив подобные все и мысли чуть ранее, в этом же еще самом и ключе, в коридоре, покрывалах, она даже и подумать не могла, что окажется в этом и так, да, на тумбе, с ним, но и!.. «Мечты идиота» сбываются – как лишь и *они* того хотят. Ну а оказавшись таки, если уж и не *наконец*, между ее ног и сжав их руками, сам блондин некоторое время, как и она, пребывал в тишине и молчании: а как только ситуация окончательно прояснилась – засмеялся вместе с ней, положив голову на ее левое плечо, а лицо – спрятав с той же стороны шеи. И, между делом, приводя еще дыхание в норму, как и сердце в адекватный ритм, начал касаться губами ее кожи и прямо-таки уже и наслаждаться же тем, что смог не только ее уgomонить, но и расслабить, заставить, в хорошем же смысле этого слова, ее не бояться его, а еще и получить удовольствие: доставить его ей и получить его же себе; раз от разу ловя и отмечая про себя ее мурашки, но и уже не от холода, а от его касания к ней.

– «Теплокровные твари», да?.. – Проговорил-спросил он ее спокойно и умиротворенно: в ее же кожу. – А *мы* – хладнокровные! Начал же уже и забывать: какого это – чувствовать и ощущать температуру. С тобой – вспомнил!..

– Мало приятного, знаешь ли... – Фыркнула София, возвращая правую руку на его спину, а левой – зарываясь в его же светлые волосы. – Не говори, что завидуешь!..

– А если: *да?* – И укусил участок кожи за ее левым ухом: на

что уже и она, в его руках, тут же ответила, содрогнувшись. – Ты поймешь меня, когда выберешь: что-то *одно*.

– Я понимала тебя – и без этого... – Качнула головой брюнетка и поджала губы, не имея и уже возможности *прикусить*: точно не зная – остались ли они еще и вообще, но и, подметив, как парень в ее руках замер, словно бы и ожидая приговора, последующего за ее «прошедшим временем», продолжила. – Понимала – тогда; понимаю – и *сейчас!*..

– Хорошо, что у нас есть Ксандер, правда?.. – Подняв руки по ее ногам к спине, блондин все же и сам же еще отстранился и посмотрел на Софию, начиная не спеша поглаживать ее кожу через ткань своей же рубашки. – Кто бы еще – *так* мог: тормознуть на вираже и дрифте?.. Да и дурь же еще всю выбить, не выбивая!

– Ты!.. Не выбивая, а «вырывая».

И он усмехнулся – ее такой и впрямь же еще «серьезной предьяве», но и тут же сник, опустившись глазами по ее лицу, от глаз к губам, а после и самим своим лицом, накрывая ее губы своими: уже не с зубами, а кончиком языка; стараясь не слизать, а зализать ее раны. Затем – вновь отстранился, но остался напротив нее, касаясь лбом ее:

– Я бы мог залечить, но и ты же откажешь!.. – Надул губы Егор, вызывая не только этим, но и милотой смех Софии. И только сейчас вспомнив про *заслон* – «опустил» его.

– Думаю, если, и действительно, захочет – она справится

и сама!.. – Послышался мужской голос из-за спины парня и девушка, распознав его, тут же стушевалась: с каким-то же еще и тихим «ойканьем» – прячась за него, его спину и в его же груди, продолжая находиться не в лучшем виде для «гостей»; и в *их* же все мирке. На что уже и сам блондин – только покачал головой: но и роль стены-щита – выполнил прекрасно; с озорным огоньком смотря на вошедшего, в белой *новой* больничной рубашке и с бежевым ворсистым пледом на плечах, через зеркало – и отражаясь им же, в *его* же... карих глазах. – Или *я* – помогу! Правда, *дочь?*..

– Да ради всего... *твоего* же все и святого... Серег!.. – Возник рядом с ним уже и переодевшийся Александр, в серой классической жилетке с «v-образным» вырезом поверх голубой рубашки, закатанной до локтей в рукавах, и темно-серых потертых джинсах, тут же подхватив друга под его же правую руку своей и, перекинув ее через свое же и все то же плечо, облокотив, тем самым же, его на себя, продолжил. – Тебе – *лежать*: нужно! – Хмуро посетовал он. – Надо. И *требуется!*.. «Постельный режим», что, *мне* был прописан?.. Еще – и ребятам помешал! Спасу на тебя – нет; и *от* тебя!..

– Так, а почему она – не зашла и не прошла?.. – Всплеснул руками брюнет, обстреливая уже и сам своим серьезным взглядом спины обоих: одного – перед собой, а другую – через зеркало. – Не поздоровалась – с родным же отцом. *Родная* дочь!.. Я уж не говорю – и за личное представление

мне... молодого человека! Да, я видел – его. Да и знал... Знаю!.. – Тут же поправился он и усмехнулся, слыша ее тихий скулеж и легкую брань к нему, вроде: «*Какой же ты все же – “неисправимый” засранец; и противный!..*». – Теперь, вот, еще и слышал!.. Слышу и вижу – воочию! А так – и не представлен. Ни я – ему. Ни он... И вы – не представлены же мне, в «новом» статусе, *оба!*.. Не порядок!

– Ну, па-а-а!.. – Протянула уже даже и страдальчески София и забилась в самый дальний уголок тумбы, стараясь одновременно: и раствориться, и вжаться в Егора всей собой. На что уже не только парень, но и двое же все мужчин – отреагировали смехом: а первый – еще и сам уже даже вжал ее в себя, максимально собрав ее в охапку и шепча на ее левое же все и ухо слова успокоения, что: «*Все в порядке!.. Ты чего? Все же – свои!..*». Но и это же – никак не помогало и не спасало, а делало только хуже: мало же еще и того, что она в одной рубашке, пусть и поверх все же нижнего белья, но и его же лишь только *нижней* части, так еще и на остатке-осадке – в объятиях все еще вроде как, ведь и не представленного нормально-по-новому, «брата»; и далеко не братских. Далеко и: *не* брата!.. И тогда он уже и сам обратился своим светло-синим взглядом к Александру через зеркало – и тот понял все без слов: сначала ведь еще и сам увидел; а после – и глазами же, не только же уже и своими светло-серыми, убедился, что, и как бы там ни было, но они тут, конкретно же все *сейчас и здесь* – лишние. Стеснят же девчонку – еще

больше: и она взорвется, а там и разорвется – от и прямо-таки уже и излишнего притока крови к коже. Не говоря уж и за лишь возможные, но и потянутые *за собой*: неуверенность, недостатки, комплексы и далее по списку проблем не только в полово-интимной – *жизни*, в принципе!

– Нет!.. – Не унимался раздосадованный и разозленный без малого, зато и *много*, Сергей. – Мне кто-нибудь объяснит?.. Ксан! – И глянул непонимающе на русоволосого. – Почему, с твоих же все и слов, мы *не* должны были – выходить сюда, а и должны были сидеть: тише воды, ниже травы?.. В *этом* же!.. – И указал своей правой рукой, что так и покоилась, была заброшена на второго, в сторону пары. – Нет ничего предосудительного! В плане... Вполне же: естественно и логично. Не-безобразно! Ну а то, что она краснеет!..

– Из-за нас двоих – она и краснеет, брат!.. – Хохотнул Александр и потянул его обратно в гостиную. – Идем! Поэтому-то – мы и не должны были выходить. Не мешай детям – принимать друг друга!.. – И, подмигнув Егору, обратился уже и к ним обоим с легкой улыбкой. – Как закончите – проходите!.. Мы *все* собрались – только вас и ждем.

Продолжая же еще затем держать девушку в объятии левой руки и гладить ее по спине правой, параллельно шепча еще какие-то глупости и все, что только в голову взбредет, чтобы успокоить, Егор, наконец, убедился, что они остались одни и только тогда распрямился, с широкой улыбкой отмечая, как девушка и, правда, покраснела: а еще сжалась, но

и уже не так сильно и крупно дрожала, хоть и еще немного, легко тряслась. После чего – последовала пауза!.. Ее ступор. Резкое поднятие головы... И расширенные черные зрачки – на фоне светло-карих радужек: и пусть уже и в меру, но и раскрытого, *в поддержке* все и первых-первым, рта. Не так, чтобы потерять на полу нижнюю челюсть, конечно; но и чтобы уже делать ставки – *куда* она приземлится, да. Что, и опять-таки, означало одно – она, наконец, поняла! И до нее так же все – дошло: враз и все, «все»!.. И блондин вновь взрывается смехом, да и чего там – хохотом, вновь «скрывая» *их* ото всех.

– *Все?!..* Стоп. «Там», что?.. И?.. – Ее же, тем временем, все кидает из холода в жар, возвращая одновременно дрожь: в тело, душу и голос. – И С-Совет? А *мы?!..* Мы – *здесь!*

– Все-все!.. – Вновь обнял ее парень, предотвращая и дальнейшие вырывания, как и несогласия: так и блокируя же с руками – еще и ее ноги, за- и прижимая их теперь своими. – Но и они же все слышали – *не всё*; как и «видели». Я... *мы* же нас – прикрывали и «скрывали»: какое-то время; как и сейчас же, вот, все. Но и то, что им никак не нужно – осталось с нами и при нас: как и *нужное* – лишь только нам! Успокаивайся, давай!.. – Легко и спокойно напутствовал ее он, оглаживая спину. – Все – взрослые люди; и всё понимают. *Что естественно – то небезобразно*, м? Это – и твой отец... почти... сказал!

– Егор!.. – Шикнула она и, не имея уже возможности как-

либо его ударить, руками и-ли ногами, стучала-била в его грудную клетку своей же головой.

– Ладно... – Улыбнулся он и оставил легкий поцелуй на ее макушке и в темных волосах, жадно вновь вдохнув ее запах, вместе со сладостной свободой сирени после дождя и легкой кислинкой скошенной травы, и, прикрыв глаза, вновь начал покачиваться из стороны в сторону, раскачивая с собой и ее: так и не забывая же еще одновременно-параллельно – и гладить ее, правой рукой – по спине, а левой – по талии, плюсом же уже и ко всему – что-то напевая себе же и под нос; умиротворяюще-успокаивающее – его и ее.

– А ты бы, правда, сделал это?.. – Решилась все же на вопрос София, уже даже и не боясь ответа: ведь и каким бы он ни был – он будет правильным; изначально – для него, а после – и для нее. Ей же – и во благо!.. И да, сразу она согласна с этим – не была, как и не будет. Но, опять же, *потом!*.. Поймет и даже еще, возможно, и примет. Больше – она опасалась: его реакции!.. Слов и действий – за ней же: последующих. Ведь и они же уже, вроде как, помирились. Но и именно это «вроде как», как пыль и отвод глаз, смена темы – не нравилось ей. Хотелось – по- и прояснения ситуации: к чему готовиться; и чего ждать!.. – Согласился бы – с Анной?.. И на ее!.. – И осеклась, прокашлявшись, правильно все-таки начав подбирать слова и формулировки. – *Предложение.* Оставил бы – меня?.. Без себя.

– А ты бы и, правда, отказалась от всего: чтобы только

лишь и разделить со мной – вот это вот... *все?!* – Слово должно было быть иным – брюнетка поняла это сразу, но и, пусть внутренне, все же поблагодарила его за, вполне себе, и достойную *альтернативу*: ругаться же не хотелось. *Уже!*.. Как друг с другом. Так и использовать: «брань». Тем более – и сам же Егор: уже расслабился; и даже никак не отреагировал – на разрушенную ею, им же еще совсем недавно созданную, тишину; продолжая, как ни в чем не бывало, держать ее в своих руках, так и уже теперь, вместе с мелодией и какими-то только себе понятными напевами, доносящимися приглушенно из его же рта, но и себе-ему же все под нос, стал постукивать по спине Софии кончиками пальцев правой руки, вроде как еще и пересчитывая позвонки, тут же сетуя и на ее же худобу, а вроде как уже и наигрывая что-то, но и такое же все пока – свое; и лишь же себе. – Оставила бы *свое* – в пользу «моего»? – И София напряглась, как-то же еще затем и внутренне сжавшись. «...в пользу “моего”». И что, вот, он, на самом деле, подразумевал – под *этим*? Что имел и в виду, говоря ей это? «Моего», как... жизни? Или «моего», как... вида; и... *Анны*, в том числе?! Она же – тоже: демон. А значит... Могло ли это и *уже* – значить?.. – Та-а-ак!.. – Протянул блондин: сначала поняв, как пауза затянулась, а после же и буквально услышав, как заработали и застрекотали шестеренки в ее голове; и, оторвав ее голову от себя и своей груди, взял ее за шею обеими руками и большими пальцами приподнял под подбородок, на уровень сво-

их синих глаз. – Забыли – про: *думающую Софию!* Ты опять – начала накручивать себя; и за-кручиваться. И *причем!*.. – Сделал акцент на этом он, сузив глаза. – Ладно, если в свою и мою, а там и *нашу с тобой* сторону. Но ты же даже не имея в поле зрения ее – все равно думаешь в ее сторону и о ней. в ее же и разрезе! А должна – о себе и обо мне, *нас!*.. Как и я! – Кивнул Егор; и дождался того же и от Софии: что она пусть пока и не приняла, но и хотя бы уж поняла его. – Мое «да», на твой вопрос, знаменует – именно *это*: что я думал и думаю о тебе; даже когда и вовсе (не) *думаю!*.. – Усмехнулся он и покачал головой, «сознавая»: *слабость*. – Это – уже автоматика и ответ души, если не тела. *Порыв!* А ты!..

– Но оно так же – *и* не знаменует: «нас»! – Уточнила брюнетка. – Когда же и мое «да» – это: *мы*; и это – *для нас!*

– А ты и я?.. – Соединил их обоих лбами парень. – В отдельности! Названный мной ранее порядок – *не* подразумевает это. Да!.. Как и то, что и ты же еще и сама делаешь это – для третьего: общего и всего. Но!.. Опять-таки... и *снова* – забываешь о себе. Обо *мне!*.. – И, только лишь словив ее посерьезневший взгляд, вновь качнул головой, усмехнувшись. – И дело – не в твоём выборе, который я, как и ты же все думаешь, не приму. Не приму?.. Да. Но и только потому, что лишь не захочу – такую же, как... *та!* – И сgrimасничал, фыркнув еще затем и в сторону же гостиной. – И тебе, определенно, пойдет опять-таки – *пример*: «на лицо»! – И выбросил уже даже и свою правую руку – в сторону же все и

гостино-гостевой-общего-сбора комнаты, сжав ее кисть после и в кулак. – Но мы – не о ней, понимаешь?.. Если я, по какой-то причине, это и не приму – то только лишь по той, где ты ставишь *это* все на кон: нехотя! Где тебе – приходится, тебя и *заставляют* это делать, Софи!.. – Вернул вновь обе свои руки на ее талию он и чуть сжал ее, уделяя *особое* внимание, и таким же еще образом, этому моменту. – Где ты – *должна*: а так быть – *не* должно! Это – не должно быть: во имя, как и «вопреки». Тем более: назло! Это – должно: исходить от и *из* тебя; *твоего* же и решения! Где ты – своя же собственная: при любом раскладе. Не та, а... Своя! *Ты!*.. – И «стукнул» ее по носу – своим: *нажав* одним кончиком на другой. Ведь и, как там еще, «*Нажми на кнопку – получишь результат?..*». – А не Анна. И кто, что бы то; и там ни было... Ты – не будешь: похжей! – Прищурился Егор, «вводя» и *забивая* эту истину: не только серьезным взглядом, но и твердостью голоса. – Ты – не будешь: и такой же!.. Ты будешь – собой. Но и собой – от себя; и от своего же решения! *Опять же!*.. Только тогда – я приму это. Когда это – будешь: ты. Ну а после уже – я. А уже и потом, затем – мы; и *наше* же... все! – София промолчала, но сдержанно и утвердительно кивнула, осмысливая сказанное не спеша, пока Егор продолжал. – Ты – не приняла мой... *выбор!*.. – И, сцепив челюсти, грузно выдохнул: на мгновение прикрыв и глаза. – Да и «чем» бы он там ни был! Как и хоть и был он – им: не до конца... все-таки. И Анна меня с этим – прокатила... Но и это же – неваж-

но!.. – Потряс он после головой, отгоняя это и раз-гоняя. – Ты *не* приняла его – потому, что он: контрастировал с тобой и твоим пониманием. Ты не видела в этом – нас; но *мы* там – были. Я бы – *не* оставил тебя, Софи. И как сказал же еще Влад!.. – И, опустив затем голову, продолжил говорить – куда-то в ее же ноги; с тяжелым выдохом и грузом – не только на душе и сердце, но и на и в голове-голосе. – Я *не* оставляю – то, что: «мое». Ни одну из семей; и ни одного человека. Как и *не*!.. Не бросаю и не отказываюсь... до конца. Я же все равно – где-то рядом; и так же поблизости. Я бы не оставил и тебя: совсем!.. – Прижался он уже и к ее горлу своей макушкой, на что уже и сама девушка тут же среагировала: опустив на нее свои ладони, легко оглаживая и прочесывая пальцами короткие светлые прядки. – Я бы – был. Не *пря*м рядом, да, но... *Близко!*.. Но и если бы *так* я знал, что ты цела и невредима, как и все, кто мне близок и дорог, кто мною и *любим*: мне бы было достаточно – и этого; *вполне* же достаточно! – И, опустив обе руки на ее талию, привлек и ее саму следом в свои объятия: положив и всю же свою голову уже на ее же левое плечо, где уже и лежал, продолжив говорить куда-то и в изгиб ее же шеи. – Разница между моим и твоим выбором – в том, что... я принял *свой*: осознанно; и сам! Сойдясь с тобой – лишь в том, что: *за* кого-то. Но и если так еще подумать – я бы принял тебя, как и ты меня, только: спустя время. Здесь – не бывает: рано или поздно; *бывает* – вовремя! «В свое» и время. Когда же и *все, что ни делается, к лучшему.*

И «в тот» момент: когда *должно* произойти. Не раньше и не позже. В *нужное* время!.. И пусть даже, тем более: не мне и не тебе. Но!.. *Да*. Так и мы бы еще-уже и сами затем поняли, что: худшее – было к лучшему. Вот только... И по итогу!.. Я – один, из нас двоих, пришел бы: к *нам*. Даже – если бы и не убил ту где-то: между делом!.. – Хмыкнул приглушенно Егор и София вновь покачала головой, усмехаясь. – Мы бы – были: все равно. Когда же и ты – начала бы с конца; и не факт, что пришла бы к *началу*. *Конец* – не всегда обуславливает *то*: иногда он обуславливает только лишь – самого себя.

– То есть!.. Ты не хочешь, чтобы я стала и была – такой же, как... *ты*?

Развернувшись же лицом окончательно к ее шее, Егор лишь выдохнул своим прямо-таки уже и горячим дыханием в нее, а после – оставил влажный след от своих губ и кончика языка: рассыпая следом мириады мурашек – контрастом температур; одновременного жара и холода, параллельной сухости и влаги.

– Я *хочу*, чтобы ты стала и была – собой!.. – Грубо, но и, в то же время, тихо шепча и *шелестя* проговорил он. – Такой, как *ты*!.. Но и если... чтобы стать и быть *ей* окончательно и бесповоротно, укорениться прям и в этом, тебе нужно стать... *мной*!.. – Выплюнул это так отчужденно и сухо блондин, что девушка сжалась и сцепила веки, поджав нижнюю губу: бороться *с ним*, вместе с собой и за... «себя» – было плохой идеей, но процесс – был уже запущен и не остано-

вим!.. Нужно было понять и принять, смириться с тем, что пять веков борьбы и войны – не дадутся победой в одни сутки: куда уж там и за недели, месяцы; вполне же, могут пройти и годы, а там и века, столько же и веков, чтобы только лишь и прийти к чему-то. И хорошо, если придут, а то и только подходить начнут! Или вообще – только начнут идти и лишь пойдут. Но и главное же, все и опять, что по- и идут. Уже хорошо, да? Уже и *неплохо!* – Пусть будет – по-твоему! Но и что-то же мне уже подсказывает!.. – И он вновь приподнялся, оказавшись перед ней контактом: глаза в глаза. – Точнее – я это и уже вижу: ты и без этого – *неплохо* справляешься... *с этим*. Как минимум: нашла для поддержки и подстраховки – меня. Впрочем, как и не затрешины, так и мотивационного пинка – под твой!.. – И девушка хмыкнула, надувшись, ожидая очередной пошлятины: но получила лишь его правую изогнутую светлую бровь с поджатой левой, а затем и громкий залиvistый смех. Он ведь – и не собирался ничего *такого* говорить, как и *не*, но «желание дамы» – было законом; как он решил и сам же для и за себя уже давно: тут же – и для всех, и сейчас же, вот, здесь и для нее. И, щелкнув ее по носу указательным и большим пальцами правой руки, и ими же затем еще, «совершенно невзначай», ущипнув за правую же ее и ягодицу, тут же отвесил и знатный по ней же шлепок, продолжив со спокойным выражением лица и тоном голоса: пока и она же – не сводила с него своих шокированных карих глаз. – *Внутренний мир*. «Выпячивающийся» еще-уже,

и мало по малу, и на внешний. А и как максимум – стала такой, какой являла и казалась, представляла... саму *Тен!* – Утвердил парень, брюнетка же нахмурилась и изогнула губы в неприязни. – И *да*, пусть на деле-теле это и была Анна, но... *Ты* – справилась! Создала ей конкуренцию и дала фору, и как бы это по-нацистки и -расистки ни звучало, в строю же «ангелов». В нем: *прибыло* и до-прибыло!.. – И девушка рассмеялась, тут же еще и кивнув. – Если *ты* хочешь этого, чтобы не претендовать на «пост» – скажи это *прямым текстом*: своему же отцу. Для этого – совсем не обязательно творить: *таких* кардинальных перемен. Пусть... твоя «уловка»!.. – И он смерил ее внимательным и серьезным темно-синим взглядом, почти что и отчитывая в этот момент: что и София сама поняла это, поприжав нижнюю губу к верхней и опустив свой карий взор вниз. – На *Анну*... И «сработала», вроде как! Но это – не значит, что она так же работает: и на *твоего* же отца. Он – не примет ее!.. – И сразу же вернул ее взгляд на себя, приподняв за подбородок своей правой рукой. – Не вернет и обратно: ни в какой из реалий; ни в каком и из миров. И уж тем более: ни в какой из ипостасей!.. Куда он ее и вернет – так это: *туда же*, откуда она и пришла. И мы все ему будем за это – безусловно благодарны; как и остальному Совету! – Пожал плечами он и она согласно кивнула: уже же и сама будучи не рада, что и с этим к ней когда-то *сама* же пришла; но и, *что ни делается* же, все-таки. И пусть «там» – лучше бы и *не*: но и *знал бы прикуп!*.. – Он – не осудит тебя.

И, думаю, будет еще согласен со мной, как и с тем, что то, что он хотел тебе, не *вменив*, предложить «там» – было лишь и все той же: «альтернативой»; для того и тому только, чего могло и не быть, не произойти *здесь*. Если бы твоя жизнь – не сложилась и не «устроилась» здесь!.. – И указал правым указательным пальцем на пол: под своими и еще немного ее ногами. – То, и вполне бы, послужила «трамплином» – туда! – И поднял его же кверху. – Отработкой кармы или ее *установок*... Как ни посмотри; и кто бы так же все ни назови!.. – Отмахнулся Егор и вернул обе свои руки вновь на ее же талию. – Слуги народа – *выходцы* из народа: *им* – и заправляют. Знают: что, куда и откуда!.. Почему, зачем и... как! – И, прижавшись к ее лбу своим, легонько уже мазнул кончиком своего носа по ее: мотивируя еще, и тем самым, ее мягко улыбнуться и ненадолго прикрыть глаза, *прочувствовав* это, нежели увидев; и повторил за ней. – Но и, кажется, теперь в этом – и нет смысла?.. И как бы *нескромно* ни было... Все сложилось и *устроилось* – разве нет?..

– Ты прав... – Спокойно выдохнула София и улыбнулась же чуть шире: не только чувствуя и ощущая его, но еще и дыша же им самим практически, его дыханием и *им* же самим, находясь же еще и приходясь губами – в его же губы: с приторностью елового сока и почти и незаметной горчинкой морской соли.

– А если уж это касается – твоей «пары»... и *мне*. «Партии» – для меня!.. То... Это – не стоит: так уж и этого. Не

стоит – *изгалиния* и перерождения: как таковых!.. Но и только же все лишь: если это – *не* твое же собственное решение! – Вновь установил грань и линию внимания парень, отчеркнув. – Тогда – это уже другой вопрос; и такие же, иные сроки рассмотрения: вместе и с всевозможными *компромиссами*. Но!.. Если и *такового* нет, то... Мы можем сойтись – и на примере, как *пары*, твоего брата и Полины! А там, может, и Карина с Никитосом подтянутся!.. – Усмехнулся он, поддерживаемый и ей в легком смехе: – Что ж!.. Как по мне – не худшее развитие событий, как и фон: для *нашей* основы; и *своей* же интерпретации. А бюрократия – везде одинаковая!.. Как и с *детьми*!

Тут – он открывает глаза: и девушка – вслед же за ним; чуть ли и *ни* ресничка в ресничку. Словно бы – и в том же самом механизме: подойдя шестеренками – прорезь в прорезь. Ну или еще «полосы» зебры: пусть и только лишь *черные*... на белом. Истинно черного ведь – ничего, как и никого не бывает. Как и *дороги* – под и другой-иной уже «зеброй». Или клавиши в *фортепиано*: рояле; ведь и не «вертикально». И София еще шире и ярче улыбается, хоть и подавляя все же свое восторженное аханье: чтобы только лишь не переменить и не спугнуть то, что увидела и видит же еще пока до сих пор – впервые же так и именно же еще *так*, а не иначе, не по-другому... попала в лес. *В лес*!.. Лишь и с небольшим же еще, хотя и скорее же *уже* количеством камней: на выстланной зеленой листвой и хвоей светло-коричневой земляной

дорожке. Это – был: лес. Самый настоящий... *зеленый лес!* Как и такое же все самое чистое и спокойное, одухотворенно-умиротворенное – из всех его состояний: которое она же еще и *сама* – когда-либо видела в нем и *с ним*; без позволения и до-звонения. Как и «утаивания»!..

– Ты и, правда, хочешь?.. – Прошептал он, помня же еще и про *купол*: но и не от нежелания быть услышанным и подслушанным, а от нежелания разбить – такой хрупкий и уютный, мирный момент; их *двоих*... и только в *их* же все и мире.

– В перспективе... – Подстроилась под его тон София. – Почему бы и нет?.. А ты?

Ответом же ей и уже затем стало – объятие!.. Самое крепкое и сильное – и вновь же все: из его, а там и *не*, в принципе же все и возможных. И такой же поцелуй – только в шею: не решившись и далее терзать ее и так, и без того не в меру истерзанные уста – он отдал предпочтение пусть и другому, но и не менее приятному ему, как и ей, ее же участку тела. После чего же еще и поднимаясь по ней, ведя дорожку из поцелуев, и коснулся ее левой ушной раковины: сначала втянув губами ее мочку, а после – и прикусив ее; срывая с губ хозяйки – тихий, но и довольно-таки увесистый, при всем при том, стон.

– А я – уже начал!.. – Добавил к действиям и все же он: не отрываясь от своего занятия, так и затем же еще спустившись руками и к ее ногам, распутав до этого вжавшуюся и вжатую в него же миниатюрную фигурку, и расположившись

между ними.

– Егор!.. Ну нас же ждут! – Попыталась отстранить его от себя брюнетка, не и себя же от него, ведь здесь бы уж точно проиграла и сразу: но и на что и там, и с тем же – лишь только еще сильнее и крепче была прижата к нему, его телу, да-к и чуть же еще и завалена на тумбу, упираясь теперь уже и своей макушкой в зеркало, а ногами – «разместившись» на его поясе, *коленями*, икрами же и ступнями – «скрестившись» за его спиной.

– Не так – это должно было звучать!.. – Оторвался уже и сам даже от нее он и сделал задумчивый вид: опускаясь, меж тем, ладонями от ее колен к ягодицам – и тут же сжал их; с еле различимым... *другим*, но и слышимым же все и ими двоими, шлепком. – Точно!.. «*Не при всех!*»! – И глянул на нее хитрым взглядом: над не менее хитрющим оскалом. – Что?.. Хочешь поговорить – об этом? Или все же – о том, *как* ходила: во всем же и вот... *этом!*!.. – И указал своей левой рукой – в сторону покрывала и пледа: оставленных кучей на полу; после и чего же вернувшись ею же – и к ней же самой: легким мазком пройдясь – по своей рубашке и *такому* же телу под ней. – *Ни в чем!* «По улице»!..

– Я *не* ходила – в «этом»!.. – Скуксилась сразу же девушка, будучи пристыженной: еще-уже и не только же собой. – Я же, как вылетела... *в этом...* из машины, так и влетела же обратно. Ну!.. – И, прикусив таки нижнюю губу, сделала самое невинное из *не* и возможных, *своих*, лицо. – Может, и

посидела немного на мосту! Но и кому – какое дело?!

На что уже и Егор, нагнувшись над ней и буквально вдавив своей твердой грудной клеткой ее в и так твердую поверхность, яростно прошептал ей в самые же губы:

– До одетого Ксандера и раздетой тебя?.. Буквально же еще и только-только снятой и даже «вырванной»: из сна и с постели! Около машины и... «На мосту»! Никакого!.. – Хмыкнул он и всплеснул руками, будто еще и хищник-коршун крыльями над своей добычей-жертвой; и *не* будто. – Да! Со-вер-шен-но!.. Обычное событие. И такой же день!..

– Егор!.. Мне нужно одеться! – Толкнула она его уже и впрямь рьяно-резко от себя, но и он же не сдвинулся: даже и не думал; наоборот – приблизился и придавил сильнее: – Нет, тебе *нужно*, наконец, поиметь совесть! – И облокотился справа от нее, для нее же – слева, на свою такую же руку: с неохотой, конечно, убрannую от ее тела; но и нужную – для пуще-большого эффекта. – И не раньше же, чем и она!.. С того же дня, как ты появилась в моей комнате, *нашей* спальне и... постели – мы несем потери, родная! В тот же раз – был этот чертов медведь! Теперь: это!.. – И вновь его левая рука взметнулась и улетела в сторону покрывала и пледа. – Если я – и представлял какую-то «грязь» и такой же вид «замарывания», то точно не это!.. Минимум – крошки в постели. А и максимум!..

– Да?!.. – Перебила его поток сарказма-иронии и пошлости негодующе брюнетка. – А ничего, что я *в первый раз* –

так ходила; и именно так же все – и «пачкала»?! Са-ма!.. Когда же и все прошлые разы – были наши же все и с тобой бывшие, так или иначе! Или, что?.. – И изогнула уже и так же все сама, со скепсисом и обидой, свою темную же правую бровь, поджав левую. – Мне тебе напомнить: *как* с нами оказался – медведь?.. Или тебе – мне, как там же все и оказалась: Анна? В «первый» раз – мы были оба; и... *такой себе* «тройничок»! А во *второй*, м?..

– Уела!.. – Сузил свои серо-синие глаза блондин и быстро поцеловал ее в нос, сразу же исчезая из ее же поля зрения: чтобы подобрать все, что они разбросали; и что не было уже, как и в принципе же еще нужно тут. – Сиди – тут: я все это унесу; и другое принесу! Иначе!.. – И поиграл уже и своими светлыми бровями, усмехаясь. – Цветом «полной капитуляции» с этого дня – станет и будет признан *красный*; а не «белый».

И *растворился*, унося с собой покрывало с пледом... и «купол»: под тихий смех Софии и закатывание глаз – на его очередной «подкол» и «шпильку»... в сторону ее же все и прямо-таки «горящего» лица. После чего, и все же поднявшись, более-менее и хотя бы уж головой, она застонала в голое, в разочаровании и от увиденного же в зеркале: как нельзя кстати – отраженного с ее же все лица и прически; не только и столько же – от перемешивания всего и сразу... *в одно*, сколько от почти что и полного же отсутствия: и того, и другого... *без* третьего. И, прикрыв так свои карие глаза с тя-

желым вздохом, начала «лечение», *потонув* и вся же в белом свете: как и Егор же перед этим – в «черном».

Глава 32

– София?... Егор? Пройдите, пожалуйста, в гостиную! – Донесся до двоих грубый незнакомый мужской голос изнутри квартиры и той же самой все «гостевой» комнаты.

И, в последний раз оправив капюшон своей уже и белой спортивной длинной кофты, брошенной поверх таких же штанов, первая обернулась и тут же попала в кольцо рук второго: вжавшись в него затем – со всей возможной и не, как и *своей*, силой. После чего – вдохнула еще немного *его* запах, с примесью все того же моря, леса и скал, будто же уже и напоследок: решив, перед какой-никакой, а и, по-видимому же, все же и «смертью», надышаться и *продышать*; и спустя время – отстранилась... с благодарной улыбкой. Чувствуя, *ощущая* – поддержку!.. Да и не только в этом, в нем самом и его же и объятиях, как и после – в ярко-синем взгляде, но и в нахождении его рядом, *с* ней; а после и за спиной, пусть уже и именно *во* *взгляде*, но и когда она уже его обошла и направилась ко всем. Ну а уже по пути, мельком осмотрев и их, так же, к слову, параллельно-одновременно и *поздоровавшись*, стараясь, как и прежде же все, обращать поменьше внимания на себя, не говоря уже и о том, что и так, и без того всех же задержали, *вдвоем*, она прошла непосредственно к камину: по обе стороны от которого – и стояли двое членов

Совета; когда же еще-уже и *третий*, в силу обстоятельств, лежал пред ними – на диване. Слева же от него, на подлокотнике последнего, сидел Александр, когда же и справа – Женя, в светло-розовой футболке-тенниске и темно-синих джинсах: будто же еще и *как* два черта... *не* в черном же, но и на плечах ангела; хотя и на деле же все – демона. В то же самое время и Полина – сидела справа уже и от него, в кресле; в футболке в черно-белую горизонтальную широкую полосу и рваных светло-голубых джинсах; подобрав под себя ноги и привалившись на левую руку и такой же бок: ее голубы глаза – были подведены черным карандашом, пока и на щеках играл легкий естественно-розовый румянец, как и почти что на губах, но и легкий уже тот же блеск, когда и ногти же ее, средней длины и овальной формы, были выкрашены в тон. Что же до Никита, в темно-зеленой рубашке и бежевых джинсах, и Карины, в белой футболке и светло-серых джинсах, лишь еще и слегка прошедшейся светло-серыми тенями по векам и накрасившей губы бежевым блеском, в тон же все и своим средней длины и миндалевидной формы ногтям, и иже с ними, то бишь *Владом*: сидели они втроем – за столом. И туда же – направился и Егор, а следом за ним и Анна, почти и «хвостиком», а и точнее же все «бан-ным листом», увязавшись, но и была же сразу же остановлена: сначала предупреждающим взглядом, а после и жестом, вытянутой перед собой и ней правой рукой, с раскрытой ладонью, янтарноглазого же; со словами же еще и о том, что:

«*Это – сугубо: “мужская зона”*». На немой вопрос же уже и о Карине от брюнетки – он так же не растерялся и ответил, что: «*А она уже давно – как своя. Ну, знаешь!.. Свой... в доску... парень. “Пацан” и... Бро! Братюня. Бра-ту-шок... Да-бро?..*». Заставив, тем самым, уже и блондина рассмеяться, а двух «детей» – пнуть его ногами под столом: разом и с *правой*; так как и те же еще – сидели напротив него и лицом к нему же, как и окнам в пол. Где и он же сам уже – спиной к последним; и лицом – к первым. Тут же, кстати, *отхватывая* и за «*положительное отношение к меньшинствам*», бисексуалам и гомосексуалам, сказав-продолжив, что: «*...и против гетеросексуалов – я тоже ничего против не имею*»; ведь и после чего еще-уже заставил их – и вовсе покраснеть. Ну а уже и за это затем – отхватил подзатыльник и от Егора, севшего, как нельзя и *кстати* же все, рядом уже и с ним самим: *слева*. Не сильный!.. Ведь и Анна все-таки оставила их в покое и вернулась обратно к дивану, подойдя к нему со спинки, пристроившись к Артему, слева же уже и сама от него, одетому в темно-синюю рубашку и темно-бордовые же джинсы, облокотившись руками на первый и осмотрев уже и сама всех, в том числе и сидевших уже и перед членами Совета, что так, что и этак, Андрея и Розу. И *все же!*.. Первый был – в темно-синей кофте, поверх бежевой рубашки, проглядывающей: у горла воротником и у закатанных же у локтей рукавов, лацканами; и черных джинсах, поверх таких же лакированных ботинках. Вторая же, и вновь *не изменяя*

себе, отдала предпочтение – костюму, вот только и в этот раз же уже темно-фиолетового цвета, не иначе же еще и чтобы *еще и так* передать «Привет» Софии, но последняя и бровью не повела на этот *ее* «эффект Момоа», лишь немного скривилась, но и скорее же уже от «Мом-а», *доктора*, где дышать и мазать, как и «Звездочкой», еще «Ок», а вот пить – можно и куда *гуманнее* умереть, например, *не* пить: состоявшему из пиджака с длинными рукавами и, в противовес же уже и ему, укороченных, заканчивающихся над щиколотками, штанов; и черным лодочкам – на высокой и узкой шпильке. На губах *ее* – играла, в цвет же все и первому, глянцева помада; а веки – выкрашены в тон же уже и вторым, как и *ее* длинным треугольно-острым ногтям: пока и скулы – «вычерчены-чернены» темным контурингом. Оба же еще – находились: со «связанными» за спиной руками и с подогнутыми, в *нитях* же все, ногами.

София, к слову, тоже не сводила с них *своих* уже и светло-карих глаз, но и не столько из-за интереса, вообще *не* из-за него, сколько из-за не состыковок фактов: Андрей же и уже – должен был играть роль «подмены» *отца*... на больничной койке, а по итогу – оказался здесь. Вместе со всеми!.. Так еще – и с Розой. Но и на немой же уже и *ее* вопрос – ответила женщина!.. На вид – лет тридцати-тридцати пяти. По *человеческим* меркам! Одна же все, и из двух, коль уж и не *первая*: членов Совета. И, как же, да и не только уже и она, могла и сама понять – ангел: представляя и представляя же

еще и их самих. Нетрудно было догадаться – по белой-то накидке-мантии... поверх такого же костюма: состоявшего уже и из белого же пиджака с длинными рукавами, наброшенного поверх такой же рубашки и соответствующих же уже и им длинных брюк, оканчивающихся, меж тем, *соответственно*, лодочками на средней танкетке. Ну а когда сбросила со своей головы еще и белый капюшон – явила окружающим и свое миниатюрно-кукольное лицо «ангелочка-Купидона-с-капота-свадебной-машины: с небольшим лбом, под мелкими кудряшками русых волос, чуть ниже плеч, миниатюрным и курносым на кончике носом, небольшим подбородком с ямочкой посередине, выделяющимися скулами, пусть еще и под небольшими щеками с легким розовым румянцем, почти что и крошечными, но от того и не менее пухлыми губами под легкой розовой помадой, большими, в противовес и как не странно, баланс же все и равновесие, гармония, светло-серыми глазами, обрамленными, и *от природы* же все, широкими светлыми бровями и такими же длинными ресницами, «посеребрёнными» тушью и с небольшими *стрелками* у углов глаз. И это же еще не говоря о том, что и роль *антагониста*, этакое же еще и дополнения-приложения-*противовеса* – мог сыграть и сам же мужчина, второй и явно же еще и *не* последний из двух членов Совета, что и был весь, как и под-стать-пристало, в черном облачении: представая демоном и представляя же их; в черной мантии – поверх такого же костюма, состоявшего из пиджака с длинными рукавами, наки-

нутого поверх черной же рубашки и такого же галстука, достающего почти соответствующих же брюк, расклешенных к низу, и нет, да скрывающих, соответственно, лакированные же ботинки. С выточенным, будто в и из камня же лицом, он же являл собою статую – с таким же статичным и холодно-ледяным выражением лица: при условии же еще и того, что его смоляные короткие волосы – были уложено-зализаны назад, открывая большой лоб, резкие, почти и острые скулы с небольшой черной бородой и такими же усами над верхней губой, темно-карие, почти и черные глаза, в обрамлении таких же широких бровей и недлинных ресниц, узкий вначале, но и расширяющийся к концу большой нос и тонкие, хоть и пухлые губы над достаточно и массивным, пусть и ровным подбородком:

– Да!.. Ваши друзья – заменили их, подменив-поменяв Андрея на Сергея! – Спокойно и размеренно начала она, обводя взглядом всех, но и задерживаясь на каждом – не более секунды, вновь возвращаясь взглядом к Софии. – Но – недостаточно удачно и целостно подключили ко всем аппаратам: мужчина – пребывал хоть и не в полном, но сознании; и сохранял молчание и тишину – ровно до того момента, как его изнутри ни начали рвать... все *эти*... «препараты». Что и как ни иронично-символично... – и она хмыкнула, а мужчина улыбнулся, позволяя уж себе и *такую* блажь: в виде злорадства, – были *им* же и предоставлены: «комплексом»... и без наличия снотворного-обезбола. Он – бился в

припадке, корчился от боли и катался по постели в агонии, громко крича и стелая!.. Пока мы его, и такого же все, ни нашли. Собственно, к этому же времени – кое-какие из роз начали все-таки вять и... явили *его* же самого и... сами: тому и этому миру; в том самом же, опять же все, его-ведьмовском-кругу!.. – И показала в воздухе кавычки. После чего – откашлялась: с этого-своего нелепого, но и вполне себе логичного-достойно-достаточно сравнения; и продолжила. – Ну а уже по остаткам лепестков, что, как мы уже и сами поняли, высыпались из кармана Владислава, когда они, с Егором, приходили и уходили, мы смогли найти – и проход!.. Спуститься – по этому же все и самому «лазу»... Вместе с Андреем!.. – Кивнула тут же и головой на названного – и вернулась на девушку. – И обрести – *не* только Анну! – Но и, так долго и не задержавшись, перекинулась вновь: на Егора и Влада. – Но и самих ребят. А после – и эту наипрекраснейшую женщину!.. *Розу!* – И, все же поджав губы, покачала головой, сморщившись: хоть и так, но и решив показать свое крайнее неудовольствие – ее находением; как в принципе, так и здесь; не пресекая «дозволенного», но и без лжи. – Которая, и как нельзя кстати, вернулась... или пришла: за чем-то, если уж и не *кем-то*, в тот самый дом. Но и который же уже только, правда, к тому самому моменту: был без роз. Но и их – мы обнаружили: в багажнике же все и машины; с остальными. Плюс: еще и с Сергеем! Так – и добрались же сюда: к вам.

– А чего ж ты?.. – Начала было София, обратившись к Владу, в попытке же еще и пристыдить его за недосказанность: и да, пусть он и сказал – про все, *про все*, не считая «хвоста» и... в виде же все и *Совета!* Но и все-таки же: *не все*. А лучше бы – и про них сказал!.. Но и на что уже и тот – *нескромно*, но и все же обратил свое и ее внимание: на ее же отца. Да-к еще затем и своей правой рукой показал, указательным же все и пальцем «тыкнув» вниз, мол: «*Все вопросы – к нему!*». А после – повернулся и к Егору, чтобы и ему уже разъяснить: в этом самом моменте; лишь только и боковым же зрением отметив, как тот внимательно и серьезно – следит за их «переглядками»; и поделился их *ментальным*, с Софией же все и недавним, общением «по дороге», как и той самой же все и причиной «недопредьявы» ее к нему: почему же он именно и не все ей сказал.

– А это – и не он, а я! – Подал голос уже и сам Сергей, подтверждая еще и не видя жест Влада: на что уже и она покачала головой, сдержанно хихикая и, подсев к нему ближе, обняла. – Сюрприз хотел сделать, а сделала *она!*.. Привет, что ли, *наконец-то!*

– Привет!.. – Улыбнулась брюнетка и тут же, как распрявилась, оказалась в руках Александра: сидевшего за ее спиной и положившего обе свои руки на ее плечи. – Пап-ы!

– Прекращай уже издеваться – над девчонкой!.. – Посетовал русоволосый, изгибая свои губы в усмешке и закатывая глаза. – Привязался же – со своим «приветствием»; тоже

мне! Я – когда «терял» ее из виду: так не усердствовал и не надоедал, наседая!..

– Так!.. Ты – отец: номер два! – Урезонил его брюнет: под тихий смех, с их небольшой и перепалки, окружающих. – Два!.. Имей *свое* место и время; а еще – совесть!

– Да ладно вам!.. Не ругайтесь! – И, держа еще и *первого* же отца за его правую руку своей же такой же, София положила уже и свою левую руку – поверх такой же Александра. После чего – взглянула на плохо сдерживающую свои гримасы Анну: которая поначалу только фыркала, попеременно же и *чихая*, а потом – и вовсе перестала ограничивать-сдерживать звук; давая понять всем и вся, *для* всех – как ей это неприятно и так же *раздражает*. И уже громче обратилась и сама – ко всем. – А с ней – что?.. Почему «святая троица» – не в сборе, м?.. Не *воссоединилась*? – И, остановив вновь взгляд на ней, ухмыльнулась. – Или «коленная поза» – не прельщает: без добавления «локтевая»?..

– Ха-ха!.. Подъёб засчитан! – Хлопнул в ладоши Влад и тут же, еще и тем, а там и этим, обратил на себя все взгляды. – Ну а что?.. Круто же... было. Зачет!.. В смысле... «Раунд»!.. *Дрон зе майк*. И!.. Все: в таком же духе. *Сволочи!*.. Убили во мне: «Нельсона».

– Я – бестелесная, если ты еще не заметила, *сестрица!*.. – Вернула на Софию уже и свой темно-карий взгляд Анна. – Меня – нельзя: «связать». Я – порождение силы; и сама же «сила», как она и есть. Да!.. И если бы не Совет – меня бы

здесь не было. Так что... А *что*, кстати, с Темы-то – и взятки гладки? – Указала она большим пальцем своей правой руки на парня рядом с собой. – Почему – про него: не спрашиваешь? Мы, так-то, уже – и не «святая троица», как ты выразилась, а... *всадники Апокалипсиса!* – И ее темный взгляд полыхнул гордостью, а губы – исказились в насмешливой улыбке: что и у Софии прямо руки зачесались – стереть это все и затушить; да и, вот, были заняты. *Пока* – эта *отговорка*: спасала; да и Совет, как *второстепенное*, подбивал пыл. – Неужели, я – *так* тебе настроение подпортила: тем... «приспешеством»! – И с удовольствием закусила нижнюю губу, отмечая серьезность, а даже и хмурость девушки напротив; и так же все пока *тихие* мужские ругательства – за спиной. – Что, любовь еще к нему – вернулась, а к Егорушке – уже прошла, м?.. *Спасешь* – его?!

– Нет... – Спокойно ответила ей София и пожала плечами: ведь и имея под сим – только то, что и «имела». А окружающие, в то же самое время, в шоке задержали дыхание и перестали как-либо двигаться совсем: пораженные до нельзя ее впервые такой и именно *такой* полной да и полнейше-полноценной хладнокровностью, серьезностью, силой и какой-то же еще даже и статью, статностью и статусностью!.. Холодностью и... *сталью!* Сам же и чуть ранее не ею же все и *мягко-названный* – лишь сглотнул: ну а София, как и прежде же все, и на это – никак особо не отреагировала, как и не ответила; ей даже и самой понравилось – та тишина и

то же молчание, что «отдавались» на *его* имя: внутри же еще и нее. Она – излечивалась! *Начала* – излечиваться, по крайней мере. – Как и *тебя*. Так что... «Да»! Если бы не Совет – тебя не то, что не было... здесь. *Тебя*: не было бы!.. – И она сделала напускной задумчивый вид: после своего же «представления» – злорадно усмехнувшись. – *Ни-где!* Будь благодарна – этому; и надышись – вдоволь: коль уж – и «напиталась досыта». И это – ко всему... *недоапикалиписису*... относится!.. – Повернулась она и к сидящим в ее и при своих, а так же и ногам же все Совета, двоим. – Роза?.. Андрей!

– Я просто хотела – увидеть свою *дочь!*.. – Крикнула первая, отойдя вдруг от ступора, но и явно же еще и пораженная, больше всего и тем: *кого* и *уже* видела перед собой; теперь и сейчас, здесь. И сравнивая с тем, *что* было!.. Радуюсь. И одновременно страшась: какого *монстра* сама же и вывела. – Хотела – *вернуть* ее: назад. Но *ты*, дрянь!..

– *Мам!*.. – Шикнул Женя и продолжил бы, наверняка, нравоучения: но и тут же оборвал – себя же и сам; *замолчал*, попадая и затем же еще – и под спокойный, уравновешенный взгляд Софии, немо призывающий к тому, и через него, как и свой же озон, и остальных: – *Нет!*.. Пусть: продолжает! – Села она уже даже и чуть ровнее, приобретая после стойкую и прямую, ровную осанку: всем своим *видом* и корпусом почти и развернувшись к сидящим и стоящим у камина на полу; как и подогнула под себя еще и левую ногу – быть еще и *не* на совсем «короткой ноге», так *уж* и «на доньшке». –

Но я: что? Помешала?.. Ладно тебе, ма-ми!.. – Последнее слово, сказано-протянутое еще и по слогам, если уж и не по буквам, вызвало *тихий* «резонанс» и резануло всех: будучи же еще и *высказанным*... с такой желчью и таким же ядом, *кислотой* и... болью, что и все, пусть и продолжающие хранить молчание, не вмешиваясь, но и так же следили за всем с, более-менее, *спокойными* лицами; но и в отличие от самой Розы – которая сейчас дышала жаром через свои ноздри. И это – не был *еще* дракон!.. Это – был и *уже* загнанный зверь: готовый и «в веревках», *ранах*... напасть: и *рвать и метать* все, что движется и *не*. – Тебе же было *в кайф* – издеваться надо мной: признай это... *уже!* *Хотя бы* – и при членах Советах, *твоих* и «судьях», не ври! – И голос ее – спрыгнул с тона, почти и уйдя в шепот и всхлипы, после чего подпрыгнул до крика; и вновь улетел в «низины». – *Отыгрывалась*, да?.. О-тыг-ра-ла-сь?! Ну, вот, смотри!.. – И указала своей правой рукой на Анну. – Твоя «дочь» – среди *своих*: чужая? *Не-т!*.. Она, и как раз таки, *своя* – среди своих. Но *и* я!.. – И опустила руку на себя, прижав к груди: к ее левой части и... *сердцу*. – *Не* чужая – среди чужих. *Не чужая* и... *Не* среди чужих. Среди *своих!* – Шикнула она, почти уже даже и сама прорывав. – Среди своих – я *чужая!*.. Была – ей. И *буду!* Да и чего там? *И останусь!*..

– Софи... – Позвал ее все же тихо Александр: в попытке отвратить и дабы не превращать все это – в выяснение отношений и причинение боли от воспоминаний; не только ей, но

и другим. Но увидел взгляды членов Совета и Сергея, обращенные к нему, отдающие себе отчет в том, что происходит, *как* это происходит, почему и никак не противодействующие этому, и отказался от этого – еще и сам. Да и она же уже затем и сама – не собираясь отступить, что было и так заметно-видно, еще и так же все сама ему сказала об этом: – Я – *не* закончила! – И резко обернулась к нему. Что и мужчина же сам уже был готов ко всему, под *таким-то* еще соусом подачи, увидеть: и злость, и ярость, и даже, а там и тем более гнев... *Ярость!* Но и увидел – все ту же, хоть и *почти* уже именно Софию: которая просто была – не по годам серьезна и стойка; как и как никогда, нигде и ни с кем сильна. Что его, конечно, тоже ошарашило и поразило, но и тут же все – вдохновило и порадовало: как ничто и никто!.. Да и после чего, еще и кивнув ему слегка, как и все же знак «сохранения ею и в себе же контроля», повернулась обратно. Пусть и в голове, *вдруг* и прояснившись, вспомнились: нервность и дерганность, нервозность Никиты!.. Когда они еще «впервые» встретились и с Александром – у универа. Он – *знал* ее. Как и все!.. И пусть: не лично. Но – знал. Как и что с ней был знаком – и сам мужчина. И *должен* был сыграть: это «удивление». Врать!.. *Как и все.* Ну а когда поняла, что состыковалась-застопорилась на глазах Анны – и вовсе *вытала*, только лишь и подметив, как у нее... дергаются зрачки. Инсайт шел за инсайтом – и вот она уже вспоминает и, главное, понимает-принимает: *что* именно искал в ней Андрей, когда

они, София и Александр, должны были встретиться с Сергеем; когда же и она не могла понять-принять – почему его глаза темнее, чем всегда, *не* обращенные, так ещё и у ангела, как и волосы, да-к еще и короче; а с высоты – и не видно, что и обзор-взор-то его весь был – на ее глаза, *зрачки*, что и, как раз таки, *не* дрожали. «*Нистагма*». «*Без притеснения и уничтожения инвалидов*». «*Заткнись!.. И вообще – выйди из ее головы*». «*А “тебе”, значит, можно?.. Ну да. Такая себе предъява!.. Согласен*». – Нет, ну а что?.. Скажешь: *нет*? Два же в одном! Отомстила – за дочь. Придумала... *витиеватый*, в буквальном смысле, «лаз» к ней! *С ней* же: на маковке и «пике». Опять же: два в одном. *И лаз!*.. – И подняла свою левую руку, отняв ее таки от руки Александра. – И «воскрешение»! – Убрала и правую руку от Сергея. После чего – взвесив их: наподобие *весов*. – *Там* же – ее «камушек»?.. *Ее* и могилка. Но и... Да!.. *Три* в одном! – И хлопнула ладонями, соединяя их меж собой. – Уложить отца... «Избавиться» от него! Что, как бы, и вытекает же еще – и из первого. Как... Хм!.. «Революция и свержение власти»! Но!.. – И, указав кончиками пальцев, сцепленных ладоней форме «пирамидки», на нее, выставила затем же еще и правую руку – в сторону отца. – Не только из-за того, что он член совета и ты могла им же стать, если бы план выгорел, а еще и за нее!.. – И перевела ее вновь на Анну, уже и указательным пальцем тыкая в нее. – *За* ее смерть! Подумать только... *Па!*.. – И взгляд брюнетки перешел на него, как и рука: вернулась на

его грудь. – На одни и те же грабли?.. Ты знал, что они *портят* ее. Буквально – травят ее: ее же тьмой! Плюс: еще и своей. И *ты* – приговорил ее, да? И «исполнил», да же?.. Я – была права! Но и... Все равно – закинул меня: к ним. Зачем? Заметь!.. Уже ведь даже, *тем более* не спрашиваю за что. А там и... *На кой!*..

– Прости... Да!.. Я – *виноват!* Я!.. Не доглядел! – Повинился Сергей, вновь беря ее правую руку в свои же и обе. – Ты – не должна была: быть с ними. *С ними!*.. Как... На *всей* основе. *Целиком* и... Полностью. С ней... И *одной!* Без обид, Жень!.. – Обратился он затем и к парню, чуть повернув голову: и, заметив, как тот отмахнулся... с понимающей улыбкой, вернулся к дочери. – Кто же мог подумать, что ты еще и *сама* – откажешься от него: выгонишь и навлечешь – *все* это!.. – И София склонила голову к своему правому плечу, изогнув такую же темную бровь, поджав левую и прищурившись: *не то* слово было «выделено»; ой, *не то*. – Нет, *конечно!*.. *Всего* знать – невозможно; как и соломки подстелить во *все* места – куда падать и *не*. Но вины твоей, только *твоей* – в этом нет. Я же *так* долго – следил за ней... – и кивнул головой в сторону Анны, не смотря на нее, – что не мог позволить *того* же: с тобой. Да ты и сама же... еще *и* затем – видела!.. Что *там*. Что и *здесь*... – И грузно выдохнул, покачав головой. – Тогда – я был с ней. А после... Доделывал то, что не успевал: разрываясь между ней и... постом. Совет – сделал «поблажку»: тогда!.. – И девушка перевела взгляд на двух

советников, получив еще и их *одновременный* кивок. – Позволив мне – минимальное, но присутствие. Но и *не* сделал бы – ее снова; и сейчас! – Очередной *кивок*; и София вернулась взглядом к отцу, поджавшему губы в горестной усмешке. – Куда уж больше-то? И я просил Ксандера – об этом. *Но!*..

– Я «сработала-сыграла» – ей на пользу, не так ли?.. – Хмыкнула София и продолжила раньше, чем бы ее остановили: почти ведь и подорвались – от камина. – Чтобы мы не встретились. *С Женей... И Владом!*.. Запретительный приговор: о «не приближении на... полгода-год»; да как и *кому* посмотреть же все, опять же?.. Или же!.. *Непреложный обет*. А может, и-ли?.. Который выкатила Роза и... Александр. Никита же *врал* – отчасти, я права?.. Будучи, и *так же* все, как и Егор – посвященным: в это. А кого вторым – «отстранила» ты, *мать*, и буквально?.. *Андрея!*.. Вот уж и правда, БР... Г!..

– При-го-вор... Ты ведь запутаешься, если... *когда* начнешь неправильно распутывать!.. *Не* по порядку! – Ухмыльнулся демон, но и, выдержав ее взгляд на манер «*Ну а для чего же еще и вы-то тут уже, зачем?*», продолжил. – Им, да, прямо-таки и «удостоила» Роза тебя – после твоего полного, полноценного *спуска* вниз: как и лишь тем, что это ты и только *ты* его выгнала; но по факту – это и уже было «законодательно» одобрено. Какое-то, а *сердце* – у нее все-таки есть?.. *Правда...* черствое! И выгон сына, как и его друга, *Влада*, означал и значил – лишь «продолжение банкета»: без них и проблем, «палева»; когда же Александр и *не* таким

же образом: отстранил Егора и Никиту. Женя был *выгнан*, чтобы же еще и «подкрепить» Влада – не видела же его, так что и *не* поверить «в свою *лишь* и вину» не могла!.. А Розу с Андреем, в то же самое время, провели: как непосредственных кураторов, *демона и ангела-демона*; с предупреждением и испытательным сроком в... виде *тебя* же все. Да и непосредственно же: с тобой и над тобой!.. И да, ты права, она *отстранила* еще и его, ведь и если *раньше* Андрей был на «полставки» и подменял Сергея, с его же все и *разрешения*: то *тут*, то *там*; то и «здесь» же уже – он и Роза все и вся, всё: в том же самом... *без* него. А когда, под конец же уже, и с ним – было поздно: все уже было сделано и до. Твой... *первый* отец – ликвидирован и заменен. Не без и *нашей* же уже вины. Но и... «По образу и подобию»!..

– Но – он не мог подселить к себе и *своим* же уже ребятам: *еще* одну «попытку». Не «раз»!.. – Фыркнула она, выставив левый указательный палец вперед и прибавив к нему затем еще и средний. – Попытку: номер *два*! Конечно!.. – И всплеснула ими, несдержанно цокнув и стараясь уже после: спародировать голоса. – «*Влад же – плохой!*.. *Не водись – с Владом!*»! – И посмотрела над спинкой дивана, увидев его одобрительное подмигивание и еле сдерживаемый смех. – Да и я же сама – еще думала!.. – И прищурилась, переведя свой взгляд потом и на отца. – Откуда же все, вот просто *все* и уверены, что стоит ему узнать обо мне – он тут же попытается что-то плохое; и сделать?.. *Мне* же. Что-то и отрицатель-

ное. «Негативное»!.. Но и кто ж уже, как и я же, затем знал, *правда*, что это будет – не он, да?.. И что прятать-то, на самом деле, нужно – не от него, а от его «брата»... С автоматом. *Егора!*!.. – И взглянула на блондина: который спокойно воспринял ее «тычок» в свою сторону; но и только же все – на момент распутывания клубка... от самого его запутанного начала. – И это: я же еще – мученица? – И посмеялась, закатывая глаза. – Да!.. Я же – и была права, когда «подумала». Точнее!.. – И щелкнула пальцами левой руки, подбирая верные слова. – *Начала задумываться* о том, что ты – другую видел: во мне. Чуть-чуть... ошиблась, да; *самую* капельку!.. *Капельюську*, прямо! – И показала – ровно столько же: почти и соединив указательный и большой пальцы все той же своей левой руки; так и щелкая ими же еще после – в сторону Анны. – *Ты же!*.. Сестру и... *Близнеца!* Но и – не меня... Это – важно!.. Да. Как и то, что: видел!.. – И сделала акцент – на этом... *прошедшем* времени, кивнув потом же еще и сама же себе. – Но и раз уж мы начали за здравие... более-менее... давай со мной и *всеми*... вами... к и за упокой!.. *Что* – она сделала, Егор?.. – Вернула к нему свой вдумчивый карий взгляд София, закусывая левую щеку изнутри. – Что она сделала – *такого*, что я, по тем еще временам, заслужила от тебя: такого прямо-таки и адского гнева и ярости? Даже: не злости. Зло-бы! Дьявола... во плоти; и *хозяйина* геенны же... и всех гончих адских псов вместе взятых... огненной.

– Спасибо за «комплимент», *София!*!.. – Усмехнулся Егор,

особо выделяя ее имя, не оставляя и ее без *своего* уже тычка, но и тут же посерьезнел и принял правила ее игры: сев ровно; и, скрепив руки в замок, уложил их локтями на стол. – Она – и убивала всех тех людей и *не*, как оказалось позже! То... «поле роз», которое ты видела!.. *Все* – они. Вместе с... *Розой*. Только вот... *Цепочка*: из тринадцати!.. – И ухмыльнулся, поправив пальцами правой руки свой *браслет из бусин* на левой: только сейчас и вместе со всеми – оценив *своевременность* ношения аксессуара; как и сделанного акцента – на нем. – Каждый раз – прерывалась. Их «накрывали»: то те, то эти... Совет – приходил, но ничего не находил. Сначала же – они еще даже и закапывали тела. После, когда и места же уже становилось все меньше, а кучки все больше... и *палевней*, начали их и сжигать!.. – И сморщился, откашлявшись: *будто* и ощутив – тот дым и копоть, *пепел*... здесь. – И в какой-то момент, какая-то из кучек – проросла розой!.. – И он поднял руки над столом, воспроизведя это «действие» ладонями: раскрыв их затем еще и наподобие бутона. – Они начали – узнавать об этом. Искать информацию... И оказалось, что розы, а именно *черная роза*, произрастает на... *девственной почве*; и такой же «плоти». Одна из жертв – была девственницей, расставшейся с... *ней*: буквально в этот же день!.. И... – Оборвал себя, сцепив челюсти: как будто от зубной и головной боли вместе; но скорее – от боли Софии: что для нее и него – была сильнее всех болей... во сто крат. – *Насильственным* путем!..

– Артем... – Кивнула девушка, но не посмотрела на него, да и он уже перестал пытаться поймать ее взгляд, зато Влад и Егор: отловили этот «аппетитный кусочек». – Ты был все же прав, говоря о нем – не так миролюбиво, как я.

– Не надо *больше*, Соф...

– Нет. *Надо!*.. Егор.

– А *Влад?*.. Да и вам не кажется, что это уже *явный* перебор – моего отстранения... от «всего»?!

– А *тебе* не «кажется», что и не ты сейчас должен об этом гундеть?!..

– Софи...

– Без «сестры», да?.. *Близнеца!* «Ранен»?.. *Не* убит. И правда же: кем? *Той*, кого я у себя же в голове тебе – и приписала как-то. *Когда-то!*.. «Подошла» бы, да, как же! *Была бы здесь...* И!.. «Егору»! Да уж... А ведь ты – и «была», да. И «подходила»...

– Ох, *ты* и *так* подумала?.. Что ж, не далеко и от правды-то ушла: не зная ее.

– Да и ванная Никиты – еще знакома. А что ты – там, кстати?..

– О!.. Лучше подумай – *с кем*: и вопрос отпадет сам и сразу. Ой!.. Я – польщена!

– Анна!.. *София...*

– Что, милый?.. Ха!.. И это – я же еще: «заминаюсь»! Показывая себя, себе и... *себе*. «Напоминая» вечно – о... ней.

– Заткнись!..

– Правильно, Егор!.. *Вот только* херню не носи – пряталась ты там; и от него же. Ха!.. Уже и не помню, правда, причину, да и важна ли она: когда и *такое* следствие; а еще – и «связь»: где бы и точно – не у него же. Да и это – понятно!.. Точно и: не *у меня* – я бы сдал. А вот Никита – за благу душу!.. Да... *Ребенка!* И «эксплуатировать». Через него же – потом, кстати, и вытащили.

– Хм... А ведь и правда – ты же и сама спрашивала: про его ванную. Узнала бы?..

– Да нет, конечно! Как узнать: *не* зная? А... Понял. И это же все... Понятно. Принял!.. Не было – про «их» ссору. А *было* же – про то, что она *там*, ни там, ни этам, ни разу не была. «Гостевая» ей была – в помощь. Опять же: у каждого – свои заморочки; по части зоны комфорта и... личного пространства. Да и стоит ли говорить, что они еще и спали в разных кроватях: периодически захаживая друг к другу; а и точнее же все он – и к ней, *не* наоборот?.. *Завидовала*, да. По-любому. А где-то же еще даже: и не в душе-душе...

– Все, Влад, достаточно!..

– Нет, *не* будет «достаточно» – пока не признаешь, что уже даже на уровне интуиции и тогда: просек эту гадину; но и ждал же – *наикраснейших* флагов и сигналов!..

– Если хочешь все снять с себя вину – я тебя не виню...

– А почему же – еще обижаешься тогда?..

– Прощаю действия – быстрее, чем «слова»!..

И София кивнула – помня же еще и эти *свои* слова; как и

постепенно же все приходя в себя после – такой и несколько же еще и минутной «пикировки» фразами.

– Успокоились?.. – Решила все-таки и напомнить им же еще и о «взрослых» ангел; и после тройного кивка, друг за другом, продолжила. – Когда еще не «так» пахло жареным, в прошлый раз, но и уже после того, как их «запалили» первыми Женя и Влад: первый, к слову, сказал и второму про пропажу Розы и Анны, долгое их отсутствие и «новые» цветы; как и «грязный» инструментарий в кладовой!..

– Да-да!.. Если с последним – еще как-то; да и под окнами же еще был *палисадник*... – Пояснил уже и демон. – То вот сами цветы. *Много* и свежих!.. Наталкивали на какие-то вопросы!.. Да-к и потом же еще: враз – и исчезали. Так и один раз же, уже и затем – и вовсе без бутонов: только стебли и... устойчивый запах крови, *гари*!.. Пора было – жечь костры. *Рябин*!.. И их же – на них...

– Да!.. А уже как загорелось и горело напропалую – все средства были хороши: а и в особенности – когда брался лично Станислав, отец же Артема, и Сергей!

– И именно поэтому – рассказать должен был: именно *Сергей*. Как предложивший и... «главный» – в сей операции. Ну и в наказание, куда же и без этого, за слушание Совета!.. *Признать* вину. Когда же и первый – утаить и за ним же все «стоп-слово»; как и «отстранить» Артема – от «богатой» и «загульной» жизни под своим «крылышком». Но и когда же хоть что-то – происходило по сценарию?..

– И дабы уже это не разошлось – дальше, дольше и глубже. Демон и... ангел. От чего и нет?.. «Личный интерес», так еще и в виде *детей*, никогда не порицался!.. Тем более: когда же еще и был «обоюдным».

– Да-да, как и *смена*!.. Сме-ня-е-мость власти! – Кладнула София и глянула на тех, кто пока не перенимал слово, но и не от того, что не знали: *что* сказать. «Как»!.. Вот – главное же «слово». И лишь потом уже: без мата, рукоприкладства и... самосуда.

– Эм!.. Да. Анна – творила все: сама. По большей же и *глубинной* части. Хотела... и любила. Пусть – и так же все: с подачек Розы!.. *Но!* А чтобы это – не перекинулось на их уже семью и другие: ее – под суд и в небытие, Артема – «схоронить», как и остальных; с их же все и памятью – о *не* лучших моментах... Обставив все так, что Владу, из-за его же все и *похренестически-свободного поведения*, «образа жизни демона» – не стоит быть рядом!.. Тем более, что это – не только курение, выпивка и прием... *всего*, но и увод-увоз «девушки»: с передачей от Жени к Александру, а там и Сергею. Для всех!.. Но и больше – для *Егора* же, «парня»: чтобы не искал и не ждал; и не было же – еще большее: видеть не только, как чувства умирают, но и создавшая эти самые же все и, какие-никакие, но и чувства, ощущения и эмоции. «По словам», опять же, *для себя*!.. Но – и по неправильным мотивам. Когда же и вообще – по правильным и нужным! Но и чтобы все сработало... Почти что: и «сговорщик»!.. Со всеми же.

Что... Так и есть, по сути-то. Но а по *истине*... Об этом знают – лишь Роза, Андрей, Сергей, Станислав, Александр; что и берег от этого всего тебя, будучи с тобой еще и достаточно долгое время, вне всего же *этого* и подоспел затем уже на «суд», сначала «двух», а потом и всех... «тринадцати»; Влад и... Женя.

– Но как узнали?.. *Совет*. И!.. Как они и перед *тем* же еще – познакомились: «сами»?.. С Анной! Не *как* с дочерью и... сестрой-близнецом – своего, одного из членов.

– А она посещала – тот же бар, что и ты!.. – Подключился вновь Влад и тут же перевел свой прямо-таки уже и торжествующий янтарный взгляд на хмурого Егора: которого, мало того, что перебили. Но и там-то: ладно!.. *Там* же еще – была и его же девушка: которой – можно было и даже *позволительно* его перебивать; как и уж *тем более* – слово его и себе же брать. Фактически же *уже*: забирать; и вовсе *отби*рать!.. Да-к и о которой же еще именно в этом ключе, ключе *насилия* – говорить «более» и не хотелось: ему же и самому. Так теперь же еще – и этого же самого слова: не вернули. Да!.. Появился – «брат»! Образовался *Влад* – и забрал его на подлете, присвоив снова и «третьим» между ними. – Не считаешь, что пора было бы уже *хотя бы* и сменить: подобный тон и взгляд? – Спросил он затем, покрутив в воздухе указательным пальцем левой руки: не решаясь *в открытую* тыкать им в его, блондина же все, и лицо; но и все же сделал *такой* вид, в воздухе; как и что «так все и задумывалось». –

Сколько времени прошло и воды утекло-убежало?!.. Надобность в них же – *уже* отпала. Моветон, братец!..

– Нет!.. – Фыркнул Егор: не соглашаясь с ним и сразу – в принципе, так еще и по всему; ну а теперь же *уже* – и в частности, здесь. – Когда дело касается: слезки! Каса-лось. «Ее» и... – И исправился, сгримасничав напоследок в отвращении. – *Сталкерства!*..

– Ну прекращай!.. – Закатил глаза рыжий и встряхнул головой. – Я просто же – вновь «влился» в беседу; и передал с *твоих* слов. Ты же мне еще *сам* – и рассказал об этом!.. – И хлопнул его по правому плечу своей левой рукой. – Об этом и... «баре»! Ну а когда все завертелось... и пошли подозрения. А после – и те самые «кучки», как нарывы, начали *плодоносить*: цвести и... пахнуть; «вскрываясь» буквально и ими же, *нарывами*, извергаясь и гноем... – И сморщился, покачав головой: выбивая из нее и себя же уже – эту, собственную «метафору». – Там же уже – дело не стояло и за *слезкой*, уж прости, да, грешен и... «каюсь»! – И поклонился: насколько это было возможно – в сидячем положении на стуле; и за столом. – Но – и *ты* же тоже передаешь: с моих! *Я* тебе – рассказал и рассказывал обо всем этом: пока ты все носил не только *еще* «розовые очки», но и уже *не* красные рога!.. – И сразу же отсел немного вправо, следя за руками блондина: которые же в моменте – поднялись и сжались; но и тут же почти опустились. «Сдержался»!.. – Окей, *без* последнего! Но так ведь – и было. Тебе – можно, а мне – нет?..

– Мы *даже* в местах – похожи! – Прошипела София, отведя взгляд от ребят и переключая их же взгляды, *самих*, и затем же уже на себя: пока дальше все это ни зашло; и их разнимать ни пришлось!.. Да. Если уж кто и подерется сегодня – то *не* они. «Если», *да-да*, и «подерутся», конечно: будучи еще «связанными» – по рукам и ногам; как буквально, так и *не*. А «клубок» так и продолжал раскрываться и обхватывать своими нитями, не только же да и ни разу, чего уж там, не «параллелей» – все новых и... *старых* героев. – А в «напитках»? – И, без особого на то желания, но Анна кивнула: что ж, те посиделки в баре ей, пусть и не как уже *самой* и по себе, и правда, понравились – напомнили о *прошлом*, как и «наполнили» после им же. – *Тожже?*.. Вот это да!

– Но – не с Артемом! Да, «дорогой»?.. – Поддела его Анна и толкнула своим правым локтем в и под его же все левый бок: на что шатен сморщился, но промолчал. – Парадокс!.. «Мужской напиток», а *не* для мужчин. Не для *тебя!*.. Но и какого черта – для женщин? А и главное!.. – И ее взгляд скопился на Софию. – Какого *дьявола*: для тебя?

– Дурной пример!.. – Пожала плечами София. – *Заразительнее*... некуда. Да-к: еще и *не* в парнях! И почему мы – не подруги-то? Не «сестры»!.. *Настоящие!* А!.. – И истерично усмехнулась, покачав головой. – Ну да! Потому что: *они* и есть. Род-ные!.. И, как бонус, уж: *слишком* похожи. Даже: для близнецов; *тем более* – для них!.. Но: так и что?.. – И вернулась в нужное русло, как и к такой же теме, не бе-

рять-таки и перенимать «методику общения» тех же все и двоих «братьев»: со своей же *сестрой*. – Он – растрепал кому-то, да?.. Про *содянное* и... Как я уже и сама поняла, *не* принимая, начало же сего и... *своего* же «увлечения». Она же затем – услышала!.. – Указала левым указательным пальцем на Анну: после чего – перевела-вернула его-*ее* и на Артема. – И предложила ему – сообразить на... «четверых»? Точнее... Не, *не* предложила! *Потребовала!*.. Иначе же еще: расскажет... об *этом* – всем и вся, все. И его... «Посадят»!.. Как бы, да? *Да!*.. – И изумленно округлила глаза. – Правда же! Но... Окей!.. – И отмахнулась, не собираясь еще и в *это* лезть: не управятся же – и до следующего дня. – Запугали же... ежика. Папулей... в погонах! Сами того – не «зная»; и его же самого, все так же и *как бы*, не зная. *Всего* же... все – и по «минималке»!.. А там же – еще и «вздернут». Приписала, каких-никаких, а родственников, *не зная* основного и... основополагающего. Наверняка же уже и что прямо-таки: «*Найдем и убьем!*». И вот: он. Мблodeц!.. *На коне!* – И дернула своей правой бровью, вновь указав на Артема и обведя вокруг него: по контуру. – Здрóрово. И пусть ни разу: не молодéц. И не здорóво!.. Но и *носимый* же уже – не столько страхом «сесть»: сколько вновь – попасться *пане!* *Но!*.. – И прищурилась, закусив нижнюю губу: раздумывая затем уже и вслух. – Почему – именно: *черные* розы? Да, красиво... *выглядит!* Особенно: как и с легендой... об испорченной *крови*; и *сломанной* жизни. Но!..

– Им нужен был – *твой* отец!.. – Оборвала ее Анна, но и тут же была оборвана сама: – Ну и хоть *кому-то* уже – он был нужен, правда?.. И *всегда!* Пусть: и не по-настоящему. *Действительно...* – Сжала его ладони изнутри своей правой ладонью София: чувствуя еще, как и параллельно-одновременно сжимаются руки на ее плечах; и вернула затем же уже и свою левую руку на такое же плечо и ту же руку Александра: чтобы и так еще дать понять, что нервничать не стоит – все, как было, так и осталось; «под контролем». – Да и не от... случая к случаю. *Да, па?!* – И горько улыбнулась, поджав губы. – Это – в обе стороны сейчас: «шпилька»! Вина – не только твоя, но и моя!.. – И взгляд ее мутных карих глаз коснулся почти таких же карих: только и, как прежде же все, гораздо темнее, строже и... *злее*, чем и у нее же самой. – *Давай, Аннушка!*.. – Сарказм, как и «язва» с иронией, так и сыпались из нее в сторону *близняшки*: в смесь – с «искрами» из глаз и уже даже *гнева* второй. – Добавляй – свою ложку... *масла*: в *это...* дело. За что – ты его *так* ненавидела, что и *везде* отреклась; а любила – свою... «неродную мать»? Но и благо же – хоть и тут, *колоссально*, мы с тобой: как разошлись!.. *Так* и не сошлись же – ни разу. Прямо... нега на *душу!* – И напускно глубоко вздохнула-выдохнула, показывая, тем самым: словно бы еще и гора с плеч, *тела*, и души упала; а не только – той же все и черный перец все ноздри от и до забил и дышать *нормально* – только так получалось: через рот. Ну и сердца, правда, еще не докоснулась, для пущей

картины и убедительности, но и так слишком много «жестила». – И пусть – я и отца, *так* уж, не ненавидела. Вообще: *не* ненавидела!.. Обижалась, разве. Но!.. И это – детали. Лирика. В сравнении же уже и с тем: *как* ты была во внимании его и перетягивала, и того, и другое, на себя; а *я* же – нет!..

– В тот раз!.. Были: Анна, Роза и Артем! – «“Крышевали” – Станислав и Андрей», дополнил вновь и за ангелом демон. – Спа-си-бо!.. Анна и Артем – выбирали жертв: Анна – заманивала, Артем – спаивал!.. Роза же – организовывала территорию! – «“Накрывала поляну”». – А здесь уже – было не обязательно. Так вот!.. И перевозку. «Снимала» и на ночь, порой, что-то: чтобы лишь довести «до кондиции» и... Когда и убить, а когда и оставить... *на десерт*. Не себе!.. *Все лучшее же* – ... Кхм!.. Ну а после уже – увезти! – «Редко, но место... *Не* перебарщивая, конечно же!.. Большое и большее ее внимание, короче, было к *центру*: нежели к около-или... периферии». – Или сразу же увозила – в тот «черный дом»!.. – «Дом самой первой жертвы... и *не* последней!.. Как и... *символично*». – Сто раз «перегоревший», сгоревший и потушенный! – «Ну и опять. И *снова...*». – Сгоревший! – «Поймала и его “на жаренном”, после и того: как и он же их. Не успели зарыть... Мы их почти накрыли!.. Сожгли и...». – *Заново!*.. Да-да. Ну а там же уже и после – развлекалась по полной: не срываясь затем особо и не подрываясь!.. Что же до... *чистоты* и... -плотности!.. И-ли та же все Анна... Или Артем. И не было зависимости – от *пола*, в принципе:

обоим – было весело; и хотелось *хаоса*. Так еще – и почти «легально»!.. Не говоря уж: о *летально*. Ну а когда уж прямо-прямо палились – затихали!.. – «Снова палились!.. И *снова* затихали. И это же все – не от плохой и несвоевременной нашей работы. А от невозможности, а затем и нежелания реагировать на каждый крик “Волки”. Что и, конечно же, вот, *уже* и привело – к таким последствиям: после криков о том же, но и уже самих *волков*. Все смешалось... в доме Облонских. *Кони*. Люди!..». – Вновь палились!.. То слишком большим количеством *пропавших без вести*. То мертвых... в том или ином отеле. Съемной квартире! Или *комнате*!.. Ну а в этот уже раз – были Роза и Андрей! – «Что как участвовал, так и *крышевал*». – Анна же – была большую часть времени вне, после *в тебе*, так что... Все делала – Роза; и увозила уже именно в *дом*... са-ма. С Андреем... Или *без*. Но и чтобы уже там же – и «высаживать». Справлялась же!.. Сама!.. Взяв и на себя же все... чтобы: чтобы и держать *все* – в своих лишь *верных* руках.

– Что ж, теперь хотя бы понятно: почему *именно* историю с договором-приговором и Розой, Анной, Артемом и... *Андреем* – помнят не все!.. А только лишь – все те же... *на манеже*: Роза, Андрей... папа, Станислав, Александр, Влад и... Женя. Но а... *я? Не* знаю.

– Не почему, а по-кому... *звонит колокол*. Из-за... кого. Да из-за *тебя*! – Развела руками Анна, цепляя широтой жеста и Артема, но и даже, *тем более* не замечая этого, как и

его же самого: все буравя своим уже и темно-карим взглядом девушку напротив, *не* себя же, да, а именно Софию. – И *по всем*. Ты же – такая правильная... всегда. Такая же чистая... и светлая!.. Ангелочек! Что еще сказать? А я – ничто. Тьма и чернь... Я – демон!

– О!.. Тоже – к розам! – Нашлась тут же София, выдерживая ее яростный взгляд, так еще и с достоинством же все, при этом, отвечая: уже и своей ей непоколебимостью; да-к еще и с сарказмом – выводя «сестру» уже и из *красного* на белый, доводя до *белого каления*. – Как, прямо, красиво-то... все. *Цвет в цвет*. Эстетично!.. Ну да ладно. Дальше?..

– Тебя-то – он: прятал!.. – Сморщилась Анна и фыркнула с отвращением. – А меня – спустил сразу же: как нефиг делать! Ладно же еще – пинка не наподдал: открестился и... отказался. И докинул – своего же брата, до *кучи*!.. «*Барахтайся и выплывай сама!*», что называется! – Перековеркала она Сергея и усмехнулась, тут же и отмахиваясь. – Да и... И ладно! У него же был, есть – *еще* один шанс; и такая же... *попытка*. Номер: «два»! – И подняла свой указательный и средний пальцы правой руки вверх: после чего еще и указав ими – на Софию и Сергея. – И надо же!.. *Ангел*. Бывает же. Казалось бы!.. Как и он. Я же – *в мать* пошла!.. И пусть – и не видела ее еще ни разу. Как и ты же уже!.. Но – и в *неродную*, как и ты же все ранее выразилась, пошла: зато. Да... Опять же все, и *снова*, я!..

– И основательно... – Кивнула София, выпятив нижнюю

губу: в задумчивости. Ну а когда уже и «вынырнула из себя» – обрела не в меру злющую Анну: у которой же еще немного – и волосы дыбом встанут; и она же сама их уже начнет – из себя драть. И-ли, как змеи же все и на голове у Горгоны, начнут во все стороны шипеть; вместе с хозяйкой, и ядом плеваться, с желчью и кислотой. Что она, к слову, уже и исполняла: без них. Но и как минимум – был бы *уже* и отличный фон, «зеленка»! – Ладно-ладно, все!.. – Улыбнулась девушка, покачав головой: от всего же и сразу... в ней. – Не «перебиваю»!

– *Продолжение чина и членства!*.. – Выплюнула та и скривилась. – Та, кто и сменит его – на посту! Зачем ему – я?.. Служить и... при-служивать? Да-к и ладно же еще: ему! Одному... Но – ей: то есть – *уже и тебе?! Да!*.. Да и все же, собственно! – Пожала она плечами, скрепляя кисти рук затем и в замок. – «Нас» – разъединили. Я росла – с Женей и Розой. Дружила – с парнями. *Встречалась!*..

– Зат-кнись! – И тут, как ни странно, сошлись уже даже и оба: Влад и Егор. После чего – смерили друг друга... *понимающими* взглядами и, глубоко вздохнув-выдохнув с закатанными же глазами, пожали друг другу руки, левой и правой же, соответственно: признавая солидарность в этом, и каждый же за каждым, что накосячил-и. *Оба!*.. И равно.

– *С ними же, м-хм!*.. – Закатила глаза, подстраиваясь уже и под них же самих, Анна: как и указав же затем – в их сторону большим пальцем своей правой руки; даже и не оборо-

чиваясь, не то, что и «не смотря».

– Не перебивайте девушек, ребят! – Глянули на них члены Совета и Александр: но и слово же взяли – первые. – Вам дадут слово – после. Может быть... Продолжай, Анна!..

– А нечего и продолжать!.. – Хмыкнула та и размяла шею. – Они все – и испортили. Точнее!.. *Один* же все... И из них. *Влад!* – И названный тут же – истерично рассмеялся, но и не более, так и промолчав-не-перебивая. – Егор же, как и было сказано выше, еще и им же все, Вла-дом, был: в розовых очках!.. Ха. Да. А ведь сначала – я так и не могла понять: почему нас постоянно «накрывают». А и главное – как узнают: кто, что, *как* и... где. Ну а после – уже и до меня дошло, что и тот же самый все... *Влад:* нас и сдавал. Видите ли!.. Отдав предпочтение Егору, а не ему – я сама себе и подписала: этот самый... *приговор!* – Фыркнула она и закатила глаза. – Обрекла на... палево: по всем же и фронтам! «*Так не доставайся же ты никому*», будто. Буквально!.. Сам же – закопал... свою же любовь; или *влюбленность*. Или... еще *что*. Не знаю! – Отмахнулась она и дернула головой, откидывая эту мысль. – «Закопал», в общем. И меня: с тем. Преподнес – «отцу» на блюдечке... с голубой каемочкой: под названием «*Женя*». И... Из белых ручек Александра!.. – Кинула взгляд на руки, на плечах же все и Софии, и сощурилась. – Так же – они связывались! И *до* тебя. И после!.. И... Видит твой же все и *бог* – стоило *отцу* же тебя «спустить» к нам: мы бы тебя и *раньше* погребли! – И, сменив ракурс, глянула на Софию,

оскалившись. – Была бы – если и не *тринадцатой* и *первой* с конца, то... *сначала!*

– Приговор!.. *Договор* был расторгнут, но и пока же лишь только – одной из сторон! – Продолжили нести *свое* слово: пусть и не «только» божье, но и не *лишь* дьявольское... демон и ангел. – Но и *кто* же знал, да, что он и уже дышал на ладан, так еще и руку начал держать на пульсе: вот-вот готовый и вовсе же рухнуть – от рук и... все тех же; Розы и Андрея. Обещались же – больше этого не делать!.. Но – и с Анной. А с тобой – нет. И вот – уже *мученик*-не-«мученик»: становится их личной... лабораторной крысой!.. Причем, сначала, как и «попытка же все же и та же... *номер два*», но и в тебе же все – чуть больше света... и светлого, чем в Анне; поэтому тебя просто – сдали с молотка, как тело, *сосуд* и... для нее же. Каши же – не сваришь!.. Ничего и дельного... А так – хоть и как «материал», пушечное мясо: где уже и «мўки» – как *испытание веры* и... «набивание» *карты*... из тринадцати жертв; убиваемых уже лично – Розой и Андреем. Без зазрения совести... И без долгих остановок-приседаний!.. – «Тела и души, в количестве *тринадцати*, действуют – все то время... до последней!.. Если цикл вдруг сбивается-прерывается – все пропадает. Если результат не засчитывается сразу же или на следующий день максимум – так же!.. Так что...». – Им *приходилось* – начинать заново: каждый раз. Как и *тут*... В этот раз. Но и тут же еще – и сама ты им под руку попалась: как уже и та, в ком можно и без особых

проблем – возродить *другую*; и никто не заметит... подавления света *тьмой*. Подумаешь!.. Сама: «демоном быть *захотела*». Да и какая уж разница, что это Анна, а ты... подавлена и мертва; после – заняв «место»... ее же!.. Ведь Сергей контролирует Андрея, а Андрей – Сергея: подменяя друг друга. Вот только и последнему больше нельзя так много времени уделять *низу*!.. Да и он рад, ведь и все то время, что *бдил* Розу и Анну, мало доверяя первой и не зря, в чем и убедился, перестав доверять и последней от слова *совсем*, а тут и Андрей повадился общаться излишне с тобой и *переманивать* тебя вслед за сестрой, что не удалось – Сергей вернулся к своим *основным* делам; и второй дочери. Сплавив Андрея *вниз* – только и на радость остальным!

– Стоп!.. Подожди! – Тормознула Анну София; уже и сама не против, чтобы ей все доясняли фоном, не прерывая контакт *контура* с «наполнением»; а заодно – и напрягшихся парней, сидевших сзади той, готовых подорваться и впрячься в любую секунду: если та не «замолчит» уже и сама. Затем – встряхнула головой, взбив мысли в одну, более-менее, кучу: и перемешала их в такую же, что-то с чем-то, но и целостную консистенцию. – Не хочешь ли ты мне сейчас и тем самым же, *этим* еще и сказать, что и все те и эти, *все* же жертвы – были... все тем же: *вниманием*?! – И округлила глаза, уже не чувствуя, а *видя*: как от шока и нервяка – уже и свой-ее правый глаз начал подрагивать-щуриться. – *Желанием*... внимания: к себе. То есть: *тебе*!.. Чтобы он – чаще спускал-

ся; и-ли просто смотрел – на тебя! Хотя: куда уж; и больше-то! Если даже Совет – на поводу пошел; и разрешил «послабление»... Чтобы он только лишь вел *тебя* – *вместо* меня!.. – Догадалась София и раскрыла рот в удивлении; и каком-то своем же еще... детско-преданном «ужасе». – А я-то думала, чего это я там – одна; и тут – одна? Что тут. Что там... Засыпаю – его еще нет. Просыпаюсь – уже нет... То ли: *уже* замужем. А то ли: еще и... *отец*. Он же велся – на это. *Велся* – и на тебя!.. Ты – подстрекала его; и *вынуждала*!

– И велся бы – и *дальше*, дорогая моя!.. – Ожила вновь... Роза: буквально же еще и воспрянув своим же «бутоном», как и «стеблем»; банально же – просто и устав от созерцания рисунка на ковре. Равно как и от того, что ее *дочь* – постоянно перебивают!.. Да-к еще же и перебива-ет – одна и та же... *малахольная*: что возомнила себя, здесь и сейчас, со *всеми* же все и ними, но и по *ее* же лишь только меркам, невесть кем. – Мы бы «сплели» *путь* наверх – и украли бы тебя!.. Вы-крали. И заперли бы: у *себя*! – Широко улыбнулась женщина, почти и ненормально, а даже и животно затем оскалившись. Тут уже, правда, и сам Женя не стерпел, вместе и с Александром, и почти привстал: но их сразу же осадили члены Совета – с кивка дав понять, что: мимо них – это не прошло; и все ей обязательно зачтется, но *позже*. – А там, считай, *ребенок*... члена Совета – проси, что хочешь. Хоть: трон и царство, а не пол-... его; и «в придачу». *Весь* мир!.. – Рассмеялась она, не столько же еще и воображая,

сколько уже именно и находясь там, присутствуя: как и в одном шаге – от полной потери рассудка, передышав своим же «градусом»; что, да, не портится, а только *лучшеет* с каждым годом, но и осадочек-остаточек – *вместе* с ним, как и зерна все того же перца, *хорошо* давали... в голову, бродя. – Да и что там?.. Мир-ы!

– Но Влад – палил нас: на всем!.. – Поджала губы Анна, сжимая и разжимая руки: после – начав и заламывать пальцы. – И когда я узнала – спросила его: *что он хочет – за молчание?* Его же цена была – до боли проста. *До боли...* Егора!.. – И цокнула языком, взглянув в глаза Софии. – Я *должна* была – отказаться: от него. «Бросить»... Са-ма! Придумав... какую-то муть, на тему же все и того, что... не люблю. Не люб-ила. Так и лечу же еще... с Владом – за пределы страны. Он же меня за это, взамен – укрывает и прячет! Обеспечивая, только лишь и *так сказать*, ведь еще-уже и сам, безопасность и... сбережение от глаз отца. Но!.. – И сгримасничала, закрыв глаза и сжав веки сильнее, чем то требовалось: не проваливаясь в воспоминания, в попытках затем там и остаться, а стараясь выдавить-вдавить глаза вовнутрь – за свою же доверчивость и опрометчивость. – Как я уже и говорила, а ты, наверняка уж, и поняла – он обвел меня вокруг пальца: а я – и повелась... Рассталась – с Егором!.. Прыгнула буквально в его же объятия, а он – ...!..

– ...*неблагодарная скотина!* – Огласил Влад, расправив руки, как крылья: и качнулся на стуле назад, к окнам – для

пущего эффекта... *полета*. – Фишка же была, как раз, в этом, *мальши!* – И, сказав «прозвище», сплюнул. – *Не... доставаться... никому!* «Никому!» – Повторил он и очеркнул в воздухе – правой рукой. – Оговорочка: никому – *из нас*. С Егором. Да и нафиг ты нам *такая* сдалась! А вот Совету. Да!.. Самый сок и смак!

– ...*напоил меня – и сдал на руки Жене!* – Продолжила Анна, никак не отреагировав на «выкрики с задних-последних парт».

– Шаришь, Егич?.. – Глянул на него рыжий, но и так, и без этого уже понимая, по его же все уже и шоку, как и отсутствию ответа, что «нет». – И *не* наша Анка-Атаманка – *тоже*. А *вкус* – не зря оказался: «знакомым». Су-ка!.. – И, спрятав лицо в ладонях, рассмеялся: срываясь затем – на визг; и даже *писк*. – Что в прошлый раз. Что и в этот... На одну и ту же хрень! На *свое* же... лекарство! Точнее: *Артема*. Но и – какая разница?.. – И, сбросив после их с лица, обратился своим ярко-янтарным взглядом к потолку, словно бы еще и ища там ответы: но и скорее уже – не желая смотреть не то что в лица, а даже, тем более и спины этой «парочки»: санитарочки и... *Тамарочки*. – Будто бы он же еще и сам – эту самую сыворотку и вывел: из роз. Вернее!.. Семена их. И *нужную* пропорцию! Радуйся, «куколка»... *не бабочки!*.. – И вновь сгримасничал, шикнув. – Что я и по *всем* «пунктам-то» – не прошелся, а сделал *все* и до того, *как...* они подействуют: а не «после». Ты – по «трезвяку»:

согласилась на то-это. Со мной... И са-ма! – И тут уже даже и Anne – пришлось отвернуться от «присяжных», кого она все пыталась пробить на слезу; такую же, к слову, как и ее же собственные, вместе с «правдой»; и воззриться на него: попытавшись затем – как-то хоть и незримо заткнуть уже и его же самого, будь то прищуренными глазами или приготовившись уже и руками что-нибудь бросить в него, но увидела злющего, а и что страшнее для нее – понимающего и осознающего все Егора; и остолбенела. – Да, «красотка»!.. – Все-таки глянул на нее Влад, но и только же: чтобы явить ей торжество и гордость – за *брата* и... «сестру». – Не получилось тебе – их наебать! А знаешь: почему?.. Потому, что с тобой – туфта; как и ты же сама. А там, с ними и у них, настоящее. И София – не прекращала со мной общаться!.. Так что... – И поиграл бровями, широко улыбаясь. – Даже если ты ее и «пошатнула», то дырки, в твоих же все и «рассказнях» ей – она заметила и залатала: вместе с «братиком». Они – помирились!.. Да. Ага. Вот прям – и почти: только что. И все у них: чики-пуки!.. – Свел указательные пальцы между собой он и, стукнув их подушечками друг о друга пару раз, отвел их и указал на нее, подняв и большие пальцы после, воспроизведя «пистолеты». – Мог бы показать еще и *по-другому* – да они оба рядом, близко сидят и шею мне свернут: на... *хрусть и хрусть*. Ну а тебе, «чика», только: *пульки!*.. «Серебряные»! *Пиу-пиу!*..

– Ребят!.. Давайте – без выражений, пожалуйста. Переби-

ваем?.. *Перебиваем!* Ладно. Без этого, как мы уже и сами видим, никак: *вы...* не можете. Но – конструктивно; и по делу! – Выразила строго свою точку зрения, как компромиссно и обоим же здесь все и присутствующих членов Совета, ангел. – С толком и расстановкой!.. *Без грязи!*

– Неважно!.. – Рыкнула Анна и вернулась лицом, как и взглядом, к камину: не встречаясь более им – с Софией; и ни с кем. – А тот, в свою очередь, отвез меня... в этот самый дом и эту самую же квартиру: к Александру. А он уже, как последняя инстанция сути и истины, дал весточку «отцу»!.. Конечно! – И ее губы исказились в отвращении. – Ведь ему тоже надо было, время от времени, обращаться: за «выслугой лет». Меня – и забрали!.. А тебя – ...!

– ...*спустили!* – Продолжила София и перевела затем уже и свой светло-карий взгляд на двух парней: по ту сторону и баррикад. – Владислав!.. – И тот сразу же глянул на нее: в ответ. – Снимаю шляпку!.. Даже несмотря на и какую бы там ни было измену, как и такое же, вроде как и никакое же, предательство, *так* играть и на два фронта – надо уметь и смочь! Как же *так* – ты; и ее?.. – И склонила голову к правому плечу, изогнув левую бровь: с легкой улыбкой на губах. – *Свою...* влюбленность! Пусть: *не* первую. Но!..

– Ага!.. И это после того, как и тебя – на меня оставил. *Без* себя!.. *Умный...* самый? Буквально: бросив же в клетку... *не* знаю... к тигру, льву... на растерзание!

– Попрошу!.. *В-вумный.* Ну и?.. Жива же. И *ты!*.. Так, в

чем проблема?

– Не...

– Ни в чем. Это же – Егор!.. *У нас*. И драма-квин!.. *Излишне*. Порой...

– Ну хоть и не *Харли* – и на том: «Спасибо»!.. *Хищная* птица. Не смотри на меня: *так!*..

– Как?.. *Я*, между прочим, все еще: *здесь!* И!.. В-утка. Да. *Говорун!*.. Не отличающийся: ни умом, ни сообразительностью!

– *И с нами*. Слава богу-дьяволу... *ты* хоть и держишь нас, в каком-никаком, а курсе. *Продолжай* – в том же духе!.. Бери *выше*, Соф: лю-бовь! – И провел руками над головой, имитируя «радугу»; как и что на ней – могли бы появиться *витиеватые* буквы, образуя это же самое слово: по слогам. – Была ли она?.. И-ли *они?* – И повторил ее *жест*, только и на левое плечо, пожав затем ими. – Не знаю! *Не знаю* точно, но и посмотрев на все же это – со стороны!.. «Попытал удачу»? *Да*. Бесспорно!.. Сам же дьявол велел – хоть один раз и единожды, но и *побрататься*: за одну и ту же девушку! *Так!*.. От сделать не... *фиг*; и по приколу! Побеситься!.. И *побесить!* – И глянул вновь на никак еще не отошедшего да и не отходящего Егора, ухмыльнувшись: после чего же затем – еще и толкая его своей левой рукой и в, под его правый бок. – Но и дальше чего-то, что я так и не понял, да и никак же еще и не *обозвал*; и не потому что не «хотел уничтожить»; не пошло. Не зашло – никак!.. *Совершенно!* А если бы и зашло, то не в

том ключе: в котором она!.. – И кивнул в спину Анны. – Все *это*; и поведала. Про... предпочтение Егору. И *прочее*!.. – И закатил глаза, покачав головой. – С тех пор – я и не люблю; да и не влюбляюсь... Так уж: точно! А и так же еще сказал, будто уже и куча лет прошла!.. – Посмеялся он же и с себя, покрутив правым указательным пальцем у того же виска. – Нет. Не «лет» же... Ве-ков! Но – так и есть. А с ней, *Ан-ной*, день ж еще и за год: потянет!.. Без нее же, «любви», да и... так же все. Не *труднее*. И *не* тяжелее... *Не больше*, во всяком случае!.. Ни-как! – Подвел он итог, разведя руками. – *Одинаково*!.. Что с ней. Что и без нее!.. Но и *стоило* того, однозначно! Хотя бы: чтобы *вписаться* и узнать, понять; чтобы и к нашей семье – не было никаких вопросов!.. Относительно же все и того, что и кто-то же из нас – «встречается»: с убийцей. Да и я... *Я* и не знал же: сразу!.. – Поджал он губы и нахмурился, обдумывая дальнейшее. – *Догадывался*! Мог предположить и... Вот!.. Не прогадал! «Крест» пал бы – на Ксандера. Перед этим же – еще: на меня и-ли Егора. А чем – «заслужил» он; и *не* заслужил я?!.. – Всплеснул Влад в обиде руками и получил «тычок»: уже в и под свои левые ребра. – Шут-ка!.. Не мог я – *так*! И ладно бы еще: если бы *не* знал. Но!.. Я умел уже проследивать цепочки фактов, как и складывать «два плюс два». Ее: частые пропажи и игнор Егора... А после – и «инструменты». Типа: лопаты и грабель... в прихожей. И все же – в грязи. *Розы* – свежие... Каждый день! И это же еще-уже при том!.. – И он сделал акцент, подняв

правый указательный палец в воздух: к потолку. – Что Егич – *дарил* ей: сирень. *Мою* сирень!.. Что – под окнами: с моей же стороны!.. *Кстати!* – И, вдруг *что-то* вспомнив, вновь посмотрел на Егора. – Хорошо, что ты бросил эту *шутку-штуку*, брат!.. Там тоже – не все чисто-ложно; но – не при *всех!*

– Владислав!.. – Рывкнул Александр и грозно взглянул на него.

– Я *ничего* не сказал!.. – Замотал тот тут же и отрицательно головой, как и руками: точно да и *теперь* же уже – пытаюсь взлететь. – *Вы* – подумали; и *додумали*: сами. Да и *ничего не докажете!* Что могло – рассосалось подкормом и... кормом. *Давно. И не правда!*

– А я – знал! – Встрепенулся Никита: до этого внимательно слушая и вслушиваясь, как и Карина; но и не вмешиваясь к «взрослым», пока не спросят *с них*, не мешая им.

– Цыц!.. – Шикнул Влад на него и ударил правой ладонью по столу: а после – и самого же шатена своей правой ногой, и по его же уже и двоим, под ним. – *Ничего* не знал; и *не узнаешь!* Я – признал; и *отозвал!* Шут-ка!.. *Юмора.* Такая...

Ну а в то же время, такого же еще и перекура-подышать, поймав взглядом Егора, а после и его же все задумчиво-вдумчивый темно-синий взор, София широко улыбнулась и, кивнув головой на Влада, хитро подмигнула. Получая следом – строгую и требовательную мужскую реплику, как стрелой; но и теперь же уже – точно в голову:

– Мы еще не на той стадии отношений, родная: чтобы ты могла «произносить» – эту фразу. «Ты»!.. И «мне»!

– Но и... «Я же говорила»! – Пропела девушка, так и не удержавшись; да и рассмеявшись еще – под занавес на «антракт». – И «стрела» – о двух концах. Про это... И про то, что ты все же – сексист!..

– Раздуплился?!.. – «Пнул» его левой рукой Влад, но и уже локтем: под ребра. Получая уже в ответ – суровый темный взгляд, брошенный сначала ему, а после, хоть и уже почти с тем же, и девушке: – Позже... «поговорим»!

– Сирень... – Хмыкнула вдруг София, «зависнув» ненадолго на и в нем, но и в результате чего, скооперировав все в одной точке, посмотрела затем через свое же левое плечо на Александра. На что уже и тот – тут же кивнул в сторону камина и на картину над ним: которую, как видно же и уже, все-таки вернул-повесил обратно Влад. – Можно, пожалуйста?.. – Обратилась она затем к демону – и получила, с одного же все, но и его же уже кивка, как и без слов, раму точно в руки. – Спасибо!.. По количеству цветов, что ли?

– Да!.. Но и твой сон – вышел: куда реалистичнее. И... Правдивее! – Ответил он же, положив поверх полотна фотографии: и тут же отходя обратно к камину. – Роз было – именно столько: сколько и цветков сирени... на картине. На фотографии их – столько же. Насколько мы помним!.. Влад ее такой – и сделал! – И глянул на рыжего, получив от него же уже и просто кивок. София – проследила за того взглядом;

и вновь затем опустила свой на полотно. – *Оборвал*: под нужное количество. А *граффити*... и картина. В данном случае: сначала Егор, а после уже и Влад – внесли свою лепту... в видение этого. *Всего* этого!.. – И указал своей правой рукой – на холст и «карточки». – Как фиксация факта и... некое же еще *личное*... «отпускание»: в масштабе. Они – масштабировали: это. И буквально, на тот же все момент и тогда, указали на *это* же: таким... *прямым* текстом. Им, как и тебе, *такое* и с розами – не снилось!.. Да и труднее было бы нарисовать – в отличие же все и от такой... маленькой. Но, и в то же время, *крупной* и существенной... детали: которую на фото – признаешь не сразу!.. А в *таком* формате: сразу и вполне! А как же еще сказала *и* сама Анна: ранее!.. – И глянул на другую уже брюнетку, тут же затем опустив взгляд на Софию: что теперь смотрела на него – во все глаза, временами заглядывая, с его немого же «разрешения и *открытия*», в его же сознание; и шерстя – еще то время и *такие* же моменты, совмещая «теорию с практикой». – Они начинали сначала – каждый и *всякий* раз: так или иначе, а попадая под нашу *особую* юрисдикцию... временами; да и не выходя же... из нее. Чем и обуславливалось – их продолжительное затишье: но – и не продлившееся долго. *Как правило же!*.. – И, все же прочтя уже даже и в ее глазах немой вопрос раньше, чем и она же сама успела его задать, предупредил в этом моменте: постаравшись объяснить и пояснить; *все*м и сразу. – Мы не можем следить за одними и теми же – дольше,

чем за всеми!.. Отдавая предпочтение одним и угнетая, тем самым, оставляя и принижая... других. Они – были частыми гостями. «Завсегдатаями», я бы даже сказал!.. – И усмехнулся, покачав головой. – За излишнюю, бывало и чересчур «активность» на этом и... *своем* поприще. Когда: насчитывая *десять*. А когда – и нет. Когда – доходя впритык; и теряя *тринадцатую* жертву. Но и там – были: не только девушки. Вы же *уже* все знаете!.. – И, обведя взглядом их, по тишине, как и общему же молчанию, понял, что *да*; пусть и пока что – не полностью поняв и приняв; и вновь вернулся к ней... с тяжело-тяжелым выдохом. – Они – не разменивались!.. *В принципе*.

– Дознали уж. Но!.. – И София взяла в руки цветное фото. – Как же хорошо, что я все-таки заранее желудок «прочистила» и... о-чистила! – А заслышав несдержанный «хмык» Влада и как скрипнули сцепленные зубы Егора... с *взаимным* рыком – скосила на них взгляд и поджала губы в легкой полуулыбке: с намеком на то, что это уже прошлое; да и просто *к слову* пришлось. – Прямо-таки: на всякий случай и мало ли что. Как знала!..

– До твоего появления – прямое действие: имела Анна!.. – Продолжила-сказала ангел, перенеяв слово у своего же «коллеги». – Собственно, парни-то все были – на ней; и *за* ней. Когда же и Артем – был: с девушками. Ну а после!..

– Вот блин!.. – Щелкнул вдруг и пальцами же своей все правой руки рыжий, перебивая ее и обращая вновь *все* вни-

мание, опять же, на их столик. – То есть, *чисто гипотетически*, я мог и на «измену» подумать? Что розы – каждый день *новые*; и все дела.

– Закрыли тему, Влад!.. – Осадили его сразу и одновременно же: Александр и Егор.

– ...*был уже и лишь он же!*.. Только: *Артем!* – Продолжила за женщиной Полина; с ее же уже даже и одобрительного кивка, спросив, перед этим и об этом же все, взглядом; и глянула на названного собой же: почти что и впервые – за все же это время... пребывания здесь. Так еще затем и чуть дольше, чем и просто же все мимоходом остановившись на нем взглядом, как и на Софии же до: принимая тут же и от нее же уже благодарность за то, что взялась именно за эту часть беседы и именно она – без малого неприятную и отвратную ей, как и всем; но и *им* же все – чуть меньше, опять же и нежели ей, как и бывшей в этом, так и... *солидарно* уже и со всеми же до и после нее же самой. – Нет!.. Без каких-либо претензий! – Подняла она руки в «защитном жесте»: будто к ней они и были; так еще и, вот-вот же почти, готовы были взлететь ввысь, чтобы обрушиться тучей стрел. Но и сделала все же акцент, дабы уже и после – ничего не было и не возникало. В принципе!.. – Бисексуальность. Гетеро- и гомосексуальность... Мальчики с мальчиками. И девочки с девочками!.. Мир, дружба... Жвачка. И любо-о-овь!.. – Протянула она: под уже и одобрительный смех всех собравшихся. – Как и сказал еще и Влад. *Но...* На-силь-но?! – И скрючилась,

процедив это, как и прорезав взглядом шатена: будто же еще продирая и раздирая, выдирая насквозь. По крайней мере – ей хотелось так думать: да и точно бы еще – того и *сделать*; пусть она и ангел. Но и за мысли, более того и «закрытые», а и тем более во благо самой же Софии – не посадили и ей бы простили: как и простила она же их себе – еще заранее. И не потому что – женщина, беременная... И *не* посудомойка!.. Во всяком случае, Совет от ее холода и металла в тембре – на дыбы не встал: а значит, все было хорошо, прощено и спущено... *пока*. – Девственность и... Ориентация! Возможная – ее и смена... И тоже ведь: насильно. И не только – с моей малышкой! – И блондинка поджала губы, сузив свои голубые глаза. – Больной ты убл!..

– Тихо!.. – Хлопнул ее сразу же по губам своей правой рукой Женя. – Не ругаться!.. И да, *это* – не только от меня! – Не скромно отметил он и скосил свой взгляд на судей.

– Так она – не просто: с ним *была*?.. София! *Он* – и ее: первый?.. *Был*. Тоже!..

– Тебе когда-нибудь *кто-нибудь* говорил, что ты на удивление быстро все схватываешь?.. *Прям*: на лету. И!.. Той же все: *пулей*. В лоб!.. – Хмыкнул Егор, но и тут же сбавил-сбил свой пыл: не из-за недавно заключенного с ним, Владом же все, и *перемиря* – а из-за того, что и не на того он должен был быть направлен; как и в принципе, хоть он и говорил довольно часто и... почти что *всегда*... довольно и *давно* определенные вещи – умел подводить *черту*, закрывать «арку»

и... просто сменять тему: дабы не довести уж и *точно* до самосуда. – Но и благо – *не* последний. Последним: будет мой. *Убитым* – мной!

– Ага. Ну да!.. Встань в очередь, братец. *Это* – не твоя война. Не говоря же уж и о... самой же *Софии*. Как и не твоя же все: V-значит-Вендетта!.. К слову: тут же – и *не* ее.

– Но – и... *Да!*.. То есть... И не *ее*: одной!.. *Тот же*.

– Хм... Два *гения* – это сила?.. Что ж!.. Тогда – поторопись. А то – и не твоя, и... «Ничья»!.. *Станется*. А я же, как всегда, «прикрою»!

– ...Но и все же *это* произнесли в своих головах, да?.. – Не унималась Полина и обвела взглядом собравшихся, получив после утвердительные кивки: почти же и *всех*; кроме, опять же все, и тех же членов Совета. Но Влад – и за них покивал: не по *третьему*, так и просто же *кругу*. – *Да!* Я – *не* одна!.. А почему, кстати, после?.. – И осеклась, взглянув на вершителей судеб. – *Они* – выпали: из вашей «юрисдикции»? Да и Сергей!..

– Они его – хорошо «прятали»... – Вступил и тут же вступился за ангела демон. – А жертв – уже было и не так много, чтобы вновь делать и *особый* же к тому акцент: на этом. Как бы ужасно это ни звучало!.. – И сразу же пресек все дальнейшие распри, отлавливая в процессе чуть ли и ни каждый *лишний* трепет ресниц и стук сердца: не в той *положительной* тональности и динамике, в которой быть и *должны*. – Но... *Да!* Надо все же отдать им должное!.. – И кивнул го-

ловой на сидящих подле и него, фыркнув. – Они учились и *выучились* – на собственных ошибках: убирая не скопом, а по одному-два... И *даже* – когда Роза попадалась: имея за собой и прошлые огрехи!.. В прошлый же раз *все-таки* она прошла: как свидетель!.. Как и Артем. *Андрей*. Все же легко – на плечи: Анны!..

– О, *как!*.. – Поднялась все же из-за стола Карина и прошла к Полине, сев подле нее: под уже и ее благодарный взгляд; что она точно, так теперь еще и в этом... открытом... *негодованиях*, не одна. На что уже и София лишь только покачала головой, но и не смогла сдержать широкой улыбки за них: *девчонки объединились*. – Так ты еще – и ее?.. *Да*. Ты ее – бросила! – И сама же *бросила* свой шокированно-гневный взгляд на Розу. – *Дочь* свою! А ты?.. *До-черь*. *Ее!*.. – И перевела затем хмурые серо-зеленые глаза на Анну: ничего не понимая, банально – не *стыкуясь-бьясь*... в этом самом моменте; ни с чем, а уж и подавно *кем*. – *Любишь*: за это? *Все еще*... И «принимает». *Понимаешь*... Как!.. *Мать?* – И, мельком глянув на Артема, скривилась. – Тем, *прости!*.. Ты – *не* самый... *что* там начала, но так и не досказала Полина! Тут – есть еще *две*: и они покруче.

– Я – *не* убивала, «вначале», если ты: об этом! – Глянула на нее спокойно Роза; и так же спокойно и выдержанно продолжила. – *Все* делала – она. Я же лишь только, как и было же сказано уже чуть выше-*ранее*, подбирала жертв и выбирала места: где их прятать; а после – и закапывать. Я была

– на теории; и «ориентированности на местности». Когда же и она – была: практиком. И делала все – *сама!*.. Да. Вместе с Артемом!.. – И тут взгляд ее болотных умиротворенных, но и в то же время гордых глаз – коснулся ее же все, пусть и *почти*, но и двух детей. – Но и: напополам. Ей – *это*: нравилось!.. А я – и не мешала.

– *Да-да!*.. А и особенно: когда ее «брали»! – Цокнула София, не смотря на нее: не столько и сочувствуя сестре, вообще ни разу, сколько злорадствуя над *ролью матери* – в лице же все и Розы; что той, что и... «другой»; что и третьему. Как-то: не задалось!..

– Я ее – предупреждала, что нечего водиться с... *ними!* – Пошла в защиту, как и наступление с нападением Роза: добавляя сразу холода и стали в голос. – Говорила, что: «*Они тебя испортят!*..». Но разве она – послушает? Послуша-ла?! – Кинула она свой уже и рассерженный взгляд на Анну, но та даже и бровью не повела; хоть и не усмехнулась... тоже. Выдержала, довольно и достойно, ее взгляд!.. Но маску «безэмоциональности» – так и не сбросила. – *Нет*, конечно! – И, горько усмехнувшись, покачала головой, выплевывая следующее: с той же все кислотой, но и плюсом же еще – с желчью и ядом обугленно-влажного «Цербера» с плесенью; будто и его собственного токсичного концентрата мало. – Вы стоите в этом – друг друга: обе несобранные, несосредоточенные и... *бесхребетные!*

– Ну и точно же все – *не* более, чем ты!.. – Подняла уже

даже и свои темные брови брюнетка, поджав губы и стрельнув мельком взглядом в нее. – Чем *ты* же: и *испортила* до! Может, *клин клином* бы и вышибло!.. *Кто* знает. Но и фиг бы – с тем. А на ко?.. – Начала она, но и вовремя себя же осадила, прервав: не ругаться, так не ругаться! Правило было – для всех: *без исключений*. – Кхм!.. *Зачем* тебе все-таки был нужен – Андрей? Или *ты* – ему?.. И какой, вообще, был «план»?! – Всплеснула руками София и развела ими, поворачиваясь к женщине, но и пока не останавливая взгляда на ней: бегая им от нее к картине и обратно; так и перемежая еще где-то между – с фигурой Андрея. – Ты – «создаешь» эти... рисунки. Он их – собирает по... «трафарету». Собственно, как и саму энергию и... силу! Образую «тату». Вы – находите все *тринадцать* жертв! И?.. – Тянет она, делая паузу специально: не тонко, а *жирно* намекая на очередную, но и не только уже и именно же все Анны «брешь». – *Срезать-то* было: зачем? Розы-то – еще ладно. А «тату»?.. И да! – Кивнула девушка, отметив немой вопрос в глазах обоих. – *Мы* уже все и *знаем*, что мы вас напугали – и вы поспешили избавиться от следов:, как и во все прошлые разы. Но процесс-то – уже был запущен и... не остановим! В результате чего – получилось: *это!*.. – И своим светло-карим взглядом указала на Анну: уже-еще и даже этим *легким* жестом заслужив той и только лишь – еле сдержи-удерживаемое рычание; под гнетом строгих взглядов членов Совета, что означали: *шаг влево, шаг вправо – расстрел обоими; и не*

только глазами. – Ни рыба, ни мясо... Ни то и... Ни другое! Среднее же... что-то. *С чем-то!*.. И третье! Но и мне так нравится тактика Александра!.. – Откинулась она чуть назад и к нему, чувствуя опору и поддержку: а еще силу и защиту – с и от цепких объятий; как и веру, с надеждой и... любовью в и от затем – легкого поцелуя в макушку. – Чтобы *все* услышать – лично. А и тем более: при всех!.. Раз... и навсегда. Все и сразу! Что и!.. Поэтому-то...

– Сергей долго упорствовал и не хотел спускать тебя к этим же все и извергам, что «испортили» Анну!.. – Вздохнула ангел и глянула на демона подле себя, что в этот раз таки и не стал, как обычно же все, вставлять свои *шесть* палок в ее трехколесный *велик!*.. К сожалению! *Да.* Ведь она так, еще и *сама*, не любила выступать гонцом-посыльным, приносящим *дурные* вести!.. Но и делать-то уже было нечего – история *требовала* развязки! Радовало же только одно – хотя бы *в этот раз* обошлось и без полного же изложения *плана*: от лица придумавшего его, самого же злодея. *Хотя!*.. – Но Совет, *мы*, назначили «такую» меру! – «Тем более, что Сергей пренебрег нашим решением и сам попросил Стаса очистить память Софии от брата-и-сестры-близнеца – первым и без нашего же все ведома. Поэтому теперь – был обязан: следовать ей, как и ему, *нам*, пока и мы же подотрем-подтерли оставшееся и оставшимся – вместе со *знанием* о сестре-близнеце, как в принципе, а и не только самой лишь Анне. После чего же уже и София – должна была и спустится: на

их “перевоспитание”!.. Да и нужно же было проверить еще Розу и Андрея – так ли они “чисты”. Пусть и Артем уже был – не с ними: но и они-то – были; и помнили, помн-ят обо всем этом. Поставили такой... *некий* эксперимент. Ну а Сергей – и подыграл, что же ему и еще оставалось!.. Вот только и все вышло из-под контроля: когда “ликвидировали” – и его; и его *слов* – так никто и не дождался. Равно: как и его же самого. А Андрей, в то же самое время, сыграл на опережение... И вышло все так, что не сказав о брате – *родной отец*: почти что и сам *подложил* свою же дочь под... Артема; считая его “отличной партией”... для отвода глаз. Правда, недолго!.. Но и *кто* ж, действительно, знал, что память-то сотрется, но и кое-что все же останется, далеко не от Анны: но и от того же еще – и ни грамма не лучше. Возвращаться же раньше срока – запретили!.. “Запретительный приговор на приближение” и... *все дела*... не должен был быть прекращен – раньше полугода: под страхом пересмотра дела и суда уже над *всеми*». – Спасибо!.. Да. *Полгода* – они обязаны были отчитываться и быть «примерными»: по большей же части – Роза; ведь и Андрей то был, то *не* был!.. А поскольку еще и Сергея забрали, «за все и прошлое же его отсутствие», кто-то должен был отчитываться ему, а он уже нам: и *тот* тут-то пришелся – как нельзя кстати. И да!.. Так и быть... Мы вновь пошли на уступки, как еще же и со своим желанием, *взаимным*, оставить Софию – преемницей непосредственно ангелов, ну а коли вдруг затем уж и демоном, так и

по своей-ее воле исключительно: и попросили Андрея – раз, опять же все, и в месяц приходите к Розе с Софией; и затем докладываться об этом... по той же все и цепочке из рукопожатий!.. – «И он – докладывался... Заодно и “подбивая” тебя: новой жертвой!.. *К сожалению*. Бесспорно... Что ж... Но и... *Да*. Как и призвана же все “инициация”, в случае же все и с тобой, это *тринадцать* душ и столько же тел, ведь и ты же еще *половинчатая*, равновесно спасая и убивая, как ангел и демон соответственно: и где результаты *лучше*, тем и, соответственно, становишься. Ну а все принимают решение – до двадцати одного!.. Тебе же пошел – *двадцать второй* год. И пока Карина легко сдавала норматив на повышение, разбирая легкие проблемы день через день и иницируясь раз в месяц, готовая уже в следующем году перейти в разряд средних – ты была этот год ангелом, а следующий *должна была* стать демоном: беря во внимание “семейные обстоятельства”, о которых могла только лишь догадываться; но а теперь же уже и знать».

– Все чудесатее и чудесатее!.. И не легче, как было *раньше*. Коль уж и не *лучше*!..

– Теряешь «н», *мальшья*!.. – Усмехнулся Влад и тут же шикнул на Андрея, кем и был затем перебит. – А никто и не говорил, что «так» и будет, *Светлячок*!.. – И Софию передернуло: что-то дернулось внутри, навстречу второму и к ней же все обращению, но и не так мягко, как в первый раз и первому – будто и тупым лезвием рванувшись навстречу,

будучи и пока же лишь только перевязанным чем-то; то ли еще и просто тканями, а то ли уже и *кожными*, органами... «Память»!.. Да. Это *она*. И *боролась* же с этим – под страхом раскрытия. Вот только и скорее же уже – в- и... *не* себя; а *хозяйки* же уже и... «самой».

– Что же до остальной структуры... Задания же как шли, так и идут от высшим к высшим, они же и *кураторы*, как правило; либо если таковых нет – от высших к средним, а от тех уже и к низшим!.. – Но и тут ему даже и самому не пришлось смотреть на ангела, лишь сделать небольшую паузу для вдоха: чтобы она тут же среагировала и продолжила, сменяя-подменяя на посту уже его. – «Роза была, как и есть куратор, что у Анны, что и у тебя: но если же Анна – все делала сама и ей это даже нравилось, как и сказала же еще ранее-выше сама Роза, да еще и *так*, что та же уже-еще и *сама* отошла на второй план, то с тобой все было по-другому, иному и... *наоборот*: и уже ты «отошла», пока Роза все делала сама; ведь ты *уже* пошла по ангелу, ну а ей было не с руки ждать, пока ты пройдешь *сначала* его, а и только лишь потом пойдешь-начнешь и под нее, и решила сделать все *за раз*: пока ты спасала, по *ее* же заданиям, как было и с Анной, но и в случае же с тобой, как и с *мучеником*, “не правильным” телам и душам, *правильным* для нее». – А Андрей, в то же самое время, помалкивал да ел. Сергея – нет... Мы думаем, что ты пере-думала и пошла-таки *далее* по «демону»!.. И вроде же: «все ок». Да только палится Роза однажды, *будто*

бы и на пробежке, но и *замечая следы* за «спасающей и все-прощающей Софией»: пока ты «играла» в ангела, эта же – не и в демона, «добивая» за тобой; ты – спасла, а она – убивала. И так бы продолжалось, коль бы и не Влад, что «пропалил» сначала твое задание: а потом и запах крови на Розе – с *тем же* заданием. – «Но и это же все, опять-таки, к слову – почему вопросов-то и особых не было: ведь, *да*, Анна проходила инициацию по демону, но а ты?.. Потому что не было претензий и таких “казусов”: до. Да и никто не *закладывал*, будем уж честны: Роза продумала все и даже больше – избавилась от всех и заранее; кому бы было дело и прям дотошно, оставив тех, кто постесняется да и *лишний же раз* все влезть». – Что же и до остальных *баранов!*.. Анна, да, не попала до конца в небытие – Роза с Андреем таки и успели начать ритуал «запечатления» и подавления: оставив ее «между», но и со стертой, более-менее, памятью; *скрытой* – ее же стихом. – «Ну а пока все обижались на Влада за его псевдопредательство всего и вся, всех – он обрел *ветку* и сирень на прежнем месте, показывая затем все же это и не только Егору, он, как и остальные, в шоке: ведь она должна была сойти; но – есть и у него, а значит, *она* не ушла. Но – *где* она?.. И что делает: сама *Роза*? Те самые вопросы, которые только лишь предстояло решить... *сообща*». – По поводу же, и *очередной*, уступки... Да. Мы пошли на это и вновь помогли Сергею: затерли Андрея у тебя, как и убрали Анну уже до конца; как и тех, кто мог как-то и «не так» повлиять на те-

бя, ведь двойники, а и тем более «близнецы» чувствую друг друга *острее* и могут сплетаться, обмениваться... И дабы *не* повторять, да, *что было однажды*, чтобы этого и ни в коем случае-разе *не* было даже, более того и *дважды*: сначала убе-регали от *личного* знакомства, чередуя со «спуском», а после и притупили вашу *связь*, детей и... *меж* собой, подтерев и эти *нити*; но и вы же – нашли друг друга, по итогу, пусть одна и не знала, а другая не помнила. До поры... до време-ни. – «Во благо же уже и Егору, после его тотального срыва и закрытия в себе, с желанием отстраниться и чуть ли и ни от-бивать себя и свою же территорию, уже они, ребята и Алек-сандр, не “портят”, но и завешивают имеющиеся *картины* и стараются не навязывать ему тебя, но и как это обычно бы-вает: ты сама же к нему потянулась, всем сердцем бесясь и разумом ненавидя, но *да*; а он, хоть и пытался отталкивать, пошумев *с год* и почти реабилитировавшись за все *четыре*, но и не совсем, *не смог*, ему тоже не с руки было выливать все на тебя и... *от той*, первое время, да, с трудом еще по-лучалось, вы ж еще, если не присматриваться, как две капли воды, так и говорить запрещено о *вашей* уже связи и *общей* семье, что оставили за Сергеем, как отцом и *начавшим* же все это, должен же и “закончить”... по окончании твоего об-ращения, чтобы ничего не мешало принимать решение *свое*, не отталкиваясь ни от кого и ни от чего, поставив и почти что “печать” на *других*, чтобы не вмешивать и не примешивать: Влад же считал наоборот, но и *кто* с ним считался, он

был за тебя и не *выбор*, тем более же еще и *со знанием дела!*.. Его, их – отстранили. *Обоих*. Вместе с Женей!.. Чтобы лишнего, уже и вместе, не сболтнули. Не могут держать язык за зубами *рядом* – будут в *отдалении!*.. *Полгода* же – как первый и минимальный срок!.. Когда ты уже – взойдешь: на ангельскую ступень. Ну а если еще затем и *захотят* рассказать – еще дольше и дальше, глубже. Как по времени, так и территориально!.. Влад – не сказал о своей причине того *недопоступка*, настоящей: не во благо всем и вся; в его мыслях то, *да*, возможно, да и не такое, наверняка же еще, было, а в частности и *для* того, кто как раз таки и слетел с катушек. “Предательство” же – придумали мы сами: вместе с Сергеем и, как *ни* странно, Александром. Они же были – и в курсе “лжи”. Да и остальные, к слову, поддержали, что Влад, что и Женя: что Егору *надо было* перебеситься. Да и шансов – вернуться раньше: будет меньше, если сам-и еще не будут их звать, уверенные в *правде* лжи. А он-и – и лишний раз не рискнут сунуться: не только не оправдывая ожиданий, а и не перечая нам!.. Так и чтобы “подготовиться” к тебе, выпустить пар после нее и до тебя. Но и кто же еще-уже знал, что он будет выпускать его – как раз-таки и на тебя: за Анну и... Влада же еще; немного. За несправедливость: в общем. А тут – и “такой ангелочек”; что и *не* ангел-то... вовсе. А сам Влад – и не признает: *любовь к братьям!*.. Это же – не его. Ему проще – делать; и молчать. Тем – и воспользовались!..». – Они не заменяли одной – другую; не «замещали»!.. А, как и

в случае же с видом, старались *восстановить*... Егора; как и, да, более-менее подготовить и саму же тебя... к тебе же!.. Но и скорее – чтобы ты меньше времени проводила с Розой, на всякий случай: помня все же прошлое. Как и чтобы – тебе уже самой: легче было принять правду... «Постепенно». И где-то же что-то видя. «Слыша»... Подмечая!.. *Не* навязывая!

– Не *ангел*, верно... Свет-ля-чок!..

– Ты угомонишься сегодня; или *нет*?.. – Рявкнул Влад. –

И угомону тебя – уже я!

– А *лучше*: я. Ведь если Битлджус не призовется, вместе с *тайной* и не Коко, придет *День мертвых*... в розах: ознаменовавшись тем, что «вазой» для них станет – твое о!..

– О!.. Кстати! – Переключилась София и отвлекла, неожиданно, всех: глянув сразу, к слову, и на них же, друг за другом – не зная пока: к кому именно относилась – следующая задача «по спасению». – Пока вспомнили!.. *Цветы* же – в воде?

– Да... – Поймал ее взгляд еще слегка нервный, но и куда более «тихий» Егор, так еще и улыбнувшись ей, вызывая почти тут же и такую же улыбку у нее. – В *нашей* ванной.

– А как нам их?.. Ну!.. *Освободить*? – Продолжила девушка, переключаясь затем, как глазами, так и речью, на все тех же двух членов Совета у камина: раз уж начали за цветы, то и *не* цветок может подождать; хватит же пока и того, что ее прямо-таки уже и выскребают изнутри: и явно – не *шипам*,

снедая теперь не только плесенью, но и мхом с тиной. – Как *это* выглядит?.. И *должно* выглядеть. Может, есть какой-то список?.. «Пошаговая инструкция»... Не знаю. К *реинкарнации* душ в... цветы. И... «Обратно»!

– Вам нужно – будет снять «шапочки»!.. – Начала вновь первой и ангел, берясь и так же все от и сначала, чтобы растолковать и разложить все по полочкам: буквально – показывая и считая по и на пальцах. – *Бутоны!* «Срезать» их... Дождаться, пока души покинут их. После чего – и сжечь их!.. Стебли же – посадить в землю. И, собственно, как только будет освобожден *тринадцатый дух*: воткнуть их по кругу, чуть наклонив к середине-сердцевине его. Затем – приложить к этому... «солнцу» и *лучами* же внутрь... немного «силы»: чтобы стебли сплелись между собой, как «змеи»; ну а потом, продолжая сплетаться, чтобы дошли до «верха» и вывели вас... уже и в тот, *наш* мир!.. – Указала она свой правой рукой на потолок, но и имея в виду скорее, а там и *точно*: все то, что над и за ним, *выше*. – Только – будьте осторожны и очень аккуратны: с шипами!.. Не наколитесь!

– Да-да!.. Умереть – *не* умрете, но поболит достаточно долго и, самое-то главное, *мучительно*... долго, чтобы так же пострадать и даже *пожалеть*: о так и не произошедшем *первом!* – Ухмыльнулся демон и, с очередного кивка, вернул слово ангелу: – Прodelать вам это придется – *всем!*.. Как подняться, так и спуститься! – Продолжила за-тем она и напутствовать же всех: орошая их, и не только, своим же все *све-*

том и, конечно же, знания-ми. А окружающие ее, тем временем, вполне себе – внимательно слушали: и даже еще некоторые – с раскрытыми ртами; и «внимая». – И первое-то, да, точно. А, вот, второе... Решите уже: сами. И каждый – за и для себя. Но и сделать это надо-требуемо – *обязательно!* – Строго, но и, в то же время спокойно-рассудительно, заметила и отметила, подметив и с *акцентом*, она. – Так как для суда – нужны будут *все* доказательства!.. Как и такие же: *проходящие* по делу. В том числе – и сия «лиана-баобаб»!.. – И, взмахнув уже и своей левой рукой, витиевато изобразила ее-его в воздухе, улыбаясь и смеясь затем: с собственной же еще и *сказочной* метафоры. – К слову, подняться и опуститься по ней-нему – вы сможете *все*: но и только лишь – по *одному* разу. Когда же спустятся и все, *даже* имея одного отказавшегося и оставшегося, «стебель» – пропадет: уйдя обратно в землю. Ну а *новые*... – и, разведя руками, покачала головой, – ...сами же еще понимаете: расти уже и не будут. *Тем более* уже: если кто-то попытается вновь повторить «сей финт *не* ушами»!.. Опять же: почему? Сами *уже* знаете, а и не только... понимаете-принимаете.

– *Поднимемся*, конечно!.. – Заверила ее и за всех же еще София, взглянув на чуть и задремавшего уже отца: но и только лишь стоило же ему почувствовать ее внимательный и обращенный к и на себя-него же все взгляд, как он раскрыл уже и свой карий, глянув на нее. – Не знаю, правда, как и спустимся?.. *Все* ли? Но... *Да*. Давно я *там* не была. Пого-

щу... *немного!* – И подмигнула ему, улыбаясь и так же мягко оглаживая его ладони. – Как думаешь, пап?.. Будешь рад: своей... *блудной* дочери? *Одной* из... И!.. *Оставшейся*.

– Только: *не* два!.. – Прохрипел он и тут же откашлялся, приводя голос в норму: после небольшой дремоты; и тут же дополняя, но и уже *полным* голосом. – *Не номер* два!

– Но – и не «один»!.. – Мазнула по Анне взглядом девушка и наткнулась, так еще почти и *буквально*, на серьезный взгляд Егора: за ней. Который, да, и был же, *вроде бы*, еще и рад; но и, в то же время, как-то и по-своему же уже *раздосадован*. На что уже она и покачала головой, только лишь и словив его немой вопрос: «*Собирается ли она там остаться, уйдя, а там и насовсем?*». И добавила, затем же еще и от себя, для уверенности обоих и обоим, беззвучно: «*Нет*». Получая так же после и в ответ: «*Надеюсь*». Соврала же, если бы ответила сначала себе, а после и ему, что: *не* хотела бы этого; и даже *не* думала. *Думала*. И *хотела!*.. Но и так же бы все соврала, спросив и перед этим: неужели и *до сих пор* – как были, так и есть *только* причины и уйти; а не появился и *повод*... *остаться?* – Мы должны будем – *сходить* к ней! – И вновь ее взгляд упал на отца, сменяя одну радость, от «встречи и глазами», другой. – И ты *сам* должен будешь показать: *где!*..

– *Покажу*, конечно!.. – Улыбнулся Сергей и даже попытался сесть: под неодобрительным взглядом Александра и взволнованным дочери. Получилось, правда, полусидя-по-

дулежа: но он и этому был уже рад – самостоятельно. Да и спина уже затекла, как и все тело, нужно было подвигаться – хотя бы чуть-чуть, пусть уж и не совсем размяться, но и привести в тонус размякшие и отлежанные мышцы. – *Тебе. И всем!.. И... Да!..* София, я понимаю, что... – И опустил свой поникший взгляд на ее правую ладонь в своих, пристыжая и вина, коря, таким образом, самого же себя. – Не лучшая сторона меня – сейчас открылась: для тебя. Но... Пожалуйста!.. – И, поджав губы, сник голосом почти до шепота. – Не ненавижь меня! И... Я *знаю*, что ты сейчас вновь скажешь!.. Что *вовсе* и *не* ненавидела. И что *просто* обижалась... Я это уже слышал!.. Как и *знал*! Вместе с тем, что *ты* и не часто *все* говоришь *так*, как оно есть; как и не часто *признаешься*... Только: со временем; и *когда* оно придет. Но и – пусть же оно, прошу, придет: сейчас! – И, мельком глянув на нее из-под полуопущенных век и через ресницы, убедившись и в том, что она спокойна и размеренна: не собирается его перебить и не чувствует ничего отрицательного, как и негативного к нему, отнял глаза от ладоней, смотря теперь в чистые и, самое-то главное, *свои* глаза напротив. – Все это – было: *тебе* же во благо; и *правильно*! – Сама же девушка – только лишь и сделала, что раскрыла рот, чтобы поддержать его в этом и впрямь *нелегком* деле, сказав, что *знает и понимает, а там и принимает*; как он ее вновь перебил. – *Да*, я все и впрямь: понимаю и принимаю! Каждый негатив – в мою же сторону; как и *позитив*. Сам бы – чувствовал это: будь я

и не посвящен же... в это, вот, все. Банально: на *твоем* же все и месте. Как и *потеряв*... «Брата»!.. – И в отвращении передернул плечами, обратившись тут же и строго к близнецу: являясь все и первым, на момент, кто, как и в принципе, так и первым начал-заговорил с ним; да-к еще и захотел же говорить, вообще, за все это время и с ним. – Не обессудь, Андрей!.. Я нарочито – вывел дочь: вперед. За что – еще раз: прошу прощения. И *более*, прошлого!.. Будто же: *наживку*!

– Да что уж там, па, *проходили*!.. – Отмахнулась София, *стреляя* взглядом теперь уже и сама в блондина. Который в этот раз уже и сам: сначала округлил глаза и выставил ладони вперед, принимая вид «*Ничего не знаю и не понимаю-принимаю*»: а после – сдался и свел их, соединяя между собой; прося так же прощения, но и уже не на словах, а таким, вот, незатейливым жестом – плюсом же и ко всему тому, еще и *своему*, до. На что уже и она отмахнулась от него, покачав головой: так как засчитала это за *шутку* – еще и ранее. Но ей было приятно: отчего и не принять?.. Тем более: когда еще и с *чистыми* глазами.

– ...и *ловил* тебя – на нее!.. – Продолжил затем спокойно Сергей, мимоходом переглянувшись с Александром: который же еще затем и сам своими же все и светлыми бровями поиграл – за и на тему «переглядок» уже и *их* детей между собой; и хитро усмехнулся. За что получил, и в ответ же все от русоволосого, его правый указательный палец и у его же губ: в знак и как символ молчания. И продолжил после этого

говорить дальше, но и с улыбкой же все чуть шире, чем ранее: что у него, что и у мужчины же напротив. – Но и в свое вновь оправдание, и такую же защиту, могу уже сказать, что и только *так* – мог вывести тебя: на чистую воду! Как и впоследствии – отправить к Анне!.. – И кивнул головой в сторону девушки: слева же все и от себя. – В практике членов Совета *такой* – не первый случай! Но и явно *он* же, когда: вместо того, чтобы напереть напрямую – брат-близнец косит под дурака и идет «в обход»; через *свою* же племянницу.

– Да нет, па!.. Он-то, как раз таки, наоборот: *не* дурак! – Покачала головой София, обращаясь, и вслед же за отцом уже, взглядом и к Андрею. – Он мог и не подозревать, что мы его поймаем: так еще и привяжем – к этому же всему. Но мог и... подозревал, *наверняка*, что ты его и схватишь: рано или поздно. Сам ли. *Не* сам... Но и если раньше же все – он бы пошел, как и Роза с... Артемом, *свидетелем*. Сейчас же – уйдет *с молотка*: еще и с причинением вреда здоровью... и доведением до смерти. И сразу: двоим!.. – И, буквально же уже показав это и на пальцах своей же правой руки, указала затем ими и на себя с отцом. – *Члену совета!* И... *почти что*... члену совета. Кстати!.. Теперь-то я уж окончательно и бесповоротно поняла: *почему* ты так, да еще и легко-и-просто, согласилась *со мной* тогда в кладовой, Анна! – Отвернулась девушка от *мужчин* и взглянула на «сестру». – Сознание пусть твое и было туманным, но, вот, и подсознание... Да-да!.. Было: чистым! Ну а то же еще и... *произведе-*

ние искусства... в паре строк – вычистило все и окончательно!.. – Прищурилась брюнетка и ослабилась. – Ты – *хотела*: на мое место. Как и Андрей – на место *отца*. Но и оба вы, вот незадача!.. – И скосила затем свой карий взгляд обратно на мужчину, после чего вернулась им к девушке. – Пошли – через меня. И оба: проиграли. И-ро-ни-я!.. Зато: вы и, правда, «семья»! И... Не было бы правила за... детей-близнецов – я бы подумала, что ты и *впрямь*: дочь Андрея. «Чистокровная»!.. – И, сказав губы в усмешке, вздрогнула, не только телом, но и душой: вдруг осознав – *насколько* теперь и сама же ее «зеркалит». – Но и как же хорошо, что *чистокровная*: по тьме! Хоть и *жаль*, конечно, что «забила» свет. Ты бы и ангелом – могла быть: недурным.

– *Зачем?*.. Когда была и *есть*: ты! – Отмахнулась Анна, да-к и сморщившись же еще так: будто это было и «есть» – самое худшее оскорбление, как и сравнение, которое могло и поступало же, *поступило* и по ее же все адресу; словно бы и все то, что было до, было и куда менее, меньше и легче, чем!.. *Добрее* же и к ней, что ли. Подумать только!..

– И то: *верно*!.. – Согласилась с ней спокойно София: чего и *бубнить*, когда?..

– *Зато* и ты, да и наверняка же еще, сейчас *уже* и зная все, более-менее, переиграешь и *все* то же, что говорила и обещала мне тогда, да?.. – Усмехнулась девушка, подпирая голову левой рукой и закусывая ноготь на большом пальце правой. – Или *нет?*.. «Помирились» же? Ра-зоб-ра-лись!.. Неужто, *он*

и «согласился» – на все то-это же?..

– Может быть... – Потянула брюнетка, возвращаясь мыслями в тот момент, но и ненадолго: тут же почти и одергивая себя, возвращаясь и в реальность. – Не знаю!.. Пока: не решила. Но, *да*, ты почти права. Хотя в *этом* – не изменилось. И ты все так же *себе* не изменяя – не изменяешься!.. Но и не «портишь»: *нас*. Останусь ли – *там*?.. – И подняла взгляд к потолку: смотря, как и ангел же все ранее, сквозь и *выше*. – *Да*. Стану ли: учеником отца?.. *Нет*. Второе – менее твердо: потому что, и скорее всего, какое-то время мне все-таки *придется* тебя и «позаменять», пап! – Погладила его ладони изнутри своей правой рукой София, чуть скребя кожу ногтями. – Хотя бы: пока ты ни восстановишься окончательно и ни сможешь самостоятельно руководить всем. Да и с *твоей* помощью – будет явно лучше и проще, чем с тем же все Андреем или... *Розой*!.. А мы – угадали, кстати! – И глянула на вздрогнувшую, от ее резкой смены не только настроения, но и темы, женщину. – Возвращаясь к нужности и важности: *вас* и друг для друга!.. Александра бы отменили, а там и «отменили» – в качестве моего попечителя. Прости уж, пап!.. – И мельком глянула на отца, поджав губы: получив после кивок, в легкой отмашке, и вернулась к Розе. – Стоило и моему же все уже отцу – скончаться. Так как Владом или... *не* Владом... кем-то из ребят – он бы и чуть ли ни *насильственно*: меня «обратил». Женя бы – не подошел: из-за будущей жены. Теперь, прости-те и *вы*! – И глянула на

обоих по очереди уже и совсем расстроено: на что уже и каждый из них улыбнулся, мол «*Не бери в голову – это не твое, а ее и их*». – Равно: как и будущего же ребенка. *Детей!*.. Слишком много: света! Слишком много, простите, и «грязи». Порча крови, не так ли? И так далее... Порча и вида! – И София, скрючившись, одернула себя, дернув и плечами. – Остаетесь – вы. И?.. А тот вариант, что и с прямым путем, мы отмечаем: Андрей же все же – «пошел в обход», не дождавшись моего личного отказа; и «развенчания». Связался с Розой... Они сделали – это «дерево»... *смерти!* – И девушка кивнула на руку Анны: *невидящим* сейчас, но и *ненавидящим уже* одновременно взглядом; после чего – вернулась им и к «паре». – Чтобы: что? *Вместе* забраться по нему – и вызволить Анну?.. Отправить ее – сюда. И вновь, но и уже *втроем*: вместе править? Андрей бы – зашел наверх: и ряды бы поменялись – по «масти» и виду. Но!.. Внизу бы – настал и был дисбаланс. Не хватало бы – демона. Если бы им стала и становлюсь я... – И брюнетку уже даже и саму, *без* нее, передернуло и встряхнуло: по всем фронтам. – Я, что, остаюсь *опять* с Розой?!.. А смысл?

– Да нужна ты мне больно!.. – Сгримасничала женщина, чуть покрутившись и попрыгав, в меру возможности и на месте, чтобы пусть хоть и чуть, но и размяться. – *Как* была... Так и... *есть!*.. Я бы – придержала *это*, как ты же еще и сама выразилась, «дерево»: до поры до времени. Он бы – «рисовал» себе; и *рисовал*... Я бы – ни в чем себе не отказывала!..

А как только – его бы «превознесли», как чуть ли и ни того самого *твоего*-вашего же «мученика», которым... – и она злорадно усмехнулась в ее же все и лицо, громко затем же еще и рассмеявшись, – черт... была же и *ты!* Помнишь же... еще?... *Нет?!* Но и «знаешь-то» – точно! Та же еще: хохма!.. – И если бы могла – уже и слезы бы даже утерла: для полноты картины; а так – только голову вверх забросила, будто и считывая постер какого-то кино или сериала: с потолка!.. Да-к еще и изменив голос – под стать и тем, что рекламируют бестселлеры или заывают на их же все и премьеры. – «*Как обвести вокруг пальца ангела?.. Основано на реальных событиях!*». Терпела же, *да*, верила!.. – И опустила взгляд на Софию, оскалившись. – А кому?!.. Да и главное: *зачем?*

– Ближе к делу!.. – Осадила ее и сама ангел. – Вам *все* – зачтется, не переживайте!

– Потеря брата. *Отбитая*... – И улыбка Розы стала шире: когда же глаза Александра и Сергея, на пару, уже и злее. – От рук! «Племянница»... И *это* – от Андрея. С моей же стороны, *да*, то же самое: но и с «мужем» и... *дочерью*. Я – опекун. Он – в *членстве*. Но!.. Не-дол-го! Он бы и ощутить власть-то – не успел. Что уж там: как и «зазнаться». Двух дней бы не прошло, а я бы воспользовалась этими самими... *роза-ми*... по назначению – и сдала бы его: с потрохами. По факту, он же тебя – и *травил!*.. – И глянула на Сергея, спокойно же затем и вновь выдерживая его взгляд и напружиненную позу. – *Не я!* Меня и *наверху-то* – не было. И *как же*

хорошо, впервые, что меня – и не пускали. *Не до-пускали!*.. С меня же все: как *были, так* и есть – все взятки... гладки. *А там* уж – я бы и все карты выложила. *Естественно!*.. В виде еще тех... «предположений». Чтобы, заодно, отвести и всякие же, всяческие подозрения: от себя. Даже, а там и тем более: какого-то и хоть даже и почти, *возможного* «союза» с ним! – И скривилась, готовая: если еще и не харкнуть, то уж и начать плевать-ся в сидящего рядом же все и с ней. – *Общей* цели и... Прочего!.. Так, и повторно же *еще*, причем! Но и его бы, к слову, уже не посадили – его бы и «линчевали»: во *второй-то* и раз. А я бы – взошла «наверх»: как единственный опекун и такой же *неповторимый* родственник. Ма-ть!.. – Гордо огласила она: да-к и настолько же еще и оглушающе, что и все собравшиеся затем, в большинстве же все и своим, промолчали, а в меньшинстве, вроде и самых приближенных к этой теме, несдержанно фыркнули. – Который – не только остался: но и вообще – возможный. Ведь я же еще и прохожу, как, пусть и какая-никакая, но и *жена!* – И Сергея повело, после же и того, как и *хорошо же* еще так передернуло – от этого же все и всего: но он все же стойчески выдержал ее нападки и промолчал в ответ. – *А это* – еще один предшественник; и «наследник»! Спустя же все: кровные, единокровные и разно-кровные связи. Я бы – «поднялась» и осталась *там*; оставив и *тебя* – здесь!.. – И вновь взгляд ее *ястребиных* глаз был брошен на Софию. – А, вот, теперь и ты сама же – угадай: *с кем?*

– С *Анной*. Вот: *почему!*.. – И тут глаза уже и самой девушки широко раскрылись... в сторону «сестры»... окончательно: как и ее же все сознание и... разум – до невообразимых масштабов... давно и неправда... бессознательного. – *Роза* – ее? То есть!.. *Она – тринадцатая* и... *последняя*? Но!.. Как?

– Какая: «роза»? Стоп!.. Была – *еще одна*: «татуировка»? – Нахмурилась Карина, понимая и до-принимая, что ее посвятили по чуть-чуть и обо всем, но и *не* во все... *вовсе*. И сразу же фыркнула, только лишь и заметив: с *какой* гордостью – крутит и своей же все левой рукой Анна; показывая, теперь уже и точно же всем, сию «красоту».

– «Завершающая»... – Кивнула София: пребывая еще тут, но и одновременно – в какой-то своей и только ей же все и понятной, а главное *знакомой* прострации. – *Да*. Но!..

– *Дурной пример – заразителен!*.. А, *Анна*? – Теперь Роза обращалась и к *дочери*: с горечью; но и в то же время – все так же отчужденно. – Ты у нее еще – и соплежуйству научилась: сама того не понимая! *Это* – никакая не влюбленность; и *не* любовь! Ни первая. Ни последняя... *Никакая!* Угадала?.. – И оскалилась, заметив удивление уже и двух «сестер»: одновременно. – Вы – об *этом* же подумали, когда тебя, София, уже «накрыло»: а ее – еще нет. Те... «строчки» – не больше, чем и ее собственные же стихи. Ан-ны! А как ты, наверное, уже и сама знаешь... Да-к и *не* «наверное» же уже, а *точно!*.. Ты же *у нас* все же: думающая! – И названная стиснула зубы, получив словно бы и пощечину; и от боли же еще – и

от нее. Так и осознав же еще до конца и затем: насколько одно и то же слово, как критика и *не*, может по-разному звучать – от того же и Егора, в качестве подтрунивая; и Розы – в качестве той же все и *пощечины*. *Буквально-й!*.. – И раздумывающая! Чтобы возродить кого-то – нужно что-то и от него же самого. Причем, желательно же еще и так, чтобы это *что-то*... с чем-то – *всегда* было под рукой: у зовущего или зовущих, при-зывающих. И можно было бы, конечно, взять и какую-то ее же все вещь. *Обычную!*.. Но и куда проще было – заучить четверостишие: и просто повторить его затем – *тринадцать раз*. Чтобы пробудить – *единожды*: и отделить – уже и навсегда. Ну а после, по нужде и надобности, просто *неожиданно* произнести: *все и... раз!* И пробудить уже: *навечно-всегда!*.. Роза же... *та*, – и кивнула на руку Анны, – ... всего-то лишь *знаменовала* собой – готовность и последней же все, не *крайней*, души: покинуть тело. А именно: переселиться *в нее*. И если бы ты, *дрянь!*.. – И голос ее сник – до злобного шипения. – Не выкорчевала ее сама, спугнув нас, не перенесла и ее, *подумать только*, на нее же и обратно, на *мою* же дочь, сбив систему и путь, перемешав все и вся, всех – она бы *вышла* из твоей руки: и завершила бы *весь* процесс. «План» бы – подошел к своему логическому и *естественному* завершению!.. Но и надо же было все же и тебе испортить – *все*; и здесь! – Сплюнула женщина, разойдясь уже и не на шутку. – Не только – отделить самой, «пустую» и без тела, никуда не переместив, но и отдать всю же эту тьму, *мою*,

лишь и с частями же *ее*... *Не* полностью!.. Заперев вход – *ее собственной*: дополнительной и полной; окончательно! *Вводить* же можно – только лишь: единожды. *Выводить* – нельзя ни разу! Закрыв *перемещение* – в пустой сосуд; и обречение этому *сосуду* – оболочки. Она бы – переродилась: и я бы могла – *ее возродить*!.. – Рывкнула Роза, стуча коленями по полу: в негодовании и ярости. – Сжечь те: *двенадцать*. По факту, они и не котируются: если появляется – *главная роза*!.. Сплетаясь – со всеми линиями: жизни и смерти. Мне оставалось бы – только извлечь розу, с их неуспокоенными душами и *ее последней*, из тебя, оборвать лепестки снаружи, *мои*, со мной и моей же тьмой, сжечь их, оставив сердцевину, с семенами и сам стебель, а *после*!.. – И она наклонилась ближе и вниз, смотря точно в карие глаза Софии, не гипнотизируя, но и завлекая к себе и на себя, своими же все и болотными, сделать так же. Девушка же – не поддавалась, продолжая смотреть на нее и со своего же все импровизированно «пьедестала», сверху вниз: не насмехаясь, но и *не* спокойно, скрипя челюстями и грузно выдыхая, с прищуром; готовая прыгнуть и навалиться на нее – в любой момент, но и сдерживая себя, до последнего и, определенно, победного – картиной и судьями. *Пока*!.. – Проткнула бы тебе им – сердце; и вернула *мою девочку* домой. Видишь ли!.. – И она вновь прервалась, хрипло прокашлявшись и болезненно простонав: *вынужденная* затем сесть ровно – с грубой правой руки девона и твердой левой ангела, вернувших ее почти и насильно в верти-

кальное положение, как и почти, если уж и не совсем сломав, то и вывернув плечи; в знак окончания *этого* ее представления-цирка и *последнего* предупреждения. – Не так *пахнет* – внешний ряд, как *внутренний* и... сердцевина. Весь «смак» – дают, да и ты же уже и сама *прекрасно* знаешь!.. – И, поймав понимание в ее глазах, усмехнулась, продолжая. – *Знаешь*, да, и от Анны! Его дают – те самые: небольшие семена. *Высохшие*... Да!.. Но и еще же способные – жить и выживать: как сами, так и «других». Что-то и вроде же все семян... *перца!*.. Самые острые... и сильные. Самые *мощные* и... ядреные. *Ядерные!*.. Ну а для *концовки!*.. – И облизнула губы, тихо рассмеявшись, явно уже даже, *тем более* удовлетворенная своим же все и мастерством: как и *отдельно* же – маниакального и, прямо-таки, маньяческого мозга. – Еще и влила бы тебе и в тебя – *розовое* масло и такой же чай: чтобы *вытравить* тебя – не только внешне, но и *внутренне!*

– Ах ты, сука!.. – Подорвался отец, а за ним и Александр, да и все ребята, но и почти тут же были остановлены поднятой вверх левой рукой Софии – с все еще и находящейся же в ней фотографией: ведь еще и тех, кто был рядом, она смогла и остановила сразу, а вот подлетевших от стола и в процессе – лишь уже и в нем же; что и Егору таки удалось прорваться к ней, оказавшись у дивана и подле нее, вместе с Владом. Ну а Никита же уже затем и ними – разместился подле Карины и Полины. Так и глянцевого же фото, к тому моменту, еще и «бликнуло»: поймав общий свет от ламп и частный языков

пламени камина!.. На что уже и сразу же обратил свое внимание Влад – и толкнул Егора своей левой рукой, показывая на это и него: само же фото. Но и, хоть и восприняв это, как и поймав, а затем и переведя уже и свой взгляд с парня на фото и обратно, блондин так ничего и не понял и хотел было уже даже и на словах переспросить, как и буквально же затем был *ткнут* рыжим и повторно – в *то* самое, чтобы тот уже, и прозрев, увидел то, *что* и было же нужно. Ну а сам же уже, и в то же самое время, одновременно-параллельно – отвернул к Артему, и уже своей свободной правой рукой, заинтересовавшись не на шутку и всем же этим Анну. Пока и Егор же все перенимал и, наконец, принял из руку Софии то самое фото, приложив затем и ее левую же ладонь к своей той же щеке: при этом же всем еще и выходя, будто так это изначально, и на самом-то деле, и должно было быть-выглядеть; да и вообще – задумывалось-планировалось, не дабы только не привлекать лишнего внимания-ажиотажа. На что уже и сама девушка, лишь усмехнувшись, подыграла: еще даже и поскребя ногтями его щетину, слыша в ответ тихое урчание; и *откуда-то* со стороны – девчоночье-ми-ми-ми: «*И-и-и!*».

– Тише!.. – Шикнула им она, но и теплой улыбкой не сдержала. – А что же и... до Артема: во всей же *этой*... катавасии?.. Не от: «кота». Хотя и... *Казалось бы!*..

– Человек!.. Но пошел – по стопам *отца*... – Ответила ей ангел, пусть и смотря на того же все и *молодого человека* пред собой: что ж, пора было и ему, понемногу, возвращать па-

мать; чтобы уже и полноценно готовиться-не-подготовиться – к чему-то неминуемому. – И... Как химик-ботаник... по образованию!.. – «Я знал!.. Благо же еще хоть: и *не* ядерщик. Как и *физик!*.. – Крикнул Влад, но и сразу же затем “закрыл” свой рот и *сам* импровизированным замком на молнии: пока этого *ни* сделал *кто-то* другой да и не сходя же еще со своего же все и места... не столь отдаленного... от него же самого». – Кхм!.. *Да*. Нашел и доказал способности «роз» – в подтирании: той же все и памяти. Только – и не «очагами», а в общем: со снами и... энергией, «вмешательством»; всем и сразу. – «Да!.. Так что, если и Роза с Андреем хотели *только* взбаламутить воду и накренить, перевернув, правительственную и *властную* лодку, вернув же еще и саму Анну к тому же, *полностью* сокрушив баланс и равновесие, гармонию – революцией и свержением власти, в виде возвращения из мертвых и самого “небытия”, чего никак нельзя делать, а и тем более “перерождать”, *подавляя* кого-то... уже имеющегося в теле: то Артем действовал из... лишь и *по-своему* же все правильных принципов-побуждений, чтобы люди *тоже* могли быть в Совете, как и тоже могли *управлять*. Отец же его – не принимал эти бредни всерьез, как и того-его же желание... оставаться человеком: вслед за матерью!.. Которая тоже, к слову, *подобным*: “болела”. Да-к и тот же ей – еще и “поддакивал”. После чего – и избавился уже и сам от нее!.. Нечего ребенку, видите ли, мозги засирать! Но – и не в самом прямом смысле. Да... *Отказался* от нее. И потре-

бовал того же – от и *для* сына. Попросту – “выгнал”, чтобы, как я уже и сказал, довольно некультурно, извиняюсь: не *засоряла* мозг и ему – этими же все и *своими* же бреднями. Ну а сам же, в *этот* раз, решил пойти уже от обратно-противного – и просто не обращать внимания, чтобы все само собой успокоилось и забылось, рассосалось. Не придавая и не придав значения, в общем!.. А зря. Как и *зря* рассказал же затем – об “Ахиллесовой пяте” Сергея; и что тот – *сам* подтер-тирал твою память. В опьянении!.. Да. *Не* специально. Но и под алкоголем, *ха*, который он не пьет: ни в жизнь. Ведь он – сначала еще только сыворотка правды, для него и... *них*; ну а уже после – яд. Хоть и дольше, чем и те же все розы!..». – Андрей же был, конечно, в гневе: поняв, что его принципиально отводят от тебя, *затирая*, так и никто иной, как и собственный же брат, который еще же и *знал*, как ему еще и с их времен, да и *их* же все родителей – это поосточертело в моменте: как несправедливо и ужасно – играть с чужим сознанием... без его же желания; хотя и сам же все, при этом, делал все для этого и с этим, *против* воли, но уже и *для* мести, считая это – куда приемлемее, за что, к слову, затем и поплатился сам – после и с тобой же, замкнувшей этот круг и *адскую петлю*; и перед тем, как Артему сотрут память, поручил изучить эти самые цветы куда тщательнее, ведь это *и* его «Ахиллесова пята», как и Анны, Сергея и... тебя. – «Артем изучил их – и сделал “бомбу замедленного”, но и долгого, при этом же всем, действия!.. “Миш-ку”. А за-

тем – добавил, чтобы *подарил* его... “некой Софии”: как она появится. Ведь и прознав, что стираться будет *все*, что связано с “розами” и Анной, как и ими же все всеми... *самими*, оставил его “Лешей” для тебя, *девушки*: которую он затем *обретет* и “сделает своей”; после чего... бросит. Нечего же ему – еще и около нее-тебя ошиваться!.. *Шах и мат* – двум... другим отцам. Ликвидировать и-ли убить, как Сергея, Стаса – было бы слишком палевно: а вот через сына “постучать” к нему – вполне себе “да”; никто не должен был уйти безнаказанным, пусть в каких-то моментах и не зная *за* действия сына, тем более, что он *сам* же все и “стер” до встречи с тобой и истинного *умысла* не знает». – Да... уж. Но и равно же все, как и *себе*, хоть и Сергею все же «больше»: вроде – и «*Не доставайся же ты никому*». Да и сам парень – почти что демон: с *таким-то* отцом. «Плюс»: к ним!.. Да и Анне – будет приятнее: в теле демонессы, нежели полу- и-ли ангела; *тем более*. Ведь и до этого – *оставались* только стебли: так и не доходя до *заветной* цифры!.. А он – нашел применение... и *лепесткам*. Ну а когда потерял память и забыл об этом, *но* и не Роза с Андреем – они уже продолжили делать все то же: периодически лишь обновляя «наполнитель» медведя; *вспомнит* же он – за «смертью» медведя, как *и* своего же «творения», только и в оборот же уже, *без* гибели самого хозяина. – «Ну а как же они еще и познакомились?.. *В баре*, где он бармен, знакомится *однажды* с Анной: да-к и в *коей* же еще находит “ответ” на все свои идеи. Та же, в свою

очередь и затем, знакомит его с Розой и Андреем. И все бы хорошо!.. Отец Артема – прикрывал больше же и свой зад, отвернувшись от сына и его *больных* идей: о свержении мира и даровании крыльев людям; полностью перевернув все и вся, всех. Но вот и только лишь сказки о том, что “тринадцатый” как раз таки *человек* и чуть ли ни дьявол-бог, совмещающая несовместимое и... *три в одном*... флаконе, перестали работать-действовать в какой-то момент – и он просто начал его покрывать, чтобы вновь и только лишь его и из-за него не сместили. Но и это – не спасло!.. Когда в действие вступила Анна и замешался уже даже и сам Сергей... Да и Андрей затем – полностью. Оба же еще-уже – хороши: не доглядели – пока она училась!.. Ну а потом... *Потом*, вроде, и начала инициироваться, но и *что-то* же опять-снова пошло не так – и она заигралась. Портит ли власть – людей?.. А *деньги*? Может, все же, *сами* люди? Да и не только... *они*». – Все же остальные, в то же самое время, думали, что она проходит инициацию, как и ты, и... как полукровка и... «грязнокровка», *два* года!.. И да. Когда бы ей исполнилось – уже и двадцать три года. До двадцати одного же – не успела и *сама*!.. И мы назначили ей – до тех же все и *двадцати трех*: сначала быть демоном, а после и ангелом. *Ангелом*, к слову, она успела!.. Как и ты же все – демоном; хоть и по большей же все части – *там*. Ведь и с уступкой же еще – в сторону Сергея: по *понятным* причинам... нахождения и тут еще-уже Анны; да и полной неразберихи. После лишь – была спущена: в пол-

ные двадцать два и неполные двадцать три, когда все уже и заканчивали свой «крестный ход»; а ты – только начинала. Да и некоторое же еще время с тобой – был Андрей, *как куратор!*.. Потом – вернулся Сергей. Так – они и менялись... И менялись бы и дальше!.. Пока *первый* – ни начал влиять на тебя... «своей» стороной. Неосознанно?.. Скорее: взаимно. И проникаясь же друг к другу – так же. Вот только и ты – по *первому*, а он... Будя в тебе – свое и... *его*: матери. Когда и ты же *свое*, своего и *их* же отца: в нем. Но и если он мог уже блокировать это – ты же еще нет!.. И Сергей, увидев это и воочию же уже, сам – сплавил его *вниз*, больше не нуждаясь в его поддержке и помощи: как брата, близнеца...; а уж и тем более «демона», которого он только лишь и просил заменить-позамещать себя – некоторое время, побыв, будучи собой-им. Ну а как уже и полностью, полноценно осознал влияние, понял, что это *плохо* и нужно запретить им общаться – вернулся и сам: а тот – и не понадобился... более. – «Но а Анна, к тому самому моменту, уже *испортилась* Розой – и Андрей, считай, вернулся на хоть еще и *свое*, но и уже пепелище: и решил отомстить не только Артему, но и брату: за такое *неотношение* к себе; сам же просил подменить и *так* поступил; решив теперь заменить и того же навсегда». – Роза же *пустила* в Анну – свои корни: помогая, уча, направляя... Тренируя!.. И даже, поначалу, немного и леча. А дальше... Дальше и глубже!.. *Убивали*, да, «как подобает» же все и... демонам. А затем – Анна сорвалась!.. И Роза же даже и сама

– была не против: пока их крыл Артем... со своим отцом. Но и, вот, когда Стас и *сам* уже узнал – о причастности... *дочери* Сергея, спросив и его после об этом: уже и тот вернулся, но было поздно. – «Анна ее, и правда, любила: как *мать*; да и его – *как* отца. Хоть и в ней же все – чуть больше: умела же совмещать и... *в одном флаконе*; да и вместе же еще и с Андреем. Но и оба же все под конец – ее бросили и оставили: по своим проблемам-причинам; и оба же оценили, как потеряли, решив затем вернуть и отомстить всем и вся, всему. Но и – *не себе!*.. Только и теперь же уже – без эмоций, с холодным сердцем и рассудком: ко всем и всему же, *вся*».

– Что же!.. Тогда бы, если вернуться и... *к Анне*, она была бы *здесь* – главной? В *этом*... теле, я имею в виду!.. – Кивнула на себя головой София. – Мы бы – *просто*: поменялись ролями и... «Местами»! *Да?*.. Она бы – тогда подавляла; и подавила меня!..

– Не так сильно, чтобы *разорвать*: равновесие с балансом и гармонией. Но... *Да!* – Ослабилась Роза. – Благодаря же все таким *полукровкам*, как ты и... *другим*, «таким» же, как и ты, *они* и сохраняются. Семена бы – проросли в тебе!.. Но и в отличие же все от вас, сейчас и *до*, опять же, они бы *не* дали тебе – проникнуть в э-тот мир: обратно. *Никак!*..

Смерив же ее, уже даже и не злым, а и каким-то устало-апатичным взглядом, Егор нагнулся к девушке, перегнувшись через спинку дивана, и показал ей на проявившийся на свету с другой стороны бумаги черный текст, выведенный

от руки. И брюнетка, наконец, и сама отстранилась от нее, положительно и тут же благодарно кивнув ему, вчитываясь:

*«В лесу зеленом. Под корой...
Стоит мой дом! “Черный” такой...
Секреты в нем храню – “одной”...
Хочешь на них взглянуть со мной?»*

*Тут воздух помнит каждый запах...
Предметы – “помнят” имена.
Не на куриных лапках... “Лапах”!
Камин – внутри... Горят – “глаза”.*

*Он – помнит всех. “Запоминает”...
И кто приходит – “остает...”.
И – “отстает”. Он – “замедляет”.
У “его” ж времени – “свой” ход!*

*Начнет – когда же сам захочет...
Как и закончит – только “сам”.
Не “кот”. По “сказкам” он – не “бродит”...
Разве – “вино”! Что – в “закромах”.*

*С “излишеством” в него – не пялься.
Захочет ж – “в ответ” посмотреть...
И все “закончится” – чуть раньше...
чем первый и раскрыт секрет!*

“Все – в дом. Все – в дом”. И с “погребками”...

Почва – “удобрена”. И “вновь”...

В нем я храню – секреты. “Тайны”...

Хочешь на них взглянуть со мной?!».

И, узнав не только сам *мелкий почерк*, но и «строки» – она распахнула свои светло-карие глаза еще сильнее-шире и села прямее: раскрывая затем и чуть больше же все обычно-обыденного – свой рот. Но и тут же почти – стушеввалась и вернула их в их прежнее же состояние... *стояния*: под внимательным взглядом Анны и Розы с Андреем. Да!.. «*Всему свое время*» решила она и прибрала находку: до поры до времени; не *все* же и сразу. *Как обычно?*.. Почти. Только и в этот же раз – ей нужно было именно собраться и еще до-понять, *уже* и приняв: так что, приложив ее к груди, она все же продолжила *вычитывать* строки, старательно не теряя никого из виду, как и не показывая их никому.

Женщина же, тем временем, поскрежетав зубами, вновь невозмутимо продолжила:

– ...Они бы – *травили* тебя: день за днем и ночь за ночью!.. Пока совсем ни вывели бы из «твоего» же организма. Ну а как только, так и тогда бы – уже и мой *выродок* сыграл бы *нам* на руку!.. – И бросила хмурый взгляд в сторону сына, после чего, переведя его уже и на Полину, но и больше на ее же все живот: фыркнула. – Родив «свое» же чадо. Готова спорить – там ангел-демон: *как* и ты!.. И «святоша» же все

– как она; и тот же все... «мой» выронок: *сын!* Хотя и!.. *Казалось бы, да?..* Но и: «дурной пример»! – И, потрянув головой, подняла взгляд на Софию: с каким-то уже даже и торжеством-гордостью, но она и не обратила на это, куда уж там и на нее же саму, *лично* внимания: ни должного, ни-ка-ко-го. – Ничего не попишешь! Да!.. Но и, вот, тебе: баланс. Равновесие и... Гармония!.. Вместо тебя – он и-ли она. Та-дам!.. – Протянула Роза, пропев, и рассмеялась затем: с себя же.

София же, тем временем, вновь дочитала *стихотворение*, а это было именно оно, до точки – и заложила фотографии обратно за раму: отставляя и ее же после – подальше от себя. *И греха!*.. Затем, взглянув перед собой и опустив голову, глубоко вздохнула, рвано выдохнула... Повторила это – несколько раз. Снова... и снова. Опять и... опять. После – еще раз. И еще: несколько!.. Не стараясь же и надыхаться-то: перед смертью. *Совсем нет!*.. Было же такое чувство, что она и вот-вот заплачет. Но она... «Рассмеялась»!

Да-да!.. Сначала – тихо, еле слышно. Будто бы еще: и про, под и для, *внутри* себя. После же чего – чуть громче. Потом – еще. *И еще!*.. И, вот, она поднимает голову – и орошает все помещение: своим *истерическим* смехом. Из глаз ее – текут слезы!.. Но она их – и не замечает. Смеется – долго и упорно. В моментах же еще: давясь *своим* и не воздухом; и содрогаюсь всем телом и душой – под непонимающими взглядами окружающих, задающихся одним и на всех же вопросом не «*С чего?*», а «*Чем помочь?*». Да и чему, *как*: главное?.. Но и с

чего уже она даже и сама же уже – начала кашлять и хрипеть. Информации было – уж слишком много; и враз!.. Это: да. И она могла – устать и вымотаться. Тоже: два. Да и не столько же еще физически, сколько морально. Но и большую-то часть – она знала; и без... *Розы*. «Знавала» – и до! Так, и что же могло, в действительности, да еще и *так* – повлиять на нее?.. Спрашивать ее – уже и не потребовалось; как и ей же все самой и им отвечать. Над ее же головой – уже давно горела если и не лампочка, лично и только, то «мотылек». А и точнее же все: свет-ля-чок!..

И, оборвав, наконец, саму же себя, она делает *последний* вдох, такой же, уже и вполне же себе *ровный* выдох и производит так же, смотря *прямо* в глаза Анны:

– «... “Все – в дом. Все – в дом”. И с “погребками”...

Почва – “удобрена”. И “вновь”...».

– *Нет!*.. Не смотри на нее! – Подпрыгнула на месте Роза, стараясь уже даже и сама выпутаться: и пусть же все, но и *хоть так* – перенять на себя взгляд Анны. Но было уже поздно – они были на *одной* волне и «загипнотизированы»: «притянуты» друг к другу... и *связаны*; как и в *тот* раз. Глаза в глаза!.. Светло-карие в темно-карие. Сейчас. И *здесь!*.. Напротив. Как и там!.. Как и *тогда*. В кладовой!.. «Вместе». – Не делай *этого!*.. Не смей!

– «...*В нем я храню – секреты. “Тайны”...*

Хочешь на них взглянуть со мной?!».

И тут же, стоило ей только это произнести-продолжить,

как *Анну* охватывает *темная* дымка, буквально же еще и «черный смерч», и забирает-уносит: да и не куда-нибудь, к кому- и чему-, *для* чего-нибудь, а и прямо... в *левою* же все и руку Софии. Так и которая же еще заранее – выставила ее перед собой и ней, держа, под- и придерживая ее своей же, но и уже правой за и под предплечьем, сцепив зубы: чтобы вернуть ее «домой».

И, когда последний «черный хвостик» исчез в и под ее же кожей, она повернула ладонь на себя и усмехнулась, сразу же оказываясь перед лицом Розы и ударяя ее ею по нему: с нескрываемым затем удовольствием, как и под шок окружающих и самой женщины тоже, оставляя на ее коже справа – кроваво-красные рубцы... от *черных шипов!*

И темноволосая же – миг зависает, почти что, как и все, ведь и плюс ко всему: еще и с отвернуто-отброшенной влево же головой. Ну а когда, спустя время, уже и сама поворачивает ее обратно – видит улыбающуюся девушку, рассматривающую *черный бутон* на своей ладони, как и такие же линии: уходящие под рукав кофты... и дальше. Дольше и глубже!.. С легкой щекоткой и пощипыванием – она *уже* принимала все и обратно: словно бы еще и забыв, *какая* боль была до этого. Но и разве соразмерна она и с той, да и может ли еще и считаться таковой-собой – в сравнении же все и с той, теми и тех, что и вновь же: каждой фигурой и силуэтом, каждым тоненьким контуром и еле заметной штриховкой, грубой тенью и легкой полутьмой, толщиной линий – возвращались к

ней и на нее?.. И пусть, только и в этот же уже раз, как «рисунок» разросся, так он и сжался, вернувшись в *исходник* и такое же ее-свое исходное состояние: в *рисунок* и самой же Анны; от локтевого сгиба, по предплечью и до кисти включительно; это ни капли не умоляло. Да-к еще-уже и розы же были собраны и забраны – у самой Розы, что не требовало дальнейшего «прорастания дерева»: как и его *сохранения* на коже. Достаточно было – и небольшой части. И *все же!*.. Куда *больше* – «скрывалось» же внутри. Вместе *и* с той, ради которой: это все делалось и затевалось. *Той*, по причине которой – роза, на обратной же все и стороне кисти, *ладони*, в этот раз: была не просто *рисунком*, не просто и рисованной, а *объемной* фигурой. Объемным и *бутоном!* Буквально: выпирающим и *торчащим* из ладони же. И да, пока что – только лишь наполовину. Но и, как она же все и сама, уже и *София*: пока... чивая. Перьями. На *шляпах*.

– Спасибо, Анна!.. – Поблагодарила уже и «воздух» девушка, вернувшись и к тому, с чего и начала-начинала: разговорам с собой. Но и *не* собой!.. Да и как и сейчас же все: не *с* собой. – Здравый обмен!.. Не знаю, правда, *куда* тебе – эти стихи? В чистилище-то – они не пригодятся!.. Как и в небытие. *Тем более*: в нем. Ну а мне... Мне же – *пригодится*: это, какое уже по *счету*, чудо света. *Черная роза!*.. М? – И развернула уже и сама свою ладонь, показывая ту всем: продолжающим молчать и находиться в тишине, ловя как *ее*, так и в принципе же все воздух ртом. *Как рыбки!*.. Но и хоть уже,

пусть и все же еще более-менее, начавшим отходить и воспринимать, понимать, не принимая и *пока*, происходящее. – Ро-за!.. Мы же – связаны, *да*, ты же: не забыла? Как отдала – могу и забрать. Тем более, что *она*, как и сама же еще сказала, «проекция». И это – будто иметь дело и все с тем же... *воз-ду-хом*. Захотел – дал. Захотел – отобрал!.. Ну и как тебе – *твое* же лекарство?.. – И обратилась теперь уже лично к Розе: с ехидной и, главное, желчно-ядовитой, кислотной улыбкой на губах. Ловя теперь и каждую ее же эмоцию, чувство и ощущение. – Колется?.. *Больно?* Уверена, что: нет! Ты – не знаешь слова: *боль*. Как понятия и... Определения. Тезиса... И его же характеристик. Расшифровки!.. Так и чувства. Ощущения и... Эмоции! Боли – не знаешь, в принципе. Как и *моих* слез!.. – Выплюнула она, неотрывно следя и смотря на нее: и растягивая губы – все шире и шире. – Но в отличие же все, *не* сравнении, от последних – первую: ты узнаешь и увидишь. Ощутишь и... Прочувствуешь. Проэмоционируешь!.. На себе и с собой! *Не* в себе. Как я... Да-да. И готова *поспорить* – достаточно скоро и... *Вот-вот!* Но и кем бы была я, если бы под такой красивый и закрытый, *нако-нец-таки*, финал: разлучила такую *красивую пару*; тебя и... *вас* же... с ней! Да?.. Анд-рей. Спросишь еще раз: про *свет-лячка?*.. Или перейдем уже все же к *Лехе!*.. Без которого еще *так* плохо. На сердце – суматоха и... Но и не к игрушке, которого назвал *не* отец; с которым же и уже я же сама еще этого не обсуждала... ни разу, как и *звание* меня же... сим же и

«словом», успел *первым*, в кои-то веки, а; а к имени *первой* жертвы... *хозяина* того самого дома, под которого, вот незадача, символично так и не *подложил!*.. – И пазл, наконец, складывается у всех. Сергей – звереет. *Пароль* – подошел. Память вернулась – каждому. Окружающие – в ауте... А названная в детстве «светлячком»; придумал же, тоже, *имечко*, чтобы только *самому* и звать; «превращается» окончательно. – *Папочка*, зачем же ты это сделал?.. Зачем и подложил «папиного ангелочка» – под этого ужасного *мальчика*? Скажешь: «Не ангелочек»?.. *Уже*: нет! Верни *мой* свет – на родину!..

Мгновение!.. И уже точно всё и вся, все – смешались в доме *не* Облонских: кони, люди!.. Так, во всяком случае, казалось. Но а на деле – лишь Сергей и Александр пока заполнили собой все помещение: переняв бразды правления от Софии, ушедшей ненадолго в себя. Рассвирепев, как и те же еще звери, они набросились на Андрея с Артемом, переброшив второго через диван к камину, и почти придушили где-то между Розу, если бы и не вернувшаяся вновь к ним девушка; пообещав доделать и сделать то же самое и со Стасом, как отправятся с ними на суд; а София же, в то же самое время, «связав», наконец, свой *образ* из нитей света, преломляя его, возвращаемых с каплями крови с лица Андрея и Артема, «солью» с глаз Розы, обрела *себя* – лишь на миг глянув в сторону Жени и его левой кисти: с *ее* же глазами!.. Девчон-

ки же, в отличие все и от парней, но и не потому что *девочки*, а и совсем же это все не детско-девичье дело, даже, тем более *их*, как и бой, война и все прочее, так и остались в неведении о происходящем: замерев будто бы на паузе и «мьюте» – еще там, в том моменте и до... всего же этого. И вновь же все понимали, так еще и принимая, что это неправильно, но и подставлять их под удар, какими бы они еще, а там и *уже* ни были ангелами – не имели никакого права. *Как и умалчивать!*.. Да. Но и лучше же все же – быть живыми, если уж и не здоровыми, и выпрашивать прощения за очередное утаивание; чем пожинать плоды не ошибочного, но и довольно-таки *альтруистичного героизма*, которое только по первости же все и *кажется*, что нужно: но вот кому и зачем?.. *Кажется*. Как и *смысл*. Не должны значиться – в одном предложении: с помощью; а там – и *безвозмездной!*.. Иначе – не она, а *безрассудство*. Кажущееся: добродетелью!.. Впрочем, как и София же сейчас, что лишь и виделась тому же все и Владу с Никитой, Жене и Егору девочкой, малышкой Софой, лишь и готовящейся по-настоящему напасть, на самом же деле – то Сергей и Александр же все избивали тех, как и минимум же все двоих, ну а те же, в свою очередь и на самом-то деле, получали сразу и ото всех, но и четче-больнее все же от Софии, что и выходило только лишь и особо приоткрывшись: да и коей, да, стал и велик-то костюмчик, как и носки же в цвет, но она стояла ровно, в рост сидящему на коленях Андрею и выдавливала его же тьмой в нем и из него

своим светом *свой* же свет, «затушив» в *домике* свечу, как и «разведенный огонь», выбрав *не* его и вытягивала его затем из него, буквально и высасывая, вытравив, под конец, и сам «домик» наружу, ослепив его, тем самым, и тем же самым *его* криком, на это, оглушив Розу, ну а после, и через глотку уже Артема, проткнула их одной и на троих же розой, как пулей и тот еще Джек, не Дэниэлс, *построивший дом*, прямо же что и Анной, стеблем и их шеи, а бутон оставила в глотке. «Человеческая многоножка» – уступила «человеческой розе» и «мясу на вертеле», «*Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю*», впрочем, как и всегда, не всегда же лишь – после *по горлу* и вниз, забивая проход и доступ кислороду: лепестками; и *удушая*.

– Ну и так, что?.. – Не удержался Влад. – Узнаешь *свое* дитя, м?.. *Дитя тьмы!*.. У-у-у. *Твое* влияние, Егор. На... *тебя* же. *Егора* и... в юбке. Дем, и *буквально*, чувак: да-к ты же еще – и педофил, получается!.. Получае-шься. Егор-Егор...

– Заткнись, Влад. Не до тебя!..

– Считаешь?.. Все-таки: Какаси Хатакэ? Или... Кака-ши. Хатак-е! Неважно!.. Копирующий ниндзя?.. *Лишь?* Да ладно тебе!.. Она же – истинный обладатель сери... шарин... *гана*, короче!.. Этот!.. Саске... Саскэ. Черт. Ха!.. Утиха. Учиха... Один хрен!.. *По крови*. В отличие же все – и от некоторых; и «только».

– Влад!..

– Не-не!.. *Правильно*. Неужто, именно и В-д-М – нужно

было бояться?.. И не только: называть. «По имени»... А и еще из-за!.. Ну. Бугимена. Бабадука... «Боггарта»!.. Из шкафа. Ха!.. Тот же еще; и «скелет». Опять же... Кхм!.. Что сначала бы стал: дементором. А потом... Кстати, ты знаешь, в чем фишка – Люпина и... Луны? Пол-но-лу-ния. В облаках-тучах... Знаешь?.. «Знаешь»!.. Как и... Пеннивайза. И из... Субантры!..

И уже даже маленькая София обернулась к ним, поднося свой указательный правый пальчик к губам, так и не показывая им свою левую, *темную* сторону. Члены Совета же, как и девчонки, так и не реагировали: ни на нее, ни на отцов; будучи за- и очарованными, как раз таки, и *ей*. На что, к слову, ответило же вторых и повторное же все «*И-и-и*», но и не от вида самой малышки, хоть и *показалось*, опять же, что слюни пускали именно на нее, все же *любя* детей, пусть *пока* и иллюзорных: но и вот именно что – *детей*.

Если Егор создавал, как и создает, образы и во снах, пользуясь, как раз таки, еще и бессознательным, формируя места и действия, самих же персонажей, то София, пользуясь уже и сознательным, при этом и изменяясь же еще и сама, *как* в детстве, когда придумывала, как и все же *дети*, свой мир и вокруг, имея его еще и изначально внутри себя, так и *сейчас*, становясь еще и сама ребенком, буквально, *вынимала* это все из себя и практически даже вершила здесь самосуд: предстая в полумраке – маленькой *собой*. Но а что же – и при «свете»?.. Или: кто? Только лишь – предстояло узнать.

Как и то – каким образом он-а-о – могло быть видно одним, но и *не* видно другим: будучи «скрытым»; так еще и при *видимой*, по большей же части и остальным... всем, «рабочей» правой стороне!..

Раздается крик, крик *троих*, и они резко пробуждаются – от пощечин Сергея и Александра, подорвавшихся к ним в непонимании; и тут же осевших обратно. Роза же – тут же срывается, негодуя, но и больше же все-таки мыча-бубня себе же под нос: *как* та посмела; да и вообще *смогла!*.. Никто ничего *еще* не понимает, но и где-то внутри же *уже* принимают. И только сама же София – вновь делает это «на бис», *обращаясь*, только уже без «влияния» и *еще пока* «экспериментальной части», что и без *практики*: так себе сосуществует; и со всем, всеми же и вся. Хотя члены Совета, как и все же остальные, впрочем, и без этого – неплохо так охрене-ахают: *то* же еще влияние – подтерло память, как и *вмешательство*, утопив их буквально: как в свете, так и тьме; переплетенных же еще и с *что-то* же с чем-то сиренево-ментоловым... в *огненно-рыжей* «окантовке». Андрей же – смеется: над их же все и приемом-лекарством и предоставле-выданном им же; тут же, правда, понимая, что и *не только* им, и все же. А брюнетка!..

...садится теперь уже и перед Розой, приняв свой «обычный» вид, и внимательно смотрит, как та трется ушами о соб-

ственные же плечи и пытается понять-принять, как, впрочем и Андрей и глаза, а Артем и горло: взвизгивая затем и от того, как и эта, с шипением и звериным рыком довыдернув все же и черный же цветок из ладони; с небольшим количеством крови, кусочков кожи и мяса, сняв одним махом с себя же еще и «рисунок» следом, перетекший и впитавшийся; буквально же еще и вытолкнувший сам наружу розу; вставляет той его в рот, пользуясь же еще и тем, где-то между, что Роза и продолжает же ей что-то кричать, а она и не слышит; не слушала раньше, не собирается и теперь, взаимно, тем более и начинать, первой и одной, из них же все и двоих; прокручивает его так и там несколько раз, после встает и отступает к дивану спиной, рассматривая. Ну а в следующий же миг и с рывка – возвращается к ней и обнимает за шею, *так* сильно и крепко, что женщина даже уже и ревет, кричит и давится цветком, пытаясь же еще и отбиться: но и связанной же все еще – это выходит куда хуже, чем и *не*. Черный же бутон, в распущенном виде и с небольшим же еще да и тем же стеблем, как и черными шипами и листвой, утыкается в заднюю, внутреннюю стенку ее горла, гортань, и впивается в нее, входя в кожу, как нож в масло, разрывая плоть. Руками же сзади, и на ее же уже и бледной шее, брюнетка чувствует, как такому пусть и не совсем крохотному, но и достаточно же все бойкому стебельку удастся пробиться и прорвать той шею насквозь, изнутри: выйдя на затылке и через него – под уже и душераздирающий крик темноволосой. По ее коже затем

– бегут дорожки крови, смешиваясь: с первой и мясом!.. А девушка – все не может насытиться ощущением главенства: *жертвы* над хищником. Но и все же отпускает, спустя пару, а то и тройку минут и отходит: только тогда, когда Роза уже и сама падает в приступе удушья на нее, поначалу, а в конце – и к ее же ногам. Ведь София ее не ловит, так что та валится на ковер, теряя сознание!.. В то же время, как и черные лепестки – досыпаются в ней; и полностью перекрывают – дыхательный проход!

...с шипением и звериным рыком довыдернув все же и черный же цветок из ладони; с небольшим количеством крови, кусочков кожи и мяса, сняв одним махом с себя же еще и «рисунок» следом, перетекший и впитавшийся; буквально же еще и вытолкнувший сам наружу розу; швыряет оторванный бутон, *как* и «головешку», в камин!.. И та вновь кричит, уже даже и оборачиваясь, на что уже и София смеется с нее и ее второго же уже по счету «попадания на кликбейт»; повелась же, опять и снова, что ж, и впрямь идет на рекорд; и демонстрирует ей не «брошенную», целехонькую розу: но и не потому что «хороша». Женщина же тут же и прямо-таки требует вернуть ее ей, но и девушка же уже «профи»: отказывает, отвечая-говоря, что Анна, *действительно*, хочет домой, но и не к ней, в нее, как, и опять же все, по-казалось вначале, дом же ее – не здесь: не где она или они же все сейчас, где *она*, где ее душа и... «поместится»; ну а здесь же,

как и почти везде, и даже где она быть и *не* должна, она, как еще Егор и говорил сам, в каждой бочке затычка. И даже ее «кольцо-браслет» и то – об этом говорит: ей тут и уже *давно* – не место!.. Ей нужен – *свой* дом. И она – туда отправится, *имеет право*: ведь и у каждого зла, «порока» – есть причина, как и нечто доброе; как и каждому же еще назначен – свой ад!.. Она хотела – семью: мать и отца. Но, вот, и только: что та семья, что и, вот, эта – не оправдали ее ожиданий; и ей *лучше* – одной. *Самой!*.. И стать, *быть* себе же – семьей! *Пока*. И-ли: совсем. А насчет розы, как *и* цветка – она бы скорее отдала ее отцу или оставила себе: но первый – сам же еще не примет, а она же – уже и с удовольствием-удовлетворением, ведь и не так сильно ненавидела, как та и его, и да, как и не любила, как и ее, и она сама же ее, но и с оговоркой же, что и в отличие же все от Розы: «не» в кавычках, если уж и не скобочках!.. Затем вскакивает на месте, окончательно *поднимаясь*, отходит от нее, оправляя одежду, и направляется на второй этаж, прыгая со ступеньки на ступеньку, под еще больший шок и тишину, молчание, нависшее и повисшее над и между окружающими, и, крутя меж пальцев правой руки черный шиповатый стебель, так еще и напевая себе под нос что-то наподобие «*Гори-гори ясно, чтобы не погасло!*..», ошипывает его, срывая лепестки, словно бы и ромашку, про себе же уже нашептывая и на каждый же брошенный под ноги: «*Любит. Не любит...*». На что уже затем и Влад, первым и все же выйдя более-менее из коматоза, кричит ей,

и ото всех, конечно же, что: «*Это же – не ромашка. И!.. Прости*». Но а она же уже и на это, в ответ, не растерявшись, что: «*Вы бы ничего все равно не смогли сделать – раньше. Кардинально!.. Я вас за это, да и ни за что, в принципе-то, не виню. Да и к тому же – вы же все равно что-то, где-то и как-то да делали, чтобы, и по итогу же, вот, все: прийти ко всему же этому – не позже. В свое время!.. А это – больше, чем могло случиться; и я же сама – могла просить и представлять, представить. Спасибо, что вы есть, будите; а и главное – были тогда. И не оставили. Как и: не отставали-отстали!.. Надеюсь – на это: и впредь. М-хм?.. “Встретимся в Риме”. И я знаю: но и наша же история – не о ней!..».* И каждый вновь понял исключительно свое: «**Не о “цветке”... Не о любви**». А кто-то же еще: и принял!..